

ДНЕВНИКИ
СВЯТОГО
НИКОЛАЯ
ЯПОНСКОГО

IV

ДНЕВНИКИ
СВЯТОГО
НИКОЛАЯ
ЯПОНСКОГО

1917-1918

ДНЕВНИКИ
СВЯТОГО
НИКОЛАЯ
ЯПОНСКОГО

ТОМ IV

ГИПЕРИОН
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2004

ББК 86.372.24
Н635

Издание настоящей книги осуществлено при поддержке
Фонда Ниппон
Publication of this book was supported by Grant-in-Aid from
the Nippon Foundation

Под редакцией
Кэнноскэ Накамура

**Н635 Дневники святого Николая Японского: в 5 т. /Сост. К. Накамура.
Т. 4. — СПб.: Гиперион, 2004. — 976 с.**

Настоящее пятитомное издание представляет собой первую полную публикацию огромного дневника, который на протяжении всей своей жизни вел основатель русской Православной миссии в Японии архиепископ Николай Японский (1836–1912).

Четвертый том дневников охватывает период с 1899 по 1904 гг.

ББК 86.372.24

ISBN 5-89332-090-5

ISBN 5-89332-094-8 (IV т.)

© К. Накамура, сост. текста, коммент., вступ. ст., 2004

© РГИА, 2004

© Издательство «Гиперион», 2004

ДНЕВНИКИ
СВЯТОГО
НИКОЛАЯ
ЯПОНСКОГО

ТОМ IV
(с 1899 по 1904 годы)

Краткий Миссийский дневник. *Продолжение*

1899 год

1 / 13 января 1899. Пятница

Пробуждение от сна неприветливо встретил новый год: дождь и пасмурность, тогда как доселе стояла такая прекрасная погода. Служили Литургию мы с о. архимандритом Сергием и три японских священника; о. Феодор Мидзуно говорил проповедь. В Церкви, кроме учащихся, почти никого. После службы поздравили в алтаре служащие, потом они пили чай, приготовленный с «Синкайкёку». — Явился еще совсем неожиданный поздравитель: бонза, бывший здесь в прошедшее Пасхальное богослужение.

— Прошу тебя секретно сообщить мне, — начал он за стаканом чая, — ты тратишь столько денег на распространение своей веры, — это в видах завладения нашей страной?

В это время вошли проститься, напившись чаю, отцы Павел Сато, Мидзуно и прочие. Я повторил им вопрос бонзы, — все рассмеялись. Дал я бонзе книжку сочинения о. Павла Сато для руководства к познанию христианства, угостил его японским обедом и простился с ним.

После полдня были поздравители — наши русские: князь Лобанов, генерал Янжул, морской агент Чагин и прочие.

Вечером, с шести часов, всенощная, которую пели и читали семинаристы, — в первый раз они исключительно, и превосходно; иногда теряли тон за неимением камертона, который после службы я велел Кавамура одолжить им, пока выпишу.

2 / 14 января 1899. Суббота

С шести часов утра Литургию пропели двухголосно семинаристы очень исправно, часы и Апостол читал тоже семинарист Иоанн Хитоми; потом они же пропели панихиду, на которой, уже не в первый раз, упоминалось имя Высокопреосвященного Палладия, митрополита Санкт-Петербургского, благоволившего к Миссии.

Потом начались классы, а у нас с Павлом Накаи перевод. Но только что засели мы за паримию на новый год, как пришли сказать, что в Семинарии, на классе физики, учитель Янагита, во время своей лекции, упал, вынесен из класса в учительскую в бессознательном. Я думал, что это обморок, и продолжал свое занятие, как пришел начальник Семинарии Сенума сказать, что Янагита помер. Ни минуты не было потеряно, чтобы призвать доктора, когда он упал; кстати, и доктор же рядом, и притом профессор Университета — Сасаки; он тотчас пришел; употребил все возможные средства к возбуждению жизни, но тщетно; не замедлил и другой доктор, наш училищный, и тоже произнес смертный приговор. Пошел я вслед за Сенума в Семинарию; лежит на полу в учительской, окруженный всеми профессорами, Янагита как будто спит, — смерть еще не успела наложить своей роковой печати на лицо; с одной ноги снят носок, тут же лежащий, — второпях кто-то стащил, не зная, что делает; я указал на это, и Хигуци Емильян принялся надевать; глаза закрыты, но рот открыт, — я сказал, чтобы подвязали подбородок, что сейчас и сделали.

— Известили ли жену? — спросил.

— Она уже здесь, в Семинарии, сидит вот там, — ей сказали, что муж заболел, чтобы не испугать разом, — исподволь готовят к поразительной для нее вести, — объяснил Сенума.

Постоял я — грустно очень, даже и похоронить его с молитвою не можем, — не христианин; сказал, чтобы учеников его классов отпустили проводить его тело из дому его до могилы, и ушел. Печальное начало занятий нынешнего года. Что-то обещается дальше? Бог весть! Закрыта для нас книга будущего. И слава Богу за это!

3 / 15 января 1899. Воскресенье

Обычная служба. Потом занятия отчетами. — О. Фаддей Осозава приехал из Оотавара, чтобы представить свое прошение об отставке. Но, к великому удовольствию моему, он значительно поправился. Говорит, что доктора ошибочно лечили его от чахотки, которой у него нет; нынешний доктор напал на его настоящую болезнь, от которой успешно и лечит; голос у него восстанавливается, хотя долго говорить не может. Я положил его прошение под сукно на месяц; если выздоровление пойдет вперед, то он будет служить по-прежнему. Посоветовался я с ним, как разделить его приход на время его лечения между отцами Романом Циба и Феодором Мидзуно. Положили вызвать Игнатия Мацумото в Токио, ибо он недавно писал о. Фаддею, что у него в Курури нет слушателей. Здесь, по испытаниям, он может быть поставлен диаконом к Собору, а потом и священником.

4 / 16 января 1899. Понедельник

До обеда обычные занятия: в школах ученье, у меня перевод.

После двенадцати часов приходит Никон Мацуда, первый ученик в старшем классе Семинарии:

— Пришел с просьбою: одолжите денег ученикам.

— На что?

— На цветы к гробу учителя физики, которого сегодня хоронят.

— Вместо вас всех я дал на похороны: двадцать ен (пятнадцать ен его жалование за январь и пять ен так). Вы люди бедные, зачем вам тратить-ся, да еще в долг? Довольно будет, если проводите его до могилы.

— Но ученики непременно хотят, мы возвратим занятое.

— Неблагодарная трата, коли средств нет. Не дам.

Ушел, но мне после жаль стало; следовало бы дать им не в долг, а так — на цветы.

Приходил Илья Косуги, восемь лет тому назад с грубостью оставивший семинарию пред самым выпуском из нее, проситься на церковную службу. Сказал ему то же, что уже два раза говорил Сенума, чрез которого он доселе просился: пусть брат его, священник Павел Косуги, попросит за него, с ручательством, что он будет служить Церкви; и пусть затем Илья поступит в Катихизаторскую школу для повторения догматики и прочих богословских наук, необходимых катихизатору. Если он поспешит сим и если потом прилежно займется, то, вероятно, в следующем июне будет в состоянии выдержать экзамен на катихизатора.

Вечером приготовил проповедническую статистику за минувший год. Крещений с Собора всего 271, меньше, чем в предыдущие многие годы. А я, когда на Соборе прибавил содержание катихизаторам, льстился надеждою, что они за то явят особенную ревность. И выходит, что от размеров содержания несколько не зависит успех проповеди. Иметь это уроком на будущее время.

5 / 17 января 1899. Вторник

Школьных занятий не было по причине похорон сегодня дочери Императора. Я весь день занимался отчетами.

За всюнощной вдруг увидел катихизатора из Мито, Фому Оно. Почему, думаю. Подходит после всюнощной тут же в Соборе.

— Дело имею к Вам, — говорит.

— Что за экстренное такое дело?

— Переговорить насчет ученика Семинарии Кавамата.

— Что же такое?

Затянул он, по своему обычаю, длиннейшую речь, из которой не зрялось мысли, точно из тумана просвета.

— Да сущность в чем? — спрашиваю.

— Кавамата не хочет поступать приемышем в дом, куда его прочили, а хочет по окончании образования служить Церкви.

— Доброе желание. Что же дальше?

— Дома говорят ему, что не будут больше содержать его.

— Вы-то тут при чем же?

— Я приехал объяснить это.

— Это можно было сделать письмом; даже и не письмом, а «хагаки», достаточно было бы, чтобы объяснить это. Зачем Вы из-за такого пустого предлога оставляете Вашу Церковь? Завтра такой большой праздник, а в Мито христиане и общественной молитвы не будут иметь из-за Вашей отлучки.— Да это совсем и не Ваше дело. Пусть родители Кавамата напишут мне об этом. А с Вами мне и говорить об этом нечего.

Вернувшись из Церкви, я застал у себя «коочёо» Сенума — тоже трактовать о том, что Кавамата хочет учиться для поступления на церковную службу, а родители лишают его за это содержания. Сказал Сенума, чтобы истребовать у родителей свидетельство, что они отдают сына на службу Церкви, тогда и будет принят на церковное содержание.

6 / 18 января 1899. Среда.

Богоявление Господне

Утром было крещение, между прочим, дочери Ивана Акимовича Сенума и его супруги Елены, которая, как молодая мать, пресмешно обращается с своей дочкой, точно с куклой,— все смеется на нее и тормошит, хотя та спит невозмутимо. Нет приятнее подобного зрелища — матери, возищейся с своим чадом, и какое это драгоценное чувство творец внедрил родителям,— любовь к своим порождениям!

Холода настоящие крещенские; оттого, должно быть, и в Церкви мало было: впрочем, благочестивые люди все пришли и с любовью брали освященную воду в сосуды для своих домов. Между прочими встретился на крыльце, выходя из Собора, Иов из Одавара (что был в «Сооси»), столь ссорящегося с о. Петром Кано; сунул под благословение свою дочку и показывает в платке бутылку с святой водой. «Вот, пришел взять святыни для своей хижины»,— говорит. Я его благословил и дал просфору. «А примирился ли?» — Спрашиваю.— «Нет еще, но на пути к тому»,— отвечает.

Вечером не переводил, а занимался отчетами, чтобы поскорее кончить дело.

С сегодняшней Владивостокской почтой пришло известие, что Финляндский архиепископ Антоний назначен Петербургским митрополитом. Каков-то будет для Миссии? От Петербургской митрополии немало зависит благосостояние ее. Без Высокопреосвященного Исидора, вероятно, Японской миссии и не существовало бы.

7 / 19 января 1899. Четверг

Регулярные занятия по школам. Представлялся новый учитель физики Мацуми, брат математика, некогда преподававшего и у нас.

Мы с Накаем переводили паримии.

После обеда перечитал письма; все больше еще поздравительные, или описательные празднований; из Маебаси, например, красноречивое письмо Павла Оонума, в котором, между прочим, говорится, что у них на Рождество во время Литургии молился, да еще, кажется, в облачении, епископальный миссионер иностранец, и очень усердно кланялся в землю; описывается «фукубуки», не совсем благочестивое, видимо, по неразумению.

Есть два письма с Формозы, одно из Кореи. Последнее от Спиридона Араи; просит выслать на его счет стихарь в его родную Церковь в Накацу; сетует, что православной проповеди нет в Корее, тогда как протестанты и католики охватывают сетью страну.

О. Павел Савабе из Сиракава вернулся. Христиане тамошние прислали прошение, чтобы о. Савабе часто посещал их, ибо о. Тит редко бывает у них. О. Тит приложил от себя просьбу о том же. О. Павел, на спрос мой о сем, изъявил готовность; почему христианам отвечено, что по их желанию будет.

О. Савабе говорит, что нужно поставить священника для Сиракава с окрестностями. Пусть подготавливает к сему Иоанна Оно, теперешнего катихизатора в Сиракава. Он кончил курс Семинарии, в поведении безукоризнен, женат весьма удачно (на дочери о. Иоанна Сакай); ему теперь двадцать семь лет — чрез три года может быть поставлен во священника.

Был протестантский конгрегационалистский катихизатор и вместе издатель христианской газеты, Хацихама. «Пришел, — говорит, — для назидательной беседы и прошу убедить японский народ: 1. касательно того, что Бог есть личное Существо; 2. касательно существования загробного мира и 3. касательно целесообразности человеческих бедствий и страданий». Видно, что сам страдает сомнениями во всем этом; но очень симпатичный молодой человек. Я с большим удовольствием беседовал с ним часа полтора. Кое-что из разговора он старался записать. Родом он из Окаяма-кен и знает Исайю Мидзусима, брошюрами которого я снабдил при прощании, пригласив и еще бывать у меня.

8 / 20 января 1899. Пятница

Между письмами одно — из «Loren's Land», от доктора Александра Сугияма: описывает путешествие и прибытие к нему его жены, Софьи,

и их нынешнее счастье после долгой разлуки. Дай Бог ему прочность чувства его жене, вполне достойной женщине!

Из Хакодате прибыла Ольга Таира, вдова Павла, обладательница кирпичных и черепичных заводов там; привезла свою племянницу, двенадцати лет, и дочь Анны Хингамура, когда-то воспитанницы нашей Женской школы, ныне учительницы в Хакодате, тоже двенадцати лет, в Женскую школу сюда; по четыре ен будет плата за них ежемесячно. Ладно. Иначе не следовало бы принять, особенно последнюю, мать ее не отличается благочестием и не платит за благодеяние своего дарового воспитания здесь, хотя учительница для языческой школы хорошая.

Петр Исикава, редактор, приходил; просят его в Одавара — мирить немирных с о. Петром Кано. С Богом! Снабдил его надлежащими сведениями; но дал наставление — непременно снести предварительно с о. Петром Кано — конфиденциально.

9 / 21 января 1899. Суббота

Утром, после Литургии, служил панихиду по Высокопреосвященному митрополите Палладию, рабе Божии Павле (Таира, о молитве за которого просила вчера его вдова Ольга, пожертвовав на Церковь десять ен) и прочее.

Составлял, между прочим, план Праздничной Минеи, издание которой ныне предполагается. Не так легко, как полагал. Все перевести, конечно, еще нельзя; но что напечатать? С самого начала: новый год, и предрождество Рождества Христова, и священномученик Игнатий Богоносец, — как соединить эти службы? Толковали с о. архимандритом Сергием; определенного плана не нашли; придется ответственность взять на себя.

10 / 22 января 1899. Воскресенье

После обеда была христианка из Сукагава, где Василий Сугай катихизатором, — с своими родными: молодым человеком и девушкою, живущими здесь, в Иидамаци, слышащими всегда звон соборных колоколов; первый был, говорит, два раза у нас в Соборе, вторая — ни разу.

- Какой буддийской секты вы? — спрашиваю.
- Никакой, — отвечают.
- Так какой же веры?
- Никакой!

Так говорит молодое японское поколение ныне вообще.

Произошел разговор, в начале которого улыбались, потом были серьезные. Дал брошюр и адрес катихизатора Симеона Томии, живущего у них под носом.

11 / 23 января 1899. Понедельник

Множество писем, и ничего замечательного; по обычаю, несколько просьб о деньгах или же печальное; Поликарп Исии просит денег, о. Петр Сасагава просит денег; о. Морита извещает, что катихизатор Петр Кураока болен и просит послать его из Маэбаси в теплое место (как будто не везде зима!).

Не могу ли я пожаловаться иногда моему дневнику? Больше кому же? — Чувствуешь себя иногда точно разобраным, как дом разобран и раскидан на части. Что может быть несчастнее такого состояния? Вот в таком я ныне; и раза три-четыре ежегодно бывает тоже. Отчего? Нападение ли искушителя? Собственная ли утомленность? Или неободоряющие обстоятельства? Вероятно, все вместе. Враг нашего спасения разве дремлет? Скучным многолетним однообразием разве нельзя утомиться? А ободоряющее где же? Из всех Церквей один напев на минорный тон. И при всем этом — вечное одиночество! Кремень о сталь дает искру; где же моя сталь? Вот архимандрит Сергей здесь. И какую недостоиную роль мы оба с ним разыгрываем! Он ни слова, что писал в Россию о вызове его отсюда, я ни намека, что догадываюсь о сем. По крайности, хоть декорум соблюдается; иначе, что бы говорить с ним? А не говорить как же, живя в одном доме, служа Литургию вместе! Даст ли мне Господь, хоть перед смертью, видеть здесь сотрудника себе? Или погибнет дело Миссии и с ним моя душа, как бесполезно прошедшая поприще жизни? Что может быть тяжелее таких дум и сомнений!

12 / 24 января 1899. Вторник

Разделил приход больного о. Фаддея Осозава между отцами Феодором Мидзуно и Романом Циба; первому, как более строгому, даны наиболее ленивые катихизаторы, как Иоанн Катаока здесь, в Фурукава, и Тихон Сугияма в Симооса; даны и другие в Симооса; впрочем, как слабому, назначено меньше; он, впрочем, и этим недоволен, — еще меньше желал бы, тоже изленился.

Был с визитом Rev. Gardner, с супругой. Расспросил у него о построенном им Соборе, их — американско-епископальной — Церкви в Кёото. Земли у них там 2.400 цубо, по шесть ен цубо приобрел, и на лучшем месте в Кёото; стали покупать десять лет тому назад и постепенно скупили столько — у двадцати разных владельцев. Собор построен им на тринадцать тысяч ен. Окна, которым я подивился, когда летом снаружи видел Собор, составлявшие гербы Императора, полиция попросила их переменить, что они и сделали; ныне окна крест изображают; но и сей вышел как-то похожим на герб князя Сацумского, так что (говорит Гарднер) и этот, пожалуй, попросят переменить. Живет ныне при Соборе там Bishop Williams. Святой человек по жизни этот бишоп, но завзятый

враг святых изображений: в Соборе не позволил и креста изобразить, а только допустил изображение винограда и колосьев как символов элементов для Тайной вечери, — по рассказу Rev. Gardner'a. Чем сей бишоп отличается от русского заклятого раскольника-суевера? Крайности сходятся!

13 / 25 января 1899. Среда

Утром вид из окон был совсем русский: все покрыто обильным снегом; безветрие позволяло снегу держаться на всех ветвях и на всем, куда он падал, что придавало особенную прелесть виду.

Катихизаторам о. Фаддея разослали письма, что они поступают, до его выздоровления, в ведение отцов Мидзуно и Циба.

Иван Акимович Сенума приходил сказать, что просят для выставки на Киусиу (в честь Дзинму-тенноо) фотографии Семинарии. Негативы у фотографа с запрошлого года, кажется, хранятся — пусть возьмет снимки с них и отправит.

14 / 26 января 1899. Четверг

Без паримий не обошлось ни в Минеи, ни в Триоди; и потому, чтобы постоянно не перескакивать от стихир к паримиям и, наоборот, при переводе, мы с Накаем сегодня принялись за Паримийник с самого начала и не отстанем от него, пока переведем весь. Сегодня перевели первую главу Бытия. И трудно же!

15 / 27 января 1899. Пятница

Как ни бережешься, от простуды не уйдешь. Сегодня едва мог заниматься от головной боли, горловой и всякого другого простудного блага, когда поры все закрыты, испарины не добьешься.

Игнатий Мацумото просит священника в Курури, к воскресенью, чтобы крестить приготовленных им. О. Мидзуно отправился.

16 / 28 января 1899. Суббота

Болезнь усиливается, и заниматься еще труднее. Впрочем, быть может, болезнь исполняет и доброе назначение: чрез это усиленное отделение мокрот носовых и грудных органов, вероятно, очищается организм.

Какой-то наш христианин из Нагано, с ходатайством о. Андрея Меточки, просит купить у него много экземпляров компилированного им из иностранных источников сочинения «Синригаку», чтобы ввести его учебником в Семинарии. Тощая философская книжонка. У нас в семинарии

определенные учебники, сообразно программе предметов. И по философии — русский учебник, так как ко времени изучения сего предмета ученики уже достаточно разумеют по-русски.

От всеобщей вышел, когда началась проповедь, — кашель от холодного воздуха усилился до нестерпимости.

17 / 29 января 1899. Воскресенье

Ночь не спал от кашля и хрипения горла. Утром горло до того болело, что нечего было и думать о службе сегодня. Пред Литургиею заходил о. архимандрит Сергей; об этом и объявил...

[Пропуск в оригинале]

...пусть будет по их общему желанию. Павел Кураока — хороший катихизатор, и об нем следует позаботиться, если только это будет на пользу, — чахоточный он, кажется, как его младший брат Конон.

Был, вслед за ним, священник из Маебаси Павел Морита; совершил крещение семи человек в Оомия, недалеко от Токио, и заехал, чтобы переговорить о церковных делах.

— В Оомия ныне нужен церковный дом с молитвенной комнатой.

— Пусть; до четырех ен в месяц на сие разрешается.

— Нужен учитель пения. Нельзя без такового из Токио, ибо близко?

— Нельзя, ибо у вас есть Павел Оонума, специально для сего по Вашему приходу. Если из Маебаси несколько дороже по железной дороге до Оомия, чем из Токио, то дорожные будут даны от Миссии.

О. Морита очень хвалил нынешнее состояние Церкви в Маебаси. Неудивительно. Он умный и деятельный пастырь, поднять Церковь, где живет, может. Только надолго ли? Если бы он был еще «постоянным и благонадежным», то его можно было бы сделать благочинным для поднятия и других Церквей.

Принужден был сегодня позвать доктора, потому что простуда усиливается; спать нельзя от хрипения горла, какое положение ни примешь; половина головной кожи воспалена так, что дотронуться от боли нельзя. Заниматься переводом нельзя, чтобы не трудить горла. Арсенал лекарств.

Вечером была Марья Николаевна Устинова, жена Хакодатского консула, проститься перед поездкой в Россию (муж — Михаил Михайлович, с детьми Марией, четырнадцати лет, и Платоном, двенадцати лет, был для сего вчера). Обещала непременно вышить в России ковер — от престола до конца амвона — в Крестовую Церковь (3 аршина 14 вершков длиной, 1 аршин шириной), который она давно уже обещала вышить; для чего ныне и подробные размеры взяла.

19 / 31 января 1899. Вторник

День расчетный,— постоянный приход получателей частно — сверх того, что в канцелярии.— Петр Исикава, редактор «Сейкёо-Симпо», пришедши, между прочим, сообщил, что он переписался с о. Петром Кано о намерении отправиться в Одавара уговаривать немирных, согласно их собственному приглашению, но что о. Петр подозрительно посмотрел на это, находит в этом только новую махинацию немирных и советует Петру Исикава истребовать у них наперед подписку, что они искренно для мира приглашают его. Кстати, тут же пришел о. Павел Савабе. Он положительно того мнения, что «сам о. Петр неискренно ищет мира, в душе очень ненавидит тех, потому не пользуется представляющимися случаями к сближению и водворению приязни». Например, Петр Дзимбо, самый закоренелый, по-видимому, противник и хулитель его, встретившись с ним как-то, подходит под благословение; о. Петр,— «нет я тебя не благословлю, а прежде...» и начал объяснение, в конце которого намеревался благословить; тот сию же минуту вспылдил и опять стал ругать его. Или: в минувшие рождественские дни вместо того, чтобы, как подобает священнику, прямо пойти по домам христиан, он послал Павла Такахаши обойти дома немирных — спросить, примут ли священника с крестом? Иные отвечали, как Михаил Кометани,— «придет священник,— как же не принять?», другие, что «не примут», а все вообще с негодованием говорили потом: «Священник сам отказывается от своих прав; какой же он пастырь?» Но о. Петр даже и у тех, которые хотели принять его, не был. Таков рассказ о. Павла; говорили ему немирные из Одавара. Между прочим, о. Павел спросил:

— Можно ли исповедать и приобщить мать Михаила Кометани, которая просит его о том?

— Она прибудет для того в Церковь Коодзимаци к Вам?

— Да.

— Ехать для того Вам в Одавара никак нельзя, было бы уж слишком зазорно. И здесь-то, когда придет с ненавистью в душе к своему собственному священнику, какое уж будет таинство! Но что делать! Сколько мы старались исправить их, и пока все — тщетно! Между тем влечение к Богу не совсем погасло в них — искра доброй христианской веры хранится под пеплом и несколько согревает их. Будем снисходительны к ним! С Богом, преподайте таинства просящей, с теплым наставлением о восстановлении мира и любви к своему пастырю.

О. Петру Кано я тотчас же написал, чтобы он прибыл сюда, завтра или послезавтра, переговорить о церковных делах; нужно опять дать подробные внушения. Пусть также здесь, у меня, сговорится с Павлом Исикава, который от души желает помочь ему и может сделать то, если сам о. Петр не помешает. На беду, ума у него мало; рассмотреть и предсказать последствия самых простых вещей не в состоянии.

Вечером пришла за обычным месячным небольшим пожертвовани-ем на сиротский приют Иосифа Тадаки Софья, которою теперь и дер-жится приют. Иосиф в сентябре прошлого года уехал на север хлопо-тать о лесе на постройку дома для приюта и до сих пор нет его; по письмам лежит в Мориока больной; денег на содержание сирот не шлет ни копейки с самого уезда, и содержание приюта вполне на руках Софьи, которая и бьется как рыба об лед. Это истинно боголюбезная вдовица-филантропка. Она вдова доктора, из Мито, бездетная, ныне сорок лет; из богатого дома; пятнадцать лет тому назад сделалась хрис-тианкою, наученная катихизатором Павлом Косуги. Родных у нее мно-го, но все закоренелые язычники; все богатые; шесть родных братьев — иные чиновники, иные купцы. И у нее было порядочное родовое иму-щество, но ныне все истрачено на содержание сирот. В приюте ныне всех двадцать шесть человек, в том числе мать и сестра Иосифа и троих убогих. Из детей двое уже учатся в гимназии, но еще малы годами,— одному тринадцатый, другому двенадцатый; когда будет им по четыр-надцати, то примутся в Семинарию; отчего ныне и положено им по три ен содержания от меня. Девять мальчиков ходят в «сёогакко». Учатся все дети прекрасно. Любит Софья всех их, как самая сердобольная мать; они отвечают ей тем же.

В прошлом году, после статьи Петра Исикава в «Сейкёо-Симпо», многие Церкви прислали пожертвования на приют, чем значительно помогли. Пусть и ныне Исикава напишет. Раз в год к Церквям смело можно обращаться с просьбою.

Вечером о. Феодор Мидзуно прибыл из Курури: крестил там началь-ника полиции; жену и сына не мог — еще не знают учения; сын сей, пятнадцати лет ныне, предназначен отцом для поступления в Семина-рию. Игнатий Мацумото попросился еще остаться там на некоторое время — слушатели есть, не хочет бросить их. Пусть.

20 января / 1 февраля 1899. Среда

В сегодняшней почте, между прочим, две просьбы о деньгах, одна от христианина, другая от язычника; первый просит в долг (без отдачи) шестьсот ен, да настойчиво, наперед изъявляя негодование, если не будет исполнено: протестанты-де ссужают своих,— это и есть любовь, отсутствие которой я заявляю в себе, если не ссужу его. Ну что ж, и пусть идет к протестантам за их любовью. Второй, мелко не плавая, просит у Миссии «тридцать четыре ман», то есть триста сорок тысяч ен. Обоим и отвечать не стоит.

О. Алексей Савабе приходил сказать, что красильщик (сомея) в Фуд-зисава, просивший денег у Миссии на расширение своей профессии и получивший отказ, не рассердился на это. Спасибо! Жаловался еще о. Алексей на «бездеятельность по проповеди диакона Павла Такахаси;

занимается он более мирскими делами, вроде прислуживанья богатому Моисею Хамано, или же пустой болтовней; никогда не придет вовремя, если есть куда, на проповедь; никогда не сделает вовремя, что нужно по Церкви». Я советовал о. Алексею оштрафовать его вычетом из жалования — это единственный способ подействовать на него, многосемейного человека (семь человек детей). Но ведь о. Алексей, сам не менее плохой священник, чем тот диакон, не сделает того. Пусть уж!

Петр Исикава принес номер «Сейкёо-Симпо» с фототипией «Моления о Чаше». Сделана она для брошюры Исаи Мидзусима о молитве, но кстати и здесь; и просит Исикава позволения вперед к каждому номеру прилагать священную фототипию, — с тем, чтобы потом издать их особо, в пособие катихизаторам для проповедей; будет стоить ежемесячно не более трех ен. Живет! Пусть будет так.

Сказал Петру Исикава, чтобы написал статью о Сиротском приюте с обращением к Церквям за помощью для содержания его. Предлог — отсутствие Иосифа Тадаки и болезнь его в Мориока; птенцы в гнезде голодают, потому что питающий их пронзенный стрелой лежит в изнеможении далеко, и неизвестно, скоро ли оправится, — птенцы до того времени перемрут все от голода; итак, помогите! И так далее.

21 января / 2 февраля 1899. Четверг

Так как здоровье значительно поправилось, то утром разложил книг по столу, чтобы заняться переводом; но вдруг от Накая приходят сказать, что он захворал, лежит и не может сегодня прийти. Нечего делать, собрал книги со стола и занялся корреспонденцией. Написал прошение в Святейший Синод об увольнении из состава Миссии архимандрита Сергия и замене его человеком, который бы в основании других качеств, необходимых для миссионера, имел истинное расположение служить распространению Христовой веры у язычников. К прошению приложил в подлиннике прошение ко мне архимандрита Сергия, в котором подробно излагаются причины, по которым он просится из Японии. Написал также к о. Феодору Быстрову — с множеством заказов книг, крестиков, лампадок и прочего. После обеда оба пакета сданы на почту.

Был катихизатор из Хацивоодзи, Георгий Мацуно, очень просился в Токио, — так-де нет никаких успехов, и наскучило ему сидеть без дела. Это о. Роман, по своей глупости, вмешался не в свое дело. В Токио, в Кёобаси, переводится из Курури Игнатий Мацумото с целью испытать его и, если окажется исправным, поставить его диаконом, а потом и священником; но об этом никому не говорится пока. О. же Роман, зная желание Георгия Мацуно служить в Токио, известил и настроил его проситься. Едва уговорил Георгия остаться до Собора в Хацивоодзи, ибо здесь и в Гундоо довольно большие Церкви, оставить их без катихизатора, как пустое Курури, нельзя. Дал ему мое обещание на Соборе

употребить все мое старание о назначении его в Токио, хотя не поручился, что он непременно будет назначен,— иначе и Собор не имел бы смысла.

Был из Эма Моисей Исии, старик гордый, который поднял такую струшню, когда Иоанн Судзуки и Петр Уцида на прошлом Соборе дурно отозвались о Церкви в Эма, и удовлетворился не прежде, как получив от них извинение и отказ от своих слов. Христианин, исключая гордость, порядочный; в доме восемь человек — все христиане; приемышем у него Михай, младший брат кандидата Арсения Ивасава; богат; купил сегодня икону в серебряном окладе в шестнадцать ен, лучшую, как [?], в Миссни; Церковь свою в Эма очень хвалит; о прочих Церквях по соседству отзывается с большим пренебрежением.

— А инославные есть ли у вас? — спросил я.

— Были, да исчезли; протестант, кажется, есть один; католиков было когда-то немало, теперь их и след исчез.

[Пропуск в оригинале]

27 января / 8 февраля 1899. Среда.

В час снимались группой все служащие Церкви в Токио и старшины приходов по случаю отъезда о. архимандрита Сергия. Потом был — там же — Семинарии, в столовой, «сообществуй» — прощальное собрание ему. Речи говорили Иоанн Фуруяма — «печально-де расставаться с бывшим учителем, но там, в России, его ждет высший пост,— за него нужно радоваться»; о. Павел Сато, что «в Россию отсюда надо посылать для изучения христианской жизни»; о. Симеон Юкава, что «о. архимандрит Сергий приедет сюда и в третий раз, уже епископом». Между первою и второю речью было пение по-русски — сначала «Кукареку, пора вставать», потом «Да исправится молитва моя» и вслед затем речь самого о. Сергия, что «хотя Церковь здесь мало заметна [?] между католическими и протестантскими Церквями, но от этого нечего унывать, ибо Царство Божие не приходит наружно»; Спаситель сказал: «Царство Божие внутри вас есть», — словом, дичь плел, малосвязную и плохо идущую по случаю. Затем все сидели [?] долго, повеся носы, в ожидании, не скажет ли кто еще что, но охотника не нашлось, и потом пропели «Достойно» по-русски и разошлись.

Встал сегодня утром с флюсом, от боли одного зуба,— первый раз в жизни сие явление. Во время означенных церемоний простудился еще больше: жар, кашель, опухоль щеки еще больше — слезь не пришлось бы.

Для Женской школы, по просьбе Надежды Такахаси, куплена фисгармония, за двадцать пять ен, с ручательством на пять лет, или же поправки даром. Не жаль им! Отлично поют в Церкви.

28 января / 9 февраля 1899. Четверг

Флюс, катар горла, не дававший покоя от кашля. Едва мог одолеть переводные часы.

29 января / 10 февраля 1899. Пятница

То же.

30 января / 11 февраля 1899. Суббота

То же, только гораздо хуже, так что пришлось опять послать за доктором; микстура, пульверизатор для горла, йод для зуба.

Праздник японский сегодня «киген сецу». Вчера были все учащиеся за всенощной, сегодня за обедней с восьми часов.

Кавамура заказал, и сегодня принесли альбом японских видов, который о. архимандрит Сергей обещал отвезти от меня о. Феодору Быстрову, неустанному радетелю Миссии. Альбом стоит двадцать три ен, с пятидесятью видами, в изящных досках, из которых верхняя изображает гору Фудзи.

Скуку сиденья в комнате несколько развеял Исаяя Мидзусима, принесший для просмотра составленную им брошюру «Об Ангелах-Хранителях». Часа два проговорили с ним, развивая для него больше тему и указывая источники в Священном Писании. Уклонился он в сторону при рассуждении, напав на отвержение (протестантами) догматов; советовал выбросить эту главу, чтобы рассуждение не теряло единства; о «догматах» же (против протестантов) написать особую брошюру, — и развивал ему сию тему.

[Пропуск в оригинале]

Вечером в Церковь идти не мог, по завету доктора, чтобы еще больше не затянуть болезнь.

После всенощной в Семинарии было прощальное собрание (сообщушкой) о. Сергию, на которое ребята стянули с меня пять ен; наораторствовались, должно полагать, вволю.

2 / 14 февраля 1899. Вторник.

Праздник Сретения Господня

В последний раз сегодня о. архимандрит Сергей отслужил в Соборе Литургию в сослужении с отцами Семеном Юкава и Романом Цива.

После Литургии отпели ему путешественный молебен оба хора с сомнением всех бывших в Церкви. Я не был в Церкви — кашель мучил.

Пообедали потом мы с ним вдвоем у меня. Затем все время приходили к нему прощающиеся. В четыре часа он напился чаю у меня, и с час потом мы с ним беседовали. Друзьями расстаемся, ни разу ведь не поссорились; я никогда не видел его рассердившимся или сказавшим мне или кому-либо грубое слово; в первый раз в жизни встречаю такого человека. Завещавал ему и в России служить миссии вообще заграничной, — проводить везде, где можно, мысль о необходимости развития заграничного миссионерства и так далее.

В половине шестого он зашел ко мне проститься; заплакал; грустно было и мне расставаться. Немалая толпа собралась проводить его; но поехал он к о. Сергию Глебову, чтобы там поужинать и вместе с ним отправиться в Иокохаму.

Итак: *finita la Comedia!* Все, что не в пределах воли Божией, разве не есть комедия? А двукратный приезд и отъезд отсюда многолюбезного о. Сергия Страгородского — результат его доброты сердца и слабости воли, в взаимодействии с внешними толчками, — разве можно поставить на счет воли Божией? Было бы злочеханием.

С шести часов мы с Накаем занимались переводом, хотя кашель еще очень мешает.

3 / 15 февраля 1899. Среда

Петр Исикава, редактор, вернулся из Одавара; двадцать три дома немирных с великим усердием приняли его, всюду собирались слушать его поучения и «изъявили полную готовность помириться с о. Петром, ходить в Церковь к нему и ничего не иметь против него, только одно они не могут: иметь его своим духовным отцом, исповедаться, открывать свою душу перед ним». — Слава Богу и за этот достигнутый результат! Что ж, пусть исповедуются излюбленному ими о. Павлу Савабе. Только устроить это нужно так, чтобы не было соблазна. Сделаем так. Я вызову опять о. Петра Кано сюда и внушу ему любезно принять бывших немирных, когда Исикава приведет к нему в церковь, сказать им ласковое слово и между прочим: «Знаю, что вы стеснитесь пока открывать предо мною свою душу на исповеди; так я попрошу епископа прислать сюда другого священника исповедать вас; в Церковь же вы ходите, будем вместе молиться». И так далее. Таким образом, священник будет послан в Одавара для исполнения требы в пользу и закрепления мира, а не во вред; а со временем, даст Бог, и совсем мир и любовь восстановятся. — Исикава же отправится в конце сего месяца опять в Одавара и возговорит: «Мир с о. Петром вы обещали; для исповеди же будете иметь другого священника; это будет устроено, не беспокойтесь; только

исполните, что сказали: пойдите в Церковь помириться с о. Петром и помолиться вместе», — и приведет их в Церковь. — Затем священника для исповеди к ним не иного, как о. Павла Савабе; он сегодня и обещался послужить сему; ибо был здесь при изложении Петром Исикава своего дела в Одавара, нарочно вызванный для того им. Когда будет здесь о. Кано, я сведу его с о. Павлом Савабе, чтобы они объединились и возобновили между собой любовь и дружбу; ибо о. Кано подозревает о. Павла в нерасположении к нему и излишнем мироволении в немирным, а о. Павел тоже имеет разное против него. — Немирные наговорили Петру Исикава немало новых для меня обвинений против о. Кано. Например, «просят о. Петра приобщить больную в деревне Мацуда, — он не пошел, и умерла без молитвы», «в проповедях о. Петр прямо выставляет личности и чернит их, так что ныне христианки из немирного стада прямо заявляют, — „в Церковь не пойдём, ибо боимся злословия в проповеди“». До сих пор мне ни слова никто о сем; должно быть, преувеличено; впрочем, священнику нужно дать наставление.

4 / 16 февраля 1899. Четверг

Утром все оказалось белым от снега, и целый день без перерыва валил снег, так что к вечеру все улицы и дороги оказались занесенными снегом; Никанор пришел сказать мне, что Накаю трудно было бы прийти с его плохими ногами; я согласился с этим и послал сказать ему, чтобы не приходил; вместо перевода целый вечер писал отчеты.

Но нейдет из головы Одавара. Как быть? Очевидно, что о. Петр Кано не годен там. Не приготовить ли туда Игнатия Мацумото? А о. Кано взять в Токио, — «мол, в помощь о. Фаддею». Э-эх, новые христиане — слишком идеалисты; давай священника без всяких пороков, — но где же таковые?

5 / 17 февраля 1899. Пятница

Оосакский катихизатор Павел Сакума прибыл, чтобы отправиться отсюда на службу в Маебаси. Просил взять его из Оосака, почему и сделано сие перемещение. — «Отчего не хотел служить с о. Сергием Судзуки?» — вопрошаю.

— Особенных причин не имею; он вообще человек хороший, но не умеет управлять Церковью. Все там в разладе. Явно образовались две партии: одна — о. Судзуки, другая — катихизатора Каяно; и в застое дело Церкви оттого; почти нет слушателей, никто из христиан не хочет находить их; мало ходят в Церковь. О. Сергей постоянно в разладе с церковным советом, — и так далее.

Почти то же, что в Одавара, и от тех же причин: христиане слишком высокого мнения о священнике, а он слишком низок; те не хотят спуститься, а он не может подняться. А и Семинарию кончил, и примерным по поведению был, и теперь есть; но не разумеет, как дитя, и не хочет или не может сделаться разумным.

Все, что можно сделать в помощь сему, это поставить о. Симеона Мии благочинным над о. Сергием Судзуки. Это и будет сделано на следующем Соборе.

Петр Исикава приходил: опять отправится в Одавара мирить христиан с о. Петром. Посему нужно опять вызвать сюда о. Петра, чтобы приготовить его к мировой. Написано ему, чтобы прибыл сюда в следующий понедельник.

6 / 18 февраля 1899. Суббота

После долгого невыхода никуда сегодня решился отправиться ко всенощной, хотя горло еще не пришло в нормальное состояние,— авось Бог помилует!

И хорошо, что отправился,— без того вышло бы еще хуже. Отрезвонили, а священника ни одного! Циба и Мидзуно по Церквям в Симооса, Юкава остался служить в церковном доме в Асакуса, не зная, что он здесь нужен, Сато готовит к завтраму проповедь и потому не счел нужным идти ко всенощной. Побежал Кавамура к нему и возвращается без определенного ответа от него, придет ли — «я завтра проповедую», говорит. А богомольцы ждут начала богослужения. Облачился я в епитрахиль и в омофор и начал с дьяконом всенощную. Во время каждения о. Павел Сато пожаловал в алтарь. Кончивши кадить, по закрытии Царских врат, я сурово велел ему скорей облачиться, и он продолжил богослужение. Между тем Кавамура съездил в Асакуса узнать, может ли служить завтра Юкава, не болен ли, и вернулся с ответом, что Юкава завтра Литургию служить будет; значит, мы с ним вдвоем совершим богослужение; о. Павлу я сказал, по окончании всенощной, чтобы он говорил завтра проповедь.

Была София Китагава, заведующая Сиротским приютом. Рассказала грустную повесть. Не получая полгода никакой помощи от Тадаки Иосифа, отправилась к нему, в Мориока, узнать, что с ним. Нашла его растолстевшим, но в скверном положении: близок к тюрьме. Отправился хлопотать, чтобы дали ему леса для постройки Сиротского приюта. Посредством разных махинаций получил он лес, стоящий тысяч пятнадцать; вошел в долги для того, что роскошно угощал властей; до тысячи ен задолжал в чайнии будущих благ. Но нашлись люди, взглянувшие на дело иначе, чем те, которых он угощал; обжаловали, что лес дан ему противозаконно; его потребовали к суду, и ныне оный ведется. Тадаки, между тем, живя в Мориока, занялся практикой ходатая: одной деревне,

также в Ивадакен, за тысячу пятьсот ен взялся выхлопотать владение спорным лесом и выхлопотал, так что ему на днях предстоит получить тысячу пятьсот ен, посредством которых он надеется выйти из своих долгов, хорошо направить свою пользу и помочь Сиротскому приюту. Но получит ли? В этом ныне весь вопрос. Это решится на днях; к конце же сего месяца будет окончательно уяснено, Тадаки бросает свой Сиротский приют или нет? София, кажется, сильно сомневается в успехе его дела и не раз упоминала: «Не попал бы он в „кураки токоро“». Что потом? На приюте ныне долга триста ен,— за рис и в другие лавки; София, видимо, не унывает, говорит, что у нее остается триста-четырееста ен по наследству, у родных; значит, пока еще дело не отчаянно; затем некоторая надежда на Церковь — «сделать-де приют общецерковным учреждением, дитятей Церкви». Но много ль это даст?..

София рассказала еще, что прежде чем отправиться к Тадаки, в Мо-риока, она должна была побыть у себя, в Мито: известили ее, что умер ее родной отец, восьмидесятитрехлетний старик; она отправилась отдать ему последний долг, проститься, но три дня не могла пребыть до погребения его,— приют ни на кого не оставила в Токио,— и не на кого было; старший брат ее выругал ее за это ругательски,— «не чтит-де отца».

— Как же я не чту? Бросила все, чтобы попрощаться с ним. Но он в Царство Небесное не попадет (умер язычником),— что ж я могу сделать для него? И об нем, мертвом, есть кому позаботиться; а о живых, которых я бросила, кто позаботится?

7 / 19 февраля 1899. Воскресенье

Утром шел мокрый снег и было так сыро и холодно, что я побоялся служить, чтобы не растревожить еще не совсем зажившего горла; так был в Церкви.

Генерал Николай Иванович Янжул, военный агент наш, приезжал проститься,— едет в отпуск; он уже проводил семейство свое до Кобе на том же «Sidney», на котором отправился о. архимандрит Сергей, и вернулся по железной дороге, чтобы закончить здесь дела свои. Японские власти очень любезно провожают его: военный министр давал ему обед. Великие князья одарили своими портретами. Мнение Янжула, что японцы в военном отношении опасные враги нам, но в войну Японии с Россией он не верит. И хорошо делает!

8 / 20 февраля 1899. Понедельник

О. Петр Кано прибыл в половине двенадцатого часа. Я тотчас же оставил перевод, чтобы переговорить с ним. Сказал ему, что Петр Исикава

вчера отправился в Одавара, чтобы окончательно убедить немирных помириться с ним. Если ему это удастся, то он приведет их к нему, о. Петру, в Церковь, чтобы тогда он принял их весьма ласково и в объяснение тотчас же заговорил: «Думаю, мол, что вам, быть может, стеснительно будет тотчас же открывать предо мною душу в исповеди; но на этот счет будьте покойны,— я попрошу епископа прислать сюда другого священника, чтобы исповедать вас»; — пусть непременно предложение о сем выйдет от него, а не от них; иначе могут истолковать, что они, не желая у него исповедаться, вытребовали другого священника, что было бы дурным прецедентом для других Церквей, где не всем нравятся свои священники. Говорил ему, чтобы вперед был осторожен в проповедях, не позволил себе личных намеков на кого-либо, чтобы смотрел на о. Павла Савабе как на благожелателя себе, а не как на сторонника немирных, и прочее. О. Петр отлично все принял.

По прибытии его сюда тотчас же была послана телеграмма к о. Павлу Савабе, чтобы пришел сюда. Он во втором часу пришел. Переговорил с о. Петром у меня. О. Петр с благодарностью принял участие о. Павла в умиротворении его Церкви, и дали они друг другу обещание действовать дружно, во славу Божию. О. Павел, когда позван будет, поисповедует мирящихся, но Литургию, за которой причастят их, будут совершать вместе — отцы Петр и Павел. Потом они — помирившиеся — будут ходить в Церковь на богослужения о. Петра и приглашать его для исправления треб, хотя для исповеди, вероятно, о. Павлу Савабе предстоит еще не раз побыть в Одавара. Облобызались все мы и любезно расстались в два часа. О. Петр тотчас же отправился в Одавара, чтобы быть готовым принять мирящихся, если придут. Быть может, однако, ныне еще не состоится сие; тогда состоится при следующем визите туда Петра Исикава, как у нас и было говорено о том.

Надежда Такахаси была (со счетом за исправление фисгармонии) — и следа нет сердитой и злобной Надежды. Опять я узнаю в ней невесту Христову. Убеждал вперед не давать диаволу совращать ее с пути смиренной и кроткой христианки.

Перестал употреблять пульверизатор — горло почти совсем здорово.

9 / 21 февраля 1899. Вторник

Иов Накацука привел ко мне из Собора того язычника из деревни в восьми ри от города Циба, который пожертвовал одновременно уже больше ста ен в храм, опуская при каждом посещении Собора в кружку по десять и более ен. Сегодня он тоже посетил Собор. На вид очень скромный, но с умным лицом, полный, одетый хорошо, сорока двух лет; веры «нициренсиу», но верует уже в Бога, управляющего миром; ясного представления о христианстве не имеет и жертвует по

тому же побуждению, по которому язычники жертвуют на свои кумирни, — чтобы снискать благоволение высшего существа. Я поговорил ему о Боге Творце — Небесном Отце нашем, открывшем нам Себя во Христе; обещал было катихизатора прислать к нему в деревню; но он, видимо, не желал того; дал ему книг для первого ознакомления с Христовой верой; звал опять сюда, обещал дальнейшие, более подробные книги.

О. Роман Циба вернулся из Симооса; похоронил старушку христианку в Тега, осмотрел Церкви в заведывании катихизатора Обата; в каждом селении есть добрые христиане; особенно хороша Церковь в Тега; Обата христианами любим, хотя везде как гость, ибо много мест должен обходить, — нигде не может остановиться надолго, оттого и успеха в проповеди язычникам почти нет.

Расплатился с доктором за лекарства (4 ены 67 сен) и визиты (по три ены за четыре визита двенадцать ен); а горло опять плохо; завтра, кажется, придется опять послать за лекарством.

10 / 22 февраля 1899. Среда

Слава Богу! Христиане Одавара помирились, наконец, с своим священником, о. Петром Кано. Петр Исикава имел на этот раз полный успех своей миссии. Немало ему помог Самсон Дзимбо, родной брат самого рьяного бывшего противника о. Петра Дзимбо. Самсон живет ныне в Токио, в Асакуса; в оба раза он отправлялся вместе с Петром Исикава в Одавара хлопотать о примирении. Он же первоначально и побудил Петра Исикава заняться сим делом. Ныне их хлопоты закончились успехом. Господь, конечно, помог в этом. Видно, что благодать Божия живет в Церкви Одавара, одной из первоначальных Церквей японских. Петр Исикава привел мирящихся в Церковь, предварительно побыв у о. Петра и условившись с ним о сем. Собрались и нессорившиеся в Церковь, так что Церковь была полна христианами. Извинились друг перед другом — о. Петр пред христианами, они перед ним. О. Петр показал себя при этом вполне достойным пастырем — был кроток, смирен, мягок; бывшие противники его, с своей стороны, явили, что лед вражды совсем растаял в их сердцах. Обменялись ласковыми речами, потом отслужили благодарственный молебен и в радостном настроении все разошлись. Дай Бог, чтобы это было прочно! Для исповеди бывших немирных о. Петр обещал им испросить туда о. Павла Савабе.

Когда Петр Исикава и Самсон, вместе пришедшие, рассказали мне все это, я также возблагодарил Бога за Его милость.

Самсона я одарил книжками и картинами из Священной истории; Петру Исикава подарил книгу, которую он пожелал иметь, — «О нравственности» Попова, — из книг, оставленных о. архимандритом Сергием.

Так как христиане Одавара горят желанием ныне расширить свой круг и имеют немало готовых слушать учение из язычников, то я обещал послать в Одавара катихизатора и тотчас же написал к Георгию Мацуно, в Хацивоодзи, чтобы он завтра прибыл сюда. Если у него и ныне, как он недавно говорил, нет ни одного слушателя, то он и пусть отправится в Одавара проповедывать вместе с о. Петром Кано.

Иоанн Ямануци, катихизатор здесь, в Токио, принес напечатанную (на церковный счет) свою брошюру «Киусиу Христос». Дал ему за труд сочинения десять ен.

11 / 23 февраля 1899. Четверг

Явился Георгий Мацуно.

— Вы меня вызывали. Какое дело?

— Вы недавно жаловались мне, что праздно живете в Хацивоодзи,— нет слушателей; хотели на другое место. Так вот, я хочу послать Вас в Одавара; там теперь очень нужен катихизатор; будет много слушателей.

— Но у меня теперь есть одна слушательница. Притом, как же оставить Хацивоодзи без катихизатора? Христиане будут очень опечалены.

— Вы не совсем оставляете Хацивоодзи, а по неимению дела там временно назначаетесь в другую Церковь, где много дела.

И так далее,— обычная история: сначала просятся вон, а станешь посылать вон, упираются. Так ныне и с Игнатием Мацумото, который не идет в Токио, а просился из Курури, так и с Мацуно. Положили мы, что если христиане станут очень удерживать его и пообещают ему слушателей,— пусть остается в Хацивоодзи; в противном случае отправится в Одавара. Пойдет посоветуется с христианами и даст знать.

О. Петр Кано пишет, что мир восстановлен, благодарит за хлопоты о сем; просит прислать о. Павла Савабе к первому воскресенью следующего месяца, чтобы исповедать помирившихся, потом прислать в Одавара катихизатора.

12 / 24 февраля 1899. Пятница

Павел Канасуги, из Симооса, описывает путешествие по Церквям о. Феодора Мидзуно; везде много слушателей. Пишет, между прочим, что катихизатор Филипп Судзуки болен, и просил о. Феодора напутствовать его, что о. Феодор и сделал, и хорошо сделал.— Едва я прочитал письма, в числе которых было сие от Канасуги, как у дверей раздался крик «денпо!» (телеграмма). От брата Филиппа Судзуки, должно быть, известно, что Филипп скончался,— просят священника и диакона для погребения его «сейсики»,— полным христианским обрядом. Тотчас же дана телеграмма, что о. Мидзуно еще там, в Симооса,— пусть он похоронит; телеграфировано также Филиппу Узава, чтобы о. Феодора найти

там,— где-нибудь в Церкви поблизости и направить в Асахимацци, для погребения Судзуки. Диакон же — Яков Мацуда отправится завтра утром туда с гробным покровом (к сожалению, старым, ибо хотя христиане Токио приобрели новый, из России, но я не имею права располагать им), со свечами и другими принадлежностями. Вчера только было послано содержание Филиппу Судзуки на третий и четвертый месяцы: тридцать енг; это послужит на расходы по погребению. А там еще у него жена и двое младенцев-детей; должно быть, и на них придется расходиться.

Катихизатор Фома Танака из Вакаяма пишет, что он, катихизатор епископальный и катихизатор пресвитерианский открыли втроем совместную проповедь против язычества,— слишком уж нападают там, в Вакаяма, на христианство-де. Приглашали и католического катихизатора присоединиться к ним, но он не захотел. Не следовало и Фоме единиться в проповеди с протестантами. Впрочем, ничего из этого не выйдет дурного, потому что и самая проповедь их, вероятно, не будет иметь никакого значения; если же оное окажется, то Фома не применит потянуть на свою сторону, потому что довольно силен против неверков.

13 / 25 февраля 1899. Суббота

Петр Исикава приносил на просмотр свою проповедь очередную, которую будет говорить завтра, и рассказывал, между прочим, как в Одавара, около стада овец наших, отпугнутых дьявольским наваждением от пастыря, постоянно ходили волки, стараясь расхитить их: пресвитериане устраивали проповеди для них, стараясь убедить присоединиться к ним, католический патер многократно наезжал из Иокохамы и посещал Михаила Кометани и других, представляя, что вот это, мол, и зло в православии — женатые священники, жены которых способствуют смутам, у нас-де не так,— священники одинокие, и потому пожалуйста к нам, и прочее. Но ни единого не перетасили к себе; христиане наши слишком сведущи и опытны,— знают, по сличенью, что православие — единственное истинное христианство. И благодать Божия к тому же хранила их. Теперь, кажется, волкам уж совсем нет дела.

Всенощная сегодня — до проповеди — продолжалась два с половиной часа. У Львовского тянуть — болезнь неизлечимая; сократить бы одни концы, то есть не тянуть заключительные слоги безобразно долго,— на полчаса была бы служба меньше. Сотни раз толковал о том ему, но куда! — Принужден был сегодня велеть на будущее время читать, а не петь песнь «Покаяния отвержи ми двери»; ровно десять минут поют ее,— на глас и на высоких нотах девчонки верещат, точно кошки.

Болезнь держала в комнате вплоть до сегодня. Завтра непременно буду служить. И от кошмара, кажется, освободинся, наведенного этими отцами, которых я извлек из России. Молюсь много лет, «чтобы Господь Сам избрал и приготовил проповедников для сей страны», и вдруг

вообразилось, что мне нужно усиленно хлопотать о том. Выхлопотал. Приехали. Уехали. Но пока уехали, с тех пор, как стали болезновать — один болезнями, другой скверностями, — сколько души утекло на них, души, которая производительнее могла бы быть употреблена на переводы и другое дело Церкви! А также и денег на жалованье им немало брошено в печь. Польза от них? От о. Андроника, быть может, некоторая для некоторых в Оосака. От хихича Вахаревича едва ли что перепало Церкви в нравственном смысле. Итак, нужно тверже веровать в Бога. Молиться и надеяться, что молитва не пропадет. А стало быть, вперед не хлопотать о миссионерах из России, а предоставить Богу удовлетворить сию нужду. Самому же, не переставая молиться, делать, что предлежит, без уныния, без вялости, без холодности к делу. Радостно почувствовал я все это за нынешней всенощной.

14 / 26 февраля 1899. Воскресенье

Превосходная погода с утра. Радостно было служить после столь долгого перерыва. Молящихся было много.

После Обедни Софья Китагава, приведшая своих детей в Церковь и на обед, который им дается здесь после службы, радостно сообщила, что Иосиф Тадаки получил лес для постройки сиротского дома, — лес большой, так что можно много продать дерева после постройки приюта, и прочие ласковости пишет он. Но — просит прислать ему денег на «ундоо» (хлопоты); и Софья сбивается кое-как, и посылает кое-что. — Не дал я сегодня ей ни копейки; вероятно, и та помощь, что давал ей недавно, ушла на «ундоо»...

Вернувшись в комнату после вечерней молитвы с учениками, нашел на столе пакет с протестантским циркуляром: «To the Churches and Christians Workers in Tokyo. Plea for a General Mission in Tokyo». Молились мы с прошлой осени об обильном сниспослании Святого Духа. И твердо верят ныне, что ныне «the Lord is with us». Приводят много доказательств тому (из которых ни одного нет убедительного). Предлагают ныне опять по всему городу молиться, проповедывать — и в домах, и в тентах, и на открытом воздухе, раздавать религиозные брошюры, и прочее.

Если бы все эти действия были не протестантов, почти совсем растерявших Христову истину, а православных, то, в самом деле, искомого бы обильное излияние даров Духа последовало! Но спит еще православие. Чрез сто лет, вероятно, и оно будет являться в подобных действиях, но результат будет иной!

15 / 27 февраля 1899. Понедельник

После полдня были из Одавара Михаил Кометани и Мацуо, главные из бывших немирных, ныне примирившихся с о. Петром Кано, —

благодарить от лица всех своих за хлопоты о примирении и извиниться за невежливость, оказанные во время немира. Видно, что рады устройству примирения, видно, что благодать Божия не оставила их. Я с большою радостью принял их, убеждал вперед не поддаться врагу-искусителю; подарил много книжек и послал чрез них книжки также их друзьям; дал по иконе и по иконке же послал в каждый дом примирившийся, причем мелькнуло немножко неприятное.

— Сколько домов? — спрашиваю. — Двадцать три-четыре? — (Как и говорил о числе домов Исикава, подробно все узнавший.)

— Тридцать четыре, — отвечает Коветани, видимо, приглнув.

Я дал тридцать четыре иконы (Божией Матери, небольшие, из Троицко-Сергиевой Лавры).

Был Мацумото Петр, из Оосака, возвращающийся из Нагаока и окрестностей к себе домой в Оосака. Его родина в Нагаока, где и поныне много родных его; говорил, что убеждал их слушать христианское учение у о. Метокси и некоторые будто бы ныне слушают и быстро крестятся. Получает оттуда керосин для продажи в Оосака, что ныне и составляет главное его дело. Про Оосакскую Церковь говорил, что о. Сергей Судзуки и катихизатор Каяно совместно не могут служить, — Каяно не подчиняется о. Сергию, которого Мацумото хвалит, а Каяно, напротив, обносит до того, что христиане будто бы подозревают его в нечистых сношениях с женой о. Иоанна Оно, живущей с сыном в церковном доме в Оосака, — что уж совсем невероятно, так как Каяно человек женатый и степенный. Явствует одно, — что о. Сергей Судзуки не может управлять Оосакскою Церковью.

В шестом часу, когда я гулял на площадке у Собора, явился диакон Яков Мацуда, вернувшийся с погребения катихизатора Филиппа Судзуки, и рассказал о сем погребении и о родных Судзуки. Погребение совершили они с о. Феодором Мидзуно, очень торжественно; была проповедь, провожали в облачениях до кладбища, восемь чё от дома; вчера было это — хорошая погода способствовала. Язычников было человек сто шестьдесят, христиан человек тридцать. — Родные Филиппа все — закоренелые язычники; мать и три брата — все богатые земледельцы; особенно старший брат; но все крайне враждебно относились к Филиппу при жизни. Мать стала было ухаживать за ним во время болезни, но до того расстраивала его своими упреками в измене язычеству, что жена его, Дарья, попросила ее оставить ее одну, несмотря на то, что у ней на руках еще двое малых детей — девочек, четырех и двух лет. Отец Филиппа, при жизни своей, дозволил ему сделаться христианином и катихизатором, но зато лишил его части в имуществе; оттого Филипп с семьей жил только своим катихизаторским жалованьем; и ныне семья его не имеет ничего. Но, конечно, Бог не оставит ее. Ныне родные Филиппа советуются, как поступить с его вдовой и детьми, и еще решения своего

не сказали. Увидим, что скажут. Если станут содержать, ладно; но под условием, чтобы дети воспитаны были по-христиански; нет,— так мы и сами воспитаем.

16 / 28 февраля 1899. Вторник

О. Павел Савабе был: завтра отправляется в Одавара исповедать и приобщить бывших немирных. Просил катихизатора туда. Я говорил о Георгии Мацуно; но сей, по-видимому, мало надежен,— из Хацивоодзи, как видно, его не отпускают, хотя известия о сем еще нет. О. Павел хочет Петра Кураока; но сей отправился на юг, в Циукоку, для поправления от болезни; пусть о. Павел позовет его, если придет, ладно. Просил учителя пения. Призвали Елисея Хаякава, но сей представил такую трудность, что сын — двухлетний — слишком привык к нему, не может разлучиться с ним. В таком случае — Петра Ямбе послать? Но сей болен глазами, еще лечится. Пошел Елисей советовать с Ямбе,— кто-нибудь из них должен отправиться с о. Павлом Савабе в Одавара. О. Павел Савабе еще явился ходатаем за Игнатия Симода, рыбопромышленника из Хакодате. Припечатки в газетах, бывшие в шестом месяце прошлого года, от врагов его, что «рыбный промысел его — не дело Хакодатской Церкви» и что «он обложно назвался уполномоченным Церкви, при ходатайствовании рыбных ловель в русских водах», — произвели свое дурное действие; поэтому, будто бы, у него отобраны ловли в двух местах, о чем телеграммой известил его переводчик его, находящийся ныне на Сахалине. Едва ли поэтому. Во всяком случае я могу помочь ему только, написав расписку в получении от него на Церковь из его рыболовельного дохода, четырехста ен, поставленных им в декабре прошлого года, — на русском языке для предъявления оной русским властям на Сахалине, в доказательство, что он не солгал, прося себе рыбных ловель и для пользы Церкви; каковую расписку я сейчас же написал и вручил о. Павлу для передачи Игнатию Симода.

Вечером пришел Петр Ямбе заявить, что ему трудно отправиться в Одавара, — врач не отпускает; потом — Елисей, что он отправится.

Погода стала совсем теплая, настоящая весенняя; болезнь горла совсем [прошла]. Перевод Паремий идет исправно; только расплаты сегодня очень мешали, по обычаю, — в последнее число.

17 февраля / 1 марта 1899. Среда

Катихизатор из квартала Хондзэ, Иоанн Яманоуци, приходил. Показывает письмо из Фудзисава-мура — зовут его туда на проповедь. (Старшая сестра жены его там замужем).

- А здесь у Вас слушатели есть?
- Четыре человека.
- Как же с ними?
- Я могу передать их катихизатору в Асакуса.
- С своим священником, о. Семеном, советовались о сем?
- Нет еще.
- А с о. Савабе, в ведении которого христиане Фудзисава, говорили?
- Нет.
- Ступайте же к о. Семену Юкава, отпустит ли он Вас, и к о. Алексею Савабе, примет ли он Вас.

Часа чрез три Яmanoуци пришел сказать, что о. Савабе очень рад, если он отправится в Фудзисава; послать туда он никого не имеет; все катихизаторы заняты в Токио, а послать следовало бы.

Вслед затем явился и сам о. Алексей Савабе и подтвердил то же. Кроме того, о. Алексей представил проект образования им общества: «Ейминся имон квай» и просил участия в нем. Члены по десять сен в месяц вносят и имеют право на помощь, когда умер глава семьи, получить на погребение десять ен, свыше семи лет, пять ен, ниже семи — три ены. Я сказал, чтобы записывали меня членом за десять домов бедняков, не могущих платить и десяти сен в месяц, — буду вносить одну ену.

18 февраля / 2 марта 1899. Четверг

Иоанн Яmanoуци принес письмо от о. Семена Юкава, позволяющее ему отправиться в Фудзисава. Я дал ему на дорогу, и он отправился.

Елисей Хаякава отправился учителем церковного пения в Одавара поправить тамошних певцов, половина которых страшно разнят, а половина забыла пение, по нехождению в Церковь, из-за немира с священником, ныне отшедшего (дай-то Бог!) в область предания.

А кого в Одавара катихизатором? Георгий Мацуно пишет, что его христиане из Хацивоодзи никак не отпускают.

19 февраля / 3 марта 1899. Пятница

О. Феодор Мидзуно вернулся с обзора Церквей в Симооса. Донесение довольно хорошее; катихизаторы трудятся; сеять проповеди у каждого много, в соседних деревнях, где везде есть слушатели, так как ныне время для земледельцев свободное для сего. У Филиппа Узава школа для мальчиков, которых ныне сорок, и для девочек, которых семнадцать, совсем духовная, по программе. В Оота, где умер катихизатор Филипп Судзуки, переведен Сократ Хираяма. Павел Канасуги, сверх чаяния, катихизаторствует отлично.

20 февраля / 4 марта 1899. Суббота

Фома Такеока, катихизатор в Цуяма, пишет большое письмо; очевидно, для помещения в «Сейкёо-Симпо», по прочтении; о хорошем состоянии свой Церкви, о том, что христиане помогают друг другу, особенно Иоанн Фукасе, тамошний богач и очень благочестивый христианин. Сей последний на свой счет посылал больную старуху христианку в Окаяма, в госпиталь; но не помогли ей доктора; вернулась в Цуяма и совсем ослабела; болезнь сопряжена была с непрерывными болями и страданиями. Телеграммой приглашен был о. Игнатий Мукояма напутствовать ее. Прибывши, он исповедал и приобщил ее; потом совершил над ней таинство елеосвящения, — и как обычно, при сем таинстве, совершенном здесь в простоте сердца, с верою и упованием, последовало чудо: боли внезапно прекратились; больная почувствовала себя так легко и спокойно, как будто у ней никаких болей никогда и не было; бывшие при сем язычники были до того изумлены, что заподозрили о. Игнатия в употреблении морфия для успокоения больной. Страдания потом к ней не возвращались, и она мирно и радостно почилла о Господе.

О. Павел Косуги пишет, что катихизатор в Икеда, Авраам Ёнеяма развратился. На меченом коне далеко не уедешь! Ёнеяма раз уж исключен был со службы за дурное поведение. Потом брат его и другие стали просить принять опять на службу — «совсем-де исправился». Для опыта принят был, и вот опять... Написано же о. Павлу Косуги, чтобы, по точном исследовании, отставил его и отослал на родину, в Окаяма; в Икеда же, чтобы послал Даниила Хироока.

Из Накацу, катихизатор Матфей Юкава пишет, что бонзы там очень встревожились успехами христианства, — образовали союз против христианства, говорят проповеди, злословят. В добрый час! Орудуют в пользу христианства, популяризируют его; защититься же против него у буддизма нет средств.

В Одавара будет катихизатор Петр Кураока, недавно отправившийся в Циукоку для поправления здоровья. О. Павел Савабе пригласил его, и он согласен. Я послал ему сегодня дорожные от Кобе до Одавара.

21 февраля / 5 марта 1899. Воскресенье.**Заговление пред Масленицей**

День превосходный — весь день солнце — земля и люди отдохнули от этого несносного безостановочного поливанья и туманов.

Полон Собор народа при богослужении — христиан и язычников.

Заговенье сегодня, — но здесь — совсем заурядный день, — никто не думает обедаться. Дай Бог, чтобы и всегда так было.

Был Зиновий Михайлович Поляновский, назначенный Хакодатским консулом, — расспрашивать о Хакодате; говорил о Корее, где служил.

22 февраля / 6 марта 1899. Понедельник

Была христианка из Накацу, Пелагия Араи, жена благочестивого христианина Спиридона Араи; вылечивалась здесь в госпитале, отправляется домой; но пред тем желает исповедаться и приобщиться. Поручил о. Феодору преподавать ей Таинства. Муж ее — богатый торговец в Корее; просит туда православного проповедника, но негде взять его.

Был Петр Хаяси, старшина Церкви из Оота, в провинции Мито; хвалил катихизатора Петра Мисима, говорит, что есть у него слушатели и старается он так, что за полночь иногда проповедует.

23 февраля / 7 марта 1899. Вторник

О. Павел Савабе из Одавара пишет, что Церковь весьма мирно; главные из прежде ссорившихся теперь с о. Петром в самых дружеских отношениях. Просят нот для четырехголосного пения, которому просят в Одавара обучить, и Елисей-де согласен; ну, это уж совершенно вздор; хоть бы в один голос пели, не разня; в если в два Елисей обучит их, то это для Одавара будет верх совершенства. Послал простые ноты и написал Елисею, чтобы постарался довести поющих там до двухголосного неразнения.

Вечером прекратил с Накаем перевод паримий, чтобы он с Оогоем выверил переписанное сим большое на престольное Евангелие. Я же буду оканчивать отчеты.

24 февраля / 8 марта 1899. Среда

Целый день писанье отчетов.

25 февраля / 9 марта 1899. Четверг

То же. И приходно-расходные почти кончил.

**26 февраля / 10 марта 1899. Пятница
Масленной недели**

То же. Переписка отчетов, надпись посылаемых книг и подобное.

**27 февраля / 11 марта 1899. Суббота
Масленной недели**

То же. Отчеты совсем готовы. Нездоровится.

**28 февраля / 12 марта 1899. Воскресенье
прощальное пред Великим Постом**

Утром крещено десять. Соборное служение, по обычаю. Раздача икон. Гости из Нагано и Такасимицзу. Запечатание последних пакетов и книг и отсылка всех тринадцати пакетов, с книгами в том числе, на почту. В пять с половиною часов вечерня, Повечерие, прощанье, с предварительной речью. Нездоровится.

**1 / 13 марта 1899. Понедельник
первой недели Великого Поста**

Начались обычные великопостные службы; в шесть часов утра Заутрениа, продолжающаяся полтора часа, в десять Часы — полтора часа, в пять с половиною часов Великое Повечерие — два часа.

О. Косуги пишет, что Ёнеяма в Икеда за несколько месяцев за квартиру не платил, прокучивая получаемые из Миссии квартирные деньги, также задолжал на стороне четырнадцать ен; но две христианки там, чтобы спасти Церковь от позора, взялись выплатить все за него, — всего больше тридцати ен. В похвалу за это я послал им христианских книжек, чрез о. Косуги.

Христиане Токусима прислали прошение, чтобы не посылать Даниила Хироока в Икеда, — «он-де очень нужен в Токусима, где католические миссионеры стараются уловить православных» и прочее. О. Косуги пишет, в дополнение к сему, что Петр Ока еще не опытен в катихизаторстве, — недостаточен для Токусима, и в Икеда послать его бесполезно, а поручить бы-де Икеда до Собора Симеону Огава, катихизатору в Вакимацци. — Я так и сделал; написал Симеону, чтобы он ежемесячно посещал Икеда и проводил там несколько дней; написал также о. Павлу, чтобы и он ежемесячно посещал Икеда; Даниил же пусть остается в Токусима.

Михаил Кометани, из Одавара, пишет, что он и еще тринадцать человек из ссорившихся с о. Петром Кано исповедались у о. Павла Савабе и приобщились Святых Тайн. Помогай Бог!

О. Николай Сакураи описывает свою поездку ко Церквам, хвалится успехами и хорошим состоянием Церквей. Давай Бог!

Спиридон Оосима из Мимато пишет, что Варвара Сасаки там жертвует сорок ен на выписку гробного покрывала для Церкви в Минато; книги ей — в похвалу.

Иоанн Игучи из тюрьмы в Хоккайдо пишет, просит христианских книг для заключенного с ним одного язычника, которому он когда-то в Токио, будучи катихизатором, проповедывал христианство. Послать книги.

Исайя Мидзусима принес две новые свои отпечатанные брошюры «Об Ангеле-Хранителе» и «О необходимости догматов». Обе украшены и его собственными рисунками. Дал ему десять ен, по пять за каждую, и обещал вперед тоже — по пять ен за брошюру, не в виде платы за его труд, за который заплатит ему Бог, а на расходы по приготовлению брошюр, на письменный материал, на поездки в типографию, литографию и прочее.

*2 / 14 марта 1899. Вторник
первой недели Великого Поста*

После Заутрени удивил Давид Фудзисава: пришел сказать, что в углу ограды за Собором слева найдена жестяная коробка, наполненная наполовину порохом и щебнем, видимо, предназначенная для взрыва, ибо сделаны два фитиля из тлеющей травы «моксы» и зажжены были, но погасли, не дошедши до пороха; и показал мне эту коробку: круглую, высокую, из-под бисквитов, с множеством проделанных дыр на верху крышки, для притока воздуха к огню. Коробка сдана была полиции, начальник которой, квартала Канда, приходил, чтобы все расспросить, осмотреть. Господь, видимо, хранит Миссию и сохранит!

Выходя от Часов, встретил на крыльце одного христианина из Одавара, вместе с самой усердной и умной тамошней христианкой, Марией Такахаси. Сказали, что ко мне, по делу, явились.

— Какому делу?

— Не оставляйте навсегда о. Павла Савабе в Одавара и не берите от нас о. Петра Кано.

— Да кто вам сказал, что это будет?

— Они, бывшие немирные говорят это: «Видите,— говорят,— о. Павел прислан исповедать и приобщить,— разве это было бы, если бы о. Петр остался в Одавара?»

— Но о. Павел там потому, что сам о. Петр просил прислать его по исповедать помирившихся, так как у него, о. Петра, они, быть может, еще стеснялись бы вполне раскрыть свои души, как это требуется на исповеди.

— Они говорят, что о. Петр будет выведен в Идзу, а Одавара останется навсегда за о. Павлом.

— Никому и в голову не приходило это. Это не может быть уже и потому, что о. Павел должен быть в Сиракава, куда он прошен, куда согласился и назначен. Все эти попытки показывают только, что помирившиеся еще не совсем успокоились, как не вдруг успокаиваются волны после бури. Не обращайтесь внимания ни на это, ни на всякие другие в подобном роде толки; выслушивайте их спокойно и не отвечайте, чтобы не развязался спор, который может окончиться ссорой и

опять разладом. Пусть говорят, что хотят. О. Петра у вас никто не отнимет. Толки улягутся, и все со временем войдет в свою обычную колею.— И так далее. Они успокоились; оба наделенные христианскими брошюрами и иконками и угощенные великолепным обедом, возвратились, чтобы успокоить пославших их.

3 / 15 марта 1899. Среда
первой недели Великого Поста

От часу не легче! После Утрени приходил редактор Петр Исикава, показывает письмо о. Павла Савабе: просит сей его в Одавара,— разладилось-де все,— вновь дым коромыслом. Очевидно, старик (все, написанное ниже об о. Павле — ошибка. Смотри ниже 5 / 17 марта) стал так фальшивить против о. Петра Кано — растаял, как сахар в воде, от угождений немирных людей и, должно быть, дает им понять, что «я, мол, согласен быть в Одавара, если о. Кано будет удален», — наверное, что-нибудь в этом роде; недаром вчера те, из Одавара, умоляли не оставлять его надолго или навсегда в Одавара. Чуть ли не рассчитывает употребить Исикава орудием для убеждения меня взять о. Петра из Одавара.— Во всяком случае плохой он помощник мне; всегда, вместо помощи, только портит. Коварство, знать, самая глубокая черта японца, коли она такая неискорененная даже у о. Павла Савабе, первейшего из христиан! Ведь как лобызались с о. Петром, как и мне обещал все вести к закреплению мира, и вот! Скука, знать, одолевает его от ничего неделанья в Коодзимаци, потому что ровно перст о перст не ударит за год, но получая от Миссии обильное содержание. Захотел еще побездельничать в Одавара,— кстати, и Тonosава, и другие виды близко; ну и колет его выжить о. Петра из Одавара. Э-эх, грехи тяжкие! — Дал я наставление Петру Исикава, упомянул, для его частного сведения, и о двуличности Савабе, дал пять ен на проезд и отправил.

После Обедни еще сюрприз: Игнатий Симода с хакодатским гию Павлом Нисиока (в очках) являются — жаловаться на зловерность бывшей летом со стороны их врагов публикации в газетах, что «дело рыбной ловли их — не церковное дело», что «Симода ложно назвался уполномоченным от Хакодатской Церкви» и прочее, публикации, сделанной будто бы по моему распоряжению. Старая и оскомину набившая история, показывающая лишь, как дрянны японцы всякой стороны, по крайней мере, те, с которыми мы до сих пор имеем дело. Жаль и Симода, если правда, что у него вследствие этой публикации отобрали рыбные ловли на Сахалине, хотя это едва ли верно; там теперь вообще идет пересмотр правил о рыбных ловлях. А из врагов его главный и наиболее ядовитый кто же? Алексей Яманака, почти такой же старый христианин, как Савабе, бывший катихизатор, даже терпевший гонение за проповедь в

Акита, потом здесь, в Токио, — самый первоначальный заведыватель зарождавшейся тогда здешней Женской школы, словом — заслуженный и уважаемый христианин, и долой с головы венец всех заслуг сам своей рукой, — под ноги его, в грязь его! В Хакодате он в последние годы самый главный мутитель и враг Церкви, ненавистник священника, старающийся выгнать его из Хакодате — вот точно так же, как враждующие против о. Кано в Одавара добиваются изгнать его из Одавара, несмотря на то, что большинство и там, и здесь любят своих священников и всячески стараются удержать их. Таковы японские христиане! Господи, выйдет ли когда-либо что-либо путное из них? Составят ли оные Церковь? Или это будет звук один? Недаром сердце мое еще не лежит к настоящей Церкви, и вся мысль в будущем; оттого и главный труд мой — переводы богослужения — для будущей Церкви.

Подброс пороха в жестянке наделал много хлопот полиции: со вчерашней ночи уже не один, а два полицейские ночью бодрствуют на дворе Миссии; днем полицейский в форме прохаживается по двору Миссии и крыльцу Собора, видимо, для публичного заявления, что правительство отнюдь не желает несчастья Миссии и позора Японии.

***4 / 16 марта 1899. Четверг
первой недели Великого Поста***

О. Павел Морита оживил Церковь в Маебаси. Помогай Бог ему! Присит плащаницу к Страстной; к сожалению, написанные плащаницы еще не украшены обычной обшивкой тропаря на материи. Мы теперь хлопочем о сем; с бархатом едва ли справятся, а на атласе, наверно, отпечатают тропарь с золотом; к будущему году, вероятно, приготвим и разошлем. Нынче же пусть подовольствуются плащаницей на бумаге.

***5 / 17 марта 1899. Пятница
первой недели Великого Поста***

Имея в виду завтра служить Литургию, я сегодня за причастным сказал поучение готовящимся к причастию, сказываемое обыкновенно пред самым причастием, если не служу.

Часов в пять, когда мы с Нумабе занимались церковными делами, является Петр Исикава из Одавара и рассказывает: о. Павел Савабе позвал его туда по следующему поводу: когда о. Павел занимался там своим делом, для которого послан, относится к нему о. Петр с следующей речью: «Я не могу больше быть священником в Одавара по трем причинам: 1. содержание мне недостаточно; христиане обещанных мне пять ен давно не платят и нет надежды, чтобы платили; 2. у меня нет сил для управления такую большою Церковью, как здешняя; маленькою я могу

управить, в маленькую и буду проситься; 3. хотя теперь мир восстановлен, но если я останусь здесь, то, наверное, мир опять расстроится.— По всем этим причинам я твердо решил просить о выводе меня из Одавара и помещении где-либо в маленькой Церкви, например в Идзу. Я ждал только времени, когда мир восстановится; теперь это сделалось, и я подаю прошение епископу. Я и прежде просил об увольнении меня из Одавара; тогда это не было исполнено; теперь я намерен добиться, чтобы это было исполнено».— О. Павел Савабе убеждал его подождать Собора; но и на это о. Петр не согласен, а желает тотчас же проситься вон. Это и встревожило о. Павла, и он позвал Исикава туда.

Исикава все это рассказал, развернувши лист с наброском рукою о. Павла сущности и последовательности дела. Я, не прерывая, выслушал длинную речь и спросил:

— Говорили ли Вы с о. Петром?

— Как же! Тотчас же отправился к нему, и так как в комнате у него, при других, неудобно было вести откровенную речь, попросил его в Церковь, и там вдвоем мы беседовали, и он мне точь-в-точь сообщил то же, что рассказал о. Павел.

— Это для меня совсем неожиданно (ябу ёри боо). Содержание он в Миссии получает двадцать две ены,— ему с женой и двумя детьми, при готовой квартире, достаточно. Сил у него не меньше, чем у других священников, для управления Церковью. От новой ссоры удержаться в его воле. Итак, настоящая причина его нежелания оставаться в Одавара та, что ему надоело там, невтерпез больше. Против этой причины ничего нельзя сказать, кроме как: «С Богом! Силою мы не намерены и не имеем права удерживать никого». О. Петр, правда, просился из Одавара; но это было в самом разгаре неладов его с христианами, больше года тому назад; и подавал прошение он тогда в гневе, в крайнем возбуждении; почему я и убедил его взять прошение назад. Теперь он в каком состоянии духа?

— Совершенно спокоен и говорит о своем решении, как долго и крепко надуманном и бесповоротно утвержденном.

— Пусть и будет, как он решил. Только пусть подождет Собора. Самое важное, что нужно соблюсти в сем деле, это — что он сам решил и сам просится о переводе из Одавара. Избави Бог, если придан будет вид делу, что его изгнали оттуда. Это отзовется большим вредом для всей Церкви; тотчас же и в других Церквях начнутся интриги христиан против своих священников и требования, чтобы их переменили, ибо нигде нет идеальных священников, равно как идеальных христиан.

Я тут же продиктовал письмо к о. Петру: желание о его переводе будет исполнено; только пусть он потерпит до Собора; пусть соблюдет мир с христианами, чтобы никто не сказал потом, что он не вышел, а они изгнали. Теперь его прошение не будет принято уже и потому, что в Одавара некем заменить его до Собора. Но пусть он и своих сторонников приучает к мысли о разлуке с ним, чтобы они потом не возмутились и не

стали враждовать против нового священника, как немирные враждовали с ним.

О. Павел Савабе с Петром Исикава прислал записку с просьбой о вызове его из Одавара. Ему я ответил, чрез Исикава: пусть окончит то, для чего отправился, то есть преподаст Таинства Покаяния и Евхаристии тем, которым еще не преподавал, и затем вернется; дело же о. Кано для него совсем постороннее, и им ему смущаться нечего.

Обрадовался я очень и тому, что подозрения мои в недобросовестности о. Павла оказались совершенно напрасными. На сей раз он несколько не нарушил святости своего долга и дела.

***6 / 18 марта 1899. Суббота
первой недели Великого Поста***

Продиктовал я вышеозначенное письмо о. Петру Кано секретарю Нумабе, но ночью передумал: злоупотребить могут, — скажут, из Миссии велено было о. Петру удалиться из Одавара. Потому утром не подписал приготовленного письма, а сказал, чтобы Исикава частно от себя написал о. Петру, в ответ на то, что он говорил Исикава; мысли могут быть те же.

В половине восьмого часа был малый звон на утренние молитвы и правило ко причастию. Когда все учащиеся собрались, о. Феодор Мидзуно прочитал. В начале девятого правило было кончено и зазвонили в большой колокол к Литургии; по Трезвону я вошел, и, когда облачили, читаны были часы, чтобы сократить несколько службу. — В мирном и молитвенном настроении я служил до Херувимской, когда увидел в конце Церкви только что появившегося Пантелеимона Сато, кандидата, который не был ни на одной службе доселе. «Ужели причащаться?» — подумал я, но тотчас же успокоился мыслью, что пришел просто помолиться. Но каково же было мое изумление и смущение, когда, открыв Царские врата ко Причастию, я увидел и еще трех кандидатов, кажется, только что пришедших в Церковь, — Минато, Сайкайси, Хигуци, — выступивших всех четверых вместе с причастниками? Молча приобщил я и их, когда подошли; но расстроился новый день: печаль горькая снедает душу. Хотел было, тотчас по выходе из Церкви, известить их, чрез Сенума, что вперед лишу их причастия, если будут так неблагочестиво вести себя в отношении к нему; написал к Сенума и письмо о сем; хорошо, что не тотчас послал; в гневе сделанное всегда грозит потом укором в глупости поступка. Спаситель не изгнал из горницы, где совершал пасху с учениками своими, и Иуды, — могут ли я изгнать их?.. Хотел потом призвать Сенума и сказать, чтобы объявить им, что уподоблю их в слове пред Причастьем Иуде Искариоту, коли будут так вести себя; конечно, не назову их по именам, но все поймут о них, ибо для всех очевидно, что их никогда нет в Церкви, до самого времени Причастия, а я должен отражать их соблазн учащимся, подаваемый их примером поведения.

Но и это было бы — выругать их, с сомнительным ожиданием пользы от того для них и других. — Решил, наконец, попытаться еще раз убедить их вести себя благочестиво относительно Таинства Святого Причастия; но это нужно сделать пред временем следующего говения, то есть пред Страстной неделей; теперь поговорить бы с ними — все забылось бы к тому времени, следа впечатления не осталось бы. Едва ли будет успех. И вот урок: не посылать больше никого в русские академии, — развращаются религиозно; были все — первые, лучшие ученики, исполнительные, благочестивые; теперь что они? Недоверки какие-то! В России не на добрые примеры обращали внимание, а на дурные, лстящие извращенной природе человека, хотя внушаемо было им — не заходить на задние дворы в России; но что делать! Люди они самые заурядные, не из блестящих, не из самостоятельных; не видели бы дурных примеров, были бы хороши, теперь вон они, — свое беспардонное лентяйство и неблагочестие, вероятно, считают дипломом цивилизации. Нет, больше никого не пошлю в Россию, — на вред здешней Церкви!

*7 / 19 марта 1899. Воскресенье
первой недели Великого Поста*

Погода прекрасная. В душевном мире совершена Литургия Василия Великого, в Соборе полным народом, наполовину язычниками.

После службы зашел Петр Исикава попросить написать к о. Петру, чтобы «гийю» в Одавара несколько позаботились о катихизаторе, ныне прибывшем туда, — помогли ему устроиться на квартире, позаботились о слушателях для него. Это — внушение о. Павла Савабе. Нынешние старшины (гийю) сторонники о. Петра, совсем не думают о том, а Кометани и другие не считают себя вправе вмешаться в дело мимо старшин. Письмо к о. Петру сегодня же пойдет.

Зашел еще Исая Мидзусима: его я просил взять на свое попечение младшего сына покойника о. Мори, Василия; он кончает на днях низшую школу, — нужно поступить в среднюю; но при сем нужен строгий надзор за ним, чтобы занимался хорошо и чтобы вел себя хорошо; мальчик довольно испорченный — с девяти лет курит табак; теперь ему четырнадцать; нужно отучить его от этой скверной привычки. Исая обещался присмотреть за ним.

Зашел христианин из Оомия, совсем новой Церкви; говорит, что там уже учащихся церковного пения десять человек; Оонума из Маебаси бывает учить их. Новые слушатели учения у катихизатора Павла Соно также есть.

Анна Кванно, чрез свою помощницу Елисавету, просила побыть у ней; был в два часа; совсем на ладан дышит; желудок отказывается служить; едва может принимать мало бульону, — и то боли мучат. Сидят около нее Елисавета Котама и Евфимия Ито и плачут. Должно быть, не дождется Пасхи Христовой. Но Господь удостоит ее небесного, более

торжественного праздника, за ее труды по Женской школе. Сказал, чтобы пригласили завтра утром о. Павла Сато и о. Романа Циба совершить над нею таинство елеопомазания, да укротит Господь мучащие ее боли желудочные.

Вечером я занят был построечным отчетом, который еще на руках.

***8 / 20 марта 1899. Понедельник
второй недели Великого Поста***

В училищах начались классы. Мы с Накаем продолжили перевод паримий; кончили Иова, приступили к притчам; начальная из них давно переведена, но потребовала значительного исследования.

Павел Накаи мой, несмотря на свои сорок один год, слабеет; «какке» одолевает его; уже начался и нынешний год. Дал ему сегодня денег на покупку рыбьего жира; и если будет полезно сие лекарство — обещал отныне всегда снабжать его им. Буду давать, с охотою, и другие средства, лишь бы держалось его здоровье.

Во время перевода утром была жена о. Петра Кано с детьми. Вышел к ней в канцелярию, приласкал детей, но с ней ничего серьезного не говорил, опасаясь извращения слов, ибо баба она очень языкастая. Нумабе потом рассказывал, что жалуется на жизнь до того, что хочет умереть. Очевидно, ей с мужем надоело в Одавара, несмотря на то, что ныне мир там восстановлен. Что ж, пусть удалятся в другую Церковь; об этом о. Петру писано частно чрез Петра Исикава.

После обеда убрали комнату о. архимандрита Сергия, чтобы сделать из нее гостиную, за неимением другого назначения; письменный стол перенес в библиотеку, и прочее. Все время было чувство — не печали об отъезде его и о. Андроника, а досады, что приезжают сюда такие слабые. Помогите, Боже, скорей забыть их!

***9 / 21 марта 1899. Вторник
второй недели Великого Поста***

О. Павел Савабе вернулся из Одавара и рассказал о положении Церкви там. Примирились немирные с о. Петром Кано, но больше наружно; женщины и совсем продолжают враждовать по причине будто бы дурного нрава жены о. Петра, — не хочет-де ни перед кем смириться, как смирился ее муж. Видно, что о. Павел не совсем постарался о мире; мог бы смягчить всех, не исключая и жены о. Петра; если Петр Исикава там почти всех умирал, то о. ли Павлу не докончить остальное! Его бывшие немирные там уважают и слушаются, коли он что захочет внушить им!.. Но спасибо и за то, что сделал там: почти всех бывших немирных исповедал и приобщил. Хочет он еще быть там в Вербное воскресенье, — «обещание дал-де оставшихся исповедать, подготовленных к крещению

крестить». («У о. Петра,— говорит,— не хотят креститься»; а он, о. Павел, не счел нужным внушить им, что в таком случае и креститься еще рано.) Пусть. Только я сказал ему, что опять должно быть о том прошение о. Петра,— «не могу-де один справиться, пришлите помощника»,— почему и пошлется о. Павел; без того может быть соблазн и широкий вред для Церкви.— К Елисею Хаякава, говорит о. Павел, собираются человек тридцать учиться церковному пению; ежедневно у него два класса пения. К новоприбывшему катихизатору Петру Кураока собираются несколько новых слушателей учения. И местность та — Одавара и окрестные селения — вообще обещают много успехов, если постараются о проповеди, говорит о. Павел.

О. Петр Кано, по словам о. Павла, имеет непременно намерение оставить Одавара, вместо же себя рекомендовать во священники туда Романа Фукуи или Василия Усуи. Но первый, по словам о. Павла, кроме подозрения в его неблагоповедении до женитьбы, отличается пристрастностию, вследствие чего везде, где он служил доселе, часть христиан его любит, часть ненавидит: в Сиракава, в Сукагава, в Уцуномия,— везде это; Усуй же — мало деятелен и болен грудью. Итак, кого поставить в Одавара по удалении оттуда о. Кано,— составляет трудный вопрос.

Был в сопровождении учительницы Надежды Такахаси военный врач, сын благочестивого старика врача Якова Такахаси, Лука Такахаси. Только что вернулся с Формозы, где служил три года, ныне поступил здесь опять в Медицинскую военную академию для восполнения знаний (по уставу чрез три года все военные врачи обязаны делать это). Видно, что молодой человек не так религиозен, как его отец; о своем христианстве, кажется, молчит пред всеми.

Савва Хорие приходил просить послать нынче его воспитанника Феодора Янсена по окончании им здесь курса в Россию, в Академию. Отказался я сделать это; во-первых, Янсен не настолько способен, чтобы учиться в Академии; во-вторых, боюсь испортить его посылкою в Россию, как испортились в религиозном отношении все наши кандидаты; последней причины, впрочем, я не сказал Хорие. Он ушел очень недовольный.

Сегодня не учились, ибо японский гражданский праздник.

*10 / 22 марта 1899. Среда
второй недели Великого Поста*

Разности в чтениях славянского и русского текстов Притчей принудили сегодня вытащить из библиотеки все, что можно было добыть здесь, оттуда по части толкования. До сих пор не решил, чему следовать,— греческому, или Вульгате; беру пока лучшее из того и другого; для церковного чтения это и нужно.

***11 / 23 марта 1899. Четверг
второй недели Великого Поста***

О. Петр Сасагава пишет, что христиане в Сендае, наконец, надумали поправить колокольню своей Церкви; будет стоить 125 ен 60 сен; значит, мне нужно послать туда на это — 42 ены, третью часть, ибо так я обещал о. Петру, когда он был здесь на прошлогоднем Соборе.

О. Фаддей Осозава пишет, что Игнатий Мацумото имеет только одну слушательницу, которая почти готова к крещению; просит Мацумото в непродолжительном времени крестить ее и потом вызвать его в Токио, в «Кёобаси-кёокувай», куда он уже давно назначен (с неизвестным для него намерением испытать пригодность его для священства).

***12 / 24 марта 1899. Пятница
второй недели Великого Поста***

О. Яков Такая пишет, что в Оби желают проповеди. Курода, благочестивый чиновник, служивший в Миязаки, родом из Оби, вышел в отставку и отправился на родину. По приглашению его, катихизатор в Миязаки Кирилл Сасаба посетил Оби (17 ри от Миязаки) и при участии Курода нашел многих, желающих слушать учение Христово. Просится Кирилл ежемесячно посещать Оби, но даст ли ему Миссия дорожные? Спрашивает о чем чрез о. Якова. Ответчено, что даст.

О. Тит Комацу хвалится оживленностью проповеди в посещенных им Церквах; совершил несколько крещений; есть дальнейшие слушатели.

Был Петр Оодадзуми, бывший катихизатор, ныне окружной начальник (гунчё) в провинции Мияги, имеющий своим местопребыванием Наканиеда, где у нас большая Церковь; с ним был Василий Конно, старшина в той Церкви, старший брат Иоанна Конно, который недавно оставил катихизаторство по болезни. Оодадзуми был одним из лучших катихизаторов в свое время; и ныне он хороший христианин, ни перед кем не скрывающий свое христианство. С удовольствием побеседовал с ними часа два. Об упадке Церкви в Сендае сетует Оодадзуми, откуда он родом, требует туда ученого катихизатора, авторитетного; но где взять? В духовные школы не идут ныне даровитые юноши, из которых бы воспитывать докторов учености...

***13 / 25 марта 1899. Суббота
второй недели Великого Поста***

О. Роман Циба вернулся из Хацивоодзи и Гундо. Несмотря на обещание христиан помогать катихизатору в деле оживления Церкви, ничего и теперь там нет; исповедаться пожелал только один, другие отозвались

теми же причинами, какими в Евангелии отказываются званные на царский пир; слушателей учения у Георгия Мацуно тоже только один. В Гундо исповедались и причастились святых тайн пятнадцать человек.

Павел Ямада, служащий в редакции «Уранисики», отправлявшийся недавно пожить в Одавара для здоровья, вернулся и говорит, что там по наружности мирно, но внутренне христиане все-таки в разладе с о. Петром, особенно женщины враждуют. Новых слушателей у катихизатора Петра Кураока много; учащихся церковному пению у Елисея Хаякава до тридцати.

Конон Аmano, ученик Семинарии старшего курса, по причине чахотки, несколько месяцев тому назад отправившийся на родину, в Сидзуокакен, сверх всякого чаяния (так как болезнь казалась глубокою), вернулся совсем здоровый (если только время удостоверит в этом). Вылечил старик земледел в Эдзири оригинальным лекарством: какие-то кости (какие, держит в секрете), размельченные в порошок, кипятит три раза; дает пить, и чахоточные бактерии исчезают. Конон говорит, что чувствует ныне себя совершенно здоровым; одышки нет, сколько бы ни ходил или на какую бы гору ни поднимался; кровь не показывается, боли никакой.

***14 / 26 марта 1899. Воскресенье
третьей недели Великого Поста***

После Обедни были христиане из Отару и Соя, в Хоккайдо, где христиане вообще особенно усердны, каковы и бывшие сегодня; между прочими была мать Кирилла Хано, воспитанного в Семинарии для служения в Церкви, но служащего ныне землемером в Саппоро и окрестностях; спасибо и за то, что совсем не бросил христианство; мать уверяет в этом, да и от других я слышал, что он довольно усерден к Церкви.

В час было отпевание Иоанна Аизава, старосты соборного, умершего от чахотки. Просил, чтобы я его отпел, что и сделано; завещал на кладбище отнести просто, без «сейсики» (священнослужение в облачениях и прочее), что тоже сделано; и кстати было завещание, — не успели донести до кладбища, как пошел дождь, который и доселе, вместе с сильным ветром, льет (одиннадцатый час ночи). Аизава был один из лучших наших христиан по усердию к Церкви. Царство Небесное ему!

***15 / 27 марта 1899. Понедельник
третьей недели Великого Поста***

Была жена катихизатора в Эма и Нираяма Мефодия Цуция; говорит, что мало там усердных христиан; старик Исии в Церковь не ходит, несмотря на то, что прошлым летом так распинался за свою Церковь;

старший брат катихизатора Иоанна Судзуки все еще больной, другой старший брат, Григорий, учителем в школе, но веру потерял; отец их и не думает креститься, хотя с любовницей расстался, по старости. Конечно, не слабому Мефодию поднять там христианство; если бы он с женой своей поменялся характером и силою!..

Был христианин из Каруйзава, служащий там начальником железнодорожной станции, очень усердный и умный; говорил, что там протестантских христиан не видно, несмотря на то, что летом там обитают десятки иностранных миссионерок, — это их излюбленное убежище в летние жары; христианство не прививается — потому, что народ слишком погружен в материальные интересы и приобретения от иностранцев.

Был Павел Оонума, учитель пения в Маебаси; жил он несколько дней в Оомия обучить тамошних христиан пению и на возвратном пути в Маебаси заехал сюда. Хвалит очень усердие христиан в Маебаси. В первую неделю они пожелали говеть и иметь для того три службы ежедневно, как это делается в Миссии, и о. Павел Морита служил всю неделю; христиан же при службах бывало не менее сорока ежедневно. Значит, гораздо лучше, чем здесь при службах в Соборе, на которых, кроме учащих, почти никого не было. Давай Бог им!

*16 / 28 марта 1899. Вторник
третьей недели Великого Поста*

В одиннадцать часов было отпевание христианина из прихода Асакуса, Иова Наканиси. Принесли его в Собор очень торжественно: пять священников, три диакона, крестоносцы и священосец в парчовых воскресных облачениях; двадцать певчих пели всю дорогу «Святой Боже», за певчими — из Семинарии и Женской школы по десять человек — утром посланы были сюда «дзинрикия». Сопровождавших христиан и язычников было не менее ста. Неприятно бросилось в глаза то, что все христиане — с красными бантами, приколотыми к груди, в отличие от язычников. Где же было догадаться предупредить, что это к трауру не идет! Вероятно, от распорядителей разных празднеств заимствовали. Таково здесь смешение иностранного с японским, к ущербу того и другого! Я приготовился было сказать за отпеванием поучение язычникам, но их почти никого и в Церкви не было, — угощались здесь внизу и вверху в классных комнатах, приготовленных им от сына Наканиси — Варнавы — чаепитием и «кваси». Да и расположение духа у меня совсем упало к началу отпеванья: пришли сказать, что Анна Кванно умирает, — о. Роман отправился читать отходную, отцы Павел Саго и Феодор Мидзуно тоже пошли туда. Отпевали Иова мы втроем: я, отцы Симеон Юкава и Алексей Савабе, — при тех же двадцати певчих, тогда как предположено было иметь полные хоры. Во время отпевания вернулись

священники, и о. Павел Сато, подошедши ко мне, шепнул, что Анне несколько лучше; страдальца и на сей раз осталась страдать, и в то же время печаловаться о своем детище — Женской школе, — Бог весть, насколько дней дольше!

*17 / 29 марта 1899. Среда
третьей недели Великого Поста*

О. Феодору Мидзуно пишут из Симооса катихизаторы Филипп Узава и Илья Хонда вместе с вдовой Дарьей Судзуки, что «к последней очень неприветливы в семье старшего брата ее умершего мужа; нудит он ее возвратиться в язычество и опять выйти замуж; старшую ее дочь, четырех лет, соглашается питать, чтобы потом взять ей приемыша для продолжения рода Филиппа Судзуки, но не иначе как воспитывая в язычестве. Плачет Дарья и просится служить в Женской школе Филиппа Узава». О. Феодор сегодня отправился в Симооса как уладить это дело, так и посетить Церкви там. Сказал я ему, чтобы он переговорил кротко и резонно с старшим братом умершего Филиппа. Убедил его, если можно, содержать семью Филиппа, ибо достаточные они люди, все братья Филиппа. Если же он не согласится или если поставит условием возвращение в язычество семьи Филиппа, то чтобы поместил Дарью у Филиппа Узава учительницей в его Женской школе с тем, чтобы Узава и содержал ее самое; для содержания же двоих детей ее будет высылаться ей из Миссии по три ен на каждое до возраста, пока они — девочки — будут приняты сюда в Женскую школу.

Из Иннай, Масуда и Ивазаки — коллективное письмо за подписью девяти христиан и четырех оглашенных; просят поставить им Илью Накагава, их теперешнего катихизатора, священником, ибо-де 60 ри от Оодате, где живет теперешний их священник, до их места; благолепного богослужения они не видят, исполнение самых существенных треб, при внезапности требований, невозможно. Все это правда, и нет препятствий поставить Илью иереем; но Церковь-то их еще очень маленькая, только и есть, что подписавшиеся. Пусть возрастет хотя до ста человек, тогда и можно; иначе возропщет множество Церквей и потребуют тоже священников для себя, а ни людей, ни средств нет.

*18 / 30 марта 1899. Четверг
третьей недели Великого Поста*

Писал построечный отчет, который ныне затянулся потому, что в первый раз приходится писать на «ены», ныне совсем приравнявшиеся к нашим рублям, даже ставшие в последнее время ниже их. Сумму, числившуюся в рублях, которых выходило так много потому, что ены в

отчетах переводились на рубли, по 1 рублю 33 1/2 копейки за ену, пришлось ныне обратно переложить на ены, оттого она стала значительно меньше. Поймут ли там все это? Но и ныне остаточной построечной суммы тридцать восемь тысяч ен. Боюсь, как бы не сказали: «Вона у них! ... Уменьшить содержание!» Избави Бог!

*19 / 31 марта 1899. Пятница
третьей недели Великого Поста*

День — «обборви!», то есть расчетный. Взял вчера в банке 3.300 ен,— и двух сот не осталось. Днем под постоянное мешанье переводом с Накаем, вечером отчет писал. Все ведь в трех экземплярах нужно: один в Миссионерское общество, другой обер-прокурору, третий здесь остается.

*20 марта / 1 апреля 1899. Суббота
третьей недели Великого Поста*

Из Кёото получены письма от полковника Окамото и от о. Семена Мии. Первый пишет, что шлет мне за христианские книги, полученные от меня, в «орей»: «Дайнихонси, сто книг, и Зоку-Дайнихонси — тоже сто книг, и странную статую Яматотакеру-но-микото».

О. Семен пишет, что Окамото из книг ознакомился с православной верой, но «считает нужным дополнить свое теоретическое знание практическим изучением самой жизни Церкви, отправившись в Россию», и «просит содействия, чтобы он мог выполнить свою миссию»... «Официальная цель его командировки в Россию, а потом в другие державы в Европе — исследование религий; вторая, побочная цель его миссии — подружить Японию с Россиею». — «Его государственный принцип — „Нициро-доомей“»... «Как он выполнит свою миссию от правительства, это будет иметь громадное влияние на будущность нашей страны и на распространение православия в Японии»... «В письмах я не могу изложить все в подробности. Благословите меня явиться к Вам на объяснение, разрешив четыре дня отлучки. Прошу ответить на это телеграммою».

Дана телеграмма: «Пожалуйте сюда» (оиденасаре).

Но серьезно ли все это? Ведь этот господин Окамото — убийца корейской Королевы и виновник страшного скандала во вред Японии. Ужели ему Правительство доверило такую миссию? И ужели он способен выполнить ее? Но нужно не забывать разбойника на кресте,— кстати же это пишется вслед за воздвижением креста в Церкви пред завтрашним Крестопоклонным воскресеньем.

О. Петр Ямагаке из Хакодате спрашивает: у язычника жена христианка умерла, и он хочет жениться на родной ее племяннице, христианке,— можно ли? Ответчено: по церковному правилу нельзя.

О. Борис Ямамура пишет: в Яманоме христианин после смерти своей жены христианки самопроизвольно по-язычески женился на ее младшей сестре, за что отлучен от таинств. Но стыдно ему и пред детьми, и усердные они оба к Церкви — и муж, и жена,— нельзя ли допустить их к таинствам? — Спрошено: когда женился? Есть ли дети от второй? Сколько лет в отлучении?

Пишет еще о. Борис: в Ициносеки муж прогнал жену и женился по-язычески на язычнице. Родители его одобряли его развод. Ныне родители и он просят таинств. Как быть? — Ответчено: если родители каются, их разрешить и допустить к причастию можно; его нельзя, если развод не по вине ее прелюбодеяния.

**21 марта / 2 апреля 1899. Воскресенье
четвертой недели Великого Поста,
Крестопоклонное**

Утром крещены пять человек.— После Литургии крест целовали на столике пред амвоном.— Выходя из Церкви, когда еще не было целования креста, встретил матросов между молящимися. Оказалось, что «Россия», крейсер, уже два дня в Иокохаме на рейде.

Часа в три был адмирал Дубасов с визитом, герой русского флота, взорвавший турецкое военное судно в войне с турками. Убежден он, что у России война с Японией непременно будет.

— Но из-за чего же? — спрашиваю я.

— Из-за Кореи. Нам Корея нужна; мы ее должны взять и присоединить к нашим владениям. А Япония имеет слишком много интересов в Корее, чтобы нам не объявить войну из-за этого.

— Но для чего же нам Корея?

— Чтобы иметь выход в Тихий океан.

— Мы же заняли для того Порт-Артур.

— Он слишком удален от прямого пути в Тихий океан.

— Но как можно так легко лишить самостоятельного существования государство, веками существующее и имеющее четырнадцать миллионов населения?

— Корея в политическом отношении ничего не значит; это — замерзшее племя. Не мы, — Япония будет владеть ею. Но мы Японии не можем это позволить. На континент ее нельзя пускать. Ее назначение — идти на юг. Только этого она сама не понимает. Честолюбие манит ее к войне с Россией; в 1902 году будет окончено ее вооружение, и она непременно объявит нам войну. Она даже и не скрывает этого намерения. Но это

будет к ее беде. Поднимутся здесь внутренние бунты, потому что народ ненавидит Правительство, не сочувствует всем мерам его и ждет только случая, чтобы общим восстанием заявить это.

— Кто Вам это сказал? Это совершенная неправда. Пример лучше пояснит дело. У нас в Хакодате была благотворительная школа для мальчиков и девочек, и пятнадцать, даже десять, лет тому назад в ней обучались сотни; ныне мы закрыли школу по неимению учащихся, оттого, что в Хакодате развилось школьное дело до чрезвычайности: и правительственных, и частных школ множество (с которыми Миссия, конечно, не могла соперничать в числе учителей; притом же она там на горе, по дальности — неудобное место для малышей, особенно зимой), — и все эти школы полны учащимися, — кто же посылает в них детей, как не народ? И так сплошь по всей Японии, — кто учится, как не народ? Где же тут разделение Правительства от народа? А парламент — разве не народ? Посмотрите же, как он ныне мирно вел свои заседания, заодно с Правительством действуя во всех вопросах. Правительство нашлось вынужденным возвысить налог на земледельческий класс, — разве парламент и страна восстали против этого? Было несколько частных заявлений неудовольствия, но это и все; никаких следов никакого противления Правительству нет нигде.

— Но этот народ совершенно погрязший в материальности; никаких идеалов, ничего возвышенного у него нет.

— Это, по-нынешнему времени, правда; но сами же японцы и сознают это, и начинают вопиять против этой изменности нынешнего течения... — И так далее. Подивился я суждениям героя.

Когда адмирал Дубасов сидел у меня, доставлен был с железной дороги ящик с подарком полковника Окамото: сто книг «Дайнихонси», сто книг продолжения ее и бронзовая статуэтка Ямато-такеруно-микото.

Днем, в свободное время, и вечер я занят был почтой, — приготовил совсем к отсылке построечный отчет и прочее.

**22 марта / 3 апреля 1899. Понедельник
четвертой недели Великого Поста**

Не учимся в школах по случаю гражданского праздника «Дзимму-коотей».

Лишь только приготовил к отсылке на почту всю русскую корреспонденцию, в одиннадцатом часу, как прибыл из Кёото о. Симеон Мии. По объяснению его оказалось, что полковник Окамото Риуноске действительно от Министерства внутренних дел имеет официальное назначение исследовать европейские и американские вероучения в видах принятия японским правительством более определенного отношения к ним по случаю наступающего времени разрешения иностранцам селиться где

угодно в Японии (заккё). Назначение это дано было ему от Министра внутренних дел графа Итагаки еще в запрошлом году, о чем и напечатано в конце его, Окамото, книги (одной из книг его сочинения, присланных им прежде мне). До сих пор он, живя в уединении в одном храме, один ри от Кёото, изучает японский буддизм, находя нужным прежде, чем пуститься в исследования чужого, познакомиться с своим. Перечитал он и православные книги, посланные от меня ему. Находит будто бы, по словам о. Семена, что православие — лучшая из иностранных вер. Но веры в нее еще нет у него, как вообще ничему он не верит сердцем, будучи силен лишь рассудочной стороной души. Не раз он виделся с о. Мии, слушал его объяснение разных религиозных вопросов. Ныне просит от о. Мии отправиться с ним в Россию, чтобы сделать для него возможным изучение православия на месте его исповедания. Для сопровождения его по протестантским и католическим странам уже есть у него спутники, конечно, преданные тому и другому исповеданиям. Должен он иметь спутника и переводчика и для России, ибо не говорит он ни на каком иностранном языке (понимает только несколько по-немецки)... Дорожные он обеспечивает о. Симеону, ибо надеется выхлопотать их у нынешнего премьера, графа Ямагата. Хочет он еще до поездки в европейскую Россию посетить Сибирь в видах его частной цели — ознакомления с русскими и становления искренних дружеских отношений к ним. Для этого тоже просит о. Мии сопутствовать ему.

Сказал я о. Семену: в Россию сопровождать господина Окамото он пусть сопровождает. К сожалению, там теперь и в академиях нет японских студентов, и решительно не на кого располагать в видах содействия господину Окамото по ознакомлению с православием; а Господь нам велит «давать ответ всякому, вопрошающему нас о словесах нашего упования». Но в Владивосток и в Сибирь я его, о. Мии, не отпускаю; тут не религиозная, а политическая цель, — не наше дело; есть там у Японского консульства знающие русский язык; например, Сергей Сёодзи, тамошний переводчик (в Владивостоке) при Японском консульстве; может им располагать. Всего же лучше ему, Окамото, туда не отправляться специально для посещения Владивостока и Сибири, ибо, кроме разочарования в своих мечтаниях о России, он ничего оттуда, вероятно, не вынесет, отправившись туда частным вояжером, и значит не имея шансов видетсья и говорить с лучшими людьми на Амуре и дальше. А пусть он с Мии отправляется в Россию чрез Сибирь; тогда несколько познакомится и с Амуром, и Сибирью. Я дам им рекомендательные письма к епископам на пути их в видах ознакомления их с религиозным положением в России. Где сочтут особенно нужным, там они и могут при посредстве архиереев видетсья с губернаторами и другими лучшими людьми и получать от них желаемые сведения по светским делам... Мы с о. Мии позавтракали, и он отправился к матери своей жены, чтобы

просить ее с собой в Кёото, ибо супруга о. Мии Харита Анатольевна готовится подарить ему четвертого ребенка.

Из сегодняшних церковных писем очень интересное большое письмо от Саввы Эндо, катихизатора в Сукава и окрестностях. В селении Гокан, три ри от Сукава, приготовил он к крещению девять человек, которым о. Павел Морита и преподавал крещение. И вдруг на двоих из сих воздвигли гонение их отцы, да какое! Павла Кувабара отец веревками прикрутил к столбу в стоячем положении и оставлял его без пищи, Иоанна Канеко раздел догола и бичевал веревкой. Страдальцы терпели и молились, громко воспевая молитвы. Катихизатор и христиане долго старались смягчить мучителей совсем безуспешно. Мучители в то же время ходили из дома в дом, убеждая всех селян соединиться и общими силами выжить катихизатора и его учение из Гокан, но многих сторонников себе не нашли, и это, наконец, несколько охладило языческое рвение. Сталкивались с ними христиане и катихизатор на полпути. Мучители больше всего настаивали, чтобы их дети не ходили к катихизатору на проповедь и молитву, а сидели дома, и это им уступлено было; взамен того христиане, равно как их дети — Павел и Иоанн, выговорили позволение молиться им — Павлу и Иоанну — дома по-христиански сколько и как они хотят; вследствие чего ныне Павел и Иоанн распевают молитвы дома в полноте своего христианского одушевления. Кроме того, составили они документ и дали добровольную подписку в следующих пунктах: 1. повиноваться родителям во всем (кроме их требования отречения от христианства) еще больше и усерднее, чем это было прежде; 2. любить братьев, сестер и всех родных и служить им с несравненно большею сердечностью, чем прежде; 3. трудиться для дома гораздо прилежнее, чем доселе; 4. не смотреть соблазнительных зрелищ на буддийских и других празднествах; 5. не ходить в «чая» и прочие непотребные заведения. Делом сего гонения одушевлены христиане всего округа и видят в этом помощь Божию христианству. Конечно, родители преследуемых скоро сами будут христианами. Это уже вещь испытанная. Где Христос столкнулся с Буддой до звука похожего на крик; прислушайтесь, и вы услышите в следующий момент не крик, а крак разбиваемого вдребезг идола Будды.

Лишь только прочитаны были последние строки письма Эндо, как явились в коляске трое русских офицеров с «России» с визитом от лица всей каят-компаний. Под впечатлением письма я им рассказал содержание его; кажется, и им было это приятно; рассказал я в доказательство, что и в Японии есть искренние христиане, готовые на мученичество из-за веры, чему мало верят, кажется, все европейцы.

Была сегодня еще Софья Накагава из Сендая с своими детьми: гвардейским офицером Николаем и его женой (женились по-язычески) и Иоанном, студентом Университета.

**23 марта / 4 апреля 1899. Вторник
четвертой недели Великого Поста**

Утром «коочё» Семинарии Иван Акимович Сенума неприятно поразил своим рассказом. В Семинарии случилась кража: у Тита Косияма пропали 50 сен, и он заподозрил Феодора Янсена. Янсен, оскорбленный этим, напился пьян и весь вечер буянил вчера, даже после десяти часов, когда Иван Акимович ушел к себе на квартиру, у забора его дома слышался бушующий Янсен и уговаривающий его товарищ Ирино.

— Что делать?

— Янсен не виноват в краже?

— Не виноват. У него были деньги, но полученные от его опекуна, господина Саввы Хорие.

— Заставьте Тита Косияма извиниться перед ним в присутствии всех учеников в столовой. А потом скажите, — несправедливое подозрение обидело Вас; этим отчасти извиняется Ваше безобразное поведение вчера, тем не менее Вы виноваты в пьянстве, грубости и позоре для всего заведения, и потому не можете остаться без наказания. Будете без обеда. — Но кто же вор?

— До сих пор не открыто. Можно только думать, что виною табакокурение; крадут друг у друга на табак. — Как истребить табакокурение?

— Кроме уговаривания, других средств нет в нашем распоряжении. Старайтесь убеждать, с младшими говорите строже... — (Но способен ли на все это Иван Акимович?)

В десять часов пришел о. Семен Мии, и я, отпустив Накая, вновь говорил с ним по поводу миссии Окамото Риуноске. Три пункта он должен исследовать касательно религий: 1. отношение государства к религии; 2. отношение религии к воспитанию; 3. внутреннее устройство (сосики [?]) каждой религии. Это его официальное дело. Частное — исследование политики разных стран, но до этого нам с о. Мии нет дела. — Я подтвердил ему, что сказал прежде, — что отпущу его, чтобы Окамото имел полную возможность с помощью его узнать православную веру и Церковь. Нужно будет ему справить духовное платье, которого, то есть рясы, у него нет. Снабдил его книгами, которые он просил, и больше того. Именно: дал «Московский сборник» Константина Петровича Победоносцева, тот самый, который получил от него с о. Сергием Глебовым; сказал, чтобы о. Мии перевел все, что заключается там, к сведению Окамото, а книжку, чтобы по возвращению в Японию, вернул мне; дал «Историю России» Соловьева, учебник его; рассказы про старое время на Руси Петрушевского, учебник географии Белохи. Окамото послал в ответ на его подарок мне: альбом Лазовского «Киевский Собор Святого Владимира», оставленный здесь о. архимандритом Сергием, из которого несколько изображений мы уже позаимствовали в наши брошюры (я уже выписал еще прежде два экземпляра подобного альбома,

которые, вероятно, и придут): четыре японских богословских книги, которые прежде не были посланы ему, и «Всеобщий календарь» за нынешний год.

Наказал я о. Мии известить меня дней за двадцать до выезда их из Японии, чтобы иметь время приготовить рекомендательные письма. После завтрака мы с ним распрощались, и он отправился обратно в Кёото, взяв еще деньги на отъезд по своим Церквям в Танго и Тонба.

Часу в третьем были с визитом капитаны «России» А. М. Доможиров, «Владимира Мономаха» князь Ухтомский и аудитор Артемьев, будущий издатель газеты в Порт-Артуре. Ухтомский рассказал: 1. как в Нагасаки, когда он стоял там, консул Костылев отнесся к нему с просьбою прислать судового священника для погребения одной православной христианки, японки, умершей там. Ухтомский совсем готов был отпустить священника и сделать все, что нужно для достойного совершения похорон, но Костылев больше не просил; оказалось, что умершую сожгли (вероятно, похоронили родные по-буддийски или же приготовили пепел к отпеванию в своей родной Церкви); 2. как он хоронил идолов в Порт-Артуре. Храм нужен был для другого назначения, потому велели китайцам убрать буддийских истуканов; они нашли место для перенесения их, но такое грязное, что Ухтомский говорит, — «я не решился перенести, а предложил поступить с идолами как-нибудь иначе»; тогда бонза и китайцы предложили зарыть их в землю, почему капитан велел матросам осторожно снять их с мест, завернуть в рогожи и опустить в вырытые ямы. Матросы так и поступили. Только туфля с ноги у главного идола упала, о чем они и доложили: «Ваше Высокоблагородие, туфля с ноги спала». Капитан велел и ее вместе со всем погребсти. Идолы были золоченые; главный из них «в высоту этой комнаты», указал капитан, рассказывая (значит, не менее тринадцати фут).

***24 марта / 5 апреля 1899. Среда
четвертой недели Великого Поста***

Чтобы окончательно развязаться с корреспонденцией в Россию, оставив перевод, писал до обеда письма.— Приглашение барона Санномия (оберцеремониймейстер) в двенадцать часов на завтрак к нему в дом.— Опять письма до всенощной, которую тянул пением Львовский до безобразия; такая прекрасная песнь, как «Архангельский глас», совершенно теряет весь смысл в его пении: слоги на сажень отстоят друг от друга — не поймешь ни что поют, ни что за гармония; да и какая гармония, когда на каждой ноте, пока ее прямолинейно тянут, можно лечь спать, выспаться, проснуться,— а ее все еще тянут! Просто мученье! А ничего не поделаешь! Потому характер у человека такой! Сколько ни говори, как к стене горох.

25 марта / 6 апреля 1899. Четверг
четвертой недели Великого Поста.
Праздник Благовещения

За Обедней было больше русских, чем японцев. С судов нашло офицеров и матросов полсбора; наставили свечей у икон полны подсвечники, даже пришлось переменять свечи. Радостно было служить. Воспрянуло там где-то на дне души залежавшееся русское чувство! После Обедни толпа матросиков осталась, чтобы отслужить молебен и панихиду; о. Павел Сато и отслужил им. Я спрашивал, не могут ли пропеть. Я отслужил бы по-русски, но они, видимо, хотели японского богослужения.

Доходу от молившихся русских сегодня было в Соборе до 80 ен, в том числе 50 ен японскими золотыми, поданными мне в пакете во время Апостола от неизвестного в здравие Александры и Пелагеи и от Унженина, купца из Ханькоу, после службы зашедшего ко мне и завтракавшего у меня.

26 марта / 7 апреля 1899. Пятница
четвертой недели Великого Поста

О. Павел Кагета пишет, что Илья Сато, катихизатор в Акита, болен головой, просит отозвать его домой, в Такасимидзу, для лечения, а вместо его прислать другого. Но от Ильи письмо, что он почти совсем поправился. Так как совсем нечем заменить Илью и вызвать его оттуда было бы равно закрытию там Церкви, то и отвечено о. Павлу, что пусть Илья Сато остается в Акита, пока он сам терпит там.

Николай Абе из Коофу пишет: просится сюда для сообщения чего-то по Церкви, что должен передать лично. Вероятно, надоело там быть и хочется прогуляться. Отвечено: пусть напишет, что хочет сообщить; если же не считает это удобным, то после Пасхи в Коофу отправится о. Феодор Мидзуно, – пусть ему сообщит.

С «Владимира Мономаха» были два офицера с визитом от лица всей кают-компании: лейтенант Повалишин и мичман Захаров. Утром делали ученье, потом получили приказание отправиться с визитом в форме к посланнику. У меня были в три часа, целый день ничего не евши; и я их, к несчастью, ничем не мог угостить, кроме чая с бисквитами, ибо торопился еще к себе на службу. Служба тоже нелегкая! Порт-Артур и Талиенван хвалили; говорили, что там берег уже ощетилен четырьмястами русских пушек, а всего один год, как там; недавно праздновали годовщину занятия.

27 марта / 8 апреля 1899. Суббота
четвертой недели Великого Поста

По выходе из Обедни нашел на столе письмо о. Семена Мии; он уже вернулся в Кёото, переговорил с Окамото, передал ему мои подарки с

советом не ездить в Сибирь с возвратом сюда и потом новым отправлением в Россию, а прямо чрез Сибирь ехать в Россию. Окамото согласен на это, и они в первых числах следующего месяца — мая — собираются отправиться в Владивосток.

Потом пришел Павел Накаи: сегодня-де нужно ехать смотреть императорский сад в Синдзику, к чему приглашал служащий там Феодор Миягава,— погода хорошая. Отправились мы с ним в половине девятого и вернулись за двенадцать. Осмотрели во всех подробностях. Место, занимаемое садом, принадлежало прежде удельному князю Найто и тридцать лет тому назад подарено Императору, но всего семь лет назад серьезно занялись разведением здесь сада, и результат блестящий; теплицы, в которых содержатся и разводятся южные цветочные растения, собранные со всех стран, длиннейшие, содержатся в образцовом порядке и поражают обилием видов и индивидов растений. Фукуба, сын которого был здесь в Семинарии и вышел по дурному поведению, начальник сада; товарищ его показывал сегодня нам теплицы; под рукой у них четыре чиновника, из которых один Миягава Феодосий; садовников и рабочих человек сорок. Отпускается в год на сад тридцать тысяч. Кроме теплиц, мы смотрели огромные пространства, занятые огородными растениями, потом два сада в японском стиле,— новый, где множество птиц в клетках и на воле, тоже из разных стран; наиболее интересные — пленники из Китая, привезенные с войны,— орлы, соколы и прочие; есть и несколько четвероногих — овцы, козы, верблюд, олень; красивейший экземпляр — белый павлин, при нас распустивший свой великолепный хвост; старый японский сад, бывший еще при князе, которого и дворец был здесь, с большим озером, холмиками, замечательно обработанными деревьями и прочее. Впрочем, самая поразительная вещь сего императорского сада — «кику» с 900 цветами на одном стебле; живым мы этого цвета не видали, а видели его фотографию на стене приемной. Это — то «кику», о котором осенью прошлого года распространялись в описаниях газеты. Особенная еще прелесть сада ныне, что «сакура» в цвету, и мы проезжали и ходили по длиннейшим аллеям их с бесподобным видом, если смотреть вверх на едва видную, всю в цветах, синеву неба.

Во втором часу отправился я в Посольство взять паспорт на поездки по Японии (вероятно, в Пасхальную неделю найду время побывать в Кёото), отвести накопившиеся иллюстрации, которые посланница присылает смотреть, и прочее. Посланник барон Розен долго рассказывал, как не резонен адмирал Дубасов с своим японофобством. Завтра барон будет иметь разговор с ним и убеждать, что с Японией совсем не нужно воевать.

После всенощной семинарист Феодор Янсен приходил просить отправить его в Россию еще учиться. Савва Хорие, его попечитель, уже просил об этом, и я отказал; теперь сам он пришел. Но куда ему? В Академию не годен, не по силам; Семинарию он здесь ныне кончит. Не

знаю, как быть с ним. Русский подданный, полурусский (то есть полуфинляндец) по рождению, японец по матери и по воспитанию.— Сказал, что не могу отправить его в Россию; но, видимо, разговор еще этим не кончился.

**28 марта / 9 апреля 1899. Воскресенье
пятой недели Великого Поста**

В Обедне опять было много офицеров и матросов с «России» и «Владимира Мономаха». После Обедни зашел ко мне Бердников, начальник таможни в Владивостоке, с сыном; тут пришли многие японцы — кто с визитом, кто по делу. Бросаешься от одного языка к другому, — хочется и тем и другим сказать любезность или дело, — и выходит горох с капустой, неприятное дело, так что сегодня чуть совсем не рассердился в душе.

Жена Давида Ниими, Нина, из Ханда была; говорила, что дело проповеди совсем плохо там; катихизатор Тит Кано к христианам не ходит, язычникам проповедует так, что если кто один раз придет посещать его, то другой раз не приходит. А я надеялся на него; в Семинарии так хорошо учился и вел себя; и теперь ведет себя отлично, и уже женат, значит — в поведении не испортился. Но не следует молодых, только что выпущенных из Семинарии, проповедников ставить отдельно, на самостоятельные посты, а нужно непременно на первые годы помещать их под рукою у священников, чтобы они навыкли и направились, сделались опытнее под руководством опытных людей.

Елисавета Котама была: внук Анны Кванно из Оосака прислал ей белую одежду, в которую положат ее в гроб, но крест у нее старый, полученный при крещении, почерневший; просит нового; я дал русский серебряный позолоченный и советовал старый тоже надеть на шею вместе с ним.

Из Батоо катихизатор Павел Сайто был вместе с благочестивым христианином Иеремией, — депутатами от Церкви пришли просить помощи на построение Церкви в Батоо; землю они купили и четыреста ен на постройку Церкви пожертвовали, но нужно семьсот; просят от меня триста. Я сказал, что не могу дать так много; пожертвую двадцать пять ен и иконы для Церкви и посоветовал уменьшить размеры здания так, чтобы постройка обошлась не больше наличности денег, или же не строить предложенный в здании второй этаж.

Феодор Янсен, семинарист, опять приходил проситься в Россию. Убедил его оставить свое желание; пообещал впоследствии, когда построится Сибирская железная дорога, отпустить его месяца на два-три повидать Россию. Сказал, чтобы имел в виду для себя здесь служение — сначала чтеца в Соборе и проповедника в городе, а когда достигнет

двадцати пяти лет и женится, — протодиакона и тоже проповедника, впоследствии же священника.

*29 марта / 10 апреля 1899. Понедельник
пятой недели Великого Поста*

Из Вакамацу, на Сикоку, был христианин Роман Оохаси, собственно к Церкви в Фукурои принадлежащий и живущий там у брата, который на службе. Говорил, что Стефан Камои, катихизатор в Кокура, посещающий Вакамацу, имеет там ныне двоих слушателей учения.

*30 марта / 11 апреля 1899. Вторник
пятой недели Великого Поста*

О. Петр Кано пишет: просят опять туда, в Одавара, о. Павла Савабе, чтобы исповедать тех, которые еще стесняются открывать свою душу пред ним, о. Петром.

Кстати, и одна христианка с своим внуком, телеграфистом, из Одавара сегодня была. Это — мать умершего здесь в семинарии ученика Мяиги; очень бойкая старуха, бывшая во вражде с о. Петром; ныне она с ним мирна, но с женою о. Петра, как видно, еще на ножах; все время разговор сводила на нее, как она-де груба и ссорлива. Внука привела к ушному врачу.

*31 марта / 12 апреля 1899. Среда
пятой недели Великого Поста*

Согласно приглашению на днях (через молодого чиновника из Кунайсё, привезенного и пригласительного билета), был сегодня на завтраке у оберцеремониймейстера Санномия, близ Синагавской станции, в красном доме.

Дождь рубил с утра и все время до полдня, но не вежливо было не поехать. За то и там оказали вежливость: для меня приготовлена была постная пища. «У нас уже Пасха прошла, у вас еще пост», — заметила Мт Санномия, родом англичанка, когда стали подавать. Были члены нашего Посольства, адмирал Дубасов с флагофицером и капитаны — «России» Доможиров и «Владимира Мономаха» князь Ухтомский, граф Оокума с женой и трое-четверо японских гостей. Санномия получил от нашего Государя подарок за прием здесь Великого Князя Кирилла Владимировича, и это было причиною угощения русских сегодня.

Когда вернулся домой, в три часа, здесь нашел о. Павла Савабе, собирающегося послезавтра в Одавара. Он ныне в настроении хорошем, кажется, совсем благонадежном; вероятно, поездка его послужит к

укреплению добрых отношений христиан с о. Петром. Из Одавара отправится в Сиракава, где и на Пасху будет.

*1 / 13 апреля 1899. Четверг
пятой недели Великого Поста*

О. Фаддей Осозава вновь пришел просить увольнения его в заштат. Совсем было поправился, но простудился и опять хрипит, и по голосу, действительно, не годен ни на какую священническую службу. Нечего делать, сказал ему, что увольняется, но что содержания ему (пенсии) не могу дать больше, чем получает ныне заштатный о. Иоанн Оно, то есть двенадцать ен. Ныне ему идет ежемесячно 28 ен 40 сен, и особо на лечение давалось почти целый год каждый месяц пятнадцать ен. Семьи у него — жена и семеро детей, из которых только двое на содержании Миссии, в Семинарии, прочие должны остаться на тех же двенадцати ен. Все это сказал ему, он, тем не менее, продолжал просить увольнения. Ладно. С следующего месяца пусть считается в заштате. (На отца еще, сверх вышеозначенного высылается ему четыре ены. Не знаю, как с ними?)

О. Феодор Мидзуно вернулся с посещения Церквей в Симооса; больше пятнадцати крещений совершил; много новых слушателей у катехизаторов; вдова Филиппа Судзуки вовсе не притесняется родными, но так как она сама хочет служить по Женской школе у Филиппа Узава, то родные не удерживают ее, будут высылать ей по две ены в месяц, готовы и в будущем заботиться о ней и детях. Дарья Судзуки и перейдет в Кабусато, чтобы присматривать за Женской школой там. От меня о. Феодор просит три ены ежемесячно Дарье. Пусть. Продиктовал письмо к Филиппу Узава, чтобы он взял к себе Дарью, позаботился о помещении ее с детьми, внушив родителям учениц заботиться о ее пропитании; от Миссии же будет высылаться ей по три ены ежемесячно до поступления ее дочек в миссийскую Женскую школу.

*2 / 14 апреля 1899. Пятница
пятой недели Великого Поста*

Согласно приглашению третьего дня от адмирала Дубасова, был сегодня на обеде на крейсере «Россия» в семь часов вечера. Разумеется, не так, как третьего дня у Санномия, — не позаботились приготовить что-либо постное. В половине обеда только адмирал счел нужным извиниться: «Я и забыл, что сегодня пятница!» Но совершенно забыл и в момент извинения, что ныне уже пятая неделя Великого Поста, тогда как в доме язычника Санномия знали и подумали о том. К счастью, я не обедаю никогда и потому без убытка для себя мог ответить адмиралу: «О, не

беспокойтесь! Я не имею обычая обедать и приехал только засвидетельствовать почтение Вам» и просидеть праздну за обедом, наслаждаясь лишь прекрасной музыкой, которая играла все время.

На пути в Иокохаму, в вагоне, прочитал записку адмирала, которую вез и читал секретарь Посольства Поклевский. Суть — воинственное расположение к Японии; «мы-де должны завладеть Кореей, которая нужна по поводу нашего богатырского роста, но которую так взять нам Япония не даст, ибо ей Корея нужна для более серьезных целей (для обитания и пропитания по причине тесноты дома)»... Впрочем, пишет гладко и приятно — а потому спать пора — черчу усталый, в первом часу ночи, вернувшись из Иокохамы, в дождь.

*3 / 15 апреля 1899. Суббота
пятой недели Великого Поста*

Совість укоряет за то, что вчера осудил в душе адмирала за несоблюдение поста. Господь с ними! У самого больше грехов. Прости, Господи! Нужно смотреть на хорошую сторону людей, а худую, если ее нельзя исправить, не замечать. Хорошего же у наших моряков сколько! Как они трудятся для Отечества! На моей памяти флот от таких судов, как «Посадник» и «Наездник», которые я видел в 1861 году, дошел до «России», этого удивительного стального города, чуть не с тысячею обитателей и, по-видимому, совершенно неуязвимого. Кто ж, как не моряки делают все это? И вчера мы, береговые гости, вернувшись, легли спать, а они, оба судна — «Россия» и «Владимир Мономах» — в десять часов вечера, в дождь и темень, пошли в море. Как прекрасен был мой земляк, капитан Доможиров, в непромокаемом пальто на палубе под дождем, когда мы прощались с ним! Целую ночь он не сомкнет глаз; стоя на мостике, чтобы беречь свою великолепную «Россию» от всякой опасности. А адмирал разве не прославил русский флот своим самоотверженным подвигом в войну с турками? И ныне разве он мало потрудился над устройством «Порт-Артура»? Разве не потрудился и над запиской, которую я вчера читал и в которой столько прекраснейших мыслей и удивительно собранных статистических данных? Положим, его идея о необходимости войны с Японией не выдерживает серьезной критики (если только не выдерживает), но источник ее — патриотизм, которому нельзя отказать в полном сочувствии и уважении...

О. Роман Циба вернулся с обзора своих Церквей в Симооса и Кадзуса; совершил несколько крещений. В Циба, где больной катихизатор Григорий Камия, особенно худо; исповедались и приобщились только двое, больше никого и на молитву не мог дозваться о. Роман; впрочем, там всего четыре христианских дома.

Видел сегодня Анну Кванно совсем умирающую: кожа да кости; почти вся уже похолодела; едва движет языком: «Цуми (греха)», говорит смиренно и старается правой рукой сотворить крестное знамение; кругом нее сидят и плачут. Разреши ее, Господи, поскорей от страданий ее телесных!

***4 / 16 апреля 1899. Воскресенье
шестой недели Великого Поста***

Господь разрешил, наконец, свою рабу Анну от телесных уз: сегодня пополудни, в три часа, она скончалась. По-видимому, до последних минут сохранила сознание, хотя едва могла выражать это. Когда зазвонили к Обедне, правая рука ее силилась подняться для крестного знамения; когда в первом часу о. Павел Сато пришел читать отходную и ей сказали о том, она слабым наклоном головы ответила. Спаси ее, Господь! Достояна она милости Божией! Больше двадцати лет трудилась для Женской школы, любила девочек и заботилась о них, как родная мать. Она, приняв едва зачинавшуюся Женскую школу, своим разумным управлением ее довела до нынешнего ее превосходного состояния, стяжала ей имя и почет и сделала ее полезною для Церкви. Под ее материнским руководством воспитался и добрый состав служащих ныне в Женской школе, так что можно надеяться, что при помощи Божией она будет вестись и вперед не хуже.

До обедни человек десять крещено. После Обедни были у меня, между прочим, два христианина из Сакари; просили туда катихизатора, ибо Павел Кубота из Кесеннума назидает их редко и слабо, а они между тем действительно достойны лучшего попечения; христианский дух в Сакари несколько не упал с отнятием у них катихизатора; это они заявили приобретением участка земли в городе для постройки Церкви; земли больше 200 цубо, и истрачено на покупку ее больше 200 ен, что для небольшого числа христиан в Сакари не мало; ныне задумывают церковную постройку на ней. Но нет вдохновителя и руководителя; просят на будущем Соборе непременно назначить им катихизатора. Я сказал, чтобы прислали прошение о том.

***5 / 17 апреля 1899. Понедельник
шестой недели Великого Поста***

Утром я поехал в Иокохаму: разменял вексель содержания Миссии из Казны за второе полугодие; хотел было положить деньги в Русско-китайский банк, да там на 63 ены сказали дешевле размен (фунт стерлингов — ена), чем в Hong Kong and Shanghai Bank'e, почему опять и положил в этот банк; но десять тысяч ен (из 25.078) взял, чтобы положить на

проценты на полгода; хотел — в наш Русско-китайский тоже, но опять сказали процентов только четыре, тогда как у Мицуи — пять с половиной процентов, куда и сдал, привезши в Токио.— Одно только и удалось сделать в нашем банке: взять вексель на пятьсот рублей для отсылки в Одессу на церковные свечи; за эти пятьсот рублей пришлось заплатить 516 ен 25 сен.— Завтракал потом у консула князя Лобанова, и после с ним мы поехали в католический Женский пансион, на горе; сдал я сто ен, оставленные о. архимандритом Амбросием для передачи матери Матильде, начальнице, на воспитание определенной туда Александры Алмазовой (Олсуфьевой) за второе полугодие, с конца апреля; кроме того, просил, чтобы эту девочку и еще трех православных русских, воспитывающихся там, прислали в Страстную сюда, в Миссию, поговеть и потом встретить Светлый праздник. Пришлют их в Великую Пятницу, а в Пасху, в одиннадцать часов пришлют за ними. Здесь они побудут в нашей Женской школе.

Без меня здесь, около полудня, покойницу Анну положили в гроб и перенесли в Собор, в крещальню, где, вернувшись из Иокохамы в четвертом часу, я застал у гроба старших учениц, человек десять, из которых пять читали вслух Псалтирь, прочие печально слушали; Анна благолепно лежит вся в цветах; гроб обит шелковой тафтой цвета зрелого винограда, по образчику, данному мной вчера. К шести часам гроб перенесли в Собор и поставили против амвона; в шесть была всенощная, отслуженная о. Павлом Сато. Потом старшие ученицы и учительницы, чередуясь, всю ночь читали Псалтирь.

***6 / 18 апреля 1899. Вторник
шестой недели Великого Поста***

С восьми часов заупокойная Литургия, отслуженная о. Павлом Сато. На причастие я сказал краткое поучение, относящееся к предмету. Отпевание было совершено соборно. Опечаленные ученицы пели так от души и так хорошо, как никогда прежде. После Евангелия О. Павел Сато сказал речь, восхваляя постоянство покойницы в служении делу церковной школы.

Проводы на кладбище были такие великолепные, каких до сих пор никогда не было; процессия занимала не менее двух чё, или более. Сначала несли двадцать поставцев с живыми цветами попарно, присланные разными почитателями Анны, потом флаг с текстом из Священного Писания, за ним свещеносец и носитель креста с ассистентом — все трое в парчовых стихарях (ученики Катихизаторской школы); за ними попарно ученицы, чисто и красиво одетые, ученики Семинарии, все — поющие «Святой Боже»; потом два диакона с кадилами, четыре священника, гроб под парчовым покровом, на котором были два огромные

венка, по сторонам — поставцы с живыми цветами, четыре — от учениц; за гробом я шел в клобуке, за мной учащий персонал Женской школы и многочисленные христиане и христианки. Процессия совершилась в полном порядке; со стороны народа нигде никакого неприятия или неприязни. Дорога была немного грязна, ибо всю ночь шел дождь, но погода, хотя и несколько пасмурная, тоже не помешала дождем.— Отпевши литию, которую больше половины учениц почти ипеть не могли за плачем, рабу Божию Анну опустили в могилу, при плаче детей, которых она так любила. Затем зашли отдохнуть несколько, выпить чашку чая и закусить «кваси», как обычно; все сделано было в порядке и со всяким приличием. Около двух часов пополудни я вернулся с кладбища (Янака около Уено); бедные дети приплелись еще позже, очень усталые,— почему им, Женской школе, пусть не будет завтра ученья, пусть отдохнут от усталости этих дней.

В три часа пришел учебный персонал Женской школы и Мария, младшая сестра покойницы, благодарить. Я сказал, чтобы Елисавета Котама заняла упразднившееся место начальницы Женской школы, она больше двадцати лет была под руководством Анны; вместо Елисаветы инспектрисой чтобы была Надежда Такахаси — девятнадцать лет тому назад девочкой она поступила в школу и, кончив курс, осталась учительницей; отказалась от многих предлагавшихся ей партий, чтобы служить школе,— пусть же и служит помощницей начальницы. Пусть перейдут: Елисавета — в помещение Анны, упразднившееся, Надежда — в комнату Елисаветы.— Евфимия Ито, пожилая вдова, и Текуса Хагивара пусть помогают Елисавете и Надежде. Эти четыре и составляют главный, надежный учебный персонал школы. Молодые учительницы часто меняются, выходя замуж и поступая вновь из кончающих курс. Сказал я Елисавете и Надежде, как наиболее ученым и писательницам, чтобы составили биографию Анны Кванно в поучение самоотверженному служению делу Божию, что они, вероятно, и сделают.

*7 / 19 апреля 1899. Среда
шестой недели Великого Поста*

Утром, во время перевода, но когда Накаи переписывал текст, пришла, в двенадцатом часу, Софья Китагава, заведующая Сиротским приютом Иосифа Тадаки, и рассказала, что она опять ездила к нему в Мориока, застала его днем, спящим с купленной им «гейся» среди объедков роскошной трапезы; дал он ей письмо, которым наотрез отказывается от Сиротского приюта и вполне предоставляет его ей; словом, оказался он круглым негодяем; имя его не настоящее, а подложное, под которым он скрылся от военной повинности в минувшую войну; детей он брал в приют без всяких документов на них, а кое-как; в приюте поместил свою

мать и сестру, для которых держался особый стол и производились большие расходы; ныне он шантажными средствами добывает деньги на разврат, а на приюте больше четырехсот ен долгу. Что делать? Обратилась Софья за советом. Я посоветовал оповестить, что Тадаки не имеет больше отношения к приюту (так как о его развратной жизни слухи уже пошли, и из-за них никто не станет жертвовать на приют); потом удалить семейство его из приюта, чтобы сократить расход. От себя обещал содержать тех, которые будут найдены надежными к поступлению потом в Семинарию, как два ныне уже содержимые; прочих приемышей, быть может, пропитают пожертвования Церквей.

Велел накормить Софью обедом, послал потом рассказать все секретарю Сергию Нумабе, чтобы иметь и его совет; но сей отказался и выслушать. Встретил я потом на улице о. Павла Сато, спрашиваю, рассказала ли ему Софья обстоятельно «Кодзинин»?

— Я знаю их. Но между Софьей и Тадаки были отношения не нравственные.

— Не на распутии же вслух объявлять о них (а он вслух и громко стал говорить при остановившемся тут же катихизаторе Сим. [Симеоне] Томии, с которым он направлялся куда-то, и двух-трех тоже остановившихся около нас язычников); притом это их частное дело — бедные дети в приюте чем виноваты?

— Я вам потом все расскажу, — заключил о. Павел и ушел.

Но до его рассказа Павел Накаи, пришедши вечером на перевод, на мой вопрос, что он думает о рассказе Софьи про Тадаки (так как он не мог не слышать все в открытую дверь из другой комнаты), отвечал:

— Позорнейшее дело! Они ведь открыто жили, как муж и жена, и выдавали себя за таковых. Даже слышал я сегодня от матери, что они и брак заключили по-язычески, при своих родителях, устроив пир.

Последнее, по всей вероятности, неправда, — кумушки приплели, вроде мачехи Павла Накаи, на язык ой-ой какой! Но что Софья была наложницей Тадаки, это, должно быть, верно, ибо и она сегодня, плача, говорила о каком-то «циуквай» (покаянии), к которому о. Павел «еще не допускает ее». — А я-то был об ней такого выспренного мнения! И пожилая-то она, и по лицу такая благовоспитанная и благочестивая! Поди, узнай японцев, да и вообще-то людей! Хуже всего, что бедный Сиротский приют совсем в опасности прекратить свое существование. Не знаю, что Бог даст. Я не прочь содержать годных для Семинарии. А прочие как? Софья в состоянии ли найти средства для них, да и упредить приютом? А заменить ее кем же?

Из сегодняшних писем:

О. Матфей Кагета пишет, что в Мори есть желающие слушать вероучение, но катихизатор Яков Ивата, которому поручено Мори, ленив, не навещается туда из Фукурои, где у него ни одного слушателя. — Не удивительно, если кто, то именно этот катихизатор служит только из-за

содержания: отец и мать престарелые, но он и не думает об обращении их ко Христу.

Фома Танака из Вакаяма извещает, что семь человек у него крещено; Савва Ямазаки — что шесть у него; оба давние и усердные катихизаторы; у таких всегда и есть успех, тогда как другие ропщут на неуспех, обвиняя в нем не себя, а окружающую среду. Вздор! Как везде, в Японии можно иметь успех, лишь бы усердие к проповеди иметь!

Савва Эндо пишет, что в Гокан дом Григория Кувабара подожгли, очевидно, кто-то из фанатиков-язычников. Бедный, весь погорел, но иконы спас. Просит Савва пропечатать об этом в «Сейкёо-Симпо» — быть может, найдутся жертвователи в пользу погорельца. Я от себя послал пять ен.

Вечером получена была телеграмма от о. Мии: «7 числа едем» — значит, 7 следующего — мая — он и господин Окамото снимаются в дальний путь, и мне нужно приготовить рекомендательные письма для них в Сибирь и Россию. Я тотчас же запросил его письмом: 1) отправляются ли прямо из Кёото в Владивосток, или будут останавливаться здесь, в Токио? 2) Намечено ли, в каких городах будут останавливаться по Сибири и России до Петербурга? 3) Какой собственно чин Окамото? По его книге, он «сёоса» [?], а по словам Мии — полковник; кто же? 4) какое духовное платье есть у Мии? Я справлю недостающее. Написал также, чтобы поручил свой приход о. Сергию Судзуки и о том известил всех своих христиан.

*8 / 20 апреля 1899. Четверг
шестой недели Великого Поста*

Софья Китагава вместе с катихизатором Василием Ямада приходила. Ямада, катихизатор в Карасуяма, издающий газету в пользу Сиротского приюта и тем значительно помогающий ему, распространяя о нем сведения и вызывая пожертвования, нарочно прибыл в Токио по делу приюта. Ныне он, по совету с Софьей, составил новые правила для приюта, которые показаны будут властям Токио и, если утвердятся ими, дадут приюту законное существование, причем он может обращаться ко всей Японии, и христианской, и языческой; приют будет не учреждением Православной Церкви, а вообще благотворительным заведением; Японская православная Церковь едва ли еще может содержать такое заведение, а вся Япония может, если разумно повести дело. Правила хорошие, только слишком широко отворяют дверь в приют; не только сирот, но и бедных обещают принимать.

- Объявите эти правила — вдруг нахлынут; где же средства?
- Принимать, или нет — от нас зависит.
- Значит, обман?
- Зачем же? Будут средства, будет и прием.

Пусть! Мешать нечего, да и не могу — не церковное дело. Я не обещал ровно ничего, кроме помощи в содержании тех, которые найдены будут годными к поступлению в Семинарию (что можно определить не раньше лет двенадцати). Конечно, если бы ясно и определенно иметь этот приют рассадником для первоначального воспитания будущих служителей Церкви, то нашла бы и Миссия средства для содержания его. Но разве можно положиться на такое лицо, как Софья? А более надежное лицо — где?.. Без того же Миссия может терпеть только непроизводительный убыток. Вон сколько лет содержалось училище в Хакодате; цель его была — готовить материал для Семинарии; об этом я многократно, прясно и обильно толковал как хакодатским священникам, так и учителям, которыми большею частью были катихизаторы — уже на что бы, кажется, лучше людей, долженствующих понимать интересы Церкви! И ни единого-единственного воспитанника для Семинарии и служителя Церкви не дала Хакодатская школа! Ныне она закрыта и никаким добром не будет помянута в Церкви.— Боюсь, чтобы того же не случилось с Сиротским приютом, если его взять на попечение и расходы Миссии, не имея надежных людей для ведения дела.

Был с визитом полковник Глеб Михайлович Ванновский, вновь приехавший наш военный агент (племянник бывшего военного министра); привез письмо от Мш Шпейер и десять ен — золотом — ее крестнице Кате Накаи. Показал ему Собор, где он благочестиво приложился к иконам Спасителя и Божией Матери, Женскую школу и Семинарию, где в это время производился класс гимнастики.

*9 / 21 апреля 1899. Пятница
шестой недели Великого Поста*

Дообеденным переводом мы с Павлом Накаи закончили наши предпасхальные занятия. Остановились на паремии из Пророка Исаяи в третью неделю Великого Поста, в среду. Школы были окончены занятиями после полудня сегодня.

Вечером была всенощная, на которой — все учащиеся; пели причетники и преплохо — слишком спешно. Служили в правом приделе.

Утром я написал на имя Коочёо Ивана Акимовича Сенума внушение наставникам Семинарии во время говения ходить в Церковь, хотя мало надежды на то; с этим беспринципным людом, думающим только о брюхе и постели, что поделаешь?

10 / 22 апреля 1899. Лазарева Суббота

С шести часов Литургия в правом приделе, отслуженная о. Романом и пропетая причетниками; все учащиеся были; приобщались большею

частью служители училищные. После — панихида по Анне Кванно и другим сегодня; все ученицы молились; служили те же.

Матфей Юкава, из Накацу, пишет, что у него о. Павел Кавано крестил двоих, из которых один был доселе заклятым буддистом, а теперь такой же ревностный христианин; благодать Божия, видимо, переродила человека; письмо отдано для напечатания.

Игнатий Камеи, из Хиросима, извещает, что больной параличом катихизатор Лука Кадзима совсем близок был к смерти, но по совершении над ним таинства елеосвящения значительно поправился.

Из тюрьмы в Хоккайдо Иосиф Игуци и приятель его язычник Хирота благодарят за посланные им христианские книжки; письмо Хирота очень трогательно; если б был с такой душой до тюрьмы, то, конечно, не попал бы в тюрьму.

Днем были три епископальных миссионера, из которых один — из Индии — хвалился успехами там между браминистами* и магометанами; тоокейский же один хвалился, что японцы, делающиеся христианами в Лондоне, охлаждаются, возвратясь в Японию. Еще бы!

За всю ночь было много христиан. В первый раз сегодня читано Евангелие по большому напестольному японскому. Написанное чисто евангельскими (крупными) буквами стариком Алексеем Оогоем, отличным каллиграфом, переплетенное в золоченые доски, взятые с старого русского напестольного большого Евангелия, и в отличнейшем бархате темно-малинового цвета с золотым обрезом, с закладной лентой голубого цвета, шириной чуть не в страницу, с оттиском крейсера «Россия» на концах (откуда и пожертвование). Евангелие было бы прилично какому угодно Собору и в России. Днем я освятил его; читал возможно громко и раздельно так, что, конечно, все слышали и все поняли; поняли потому, что проще перевода, кажется, уж и быть не может, и, между прочим, он совсем не вульгарен, не дерет уши разными «кери» да «керува». Собственно и напечатать бы уже можно было наш перевод, без сомнения, лучший из всех существующих доселе (странно было бы, если бы иначе,— мы пользуемся всеми ими), но все же может со временем сделаться и несколько лучше, исправней.

«Слава Тебе, показавшему нам свет», — сказал на облачальном месте, еще не окончив помазывать святым елеем; кончил во время последней ектении. Христиане из города все были со своими вербами и свечами — видимо, обычай уже установился и, кроме того, почти у всех свечи были с вырезанными кругообразно бумажками в предупреждение капанья на платье или вниз на ковер.

После всеобщей дьякон Яков Мацуда исповедался весьма долго, рассказывая и повторяя одно и то же, почти час. Впрочем, польза исповеди

* Устар. брахманист.

на нем же и видна — гораздо лучше делается как человек и как диакон. Давай Бог ему!

Старший диакон Стефан Кугимия, к сожалению, болен; придется служить с одним Мацуда все службы страстные и пасхальные.

Погода преплохая: прошлую ночь была буря с дождем; сегодня почти весь день дождь. При всем том прибежище христиан к Церкви довольно обильное.

11 / 23 апреля 1899. Вербное Воскресенье

Утром крещения, между прочими — двух семинаристов (Александра Андо, сына богатого язычника, и другого), двух учениц Женской школы, слуги Ивана, сына ботаника Даниила. К Обедне — много причастников (до девяноста), христиан очень много.

За Обедней сегодня в первый раз диакон читал Евангелие на облачном месте. Так вперед всегда и будет, чтобы Евангелие было слышно всем; с амвона же, при слабом голосе японцев диаконов, Евангелие почти никому до сих пор слышно не было как следует. И за всенощной с этого времени священник будет читать Евангелие на середине церкви, как то делается в иных и русских Церквях (так читаемо было Евангелие в Николаевске, в Соборе, когда я зимовал там с 1860 на 1861 год, при Высокопреосвященном Иннокентии).

Днем были из русских: 1) капитан из Владивостока, Илья Ефимович Иванов, жаловавшийся, что в Нагасаки нет русского священника, тогда как почти всегда там человек триста русских, кроме судов; много больных, лечащихся там, умирают — отпеть некому; печально стало; действительно, нужно бы туда выхлопотать священника на тех же основаниях, как в Ханькоу; но кому должна принадлежать инициатива этого дела? Мне кажется, Консульству в Нагасаки с посланником, быть может, с адмиралом Порт-Артура. Капитан потом еще приезжал на вечерню в Собор, и ему очень понравилась служба у нас. 2) «Евгений Генрихович Спальвин, оставленный при Императорском Санкт-Петербургском Университете для приготовления к профессорскому званию по кафедре Японской словесности». Двадцати семи лет красивый молодец, родом — латыш, лютеранин; приехал на год-два, может, и больше, для изучения японского языка; поселился в Коисикава и уже нанял себе учителя. Видно, что очень серьезный молодой ученый.

О. Семен Юкава рассказал про свое путешествие в Хокода, Ибарагикен, преподавать таинство покаяния и приобщения Святых Тайн тамошним христианам: Екаторине Сакамото, шестидесяти лет; ее дочери, Марфе Сакамото, двадцати пяти лет, которая в Токио крещена мною, когда ей было всего сорок дней от рождения и которая с тех пор не была в Церкви и видела только раз в жизни случайно проходившего и сказавшего проповедь в Хокода катихизатора; оказалось, однако, что учение

от Екатерины она усвоила и была всегда религиозной; ныне она за язычником, и у нее двое детей еще не крещеных; Вере Исикава и ее мужу Александру; Вера, по отцу Иимура, воспитанница нашей Женской школы; вышла за язычника, но мужа привела ко Христу; он крестился в Церкви Коодзимаци, когда служил здесь в банке; ныне он в Хокода тоже чиновником от своего банка. Всего четверо христиан, и они заброшены были по совершенной неизвестности о них. Оказалось, однако, что благодать Божия хранила их. Екатерина Сакамото накопила пять ен и прислала их о. Семену на Церковь, или на бедных, по его усмотрению; вследствие этого мы узнали о них; я послал о. Семена посетить их и преподать таинства; он нашел их очень благочестиво настроенными и хранящими уставы Церкви. Так-то Господь заботится о своей Церкви лучше, чем мы!

К вечерне, в шесть часов, звонили по-праздничному, в большой колокол с перезвоном. После вечерни — Малое повечерие.

12 / 24 апреля 1899. Великий Понедельник

С шести утра — утренняя, кончившаяся в семь с четвертью, после чего непосредственно была панихида по рабе Божией Анне Кванно, которой сегодня девятый день; служили соборне — со мною четыре священника, пел полный хор.

С десяти — Литургия, кончившаяся в половине первого пополудни, даже несколько позже.— С шести вечера — Великое повечерие, продолжавшееся до семи.

На службах — почти одни учащиеся; из города — очень мало.

Из Одавара пишет Петр Кураока, катихизатор, что вчера о. Павел Савабе крестил там двадцать семь человек. О. Петра Кано там нет — путешествует по Церквям. Дай Бог, чтобы все там было благополучно! Но что-то и сомнение закрадывается...

Из разных Церквей письма о крещениях; вообще довольно хорошая корреспонденция сегодня.

Был христианин из Сендая, Такахаси, отец Дарьи, вдовы Филиппа Судзуки. Посещал он свою дочь; при нем она перешла в Сука к Филиппу Узава учительницей в его школу; и он, отец, очень доволен, что возвращается домой один, без дочери с внучками — бедняк.

13 / 25 апреля 1899. Великий Вторник

Утром пришло письмо от о. Мии, что отправятся они с Окамото прямо из Кобе в Владивосток, что духовное платье он заказал христианину, портному в Оосака, по образцам, взятым им здесь у о. Глебова (значит, ряса — гермафродит — ни пальто, ни ряса), что Окамото не желает в своем именовании в рекомендательных письмах никакого чина

(должно быть, чтобы избежать «капитана» всего). Я запросил тотчас же телеграммой: «Шьется ли уже платье? Если нет, я здесь закажу своему портному». Получен ответ: «Шьется уже». Ладно; завтра спрошу телеграммой, «сколько стоит», и пошлю деньги. Хотел до ста ен употребить на этот предмет. Вероятно, будет дешевле, зато платье гермафродитское; ему же хуже.— Написал сегодня семь рекомендательных писем, завтра вдвое больше нужно настрочить. Прок-то будет ли?

О. Алексей Савабе сегодня пришел вместо отца своего и сказал, что он вчера, вернувшись из Одавара, сегодня отправился в Сиракава. О. Петра Кано в Одавара еще нет. Христиане опять в разладе; теперь, по словам Савабе, уже сторонники о. Петра не ходят в Церковь — «особенно женщины-де враждуют, как-то: Мария Такахаси», — больше, впрочем (кроме жены о. Петра), никого и не назвал, и эту — лучшую из всех христианок Одавара, знать, нужно было обнести! Грехи тяжкие! О. Павел Савабе и хорош, и в то же время — хоть брось! И чего только он, старый, добивается! Отчего не довести было христиан до окончательного примирения? Дело шло так хорошо. Нет, знать, интрига милей всего на свете! Оттого и ко мне не явился — совесть не чиста.

Игнатий Мацумото из Курури явился сюда на службу. Мысленно метил его в Одавара вместо Кано, а он жалуется на болезни: каждый год «какке» и частые головные боли. Вот беда-то! Людей хоть близко подходящих для священства хоть шаром покати! Кто невыносимо глуп, кто нестерпимо ленив, кто телом гнил. Хоть волком вой!

14 / 26 апреля 1899. Великая Среда

Целый день писал рекомендательные письма господину Окамото вместе с о. Мии, которых сегодня написал пятнадцать-шестнадцать. О. Мии известил, что заказанное им духовное платье будет стоить ен семьдесят — тоже не стеснился!

На богослужениях читают теперь Евангелие по последнему исправлению. И плохой же перевод! Сколько еще нужно исправлять! Во многом, кажется, придется вернуться к старому; например, «любяй душу свою» у нас так и переведено «тамасии», а прежде было «иноци» (жизнь), и, кажется, так и нужно; держаться слишком узкого буквальничанья тоже ошибка; ведь по-гречески «психи» не единственно «душу», а и «жизнь», и сколько там еще значений в лексиконе! «Фудзёо-но син» (злой дух) тоже странно звучит, и нигде у других так не переведено. И прочее, и прочее.

15 / 27 апреля 1899. Великий Четверток

Вставши в четыре часа, писал рекомендательные письма. Литургию служил о. Павел Сато соборне, и приобщались учащиеся. В семь с

половиной был звон второго колокола, по которому собрались на предпринятое правило. В восемь часов был трезвон и кончились Часы. Я пошел в Церковь по трезвону и вернулся, когда началось приобщение, в десять часов, чтобы продолжать письма. После обеда я с прислугой очистил комнаты уехавших оо. Сергия и Андроника, чтобы отдать их на Пасхальную ночь христианам. Потом приготовился к чтению Страстных Евангелий; читал первое, шестое и двенадцатое; предварительно прочитал их по два раза; за всенощной читал без остановок, то есть без запинок.— Ученики наполовину стояли с своими книжками Евангелий и следили за чтением; и видно, что готовятся к этому — приисканы у них все двенадцать Евангелий. Пусть. Не буду запрещать; по крайней мере видно, что внимательны; а заставишь только слушать, быть может, и слушать не станут, а мечты разводит. Продолжалась служба с шести до девяти. Христиан из города было очень мало, так что совестно было пред двумя русскими, которые для этой службы приехали из Иокохамы, и все время стояли — последними вышли из Церкви.

16 / 28 апреля 1899. Великая Пятница

Утром адресовка рекомендательных писем. С девяти часов Часы. При начале их подали мне в алтарь карточку «La Superieure de la Communauté du St. Enfant Jesus, 46 Tsukiji, Tokio»,— это значит, католическая монахиня привезла православных девочек, что обучаются в ихнем заведении в Иокохаме, говеть, как условлено было. Я велел взять от нее девочек и привести в Собор к Часам. Говорят, однако, что она все ждет; вышел, принял трех девочек, вместо четырех, о которых было говорено («четвертая-де маленькая, одиннадцати лет, говеть не нужно»,— ее и не отпустили), простился с монахиней и привел их в Церковь.

По окончании службы поместил их на время в комнате, бывшей о. Сергия, поговорил с ними о важности исповеди, дал по маленькому Евангелию. Потом, в двенадцать, они пообедали вместе со мной (где же до четырех ждать!). В два часа я прочитал им Правила к исповеди и поисповедал их. После вечерни приезжал министр барон Роман Романович Розен исповедаться. Дети в это время пили чай и читали Евангелие у себя в комнате.

Вечерня была в три часа; христиан собралось довольно много. Ко всенощной — еще больше. Читали за всенощной три статьи, только в сокращении — по двадцать пар стихов и потом «Слава»; зато читано было медленно, ясно и вразумительно. Первую статью читал я (стихи псалма) с о. Павлом Сато, вторую — оо. Роман и Семен, третью — о. Феодор с о. Сато опять. Обхождение вокруг Собора совершалось в полном порядке; только ветер был до того сильный, что сорвал с Плащаницы один плат — наугольник.

После всенощной три русские девочки слегка поужинали; после краткого промежутка я прочитал для них в Крестовой Церкви Канон ко

причащению и молитвы на сон грядущий и сдал затем учительнице Евфимии Ито для отведения их в Женскую школу на ночлег. С Женской школой, впрочем, они познакомились еще прежде, когда я отвел их туда после завтрака, в двенадцать часов; они там уже подружились с ученицами и вместе расписывали яйца к празднику.

17 / 29 апреля 1899. Великая Суббота

В восемь часов я прочитал трем вышеозначенным пансионеркам утренние молитвы и Правило ко причащению. В девять часов началась Литургия, за которой пред Святою Чашею я прочитал для них «Верую, Господи», после того, как о. Роман по-японски — для японских причастников; по окончании Обедни прочитал благодарные молитвы. Посланица чрез Димитрия Константиновича прислала им приглашение на Пасхальную службу в Посольство, но они захотели остаться здесь, потому что понравилось им пение в Церкви, и подружились они с Женской школой, потому я написал посланице, что удерживаю их здесь как представительниц русских христианок среди японских христиан.

(Пишется в десять часов ночи). В Семинарии большое собрание христиан: показывают разные священные картинки в фонарь волшебный, поют, говорят речи, даже на скрипке играют; два раза приставали ко мне вчера и сегодня дать им на вечер фортепьяно, но я не дал. В следующем году, однако, если станут устраивать подобный вечер, дам и фортепьяно, потому что отлично идет у них, все прилично — речи духовные, пение — тоже; правда, пели, между прочим, по-русски «Покаяния отверзи ми двери», но кто ж поймет? А напев очень серьезный, и поют они это очень хорошо. — Напечатали они входные билеты и распространили по христианам, и теперь в воротах Семинарии тоже сидят пред столом, на котором билеты и программа вечера, отгиснутые дома у них, для входящих; двор увешан красными фонарями; на дворе и в столовой, где собрание, полицейские, которых охотно дала полиция. Словом, все устроено препорядочно.

Христиан собралось очень много; кстати, и погода прекрасная: тихая и светлая ночь. Куличи и красные яйца свои разные приходы, соперничая друг перед другом, располагают в Крестовой Церкви все красивей и красивей; ныне было прелестно убрано. Пять русских купцов из Иокохамы приехало в Церковь. Иностранцев человек около двадцати собрались, и стояли потом почти всю службу.

18 / 30 апреля 1899.

Светлое Христово Воскресение

Ровно в двенадцать часов ночи началось богослужение. Крестный ход вокруг Собора совершили вполне благополучно. Народу был полон Собор, хотя нетесно стояли. Собор был залит светом. Пели истоиво и

стройно. Вся служба кончилась в половине четвертого часа. Потом я освятил куличи и прочее у себя внизу и пригласил моих гостей разговляться, и учеников Катихизаторской школы, в Церкви — всех христиан — у себя в комнате. Когда снял епитрахиль и рясу, уже стали стучаться в дверь поздравители. Почти тысячу яиц рёздал. В седьмом часу была Женская школа, потом Семинария, воскресная школа и так далее. Трех пансионеров русских отправил с учительницей Евфимией Ито в Посольство, откуда после завтрака там она отвезла их в католическую Миссию и сдала начальнице, привезшей их сюда. В три часа были: посланник с женой, консул князь Лобанов с женой и прочие посольские; в пятом часу остальные русские, живущие в Токио, в том числе профессор Кёбер, которого, кажется, опутывают своими сетями католические патеры; в последние месяцы он ни к одной службе здесь не был, даже в Пасхальную службу ни здесь, ни в Посольстве не был. Не хочет слушать голоса истины — что ж! Господь с ним!

В пять часов была вечерня, которую служили со мной оо. Роман Циба и Феодор Мидзуно. В утренней службе участвовали еще о. Фаддей Осозава, ничего, впрочем, не произносивший по болезни горла, и о. Семен Юкава. А о. Павел Сато поехал служить в Иокохаму со своею маленькою Церковью там.

*19 апреля / 1 мая 1899. Понедельник
Светлой седмицы*

С семи часов Пасхальная служба, кончившаяся в половине одиннадцатого. Оба хора вместе пели у меня поздравление, в нижней классной; потом о. Савабе Алексей с своею Церковью поздравлял; сначала пропели его певчие в четыре голоса весьма стройно, потом воскресная школа — в один голос; потом все угощены, по обычаю; христиан из Коодзимаци было человек семьдесят. — Много поздравительниц — матерей с младенцами на руках; вероятно, потому, что сегодня приобщальный день для детей, так как уже вошел обычай приобщать детей на второй день праздника, особенно в Пасху и в Рождество.

Ветер сильный, пыль ужасная; тем не менее нужно было отправиться с праздничным поздравлением к русским. В половине второго отправился: о. Сергия Глебова дома не застал, посланника застал, посланница больна — не видал; секретарей никого не нашел — все в отлучке; в Metropolitan Hotel'е полковника Глеба Михайловича Ванновского застал, и у него генерала японского с саблей, найденной в Хоккайдо, происхождение которой никто не может объяснить — не похоже ни на японское, ни на корейское, ни на китайское оружие — широкий клинок с круглыми отверстиями, быть может, для ношения ее без ножен; Ванновский тоже не мог дать никаких объяснений сего интересного характера. По уходе генерала Ванновский стал говорить о разложении Китая и Кореи, что

они не могут существовать самостоятельно, а будут разобраны европейцами. Поет, точно соловей, только с чужого голоса — должно быть, с записок полковника Путяты и других предшественников.

От него поехал к профессору Кёберу; застал дома, чего и желал.

— Правда ли, что думаете перейти в католичество, как мне вчера говорил о. Сергей? — спрашиваю.

— Никогда не перейду, — отвечает. — Но мне очень симпатичны два пункта в католичестве; это — непорочное зачатие Божией Матери (новоизмышленное злоучение) и главенство Папы, — говорит.

Целый час я с ним говорил об этих пунктах. Все доводы привел; ничего он не мог разумного возразить, только твердит одно, — «симпатично это учение», да и только! Нарисовал треугольник; говорит:

— Верхнее острие — вот и есть Папа; без него здание Церкви не будет законченным.

— Да ведь Церковь-то не видимое только, а и духовное тело, и главное — духовное; завершение этого здания, глава этого тела — Христос.

— А видимого главы нет — не завершено.

— Такая глава для видимого организма, пожалуй, была бы годна, а для невидимого — это труп, от которого вот и идет гниение в католичестве в Испании, Франции, самой Италии.

— Все же таки видимое завершение Церкви нужно.

— Где же оно было в первые семь веков? Где у самих Апостолов? Когда нужно было им разрешить важный тогда вопрос, нужно ли соблюдать иудейский закон, они собрались, рассудили, решили и написали: «Изволися Святому Духу и нам»... Вот видимая глава — Собор; и Петр был на Соборе, но не главой, а простым совещателем в сонме Апостолов. До сих пор в истинной христианской Церкви так: видимая глава, коль скоро дело касается ее, — есть Вселенский Собор, решающий дела в единстве духа истины и любви.

— Но Собор состоит из многих, это не острие, не завершение.

Сколько резонов ему ни представляй, твердит одно и то же!

— Все признаю верным, что Вы говорите, но нравится мне, симпатично папство, — говорит, наконец.

— Значит, сердце в разладе с разумом — ведь от этого же и происходят почти все грехи.

— Что делать! — отвечает, пожимая плечами.

С таким философом, действительно, ничего не поделаешь и ничего не будет удивительного, если он очутится католиком, несмотря на свои заверения, что этого не будет. Да и жалеть нечего будет!

20 апреля / 2 мая 1899. Вторник

Светлой седмицы

С семи часов Пасхальное богослужение; со мной служили, как вчера, оо. Роман и Феодор. Кончилось в половине одиннадцатого. О. Павел

Сато пришел к концу Литургии, а после ко мне, позавтракать, с певчим, бывшим при нем, Орита, тем, что приготовлено было в разговленье и для них оставлено; о Иокохамской Церкви рассказал, что было в Пасхальную службу до пятидесяти христиан, и пение было очень хорошее, ибо много там учившихся в нашей Женской школе; в воскресенье и понедельник он обошел дома христиан с христославеньем. Сегодня начнет обходить с тем же свой приход здесь, в Канда.

В половине двенадцатого я отправился в Иокохаму поздравить наших русских там и в банки по делам. В Russo-Chinese Bank'e взял русских кредиток для о. Мии; тридцать рублей было у меня, семьдесят ныне добыл — дам ему сто рублей на мелкие расходы по дороге вместе с Окамото, который будет оплачивать его большие дорожные расходы.

Никак не могу поместиться в своем русском банке: второй раз сегодня сумму размена фунтов стерлингов на ены сказали меньшую (сегодня на сорок две ены), чем в английском Hong Kong & Shanghai Bank'e, — куда и сдал пришедший вчера вексель содержания Миссии.

О. Борис Ямамура пролил Святые дары на престол в Мориока; в большой туге душевной спрашивает, что ныне ему делать? Ответил телеграммой: «Поступить так, как напечатано в наставлении в конце Службеника, стр. 557–8».

О. Иов Мидзуяма просит разрешения поместить Савву Сакурода в Цукитате, где нужен проповедник, так как в Токояма, где Савва числится, он совсем не нужен. Но это о. Иов мог бы сделать, не спрашивая меня, ибо оба места в его ведении. Пишет еще, что Савва женится на христианке из хорошего дома; послано десять ен ему на свадьбу, по обычаю.

21 апреля / 3 мая 1899. Среда

Светлой седмицы.

В Токио и на пути в Кёото

Утром еще написал несколько рекомендательных писем для Окамото и Мии, так что всех вышло тридцать пять, потом уложился и с шестичасовым поездом Р. М. отправился в Кёото посмотреть новокупленное в прошедшем году церковное место, подряд с прежним, и повидаться с Окамото, а также и с Церковью Кёото.

22 апреля / 4 мая 1899. Четверг

Светлой седмицы.

На пути в Кёото и в Кёото

В десятом часу утра был в Кёото. На вокзале встретил о. Симеон Мии. Когда приехали в церковный дом, послано было за Окамото, живущим недалеко от города; между тем мы осмотрели церковное место; вновь

купленное составляет совершенно такое же по пространству, как прежде; при всем том оба они вместе еще очень малы; храм построить можно, но малый, и совсем малые дома по сторонам для священника, школы и подобное. В одном из домов на новокупленном месте помещается катехизатор Яков Адаци с матерью и двумя младшими сестрами и учитель пения Фудзита; другие два дома заняты постояльцами, из коих один — бедный разводитель цветов; местность всех домов очень загажена.

В двенадцатом часу явился Окамото Риуноске: умный по лицу, лысый господин лет пятидесяти; по разговору тоже очень умный — схватывает мысль с первых слов. Говорит, что расположен к дружбе с Россией, что из чтения наших христианских книг вынес впечатление, что православие только и есть настоящее христианство. Насколько все это справедливо и насколько надежно для будущего, Бог весть! Веры в нем нет никакой и ни во что. Впрочем, Господь и ослицу Валаамову заставил заговорить. Дал я им с о. Мии письма, дал некоторые наставления, больше что ж я могу? Едут они не седьмого мая, как прежде решил Окамото, а первого июня, ибо будет готова железная дорога от Сретенска до Иркутска, иначе пришлось бы ехать это место на лошадях, чего не хочет Окамото.

Позавтракали мы втроем — Окамото, Мии и я — европейским завтраком, откуда-то добытым матушкой Харитой Анатольевной Мии. По уходе Окамото о. Мии показал шитое ему портным христианином в Кобе духовное платье — действительно, ряса, похожая на пальто, но — что поделаешь?

Потом пошли мы с о. Семеном в американскую епископальную Миссию посмотреть их Собор и школы. С Собора гербы Микадо-то сняли (окна, устроенные в виде «кику») по требованию полиции, но, тем не менее, Собор красив — снаружи только, внутри — школьная комната, и только; больше парт нет ничего. Женскую школу видел — классные комнаты особо, и лучше наших, жилых комнат не показали. Bishop'a Вильямса не нашли; показал все японец учитель. Потом обошли кругом «Доосися»; отчасти грандиозно, но отзывается и запущенностью. — Прошли по дорогам и аллеям вокруг Императорского Дворца; встречали много учащихся, и — приятное явление! Нигде никакой грубости, брани, насмешки — совершенная противоположность Токио, где в продолжение подобной прогулки пришлось бы десятый раз выслушать «бака», «идзин», взрыв хохота и подобные приличия — так просветилась восточная сторона Японии от иностранцев, и так еще остается не тронутая европейскою цивилизацией западная!

Вернулись к шести часам домой, где ждали несколько христиан; один из них — секретарь Кёотского Университета. К семи собрались почти все христиане Кёото — человек тридцать-тридцать пять. О. Мии отслушал вечерню, после которой я сказал проповедь, но пред оной качен был маслом лампадки, которую опрокинул на себя — лампадки пред иконой Богородицы над дверью к алтарной комнате. — После долгой проповеди

долго там беседовал с христианами; между прочим, побуждал их учредить «данто» и «дзёто»-«симбоквай», но последний прямо нашли невозможным — кто? Оба здесь бывшие священники: о. Мии и о. Иоанн Оно, на которого останется Церковь по отъезде Мии. «В таком случае „дантоквай“ хоть!» — настаивал я, но и на него согласились тотчас и с видимою радостию христиане, и как будто после натягивания самого тугого лука батюшки. Видно прямо, что с такими отцами дело не пойдет. После того как христиане разошлись, я еще долго уговаривал о. Семена учредить «дантоквай», и хотя он согласился, но «дантоквай», видимо, не бывать! Эх, где хорошие христиане между японцами! Хоть бы единый такой умный и живой, как хоть бы этот Окамото!

23 апреля / 5 мая 1899. Пятница

Светлой седмицы.

В Кёото и по дороге оттуда в Токио

Утром был Окамото сказать, что он еще переговорит о своем деле с нынешним премьером Ямагата и известит меня о результате разговора, просит держать пока все это в секрете. (Что? Да и из-за чего болтать? Видимо, все это — его дело серьезного внимания, а стало быть, и мысли о нем и разговора, не заслуживает.)

Так как до отъезда в Токио оставалось еще время, то мы с о. Мии осмотрели художественную выставку, «Цион-ин», «Хигаси-Хонгвандзи», «Ниси-Хонгвандзи», еще что-то великолепное и запущенное, по буддизму. Все это возбуждает одну мысль и одно рвение — как можно скорее просветить этот добрый народ, слоняющийся в припадке усердия, но в слепоте, по разным «Хонгвандзи», светом истинной Божией веры. И не умолкал мой язык напевать все это о. Семену во время нашего слонянья, но смехо-хныканьем отвечал мне неподдающийся нагреванию мой добрый спутник.

К третьему часу я простился с оо. Мии и Оно и другими провожавшими, чтобы ехать обратно в Токио. В вагоне случилось сесть как раз напротив патера, который ехал в Оцу; заговорили. «Шестьсот католиков в Кёото и очень ревностных», — говорит он; только он и еще японский проповедник с ним в Кёото, и слушателей у них весьма много; у протестантов же ничего нет в Кёото, и прочее — патер всегда в экзальтации, когда говорит о католичестве!

24 апреля / 6 мая 1899. Суббота

Светлой седмицы.

В Токио

Утром, в десятом часу, вернулся в Токио, как раз во время звона к «Достоюно» в Соборе, где совершал Литургию соборне о. Павел Саго, после которой он раздавал артос.

После полудня читал много накопившихся писем, но и третью часть не прочитал. Особенно интересно письмо Иоанна Судзуки, катихизатора в Оцу (Мито): Лука Ямагата десять лет уже не ест мяса, часто молится и постится; для молитвы уходит в горы или затворяется в кладовой; обратил долгим своим убеждением своего друга каллиграфа Гото, в святом крещении Петра, недавно крестившегося в Фукусима; помогает ему жить, посылая для продажи свои картины (которые писать Лука большой мастер, так же как и его младший брат, бывший семинарист, ныне обучающийся иконописи).

За всенощной сегодня в первый раз читал священник Евангелие посреди Церкви, вынесши его во время чтения антифона; по прочтении на аналое, Евангелие переложено было на столик для удобства целования маловозрастным.

25 апреля / 7 мая 1899. Фомино воскресенье

По причине дождя мало было народа в Церкви. Был, между прочим, «Николай Захарович Голубцов, преподаватель Благовещенской Духовной Семинарии». Вчера он заявился во время чтения мною писем; но сказали мне, что спрашивает какой-то русский о. Сергия; я подумал, что о. Сергия Глебова, и велел направить его туда. Оказалось, что господин Голубцов искал о. Сергия Страгородского, своего наставника в Московской Духовной Академии, и хотел остановиться у него, ибо до судна во Владивосток две недели, а в гостинице жить нет средств. «Прогоня нам, Вы знаете, малые», — говорит. О. Сергий Глебов, как видно, не особенно любезно принял его. Я предложил ему комнату, где жил о. архимандрит Сергий. Человек очень симпатичный; такого бы хорошо и инспектором сюда. Да где! Ведь [?] нужно быть миссионеру-то.

Из Одавара явился Лука Такахаси, спрашивает:

- Правда ли, что Вы позволили о. Петру Кано выйти из Одавара?
- Неправда. Я сказал только, что не могу насильно заставить его быть в Одавара.
- Не принимайте от него прошения.
- Просите его, чтобы не подавал. — И так далее. Надоели!

Петр Исикава, редактор, был и рассказал много интересного из своего путешествия по Церквам для собрания сведений о водворении в них христианства. Все эти сведения войдут в историю, которая, однако, не успеет появиться к 1900 году, а разве к 1901. Действительно, как писал он в одном из писем, Благодать Божия, точно поток, сходящий с горы и орошающий долину, пробираясь в ней между травой и камушками. И как мы, сеятели Слова Божия, должны быть внимательны и рачительны! Приходило ли мне в голову, что Судзуки Рихей, с которым мы когда-то

составляли лексикон в Хакодате, сделался насадителем Христовой веры в Какегава, его родине! О христианстве я ему говорил, но случайно и без всякой надежды, ибо он казался мне неспособным поверить; и до конца жизни он не уверовал, правда, но семя Слова Божия, тем не менее, запало в его дупу и перепало от него в души земляков его, когда он вернулся в Какегава и говорил им то, что слышал от меня, и дало росток это семя и принесло плод, разнесшийся и по окрестностям...

Вечером была всенощная, которую пели причетники. Были в Церкви все учащиеся.

*26 апреля / 8 мая 1899. Понедельник
Фоминой недели*

С семи часов Заупокойная Литургия, потом панихида соборне, после которой отправились все на кладбище. Мы с Голубцевым тоже пошли. Дорбгой мы прошли мимо наших учениц, чинно по две в ряд направлявшихся к могиле своей матери – Анны Кванно; а мимо нас проехала Императрица, ехавшая в Уено; народа множество стояло на улицах – видеть ее кортеж; мы тоже приостановились и сняли шапки.

На кладбище оо. Павел Сато и Семен Юкава отслужили панихиду на могиле Анны Кванно; ученицы пели. Было уже за двенадцать часов, и мы с Голубцевым отправились домой. После завтрака я ему показал Семинарию и женскую школу, бывшие совсем пустыми по отсутствию учащихся, не вернувшихся с кладбища или гулявших; показал библиотеку, причем он заявил себя довольно знакомым с книгами на разных языках.

Прочитал с Давидом накопившиеся поздравительные и другие письма. Поздравительных было: 28 телеграмм, 75 листков, 83 письма.

Христиане в Касивакубо просят поставить им местного христианина Иоанна Мори «денкёо-ходзё». О. Петр Кано подтверждает их просьбу. Нельзя так. Пусть Иоанн Мори придет в Токио во время Собора, и пусть священники проэкзаменуют его; по крайней мере, из «Осиено-кагами»; если он может толковать эту книжку правильно и ясно, то и можно его сделать «ходзё». Христианин-то он благочестивый и ревностный к Церкви; его стараниями построен церковный дом в Касивакубо, и старшего сына он отдал на служение Церкви – ныне уже кончившего Семинарию и служащего катихизатором. Но тем не менее Церковь не может дать ему имя проповедника, не удостоверившись, что он знает вероучение; и пример был бы дурной для других мест.

Александр Оота, катихизатор, просит принять жену его, двадцати трех лет, на год в Женскую школу для обучения церковному пению. Но пение в Женской школе занимает очень мало времени; что же она будет делать все прочее время? Излечится. Нельзя!

27 апреля / 9 мая 1899. Вторник
Фоминой недели

В школах начались классы. Я занят был корреспонденцией.

О. Андрей Метоки просит принять в Семинарию Иоанна Момосе, почти два года тому назад ушедшего из нее. Нельзя. Развратился по другим школам — испортит наших учеников.

О. Павел Косуги пишет, что в Иё (на Сикоку), в городе Сайдзё, откуда родом катихизатор Фома Маки, есть ныне один благочестивый христианин, Петр Накамура, служащий там в руднике, — просит катихизатора туда. Где же взять? Фома Маки нужен в Такасаки.

Стефан Исидзука, катихизатор в Цицибу, спрашивает: «Пределы лет для поступления в Семинарию четырнадцать—восемнадцать; но есть там один два-три месяца за восемнадцать — можно ли ему?» Пусть опишет человека; если очень благонадежен, то можно и исключение сделать.

Английский епископ прислал приглашение: «Bishop and Mrs Awdry at Home, Tuesday, May 9th. 3.30». Есть тут когда по гостям ходить!

28 апреля / 10 мая 1899. Среда
Фоминой недели

О. Павел Савабе прибыл из Сиракава, где проводил с христианами праздники. Говорит, что дело нападавших прошлым летом на наших христиан не кончилось — таскают их по разным судам; начальство также пострадало: губернатора перевели в другое место, полицмейстера оставили; в городе образовалось большое раздражение против наших христиан за все это. Вот то-то и есть, что не соблюдающий Христовой заповеди сам терпит последствие от того; за зло нападения стали наши христиане платить злом наказания и собрали на свою голову народную ненависть. Вперед наука им!

Был Reverend Smart, корейский епископальный миссионер, возвращающийся из отпуска в Англию на место службы; почти расплакался, говоря о своем миссионерском призвании; вот таких рабов Божиих надо в миссионеры! Недалек, что и говорить, но — каков есть — весь отдан своему делу.

29 апреля / 11 мая 1899. Четверг
Фоминой недели

Сегодня мы с Накаем начали наше переводное дело; паремии пророка Исаяи на среду и четверг третьей недели Великого Поста перевели в продолжение прежнего. Кончив паремии, однако, примемся опять за

Новый Завет; отовсюду спрашивают, скоро ли он выйдет, — совестно! Нужно поскорей довести дело до конца.

О. Петр Кавано пишет, что в Накацу большое гонение от бонз на христианство; но это же и помогает христианству: двое крестились вопреки сильному неприязненному напору на них.

Павел Сибанай, катихизатор в Саннохе, пишет, просит принять одну девочку, четырнадцати лет, в Женскую школу на полное церковное содержание; но на каком же основании? Пусть, по крайней мере, две ены в месяц пообещают вносить, тогда и будет принята, когда откроется вакансия (ибо школа ныне полна).

О. Игнатий Като из Немуро телеграфирует: «Есть нужда поместить Моисея Минато на Сикотане. Можно ли?» Вероятно, вследствие предприятия бонз из Хонгвандзи обратить наших курильцев там в буддизм и похвалбы, что для того послан будет буддийский проповедник.

Дерзкие! Мертвец, дрыгающий ногою под влиянием гальванизации, производимой иностранными атеистами, метит лягнуть живой образ Божий! Куда им это! Впрочем, пусть Моисей Минато отправится на Сикотан; тамошним христианам во всяком случае это будет полезно.

30 апреля / 12 мая 1899. Пятница
Фоминой недели

Петр Ямада, катихизатор в Мияко, пишет, что Петр Удзие, лучший тамошний христианин, обеднел по неудачной торговле и просит «купить для Церкви его дом за двести ен — это-де будет помощью ему, иначе дом все-таки будет продан за долги». — Нельзя этого. Пусть местные христиане подумают о приобретении для себя церковного дома, у Миссии не достанет средств для подобных сделок, потому что тотчас же попросят и из других Церквей подобного. А Петру Удзие оказывается от Миссии значительная помощь тем, что дочь его воспитывается в Женской школе на церковный счет; обещался он вносить за нее две ены, но впоследствии и от этого отказался под предлогом бедности.

Моисей Минато, из Немуро, пишет, что курильским христианам нашим разрешено переселиться из Сикотана на их прежнее место — на Парамушир; в нынешнем году переселятся туда пять семей, в будущем и прочие. Пишет, что это лейтенант Гундзи, поселившийся на Курильской гряде (из патриотизма, чтобы защищать ее от русских, — дело, шумевшее на всю Японию несколько лет тому назад), задумал обратить курильцев в буддизм и вызвал для этого опытного бонзу, проповедовавшего в Корее; Хонгвандзи ассигновано для того 1.200 ен, и прочее. Мыльный пузырь!

К письму Минато приложено маловразумительное, как всегда, писанье по-русски Якова Сторожева, старшины курильских христиан. Поздравляет с праздником, извещает, кажется, что их отсылают опять на Парамушир, и просит, чтобы их посещал священник о. Игнатий, или о. Николай (Сакураи). Конечно, его просьба будет исполнена: и на Парамушире их ежегодно будет посещать священник.

***1 / 13 мая 1899. Суббота
Фоминой недели***

В «Japan Daily Mail» сегодня напечатано, что бонзы в Кёото, в Ционин, держали митинг, на котором положили добиваться у Правительства, чтобы буддизм объявлен был государственной религией Японии. На митинге были некоторые политиканы, кое-кто даже из известных, и, между прочим, Окамото Риуноске. Конечно, бонзы не добьются своего. Но что за мысли у Окамото? Вообще, есть ли что надежное в этом человеке? Человек не раз скомпрометированный, особенно своим участием в убийсии корейской Королевы... Но — и поручение Правительства, на всю Японию напечатанное в его книге... Во всяком случае, кроме данных рекомендательных писем, мне нужно будет написать еще о нем Константину Петровичу Победоносцеву и другим. Не к лицу будет, если придадут много значения его визиту, но и без искомым им сведений нельзя его оставить.

Добровольный хор пел у меня сегодня; мы с господином Голубцевым слушали. Никон Мацуда отлично управляет. Давно у меня мысль, не послать ли его в Академию? Вместе с ним бы и Феодора Янсена как русского. Пообдумаю еще.

2 / 14 мая 1899. Воскресенье жен-мироносиц

Утром написал письмо Якову Сторожеву, старшине курильских христиан наших на Сикотане; обещал, что и на Парамушир, куда им дозволено ныне переселиться, священник к ним ежегодно будет присылаем.

За Обедней были русские: генерал Волков с женой, служивший три года в Приамурском крае, из них год в Порт-Артуре, и полковник Ванновский. Последний в пух и прах раскритиковал японцев и русского министра финансов Витте; говорит, точно книга, но иногда совсем поверхностно.

Был христианин из Одавара, сторонник о. Петра Кано, просит, чтобы я ему не позволил подавать прошение об увольнении его от службы в Одавара. Я отказался сделать это. Надоели совсем! Бесконечные неукротимые дразги!

3 / 15 мая 1899. Понедельник

О. Сергей Судзуки из Оосака, пишет, что какие-то русские в Нагасаки, — он и она, хотят повенчаться у него и спрашивают, можно ли; также — что будет стоить, даст ли он потом им свидетельство о повенчании и прочее; спрашивают письмом японским чрез японца.

[Пропуск в оригинале]

8 / 20 мая 1899. Суббота

Елисей Каго, катихизатор, из Каватаби пишет, что там о. Петр Сасава освятил церковное здание; сделано это, по местности, очень торжественно; ближайшие катихизаторы были, не мало христиан собралось. Но христиан-то в Каватаби всего два дома! И при всем том постарались воздвигнуть здание; 180 ен для сего собрано было денег от разных лиц, которых Елисей прилагает список и просит напечатать в «Сейкёо-Симпо».

Деревенская христианка одна (которой я недавно послал брошюрки) описывает свой спор с бонзой, сначала похулившим христианство, а потом бежавшим от нее; послано ей еще несколько брошюр.

*9 / 21 мая 1899. Воскресенье.
День Святителя Николая*

После Обедни — молебен Святителю Николаю. На завтраке у меня: священнослужители и из русских полковник Ванновский, на обеде: ставники Семинарии, переводчики и прочие. Всего в оба раза двадцать пять гостей (на большее число Никанор отказывается приготовить пищу).

Посланник и прочие из Посольства с визитом в третьем-четвертом часу.

О. Симеон Мии, из Кёото, тоже поздравляет с Ангелом и пишет: «Господин Окамото еще не имел случая повидаться с *premier*'ом Ямагата. Он очень усердно пишет свое мнение о религии вообще и в частности о православии. Теперь он почти окончил свое сочинение. На днях с ним явится к Ямагата и изложит свои религиозные взгляды пред ним. Потом он сообщит Вам о результате своего свидания... 4-го июня отходит пароход из Кобе в Владивосток; на нем решено уехать». — Состоится ли?

10 / 22 мая 1899. Понедельник

Думали ли мы, что в Семинарии у нас теперь все благонравные ученики — куда! Иван Акимович Сенума пришел рассказать, что в субботу вечером поздно четверо учеников, вопреки запрещению, ушли со двора

и вернулись за полночь не в ворота, а через ворота; да еще один по сему поводу сильно нагрубил гувернеру Мирону Сео.— «Что делать с ними?» — спрашивает.

— Посоветуйтесь с наставниками и скажите мне их мнение.

Приходит потом и говорит, что наставники присудили нагрубившего Ирино исключить, прочих наказать невыпусанием в город, кого на месяц, кого на две недели.

— Ладно, согласен! — ответил я.

Но после стало очень жаль Ирино, который через месяц имеет кончить курс. Когда пришел Иван Акимович просить на дорогу ему домой, по случаю исключения, я сказал ему поместить Ирино в Катихизаторской школе: пусть отсюда продолжает ходить на лекции, пусть никуда не отлучается в город; если до конца трети будет вести себя хорошо, то окончит курс и поступит на службу Церкви, хотя при выпуске диплом ему не будет дан из опасения, что он может компрометировать его и Семинарию; после же, если будет вести себя хорошо, получит диплом.— Так и сделано.

Портят много учеников прежде бывшие в Семинарии и исключенные или вышедшие самопроизвольно и продолжающие знакомство с бывшими товарищами; народ-то — дрянной нравственно, прививающий болячки и к нашим простакам вроде Ирино, Янсена, Исисаби, Кадзима — нынешним виновным.

11 / 23 мая 1899. Вторник

О. Тит Комацу пишет, что жена катихизатора Романа Фукуи больна горячкой, просит назначить ему десять ен в месяц пособия до излечения жены. Как же можно! Этак у нас скоро вдвое станет требоваться на содержание проповедников, потому что у кого же из них не окажется больных! — Послано десять ен на лечение — одновременно.

Был с визитом Bishop Англиканской Церкви Shereshevsky, больной параличом. Трое сняли его с тележки и внесли в комнату на диван. Привез в подарок книжку перевода «Пятикнижие Моисеева», только что напечатанную им, и просил написать ему мое мнение о переводе его Нового Завета, прежде презентованного, и его книжки; деньги ему обещали для печатания его перевода Священного Писания из какого-то аглицкого общества, да замедляют высылкой, так, чтобы ускорить, находят он нужным и мое мнение о его переводах. Обещался я написать и доставить ему. Помоги ему Бог! Трогательно видеть такое усердие к делу Божию в человеке, которого и речь едва можно понять.

12 / 24 мая 1899. Среда

Рано утром о. Феодор Мидзуно отправился в Яманаси-кен, Коофу по вызову катихизатора, крестить приготовленных к сему. Наказывал ему

хорошенько испытать просящих крещения и истинно желающих и достаточно знающих учение только допустить; место там трудное, complication с католиками, от которых бегут их христиане,— нужно быть особенно осторожным.

Из Нагоя о. Петр Сибаяма просит катихизатора для Ёкосука, где есть просящие научения. Где же взять?

13 / 25 мая 1899. Четверг

Утром, в половине седьмого, панихида по Анне Кванно, которой сегодня сорок дней. Служили со мной оо. Сато и Циба; пели ученицы. Все ученицы были в Церкви. Потом они отправились в Уено, побыли на могиле своей начальницы, а затем имели рекреацию: смотрели зверинец, музей, пели свои гимнастические песенки, чем привлекали толпу других гулявших в саду; обедали там же принесенным из школы обедом, для чего у них законтрактирован был один чайный домик там. В шестом часу уже вернулись домой в полном благополучии.

Ученики тоже имели сегодня рекреацию, но гуляли вразброд. Женской школе, по просьбе начальницы Елисаветы Котама, я дал пять ен на билеты в зверинец и музей.

Между учениками Семинарии есть порядочные шалуны; самый неугомонный из них, из младших, Судзуки (из Сиракава) вчера сломал ногу в борьбе с товарищем — отослан в госпиталь.

Был с визитом у господина Спальвина; застал его в хлопотах; целый день возился со счетами, рассчитывая своего повара, который хотел надувать и его, как предшественника его по квартире, немца,— но не на такого напал; Спальвин, хоть и получает три тысячи от Университета, но счет деньгам, как видно, любит. И хорошо делает. Всем бы русским походить на него, не русского по крови, но русского по получаемым деньгам.

14 / 26 мая 1899. Пятница

День Коронации, молебен в Посольстве. За столом у посла нелепый спор с пессимистом князем Лобановым; я чуть не рассердился за бесшабашное утверждение его, что и нравственных законов мы ясно не знаем (как будто они не начертаны на сердце человека и не уяснены потом Словом Божиим!) и прочее.

Когда гулял по площадке у Собора, в пять часов, миссионерка-методистка привела девиц двадцать своей школы в Аояма и просила показать Собор; показал, потом отвел их в нашу Женскую школу отдохнуть, ибо они возвращались с рекреации в Уено, и познакомиться с нашими.

15 / 27 мая 1899. Суббота

Что за слабый народ — ученики наши! Как близко к окончанию курса и службе церковной, так и начинают хворать безнадежными болезнями! На Павла Нагано я смотрел как на самого здорового из ныне оканчивающих — в чахотке! Сегодня должен был отправить его в Тonosава, по совету врача, чтобы совсем не слег здесь. Исикава, Аmano, оканчивающие курс, — в чахотке! Суда даже гимнастикой не может заниматься по слабости телесной, Оою — хворая лягушка, и прочие.

Костылев, консул в Нагасаки, ответил на мое письмо, что у просящих венчания у священника в Оосака, о. Судзуки, документов недостает — невеста не привезла метрическое свидетельство из России, почему священник в Порт-Артуре отказался венчать. Написал я о. Сергию Судзуки, чтобы и он не венчал.

16 / 28 мая 1899. Воскресенье

После Обедни был христианин из Симооса, наученный Павлом Канасуги и недавно крещенный, видимо, усердный, ибо и всю свою семью собираются крестить. «Креститься, — говорит, — и многие другие желают в нашей деревне, только надо делать это с разбором, чтобы недостойные не были допущены». Так! И это наученник человека, которого, когда он был в Катихизаторской школе, никто не считал способным к катихизаторству, по его буйству и лени! — Дай Бог, дай Бог!

17 / 29 мая 1899. Понедельник

Посетил больного чахоткой Николая Хигуци, отца кандидата, наставника Семинарии Емильяна Хигуци. В последнем градусе болезни, но в благочестивом и потому спокойном состоянии духа; совсем приготовился: пособоровался, прежде того приобщился и вчера опять исповедался и приобщился Святых Тайн, и в благоговейном настроении ждет своей скорой кончины. Дай Бог и всякому такое настроение при кончине! Дай Бог и право на такое настроение! А раб Божий Николай имеет это право: он жил доброю христианскою жизнью со времени обращения ко Христу и всецело предан Христу, свидетельством чего служит то, что он единственного своего сына посвятил на служение Церкви Христовой. Когда Емильян еще ребенком был болен, отец его дал обет — если выздоровеет, посвятить его на служение Церкви, так и сделал.

18 / 30 мая 1899. Вторник

Вчера ночью, после ванны, простудил желудок во время сна и сегодня едва до обеда мог заниматься переводом — вечером не мог.

19 / 31 мая 1899. Среда

Труднейший день: страдание желудком и в то же время необходимость беспрерывно то выдавать деньги, то рассчитывать.

20 мая / 1 июня 1899. Четверг

Слабость и лежанье целый день, и чтение «Анны Карениной» Толстого.

21 мая / 2 июня 1899. Пятница

Тоже не мог ничего делать, а целый день лежал; зато желудок почти совсем исправился, и «Анну Каренину» я прочитал. Давно пора было познакомиться с этим великолепным произведением графа Толстого, уже более двадцати лет появившимся на свет. Что за мастерство! Все выведенные лица, почти из бронзы вылитые, стоят перед глазами! Как выдержаны характеры, кроме, впрочем, самого Каренина. Зато вполне симпатичных личностей ни одной.— Спасибо, что посланница навязала прочитать по поводу спора тогда за столом у них!

22 мая / 3 июня 1899. Суббота

Все время до полудня не смог выдержать за переводом — слабость одолела.

По уходе Накая стал просматривать пришедший утром «Дальний Восток» и в первом же номере прочитал, что 6 мая, между прочим, и на мое имя дан Высочайший рескрипт и пожалован бриллиантовый крест на клобук. Должно быть, Победоносцев и Саблер, по доброте своей, хотели утешить меня за отъезд миссионеров. Утешение излишне, но крест не мешает — для Миссии чем больше представительности, тем на всякий случай лучше.

Всенощную отстоял, но от проповеди (сегодня была дьякона Кугимия) ушел — опять ослабел; не знаю, завтра будет ли сил служить.

Идет ураган, начавший во время всенощной, и теперь то притихнет, то страшно рвет.

[Пропуск в оригинале]

25 мая / 6 июня 1899. Вторник

Получены четыре ящика из России с церковными и миссийскими вещами, и в первый раз от Жевержеева такой сюрприз, что я руками

развел. Выписаны были шесть облачений священнических и шесть дьяконских для архиерейского воскресного богослужения, все — одинаковой парчи; а пришли все — такая сброд-каледа, что в одном стихаре даже рукава совсем другой парчи, чем полы; в ризах: риза одной парчи, пояс другой, эпитрахиль третьей, поручи четвертой и так далее. Напишу, что отошлю ему обратно, а он пусть вернет деньги; или же пусть вернет половину, а в счет другой пойдут сии облачения, которые в таком случае можно разослать по деревенским Церквям (исключая тот стихарь, который даже и в деревню не годен). — Наши коммерсанты куда ненадежнее английских, из которых порядочный ни один подобного не сделает, как бы ни был далек от покупателя!

26 мая / 7 июня 1899. Среда

О. Федор Мидзуно из Коофу пишет, что совершил крещение двадцати двух взрослых и детей, приготовленных к тому катихизатором Николаем Абе. Вот и новая Церковь! Только насколько она прочна, Бог весть. О. Мидзуно уверяет, что будет стоять твердо, ибо с одной стороны — Найто, обратившийся из католиков и не любящий католичество, будет охранять ее от нападения католиков; с другой стороны — Хиросе, перешедший из протестантства, будет оберегать ее от протестантов. Это о. Мидзуно пишет серьезно, но похоже на комизм. Церковь из бедняков, однако ж и не рассчитывающих на Миссию; разве кто девчонку попросит воспитать в Женской школе. Во всяком случае луч благодати Божией, хоть и тускло, засиял там и теперь уж не угаснет. Благослови Бог!

На всеобщей, пред застрашным праздником Вознесенья, не мог мазать святым елеем — предоставил о. Павлу Сато; проклятая болезнь желудка все еще мучит.

27 мая / 8 июня 1899. Четверг.

Вознесенье

Дождь; в Церкви христиан совсем мало. Я служил, но крест передал в конце о. Павлу Сато, — очень уж устал, не оправившись.

Вечером с Накаем перевели несколько тропарей в январскую книжку Житий Святых, готовимую к печати вторым изданием Саввой Хорие.

28 мая / 9 июня 1899. Пятница

Кончили перевод всех паремий. Завтра примемся опять за исправление перевода Нового Завета.

29 мая / 10 июня 1899. Суббота

30 мая / 11 июня 1899. Воскресенье

31 мая / 12 июня 1899. Понедельник

Едва мог кое-как заниматься и служить от несносного этого расстройста желудка. И расположение духа оттого такое скверное, что хоть умереть! Усталость от труда чувствуется. Да и как не быть ей? У всех есть своего рода каникулы; я вот девятнадцать лет с последнего приезда в Японию не имею ни отдыха, ни каникул — вечно или труд, или забота на душе. Терпя потерпях ты, Господи! Помоги!

1 / 13 июня 1899. Вторник

Иоанн Синовара, катихизатор в Мидзусава, пишет: «У меня родился третий ребенок, дайте прибавку к жалованью, согласно правилу». Вот тебе и раз! Руку с помощью протянуть нельзя, чтобы не обратили в правило! Что на Соборе прошлого года сжалился и помог многосемейным, то уже и правило на будущее! Да и как отвратительно! Точно у протестантских миссионеров: родился ребенок — сейчас сто ен прибавки, точно премия за производство детей! — Отвечено ему: правила прибавлять за рождение ребенка у Миссии нет и быть не может. Скоро будет Собор; если на нем Ваш священник будет рекомендовать Вас к возведению в катихизаторы из помощников, то Вы будете возведены (ибо, действительно, проповедник он не бесплодный), а с тем вместе возвысится и Ваше содержание на две ены в месяц. — Ныне же я послал ему от себя частно три ены на пеленки.

2 / 14 июня 1899. Среда

О. Тит Комацу писал недавно, что сделал собрание своих катихизаторов для совещания об оживлении проповеди, и имеет вследствие того нечто важное сообщить мне, почему и прибудет в скором времени в Токио для свидания со мной. Сегодня и прибыл.

— Что такое сообщите? — спрашиваю.

— Катихизаторы нашли нужным поставить одного из них диаконом, и выбор пал на Иоанна Судзуки, что в Оцу; он согласен принять сан. Так вот я об этом явился сообщить Вам и просить поставить его диаконом.

— Да проповеди это чем же поможет? Дьякон не может совершать таинств; в отдельности от священника он не может делать болес, чем катихизатор. Какие же причины возводить его в дьякона?

— Катихизаторы будут слушаться его.

— Они священника-то не слушают. Что делает ваш Фома Оно, не давший ни одного крещения за год, тогда как и он, и Вы хвалились, что в Мито много слушателей и какие знатные есть слушатели? Трудятся ли, как должно, Сайто, Ямада, Сугои? Вероятно, Вы не поощряете их лени, а дьякон лучше их побудит? Да вообще, этот предмет уже избитый, что дьяконство для проповеди не много значит; на Соборах об этом толковано и перетолковано. И Вы об этом приходите не в обычное время трактовать, как о чем-то новом и многополезном! — Нет ли чего сообщить более приятного?

Но — ничего не нашлось. И потому я о. Титу кратко и ясно сказал, что Иоанн Судзуки диаконом поставлен не будет, велел угостить его обедом и распрощался с ним.

3 / 15 июня 1899. Четверг

Во втором часу пошел с Накаем смотреть в Кинкикан кинематограф сцен из американо-испанской войны. Лучшего ожидал. Особенно гадки показались пляски американцев и испанцев накануне сражения. Так ли русские воины проводят сии Часы! Ушел, половины не досмотревши, особенно потому, что нужно было с Нумабе отправлять по Церквам содержание служащим на седьмой и восьмой месяцы.

4 / 16 июня 1899. Пятница

О. Феодор Мидзуно вернулся из Коофу; говорит, что новокрещенные — усердные к Церкви христиане, к богослужению хорошо собираются; тамошнего катихизатора Николая Абе хвалит за серьезное поведение, познакомился с интеллигентным людом в Коофу — поэтами, журналистами, чиновниками, и сам пишет в газеты и сочиняет стихи; но народ этот про веру от него не слушает и знать не хочет никакой веры, только для Церкви на вид хорошо, что катихизатор знаком с порядочными людьми в городе. Проповедывать Абе плох, говорит же о вере в простом разговоре; молитвы субботние и воскресные с христианами совершает и говорит на них краткие поучения. — Католическая проповедь в Коофу плоха, хотя там и живет французский патер; у протестантов — успешна.

Был репортер газеты «Дзидзисимпоо» спросить, как я смотрю на домогательство буддистов добиться для себя признания государственною верою?

Я ответил: «Разумеется, несправедливо будет, если Правительство удовлетворит их просьбу, игнорируя христианство. Христиане тоже японцы; Правительство должно охранить и их интересы (хонго-суру), конечно, под условием, что они будут подчиняться правилам, которые угодно будет Правительству установить касательно всех вер здесь;

например, доставлять Правительству сведения о числе верующих, о расходах, о школах; допускать ревизовать свои школы и подобное. Наша Церковь готова исполнять все подобные правила и взамен того надеется признания Правительством прав на ее существование в Японии и охраны ее религиозных интересов»...

5 / 17 июня 1899. Суббота

О. Сергей Судзуки пишет из Оосака, что Фома Танака, катихизатор из Вакаяма, вступил в компанию с протестантскими катихизаторами двух сект для проповеди там, и спрашивает ныне, задним числом, можно ли это? А о. Сергей спрашивает у меня, можно ли? И в то же время пространно излагает, что «нельзя»; между причинами, представленными им на то, главная та, что «протестантские проповедники загребают жар чужими руками, из-за того-де у Моисея Мори — что под руководством Фомы Танака водворен на проповедь близ Вакаяма — нет доселе никакого успеха, а у протестантов там есть, и именно с тех пор, как Фома вступил в союз с ними; они везде трубят, что они то же, что и „сейкё“, и народ слушает их, а Фома и Моисей — в дураках».

Сколько уж опытов было, что протестанты навязываются к нам в дружество и союз! И установлен образ отношения к ним; дружны и мирны мы с ними и со всеми, не исключая язычников, но какой же может быть союз с ними в проповеди при столь многих важных пунктах диаметральной разности с ними. Православный проповедник только что окончит проповедь, что источники вероучения Священное Писание и Священное Предание, а протестант вслед за сим будет доказывать, что Священное Предание не существует. Православный научит о семи таинствах, а протестант отвергнет это и скажет — только два таинства и есть, и так далее.

Вот комиссия-то! Язычник из провинции Мито просится в Катихизаторскую школу, язычник из провинции Эциго просится вообще в духовную школу, язычник-каторжник из тюрьмы в Хоккайдо, чрез четыре года имеющий кончить свой термин каторги, просится заранее в Семинарию! Конечно, отказ всем. А желательных учеников в Катихизаторскую школу и Семинарию хоть шаром покати!

О. Мии из Кёото пишет, что отъезд в Россию Окамото с ним отложен опять до следующего судна, второго июля. Ну уж этот Окамото!

За всеобщую, пред завтрашним завтраком, было очень мало христиан. После всеобщей Дзинбоо, христианин из Одавара, живущий в Асакуса, привел «каро» из Одавара, страдающего головною болью и схватившегося за Христа — «желает-де креститься», а вероучения — ни гу-гу. Дал ему «Осиено-кагами» и молитвенник, а завтра скажу о. Семену Юкава, чтобы наставил его в вере, если желает слушать.

6 / 18 июня 1899. Воскресенье.

Духов день

Пред Литургией было крещение нескольких младенцев; между прочим — уже трехлетнего сына бывшей ученицы нашей школы Лидии Оота, жены протестантского секретаря одного епископа.

Литургия и потом вечерня — соборне; за последней я читал молитвы; лучше бы было, если бы сии молитвы были не столь витиеваты и многословны.

Расстриженный Павел Ниицума просил исповедаться у меня — отослал к священнику. Прости, Господи, не могу одолеть отвращения к сему человеку. Быть может, на его месте я был бы еще более преступен, но тогда я разве не имел бы отвращения к сей преступности? Господь с ним, пусть исповедуется, приобщается Святых Тайн, пусть спасается, но священники есть для руководства его. — Навязывается с своею службою Церкви, «хоть-де не официально»; и не впервой уже после расстрижения — как же можно! Пусть берет на себя «правительственную службу», как он в чувстве неукротимой гордости при смиренном виде изображает, что может. И в церковной-то службе, на которую просится, он предполагает, между прочим, обращать в христианство министров; достаточное мерило для него!

7 / 19 июня 1899. Понедельник

Литургию, с восьми часов, служил о. Павел Сато с о. Романом Циба. Кроме учащих, никого в Церкви не было.

Павел Ниицума приобщался, потом служил панихиду в сороковой день по своей жене Марии. Просил меня; я предоставил священнику. И с какой стати архиерейским служением по его жене? Тогда всякий христианин станет требовать от меня того же, что неисполнимо.

Послано по шесть ен на два месяца катихизатору Луке Кадзима в Хиросима на лечение его и на пищу сыну-семинаристу, отправившемуся ухаживать за ним, — ибо уже при смерти, страдая параличом более трех лет и в то же время получая катихизаторское содержание... Сущее несчастье! Катихизаторы большею частью или лентяи, или больные — вообще народ ни на что не способный больше, как жить, почти совсем праздно, на церковный счет; ученики в школах — последний отброс — полубольные, или слабые, почти никогда не достигающие окончания курса с здоровым телом. (Думал ныне послать в Академию первым, оканчивающего курс Никона Мацуда, но уже пластом лежит от головных болей; хорошо, что никому не промолвил о намерении послать его.)
Печально!

8 / 20 июня 1899. Вторник

Был Константин Думчев, знаменитый русский скрипач, девятнадцатилетний юноша, со своим отцом. Послезавтра будет давать концерт в Иокочаме. Концертировал в Сибири до Порт-Артура включительно; пожал лавры в Шанхае; вероятно, пожнет и здесь. На вид славный, здоровый молодой человек; отец и мать, путешествующие вместе с ним, видимо, охраняют его от влияния бед молодости.

9 / 21 июня 1899. Среда

О. Игнатий Мукояма из Окаяма пишет длиннейшее послание, из которого только явствует, к прискорбию, что Церковь в тех местах очень туго растет.

Георгий Абе двухсаженным письмом дает знать, что он желает катихизировать в Оотавара и на следующий год; желательно только, чтобы не с таким бесплодием, как в минувшем.

Яков Канеко просит поставить катихизатором для Ямагата старика Моисея Кобаяси — «уважаем он там-де», но учения еще не знает; если придет в сентябре сюда заниматься в Катихизаторской школе еще год да будет заниматься с большим успехом, чем доселе, то в будущем году может быть послан в катихизаторы в Ямагата.

Стефан Мацуока, катихизатор в Фукуока, на Киусиу, просит внимания и любезности Павлу Мууроками, христианину из Карацу, отправляющемуся в Токио. Был я внимателен и любезен в субботу: угощал Мууроками и его спутника-язычника, долго говорил с ним и расстался только перед всенощной, пригласив и его помолиться, завтра также пригласил к Литургии в такой торжественный праздник и потом опять ко мне на чай и беседу. Но Мууроками не был ни на всенощной, ни в Духов день на Литургии, ни потом у меня. Недаром все катихизаторы, бывшие в Карацу, ропшут на Мууроками, знать; благочестия у него не видно, а желание играть роль больше; оттого и на всех катихизаторов он жаловался мне.

10 / 22 июня 1899. Четверг**11 / 23 июня 1899. Пятница**

Записать нечего, кроме того, что нечего записать. Дождь, слякоть. Я полубольной от неисправившегося еще желудка (ужели он так и останется, и в гроб скоро уложит меня, не дав докончить переводы?).

Накаи болен своей «какке» до того, что сегодня утром мы должны были прервать занятия, и он ушел в постель; вечером прислал сказать, что не может прийти (да и утром едва приплелся).

От нечего делать я занялся переводом накопившихся расписок.

12 / 24 июня 1899. Суббота

Яков Ивата, катихизатор в Фукурои, описывает свою Церковь как самую негодную — «ни у кого из христиан-де ни веры, ни доброго поведения нет». Сам своею леностью и дрянностью расстроил Церковь и жалуется на христиан!

13 / 25 июня 1899. Воскресенье

У обедни были: артист-скрипач Константин Михайлович Думчев, его отец Михаил Фирсович и мать. Пришли еще до Обедни (прибыв из Иокохамы для того собственно, чтобы помолиться сегодня в Церкви); спросил у них «куда из Церкви», и, узнав, что прямо обратно в Иокохаму, я пригласил их после службы позавтракать у меня. Но из Церкви зашли ко мне вместе с ними еще четверо русских и после чая сидели-сидели, и конца не было их сиденью; как сказать было им «прощайте», а Думчевым — «пойдемте завтракать!» А всех пригласить смешно было бы, — есть нечего было бы всем. Наконец, Михаил Фирсович спросил: «Нет ли чего посмотреть в Токио?» — «Как не быть! Музеи»... и прочее. Кстати, тут же был и сегодняшней проповедник Емильян Хигуци (которого тоже нельзя было бы не пригласить обедать). «Вот вам и чичероне», — сказал я, указывая на него. «Отправимтесь; прежде всего пообедаем, потом будем смотреть», — продолжал старший Думчев, и снялись все разом. Успел я шепнуть Константину: «А я хотел было после завтрака просить Вас сыграть». Он тотчас же сообщил это отцу, который, прощаясь, говорил: «А мы это устроим». Увидим, устроят ли. Крайне жаль было, что непрошенные гости лишили удовольствия позавтракать вместе с Думчевыми и послушать артиста. Приглашали на концерт в Иокохаму, во вторник, но в России архиереи разве бывают на светских концертах!

14 / 26 июня 1899. Понедельник

Утром был на экзамене в Катихизаторской школе по Догматике. Экзаменовались в старшем курсе двое, только и находящиеся в нем; ничего, годны для проповеди в деревнях, как и сами деревенские. В младшем пять, из коих только двое довольно надежны; остальные глупы, особенно Степан Такахаси, бывший разносчик газет, только дрова рубить и годен. Истощение учеников для Катихизаторской школы дошло до крайности.

15 / 27 июня 1899. Вторник

Был на экзамене у семинаристов: седьмой курс, выпускной, где одиннадцать человек, отвечали хорошо; шестой, где четверо всего, преплохо:

толковали Ветхий Завет, а Историю Ветхого Завета знают хуже двенадцатилетних девчонок Женской школы; то же — оскудение учеников до последней крайности!

Фома Танака, катихизатор в Вакаяма, пишет, что прекратил общение с протестантами в проповеди; о. Сергей Судзуки сообщил ему то, что я написал о. Сергию о сем. Но Фома жалуется на о. Сергия за то, что он, недавно погребая христианина в Вакаяма в дождь, не захотел идти на кладбище в ризах, и спрашивает, «каковы правила пасчет сего»? Жаль, что Вселенская Церковь не предвидела сего вопроса! Ответчено, что риз дождем портить не следует и что о. Сергей не погрешил, снявши их и пошедши в простом платье.

Из Ёцуя приходили трое христиан — врач Тапабе, Сея и еще один — просить поставить им священником диакона Павла Такахаси.

— Но в вашей Церкви два священника, и им-то дела мало, так что о. Павел Савабе часто то в Одавара, то в Сиракава отправляется — зачем же третий?

Молчат.

— Скажите мне причины, по которым просите.

— Моисей Хамано желает.

(Вот-те и раз! Этот негодяй, только что выпущенный из тюрьмы, где два года сидел за наглый обман города — поставлял для водопровода забракованные чугунные трубы — осмеливается изъяслять подобные просьбы, и его слушают, потому что он все еще богат!)

Я ответил: пусть христиане прихода Ёцуя купят приличное место под Церковь, построят Церковь, тогда они будут иметь право просить для себя священника. А Церковь построить действительно нужно, ибо в Церкви в Коодзимацци молиться всем тесно.

Обещались подумать об этом. В дальнейшем разговоре упомянуто было имя Павла Хирума (развратившегося христианина в Коодзимацци, тоже богача), что, мол, и ему предложат пожертвовать на строение Церкви, причем Танабе заметил, что он ныне стал родственником Хирума: «женил недавно сына на его дочери».

— Повенчали в Церкви?

— Нет, этого не было.

— Как? По-язычески? Оба христианина и без христианского брака сошлись на жительство? И это с Вашего позволения? Как же Вы беретесь хлопотать по церковным делам, когда в семье у себя остаетесь язычником? Вернитесь домой и скажите Вашему сыну и его жене, чтобы они прекратили сожительство на нынешний пост, попустились, исповедались и приобщились в праздник Святых Апостолов; им отпустить грех можно, потому что вина больше Ваша, а не их; потом попросите священника повенчать их, и пусть живут с Богом! Тогда и Вы можете участвовать в церковных делах; без того вперед я не приму от Вас ни слова по Церкви.

— Поговорю с Хирума, — отвечает.

— Опять Хирума! Скажите ему, что участь его ужасна, если он не покается. Прочитайте ему вот что Апостол Петр пишет о подобных (и я прочитал им 2 Петр. 2, 20–22). — Деньги он в могилу не унесет, наложницы только до гроба, а потом вечный ад, если останется закоснелым...

16 / 28 июня 1899. Среда

На экзамене в Катихизаторской школе и в шестом классе Семинарии по толкованию Евангелия; довольно порядочно отвечали.

В мужских школах беда от оскудения учеников, а в женской, наоборот, от изобилия. Просят и просят. Больше восьмидесяти учениц поместить в школе нельзя; в нынешнем году с десятком кончат курс; кандидатки на место их давно уже имеются; а за ними ныне девочек двенадцать тоже имеются, которым неизвестно, когда откроются свободные места в школе; а за этим еще не перестают поступать просьбы. Дочери служащих Церкви принимаются на полное церковное содержание; с прочих требуется плата: полная — пять ен, половинная — две с половиною ены, или меньше, если очень бедны и усиленно просят.

Кончилась комедия: господин Окамото Риуноске явился сегодня в девятом часу вечера объявить, что второго числа следующего месяца он в Владивосток не уезжает, как окончательно было решено, и уедет ли когда после — неизвестно. Восстали против его отправления в Россию: министр иностранных дел Аоки, женатый на немке и протестант; Торио, завязтый буддист; Кацура, министр военный — из-за его репутации (как убийцы корейской Королевы — Окамото прямо этого не говорит, но это очевидно). Не хотят давать ему поручения исследовать религии в Европе, как дано было таковое два года тому назад. Нынешний премьер Ямагата, министры внутренних дел Сайго, просвещения Кабаяма — не противятся его отправке, но тоже, как видно, не хотят ничего сделать и в пользу его. Долго плел Окамото все это, стараясь выпутаться из затруднения предо мною (для храбрости, кажется, и хватил немного, лицо было очень красное). Но я, поняв, наконец, в чем дело, поспешил уверить его, что несколько не в претензии на него; кстати, и в Россию не писал никому (кроме о. Феодора) о его намеренном путешествии; рекомендательные же письма у о. Мии; неудобство одно — растратился он на подъемные о. Мии, да и я тоже — дал ему семьдесят ен на платье; больше сего решительно не о чем сетовать. Обещал я известить о. Мии о неотправлении второго числа и вообще о том, что затормозилось дело, и звать его на Собор к одиннадцатому июля, что и сделал тотчас по отбытии Окамото.

17 / 29 июня 1899. Четверг

На экзамене в третьем классе Семинарии по Гражданской истории отвечали весьма хорошо; видно, что прилежно учатся; класс сократился

уже до шестнадцати человек, да и из тех трое отсутствовали: двое по болезни уехали домой, один — Акила Кадзима — уехал ухаживать за больным отцом, который в параличе и при смерти.

Бывший катихизатор Никита Сугамура привел своего приятеля Кагава, журналиста, и просил поговорить с ним о вере. Кагава прямо заявил, что ни во что не верует. Начав Сократовским методом с ним — вопроса-ми о душе, ее свойствах и прочем, я мало-помалу довел его по крайней мере до того, что он перестал насмешливо улыбаться, а сделался серьезным слушателем. В заключение дал ему несколько христианских книг и сказал на его вопрос, что он может приходиться ко мне для разговора о вере всегда, когда хочет, с трех часов дня.

18 / 30 июня 1899. Пятница

На экзамене в Катихизаторской школе по Священной истории; свои билеты хорошо отвечали; спросил другое, путались.

Из Коофу прибыл катихизатор Николай Абе. На днях просил увольнения оттуда — открытая причина, что мать непременно желает видеть его; не столь явная, но более сильная, что подвергается опасности женского искушения. Я поспешил дать ему увольнение, и он ныне прибыл, кажется, уцелевший от женского соблазна (от которого гибнет значительное число наших молодых проповедников). Пусть идет к матери в Вакуя, непременно сделает ее христианкой; кстати же, их дом бок о бок с домом о. Бориса Ямамура, и мать знакома с семейством о. Бориса; потом пусть женится и возвращается на службу в Коофу, где благодаря ему началась Церковь. Рассказывал он про католиков в Коофу — совсем в упадке их дело; живет там французский патер, с которым познакомился Абе, но только ропщет на японцев и сочиняет книгу против протестантов, из которых методисты там очень сильны благодаря отлично устроенной и ведомой женской школе, в которой воспитывают дочерей все лучшие люди города, из которых многие сделались протестантами.

19 июня / 1 июля 1899. Суббота

На экзамене в первом классе Семинарии по Катихизису, где восемнадцать по списку, шестнадцать налицо; отвечали по заученному бойко, на возражения молчали.

Когда после экзамена вернулся я домой, приходит Андрей Минамото, кандидат Санкт-Петербургской Духовной Академии, учитель Семинарии, и просит уволить его от церковной службы; отец-де требует от него денег и нашел для него место, более дающее оных, чем служба в Семинарии (где 35 ен в месяц). Отец — Павел Минамото (приемный его отец — родная его фамилия Кавасаки), бывший катихизатор, тоже оставивший церковную службу, или лучше — отставленный от нее, ибо не

один год злоупотреблял церковным содержанием, получая оное, как катихизатор, а занимаясь на оное светскими делами в Хоцинохе и Аомори, по городским выборам.

Я прямо отказал в увольнении, сказав, что и права не имею уволнять, ибо он воспитан Церковью для службы ей; издержаны на него тысячи церковных денег, потому что поступил в Семинарию с обещанием служить Церкви, послан в Академию вследствие обещания служить Церкви. Ныне, если он, вопреки всем этим обещаниям, оставит церковную службу, то сделает грех пред Богом и бесчестный поступок пред людьми. Если он и отец его хотят запятнать себя грехом и бесчестьем, то я силою не могу удержать их от этого, но позволения и благословения своего на то не даю.

Ушедши от меня, в Семинарии он объявил своим товарищам — учителям, что бросает церковную службу (чтобы поступить куда-то наемным переводчиком).

Итак, из двенадцати посланных мною в Академию шести уже нет, только шесть остаются на службе Церкви. Из первых двое померли (Мацуи в Петербурге, Намеда здесь), четыре обманули и ушли. Другие шесть долго ли продержатся, Бог весть! Итак, в Академию, если вперед посылать кого, то нужно с большим разбором — угадывать надежных для службы людей, если таковые найдутся когда-нибудь.

Целый день сегодня я был глубоко опечален этим низким поступком из среды самых избранных, по-видимому, людей. Но стоит ли печалиться? Если свинец — не серебро, то что же тут печального? У всякого предмета свое свойство. Не печально, а комично то, что я, старый дурак, не умею до сих пор отличить свинца от серебра. Но знать и мое свойство — слепота на это. — Оттого в академии вперед едва ли кто отправится. Нынешнего же отступника — Минамото — легко можно заменить одним из оканчивающих ныне курс; кстати, был он — Минамото — глуп и бездарен паче всех своих товарищей. Преподавал только, задавая «отселе доселе», а это может не хуже его Никон Мацуда или Суда, первые из оканчивающих теперь.

20 июня / 2 июля 1899. Воскресенье

До Обедни был Иоанн Фукасе, купец из Цуяма; хвалил катихизатора Фому Такеока; значит, его можно будет оставить там и на следующий год.

За Обедней был из русских полковник Ванновский, долго потом просидевший у меня и все время зло критиковавший японцев; военное искусство у них — сколок с немецкого, но без всякого разумного усвоения и размышления, к которому они (будто бы) и неспособны; купечество их бесчестно — при всяком удобном случае старается только надуть, и прочее, и прочее. После вчерашнего бесчестного поступка Андрея

Минамото я не мог уже так защищать японцев, как то обычно мне. Да и прав ли я, защищая всегда японцев? Стоят ли они того? Не десятки, а сотни воспитанных мною для службы Церкви японцев не обманули ли меня и Церковь? А из ныне служащих, кто же не механически, а разумно и сердечно служит? Не знаю таковых!

21 июня / 3 июля 1899. Понедельник

На экзамене в Женской школе, где налицо семьдесят восемь учениц. По Закону Божию младшие три класса отвечали почти все так, что лучше нельзя ответить. Во время дальнейшего экзамена — средних по физике — я пригласил Савву Хорие со мной и отправился домой. Здесь я ему, как воспитателю Феодора и Елены Янсен, сообщил — ему первому — свое решение отправить Феодора в Россию, в Семинарию, для того, чтобы он, как русский, научился говорить по-русски. Он выслушал и одобрил, так как прежде и сам просил о том же. Потом говорит:

— И об Елене надо подумать.

— Что ж об ней? Ей в Россию некуда и незачем ехать. Она останется учительницей при школе (ибо ныне тоже кончает), пока хороший человек из служащих Церкви посватается за нее.

— Но ей недостаточно нынешнего ее образования. Что же это за школа (коно гакко-нани)! Теперь ее нужно в «Коо-то дзёгакко» или в «Сихан-гакко» отдать.

— Это в школы-то, которые по умственному уровню не только не выше, а и равны ли нашей, а по нравственному несравненно ниже, как школы безрелигиозные!..

И я не выдержал и сильно рассердился на это самооплевывание человека, служащего Церкви. Укорил его, что он безрезонно хулит наши церковные школы, припомнил и прежние его хулы на них (Женскую школу и Семинарию); укорил за то, что он в этом и во всех подобных обстоятельствах слушается своей жены, у которой язык — точно змеиный; так она своими насмешками и презрительными речами о «русоволосой иностранке» до того отравила душу матери Павла Накаи, что та возненавидела бедную сироту Катю, приемную дочь Павла, и эта не смеет в дом его показаться, к глубокому огорчению Павла. Хорие рассердился, сказал, что исследует это дело, и ушел. И хорошо, если исследует. Только пользы от этого не выйдет, потому что все-таки останется под башмаком своей Нонны и не перестанет быть самооплевателем: горбатого могила исправит. А мне потом досадно стало, что не в меру рассердился. Но, знать, это — напоминание «скрепиться и быть настороже», ибо ежегодно в это время много раздражающего — то неосновательные требования, то неисполнимые предложения и подобное; так пусть сегодняшнее не повторится ни в каком случае, а быть всегда хладнокровным

и рассудительным,— этого совершенно достаточно, чтобы дело шло как следует. Если бы я сказал сегодня Хорие хладнокровно и спокойно: «Елене не нужно поступать ни в какую школу, и она не поступит», было бы то же самое, что будет ныне, но без тревожений и перебранки, что безгрешнее и авторитетнее. Вперед и поступать так. Впрочем, и меня, зная, нелегко исправить от гневливости.

22 июня / 4 июля 1899. Вторник

На экзамене в Женской школе у средних по Закону Божию отвечали отлично.

Сказал Ивану Акимовичу Сенума, чтобы наставники рассудили и решили, кого из двух оставить для преподавания в Семинарии из ныне кончающих курс, Петра Суда или Никона Мацуда, на место ушедшего Андрея Минамото. Сказал еще ему, чтобы наставники-академисты не вздумали и ныне, как при уходе Исигаме, просить о надбавке жалования: была бы тщетная просьба: раз — денег на то нет, другое — они получают больше всех священников; надбавить им было бы несправедливо, не надбавляя священникам; на последнее же Миссия не имеет средств.

Елисавета Котама, начальница Женской школы, просила позволения напечатать формы аттестата для кончающих курс так, чтобы обозначены были предметы преподавания в школе, а не как доселе, что, мол, «кончила курс в Духовном училище». Разумеется, пусть напечатается. Елисавета рассказала, что принимали совсем разное, смотря по тому, чему училась: какую-то из наших приняли за простушку сначала, но узнав, что она изучала, совсем переменили обращение с ней.

Фома Оноэ, катихизатор в Коодзимацци, родом из Кагосима, приводил свою тетушку-язычницу, недавно прибывшую оттуда, чтобы посмотреть Токио. Она рассказала, между прочим, что Любовь Ицидзи, года четыре тому назад кончившая курс здесь в нашей Женской школе, ныне учительницей в Женской школе в Кагосима. Даже она учительницей, самая плохая из кончивших тогда! А сколько других учительниц из нашей школы! Везде их желают и везде считают лучшими. А Хорие осмеливается говорить: «Куда наша школа! И нужно-де для довершения образования поступить в Сихан-гакко!» Как было не рассердиться вчера! Чего нашей школе не достает? Из наук даже химия и физиология преподаются; из рукоделий — шитье, вязанье, вышивание — высших качеств (где бы еще вышили такие золотые облачения на престолы и жертвенники!). Из хозяйства — домашняя бухгалтерия и стряпня. Словом, все, что может быть преподаваемо в японских женских школах (не исключая игры на кото), хотя иное, быть может, не в таких размерах, как инде где. Но, кроме всего этого, богословские науки в обширном размере: Священная история Ветхого и Нового Завета, Катихизис пространный, толкование Священного Писания, Церковная история, Нравственное

богословие, Догматика — последовательно, чего и в помине нет в языческих женских школах. Богословские науки, развивая и обогащая ум, в то же время полагают прочное основание нравственности, отчего выходящие из нашей школы везде служат образцами доброго поведения. И отдать из нашей школы в языческую, в омут религиозной тьмы и нравственной пуганицы! И этого хотел для своей воспитанницы начальник «Айайся», старший из переводчиков богословской литературы! Как было не рассердиться вчера! Но лучше бы не сердиться; на всякий чох дурака или злобного не наздравствуешься. И вперед избави Боже от того!

О. Семен Мии очень смущен тем, что не едет в Россию за остановкой Окамото, и просит послать его самостоятельно за сбором на построение храма в Кёото. Нельзя! Как можно в денежном деле положиться на японца! Положим, о. Мии — честный человек, и я считаю его за такого; но ведь и Андрей Минамото был честный человек, и я никогда не предполагал, чтобы он в состоянии был обмануть Церковь — а вот обманул же из-за каких-нибудь десяти ен или около того в месяц; у о. Мии же на руках при сборе могли бы очутиться тысячи... Нужно памятовать и урок «Доосися» — там, вероятно, тоже были очень честные люди из японцев... Итак, лучше не подвергать о. Мии искушению, а Миссию опасности убытка и беславия. Притом же и неспособен он для сбора — характер не такой у него — совсем простоватый и беспечный.

23 июня / 5 июля 1899. Середя

На экзамене в Женской школе выпускные толковали Православное исповедание не хуже лучших катихизаторов; видно, что Догматику усвоили отлично; один из младших классов по Церковной истории ответил весь на 10+ и на 10.

Из священников прибыл о. Семен Мии, но прежде всего к Окамото — прибыл вчера и сегодня до двух часов был у него; тот еще не теряет надежды быть отправленным в Европу для исследования религий. На случай, если не состоится это, о. Мии долго убеждал меня послать его в Россию за сбором на построение храма в Кёото. Но тщетно: раз — в Кёото христиан всего человек двадцать, другой — смотри выше.

На вопрос, нет ли кого из Церквей о. Мии, поступающих в Катихизаторскую школу с будущего сентября, он ответил отрицательно.

Вероятно, так ответят все священники. — Пришло время закрыть Катихизаторскую школу; пока шло переустройство сословий, связанное с переменой Сёогунского правления на Микадское, много было людей, не знавших, что с собою делать; из них и наполнялась Катихизаторская школа. Ныне все пришло в норму: сословия вновь сложились, определены, открыли для себя течения, которых и держатся; лишних людей нет, идеалистов и подавно — в этом практично-материалистическом народе. — Отныне все надежды на Семинарию, в которую отдают нам

детей бедняки, не имеющие средств повести их по светскому образованию. Половина из поступающих обыкновенно еще забракованные по телесным или душевным немощам в светских заведениях. Оттого из двадцати, которых еле-еле набирается к приему, дотягивают до окончания курса счастливо, если половина (как ныне), или два-три всего (как кончат в будущем году).— Катихизаторство обратилось в промысел, но так как он дает всего десять—четыренадцать ен в месяц, то и мало желающих отдаться ему.— Роптать ли за это на японцев? Но ведь они же язычники, или только что оставившие язычество. Если бы они были так идеальны, возвышенны, бескорыстны, как мы того желаем для наполнения наших школ и рядов наших катихизаторов, то они были бы лучше нас самих, и мы бы не нужны были здесь. Итак, спокойствие и благодухие! Бог все устроит к лучшему!

24 июня / 6 июля 1899. Четверг

На экзамене в Семинарии во втором классе, тринадцать учеников, преплохо отвечали по Священной истории Нового Завета. Жалкий наставник этот кандидат Киевской Академии, Марк Сайкайси; если и уйдет, не жаль будет; только о деньгах и думает; для того заводил свою частную школу русского языка, напечатал книгу-учебник, но школа исчезла, книжки тоже, должно быть, принесли один убыток.

Когда перечитывал с секретарем Нумабе, в двенадцатом часу, Кейкё-хё, пришла телеграмма: «Ваше Преосвященство, согласны ли принять меня в свою Миссию? Письмо шлю. Инспектор Семинарии игумен Вениамин. Благовещенск». Это, должно быть, бывший недавно здесь гостем один из тамошних наставников Семинарии хорошо отозвался о Миссии — и вот результат. Но о. игумен стоит на большой дороге к большим званиям и потому для Миссии был бы очень кратковременным гостем. Довольно было гостей. Господь с ним! Телеграмма оставлена без ответа.

Явились отцы Петр Кавано, Игнатий Като, Сергей Судзуки. Первых двух выслушал. У о. Кавано, как всегда, вяло, у о. Игнатия весьма живо и интересно. С его маленьким сыном Филимоном было чудо: Ангел Божий охранил его от огня, когда одеяло над ним и мат под ним горели; он проснулся и прибежал к матери без искры на платье. Другое чудо было — исцеление ребенка, осужденного на смерть доктором медицины, вследствие крещения, испрошенного его матерью.

26 июня / 8 июля 1899. Суббота

В половине девятого начался в Семинарии «соцугёо-гисики» (выпускной акт) и продолжился час. Сначала прочтены были списки и

розданы наградные книжки первым всех классов, не исключая и выпускного. Потом кончившим курс даны дипломы. Кончило двенадцать; из них один оставлен при Семинарии преподавателем (Петр Суда), другой посылается в Россию как русский для изучения русского языка (Феодор Янсен), третий безнадежно болен чахоткой (Конон Аmano); девять выпускаются в катихизаторы. Я сказал им краткое поучение, чтобы выходили на службу «с радостью и благодарностью к Богу», ибо выходят на дело апостольское, «с мужеством», ибо дело несомненного успеха и продолжающееся в вечность, «со смирением», ибо если будут иметь успех, то он от Бога, «с терпением», ибо если и неуспех, то не от них, если только добросовестно будут трудиться, чтобы вполне передавали себя «воле Божией» и прочее.— Остающиеся пели стихи выходящим под аккомпанемент Иннокентия Кису на фисгармонии, но очень вяло.— Инспектор Иван Акимович Сенума сказал выходящим поучение «не угашать духа, чтобы растоплять лед недоверия и равнодушия к вере, с которыми встретятся».— Один из остающихся прочитал поздравление выходящим, на которое один из выходящих ответил отличною речью, тоже написанною и прочтенною. Выходящие пропели остающимся прощальную песнь под тот же аккомпанемент, но так вяло, что можно было заснуть; к счастью, скоро кончили. После я говорил Кису: «Зачем так плохо положил на ноты?» — Говорит: «Времени не было». Начат акт и кончен пением молитвы. Гостей было человек тридцать, то есть священников человек десять, учителя, из Женской школы начальница Елисавета Котама и Евфимия Ито, кое-кто из катихизаторов. По окончании гости приглашены на чай с печеньем (по десять сен на лицо) в редакции «Синкай»; было всех тридцать два-три; в Женскую школу, кроме того, отослано угощение на двоих. Звал я и кончивших курс (Семинарии — одиннадцать и Катихизаторской школы — двоих) сюда на угощение, но остающиеся семинаристы пришли просить не отнимать их от Семинарии, ибо и там приготовлено было угощение (для остающихся) на пятьдесят пять человек (по пять сен за печенье для одного); мы-де «сообщеквай» для них устроим. Поэтому угощение для кончивших отправлено было в Семинарию. И там-то они все вместе веселились и ораторствовали с десяти до четырех! Даже не обедали в двенадцать часов, чтобы не расстраивать свой «симбокквай», происходивший в столовой, а довольствовались своей порцией «кваси» и китайским чаем, выговорив вместо обеда завтра обед особенно хороший.

После чая наставники Семинарии зашли ко мне, чтобы подписать свидетельство Феодору Янсону, по поводу отправления его в Россию, в Семинарию. Еще они просили прекратить издание их журнала «Синкай» (Духовное море) — «мало-де сотрудников осталось». Ладно, пусть прекратится. Плохо ведется, потому что они ленятся писать, да и способностей к тому нет. Печатается всего триста экземпляров, да и те идут только к катихизаторам и остаются дома. Выручки от него в год почти

никакой, а расход порядочный; пользы духовной едва ли больше, чем выручки. Итак, пусть умрет, подобно многим другим религиозным изданиям, возникающим, точно пузыри на воде, и так же скоро лопающимся. Плохое время теперь для религиозной литературы вообще. И книг наших тоже теперь никто не покупает, но книги мы не можем не печатать — они у нас не скоропреходящего интереса, со временем они непременно оценятся.

Выслушал донесения священников о. Павла Морита и о. Иоанна Катакура; у обоих Церкви в довольно хорошем состоянии, особенно у первого.

После всенощной в алтаре при всех сделал выговор катихизатору Игнатию Мацумото за весьма плохую его проповедь, только что произнесенную, и сказал, чтобы вперед писал и предварительно приносил ко мне для просмотра, что делают все, и чему он не последовал, очевидно, по лени.

По окончании службы четверо священников исповедились у меня, после чего мы все вместе прочитали вечернее правило там, в Крестовой.

Вчера и сегодня погода бурная и дождливая.

27 июня / 9 июля 1899. Воскресенье

Литургия в сослужении шести иереев, из коих пять были пришедшие на Собор. После Литургии позвал редактора Петра Исикава, только что вернувшегося из путешествия по Церквям для собрания сведений для церковной истории, и говорил ему внушить о. Петру Кано исполнить его прежнее желание проситься из Одавара; сторонники его убедили не делать сего — растаял он от их сладких речей, и не предвидится конца разладу одаварских христиан. А между тем стоило бы ему сказать твердо сторонникам своим: «Спасибо за любовь! Но я следую примеру Святого Григория Богослова: „Не лучше я Ионы пророка, бросьте меня в волны, и пусть они улягутся“... Прошусь из Одавара, чтобы успокоилась эта мятущаяся из-за меня Церковь»... И то же дело было бы сделано. Был бы назначен туда новый священник, не причастный мятежным чувствам ни той, ни другой стороны, и это было бы маслом на волны. Но нужно, чтобы о. Петр сделал это совершенно самостоятельно. Избави Бог, заподозрено будет, что я желаю его удаления из Одавара: сторонники его неотвязно пристанут: «Оставь его нам!» Противники его восторжествуют: «Добились, наконец, удаления о. Кано, — Епископ его перевел». — И каким вредом это отозвалось бы для других Церквей! Священники наши — плохие; везде есть нежелающие их и везде стали бы добиваться удаления их, по примеру Одавара. — После обеда выслушивал пришедших священников.

28 июня / 10 июля 1899. Понедельник

Утром — чтение прошений из разных Церквей к Собору.

В одиннадцать часов прием кончивших курс воспитанниц Женской школы; было одиннадцать, две больны. При школе остаются шесть. Говорил им наставление — расчувствовались, заплакали; оделил крестиками перламутровыми — благословеньем Иерусалимского Патриарха Гермогена, иконками Божией Матери и Спасителя, молитвенниками, христианскими брошюрами (по десять каждой).

После обеда выслушивание пришедших на Собор священников. Между этим делом Василий Оогое, сын старика Алексея, принес показать диплом, только что полученный им на окончание курса в Университете по юридическому факультету; сегодня был там выпускной акт в присутствии Императора; кончилась моя обязанность платить за его обучение в Университете; дал 3 ены на кваси. — Василий Кикучи, из Онгасаварасима прибывший, был с визитом; приятно было перекинуться приветом с очень старым знакомым, тридцать два—тридцать три года тому в Хакодате безуспешнейше учившимся у меня по-русски; потом помогавшим мне водвориться в Токио, причем хотел надуть меня на двести ен; потом врачом, пускавшим людей по миру калекими; изобретателем несгораемого горна; безуспешным разводителем овец на Онгасаварасима, но успешно обогатившимся там на разведении сахарного тростника.

Всенощная в сослужении восьми священников, после которой семь из них исповедались у меня; вместе потом прочитали Правило.

29 июня / 11 июля 1899. Вторник.

Праздник Святых Апостолов Петра и Павла

Настоящий трудовой день, какие бывают только во время Собора.

Утром выслушивание священников. Литургия в сослужении восьми иереев и молебн. После до десятого часа вечера непрерывная толчея — отправление учеников и учениц с их просьбами на дорогу денег и снабжением брошюрами и иконками, выслушивание священников, гости — между прочим, полковник Ванновский, позавтракавший со мной; патриот он несомненный, но уж слишком завятый: Корею мы должны иметь под нашим протекторатом, японцы в военном отношении — совершенная дрянь; барон Розен — антирусский, Поклевский — секретарь, и совсем враг России, как поляк (что должно быть ярко), и прочее.

30 июня / 12 июля 1899. Среда

Первый день соборных заседаний. Все было благополучно. Смотри соборные протоколы.

По окончании вечернего заседания, в шестом часу, отправился на Цукидзи к англискому епископальному миссионеру Исааку Думану (Isaak Dooman), приславшему мне вчера письмо о скандальном поведении нашего катихизатора в Каназава Петра Такеици. Оказывается, что Такеици ровно ничего не делает по проповеди, а пьянствует, ходит в театр, рассорился со своею женою и прогнал ее, а после, встретив ее на улице, тут же публично побил ее. Об этом ему — Думану — писали из Каназава, и он показал мне письмо. Об этом же свидетельствует гостящий теперь у него учитель английского языка в Каназава, англичанин. Я поблагодарил Думана за предупреждение и обещал тотчас же послать священника для исследования поведения Такеици.

Вечером выслушал опоздавшего к началу Собора о. Николая Сакураи, священника в Хоккайдо, написал метрическое свидетельство дочери П. Смысловского, учителя русского языка в Саппоро, и прочее.

Во время послеобеденного заседания собора о. Сергей Глебов явился, вызвал меня в паперть и сказал, что получено известие о смерти Цесаревича — Наследника Георгия Александровича. Царство ему Небесное! В понедельник здесь будет торжественная панихида: посланник просит отслужить ее в Соборе; жаль, что певчие разошлись по домам; пропоют причетники.

1 / 13 июля 1899. Четверг

Рано утром плачущий о. Петр Кано: «Что делать? Выходить из Одавара или нет?»

— Не могу на это ни полслова сказать. Поступайте вполне самостоятельно. Скажу Вам «выходите» — сторонники Ваши не отстанут с просьбами «оставь нам о. Кано», но это бы еще ничего, главное — враги Ваши скажут «вот мы выжили о. Кано, Епископ удалил его», а это страшным вредом отзовется на всю Церковь, — везде станут выгонять своих священников. Итак, от меня Вам ни «да» ни «нет».

Но посоветовал ему: если он решит проситься из Одавара, то сегодня же отправится туда и предупредит о том своих сторонников (чтобы они не сказали потом, что он обманул их, давши слово, при отправлении на Собор, не проситься из Одавара), но ни слова не говорить о вчерашнем прошении Собору его врагов (Кометани и Со) оставить их во владении о. Павла Савабе, что собственно и повергло его в отчаяние и слезы.

Он и отправился в Одавара.

Собор произвел распределение катихизаторов и размещение кончивших ныне курс. Распределение было произведено в классной комнате; завтра оно прочтется в Церкви.

2 / 14 июля 1899. Пятница

Третий и последний день соборных заседаний. Утверждено распределение катихизаторов. Из немногих предложений Собору о разных

предметах Фома Танака, катихизатор в Вакамия, между прочим, просил Собор уничтожить в обряде оглашения слова «проклинаю» и «плюю» — грубы-де; и как же старые священники — оо. Матфей Кагета, Петр Сасагава, Борис Ямамура — раскритиковали это предложение! А молодые, как о. Симеон Мии, Сергей Судзуки, Павел Морита были за исключение сих слов. В конце прений почти все встали за оставление сих слов в обряде оглашения, как они были доселе.

В одиннадцатом часу явился из Одавара о. Петр Кано и с ним толпа его сторонников. Подал он прошение, но «чтобы его устранили только из Одавара, оставив за ним другие Церкви его нынешнего ведения». Я не принял прошения, сказав, что только для Одавара мы не сможем поставить священника; пусть он или откажется от всего нынешнего своего прихода, или остается по-прежнему в Одавара. Он ушел вниз переписать прошение. Но, увы! приятели его удержали от сего, и остался он, по-прежнему, на нынешнем своем месте. Пусть!

В двенадцать часов дня истощились все дела, подлежащие вниманию Собора, и все прения, и Собор закрыт.

В шесть часов вечера о. Симеон Мии уехал в Каназава исследовать поведение катихизатора Петра Такеици, и если он окажется виновным во всем том, в чем обвиняют его протестантские миссионеры, немедленно снять его оттуда и привезти сюда или же прямо там лишить его звания катихизатора.

Был командир крейсера «Разбойник» Иосиф Васильевич Коссович, наговорил столько неприятного про управление морским ведомством, про адмирала Верховского и прочее, что крайне печально стало. Понятно, почему постройку судов у нас заказывают за границей... советовал Коссовичу сойтись и поговорить с полковником Ванновским; один все хвалит (сухопутное свое), другой все хулит (морское свое). Интересно бы слышать их разговор.

3 / 15 июля 1899. Суббота

Послесоборные хлопоты: расчеты, кому сколько послать на дорогу по случаю перевода на другое место; женатым посылается и на жену, на детей, на перевозку имущества; по железным дорогам велел (священникам также) по третьему классу; выдача жалованья и дорожных отправляющимся на службу, кончившим курс и прочим.

Из Нагасаки от консула пришло известие, что 10 / 22 числа пароход Добровольного флота «Москва» зайдет в Нагасаки, по пути в Одессу, значит — к тому времени Феодору Янсену нужно быть в Нагасаки для отправления в Санкт-Петербургскую Семинарию.

Из России от сына Осипа Антоновича Гошкевича, бывшего Хакодатского консула, получил книгу, произведение Осипа Антоновича «О корнях японского языка». Видно, что дело мастера, хоть и небольшое.

За всенощной пел уже хор причетников с Дмитрием Константиновичем Львовским, отличным тенором и регентом, во главе, за роспуском школ на каникулы. После пискотни и крика девчонок удивительно мягко и приятно звучит этот хор, хотя к концу каникул и он надоест и захочется опять звенящих и оживляющих звуков.

После всенощной, как обычно, исповедь священников пришедших на Собор.

4 / 16 июля 1899. Воскресенье

Литургия в сослужении шести священников.

Посланник Розен приезжал по поводу назначенной завтра панихиды по Цесаревиче Георгии. Не то, что Хитрово,— этот не просил «поскорей», не говорил, «стульев у нас в Церкви нет», когда служили панихиду по Царе Александре III; Розен же — «как бы поскорей!» Уверил я его, что дольше двадцати минут не будет, тем более что и хора большого теперь нет. «И Евангелие поскорей?» — «Его совсем не будет».— «А что же? Апостол?» — «И Апостола на панихиде не полагается».— Успокоился несколько барон сими новыми для него сведениями. Насчет же стульев успокоительного сообщения барону сделать не мог.

Вечером, в девятом часу, визит нанес bishop Awdry, тоже по поводу завтрашней панихиды; как видно, не хочется ему быть на ней, а не сделать любезность нельзя; я уверил его, что барон не будет в претензии, если бишопу завтра что-либо помешает быть на панихиде; об участии же бишопа к нашему трауру, явленное сим визитом, я барону скажу, и он останется доволен сим. Проговорили мы с ним до половины десятого. Оказывается, что дело проповеди, и особенно школьное дело, и у них не более блестяще, чем у нас; школьное-то еще у нас получше — учеников больше.— Спрашивал, не буду ли я в претензии, если он пошлет проповедника на остров Хацидзёосима.— «Отнюдь нет!» — Прежде наш год жил там без плода, пусть теперь ихний поживет.

5 / 17 июля 1899. Понедельник

В десять часов панихида в Соборе по Цесаревиче Георгии. Были: принц Арисугава и вся японская знать, дипломатический корпус, наше Посольство и моряки с «Разбойника»; стояли первые на правой стороне с принцем на коврик у правого клироса, вторые — налево, третьи (наши) — прямо за облачальным местом. Пели на клиросе: Дмитрий Константинович Львовский и человек двенадцать японцев, теноров и басов — пели прекрасно. Служили со мною четыре священника. Свечи держали все присутствующие в Церкви. Было и много наших христиан.

Целый день занят был приготовлением корреспонденции в Петербург по поводу отправления Феодора Янсена туда. Написал прошение в Святейший Синод обер-прокурору, Митрополиту Санкт-Петербургскому Антонию.

6 / 18 июля 1899. Вторник

Писанье дальнейших писем в Петербург для Янсена: ректору Семинарии, о. Феодору Быстрову и прочим. После обеда все сдано было на почту. Приготовлены ему письма в руки: к Нагасакскому консулу, в Петербург. Сданы ему дорожные, передано платье, принесенное портным,— совсем снабжен он в дорогу.

Между тем целый день, особенно утром, беспрерывно приходили священники прощаться пред отправлением к своим местам. Снабжены иконами, крестиками, дорожными.

Вчера, 5 / 17 июля, был замечательный день в сношениях Японии с иностранцами: прекратилось право экстерриториальности иностранцев — они в Японии должны жить и судиться по японским законам и японскими судьями; зато и имеют право везде жить по Японии и путешествовать без дозволительных билетов, как доселе было.

7 / 19 июля 1899. Среда

Утром, в пять часов, Феодор Янсен пришел попрощаться пред отправлением в Нагасаки и в Россию на пароходе Добровольного флота «Москва». Благослови Бог его не только научиться говорить по-русски, но и пройти Академию, а потом сделаться добрым служителем Церкви Божией здесь!

Священники приходили прощаться и снабжаться нужными церковными вещами, и сегодня почти все уже отбыли.

Оставшиеся на каникулы шесть семинаристов, которым некуда идти, переведены в дом Миссии, и с завтрашнего дня в Семинарии не будет ни кухонного, ни ванного дыма. Если кто из священников, которые все в нынешнем году останавливались в Семинарии, не уйдет еще завтра, то ему снесут обед и ужин отсюда.

В восьмом часу вечера вернулся о. Симеон Мии с следствия о поведении катихизатора Петра Такеици в Каназава. Вот человек, которому никогда нельзя поручать следствия, который по природе не способен к нему! Давал я наставления, как произвести — во всем, по-видимому, был согласен со мной, и поступил совершенно наоборот.

«В Каназава, прежде чем Такеици узнает о Вашем прибытии, спросите христиан, епископальных катихизаторов, миссионеров и непременно жену»,— говорил я ему. Он из Токио, прежде чем отправиться,

написал Такеици, что едет расспрашивать о нем по поводу письма ко мне Reverend Dooman'a, что, разумеется, дало время Такеици приготовиться и подготовить людей. Прибывши в Каназава, о. Семен прямо отправился к Такеици и вместе с ним производил расследование о нем. Разумеется, Такеици оказался чист, как голубь. «Никогда не был пьян, в театр заглянул только раз, чтобы проводить жену посмотреть какую-то знаменитость, прилежен к проповеди пуще всех инославных миссионеров и проповедников», — обо всем этом свидетельствуют католические патеры, их проповедники, протестантские миссионеры, их проповедники, и все «удивляются, откуда на Такеици стряслась такая беда обвинений?» (Тогда как у Такеици никогда ни одного крещения не было в Каназава, а у всех прочих успехи.) — «Что до развода с женой, то, конечно, жена во всем виновата, — была ленива, сварлива и прочее, и прочее. Такеици, правда, иногда бил ее — как нельзя не бить такую жену — и на улице ее толкнул дождевым зонтом — вот и вся его вина, больше он ни в чем не повинен; и не он развелся, а она ушла от него и теперь уже замужем за другим. Такеици Петру тоже сватали другую, протестантку, но миссионерка не захотела этого брака, она-то и подняла всю эту бурю против Такеици».

Больше часа, ни слова не проронив, слушал я изложение всего этого о Симеоне Мии и впервые постиг, какой он плохой священник, да и плохой христианин. Последнее он особенно обнаружил горячим спором со мной, когда я, выслушавши его, произнес решение.

— Обвинений в лени, пьянстве и подобном я не коснусь, так как Вы оправдываете его во всем этом. Пусть по-вашему. Но он, в противность заповеди Спасителя, отпустил свою жену, не имея за нею вины прелюбодеяния; за это свое преступление он исключается из катихизаторов.

— Она сама ушла от него.

— Неудивительно; Вы же сами говорили, что он бил ее.

— Она была плохая жена.

— Он — муж, глава, отчего не учил, не наставлял ее?

— Ее мать не хотела, чтобы она жила с ним.

— Тысячи подобных причин можно привести, и ни одна не отменит прямой заповеди Спасителя, кроме причины, которая указана Им Самим, — а этой причины не было.

— Но она теперь живет с другим, стало быть, любодействует.

— Мы с вами не иезуиты, чтобы так извращать смысл развода, это-то и есть вина Такеици, что он заставил ее любодействовать...

Жену Такеици о. Семен не видал, ее ни о чем не спросил, а это — главное, что я наказывал ему, чтобы не слушать только одну сторону. Говорит, что был у ней, но не застал дома; а в другой раз не потрудился заглянуть. Конечно, вместе с этим теряют силу все речи, наговоренные ему Петром Такеици и его сторонниками о жене. Все это я втолковывал

ему долго, и все бесполезно. Такого глупого и, главное, такого антихристианского человека я впервой вижу в нем. В заключение я сказал ясно и решительно: «Беру голый факт: Петр Такеици нарушил прямую заповедь Спасителя, отпустив свою жену, поэтому проповедником учения Спасителя быть не может. Завтра утром я ему скажу это и уволю со службы; сегодня же уже поздно, возьмите его и ступайте вместе с ним ночевать в Семинарию». (Такеици не явился ко мне, а был где-то инде.)

8 / 20 июля 1899. Четверг

Утром переноска книг с третьего этажа дома в библиотеку посредством учеников, оставшихся на каникулы, ныне почти все перенесены; срединные полки сняты, и третий этаж, то есть подкрыша большого дома, может служить кладовою для сухих вещей.

Так как о. Мии и Петр Такеици сами явились, то в одиннадцать часов я их позвал. При свидании сказал быть и секретарю Нумабе. Приняли благословение. Сели.

— Давно не видались,— приветствовал я Такеици обычною фразою.

Он отвечает тоже приветствием.

— Слышал, что Вы с женою развелись. Правда ли?

— Да, развелся.

— И причина?

— Рассказать?

— Непременно скажите.

— С самого начала?

— Много рассказывать не нужно. Я вчера все в подробности слышал от о. Симеона. Мне нужно только слышать от Вас самих, имели Вы достаточную причину развода или нет?

— Да, достаточную.

— То есть Ваша жена сотворила грех прелюбодеяния?

— Нет, этого не было.

— Больше этого мне ничего не нужно и слышать от Вас.

Я вынес японское Евангелие, прочитал ему Мф. 5, 32 в доказательство того, что Спаситель придавал особенно важное значение заповеди нерасторжимости супружества; еще Мф. 19, 9.

— Видите, что Вы, будучи проповедником учения Спасителя, нарушили одну из самых прямых и важных заповедей Его. Поэтому самому Вы не можете быть больше проповедником и отрешаетесь от этой должности и звания. Знаю, что Вы можете многое наговорить в свою защиту: жена-де была дурного нрава, она-де сама оставила меня, мать ее не хотела, чтобы она жила со мной, и прочее, и прочее — все это я уже слышал от о. Мии, но все это языческие резоны, укажите мне в Слове Божиим хоть одну из этих причин, как достаточную причину развода?.. Итак,

если Вы желаете продолжать служение катихизатором, то сойдитесь опять с Вашей женою; пусть она уведомит меня, что живет с вами и вперед не оставит Вас.— Вы будете поставлены проповедником в одну из Церквей, исключая Каназава, где Вы так скомпрометировали себя. Если Вы не можете сего, то не можете и служить Церкви.— У Вас катихизаторское жалованье за восьмой месяц — возьмите его себе; кроме того, вот Вам пять ен на дорогу от Каназава; еще десять я пришлю Вашей матери на дорогу Вам и ей до Вашей родины Токусима. Эти пятнадцать ен я, конечно, не могу поставить на счет Церкви, потому расписки не нужно,— это мое личное дело.

Сказавши все это, я встал и ушел, потому что, решительно, тягостно было; терять катихизатора всегда для меня составляет мучение; прошлую ночь я почти не спал, продумал и промучился.

О. Мии молчал, когда я говорил с Такеици. Но когда ушли они, Нумабе пришел сказать, что о. Мии просит свидания и имеет нечто сказать — он не спокоен духом (фуансин). Я сказал, чтобы пришел в половине первого часа; думал, что он опять будет защищать Такеици, и собирался учинить за это ему отличную головомойку. Но, к счастью, опасение мое не оправдалось: пришел он опять в роли пастыря, заботящегося о своем стаде.

— В Каназава непременно надо послать катихизатора.

— Кого? Все распределены.

— Акилу Ивата, который родом оттуда. На месяц или на два только, пока забудется этот скандал с Такеици.

— Но Иокохама как? Поговорите с о. Павлом Сато, заведующим Иокохамской Церковью; если он будет согласен отпустить Акилу, то тотчас телеграфируем ему, чтобы явился сюда, если и он — Акила — найдет возможным отлучиться из Иокохамы, то и отлично!

О. Мии побежал к о. Павлу Сато, получил его согласие; дали телеграмму Акиле, который через три часа явился из Иокохамы, тоже не нашел препятствий к отлучке, почему сейчас же получил дорожные до Каназава, пять ен экстренных и отправился, чтобы завтра обойти всех своих христиан в Иокохаме, сказать им причину отлучки, сделать прочие приготовления и послезавтра отбыть в Каназава. Мать его и жена с детьми останутся в Иокохаме.

О. Алексей Савабе был и говорил, между прочим, что священники советовались о памятнике о. Анатолию и положили справиться в Нагоя, сколько будет стоить эмалевый крест предположенной величины? Денег на памятник уж собралось ен триста.— Когда умер о. Анатолий! А они все еще советуются о памятнике ему! И это только потому, что христиане пристают к ним с вопросами, что же с деньгами, которые мы пожертвовали на памятник о. Анатолию? Под рассказ о. Алексея я молча думал: когда буду умирать, не забыть бы запретить и думать о памятнике мне. Тоже, пожалуй, задумают соорудить; и только мучение им, безденежным,—

жертвовать на вещь совсем бесполезную, а там еще носиться, точно кошка с салом, с собранным пожертвованием — вот так много лет и все-таки не знать, что делать. Фу!

9 / 21 июля 1899. Пятница

Целый день работа с семинаристами по разборке периодических изданий, накопившихся за несколько лет на третьем этаже (под крышею большого дома), приведение их в порядок и приготовление для переплета. Завтра это дело, вероятно, кончится.

Между тем отбывавшие последние священники приходили прощаться. О. Симеон Мии окончательно заявил себя не только православным христианином, но и достождным иереем: просил извинения (без всякого к тому намека с моей стороны), что не понял с самого начала важности проступка Петра Такеици, состоящего в разводе с женой без вины ее в прелюбодеянии. — Видно, что христианство у самих, по-видимому, лучших наших людей не всосалось в плоть и кровь — лежит на поверхности души слоем еще чуждого элемента.

10 / 22 июля 1899. Суббота

Вокруг домов Семинарии надо провести дождепроводимые канавы для вывода воды наружу. Чтобы заказать сию работу, ждал архитектора Кондера, обещавшего быть утром. Но дождь, рубивший непрерывно целый день, помешал ему явиться. Воды на дворе Семинарии налили ужас сколько, и все собирается у зданий или под ними и, всасываясь, производит сырость, что вредно и для домов, и для жильцов. Действительно, канавки нужны, и жаль, что при постройке Семинарии мы не устроили их. Ныне исправим этот недосмотр.

Симеон Томии, доселе служивший катихизатором здесь, в Капта, согласно его желанию, назначен в Тега, провинции Симооса, из которой он родом. Жена его, беременная первым ребенком, должна была по их расчетам родить в следующем месяце. Поэтому просил Симеон оставить его до родов и опрвления жены после них в Токио. Не в первый уже раз подобная просьба; просили и до него молодые катихизаторы с беременными женами о подобном. И всегда меня возмущала эта просьба, Пресвятая Богородица, будучи непраздною, путешествовала из Назарета в Вифлеем; а тут ипогда день, полдня, несколько часов бояться совершить жены, которым еще месяц или месяцы до разрешения! Ободрил я Симеона и его жену, и они отправились. Часа два, три всего нужно было ехать по чугунке; и в вагоне приключились жене первые боли родильницы; потом собравшиеся для встречи Симеона христиане Тега приняли его и жену в лодку, из которой, когда высадили ее и довели до катихизаторского помещения, она тотчас же разрешилась от бремени,

одарив Симеона дочкой, которая, как и мать, совершенно здоровы — насколько это полагается в их состоянии. Урок вперед и другим молодым катихизаторам — не останавливаться и в подобных обстоятельствах от исполнения их обязанностей и надеяться на покров Божией Матери и хранение Ангела-Хранителя.

11 / 23 июля 1899. Воскресенье

За обедней из русских был москвич Александр Иванович Виноградов, агент Московского дома Коншина, фабриканта ситцев. После Обедни он, русские два купчика из Иокохамы и полковник Ванновский пили чай у меня и завтракали. Прибыл Виноградов завязать ситцевые дела с здешними купцами, но поручил это дело русскому банку, которому оставил образчики ситцев. Мне также принес целую кучу оных и оставил, несмотря на мой отказ употребить их в пользу, так как дел с купцами не имею. На фабрике Коншина выделяется до двадцати пяти тысяч разных рисунков ситцев; и каждый год много рисунков меняется; сюда Виноградов привез двенадцать тысяч образчиков разных рисунков, даже мне сегодня, без всякой нужды, оставил до восьмидесяти образчиков, из которых половина пренелепейших рисунков. Сорок человек рисовальщиков заняты на фабриках Коншина и семь тысяч рабочих.

Иоанн Судзуки должен по назначению Собора перейти из Оцу в Такасаки, но, как всегда, делает затруднения, лишь только коснется его. Пишет огромное письмо о том, о чем прежде я уже слышал от о. Тита Комацу и в чем отказал — «дай денег на содержание отца его» (старого развратника, и доселе остающегося язычником и, кажется, продолжающего жить с наложницей, имеющего двух сыновей старше Иоанна); «дай на уплату разных долгов его». Завтра пошлетса ему пять ен со словами, что больше не дастся ни гроша, пусть и не просит. Вдвоем с женой получает четырнадцать ен, при готовой квартире, и вечно клянчит, а катихизатор почти всегда самый бесплодный! Пусть бы уходил со службы — меньше дрызг было бы!

12 / 24 июля 1899. Понедельник

Прекраснейшая погода. День занят был уборкой книг, картин и прочего с третьего этажа дома в библиотеку.

13 / 25 июля 1899. Вторник

Ужаснейшая погода с ночи до полудня: темнота, дождь с ветром.

Послал в Карасуяма чрез о. Тита Комацу земельные церковные документы, хранившиеся в Миссии. Был у христиан, как раз у черты города

куплен на их собственные деньги участок земли для церковного употребления; и уже построен был там церковный дом, в котором собирались на молитву, в котором и я пять лет тому назад молился с ними и говорил им поучение. Говорили потом, что земля эта понадобилась Правительству под железную дорогу; в таком случае, конечно, невозможно было для Церкви удержать ее.

Недавно христиане чрез своего катихизатора Василия Ямада спрашивали у меня позволения продать землю, ибо выгодно для них покупается. Я думал, что это под железную дорогу, и ответил, что запретить продажи не могу. Но вдруг о. Тит, их священник, придя в собор, объясняет мне, что совсем не под железную дорогу, а под непотребные дома. Я тотчас же написал, что «не позволю продать». Поднялась возня у них! Пишут: как, мол, прежде — «можно», а теперь — «не позволяю»? Шлют катихизатора для объяснений. Наконец убедили и самого о. Тита, когда он отправился туда для объяснений, это «совсем, мол, не для дзеороя». Уже не знаю, как он пришел к заключениям совершенно чуждым тому, что мне прежде говорил, только сегодня и от него пришло уверение, что продажа не зазорная, и просьба позволить продажу, то есть выдать им хранящуюся в Миссии купчую. О том же опять и от них пришло прошение с длинным рядом печатей под ним. До того все омерзительно, что я не смог и прочитать, а выдал секретарю земельные документы и велел отослать к о. Титу для передачи в Карасуяма, но при этом строжайше запретил ему и им говорить о моем дозволении или недозволении, вообще так и иначе упоминать мое имя по сему земельному делу. Насильно удержать я их от продажи не мог, ибо не я им купил землю; но, избави Бог, потом станут говорить: «Вот это была прежде церковная земля, но Епископ позволил продать ее для теперешнего употребления!» А употребление ей, наверное, будет скверное. Христиане же получают выгоды несколько десятков или сотен ен, которые прахом и пойдут.

Феодор Янсен пишет из Нагасаки, что благополучно прибыл туда, но что еще дней десять придется ждать прихода «Москвы», которая теперь в Порт-Артуре. Чрез Хорие просит пятнадцать ен на прожитие в гостинице там. Завтра pošлю, но напишу, чтобы о своих нуждах вперед писал мне прямо, не чрез сего гневливого пессимиста Хорие.

14 / 26 июля 1899. Среда

Заказы мастеровым ремонтных работ, уборка богослужебных книг с третьего этажа (из-под крыши). Отправка Конона Аmano домой, Павла Мурай в Одавара. Первый вчера выписался из больницы, но худ, бледен и слаб, служить Церкви не может. Сказал ему, что если совсем поправится здоровым за год, до будущего года, то может на Собор явиться и будет назначен на катихизаторскую службу. Мурай же, ученик, внезапно захворал

«какке» с самым опасным симптомом — сильным сердцебиением, за три дня исхудал; отправлен для излечения.

Был генерального штаба генерал-майор Николай Александрович Василевский, «состоящий для поручения при Командующем войсками Приамурского военного округа». Пожелал взглянуть на Собор и с колокольни на Токио. Я показал ему. Очень симпатичный генерал, долго служивший в Польше; говорил, что ксендзы — главная поджигающая сила поляков к ненависти против русских; «не вера это — римский католицизм — а политическое орудие», — говорил генерал.

Боже мой, сколько денег расходуется ежедневно! Кроме вышеозначенных: Аmano на дорогу — 3 ены, Мураи на то же и пищу — 7 ен, вчерашнему Янсену (послано) — 15 ен; приходит подрегент Лука Орита: «Мать больна в Кагосима, просит помощи, нечего послать, одолжите». Получает 12 ен с женой и ребенком — где же ему иметь, что послать? — «Вот Вам 5 ен; 4 от меня — не требуют возврата, 1 ену возвратите». — Приходят от иподиакона и катихизатора Андрея Имада: «Старший сын его захворал „секирибео“ (дизентерией, ныне не редкой в городе); просим 20 ен в долг, с вычетом потом из жалованья по три ены в месяц». Получает 23 ены, но детей куча, и родители на его пропитании, младший брат также, где ему все возвратить? Дал 10 ен: «Шесть ен пусть возвратит, как пишет, четыре ены от меня ему даны». — Приносит Исаяя Мидзусима брошюру, им составленную, «О Творце», и при печатании иллюстрированную изображением шести дней творения из альбома «Собор Святого Владимира». По обещанию, дал ему за труд 5 ен. Благодаря сему поощрению ныне у нас уже немало вероучительных брошюр. Не было бы поощрения, были бы брошюры? Сомнительно.

Приходил инспектор Семинарии Иоанн Сенума: «Ученик Судзуки (сломавший ногу и лечившийся в городском госпитале) готов к выписке из госпиталя, но счет за лечение его прислали в 40 ен. Я уже писал отцу его о деньгах за лечение; он ответил, что всего не может заплатить, а половину готовы». — «Нечего делать, напишите ему, что я дам 20 ен; пусть скорее шлет другие 20, чтобы сына его выручить из госпиталя». — «Сейчас же напишу», — ответил Сенума и ушел, но я твердо знаю, что Судзуки — христианин в Сиракава — 20 ен не пришлет, ибо беден он и плох нравственно. Придется мне завтра или послезавтра внести все сорок ен. — Таковы расходы ежедневно по тем или другим поводам и причинам. Но Бог мне Судия, если я ошибаюсь, делая все подобные расходы со спокойною совестью! Как бы я отказал Орита или Имада? Не было ли бы это немилосердием? Конечно, благоразумие спрашивается употребить все его действие. Имада не дано 20 ен, а только 10, Орита дано очень скромно. Но не дать бы совсем, совесть за день измучила бы меня точно так же, как мучает, когда — что случается чрезвычайно редко — я ошибся и дал кому не следовало давать. — Господь посылает Миссии деньги; Господь и вперед пошлет на дела, угодные Ему. Не дай только, Господи,

употребить хоть копейку неблагоразумно, не сообразно с волей Божией! Господь удостоил меня быть Его милостынераздаятелем — помоги же, Господи, тщательно блюсти экономию Его милостей! — Конечно, самое безопасное в видах ответственности пред Богом — не ставить на счет Церкви все, что можно не ставить, или в законности чего есть хотя малейшее сомнение. Так, на вышеозначенные 4 ены Орита, 4 ены Имада, 5 ен Мидзусима не взято расписок; это значит, что эти расходы пошли на счет моего личного жалованья, которое, хотя не менее меня самого принадлежит Церкви, все же даст мне и некоторое право располагать им более свободно.

15 / 27 июля 1899. Четверг

В церковных письмах ничего замечательного. Василий Накарай, катихизатор в Сендае, женится; послано обычные 10 ен помощи ему, да прежде того справлена здесь платьем невеста его, кончившая здесь курс в Женской школе и бывшая год учительницей.

16 / 28 июля 1899. Пятница

Нифонт Окемото, катихизатор в Оою, Араи и прочих, женится на высватанной ему в Куроиси катихизатором Титом Айзава, должно быть, очень бедной, потому что в просьбе о деньгах говорит, что нужно послать 15 ен невесте. Просит 25 ен с вычетом из жалованья его; послано 15 ен без вычета, но с советом обойтись экономней. Просил Нифонт себе невесты из Женской школы, но отказали ему, о чем я теперь только что узнал. Женился он в прошлом году на первой ученице из выпускных, Елене Саваде, красивой и умной. Но чрез три месяца умерла она. Теперь за вдовца не хотят наши выпускные: «Он-де не имеет надежды сделаться священником». Вишь чистолобицы!

Павел Накаи, оправившись от «какке», приходил. Посылаю его для поправления здоровья в страну куда-нибудь. Он хочет в окрестности Кёото. Ладно. Так как он слаб еще, то пусть с ним едет сестра его Варвара; двоим на дорогу туда и оттуда и на прожитие двадцать дней там обещал 38 ен.

Говорил Накаи, что его приемная дочка Катя (дочь Маленды), ныне пятнадцати лет, за невозможностью бывать у него, так как мать Накакая не любит ее, пишет ему письма и в них выражает свое намерение сделаться монахиней: «Кончуде курс, останусь учительницей при школе, потом попрошу, чтобы меня отправили в женский монастырь в Россию, изучу там монашескую жизнь и, вернувшись, осную здесь женский монастырь. Из учениц-де многие до сих пор питали желание сделаться монахинями,

но все потом выходили замуж — я же питаю твердое намерение»... Намерение свое она доказывает тем, что сделалась в последнее время очень богомольною.— Я советовал Накаю благодушно принимать эти заявления, одобрять их (они во всяком случае полезны тем, что укрепляют и углубляют религиозное чувство), но удерживать ее от обещаний и клятв, для которых она еще слишком юна и незрела.

17 / 29 июля 1899. Суббота

Вчера в японских газетах и в английских здешних опубликовано постановление Министерства внутренних дел, которым христианская вера признается существующею в Японии и подвергается некоторой регламентации, приобретая вместе с тем, конечно, и покровительство закона и властей. Знаменательное постановление! Буддийские бонзы в последнее время усиленно хлопотали о признании буддизма государственной религией; не удалось это им; к чему мертвецу усиленное предсмертное трепетание — жизненных сил не вернет!

Мы с своей стороны сделаем все, что Правительство велит; а велит оно немного: объявить имя нашей религии, проповедников ее, место их жительства; если будет строиться храм или молитвенный дом — причину того, размеры постройки и прочее подобное, — все самого внешнего свойства.

Петр Кураока, катихизатор в Одавара, вторичным письмом решительно просит перевода в другое место: в Одавара нечего делать ему, ибо Церковь в расстройстве, и не предвидится конца разлада.— Послано о. Петру требование поскорее уладить мир между христианами; приложено и письмо Петра Кураока, а сему, последнему, написано: «терпи и старайся, со своей стороны, о примирении христиан между собою и всех с ее священником».

Думал о Моисее Кавамура, ризничем, лучше, чем он оказывается. Получает, при готовой квартире, 24 ены в месяц — гораздо выше диаконов, не говоря уже о катихизаторах, а сам лишь иподиакон. И сейчас пристал с просьбой:

— Чтобы больше работать в Церкви, мне нужно нанять служанку — прибавьте на это.

— Чего работать-то? Час-два в сутки достаточно. Да и то теперь, когда нужно перетирать иконы на третьем этаже, потом сушить ризницу, — дальше что же? Целый год и делать-то нечего. Но пусть не останется просьба тщетною: прибавлю одну ену — с сего времени будете получать 25 ен в месяц, что получают только священники.

— Этого мало! — Надул губу и ушел.

Решительно не вижу между японцами людей истинно добросовестных и истинно деликатных.

18 / 30 июля 1899. Воскресенье

Ночью получил телеграмму от Владимира Карловича Саблера: «Благовещенский инспектор игумен Вениамин просит назначения в Японию». Утром ответил на нее: «Спишусь с ним».

После Литургии зашел бывший в Церкви полковник Воронов, состоящий военным агентом в Пекине, и просил повенчать его с дочерью купца Старцева.

— Все документы у нас в исправности. Но в Владивостоке мы не хотим венчаться, так как невеста выходит за меня против воли отца и он сказал, что на свадьбе не будет — что в Владивостоке было бы конфузно для нее.

— Отчего же не в Пекине?

— Неудобно вдвоем необвенчанным путешествовать, да можем и опоздать до поста.

— В таком случае мне нужно слово о. архимандрита Иннокентия, к приходу которого вы принадлежите, что он не имеет ничего против повенчания вас здесь.

Полковник сейчас же написал телеграмму и пошел отправить ее к о. Иннокентию.

19 / 31 июля 1899. Понедельник

Послал письмо о. Вениамину с описанием качеств, потребных для просящегося сюда в миссионеры, и с запросом сведений о нем самом.

Профессор Кёбер принес бывшие у него в чтении православные книги и возвестил, что совсем решил перейти в католичество. Психологический феномен — замечательный. Говорит и повторяет, что не имеет ровно ничего против православия, не может опровергнуть ни одного возражения против нелепостей католичества и при всем том идет туда; говорит — «тянет его туда».

— Да как же Вы с завязанными глазами бросаетесь в пропасть? Ведь Вы будете отвечать на суде Божиим; самое первое в человеке — разум; он — светоч на пути нам; в религиозном деле он один недостаточен, так вот Вам Слово Божие — непогрешимый руководитель. И Вы против того и другого! Слово Божие говорит — «От Отца исходящего», Папа поправляет Бога и говорит — «и от Сына»; Вы Бога бросаете, переходите к Папе; Бог говорит — «пийте от нея вси», Папа — «нет, не вси, а только духовные», Вы — тоже; Бог дает языки Апостолам, чтобы всякий народ на своем языке слышал Слово Божие; Папа возмущается против этого, отбирает Богом дарованное право у народов — «пусть-де на одном латинском слышат»; Вы на стороне Папы против Бога; Спаситель совершил Вечерю на [?]’е, Папа говорит — «довольно и [?]’а»; Спаситель собственным

примером указал нам образ крещения водой; и везде Вы с Папой против Бога — разумно ли это? Богоугодно ли это? И так далее, и так далее.

Ничего не может опровергнуть, ни против чего возразить; одно твердит — «влечет меня туда, и иду». Точь-в-точь как юноша, влекомый похотию в непотребный дом; разум говорит ему — «скверно и грешно, и опасно — заболеешь», но он все-таки идет и гибнет. И подобен сему слабому юноше наш философ Рафаил Густавович Кёбер! Извращением для себя выставляет то, что, живя за границей, тридцать лет молился в католическом костеле, привык-де. Поэтому и пьяница, привыкший к вину, может не бросать его — привык-де. Прискорбно! Но нечего делать! Насильно мил не будешь. Пусть тащится из света в полутьму. Три раза я подолгу и серьезно говорил с ним и убеждал его, не говоря уже о разных мимолетных разговорах о том же. Итак, я чист от крови брата сего; совесть меня не укоряет ни в чем относительно его ренегатства.

20 июля / 1 августа 1899. Вторник

Вот комиссия-то! Не одно, так другое! Иоанн Судзуки, после всего своего фиглярства, отправляется, наконец, в Такасаки; но о. Тит ставит на место его, в Оцу, Романа Фукуи, а Собором назначенного для Оцу Георгия Оно берет к себе в Уцуномия вместо Романа; пишет, что «христиане Оцу никак не хотят принять Георгия Оно, даже письмо посылали к нему в Кумамото, чтобы он к ним не являлся». То есть о. Тит не в ладах, по-видимому, с Романом Фукуи и хочет сбить его из своей резиденции; этим должно объяснить все дело, потому что христиане в Оцу не знают Георгия Оно и не могут иметь что-либо против него. Но засадить лучшего из катихизаторов, Романа Фукуи, в такую плохую Церковь, как в Оцу, откуда потом трудно будет освободить его, — не дело! Написано к о. Титу, что «нельзя изменять постановлений Собора, в которых сам же участвовал, так скоро и без всякой уважительной причины; этим нарушился бы авторитет Собора; потому пусть, как установлено: Георгий Оно отправляется в Оцу, а Роман Фукуи остается в Уцуномия». Кстати, Георгий Оно с семейством уже прибыл с Киусиу сюда, сегодня был у меня; я советовал ему отдохнуть два-три дня в Токио, конечно, не сказав, что его чуждается Оцу; в два-три дня мое письмо на Тита, Тит на Оцу успеют подействовать.

21 / 2 августа 1899. Среда

О. Петр Кано отвечает (на письмо отсюда в субботу), что «немирные ходят в Церковь, стало быть — умиряются, а Петр Кураока-де не хочет служить со мной, так возьмите его из Одавара, я один, без катихизатора, управлюсь». Но вместе с его письмом полученное письмо Петра Кураока

гласит совсем другое: «я потерял надежду помириться с немирными», приведены подлинные слова о. Петра ему — Кураока — и описывается все больше и больше разгорающаяся вражда христиан между собою и к о. Петру — партии немирных. Послано и это письмо к о. Петру с наказом не выживать оттуда катихизатора, который беспристрастно смотрит на дело и описывает как оно есть, сокрушаясь только, что из-за неурядицы не может исполнять своей катихизаторской обязанности, и вновь посоветовано о. Петру поскорей привести в мирное состояние свою Церковь.

Была всенощная в Крестовой Церкви, отслуженная о. Романом Циба; после я исповедал невесту полковника Воронова, Евдокию Старцеву, и прочитал ей причастный канон и вечерние молитвы.

Вернувшись из Церкви в комнату, нашел на столе телеграмму от о. архимандрита Иннокентия из Китая, что «препятствий к повенчанию Воронова со Старцевой не имеется». Тотчас же отослал ее Воронову, который очень беспокоился, не получая ответ, и каждый день тратился на телеграммы. О. Иннокентий, оказывается, был в отсутствии из Пекина.

22 июля / 3 августа 1899. Четверг

В восемь часов Литургия, за которой приобщилась Святых Тайн невеста полковника, Евдокия Алексеевна Старцева. Я читал для нее по-русски все молитвы.

По окончании службы полковник, по русскому обычаю, поблагодарил всех служивших для них: о. Роману дал пять ен, иподиакону Моисею Кавамура три ены, двум певчим и пономарю по две ены.

Редактор Петр Исикава отправился в Одавара, где у него больная жена. Поручил ему сделать последнюю попытку убедить о. Петра Кано подать прошение о переводе его из Одавара. Если будет тщетна, придется вызвать сюда о. Петра и велеть ему подать прошение.

23 июля / 4 августа 1899. Пятница

В одиннадцать часов было в Соборе бракосочетание Гусарского гвардейского полковника Павла Павловича Воронова с Евдокией Алексеевной Старцевой. Полковник был в своей великолепной гусарской форме, невеста не менее великолепно одета была в белый атлас и цветы. Богослужение было — все чтение по-русски, пение по-японски. Со мною служили оо. Роман и Симеон, но только для торжественности, равно как диакон Кугимия, ибо эктении говорил Дмитрий Константинович Львовский. Новобрачные были, видимо, очень счастливы, и дай Бог соблюсти счастье сегодня на всю жизнь!

На Церковь дал полковник сто ен, на служивших японцев и певчих — пятьдесят ен.

Христиане из Каназава просят за Такеици — «не он-де виноват в разводе, а жена». Акила Ивата присоединяет свой голос к их просьбе. О. Симеон Мии тоже. — Если Акила еще язычествует, то о. Мии — совсем уж ровно ни на что не годная в подобных делах тряпка; больше не приберу названия для него. И тут же еще в своем письме о. Мии просит выслать в Каназава на катихизаторскую квартиру за восьмой месяц шесть ен, — деньги, которые уже были высланы, но промотаны Петром Такеици, за честность которого распинается о. Мии. Дураком его, о. Мии, кандидата богословия, назвать нельзя; младенцем назвать было бы уж слишком наивно. Одно: миссионер, не полагайся на японца, кто бы он ни был, а держи всегда ухо востро!

Фома Такеока, катихизатор в Цуяма, пишет, как у него умерла благочестивая христианка, как родные ее, язычники, добивались хоронить ее по-язычески, несмотря на ее завещание, как он едва-едва отстоял свое право отпеть и похоронить ее по-христиански. Нравоучение: хотя ныне и «заккё», и свобода религий, а смотрите, как теснят! — Длиннейшее письмо, видимо, назначенное для печати. В «Сейкёо-Симпо» и послано.

Илья Накагава из Иннай пишет, что бонзы там по поводу «заккё» оглашают местность проповедию: «Как скоро явится иностранец сюда, обращай и его в буддизм, потому что что же такое христианство пред буддизмом!! Да к тому же, какой иностранец знает веру!!»... К счастью для иностранцев, едва ли кому-нибудь из них удастся заглянуть в такую трущобу, как Иннай.

24 июля / 5 августа 1899. Суббота

О. Тит Комацу отвечает, что «христиане в Оцу оскорблены, что у них без спроса отнят их любимый катихизатор, что Георгия Оно не хотят и не примут — он-де раздражительного характера (Судзуки не может не опакостить кого или что — его это зловонный след), пусть лучше совсем останутся без катихизатора». — Эта часть письма меня рассердила. Негодяи! Ни гроша не дают на содержание катихизатора, хотя богачи там есть, как братья Саймару, и осмеливаются роптать, что у них не спросили о переводе катихизатора, тогда как общее церковное правило, всем известное, — если не жертвуют на содержание катихизатора, то не имеют право удерживать его. Следовало бы, действительно, оставить их без катихизатора, тем более что и Церковь совсем дрянная, бесплодная, — пусть бы священник посещал их только для преподания таинств. Но другая часть письма о. Тита заставила посмотреть на дело иначе: жена Романа Фукуи больна чахоткой, и ей врачи советуют жить на берегу моря — а Оцу и есть на берегу моря, почему о. Тит и решил прежде

поселить там Романа с семьей. Пусть будет так. Написано о. Титу, что следовало бы оставить грубых христиан Оцу без катихизатора, пусть это он им внушит, но... и так далее.— Георгию же Оно скажет, чтобы отправлялся в Уцуномия; для него это несравненно лучше, чем в Оцу, хотя и жаль: думал было сочетать бесплодного катихизатора Георгия Оно с бесплодною Церковью в Оцу, но вышло иначе.

25 июля / 6 августа 1899. Воскресенье

Пишет Петр Исикава из Одавара: «Истошил все резоны, убеждая о. Петра Кано подать прошение о переводе из Одавара — все тщетно; ответил было о. Кано,— „дайте подумать“, но это только для того, чтобы собрать своих сторонников и посоветоваться с ними, после чего сказал решительно: „Ни за что не подам!“» Пробовал Исикава говорить со сторонниками его — тем меньше успеха. Говорил Исикава о. Петру, что это и мое желание,— нуль внимания! Советует он вызвать о. Петра в Токио, но непременно с печатью, и лишь только будет мгновение согласия о. Петра, тотчас же заставить его написать в кратких словах прошение, приложить к нему печать и тем дело кончить; ни в каком случае не дать ему вернуться в Одавара для совета.

Так как сегодня был здесь за Обеднею о. Павел Савабе, то я, вместе с ним прочитавши вышеозначенное письмо Исикава, сказал ему:

— Я Вас просил повременить отправлением в Одавара, куда Вас просят для исправления треб противники о. Петра. Это я хотел испытать вот эту меру убеждения о. Петра; так как она оказалась бесполезной, то отправляйтесь туда и, исполняя требы, присмотритесь, не правду ли говорит о. Петр, что немирные почти уже помирились с ним; он так настоятельно это повторяет; вот даже и в сегодняшнем письме (которое и прочитано было при этом), вопреки утверждению, столь же настоятельному, катихизатора Кураока, что вражда все более разгорается.

— Не поеду я туда,— отвечает о. Павел.

— Отчего?

— Они прежде просили меня туда, а на днях прислали письмо, что просят не приезжать — «не можем-де с спокойною совестью принять таинства», и готовят прошение к Епископу о выводе о. Петра из Одавара.

— Это уж совсем нехорошо. Подадут прошение — я не могу не принять и не исполнить его, так как целый год ждал, что о. Петр управит свою Церковь, умирит немирных, и оказался он бессильным сделать это; стало быть — нельзя не вывести его. Но как это отзовется на другие Церкви? Не затрезвонят ли везде, что одаварские христиане выгнали своего священника, стало быть — и нам можно?.. Где у нас идеально хорошие и поголовно всеми любимые священники?..

– Употребимте еще одно средство убедить о. Петра подать прошение о перемещении,— говорит о. Павел.

– Какое?

– Мы, Тоокейские священники, все вместе попытаемся уговорить его. Если уж и это не поможет, тогда велите ему подать прошение.

– Отлично! Коллективным письмом вызовите его (то есть письмом за подписью отцов Павла Савабе и Павла Сато, что, мол, есть дело; когда явится, все пять Тоокейских священников дружно нападите на него, и авось крепость будет взята! В момент уступки его — лист бумаги и кисть в руки — одну строку всего, что «утомился долгим пребыванием в Одавара и прошу перевести в другую Церковь», подпись и печать, и лист ко мне. Я до того времени считаюсь не причастным к этому делу, но лист уж из рук не выпущу и, как бы не распинались сторонники о. Петра,— «вот, смотрите — его собственное, совершенно добровольное прошение, которое я не могу не исполнить»... Все же лучше, чем если я прямо велю ему написать прошение, и тысячу раз лучше, если я принужден буду вывести его по прошению христиан.

– Иду к о. Сато, чтобы вместе с ним написать о. Петру вызов сюда,— ответил о. Павел Савабе и ушел.

26 июля / 7 августа 1899. Понедельник

Георгий Оно, к сожалению, не сказавшись здесь, отправился в Оцу и нарвался на неприятность: там сказали ему, что его «не принимают, а вместо тебя, мол, приедет Роман Фукуи». Пишет он о сем. Тотчас послано ему сожаление, что не зашел в Миссию прежде, чем отправиться из Токио, что Фукуи переведен туда по болезни его жены, что о сем шла переписка с о. Титом, когда я советовал ему отдохнуть в Токио два-три дня, надеясь в эти дни ясно определить, куда ему направиться. И послано ему пять ен на дорогу в Уцуномия и три ены экстренных на расходы.

27 июля / 8 августа 1899. Вторник

Распоряжения по ремонту школьных зданий: в Семинарии начались работы по устройству водосточных кирпичных подземных канавок вокруг зданий и наружу, в Женской школе — оклейка заново всех комнат, остружка и покраска вновь занятых столов, ремонт ванной и столовой.

28 июля / 9 августа 1899. Среда

Из Одавара сторонники о. Петра Кано длиннейшим посланием за подписью четверых жалуются на катихизатора Петра Кураока,— «он-де враг о. Петра и мутитель христиан, получает инструкции для сего,

вероятно, от бывшего катихизатора Петра Исикава, что „он смущал о. Петра подать о переводе; вероятно-де, это заговор против о. Петра“». А Петр Кураока пишет, что возмущение христиан дошло до крайних пределов: «Сорок восемь домов составляют прошение об удалении о. Петра из Одавара — будет больше ста сорока подписей». — О. же Петр и его друзья, даже в том послании, уверяют, что все мирно; бывшие немирные ходят в Церковь, иные из них принимают от о. Петра святые таинства.

29 июля / 10 августа 1899. Четверг

Хозяйственные хлопоты по ремонтам, по разборке икон, фотографий, образков и прочего на третьем этаже и перенесению всего, что не принадлежит церковному снабжению, в библиотеку.

30 июля / 11 августа 1899. Пятница

Сильный ветер целый день; даже и разборкою нельзя было заняться, так как все надо очищать от многолетней пыли, а наружу нельзя вынести — рвет и мечет.

Читал найденное вчера при разборке сочинение «О православном белом и черном духовенстве», напечатанное в 1866 году в Лейпциге и тогда же высланное безымянным автором и мне, как одному из членов заграничного духовенства. Не помню, какое впечатление произвели на меня тогда эти увесистые два тома. Ныне впечатление жалкое. Какие бешеные ненавистники монашества тогда были! Все черное, злое, хотя, вероятно, и справедливое в единичных примерах, собрано в кучу точно навозную, и названо «черным духовенством»! Экая озлобленность! И это в то время своего рода моровое поветрие сколько вреда наделало! И сколько наглой лжи в утверждениях и обобщениях! По автору, в Академии в монахи иначе не поступали, как завлекаемые начальством. Кто же меня завлекал? Да и слышно ли было в Академии что-либо подобное во всю мою бытность в Академии?!

31 июля / 12 августа 1899. Суббота

Катихизатор Яков Ивата прислал свой литературный труд: цифровой словарь священных слов и предметов; например, на цифру «один» — «один Бог» и указание на текст Священного писания, где можно видеть это; «одно лицо в Иисусе Христе» и сказано — смотри в «Осиено-кагами»; «одна Церковь» — там же; на цифру «два» — «два естества в Иисусе Христе» — «Осиено Кагами» («Православное исповедание» Святого Димитрия Ростовского), «две воли» — там же; на цифру «три» — «три

лица в Боге» — текст; на цифру «семь» — «семь тайнств» — «Осиено кагами», «семь Вселенских соборов» — то же и так далее; увесистая тетрадь, для религиозно-нравственного научения малополезная, но в японском духе, которому нравится подобная игра в цифры, или что-либо подобное, сухое и формальное. В напечатании на церковный счет отказано, и тетрадь препровождена обратно с похвалою трудолюбию и советом поискать издателя на стороне. Впрочем, издания от Церкви тетрадь не заслуживает и по своей нецерковности; разве основанием учения об «одном лице в Иисусе Христе», «двух естествах Его», «семи тайнствах» и подобное служит «Осиено-Кагами»? И можно ли подряд по авторитетности ставить Священное Писание и Осиено Кагами?.. Но если найдется охотник печатать, что ж, пусть печатает; все же несколько христианских понятий перепадет на долю лиц, которым книжка попадет в руки.

1 / 13 августа 1899. Воскресенье

После Обедни явились из Оота (в провинции Мито) двое христиан, Иоанн Кикици и Петр-одноглазый, с прошением о выводе оттуда катихизатора Петра Мисима.

— Какие причины?

— Подозревается в нечистоте по седьмой заповеди. Конечно, мы доказательств не имеем, но и язычники говорят, — и так далее, пошли нести бессодержательную болтовню.

— Сами же говорите, что доказательств нет, а предмет слишком серьезный, будь он виновен в этом — катихизатором уж не может быть, как случилось доселе с немалым числом молодых катихизаторов. Но Мисима почти старик, да и жена есть, и по характеру не развратник. Не верю я этому. Два года назад на него наплели что-то подобное, но оказалось ложью, теперь, верно, то же. Чем еще не хорош он?

— Ленив по службе. В воскресенье не всегда отправляет общую молитву; к крещенью представляет совсем не знающих учения, которые, приняв крещение, не ходят потом в Церковь.

— А священник разве не испытывает представленных к крещению?

— О. Фаддей строго испытывал, о. Тит почти не делает этого.

— Это о. Титу будет поставлено на вид с наказом, чтобы вперед исполнял правило церковное. Ему же я отошлю и ваше прошение с прописанием, чтобы сделал выговор Петру Мисима за леность и присмотрел за его исправлением.

И так далее — длинный разговор был и убеждение; ушли с миром, а о. Титу будет написано.

Вечером, когда шел осматривать работы по ремонту, о. Павел в окно своего дома выглянул и заявил, что идет ко мне с гостем.

— Кто такой?

— Арай Цунено-син, только что вернувшийся из Америки.

Выглянул и Арай и вышел поздороваться. Где же узнать! В 1868 году виделся с ним, когда он в числе инсургентов в Инамото был в Хакодате; был он таким пылким юношей, готовым к христианскому научению. По моем отъезде тогда в Россию, в начале 1869 года, он уехал в Америку и вот тридцать лет прожил там. Попал он в научение какому-то мистикю Гаррису, человеку доброму, сохранил сердце чистым и поведение добрым (хоть оплачивал за то Гаррису, как видно из рассказа, батрачной работой на его фермах); но учения Христа, которому усвоит божеское достоинство, однако не знает и знать не хочет:

«Какой прок, мол, в учении, было бы поведение!» Даже крещения не принял — «духовное-де достаточно». Учитель его, кроме Бога-Отца, исповедует еще Богоматерь (что-то совсем новое) и прочее — много галиматри рассказывал про своего учителя с видимым благоговением к нему. Я приглашал его просветить разум Божественным учением, которое три с половиною года преподавал Спаситель — стало быть, не немало-важно оно, как исповедует мистик, и так далее. Араю пятьдесят три года, он не безнадежен тем более что, кажется, не чужд и смирения, вопреки тому, что являл в своих письмах лет пятнадцать назад.— Я угостил его и о. Павла Сато японским ужином из кухмистерской.

2 / 14 августа 1899. Понедельник

Некая госпожа Савельева, чрез протоиерея Василия Яковлевича Михайловского и о. Феодора Быстрова, просится в Миссию; о. Феодор прислал ее прошение, в котором она очень восхваляет свои педагогические таланты, которыми пользовалась Палестина и множество женских школ в России; ей тридцать семь лет.— Тотчас же по прочтении документов начертил телеграмму: «Petersburg Ingenernoi Zamok. Protojerei Bistroff: Savelieva ne nado». Завтра утром пошлю. Немножко жаль двадцати ен на нее, но о. Феодор пишет, что она просит ответить телеграммой, ибо во время каникул удобно подыскать другое место. Пусть ищет. Здесь же Женская школа ведется японками так хорошо, что лучшего и желать не нужно.

3 / 15 августа 1899. Вторник

Был в Иокохаме, чтобы: 1) сдать в банк, с разменом, чек присланной одной суммы содержания Миссии. Hong Kong and Shanghai Bank на сей раз показал размен на 34 ены ниже настоящего. Хорошо, что я предварительно заехал в Chartered Bank of India etc и спросил — сюда и сдал чек, так как Миссия имеет дело с обоими банками; 2) взять чек на пятьсот рублей в Русско-китайском банке для отсылки о. Феодору Быстрову

на уплаты за ризы, книги и прочее; 3) засвидетельствовать в Консульстве мою доверенность о. Феодору на получение в Петербурге из Казначейства моей пенсии — двести рублей; консула не застал, оставил доверенность с запиской; ныне (десятый час вечера) засвидетельствованная доверенность с любезной запиской консула уже получена мною; 4) взять ящичек с бриллиантовым крестом на клобук. Сказали в Консульстве, что он завчера переправлен в Посольство, почему, возвращаясь из Иокохамы, я заехал в Посольство и получил футляр с алмазным крестом; всего одиннадцать алмазов в кресте; застрахован был ящичек в две тысячи рублей, как сказали в Посольстве. Спасибо Государю за такой щедрый дар! Но право же, совестно надевать! Все награждают только меня, а японцы, служащие со мной, остаются без всякого поощрения. Не знаю, что делать? Испросить о. Павлу Савабе и другим старшим священникам синодальные кресты? (Скуфья и камилавка здесь пока невозможны — просто неприличны). Но не будет ли это неудобным инцидентом? Где набрать крестов на дальнейшие награды? А дашь ныне, будут смотреть на руки и потом. Например, о. Павел Морита — и ревностен, и успешен; чрез три-четыре года будет заслуживать награды и он; но он молод; ходатайствую о нем, как обойти оо. Бориса, Тита и прочих? Что же, это значит и всем, или почти всем кресты? То есть лет через десять отныне у нас почти все священники очутятся в крестах, но какая же это будет награда? И опять, где взять крестов? Не все же из Святейшего Синода — совестно будет все просить оттуда, довольно было и разрешения Святейшего Синода дать крест. Или уж не начинать и обычая награждаться японцам из России? Кажется, это будет всего разумней; Миссия будет избавлена от многих неприятных осложнений. Притом же японцев до сих пор никак не разубедишь (язычников, конечно), что Царь не имеет никакого властного отношения к японским православным христианам. Миссия и Церковь будут избавлены от лишнего подозрения, не награждаясь в японском составе от России.

4 / 16 августа 1899. Среда

Целый день писал письма в Россию да ходил по ремонтным работам, идущим весьма вяло.

5 / 17 августа 1899. Четверг

Из Одавара непрерывные письма, что Церковь все больше и больше приходит в расстройство, но что о. Петра Кано никакими способами невозможно убедить подавать прошение о переводе оттуда; пишут, что противники его давно приготовили за подписью будто больше ста человек прошение о том, чтобы он убран был из Одавара. Я намекнул, наконец,

Петру Исикава, чрез о. Павла Савабе, и катихизатору Петру Кураока, который сегодня явился с жалобой на окончательное расстройство Церкви, прямо, чтобы выслали заготовленное прошение к о. Павлу Савабе; я частно заимствую от него это прошение, телеграммой вызову о. Кано, покажу ему: «Видишь, что Церковь не в мире, как ты всем беспрестанно заявляешь; итак, ты не можешь управить Одаварскою Церковью, а потому подавай о переводе оттуда». Он, без сомнения, послушается; тогда я прошение христиан возвращу о. Павлу Савабе для возвращения от него им — «мол, и без вашего прошения о. Петр Кано будет переведен, он сам просит о том»; отправлюсь в Одавара, объявлю христианам, что «о. Петр просит о переводе, и потому будет переведен, вам же дается другой священник».

Из Хацивоодзи известие, что катихизатор Игнатий Мацумото заболел дизентерией, которая ныне свирепствует. Священник Алексей Савабе отправился туда.

Вечером почти в пустом Соборе была торжественная праздничная всенощная.

6 / 18 августа 1899. Пятница.

Праздник Преображения Господня

В Церкви тоже было мало христиан.

Я едва отслужил: тоже захворал, и самую дрянную ныне болезнью — расстройством желудка; должно быть, арбуз виною, ломти которого в последние два-три дня подавал Никанор заключительным блюдом. Вперед не есть его никогда!

Так и провалялся целый день на постеле или на диване, что прескучно. Да и жарко же! Никогда, кажется, не было такой жаркой ночи, как прошлая, и такого жаркого дня, как сегодня. Думалось: если в аду вдвое жарче, чем сегодня, да еще там болит живот, как у меня сегодня, то больше никакой муки не надо для самых больших грешников. Прости, Боже, прегрешения!

7 / 19 августа 1899. Суббота

Утром до ранней Обедни (с шести часов) о. Павел Савабе принес из Коодзимацци доставленное ему прошение христиан Одавара, желающих перевода от них о. Петра Кано. Прощение сорока восьми домов — 163 человек. Я тотчас же послал телеграмму о. Петру немедленно прибыть сюда по церковному делу. Но в одиннадцать часов явились его сателлиты, уцепившиеся за него и руками, и зубами, чтобы не выпустить из Одавара. Я не видался с ними — к чему горохом стучать об стену!

В два часа явился сам о. Петр Кано. «Христос посреди нас! — Молвил я, целуясь с ним и подсказывая ему.— Несть и будет». Словом, он долго утирал пот. А я ему говорил кратко сие:

— Больше желающего тебе добра и Церкви, чем я, нет. Потому прими с миром, любовью и вместе смирением то, что я скажу. В прошлом году, вопреки целой туче твоих врагов, я оставил тебя в Одавара, но что я говорил тебе и твоим сторонникам? Я говорил: постарайтесь же помириться и водворить мир в Церкви; сам я даже помогал тебе в этом и показывал пример, ходя вместе с тобою по немирным домам и прося о водворении мира. Но вот больше года прошло, и мир не только не водворен, а еще больше отдален — вражды между тобою и христианами конца не видно. Итак, сознайся, что ты не можешь управить и умирить Одаварскую Церковь и просишь о переводе оттуда. Не считай стыдом сознаться, что не можешь, так как это для всех же очевидно; не крушись в душе сим обольстительством, но с тобою первым это; когда любовь разорвана, вообще очень трудно потом возобновить ее; это и здесь — дело известное. Но так дольше оставлять этого нельзя. Только и выйти тебе из Одавара нужно разумно, чтобы пагубных последствий не было для других Церквей. Потому-то я вызвал тебя, чтобы посоветовать «совершенно сознательно и свободно подать прошение о переводе». Если ты скажешь, «Епископ мне велел подать, принудил меня к тому», тогда и из других Церквей, от тех, кому не нравятся местные священники, станут приставать ко мне — «вели такому-то подать прошение об удалении от нас», тем более я не хочу переводить тебя по прошению твоих недоброжелателей, а оно — вот у меня (и я полез было в ящик достать его, но о. Петр остановил — «не хочу видеть его»). Ладно, об нем пусть и речи не будет; я возвращу его о. Павлу Савабе, от которого оно частно доставлено мне, пусть возвратит подававшим его. Если ты совершенно произвольно желаешь выйти, то и друзья твои не будут злобиться ни на кого; скажи им: «Спасибо за вашу любовь, я буду, в отплату за нее, молиться Богу за вас, но не могу больше оставаться в Одавара по вашему желанию, ибо не могу управить Церковью». И так все окончится благополучно. Ты переведен будешь в Токио, к Собору; здесь найдется много дела. В Одавара поставлен будет человек, не имеющий никакого отношения доселе к обеим партиям, что даст ему возможность сблизить обе.— И прочее, и прочее.

О. Петр тихо и мирно слушал все и со всем согласился. Но когда я сказал ему:

— Так напиши же прошение в самых кратких словах, что, мол, по обстоятельству прошу о переводе меня в другое место.

— Нельзя ли,— говорит,— после (это значит — дайте посоветоваться с друзьями).

— Зачем же медлить? Ведь ты же согласен, что я говорил. Завтра, кстати, воскресенье; я отправился бы с твоим прошением в руках,

объявил бы христианам, переговорил бы с ними так, чтобы вышло все благоприлично.

О. Петр, наконец, согласился и вполне благодушно написал прошение о переводе с его теперешнего «канкацу» на другое, приложил печать и вручил мне.

Кстати, он рассказал, что с женой его ныне частые припадки «падучей болезни» — должно быть, от всех передряг, испытываемых ими в Одавара. Я дал ему пять ен на перевод ее в ее родной дом, тут же около Одавара, в Накамурахора, что уже заранее решил сделать сам о. Петр. Сам же он может поселиться на первый раз в Миссии, как теперь живет о. Феодор Мидзуно.— Мирно и благоразумно он отбыл в Одавара, куда я прибуду завтра к богослужению. Катихизатору послана телеграмма, чтобы оповестил завтра всем христианам собраться к богослужению, ибо я имею говорить с ними по важному церковному делу. Помогите, Господи, устроить все во благо! Научи, Господи, кого поставить им в пастыря, ибо доселе недоумеваю!

Были сегодня две французские монахини просить уступить им место, на котором построена Церковь в Коодзимаци — им-де нужно строить женскую школу там; покупают соседнюю землю, в которую клином входит та наша, на которой Церковь. С ума сошли! Где же молиться нашим христианам всей той местности — Коодзимаци, Ёцуя, Банчёо, Усигоме, Акасака, Азабу? Твердо и положительно я им отказал, конечно.

8 / 20 августа 1899. Воскресенье.

В Одавара и дома

С поездом в четыре пятьдесят минут утра из Синбаси отправился в Одавара. Прибыл туда в половине девятого. В доме о. Петра Кано нашел жену его лежащую посреди комнаты больною; впрочем, она сейчас убрала матрац, и тут же в комнате собралась целая толпа друзей о. Петра, не желающих его перевода из Одавара; все с сердитыми лицами напали на меня — «зачем выводить о. Петра, нами столь любимого?» Но я сам сердито напал на них: «Зачем вы не старались водворить в Церкви мир? В прошлом году, оставляя здесь о. Петра, я беспрестанно твердил ему и вам: „Теперь постарайтесь помириться со всеми“; чтобы показать, как это делать, сам ходил с о. Петром по домам немирных, прося помириться; тогда еще рано было, слишком страсти расходились — мир не состоялся; но я и все вы были уверены, что в продолжение года непременно все утихнет и умирится. Теперь прошел год и два-три месяца с тех пор — мир где же? Возобновили вы его, как обещались? Итак, вы сами виноваты, что ваш „симпу“ уходит от вас; вы измучили его, насильно удерживая доселе здесь; вот смотрите и жена его в каком положении от всех этих передряг и беспокойств».

Несколько присмирели они; только Мария Такахаси бросилась оземь с рыданиями. Говорят потом:

— Но у нас одна просьба к Вам: пусть о. Петр приезжает для преподавания нам таинств.

— Ни в коем случае! Когда станет здесь новый священник, то ни о. Павел Савабе, ни о. Петр Кано и ногой не будут здесь; об этом уж я постараюсь, иначе никогда не прекратится разлад и разделение в Церкви. Знайте все и держитесь одного вашего священника, который будет в совершенно одинаковых отношениях ко всем вам.

В девять часов позвонили к Обедне (ныне Обеднице, ибо о. Петр вчера всю ночь запоздал служить); но так как мало собралось христиан, то я сказал подождать службой еще на полчаса.

В половине десятого начали Часы и потом Обедницу. Певчие в один голос очень стройно и пребойко пропели все; недаром сам Обара их учил; почти не полутонили даже. Христиан собралось почти полная Церковь. По окончании богослужения я в эпитрахили и малом омофоре, севши у амвона, стал говорить то, для чего приехал. Начал с слов ныне чтенного рядового Апостола: «„Вы — Божия нива, вы — Божий дом, вы — Божий храм, аще кто храм Божий растлит, растлит сего Бог“. Но что, если на ниве сорные травы? Хвалят ли сие? Что, если дом разваливается? Хорош ли он? Вы — эта Божия нива с сорными травами, вы — Божий дом, давший трещины. Это — ваши ссоры с священником и между собою. Вы — Божий храм, но он — растлен; кто этот растливший, кому так страшно угрожает Апостол, я не могу указать; вероятно, и никто не знает сего, кроме Бога, но я думаю, что сия угроза главнейше относится к врагу нашего спасения, который „яко лев рыкая ходит“... Это его по преимуществу дело — такой печальный разлад в Одаварской Церкви. В прошлом году я надеялся, что болезнь исцелима наличными средствами... Но более года опыта убеждает, что это не такое легкое дело... Потому ваш священник о. Петр прямо признал себя бессильным умирить Церковь и вследствие этого просится из Одавара. Вот его прошение (и я, вынув из кармана прошение, прочитал его). Я не нашел нужным более удерживать его здесь против его воли; прошение его исполню: отныне считайте решенным, что о. Петр от вас переводится. Пусть он в следующее воскресенье, когда, кроме того, прилучается и Великий праздник Успения Пресвятой Богородицы, в последний раз отслужит у вас Литургию, все соберитесь помолиться вместе с ним и отпустите его с миром; немирные вспомните все добро, что сделал для вас о. Петр в продолжение двадцати лет служения здесь, и, исполнившись за сие чувством благодарности и любви к нему, забудьте и бросьте все неприятное, что случилось между вами и им, и любовно, и мирно расстаньтесь с ним — это будет одинаково полезно и для него, и для вас, выбросив из ваших сердец весь сор и всю тяготу; любящие его — тоже отпустите его с легким сердцем; он, конечно, никогда не забудет вашей

любви, будет платить за нее молитвою о вас; но он будет спокойнее и счастливее в другом месте; итак, для блага Церкви и для блага самого о. Петра отпустите его с миром и любовным молитвенным напутствием.

Нынешний катихизатор Петр Кураока тоже возьмется от вас; некоторые уже заподозрили и его, что он расширяет вражду между христианами и священником. Но это совсем неправда. Ваш катихизатор, как молодой человек, пылает только ревностью к службе; и так как он, по причине неладов в здешней Церкви, не может так ревностно служить, как бы желалось, то он лишь пристаёт с просьбой ко мне поместить его куда-либо в другую Церковь, где он был бы полезней. И я исполню его просьбу. Это будет и для блага здешней Церкви. Когда станет здесь новый священник, то пусть никого не будет между ним и христианами; это ускорит сближение и закрепление любви между священником и христианами.

Но ныне предстоит самый важный вопрос: кого поставить в Одавара священником? Вы, христиане, имеете право выбирать себе священника, но как же выбирать, не зная из кого? А из катихизаторов вы знаете двух-трех, не больше. Но существует общее церковное правило и общая церковная практика: если христиане не могут произвести выбор, то оный представляется епископу, который, конечно, отлично знает всех служащих Церкви. Ныне эта обязанность выбора лежит на мне. В исполнение ее я выбираю человека, который, не сомневаюсь, будет приятен всем вам безразлично, ибо он служил здесь и служил мирно и хорошо в качестве молодого катихизатора лет десять тому назад. Это Василий Усуи. Ныне ему тридцать четыре года от роду; шестнадцать лет на службе Церкви; служба всегда была беспорочная и плодотворная. Итак, я поставлю вам священником Василия Усуи. Не имеет ли кто чего-либо против сего?» — Молчание. — «Еще спрашиваю то же?» — молчание, и у всех лица добрые, улыбающиеся. «В третий раз спрашиваю, не знает ли кто чего-либо за Василием Усуи, что мешает ему сделаться священником?» — Опять полное молчание. Итак, Василий Усуи объявлен избранным во священники для Одавара. Но это еще под условием, что он примет избрание. Я обещался по возвращении в Токио тотчас послать ему телеграмму с вызовом сюда, ко мне, что, вернувшись в седьмом часу вечера, и сделал.

*(смотри продолжение дневника
в 7-й книге сего формата)*

9 / 21 августа 1899. Понедельник

Утром был о. Павел Савабе; я рассказал ему, как кончилось вчера в Одавара дело о. Петра Кано, и он порадовался. Предостерег его также,

чтобы не обманули его католические монахины и не подвели какой-нибудь махинации, чтобы завладеть местом, что под нашим храмом в Коодзимаки; пусть отсылает их трактовать со мною, если станут дальше приставать за сим к нему, или к сыну, о. Алексею, или к старостам.

Из сегодняшних писем: о. Яков Такая описывает разрушительное действие последнего урагана в Кагосима; между прочим, и наш церковный дом остался без крыши, без дверей и окон; у трех христиан дома пали. Нечего делать, нужно послать маленькую помощь.— Павел Ямада, журналист, длиннейшим письмом рисует бессовестность катихизатора Иоанна Судзуки, опакотившего пред отправлением из Оцу назначенного на его место Георгия Оно до того, что христиане, не видя Оно, возненавидели его и вооружились против вступления его в должность; просит Ямада меня сделать строгое внушение Судзуки по сему случаю — но черного кобеля не вымоешь добела ни в какой воде.

Вечером прибыл вчера телеграммою вызванный из Ициносеки катихизатор Василий Усуи. Когда я ему рассказал дело в Одавара и предложил быть священником там, он без ложной скромности прямо принял предложение, сказав: «Если вы меня считаете годным, я не могу противиться, так как всего себя отдал на службу Церкви». Он остался здесь, чтобы приготовиться к принятию посвящения.

10 / 22 августа 1899. Вторник

Послал письма: в Ициносеки и Яманоме, что у них берется катихизатор Василий Усуи для поставления священником в «Одавара-цихоо», но что к ним прибудет другой катихизатор Петр Кураока, хотя и молодой, но кончивший Семинарию, несколько лет служивший в Церкви Маебаси, ревностный к проповеди.— В Одавара — к о. Петру Кано, что Василий Усуи принял предложение, чтобы оповестил о том христиан; в Церкви в Идзу, бывшие под ведением о. Петра Кано, что он, по прошению его, уволен, а на его место будет поставлен священником катихизатор Василий Усуи.

Василию Усуи даны служебник и требник для изучения. Вечером долгая беседа с ним о его будущем служении. Приступил он к нему с смирением и упованием на помощь Божию — видимая приготовленность к тому; опытности у него достаточно; сдерживать порывы своей живой природы, кажется, тоже может.

11 / 23 августа 1899. Среда

Вследствие затребования из Министерства внутренних дел (Наймусё, седьмого месяца 27 числа, бумага за № 41) сведений о состоянии

Церкви здесь, в Японии, мы предоставили туда сведения по пунктам, изложенным в бумаге:

1) название нашей веры «Христианская Православная» (Христос сейкёо [?]),

2) способ распространения ее — проповедь «по домам и в собраниях»,

3) цель построения наших храмов — «молитва и проповедь в них».

Это — сущность изложенного в моем докладе за подписью «Епископ Николай». К сему, согласно требованию, приложен мой весьма краткий формуляр (риреки).

С моим вместе поданы в Наймусё доклады с формулярами о себе о. Павла Сато и катихизатора в Хонго Антония Такаи. В Наймусё нашли наши доклады и «риреки» удовлетворительными, и потому мы отпечатали их и сегодня разослали по всем Церквам с предисловием от меня — распоряжением, чтобы немедленно все наши священники и катихизаторы подали от себя — каждый своей местной гражданской власти подобные же доклады и формуляры.

12 / 24 августа 1899. Четверг

Как вчера целый день был занят письмами в Россию, так сегодня — уборкой третьего этажа от остального, что принадлежит библиотеке; теперь почти все уже убрано, однако же остается еще дня на два — на три.— Спустившись однажды вниз, нашел посетителя — некоего Петра Юуки, ученика Земледельческого Института в Саппоро; ему уже двадцать семь лет, родом из Ямагата, удивительно усерден к вере. Говорит, что у них в школе много учеников протестантов и учителя тоже протестанты; оттого вся земледельческая школа очень расположена к христианству; но там же, в Саппоро — гимназия, где все учителя язычники, совсем противоположного духа — очень неприязненны к христианству. Так-то, значит, от учителей и начальников школы зависит дух и направление сего. Юуки научен христианству Константином Омура, когда сей был катихизатором; он один и есть православный христианин в Институте. В Токио прибыл, пользуясь каникулами, для прочтения кое-чего нужного в университетской библиотеке. Во время путешествия сюда везде посетил православные Церкви, узнал состояние их и дал ясный отчет о них. Вот таких бы умных и живых людей в Катихизаторскую школу, да не пойдут! Мир к себе тянет.

13 / 25 августа 1899. Пятница

Уборка книг с третьего этажа на эти каникулы уже последняя, что осталось там еще, будет убрано в библиотеку в следующие каникулы,

если будет на то досуг; да ничего стоящего записи в каталог основной библиотеки и так уже нет.

После обеда рассылка второй половины содержания служащим (ближним) за девятый и десятый месяцы.— Ремонтные работы почти окончены; в нынешнем году семинарские здания с обеих сторон обведены прочнейшими дождесточными кирпичными закрытыми канавами. В Женской школе тоже проделаны такие канавы; надоели деревянные — гниют и каждый год требуют ремонта; теперь не сгниют, только чистить по временам нужно, для чего сделаны, как и в Семинарии, на рассчитанном расстоянии одна от другой «масу», с чугунными решетчатыми крышками; открыв крышку, можно бамбуком прочистить канаву от одной «масу» до другой.

14 / 26 августа 1899. Суббота

Утром после Обедни оо. Роман Циба и Феодор Мидзуно отправились пособоровать о. Фаддея Осозава, который совсем плох.

Из Сакари пришло известие, что от тифа померла жена катихизатора Моисея Мори. Месяца не прошло, как они были здесь, по пути в Сакари, и она — вполне здоровая и цветущая мать двух здоровых детей-младенцев, и вот! Экое горе Моисею, который сам едва поправился от умопомешательства; не приключилось бы с ним опять эта болезнь!

Проверка и прием работ по ремонтам школ — от оклейщика, цинощика, и прочие хлопоты по работам.

За всенощной совсем мало богомольцев было.

15 / 27 августа 1899. Воскресенье.

Успение Пресвятой Богородицы

За Литургией Василий Усуи рукоположен во диакона.

Пред самой Литургией получил я письмо катихизатора Анатолия Озаки из Готемба, в котором говорится, что «Василий Усуи во время своей службы в Одавара катихизатором был заподозрен в блудодеянии и не очистил этого подозрения и что поэтому он, значит, не достоин священнического сана». Озаки упоминает, «что он сам не может доказать этого, но что-де Илья Сато (бывший катихизатор в Одавара, ныне служащий в Маебаси) знает все». Никогда до меня не доходило подобного слуха, да и странно человеку семейно счастливому быть заподозренным в подобном грехе. На мой троекратный запрос в прошлое воскресенье христианам в Одавара, «не знает ли кто за Василием Усуи чего-либо препятствующего священству», никто не заявил хоть бы тень намерения заявить что-либо, и все поголовно потом выражали радость, что он назначается священником к ним. Очевидно, клевета на Усуи. Но чья

махинация? Телеграммой я вызвал сюда Анатолия Озаки и жду, чтобы разъяснить это и остановить распространение клеветы.

16 / 28 августа 1899. Понедельник

В десятом часу утра явился Анатолий Озаки. Поздоровавшись и обменявшись обычными любезностями, я развернул его письмо и стал спрашивать, «от кого, когда, где он слышал о столь дурном поведении Василия Усуи».

— Слышал толки товарищей в прошлом году во время Собора.

— Это десять лет-то спустя после перемещения Усуи из Одавара? Прежде никаких толков и подозрений не было — по какому же поводу в прошлом году стали толки? Невероятное! На какое же другое лицо падало подозрение совместно с ним?

— На дочь о. Петра Кано, Нонну.

— Еще невероятней. Она была малолетней во время службы Василия Усуи в Одавара и училась здесь в Женской школе, и разве к выходу его оттуда кончила курс и вернулась к отцу. Не слышали ли, на чем могли открыться подозрения?

— Ничего не слышал.

— Вообще не подкрепите ли чем-либо ваши слова в письме, что «были подозрения»?

— Не могу ничем подкрепить.

— Не доходило ли до вас таких слухов прямо из Одавара, а не от товарищей, из которых никто не служил в Одавара одновременно с Василием Усуи?

— Из Одавара прямо не имел никаких слухов.

Итак, оказывается совершенно бездоказательным толком написанное им. Он ли, или кто другой сочинил это подозрение выяснить было невозможно. Я призвал секретаря Нумабе и при нем объявил Анатолию Озаки решение: «Если вперед до моего слуха достигнет клевета на Усуи, то господин Озаки будет исключен из катихизаторов как возмутитель покоя церковного. Итак, чтобы не случилось с тобою этого, господин Озаки, вперед никому ни слова про сии слухи; если же кто покусится произносить их при тебе, немедленно останавливай их, что это клевета». Потом я его угостил чаем, убеждал хоть немножко стряхнуть с себя лень, ибо очень уж бездеятелен, дал дорожные сюда и обратно и отправил обратно, запретив видаться с Василием Усуи, чтобы тот не спросил, «зачем здесь» и не узнал бы истины, что очень огорчило и расстроило бы его.

Анатолий Озаки, уходя, в секретарской проворчал, что христиане Идзу недовольны, что у них без спросу отняли священника и что из-за этого еще выйдет тревога. Действительно, после полудня получено

было прошение ко мне христиан Идзу за печатью двух-трех христиан из каждой местности, где есть христиане, — прошение грубейшее, требующее, чтобы им дан был священник Петр Кано и непременно на содержании Миссии, иначе-де они уйдут под другой свет (то есть в инославие). Они совершенно не обратили внимания на мое оповещение, что Петр Кано, по его собственному прошению, переводится в другой приход. Из письма катихизатора в Эма, Мефодия Цуция, полученного вслед за прошением, оказывается, что христиане из всех мест, собравшись в Мисима, держали там совет и выработали полученный мною документ. Я велел из канцелярии послать им копию прошения о. Петра Кано об увольнении его из его теперешнего прихода и переводе в другой. Что им больше писать, таким невежам?

17 / 29 августа 1899. Вторник

Утром Иоанн Мори, денкёо-ходзё из Касивакубо, в Идзу, пришел — привел дочь в Женскую школу. Спрашиваю у него: «Как это христиане Идзу подали такое странное прошение? Разве я могу оставить им священником о. Петра Кано против его собственной воли? Вот его прошение об увольнении от всего прихода, которым он заведывал доселе, в том числе, конечно, и от Идзу». (И дал ему прочитывать подлинное прошение о. Петра.) Мори удивился. «Да ведь он же хотел остаться священником в Идзу», — говорит. — «Может быть, прежде и хотел, но на основании этого я не могу его связать и так связанным предоставить христианам Идзу вопреки его собственной воли». — «Дайте мне списать это прошение». — «Я пошлю копию христианам в ответ на их прошение, а Вы постарайтесь на словах вразумить их, что они поступают нерезонно».

Последние дни был сильный ветер, а сегодня ветер с дождем, принимавшийся за день несколько раз рубить. Это, впрочем, не помешало ученицам вернуться сегодня из Тоносава. До тридцати пяти их, с учительницами в том числе, проводили там каникулы, и ни разу ни одна из них не была ни на минуту больна; это делает честь как тамошнему воздуху, и особенно тамошней воде, так и попечительности надзирательниц их — Надежде Такакси, Евфимии Ито и Екатерине Яги. — Человек пятнадцать собралось и семинаристов.

18 / 30 августа 1899. Среда

Учащиеся почти все собрались. Вновь поступающие в Семинарию высматривают добрыми и здоровыми мальчуганами. В Катихизаторскую же школу явился всего один; не знаю, будет ли больше.

Принят также в Семинарию Иоанн Момосе, в прошлом году ушедший из нее самопроизвольно. Слонялся он по разным школам; боюсь я,

что развратился — почему долго не соглашался на просьбы его отца и других принять его — но ручаются, что поведением он не испортился и не внесет разврат в Семинарию. Посмотрим. «Мимасё», — сказал я и ему сегодня, когда он явился.

19 / 31 августа 1899. Четверг

Произведен был осмотр врачом вновь поступающих в Семинарию, которых всего шестнадцать; один с начатками чахотки — отослать домой; четыре с «трахомой» приняты; из сих один, кроме того, зараженный сифилисом от родителей, но второй год уже является — жаль и опять отослать — ныне у него болячек нет; это двоюродный брат катихизатора Николая Она. Потом произведен был экзамен им всем, результат которого скажут мне завтра.

У меня целый день счеты и расчеты.

20 августа / 1 сентября 1899. Пятница

Утром скончался о. Фаддей Осозава. Царствие Небесное ему! Добрый был священник. Оо. Феодор Мидзуно и Симеон Юкава отправились отереть его тело елеем и облачить в священнические ризы; между тем сделали гроб и обили его шелковой материей (кайки) темно-красного цвета (цвета спелого винограда). В сумерки гроб был послан отсюда в Фукагава, где была квартира о. Фаддея; но принесли его с телом в Собор в половине одиннадцатого ночи — далеко, и дорога грязная от дождей. Соборне отслужили мы панихиду, потом прочитал я главу Евангелия Матфея, за мною стал читать о. Симеон, а я вернулся домой, пригласив о. Феодора переночевать в классной комнате. Поставлен гроб на ночь в крещальне; ученики Семинарии по очереди будут целую ночь читать Евангелие; впрочем, почти уже осталась половина.

С шести часов Литургия, за которой были все учащиеся. Панихида, отслуженная о. Романом Циба. Гроб о. Фаддея поставлен был против амвона левого придела, где была служба.

В девять часов был молебен пред началом учения, на котором были все учащиеся и почти все учащие. Служили соборне со мной три священника. Пели оба большие хора — левый плохо. Пред многолетием я сказал краткое поучение по поводу того, что ныне христианская вера в Японии уже не «моккё» — молчаливым дозволением лишь пользуется, а объявлена признанною законом страны, и, значит, состоящую под охранением их, что открывает несравненно шире дверь для входа сюда христианства, и прочее.

В час пополудни началось отпевание о. Фаддея и кончилось в три часа с четвертью. Служили со мной пять иереев, то есть все находящиесяся

в Токио, кроме больного ногою о. Павла Сато. Пели оба большие хора. Пред «Вечною памятью» я сказал несколько слов в похвалу почившего, бывшего, действительно, смиренным, кротким и ревностным к служению своему — за что пользовался от всех, особенно от своих пасомых, искреннею любовью и уважением. — Так как весь день моросил дождь, то проводы на кладбище — далекое, в Аояма, — не могли быть в облачениях; отправились из школ только старшие семинаристы; было и много христиан провожавших; всего угощены по опущении гроба в могилу и зарытии сто пятьдесят человек. Ученики вернулись оттуда по железной дороге уже после всенощной, которую здесь служил о. Роман с новым диаконом Василием Усуи, научившимся за неделю превосходно служить и имеющим голос такой громкий, что следовало бы ему остаться здесь, при Соборе, диаконом, если бы не нужен был в Одавара священник; в первый раз здесь, в Соборе, такой хороший диакон из японцев. Пели всенощную причетники с Дмитрием Константиновичем Львовским во главе.

22 августа / 3 сентября 1899. Воскресенье

На Литургии диакон Василий Усуи рукоположен в иерея. После службы было по сему поводу угощение чаем с пирожным всех участвовавших в служении. На подьясник я дал ему 10 ен.

Но половина его будущего прихода, без всякой причины с его стороны и даже в настоящее время без всякого сведения его о том, заявляет решительное нежелание принять его и даже собирается бежать от него в протестантство. В ответ на посланное из канцелярии третьего дня на имя Иоанна Нода прошение ко мне о. Петра Кано об увольнении его из его нынешнего прихода вчера получена телеграмма от имени Идзуской Церкви, что она все-таки требует себе о. Кано, а ныне получено от Мефодия Цуция письмо, что Исии и прочие уже готовятся перейти в протестантство из-за неисполнения их требования насчет о. Кано. — Итак, вот каковы японские христиане. Недаром две тысячи лет прошло с водворения спасения на земле, и оно доселе не показано им — не достойны, не были готовы японцы к принятию сего небесного дара; и теперь разве малая некая часть из них способна усвоить спасительную благодать — оттого она и начинает являться здесь; большая же часть служащих, даже принимающих — вот она какова! Легкое дуновение врага спасения — и христиан нет, остаются голые грубые язычники! Галатийцы изменили было Апостолу Павлу, но там враги сильные были — ученые фарисеи, законоведы; здесь же помешавшийся от гордости грубый мужик Исии, земледел в Эма (у которого приеммыш Михей, родной брат кандидата Арсения Ивасава), без всякого повода, без малейшей причины — совершенно как ребенок, требующий в руку лупу и злящийся, что

не дают ему — расвирепевший в требовании: хоть связанного по рукам и ногам, но предоставь ему священника Петра Кано — этот маньяк увлек за собою всех идзуских христиан, даже до Иоанна Нода, который был когда-то в Катихизаторской школе и которого я считал зрелым в вере. Что с ними делать? Решительно нечего. Резоны — не для них (если бы слушали резонов, то не требовали бы священника, который сам отказался от них); учение и правила церковные, что надо подчиняться Епископу и подобные, они отлично знают — давние христиане.— Иуда был у Самого Источника спасения и однако погиб; то же будет, должно быть, и с идзускими христианами, если не одумаются. Я же, хоть и печалюсь о них, ничего не придумаю для образумления их. Господь с ними!

Вечером сегодня «симбокквай» в Семинарии и Женской школе, на которые дано мною по пять ен. Пусть ораторствуют. Но много ль христианского чувства наораторствуют себе — Бог весть! Идзуские христиане — хороший урок не увлекаться надеждами.

23 августа / 4 сентября 1899. Понедельник

В школах начались обычные занятия.

Мы с Павлом Накаем принялись за дело перевода Нового Завета. Сегодня закончили поверку слов по первому тому лексикона Гильтебрандта и принялись за второй, с буквы «П».

24 августа / 5 сентября 1899. Вторник

Вчера и сегодня кучу перечитал церковных писем и точно прогулялся по Сахаре — ничего путного; только в половине из них просьба денег под разными предлогами. Эх, как все это надоело!

25 августа / 6 сентября 1899. Среда

Павла Саваде, катихизатора здесь, в Банчё, уговорил отправиться в Карасуяма на место Василия Ямада, который просится в Токио, чтобы быть полезным и Сиротскому приюту изданием своей газеты в пользу его.

Вечером прибыл сюда о. Петр Кано, чтобы служить отныне здесь, в Токио, и в окрестных Церквах. Поместился в миссийском доме, так как жену оставил у ее родных в Накахарамура и прибыл один.

Иоанн Кобаяси, катихизатор в Мисима, пишет, что Исии, Нода и их родные и клеветы продолжают волноваться из-за того, что им не дается о. Петр Кано и собираются уходить к протестантам. Ответчено ему, как третьего дня Мефодию Цуция, катихизатору в Эма, чтобы удерживал их, — что нельзя силою заставить о. Кано служить у них и прочее.

Из Одавара был Михаил Кометани вместе с катихизатором Петром Кураока, который уже совсем вышел оттуда, чтобы на днях отправиться в Ициносеки и Яманоме вместо Василия Усуи, и представили они соображение, сколько будет стоить ремонт дома священника в Одавара; оказывается, сто семьдесят одна ена. Я обещал (когда был в Одавара) третью часть на сие, значит — с меня пятьдесят семь ен. Думал я, когда обещал, что ен пятнадцать-двадцать придется пожертвовать.— На такую большую сумму не рассчитывал, а они еще просят больше — «мол, для христиан Одавара трудно». Решительно отказал. И Кометани заключил: «Как-нибудь справимся».

26 августа / 7 сентября 1899. Четверг

О. Петр Кано написал письма в Идзу к Моисею Исии и Иоанну Нода, чтобы «не настаивали на своей просьбе иметь его своим священником, что он по своей доброй воле отказался от всего своего прежнего прихода и не чувствует ни малейшего желания вернуться в него — чтобы охотно приняли его преемника, и что если они уйдут из Церкви из-за него (о. Петра), то это будет позор не их только, но и его». Список с сего письма послан им к катихизаторам Мефодию Цуция и Иоанну Кобаяси с внушением успокаивать христиан. Все это сделано по моему внушению о. Петру; он охотно слушается; кажется, и действительно рад, что освободился от своего прежнего прихода.

27 августа / 8 сентября 1899. Пятница

От Иоанна Нода из Сюзендзи письмо очень вежливое, просящее, «чтобы о. Петр Кано, живя в Токио, заведывал Церковью в Идзу — это успокоит христиан, до сих пор живших мирно и единодушно и ныне метущихся и спорящих по поводу сего предмета». Если бы в таком духе написано было первоначальное прошение идзуских христиан, то на него можно было бы и согласиться. Но теперь это нельзя; принято было бы с торжеством — «победили-де Епископа! Сробел от нашей угрозы, что уйдем из Церкви» и прочее, что отозвалось бы дальнейшим вредом для всей Церкви. Итак, я попросил о. Петра Кано вновь написать письмо к Иоанну Нода, подтверждающее то, что он написал вчера (и чего Нода не получил до отправления своего письма), и выражающее еще сильнее его нежелание быть Идзуским священником. О. Петр Кано это исполнил.

28 августа / 9 сентября 1899. Суббота

О. Семен Мии убедительно просит «оставить Акилу Ивата в Каназава или прислать вместо него другого катихизатора, иначе-де в „Хокурокудо“

проповедь совсем прекратится; и надежда на успех, по его словам, в Каназава есть; у Акилы там много знакомых между хорошими людьми, так как он был там уважаемым школьным учителем». Послан запрос к Акиле Ивата: «Действительно ли там предвидится успех проповеди?» Поступлено будет сообразно с его ответом.

Первая учебная неделя, все время пасмурная и дождливая, закончилась сегодня хорошей погодой.

Всенощную пели полные хоры — в первый раз после каникул. Служил о. Василий Усуи и так хорошо, как хоть бы и старому священнику.

29 августа / 10 сентября 1899. Воскресенье

Послал очень ласковое письмо Иоанну Нода в Сюендзи в ответ на его, прося не мучить больше о. Петра Кано настояниями остаться у них священником, а с добрым сердцем принять его преемника.

Послал неласковое письмо Игнатию Камеи, катихизатору в Хиросима; жена у него родила и после того нездорова; просит регулярной помощи на лечение ее; послал ему пять ен одновременно с выговором, что ровно никаких плодов службы нет у него — ни единого крещения — больше года; пусть трудится по проповеди, тогда христиане окажут ему помощь, коли понадобится; от Миссии же больше не будет ему.

30 августа / 11 сентября 1899. Понедельник

После обеда, когда я в библиотеке отбирал книги, Давид Фудзисава пришел сказать, что катихизаторская вдова Дарья Судзуки, направляясь из Симооса в Сендай к родителям, зашла взять благословение. Возвращаясь из библиотеки, увидел ее в коридоре, и она, точно наседка, бросилась сзывать своих детей, разбредшихся по двору; скликав их — двух малых девчонок — привела ко мне; я, нашедши их проголодавшимися, стал угощать чаем с бисквитами; тут же дал в конвертике Дарье пять ен — «на дорогу»; думал, что этим и кончится. Но смотрю, Дарья в волнении и изъясняет просьбу — «прибавить пенсию, не могу-де зарабатывать рукоделием из-за этих малышек, а из дома мужа в месяц не больше одной ены». Действительно, одета с детьми очень бедно, при том же и больна «какке»; служила по школе у Филиппа Узава, уча шитью, но там ей ровно ничего не давали за это; направляется теперь к родителям, но те совсем бедные. Нечего делать, прибавил ей к трем енам, получаемым из Миссии ежемесячно, две ены в месяц — «до тех пор вся эта пенсия, пока дочка ее поступят на воспитание в Женскую школу». Дарья совсем ободрилась и ушла со своими дочурками. — Но при ней еще пришел Павел Саваде, катихизатор в Коодзимацци, направляемый ныне в Карасуяма на смену Василию Ямада, и стал просить прибавить ему содержания три

ены в месяц — «мать-де у него»; пообещал давать две ены частно, от меня лично, так как прибавить из церковных было бы несправедливостью относительно его сверстников.— При нем еще пришел катихизатор из Сано, Павел Судзуки с больной женой, у которой огромные наросты на лице, требующие немедленной операции; средств же для лечения где взять катихизатору? Одна надежда на Миссию. И как же не помочь бедной страдальце? Обещал по полторы ены в день на месячное лечение в госпитале, где будет произведена ей операция. Десять ен сейчас же дал.

31 августа / 12 сентября 1899. Вторник

Вчера за всенощной, сегодня за Обедней наблюдал, хорош ли новый иерей, хорошо ли Василий Усуи изучил совершение сих служб; оказывается, что превосходно; поэтому обучение его закончено, и завтра он отправится в Ициносеки, чтобы проститься со своей прежней Церковью, где доселе служил, сдать ее новому катихизатору Петру Кураока, забрать свое многочисленное семейство и прибыть сюда для следования в Одавара.

О. Сергей Судзуки спрашивает, как ему поминать на Великом Выходе русского Императора, когда в Церкви бывает русский консул из Кобе или другой кто из русских. Написал ему, как это делать.— Просил о. Сергей материала для заведенных в Оосака ежемесячных «Энзэцуквай», на которые приезжает из Кёото о. Семен Мии и бывает много слушателей. Послал несколько книг, но написал, что главным источником должны быть Догматика и Нравственное Богословие.

1 / 13 сентября 1899. Среда

Петр Такахаси, катихизаторствовавший до Собора в Мориока, переведен в Куроиси, потому что из-за лености совсем потерял уважение христиан в Мориока. А теперь о. Борис пишет, что в Куроиси он окончательно скомпрометировал себя, так как вместо проповеди занимается распродажей акций какого-то горнопромышленника, для чего он из Куроиси совсем ушел, написав лишь о. Борису, что на месяц по болезни должен отлучиться. О. Борис просит поручить Церковь в Куроиси надзору ближайшего проповедника — Иоанна Котера, в Хиросаки. Так и сделано. А к о. Борису написано: не исключить ли совсем Петра Такахаси из числа проповедников?

2 / 14 сентября 1899. Четверг

Моисей Мори, катихизатор в Сакари, пишет, что выздоровел от тифа. Слава Богу за это! А жена у бедного померла тифом (от ней и он

заразился), и младшего из своих двух малюток, требующего еще груди, он должен был отдать в Кесенума в дом одного христианина.

3 / 15 сентября 1899. Пятница

Между сегодняшними письмами — письмо одного христианина из Сакари, благочестивейшее, наполненное текстами из Священного Писания, и убеждающее «отворить шире двери Катихизаторской школы: принимать учеников не только в начале девятого месяца, но и в другое время». А учеников и к девятому месяцу ныне явилось всего двое, и те — совсем не ученые, негодные для школы, принятые лишь в надежде — авось для проповеди в деревнях в два года сделаются способными.— Плавать по воздуху в мечтах легко!

4 / 16 сентября 1899. Суббота

В один час было отпевание старика Никодима Сёодзи соборне с хором певчих; на кладбище в Аояма провожали в облачениях два священника и прочие. Все это старик заслужил, будучи много лет учителем и гувернером в Семинарии. Но едва его не похоронили по-буддийски; умер он в Сакура у сына, офицера, на погребение прибыл из Фукуока, на Киусиу, другой сын — офицер, и оба они — язычники — очень сильно настаивали на буддийских похоронах; едва отстоял христианское погребение третий сын, хотя тоже язычник, но более образованный как служащий по дипломатической части; он и в Церковь явился в своей парадной одежде — шитом мундире, тогда как офицеры были одеты в простые киримоны, один даже с босыми ногами. Еще сын — кандидат Сергей Сёодзи, беглец с церковной службы, служит при консульстве во Владивостоке и на погребении не мог быть.

5 / 17 сентября 1899. Воскресенье

Утром, до Обедни, повздорил с о. Павлом Сато: требует, чтобы Акила Ивата вернулся в Иокохаму — и горюшка нет ему, что тогда Церковь в Каназава совсем заброшена будет — тогда как можно в Иокохаме поместить лишнего здесь, в Токио, Иоанна Акаси, а Акилу оставить в Каназава.

Пред Обедней крещено восемь человек, взрослых и детей, из Асакуса и Водзи.

После обеда, с двух часов, отправился в Посольство поздравить посланницу и ее дочь с днем Ангела и повидаться с ними после долгого отсутствия их в летние жары. Посланник снабдил для прочтения своей запиской, поданной Императору при назначении сюда; посланница — множеством иллюстрированных иностранных газет.

Вечером получено письмо о. Вениамина, в ответ на мое, и фотография его, согласно моей просьбе в письме к нему, также удостоверение Преосвященного Иннокентия, Благовещенского Епископа, что о. Вениамин благонадежен для миссионерства. Fiat! Дай, Боже, чтобы это был тот, о котором я неустанно молюсь!

6 / 18 сентября 1899. Понедельник

Утром послал телеграмму в Петербург:

Peterburg Synod Sabler
Proshu ispolnit prosbu igumena Veniamina o naznatchenii siuda Nicolai

Стоила 24 ены 96 сен.

Прочитал записку барона Розена. Замечательно умная и дельная; ясно доказал, что нам ссориться с Японией из-за Кореи нельзя, иначе Япония, соединившись с Англией, раскатает нас здесь, так как наш флот соединенным двум флотам противустать не может; в соединение же с японским наш флот всегда может грозить здесь Англии.

7 / 19 сентября 1899. Вторник

Утром послал телеграмму о. Вениамину следующего содержания:

Blagovtschensk Inspektor Seminarii Veniamin
Telegramoi poprosil naznatchit vas siuda Nicolai

Стоила десять ен.

В Хакодате был большой пожар; из наших христиан три дома совсем погорели, семь — успели спасти кое-что. Послал первым по четыре ены, вторым по две.

Был пресвитерианский «minister» Хосокава, спрашивал об организации Православной Церкви. Рассказал и дал ему перевод Каноники. Изумительно неведение о Православной Церкви, даже вот таких, которые, по-видимому, должны бы иметь не узкое религиозное образование! Что Царь — папа русской Церкви, что всякий японец, принимающий православие, топчет изображение Микадо и делается с того момента рабом русского Императора — все это для него аксиомы, и он таращит глаза, когда слышит опровержение. Как рассеять этот непроглядный туман, напущенный инославными и облегающий Японию? Миссия издает книги и старается распространить их, ее проповедники рассеяны по всей Японии — что больше может она делать? Ничего. Надежда только на Божью помощь и путь Промысла.

За всенощной, пред завтрашним праздником, было весьма мало христиан из города. Молились и двое русских, по-видимому, купцы.

8 / 20 сентября 1899. Среда.

Праздник Рождества Пресвятой Богородицы

Утром дождь; оттого, должно быть, в Церкви из города народа еще меньше было, чем за всенощной.

О. Василий Усуи прибыл из Ициносеки вместе со всей семьей — шесть человек детей, кроме мальчика-семинариста, старшего из них; завтра отправится на место службы — в Одавара. Церковь свою в Ициносеки и Яманоме сдал катихизатору Петру Кураока. Христиане тамошние при нем закончили дело, которое начали прежде, при его участии, о покупке земли под постройку Церкви: купили огромный участок между Ициносеки и Яманоме, весьма удобный для постройки Церкви — совместной христианам обоих сих городов, почти соприкасающихся один к другому.

Из церковной кружки была сегодня высыпка: сто двадцать одна ена, но из сей суммы сто язычника Кооно, и прежде опускавшего в кружку свою обычную дачу — по десять ен. Что за человек сей Кооно? Не могу понять. Толковал ему о Боге, о Спасителе — на все улыбается и кивает головой; предлагал катихизатора к нему для вящего научения — отказывается принять. Был здесь в Пасхальное богослужение, особенно был тогда обласкан мною — дан ему человек, который бы все объяснил ему и позаботился бы о нем среди многолюдной сутолоки, но ушел, отдохнув утром, не простившись. Верует он в Единого Бога — это он всем говорит — но до Спасителя, кажется, не достиг и дальше идти в своем религиозном сознании не желает, а так усердно жертвует! По-видимому, у него правило есть, быть может, обет, опускать в соборную кружку в известные периоды времени по десять ен; но из какого источника сие проистекает — вполне чистого или нет — не дает он уразуметь это; лицо у него светлое и умное; слушает, что говоришь ему, и улыбается, но сам почти ни слова. Оттого-то у меня чувство скорей неприятное получать его пожертвования, что и сегодня ощущал.

9 / 21 сентября 1899. Четверг

Утром в девять часов о. Василий Усуи с своим многочисленным семейством отправился в Одавара.

После обеда пришли два балбеса из Идзу — якобы представители всех тамошних христиан — требовать, чтобы к ним был отправлен священником опять о. Петр Кано. Один из сих Михей, которого я знал младенцем, младший брат Арсения Ивасава, ныне приемный Моисей

Исии, этого старого негодяя, мучащего всех там. Больше полчаса хладнокровно слушал все одно и то же:

— Мы желаем Кано, давай нам его.

— Что ж, мне связавши его или с полицейским, чтобы не убежал с дороги, отправить его к вам? Коли он сам не желает!

— Но мы его желаем, давай его — и так далее, точно попугай, твердил Михей все одно и то же; наконец, начали грубить — «уйдем-де из Церкви».

Пробовал я говорить как к христианам, — «вы, мол, сделались христианами для спасения души, и все есть у вас: и учение, и таинства — чего не достает? И чего не слушаетесь?» Пробовал затрагивать чувство чести — «у вас Церковь в упадке вот уже сколько лет — ни крещений, ни учеников оттуда из школы — с новым священником оживете» — не слушает, что говоришь, а твердит свое — «мы желаем Кано, пошли его»; видно, что твердит со слов своего безумного приемного отца. Я встал, наконец, и ушел от них; другой, что был с Михеем, ни слова не вымолвил все время, только топорщился.

Написал о. Симеону Мии, чтобы он вернул Акилу Ивата из Каназава в Иокохаму. Из письма Акилы видно, что он там два месяца пробыл без всякой пользы для Церкви; знакомые есть, но они прежде у него были, ибо он тамошний родом, слушателей же учения же никого еще; со знакомыми болтает он пустые светские разговоры, о вере же говорить — не его взять; куда такому горе-катихизатору поднять Церковь в Каназава. Пусть уж о. Павел Сато владеет им для Иокохамы, где он ничего не делает, и христиане привыкли к нему. — Эх, горе, людей нет! Когда Ты пошлешь их, Боже?

10 / 22 сентября 1899. Пятница

Арсений Ивасава принес проект письма к идзуским христианам и просил послать это письмо с его братом Михеем, вчера бывшим у меня. В письме, кроме той причины, что «о. Петр Кано сам просил уволить его из прихода, приведена еще — что и разделение бывшего доселе прихода на два, если бы дать о. Петра для Идзу, неудобно, так как оба прихода были бы очень малы; и потому о. Петр не может быть дан идзуским христианам. Что они привыкли к нему, это естественно; но если из-за этого не переводить священников — коли перевести нужно — то выйдет для Церкви большое затруднение. — Что с идзускими христианами не советовались при избрании священника — это потому, что и с христианами Одавара не советовались; а избран и назначен новый священник Епископом, ибо христиане, не зная кандидатов на священство, не имеют возможности выбирать». Так как письмо составлено очень умно, то я тотчас же согласился. Письмо было переписано Давидом, приложена

моя печать к нему и вручено Арсению для передачи Михею — посланцу идзуских христиан. Адресовано оно «Моисею Исии (который, по словам Арсения, и будоражит всех), Иоанну Нода и всем христианам провинции Идзу». Дал Арсению для Михея десять брошюр христианских и для его спутника пять.

Посланы сегодня еще письма к пяти катихизаторам идзуских Церквей, «чтобы они постарались о хорошем приеме христианами нового священника — о. Василия Усуи, что это их обязанность по тридцать шестому правилу апостольскому». Арсений Ивасава говорил, что катихизаторы Анатолий Озаки и Иоанн Кобаяси и суть главные виновники смуты христиан; Анатолий Озаки (негоднейший из катихизаторов, только из милости держимый) считает себя старше Василия Усуи, и потому не хочет ему подчиняться; Иоанн Кобаяси прежде служил поблизости от Усуи и имел, должно быть, с ним неприятности. Если они хоть мало станут пакостить о. Василию, то по тридцать шестому апостольскому правилу будут отставлены от катихизаторства.

11 / 23 сентября 1899. Суббота

Японский гражданский праздник; школы не учились, мы с Накаем не переводили. Я целый день писал в Россию по поводу о. Вениамина: послал Владимиру Карловичу Саблеру и о. Феодору Быстрову копии нашей с ним переписки и просил Саблера, если Святейший Синод еще не назначил о. Вениамина сюда, ходатайствовать об ускорении сего назначения.

Послал иподиакона Моисея Кавамура в Одавара поучить пономаря у о. Василия Усуи — его сынишку — хорошенько служить кадиловозжигателем и священосцем, также отвезти приготовленные здесь сему пономарю два стихаря, еще — побыть в Тоносава вместе с плотником и черепицекровельщиком и сообразить с первым, сколько будет стоить переделка внутри дома, с вторым — поправка крыши.

12 / 24 сентября 1899. Воскресенье

Был после Обедни (запоздавший, впрочем, к Обедне) Спиридон Араи из Накацу, торгующий в Корее — вывозящий оттуда рис, а туда ввозящий аптекарские товары — и богатеющий этою торговлею, не теряющий, однако, и христианского чувства; рассказывал про корейский народ, про его бедность, забитость от чиновников-взяточников, его и добрые качества: детскую простоту, неиспорченность; говорил про успехи инославной проповеди там; и посетовали мы с ним, что православной проповеди не можем мы водворить там — людей нет.

13 / 25 сентября 1899. Понедельник

«Наймусё» (Министерство внутренних дел) еще в июле потребовало сведений от миссионеров: о них самих (риреки), о их действиях, храмах и прочем. Я возможно скоро доставил свои, но их сегодня вот уж пятый раз присылают для поправок и дополнений, хотя каждый раз мы с черновым отправляемся в Министерство спросить — «так ли вот будет?» «Теперь так, это будет удовлетворительно» — отвечают и затем вновь присылают для поправок и дополнений. Должно быть, вновь еще сами не могут ориентироваться.

14 / 26 сентября 1899. Вторник.**Праздник Воздвижения.****Токио и Тоносава**

Отслуживши Литургию, отправился (в один час сорок минут) в Тоносава и Одавара по делам. В седьмом часу вечера прибыл в Тоносава и, побывши у себя наверху и поговоривши с Михеем, спустился вниз переночевать в гостинице Таманюю.

15 / 27 сентября 1899. Среда.**Тоносава, Одавара, Токио**

Вставши в шесть часов и напившись принесенного плохого кофе, отправился домой, наверх. Оказалось, по осмотре, что Михей в этом году не безобразил деревьев отрубанием ветвей. Церковь и столовая — свежи и чисты, как следует вновь по постройке и когда только Женская школа была там. Моисей Кавамуре в восьмом часу прибыл из Одавара...

[Пропуск в оригинале]

16 / 28 сентября 1899. Четверг

О. Симеон Мии изъявляет полное согласие со мной насчет Каназава: Акилу Ивата отправляет в Иокохаму обратно, в Каназава же за три ен будет найдено помещение для «китоо-дзё», и старик Обата будет заведывать им.

Был служивший некоторое время катихизатором и семь лет тому назад оставивший службу Павел Ямада, уроженец Тоёхаси, старик и слабый здоровьем. По-видимому, есть нечего ему, и добивается он опять катихизаторской службы, то есть дарового пропитания на счет Церкви. Так как я на днях предупредил его чрез Нумабе, что на службу он не

может быть принятым, то он сегодня и не просился, а только рассказал мне, как проводил время с тех пор, как оставил службу; я, молча, все выслушал и сказал, что «тасика-ни кикимасита», встал и ушел. Но, конечно, тут не все — он дальше придет заявить уже прямо свое прошение; тогда придется столь же прямо отказать. Куда такому катихизаторствовать! И стар, и слаб, и учился мало, и забыл за семь лет то, чему успел научиться. — Вообще же, прежде служившие и, по оставлении службы, вновь просящиеся на нее, до сих пор оказывались всегда ни к чему не годными. Лучше таковых никогда и не принимать.

17 / 29 сентября 1899. Пятница

О. Роман вернулся из своего путешествия по Церквам в Симооса. Говорил, что в Тега и Фузе у Симеона Томии есть новые слушатели, несмотря на рабочее теперь для землевладельцев время; у Антония Обато в Фунао также есть несколько слушателей. Христиане везде твердо держат веру. Поручил он Обата побыть у протестанта — в селении между Какаицу и Токио — винодела, который просится в православие.

18 / 30 сентября 1899. Суббота

Иоанн Овата, прежде бывший учителем в Женской школе и больше года состоящий переводчиком религиозных книг, до сих пор не представил ничего для печати, а получает двадцать пять ен в месяц; меня совесть мучает, не бросаются ли без пользы такие большие церковные деньги, и потому сегодня, когда приходил утром Овата за жалованьем, я велел ему в три часа принести перевод его, чтобы посмотреть, что у него сделано. Принес; в это же время был у меня Савва Хорие, начальник переводчиков, которому Овата не подчиняется, как должно, по дрянному своему характеру. Оказалось, что перевел он довольно много (переводит «сочинение Иннокентия «Последние дни земной жизни Иисуса Христа»»), но ни строчки еще не приготовлено для печати — перевод вчерне. Велел я ему недели в две исправить самую первую, небольшую, тетрадь так, чтобы она могла быть напечатана, по его мнению, и доставить господину Хорие для просмотра и решения, можно ли печатать. Ведь можно трудиться над переводом долго в полной уверенности, что труд будет напечатан, и окажется потом, что напечатать нельзя — никто не поймет книги; таков именно перевод Церковной истории Смирнова, сделанный о. Сергием Судзуки; избави Бог, и перевод Овата окажется подобным! Итак, нужно теперь же решить, годны ли его переводы для напечатания — что и будет сделано опытом с первой тетрадью его перевода. Господин Хорие обещался исполнить мое поручение; Овата сказал, что исправит тетрадь, но тотчас же схватился с места и ушел сердитый — на что, Бог весть; такой уж характер.

19 сентября / 1 октября 1899. Воскресенье

О. архимандрит Сергей (Страгородский) пишет, что он определен ректором Санкт-Петербургской Духовной Семинарии и с 11-го августа вступает в должность, что от своего предшественника наследовал мое письмо об Янсене, приезде которого будет рад, что Гордий Сиина (учащийся в Академии) хочет в монахи и, по-видимому, искренно религиозен, что в Казанской Академии двое иеромонахов готовятся в Японию: оо. Пимен и Виссарион; последний — воспитанник Нижегородской Семинарии Зорнин, который писал мне. Все это, особенно о двух иеромонахах, очень хорошо, если б было надежно; но ни журавля в небе, ни синицы в руки мне до сих пор не далось и потому ни на волос не предаваться сим писаным на воде надеждам.

20 сентября / 2 октября 1899. Понедельник

Двое катихизаторов из Идзу — Моисей Цуция и Иоанн Кобаяси — явились рассказать, что Моисей Исии все еще мутит христиан: никак не хочет, чтобы священник из Одавара заведывал Церквами в Идзу. «Нельзя ли, мол, священника из Токио посылать в Идзу?» — просили катихизаторы. — «Разумеется, нельзя — отвечал я. — Зачем же другого? Моисей Исии грозитя, что уйдет к протестантам; пусть и уйдет; такого сумасшедшего противника всяким резонам нам не нужно; но ваше дело беречь других христиан от него; если вы исполните это, то и будьте покойны — ваше дело сделано; если нет — вы лишитесь звания катихизаторов по тридцать шестому правилу Апостольскому; итак, берегите христиан от зловредного влияния Моисея Исии. Возвращаясь отсюда, побудьте у вашего священника в Одавара и попросите, чтобы он поскорей отправился посещать Церкви Идзу; там постарайтесь, чтобы все христиане хорошо приняли его», и так далее.

Мефодий Цуция слушал и смотрел на меня прямо, Кобаяси же все время прятал глаза, потому, конечно, что сам участвовал в возмущении христиан и теперь не знает, как быть: продолжать возмущение — значит лишиться места и пропитания, убеждать не следовать этому безумцу Исии — делать сегодня противное вчерашнему. Пыжился он, вздыхал и прятал глаза; жаль стало его, и я не сделал ему и намека на то, что знаю о его дрянном поведении в сем деле.

21 сентября / 3 октября 1899. Вторник

С двух часов почти до пяти Петр Исикава читал составленную им историю Японской Церкви — сегодня во второй раз — вчера начал и будет ежедневно, если у меня нет препятствия, с двух часов. — Пишет он

очень бойко, сведения собрал достаточно, изложение пространное, читается — точно историческая повесть; мелькают и нити Промысла Божия. Но послушаем, как будет дальше.— Пишется по моей мысли; на мой счет он путешествовал по Церквам для собрания сведений. Мысль у меня, чтобы по возможности ни один след действий Промысла Божия в основании здешней Церкви не был потерян, а схваченный ныне служил потом в назидание будущих христиан.— Но как мало чисто религиозной потребности в самом начале! О религиозной жажде, об искании истины и речи не может быть. Учение воспринимается и прививается по совершенно случайным причинам и из побуждений служить государственной пользе, и остается на поверхности души, оставляя внутренность ее недоступною для христианского влияния.— Павел Савабе, уже два года будучи крещеным христианином, хочет продать свою жену в публичный дом для того, чтобы, по-самурайски, доставить содержание своим друзьям, и прочее, и прочее.

Арсений Ивасава приходил просить: послать о. Петра Кано в Идзу «для успокоения» будто бы «тамошних христиан», то есть для удовлетворения каприза Моисея Исии, его родственника. Оказалось, что вчера катехизаторы Цуция и Кобаяси не вернулись домой, как я им советовал, а отправились к Арсению Ивасава просить его ходатайствовать о вышеозначенном. Экая ничтожность наши катехизаторы, да и вообще служащие Церкви! Я, конечно, отказал Арсению. Раз о. Кано безнадежно слабый человек — он не успокоил бы никого, а расстроил бы всех, кто способен к расстройству, своею податливостью всем на все; другое — исполнить капризы Моисея — было бы прецедент сделать для всех капризных требовать всего, что им вздумается.

22 сентября / 4 октября 1899. Среда

Отослал в Нагасаки на имя консула для препровождения на пароходе Добровольного флота в Одессу и Петербург к Жевержееву ящик с лоскутными его облачениями. Извиняется он за них и пришлет вместо них другие — одной парчи — все шесть священнических и диаконских облачений; объясняет прежнюю присылку тем, что «прежде выписывались сюда одиночные облачения»; жлет, никогда этого не было: всегда выписывались по шесть облачений совершенно одинаковых до последнего случая, когда не только все облачения враздробь, но и все части облачений разной парчи; мало этого — два стихаря таковы, что рукава одной парчи, полы другой.

По письмам от о. Иоанна Катакура, о. Бориса Ямамура и катехизаторов их, в северной части Ниппона особенно свирепствовала и доселе еще не утихла дизентерия (секирибёо), очень много помешавшая проповеди — «нельзя собираться», «нельзя путешествовать» (заставы) и подобное.

Письма из Церквей — или бессодержательны, или и неприятны, как, например, письмо Романа Фукуи, описывающего упадок Церкви в Оцу, найденный им после катихизатора Иоанна Судзуки. Письмо это я велел секретарю отослать для прочтения о. Павлу Морита, который слишком хорошего мнения о Судзуки, и, если не присмотрит за ним в Такасаки, может со временем найти Церковь там в таком же жалком состоянии, как в Оцу.

23 сентября / 5 октября 1899. Четверг

О. Иов Мидзуяма спрашивает, как ему поступить с Саввой Сакурода, катихизатором в Цукитате: болен он нервами и грудью, — спрашивает (Сакурода у о. Иова), «проситься ли ему на отдых, или совсем в отставку?» Написано: «Пусть — в отставку (иначе не будет покоен во время лечения); если же выздоровеет, может потом, коли захочет, проситься опять на службу».

Давид Курибара, христианин в Одавара, сторонник о. Петра Кано, жалуется, что деревья вокруг Церкви в Одавара или портятся обрубанием ветвей, или срубаются и продаются под предлогом чистки сада, ныне производящейся, и просит запретить это. Отвечено, что не я сажал те деревья и потому не могу распоряжаться ими, а пусть христиане сами заведуют делами своего церковного садика. (Не думаю, чтобы просьба была основательная.)

24 сентября / 6 октября 1899. Пятница

Макарий Наказава, катихизатор в Икеда, на Сикоку, пишет к Варнаве Симидзу в Кобе, что «не хочет он служить в Икеда, не нравится ему там, далеко от родных, а желает в Акаси, подведомом Варнаве». Варнава пишет мне, «что ответить ему Макарию?» Я пишу сегодня о. Павлу Комуги: «Не отпустишь ли ты Макария в Акаси? Все равно он ничего не сделает в Икеда, коли сердце его не лежит там; человек же он своевольный и ленивый — убеждением на него не подействуешь; а в Икеда бы сам бывал, также Симеона Огава посылал; впрочем, как рассудишь; посылаю для прочтения и письмо Варнавы с письмом к нему Макария».

Два письма из тюрем от заключенных — просят христианских книг; один уже просил прежде, и посланы были ему — просит дальнейших. Разумеется, подобные просьбы, не редкие, всегда тотчас же удовлетворяются; давай Бог только пользы от чтения!

25 сентября / 7 октября 1899. Суббота

В Батоо христиане построили церковку, и катихизатор Павел Сайто просит иконы для нее. Сейчас же заказаны Ирине Ямасита три иконы:

запрестольная — четыре фута ширины с рамой и соответствующей высоты; и иконостасные — Спасителя и Божией Матери, по три фута ширины в раме; царских и боковых в раме нет, а широкое открытое пространство, которое будет задерживаться полотняной завесой. Для стен пошлются литографные иконы и свящ. изображения.

С утра третьего дня шел непрерывающийся дождь до двух часов пополудни сегодня, когда разразилась буря, продолжавшаяся с большими или меньшими порывами до пяти; к счастью, в то же время рубил дождь, ослаблявший порывы бури. Закончилось это грозное явление природы великолепной радугой — улыбкой природы после долгих слез и гнева ее.

26 сентября / 8 октября 1899. Воскресенье

До Обедни было крещение двух девиц, из которых одну научил христианству только что выпущенный из Семинарии катихизатор в Каида Яков Мацуа, и научил отлично; она невеста какого-то военного, который хочет жениться именно на христианке; другая — невеста катихизатора Ильи Хонда, сына старика Иова Накацука, хранителя Собора; эта плоховато научена и креститься еще хорошенько не навывкла; по от мужа понаучится больше; Илья же вероучение знает ясно и катихизаторствует довольно усердно.

27 сентября / 9 октября 1899. Понедельник

Моисей Исии, из Эма, прислал чрез Арсения Ивасава вторичное прошение мне, в котором выставляет пять пунктов и просит хоть на один из них согласиться, иначе-де «уйду из Церкви со всеми родными», которые и подписаны под прошением, человек шесть,— «веду и Ивана Нода», подписи которого нет, но приложена копия его клятвенного обещания Моисею, взятого сим с Ивана в начале дела о священнике, что, мол, «по сему делу он будет с Моисеем за одно». Пункты таковы: 1) пусть о. Петр Кано будет священником Идзуских Церквей; или 2) пусть он только посещает сии Церкви, живя в Токио; или 3) пусть другой священник из Токио посещает Идзу; или 4) пусть Идзу присоединено будет к Церквам иного священника, кроме одаварского; или 5) если уж одаварскому священнику нужно быть и священником в Идзу, то пусть в том случае, когда его придется переменить по негодности его для Одавара, будет о сем учинен совет с христианами Идзу; конечно, если он должен быть переведен из Одавара по другим соображениям Миссии, этот совет не требуется. То есть старик свел свои претензии почти на нет. Сейчас же я написал ему, что последний пункт принимается. Вероятно, за сим он окончательно успокоится. В длинном своем прошении он объясняет, между прочим, что он недоволен был собственно тем, что

по причинам, происходящим в Одавара, отнимается священник и у Идзу; но что он стоит за о. Петра Кано именно — «тайинства принимать ему одинаково — от какого бы священника ни было», и не имеет ровно ничего против о. Василия Усуи, но что это катихизаторы Иоанн Кобаяси и Анатолий Усуи возмутили христиан против Усуи — им он почему-то не нравится. Хороши катихизаторы, нечего сказать! Но и ничтожность же какая! Если где, то в подобном случае можно сказать, что хорошо, что катихизаторы на содержании Миссии. Когда я пригрозил им, что «если христиане не примут о. Василия, то они — катихизаторы — по тридцать шестому правилу Апостольскому тем самым *de facto* будут выключены из катихизаторов», то оба сробели и, как видно, отделились от Моисея Исии, что, должно быть, и было причиной его доноса на них.

28 сентября / 10 октября 1899. Вторник

О. Игнатий Мукояма, из Окаяма, пишет, что Анания Фукусима пожертвовал Церкви землю, что под церковным домом в Сеноо, им же прежде построенным; дар этот по тамошним ценам на землю стоит свыше шестисот ен; просит о. Игнатий написать Анании за это похвальное письмо. Будет написано. Описывает еще о. Игнатий болезнь своей жены Лукии после родов и просит помощи на лечение. Послано десять ен.

29 сентября / 11 октября 1899. Среда

Исайя Секи, катихизатор в Суцу, Хоккайдо, пишет: «Есть в Суцу курмиря синтуисского Ицуку-симано-ками; семнадцать лет тому назад положено было там, чтобы всякий местный обыватель был „удзико“ этого бога; и вот ныне каннуси требует от Секи, чтобы он подписался как „удзико“ — это-де не мешает свободе вероисповедания, так как ты японец и должен чтить своих местных богов». Исайя, натурально, отказался исполнить требование жреца; тогда тот пожаловался городничему; Исайю потребовали к ответу, но и там он наотрез отказался от покровительства синтуисского идола; власти приказали ему «подумать хорошенько» и с тем отпустили.— Это своего рода гонение, несмотря на только что состоявшееся принятие христианства под покровительство японских законов. Письмо отдано в редакцию «Сейкёо Симпо» для напечатания.

О. Василий Усуи из Одавара пишет, что обе враждебные партии между собою еще в сильном разладе — не говорят друг с другом; но утешительно то, что к нему обе относятся одинаково мирно — бывают у него, принимают благословение и прочее; на этом основании можно надеяться, что общий мир восстановится скоро. Дай Бог!

30 сентября / 12 октября 1899. Четверг

Посланы в Одавара к о. Василию Усуи документы на церковную землю, хранившиеся в Миссии. Земля написана на имя Петра Кано; теперь ее нужно перевести на имя о. Усуи. Так как при этом нужна печать о. Петра, то он отправится туда на днях исполнить что от него зависит по передаче церковной земли; кстати, побудет в Накамурахора, близ Одавара, у жены, живущей ныне в своем родном доме и разрешившейся недавно дочкой. О. Петр здесь, в Токио, живет ныне без семьи, в одной из комнат каменного миссийского дома.

*[Пропуск в оригинале]***3 / 15 октября 1899. Воскресенье**

До Обедни крещено семь младенцев и один возрастный.

К Обедне опоздал (потому что отправлялся к богослужению в Посольство, но там сегодня не было) Глеб Михайлович Ванновский и завтракал потом у меня; до двух часов размазывал о результатах своего обзора военного дела у японцев отсюда на север до Саппоро; находит оное весьма неудовлетворительным: усвоили от иностранцев внешность совершенно механически, самостоятельного же отношения к делу нет... Не то ли и по религиозной части? За примерами ходить недалеко. Когда ушел Ванновский, я отправился в Собор помолиться о бракосочетающихся; там уже началась служба: о. Семен Юкава венчал дочь благочестивого христианина Иоанна Сасаки (из Исиномаки) с его приемышем; собралось в Собор много — христиан и язычников; пели причетники, то есть регент Обара с четырьмя учителями пения, и как пели! Ни слова нельзя разобрать от быстрейшего произношения — как будто заказано было в одно мгновение прокатить все, что нужно было пропеть! А и пения так мало в венчании.— Нашлось ли хоть на волос соображения у всех этих учителей пения с главою певчих во главе, что так петь и не назидательно, и позорно? А о. Семен? Молитвы читает как следует, но лишь только нужно обратиться к венчаемым и сказать им, что положено — «венчается раб Божий» и подобное, как произносит едва слышно и тоном как будто в своей комнате за чашкой чая тихо беседует с ними! Самое главное и торжественное — именно это и должно быть произносимо громко и торжественно, но японцу где же сообразить это!.. Не то же ли все это, что сегодня мне Ванновский толковал по своей военной части относительно японцев, хотя я и защищал их пред ним, уж слишком пессимистически смотрящим на японцев?.. Сказал я потом певцам: «Зачем так спешили?» О. Семену: «Зачем так произносил?» Рот разинувши,

выслушали, но едва ли усвоили и потом отнесутся сознательно к делу — не впервой же эти наставления им.

4 / 16 октября 1899. Понедельник

Моисей Исии, из Эма, пишет: «Так как теперь Церковь в Идзу успокоилась, то священник, о. Василий Усуи, может посетить их, но пусть-де он прежде всего заявится к нему — Моисею — он имеет речь к о. Василию». Старик, должно быть, хочет, чтобы ему сделана была честь в виду всех христиан.— Во всяком случае о. Василию никак нельзя проехать Церкви в Готемба, не остановясь в них, для того только, чтобы прежде всего явиться в Эма к Моисею Исии, что возбудило бы всеобщий говор в Идзуских Церквях, невыгодный для о. Василия. Об этом и написано Моисею: «Посетит-де о. Василий Церкви в Готемба и Мисима, откуда и проедет в Эма. Если же что-либо важное есть для сообщения о. Василию пред посещением Идзуских Церквей, то пусть бы он, Моисей, или кто другой от него, прибыл в Одавара для разговора с о. Василием».

5 / 17 октября 1899. Вторник

Японский гражданский праздник — не учились, и мы с Накаем днем не занимались переводом, а писал я письма к о. Сергию Страгородскому и прочим.

Яков Тоохей, катихизатор в Усигоме, пришел сказать, что женится, что о. Савабе сосватал ему невесту в Банчёо, двадцати шести лет,— родственницу ему.

— Отчего же не из Женской школы берешь? Там теперь столько молодых учительниц, которых назначение — выходить за служащих Церкви и тем исполнять назначение Женской школы... Молчит. Хорош о. Алексей Савабе! Сестра и жена воспитались в Женской школе, и вот благодарность за это! Как будто враг Женской школы! Не враг, конечно, а деревянный чурбан: служит Церкви и к Церкви ни малейшего интереса, ни на каплю радения о ней, ни мысли о ней. Сколько раз и на Соборах, и при разных случаях толковалось, что служащие Церкви должны брать себе в замужество воспитанниц из Женской школы — в этом ихний собственный интерес и ихнее счастье. Не видно ли уже на опыте, как счастливы те, кто женились так? Их молодых супруг все христиане уважают и любят, потому что они везде прямо становятся во главе христианок, способные руководить их своим знанием вероучения, церковных обычаев, церковного пения, не говоря уже об общей развитости и богатом образовании... Но где же таким чурбанам, как Савабе, соображать все это! И Тоохей мог бы подумать лучше, но и он — то же; а я надеялся было на него. Эх, наши служащие Церкви! Где у них души?

6 / 18 октября 1899. Среда

Как нужно за катихизаторами следить, особенно за молодыми, и не полагаться на священников, которые или скрывают, или совсем бездушничают! Думал я, что Павел Саваде — хороший человек и катихизатор; в школе он был таким добрым и усердным; притом же сын катихизатора. Спеша вывести его в люди, послал недавно на самостоятельный пост, в Карасуяма. И что же оказывается? Здесь, в Токио, вошел он в долги — Нумабе, секретарь, говорит — ен на двести. Для каких причин? Неизвестно. Но надавал расписок с полномочиями получать из его катихизаторского содержания прямо из Миссии, так что теперь при отсылке содержания за одиннадцатый и двенадцатый месяцы разом нужно уплатить — по одной предъявленной расписке двенадцать ен, по другой сорок, тогда как все содержание его за два месяца двадцать ен. Будет уплачено по первой, остаток послан ему и затем пусть живет, как знает. Видно, что недолго прослужит катихизатором. Священник его здесь, в Токио, о. Алексей Савабе, знал, что он делает долги, но хоть бы слово мне, в видах исправления его, или предупреждения от посылки в Карасуяма, где он, конечно, не будет полезен, а скорее вреден, потому что не преминет и там просить у всех в долг.

7 / 19 октября 1899. Четверг

Вставая утром, в шесть часов, слышал говор в коридоре; при выходе встретился с о. Титом Оосава, певцом Коодзимацкой Церкви.

— Пришел с просьбой, — говорит, — нельзя ли получить жалованье за текущий месяц?

— Зачем?

— Составляется сумма для взятия на поруки из тюрьмы Павла Минамото — чтобы участвовать в этом.

— А сам с семьей потом чем будешь жить месяц? Жалованье маленькое — всего двенадцать ен — для Минамото это ничего не значит, для тебя разоренье на целый месяц. Не дам.

И ушел Тит. А я впервой слышал, что Павел Минамото в тюрьме сидит; знал, что он захвачен полицией на азартной картежной игре; сам он извещал о том почтовым листком (хагаки), что-де «зашел в игральную из любопытства, и вот какому позору подвергся — в числе пятидесяти человек арестован и он». Это было месяца полтора тому назад. Но, как видно, полиция нашла причины не только арестовать его, а и посадить в тюрьму. По сегодняшним рассказам секретаря Нумабе, оказывается, что Минамото уже года три как вдался в азартную картежную игру. Значит, и поделом терпит. Быть может, это вдобавок и наказание Божие за его бессовестность относительно Церкви: приемыша своего

Андрея Минамото (бывшего Кавасаки), воспитанного в Семинарии и Академии на служение Церкви, отнял у Церкви, вопреки всем обещаниям, чтобы он службой в другом месте добывал больше денег.

8 / 20 октября 1899. Пятница

Тит Кано, катихизатор в Ханда, просит «сделать катихизаторским помощником некоего старика пятидесяти лет, Дмитрия Ними, и положить ему содержание». — Беда, если чего не досмотришь! На прошлом Соборе говорили по поводу одного предложения, что «можно и из христиан делать помощников по проповеди». Но при этом уяснено было, что «если окажется отлично знающим учение, если выдержит в том испытание в Миссии (как только что выдержавший тогда Иоанн Мори, нужно сказать — исключительный случай), если будет вполне усерден и благонадежен», и так далее. Но в «Гидзироку» все эти пояснения не вошли, а выражено кратко — предложение и на него (будто бы) согласие Собора. И вот, вследствие того, поступают в Миссию — не впервой уже — прошения сделать того или другого, большею частью старика, «денкёоходзё». Приходится отписываться: «Может ли-де выдержать экзамен? Если надеется на то, то пусть является в Миссию, но не иначе, как запасшись, на всякий случай, деньгами на обратный путь», и подобное. Подобным же образом сегодня отписано и Титу Кано. Конечно, было бы хорошо, если бы прямо между христианами находились способные проповедывать — но где же! Исключительные случаи разве могут быть. А так бы, как теперь поступают предложения и прошения, можно всех стариков нашей Церкви сделать проповедниками! Вперед урок: «Гидзироку» тщательно просматривать прежде напечатания.

9 / 21 октября 1899. Суббота

Оказывается, что между простыми христианами находятся способные проповедывать: о. Николай Сакураи пишет, что в Хоромуи окрестил шесть человек, наученных вере стариком Сабанаем, но Сабанай не просит ни имени проповедника, ни жалованья: это именно христианин «сердцем верующий в правду, усты же исповедующий во спасение». Побольше бы таких!

О. Игнатий Като пишет, что Моисей Минато с готовностью принял определение зимовать на Сикотане и охранять христиан от посланного туда для совращения их бонзы; бонза сей живет там без всякого дела: нужно надеяться, что и вернется бездельным.

Петр Фудзивара пишет, что в Ивамацу-мура (в Иё, на Сикоку, четыре ри от Увадзима), куда послал его о. Петр Кавано, приготовил троих к крещению — родственников тамошнего христианина Иоанна Ямагуци.

О. Петр Кано вернулся из Одавара: перевел там на имя о. Василия Усуи церковную землю, значившуюся за ним; стоило это двадцать пять ен — расход местных христиан. Говорит, что продолжают по-прежнему враждовать между собою, относясь — обе партии — одинаково мирно к о. Василию Усуи. Спасибо и за это! Со временем помирятся и между собой.

10 / 22 октября 1899. Воскресенье

В первом часу пополудни получил телеграмму: «Иеромонах Иосия, преподаватель Бийского училища, теперь живущий в Петербурге, кандидат богословия, просится в Вашу Миссию. Он будет Вам полезен. Телеграфируйте Синоду и просите утвердить его членом Миссии. Быстров». (Латинским шрифтом.) Так как о. Феодор дал ее, очевидно, по внушению из Синода же — вероятно, товарища обер-прокурора, Владимира Карловича Саблера, — сам бы, такой осторожный человек, не решился бы взять на себя ответственность в столь важном деле, то я тотчас же послал ответную телеграмму: «Петербург, Святейший Синод. Смирнейше прошу утвердить иеромонаха Иосию, преподавателя Бийского училища, членом Японской Миссии. Епископ Николай». Телеграмма (тоже латинскими буквами) стоила тридцать три ены двадцать восемь сен за шестнадцать слов.

Кого-то Бог даст! Если о. Иосия имеет призвание к миссионерской деятельности, то отчего же он не хочет служить в Алтайской Миссии? Уж это одно не располагает к доброй надежде на него; опять же, после всех неудачных опытов с здешними миссионерами, едва ли бы стали рекомендовать его сюда без надежды на него. Уж не дело ли это о. Сергия Страгородского, легковерного и малоопытного? Что он искренно желает помочь Миссии, в этом не может быть сомнения, но если бы я знал, что это его рекомендация, то послал бы не телеграмму, а письмо. Впрочем, что Бог даст! Иначе я поступить не мог.

11 / 23 октября 1899. Понедельник

В ответ на приглашение американского епископа картой «Bishop MacKim and Mrs MacKim at home», в четвертом часу отправился к нему. Оказалось, что делан прием по случаю прибытия к нему новой партии молодых миссионеров: трех священников женатых и двух диаконов и трех дам — миссионерок; все — молодец к молодцу, один даже выше меня ростом. Гостей было много; между ними: американский министр с женой, сказавший комплимент нашей Миссии, что она «успешней всех», англиканский епископ Awdry, спрашивавший, скоро ли же ко мне придут сотрудники? Между разговорами, обыкновенно в этих случаях

пустыми, один англиканский пастор спросил меня, «приобщил бы я его, если бы он попросился и если бы предварительно исповедался». Я отвечал:

— Здесь ни в каком случае, у Вас есть свои священники и даже епископы; но если бы мы были в таком месте, где, кроме меня, не было бы другого священнослужителя и если бы Вы в смертной опасности попросили меня исповедать и приобщить Вас, то я сделал бы это, если бы Вы предварительно прочитали мне Никейский Символ Веры.

И я рассказал ему, как когда-то в Хакодате полтора суток просидел у постели больного горячкой католика — португальского консула, жена которого просила меня приобщить его Святых Тайн, поручившись, что он прочитает Никейский Символ Веры и исповедуется; к сожалению, больной умер, не приходя в сознание.

— А конгрегационалиста приобщили ли бы? — спрашивает.

— Конечно, нет, потому что он не верует, как должно, в таинство Евхаристии.

— Ваши же христиане могут у нас приобщаться — где хотят и когда хотят.

— Но пожелают ли наши христиане у вас приобщиться? Все они в крайнем сомнении, есть ли у вас настоящее таинство евхаристии? Это таинство может совершать только получивший от Бога непосредственно право на то, что есть человек предварительно принявший таинство священства. А у вас есть ли оно?

— Я верую в таинство священства.

— Это Ваше личное дело. А ваша Церковь? Пусть она уверует в это таинство и открыто заявит это, тогда речь может быть иная; но до того еще, вероятно, далеко.

Дальнейшему разговору помешали, но я видел, как опечалился пастор и как потом грустный прощался со мной. А что будешь делать! С их стороны или не заводить разговора, или слушать неприятную истину неизбежно; с нашей — молчать на вопросы глупо, отыгрываться ухмылением еще глупее, а как ласково ни говори, правды не избежишь — она же и нож вострый им.

12 / 24 октября 1899. Вторник

Анания Фукусима в Сеноо-мура пожертвовал Церкви землю и им же построенный на ней дом для церковного употребления. О. Игнатий Мукояма просил написать ему похвалу за это. Сегодня отправлена Анании икона Знамения Божией Матери, из старых, из России, в серебряном окладе и в киоте, сделанном здесь, при письме на большом листе и за большою печатью.

О. Феодор Мидзуно вернулся из обзора Церквей в Симооса, повенчав там две свадьбы: катихизатора Илья Хонда и расстриженного Павла Ниццума вторым браком.

13 / 25 октября 1899. Среда

Явился Яков Накакоодзи, семинарист, целый год поправлявший свой организм в Таиза-мура, родине своего отца, умершего катихизатора; просит какого-то легкого дела по Церкви; но какое же по силам ему? Катихизаторское дело не трудное, но ему всего восемнадцать лет — мал для него; петь не может — грудь слаба; рисует очень хорошо, но ландшафты — для Церкви не нужное. Пусть попробует опять учиться в Семинарии — быть может, не захворает вновь. Хотелось бы воспитать его для служения Церкви — умный юноша, и характер очень добрый.

В Таиза едва теплится искра христианства; не бывает там катихизатор из Миядзу Марк Одагири, хотя ежемесячно посылаются ему дорожные для того; за год всего два раза заглянул. Таковы наши катихизаторы!

14 / 26 октября 1899. Четверг

О. Василию Усуи, в Одавара, написано, чтобы собирался посетить Церкви в Идзу и известил, когда начнет это, чтобы к тому времени прибыл к нему причетник Стефан Такеиси для сопутствия ему и помощи. Давно уже пора ему это сделать. Судя по его беспечности, плохенький и он будет пастырь. Посланы ему для сведения письмо ко мне Моисея Исии (последнее его) и копия моего ответа ему.

15 / 27 октября 1899. Пятница

Американский методист-миссионер Reverend Spenser (Aoyama Gacuin) прислал два номера издаваемого им журнала «Tidings», где помещен список протестантских миссионеров в Японии, и пишет, между прочим: «I notice that no list of Missionaries which I have been able to secure contains any list of those belonging to your Church, or any statistics for the same. It has seemed to me that the public very much desires such a list. And if you will consent to furnish such list, I shall be glad to publish the same in the January number of the magazin», etc. На это я ответил: «I will readily fill your list, when received, with any statistics you like to have. As for „the foreign missionaries belonging to our Church in Japan“, there is presently none, except your humble servant. There is another divine of your Church, Reverend Sergy Gleboff, but he is chaplain of the Russian Legation, and one more, deacon Lvowsky, but he is clerk of the Legation church, and connected with mission only as a teacher of Church singing», etc.

16 / 28 октября 1899. Суббота

О. Симеон Мии прислал от Окамото Риуноске новое его сочинение: [?], брошюру, и пишет, что он, упавший было духом после отказа Правительства послать его с поручением в путешествие, опять бодр и со всех сил хлопочет о религиозном упорядочении; о. Мии в письме ко мне беспорядочно набросал следующие вопросы Окамото с просьбой дать ответы на них: «Каково отношение в России государства: 1) к Церкви, 2) к храмам, 3) к содержанию Церкви, 4) к духовенству, 5) к церковным учебным заведениям, 6) чего желать Церкви от государства?» Словом, «какое устройство дает государство Православной Церкви»? Имея порядочную богословскую библиотеку под рукой, о. Мии мог бы отлично ответить на все это; придется послать ему несколько указаний.

Фома Танака, катихизатор в Вакаяма, настоятельно просится в Оосака; видно, что надоело ему в Вакаяма. Прежде христиане очень удерживали его там, теперь, кажется, и этого нет. Ответчено ему, чтобы частно списался с Яковом Каяно, оосакским главным катихизатором, которого там не любит действующий иерей о. Сергей Судзуки; если Каяно будет согласен, то и отлично!

О. Василий Усуи отвечает, что шестого числа следующего месяца отправится по Церквам Идзу, и просит к четвертому числу прислать певца Стефана Такеиси, что и будет сделано. Пишет еще, что христиане в Одавара больше двухсот ен истратили на ремонт его помещения, но что эти деньги — пожертвование желавших удаления о. Петра Кано; впрочем, в последнее время и сторонники о. Петра начинают понемногу жертвовать на Церковь, только не отдают это в общую кассу, а приносят лично ему (значит, взаимная вражда христиан еще не улеглась).

17 / 29 октября 1899. Воскресенье

Моисей Минато с Сикотана пишет, что живущий там бонза Окамура деньгами и вином старается привлечь наших курильцев, и молодые из них тайно посещают его из-за сих приманок; собирается Окамура по делам в Токио и отпрашивает с собою двух молодых курильцев, чтобы завлечь их великолепием столицы. Обратное переселение курильцев на остров Парамушир почему-то остановлено. Сетует Моисей на то, что разврат между ними усиливается от влияния вот подобных бонзе Окамура; старается всячески удерживать их в пределах истинной веры и доброй нравственности; завел ежедневные общие молитвы, ежедневно ведет с ними религиозные беседы, учит церковному пению,— словом, делает все, что может,— и да поможет ему Бог!

18 / 30 октября 1899. Понедельник

Старик Моисей Исии совсем смягчился и сделался добрым: очень ласковым письмом извещает, что «сам по болезни не может прибыть в

Одавара поговорить с о. Василием Усуи о состоянии Идзуских Церквей, приемыша Михея послать не может по домашним делам — больше послать некого»; итак, письмом он изъясняет вкратце то, что хотел бы передать о. Василию, то есть что в Готемба и Мисима некоторые христиане еще настроены против приема о. Василия; сзади этими немирными стоят и поучают их — «можно догадаться, кто», прибавляет Моисей, то есть катихизаторы Анатолий Озаки и Иоанн Кобаяси... Письмо послано для сведения о. Василию, Моисей же поблагодарен за заботу о Церкви.

19 / 31 октября 1899. Вторник

Катихизатор из Оомия (час с несколькими по железной дороге от Токио) Яков Негуро с женой и ребенком был: человек двадцать у него есть слушателей учения там, надеется на успех проповеди; жена учит пению в Церкви тамошних детей. Женился Негуро в прошлом году на выпускной нашей Женской школы, и видно, как счастлив тем. Хорошо, если бы все катихизаторы женились так. Для того Женская школа и существует, чтобы служащие Церкви могли находить спутниц жизни, способных помогать им в служении.

Последнее число месяца — расчетный день сегодня, и как же утомителен этот день всегда бывает!

20 октября / 1 ноября 1899. Среда

О. Тит Комацу хвалится оживлением проповеди в Мито и Оота; вероятно, по обыкновению, увлекается — из Фомы Оно и Петра Мисима едва ли что доброе может быть: первый — лентяй и болтун, второй — лентяй и хвастун.

Павел Цуда пишет, что в Фукурои и Мори учинили коллективные проповеди он, Яков Ивата, и Матфей Мацунага; едва ли остался след — это протестантский обычай пошуметь и больше ничего.

Симеон Мацубара, по обычаю, просит денег, получая жалованья больше, чем всякий катихизатор; ныне даже без малейшего повода; каждое письмо его непременно заключает этот пункт — просто отвратительно!

21 октября / 2 ноября 1899. Четверг

В Посольстве на молебне, так как сегодня восшествие на престол нашего Государя; после на завтраке у посланника.

Вечером — всенощная, пропетая причетниками: завтра день рождения японского Императора. После у учеников Семинарии и Катихизаторской

школы симбокквай, на который с меня стянули пять ен. Мы с Накаем вечер переводили.

22 октября / 3 ноября 1899. Пятница

День рождения японского Императора. С семи часов Литургия, за которой были только учащиеся — из города христиане хоть бы кто! Служили соборне с о. Павлом Сато во главе. На молебен и я выходил, по обычаю.

К газетам «Ници-ници» и «Дзидзи» было сегодня приложение: портрет невесты наследника, княгини Кудзё, и описывается в «Дзидзи», как она хорошо училась в «Квазокудзё-гакко», ни одного класса никогда не пропустила по болезни или другим причинам, почти всегда приходила в школу пешком, с подругами была очень ласкова, даже к прислуге весьма добра и прочее.

Вечером был Пантелеймон Секигуци, врач из Татебаяси, очень усердный христианин, определивший ныне своего сына, двадцати лет, в Катихизаторскую школу; говорил, что Тихон Сугияма усердно трудится по проповеди в Татебаяси — дай Бог!

23 октября / 4 ноября 1899. Суббота

Вчера вечером от о. Вениамина, из Благовещенска, получена телеграмма: «Не знаю когда — указа нет». Стало быть, только теперь дошло до него мое письмо, посланное 11 сентября старого стиля, и это он отвечает на мою просьбу дать знать, когда выедет сюда.

Из Карасуяма явился посланный туда недавно на катихизаторство Павел Саваде; говорит: «Церковь в расстройстве, не могу управлять; кроме того, болен я». Последнее — ложь, по лицу видно; первое — тоже, должно быть, неправда. Правда то, что он — в долгах кругом; а на что занимал? Бог весть. В Карасуяма, вероятно, христиане давать в долг отказались, потому что отчасти предупреждены были. Сказал я ему, чтобы искал себе другую службу, не церковную. А к о. Титу Комацу написано, что для Карасуяма катихизатора нет — пусть до Собора поручит эту Церковь ближайшему катихизатору, Павлу Сайто; пусть Сайто два раза в месяц посещает эту Церковь, на что даны будут ему из Миссии дорожные; кроме того, пусть о. Тит сам ежемесячно посещает Карасуяма, и непременно в воскресенье, чтобы утешать и подкреплять христиан богослужением.

Катихизатор Роман Фукуи пишет, видимо, с радостью, что его отец, слепой старец, живущий в Муроране, на Эзо, крещен наконец о. Николаем Сакураи. Спасибо за это утешение! Потому что не редкость видеть, как служащие Церкви спокойно допускают умирать своих родителей в

язычестве. Так сегодня перед всенощной причетник Иоанн Накасима приходит просить денег на погребение матери. «Но крещена ли же она?» — спрашиваю. «Нет, — отвечает, — не успела креститься». Значит, и похороны будут языческие; правда, что старший брат, врач-язычник, у которого жила мать, главный виновник душевной гибели старухи...

24 октября / 5 ноября 1899. Воскресенье

В четвертом часу пополудни получил телеграмму: «Просите Синод не посылать Иосифа. Bistrof». Это, стало быть, нужно послать совершенно противоположную телеграмму той, которая послана в Синод 10 / 22 октября. Нечего делать, послал: «Смиреннейше прошу не посылать сюда иеромонаха Иосифа. Причины доложит сотрудник Миссии протоиерей Быстров». Синод, конечно, будет очень удивлен этим противоречием; пусть о. Феодор разъяснит его. — Но как произошла вся эта путаница? Вероятно, о. Сергей Страгородский порадел своим не умным усердием; иначе понять не могу: о. Федор никогда не делал подобных опрометчивостей. Теперь как раз время получения о. Феодором моего письма об о. Вениамине с копиями моего к нему и его ко мне и прочее; дал прочитать все это о. Федор о. Иосифу (не Иосии) — и этот на попятный, вследствие чего — сегодняшняя телеграмма. Что-нибудь в этом роде. Но вперед на подобную опрометчивость не поддаваться: во-первых, стыд перед Святейшим Синодом, во-вторых, обе телеграммы мои унесли семьдесят две ены нужных здесь денег; а если и о. Феодор поставит свои телеграммы на счет Миссии, то какой куш миссийских денег брошен на ветер!

25 октября / 6 ноября 1899. Понедельник

О. Феодор Быстров пишет, что Феодор Янсен 4 сентября старого стиля прибыл в Петербург, но тотчас же захворал, так что его от о. Феодора прямо отвезли в семинарскую больницу. Ректор Семинарии, о. архимандрит Сергей Страгородский, принял в нем отеческое участие. Пишет еще о. Феодор, что о. Иван Иванович Демкин болеет и твердит, что скоро умрет; очень жаль этого когда-то очень ревностного сотрудника Миссии; дай Бог ему еще пожить!

26 октября / 7 ноября 1899. Вторник

О. Симеон Юкава просит взять к себе катихизатора Павла Саваде на место Ильи Яманоуци, ушедшего домой и потом совсем отказавшегося от службы под предлогом семейных обстоятельств; Саваде просится к нему. Пусть! Только пусть наблюдает за его поведением и предупредит христиан, чтобы не давали ему в долг. А Илью Яманоуци истинно жаль:

к церковной службе был усерден, хотя и не особенно успешен в проповеди. Женитьба сделала его несчастным: по неизвестным причинам жена возненавидела его после первых суток супружеского сожития и не хотела не только жить с ним по-супружески, но и быть вместе с ним; больше года терпел он это и, наконец, вот оставил Токио и катихизаторскую службу.

27 октября / 8 ноября 1899. Среда

Сотрудник катихизатора в Циба, старик врач Иов Акияма, прислал обратно посланные ему недавно на одиннадцатый и двенадцатый месяцы восемь ен — обычное его пособие, с отказом от службы по старости. Это удивительно. До сих пор он ровно ничего не делал и спокойно получал пособие, как тоже ровно ничего не делает и получает свое большое содержание его принципал, катихизатор Григорий Камия, человек больной. Должно быть, Иова зазрила совесть, и он человек хороший.

Исправлен сегодня и выдан для напечатания церковный календарь на 1900 год. После февраля, который у нас високосный, по новому стилю — простой, все праздники передвинуты на день дальше; христиане будут немножко изумлены, но что делать! Мы должны справлять наши праздники единовременно со всею Православною Церковью.

28 октября / 9 ноября 1899. Четверг

Ночью получена телеграмма, что Лука Кадзима, катихизатор в Хиросима, три года лежавший в параличе, скончался. Царство ему небесное! Хороший был человек, хотя плохой катихизатор. Но вот и еще вдова с детьми на плеча Миссии; здесь трое детей обучаются в миссийских школах, да двоих малышей приведет с собой вдова.

Павел Саваде подал в отставку от катихизаторства, и хорошо — мало надежды на сего юнца, который почти при самом вступлении в должность, пользуясь содержанием от Миссии, успел войти в долги неизвестно по каким причинам. Плода от его службы до сих пор не было никакого, дальше, вероятно, хуже было бы.

29 октября / 10 ноября 1899. Пятница

Между сегодняшними письмами известие о смерти Пантелеймона Кванно, врача в Оосака, сына покойницы Анны, бывшей начальницы нашего Женского училища, и хоронят его по-буддийски! Стыд и срам такие христиане! Жена — христианка, сын, хоть малолетний, христианин, племянница — замужем за товарищем-врачом — христианка, и хоронят Пантелеймона не по-христиански! Хороши верующие, глубока

вера! Так как покойник был главным врачом городского госпиталя, то, вероятно, хоронят его от госпиталя; но родные должны были настоять, чтобы он похоронен был по обряду той веры, к которой принадлежал... Печально!

30 октября / 11 ноября 1899. Суббота

На днях Reverend Spencer, методистский миссионер, прислал приглашение на публичную лекцию доктора философии Eastlake на тему «Buddizm, the Light of Asia», сегодня в три часа Р. М. на Кудан, в методистской Церкви. Время удобное, пошел; пришел на четверть часа раньше, публики — один гимназист. Reverend Spencer показал в подробностях все здание Церкви, устроенной человек на триста, и очень красивой в протестантском смысле: церковные стекла дают игривый свет, скамьи лакированы, возвышение покрыто ковром, три кресла для клержменов с прорезными спинками; освещение электрическое, отопление производится в подполье, где печь, откуда теплый воздух чрез решетки в полу идет в Церковь.

В три часа одна дама сыграла что-то на фортепьяно, один молодой джентльмен что-то пропел, так как, кроме лекции, объявлена была еще: «Short Musical program». Публики прибавилось: одна старая дама, еще один гимназист и, кажется, индеец один — всего, со мной, пять человек. Думал я, что лекция отменится, но этого не произошло. Reverend Spencer сотворил краткое экспромитированное молитвословие, представил публике Истлека, и сей начал свою лекцию. Час продолжалась она и была по истине блестящая лекция: говорил так живо, с такою уместною и изящною жестикуляциею, что заслушаться и залюбоваться можно; буддизм сначала расхвалил, потом разнес; первое точно поэма Арнольда, во втором немало парадоксов, например, будто жизнеописание Будды срисовано с жизни Спасителя, что хорошо бы было доказать. В заключение еще маленькое пение под фортепьяно и общее пение, вставши, — гимн, указанный в книжке, которая публике была роздана пред тем. Уходя, я пожал руку Истлеку и поблагодарил его за удовольствие. Домой вернулся в пять часов, под дождем.

За всенощной о. Петр Кано впервой здесь говорил поучение; во-первых, в начале речи конец каждого слова вскидывал вверх, во-вторых, говорил очень долго. Сделал ему замечание, так как сам проповедник, обыкновенно, не замечает своих недостатков; он принял благодушно.

31 октября / 12 ноября 1899. Воскресенье

О. Тит Комацу пишет, что Церковь в Карасуяма, вопреки словам Павла Саваде, в самом мирном состоянии и что сам же Саваде, возвращаясь из

Карасуяма, был в Уцунумия у него, о. Тита, и очень хвалил сию Церковь; пишет еще, что не может поручить Карасуяма катихизатору Павлу Сайто, хотя он и ближайший, так как у него много мест, которые он должен посещать, да и постройка церковного дома в Бато требует его надзора, но что поручит Карасуяма катихизатору Георгию Абе, так как в Одавара ему ныне нет много дела; расстояние девять ри; стало быть, на дорогу нужно будет давать Георгию.

А Павел Саваде опять просится на службу. Пусть служит у о. Семена Юкава, как прежде сказано было.

1 / 13 ноября 1899. Понедельник

Был из редакции «Дзидзи симпоо» писатель Цуция, такие строгие статьи пишущий в обличение буддийских жрецов; спрашивал, женато ли наше духовенство.— «У католиков женато, а у вас-де как?» Из одного этого вопроса видно, как малосведущи литераторы Японии. Рассказал я ему, как у нас: «священники женаты»,— и что это правильно, указал ему тексты в Священном Писании — «епископы не женаты», согласно постановлению Вселенского Собора.

— Как содержится русское духовенство?

Рассказал и это.

— Как содержатся здешние служащие Церкви?

— На средства Святейшего Синода и Миссионерского общества; отчасти помогают содержанию и здешние христиане.

Потом зашел разговор о религии вообще. Старался внушить ему веру в Бога — куда! Сердце у самого за семью замками собственного суеверия, гордости и прочего. Верит, что вещь имеет душу; «и это имеет душу», указывая на железный ящик, «и это», указывая на фарфоровое блюдечко, «и это, и это», тыкая на все предметы. Это в ответ на мое толкование ему, как сотворен человек и что душа его — дыхание уст Божиих, оттого она выше мира, не удовлетворяется миром... Слушал, по-видимому, внимательно, и лишь только я прервал речь — ответ вон какой.

Дальнейшей беседе помешал американский бишоп McSim, приведший с визитом трех своих новоприбывших юных миссионеров. Показал им Собор, юнцов, по-видимому, очень удививший своим великолепием. «Я и не воображал, чтобы в Японии могло быть что-либо подобное»,— молвил один из них.

О. Борис Ямамура пишет, что в Канада и Мимоноя большая надежда на проповедь, и потому просит дать дорожных туда Симеону Мацубара (так как в Аомори есть и другой катихизатор — Николай Хосокава), а также пять ен в месяц пособия на содержание, ибо в гостинице придется жить; о. Борис приложил и письмо Мацубара, из которого видно, что он

охотно туда отправится, если даны будут дорожные и пособие. Просьба о. Бориса тотчас же исполнена.

2 / 14 ноября 1899. Вторник

Из Тоокёофу хагаки: просят доставить туда в двух экземплярах наши церковные постановления. В исполнение сего Давид Фудзисава отвез в Тоокёофу: «Книгу Правил», «Церковное законоведение» Сиворцева и «Краткие записи по церковному законоведению» Богословского — в двух экземплярах. К сожалению, перевод двух из сих книг — Саввы Хорие — очень неудовлетворителен. При передаче книг сказано, чтобы, если окажется что непонятным, а также за всеми желаемыми сведениями в дополнение, обращались в Миссию.

Был христианин из Ициносеки Авраам Сато; хвалил очень нынешнего катихизатора там Петра Кураока — «и усерден, и беспристрастен», «оживил проповедь — много ныне собираются к богослужению». Это хорошо. Но худо то, что затормозили там христиане дело о покупке земли под Церковь на границе Ициносеки и Яманоме, 1200 цубо — по 1 сене 20 сен цубо. А я думал, что дело это уже кончено, церковная земля приобретена. Внущал Аврааму исполнить задуманное, но, кажется, не ладят между собою христиане Ициносеки и Яманоме... — С Авраамом был его сын, живописец в японском стиле и, по-видимому, даровитый: картина его, одна из находящихся ныне на выставке картин в Уено, куплена для Дворца, другая отправлена на выставку в Париж.

3 / 15 ноября 1899. Среда

У Павла Мацумото, катихизатора в Отару, Хоккайдо, была очень больна жена; я послал на лекарства ей десять ен; сегодня он письмом благодарит за это и вместе извещает, что жена, раба Божия Мария, силою таинства елеосвящения чудесно исцелена. Долго они ждали о. Николая Сакураи для совершения сего таинства, так как он был в путешествии по Церквам; вернувшись, наконец, он прибыл в Отару, исповедал Марию и стал совершать елеосвящение; во время сего действия Мария почувствовала себя выздоровевшею и по окончании богослужения порывалась встать с постели; ее удержали — «нельзя-де злоупотреблять милостию Божиею и пренебрегать осторожностью», но на следующий день она встала совершенно здоровою. Заключает Мацумото: «Двадцать шесть лет служу Церкви, в первый раз видел таинство елеосвящения и поражен его чудотворною силою».

Иоанн Судзуки, катихизатор в Такахаси, пишет, что брат его Василий, отступивший от православия для протестантства и от протестантства для буддизма и десять лет изучавший буддизм, прибыл к нему больной,

горько раскаялся в отступничестве и просил принять его обратно в Церковь. Так как болезнь усиливалась, то призван был из Маебаси о. Павел Морита, который исповедал и приобщил его, после чего Василий скончался. Пред смертью завещал своим детям быть верными православию, собственноручно, хотя и через силу, по слабости телесной, начертал, что бросает буддизм и присоединяется к Православной Церкви. На основании сего документа Иоанн надеется похоронить его похристиански, хотя родственники буддисты будут крайне противиться сему, как предугадывает Иоанн; гроб он повезет на родину, в Идзу, чтобы там на родном кладбище похоронить.

4 / 16 ноября 1899. Четверг

О. Игнатий Мукояма спрашивает, как поступить с семьей умершего катихизатора Луки Кадзима? — Пусть хорошенько узнает, есть ли родные, которые могли бы позаботиться о ней; если нет, то придется Миссии взять ее на свое попечение.

5 / 17 ноября 1899. Пятница

Иоанн Судзуки со своим братом Афонасием был; рассказал подробнее то, что было в письме его о брате Василии; кажется, вполне искренно раскаялся он, но зло, трудно поправимое, остается для рода его: старший сын вырос ни во что не верующий, другой сын отдан на воспитание бонзам, чтобы быть потом бонзой, христиане в Нираяма очень расстроены им и прочее. Похоронить его не дали родные похристиански — по-буддийски похоронен.

По приглашению американского еписопа McKim'a был у него на обеде с семи часов вечера. Приглашал по случаю приезда сюда Нью-Йоркского еписопа Поттера, в честь которого и давал обед. За обедом было не много, после собралась большая компания — чопорная и скучная. Поттер путешествует по случаю болезни; кажется, у него небольшой паралич. Звал остановиться у него, если буду проездом в Нью-Йорке. Епископши занимались альбомом портретов всех американских епископов. Вернулся в одиннадцатом часу.

6 / 18 ноября 1899. Суббота

Утром послал фотографические карточки двум епископам, согласно выраженным ими вчера желаниям. После обеда с Накаем в Уено осматривал картинную выставку. Между японскими картинами много хороших, особенно хороши павлины Сато, молодого христианина из Ициносеки, что недавно с отцом был у меня; недаром картина взята в

Кунайсе. Картины масляными красками — rubbish, не исключая и тех, что предназначены для выставки в Париже.

7 / 19 ноября 1899. Воскресенье

До Литургии крещено трое взрослых и несколько детей.

Вечером был Павел Ямада из Фукуока, на Киусиу, молодой человек, служащий в Обществе страхования жизни, очень помогавший катихизатору в Фукуока, Стефану Мацуока, как пишет он, и по разговору — весьма религиозный: о чем бы ни заговоришь, разговор сведет непременно на христианство; побольше бы таких!

8 / 20 ноября 1899. Понедельник

Утром побыл в Иокохаме, чтобы разменять вексели полугодового содержания Миссии из Казны на будущий год. В обоих банках: «Hong Kong and Shanghai» и «Chartered» сказали одинаковый размен, и потому разменял один вексель в одном, два в другом (деньги — 2592 фунта стерлингов — пришли в трех векселях), а деньги — 20 000 ен — привез сюда и положил на год в банке Мицубиси на $5\frac{1}{2}\%$.

Василий Накараи, катихизатор в Какута, пишет, что «бывал бы в Сироиси, но далеко, нужно по три ены каждый раз на дорогу — так не даст ли Миссия это?» Много уже Миссия на Сироиси издержалась: целых три года тот же Накараи или жил там, или часто ездил для проповеди из Сендая — и плода ровно никакого. Пусть ныне о. Петр Сасагава скажет, имеет ли он в виду верный успех проповеди там; если имеет, то даны будут дорожные.

О. Василий Усуи обозрел Церкви в Идзу и прислал краткий дневник того. Пишет, что нигде не встретил ничего «кообасики». Ни одного крещения, ни у кого из катихизаторов нет и слушателей учения. Совсем плохо! Как жаль, что нет миссионера — благочинного для посещения Церквей и побуждения катихизаторов и самих священников к деятельности!

9 / 21 ноября 1899. Вторник

Моисей Мори, катихизатор в Сакари, недавно овдовевший, просит невесту себе из Женской школы. Но ему тридцать девять лет, а в школе учительницы, имеющие выйти замуж, все шестнадцати—девятнадцати лет — не пара ему. Притом же он человек болезненный, всегда с опасностью вновь сойти с ума, имеет малого ребенка, немолодую вдову ему бы в жены. Отдал письмо его в Женскую школу, чтобы там подумали, нет ли для него подходящей вдовы из учившихся в Женской школе? Письмо

прислали обратно с ответом, что не знают таковой. Напишем Моисею — пусть сам поищет себе подругу жизни между христианками.

О. Павел Сибаяма, из Нагоя, пишет, что катихизатор Павел Тарасима совсем негоден для службы — всегда болен и ныне отпросился на три месяца домой для лечения. Просит о. Павел кого-либо вместо него.— Но нет никого!

10 / 22 ноября 1899. Среда

Посланица, баронесса Розен, прислала брошюрку, четырнадцать страниц, «Сифу Дзэкон» [?] об о. Иоанне Кронштадтском, написанную епископальной миссионеркой Miss Ballard; брошюрка сия от сей Miss чрез баронессу. В своей записке баронесса извещает также, что барон Розен, полученной вечером третьего дня телеграммой, назначается посланником в Мюнхен, сюда же на его место — Извольский, ныне находящийся в Мюнхене. Новость очень неприятная; барон знает Японию, так как прежде прослужил здесь секретарем семь лет и ныне посланником уже три года; добрые отношения у России с Японией при нем были обеспечены, а после что Бог даст?

Был с визитом у английского епископа Awdry. Живет в новопостроенном в японском стиле доме; стены гостиной украшены, между прочим, прекрасными ландшафтами работы Mrs Awdry. Пред домом пустое место, на котором будет воздвигнут собор, и нужно сказать, место для сей цели такое же хорошее, как наше: собор с холма будет виден на большую часть города.

Возвращаясь от Awdry, заехал к посланнику. Оказывается, что перевод его состоялся совершенно неожиданно для него. Кажется, желающие орудовать в Корее устроили это, так как барон держался очень широкой политики с японцами в вопросе о Корее. Как бы вперед Корея не поссорила России с Японией! Впрочем, барон очень хвалит ум и такт Извольского и говорит, что дело будет в надежных руках.

[Пропуск в оригинале]

13 / 25 ноября 1899. Суббота

О. Николай Сакураи подробно описывает свое путешествие по Церквам. В Хоромуи преподал святое крещение шести наученным от Евфимия Сабанаи, неизменно благочестивого и ревностного старика; просит о. Николай послать ему Жития Святых, которые он хочет иметь; кстати, это будет и для всей Церкви в Хоромуи. Пишет о. Сакураи о необходимости послать катихизатора в Асахикава, город, имеющий уже до трех тысяч домов,— иначе-де наши христиане, живущие там, как овцы без пастыря, расхищены будут инославными.— Ответил я ему на это, чтобы

послал месяца на два Петра Юмура в Асахикава; у него в Иванай, кажется, нет слушателей. Описывает о. Николай и чудесное исцеление во время елеосвящения жены Павла Мацумото в Отару.

Георгий Оно, катихизатор в Уцуномия, извещает о чудесном знамении, так же от таинства елеосвящения, недавно происшедшем в Уцуномия: старик чиновник, врачами приговоренный к смерти от неизлечимой болезни в желудке, после елеосвящения, совершенного о. Титом Комацу, тотчас же почувствовал облегчение и скоро совсем выздоровел; желудочная болезнь совсем исчезла к изумлению врачей. Слава Богу!

14 / 26 ноября 1899. Воскресенье

Яков Ивата, катихизатор в Мори и Какегава, пишет, что открыл проповедь в одной деревне, и тут же пишет, что в Какенава есть слушатели, в Мори и Каюма тоже должен вести проповедь; а там еще в Кега зовут его – чужой приход, принадлежащий Матфею Мацунага... И все хвастовство! Точно бабочка летает в письмах своих, а на деле до сих пор ничего путного от него!

15 / 27 ноября 1899. Понедельник

Между письмами сегодня прежалостное письмо есть от Симона Кикучи, что родом из Хитокабе; пишет из тюрьмы, горько сетует на свой проступок, заведший его туда, и просит всех помолиться за него, для чего просит отдать его письмо в «Сейкёо Симпо» для напечатания. Был когда-то в Семинарии, но непобедимое своенравие заставило его выйти из нее, как я ни старался уговорить его не делать этого; служил потом на станции железной дороги, где и учинил что-то такое, за что посадили его в тюрьму.

16 / 28 ноября 1899. Вторник

Вечерним занятием сегодня кончен пересмотр слов Нового Завета по Симфонии Гильтебрандта. Теперь некоторые важные слова надо вновь пересмотреть, потом со специалистом по грамматике проверить правильность перевода в грамматическом отношении, потом вновь внимательно весь перечитать, потом можно и печатать; вероятно, в будущем году Бог поможет сделать это.

17 / 29 ноября 1899. Среда

Илья Яци, катихизатор в Исиномаки, пишет, что в прошлое воскресенье у него одиннадцать человек крещено, и дальше: шесть человек

слушают учение — к празднику, вероятно, будут крещены. Еще: христиане ремонтируют церковный дом (в котором внизу живет катехизатор, на втором этаже — Церковь), и снаружи работы кончены, внутри продолжаются. Значит, Церковь в Исиномаки в оживленном состоянии. Слава Богу!

18 / 30 ноября 1899. Четверг

И расчеты, и флюс, и трудность перевода таких слов, как «душа», «дух», с его различными смыслами...

19 ноября / 1 декабря 1899. Пятница

Вновь начали мы с Накаем исправлять Новый Завет, с первой главы Евангелия от Матфея. Вечером был приглашенный грамматик, но плох что-то: много времени отнимает долгим думаньем, почти ничего не рождающим.

20 ноября / 2 декабря 1899. Суббота

Опухоль щеки не позволила служить вечером. Впрочем, к завтрашней Литургии готовился — быть может, пройдет флюс; очень грустно было бы не служить в такой Великий праздник, которому в нашем Соборе и нарочитый престол посвящен.

*21 ноября / 3 декабря 1899. Воскресенье.
Праздник Введения Пресвятой Богородицы*

Благодарение Богу, сегодня можно было служить.

За Литургией были наши курильцы с Сикотана, Аверкий и Евфимий; потом у меня пили чай, обедали. Бонза показал им Кёото, где пробыли четыре дня и все хорошее видели; успели побыть и у о. Симеона Мии. Нет ни малейшего признака, чтобы бонза смугил их буддийством. Снабдил я их всеми религиозными нашими брошюрами — по три экземпляра для чтения всем там; брошюры писаны простым языком — будут понятны им; также — иконками для них и в каждый дом по одной; дал на гостинцы для всех пятнадцать ен, им двоим — по три ены, Степаниде, которой работы травяную плетеную коробку принесли мне, — две ены; дал, по их просьбе, восковых свечей для Церкви. Сегодня с вечерним поездом они вместе с бонзой отправляются из Токио в обратный путь. Говорили, между прочим, что в будущем году, вероятно, приедет в Токио Яков Сторожев, их старшина.

22 ноября / 4 декабря 1899. Понедельник

Фома Танака пишет, что советовался в Яковом Каяно о том, чтобы поменяться с ним местом службы, но Каяно никак не соглашается перейти в Вакаяма, ибо уже служил там, но не оказал успехов по проповеди. Поэтому Танака отлагает свою просьбу о переводе его из Вакаяма до Собора.

О. Борис Ямамура представляет следующие недоумения, касающиеся брака, и просит разрешить их:

1) Можно ли повенчать пасынка от первой жены с родною сестрою второй? – Это трехродного родства третья степень... [?].

Можно. Но нужно наперед испросить разрешение Святейшего Синода.

Отвечено: пусть готовятся к браку – я не сомневаюсь, что Святейший Синод не найдет причин не разрешить. – Нужно у Святейшего Синода испросить мне дозволение раз навсегда разрешить от его имени браки сего рода.

2) Нельзя ли повенчать двоюродных, и именно: дочь о. Иова Мидзуяма с ее двоюродным братом, еще язычником (военным офицером)? Девушке еще пятнадцать лет, но брак этот уже решен между родными.

Я написал строжайше о. Борису – непременно остановить этот брак, иначе о. Иов будет крайне скомпрометирован; выйдет соблазн и для всей Церкви. О. Борис написал мне конфиденциально, почему о. Иову я не писал; но упомянул о. Борису, что если не послушает его о. Иов, чтобы тотчас дал знать мне, и я всячески буду убеждать о. Иова не делать этой пакости.

23 ноября / 5 декабря 1899. Вторник

О. Борис Ямамура извещает, что христиане Ициносеки и Яманоме купили место под Церковь: тысячу цубо за тысячу ен. Деньги отчасти уже заплачены; главный плательщик, конечно, богач Моисей Ямада.

Филипп Узава из Кабусато пишет, что церковное здание совсем готово, и просит приехать на освящение. К сожалению, болен простудою теперь и дела много – ехать не могу; а о. Феодор Мидзуно уже там – он и освятит водоосвящением, ибо не настоящий храм там.

Георгий Абе длиннейшим письмом раскрашивает Церковь в Карасуяма, не жалет красок и для Одавара: все видит и представляет в радужном свете – знать уж характер такой.

О. Павел Морита описывает, как исповедал и приобщал умирающего и покаявшегося вероотступника Василия Судзуки; видно, что он искренно покаялся и заповедал сыну быть верным православию. Спаси Бог его душу! Письмо отдал для напечатания в «Сейкёо-Симпо».

24 ноября / 6 декабря 1899. Среда

О. Игнатий Като описывает свое путешествие по Церквам; хвалит усердие христиан; крещений, однако, нет. Пишет, между прочим, как в Куширо Антипа Фудзивара, тамошний христианин, спорил с язычниками о вере. Среди большого собрания язычников зашел разговор, что «Япония существует благодаря своим богам — предкам, а христианство отвергает этих богов и не учит почитать предков; стало быть, христианство не должно быть принимаемо японцами». Тут же, в собрании, был и Антипа, почему к нему обратились с увещанием, чтобы бросил христианскую веру. Тогда Антипа стал держать речь к язычникам, сущность которой была следующая; «Если б христианство не учило почитать предков, я и не принял бы его. Оно учит. Но нужно знать, кто предки и как почитать их. Вы говорите, что предки наши — боги. Какие же это предки? Несколько поколений, которые мы помним и знаем по истории, а дальнейшие-то, а еще дальнейшие? А самый начальный предок? Кто они и откуда они? Ужели сам собой родился первый человек? Нет! Его создал Бог, и вот этот-то Создатель есть настоящий Бог, в которого я верую; от него — христианское учение, которое заповедует почитать и предков, но так точно, как родителей, а не как богов», и так далее. Когда Антипа кончил свою речь, все оказались склонившими голову и не в состоянии возражать.

Тревожится очень о. Игнатий за своих сикотанцев, что бонза привозил сюда, пишет, будто они очень уж развращены бонзой и настроены на буддизм. Но я не заметил этого у Аверкия и Евфимия, или они уж очень большие притворщики. Хочет он привезти с собой сюда в будущем году, когда приедет на Собор, Максима для приготовления к службе помощника катихизатора и две-три девочки в Женскую школу. Это будет хорошо; так и отписано о. Игнатию и вместе отписано, как были здесь и как отправились Аверкий и Евфимий.

25 ноября / 7 декабря 1899. Четверг

Утром занятия с Накаем не было, ибо он чистил дом свой, вследствие строгого приказа из полиции по всем домам — вычиститься: поднять маты и полы под ними, очистить землю от всякого сора и посыпать ее известью; словом, везде и все очистить от сора и нечисти; это — от страха чумы, которая занесена откуда-то в Кобе и уже перешла в Осака, Нара, даже в Токио один случай был.

О. Иоанн Катакура пишет, что Симон Тоокайрин женился и просится опять на катихизаторскую службу; о. Иоанн в полной надежде, что он теперь застрахован от проступка, просит за него.— Написано к о. Петру Сибаяма, в Нагоя, у которого нет ни одного катихизатора,— не хочет ли

он взять к себе на службу Симона? Но это только в том случае, если есть дело для него — чтобы он успел оказать заслугу до Собора, на котором потом и можно было бы ходатайствовать (на основании сей заслуги) о принятии его вновь в число проповедников. До тех же пор он служил бы у о. Петра частно, получая по двенадцать ен в месяц содержания не прямо от Миссии, а чрез о. Петра.— Сообразно с ответом о. Сибаяма будет написано о. Иоанну Катакура.

О. Игнатий Мукояма ответил, что у вдовы Кадзима нет надежных родных ее мужа; несколько может она надеяться на своего брата, который живет здесь, в Токио, но он — язычник, многосемейный и небогатый. Итак, завтра будут отправлены ей в Хиросима дорожные, чтобы с детьми приехала сюда; здесь позаботимся о ней и сиротах.

С трех часов было совершено мною крещение Вячеслава, сына диакона Димитрия Константиновича Львовского; воспитанниками были: младший секретарь Посольства Михаил Алексеевич Андреев и посланница баронесса Елисавета Алексеевна Розен; пел хор певчих.

Вечером явился о. Василий Усуи, священник в Одавара и Идзу.— Рассказал о своем первом путешествии по Церквам. Катихизаторы Иоанн Кобаяси и Анатолий Озаки положительно ни к чему не годны: первый открыл лавку и торгует, второй совсем ничего не делает; оба по проповеди хоть бы перст о перст, а христиан мучили и до сих пор мутят против нового священника. Советовал ему всеми мерами стараться исправить их; если до Собора несколько не переменятся, то будут прогнаны со службы. Христиане почти везде приняли о. Василия хорошо; в Одавара, кроме трех домов, остающихся немирными, все мирны и в Церковь ходят.

26 ноября / 8 декабря 1899. Пятница

Из Ояямада-мура, близ Бато, три язычника и два христианина прислали превосходно составленное и написанное прошение — прислать им катихизатора, да еще кончившего курс Семинарии.— Не только такого, но и самого плохого из Катихизаторской школы нет. Написано им приглашать для катихизации из Бато Павла Сайто, а сему, по возможности, удовлетворить их желание; если-де образуется там до Собора небольшая Церковь, то могут на Собор прислать прошение об отдельном катихизаторе для них.

Из тюрем от заключенных часто приходят просьбы — прислать христианских книг. И сегодня два таких прошения. Они всегда удовлетворяются.

27 ноября / 9 декабря 1899. Суббота

Reverend Arthur Lloyd, мой знакомый из протестантских епископальных пасторов здесь, прислал письмо и лист своих размышлений во

время поста. В размышлениях излагает, что хотя христиане ныне разъединены между собою, но имеют и пункт общего соприкосновения, это — евхаристия, которая у католиков и православных — «жертва» (sacrifice), у епископалов — «воспоминание» (memorial), у прочих протестантов — преломление хлеба и отпитие из чаши как знаков Тела и Крови Христовых, но у всех — средство общения и единения христиан между собою и со Христом. «Так мы стоим пред Богом в этот пост, смиренно исповедуя свои грехи, — каждый своим собственным способом принося жертву, совершая воспоминание, преломляя хлеб, и каждый взирая сквозь покрывало на Того, Кто есть Начало всего, на Того, Кто, будучи вознесен, всех влечет к Себе. И мы молимся словами, внушенными нам Духом Святым: „Воскресни, Господи“, и прочее. И какой будет ответ на нашу постоянную молитву? Слава в вышних Богу, на земле мир, в человецех благоволение!»

В письме говорит: «Некоторые из моих друзей разных церковных секций обещали молиться во время поста (нынешнего рождественского), согласно с мыслями, выраженными в приложенном размышлении. Не присоедините ли Вы ваши молитвы к нашим, чтобы Бог воздвигнул Свою силу и пришел к нам?».— Я ответил, что, конечно, помолюсь. И разве не молимся мы в этот пост? Это наше — Православной Церкви — обычное дело, неуклонно совершаемый святой долг, а не случайное напряжение, которое явствует из сего воззвания моего протестантского приятеля.

28 ноября / 10 декабря 1899. Воскресенье

В японских газетах сегодня напечатаны «Религиозные постановления» [?], составленные Правительством для предложения на рассмотрение ныне заседающего Парламента. Правительство отнеслось одинаково ко всем религиям — доселешним японским и новым иностранным. Постановлений пятьдесят три параграфа.

Я еще не успел рассмотреть их. Больше всех отнял свободного времени этот несносный болтун Павел Кикици, разбогатевший на островах Онгасаворадзима; ведь бывает же такая смесь гордости и бестолковой болтовни! Собирается Китай преобразовать своими наставлениями, которых и сам не понимает, но которые неостановимо извергает так, что лопнуть можно с досады на этот бездонный колодезь напыщенной пустой болтовни!

О. Роман Циба, вернувшись с обзора своих Церквей, говорил, что у Симеона Томии, в Тега и Фузе, есть слушатели и надежда на успех; у Антония Обата — ни одного слушателя, как, кажется, всегда доселе; живет в Фунао, посещает христиан и только; не может он быть самостоятельным

проповедником; с будущего Собора нужно будет поставить его у какого-либо священника.

29 ноября / 11 декабря 1899. Понедельник

Из Хоккайдо явился Лин, уволенный из Семинарии и потом из Катихизаторской школы по болезни груди и отосланный домой с тем, чтобы больше в школу не возвращался; в деревне несколько окреп, вообразил, что опять может учиться, и вот неожиданно явился — что будешь делать с такими! Конечно, опять скоро ослабеет, нужно лечить, потом вновь давать дорожные и так далее, — трата на ветер. Лин был приемышем катихизатора Петра Юмура, в Иванай, на Эзо, но с ним разошелся. Спрашиваю:

- Как Церковь в Иванай?
- В самом плохом состоянии.
- Отчего так?

— Оттого, что Юмура перестал проповедывать, а занимается земледелием; в декабре прошлого года занял участок близ Иваная и там теперь живет, разводя овощи. Проповедническая вывеска у него на доме висит, но читать ее некому, ибо поблизости никто не живет. По праздникам, впрочем, иногда приходят к нему из Иваная человека два-три христиан помолиться вместе.

- А в Куччан'е он бывает?
- Никогда.

Так-то иногда поступают катихизаторы, а присмотреть за ними некому. Местный священник есть, но он всегда мирволит подобным, как всякий японский священник. Русского благочинного для постоянного обзора Церквей нужно бы, да что же, когда Бог не дает!

30 ноября / 12 декабря 1899. Вторник

О. Тит Комацу извещает, что в Мито десять человек крещены — плоды трудов Фомы Оно; иногда и соседние катихизаторы приходили помогать ему по проповеди — Петр Мисима и Роман Фукуи.

О. Андрей Метоки описывает свое путешествие по приходу, совершенно бесплодное. Слаб он, плохи проповедники у него, да Хокурокудо еще и плохая область для проповеди — секта Монтосиу там очень сильна, единственная в буддизме деятельная секта.

Из России сегодня письмо от душеприказчика Марии Осиповны Романовой, московской купчихи, пожертвовавшей вместе с господином Ивановым в 1880 году великолепный серебряный сосуд для хранения мира, умершей 28 ноября 1898 года, с извещением, что Мария Осиповна завещала на Миссию десять тысяч рублей. Дай Бог ей Царство Небесное!

Другое письмо от о. Ионы, регента хора в Троицко-Сергиевской Лавре – просится обучать певчих и регентовать здесь. Но ему сорок семь лет – поздно учиться японскому языку. Притом же здесь есть учитель и регент – диакон Дмитрий Константинович Львовский. Придется отказать о. Ионе.

1 / 13 декабря 1899. Среда

Катихизатор в Саннохе Павел Сибанай пишет: в христианском доме есть некрещеная старуха, которую и огласить нельзя – совершенно глухая; ныне она близка к смерти; если умрет, ужели христианскому дому призвать бонз для ее погребения по-язычески? Нельзя ли как-нибудь похоронить по-христиански? – Ответчено: нельзя, ибо она не принадлежит к Церкви; но она может войти в Церковь на том же основании, на котором входят дети: если найдутся там христиане, которые знают, что старуха не противница Богу, то пусть станут восприемниками ее, и за их ручательством она может быть крещена.

Правительственный религиозный билль [?], совершенно уравнивающий перед законом буддизм и христианство, волнует бонз, добивавшихся, чтобы буддизм объявлен был государственной религией. Они готовятся всячески помешать узаконению этого билля. Но вся японская пресса, даже самые консервативные газеты, одобряют его. Неизвестно, как поступит с ним Парламент.

2 / 14 декабря 1899. Четверг

В сегодняшнем номере «Ници-ници Симбун» следующие известия:

1) Некоторые члены Верхнего парламента составили Комитет для разработки религиозного вопроса по поводу правительственного религиозного билля. Он уже и занимается этим делом; вчера призваны были в Комитет наиболее известные бонзы для выслушания их мнений касательно «сюкёо-хооан»; мнения их против него.

2) Бонзы семи главных сект собрались рассуждать о «сюкёо-хооан»; все недовольны им, особенно представители «Хигаси-хонгвандзи»; впрочем, ни к какому соглашению еще не пришли.

3) Так как к Оотани Коосан [?], главе секты Нисихонгвандзи, многие и порознь являются, чтобы узнать его мнение касательно «сюкёо-хооан», то он вчера в кумирне на Цукидзи сказал публичную речь, чтобы разом всем высказать свои взгляды. Он, в противность Хигаси-хонгвандзи, доволен Правительственным биллем. Речь его слушали, между прочим, девять членов Верхнего и сорок три Нижнего Парламента, все – приверженцы буддизма.

Все газеты зауряд продолжают высказывать одобрение биллю. Итак, общественное мнение, поколику оно выражается в текущей прессе, за уравнение буддизма и христианства. Но бонзы и их приверженцы, за исключением Нисихонгвандзи, натурально против сего.

3 / 15 декабря 1899. Пятница

Вчера вероисповедный билль (сюкёо хооан), представленный Правительством Парламенту, прочитан был в Верхней Палате, после чего премьер Ямагата сказал небольшую речь в объяснение его — что, мол, «религия важна для государства, а определенного закона о ней нет» и прочее. Сделаны были от членов некоторые вопросы, на которые чиновник Правительства ответил; но замечательно, что ни тени недоброжелательства к христианству не промелькнуло. Палата положила рассмотреть билль Комиссии из пятнадцати членов, выбор которых предоставлен председателю.

В «Дзидзи симпо» критикуется билль за его неудобства для самого Правительства, которое-де берет на себя лишнюю обузу наблюдать за верами, решать религиозные споры и прочее, тогда как всего лучше предоставить религии полную свободу, вмешиваясь лишь в тех случаях, когда нарушаются государственные законы. Ну как-де определить, что такое злословие и бесчестие для веры, когда веры вечно враждуют одна с другой и нехорошо отзываються одна о другой, употребляя иногда насмешливые и саркастические выражения и термины?

Вечером у нас с Накаем перевода не было: его пригласили на обычное праздничное собрание редакции «Сейкёо-Симпо», которое в этот день всегда празднует свою годовщину. Пользуясь сим, я перевел на русский язык «сюкёо хооан», чтобы уразуметь и усвоить его.

4 / 16 декабря 1899. Суббота

Буддийские секты продолжают совещаться против Правительственного вероисповедного билля. Одни требуют полного отменения его, другие исправления его в смысле введения в него следующих трех тезисов: 1) секте должно быть предоставлено значение законного лица (сю ха коо хоо-дзин [?] тарубеси); 2) секте должно быть предоставлено [?] (сю ха дзидзи [?] дантай тарубеси); 3) против новых вер (то есть христианства) должны быть приняты строгие меры (син [?] сюкёо ни тайсите генкокуно тори адзускай во насубеси). Но один из очень видных бонз в Нисихонгвандзи, Акамацу Рендзё, произнес речь с полным одобрением билля в том виде, в каком он представлен, и в эту же сессию Парламента, не откладывая до будущей, чего иные желают.

От о. Феодора Быстрова письмо: «История об Иосифе непрекрасном». Итак, этот Иосиф – тот жид, который мучил в Американской Миссии! И его порекомендовал о. Сергей Страгородский! Не знаю, злонамеренно или нет – вероятнее последнее. Во всяком случае, Промышление Божие, что назначение его не состоялось. Оказывается, что первая телеграмма, данная мне от имени о. Феодора, – подложная. Хорош бы был миссионер!..

5 / 17 декабря 1899. Воскресенье

Вечером, во время занятия переводом с Накаем, в семь часов, получена телеграмма из Благовещенска: «Указ получен. Ранее 7 января выехать не могу. Вениамин». Слава Богу, хоть один миссионер будет!

Был у обедни и после зашел ко мне полковник Ванновский; завтракали вместе, и проговорил он почти до четырех часов. Вот мастер-то говорить! Содержание речи – критика японцев, особенно японского войска. Из тринадцати японских дивизий ныне существующего войска он осмотрел десять; казармы везде находил устроенными так хорошо, как нигде в Европе, состояние войска – плохим. 31 декабря он уезжает в Россию.

*6 / 18 декабря 1899 года. Понедельник.
День именин нашего Государя*

В Посольстве за Литургией и на служении молебна, потом у посланника на завтраке, где были все русские.

В первый раз сегодня надел клобук с алмазным крестом.

В Посольстве от Кира Алексеевича Алексеева получил двадцать пять ен, посланные чрез него Анной Эрастовной Шпейер на зимнее платье крестнице ее Кате Накаи, которые и передал, по возвращении домой, ей и Евфимии, ее попечительнице.

Погода, хуже какой редко: целый день дождь и мокрый снег вперемежку.

Утром Накаи без меня занимался исследованием грамматик, вечером перевели.

7 / 19 декабря 1899. Вторник

Был на экзамене в Катихизаторской школе и в третьем классе Семинарии. В первой всего одиннадцать учеников на первом и втором курсе; отвечали по Догматике порядочно. В третьем классе Семинарии двенадцать учеников; отвечали по Всеобщей Гражданской истории тоже недурно.

Получен указ от Святейшего Синода о назначении сюда миссионером о. Вениамина.

Бонзы продолжают шуметь против вероисповедного билля (сюкёо хооан), но значительно спустили тон. Хигасихонгвандзи и Нициренсиу враждебнее всех к христианству. Зато Нисихонгвандзи вполне за билль; об этом издало манифест ко всем своим прихожанам.

О. Феодор Мидзуно вернулся с обзора своих Церквей в Симооса и Казуса. Между крещеными им есть один бонза, лет тридцати, очень воюющий ныне в своей местности за христианство, и потому очень ненавидимый бывшими своими товарищами; просит наперед убежища в Катихизаторской школе, если уж очень станут преследовать его. Ладно!

Савва Хорие приходил сказать, что получил письмо от Феодора Янсена из Петербургской Семинарии; пишет, что «мало ему двух рублей на мелочные расходы в месяц» (которые дает ему о. Феодор Быстров, по моему письму, как то же самое делал, бывало, относительно всех, учившихся в Академии отсюда), «нужно, по крайней мере, шесть рублей». Дурной признак для юноши! Едва ли не разовьется у него дрянной характер; склонность к пьянству он уже показал здесь; своеволие тоже являлось, и вот является. Ни мысли о том, что ему благотворят, причем нахальство с его стороны совсем не у места. Посдержаться пока строить воздушные замки насчет его в будущем!

8 / 20 декабря 1899. Среда

О. Петр Сибаяма просит Симона Тоокайрина к себе, но пишет, что «едва ли Симон может сделать по проповеди до Собора что-либо такое, чтобы на основании сего можно было ходатайствовать пред Собором о возвращении ему звания катихизатора, ибо нужно сначала привыкнуть к языку и обычаям народа в Нагоя». Но Симон Тоокайрин — человек образованный, ему же товарищем был по Катихизаторской школе, и язык знает обще-японский, а не одно северное наречие. Письмо о. Сибаяма послано к о. Катакура; пусть сей последний даст свое мнение, а также узнает от Симона, хочет ли он в Нагоя, или же предпочтет попроситься к о. Борису, у которого Куроиси остается без проповедника.

О. Игнатий Като пишет, что очень холодно там (в Немуро, Куширо и прочих), а теплого платья недостает; просит дать, не в зачет, по половине месячного жалованья на платье катихизаторам его и, конечно, так же ему; а Моисею Минато на Сикотане просит дать полное месячное жалованье.— Дано: всего тридцать шесть ен; но написано, что это совершенно частно, чтобы не обратилось в пример для других, на что у Миссии не хватит средств.

Протестантские «бокиси» делают сходки и выражают недовольство вероисповедным биллем; восстают особенно против правила, которым запрещается учителям религии держать политические речи.

9 / 21 декабря 1899. Четверг

Вчера до полудня был на экзамене в седьмом классе Семинарии, где семь учеников, и в первом, где семнадцать; сегодня в четвертом классе с тринадцатью учениками и во втором с девятнадцатью. Отвечали все хорошо, за исключением второго класса — по русскому языку, потому что учитель Емилиан Хигуци плохо учил. Всего учеников в Семинарии ныне шестьдесят восемь.

Кончили сегодня мы с Павлом Накаем исправление в третий раз Евангелия от Матфея.

Из редакции газеты «Майници» приходил репортер [?] Нисикава спрашивать мнение православных о религиозном билле. Я сказал, что мы одобряем его.

— А как Вы думаете, — спрашивает, — насчет запрещения религиозным учителям вмешиваться в политику?

— Я думаю, что Правительство совершенно право, поставив это запрещение законом.

— Но протестантские «кёоси» думают совсем иначе.

— Это их дело.

— Но чье мнение лучше?

— Наше мнение согласно с учением Иисуса Христа, — и показал, и объяснил ему Лк. 12, 14. — Дело религиозного учителя учить религиозной истине всех, начиная с царя до последнего из его подданных; и чем больше будут слушаться «кёоси», тем лучше будет для государства и в политических делах. Прямо же политикой заниматься для «кёоси», кроме того, что запрещено ему это, — ниже его звания и обязанностей; его назначение воспитывать людей для Неба — и так далее, длинная речь в этом направлении.

Расспрашивал о положении религии в России, об отношении государственной религии к другим верам и подобное. В заключение объяснений дал ему наше «Хоогаку» (Канонику Сиворцева).

10 / 22 декабря 1899. Пятница

Утром на экзамене по Закону Божию в Женской школе. Отвечали, как всегда, превосходно. Всех учениц ныне семьдесят четыре.

Бонзы разных сект (кроме Нисихонгвандзи и Сингон) продолжают шуметь против вероисповедного билля, но спустили свои требования почти на ничто. Только наиболее завязтые из них, оставившие общество

«Коонин-кёо иппа» (требующих признания буддизма государственной религией) настаивают еще, чтобы новые веры (христианство) подчинены были особым правилам и суду, иные же — чтобы в отношении к ним принимаемы были строгие меры (кибисику тори адзукасу) и подобное.— Делают сходки, говорят речи, но едва ли из всего этого что-нибудь выйдет для них. Общественное мнение прямо за билль.

11 / 23 декабря 1899. Суббота

На экзамене в Женской школе.

Прибыла вдова катихизатора в Хиросима Луки Кадзима с двумя детьми, одиннадцати и шести лет; здесь, в школе, еще у ней трое. Говорит, что Лука завещал всем служить Церкви; значит — возложил упование на Церковь и касательно воспитания их. Церковь и воспитает; но, однако, по Апостолу, и родные вдовы должны принять участие в ней. Брат вдовы Кадзима, язычник, обещал ей пять ен в месяц; Церковь даст шесть ен, и пусть на одиннадцать ен живет — это можно, особенно же зарабатывая кое-что и своим трудом; а она может рукодельничать.

12 / 24 декабря 1899. Воскресенье

До Литургии крещены трое; из них старик с женой из квартала Асакуса, бывшие большие приверженцы буддизма, но люди хорошие, оттого и удостоившиеся благодати призвания. За Литургией было причастников человек сорок, кроме детей.

Есть в школе катихизаторской язычник Нисида, взятый недавно из сострадания и из мысли, что авось как-нибудь образуется и будет годен для проповеди; поспорил он с товарищем, стоя за Будду, тогда как тот за Христа; полемика вышла горячая, и разбил ратник Христа ратнику Будды лицо в кровь. Хотел обоих выгнать из школы, да упросили товарищи и о. Феодор Мидзуно, под надзором которого состоит Катихизаторская школа. Вперед урок — не брать язычников в школу. Впрочем, Нисида христианином будет; на экзамене уже из Догматики несколько отвечал и даже крещения просил, хотя это ему не дозволено. Сегодня это у него вышло, должно быть, из спорного задора, потому что спорить очень любит.

13 / 25 декабря 1899. Понедельник

Утром на экзамене в Женской школе по Закону Божию.

Вечером закончены занятия с Павлом Накаи до будущего года.

Днем была еврейка, просящая крещения: Перель Гершовна Кабатник, жена Зейлика Рафаиловича Кабатника с мужем уже содержит небольшую гостиницу в Нагасаки. Родом из Николаева; говорит, что воспитывалась

там в женском училище среди православных учениц и полюбила православие. Но его почти нисколько не знает, как показало самое поверхностное испытание. Говорит, что после крещения к мужу не вернется, а уедет в Владивосток. Привел ее ко мне механик зимующего теперь в Иокохаме русского парохода «Котик» Николай Михайлович Меринов. Он же взялся научить ее православной вере, ибо она не может, по недостаточности средств, жить в Токио, а в Иокохаме больше учить некому. Я снабдил их катихизисами – малым и большим, Догматикой, Священной Историей, Новым Заветом, молитвенником. По большим книгам он сам будет готовиться, а она с помощью его объяснений хоть бы малый катихизис усвоила. Человек он по виду внушающий доверие; живет на судне, а она в Иокохаме на горе. – Подозрительно желание креститься без знания веры и с желанием уйти от мужа, но и как отказать? «Грядущего ко мне не изжену вон» (Иоан. 6, 37).

14 / 26 декабря 1899. Вторник

На экзамене в Семинарии и Катихизаторской школе. Младший класс Семинарии состоит из таких подобранных учеников, что почти нет различия между ними по успехам – все одинаково хорошо отвечали.

Вернувшись в одиннадцать часов промерзший до мозга, встретил в коридоре о. Тита Комацу, который явился с своим проектом соединения катихизаторов для проповеди; там ныне у него катихизатор Фома Оно (в Мито), Петр Мисима (в Оота), Роман Фукуи (в Оцу) проповедуют коллективно – сначала в Мито, потом в Оота, потом в Оцу. Можно опасаться, что, прыгая так, они оставляют новопросвещенных без дальнейшего воспитания. О. Тит уверяет, что «нет». Ладно! Позволил ему, но на его просьбу дать катихизаторам по сему поводу на экстренные расходы, сказал, что церковных денег дать не могу, ибо не вижу еще, на пользу ли, а дам по две ены в месяц им лично от себя дорожных – и прочее, и прочее.

15 / 27 декабря 1899. Среда

В девять часов чтение списков в Женской школе.

В четыре часа смотрители: Семинарии – Иоанн Сенума и Катихизаторского училища – о. Федор Мидзуно – принесли на просмотр и утверждение составленные списки Семинарии и Катихизаторского училища.

Целый день перевод расписок для Отчета.

16 / 28 декабря 1899. Четверг

В девять часов чтение списков в Семинарии и Катихизаторской школе. Из последней двое исключены за болезнь и совершенную неспособностью учиться; один из них – Секигуци, сын благочестивого

врача в Татебаяси; отец, как видно, ни к чему не мог приспособить его — так «в Катихизаторскую школу, авось годен будет на службу Церкви!». И хотелось бы воспитать его, да что ж, коли сын не поддается тому!

Был Петр Оокава, из Нигахама в Идзу, когда-то учившийся в Катихизаторской школе, а теперь совсем забросивший свое христианское чувство, не исповедующийся, не молящийся, не воспитывающий своих детей в христианском учении, хотя и крестивший их. Долго убеждал его воспринять духом; говорит он, что «не забыл бога, только нет у него чувства веры и не может возбудить его». Объяснил ему, что это от собственного нерадения и нежелания; Апостолы даже чувствовали у себя ослабление веры, но молили: «Умножи веру нашу», — мы тем паче можем ослабеть, но всегда около нас тот же Спаситель, та же благодать...

Просил он простить ему долг — тридцать ен, оставшихся за ним с тех пор, как он сестру свою воспитывал здесь, в Женской школе, и не доплатил за содержание ее. Я давно уже забыл этот долг, и потому охотно простил его. Обещал я принять его дочь в Женскую школу года через три — ныне ей восемь лет — и теперь же зачислить ее кандидаткой на принятие; за содержание ее он будет платить.

Ушел он смягченный, обещавший призвать катихизатора для научения детей и исповедаться.

Прощаясь, заметил он:

— Вот Вы теперь хорошо приняли меня и поговорили, а десять лет тому назад, когда я был у Вас, разом спросили: «По какому делу?»

— Должно быть, я был очень занят в то время.

— Конечно, так, но...

Но урок нашему брату — быть всегда ласковым в приеме христиан. Все они — новые христиане, не окрепшие в вере, и от личности миссионера очень много зависящие. Для старого христианина совершенно безразлично в его отношениях к Богу — ласков с ним священник или неприветлив — он только нехорошо подумает о священнике, если этот дурно примет его, а в вере и чувствах к Богу не изменится. Не то с новыми — священник может приблизить их к Богу, или отстранить от него именно личным отношением к ним. Где врач Танесима и его дети? Я не вижу их в Церкви после того, как забыл выразить им соболезнование по случаю пожара, вопреки японскому этикету. Где переплетчик Окагами? Я не вижу его в Церкви с тех пор, как переставал отдавать ему книги в переплет. Много и других примеров, которые я знаю; но, конечно, еще более тех, которых совсем не знаю, но где еле зарождавшееся религиозное чувство повредил, остановил его в росте или совсем убил своим дурным или бестактным обращением.

17 / 29 декабря 1899. Пятница

Утром рассердили ученики Катихизаторской школы: трое с стариком Кобаяси во главе пришли просить, чтобы исключенному вчера из

школы Фоме Ватанабе позволено было опять явиться в школу после того, как дней через тридцать-сорок он поправится дома. А он вот уж полтора года здесь и только болеет. До каникул, по свидетельству врача о его совершенной неспособности учиться за болезнью, он отправлен был домой с крепким наказом не возвращаться в школу, но, несмотря на это, в сентябре он опять явился, и вот до сих пор школа для него снова была больницей. Приговором всех учителей он навсегда исключен — и являются просить, чтобы опять этот гниляк был здесь! Дома он еще может быть приспособен к чему-нибудь: или в огороде рыться, или в лавке сидеть, или еще к какой работе; а здесь только навькнет к лени и гниет душой вместе с телом. И неспособны понять все это, просят продолжать этот процесс растления! — Я горячо выбранил их за это.

Целый день расчеты за месяц, а с иными (как литограф нот) за год.

Перед вечером приезжал проститься уезжающий послезавтра в Россию первый секретарь Станислав Альфонсович Поклевский-Козелл; как католик стеснился пожертвовать на дело распространения православной веры здесь, а пожертвовал на миссийскую библиотеку пятьсот ен. Спаси его Господи за это!

С восьми часов всенощная, за которой были все учащиеся как говельщики. Пели ученицы на клиросе — их очередь была.

Во время всенощной приехал проститься полковник Глеб Михайлович Ванновский, завтра уезжающий в Россию. После всенощной, которую, сколько застал, стоял в Соборе, он попросил отслужить для него напутственный молебен; так как в это время читали для причастников Правило, то мы пошли в Крестовую Церковь, где я, облачившись в мантию, отслужил молебен; пели мы вдвоем с Дмитрием Константиновичем Львовским.

18 / 30 декабря 1899. Суббота

В семь часов зазвонили к обедне; когда учащиеся собрались, о. Феодор Мидзуно прочитал утренние молитвы и Правило ко причащению; в сорок минут восьмого начались Часы и потом Литургия. Служил о. Роман Циба с диаконом Яковом Мацуда. Пели ученицы на клиросе. Вместо причастна пели ирмосы; певчие прежде всех причастились и потом пели ирмосы, пока все причащались. Были причастники и из города. К три четверти десятого Литургия окончилась.

Перед всенощной был один христианин родом из Янайбара, но живущий ныне в деревне в пяти ри от Оказаки механиком у винодела; видно, что усердный христианин: заплакал, жалуясь на свое христианское одиночество там среди язычников, а катихизатора там поселить не может — всего тридцать домов в деревне; советовал ему, по возможности, бывать на богослужениях в Оказаки, особенно когда бывает там

о. Матфей Кагета, чтобы исповедаться и приобщаться Святых Тайн у него; дал ему много христианских брошюр.

19 / 31 декабря 1899. Воскресенье

За Литургией человек тридцать причастников было из города; зато, кроме них, из города, кажется, никого не было; без учащихся Церковь совсем была бы пустая; язычников тоже почти никого.

Из Церкви зашел ко мне один христианин из Камаиси, привезший сюда больного чахоткой племянника и положивший его в соседнем с Миссией госпитале доктора Сасаки, где пока и сам живет. Жаловался, что катихизатор почти не посещает Камаиси, живя постоянно в Ооцуцу, а между тем и новые слушатели нашлись бы. Советовал ему подыскать трех-четырёх желающих слушать учение и требовать, чтобы катихизатор Каназава непременно поселился в Камаиси на то время, какое нужно, чтобы преподавать им учение по «Осиено канами», так как он назначен равно для Ооцуцу и Камаиси, а не для первого только. Если же у него будут новые слушатели на то время в Ооцуцу тоже, то чтобы писали сюда — быть может, отсюда можно будет прислать на время кого-либо для проповеди. Христианин этот, по имени Николай, по-видимому, очень усердный; он местный чиновник, еще совсем молодой.

За всенощной, перед завтрашним Новым Годом, тоже были только одни учащиеся; из города — никого, за исключением какого-то европейца с женой, которые простояли всю всенощную; видимо, протестанты — не крестились, но жена становилась на колена для молитвы. — Пели причетники, стоя на клиресе.

После всенощной о. Павел Сато исповедался у меня.

20 декабря 1899 / 1 января 1900. Понедельник

С восьми часов Литургия. Служил о. Павел Сато соборне с оо. Петром Кано и Феодором Мидзуно. Молебен служили мы соборне все вместе, с оо. Романом Циба и Симеоном Юкава в том числе. Обе ектении говорил диакон Яков Мацуца, и выходило гораздо слышнее, чем у Кугимия. В Церкви, кроме учащихся, было больше язычников, чем христиан. Поздравители обычные: учителя, катихизаторы и прочие; певчие пропели «Икутосимо», после чего получили обычное на «кваси». Из города поздравителей было мало. Я в город никуда не выходил, потому что вчера вечером Давид Фудзисава надписал множество конвертов — ко всем, к кому мне следовало бы идти, и сегодня утром разослал с моими карточками. С двух часов пошел я заниматься делом по библиотеке и прозанимался до девяти часов вечера.

21 декабря 1899 / 2 января 1900. Вторник

До двух часов с утра работал в библиотеке — приводил в порядок для переплета накопившиеся русские духовные периодические издания. С двух поехал с новогодними визитами к бесерменам: у Reverend King с братиею его оставил карточку, у Bishop Awdry тоже — он уехал в горы для отдыха, встретила оставленная домоседкой пожилая Miss, сказавшая, что в прошлом году была у нас на Рождественской всеобщей, желающая и ныне побывать; на Цукидзи — у Bishop MacKim оставил карточку, у Reverend Gardiner был приглашен на имеющее завтра и послезавтра быть собрание ихних миссионеров, то есть, кажется, всех протестантских, для рассуждения о том, что делать по поводу запрещения правительством религиозного научения в школах, хотящих быть наравне с правительственными. Предмет этот для них до того важен, что на этот митинг съезжаются миссионеры из всех концов Японии; в то время, когда я сидел у Gardiner'a, например, прибыл из Мориока Mr Miller, их миссионер там. На их приглашение участвовать я сказал, что, быть может, послезавтра приеду. Интересно послушать их рассуждения. Но до нас они не касаются: у нас Духовная Семинария, прямо и положительно имеющая целью духовное научение — от каковой цели мы отступить не можем, даже и рассуждать о том не можем. Берут иных воспитанников в военную службу — что ж делать! Но большею частию и снисхождение оказывают, узнавши, что из духовной школы, — не берут. А отслужившие три года в военной иные возвращаются к нам — служить тому, для чего здесь воспитывались.

Bishop'a Шершевского нашел за еврейской Библией и разными китайскими текстами, развернутыми перед ним. Перевод Ветхого Завета надеется он напечатать в нынешнем, 1900, году, или же, если не успеет, непременно в 1901 году. Замечательно, что и он страдает тою же болезнью, от которой мучимся мы с Накаем; не может успокоиться при переводе христианских терминов на китайский — находит их не выражающими христианского смысла. Например, термин для «греха» — «цуми» ([?] зай) совсем не то, что мы разумеем. «Цуми-зай» значит «преступление», за которое следует посадить в тюрьму; оттого-то китаец, да и японец, не может понять, за что миссионер его укоряет, когда он не учинил ничего такого, за что бы мог опасаться тюремного заключения; как далеко от этого грубого понимания христианское понятие душевной порчи и растленного состояния! «Син» [?] для «веры», «сёоги», [?] для «оправдания», [?] «син-ри» для «истины», «[?] син» для «духа» (в «блаженные нищие духом») — все это находит недостаточным для выражения глубины христианского смысла, но «нет средств выразиться лучше!» — Бедный, говорит ныне уже не так вразумительно, как в прошлом году.

Вернувшись домой, до одиннадцатого часа занимался тоже в библиотеке.

22 декабря 1899 / 3 января 1900. Среда

Целый день занимался приведением русских духовных журналов в порядок для отдачи в переплет. С 1892 года сего не делал — журналов накопилась бездна; нужно приложения отделять и им вести особый порядок, и так далее. Жаль, что немало пробелов будет: иные журналы или не доходят по почте, или затериваются в чтении.

23 декабря 1899 / 4 января 1900. Четверг

С утра до вечера занимался тем же, чем вчера, и едва кончил. От четырехдневной работы в холодной комнате (бывшей редакции «Синкай») пальцы потрескались, так что ровно десять пластырей пришлось наложить на сочащиеся кровью ранки. Очень неудобно будет служить в праздник.

С новогодним визитом был, между прочим, Reverend King, епископал, с двумя приятелями из Канады, из которых один имеет странное лицо: когда молчит или улыбается, кажется очень пожилым, заговорит — совсем молодой человек. Спросил у King'a насчет происходящего ныне протестантского митинга по поводу школьного вопроса. Оказывается, что Английская Епископальная Миссия совсем не участвует в этом движении и не желает делать Правительству никаких возражений или затруднений по поводу запрещения религиозного научения в школах (желающих пользоваться правительственными привилегиями). Осторожная политика, метящая далеко!..

С шести часов — всенощная; служил о. Павел Сато; пели оба хора.

Во время работы сегодня подали карточку одной епископальной миссионерки, Miss Palmer, с надписью: «Would you very kindly tell me the hours of the Xmas services?». Вышел к ней на крыльцо и сказал.

— Могу я быть у службы? — спрашивает.

— Без всякого сомнения! Мы будем очень рады Вашему участию с нами в молитве.

— А не могу ли приобщиться у вас на Литургии?

— К сожалению, должен ответить отрицательно. Пусть прежде Лондон и Петербург совместно решат этот вопрос в желательном для Вас смысле.

Бойкая Miss еще пощebetала похвалы нашему Собору и сожаления, что у них нет такого, взяла свой бицикл и отбыла.

Погода все эти дни стоит светлая, но холодная.

24 декабря 1899 / 5 января 1900. Пятница

С восьми часов — Часы Царские и Литургия Василия Великого, кончилось в одиннадцать часов.

После полудня чтение церковных писем. Матвей Юкава очень хвалит благочестие Афонасия Абе и его жены Иоанны, дочери секретаря Нумабе: богомольны, строго соблюдают праздники, приходя издалека на общественную молитву в Накацу. Просит послать им иконы Спасителя и Богоматери в киотах для дома; у них небольшая икона. — Яков Ивата очень дурно пишет про своего священника о. Матфея Кагета — «не умеет управлять Церковью, гневлив, дурно говорит проповеди» и прочее. Все это неправда; но о. Матфей таким уродился — не красноречивым, сердито говорящим правду и прочим. И все это не помешало о. Матфею быть одним из первых по времени христиан, сидеть в тюрьме за христианство, быть избранным во священники и служить священником вот уж двадцать два года. А Яков Ивата кто? Лентяй и болтун; только и знает, что длинные письма писать, или бессодержательные, или вот с подобной начинкой; по проповеди же — никаких заслуг.

Во время чтения писем — гром экипажа, и подали карточку «Александр Иванович Павлов, камер-юнкер двора Его императорского Величества, поверенный в делах и генеральный консул в Корее». Оказывается, что он мой старый знакомый: больше десяти лет тому назад с посланником Давыдовым был у меня — тогда он был морским офицером. Вопреки всяким опасениям о нем, он очень мирно настроен по отношению к Японии, но корейское Правительство крайне не уважает — говорит, что ни одного порядочного человека в нем нет — все продажный и своекорыстный народ. Особенно дурно он отзывался об американских миссионерах в Корее — это какие-то низкопробные авантюристы там, а не веропроповедники, только и занимаются политическими дразгами и интригами, и до того пошлый народ, что Павлов не принимает их у себя.

С шести часов всенощная. Освещение было великолепно; пели превосходно; молитвенному настроению ничто не мешало, только грустно было, что мало христиан в Церкви; кажется, иностранцев было не меньше, чем наших христиан.

*25 декабря 1899 / 6 января 1900. Суббота.
Праздник Рождества Христова*

С девяти часов Литургия. В первый раз пошел в Собор с алмазным крестом на клобуке. Служили со мною пять японских иереев. К половине службы набралось много христиан; немало было также иностранцев — должно быть, все миссионеры и миссионерки; из последних некоторые всегда преусердно кланялись на все мои благословения. Много было и причастников, взрослых и детей. Вышедши из Церкви, нашел у себя еврейку, желающую креститься, и механика, ее руководила; они тоже были в Церкви, но под крест не подходили; оставил их пить чай вместе с профессорами Семинарии, говорящими по-русски. Певчие пропели

обычное Христославление с о. Павлом Сато во главе, и прочее все, как обычно.

В два часа отправился в Посольство с поздравлением, после чего у себя принял поздравлявших посланника Розена с женой и князя Лобанова с княгиней; последние вместе с тем и прощались — 13 числа уезжают в Россию; кажется, совсем отсюда, так как князь уже десять лет консульствовал в Иокохаме.

Потом отправился к о. Сергию Глебову, на Кудан-зака, и поздравить с праздником, и попросить, чтобы познакомился с еврейкой и занялся приготовлением ее к крещению.

С шести часов всенощная; служил о. Петр Кано; пели оба хора; из города христиан почти никого.

26 декабря 1899 / 7 января 1900. Воскресенье

Ночью выпал глубокий снег, оттого, должно быть, христиан в Церкви было весьма мало. Между ними был некто Михаил, христианин из Владивостока, несколько месяцев тому назад принявший крещение там, наученный Сергием Сёодзи, по профессии небольшой (как сам говорит) торговец, двенадцать лет живущий во Владивостоке и опять туда возвращающийся. По его словам, во Владивостоке, кроме Сёодзи и его японских христиан, никого нет.

В два часа прибыли поздравители из Коодзимацзи: о. Алексей Савабе с катихизаторами, певчими, Воскресной школой и многими христианами — и было обычное Христославление, и за ним угощение. О. Павел Савабе, по причине холода и дурной дороги, не пришел; Воскресная школа была тоже в неполном составе. Пропели певчие в четыре голоса, школа в один — стройно.

Чтение церковных писем. С шести часов всенощная.

27 декабря 1899 / 8 января 1900. Понедельник

С восьми часов Литургия, отслуженная о. Петром Кано при пении обоих хоров. После нее поздравительницы — матери с детьми служащих Церкви. Затем я уехал в Иокохаму, по делам в банки и для поздравления князя Лобанова, которого дома не застал, и Кира Алексеевича Алексева, чиновника нашего Министерства финансов, агента по своей части здесь.

28 декабря 1899 / 9 января 1900. Вторник

Оказывается, что вчера, расхаживая целый час на сквозном ветру в вокзале, простудился. Целый день лежал больной. Вперед урок — не ошибаться, когда нужно поспеть к поезду.

29 декабря 1899 / 10 января 1900. Среда

Целый день в постели — и весьма жаль: утром был секретарь Общества членов Верхней Палаты спросить, какого я мнения касательно вероисповедного билля (сюкёо-хооан). Из-под одеяла я ответил чрез Давида Фудзисава «согласен с ним (сансей)». Давид сказал потом, что этого только и нужно было ему — ну и ладно! Потом еще пришли сказать, что умер дворник Семинарии — престарелый, семидесятидевятiletний Аризакэ. Царство Небесное! Пусть будут похороны на счет Миссии, который лет пятнадцать служил.

30 декабря 1899 / 11 января 1900. Четверг

Пришлось позвать врача, чтобы смог поскорей освободиться от хворобы — сейчас же постукиваньё, прижиманьё, пульверизатор, снадобьё разное, но вследствие всего этого и значительное облегчение к вечеру, и ночь проспал спокойно.

Кир Алексеевич Алексеев, финансовый агент, приезжал проститься, он тоже отправляется домой и на том судне уходит, на котором князь Лобанов с семьёй, — послезавтра.

31 декабря 1899 / 12 января 1900. Пятница

Давид Фудзисава утром пришел с письмом от катихизатора в Ямада: извещает, что был большой пожар там, и христианских домов сгорело девятнадцать. Выдал тридцать восемь ен послать сейчас же, по две ены на дом, и велел отдать письмо в Церковный Вестник с воззванием; быть может, и христиане несколько пожертвуют.

Иван Акимович Сенума приходил сказать, между прочим, что ученика четвертого класса Конона Ока берут из Семинарии — «он-де должен жениться, и невеста ему приготовлена, и работать по дому». А при прошении о принятии в Семинарию было обычное обещание на бумаге, за печатоприкладством, что отдается вполне на воспитание и служение Церкви. Так-то бессовестно обманывают Церковь, и, точно черви, точат ее крохи! «Воспитывают-де хорошо, и нравственность берегут, и ум развивают, — отчего не воспользоваться? А там ищи с нашего брата, коль придет время надуть! Что поделаешь? Правительству не пожалуешься на протори, — школа частная. Больше нигде и суда нет!» И так как более сильных берут в солдаты, наиболее надежных обращают домой с наглостью (при podobных случаях даже и «спасибо» никогда не скажут), остаются почти все только слабые и бездарные — вот и гадай о будущем преуспении Церкви! Впрочем, не по нашей вине все это; мы переменить обстоятельств не можем. Итак, да будет воля Божия!

Голова и горло еще болят, но до того надоело четыре дня благодаря этой глупой болезни сидеть в комнате, что я вопреки предостережению доктора отправился ко всенощной; не участвовал в служении, но к завтрашней Литургии готовился; если горлу не будет хуже, то стану служить. Слишком обидно было бы в два большие церковные праздника и в наш Новый Год не помолиться пред Престолом Божиим.

Серо, буднично, как-то совсем не радостно наступает новый год, да еще завершающий собою девятнадцатое столетие!

Вероятно, принесет обычную сутолоку — вечное корпение над переводом, вечную жажду чего-нибудь доброго по Церкви, вечное томление, что нет ничего такого — все и всегда так вяло; служащие — не усердны (и сам же первый, по всему этому), язычники к проповеди глухи.— Впрочем, то же, что выше: переделать все это так, как мы желали бы, не по нашим силам. Итак, да будет воля Божия!.. Бодро вперед!

1900 год

1 / 13 января 1900. Суббота

С помощью Божиею участвовал в соборном совершении Литургии, но иногда голос изменял в возгласах, следствием чего было разнение певчих; так «призри с небес, Боже», вопреки собственному желанию, вдруг сказал таким низким и слабым голосом, что певчие стали в тулик, не зная, как петь «Святой Боже», и провезли что-то такое неудобопонятное и безобразное, что Собор никогда доселе такой какофонии не слышал; произошло это и потому, что регента Обара, за болезнь, не было. Вернувшись после службы в теплую комнату, к поздравителям не выходил, а оные пили чай в бывшей «Синкайкёку».

Часа в два пришел с поздравлением о. Сергей Глебов и рассказал, что был в Иокочаме у еврейки, желающей креститься; по его соображениям, вера у нее совсем в стороне; главное же — хочет уйти от мужа; с Мериновой она, кажется, в очень интимных отношениях; живут вместе, хотя Меринов говорил мне, что живет на своем пароходе; вообще, речи у них во многом другие о. Сергию, чем мне. Я поручил о. Сергию это дело, и он охотно взял его.

Потом пришел с визитом студент Спальвин, с которым об японском языке проговорили часа два.

В шестом часу были: американский епископ McKim, Bishop Elect of Kyoto Partridge и еще один Reverend. Партридж был двенадцать лет

миссионером в Китае; по физиономии очень симпатичный. Скоро будет рукоположение его здесь, в Токио; соберутся для сего восемь англо-американских епископов. McKim приглашал меня посмотреть. Разумеется, очень интересно будет.

Ко всеобщей не пошел, так как простуда усилилась – принял усиленные меры к лечению ее.

2 / 14 января 1900. Воскресенье

К Обедне не ходил; целый день сидел в теплой комнате и лечил горло. – Просмотрел много накопившихся пакетиков с газетными вырезками; между прочим, в двух вырезках нашел длиннейшее описание гонения на китайцев во Владивостоке – результат будто бы русской жестокости и бессердечия; это – про недавнюю поверку паспортов у китайцев там и высылку беспаспортных и безхозяйных на родину; везде бы это дело – обычное, о котором и говорить нечего, а у русских – гонение и варварство! Прочие вырезки больше про религиозный билль – толки о нем газет и разных религиозных общин. В трех-четырех клочках прочитал, что я «отправляюсь в Йокохаму» – это про ту несчастную поездку, вследствие которой вот шесть дней ныне сижу взаперти и ничего путного не могу делать! А ведь сколько дел собирался обломать в эти дни! Расписки служащих Церкви перевести, все счета свести, донесение написать... Вот так всегда! Коли засучил наперед рукава, знай, что дело на ту пору повернется в сторону. Ладно, поймаем! Шесть дней не Бог весть какая потеря.

3 / 15 января 1900. Понедельник

Начались обычные занятия: школы у учащихся, проверка перевода с первой главы Марка у нас с Накаем.

С часу было отпевание Марии Уцимура, богатой христианки из прихода Коодзимацци. Сын ее – Петр, начальник полиции в Ямагата, пришел на погребение и настоял, чтобы она была погребена по-христиански, тогда как все родные-язычники настаивали на буддийском погребении. Тележек тридцать было с родными в полицейских и разных других мундирах. Отпевание совершили три священника с хором певчих человек двадцать, и на могилу сопровождали в облачениях и с пением.

4 / 16 января 1900. Вторник

Утром – перевод Нового Завета, вечером – перевод расписок, так как Накаи отозван был к о. Сергию Глебову на обед; целый день – страдание головою болью и горлом.

5 / 17 января 1900. Среда

Тоже страдание в усиленной форме, едва позволившее кончить переводный Новозаветный урок до полудня.

Был, между прочим, старик Давид Кимура из Оказаки; говорил, что все христиане там твердо содержат веру, но новых почти не является, что составляет предмет скорби для катихизатора Василия Таде и для всей тамошней Церкви.

С почтой сегодня получена бумага из Киевской Духовной Академии, что препровождается мне «Диплом на звание Почетного члена Киевской Духовной Академии». Но диплома не получено.

За всю ночь был и молитвы вычитал, дай Бог сил завтра служить Литургию и Водосвятие, но на литию и славословие выходить поостерегся; о. Петр Кано первенствовал, так как о. Павел Сато отозван в Иокохаму к больной.

**6 / 18 января 1900. Четверг.
Праздник Богоявления**

Обычное праздничное служение с водоосвящением, на которое у меня едва-едва хватило голоса, по болезни горла. Итак, Рождественские праздники закончились.

Приходящая и исходящая корреспонденция не стоит отметки. Все — «денег дай», или что-либо в этом роде. О. Василию Усуи дано тридцать ен жалованья — больше, чем другим священникам, — и все беспрерывно просит еще. Так как ему уже было отказано, то жена ныне просит; послал пять ен и отказ в дальнейшем; да написано к Михаилу Кометани, церковному старосте в Одавара, возобновить ежемесячный сбор на священника — пять ен, которые, однако, кажется, о. Василий получает.

7 / 19 января 1900. Пятница

18 / 30 января 1900. Вторник

Все время был болен. Мало и переводом занимался. По Церкви ничего особенного нет; обычные письма, с кое-какими малозначащими известиями. Сегодня японский гражданский праздник — ученья нет. У меня горло почти уже хорошо; впрочем, заниматься переводом надо еще подождать, чтобы дать горлу совсем окрепнуть. И буду же потом осторожен — ух! (Пока опять не сорвется!!!)

Сегодня мы с Моисеем Кавамура пересчитали и свесили старые японские монеты, идущие по 100, по 66 и по 50, смотря по величине их, на 10 сен — накопившиеся с 1892 года в Соборе от пожертвований язычников;

ежедневно приходящие в Собор язычники посмотреть его бросают эти «дзени» с хлопанием рук и молитвою не известному им, но истинному Богу; ежедневно эти пожертвования собирают и опускают в кружку, из которой ежемесячно высыпают и пересчитанные и нанизанные по десять сен на бечевку приносятся ко мне для хранения в железном ящике. Ящик оказался переполненным ими, и потому сегодня мы освободили его для дальнейших вкладов, переместив накопленное в Крещальню, в железный шкаф. Оказалось 64 ен 80 сен; по весу 44.965 монме, то есть, считая по 110 монме в русском фунте, 10 пудов 8,77 фунтов. Предполагается из этих монет, по дальнейшем накоплении их, отлить для Собора колокол, который бы возвещал японской столице хвалу неведомому Богу от ищущих Его язычников, имеющих, конечно, вскоре обрести Его... Это не все, что жертвуют приходящие в Собор язычники: наполовину из них бросают нынешние японские монеты — в сен, два сен, полсен, но сии тотчас же, по ежемесячном получении их, расходуются на нужды Церкви вместе с пожертвованиями сего рода от христиан, вметающих свои лепты в церковную кружку.

19 / 31 января 1900. Среда

Нет предела любезности епископалов, хоть она, по нынешнему моему болезненному состоянию, совсем некстати. Епископ McKim с кандидатом епископства сегодня были, чтобы сказать время, когда будет посвящение последнего (хотя я знал это время из газетного объявления на днях). McKim даже план своей Церкви принес и, развернувши, спрашивал, где я хочу сидеть? Очень хотелось ему, по-видимому, посадить меня на возвышении, в sanstuaгу, но я уклонился, указав перстом на первый ряд сидений для простых христиан.

— А, значит, с Американским Посольством, — заметил он.

— Это и ладно будет, — промолвил я.

— С Вами, вероятно, будет священник?

— Может быть, кто-либо из наших священников пойдет посмотреть, это их дело; при мне не будет никого.

Кандидат пригласил на «lunch» после службы — я отказался под предлогом болезни, которая и для них была очевидна, так как я был с повязанным горлом и хрипел. Но на посвящении во всяком случае обещал быть.

По случаю сего рукоположения во епископа, Reverend Isaak Dooman приглашает 2-го февраля нового стиля (день рукоположения) вечером на обед — «все тоокейские епископы-де будут», Reverend Lloyd 5 февраля на вечер — в восемь часов вечера — «to meet Bishop Partridge». Сим придется, конечно, отказать — вечером выехать на холод и сырость было бы возобновить болезнь.

20 января / 1 февраля 1900. Четверг

Интересное письмо от о. Сергия Судзуки из Оосака. Описывает причины, почему недавно два католические семейства присоединились к православию. Человек шестьдесят католиков возмутились против своих «симпу» за деспотизм их (ассей), за то, что симпу живут вместе с монахинями и не хотят слушать, что это неприлично, за то, что уж прямо начинают высказывать, что «вели Папа изменить Императору — изменить должно, недаром-де Папа носит трехъярусную корону, ясно показывающую, что и все Короли, и Императоры безусловно в его власти». Приведенные в отчаяние всем этим благочестивые католики не знали, что делать — «в католичестве оставаться нельзя, но куда обратиться?». И вдруг им припомнилось, как в одной католической книге говорится, что «хотя все духовные Православной Церкви несомненно пойдут в ад, но это еще не значит, чтобы и все простые верующие Православной Церкви навеки погибли». Ба! Выход найден! Сама Католическая Церковь указывает его! Взволнованные католики обратились к о. Сергию Судзуки научить их православию и принять в Церковь. О. Сергей сделал это, по крайней мере, для двух семейств. Что будет дальше, увидим.

21 января / 2 февраля 1900. Пятница

В двадцать минут десятого отправился на Цукидзи, в американскую Церковь, на посвящение Dr. Partridge'a в епископа, и вернулся в начале второго часа. Служба продолжалась почти три часа. Так как это было первое рукоположение во епископа в Японии, то епископалы постарались сделать это возможно торжественно. Семь епископов собрались для сего; три тоокейских: Mc'Kim, Awdry, Шершевский (параличный; его в облачении внесли и усадили в кресла близ престола), из Хокодате, Оосака, Киусиу и — из Шанхая — Graves. Прочего духовенства — англо-американского и японского, начиная с archdeacon'a Shaw, было больше сорока человек. Церковь была полна иностранцами и, по преимуществу, японцами; в числе последних, впрочем, большую часть составляли ученики и ученицы. Самая импозантная часть богослужения, по-моему, — вход под пение гимна самым черепашым шагом священнослужащих в Церковь; впереди несетя высоко водруженный крест, потом ряды облаченных в белые пелеринки — точно белые рубашки поверх платья, затем высоко поднятый епископский жезл, за ним епископы. Когда вошедшие расселись, началась служба. После которой пение, проповедь, сказанная Graves'ом и переведенная тут же, по кратким фразам, на японский одним японским священником. Проповедь началась с текста «Якоже посла мя Отец, и Аз посылаю вы» и продолжалась больше полу-часа. Внимательно я слушал и ждал, не будет ли чего похожего на то, что

епископу дается особенная благодать на совершение его служения — ни намека на это! Епископство, мол, древне, со времен Апостолов, оно важно, оно нужно и подобное; «труп, лишенный души — вся проповедь», — так и отпечатлелось в душе. Затем Партриджа возвели снизу, где он дотоле был, на возвышение — *sanctuary*; произнес он, поднявши руку, клятву на верность церковному учению; затем Mc'Kim предлагал ему вопросы, на которые он отвечал; затем облачили его по-епископски, возложили руки на главу его, после чего поставили его в ряд епископов.

Потом началась Литургия, за которой многие из облаченных в белые рубашки приобщились; Mc'Kim раздавал облатки, Awdry давал Чашу, причем оба они почти бегали с места на место к коленопреклоненным причастникам, подходившими одни за другими, по мере очищения места; Чашу каждый брал в руки от епископа и раз наклонял ее к устам, чтобы отпить. В продолжение всей этой церемонии в Церкви было молчание. Вообще все богослужение как-то вяло, без одушевления, хотя некоторые из японцев, облаченных в перелинки, повидимому, молились сосредоточенно. Что было спето — спето всеми; учащиеся поют все весьма твердо и бойко. Не понравилось мне — иногда уж слишком большая простота: епископ Mc'Kim, главный из священнослужущих, вдруг схватывается с своего места, бежит в диаконник; думаешь — что-нибудь важное, а он просто выносит книжку для Шершевского, которую забыли снабдить его прежде. Или: во время ординации читают поздравительный адрес новому епископу от японских христиан и потом торжественно водворяют его на престоле. Или: после ординации, пред Литургией, громогласное объявление по-японски, что вот теперь начнется Литургия (бан-сан) и будет приобщение некоторых — «все прочие, не участвующие в сем, сидите смирно».

Почти все богослужение было по-японски.

Видно, что епископалы употребляют все возможное, чтобы привести Японию к епископальству. И людей, и средств у них сколько — Боже! Что это сравнительно с нашей бедностью и одиночеством! Но пусть будет, что Господу угодно!

После скуки и утомления от длинного бесцветного богослужения опять добрая вещь — заключительное пение, под которое тем же невозобразимо медленным шагом в преднесении креста совершается удаление всех священнослужущих и белорубашников из Церкви, куда они уходят и где разоблачаются — Бог весть! Но я, когда последняя белая полоса скрылась, а песнь все еще продолжалась, поспешил по открывшемуся свободному ходу уйти из Церкви, но не успел достигнуть своей дзинрикия, как меня на дороге схватила Mrs Dooman, к которой и ее мужу я только что перед тем, утром, послал записку, что по болезни, мешающей мне вечером выходить на сырой воздух, не могу быть у них сегодня вечером.

— У нас будете? Все епископы будут.

– Простите ради Бога! Не могу. Благодарен вам очень, но вечером доктор запрещает выходить, – и указываю на горло, стараясь говорить как можно низкими нотами.

– Горло? – улыбнулась она и ушла. Спасибо, легко отделался.

22 января / 3 февраля 1900. Суббота

О. Симеон пишет, что катихизатор в Кёото Яков Адаци женится. Невеста – двадцатидевятилетняя язычница, имеющая пред свадьбой креститься, учительница там в школе; и просит для Адаци двухмесячное его жалованье в долг, – после-де помалу выплатит.

Сильно раздосадовало меня это письмо. Женская Духовная школа при Миссии – по преимуществу для воспитания будущих жен для служащих Церкви; у самого же Адаци тут воспитывается сестра. При школе ныне ровно двенадцать кончивших курс и состоящих учительницами собственно для того, чтобы не выпустить их в языческий мир, а дать возможность выйти за служащих Церкви. И ни священники, ни катихизаторы не хотят взять этого во внимание, сколько ни втолковываешь им! Даже у академиста Мии хоть бы капля внимательного отношения к делу Церкви! Точно деревянные все!

Послал, впрочем, десять ен на свадьбу Якову Адаци; но дать в долг двухмесячное отказался – этого доселе никто не просил, и пример полагать не надо.

Был Reverend Newell, из Ниигата, конгрегационалистский миссионер, живущий там уже двенадцать лет и имеющий шестьдесят христиан в Ниигата; у него также японские катихизаторы расставлены в Нагаока, Касивазаки и прочих, почему он знаком с нашими проповедниками в этих местах. Говорит, что интерес к христианству в Хокурокудо возрастает. Звал непременно остановиться у него, когда буду в Ниигата.

23 января / 4 февраля 1900. Воскресенье

Ни ко всеобщей вчера, ни к обедне сегодня идти не мог – горло все еще в плохом состоянии. Зато поработал сегодня порядочно по сведению счетов к отчету.

Из Церкви в Иваэдо прошение помочь им купить землю и дом на ней для Церкви; просят дать им разом квартирные катихизатора за пять лет, то есть сто двадцать ен; прочее они сами, сложившись, уплатят. Ладно! Только ответил, что пошлю сто двадцать ен не иначе, как если земля и дом будут куплены на имя местного священника, о. Иоанна Катакура, который при сем даст (в двух экземплярах – Миссии и местной Церкви) свидетельство, что покупка не его личная, а принадлежит Церкви. При прошении христиан приложено было и прошение о. Иоанна Катакура

исполнить их просьбу. Вероятно, дело состоится. А это хорошо; где христианами куплен или построен церковный дом, там не нужно Миссии расходовать на наем молитвенного дома и квартиры для катихизатора.

24 января / 5 февраля 1900. Понедельник

2 / 14 февраля 1900. Среда. Сретение

Все это время, чтобы дать горлу чрез неговорение оправиться, перевода не было. Но так как работать я мог, то воспользовался сим временем, чтобы написать отчеты и донесения в Святейший Синод и в Совет Миссионерского общества за 1899 год. Сегодня этот труд совсем кончен — пакеты приготовлены к отсылке на почту.

Особенно замечательного ничего в это время не случилось.

Умер Павел Кикучи, сендаец, когда-то учившийся у меня русскому языку в Хакодате, потом отдавший сына своего восемнадцатилетнего в Семинарию здесь, на Суругадае (к сожалению, сей юноша помер в то время, когда я был в России, в 1880 году), доктор-шарлатан, но человек действительности удивительной; непременно всегда что-нибудь предпринимал, и небезуспешно: изобрел какой-то состав глины для горна, в котором расплавляются металлы, — такой, что его горны были несгораемей английских; в последнее время эксплуатировавший Огасаварадзима производством сахарного тростника и умерший ныне первым богачом и плантатором сих островов. Но и человек нравственности ненадежной: хотел обмануть меня на двести ен в то время, когда я искал места для церковной покупки (1873 год). Ныне замыслил отправиться в Китай водворять там что-то очень полезное для Китая, как болтал в последнее свидание со мною, до крайности утомительное. Царство ему небесное!

С визитом был бишоп Шершевский. К сожалению, речь его совсем неудобопонятна, десятую часть разве можно понять, а рад был поговорить и все время щебетал, но о чем, Бог весть! Хотел спросить у него советов касательно перевода некоторых терминов, например, «беззаконие — фухоо», почему нигде в китайских переводах не значится так — «фухоо», а переводится какими-нибудь другими знаками? Много он говорил о сем — понял я только, что «фухоо» будет очень слабо: «lawlessness» — «это не выражает библейского понятия». Пожалуй, что правда.

Был также с визитом новопоставленный американский бишоп для Кёото Partridge (куропатка); привозил даже с собой из Китая выписанного к его посвящению, но опоздавшего китайского ихнего епископального священника. Бишоп был в фиолетовом платье с золотым крестом на шее. «Что сей крест значит?» — спросил я. — Презент ему китайских его христиан.

Что ж, ладно и в этом случае заявление почтения ко кресту вывешиванием его на шею.

Бишоп, здороваясь, тщился поцеловать мне руку, которую, однако, я отнял, чтобы не быть в обязанности поцеловать и его, чего он, вероятно, ожидал, но на что я не могу согласиться, не считая его законным епископом.

Потом он одушевленно и без перерыву щебетал минут двадцать о том, что он соединит «эти две великие Церкви — Китайскую и Японскую — воедино» (дай Бог нашему теляти волка поймать!), что для посвящения его нужны были три именно «американские» епископа, поэтому-то шанхайский был вызван сюда, что перемещения его в Японию в качестве епископа единодушно желали все епископы на митинге в Нью-Йорке (это на возражение мое, почему он, так отлично говоря по-китайски, оставил Китай? А он говорит, действительно, прекрасно, как видно было из его перевода священнику всей нашей речи).

Попросил он потом позволения осмотреть наш Собор. Я повел его и показал ему даже алтарь, где он преклонил колена пред престолом. Жизнерадостностию и одушевлением так и брызжет от него! Хотелось бы такого иметь православным помощником себе.

3 / 15 февраля 1900. Четверг

Вчера ночью, в двенадцатом часу, подали телеграмму от Полянского, консула в Кобе: «Игумен Вениамин уехал с поездом в десять вечера, придет в Токио завтра в шесть пополудни». Добро пожаловать! Последний неудачник, о. Сергей Страгородский, уехал в прошлом году на Сретенье; на Сретенье же в нынешнем является смена ему. Я так в душе и чаю. Не есть ли это исполнение чаяния добрый признак для нового миссионера? Дай-то Бог!

Часов в восемь вечера о. Вениамин прибыл в Миссию. Моисей Кавамура ездил встретить его на вокзале и привез.

4 / 16 февраля 1900. Пятница

Петр Танака и Павел Тода из Вада, близ Немуро, прислали жалобу на о. Игнатия Като, что он «не похоронил язычника», умершего в христианском доме Вада, — «есть-де и другие старики здесь в христианских домах, не желающие креститься, — умрут, с ними, пожалуй, о. Игнатий поступит так же! На это ропщу здесь». — Отвечено, что о. Игнатий поступил правильно: для язычников церковного отпевания нет, а пусть они озаботятся вперед не иметь язычников в христианских домах, пусть убеждают их сделаться христианами. — Жалуются еще они на о. Игнатия, что он совсем не бывает в Вада (хотя оно всего два ри от Немуро) и

не заботится о христианах здесь. Эта их жалоба правильна — так и отвечено на это, а о. Игнатию послан выговор за то и наказ бывать в Вада и заботиться о Церкви здесь.

Павел Ниицума (бывший иеромонах) зовет о. Феодора Мидзуно в свою деревню, — «есть-де приготовленные к крещению». Впервой от него такая речь после его расстрижения. Пусть о. Феодор побудет там и посмотрит, действительно ли он приготовил кого.

5 / 17 февраля 1900. Суббота

Жена катихизатора Авраама Яги шлет прошение, под которым, кроме нее, подписался и отец ее, просит развести ее с мужем — «больна-де, не могу исполнять супружеской обязанности». Отвечено: «По причине болезни развод возможен только тогда, когда болезнь есть не что иное, как уродство: неспособность быть женой и матерью физическая, точно исследованная и правильно засвидетельствованная компетентными врачами. Тогда эта сторона, увольняясь от супружества, лишается навсегда права вступить в новый брак, а противная сторона с разводом получает право на вступление в оный. Но ее дело совсем не такое; она просто больна какою-то женскою болезнию, временно лишаящую ее супружеского сожития. Пусть и не имеет оно пока выздоровеет; разводиться же нет причины — тем более, что муж ее, как по всему видно, очень любит ее и никак не желает разойтись с нею». Письмо жены Яги прислано в письме о. Бориса, который упоминает, что убеждал ее жить с мужем, но не слушается она, и просит о. Борис как-нибудь подействовать на нее в смысле примирения с мужем.

6 / 18 февраля 1900. Воскресенье

О. Вениамин в первый раз участвовал в служении Литургии.

С двух часов мы с ним поехали в Посольство — представить его посланнику, который, равно как и жена его, приняли нас весьма любезно. Зашедши потом к секретарю Андрееву и драгоману Вильму, мы отправились в Коодзимаци к о. Павлу Савабе. Старик дал очень дельные наставления о. Вениамину касательно постоянства и терпения: «Все миссионеры до сих пор только и делали, что приезжали и уезжали — не понравится что-нибудь здесь — и уезжают. Из этого мы видим, что русские миссионеры выдержки не имеют. И это очень нас печалит. Вот и сегодня, после богослужения, остались здесь некоторые христиане и рассуждали: „Приехал новый миссионер; каков бы он ни был, хоть бы и не совсем хорош, только пусть бы не уезжал. Епископ уже стар — недолго ему до смерти; что ж будет, коли после него не останется ни одного русского

руководителя Церкви? Не будет ли Церковь в опасности потерять православие?..“ Поэтому-то всех печалит, что миссионеры так непостоянны и нетерпеливы. Приедут они и хотят, чтобы все было по их вкусу, все нравилось бы им, ниотчего бы они не получали неприятных впечатлений — но где же это бывает? На каком поприще, на какой службе не бывает тяготы, огорчений, каких-либо неприятностей? А в нашем служении еще какое великое утешение; вот я огорчаюсь, что наша Церковь ныне не делает блестящих успехов; в будущем еще больше препятствий предвидится от нехороших отношений России и Японии в политике; но я твердо уверен, что только наша Православная Церковь содержит всю чистую истину Христову, истина же не может не восторжествовать — не ныне, так через пять, через десять поколений Православная Церковь в Японии процветет. И это меня радует и утешает, при всем моем недовольстве настоящим. Не можете ли и Вы подобным образом утешаться при неприятностях и огорчениях, которые непременно встретятся Вам здесь? Огорчения временны, мимолетны, а то, что утешает нас,— Церковь Христова — вечно». И так далее. Целая проповедь миссионеру от японца.

7 / 19 февраля 1900. Понедельник

Газеты извещают, что третьего дня, в субботу, Верхняя Палата Парламента представляла необыкновенно оживленную сцену. Зрительная галерея была битком набита бонзами. Маркиз Курода докладывал заключение специального Комитета о Религиозном билле. Комитет, хотя высказался в пользу сего билля, но внес многие поправки в него, например, «кёоси (религиозные учителя) должны быть только японцы; они не освобождаются от военной службы, им не запрещается говорить и о политических предметах, но только не должны быть они членами политических партий» и прочее. Лишь только Курода кончил доклад, как посыпались вопросы и понеслись речи. Финал был тот, что сто двадцать один голос высказались против второго чтения билля, за которое было только сто голосов. Итак, Религиозный билль провалился. Зрительная галерея торжествовала до того, что полицейские должны были вывести нескольких бонз, предававшихся слишком необузданному восторгу.

8 / 20 февраля 1900. Вторник

О. Павел Морита хвалится усердием к Церкви христиан в Масбаси: «Собрали и в банк положили сто двадцать три ены, церковных, предложенных на обеспечение содержания служащих Церкви». Ладно! Но скоро ли же они так дойдут до действительного, не воображаемого, содержания их Церкви?

9 / 21 февраля 1900. Среда

Поликарп Исии, катихизатор в Ицикисири и прочих в Хоккайдо, пишет сильно о том, что «Церкви необходимы воскресные школы, иначе де воспитываются дети христиан без знания своей веры». Сам он в своей Церкви завел воскресную школу и выписывает ныне для нее из Миссии книг на три ены. Совершенно прав он, и нужно еще настоятельно поставить священникам и катихизаторам в обязанность ведение везде воскресных школ, если нет более действительных способов к научению детей вере.

10 / 21 февраля 1900. Четверг

О. Николай Сакураи, между прочим, сетует на то, что принятие Правительством вероисповедания в свое ведение может иметь большие неудобства для нас. «В Тенрикё иногда в сахарных конфетах дается морфий, и правительственные чиновники следят за лекарствами, употребляемыми сей сектой, подвергая их химическому анализу. Пожалуй, так же станут химически исследовать вещества наших святых таинств», — боится о. Николай. Очень может быть, что языческие чиновники станут так же исследовать наши Святые Дары, как исследовали их протестанты, ища в них Христа, Который обретается в них, как мы твердо веруем и как они не веруют. Но что же из этого? Язычники ничего не найдут, за что бы упрекать нас... Но чтобы в самом деле не случилось профанации, которой опасается о. Николай, и не лучше ли, что Религиозный билль отвергнут? Пусть будет, как доселе. А доселе проповеди и Церкви ничто не мешало.

11 / 22 февраля 1900. Пятница

О. Симеон Мии писал на днях, что «Яков Адаци, катихизатор в Кёото, женится на какой-то там обращаемой в христианство и просил в долг ему двухмесячное жалованье на свадьбу». Послал я десять ен Адаци, в двухмесячном жалованье отказал и сделал выговор о. Симеону, что не внушает катихизатору жениться на выпускной из Миссийской Женской школы, которая для того и существует, чтобы воспитывать невест для служащих Церкви и в которой даже и Якова Адаци есть сестра. — Отвечает о. Семен, что «свободе выбора нельзя возбранять». Конечно, кто ж и спорит? Но только свободу-то можно и нужно поправлять ко благу самого же свободного. А не счастливы ли все катихизаторы, женившиеся на воспитанницах Миссийской школы?

12 / 24 февраля 1900. Суббота

О. Петр Сасагава спрашивает разрешения на перевод катихизатора в Каминояма и Ямагата, Якова Канеко, из его нынешнего местослужения

в другое, именно отделить ему часть прихода катихизатора Николая Оно. Причина перевода: на Канеко падает подозрение, что он соблудил с дочерью Павла Кобаяси, из Ямагата, ныне находящегося в Катихизаторской школе; Кобаяси уже требует от него обеспечения будущего ребенка. Но о. Петр на месте исследовал это дело и нашел, что на Канеко взнесен клевет (да и очень странно было бы иное — у Канеко есть жена); об этом он пишет ныне отцу обесчещенной, отнимая у него право искать на Канеко, а сего переводит. Ладно. Больше и нечего делать. Только заменить его в Каминояма и Ямагата некем.

Христиане из Иваядо просили выслать им разом пятилетнюю плату за квартиру катихизатора, то есть сто двадцать ен (по две ены в месяц); покупают они для Церкви землю с зданием на ней, в котором и жил катихизатор, и была комната для общей молитвы. Ответил я, что сделаю это, если покупка будет совершена на имя священника о. Катакура. Они ответили, что так и сделают. Запросил я о. Катакура: «Верно ли?» — «Верно», — отписал он. Потому сегодня сто двадцать ен посланы в Иваядо на дополнение суммы, пожертвованной им на покупку. Отныне, значит, квартирные в Иваядо навсегда отменяются.

13 / 25 февраля 1900. Воскресенье

О. Павел Сато на днях просил принять некоего Юуки; два раза был у него; собирается издавать ежедневную религиозную газету во благо японского народа, будто бы потерявшего ныне всякое понятие о добродетели и так далее. Юуки сегодня и был; прежде пришлось ему прождать приема больше часа, ибо он явился, лишь только я принял посланника, который долго заговорился, и Спальвина. Юуки оказался совсем не тем, какого я ожидал, на основании предыдущих опытов. Долго-долго он говорил о мотивах предприятия религиозной газеты; речь была складная; под нее я составил совет ему; лучше попросить у какой-нибудь ныне широко расходящейся светской газеты небольшое место для религиозных статей ежедневно, или через день, ибо религиозная газета не пойдет; может он, как человек состоятельный, сделать опыт, но чрез месяц-другой, вероятно, прекратит. Посоветовал еще ему позаботиться о распространении христианских брошюр (и дал ему несколько их) — «газета-де тотчас бросается по прочтении, брошюра хранится». Показалось мне в разговоре, что он порядочно знает христианство; стал я говорить о Боге — улыбается и кивает — «верно», говорит; о Троице — признает и ее, только пришлось мне несколько разъяснить ему сей догмат; о «грехопадении», об «Искупителе» — все знает, хотя несовершенно, и всему уже верует.

— Где же Вы научились? — спрашиваю.

Тогда он вынимает из платка Библию и говорит, что чрез чтение ее.

И начинает поведать свою душевную историю. Был он, и жена его также, верующим буддистом. Не найдши в буддизме «личного» Бога, он потерял веру в него и крайне обрадован был, обретши Бога Творца и Промыслителя в христианстве, которое узнал случайно, приобретши Библию. Стал он молиться христианскому Богу, и усердная молитва даже увенчалась чудом: жена его была больна до того, что не могла вставать, он горячо помолился о ее выздоровлении, и она разом стала здорова к изумлению всех. На свои молитвы он слышит иногда буквальные ответы от Святого Духа, шепченые ему в ухо: «Будет по твоей молитве» (при сих откровениях я стал пристально наблюдать за ним, не экстатик ли он, или эпилептик, но ничего особенного не показывал вид его, спокойно рассказывающего). Вычитавши у Евангелиста Марка, что «кто верует и крестится, спасен будет», он крестился. Но как? Жена облила его трижды водой, а он сделал ту же услугу ей.— Были они с женой раз в нашем Соборе, и очень полюбилась жене его Божия Матерь, так, что она не иначе зовет ее ныне, как и своею матерью... Просветившись всем этим, Юуки принял себе имя «Гидзин» (праведник), которое, действительно, и стоит вслед за его фамилией на его визитной карточке.

Таков самодельный христианин. Видно, что благодать Божия с ним и над ним, но недалек он от лесты бесовской. Можно верить, что Господь даровал по молитве его, но нашептывание в ухо и сознание праведности — очень опасные симптомы. Снабдил я его Догматикой, молитвенником, даже маленькими иконками, и советами быть на богослужениях в Соборе, приходить для научения вере, познакомиться его жене и взрослой племяннице с нашими учительницами Женской школы. Увидим, что Господь даст.

14 / 26 февраля 1900. Понедельник

О. Петр Сибаяма извещает, что оба его катихизаторы стараются усердно служить. Дай Бог! Оба они из изьянных. Симон Тоокайрин служит ныне частно; посылается отсюда содержание не прямо ему, а о. Петру для него. Ныне Симон там с женой; конечно, новой провинности не будет и, быть может, до Собора успеет оказать заслуги Церкви, чтобы иметь право опять попроситься в число катихизаторов. Другой, П. Тарасима, — болезненный и, кажется, от невоздержания, как о. Сибаяма пишет; ныне он бережет свой желудок и здоров.

Илья Яци пишет из Исиномаки, что Ольга Мано очень обрадована тем, что пришел из России ковчег на престол для Церкви в Исиномаки, заказанный ею прошлым летом чрез о. Иова, и просит сделать здесь футляр для него; это ее пожертвование в память умершего ее сына Николая.

15 / 27 февраля 1900. Вторник

О. Матфей Кагета пишет, между прочим, что он получил от Якова Хиби из Удзуми три ены для пересылки в Миссию на построение храма, который кончен постройкой уже десять лет тому назад. Яков Хиби обещал пожертвовать на сие дело пять ен и до сих пор не был в состоянии исполнить это. Ныне он продал свою землю, расплатился в разными своими долгами, и вот три ены — и на постройку храма, остальные две ены выплатит после и, вероятно, не обманет (только что он продаст ныне?). И трогательно, и отчасти комично, но несравненно более первое.

[Пропуск в оригинале]

Петр Ямада, катихизатор в Мияко, пишет, что дом хочет купить для Церкви, но что для этого нужно войти в долг, до выплаты которого просит оставить его в Мияко. Запрошены от него более подробные сведения. Во всяком случае, надолго его оставить в таком малом месте, как Мияко, нельзя — это один из лучших молодых катихизаторов.

От о. Иоанна Катакура пришла купчая, совершенная на его имя, земли и дома для Церкви в Иваядо; также его свидетельство, что покупка эта — церковная, не его личная, и что он во всякое время, по распоряжению Епископа, готов передать ее на другое имя. — Документы эти должны храниться здесь; о первом из них должно быть послано сведение в Иваядо, что и сделано.

19 февраля / 3 марта 1900. Суббота

Алексей Обара, регент, — единственный здесь человек, способный управить хором, пришел сказать сегодня, что к нему собирается из Сендае перебраться все его семейство: отец, мать, больной брат и младшая сестра, да здесь еще с ним живет другая сестра — всего шесть человек их набралось бы в теперешней его квартире (на нижней площадке Миссии), а там и двоим-то тесно. Прибавил я ему жалованья семь ен (от Церкви пять и от меня лично два) с тем, чтобы он удержал семейство в Сендае. Пусть отец его наймет квартиру, если уж собственный дом их так ветх, как говорит Обара; там, вероятно, и квартиры дешевле, чем в Токио.

Сегодняшним дообеденным занятием мы с Накаем закончили занятия до вечера воскресенья первой недели Великого Поста, так как на первой неделе будут ежедневно три церковные службы, и заниматься неудобно. Дошли до двадцатой главы Евангелия от Луки в последнем исправлении, при котором сличаются все тексты Евангелий между собою, чтобы об одном и том же были выражения одинаковы до точности.

Но, правду говоря, когда читаешь подряд Евангелия, как мы сегодня с Накаем, проверяя переписанное набело Евангелие от Марка, перевод крайне-крайне не нравится. Кажется мне — недостаточно мы с Накаем знаем японский язык, чтобы правильно и в то же время изящно везде выразиться. Но что же делать? Откуда взять живой изящный японский язык? Накай в иных случаях, точно деревянный, привяжется к какой-нибудь форме, которую за полгода прежде и знать не знал, и настаивает на ней с упорством осла; а мне как же объявить «veto»? Ведь я все же иностранец по отношению к японскому языку... Пусть уж идет, как идет; по крайней мере, правильность перевода будет по возможности соблюдена.

***20 февраля / 4 марта 1900.
Воскресенье пред Великим Постом***

После Обедни был у меня между другими гостями Юуки (бывший в прошлое воскресенье) с женой и племянницей. Оказывается, однако, что оба они — протестанты и приняли протестантское крещение, только «недовольны, мол, были им, и потому после крестили себя взаимно обливанием из ведра, так как протестантский бокуси лишь помазал их водой», по словам их. Жена его «видит иногда, во время молитвы, являющийся ей крест, или Божию Матерь», «лечит больных возложением рук»; муж ее поведает о ней. И болтает-болтает он так, что о. Павел Сато едва останавливает его, чтобы поправлять и разъяснять настоящую Христову истину. Я предоставил о. Павлу больше говорить с ним, так как сам должен был заняться и другими гостями; из сих был особенно любезен мне седой старец, Петр Юкава, отчим о. Симеона Юкава, из Уеномура, двадцать четыре года тому назад крещенный мною.— Сегодня Юуки показался мне не в таком выгодном свете, как прошлый раз. Едва ли из него выйдет хороший православный христианин, если он войдет в Церковь, узнавши православную истину. Едва ли, впрочем, и войдет он; прошел он чрез тощее протестантство, но заразился от него духом вольномыслия, и сочиняет ныне с своей женой что-то новое, свое, от которого едва ли излечится...

С половины шестого была вечерня, после которой обычное прощанье, по уставу, предваренное мною кратким поучением.

***21 февраля / 5 марта 1900. Понедельник
первой недели Великого Поста***

Обычные три богослужения: с шести — утренняя, с десяти — Часы, с половины шестого — Великое повечерие, продолжавшееся сегодня два с четвертью часа, после чего я сделал замечание Львовскому, чтобы певчие не растягивали очень.

Был американец Mr. Fisher, делегат Young Men's Christian Association, живущий здесь уже два года; просил статистических сведений о нашей Церкви в Токио для посылки в Нью-Йорк, каковыми и снабжен.

Зависть и обида берет при взгляде на таких людей, как этот господин Фишер. Молодой человек посвятил себя служению христианству и верен своей задаче. Приехал сюда одновременно с нашими оо. архимандритом Сергием и Андроником, был спутником их на пароходе до Иокохамы; где они? А он здесь; и таких молодых энтузиастов сотни рассеяны по всему земному шару от их Ассоциации; у русских же молодых людей, не Университета, а Духовных Академий даже, грезится ли что-либо подобное в их мечтах о службе? Увы, не видно и не слышно.

***22 февраля / 6 марта 1900. Вторник
первой недели Великого Поста***

О. Павел Савабе приходил просить о прибавке содержания диакону Стефану Кугимия; нечего делать, прибавил три ены,— будет получать отныне двадцать пять ен в месяц; сказал, что больше ни копейки не дам — пусть чрез священника о. Сато просит помощи у христиан, а для этого пусть делает и сам что-либо для христиан, пусть посещает их, ведет с ними благочестивые беседы, учит молитвам детей их и подобное. Ныне он раз в неделю отслужит всенощную и обедню и затем ровно ничего не делает для Церкви.— О. Савабе согласился с этим.

Был Петр Мацумото, по пути из Нагаока в Оосака, торгующий керосином, добываемым в Эциги; говорил, что Церковь в Нагаока поправляется — о. Андрей Метокси трудится; его бы устами мед пить!

***23 февраля / 7 марта 1900. Среда
первой недели Великого Поста***

Утром, когда встал далеко до заутрени, здоровье и расположение духа были особенно хороши. Подумалось: уж не готовится ли какая-нибудь пакость, потому что это уж верно: коли хорошо, приятно, то затем непременно сейчас последует скверно и весьма неприятно. Так и вышло. После заутрени приходит Надежда Такахаси и жалуется на регента левого клира Иннокентия Кису, что он притесняет поющих:

— Ныне без всякой причины выключил из хора Павлу Хирота, поющую уже лет десять,— та обижена и плачет.

Я позвал его:

— Зачем это?

— Разнит. Уха нет.

— Останови, или напавь, коли зарознит. Петь она умеет, и голос отличный.

— Я не совсем выключил ее из хора, только на время.

— Что ж, это — наказание? За что? Себя бы лучше наказал, потому что плохо правишь хором и не стараешься усовершениться. Не обижай Хирота. Пусть она поет.

— В таком случае я оставлю церковную службу.

— Ты не имеешь права это сделать, на тебя слишком много потрачено средств, — (он учился в Императорской Капелле в Санкт-Петербурге — к счастью, не на счет Церкви, а на мой личный счет; слух плох у него — ни разу еще не исправил зарознивший хор в Церкви, а так и оставляет тянуть врозь до конца песни; но навык к обучению певчих все же приобрел, потому и нежелательно утрачивать его).

— Я не хочу больше служить... — и ушел.

Должно быть, только ждал малейшего предлога, чтобы бросить службу Церкви. С таким ничего не поделаешь! Еще один из крупных надувателей, каковыми почти наполовину ныне являются воспитанные в России. Итак, не посылать же в Россию никого! Ни в каком случае и ни для какой церковной нужды! Едут ангелами, возвращаются полудемоны, из которых, при малейшем поводе, обращаются в настоящих демонов — врагов всего Христова, потому что, конечно, такие люди, как Кониси и К°, не упускают случая злоухолить все, чему обязаны были служить.

24 февраля / 8 марта 1900. Четверг
первой недели Великого Поста

Вчера отнес в канцелярию шесть ен — жалованье Кису до сегодняшнего числа, и сказал, чтобы вызвали его получить; если же захотел опять проситься на службу, то может поступить не иначе, как дав обещание не притеснять ни Хирота, ни других певчих. Секретарь Нумабе отправился к Кису, мать которого (жены его) очень огорчилась поступком сына. Не знаю, какие у них были разговоры, но Кису пришел в смущении просить, чтобы все было по-прежнему, что он хочет служить Церкви и так далее — притеснять Хирота не будет... Ладно, пусть служит.

О. Иов Мидзюяма пишет, что жена катихизатора в Исиномаки, Ильи Яци, ушла от него и ни под каким видом не хочет возвращаться к нему, если он останется катихизатором. «Пусть совсем бросит христианство, — говорит, — тогда согласна жить с ним». Вот так скандал! Хороший урок катихизаторам не жениться на первой подвернувшейся в местности, а брать из Миссийской Женской школы. Ответчено о. Иову, что всеми мерами жена Яци должна быть удержана за ним; пусть она поступит в Миссийскую женскую школу на год изучить веру; убедить ее к сему написано и о. Павлу Морига в Маебаси, откуда она родом и куда бежала к отцу, не желающему, однако, ее развода с Яци.

**25 февраля / 9 марта 1900. Пятница
первой недели Великого Поста**

Не то, так другое: Павла Хирота плачет-разливается, не хочет петь на левом клиросе у Кису; вместе с нею плачет и просит за нее старуха — учительница Ефимия Ито: «По крайней мере два раза в месяц Кису доводит до слез Павлу своими грубостями, — говорит (чего я и не знал), — позвольте ей перейти на правый клирос», — просит. Но у Павлы лучший альт на левом клиросе, без нее хору будет плохо; кроме того, отпустить ее на правый — за ней потянутся и другие, так что левый хор хоть уничтожай. Утешал я и уговаривал долго оставаться и петь по-прежнему на левом — «не будет-де Кису вводить ее в слезы». Молча согласилась. Поет она, стоя на том месте, на котором убился ее отец — плотник — во время постройки храма, упав, по неосторожности, при разборке лесов и от сотрясения спинного мозга умерши мгновенно, после чего она, совсем маленькою, принята была в школу.

Из Оосака о. Сергей Судзуки извещает, что опять из католиков трое приняты были в Церковь — за ними следуют и еще в ближайшем будущем. Католическая Церковь в Оосака, видимо, в беспорядке; японцев долго обманывать нельзя.

**26 февраля / 10 марта 1900. Суббота
первой недели Великого Поста**

В половине восьмого позвонили к Причастному Правилу, по прочтении которого, немного за восемь часов, был трезвон к началу Литургии. Приобщались все учащиеся; из города почти никого. Служили оо. Павел Сато, Роман Цива, Феодор Мидзуно. Я сказал поучение вместо Причастна.

О. Игнатий Като из Немуро прислал большое письмо с описанием, как он поступил по поводу смерти язычника в христианском семействе. Он встревожен был жалобой оттуда ко мне, что не похоронил сего язычника. Но частно, не в священническом облачении, он, тем не менее, молился за сего язычника на кладбище. Поступил он правильно, о чем уже было писано ему; ныне и еще напишется к успокоению его.

Посланы сегодня чрез посредство Евгения Генриховича Спальвина все книги Миссии, сто пятнадцать названий, в дар Восточному Институту в Владивостоке на имя директора его — Алексея Матвеевича Позднеева.

**27 февраля / 11 марта 1900. Воскресенье
первой недели Великого Поста**

За Обедней было причастников человек двадцать.

В Церкви были русские: Игнатий Иосифович Маковский, имеющий на Сахалине угольные копи, и Андрей Николаевич Кузнецов, служивший

у Филиппиуса и бывший здесь в Церкви в 1875 году на Пасху, когда в первый раз совершилось Пасхальное богослужение в Крестовой ныне Церкви. Маковский пожертвовал на сирот, кстати подвернувшихся у меня в комнате со своей газеткой, сто рублей и потом на Церковь сто рублей; Кузнецов дал на Церковь десять ен, сиротам — одну ену. Маковский, нужно заметить, — поляк и католик. Спасибо ему!

Вечером — обычное занятие с Накаем переводом Священного Писания.

28 февраля / 12 марта 1900. Понедельник

В час пополудни было отпевание Екатерины Имада, матери иподиакона Андрея Имада, одной из первых христианок в Сендае, замечательной тем, что она служила заключенным за христианство в тюрьму в Сендае в пятом году Мейдзи, снабжая их (вместе с женой Иоанна Вакуя) пищей и одеждой и утешая их. О. Павел Сато, по моему внушению, сказал на отпевании небольшую надгробную речь о сем. Отпевали со мной шесть японских священников с о. Павлом Савабе во главе. Вышел было и простоял несколько времени по левую руку от меня, насупротив о. Савабе, и о. Вениамин, новоприбывший миссионер, но под предлогом головной боли вернулся в алтарь, разоблачился и ушел из Церкви. Пред облачением в алтаре я ему сказал:

— О. Павел Савабе станет первым, Вы вторым — так было и при прежних миссионерах.

— Так не должно быть — это не по уставу, — ответил он.

Я пошел облачаться, он подходит и повторяет то же.

— Тем не менее станьте, как я сказал; так делали все до Вас, кроме архимандритов; о. Савабе очень уважаемый здесь.

О. Вениамин повиновался на несколько минут, но гордость его не выдержала долго, ушел, разумеется, к немалому соблазну японских священников, которые, смотря на его обиженную физиономию, не могли не догадаться, в чем дело. Такого феноменального самолюбия здесь между миссионерами еще не было. Становясь или садясь ниже о. Павла Савабе, никто до сих пор не высказал, да, вероятно, и в душе не имел, ничего против этого знака почтения к нему. О. же Вениамину особенно не к лицу было обижаться: он еще не родился, когда у о. Павла Савабе были заслуги пред Церковью, а в тот год, когда родился, о. Павел уже терпел гонение за христианство.

29 февраля / 13 марта 1900. Вторник

Илья Яци, катихизатор в Исиномаки, пишет, что жена его ни за что не хочет возвращаться к нему — нет надежды, чтобы поступила в Женскую школу для религиозного образования и что с нею нет другого

средства, кроме развода. На это отвечено ему, чтобы развод ни на волос не исходил от него — ни словом, ни делом. Пишет он еще, что кумушки там, в Исиномаки, стараются подыскать ему уже другую жену, но что-де он оную непременно наперед пошлет в Миссийскую Женскую школу. На это отвечено, что для таковой в Женской школе места не найдется (не для всякого чурбана она школа), но что есть не мало кончивших полный курс в ней — из них катихизаторы могут брать себе в жены.

Петр Суда, учитель Семинарии (из кончивших в прошлом году), приходил просить, чтобы послать его в Академию. Но я уже положил никого не посылать — доселешние опыты вразумили; кроме того, он человек слабый здоровьем, недалекий способностями. Жаль видеть слезы после отказа, но что же делать?

***1 / 14 марта 1900. Среда
второй недели Великого Поста***

Сегодня прибавляется еще день в разность счисления по Юлианскому и Григорианскому календарю, потому что февраль по нашему был високосный, по новому стилю — простой.

Побыл в Иокохаме, чтобы справить накопившиеся дела: побывать в двух банках, сделать визиты новым — консулу Феодору Ивановичу Васильеву и морскому агенту Александру Ивановичу Русину, и прочее.

Вечером был из Иокохамы некто Яковлев, рыбопромышленник из Камчатки, просить окрестить родившееся у него в Иокохаме дитя (он здесь временно с семейством). Отправляется завтра для сего: о. Вениамин, диакон Львовский и иподиакон Кавамура.

Лука Ясуми, катихизатор, пишет, что христиане в Окутама, Согей и Фудзисава собрали двадцать пять ен на гробный покров и стихарь, и просит за сии деньги выписать сии предметы. Придется мне приплатить за покров, а стихарь пошлем старый. Больше где же требовать от сих бедных мужичков!

2 / 15 марта 1900. Четверг

О. Павел Морита, из Маебаси, о жене Ильи Яци пишет: нет надежды, чтобы она пошла в Женскую школу для усовершенствования ее религиозного образования и чтобы вернулась к мужу: она нисколько не знает веры и решительно не любит Яци, и удивляться этому нельзя: Василий Усуи, будучи катихизатором в Ициносеки, где тогда была Софья, нынешняя жена Яци, сосватал ее за Яци, всего только одну неделю поговорил с ней о вере, а Яци она увидела только раз — и затем была крещена и перевенчана. Мужа она тотчас же невзлюбила, почему и ушла от него под предлогом изучения швейного искусства, потом ушла совсем и ни за

что не хочет возвращаться к нему. Дело нужно считать поконченным, и из него урок: таких легкомысленных крещений и браков вперед не допускать, почему письмо о. Морита оставлено для прочтения на Соборе в укор Василию Усуи, о. Иову Мидзуяма, крестившему и венчавшему, и самому Яци.

3 / 16 марта 1900. Пятница

Павел Степанович Попов, драгоман в Пекине, известный знаток китайского языка, хочет печатать здесь, а не в Пекине, третьим изданием свой Русско-Китайский словарь, почему чрез меня запросил сведений отсюда о стоимости и прочем. Сведения собрал чрез Матфея Уеда, и сегодня посланы ему.

О. Сергей Судзуки пишет из Осака, что еще из католиков присоединились — ныне уже тринадцать со времени Собора; просят и еще оттуда. Что ж, пусть; из полумрака в свет, — радостно им, приятно и нам. Только пусть присоединения будут непременно по чисто уважительным причинам и по тщательном ознакомлении с православием. О сем завет о. Сергию.

О. Петр Сибаяма пишет, что в Иокосука несколько протестантов просятся в православие, но что он поставил для них условием — основательное изучение православия прежде, чем приняты будут в Лоно Церкви. Это хорошо. Пусть только о. Петр будет верен своему правилу.

4 / 17 марта 1900. Суббота

Опасно захворал Петр Исикава, редактор «Сейкёо-Симпо», ныне трудящийся над составлением истории Японской Церкви — лучший из наших писателей. Незаменимая потеря будет, если не выздоровеет.

5 / 18 марта 1900. Воскресенье второй недели Великого Поста

О. Вениамин продолжает обнаруживать свои дурные стороны. Смотрю на Литургии — очень уж скоро он закрывает свой служебник; спрашиваю потом:

- Какой это служебник у Вас?
 - Иоанна Златоуста, — говорит и показывает.
 - Но ведь теперь, в посту, Литургии Василия Великого; Вы не по уставу поступаете.
 - Знаю, что не по уставу; но у меня нет служебника Литургии Василия Великого.
 - Отчего же Вы не спросите? Здесь сколько угодно служебников.
- Но увидел он старый, с разбитым переплетом, служебник.

— По этому служебнику невозможно служить,— говорит.

— Служебников здесь на двадцать священников хватит, только их нет здесь, потому что они не нужны; спросили бы, дан бы был новый служебник.

Надувшись, ушел. Вообще он, несмотря на мои ласковые слова всегда, когда приходится говорить с ним, дуется на меня — должно быть, за поставление его ниже Савабе на отпеванье. Жалуется на это, кому только может — слышал уж я, что «унижен он перед японскими священниками, что в России он не стал бы ниже никакого протоиерея» и прочее. Золотце приехало!

6 / 19 марта 1900. Понедельник

Утром во время занятий подали карточку «Доктор Ермолай Иосифович Канский. Санкт-Петербургский институт экспериментальной медицины». Двадцатидевятилетний очень живой и симпатичный врач, посланный из Петербурга в Порт-Артур и прилежащую нашу Манчжурию исследовать появившуюся моровую язву; приехал в октябре, ныне возвращается, не нашедши никакой моровой язвы там, и очень огорченный тем, что до сих пор нигде не встретился с сею язвою, хотя уже четыре раза был посылаем отыскивать и забирать в плен ее. С чемоданом явился, значит — нельзя было не приютить; дал ему комнату и попросил Ивана Акимовича Сенума показать ему город, познакомить с японским знаменитым бактериологом доктором Китасато и прочее — что все и исполнено.

Часа в два явился Bishop Awdry со своей супругой; с час просидели, рассказывая про свои миссионерские успехи. В Оосака пятьдесят полисменов сделали христианами, принимая от их миссионеров уроки английского языка и вероучения. Так как это оказалось блестящим успехом и в глазах японских властей, то ныне попросили Одрэ дать учителей английского языка и христианского вероучения для полисменов Токио; семьдесят оных ныне находятся в научении у людей Одрэ; двести обещаются ему в то же научение; ищется достаточное помещение для сего. Пять раз в неделю собираются полицейские на уроки Bishop'a Awdry; английский язык преподает им англичанин, христианское вероучение — японский пастор. Бишоп надеется, что все они будут христианами. В Нара тоже полицейские научены английскому языку и христианству. Awdry надеется, что во всех главных городах будет то же. В гимназии тоже просят у него учителей английского языка (и вероучения — всегда объявляют ему частно) из миссионеров, ибо учителя-де — не миссионеры — зазорную жизнь ведут. Mrs Awdry, в свою очередь, старается о водворении христианства между японскими дамами высшего круга. Она образовала общество из них и уже дала им две лекции — по чему бы? По

астрономии! И на сие хватает английской благочестивой леди! Надеется навести мысль своих слушательниц на христианскую идею о Страшном Суде, когда дойдет в дальнейших лекциях до звезд внезапно воспламеняющихся и угасающих. Придворные дамы, между прочим, очень заинтересованы ее лекциями и просят продолжения и расширения круга оных (это значит, что Императрица интересуется и одобряет).— Хотели полюбоваться видом Токио; я повел их на колокольню. Спустившись оттуда, бишоп и его супруга помолились в Соборе; последняя со слезами, что показало в ней действительно благочестивую леди.

Илья Яци опять пишет о своей жене и просит найти ее в Токио и поговорить с нею в смысле возвращения к нему. Я позвал диакона Стефана Кугимия и поручил ему сие дело; если кто, то он может убедить ее; он охая, но взялся — но едва ли будет успех.

7 / 20 марта 1900. Вторник

Стефан Кугимия был у отца и тетки жены Яци; позвана была туда и она; все, по словам его, приняли мягко и хорошо его увещание жене Яци поступить в Женскую школу для лучшего ознакомления с христианством, а потом вернуться к мужу; только просили десять дней отсрочки до поступления в школу — «нужно-де ей (Софье, жене Яци) кончить заказанные ей работы по шитью»; Кугимия предлагал кончить в школе,— времени-де будет достаточно для того; но они всячески отклонили это. Можно подозревать, что в эти десять дней будут стараться иначе пристроить Софью — и уже, если не найдут никаких средств к тому, то она поступит в школу; но и после того, будет ли прок из наших хлопот, сомнительно. Оказывается, что она знает веру достаточно для христианки.

Вечером сегодня из Одавара прибыл о. Василий Усуи рассказать о своем путешествии по Церквам. Я упрекнул его, что он так легко допустил невесту Яци к крещению, всего только неделю поговорив с ней о христианстве — из-за чего-де и вышла вся эта нынешняя передрыга с Яци и его женой. О. Василий с негодованием восстал против этой клеветы на него: учил он ее месяц, «ежедневно часа два толкуя ей о вере, так что она веру узнала не хуже мужчин, допускаемых к крещению» и прочее.

О. Василий дал интересный отчет о своем путешествии и о своей Церкви. Крещений пятнадцать или больше совершил, но почти все детей; не столько новорожденных, сколько давно родившихся и некрещеных. Отслужил четыре Литургии; в Касивакубо, Эма, Мисима, Катаока — местах, где доселе никогда не была служена Литургия; исповедал и приобщил почти всех местных христиан. Проповедь нигде не идет ни сколько, потому что, как на подбор, все катихизаторы его решительно не годны для проповеди: Иоанн Кобаяси, в Мисима, занимается торговлей;

Мефодий Цуция, в Эма, больной человек; Эраст Миясима, в Катаока, способен только молчанию (цинмоку) обучать: «хоть день просиди в Церкви, ни слова не скажет», говорят о нем христиане; Анатолий Озаки нигде не говорит о вере, в мирских же разговорах и болтовне не умолкает; Иоанн Мори мало знает учение. Впрочем, все катихизаторы и христиане принимали его ныне с почтением.

8 / 21 марта 1900. Среда

Вчера ночью, в одиннадцатом часу, пришел опять Василий Усуи с рассказом о своем свидании с женой Ильи Яци и ее отцом. От меня он прямо отправился отыскать их, поговорил с ними и принес приятное известие; Софья откровенно рассказала ему все про себя; сущность: она вовсе не перестала быть христианкой и не желает развестись с мужем, но ей совестно вернуться к нему, и потому она убежала сюда; а совестно потому, что она промотала платье, справленное им ей; промотала же на разные пустые расходы с товарками, когда была в швейной школе в Сендае, где (в школе) нравы весьма распущенные; но более тяжким грехом против своего мужа она не провинилась. Ныне предложению ей поступить на время в Женскую школу и оттуда вернуться к мужу она очень обрадовалась, и в школу непременно поступит.

Сегодня, в девятом часу утра, о. Василий привел ее ко мне; по виду совсем еще девчонка, хотя ей двадцать второй год, с цветущим стыдливым лицом и умным взглядом; она подтвердила то, что вчера рассказал мне о. Василий и благодарила за позволение поступить в школу. Я ей сделал, между прочим, внушение, чтобы она отнюдь не рассказывала в школе, что видела и слышала дурного в свете, а она, должно быть, наслушалась много грязного от товарок в швейной школе.

Сегодня японский гражданский праздник; в школах не учились; мы с Накаем не переводили днем, зато я написал письма, между прочим — архимандриту Хрисанфу, что ныне приехал в Сеул на службу там, в ответ на его письмо, на днях полученное.

9 / 22 марта 1900. Четверг

Иоанн Хитоми, катихизатор в Токусима, прислал тринадцать ен, собранные с христиан на фисгармонику для обучения церковному пению, и просил приложить столько же и купить им инструмент. Регент Алексей Обара сходил в магазин выбрать, и завтра будет отослан органистик в двадцать семь с половиной ен.

Из Оказаки Василий Таде пишет, что там в Пасхальную неделю будет собрание всех катихизаторов прихода о. Матфея Кагета; спрашивает,

не приеду ли я? Отвечено, что, если не случится особенных препятствий, непременно приеду на собрание в четверг на Святой.

10 / 23 марта 1900. Пятница

О. Петр Сасагава пишет, что Николай Ока, катихизатор в Дзёогецудзуми и прочих, опасно болен; началось с инфлюэнцы, дошло до поражения легких. Очень жаль будет, если не выдержит болезни: один из лучших катихизаторов, хотя в Семинарии был одним из самых плохих учеников.

О. Симеон Мии сетует на застой проповеди в своем приходе.

О. Матфей Кагета дает отчет о своем путешествии по Церквам; в Оказаки и Какеока совершил несколько крещений.

О. Тит Комацу очень хвалится успехами у катихизатора в Сиракава и окрестных местах, Иоанна Оно.

11 / 24 марта 1900. Суббота

Василий Накараи, катихизатор в Какута, прислал большую тетрадь — свое сочинение «Истина и Церковь» (Синри то Кёоквай) — для напечатания; насколько успел я просмотреть — компиляция из лекций по Догматике и Сравнительному Богословию. Спасибо и за это! По более внимательном рассмотрении, если по содержанию и языку стоит того, напечатать. Мало-помалу авторы в Церкви появляются, хоть очень незрелые еще.

12 / 25 марта 1900.

Крестопоклонное воскресенье

Более и более плохим оказывается мой любезный о. игумен Вениамин. За Литургией, стоя у престола, иногда кланяется не престолу, а на восток, даже и после совершения таинства. Во время проповеди, когда было несколько свободных минут, по прочтении благодарственных молитв, подозвал его к престолу и говорю:

— Стоя у святого престола, где невидимо восседает Сам Господь, обращайтесь поклоны к Нему, а не мимо Его.

На первое мгновение согласился, в следующее возражает:

— В России не так, здесь совсем другие обычаи... — и пошел было болтать; так как не время и не место было ни спорить с ним, ни слушать его, то я отошел от него, а он, видимо, надулся. Из этого, по-видимому, незначительного факта сквозит или совершенное невежество его относительно смысла богослужения и таинств, или полное пренебрежение к ним; о гордости, не терпящей вразумления, и говорить нечего.

О. Феодор Мидзуно вернулся из своего путешествия по своему приходу в Симооса; совершил более сорока крещений — детей и взрослых; исповедал и приобщил прежних христиан. Оказывается, что и плохие катихизаторы отлично трудятся, если есть ободряющее дело: Иоанн Катаока, которого я всегда укоряю в лени, приготовил более десяти человек к крещению, да и возвращаться в Токио к своему месту и семейству не хочет, потому что увлекся делом проповеди, дающей плоды; Павел Канасуги, на которого я уже положительно никакой надежды не имел, когда он был в школе, приготовил на этот раз к крещению двенадцать человек и пользуется там всеобщим уважением как проповедник.

Между крещенными о. Феодором еще в октябре прошедшего года был бонза, ныне Петр Осиды, тридцати одного года; терпит он там гонение от своих бывших языческих прихожан за измену буддизму, но твердо выдерживает его; живет в селении Миямото у христианина Павла Сайто, земледельца, который тоже терпит преследование от своих родных за принятие христианства. Осиды помогает ему по хозяйству и готовится к поступлению в будущем девятом месяце в Кахитизаторскую школу.

От Ильи Яци пришло длинейшее и ужасное письмо: называет свою жену «дьяволом» и вносит на нее множество преступлений, между прочим — прелюбодеяние, но тут же, чрез несколько строк, пишет, что она по природному уродству в женских частях неспособна быть женой и матерью (стало быть, и прелюбодейцей). Просит, вследствие всего написанного, расторгнуть его брак с ней. Так как письмо обнаруживает крайнее, какое-то неестественное раздражение, то я тотчас же послал ему успокоительный ответ, чтобы он предоставил все дело мне — что я поступлю в пределах церковных законов ко благу его — пусть он не беспокоится... Я боялся, чтобы он в том же духе не написал и своей жене, с которой, по-видимому, не разошелся еще до невозможности сойтись опять.— Увы, опасения мои оправдались! Он и ей с ее отцом, как оказалось сегодня же, адресовал послание, подобное полученному мной.— Так как, согласно ее обещанию, сегодня она должна была явиться в Женскую школу, но до вечера ее не было видно, то я послал диакона Кугимия узнать, почему? Отец ее объявил ему решительно, что никогда и ни за что она не поступит в школу и никакого дела не будет иметь с Яци — он оскорбил ее своим последним письмом, до того пасквильным, что совместная жизнь их отныне немыслима... Итак, что делать? Оставить дело так — погибнут двое: она падет в языческое море; отец язычник да еще из бонз (храма Цион в Токио), стало быть — не имеющий веры ни во что, в Церковь ее не пустит; Илья Яци, произвольно расторгнувший брак, должен быть исключен из катихизаторов да, почитай, что и из христиан.— Должно сделать все, что возможно, к спасению человеческих душ.— Сейчас же написано к о. Василию Усуи, чтобы он завтра явился сюда для успокоительных переговоров с женой Яци и ее отцом.

13 / 26 марта 1900. Понедельник

Фома Танака, катихизатор в Вакаяма, пишет, что так как дела ему там нет, за неимением постоянных слушателей, а в Оосака ныне много дела для проповедников, то считает он лучшим для пользы Церкви переселиться в Оосака для постоянной проповеди, в Вакаяма же приезжать по воскресеньям для молитвы с христианами. Послано его письмо к о. Сергию Судзуки в Оосака: если он, отправившись в Вакаяма, по совету на месте с Фомой Танака и с христианами, найдет, что предложение Фомы может быть исполнено без ущерба для Церкви в Вакаяма, то пусть исполнится; но пусть о. Сергей не упускает из внимания, что Церковь в Вакаяма — первая после Оосакской, и что она всячески должна быть охранена от упадка.

О. Василий Усуи прибыл, два раза говорил с женой Яци и ее отцом и ни на волос не добился смягчения их раздражения на Яци за его последнее письмо. Это письмо и предшествующее ему о. Василий принес сюда. Яци в последнем письме, действительно, смешивает свою жену с грязью, не имея на то твердых оснований. Кроме того, из сего письма оказывается, что он уж совершил развод с ней; она уже послала ему, согласно его требованию, свое письменное согласие на развод. Ныне он только подтверждает свой полный разлад с нею; поносит ее за согласие поступить в Женскую школу, и запрещает ей это, и прочее, и прочее.

14 / 27 марта 1900. Вторник

Рано утром о. Василий Усуи отправился восвояси, в Одавара; я же продиктовал было секретарю письмо к Илье Яци — так как он развелся с женой, не имея на то достаточных, по церковным законам, причин, то увольняется из катихизаторов, и прочее, но крайне печально стало!.. Не могу придумать ничего пока, чем бы поправить дело. Но, быть может, при личном свидании с Яци удастся убедить его сойтись с женой. Итак, вместо письма об отставке послал ему вызов сюда и даже деньги на дорогу, чтобы беспрекословно мог исполнить это. Письмо его к жене предпоследнее совсем в другом духе, чем последнее, а писано меньше чем за неделю до него. В том он одобряет предположение поступить ей в Женскую школу, изъявляет надежду опять мирно зажить с нею и так ласково пишет — ни тени намеков на прелюбодеяние, или на импотентность. И вдруг!.. Должно быть, есть дурные влияния на него в Исиномаки; быть может, кумушки, сватающие ему какую-то другую... Увидим, как приедет сюда.

15 / 28 марта 1900. Среда

Петр Исикава приходил читать продолжение составляемой им истории Японской Церкви; прочитал главу о Хакодатской Церкви и соседней с

нею Церкви в Арикава, где началось христианство от Ооура, отца бывшего семинариста Константина Ооура.

Из Сайдзё, на Сикоку, от Фомы Маки — еще просьба о принятии в Женскую школу, на этот раз уже восемнадцатилетней девицы. Хорошо бы принимать как можно больше, да поместить негде. Отвечено, что жить в школе негде, а может учиться приходящею, если найдут ее родители надежную квартиру для нее у кого-либо из своих знакомых, или родных, если имеются таковые в Токио.

16 / 29 марта 1900. Четверг

Петр Исикава читает историю Сендайской Церкви — занимательней, чем Хакодатской; только такие письма нужно выпустить, как мое, где я укоряю сендайских проповедников за бездеятельность и вместе за беспристрастное требование денег, а Иоанн Оно невпопад оправдывается длиннейшею речью, что деньги нужны, о проповеди же и деятельности — ни слова. Какая кому польза из этих дрызг!

Исайя Мидзусима, неутомимый писатель брошюр, принес сегодня новую: «Ги нару Симпан». Условились мы с ним после Собора оставить в Токио на проповедь Петра Моцидзуки, который также способен составлять брошюры; быть может, оставим и Василия Накараи, не способного охотника писать. Не мешает собрать в Токио несколько наших писателей, чтобы быть в состоянии отвечать на возникающие в обществе религиозные вопросы.

17 / 30 марта 1900. Пятница

О. Тит Комацу хвалится успехами катихизатора Иоанна Оно: в Сиракава у него крестил четырех, в Мотонума девять, есть слушатели и в других соседних к Сиракава местах, и Оно посещает их. Просит о. Тит послать ему единовременную помощь — десять ен, на путевые расходы, бывшие и имеющие быть. Исполнено.

О. Борис Ямамура дает отчет о своем путешествии по Церквам; только в Ициносеки и Яманоме Церковь оживлена, но крещений не было; везде проповедь плоха.

О. Петр Сасагава пишет о болезни Николая Ока, который, если и поправится, то очень нескоро; просит сделать помощником (ходзё) бывшего катихизатора Павла Кодзима, который ныне в приходе Ока; но Кодзима уже больше двадцати лет, как перестал проповедывать; неизвестно, помнит ли он учение и может ли проповедывать; потому от Церкви его нельзя назначать; а пусть о. Петр частным образом употребляет его на проповедь, если находит к тому годным; от меня пять ен

ежемесячно будет высылаться ему на пищу, но не ему – Кодзима – прямо, а о. Петру «на церковную нужду».

О. Павел Морита пишет, что христиане в Такасаки замышляют строить храм, совещаются о том, думают складываться. Дай Бог не остановиться на думках! Там у них есть большой богач; построить могут порядочный храм, если поусердствуют.

18 / 31 марта 1900. Суббота

Крестопоклонной недели Великого Поста

Мы с Накаем кончили исправление в третий раз Евангелий.

Был барон Сергей Александрович Маденокодзи; по-видимому, с мыслию просить о помещении в нашу Женскую школу кого-то, чуть ли не собственную дочь, ибо имеет трех детей от наложницы, с которой живет по разводе с женой – дочерью графа Номура, от которой у него тоже есть сын, состоящий на его попечении; все это он сам рассказал по поводу вопроса о говенье. Я сказал ему, что пока он не перевенчается с нынешней своей сожительницей, участвовать в таинстве приобщения Святых Тайн не может. (Сойтись с своей законной женой он уже никак не может, ибо та давно замужем за другим). Советовал ему сделать христианкой свою сожительницу, для чего предлагал преподать ей христианство чрез одну из учительниц нашей Женской школы; после чего они повенчались бы в Церкви и составили бы добрую христианскую семью, в которой и детей воспитали бы в христианском духе. Он, по-видимому, согласился на все это, тем более, что и родные его советуют ему узаконить свое сожитие и чадорождение. Даже растроганным казался он по поводу вопроса о своих детях. Но что дальше будет, от придворного японского чиновника трудно догадаться. Помогите Бог ему поступить во благо истинное его и семейства его!

*(Продолжение смотри в 8-й книге сего формата,
но большей толщины)*

*Краткий Миссионерский дневник
С 19 марта / 1 апреля 1900 года*

Книжка 8-я сего формата
Продолжение с 7-й книжки сего формата

Епископ Николай
Русская Духовная Миссия
Суругадай. Токио

*19 марта / 1 апреля 1900. Воскресенье
4-й недели Великого Поста.*

О. Матфей Кагета жалуется на леность катихизатора Якова Ивата: в Какегава и Мори слушатели учения есть, но он не старается им проповедывать; пишет о. Матфей, что только до Собора будет терпеть его.— Яков Ивата, правда, ленив, но о. Матфею следовало бы исправлять его, а не жаловаться бесплодно. О. Матфей в отношении катихизаторов — совершенная противоположность о. Петра Сасагава; этому каких катихизаторов ни дай — у него они работают, и он никогда на них не жалуется; о. Матфей вечно жалуется на своих; забракованного им отдай о. Петру — служит весьма недурно, как Сергей Кувобора ныне в Вакуя, чуть не прогнанный было мною совсем со службы после отзывов о нем о. Матфея, как совсем ни к чему не годного; порядочно служившего у о. Петра, напротив, отдай о. Матфею — у него сделается не годным, как Алексей Яманака, ныне и совсем ушедший со службы после краткого пребывания у о. Матфея.

Матфей Юкава из Накацу пишет, что благочестивый Афонасий Абе, женатый на дочери секретаря Сергия Нумабе Иоанне, привел ко Христу своих родных, которые и крещены ныне о. Петром Кавано.

20 марта / 2 апреля 1900. Понедельник

Георгий Абе пишет, что в Карасуяма у него есть надежный слушатель учения из сизоку; еще, что три христианки оттуда отправились в Уцуномия, чтобы поучиться и пооступить в «Кангофу» (сиделки у больных). В Оотавара, где он собственно катихизатором, новых слушателей учения совсем ныне нет.

Прибыл Илья Яци по делу о разводе с женой. Чрез секретаря Нумабе я передал ему, что если не помирится с женой, служить не может и потом жениться вновь не может.

21 марта / 3 апреля 1900. Вторник

Японский праздник — не учились.

Утром призвал Илью Яци и сам повторил ему все, что сказано ему вчера Сергием Нумабе. Сущность: жена его совсем согласна была вернуться к нему, но он крайне бранчливым своим письмом до того раздражил отца ее (язычника) и ее, что ныне они против всякого соглашения с ним. Но вот диакон Стефан Кугимия пойдет убеждать их примириться — «муж-де сам прибыл, просит извинить его гнев и вернуться жене его к нему»; ладно ли? Илья отвечал:

— Как вам угодно!

— Да я тут ни при чем. Тут Божий Закон, и вы с женой в разладе с ним; в последнем периоде по твоей вине. Так рад ли примириться?

— Пусть Кугимия идет просить о том.

Пошел Кугимия, но совсем бесплодно: отец на все убеждения отвечал, что ни за что не отдает дочь свою Илье Яци, так оскорбившему ее и его; даже если бы Император велел отдать, и его не послушался бы... Илье не могли сообщить сего решения, ибо его в десять часов вечера не нашли дома — здесь, в доме Миссии, где ему дана квартира.

22 марта / 4 апреля 1900. Среда

Утром я позвал Илью Яци и сообщил ему в присутствии диакона Стефана Кугимия и секретаря Сергия Нумабе решение отца его жены и ее — не мириться с ним, и сказал:

— Дается вам неделя срока — помириться с женой; если не успеете в этом, то я дам вам отсюда дорожные до Оою, вашей родины, куда вы вернетесь потому, что не можете больше служить Церкви, ибо нарушите

слова Спасителя о не разводе с женой без достаточной причины. Если никак не убедите жену вашу вернуться к вам, то вы сами будете причиною тому, ибо слишком тяжело оскорбили ее; она же до того была готова опять сойтись с вами — я сам свидетель тому, ибо она приходила благодарить меня за дозволение поступить на время в Женскую школу, после чего она имела вернуться к вам, чем, по-видимому, утешалась... 10-го числа вы сообщите мне об успехе или неуспехе вашего дела.

23 марта / 5 апреля 1900. Четверг

Роман Фукуи, катихизатор в Оцу, извещает, что о. Тит Комацу у него троих крестил; также, что он выступает из компании с Фомой Оно и Петром Мисима, составленной ими для совместной проповеди: «союз этот-де приносит не пользу, а вред»; какой вред, не объясняет. А о. Тит так надеялся на этот «ренго» (союз), выхлопотал по 2 сны дорожных для участников в нем! Вышло: «шумим, братец, шумим». И ничего путного, да и могло ли быть путное при участии Петра Мисима, который непременно поссорится с кем только сойдется.

24 марта / 6 апреля 1900. Пятница

Илья Накагава, основавший Церковь в Иннай и окрестности, пишет, что слушатели и дальше есть, но вечно он там в ссоре с бонзами. Впрочем, есть кое-что от буддизма и в руку ему. Когда бонзы говорят проповеди, то слушательницы их бросают им за то мелочь из своих и детских кошельков (кинтяку). Ныне христианки в Инкай спрашивают Илью Накагава: «кинтяку кин-о хайрёо симасё-ка?» («Не похлопотать ли о деньгах из детских кошельков?») Илья не пишет, дал ли он инструкцию «похлопотать», но, вероятно, сделал это, что и ладно; добрых обычаев утрачивать не следует.

Bishop Awdry с каким-то молодым и дамой был, подал карточку и две фотографии — всех участвовавших в богослужении на Цукидзи в январе при посвящении бишопа для Кёото Reverend Partridge и шести англиканских бишопов ныне в Японии, но не попросил свидания, а показал своим молодым спутникам Собор и вид с колокольни и уехал; мне же поздно сказали; я в это время читал с Петром Исикава историю Церквей в Вакуя, Фурукава, Иигава и прочих. Поблагодарил его за любезность.

Илья Яци виделся с женой, которая согласна вернуться к нему, но с отцом ее еще не удалось; видимо, старик избегает свидания — раздражение на Яци не смягчается.

На сенокосной, пред завтрашними праздниками, из города было довольно много. Пели хорошо. Проповедь диакон Стефан Кугимия сказал весьма плохо.

25 марта / 7 апреля 1900. Суббота.

Праздник Благовещения

Перед обедней пришли сказать, что жена Никанора, повара учеников и слуги и повара моего, внезапно заболела; священник пошел напутствовать ее, я — посетить; но была бессознательна, пробудить нельзя, только стонала от боли; ушел я одеться к обедне и не успел сделать этого, как пришли известить, что Феодора скончалась. Бедный Никанор! Оставила ему пять сыновей, из которых только один в школьном возрасте; к счастью еще, две дочки недавно кончили курс в нашей Женской школе и хозяйством заправлять могут.

Фома Танака пишет, что о. Сергей Судзуки был в Вакаяма, говорил с христианами — препятствий по его переводу в Оосака нет. Поэтому он хочет поскорее перейти; на место же его, в Вакаяма, о. Сергей обещал перевести Гавриила Ицикава из Какогава, или Макария Наказава из Акаси. Отвечено: пусть христиане напишут сами ко мне, что они согласны на перевод Фомы в Оосака. Если это будет сделано, то Гавриил Ицикава пусть перейдет в Вакаяма; Макарию нельзя — Церковь в Вакаяма слишком важна для такого молодого и еще совсем бездеятельного катихизатора.

Иоанн Катаока вернулся из Котода, в Симооса; потрудился порядочно там, значит, и весьма ленивый катихизатор может приносить пользу, коли заохотится. В Котода просят и еще кого-нибудь. Но теперь начинаются земледельные работы — неудобное для проповеди время. Пусть довольствуются посещениями священника пока.

26 марта / 8 апреля 1900. Воскресенье

5-й недели Великого Поста

Пред Литургией было крещение человек пятнадцати взрослых и младенцев. Между прочими крещены из прихода Асакуса врач Ерма — благотворитель больных, совсем бескорыстный врач, по отзыву катихизатора; говорил с ним после обедни за чаем; действительно, суший раб Божий — счастлив, что сделался христианином; уповаает отныне в своем звании приносить еще больше утешения страждущим. Помогите, Боже, ему!

Была после обедни Вера Хосои, жена катихизатора в Ицинохе и Фукуока, Павла Хосои, с ребенком; бывшая Вера Намеда, сестра Климента, академиста, умершего от чахотки. Кажется, добрая жена и мать; прибыла сюда по случаю глазной болезни ребенка, который ныне совсем выздоровел; и она говорила — завтра отправляется к мужу. О христианах в Ицинохе и Фукуока говорила, что все твердо держат веру — «на богослужения собираются все», но новых слушателей нет.

Был христианин из Хоцинохе, служивший даже некоторое время катихизатором, теперь чиновник; говорил, что там Церковь совсем в плохом состоянии: новых слушателей никого, на богослужения почти не собираются; «впрочем, катихизатор Моисей Сираива трудится» (должно быть, как он когда-то).

27 марта / 9 апреля 1900. Понедельник

С восьми утра отпевание Феодоры, жены Никанора Такасе. Служили со мной четыре японских священника; пели оба хора; были в Церкви все учащиеся, ибо Никанор лет двадцать пять служит школам главным поваром и расходчиком по кухне; из Церкви также было много христиан. На кладбище провожали в облачениях три священника с причтом и большими певчими.

После отпевания зашел ко мне не участвовавший в отпевании о. Павел Савабе; отправляется на Страстную и Пасху в Церковь в Сиракава, любимую его Церковь, и куда его усердно зовут; зашел взять дорожные туда (5 ен). Разговорился, и, Боже, в какую пучину грусти всегда он ввергает своим разговором! Что это за отъявленный пессимист! Все в Церкви дурно по нем — «ни к чему не годится наша Церковь, катихизаторы все дрянь, ни на что не годные, — застой и гниль везде, и безнадежно все! А у других, у протестантов и католиков, все так идет, все так хорошо, такие там деятельные, такие успешные»...

— Сендайцы у нас главные деятели, а они мастера только рассуждать, а не дело делать; для последнего нужны южные.

— Так нельзя ли из Тоса добыть людей? (Родина о. Павла Савабе).

— Нельзя, там всеми овладели протестанты.

В это время пришел Павел Накаи для перевода; о. Павел Савабе, должно быть, желая похвастаться перед ним, продолжая разговор со мною, обратился к нему, изъясняя:

— Когда-то (когда еще в Тоса не было ни одного протестанта) приглашали меня туда для проповеди, давая 50 ен в месяц, но я отказался; и прислали протестантских проповедников; ныне там Катаока Кенкици — сила и протестантов, и либералов...

— Отчего же вы, о. Павел, не отправились тогда на вашу родину по приглашению на проповедь, когда, к тому же, и я вас просил о том?

Молчит о. Павел. И я, в самом деле, не могу до сих пор понять, почему он всегда так упорно отказывается от дела проповеди и Церкви в своем родном городе; не раз уж я истощал просьбы отправить ему в Тоса, и всегда бесполезно. Просил я лишь о. Павла не говорить таких речей, что ныне (в какой уж сотый раз?) изливал предо мною и отчасти пред Павлом Накаи, который совсем повесил нос от них; в кругу молодых катихизаторов и вообще христиан способны такие речи только зло

приносить, повергая людей в печаль и уныние, тогда как юной Церкви нужен бодрый взгляд вперед...

Из тюрьмы весьма частые письма, да какие умные иногда, как сегодня два! Книг просят для научения вере; разумеется, оные щедро им и посылаются, хоть крупица блага выйдет, даст Бог! Не оберешься от просьб в Женскую школу: вчера о двух просили, сегодня еще о двух — где же всех поместить! Отвечается сообразно просьбам и лицам — или обещается прием, по открытии вакансий, или отказывается.

Был командир пришедшего вчера вечером в Иокохаму нашего военного судна «Адмирал Корнилов» Иван Илларионович Петров с нашим морским агентом здесь Александром Ивановичем Русиным.

28 марта / 10 апреля 1900. Вторник

Утром Илья Яци пришел сказать, что уладили свое примирение с женой; она уговорила своего отца примириться, и все они втроем 13 числа придут ко мне сказать, что совсем помирились; жена Яци вернется к нему, но предварительно Яци просит целый год подержать в Женской школе ее для возможно полного научения вере и христианским обычаям. Все это ладно, если вновь не расползется. Яци совсем слаб характером, и я боюсь, что опять восстаноят его против жены; а в Исиномаки есть кому сделать это; сегодня же оттуда пришло ко мне письмо от некоего Андо, по-видимому, приятеля Яци (утром Яци просил принять сестру сего Андо в Женскую школу), в котором он страшно поносит жену Яци и требует развести его с ней. Говорил я Яци, что он может отправиться в другое место для проповеди, не возвращаясь в Исиномаки, но он непременно опять хочет туда — «дело-де у него там большое» — ну и расстроят. Впрочем, к выходу жены его из Женской школы он непременно будет переведен в другое место.

Еще письма о разладе катихизаторов с женами, и разом от двух: Авраам Яги пишет, что жена его никак не хочет возвращаться к нему, все требует развода; Савва Сакурода пишет, что жена ушла от него и тоже ни за что не хочет жить с ним. Написано им обоим, чтобы ни под каким видом не соглашались на развод, а старались опять сойтись с женами; и Сакурода, кроме того, наставление мягко обращаться с женой; слышно, что он бил ее — человек он грубый.

О. Тит Комацу пишет негодовательное письмо против Романа Фукуи за его выход из союза с Оно и Мисима для совместной проповеди и просит принудить его держаться сего союза; к нему-де в Оцу те приходили проповедывать, а он не хочет идти к ним. Но я просьбы о. Тита исполнить не могу; самочинный этот союз, некое подражание протестантам, по-моему мнению, с самого начала никуда не был годен.

Два чиновника из Министерства внутренних дел приходили — «буду ли я платить положенную с иностранцев подать с их доходов или с жалованья?»

— Как же не платить, коли положено, — разумеется, буду.

Тут же высчитали сколько: $\frac{1}{50}$ часть моего жалованья — 3695 рублей или ен, выходит — 73 ены 90 сен мне отныне нужно платить ежегодно японскому правительству подать, внося двукратно по частям в Податное правление (Зеймукин).

Был священник с крейсера «Адмирал Корнилов» о. Михаил, вдовый молодой священник, родом из Архангельской губернии. В разговоре с ним я узнал, что в Нагасаки наших русских человек четыреста, а священника нет. Грустно мне очень стало за них; в такие великие дни, как Страстная и Пасха, наши православные останутся без христианского утешения, и тотчас же я решил отправить туда о. Вениамина; раз — для них, другой — для заведения там миссионерского стана. Думал было направить его туда летом, после нашего Собора, но он и там может столько же успеть в японском языке, как если бы жил здесь. Чтобы лучше увериться, что о. Вениамин там совершенно необходим, я послал телеграмму консулу Василию Яковлевичу Костылеву — «будет ли там судовой священник к Страстной и Пасхе для русских христиан?» И вечером же получил ответ:

«Никакой судовой священник здесь не ожидается».

Так как о. Вениамина не было дома, то не мог с ним поговорить.

О. Феодор Мидзуно вернулся из Коофу; крестил шестерых, из которых двое взрослых научены катихизатором Николаем Абе, который не нетрудится и ведет себя хорошо — все больше стихи сочиняет.

29 марта / 11 апреля 1900. Среда

Утром сказал о. Вениамину:

— С Божиею помощью отправляйтесь в Нагасаки для удовлетворения духовных потребностей наших русских христиан, находящихся там, и для заведения миссионерского стана — образования Японской Православной Церкви и так далее.

Он охотно принял назначение, и так как ныне уже 6-я неделя Великого Поста, то, чтобы поспеть к Страстной, положено ему завтра утром отправиться по железной дороге до Кобе, оттуда всегда есть суда в Нагасаки. — Я занялся приготовлением его к пути, а он отправился в гости к о. Михаилу на «Адмирал Корнилов» в Иокохаму, куда о. Михаил вчера пригласил его. Дал ему антиминс, ящик с Литургийскими сосудами, дароносицу, мирницу, напрестольные кресты и Евангелие, два священнические облачения, стихарь и все прочее, потребное для отправления

богослужений — все совершенно новое; также круг богослужебных книг, запас церковных свечей и прочее.

Фома Танака прислал письмо за подписью трех церковных старшин в Вакаяма, что они согласны на перевод от них Фомы в Оосака, и просят вместо него Гавриила Ицикава. Отвечено, что перемещение должно состояться после Пасхи, чтобы христиане ни в Вакаяма, ни в Какогава не остались на праздники без катихизаторов и молитвы.

Был Павел Павлович Смысловский, состоявший учителем русского языка в школе в Саппоро и ныне, по закрытии той школы, переходящий учителем русского языка в Правительственную школу здесь в Токио; говорил про христиан в Саппоро — совершенно безучастны к нуждам храма, так же — священники и катихизаторы; а последние слишком деликатны представлять христианам о церковных нуждах; сам Смысловский и жена его — очень усердные христиане; помогали Церкви в Саппоро и жили по-братски с японскими христианами там, которые и проводили их оттуда с братским усердием.

О. Вениамин, вернувшись поздно вечером из Иокохамы, сказал, что предпочитает отправиться в Нагасаки в пятницу на французском почтовом судне, только «нужно-де путевых не 35 ен, как прежде говорил, а 50». Ладно!

30 марта / 12 апреля 1900. Четверг

Георгий Оно, катихизатор в Уцуномия, на днях письмом к секретарю Нумабе просил позволения прибыть сюда для личных переговоров о чем-то. Я велел ответить, чтобы письмом сообщил, что имеет; «если секрет, мол, выдаи не будет». И что же оказалось? Сегодня пишет: облачение у о. Тита до того износилось, что похоже на платье нищего — так Георгий Оно хотел привезти сюда показать мне, чтобы выпросить новое.— Но отчего же о. Тит до сих пор не скажет? Велел я тотчас же отправить к нему новое священническое облачение, а за другую просьбу велел выработать Георгия Оно: не мне, а Нумабе пишет — просит прислать сорок просфор: «здесь-де дурно пекут» — это в большом городе Уцуномия, где, конечно, много булочных, не могут спечь просфор?!

О. Вениамин, после исчезновения куда-то, в десятом часу вечером приходит прощаться пред завтрашним отъездом и говорит:

— Сто ен жалованья мне мало в Нагасаки, там жизнь дорога; я буду писать в Хозяйственное управление, что нужно больше.

— Но вы ехали на это жалованье, я вам писал, что сто ен.

— Да, но мне мало будет.

— Старайтесь вести ваши расходы в эти пределы — по одежке протягивай ножки. Я вам не могу обещать больше; впрочем, пишите оттуда, что будет.

Тихо и кротко поговорив с ним, я отпустил его. Но все больше и больше убеждаюсь, что не хозяин приехал на Миссию. Куда! О. Сергей Глебов отравляет его по своему произволу, начинает ненавистью к Миссии («все здесь в упадке» — проповедует уже о. Вениамин), и человек тряпка поддается всему, а тот уже провозглашает публично (за столом у посланника вслух всех), что скоро уедет и этот. Вот феномен: приехавши на миссионерское служение, о. Сергей возненавидел миссионерство и гонит всякого от него. Только руками разведешь на сего человека!

31 марта / 13 апреля 1900. Пятница

В шестом часу утра еще раз простился с о. Вениамином, который отправился, чтобы на французском почтовом пароходе, снимающемся в девять часов, следовать в Нагасаки.— Дал телеграмму консулу Костылеву в Нагасаки: «Игумен Вениамин поехал туда на житье для русских христиан и для миссионерского дела. Прошу ваших добрых забот о нем».

Дообеденным переводом (дошли в окончательном исправлении до 22-й главы Деяний) мы с Накаем кончили занятия.

После обеда кончились классы в школах — до после Пасхи.

Вечером была всенощная, на которой были в Церкви все учащиеся; пели причетники; служба в правом приделе.

В восемь часов вечера Илья Яци привел свою жену и отца ее, вполне примиренных с ним. Дал я наставление отцу, чтобы отныне он сердился и бранился на детей только с тем, чтобы примирить их, а не разъединять, как доселе было, и прочее. По-видимому, все отлично уладилось. В Понедельник Яци поместит жену в Женскую школу, а сам отправится в Исиномаки продолжать катихизаторскую службу.

1 / 14 апреля 1900. Лазарева Суббота

С шести часов Литургия, за которой были все учащиеся. Пели причетники. Было человек шестьдесят причастников — из города и служащие Миссии.

О. Мии пишет, что молчаливость катихизатора в Миядзу Марка Одагири привела в отчаяние христиан Миядзу и его самого — о. Семена, иметь-де это в виду к Собору, то есть Одагири убрать оттуда. Придется написать к Одагири, чтобы искал себе другой службы; проповедник, вечно молчащий, — аномалия, которую нельзя вечно терпеть.

Заявился русский, некто «Александр Иванович Козьма, военный электротехник», и попросил исповеди и святого причастия. Из служащих во Владивостоке, пробовавший, по разным причинам, лишить себя жизни, но спасенный вовремя данным противоядием. Говорун, каких

редко: человек, видимо, хороший, но способный, по живости характера, вдаваться в крайность. Прислушавшись и присмотревшись к нему, я не усомнился исполнить его просьбу: после всенощной исповедал его, причем он оказался еще более искренним, чем заявился прежде, и прочитал причастный канон и молитвы на сон грядущий. Ночь предложил ему провести в квартире отбывшего о. Вениамина.

За всенощной ныне было меньше, чем в прошлом году, хотя погода была хорошая. Вайи — были ветки цветущей сакура.

2 / 15 апреля 1900. Вербное Воскресенье

Пред Литургией крещено более двадцати взрослых и детей.

Причастное правило я прочитал для себя и вместе для господина Козьмы; за Литургией он и приобщен Святых Тайн вместе с сотнею японцев, взрослых и детей.

За обедней было несколько матросов с «Адмирала Корнилова», которые потом попросили отслужить им молебен, оный и отслужен был им по-японски о. Павлом Сато. За молебен матросики дали русский золотой в 5 рублей, который, по обычаю, поступил на Церковь.

Из Церкви зашел еще ко мне вместе с господином Козьмой чиновник с «Корнилова» Иван Абрамович Терентьев, который позавтракал у меня вместе с господином Козьмой и потом пожертвовал на Церковь золотой в 15 рублей.

Были затем, днем, с визитом офицеры с «Корнилова» и сухопутный офицер Петр Алексеевич Россов, шесть лет служивший в Приамурском крае, изучивший китайский язык и ныне едущий в военную Академию, — очень умный и симпатичный.

Написал к Феодору Ивановичу Васильеву, консулу в Иокохаме, и его жене Лидии Ивановне, чтобы выпросили из Католической школы в Иокохаме находящихся там русских девочек сюда дня на три-четыре отговорь в последние дни Страстной и встретить Пасху. Послал также Лидии Ивановне расписание времени церковных служб здесь во время Страстной; она, видимо, благочестивая, доброго воспитания в петербургской благочестивой семье; дай Бог, чтобы и сохранила это!

В шесть часов вечера была вечерня и повечерие; учащиеся все были, из города почти никого.

3 / 16 апреля 1900. Великий Понедельник

Варнава Симидзу, катихизатор в Кобе, просит позволения о. Сергию Судзуки — по отслужению им Литургии в Пасху в Оосака — тотчас отправиться в Кобе и отслужить другую там; «просил-де об этом о. Сергия», но он — «без позволения Епископа не могу». Экие! Не знают твердо, что

священник в день не может служить две Литургии! А еще ученые, кончили Семинарию! Указано правило в Служебнике, в «кундзи», страница 564.— Просит еще Варнава прибавить 1 ену на квартиру — «хозяин накинул». Пусть!

Фома Танака усиленно просится поскорей в Оосака («уже и вещи уложил для дороги»), пишет и отчаянно вопиет по поводу того, что о. Сергей Судзуки просит его остаться до Собора в Вакаяма. О. Сергей, по обычаю своему, скажет одно, потом другое: сначала совсем решил перевести Фому в Оосака и преемника ему указал, потом переменяет это. Нельзя так. Написано к Фоме, чтобы, помолившись с христианами в Вакаяма в Пасху, отправился с Богом в Оосака, и послано ему 15 ен помощи — просил он в долг, послано в дар, ибо старый и хороший катихизатор (ему бы следовало быть и священником, если бы не больная жена, и притом до замужества не пользовавшаяся доброю репутацией). А к о. Сергию написано, чтобы послал в Вакаяма, до Собора, Тимофея Ирино, который на катихизаторские собрания и проповеди, бывшие в Оосака, может приезжать оттуда — дорожные будут даны; Гавриила же Ицикава пусть до Собора оставит в Какогава и Химедзи, ибо и тот просит о том же.

О. Сергей Судзуки очень хвалит оживление Церкви в Оосака; много способствует тому Воскресная школа и повременные катихизаторские собрания для проповеди, на которую в таких случаях всегда собирается много язычников; немало также помогает оживлению Лука Мацукава, перешедший из католиков, имеющий у себя рукодельную школу вязанья и бесплатно обучающий христианок с тем, чтобы сделанное ими поступало на Церковь.

В Химедзи, у Гавриила Ицикава, также несколько оживилось: о. Сергей крестил там четыре человека.

О. Павел Косуги дает отчет о своем путешествии по Церквам, которые у него представляют песчаную пустыню, только в Вакимацзи, у Семена Огава, крестил пять человек.

В Соборе обычные службы: с шести утра утренняя, с десяти преждеосвященная Литургия, продолжавшаяся до одного часа пополудни, с шести вечера Великое повечерие.

Читается, начиная с всенощной пред Вербным Воскресеньем, Евангелие по исправленному переводу, который, кажется, не дурен, хотя все еще кое-что нужно исправить.

4 / 17 апреля 1900. Великий Вторник

Савва Ямазаки из Наканиеда извещает, что за 150 ен, пожертвованных христианами, куплена земля, что под их Церковью, которая стояла доселе на нанятой; так дешево куплена потому, что сам землевладелец

сделался христианином; пишет еще, что в нынешний приезд о. Петра Сасагава все исповедались и приобщились; всего причастников было 112 человек, кроме того, пять крещено. Вот это Церковь порядочная; вообще, где катихизатор усердный, там и Церковь в хорошем состоянии.

Фома Исида уведомляет, что у него, в Фукусима, о. Петр Сасагава крестил шесть человек. Значит, и бездеятельный доселе Исида оживился, и бесплодная доселе Церковь в Фукусима оживляется. Помогай им Бог!

Илья Яци вчера поместил свою жену в Женскую школу. Сегодня отправляется домой, в Исиномаки; берет с собою жену Саввы Сакурода для доставления к нему; сия, по имени Любовь, девятнадцатилетняя дура, убежала от Саввы сюда, в Токио, и проживала на постоялом дворе, почему еще за простой ее здесь пришлось заплатить 7 ен да на дорогу дать 5. Причин к разводу у нее с мужем ни малейших, просто побранились, или, может быть, подрались, и она сама ныне ухмыляется с радости, отправляясь к мужу; дал ей нагоняй, и к мужу нужно послать другой.

Илья Яци приводил Мано, благочестивого христианина из Исиномаки, лечившегося здесь и ныне отправляющегося домой; снабдил его книжками и просил позаботиться, чтобы никто в Исиномаки не расстраивал Илью с женой его, чтобы не говорили про нее дурно, и прочее. Мано этот немало помогает Илье по проповеди, устраивая у себя на дому катихизации и подобное.

На Великом повечерии было несколько русских матросов с «Адмирала Корнилова», и осветили Церковь поставлением многих свечей у икон. Сколько ни подают русские пример японским христианам ставить свечи, не входит еще этот обычай, или мало входит — изредка кто поставит, и маленькую.

5 / 18 апреля 1900. Великая Среда

Обычные церковные службы, ведущиеся правильно и истово. Но помучил сегодня вялым служением и особенно безобразным чтением Евангелий о. Петр Кано, уж хуже читать и невозможно: убивает всякое внимание и чувство. А как его научить читать лучше? Ведь говорил ему много раз — бесполезно; поди, искорени многолетнюю привычку, когда мозги в голове высохли! И грустно думалось: бредет-то к нам народ все бесталанней; кто поживей и умней и не думает заглянуть к нам, идут на другие службы. Впрочем, и в России не то же ли? Не уходят ли и там все лучшие силы в политику, разные министерства, военную службу, оставляя духовенству лишь нижний слой? Оттого духовное дело у нас плохо, духовная литература мелочна, духовенство — вон такое, что до сих пор в тридцать лет ни одного доброго миссионера не выслало сюда от себя; ублюдки же вроде Арсениев и Вениаминов — к чему они? Они — насмешка над делом миссионерства. Эх, грусть-тоска глубокая!

В три часа приезжал повидаться у меня посланник Роман Романович Розен и пожертвовал потом на Церковь 100 ен.

6 / 19 апреля 1900. Великий Четверток

Вчера, выходя из Церкви, когда читали Правило причащающимся, я не забыл напомнить о. Роману, чтобы, по окончании чтения, объявить ясно, что завтра в половине восьмого будет звон к чтению утреннего Правила, по прочтении которого тотчас же начнется Литургия. Но смотрю сегодня — в семь часов утра, Семинария идет в Церковь, тогда как нужно было прийти в половине восьмого, по звону. Даже этого простого дела — ясно сказать несколько слов — не сумеют сделать, коли не присмотришь сам! Иметь вперед это в виду.

Во втором часу прибыли две воспитанницы из Католической школы, дочери русских офицеров во Владивостоке, поговорить здесь и на праздник; одной восемнадцать лет, другой шестнадцать. — Там есть еще поменьше их.

— Отчего же вы не взяли их с собою? — спрашиваю.

— А кто же будет смотреть за ними? — возражают.

Должно быть, в числе предметов у католических монахинь есть и эгоизм.

Из Двенадцати Евангелий Первое я читал, по новому переводу; все — то же; некрасиво было возиться с четырьмя синими книжками, тогда как на престольное Евангелие остается на аналое неразвернутым. Должно быть, это в последний раз, в будущем году должно читать по-печатному. Не нравится перевод, но он никогда не будет нравиться — вечные колебания, что «так-то было бы лучше, здесь бы вот это, то слово не выражает понятия» и так далее. Да и как тут не колебаться при этой неустановленности языка? В понедельник, после обедни, о. Павел Сато замечает: «„ёмазариси-ка“ неправильно, „ка“ не ставится после „си“, нужно „я“». Я говорю это Накаю. «Неправда», — отвечает и заспорил с о. Павлом; почти все священники на стороне о. Павла, но Накаи взял от меня целое беремо грамматик, говорит: «Я докажу о. Павлу, что не „я“, а „ка“». Или: когда прошедшее на «си», когда на «тару» (миси — митару)? У нас с Накаем случайно то на «си», то на «тару», а доподлинно какое нужно — мы отчета себе не даем, да и вся японская грамматика тоже. И много таких случаев. Равно недостает слов для выражений понятий; например, «да не смущается сердце ваше» переводят — «да не печалится» (уреури), но это другое понятие; мы перевели «кокоро мидаруру накаре», но и это не идет: «мидаре» значит «расстройство, беспорядок», а не «смущение», для которого в японском совсем нет слова в том смысле, в каком употреблено в Евангелии. И множество подобного! Как тут быть довольным переводом!

7 / 20 апреля 1900. Великая Пятница

С девяти утра обычные Часы. В два часа поисповедал русских воспитанниц из Иокохамы. К выносу плащаницы, в три часа, из Иокохамы прибыло человек пять русских туристов. С шести часов всеобщая, на которой первую статью читал я с о. Павлом Сато — по двадцать пять стихов — о. Павел произносил стихи псалма, вторую статью — оо. Кано и Циба, третью — оо. Юкава и Мидзуно. Вокруг Собора плащаницу невозможно было обнести — слишком сильный ветер был, а предварительно дождь намочил все; обнесли ее вокруг престола в Соборе, вынесли в северные алтарные врата и уложили на обычном месте. После всеобщей, кончившейся в двадцать минут девятого часа, я прочитал причастный канон и молитвы на сон грядущий русским воспитанницам, давши им предварительно немножко отдохнуть и закусить.— Особенно хорошо пропели сегодня певчие 9-ую песнь: «Не ругай мене, мати». И какая это чудная песнь! Я едва удержался, чтобы не разрыдаться.

8 / 21 апреля 1900. Великая Суббота

С девяти часов Литургия; было человек двадцать причастников; для русских я прочитал пред Святою Чашей «Верую, Господи», потом благодарственные молитвы. Вечером, с шести часов, исповедь священнослужителей, семерых, потом предпричастный канон и молитвы; кончено в девять часов. Пошел в Семинарию посмотреть и послушать; программа — по пению и музыке; пели священное — я не застал, слышал только соло Кису на скрипке, преплохо! После будут еще показываться священные картинки в волшебном фонаре. Позволил я ученикам взять и фортепьяно из Женской школы — перенесли, и тот же Кису играл, или будет играть что-то. Напечатание программы и билетов стоило им 4 ены, с меня же потом взяли; билеты усердно разослали, и зал битком набит (то есть семинарская столовая); распорядители с красными бантами на груди встречают у ворот; словом, все чинно и благоприлично, и семинаристы, видимо, в большом удовольствии от своего дела — что ж, и ладно! Заняты все же не неблагочестиво. (Десять часов Пасхальной ночи).

Ночь, как всегда, весьма шумная, особенно малые дети много кричат и шумят. Дом — точно пчелиный улей — полон народа, оживленного движения и шума. Из русских были двое из Иокохамы — это с нездоровой женой; прочие иокохамские — или в Посольстве, или на крейсере «Корнилов». Из японских провинциальных христиан — Иоанн и Ирина Фукасе из Цуяма, Анна Асаока из Урага и еще кое-кто.

9 / 22 апреля 1900. Пасха

Обычное великолепное, высоко душу настраивающее богослужение. Было тихо, но пасмурно, и чуть-чуть накрапывало, когда был крестный

ход вокруг Собора; после сейчас же пошел дождь, и вот непрерывно идет до сего времени — четырех часов дня. В Соборе народа было несколько менее, чем в прошлую Пасху, — налево было довольно пустого места. Служили со мной оо. : Кано, Циба, Юкава и Мидзуно; о. Павел Сато уехал служить в Иокохаму. Пред началом Литургии произошла путаница оттого, что я забыл сказать, что, мол, начало совершенно такое же, как всегда, то есть дьяконы должны взять благословение, а первый иерей отправиться в алтарь; Кугимия — архидиакон — глупеет больше и больше, едва можно было направить его на путь. Все прочее было совершенно благополучно. Пели хорошо. Кончена служба в половине четвертого часа. Потом обычное освящение куличей и яиц и христованье. Я роздал до 700 яиц внешним христианам, большим и детям; на богослужении, значит, было из города несколько более сего числа, ибо иные, вероятно, вернулись раньше. В восьмом часу поздравление школ, в десятом часу приехал в карете с поздравлением морской агент Александр Иванович Русин, бывший на богослужении в Посольстве. Японские поздравители непрерывно — вот до сего часа... Русские воспитанницы отправлены домой в сопровождении Евфимии.

После полудня до вечера были с поздравлениями все посольские, начиная с посланника Романа Романовича Розена и его супруги, любезно привезшей блюдо с фаршированным фазаном, а вчера вечером пришедшей пасху и сметану к ней.

В пять часов вечера. После нее — корреспондент газеты «Дзидзи симпо» попросил свидания и расспрашивал о многом, начиная с мелочей вроде «сколько вам лет?» до церковных законов, отношения Церкви к государству и тому подобное.

10 / 23 апреля 1900. Понедельник
Светлой Седмицы

С семи часов Пасхальное Богослужение — такое же, как вчера, то есть непрерывно утренняя и Литургия. Служили со мной три священника. К Литургии набралось весьма много христиан, особенно христианок с грудными детьми для причащения их. Из русских были в первый раз здесь госпожа Смысловская с своими тремя младенцами, которых и приобщила; было и несколько матросов с «Адмирала Корнилова». По окончании богослужения — поздравления у меня наших певчих, священника о. Алексея Савабе с своим причтом и многими христианами из Коодзимац и множество других.

Гувернер Семинарии Мирон Соо оставил службу и отправился добывать больше денег, чем сколько дает церковная служба. Без сожаления отпустил его; вполне его заменит более умный — такой же воспитанник

Семинарии, как и он, Петр Суда, оставленный в прошлом году, по выпуске, учителем Семинарии и живущий при ней.

В два часа отправился для поздравления в Посольство. Из служащих там наиболее симпатичный Зиновий Михайлович Поляновский, младший секретарь, — человек серьезный и истинно благочестивый. Недавно дал ему читать творения Святителя Тихона Задонского; он до того увлекся ими, что просит оставить ему их, внося более чем двойную плату за них для выписки нового экземпляра для Миссии. Говорил он, что отец его еще прежде предлагал ему для прочтения Святых Отцов, но что тогда не понравились они ему; «не созрел ты еще», — заметил ему тогда отец; теперь он, видимо, созрел; просил еще выписать для него творения Святого Ефрема Сирина.

*11 / 24 апреля 1900. Вторник
Светлой Седмицы*

Такая же Пасхальная служба, как вчера, но отслуженная тремя иереями: оо. Кано, Циба и Мидзуно; я не мог участвовать, и по какой глупой причине! Вчера после ванны напился воды, которую Никанор, по недосмотру, принес не теплою, а охлажденною — оттого расстройство желудка; в старости, знать, всякое лыко в строку!

К богослужению из Иокохамы хотели быть, но опоздали матросы с «Корнилова», и капитан — бывший «Наварина», Николай Христианович Иениш; сей пил у меня чай с пасхой и куличом и рассказал много интересного; между прочим, что из России — собственно, Сибири — идет сюда, в Приамурье, корпус в 80 тысяч человек, что в Персидском заливе у нас занимается порт, что, одним словом, Россия вполне пользуется моментом нынешнего поражения Англии бурами...

Из Оказаки прибыли два христианина сопровождать меня завтра туда — врач Павел Накамура и Иона Суга, очень угрюмый на вид и весьма благочестивый.

О. Павел Сато возвратился из Иокохамы и говорил, что на Пасхальном Богослужении было там человек шестьдесят.

Слава Богу и за это!

*12 / 25 апреля 1900. Среда
Светлой Седмицы.
На пути в Оказаки и в Оказаки*

Так как христиане в Оказаки просили прибыть на их Симбокквай, имеющий состояться завтра там для всех христиан прихода о. Матфея

Кагета, и я обещал, если не встретится каких-либо непреодолимых препятствий, то сегодня в шесть часов утра и отправился. Дождь лил как из ведра начиная с сего раннего часа весь день. В Сидзуока, Хамамацу и Тоёхаси христиане ожидали на станциях; виделся с ними из окна вагона, только в Хамамацу Лидия, жена доктора Моисея Оота, с несколькими христианами вошла в вагон и презентовала ящик фруктов в сахаре вареных.

В Оказаки братия с о. Матфеем во главе встретили, а в Церкви ожидало множество христиан, почему по прибытии туда, в пять часов, стали служить Пасхальную вечерню, причем о. Матфей много путал, певчие тоже; я хладнокровно останавливал и поправлял, уча служить Пасхальную службу, которую еще совсем не знают (в чем я же всего больше виноват); выходило, впрочем, все добропорядочно, потому что я благодушно учил, о. Моисей благодушно следовал, христиане благодушно молились. Проповедь — о воскресении, которым и мы ожили.

Потом разговор о церковных делах. На вопрос мой, какие же церковные вопросы или нужды намечены к рассмотрению? Ответили, к моему удивлению, «никаких». Тогда я предложил 3 варианта: 1) избрать священника для Оказаки и Тоёхаси. О. Матвей и катихизатор Василий Таде в один голос заговорили: «Думали об этом, но средств на содержание священника нет». Я ответил, что «священником, конечно, может быть избран только старый почтенный катихизатор, каковой и ныне получает не менее 16 ен от Миссии; это содержание остается за ним; нужно будет прибавить ен 9, что христиане сих больших Церквей, конечно, могут сделать». — «Не могут», — возразили. Тогда я горячо выговорил о. Матфею и катихизаторам, что «вот при этом „не могут“, которое я всегда слышу от тех, которые должны учить христиан, что „они могут и обязаны“, действительно, никогда не будет „можно“. Японская Церковь ныне содержится на гроши и копейки, жертвуемые русскими христианами, — доколе же японские христиане будут немощными младенцами, обязанными своим христианским существованием милосердию русских бедных людей!» И так далее. Молча слушали, но прок едва ли будет.

2) Находить учеников для Катихизаторской школы и Семинарии, ибо ныне особенно первая совсем иссякла.

3) Основывать везде Воскресные школы для научения детей молитвам и началам веры.

Так проговорили часов до девяти. Потом из Церкви перешли в дом катихизатора, где опять говорили, потом ужин. Когда пришлось ложиться спать, то оказалось, что благочестивые Оказакские христиане опять устроили матрац, в четверть толщины набитый ватой и фуа на два длиннее моего роста, а еще говорят, что не могут прибавить на содержание священника!

13 / 26 апреля 1900. Четверг
Светлой Седмицы.
В Оказаки

Утром читал Евангелие от Иоанна о Матфею, катихизаторам и христианам, чтобы узнать их мнение о переводе. Все нашли его удобопонятным и правильным; только слово «нивадзукури» в 1 стихе 15 главы «Отец Мой делатель» — не одобрили, советовали «будоодзукури».

В девять часов — обедница, отслуженная о Матфеем, и проповедь, сказанная мною, о плодах Воскресения Христова.

В одиннадцать часов в Церкви же пачался Симбокквай. Василий Таде, став у столика, на котором была ваза с цветами и стакан с водой (столлик стоял налево внизу амвона) и отпив глоток воды, чтобы промочить горло, заораторствовал о цели собрания и вдруг неожиданно приплел меня — «тридцать лет-де, как второй раз прибыл в Японию» и прочее. Я должен был отвечать и сказал, что я не более как спичка, которою зажгли свечу: спичка после этого сама гаснет, и ее бросают на землю, как ни на что не годную; но вот, мол, среди вас есть почтенные люди, за Христа терпевшие темничное заключение — о Матфей Кагета и катихизатор Павел Цуда — таких всегда в Церкви уважали, и прочее.

Врач Василий Танака, один из лучших христиан Оказаки, читал поздравительный адрес. После сего Павел Цуда поднес мне от христиан Оказаки фарфоровый сосуд вроде большой сахарницы; я, осмотрев его и не найдя неподходящих рисунков, сказал, что передам этот подарок в миссийский Собор для употребления со святою водою.

Христиане Церкви Тоёхаси читали адрес. Было уже половина первого часа. Сделали перерыв, чтобы все разошлись и пообедали, а потом вновь собрались в половине третьего часа для продолжения Симбокквай'я.— Когда опять собрались, говорили речи: катихизатор Петр Моцидзуки — блестяще сравнивал протестанство с православием ныне в Японии, катихизатор Матфей Мацунага — вяло и плохо, катихизатор Петр Кано — преплохо, только и слышно было за каждым словом «домо», христианин из Удзуми, Хиби (отец одного из семинаристов), благочестиво — видно, что Священное Писание читает и знает. Я в заключение сказал, продолжая развитие мысли Моцидзуки, что христианство бесконечно более полезно, чем для государства только, и прочее, и прочее... Кончивши, раздавал бывшим на собрании брошюрки, которые привез,— всего пятьдесят пять; кому не достало, тех оделил иконками, которых вышло двадцать; итак, на собрании было человек семьдесят пять, кроме детей, которых я оделил самыми малыми иконками по испытанию их в знании молитв, что было после обедницы, и причем оказалось, к похвале родителей и катихизатора Василия Таде, что все дети знали главные молитвы.

В половине пятого часа Симбокквей окончился. Потом прощались христиане, прибывшие из Фукурои и Удзуми. Из Фукурои были: Давид Муромаци, Петр Фурусака и Нисио. Давид — старейший и бывший лучшим из тамошних христиан, всегда усердно служивший Церкви, в последнее время скомпрометировал себя тем, что совершенно по-язычески отдал дочь свою (учившуюся некогда здесь в Женской школе) за Петра Фурусака, который, влюбившись в нее, чтобы жениться на ней, прогнал свою прежнюю жену; Нисио был сватом; свадьбу отпраздновали по-язычески; на ней был даже тогдашний там катихизатор Яков Ивата — мол, «не как катихизатор, а как частный человек», как он отвечал потом на укор за это о. Матфею. О. Матфей не раз уговаривал Давида Муромаци не нарушать Христова Закона о браке, но он был глух к убеждениям. Зато теперь какое же сконфуженное лицо у него! Я едва узнал его; если б я не слышал уже о его проступке, то никак не преминул бы догадаться, что учинил что-то противозаконное. Фурусака и Нисио носили на лице своем печать противохристианского деяния.

Из Тоёхаси был самый почтенный член тамошней Церкви, седой старец Симеон Танака с женой Ниной и приемышем Андреем. Из Хамамацу — доктор Моисей Оота с женой Лидией и детьми. Катихизаторы ведомства о. Матфея Кагета были все, за исключением Якова Ивата и Акилы Хирота — вероятно, потому не явившихся, что стыдно им — успеха по проповеди у них никакого; Якова Ивата о. Матфей просил меня теперь же взять от его, ни к чему не годен, только в запущение приводит те места, где бывает; но я оставил до Собора. Все катихизаторы с о. Матфеем во главе рассказали мне подробно о состоянии своих Церквей, так что я как будто побыл в каждой Церкви. И пришло мне на мысль: отныне побудить других священников тоже производить подобные Симбоккваи по своим приходам, а мне отправляться на них; в год я мог бы, без ущерба для других дел по Миссии, побывать на четырех-пяти Симбокквей'ях, а в четыре-пять лет посетить таким образом всю Церковь. Путешествовать по всем Церквам когда мне еще удастся! Да и удастся ли когда? На кого оставить тут дело? А на Симбокквей нужно всего четыре-пять дней — каковое время всегда можно уделить.

Еще мысль: предложить христианам по Церквам из своей среды избирать для себя служителей Церкви; избранного, кто бы он ни был — ремесленник, купец, земледельца — присылать на год в Катихизаторскую школу изучать Догматику, Священную Историю и прочее самое необходимое; в то время, когда он будет учиться, давать пособие его семейству; если местная Церковь не в состоянии давать все, Миссия поможет, но не более как на половину; по возвращении из школы он примется за свои обычные занятия, а в свободное время будет проповедывать, по праздникам же совершать молитву с христианами; со временем таковые, по желанию своих местных христиан, могут быть поставлены и в священники. За исполнение религиозных обязанностей между язычниками

и христианами местные христиане должны вознаграждать его деньгами или местными продуктами. Я развил эту мысль вслух христиан и катихизаторов в Церкви, а о. Матфею поручил, при дальнейшем его посещении Церквей, везде передать это христианам и убеждать их привести в исполнение. Увидим, откликнется ли хоть одна Церковь на это. А на Соборе нужно будет всем священникам внушить это. — Другого средства добыть служащих Церкви я пока не вижу; доселешнее же оказывается крайне не достаточным: в Катихизаторскую школу почти никто не идет; в Семинарию — весьма мало, да и из тех опять уходят, как и на днях двое ушли.

С семи часов вечера назначена была проповедь для язычников, о чем объявлено было по городу. В половине восьмого Василий Гаде начал: «О необходимости религии» — собственно, в ожидании людей, потому что уже в половине его ленивого плетения я стал считать и насчитал всего тридцать пять человек. Впрочем, мало-помалу собралось человек до ста. После него я сказал обычную начальную язычникам; кончил около десяти часов; слушали внимательно; между слушателями был один американский миссионер, методист, уже одиннадцать лет живущий в Оказаки и имеющий христиан здесь (человек тридцать пять, говорил он) и в окрестности; сел было по-японски — я пригласил его сесть на принесенный стул; проповедь я говорил тоже сидя на стуле. Кончивши проповедь, еще поговорил с братиею о церковных делах, обещал, между прочим, заказать и прислать большую запрестольную икону Святой Троицы вместо теперешней небольшой — Тайной вечери, которой совершенно не видно из-за амвона. В одиннадцать часов все разошлись, благодаря Бога за добрый день.

14 / 27 апреля 1900. Пятница

Светлой Седмицы.

Из Оказаки до Тonosава

В семь часов утра выехал из Оказаки. Как ни убеждал вчера братию не беспокоиться проводить меня, а заниматься утром каждому своим делом, собралось много, а один из церковных гию, старик Гото, хотел даже проводить до Токио, но я настоятельно остановил, сказав, что мне нужно по дороге заехать в Тonosава и Одавара. На станциях в Тоёхаси, Фукурои и Сидзуока христиане ждали — выходил к ним благословить их; надавали подарков — чаю, фруктов. Судья Иоанн Исида, в Сидзуока, сказал, между прочим, что задумывает выйти в отставку и сделаться проповедником; это может статься; он и прежде, по благочестию, некоторое время жил в Катихизаторской школе. В четыре часа вышел из вагона в Коодзу и по электрической дороге — в первый раз здесь по ней — в конце шестого часа прибыл в Тonosава. Нашел здесь все в порядке:

крыши нигде не текут; работы в прошлом году по постройке бани и разборка перегородки в доме произведены хорошо.

15 / 28 апреля 1900. Суббота

Светлой Седмицы.

Из Тоносава в Токио

Вновь осмотрел все здания и сад, так как вчера за наступившею темнотою не мог хорошо это сделать; дал Михею денег на глиняные трубы для проведения воды, на цемент и прочее и, погулявши по саду, в десятом часу отправился в Одавара. Здесь остановился — главное, чтобы убедить Луку и Марию Такахаси примириться с братиею, ходить в Церковь и не отлучать себя от Святых Тайн. С о. Василием пошел к ним, и, слава Богу, на этот раз удалось смягчить их сердца: обещались исповедаться, причаститься Святых Тайн и опять быть со всеми по-братски. Дай Бог им! За ними, конечно, последуют и другие немногие, оставшиеся еще отщепенцами; и таким образом прекратится это смущение, происшедшее от неуменья о. Петра Кано управлять церковью, а главное — от дьявола. О. Василий Усуи, кажется, имеет разум управлять. Помогите ему Бог! В храме у него нашел все в образцовой чистоте и порядке.

В пятом часу сыскался домой, на Суругадай. В шесть часов всенощная.

16 / 29 апреля 1900. Фомино Воскресенье

Рано утром подали письмо о. Вениамина из Нагасаки, первое его оттуда, расстроившее меня до того, что даже в служении Литургии ошибался. Поселился он там в гостинице за 90 ен в месяц — там, мол, «прилично моему положению» — «видите из этого, могу ли нанять учителя» и прочее. Тотчас же ответил ему, что 25 ен прибавлю ему на квартиру, но чтобы он уж непременно ввел свои расходы в пределы 125 ен; нанял бы японский дом, если нельзя, по цене — европейскую квартиру. Написал также консулу Костылеву, чтобы поруководил о. Вениамина своею опытностию — помог нанять сходную квартиру, обзавестись подешевле мебелью и прочее. Упоминает о. Вениамин, что «вероятно, скоро вернется в Токио». С беспокойством я думал, молился Богу, чтобы Он вразумил меня, как поступить ко благу Церкви и наконец совершенно успокоился на следующем решении: если о. Вениамин самопроизвольно вернется в Токио — иметь это его выходом из Миссии, тотчас же дать увольнение и 100 ен на дорогу в Благовещенск — больше ни копейки — Божьи деньги грех бросать на ветер. Если из Нагасаки по какому-либо поводу сам напишет, что не хочет служить в Миссии, тотчас же послать увольнение и 100 ен на дорогу. Если так будет ругаться и грубиянить, не обращать никакого внимания, как будто это муха жужжит, но ни гроша

не прибавить к 125, ни под каким видом! Миссионером он быть не может, это ясно как день; но священник нужен для русских христиан в Нагасаки — вот почему и терпят его. Дорогонько будет для Миссии удовольствие нагасакских христиан иметь по воскресеньям обедню и в случае болезни и смерти христианское напутствие и погребение. Но Господь никогда не стоит за деньгами, если дело Ему угодно; открыться же не замедлит, угодно ему пребывание о. Вениамина в Нагасаки или нет. Мне во всяком случае — никак не нарушать мира и любви относительно о. Вениамина, придется его отсюда отослать или нет.

В нарушение очереди приема в Женскую школу Павел Оокава привел сегодня из Каннари четырнадцатилетнюю девочку, христианку, и Христом Богом просит принять. Посоветовались мы, и — что делать! Решили нарушить очередь — жаль прогонять обратно — обстоятельства совсем особенные: девочку просят спасти от сумасшествия, и просит сама сумасшедшая бабка ее и полусумасшедший отец; бабка, совсем здоровая физически, вообразила, что у нее руки нечисты, и постоянно держит их, поджавши в рукавах, и ни малейшего употребления не дает им, как будто бы была совершенно безрукою: кормится из чужих рук, все прочее делают для нее чужие руки, но в то же время совершенно разумно рассуждает обо всем; сама просит, чтобы внучку удалили из дома именно потому, чтобы не привилась к ней вот эта ее душевная болезнь. Сколько бы ни повторяли ей: «Бабушка, да у тебя руки чисты», — не слушает, и единственно на этом только пункте помешана. Отец девочки, совсем еще здравомыслящий, моет руки весьма часто; сам говорит, что этого не следует делать, что руки у него чисты, что он нисколько не верит, чтобы они были запачканы, тем не менее признается, что чувствует непреодолимый позыв мыть их как можно чаще, и, если не делает этого, ему тягостно. К мальчику — сыну его, также стала прививаться эта болезнь, поэтому его отослали в гимназию в другой город. Ныне привезенная сюда девочка еще свободна от странной привычки, и вот ее хотят спасти, поместив в нашу школу. Родители ее состоятельные, так что она будет на своем содержании; в местной школе она училась хорошо.

Вечером была всенощная, пропетая причетниками. В Церкви были все учащиеся и немногие из города.

*17 / 30 апреля 1900. Понедельник
Фоминой недели*

Так как мы в этот день справляем радоницу, то утром, с семи часов, была Литургия, отслуженная тремя иереями. На панихиду выходили пять иереев. Кутьи было больше ста блюд, установлены были четыре столика и четыре длинные школьные стола. Видно, что христианам по душе поминовение усопших. После службы священники с причетниками

отправились служить литии на могилах трех кладбищ. День сегодня ясный и тихий, что очень кстати. Так как день расчетный, то я просидел дома, для удобства приходящих со счетами и прочих.

18 апреля / 1 мая 1900. Вторник
Фоминой недели

Начались классы, а у нас с Накаем исправление перевода — с 22 главы Деяний.

После полудня чтение писем.

О. Павел Кагета пишет, что в Оою один глухонемой очень желает креститься, — спрашивает, можно ли? Разумеется, при приемниках близких к нему и хорошо его понимающих.

О. Тит Комацу пишет, что союз (ренго) Мисима, Фомы Оно и Романа Фукуи для совместной проповеди не мог удержаться, потому что союзники как только сходились, непременно ссорились и соблазняли тем окружающих; просит о. Тит извинения за учинения этого неудачного опыта, а также — не посылать больше расставшимся союзникам дорожных.

О. Сергей Судзуки описывает, как они в Оосака встречали праздник: больше двухсот христиан было в Церкви, певчих — тридцать четыре человека. Накануне присоединено четыре человека из католичества. Оосакская Церковь, действительно, ныне очень оживлена.

О. Петр Кавано пишет, что в Усуки ныне всего два христианина, а в городе Такеда — два семейства, человек десять христиан, — здесь бы нужен катихизатор. В Увадзима есть очень усердный христианин Иоанн Ямагуци, помогающий Петру Фудзивара по проповеди; в Ивамаци мура, в 4-х милях от Увадзима, о. Петр троих крестил. Двое христиан в Такедамаци: Симеон Нарахаси и Георгий Суге весьма усердные к распространению веры, так что Нарахаси там зовут проповедником. И в Яцусиро есть два христианских семейства.

О. Павел Савабе очень хвалит усердие катихизатора Иоанна Оно в Сиракава и окрестностях, о Сугай'я же пишет, что никуда не годен, не проповедует, или же так говорит, что его никто не понимает; сделался скрягой, никуда не выходит. — А между тем, начиная с Сиракава семь городов настоятельно требуют проповеди!

19 апреля / 2 мая 1900. Среда
Фоминой недели

О. Павел Савабе был и самолично, вернувшись из Сиракава; явился утром, во время моего занятия переводом; я отказался прервать для него дело — как будто не знает, когда ко мне можно! Поди, подражай их

бессистемности — никакого дела не упорядочишь. Явился он потом в два часа — вот это ладно; с удовольствием побеседовал с ним до той самой минуты, как он, по своему обычаю, внезапно схватившись с места, стал прощаться. Старик в отличном здоровье и отличнейшем расположении духа; в этом состоянии он всегда особенно приятен: оживлен и оживляет; мы с ним сегодня мысленно уже построили в Сиракава новую Церковь — базилику, с простой крышей, наподобие окаянской, и дом для священника; поставили туда в этом году во время Собора диаконом, а чрез год священником Иоанна Оно — тамошнего катихизатора. О. Сававе продает для этого свой дом в Сиракава и из вырученной суммы жертвует 50 ен, я жертвую 100 ен и так далее, и так далее.

Про скряжничество Василия Сугаи, катихизатора, о. Павел рассказывает ужасы: морит голодом себя и детей, чтобы не тратиться, и подобное.

Марку Одагири, катихизатору в Миядзу, я сегодня послал отставку от службы за его непрерывное молчание, столь не соответствующее катихизаторской службою: пусть ищет другое место; до Собора, впрочем, пусть состоит на содержании Миссии, коли хочет.

20 апреля / 3 мая 1900. Четверг
Фоминой недели

По перечтении всех поздравительных с праздником Пасхи писем, открытых листков (хагаки) и телеграмм оказалось ныне: писем 154, хагаки 55, телеграмм 32. В 38 письмах из 38 Церквей означено число христиан, молившихся на Пасху, всего 2437.

Из Хиросима катихизатор Игнатий Каimei извещает, что там уже другой случай, что христиане хоронят по-буддийски; печальное показание и упадка Церкви, и бессилия Каimei поднять ее. На Соборе нужно похлопотать, чтобы назначен был туда другой; кажется, хорошо бы туда Николая Таканаги из Ионако — он побойчее.

21 апреля / 4 мая 1900. Пятница
Фоминой недели

Павел Нициума, ex-монах, приходил с огромной рукописью:

— Это вот я сочинил проект исправления преступников и задумал основать всемирное общество для сего; правил 153 пункта. Продам лес и на вырученные деньги переведу проект на английский язык, напечатаю и разошлю по всем государствам, приглашая членов для составления общества. Будет председатель, Епископ будет подавать советы...

— А сколько за лес выручите? — спросил я.

— Ен 700–800.

— Так когда будут у вас в руках эти деньги, вы бросьте их в море или в огонь — употребление будет такое же, как на проект, только для вас

меньше будет хлопот. Люди в тысячу раз умнейшие, чем вы, истощили и истощают усилия для той же цели, о которой задумали вы, и никак не могут достигнуть ее, и так далее.

Говорил он, что оставит проект. Но удивительный тип расстриги — ни малейшей, по-видимому, мысли о том, что самому нужно исправление.

В отчаяние приводит трудность перевода Послания Апостола Петра — за целый вечер и десяти первых стихов не исправили; а третий раз исправляем; всякий раз добьемся того, что выйдет отлично, понятно; но вновь примемся, глядь — и сами не можем понять, о чем у нас говорит Апостол Петр. Хорош перевод, коли сами переводчики в толк не возьмут, что написали! Боже, что за мучение! Противоположная грамматическая конструкция — изволь тут перевести эту непрерывную на целые страницы цепь текстов. А станешь рубить — смысл извращается; то — золотая цепь, а это — горсть разбросанных колец. Что делать? Боже, дай разумение и терпение!

22 апреля / 5 мая 1900. Суббота
Фоминой недели

От неодолимости трудностей перевода такое убийственное расположение духа, что не смотрел бы на свет Божий! Сколько ни бейся, ничего путного не выходит, как тут не прийти в отчаяние! Перевели мы первую главу Петрова Послания так, что, читая, всякий поймет, но что это за перевод! набросок бессвязных мыслей! А попробуй свяжи их так, как в подлиннике, или хоть бы в славянском и русском переводах, хоть умри — не свяжешь! Во всех китайских текстах бессвязная путаница, которой никто не поймет, или же такая раздробленность, как у нас, да еще причинения...

Был в Церкви Асакуса; приглашали по поводу освящения пристройки в 200 ен, с задолжанием больше 70 ен. Водоосвящение о. Семен Юкава по глупости совершил без меня, тогда как мне хотелось именно помолиться с христианами. Я сказал поучение, угостился чаем, причем и все собравшиеся христиане, битком набившие крошечное церковное помещение, угощались из ящичков бенто; дал 15 ен в покрытие долга, еще 5 ен большому Иоанну Макита, самому первому христианину в Асакуса, крещеному в 1875 году и ныне лежащему больным; и вернулся в таком же унынии, в каком ушел, и в каком пребываю весь день.

23 апреля / 6 мая 1900.
Воскресенье жем-мироносиц

О. Василий Усуи из Одавара извещает, что Лука и Мария Такахаси не только не исполнили своего обещания мне помириться с братиею, а

напротив, еще больше ожесточились: они приписали мое посещение их чему-то особенному, «не просто-де, а что-то случилось, или что-то замышляется» и «ни за что не помиримся, если о. Петр Кано не будет возвращен в Одавара». Вот и разъясней им христианскую любовь! Хоть разопнись перед ними, ничему не верят и ничего не принимают! Органа нет для того, как у евреев, которых укорял Пророк Исаяя за бесчувственность. Что ж, Господь с ними!

24 апреля / 7 мая 1900. Понедельник

Стефан Камои, катихизатор в Кокура, прислал от христиан 25 ен на новый стихарь. Усердие к церковному благолепию такой маленькой христианской общины приятно. Стихарь немедленно пошлется и напишется позволение Стефану надевать стихарь при общественных молитвах, о чем он просит.

Послал в Куякусё 100 ен — пожертвование мое на Художественный музей, на постройку которого в память бракосочетания Наследника собирается ныне по подписке от японцев и иностранцев.

25 апреля / 8 мая 1900. Вторник

В сегодняшнем номере «Japan Daily Mail» говорится, что Правительство отправило Анезаки Масахару на три года в Германию для изучения религий; на обратном пути он посетит Индию. «Тецугаку-засси», из которого заимствуется это известие в «Japan Mail», питает большие надежды на эту Правительственную миссию. Правительство дало средства Анезаки на дорогу и прожитие за границей. Из этого акта Правительства видно, что оно оценило важность религии для государства и желает христианства. Но — в Германию! Изучать куски и осколки разбитого вдребезги христианства!

Анезаки — молодой ученый, недавно кончивший Университет и написавший уже несколько умных книг по исследованию буддизма. Быть может, Господь откроеет ему разум, что не в Германии нужно искать христианскую истину.

26 апреля / 9 мая 1900. Среда

Мужские и Женская школы попросили сегодня рекреации. Дал по 5 ен Семинарии и Катихизаторской школе, и Женской школе. Ученики отправились на Асакаяма, где занимались играми и благополучно вернулись; Женская школа — в Уено, где тоже своими играми собрала вокруг себя большую публику; песенки их до того нравились, что случившийся там один католический миссионер просил продиктовать ему одну, именно

ихнего собственного сочинения и положения на ноты (ту, что они на экзаменах поют), и записал. Смотрели ученицы также там зверинец, кто музей, кто выставку. Вернулись очень счастливые днем своим.

С шести часов была всенощная, пропетая причетниками, по поводу завтрашнего национального праздника; все учащиеся молились.

В две сажени письмо от о. Николая Сакураи: описывает свой обзор Церквей; оживлено у него по проповеди.

27 апреля / 10 мая 1900. Четверг.

День бракосочетания Наследника Японского Престола

С восьми часов Литургия, отслуженная тремя иереями. Потом благодарственный молебен, на который выходил и я.— Погода превосходная. Жители Токио и множество пришельцев на торжество вполне насладились своим национальным праздником. Дай Бог Наследнику и его супруге сделаться христианами и ввести христианство в страну, и христианство истинное! Благослови их, Господи, на это великое дело для спасения их собственных душ и душ миллионов!.. Ныне пока отдаленное влияние христианства на них высказывается в том, что брак их сегодня заключен в кумирне (по подражанию христианским бракам в храмах), чего прежде не бывало; также в том, что при выборе невесты для Наследника обращено было особенное внимание на то, чтобы она отличалась здоровьем, из чего заключают, что будущий Император будет иметь только одну жену, без наложниц (которых главный смысл в деторождении, при бесплодии Императрицы, как и с нынешним Императором, Наследник которого — сын наложницы — за бездетством Микадессы).

28 апреля / 11 мая 1900. Пятница

В казенных учебных заведениях сегодня тоже гуляли по случаю бракосочетания Наследника, у нас тоже. И мы с Накаем не переводили, а писал я целый день письма в Россию и прочее.

Было несколько посетителей — христиан, пришедших из провинции на праздник. Между прочим, Маедзима Ромир из Оота и Андрей Саймару из Ооцу: приходили просить, чтобы я заставил Романа Фукуи продолжать участие в проповедническом союзе с Петром Мисима и Фомой Оно; я отказался сделать это, так как не я выдумал этот союз — пусть советуются об этом со своим священником о. Титом.

Варнава Симидзу, катихизатор в Кобе, пишет по-русски длинное письмо, из которого видно, что он нарушил 7-ю заповедь, сильно терзается этим и оставляет службу поэтому. Давно советовал я ему жениться, не послушался — вот и результат.

29 апреля / 12 мая 1900. Суббота

Старый катихизатор Павел Цуда из Тоёхаси пишет — советует во время Собора молодых катихизаторов помещать для прожития в зданиях Семинарии, а не городской гостинице — очень-де скандально ведут себя в последней. Вот так проповедники! И не в первый раз уже я слышу это внушение, и это о катихизаторах. На сколько войдут в Семинарию, конечно, поместим их там на этот раз — и так нужно будет поступать при следующих Соборах.

30 апреля / 13 мая 1900. Воскресенье

После Литургии явился старшина Церкви в Оказаки, старик Яков Гото, с женой, благодарить за большую икону Святой Троицы в отличной раме, отосланной мною, согласно обещанию, для поставления за престолом в Церкви в Оказаки. Икона пришла туда благополучно и поставлена на принадлежащем ей месте. Говорил Гото о стараниях своей Церкви приготовить содержание для священника; купили землю, из которой может получиться пять мешков риса, и считают это уже очень большим приобретением; но что же это для годового содержания священника с семейством! И это одна из самых богатых и усердных Церквей. Господи, когда же Японская Церковь будет в состоянии обойтись без русских денег?

1 / 14 мая 1900. Понедельник

Протестанты иногда грубы до невозможности. В «Сейнен-но фукуинг» напечатана статья, крайне оскорбительная для Наследника; говорится, что «он-де больной, слабый человек, и выдавать за него здоровую девушку все равно, что отдавать жертву на заклятие — отдавать ее трупу» и подобное. Номер газеты вышел 9 числа и в день бракосочетания Наследника разослан был везде; газета ничтожная, потому никто не читал ее, по один каннуси заглянул и ужаснулся, тотчас же дал знать по начальству; газету конфисковали и запретили ее издание; автора посадили в тюрьму; он из конгрегационалистов, воспитанник Доосия в Кёото. Статья вышла с позволения иностранного миссионера, главного в газете.

Узнавшие обо всем этом японцы немало волнуются и вопиют против христиан вообще — «вот-де они каковы!» Матфей Уеда, сообщивший мне все это, говорит, что «сооси» собираются даже разнести иностранные Миссии. Этого, конечно, не случится. Но весьма жаль, что христиане подают такой повод к нареканиям на себя. Тем более, что совершенно безосновательно: Наследник, быть может, и не отличается здоровьем, но выглядит молодцом, настоящим женихом — за что ему такое оскорбление — не жалость ли? И это от лояльного японца под влиянием протестантства! Дурачьё!

2 / 15 мая 1900. Вторник

Вчера и сегодня был в Иокохаме по делам в банке и другим, писал письма в Россию и Китай: в Пекин — П. С. Попову по поводу его заказа отпечатать здесь его словарь, в Ханькоу — благодарил Василия Романовича за пожертвование 500 ен на Миссию и за чай, и прочим. — Раздосадовал Сенума, начальник Семинарии, просьбой о рекреации; чуть не каждый день гулянье, хоть школу закрывай. И без того у нас в школах столько праздников и гулянья, сколько нигде нет: мы празднуем и христианские праздники, и гражданские, и масленица у нас, и Пасха; а тут еще три рекреации давай, чего тоже в других школах нет; есть там только два весенних дня отдыха и гулянья и два осенних. Сказал я, что вторая рекреация отныне отменяется; третьей же будет день Святителя Николая 9 / 22 мая.

Раздосадовал также о. Павел Косуги: просит ежемесячно по 5 ен на лечение жены. Послал единовременно 5 ен и написал, что может он лечить жену на свое жалованье — 25 ен в месяц, кроме жены у него нет никого, а сам лентяй, не дающий никакого плода своим служением.

3 / 16 мая 1900. Среда

О. Сергей Судзуки из Оосака извещает, что катихизатор Варнава Симидзу, развратившийся, бежал из Кобе в Китай. Убеждал-де его много раз жениться, не слушал — и вот теперь, кроме того, что развратничал в непотребном доме, оставил какую-то женщину, беременную от него. Христиане в Кобе, между тем, ничего этого не знают; неудивительно, что о. Сергей не знал до последнего времени, я тем более.

Христиане Миядзу возопили против отставки Марка Одагири за молчаливость его; «он-де хотя молчит, зато дурного ничего не делает»; целых три письма о том; впрочем, одной руки; послал их о. Семену Мии для прочтения. А Одагири не оставить ли на службе? Правда, его можно заменить палкой и даже с большой выгодой — не нужно будет жалованья платить... — Просто уныние берет: кто побойчее — поргится и бежит, кто ни на что не годен — силой не прогонишь.

Все эти дни и погода прекрасная, и здоровье хорошее, а уныние камнем давит душу; страстно хочется иметь добрых сотрудников, а их нет ни русских, ни японских, и не предвидятся; знать, так и уйдешь в могилу с вечным унынием от бесплодного ожидания.

4 / 17 мая 1900. Четверг

Из тюрем чуть не каждый день письма: то книг просят, то благодарят за книги. Да ведь как пишут! И ученость, и благочестие — хоть на выставку посылай! И как откровенно исповедуют свои грехи; должно быть, потому, что письма проходят чрез руки начальства.

5 / 18 мая 1900. Пятница

О. Симеон Мии прислал письмо Марка Одагири — принимает отставку и благодарит за содержание до Собора. О. Мии изъясняет еще, что по чувству благочестия Марк просит оставить за ним имя «проповедника» и по отставке его — «будет-де стараться проповедывать, где бы он ни был и чем не занимался»; по сему поводу о. Мии расхваливает благочестие Марка, пишет еще, что он мастер петь, мог бы обучать церковному пению; если бы держать его при человеке, который бы управлял им, то он мог бы проповедывать — «проповедь-де, коли нужно, скажет не хуже другого, а пожалуй еще и лучше». Словом, то «Марк никуда не годится, убери», то «Марк весьма годен, оставь», семь пятниц на неделе! Правду говоря, Марк человек добрый, но безгласен, как рыба.

6 / 19 мая 1900. Суббота

На Литургии и служении благодарственного молебна в Посольстве, так как день рождения нашего Государя.

Был из Оцу (что около Кёото) чиновник, родом из Мориока, племянник бывшего катихизатора Якова Кооги; как видно, хороший христианин; скорбит, что отец его на днях помер в Мориока некрещеный; говорит, что и он, и дядя убеждали его сделаться христианином, не послушался из гордости — веру в Бога Создателя вмещал, в Спасителя — не вместил. Очень жаль, Церковь о нем молиться не может, так как он имени в Церкви не имеет.

7 / 20 мая 1900. Воскресенье

Посетил больных: в Асакуса Иоанна Макита и в Ситая Нину Абе; и тот, и другая одни из первых по времени христиан в Токио; в дома их я входил для проповеди при начале проповедывания здесь, и они, по усердию, собирали слушателей. Оба совсем ослабели, и Макита, вероятно, на днях скончается. Над ним тоже совершилось обычное здесь чудо таинства елеосвящения; страдал очень от своей грудной болезни, но после Елеосвящения, совершенного о. Симеоном Юкава две недели тому назад, боли совершенно прекратились, и он теперь спокойно и радостно ожидает кончины; постоянно силится делать крестное знамение, только ослабевшая рука не служит.

8 / 21 мая 1900. Понедельник

О. Симеон Мии пишет, что и другие христиане в Миядзу просят оставить Марка Одагири на службе. Итак, просит сам о. Симеон: оставить

его еще на год с тем, чтобы он в это время исправился от своей молчаливости и явил успех проповеди.

Так и сделано. Я ответил о. Симеону, что на год отменено решение отставить Марка от службы; и пусть-де в этот год и он исправится, и хлопочущие за него христиане покажут свое усердие к Церкви и любовь к Марку помощью ему по проповеди и обнаружением успехов оных. Пусть-де о. Симеон известит о сем Церковь в Миядзу...

За всенощной были все учащиеся. Пели оба хора.

9 / 22 мая 1900. Вторник.

Праздник Святителя Николая Чудотворца

С семи часов Литургия, отслуженная мною с пятью иереями, потом молебен. Было несколько христиан из города.

Обычные поздравления меня с Ангелом и обычные — чай, завтрак и обед для поздравлявших разных званий, — на Симбокквей учащимся обоих полов, — на чай прислуге всех заведений. У учеников вечером на Симбокквей приглашен был Димитрий Константинович Львовский, уезжающий 25 числа в Россию.

Посланник Роман Романович Розен и другие русские были с 2-х до 5-ти Р. М.

Прекраснейшая погода украшала праздник.

10 / 23 мая 1900. Среда

Хорошее письмо от Моисея Минато с острова Сикотан; пишет, что путешествие сюда и в Кёото в сопровождении бонзы наших двух христиан в прошлом году не только не ослабило их благочестия, как опасался Минато, а напротив, укрепило; рассказами о том, что видели здесь и по другим Церквам, они одушевляют и возбуждают желание также побыть в Токио, что некоторые, кажется, и исполнят. Пишет, что ежедневно утром все сикотанские христиане собираются в Церковь на молитву, что много доставляет пользы и удовольствия им чтение присланных отсюда религиозных брошюр, что и в нынешнее лето некоторые отправятся для промыслов на Парамушир, что сам он — Моисей — готов всю жизнь свою посвятить на служение Церкви там, и прочее.

11 / 24 мая 1900. Четверг

О. Сергей Судзуки из Оосака просит назначить катихизатора в Акаси, Макария Наказава, исправляющим должность катихизатора в Кобе, на место бежавшего Варнавы Симидзу. Но для Наказава есть дело в Акаси; притом же он слабый катихизатор, если разделится надвое, в

обеих Церквах будет нуль. Поэтому написано о. Сергию присоединить Кобе к Оосака и из Оосака посылать туда одного из катихизаторов. Дорожные даны будут от Миссии.

12 / 25 мая 1900. Пятница

Утром уехал в Россию в отпуск диакон Дмитрий Константинович Львовский с семейством, состоящим из жены и четырех детей, из которых старший — Петя — в возрасте определения в школу, для чего собственно и уехали они. Говорил, что вернется один, без жены, которая там нужна-де для детей, а здесь — утомилась от труда, имея несчастливый характер работать по всем частям одна, не допуская к участию прислуги, которая-де оттого и не уживается с нею. — Не думаю, чтобы Катерина Петровна отпустила сюда Дмитрия Константиновича одного.

Послал я с Дмитрием Константиновичем ящик чая о. Феодору Быстрову, подарив другой такой же ящик Дмитрию Константиновичу в «о-рей» за провоз.

Скромная вдова катихизатора Варнавы Имамура, Любовь, приходила просить принять ее девятилетнюю дочь приходящую в Женскую школу. Я сказал ей, что они — вдовы служивших Церкви — могут не приходящими, прямо определять своих детей в школу по достижении семи школьного возраста. Пусть только она попросит одну из учительниц присматривать за ее дочерью, как за маленькую; если которая возьмется, то дочь ее может войти в школу на полное церковное содержание. Правило об очередном поступлении в школу просящихся к ним, вдовам, не относится.

Но сегодня же пришлось отказать двоим, просящимся в Женскую школу, из Санума — девочке одного христианина, и сестре катихизатора Моисея Сираива, дочери Никифора, давно служащего миссионером. Что ж иначе? Почти тридцать кандидаток на поступление уже числятся. Обещать бы принятие, так чрез пять-шесть лет — а в это время Бог весть, что может случиться!

13 / 26 мая 1900. Суббота

Удивляет этот язычник Кавано из Циба-кен, опускающий в церковную кружку значительные суммы: сегодня вынуто из кружки его пожертвование — 110 ен, сделанное им в двукратное посещение им Собора после Пасхи. В Единого Бога верует, а дальше не хочет слушать; от катихизаторов, которые не раз набивались ему, отказывается; впрочем, старается полагать на себя крестное знамение, когда бывает за богослужением в Соборе; в последнее время и под крест стал подходить.

Антоний Такаи, катихизатор в Хонго, приводил взять благословение одного из наученных им и уже крестившегося чиновника полицейского ведомства, отправляющегося в качестве начальника полиции в Саппоро; изъявляет радость, что не нужно будет скрывать свое христианство, боясь начальства — «сам-де наибольший будет», и обещает усердствовать к распространению христианства; снабдил его запасом христианских книжек.

О. Петр Сибаяма, из Нагоя, хвалит усердие своих катихизаторов: Симона Тоокайрина, находящегося на искусе, после своей провинности в Немуро, и Павла Тerasима, доселе вечно больного, ныне, пишет, совсем здорового и приводящего к крещению больше, чем Симон.— Но крещены ли уже ими приведенные и сколько, об этом не пишет, должно быть, потому что нечего написать. Впрочем, ладно и то, что хвалит. Помоги Бог!

14 / 27 мая 1900. Воскресенье

Отслуживши Литургию, поспешил в Посольство служить молебен, так как день коронации нашего Государя. Певчие и без Димитрия Константиновича Львовского пели весьма изрядно; я исправил все и за диакона; хотел было половину этой чести уступить о. Сергию, чтобы он сказал первую ектению, но он упорно отказался — «коли без диакона, все-де за него сам Епископ»; нечего делать, пришлось повиноваться настоятелю.

Когда вернулся домой, встретился с Харитой Анатольевной, женой о. Симеона Мии, приехавшей на поминки своего отца, смерти которого тридцать лет; рассказала о Церкви в Кёото: «Растет Церковь — есть слушатели учения, скоро совсем тесно будет молиться в домашней Церкви там, нужно думать о постройке храма»...

При ней же пришел о. Алексей Савабе; этот с дрянным известием: еще один катихизатор оставляет службу по семейным делам — Николай Гундзи, воспитанник Семинарии да еще с особенным старанием выхоженный ею, так как много болел. Резонов, разумеется, наговорил кучу — дом-де без него гибнет, нужно управлять им и прочее, и прочее. «Через три года опять являюсь на службу Церкви». Грошевики, обманщики! Для грошовой земной выгоды бросают завиднейшую долю и высочайшую честь быть соработниками Господу в устроении им Царства Божия на земле для спасения их же и их ближних по крови.

Выслушавши о. Савабе, я ни слова не сказал ему, зная, что слова в таких случаях бесполезны — человека не удержишь, если он разорвал узду совести.

— Что еще имеее сказать? — спросил я.

— Гундзи завтра сам явится к вам рассказать обстоятельства, заставляющие его оставить службу Церкви.

— Зачем же рассказывать в другой раз; я от вас все слышал; скажите ему, чтобы он не мешал моим занятиям завтра. Пусть отправляется с миром домой и занимается, чем ему нужно.

— Еще Тит Оосава, учитель пения и причетник, совсем отбил от рук; всего-то и службы — в субботу отпеть всенощную, в воскресенье — обедню, и этого не делает; вот уж сколько раз не приходил в Церковь и у о. Павла-старика (Савабе) просился уволить его совсем от субботней службы.

— Этому скажите, что вы будете штрафовать его вычетом из жалованья за неявку на службу, или же пусть совсем уходит на свои какие-то посторонние дела, которыми так занят в противность своим обязанностям.

15 / 28 мая 1900. Понедельник

Был в Иокохаме по банковым делам. Еще раз убедился, что при размене чека приходящего содержания Миссии, нужно справляться в разных банках и размениваться в выгоднейшем; в Chartered Bank показали размен пришедшей суммы: 2866 фунт. ст. 16 ш. 6 п. = 28 155 ен 1 с., в Hong-Kong and Shanghai Bank'e: 28.227 ен 18 сен, то есть на 72 ены 17 сен больше — разница значительная; я разменял, конечно, в последнем; а сначала думал было оставить вексель в Chartered, и хорошо, что справился и инде.

16 / 29 мая 1900. Вторник

Яков Нива, бывший когда-то катихизатором, развратившийся потом, перебивавший в разных протестантских сектах и наконец в тюрьме, пишет ныне с острова Формозы покаянное письмо и просится опять в Православную Церковь — «не находит-де душевного покоя вне сей Церкви»; просит подвергнуть его какой угодно епитимии, лишь бы допущен был в православие; описывает свою жизнь на Формозе: владеет госпиталем, имеет много служащих, живет в достатке, пять человек детей, из которых один, пятнадцатилетний, уже служит и получает до 40 ен в месяц (не лжет ли, по обычаю своему?) Письмо умное, так как человек он несомненно умный, но верить прямо нельзя — человек крайне сомнительный. Итак, отвечено: «Разумно, что покаялся; если искренно, то не сомневайся в прощающем милосердии Божиим». Слово же допущения его в Церковь не употреблено; может быть допущен к таинствам не иначе, как после, по крайней мере, семилетнего испытания; а кто за ним наблюдает там?

Пишет он еще, что там человек пятнадцать-семнадцать православных христиан, просит поэтому прислать туда священника. Но такового для острова Тайвань не имеется. Просит крестиков, икону, книг христианских — все это послано.

17 / 30 мая 1900. Среда

О. Симеон Мии из Кёото пишет: «Считаю более полезным созвать на Собор в этом году только духовенство, а не всех. Оживить дух катихизаторов и христиан и предпринять добрые меры на расширение и укрепление местных Церквей ныне весьма существенно. О том и другом подробно обсуждать на собрании многоопытных отцов пастырей, вне официального заседания, было бы очень полезно для Церкви, по моему». — Но отменить ныне общий Собор, которого все ждут, было бы не «оживить», а оглушить «дух катихизаторов». И какие «добрые меры» предпримут «многоопытные отцы?» Вот о. Савабе-старик предлагает меру, чтобы половину катихизаторов, за негодностью, исключить из службы, а другой половине вдвое возвысить содержание, «тогда-де» и так далее. Но каких же исключить? Есть, правда, человек пять-шесть, вроде Анатолия Озаки, совсем безуспешные, а прочие — и самые плохие, по-видимому, оказывают значительные успехи, коли оказывается это для них возможным, и самые хорошие, по-видимому, пребывают бесполезны по годам... Размышление о сем (особенно после совета с секретарем Нумабе) навяло такую печаль на меня, что я едва передвигал ноги, идя на всенощную пред завтрашним Вознесеньем. Лучшие люди, для воспитания которых Церковь употребила много средств и усердия, уходят со службы или развращаясь, или по семейным якобы делам; другие лучшие люди (как кандидаты) в подозрении, что скоро уйдут; остается все бездарность, вялость, негодность, подонки — и тех-то хотят делить надвое, чтобы подонка подонков удалить, но какие именно подонки внизу, какие наверху — один у других определить нет возможности; все бы вымести, но тогда Церковь с чем останется? Служащих у ней не будет — она умрет самоубийственной смертью. — Итак, что же? О, Господи...

Если когда болеют душою, то я именно болен, идя в Церковь. И на литию выходил до того мрачный, что не видел ничего кругом. Но с литии вернулся в алтарь совсем в другом настроении. Откуда взялись крылья? Кто вынул одно сердце и вложил другое? Если это не помощь Божия, то что же это? И что будет тогда помощь Божия?.. Мне ли унывать, когда я лишь на послуге у Господа! Как Ему угодно! Лишь бы безукоризненно делать мне свое дело, прочее все — Его воля! Шло же до сих пор, как же смею я сомневаться, что не пойдет вперед!

**18 / 31 мая 1900. Четверг.
Праздник Вознесения Господня**

На Литургии совсем мало из города христиан. Грустно! Не таков в России этот праздник. Там бы хотелось быть.

Весь день мелочные дела: посещения, на которых ни слова нового, месячные расплаты — такая все надоевшая рутина, вертисься, точно белка в колесе.

19 мая / 1 июня 1900. Пятница

Помер в Асакуса Иоанн Макита, по рассказу — несомненно спасенным человеком; в последние дни, по совершении над ним святых таинств, был постоянно в радостном настроении духа. Истинно, блаженни умирающие о Господе!

20 мая / 27 июня 1900. Суббота

На раннюю Литургию собрались семинаристы и по окончании ее просили отслужить панихиду по умершем товарище, давно, впрочем, вышедшем из Семинарии по болезни, Якове Накакоодзи; на днях они похоронили его, попросившись для того, — умер он у матери в городе; недавно также собрали для него между собою пожертвование до 5 ен, будучи сами все крайние бедняки. Все это без всякого внушения им, по собственному почину. Это очень приятно.

Павел Сайто, катихизатор в Бато, пишет, что совсем кончен постройкою их церковный дом, просит на освящение и прочее. Отвечено, что освятит у них их местный священник, я не приеду — «некогда-де»; в сущности, зачем их вводить в лишний расход? Притом, и время теперь рабочее, неудобное время для церковного праздника. Но посланы, по просьбе Сайто, пятьдесят брошюр «О воскресении» для раздачи христианам. Давно уже написаны, оправлены в отличные рамы и посланы для церковного дома три Божии иконы: Спасителя, Божией Матери и Пресвятой Троицы.

21 мая / 3 июня 1900. Воскресенье

По окончании Литургии все ученицы остались в Соборе — эти для служения и панихиды по своей товарке, Варваре Котера, умершей в

Мориока, куда недавно отправилась, чтобы оправиться, но где простудилась и вчера померла. Это тоже по собственному почину.

[*Пропуск в оригинале*]

24 мая / 6 июня 1900. Среда

Из тюрьмы, в Хоккайдо, пишет один, благодарит за книги, посланные ему по его просьбе, и просит научить Христовой вере его престарелых родителей здесь, в Токио, в Фукагава. Пишет язычник, но точно умный и благочестивый катихизатор; видно, что человек получил хорошее образование до тюрьмы, а в тюрьме теперь видно, что действительно проникается тем, что читает в книгах, которые просит и получает.

Попросил я о. Феодора Мидзуно найти его родителей и озаботиться исполнением просьбы сына касательно их. Он нашел их; старик служит сторожем рыбного садка одной рыбной компании в Фукагава; показывали они письмо сына, в котором он и к ним пишет то же, что ко мне, — желает, чтобы они сделались христианами. О. Феодор поручил катихизатору в Цукугава, Иоанну Катаока, наставить их; присмотрит и сам за сим.

25 мая / 7 июня 1900. Четверг

Во время утреннего занятия переводом Елисавета Котама, начальница Женской школы, пришла сказать, что умерла маленькая (двенадцатилетняя) Мария Окамура, сиротка, дочь катихизатора. Господь прибрал ее! Уродилась больною и все время не могла оправиться, несмотря на добрый уход за нею дома и в школе. Дал 10 ен на похороны. Умерла в казенном госпитале.

Что это? Уж не признаки ли какой болезни? Целый день сегодня скверное расположение духа; едва выдержал часы обычной работы и работал с оханьем и ропотом, тогда как всегда работа сопровождается взрывами смеха и шутки в секунды отдыха — обычный способ моей работы, не могу иначе делать ни в школе, ни за переводом, ни на катихизации, как в самом отличном расположении духа; к счастью, оно всегда и бывает, за исключением вот таких редких дней, как сегодня.

26 мая / 8 июня 1900. Пятница

С плотником Василием советовался о покрасочном ремонте Собора снаружи — северная сторона особенно некрасива от черных пятен — лишайных порослей от сырости; с других сторон тоже немало пятен, и ничем нельзя убить этот сыростный лишай; покрасить — через два-три

года опять станет так же безобразно. А тысячи полторы ен по крайней мере нужно на покраску; раза четыре нужно покрыть, да леса чего стоят. Впрочем, в нынешнем году едва ли придется произвести эту работу; ныне нужно будет строить вал у Женской школы, где отрезают значительную часть земли под дорогу.

27 мая / 9 июня 1900. Суббота

Первая глава Послания к Колосаям – такая трудная для перевода, что я пришел в отчаяние; четвертый раз переводим, и все выходит так, что, конечно, читающий наполовину не поймет, что читает. А как сделать иначе? Вставить свои объяснения, как делает протестантский переводчик? Но это будет толкование на Послание, а не перевод его. Раздробить на многие стихи непрерывающуюся речь, чтобы наделать отдельных периодов для понятности? Раздроблена без церемоний – и все-таки непонятно. Хоть убей, сил нет сделать что-нибудь лучшее! Просто мучение!

28 мая / 10 июня 1900. Воскресенье.

Духов День

До Литургии было крещение нескольких возрастных и детей. Между ними – одного шестидесятивосьмилетнего старика, глухого, из селения Уено; учение, впрочем, знает, ибо еще двадцать три года тому назад слышал мою проповедь в Уено, потом постоянно был в общении с своим другом Петром Юкава, отчимом о. Симеона Юкава, добрым христианином, но по ученой гордости не веровал – ученый конфуцианист; горе сломило гордость – сын умирает от чахотки, тоже ученый, универси-тант и неверующий; уверовал старик и крестился, чтобы молиться о выздоровлении сына. Дай Бог ему умолить! Спаситель милосердовал и к такому.

Литургия, по обычаю, начата в девять часов; полдневная пушка была, когда мы еще служили вечерню, с ее длинными молитвами, для которых вперед нужно беречь голос, чтобы прочитав вразумительно для всех; сегодня я безрассудно утомил его до службы, готовясь к чтению молитв, что можно делать и шепотом.

29 мая / 11 июня 1900. Понедельник.

День Святой Троицы

С восьми часов Литургия, отслуженная собором трех иереев с о. Павлом Сато во главе. Кроме школ, в Церкви – почти никого, человек девять,

самых благочестивых, были. Потом целый день дождь, по уставу, ибо «нюбай» начался.

В сегодня полученной почте «Первый Вестник», № 16, весь заполнен покойным профессором Болотовым, скончавшимся 5 апреля, в Великую среду. В начале номера его портрет. Без слез нельзя читать. Какую ученую силу потеряла Академия и вся Россия! И какая жалость, что его постоянно развлекали посторонними пустяками вроде диспутов и рецензий, не давая вполне предаться его специальности — церковной истории, по которой заметно крупного так он ничего не оставил.

30 мая / 12 июня 1900. Вторник

О. Борис Ямамура описывает путешествие по Церквам; лучше всего ныне проповедь идет на самом севере его прихода, в Аомори и прилежащих местах.

Катихизатор в Бато, Павел Сайто, извещает, что 20 июня положили освятить построенный в Бато церковный дом; просит прислать отсюда двух певцов к тому времени. Ладно!

Павел Накаи рассказал, что приходила к нему бабка Кати (Маленда), говорит: «мать Кати очень больна, просит свидания с дочерью»; плачет бабка; не крокодиловы ли слезы? Торговала все время дочерью, не замышляет ли и на внучку? Призвали мы с Накаем Елисавету Котама и Евфимию Ито, посоветовавшись, решили: завтра отправиться Евфимии посмотреть, правду ли говорит бабка; если правда, то свозить Катю для свидания с матерью; свозить в сопровождении повара Марка, одного из самых здоровых и расторопных слуг (на случай засады там), и там Катю ни под каким видом не оставлять. Главное же, стараться обратить больную в христианскую веру, чтобы она умерла раскаявшеюся с надеждою на Спасителя и чтобы дочь потом могла молиться за нее в Церкви.

31 мая / 13 июня 1900. Среда

Катихизатор Василий Ямада приходил: хочет начать небольшое ежемесячное издание, полезное для наших воскресных школ и женских собраний. Пусть издаст один номер до Собора, и, когда соберутся наши, спросит, полезно ли будет? Если одобряют, то пусть продолжает; можно в помощь ему дать еще одного или двух охотников писать, назначив их катихизаторами в Токио. Дам и небольшую денежную помощь.

Посланник барон Роман Романович Розен с женой Елисаветой Алексеевной и дочерью Лизой приезжал прощаться; в субботу утром отправляется из Токио, чтобы в Иокохаме сесть на наше военное судно для следования во Владивосток. Искренно жаль мирного и доброго представителя нашего! Как бы без него не разладить нам с японцами. Говорил

он, между прочим, что две тысячи нашего войска высадились в Китай, по случаю тамошних беспорядков и бессилия китайского правительства обуздать повстанцев, убивающих туземных христиан и иностранцев и жгущих христианские храмы — между прочим, сожгли и один православный, должно быть, в деревне Дундиньян.

Была жена адмирала Старк, из Порт-Артура, с дочерью и сыном. Приехала по совету врачей лечиться от ревматизма в Юмото, дальше Никко, но боится туда отправиться — японцев боится, потому-де — «они ныне так свирепо смотрят на русских», и, кажется, вернется обратно в Нагасаки, не лечась. Так-то напуганы толками о предстоящей будто бы войне России с Япониею! В Нагасаки адмиральша жила в одной гостинице с о. Вениамином, который рассказывал ей, что «уже девять месяцев, как приехал в Японию, что в Токио неудобно ему — скучно там, поэтому он поселился в Нагасаки» (sic!!). Недаром я и прежде замечал в о. Вениамине склонность лгать — дар, неудобный для миссионера.

1 / 14 июня 1900. Четверг

О. Андрей Метокси не без радости извещает, что крещено семь в Нагаока — в первый раз такой большой успех с тех пор, как он там поселился.

О. Сергей Судзуки просит квартирных для Церкви в Кобе за шестой месяц — Варнава Симидзу унес их с собой, не заплатив хозяину — обычная плутня уходящих со службы.

Евфимия Ито сегодня во второй раз вернулась от матери Кати Маленды (Накаи); действительно, больна чахоткой и, по словам врача, осталось ей жить всего несколько дней. Поэтому Евфимия вчера и сегодня говорила ей о вере и убеждала уверовать в Истинного Бога и Спасителя и креститься для спасения души. К счастью, больная уже несколько знакома с христианской верой; нашлись даже у нее образок и крестик, данные ей Малендой; а в последнее время посещал ее близ живущий один протестантский проповедник и говорил о христианстве. Она изъявляет полную готовность принять крещение. Поэтому еще раз Евфимия сходит наставить ее в вере, а послезавтра о. Роман Циба пойдет испытать ее и преподавать Святое Крещение. И дай Бог ей умереть с надеждою спасения! Дочь ее и Церковь будут молиться о ней.

О. Вениамин пишет, что «станет на почву Закона» в деле о своем жалованье, то есть будет требовать, чтобы велено было мне выдавать ему «2.000 рублей = 3.000 ен — столько-де положено». Я ответил ему, что очень рад его решению и что, стало быть, устраняется моя услужливость давать ему из моего жалованья 25 ен — буду отселе высылать ему законное жалованье — 100 ен, которое за глаза достаточно на все нужды монаха-

миссионера, если он благоразумно, как подобает монаху, будет распоряжаться им...

Иван Акимович Сенума просил заплатить какой-то женщине 3 ены за чулки (таби), которые забирал губернёр Мирон Сео для учеников, — уехал-де не заплатив. В то же время Сенума рассказал, что Сео остался должным здесь ен 150. Отказался я заплатить 3 ены, иначе все 150 придется платить, а так и за всех мошенников, уходящих со службы Миссии, придется платить. Пусть уж плутуют и терпят убытки взаимно, Божьи деньги не бросать стать в эту дьявольскую пасть, довольно для них и прямого употребления, при котором, однако, большая половина тоже точно уронена на дыривом мосту при переходе через пропасть.

2 / 15 июня 1900. Пятница

О. Павел Морита прислал исповедную ведомость за минувший год, которая истинно порадовала: почти все в его приходе были у исповеди и святого причастия, тогда как у других священников наполовину или более не говевших. На Соборе нужно будет поставить в пример священникам эту ведомость.

О. Иов Мидзуяма извещает, что опасно болен от простуды катихизатор в Накасима и прочих Иоанн Ито — один из лучших наших катихизаторов, всегда трудящийся и успешный. Очень прискорбно! Спаси его Бог! Послано 5 ен на лекарства.

О другом, тоже очень хорошо катихизаторе, Николае Оно, пишут, что поправляется от своей долгой и опасной болезни. Слава Богу!

Посланница Елизавета Алексеевна Розен прислала два воза книг в миссийскую библиотеку; почти все — периодические издания, русские и иностранные. Спасибо! Все годное переплетется и внесется в каталог, на память о доброй жертвовательнице.

3 / 16 июня 1900. Суббота

В десять часов отправился к посланнику Роману Романовичу Розену, чтобы попрощаться и проводить до станции; отслужил им напутственный молебен, причем пел и читал все сам, ни единого человека не было в Церкви помочь; служил в епитрахили и малом омофоре. На станции, для проводов, был весь дипломатический корпус и все главные японские власти, также множество дам, европейских и японских — видно, что любили барона и баронессу.

О. Роман Циба крестил больную мать Кати Маленду; учительница Евфимия Ито была ее восприемницей, Тимофей Исии, добрый христианин в Сиба, восприемником. Нарекли Еленой. Учение, по испытании ее о. Романом, оказалась знающею настолько, что к крещению допустить

было можно, а главное, показывала самое искреннее желание сделаться христианкой, со слезами каялась в грехах и по крещении, миропомазании и приобщении Святых Тайн была так счастлива, что Евфимия, рассказывая мне об этом, сама заплакала от умиления. Слава Богу!

Из Китая все более и более тревожные известия: Пекин в опасности от повстанцев, посольства оградились баррикадами, железная дорога от Тяньзина в Пекин разрушена; Тяньзин жгут, туземных христиан умерщвляют; число повстанцев быстро возрастает; уж не явился ли «ко тен» на смену Манчжурской династии?

4 / 17 июня 1900. Воскресенье

Зашедшим после обедни катихизаторам Мидзусима и Иоанну Ямагуци (принесшему свое сочинение «О Церкви» для печати) толковал завести писательское общество, наподобие Айайся, и издавать ежемесячно по книге, не в виде журнала, существование которого всегда эфемерное, — «книжечку прочитают и бросят», а самостоятельными брошюрами; название издания может быть общее, например, «Глас Божий», или «Истинная вера», или прочее, но каждая книжка должна быть законченным произведением, без множества объявлений и тому подобных признаков текущей прессы, хотя со статьями разного содержания для того, чтобы отвечать потребностям времени. Если Мидзусима предпримет образование такого общества, то для катихизаторской службы в Токио можно назначить во время Собора еще двух-трех способных писать. Печатать будет Миссия. Из продажи брошюр и книг сего общества половина выручки будет поступать в пользу писателей. Поручил Исайи Мидзусима озаботиться разработкой сего плана предприятия для осуществления, если найдено будет резонным...

Был некто Оогаки, редактор буддийского журнала, издающегося в Токио, «Сакура симбун». Издается журнал неким Араи, бывшим во Франции, принявшим католическую веру, ныне начальником одного банка. Из сего банка восемьдесят тысяч ен выдано в долг буддистам Хигаси-Хангвандзи для взяток членам Парламента, чтобы не пропустить «билль о свободе религий». Билль был не пропущен; взятки сделали свое дело, но восемьдесят тысяч взять с бонз нельзя — они сами еще в других долгах; эти восемьдесят тысяч Араи (должно быть, по ничтожности своего банка) должен был занять в другом еще банке. Теперь Араи в затруднении: банку, у которого занято, нужно платить, а с Хигаси-Хангвандзи полочки нет. И возникает новое религиозное предприятие, касающееся всей Японии. С этим предприятием Араи и вот этот Оогаки нашли нужным прежде всего обратиться ко мне; какое предприятие, об этом сейчас же будет мне сказано, если только я захочу выслушать его, но оно секретное. Я ответил:

— И пусть останется таковым; я не желаю слушать. В нашей проповеди нет ничего секретного. Нам велено с «крыш проповедывать», то есть открыто всем возвещать Христово учение, и это делать во всем мире. Ныне пришла очередь японскому народу слушать Спасительное Христово учение, потому что человеческие измышления перестали удовлетворять его. И мы знаем, что буддизм мертв ныне и никакими способами воскресить его нельзя, потому что нельзя человеку прозревшему запретить видеть, — и так далее.

Оогаки много еще болтал — что в буддизм ныне веруют только старики и старухи (а сам ведет журнальную полемику за буддизм), что бонзы, противившиеся биллю о свободе религий, противились вовсе не из-за веры в буддизм, а потому что им нужны деньги, которые можно добыть от «глупого» народа только показанием вида ратоборства за буддизм и прочее.

5 / 18 июня 1900. Понедельник

Отправил иподиакона Моисея Кавамура и регента Алексея Обара в Бато помочь о. Титу освятить построенный христианами церковный дом. Недавно посланы туда три большие иконостасные иконы в отличных рамах как пожертвование Миссии; с Моисеем послал покровы на престол и жертвенник, напрестольное Евангелие, аналойную икону и прочее. Следовало бы самому отправиться, как просили, да некогда — спешу кончить до Собора исправление Нового Завета, немало и других ежедневных дел. Притом же — освящение не Церкви, а церковного дома. Впрочем, о. Тит, по освящении, отслужит там и Литургию, Кавамура повез просфоры.

6 / 19 июня 1900. Вторник

Приехал новый посланник Александр Петрович Извольский — утром, в пять часов, «Рюрик» с ним стал на якорь в Иокохаме. В третьем часу с бароном Розеном он посетил Миссию. Привез поклоны из Петербурга от Победоносцева и Саблера, с Амура от Преосвященных Благовещенского Иннокентия и Владивостокского Евсевия. По-видимому, человек религиозный. Слава Богу за это!

Был протестантский катихизатор из Кагосима, говорит:

— Читал в газетах Ваш отзыв о протестантах, что им не обещается успех в Японии по их раздробленности на секты...

— Разве неправда? У Спасителя одни уста и одна истина, у протестантов почти столько же истин, сколько уст. Где же истина Христова? Вы скажете: «В Новом Завете». Но разных толкований на него у вас столько, сколько сект, — где же истинный смысл Слова Божия? И все протестанты

не закрывают ли глаза на многое, очень важное в Новом Завете, как будто бы этого и не было там; например: Иоанн 20, 22–29, у нас на этом зиждется Таинство покаяния — у вас что? Иаков 5, 14–15, основание таинства елеопомазания — для вас имеет ли какой-либо смысл это место? — и так далее.

В заключение мирной беседы дал ему нашу Догматику и Сравнительное Богословие.

Один язычник с острова Киусиу пишет; просит толкование на Книгу Бытия и изложение нашего вероучения. Посланы Катихизис и Толкование Властова.

В «Japan Mail», в вчерашнем и сегодняшнем номерах, в обзоре религиозной литературы за прошедший месяц начато с нашего «Сейкёо Симпо» — кратко изложено содержание статьи, в которой доказывается, что религия — единственное прочное основание нравственности. — К одной протестантской статье, в которой говорится, что миссионеры лучше всего сделали бы, если бы, по примеру унитариянских Кнапа, Клей-Маколея и других, оставили бы Японию, предоставив дело водворения здесь христианства самим японцам; автор обзора делает замечание, что «так именно поступает Греческая Церковь, у которой здесь только один иностранный миссионер, все же прочие деятели — сами японцы». (Увы, не система здесь, как думает автор, а бедность миссионерами! Впрочем, и тут, быть может, и воля Божия.)

В сегодняшнем номере сделано большое извлечение из моего interview с редактором газеты «Дзидзи», что был у меня в Пасху. — Католики в своем журнальчике по поводу грубости, сделанной протестантом Наследнику по поводу его бракосочетания, раздражаются статьею, что только католичество учит повиновению государям и всем властям, свободололюбное же протестантство совсем напротив, на что автор обзора замечает, что протестанты могут многое возразить католикам по этому поводу. Всяким случаем пользуются католики охаять других, и всегда почти неудачно.

7 / 20 июня 1900. Среда

О. Сергей Глебов известил, что к четырем часам семейство нового посланника прибудет из Иокохамы в Посольство. Поэтому я отправился туда, чтобы отслужить благодарственный молебен для посланника с семейством, так как он изъявил желание «первым делом по прибытии на место поблагодарить Бога за благополучное путешествие», а также сделать визит посланнику.

Когда мы с о. Сергием уже облачились и певчие стояли на клиросе, а посланник с семейством готовы были войти в Церковь, приехал японский министр иностранных дел и задержал Извольского. Почти час мы

прождали в облачениях. Когда, наконец, вышли на молебен, прежде всего семейство посланника — он, его жена, протестантка, дети — Григорий, семи лет, и Елена, четырех лет, — подошли под благословение, — прежде всего дети, видимо, наученные, что очень зарекомендовало православное благочестие протестантки-матери (урожденной графини Толь). После молебна посланница, за час прибывшая, не отпустила без чашки чая в столовой, куда зазвала, что рекомендует ее русское хлебосольство. Посланник уже занят был какою-то депешей, опечалив нас известием (о чем мы еще утром читали в газетах, но чему не хотели верить), что семьдесят наших моряков ранены при взятии (в прошлое воскресенье) бастиона крепости в Таку, у Тяньцзина; есть в этом числе и убитые, и из них офицер. Все эти раненые (и убитые) отправлены в Нагасаки. Посланник спросил у меня, есть ли там священник для них? Я ответил, что есть о. Вениамин. — «Позаботится ли о них?» — В том не может быть и сомнения — он и священник, и русский.

8 / 21 июня 1900. Четверг

Посланник Извольский прислал ко мне о. Сергия Глебова просить распорядиться, чтобы священник наш в Нагасаки позаботился о наших раненых в Нагасаки.

— Он еще вчера говорил мне о том же, и я сказал, что о. Вениамин, конечно, позаботится.

— Просит Вас написать ему, о. Вениамину, об этом.

— Сейчас.

И я телеграфировал о. Вениамину: «Доставить нашим раненым больным все возможное духовное утешение, передать им мое благословение» и прочее.

Погорячились наши молодцы! Сколько раненых! У других, тоже бравших крепость, почти никого, даже у японцев, взявших, как и наши, бастион, всего пять убитых и раненых, из них один убитый лейтенант. Впрочем, вполне верных известий, оправдывающих то или иное действие, еще не получено. Одно верно: если эта стрельба с бастионов крепости Таку по иностранным судам — действие самого китайского правительства, то трудные времена наступают: сначала, конечно, Китаю достанется, а потом наоборот.

9 / 22 июня 1900. Пятница

Вчера поздно вечером о. Сергей известил, что посланник посылает его и Вильма, драгомана, в Нагасаки позаботиться о наших раненых. Поэтому сегодня утром я послал к о. Сергию сто крестиков, более ста небольших икон и больше ста евангелий, молитвенников и других

духовных книг и брошюр в благословение раненым и другим больным в Нагасацком госпитале.

Но в часу десятом о. Сергей явился сказать, что раненые наши отправлены не в Нагасаки, а кажется, в Порт-Артур, поэтому его и Вильма поездка оказывается излишнею. — Замечательно, что до посланника каким-то путем дошло сведение, что «о. Вениамин, по молодости, не надежен» (даже для такого дела, как доставить духовное утешение больным!). О. Сергей говорил, что от моряков слышно, что «о. Вениамин ходит там, поднявши голову и желая, чтобы все подходили к нему под благословение». Мания величия, с которою далеко не уедешь в Японии. Замечательна еще патриотичность нашего нового посланника, так заботиться о раненых наших может только человек чисто русский.

«Рюрик» вчера ушел в Владивосток, не имея времени ждать, пока барон Розен возьмет аудиенцию у Микадо пред своим отъездом. Из Китая самые дикие слухи — будто десять посланников в Пекине убито, Китайский Император тоже убит, Императрица-регентша лишила себя жизни. Но, конечно, всему этому верить нельзя; с Пекином сообщение прервано — телеграф испорчен, железная дорога тоже — вот и сочиняют кто что хочет. Кажется, верно, что китайское Правительство свалит все на инсургентов; Лихунчану поручено возобновить мирные соглашения.

10 / 23 июня 1900. Суббота

Едва мог заниматься переводом до обеда: в такую теплую пору простудился — и странно: местное страдание. Дай Бог поскорее выздороветь и извлечь пользу из обстоятельства.

Был Матвей Матвеевич Геденштрем, вновь назначенный консул Хакодатский; не первой молодости, уже два года служил в Благовещенске на Амуре. Заинтересован урегулированием рыбных ловель японских в наших водах на Сахалине. Говорит разумно, увидим, исполнит ли. Финляндец родом, православный по вере. Приехал вместе с Извольским, пригласившим его на службу здесь.

11 / 24 июня 1900. Воскресенье

За Литургией был новый посланник Александр Петрович Извольский. По окончании службы сказал комплимент, что он «поражен тем, что видел и слышал; был точно во сне». — Но чуть ли это не готовый на подобные случаи...

По окончании Литургии я вместе с ним отправился в посольство, чтобы отслужить с о. Сергеем панихиду по нашем министре иностранных дел Михаиле Муравьеве, скоропостижно скончавшемся третьего дня. Тут я действительно поражен был о. Сергеем Глебовым, встретившим

меня в алтаре словами: «Зачем Вы приехали? Вы должны быть здесь только в Царские дни. Вы делаете меня пешкой». — «Я приехал помолиться вместе с русскими о нашем министре». — «И панихида-то лишняя; при другом посланнике ее не служили, я знаю», и так далее. Я поспешил молча облачиться и выйти служить. В России архиереи делают священника нагоняи, здесь наоборот; да еще в каком смысле нагоняй-то!

12 / 25 июня 1900. Понедельник

Был на экзамене в Семинарии на седьмом, выпускном, курсе, где семь человек, и в Катихизаторской школе, где на втором, выпускном, курсе семь человек, на первом всего три. Отвечали хорошо: по Догматике семинаристы, по толкованию Евангелия другие.

О. Сергей Судзуки из Оосака пишет длинное письмо, просит прибавить 5 ен к его месячному содержанию в 25 ен; «нужда одолела: пять человек детей, разные расходы, неизбежные священнику, на приемы христиан, на благотворения, на мелочи по храму». Правда. Но местная Церковь должна бы заботиться о своем священнике. Прибавим, однако, нечто сделаем, с внушением, что вперед уже ни-ни, ни одного сена!

Фома Такеока из Цуяма описывает, как благочестивные Иоанн и Ирина Фукасе праздновали десятилетие своей бумажной лавки в Цуяма: служили благодарственный молебен, для чего приглашен был из Окаяма о. Игнатий Мукояма, потом угощались у них, причем говорили речи церковного содержания; в заключение Фукасе поднесли в подарок Церкви новешенький стихарь, который недавно купили в Миссии на чистые денежки. Письмо, видимо, назначено для «Сейкёо-Симпо», куда по прочтении и отослано.

Стефан Мапукава из Фукуока пишет, что недавно Акила Нагано, его сотрудник, был на Генкай Сима, маленьком острове недалеко от Фукуяма, по приглашению оттуда, и принят был с большою радостью; местные врач Макино и учитель Хата усердно слушали учение и расположены к крещению вместе с их семьями. Священнику нужно побыть там.

13 / 26 июня 1900. Вторник

Из Тоёхаси извещают, что почтенный престарелый катихизатор Павел Цуда болен. А они собирались просить о поставлении его священником для них. Впрочем, надеются, что до Собора он поправится. А быть может, это и дело Промысла Божия, не указывающего ему быть священником. В самом деле, как ему быть? Целибатом, или монахом? Вдовый и престарелый — можно бы и первое, но поставь его, будет пример для других; вводить же целибатство здесь не приходится, коли

его и в Русской Церкви нет.— Если придется ставить, предложу прежде постричься.

Умерла Елена, мать Кати Маленды; и умерла хорошо — постоянно молилась и крестилась пред смертью. О. Роман прочитал ей отходную, после чего она тотчас же и скончалась. Слава Господу, спасшему душу погибшую! Говорила она Евфимии Ито, что являлся ей кто-то во сне и твердил: «Пошли на Суругадай, извести на Суругадай»; вследствие этого-то ее мать и пришла к Павлу Накаи с плачем рассказать, что «вот при смерти ее дочь». Бог весть, было ли это внушение свыше, или простое сонное мечтание, но — вот она просвещена святым крещением, была глубоко утешена этим и умерла доброй христианкой. Подозревали мы, не таилось ли еще какой-либо опасности для Кати, дочери покойницы. Но под влиянием благодати покойница обнаружила такую трогательную заботливость о своей дочери, что сама просила не говорить ей, Кати, о ней, ее болезни, чтобы не помешать ее нынешним предэкзаменским занятиям, просила не приводить Катю к ней, чтобы не видела она бедность и убожества матери, даже возвратила Евфимии фотографию Кати, которую Евфимия принесла показать ей и поставить у нее, если пожелает. Да успокоит Господь ее душу! Постараемся просветить богословием и святым крещением ее мать, ныне тоже просящую христианского научения, и ее брата, чернорабочего по занятию, но, по отзывам, доброго малого.

Утром был на экзамене в Семинарии, в классе у самых младших; всего четырнадцать мальчугов, но глупых между ними нет; отвечали по Священной истории Ветхого Завета. Все на полный балл.

С Павлом Накаем сегодня мы кончили третье исправление перевода Нового Завета. Теперь расставить знаки препинания (кутоо), еще раз прочитать, быть может, еще раз — с участием других; переписать набе-ло, и в печать! Но это будет с девятого месяца.

14 / 27 июня 1900. Среда

На экзамене по Гражданской Всеобщей и Русской Истории на четвертом курсе Семинарии; учеников тринадцать, но все хорошо учатся и подают добрые надежды. Русская история в первый раз преподается; доселе воздерживались от преподавания ее из-за опасения ультрапатристических японских подозрений. Преподаватель Арсений Ивасава.

Распопов Николай Александрович, состоявший сначала здесь при Посольстве, потом в Корее, потом в Нагасаки при Консульстве, расстроившийся с консулом Костылевым и удаленный ныне со службы за свой ссорливый характер, просит, чтобы я походатайствовал у Извольского о принятии его опять на службу. Походатайствую, конечно, но едва ли будет успех. Грозит Распопов, что наложит руки на себя — очень

прискорбно, но чем помочь в этом отношении человеку, если веры у него нет! А человек со способностями, мог бы отлично служить... Губит дрянное, безнравственное воспитание!

15 / 28 июня 1900. Четверг

Был в Иокохаме по делам в банках и проститься еще раз с бароном Розеном, живущим ныне там в Grand Hotel и имеющим отправиться домой чрез Америку на пароходе 6-го числа нового стиля июля. Застал барона одного, баронесса отправилась в японские магазины по закупкам. Рассказал он, что моряки виновны в удалении его из Японии, особенно адмирал Дубасов, по возвращении в Петербург имевший часовую аудиенцию у Государя и доказывавший, что «эту гадину (Японию) надо раздавить, и сделать это ничего не стоит; но мешает-де японофильство посланника в Японии барона Розена» и так далее. Очевидно, моряки крайне возненавидели Японию после происшествия с Государем в Опу; Государь тоже не может симпатизировать народу, так грубо обошедшемуся с ним.— Но Япония совсем не гадина, и особенно не такая, которую легко можно раздавить. Это всегда смело высказывал барон и такого направления держался. Теперь, кажется, и в Петербурге спохватились, что он был прав. Извольский тотчас же вошел в виды барона и ясно понял положение дел, и, кажется, будет держаться такой же — мирной, незаносчивой — политики, какой держался барон.— А Китай, о дружбе с которым поет наша пресса,— вон он бьет наших, дерущихся бок о бок с японцами, нашими мнимыми врагами, против нашего мнимого благоприятеля (у которого может ли быть доброе чувство к нам, отнявшим у него без всяких законных причин Манчжурию?).

16 / 29 июня 1900. Пятница

Утром на экзамене в третьем классе Семинарии; всего десять учеников; плохенький состав; до окончания курса достигнет ли кто?

Письма из Церквей незначительного содержания. Илья Накагава просит поставления священника для местности, где проповедует — в провинции Акита, что невозможно, довольно там его одного; Илья Танака просит назначить Василия Ямада в Касивазаки — это можно; Петр Ямада просит принять одного мальчика в Семинарию, но не обозначает ни лет его, ни желанья родителей отдать его на службу Церкви и подобное.

Тревожит всех положение дел в Китае: что стало с посланниками европейских держав в Пекине? Дней пятнадцать уже никаких известий; живы ли они, или перебиты? В Пекине ли, или инде (так как из Пекина, по слухам, китайское Правительство их выслало)? Тяньцзин, кажется, освобожден от инсургентов, и европейцы там остались целы, вопреки

прежним телеграммам, что все перебиты. Китайцы, кажется, наконец, рассердились и начинают двигаться, вопреки глупому мнению, столь распространенному, что это народ совсем замерзший, с которым можно производить какие угодно операции. Вон они теперь, обратно, производят операции над европейцами: у английского адмирала Сеймура, сунувшегося с наборным из войск разных наций отрядом освобождать посланников в Пекине, перебито и ранено около четырехсот человек, и еле-еле ушелся он с половины дороги обратно в Тяньцзин, и то благодаря подоспевшей из Тяньцзина подмоги. Жаль, что бьют больше всего русских, за то, должно быть, что суются больше всех вперед.

17 / 30 июня 1900. Суббота

На экзамене в четвертом классе Семинарии по Логике. Отвечали порядочно. Когда преподаватель, Тимофей Секи, пришел потом за получением жалованья, советовал ему перевести Логiku Светилина для напечатания на японском. Но, увы! Он в душе уже изменил своему долгу; спустя три часа начальник Семинарии Иван Акимович Сенума приходит и говорит, что Секи уходит со службы Церкви в Нагасаки переводчиком куда-то по найму — дают больше, чем жалованье его здесь — 28 ен. Так-то, бессовестные японцы! С малых лет воспитан на церковный счет, по обещанию его и родителей, что всю жизнь будет служить Церкви; у этого Секи еще и жена мало не с пеленок воспитанница Церкви, тоже на весь церковный счет — и вот благодарность за все! Поманили несколькими енами, и бросается, как пес, на кусок хлеба, хотя во рту у него кус, которым вполне сыт с семьей!

18 июня / 1 июля 1900. Воскресенье

После обедни пришел Игнатий, сын Якова Димитриевича Тихая, первоначальника здесь церковного пения. С неделю как приехал из России, для получения 4.000 рублей своего наследства, которое, впрочем, оказывается уже отосланным к нему в Россию, согласно его письменному прошению оттуда. Рассказывает о себе очень хорошо: имеет уже два диплома — на трудмана для каботажного и дальнего плавания, получает рублей полтора в месяц, уже женат, на дочери интендантского генерала, и очень хвалит хозяйственные способности своей жены, которая старше его на три года (ему всего двадцать два года). Дней через десять опять отправляется в Россию и берет с собою младшего брата Александра, чтобы дать ему там какое-нибудь русское образование; старший же, Митя, близнец с Лизой, остается здесь, ибо болен чахоткой. Действительно, смотрит этот Митя (бывший здесь вместе с братом) совсем больным и будто бы от излишнего прилежания по

школьным занятиям. Хорошо, что мать взялась, наконец, за разум (на который до сих пор никак нельзя было навести ее — братья-дармоеды мешали), отсылает хоть младшего в Россию, где он, по крайности, хоть говорить научится по-русски.

19 июня / 2 июля 1900. Понедельник

На экзамене в Женской школе. Всех учениц ныне семьдесят пять. Отвечали младшие по Закону Божию превосходно.

О. Иоанн Оно пишет, что «может несколько послужить Церкви, чувствует, мол, ныне себя здоровым». Это значит: и лениться, наконец, лень берет — надоело. — Пусть еще поленится; авось, после что-нибудь найдется для него; поручить же Церковь ему едва ли можно — не возьмет, или же потом погрузит себя и ее в нирвану.

20 июня / 3 июля 1900. Вторник

На экзамене в Женской школе. Ждали было посланника Извольского; говорил он мне, что приедет на экзамен, но я не обратил на это внимания, зная, по опыту, цену подобным любезным словам; но о. Сергей встревожил Семинарию известием, что посланник будет; думал я, и взаправду будет; отложил Закон Божий в Женской школе до его приезда — куда! Не приехал, даром прождали в Женской школе и Семинарии.

Германского посланника в Пекине китайские солдаты убили — так гласят многократные известия; что с прочими посланниками в Пекине — до сих пор достоверно не известно. Грозовые облака сгущаются.

21 июня / 4 июля 1900. Среда

С восьмью часов посланник Александр Петрович Извольский приехал на экзамены. Миссия не избалована подобною любезностью со стороны наших представителей здесь. Потому это было очень лестно. Мы с ним экзаменовали учениц по Закону Божию до половины десятого часа, после чего я показал ему всю нашу Женскую школу. Затем отправились в Семинарию и экзаменовали второй класс, где шестнадцать учеников, по Священной Истории Нового Завета. Просидел посланник до половины одиннадцатого и сказал, что по делам нужно домой, почему я провел его по Семинарии и потом проводил до экипажа. По-видимому, посланник — очень добрый человек и будет расположен к Миссии. Впрочем, расположением всех посланников до сих пор, слава Богу, Миссия обижена не была. Все были любезны и добры к Духовной Миссии, хотя не заходили в своем благоволении до посещения экзаменов ее школ.

Часа в два посетил Миссию проезжий здесь князь Алексей Долгоруков, едущий во Владивосток и Николаевск по золотопромышленному делу. Показал ему Токио с колокольни, потом школы. Служит он в Министерстве иностранных дел. С семейством князя Мещерского хорош, в Дугине бывал.

Катихизаторы начинают собираться на Собор.

22 июня / 5 июля 1900. Четверг

В десять часов начался выпускной акт в Женской школе. Я пошел в рясе и панагии. Пропели молитву, прочитала инспектрисса Такахаси списки; я роздал свидетельства окончившим курс девяти воспитанницам, потом первым по всем другим классам — похвальные книжки, потом — по куче книг богословских кончившим, в напутствие; за сим сказал им поученьице, что, мол, «пусть душою никогда не расстаются с воспитавшею их школою, как душевно не расставались с родителями, будучи в школе; а это будет, если они станут жить всем лучшим, что усвоили в школе: привыкли здесь молиться — пусть всегда молятся, часто очищали и питали душу святыми таинствами — всегда пусть и наблюдают это; жили здесь в мире и любви между собой — пусть всегда со всеми живут мирно и в христианской любви, трудились, исполняли свой долг здесь — пусть это будет их обычаем на всю жизнь. «Храните душевную и телесную чистоту, в коей соблюдались здесь. Точно лилии полевые вы цвели здесь, точно беззаботные птицы росли, но уже вы выросли, воспитали в себе силы душевные, теперь в дело употребляйте их. В мир вы выходите, там борьба добра со злом — будьте воительницами Христовыми, побеждайте добром злое, не дайте победы злу над собою.— Вождь ваш Христос — вечно с вами, и Ангелы Божии готовы всегда охранять всех... В душах ваших горит ныне свет веры, свет благодати Божией — не дайте дуновению мира погасить его, освещайте им путь себе и другим, согревайте этим теплым светом себя и других — да поможет вам в этом Господь!»...

После сего одна из выпускных прочитала Благодарственный адрес школ. Затем остающиеся старшие воспитанницы пропели выходящим прощальную песнь. Стихи их собственного сочинения, на ноты положил Кису, пропели очень стройно. Потом одна из них прочитала поздравительный адрес выпускным. За сим воспитанницы второго класса пели свои стихи — тоже очень мило.

Наконец выпускные запели свою прощальную песнь — шесть строф очень милых стишков их собственного сочинения. До слез трогательно это милое распеванье пташек друг дружкам — улетающим и остающимся; и сами они большею частью не удерживаются от всхлипываний и усиленных сморканий.

По пропетии заключительной молитвы начальница школы Елисавета пригласила на чай, который был приготовлен в большой классной во втором этаже; выпускные угощали, разнося чай и печенье.

На Симбокквай я дал ученицам 6 ен.

Часа в два был изучающий русский язык японский штабс-капитан Цубои Кейици, намеревающийся отправиться в Петербург. Дал ему карточки к о. Феодору Быстрову, который может познакомить его с офицерами в Инженерном Замке, и к Феодору Янсену, который на первое время может помочь ему своим знанием японского и русского языка.

23 июня / 6 июля 1900. Пятница

С девяти часов был выпускной акт в Семинарии и Катихизаторском училище.

Молитва, чтение слов, раздача наградных книг первым, не исключая и выпускного первого в Семинарии, вручение свидетельств об окончании курса выпускным семинаристам. Напутственная речь от меня выходящим ныне на службу Церкви. Главные мысли: «Ныне здесь, как древле в Иудее и Самарии: жатва многа, делателей мало... Молитесь Господину жатвы да вышлет делателей... Кто говорил это? По человечеству — нам подобный, сокрушавшийся малым числом делателей, по Божеству — могший мгновенно выслать тысячи делателей. Но Он не сделал этого, а только заповедал молиться. Стало быть — такой закон, что делателей и должно быть мало, но они постоянною молитвою должны возгревать в себе ревность и силы работать за многих. Итак, хотя и мало вас, бодро выходите!.. Призываетесь вы к сему как японцы, как христиане, как воспитанные для дела проповеди. Как японцы воодушевитесь ревностью снять позор с вашей страны, которую ныне все иностранцы считают не способною к принятию христианства, грубою, материалистичною; как христиане — чтобы не грешить и не лицемерить, произнося „Отче наш, да святится имя Твое“, тогда как о бок с нами наши братья, не знающие Отца Небесного; как воспитанники для православной проповеди — чтобы приводить ваших братьев в ограду истинного Пастыря, мимо оград многих не истинных», и так далее.

Воспитанник четвертого класса (старшего из остающихся) прочитал поздравление выпускным. Пропели ученики стих — в том же смысле. Пение ныне, не как в прошлом году, было очень хорошее; жаль только, что очень уж краткое. Выпускной (Зилот Моки) прочитал благодарственный за воспитание адрес, после чего пропели молитву; я дал 6 ен ученикам на Симбокквай, поблагодарил учителей за труд, и Иван Акимович Сенума, начальник Семинарии, пригласил гостей на чай, который был приготовлен в столовой. На печенье к сему дано было мною по

10 сен на гостя; ученикам же по 3 сен — на кваси для прибавления к их обеду.

Из Семинарии ныне выпущено на проповедь семь, из Катихизаторской школы — шесть; одного из Катихизаторской школы учителя просили рекомендовать, как и семинаристов, прямо в «фукуденкёося», ибо по способностям и успехам очень отличается от прочих учеников Катихизаторской школы. Я согласился на это. Однако же старика Кобаяси учителя оставили без всякого балла, так как он никому ничего не отвечал, а читал только по книге — почему никто не знает, усвоил ли он учение и может ли преподавать язычникам. Я сказал ему, что если он желает быть назначенным на проповедь, то должен подвергнуться экзамену священников, имеющих прибыть на Собор. Он согласился.

Пересмотр статистических листов Церквей (кейкёохёо) и составление по ним отчета к Собору.

24 июня / 7 июля 1900. Суббота

Выслушивал рассказы о своих Церквах некоторых из пришедших катихизаторов, также о Петра Кавано, которому, наедине, дал порядочный нагоняй за то, что его исповедная ведомость почти пуста — исповедавшихся и причастившихся до крайности мало, а в некоторых Церквах — ни одного; показал ему, для сопоставления, ведомость о Павла Морита, где почти нет исповедавшихся; стало быть, этот заботится о духовном преуспейнии вверенных ему христиан, а он, о. Петр, нет. Снес о. Петр укор смиренно, но едва ли будет польза; уж таков характер. Зато в другом, практичном, куда как хорош! Привез в подарок бутылку церковного вина собственного приготовления: вкус и цвет очень хорошие; беспримесность — несомненная, только сахара немного прибавил в виноградный сок, и это, собственно, для того, чтобы вино не давало плесени. Пять лет трудился над производством церковного вина.— Опыты были неудачные; наконец, вот приспособился производить ныне принесенное; бутылке год — вкус и цвет отлично сохранены; ничтожную примесь сахара, которого и в натуральном винограде очень много, можно извинить. Итак, я одобрил вино для церковного употребления и отдал бутылку иподиакону Кавамура для употребления на Литургии в Соборе.

Из Китая известия самые отчаянные. Из трех оставшихся несожженными Посольств английское тоже сожжено. В двух ныне ютятся все пекинские иностранцы; выдержат ли эти два, Бог весть; и кто в них, тоже неизвестно; русские, в том числе о. Иннокентий, целы ли, неизвестно. Адмирал Алексеев, несомненно, торопится отправиться в Тяньцзин на спасение пекинцев, но войск у него еще мало; может случиться то же, [что] с аглицким адмиралом Сеймуром; китайцы прогонят обратно

с дороги; скоро ль составится нечто внушительное для китайцев, и не опоздает ли все это для спасения европейцев в Пекине, Бог весть!

25 июня / 8 июля 1900. Воскресенье

Ночью, в двенадцатом часу, прибыл о. архимандрит Хрисанф, начальник Корейской Духовной Миссии. Привез из Нагасаки письмо от о. Иоанна Кронштадтского, при котором он посылает в Миссию несколько церковных вещей, ящик с которыми еще не получен из Нагасаки. Письмо и ящик посланы были из Кронштадта с одним из судовых капитанов. Очень порадовало это благословение Японской Церкви от досточтимого о. Иоанна.

До Литургии крещено несколько взрослых и младенцев. Я повел о. Хрисанфа посмотреть, как совершается здесь это.

После Литургии были, между прочим, Тихаи: Игнатий, Димитрий и Александр — дети Якова Дмитриевича. Мать отпускает обоих младших сынов со старшим в Россию, куда на днях они и направляются.

С двух часов мы с о. Хрисанфом выслушали собирающихся священников и катихизаторов. Оказывается о. Хрисанф человеком серьезным, что тем более приятно, чем менее ожидало (так приучили меня миссионеры к легкомыслию — о себе!). Все время о. Хрисанф высидел со мной, хотя я переводил ему самое общее.

А после девяти часов, когда прекратились визиты, какими еще серьезными вопросами закидал о деле Миссии! Как ему начинать в Корее? Не нужно ли набирать школу с младенцев? Как производить катихизации? И прочее, и прочее. Я с редким удовольствием проговорил с ним до одиннадцати. Видно, и взаправду приехал в Корею миссионер. Помогай Бог ему!

26 июня / 9 июля 1900. Понедельник

Выслушивал священников и проповедников об их Церквах. Много интересного во всех отношениях. О. Хрисанф с половины десятого ушел в Посольство и к о. Сергию Глебову и больше не слушал.

27 июня / 10 июля 1900. Вторник

То же: с семи часов до двенадцати и с двух до девяти — выслушивание священников и проповедников. Не утомляет это дело, потому что приятно видется с каждым после долгой разлуки. Не многие скажут новое, но почти все говорят пространно и красноречиво, как навывкшие к ораторству.

28 июня / 11 июля 1900. Среда

День — настояще работный: с шести утра до десяти вечера, когда кончилась исповедь священников, — непрерывное дело. Рассердил представитель якобы всей Хакодатской Церкви, Яков Удзие: представил прошение о перемене хакодатского священника Петра Ямагаки на «более сильного» (юрёкуся), не имея ничего против о. Петра. Отрыжка прежних дрязг, по поводу которых два года тому назад я ездил в Хакодате и по тщательном исследовании нашел, что вовсе не вся Церковь, а несколько дрянных христиан воздвигли гонение на о. Петра, который, правда, вял и не совсем разумен в управлении Церковью, но вообще — добрый иерей, заслуживающий любовь своих прихожан и пользующийся оною почти от всех. — Прогнал я ныне Удзие с его прошением.

Всенощную совершал соборне с участием о. архимандрита и семи иереев.

*29 июня / 12 июля 1900. Четверг.**Праздник Святых Апостолов Петра и Павла*

Соборное богослужение: о. архимандрит Хрисанф и семь иереев со мной. Пели очень хорошо; Церковь была изрядно наполнена. После Литургии у меня были, между прочим, родители катихизатора Кирилла Сасабе, еще язычники, которых я убеждал не стесняться в последовании примеру их сына, обретшего путь спасения!

Много разных визитов, которые, наконец, я устранил, чтобы приготовить к Собору итоги отчетов и прочее.

Целый день был неприятно дождливый.

30 июня / 13 июля 1900. Пятница

Первый день соборных заседаний. Все было согласно обычаю. В восемь часов утра звонок. В половине девятого сказали, что все заняли свои места, и я отправился в Церковь. Лития, стройно пропетая собранием, речь, чтение «кейкёохё» (отчетных статистических листов), объявление числа служащих Церкви. В прошлом году было несравненно больше крещений, чем в предыдущем, что, конечно, вследствие объявления христианства «признанною религиею» Японией (Коонин-кёо), состоявшегося в седьмом месяце прошлого года. После двух часов чтения прошений о диаконах и священниках и рассуждения — сначала всем собранием, потом одними священниками до половины шестого часа, после чего Церковь приготовили для служения всенощной.

О. Хрисанф целый день внимательно слушал и смотрел, что очень приятно: быть может, в нем Бог послал миссионера Корею.

1 / 14 июля 1900. Суббота

Второй день заседаний. Объявлено, что вчера решили священнослужащие о диаконах и священниках: в дьяконы ныне возводится один, Иоанн Оно; в священники никого, и прежние священники остаются на своих местах. На Соборе никто ни слова не сказал против, и потому это решение утверждено.

Потом целый день читали прошения о катихизаторах и произносились речи по сему предмету. В десять часов был перерыв, чтобы сняться группою всем участвующим в Соборе.

В четыре часа, когда истощились прения по поводу прошений о катихизаторах, распределение катихизаторов поручено священнослужителям, которые завтра после обеда, с двух часов, станут производить оное.

Исайя Кагета, благочестивый христианин из Яманоме, подал прошение о перемене священника и катихизатора для их Церкви. Катихизатора, юного Петра Кураока — ладно, не в диво, что эти две серьезные Церкви — Ициносеки и Яманоме, составившие ныне одну, — желают более опытного катихизатора. Но убеленного сединами о. Бориса Ямамура, двадцать пять лет служившего Церкви, компрометировать публичным прошением о смене его, якобы не годного! Я не дал этого прошения для прочтения на Соборе, а когда разошлись с Собора, призвал Исайю Кагета для объяснения.

— Почему вы желаете удаления о. Бориса?

— Потому что он не может управить разлада, возникшего в нашей Церкви по поводу предполагаемой церковной постройки.

— Вы думаете, что о. Иов Мидзуяма, которым вы хотите заменить о. Бориса Ямамура, управит?

— Надеемся, потому что он наш, местный родом.

— Так вы и без всякой перемены можете пригласить его хоть бы в гости к себе и попросить рассудить вас. Прошением же, компрометирующим о. Бориса без всякой основательной причины — потому что в сущности он не виноват, что вы ссоритесь между собою — знаете, что вы делаете? Нарушаете Закон Божий. И указал ему: 1 Тим. 5, 17. Вследствие другого Закона Божия я не могу принять ваше прошение, под которым только одна Ваша подпись. И указал: 1 Тим. 5, 19. Если бы в прошении были прописаны по пунктам вины о. Бориса, действительно важные, да оно было бы за подписью двух-трех лиц, то я должен был бы отправиться на место, удостовериться, что обвинения основательны, и если последнее, то сменить о. Бориса. Ныне же имею только одно: просить Вас взять назад Ваше прошение и не говорить о нем никому, чтобы не дошло до о. Бориса и не обидело его; также, чтобы не обнаружился, к невыгоде Вашей, этот неблагородный Ваш поступок относительно достойного Вашего иерея, столько лет трудящегося для вас.

К счастью, старик Исайя Кагета — человек умный — все это понял, взял обратно прошение и сам просил не сказать о нем о. Борису.

Но что это? Доброе или дурное со стороны японских христиан? Идеализм или глупость и неблагодарность? Во всяком случае утешительного мало, и нужно держать ухо востро, чтобы не дать в обиду достойных служителей Церкви.

После всенощной — исповедь священников, прибывших на Собор и завтра участвующих в служении.

2 / 15 июля 1900. Воскресенье

Литургия в сослужении о. архимандрита Хрисанфа и шести иереев; седьмой, о. Катакура, вчера готовившийся, внезапно захворал. О. Хрисанф обновил сегодня архимандричью мою мантию, в 1870 году справленную и до сего дня ни у меня и ни у кого не бывшую на плечах.

С двух часов распределение катихизаторов, приведшее в затруднение всех по недостатку катихизаторов; труд только что начали; продолжим завтра с половины восьмого утра; сегодня рано, в четвертом часу разошлись, чтобы помолиться на бракосочетании Иоанна Судзуки, пошопника и певчего, с девицей из Тоёхаси; таинство совершал о. Павел Сато с пением причетников.

3 / 16 июля 1900. Понедельник

Целый день — труд распределения катихизаторов — самое мучительное дело! Катихизаторов недостает — слезные просьбы приходится оставлять без исполнения, как например, ныне просьбу о катихизаторе в Оби, на Киусиу, от благочестивого Феодора Курода, уже третий год просящего катихизатора туда с обещанием ему квартиры, слушателей учения и подобное, и просьбу о том же о. Якова Такая — что может быть мучительней сего!

Как всегда при распределении, некоторые священники оказываются решительно не способными вникнуть в положение других Церквей, кроме собственной, — таковы оба Савабе, Симеон Юкава; другие смотрят шире, как Петр Сасагава; иные индифферентно, как Павел Сато и подобные. Катихизаторов иных всюду желают, как Якова Тоохей, других — никто, как Иоанна Катаока и прочих.

4 / 17 июля 1900. Вторник

Весь день продолжался Собор, и в четыре часа кончился, как обычно, молитвой и прощальной речью.

Вечером явился опоздавший к Собору по не зависящим от него обстоятельствам о. Игнатий Като, священник восточной части острова Эзо, и рассказал про свою Церковь — на острове Сикотане, в Немуро, Кусиро, Сибецу, Кумбецу. Рассказ, весьма интересный, длился с семи часов до половины десятого. Курильских наших христиан на Сикотане хотел стащить бонза — куда!.. Напротив, они его провели: порядочных денег ему стоило путешествие вместе с ним в прошлом году Аверкия и его товарища до Токио, а отсюда в Кёото — каковым путешествием, раскрывшим якобы пред глазами простаков курильцев все великолепие буддизма, мнил бонза привлечь их в свою веру — и что же? Посмеялись только над ним и буддизмом Аверкий и товарищ, а с восторгом рассказали своим о тоокейском православном Соборе и богослужении в нем, при котором «не чувствовали своих тел», как выражались они...

5 / 18 июля 1900. Среда

С утра до половины вечера прощание с отходящими по своим местам катихизаторами и удовлетворение их разных просьб. Отпущены почти пятьдесят человек.

Из Хакодатской Церкви негодяй Удзие явился с прошением переменишь им о. Петра Ямагаке на другого. Прогнал его тогда — несколько дней тому назад — вновь явился с прошением за подписью многих, «нарочно-де слетал в Хакодате, чтобы показать, что я не один прошу». Я даже и не взглянул на печати, а засунул ему прошение за пазуху и выпроводил из комнаты, из которой он не уходил, тогда как ждали другие, имеющие ко мне дело; не без о. Павла Савабе в этом дрянном деле: мирволит и поощряет; недаром Удзие твердит: «Благочинный Савабе обещал лучшего священника».

6 / 19 июля 1900. Четверг

То же, что и вчера: напутственные разговоры с отходящими священниками и катихизаторами и снабжение их всем нужным.

Был военный агент Михаил Алексеевич Соковнин; сообщил, между прочим, что была телеграмма из Благовещенска в Русско-Китайский банк, что китайцы бомбардировали Благовещенск. Ужели правда? — А из Пекина до сих пор никаких известий, живы ли там посланники и все иностранцы, или их перебили. В Таку и Тяньцзине теперь собралось союзных войск больше тридцати трех тысяч, из которых двадцать две тысячи японских, но двинуться на освобождение посольств в Пекине не могут — китайские повстанцы и войска не пускают.

Был Зиновий Михайлович Поляновский, прежний хакодатский консул, проститься пред отъездом в Россию; едет чрез Владивосток, чтобы

в Хабаровске, где служит его отец, взять мать и сестру и отвести в Россию, подальше от китайской тревоги. Поляновский — один из редких ныне истинно верующих и благочестивых светских людей. Его младший брат — студент Казанской Духовной Академии. О. Хрисанф, знавший его там, говорит, что, наверное, он поступит в монашество.

7 / 20 июля 1900. Пятница

Прощание с отходящими.

В третьем часу был у посланника попросить за Распопова, который просил о том письмом. Посланник обещался ходатайствовать о принятии его вновь на службу в Министерство Иностранных Дел, но не здесь, ибо здесь нет свободных мест (в сущности: ибо слишком неуживчивый нрав у Распопова). Известил о том Распопова.

О. архимандрит Хрисанф взял из запасной библиотеки, согласно моему приглашению, все те книги, какие нашел нужными,— впрочем, немного; взял также нужное ему число икон, какие у нас есть.

8 / 21 июля 1900. Суббота

Утром получена телеграмма из Ициносеки: «Если не Симеон Мацубара будет назначен катихизатором туда, то совсем никто не нужен». Такая дерзость! Хоть бы давали на содержание катихизатора, тогда бы, пожалуй, имели некоторое право просить себе поименно того или другого...

Призвал я еще не ушедшего из Токио представителя Церкви в Ициносеки и Яманоме, Исаяю Кагета, показал телеграмму и говорю:

— В вашу Церковь назначен один из лучших катихизаторов, Тит Накасима, человек семейный; мы с особенным тщанием выбирали катихизатора для вас. И его не берут! В таком случае ваша Церковь останется целый год без катихизатора; только священник посетит ее раза три-четыре в году. Хорошо ли это для Церкви? Не ослабеет ли она? А для Тита Накасима место найдется, если он не пойдет к вам; Симеона же Мацубара вам получить нельзя, потому что распределение катихизаторов утверждено Собором, и Симеон ушел на свое место.

Исаяя Кагета объяснил, что это дело только некоторых в Ициносеки, враждующих ныне с Церковью в Яманоме по поводу покупки земли для Церкви и проектируемой постройки храма, или церковного дома, и успокоил касательно приема Тита Накасима: «Если Ициносеки не желает его, то Яманоме примет». Исаяя уже познакомился с Титом и находит его вполне желательным для своей Церкви.

Получен ящик с церковными вещами от о. Иоанна Кронштадтского: Святое Евангелие, три напрестольных креста, дароносица, лампадка, два священнических полных облачения, шесть приборов воздухов, два

прибора Литургийных сосудов и прочее. Все вещи серебряные, шелковые, новые, изящные. Да благословит Бог о. Иоанна еще большею благодатью за его широкую любовь!

Пожертвование выставлено в крещальной, чтобы показать христианам, которые все знают имя раба Божия о. Иоанна Кронштадтского.

9 / 22 июля 1900. Воскресенье

За Литургией поставлен был диаконом катихизатор в Сиракава Иоанн Оно. В служении участвовал о. архимандрит Хрисанф. В три часа было венчанье катихизатора в Мияконодзэ Павла Ходака на кончившей в прошлом году курс воспитаннице нашей Женской школы Дорофее Оокава, дочери катихизатора Павла Оокава.

В пять часов уехал обратно к себе начальник Корейской Духовной Миссии архимандрит Хрисанф. По-видимому, миссионер будет очень хороший. Подкрепи его Бог!

10 / 23 июля 1900. Понедельник

Рассылка писем и содержания за восьмой месяц не бывшим на Соборе и переводимым на другие места; последним также дорожные, по расчету на семейство и на переправку имущества.

После обеда — занятия в библиотеке; вечером разговоры о церковных делах с оставшимися священниками.

11 / 24 июля 1900. Вторник

Писание писем в Россию, рассылка писем по Церквам, где Собором переменены катихизаторы, с указанием, кто вновь назначен, чтобы хорошо приняли его и старались вместе с ним о процветании Церкви. Разумеется, переменены только те, которых просили переменить сами христиане, или же которые сами просили непременно назначить их в другие места. Где катихизатора полюбили и где он сам желает служить, там, кроме исключительных случаев, он никогда не переменяется.

Уладились сегодня еще одна свадьба катихизатора с молодой учительницей Женской школы. Жених — Петр Фудзивара, невеста — Павла Хирота.— При постройке Собора, когда разбирали леса внутри, убится насмерть один плотник; слишком отважен был и слишком небрежно обращался с ломом, которым орудовал; оборвался с мостков с железным ломом в руках (что придало тяжести его телу), и как сел, слезенный, на кирпичный помост, так от сотрясения спинного мозга мгновенно и помер. На другой день приходит его жена, плача, ведя плачущую девочку, другую держа у груди; дома же еще оставалась третья. Я обещал ей воспитать ее

дочерей в Женской школе, если она того пожелает, а пока определить их, или, пока они вырастут, давать по 1 ене на каждую в месяц. Через год она привела плакавшую девочку в школу; мы окрестили ее и дали имя Павла; долго она и в школе была самой маленькой девочкой, засыпала на всенощной, и ученицы выносили ее спящую по окончании службы, которая побольше — на спине, чтобы скрыть от меня это нарушение благочестия. Мало-помалу Павла выросла, кончила курс в прошлом году, сделалась учительницей, и вот теперь выходит замуж; сегодня получила матернее благословение на то, и в следующее воскресенье будет бракосочетание. С нею левый хор наш теряет такого громкого альта, которые редко бывают, зато Церковь в Такеда и Оита приобретает отличную учительницу пения и, надеюсь, добрую помощницу своему мужу в проповеди.

12 / 25 июля 1900. Среда

Утром осмотр зданий, чтобы определить ремонты.
После полудня занятия в библиотеке — введение книг в каталоги.
Вечером счета расходов на Собор.

13 / 26 июля 1900. Четверг

14 / 27 июля 1900. Пятница

Приведение в порядок официальной отчетности по расходам и занятиям в библиотеке.

Оказалось, что на Собор ныне истрачено: 1922 ены 33 сен, то есть дорожных приходившим на Собор: 1311 ен и содержание их в гостинице 611 ен 1 сен. Последнюю статью можно бы несколько уменьшить, поместив половину пришедших в зданиях Семинарии, чего так все желают. Но, во-первых, для этого нужно бы заранее удалить семинаристов — в Тоносава и по домам, а они кончают в это время свои экзамены, и потом нужны как певчие, по крайней мере, для праздника Святых Апостолов Петра и Павла; во-вторых, в нынешнем году чума еще не прекратилась в Оосака и других местах — опасно было, что кто-нибудь из пришедших занесет чуму в семинарские здания.

При таком большом расходе на Собор есть ли соответствующая трата польза от него? Из того, что больше сорока человек не явилось на Собор, видно, что и служащих он не очень интересует. Из собравшихся, правду сказать, к делам Собора немногие и немного показали усердия. Но если оставить Церковь без Собора, не заглохнут ли служачие, особенно удаленные от центра церковной жизни? Ныне каждый живет с сознанием, что чрез два года дела его будут ясны пред всею Церковью — это служит ему ободрением или по крайней мере опаской — тогда что?

Ленись, кто хочет и сколько хочет — священник тебе не указ, он сам такой же ленивый — больше кого же тебе стыдиться или страшиться? Содержание Миссия во всяком случае вышлет.— Если бы были благотворительные, неуспынно надзирающие служащих Церкви, тогда, пожалуй, Собор в этом смысле был бы не нужен. Но и, кроме того, от взаимного свидания, взаимных рассказов служащих Церкви польза, конечно, немалая: ободряет, оживляет, встряхивает их.

Итак, Собор пусть будет и вперед. Но, быть может, для некоторого сокращения расходов полезно последовать совету секретаря Сергея Нумабе, сегодня высказанному: производить общий Собор не в два, а в три года раз, созывая в промежуточные два года лишь священников. Увидим, что Бог внушит вперед.

15 / 28 июля 1900. Суббота

От Распопова снова письмо, полное отчаяния. Хочет служить только на Востоке, но так как это нельзя, то собирается в Иносе, на кладбище. Просил я вновь посланника, нельзя ли как-нибудь оставить его на службе здесь. Посланник говорит, что он горячо ходатайствовал за него в Министерстве, указать Министерству, куда именно назначить Распопова, было бы недисциплинарно, да и бесполезно, ибо на здешние места назначения уже сделаны Министерством; стало быть, отказали бы. Советует посланник урезонить Распопова ехать в Россию; в том, что ходатайство его за Распопова не останется бесплодным, он не сомневается. Убедить! Но как убедить самодура, да еще ни во что не верующего! Разумеется, напишу ему, но надежды почти нет, чтобы урезонился.

Целый день в библиотеке заносил переплетенные книги в каталог.

Кажется, верно, что посланники в Пекине живы, говорил Извольский. Но союзных войск все еще не собралось достаточно, чтобы можно было отправиться в Пекин для освобождения посланников и других европейцев там из плена.— Пароходство по Амуру прекращено, так как китайцы уже взяли и сожгли два русских парохода. В Благовещенске они стреляли, и человек десять на улице убито; повреждена выстрелами женская гимназия. Зато наши заняли город Айгун. Железная дорога наша по Манчжурии разрушена, рабочие и охраняющие дорогу разогнаны. Все это сообщил посланник как самое верное. В газетах еще более того, но не всему можно верить.

16 / 29 июля 1900. Воскресенье

В три часа было в Соборе бракосочетание катехизатора Петра Фудзивара с учительницей нашей Женской школы Павлой Хирота. Совершал о. Петр Кавано, в ведении которого состоит Фудзивара, на юге Сикоку.

Как нужен везде хозяйский глаз и нужно не лениться входить во все, чтобы не обманывали! Расходчик Алексей попросил штукатурного ремонта в его и других помещениях служащих, всего в десяти квартирах, что на нижней площадке Миссии. Согласился я. Но штукатур представил соображение (пуморигаки) на 60 цубо, по 40 сен цубо. Пошел я посмотреть, так как счет значительный. И что же? На одну-две лопатки взять штукатурки и отремонтировать можно все изъяны; работы дня на два, на три. Значит, много-много 5 ен потребно — а пуморигаки на 25 ен! Отменил я совсем ремонт.

17 / 30 июля 1900. Понедельник

Когда я занимался в библиотеке, после обеда, пришли сказать, что репортер «Дзидзи симпоо» просит свидания. Пошел к нему. Спрашивает:

— Какие Ваши мысли касательно нынешнего положения в Китае?

— Военная и политическая область в стороне от меня; я о ней мало думаю и определенных мыслей не имею. Впрочем, вижу, что начинает уясняться то, чего я всегда ожидал, и в несомненности чего убеждены дальновидные из японцев, например, граф Соесима. Именно, что Япония и Россия должны войти в самый тесный союз, чтобы сдерживать Китай и обезопасить себя от него. Только эти две державы глубоко заинтересованы в этом. Другим державам Китай что может сделать? Выгнав англичан, немцев и американцев, он только лишит их торговых выгод; у французов, кроме того, может отнять их колонии на юг от Китая; но самостоятельности ни одной из сих держав не угрожает Китай — слишком далеко до них. Россия и Япония пограничные соседи Китая; усилясь, он может одною рукою раздавить Японию, другую наложить на Сибирь. В отдельности ни Россия, ни тем более Япония Китаю не страшны; вместе же они могут обуздать его; отсюда и выходит естественная необходимость для России и Японии быть в союзе и дружбе против общего врага, угрожающего их существованию.

— Но как этого достигнуть?

— Текущая пресса может много помочь в этом. Начните с себя, не допускайте в «Дзидзи симпоо» враждебных России статей, которыми так богата японская пресса со слов злостно ненавидящей Россию Англии. Враждебность России японских газет, в свою очередь, раздражает русских, и таким образом две соседние страны, имеющие все причины к союзу и дружбе, только и делают, что пересбраниваются между собою. Одну причину, по-видимому, японцы имеют к недружелюбности относительно России — занятие русскими Ляодунского полуострова. Но если бы Вас в этой комнате затворить на все три двери, не стали бы Вы стучать, а при невнимании к Вам, пожалуй, и ломать замок, чтобы выйти на свет Божий? То же и с Россиею: так много суши у нее и ни одного

свободного выхода в открытое море!.. Вот причина занятия Порт-Артура, и так далее.

— И для проповеди Вам было бы выгодно, чтобы Россия и Япония вошли в тесную дружбу между собою.

— Мое дело подчиняется совершенно другим законам, чем мирские. Мой вождь и начальник вот (указывая на икону Спасителя). Он велел: идите возвещать благуя весть об Отце Небесном людям еще не верующим, что они дети Божии,— и мы идем, и Он дает нам успехи, не соображаясь с мирскими соображениями. По всем признакам и вероятностям нельзя сомневаться, что японский народ скоро сделается христианским. Только дай Бог, чтобы он прямо принял Истинное Христово учение, а не испорченное человеческими измышлениями. Кажется, именно к этому идет.— И я показал статистику всех христиан Loomis'a, из которой так ясно видны преимущественные успехи православия.— И вот этого-то должны желать и все японцы-патриоты для блага своего отечества: тогда-де будет закреплена истинно неразрывная дружеская связь Японии с Россиею, когда связь эта будет заключена в самой глубокой области душевной — области религиозной. Сколько пролили крови русские за единоверцев! С не меньшим самоотвержением они прольют ее и за других единоверцев, если то понадобится...

Просил Оониси (сей репортер) русских газет с статьями, которые бы хорошо переводить в «Дзидзи». Я адресовал его за сим в Посольство, к секретарю Поклевскому, дав для входа свою карточку.

18 / 31 июля 1900. Вторник

Телеграмма, что третьего дня (29 числа) итальянский Король Гумберт убит! Боже, что же это? Ужели нет узды на анархистов, потому что, конечно, это их дело?!

Горизонт везде обложен тучами. В Европе вот анархисты, нигилисты и социалисты. В Китае с 13-го июня посланники и около тысячи человек всех иностранцев сидят наподобие мыши, пойманной в мышеловку. В Тяньдзине собираются союзные войска идти на выручку их и, вероятно, на днях двинутся, но не будет ли то вместо освобождения смертным приговором для пекинских пленников? Затем Китай вызовет на бой с собою все государства, с которыми имел трактаты,— дальше что? Промысл Божий готовит что-то новое, пока неудоборешимое.

19 июля / 1 августа 1900. Среда

Утром, за ранней обедней, увидел, что новопоставленный диакон Иоани Оно достаточно научился служить, и потому сказал ему отправиться на место его — в Сиракава.

Вышедши из Церкви, нашел на столе письмо от Распопова: извещает, как об ужасном событии, о том, что в Страстную неделю нарисована была плащаница одною девицею (воспитанницею Католического пансиона в Нагасаки, дочью русского генерала, гостившего, кажется, у консула Костылева во время Страстной), и что она плащаница была целуема и носима к соблазну простых русских христиан – матросов и подобных; считает это уголовным преступлением и возводит оное на Костылева (тогда как это дело глупости и неопытности о. игумена Вениамина). В ответе я указал ему притчу о фарисее (Лук. 18, 10–14): вишит он только ближних, и тем только зло себе чинит, как гордый фарисей чинил себе...

Из Хакодате – прошение христиан, разумеется, некоторых только, оставить там катихизатора Исаяю Мураки, переведенного Собором в Ооцуцу и Камаиси. Прощение обращено назад чрез о. Петра Ямагаки, а Мураки написано, чтобы немедля отправлялся на назначенное ему место. В Хакодатской Церкви до сих пор дрязги и немир. А о. Петр слишком вял и слаб, чтобы управить христиан... Плохо придется моему преемнику, если не будет то человек крепкой силы и помощи Божией. – Хакодатская Церковь – самая старая; где, по-видимому, искать разума и жизни христианской, как не в ней? Но где больше дрязг и всякого нестроения, чем в ней. О других Церквях что и говорить! Везде одна паршивая овца может вдруг испортить все стадо...

Пять христиан из Котода пришли просить, чтобы катихизатор Иоанн Катаока из Токио был отпускаем к ним в те времена, когда земледелам свободно. Это обещано. В простых сердцах обитателей деревень в Симооса благодать Божия, видимо, вьет себе гнездо. И в Катихизаторскую школу и Семинарию оттуда всегда есть; и катихизаторов туда всегда просят, и число верующих растет. Помогай, Боже!

20 июля / 2 августа 1900. Четверг

Катихизатор Моисей Мори, в прошлом году овдовевший и имеющий шестилетнего сына, просил невесту из Женской школы; но ему сорок лет, а учительницы, имеющие выйти замуж, все ниже двадцатилетнего возраста; несообразно. Потому вчера секретарь Нумабе спросил у него, не посватать ли ему вдову? С радостью согласился он и на это. Сегодня утром позвали мы с Нумабе вдову катихизатора Варнавы Имамуре, Любовь, у которой трое детей, из коих старшая девятилетняя дочь могла бы уже поступить в Женскую школу, и которой тридцать два года, и спросили: имеет ли она расположение навсегда посвятить себя воспитанию детей и потом служению Богу, или же чувствует склонность вновь выйти замуж? Она объявила первое и, видимо, чистосердечно, поэтому укрепи ее, Бог! Не стали мы больше и говорить о сем предмете. Видно,

что вдова разумная и благочестивая, трудится, добывая на содержание себя и детей в дополнение того, что получает от Церкви. Когда дети возрастут до поступления в школы, она и сама тогда может поступить в Женскую школу, в которой когда-то воспиталась, в качестве воспитательницы.— Для Моисея же посватает Нумабе одну из катихизаторских вдов, живущих ныне в Сендае; если и из них ни одна не согласится, тогда он свободен будет найти себе подругу где хочет. Но так или иначе, ему хорошо жениться вновь: ребенок его, положительно, ни на шаг не отлучается от него, что для катихизатора совсем неудобно.

Был один англиканского исповедания американец, китайский миссионер; говорил, между прочим, что китайский народ весьма мирного настроения относительно миссионеров, только ученые и военные враждебны, и прочее. Уходя, попросил благословения и преклонил колена для принятия его; я преподал ему просимое «In the name of Father and of the Son and of the Holy Ghost...» Расспрашивал он о нашей Миссии, говорил, что еще в Америке имел сведения о ней, говорил также, что ежедневно молится о единении Церквей. Исполни, Господи, его молитву, непрестанно возносимую и нами! Имя сего Reverend Laurence Ridgely. Направлялся из отпуска на место службы, но должен здесь ждать, когда будет это возможно.

21 июля / 3 августа 1900. Пятница

Христиане Церкви Аомори просят построить им храм; «Аомори-де недалеко от Владивостока и на пути к нему; когда построится железная дорога, многие иностранцы будут проезжать чрез Аомори — представительность нужна» и так далее. Побуждения чисто внешние; нет того, чтобы позаботиться об умножении числа христиан там, причем сказалась бы естественная потребность в храме.— Отвечено: «Стройте сами — Миссия средств не имеет».

Из Хиросима катихизатор Игнатий Ками пишет, что туда в госпиталь «Красного Креста» привезены раненые в Китае иностранные воины, из которых, между прочим, трое французов умерло и погребено по-католически: «Если привезут русских раненых, то нужен-де для них священник, говорящий по-русски». — Едва ли русских раненых так далеко повезут. Если же случится это, то о. Симеон Мии из Кёото может отправиться для утешения их.

22 июля / 4 августа 1900. Суббота

Наконец, союзные войска выступили для похода на Пекин, чтобы освободить посланников и других иностранцев. Всего войска 20 511, в

том числе японцев 12 000, русских 4500, англичан 2300, американцев 1600, австрийцев 58, итальянцев 53.

Сегодня кончил введение в каталоги всех новых книг, собравшихся за последние два года. Остается журналистика, духовная и светская, наполовину не переплетенная.

23 июля / 5 августа 1900. Воскресенье.

Токио и на дороге в Кёото

Утром обычное богослужение, прием зашедших после него и разговор с ними. Потом приготовление к дороге. В шесть часов вечера, оставив дела по Миссии и ремонтам на попечение секретаря Нумабе и служащих, отправился в Кёото, по делу постройки Церкви там.

24 июля / 6 августа 1900. Понедельник.

В Кёото

Утром в вагоне читал только что полученную в воскресенье книгу «Труды Филарета, Митрополита Московского, по переложению Нового Завета на русский». Какая тщательность в деле!

В девять часов утра прибыл в Кёото. Теперь только узнал, что по соседству со мной сидел молодой бонза, почти мальчик. В Токио сел в вагон в светском платье из великолепного шелка, здесь, при помощи сопровождавшего его джентльмена, облачился в рясу и как же это сконфузило его, по-видимому! Встретила его толпа бонз, мимо которых он пробежал и в карете укатил куда-то; должно быть, один из Хонгвандзи; вероятно, сын Отани, главы секты.

О. Симеон Мии встретил меня на станции, и с ним мы отправились к нему, в наш церковный дом.

Как же приступить к делу постройки Церкви? Достал о. Симеон свою записную книжку и прочитал несколько добытых сведений: сколько берет плотник в день, сколько чернорабочий и подобное — сведений, для начала ни к чему не годных.

— Это ладно,— говорю.— А вот, какие здесь есть архитекторы и какие подрядчики?

— Еще не успел об этом собрать сведений. Впрочем, есть один христианин, у которого можно спросить об этом.

Послали за ним. Приходит Иов Таката, старик, из мелких чиновников, родом из Оогаки. Порекомендовал он и очень расхвалил одного подрядчика, Кодзима; насчет же архитектора сказал, что приятель его знаком с городским архитектором Мацумуро, и может пригласить его.

Так как о Кодзима было сказано, что он строил в Доосия — заведении конгрегационалистов — и христианин сам, то я отправился собирать о

нем сведения у протестантов — кстати, и сделать визиты. Но бишопа Партриджа не застал — уехал в Америку, должно быть, казать свое новое бишопство; старика бишопа Вильямса нашел, и как же мы обрадовались взаимному свиданию! Старые приятели! Насчет Кодзима он сказал, что сам его не знает, а слышал, что «подрядчик опытный, но строго за ним надо следить». — Когда вернулись мы с о. Мии домой, пришел и Кодзима, присланный Иовом. С ним был первый разговор о постройке Церкви.

Но какую Церковь строить? Была у меня все время мысль построить небольшой молитвенный дом, для которого и план был приготовлен плотником Василием в запрошлом году, когда был здесь о. Сергей Страгородский, которому предполагалось поместиться в Кёото. «Рано-де ныне строить что-либо большое: ни большого числа христиан, ни денег, ни достаточного места; построить же сообразно нынешней нужде; потом, если откроется возможность строить настоящий большой храм, то строить уже каменный, а это строение можно тогда перенести в другое место для пользования христианам». Но пред отправлением в Кёото, несколько раз обдумывая дело, я решил, что слишком уж простое здание для Кёото не идет, потому выбрал из книги планов рисунок Церкви на триста человек, без колокольни. С этою мыслию и с книгою планов в руках я и поехал в Кёото. Вдруг дорогой со станции до дома, по плоскому городу, пришло на мысль: что же это будет за храм, которого нельзя увидеть и о котором нельзя получить никакого сведения иначе, как подъехавши вплоть к нему самому; непременно нужна колокольня, и высокая, и звонящая! — Потому, показывая о. Семену планы, я уже раскрыл на листе, где храмик на триста человек с колокольней. Этот план мы показали и подрядчику Кодзима, который заявил, что постройка обойдется не меньше 160 ен за дубо. — Вечером епископ Вильямс зашел, чтобы назвать несколько протестантских миссионеров-конгрегационалистов, у которых можно обстоятельнее узнать о подрядчике Кодзима.

В видах усердия и искреннейшего радушия о. Семен и его милая супруга накормили меня сегодня сквернейшим обедом, но иностранной кухни, уложили спать на кровати, но на соломенном матраце, служившем ровно десять лет тому назад о. Сергию Страгородскому, с тех пор не менявшему ни оболочки, ни соломы, и до того вонючему, что я, улегшись, чрез минуту должен был раскрыть рот по уши, чтобы не задохнуться; думал было храбро вытерпеть эту муку радушия, как навык выносить все подобное; но чрез десять минут голова до того разболелась от этой отравы, что я побоялся сделаться больным, и потому встал, чтобы стащить матрац и сверху нагруженные на него японские фтоны в другую комнату. О. Мии поднялся на производимый мною шум, и я ему дал откровенную нотацию — не мешать японских обычаев с иностранными, отчего выходит безобразная помесь и невыносимое неудобство, с чем он согласился и сам, и обещал вперед кормить меня японским столом и давать мне японскую постель.

**25 июля / 7 августа 1900. Вторник.
В Кёото**

Вчера в разговоре с о. Семеном спрашиваю:

— А в сколько времени вы наполните христианами храм в триста человек? (Ныне всего, и с детьми, их семьдесят).

— Года в три-четыре,— говорит.

Слова эти запали мне в голову, и я решил, что неблагоразумно тратить на постройку, которая, положим, и не в три-четыре, а в десять лет сделается совсем не годною. И потому выбрал другой план храма на 450–500 человек и предложил его осуществить. О. Симеон вполне одобрил это решение.

Пошли мы с ним искать конгрегационалистских миссионеров, названных вчера bishopом Вильямсом. Но ныне почти все разъехались укрываться от жары на дачах; нашли Reverend Otis Cary в одном из зданий Доосися; с ним был еще один, не названный bishopом, но очень пригодившийся. Кёри оказался слишком дипломатом: о Кодзима — ни слова отзыва, даже не знает будто бы, что он ихний христианин; товарищ его откровенно заявил, что «на Кодзима полагаться нельзя, нужно строго наблюдать за ним, если употреблять его, иначе...» — и рассказал, как здесь же, в Доосися, обвалилась одна веранда, построенная этим Кодзима без фундамента под нее. В доме, где мы разговаривали, присутствовали две дамы, американки, одетые по-японски. Хозяйка из них пригласила меня завтракать с ними, но мы с о. Семеном уклонились и пошли есть свой японский обед.

В два часа пришел другой подрядчик, Оониси, рекомендованный тем же Иовом Таката. Этот, по-видимому, основательнее Кодзима. Рассказавши ему все, дали план храма для соображения, сколько каких материалов и работ нужно, и во сколько бы обошлась постройка.

Имея затем свободное время, мы отправились с о. Симеоном осмотреть кое-что в Кёото. Прежде всего зашли в Католическую Миссию, заправитель которой здесь, патер Ориенцы (как значится по-японски на его карточке), встретился со мною когда-то в вагоне железной дороги и приглашал к себе. Миссия занимает в центре города 1200 цубо земли, на которой построен великолепный каменный собор и миссийские здания. Как объяснил патер, место куплено за 3.000 ен, постройка Собора обошлась в 32.000 ен. На богослужение к нему в Собор каждое воскресенье собирается (будто бы) всегда триста человек; всех католиков в Кёото шестьсот. Нашли мы патера среди детей, «которые все — соседние городские, так как я люблю детей», — объяснил он; в садике — с отличным японским устройством, так как это была резиденция одного князя — производились работы. Все комнаты в доме настезь, что являло, что патер живет не роскошно, но в то же время и грязновато-пыльно. С патером нашли еще японского священника, облаченного наподобие своего патрона.

Собор посвящен Франциску Ксаверию. Статуи его и другие, в том числе канонизированных японских мучеников, эффектно расставлены в полукружии алтаря. При усердном объяснении патера от него отдавало вином; быть может, оттого, что он пообедал недавно, а быть может, и от скуки. Живет он в Японии двадцать три года, «но надеюсь прожить столько, сколько Вы» (то есть сорок лет), — заключил он свои объяснения.

Отсюда о. Мии повел меня смотреть новый памятник, воздвигнутый в честь Хидеёси стараниями князя Курода и других, помнящих благодеяния этого героя своим предкам. Погребен он на вершине горы у Кёото, но забыта была его могила во все время царствования дома Иеясу. С падением сёогунства не стало места боязни почтения к сопернику дома Иеясу, и потому ныне сей памятник, действительно, достойный гениального Хидеёси. У подножия горы кумирня в честь его; от нее начинается подъем к могиле Хидеёси. Подъем состоит из гранитной широкой лестницы с небольшими площадками; в лестнице 521 ступень. На вершине гранитный памятник, обнесенный гранитною решеткою; грандиозный памятник — обычная буддийская эмблема состава души человеческой. Все в совокупности составляет прекраснейшую картину. Издали лестница кажется широкою белою лентою, тянущеюся к облакам.

Вечером были: Иов Таката, его сын — еще язычник, по профессии кто-то вроде техника, по виду — деловой малый, приятель Таката — знакомый архитектора, с извещением, что оный завтра в десять часов утра посетит нас.

26 июля / 8 августа 1900. Среда.

В Кёото

Утром явились из Сонобе Елисей и София Накано, принешие в подарок сушеную каракатицу таких размеров, что в живом виде она, вцепившись своими присосками в купающегося ребенка, навверное, утащила бы его в глубину и пожрала бы. С ними была Кириакия, мать жены Иоанна Исохиса, переведенного ныне в Кёото; по бедности, как видно, он оставил ее и ее старшую сестру, глухую, в церковном доме в Сонобе. Но там ныне они пригодились присматривать за вдовцом-католиком Моисеем Мори и его шестилетним ребенком. Моисей и ребенок явились туда на днях грязные и вшивые; Кириакия с сестрой обмыли их и приласкали. Потому я назначил Кириакии 3 ены в месяц, как «квайдомори», пока она с сестрой будут жить в Сонобе и заботиться о католике Моисее Мори и его маленьком сыне, который ныне порядочно мешает отцу по службе, ни на шаг не отставая от него, потому что, кроме отца, у него нет никого, кто бы присмотрел за ним.

В десять часов явился архитектор Мацуморо, молодой человек симпатичной и честной наружности. Я ему показал план храма, рассказал,

что от него будет требоваться, если он возьмется за осуществление его, обещал за труд гонорарий такой же, какой дается здесь архитектору Кондеру, то есть 5% с стоимости материалов и работ. Он молча все выслушал и, когда приостановился с ответом, я сказал, что он может обдумать все и дать ответ после, на что он сказал, что завтра утром придет письменный ответ.

В два часа план храма отдан подрядчику Кодзима для обстоятельного соображения, сколько бы стоила постройка.

В три часа была Мария Моцидзуки из Сакасита, ныне живущая с мужем здесь, в Кёото (та Мария, над которой Господь явил чудо исцеления ее во время крещения). Ныне — здорова и счастлива своим полным согласием с мужем, который прежде очень обижал ее. Муж ее занимается ремеслом закладчика; живут они близ большой кумирни Хонгвандзи и Буддийской Академии, поэтому закладываются у них почти исключительно бонзы и студенты; Мария прекомично рассказывала, как молодые бонзы приносят в заклад для гулянки свое духовное платье и даже своих идолов. Все знают, что муж ее Фома и она — христиане, часто ведут с ними религиозные прения, безобидные и бесполезные, впрочем.— Но больше всего она заняла меня рассказом, как католики старались совратить ее, когда она еще была в Сакасита; патеры и сестры из города Цу часто приходили к ней и всячески влекли ее в католичество. И как же она твердо выдержала и как умела отпарировать их! «Вот, смотри, Петру даются ключи», — указывают они ей текст.— «А вот посмотрите, и всем Апостолам даются ключи», — указывает она им другой.

— Видишь, Петр называется «камнем, на котором созидается Церковь» (Мф. 16, 18).

— А видите, Петр называется «сатаню», — указывает она стих 23.

И так далее. Они, наконец, оставили ее в покое.

Часу в восьмом вечера Оониси, подрядчик, прислал свой расчет, сколько будет стоить храм; оказывается: 7.600 ен с лишком; соображение преподробное, но скороспешное; многое, конечно, придется изменить — вверх, или вниз цены, смотря по предметам.

Были затем Фома Моцидзуки с дочкой лет четырнадцати, у которой улыбка счастливого детства не сходит с лица. Фома также в наилучшем христианском настроении; так как он мастер говорить, то внушал ему убеждать бонз и студентов учиться христианству.— Были и еще христиане, и долго шла у нас тихая и задумчивая христианская беседа.

27 июля / 9 августа 1900. Четверг.

В Кёото и Оосака

С поездом в семь часов утра мы с о. Симеоном отправились в Оосака посетить о. Сергия Судзуки, небывшего на Соборе по болезни, и взглянуть, в порядке ли все у него. Оказалось все в отличном порядке,

поскольку надо для наружности: в Церкви и в комнатах везде чисто, все прибрано; наружи также — нигде сора и грязи, как бывало прежде; и ремонта здания не требуют, кроме небольшой течи в крыше и перемены износившихся циновок на некоторых татами.

Разговор с о. Сергием, между прочим, о Петре Такеици, бывшем катихизаторе, отставленном за развод с женой без законных причин. Просит Такеици давно уже перевенчать его с вновь найденной им для вступления в брак. По церковному закону это нельзя, потому я до сих пор не давал разрешения. Но, во-первых, если бы он и хотел вернуть к себе свою законную жену — этого невозможно сделать: она давно уже замужем за другим (язычником) и даже дитя имеет от этого мужа; во-вторых, не повенчать его — станет жить блудно. Итак, сказал я о. Сергию: пусть вменится ему в епитимию почти трехлетнее его безбрачное житие доселе; к сему пусть присоединится еще один год епитимии — год, нужный и для того, чтобы он хорошо познакомился с нынешней своей невестой, бывая часто в доме ее родителей, и уверился, что вперед не случится с ним прежнего несчастья; и по истечении сего года пусть о. Сергей повенчает их. Но пусть это, по возможности, не разглашается, чтобы не возбудило злоупотреблений.

Спрашивает о. Сергей, можно ли начало всенощной перенести с шести часов на семь, как просят христиане? Можно.

Советовал я ему выслушивать все мнения христиан во время собраний по церковным делам и следовать лучшему, свое ли то, или чужое (ибо жалуются на него, что он нетерпелив и никого не слушает).

Все эти разговоры вели мы втроем. Затем был разговор общий в присутствии катихизаторов и некоторых христиан. Из последних особенно замечательны Лука Мацукава и его друг, бывший католический катихизатор, — оба главные из перешедших в последнее время в православие католиков. Мацукава — настоящий артист по части вязания, и работы его и учеников его украшают церковный дом. В комнате, где производятся церковные собрания, стоит стеклянный шкаф с большим горшком, в котором огромный цветочный куст — издали натуральное живое растение: здесь все: цветы, листва, ветки, стволы, самый горшок, даже земля в нем — вязанное из окрашенных ниток.

Пообедав втроем принесенным из гостиницы японским кушаньем, мы с о. Симеоном скоро же отправились обратно в Кёото к нашим главным делам. По приезде пашли письмо архитектора Мацуморо, которым он извещает, что начальство позволило ему взять на себя нашу работу, и потому он согласен. Мы положили завтра утром позвать его для подробного переговора и совещания.

Вечером подрядчик Кудзима принес свои соображения (цуморигаки) касательно цен на материалы и работы по постройке храма: у этого вышло почти десять тысяч ен.

Были вечером: заштатный о. Иоани Оно, косметик Павел Сато, отставной воин Василий Масаока. Последний сразу останавливает на себе

внимание оттенком затаенной печали на своем лице. И действительно, есть о чем печалиться ему; рассказал он ужасные вещи: был он на минувшей Китайской войне, попался в плен вместе с двумя товарищами; на глазах у него китайские солдаты замучили его товарищей: ножами вырезали куски мяса из них — живых, отрезали нос, уши и тому подобное и в заключение убили. Масаока упал в обморок, когда мучили второго, и его не стали мучить, а связанного посадили под стражу. Ночью караульный его заснул, а он перетер сзади связывавшую руки его веревку о камень стены, освободился и камнем разможил голову спавшему караульному, сбросил свое платье, надел снятое с убитого и пустился бежать, но второпях он надел только верхнее платье, ноги же его оказывались голыми, что тотчас должно было остановить на нем подозрительное внимание каждого встречного. На рассвете повстречался ему мирный деревенский житель, несший пустые корзины на коромысле и направлявшийся в поле; на требование Масаока он беспрекословно и благодушно стал снимать с себя нижнее платье, чтобы отдать ему, но в это время Масаока его коромыслом ударил его по голове и свалившегося совсем убил. Надев на себя его нижнее платье, Масаока пустился в путь и на третий день отыскал отряд японского войска; увидев своих, он от радости лишился сознания и упал; японские солдаты, подошедши, стали толкать его ногами, приняв за китайца; он, наконец, опомнился и рассказал свои приключения. — Убийство мирного жителя, да еще хотевшего услужить ему, до сих пор тяготит его совесть.

— Все равно, что благодетеля (онся) убил! — заключил он свой грустный рассказ. Правда, чрез минуту он прибавил:

— Но ведь я чрез то услужил своим: принес им известия о китайском отряде и тем, быть может, избавил их от поражения.

Но по лицу его видно было, что это самооправдание нисколько не облегчает его.

Я подтвердил ему, что действительно он совершил большой грех. Но, во-первых, святым крещением после того он уже смыл этот грех, в котором так искренно раскаивается пред Судом Божиим; во-вторых, для окончательного умиротворения своей совести пусть всегда жалеет ближних и делает им столько дел милосердия, сколько может.

О. Симеон Мии тут же подтвердил, что он, действительно, жалостлив и благотворитель. — Живет он своим трудом — расписывания вееров, идущих на продажу в Европу; родом из Цу, в Исе; бессемейный.

28 июля / 10 августа 1900. Пятница.

В Кёто и на пути в Токио

Утром приехал архитектор Мацуморо и с ним был обстоятельный разговор, после которого я передал ему план храма и иконостаса к нему и «цуморигаки» подрядчиков Оониси и Кодзима. Условлено следующее:

1. Мацуморо в продолжение месяца приготовить подробные планы храма, четырех японских домов в том виде, в каком они должны быть перенесены с ныне занимаемых мест, причем два двухэтажные станут позади храма по обе стороны от него — для священника и диакона; два одноэтажные с отнятием у них нынешних верхних этажей впереди храма, с улицы, по обе стороны от него, возможно дальше к стороне — для катихизатора и церковника-сторожа, с комнатой здесь для собраний христиан; наконец, план кирпичной ограды вокруг места.

2. Планы эти будут присланы ко мне в Токио и, по одобрении мною или же указании перемен, которые я сочту нужными, возвращены в Кёото, после чего (по окончательном утверждении планов) о. Симеон Мии будет представлено властям в Кёото об имеющихся произвестись постройках, сообразно с прошлогодним распоряжением Министерства внутренних дел.

3. Произведены будут подрядчиками окончательные расчеты (цуморигаки) цен на постройки — по перенесению домов отдельно и по храму и ограде отдельно, так как первое — собственно ремонт, второе — новая постройка.

Архитектору дана свобода употребить подрядчиков, каких он сочтет нужным. (Насчет Кодзима я сообщил ему собранные сведения, что за ним нужен очень тщательный надзор).

4. «Цуморигаки» будут присланы ко мне для утверждения.

5. По возвращении их от меня в Кёото начнется работа по передвижению домов. Когда она будет кончена и можно будет приступить к постройке храма, меня известят, и я отправлюсь в Кёото, посмотреть, хорошо ли распланировано место для храма, и освятить начало работ.

Предположено мною взять туда с собою Моисея Кавамура и оставить его на месяц для наблюдения за должным исполнением контрактных работ. О. Симеон Мии предлагает для сего Иова Таката, который просится в служители по храму. Но мне он неизвестен, хотя я не имею причин сомневаться в его честности и даже благочестии. Потому пусть Кавамура с месяц вместе с ним смотрит за работами и наблюдает, можно ли положиться на Иова. Он может быть и честным, но слабым, мирволящим и подобное. Если же он окажется вполне благонадежным для наблюдения за исполнением контракта, то, конечно, это будет счастье. Во всяком случае, я архитектору обещал наблюдателя за точным исполнением его распоряжений. Сам архитектор не может ежедневно быть на работах, а без него и без наблюдателя подрядчик может много напакостить, если недобросовестен.

По уходе Мацуморо о. Симеон записал для себя означенную программу. Насчет Таката я сказал ему — никак не предлагать ему взять отставку с нынешней его службы, чтобы поступить на службу Церкви; если же он добровольно сделает это и предложит себя, то обещать ему наблюдение за работами с платою в месяц в размере получаемого им жалованья

(кажется, 15 ен), а потом, если захочет, он может сделаться «доомори» (хранителем храма) и церковных «монбан» (привратником миссийских построек), но не иначе, как на жалованье не свыше 12 ен, что составляет жалованье «фукуденкёося».

В два часа пришел помощник архитектора снять план с церковного места и находящихся на нем построек, что и сделал весьма тщательно. Место наше, к сожалению, очень не большое: с востока на запад оно имеет всего: 25 кен 3 фута 5 дюймов, с севера на юг: 21 кен 4 дюйма. Состоит он из шести участков:

№ 283	82 цубо 8 го секи
№ 284	102 цубо 3 го 2 секи
№ 285	83 цубо 1 го 3 секи
№ 286	85 цубо 9 го 6 секи
№ 287	130 цубо 5 секи
№ 288	51 цубо 4 го
Итого	535 цубо 7 го 3 секи

Так по купчим крепостям, которые я брал с собою из Токио.

Опять пришел заштатный священник Иоанн Оно. По виде так здоров, как только может быть здоровым человек между пятьюдесятью и шестьюдесятью годами; геморрой, может быть, и не позволяет ему много ходить, но главное — ничем не победимая лень мешает дело делать. Стал я ему советовать, по крайней мере, писать, как иногда пишет тоже непроходимо ленивый о. Павел Сато. Подобно последнему, произведшему в двадцать лет тощую книжку «Тебики куса» для первоначального наставления в вере, писал бы и он, о. Оно, похожее на сие, — тоже имело бы своего рода пользу. Согласился, по-видимому, о. Оно, но это, видимо, то же, что ленивый конь махнет хвостом в ответ на хворостинку, не думая, однако, прибавить шаг.

Потом стал я предлагать ему другое дело: отправиться по Церквам и у христиан требовать содержания служащим Церкви. В каждой Церкви остановился бы дней на десять, или больше, пока путем проповеди, увещевания, уговариванья и тому подобное склонил бы всякий христианский дом давать в пользу своего катихизатора и священника то, что может — деньгами, рисом, углем, овощем, рыбой и подобное; но только, чтобы это было определено точно и внесено на бумагу за подписью и печатью обещавшегося давателя. — Сколько ни просил я о. Павла Савабе заняться сим важным делом, не хочет он. Пусть бы о. Оно взял на себя. Авторитета, ума, красноречия у него хватило бы; лишь бы было усердие. А как важно это дело! Это было бы исполнением заповеди Спасителя и Апостолов; это поставило бы Японскую Церковь на собственные ноги;

это оживило бы служащих Церкви и самих христиан — скрепило бы их взаимную связь и любовь. Пусть бы о. Оно начал с лучших Церквей, которые и ныне несколько дают на служащих; примеру их последовали бы и другие, и так далее.— Словом, истошил я все уговариванье. О. Оно, молча махая веером — что именно напоминало махание хвостом ленивого коня,— изрек, наконец, согласие,— отчего-де и не прогуляться? — Итак, обдумавши все, он даст мне знать, когда намерен двинуться и куда. Я, во-первых, пошлю ему дорожные и на содержание, во-вторых, напишу в те Церкви, в которые направится, чтобы приняли его, послушали и сделали, что предложит, а также священнику этих Церквей, чтобы содействовали, на сколько может, успеху миссии о. Оно. Но, авось, Господь даст и выйдет что-либо путное из этой прогулки о. Оно, навязанной мною ему!

С поездом в восемь часов вечера я отправился обратно в Токио.

29 июля / 11 августа 1900. Суббота.

На пути и в Токио

В полдень прибыл в Токио и застал здесь все благополучным. Только какой-то негодяй мерзкими фигурами испачкал каменные колонны ворот; чернила вошли в поры камня, так что и отмыть хорошо нельзя.

За всюнощной готовился к завтрашнему служению, для чего собственно и поспешил прибыть, не заехав в Тоносава взглянуть, как там ученики живут, что предполагал сделать.

30 июля / 12 августа 1900. Воскресенье.

В Токио

После обедни Иоанн Ямагуци со своей едва оправившейся от болезни женой пришел попрощаться пред отправлением на проповедь в Яманаси; давно уже ему там следует быть, но несчастье, если у катихизатора, да еще молодого, захворает жена, да еще женскою болезнью! Бесконечная трата времени и денег! (На сию я передал мужу 25 ен; конечно, своих, где же из церковных набраться на это! Из своих есть — можешь, нет — извини; а из церковных — тотчас в правило обратится, и уйдут все миссийские деньги на лечение больных катихизаторских жен, и не на что будет самих катихизаторов содержать).

31 июля / 13 августа 1900. Понедельник

Хакодатские христиане добиваются того, что сделано было в прошлом году для Церкви в Одавара, то есть перемены священника. Но обстоятельства другие; священник их не имеет таких крупных недостатков,

за которые бы можно было уцепиться. Не силен он, не боек, вял, но где же у нас сильнее, деятельнее? На Соборе не принял я прошения от добивавшихся перемены. Теперь еще не угомонились, а продолжают изыскивать способы к удалению о. Петра Ямагаки из Хакодате, как явствует из письма его, полученного сегодня. Чрез катихизатора Петра Кураока, бывшего там у родителей, недовольные о. Петром приставали к нему с убеждением подать самому об увольнении из Хакодате и переводе куда-нибудь в другую Церковь. О. Петр, собственно, если бы был поразумнее, и должен был бы сделать это — «не нравлюсь я вам — не навязываюсь собою, просите другого», и подать прошение о переводе. Честь его требовала бы это. Но если бы он был настолько разумен и бодр понять это, то им бы и не были не довольны. Во всяком случае, желание дрянных хакодатских христиан, не имеющих основательного повода к своей просьбе, не будет исполнено. Пример Одаварской Церкви уже отзывается. Удовлетворить немирных хакодатских своевольников — значит усилить прецедент и положить начало большой неурядицы в будущем.

1 / 14 августа 1900. Вторник

Петр Исикава, слава Богу, поправился от своей болезни и, как человек деятельный, пришел сегодня с проектом издания церковного журнала с общепонятными статьями, так как печатаемое ныне в «Сейкёо Симпо» женщины и деревенский народ не понимают хорошо по возвышенности языка. Я вполне одобрил. Пусть приведет в совершенную ясность все стороны дела, определит сотрудников, обдумает все так, чтобы, начав издание, не прекратить его потом, наподобие «Синкай», — я дал средства на издание.

2 / 15 августа 1900. Среда

Была хорошая христианка из Касивазаки: Мария Хосино, служащая там учительницей школы. «Восстанут дети на мать» — исполняется на ней: не только родные ее, но взрослые сын и дочь ненавидят христианскую веру и, по возможности, гонят за нее мать. Она, однако, благодушно выносит все, и ныне, имея каникулярный досуг, прибыла в Токио, чтобы помолиться в Соборе, получить благословение и подкрепить свою веру. Подкрепи ее, Господи!

Вечером в сопровождении Иоанна Сенума был Василий Кондо, купец, бывший уже в Владивостоке, отправляющийся с товарами для маркитанства в Китае среди воюющих там японцев и русских; просил рекомендаций к русским воинам; дал ему две иконки, молитвенник и несколько брошюр с картинками. Русские по сим предметам поймут, что

он христианин, зарекомендовать же себя он должен своею честностью в торговле.

3 / 16 августа 1900. Четверг

Феодор Курода, христианин в Оби (на Киусиу), пишет, что в полной надежде на назначение катихизатора в Оби, просимого уже два года и нетерпеливо ожидаемого, — он нанял квартиру для него, по 4 ены в месяц, — кстати-де, был подходящий дом, который не всегда можно найти. Как ни желал и я выгадать на Соборе катихизатора для Оби — не пришлось. Нечего делать, ныне станем платить за квартиру катихизаторскую, хоть этим утешим христиан в Оби. Но она и не будет гулять: ежемесячно будет посещать Оби Кирилл Сасоба из Миязаки — так поставлено ему Собором в обязанность. Кроме того, отвечено сегодня Феодору Курода, чтобы он в отсутствие катихизатора заведовал общей молитвой и поучением в молитвенном доме.

4 / 17 августа 1900. Пятница

Целый день занятия в библиотеке: введение в каталог и нумеровка переплетенных периодических изданий.

5 / 18 августа 1900. Суббота

Приятное письмо от о. Вениамина из Нагасаки: извещает, что занимается изучением японского языка. В добрый час!

Целый день почти дождь и буря. По этой причине, должно быть, за всенощной пред завтрашним Великим праздником народу в Церкви была самая малость.

Занят был день переводом накопившихся расписок и отсылкой содержания служащим Церкви — дальним, за девятый и десятый месяцы. Всего разослано сегодня 3381 ена.

***6 / 19 августа 1900. Воскресенье
и Праздник Преображения Господня***

Обычная праздничная служба, не легкая по жаре, с плохим хором — за отсутствием учащихся. Молящихся было довольно много.

Слава Богу, наконец, пекинские пленники освобождены! 2 / 15 числа, после упорного боя, союзные войска вошли в Пекин и освободили посланников и всех европейцев с ними. Как-то наш бедный о. архимандрит

Иннокентий? Хоть бы приехал сюда отдохнуть от приключившейся переделки.

Целый день ветер, тучи, по временам дождь. Дрянная погода и тягостное состояние духа. В Кёото климат несравненно лучше.

7 / 20 августа 1900. Понедельник

Кончил введение в каталог библиотеки всех накопившихся в последнее время книг и отдал его Ивану Акимовичу Сенума переписать введение в ходячий по рукам каталог.

Был некто Аоянаги, директор Правительственной школы в Сакура, провинции Симооса. Длинный разговор о необходимости христианской веры для японского народа, едва ли имеющий принести пользу, так как господин директор, подобно всем его сорта ученых мужам, заражен гордостью и собственной философией насчет антропологических вопросов. На прощанье снабдил его христианскими книгами.

8 / 21 августа 1900. Вторник

Сердце растерзало письмо из Хакодате учительниц Женской школы — Текусы, дочери о. Иоанна Сакай, и Надежды Такахаси. Поехали они туда отдохнуть во время каникул — Текуса к своей матери и детям, Надежда, как ее подруга, в первый раз в Хакодате; ехала туда сия последняя, как пишет, точно в Иерусалим, в первоначальную Японскую Церковь, с благоговением и надеждою напитаться духом благочестия, и увы! Постигло полное разочарование! Церковь в таком расстройстве, что возбуждает скорбь и приводит в соблазн: христиане в разладе с священником и всячески стараются выжить его из Хакодате.

После Собора, к которому являлся оттуда один с прошением переменить о. Петра Ямагаки, каковое прошение я не принял по неимению причин к удовлетворению его, дело стало еще хуже. В Церковь совсем перестали ходить немирные и намереваются учредить свои собственные моления без священника; и всячески стараются вынудить о. Петра подать прошение о переводе его из Хакодате, даже к ним — учительницам — приставали с просьбами убедить о. Петра к сему... Так-то одно зло вызывает другое! Это отзвук прошлогоднего дела в Одавара. «Там-де священник подал прошение, и его вывели (хотя ни для кого нельзя было скрыть, что главною причиною вывода — немирные одаварские христиане); пусть будет и у нас то». Но обстоятельства не сходны: о. Петр Кано действительно был во многом не прав; с о. Петром Ямагаки этого нет. Ничего не мог ответить явившийся с прошением на Собор депутат хакодатский на вопрос — «чем недовольны в своем священнике?» — кроме того, что «он слаб, желаем более сильного». Перемени по этой

причине им о. Ямагаки — чрез год нужно будет переменить всех священников по прошению из всех Церквей, потому что какая же Церковь у нас скажет, что ее священник «силен»? И где «сильные» священники? И что такое «сила» священника?

— Силою считается, между прочим, смирение; ваш священник — человек смиренный, не правда ли? — спросил я подававшего прошение хакодатского депутата.

— Это правда, — не мог не согласится он.

— Ваш священник — человек образованный, кончил курс Семинарии, прекрасно служит и очень прилежен в священнослужении, отлично говорит проповеди, в поведении безукоризнен, человек тихий и мирный — чего же вам более?

— Но он слишком смирен, при нем Церковь не будет процветать...

Пойми этих «процветателей», удовлетвори их! Во время Спасителя и Апостолов были одержимые демонами. Эти — тоже одержимые, хотя демон не смеет являться в таком открытом виде, как тогда. Что с ним делать? Убедить нет возможности. Поступить под диктовку демона — избави Бог! И так, оставить все, как есть. Пускай беснуются, пусть заводят бесовские моления — не обращать внимания. Пусть даже вынудят о. Петра подать прошение о переводе — не принимать прошения; принявши, кем бы я заменил его в Хакодате? Наконец, если он до трех раз подаст прошение, взять его оттуда, но священника туда не давать (да и кого?); а пусть пока отправляет там общественную молитву в храме катихизатор.

Но больше всего терзает сердце мне то, что враг Церкви в этом случае — не кто иной из людей, как человек, который в то же время и самый почтенный в Церкви. «Благочинный о. Савабе обещал нам, что священник будет переменен, — твердил мне депутат хакодатский. — Он обещал, что будет более сильный священник».

— Так иди же к о. Павлу Савабе и убеждай его самого отправиться священствовать в Хакодате; я буду очень рад, если он сделает это. О. Петр там тоже останется, но для Хакодатской Церкви будет тем лучше, — говорил я депутату.

Конечно, депутат мои слова передавал о. Павлу и убеждал его. Но куда ему оставить блаженный его покой здесь — ровное ничегонеделанье при обильном содержании от Миссии и почете от всех!.. Мог бы не кто иной, как он, когда-то расстроивший Хакодатскую Церковь, умирить ее ныне, но он, видно, в душе радуется, что расстройство идет все хуже и хуже; уж он, если возненавидит человека, так до конца — так он ненавидел о. Петра Кано, пока так или иначе сей удален был из Одавара; подобным образом теперь ненавидит о. Петра Ямагаки, которому, должно быть, рано или поздно тоже не миновать выселения из Хакодате к великому удовольствию о. Павла Савабе.

9 / 22 августа 1900. Среда

Какая прекраснейшая погода и какое убийственное расположение духа целый день! Печаль по Хакодатской Церкви перешла в глубокую печаль по всей Японской Церкви. Ночью и утром думал было отправиться дня на два в Хакодате, чтобы поговорить с христианами, убедить их жить в мире с безобидным их священником, о. Петром. Но каждый раз, как думаю о сем, отвращение берет к исполнению — ясный знак, по моему, что нет благословения Божия на это дело. Да и что же бы я стал говорить хакодатским христианам? Все резоны известны им, но принимать их они не намерены. Ведь и два года тому назад я никого из немирных не убедил — все остались такими же злыми ненавистниками о. Петра. Теперь было бы то же; да еще мой приезд для разговора с ними вогнал бы глубже их упорство — «мол, придают важность нам — стало быть, сделают по-нашему, нужно только держаться». Послать бы кого? Но кого? Ни единого! Хоть шаром покати, ни единого! И это-то отягчает мою скорбь. О. Савабе? Новый яд влил бы. О. Павла Сато? Было бы то же, что деревянную куклу. Морита достаточно умен был бы для Миссии? Эгоист, себя только старался бы выставить — делу едва ли помог бы. Из каких ничтожностей состоит весь штат служащих! А простые христиане? Вон она, старейшая из Церквей, Хакодатская, состоит из грубых чернорабочих, ремесленников, мелких торговцев, не способных и понять дух христианства, а считающих себя вправе играть священниками, как пешками! Где лучшая Церковь? Здесь даже, в Канда, не то же ли? Итак, что же такое Японская Церковь? Не мыльный ли пузырь? Целый день сегодня давит меня это внутреннее сознание... Редко на меня находит такое отчаянное уныние. И не знаю, что оно: показание ли истины, которую я вечно затемняю для себя своим природным оптимизмом, или искушение диавола? Но я, по возможности, скрываю от всех эти свои редкие мечения, идущие вразрез с моею должностью, требующею вечной бодрости и неустанной надежды, которая (обращение японцев в истинное христианство) если не тщетна, то да простит меня за нее Бог!

10 / 23 августа 1900. Четверг

До обеда занятия в библиотеке, после обеда чтение с Исайею Мидзусима приготовленных им к печати соборных протоколов; целый день в работе — это освежительно действует на удрученную душу, точно ванна на вялое тело: равновесие духа восстановлено — опять оптимистическое настроение; от Бога ли оно? Бог вещь, но с ним хорошо, крылья расправлены — лететь хочется; без него — мокрая курица, или полураздавленное и прилипшее к полу собственными внутренностями насекомое.

11 / 24 августа 1900. Пятница

Написал я о Симеону Мии поторговать соседнее с нашим место, не продается ли за 30 ен цубо — всего 170 цубо. Слишком узко наше место для храма и четырех домов по четырем углам. О. Симеон пишет, что архитектор старается сделать дома возможно узкими, чтобы дать больше места для храма, но при всех стараниях можно выгадать места на один, много на два кена — и что это для вида храма! Итак, придется, кажется, купить соседнее место, хоть бы и не сошли с объявленной цены, о которой пишет о. Семен.

12 / 25 августа 1900. Суббота

Кончена рассылка содержания служащим Церкви за девятый и десятый месяцы. Предложено Николаю Оно, оправившемуся от болезни, отправиться катихизатором в Оби, на Киусиу.

13 / 26 августа 1900. Воскресенье

Утром послал катихизатору в Хацивоодзи Игнатию Мацумото две брошюры: «О храме» и «Объяснение Литургии» — и написал, чтобы он перевел их для напечатания и раздачи христианам, чтобы они отчетливее понимали все относящееся к богослужению, особенно к Литургии.

После Литургии Арсений Ивасава привел некоего врача Накамура, товарища идзусского врача Иоанна Нода, который давно уже убеждает его принять христианство, и ученика старика-врача, довольно известного, Тоцука, который будто бы тоже расположен принять христианскую веру. Накамура отправляется в Владивосток с намерением там поселиться и иметь практику между японцами и русскими. Снабдил я его книгами, молитвенниками, иконами, наконец, карточкой к владивостокскому протоиерею о. Муравьеву, советовал основательно узнать христианство и принять его не внешне, не потому что он будет между русскими христианами, а искренно, для спасения души.

14 / 26 августа 1900. Понедельник

Жара бедовая, жажда нестерпимая, оттого целый день точно в собственном соку варишься. — Во время всеобщей началась гроза: гром не очень сильный и молнии непрерывные почти все время службы. И замечательное физическое и физиологическое явление: во время литии на молитве и возгласе был у меня вялый голос, так что большую молитву, начавши громко, едва кончил тем же тоном, и тембр голоса был глухой; но, когда вышел на величание, для чтения Евангелия и возгласов, голос

оказался совершенно другим: громкий, звучный, неутомимый; как гроза очистила атмосферу и как атмосфера важна для физиологических отравлений!

Ризничий Моисей Кавамура заболел плевритом и отправлен для лечения в городской госпиталь. По одной ене нужно будет платить за день, но для такого усердного и исправного ризничего не жаль. Вся плата 1 ена 20 сен за помещение среднего класса; но где же при маленьком жалованье и большом семействе ему все платить! Зарыдал он, когда сказал эту сумму; я предоставил ему платить 20 сен, а одну ену взял на себя. Дал бы Бог только, чтобы выздоровел.

Иван Акимович Сенума приходил просить о перемене школьного врача Оказаки на другого — ошибается-де часто и дорого берет за лекарства. Не отказывая ему, испытаем пока другого соседнего врача, которого рекомендуют, — учился-де в Германии, за лекарства берет вполнину меньше; увидим.

15 / 28 августа 1900. Вторник.

Праздник Успения

Совсем мало было христиан в Церкви.

Начинают собираться в школы. В Женскую школу, между прочим, прибыли две новеньких из Сайдзё, на Сикоку, одна из коих — которой уже двадцать один год — невеста студента медицины, учащегося ныне в Германии, который оттуда писал отдать его нареченную именно в нашу школу. В Семинарию Павел Сайто, катихизатор в Бато, привез своего сына Савву, который совсем еще малыш, четырнадцати полных лет нет — не знаю, выдержит ли науку здесь; с тем и другого, которому шестнадцать лет, сына одного из прихожан. В Катихизаторскую школу явился Степан Ока, из Цуяма, никуда не годный балбес; дед — самодур — испортил малого; своевременно не пустил его сюда в Семинарию, несмотря на желание матери; терся он потом по разным школам, ища профессии угодной глупому деду; ныне вот сам дед отпустил его, как больше никуда не годного, в Катихизаторскую школу. — Господи, зришь ли Ты поношение мое? И когда же Ты дашь — из России и из Японии — людей достойных служения Твоей Церкви? — Впрочем, Господь ведаёт, что творит! Не нам вопрошать Его и унывать!

16 / 29 августа 1900. Среда

В Семинарию уже набралось четырнадцать вновь поступающих, в Катихизаторскую школу — четыре.

Из Тоносава должны бы вернуться сегодня проводящие там каникулы семинаристы, но почему-то произошла задержка в выдаче им на

почте денег, посланных пять дней тому назад на расплату за пищу и на дорогу; сегодняшние телеграфные расспросы, вероятно, исправят дело, и завтра они прибудут.

17 / 30 августа 1900. Четверг

Написано в Россию, к о. Феодору Быстрову, чтобы выслали парчи на шесть священнических облачений и прочее. Будем с этой поры выписывать материалы для риз и сами здесь шить, ибо всегда перешивать приходится пришедшее отсюда, по росту здешних служащих.

О. Мии из Кёото пишет, что место, которое мы хотим купить в дополнение к нашему, никак не продается дешевле 37 ен за цубо, то есть нужно заплатить 6500 ен за 175 ¹/₂ цубо. Ответил ему — купить; нечего делать! Слишком уж тесно наше нынешнее: между алтарем и домом священника всего три фута приходится по плану, начертанному архитектором, и который сегодня же получен в письме о. Семена.— В плане я сделал некоторые поправки в домах и отослал обратно.

Из Хакодате вернулись учительницы Текуса Сакай и Надежда Такаха-си с кучей учениц. Из Тоносава в девять часов вечера вернулись ученики Семинарии, проводившие там каникулы.

18 / 31 августа 1900. Пятница

Зашедши как-то в канцелярию, совершенно неожиданно увидел там оосакского священника о. Сергия Судзуки; позвал его в свою комнату для разговора без свидетелей, догадавшись, что у него случилось что-то неладное. Оказывается следующее:

— Что делать с катихизатором Ирино? Завел переписку с тринадцатилетней девочкой. Некоторые из церковных старшин это узнали и требуют удаления его из Оосака.

— Ирино самому всего двадцать три года; это самый младший из катихизаторов прошлогоднего выпуска; он тоже почти ребенок; ведь между ними не было ничего серьезного?

— Конечно, не было. Родители девочки были ласковы к Ирино; он у них иногда ночевал, и они имели неосторожность класть его спать в одной комнате с дочерью; отсюда и началась близость Ирино с девочкой, и они ныне пишут письма один к другому.

— Все это показывает, что Вы не умеете беречь поручаемых Вам молодых катихизаторов. У Ирино отличное помещение в церковном доме; зачем же Вы позволяете молодому человеку ночевать вне дома? Впрочем, теперь поправить оплошность нельзя. Пока не сочинено что-нибудь очень скандальное, удалите Ирино из Оосака и довольствуйтесь остающимся там одним катихизатором, Фомой Танака, который, впрочем,

по опытности и деятельности стоит двоих. Ирино же поместите в Вакаяма, если Яков Адаци уйдет или будет удален со службы (смотря по его отношению к жене, ненавидящей службу своего мужа), или же пришлите сюда, в Токио.

— Еще дело: оосакские христиане просят Вас приехать туда для проповеди.

— Этого обещать не могу; у меня здесь слишком много дела. В будущие каникулы, пожалуй, это можно.

Отпустивши о. Сергия (который на мое замечание, что он мог бы написать мне все то, что говорил, ответил, что у него еще есть дело к брату, живущему в Токио, — для какого дела собственно он, должно быть, и приехал), я позвал другого гостя, которого встретил в канцелярии: катихизатора Павла Цуда — не как о. Сергей, предварительно испросившего разрешение на отлучку с места своей службы в Мисима. Это из наших катихизаторов самый старый (шестьдесят один год ему) и почтенный — тридцать лет служащий Церкви, в Хакодате в тюрьме сидевший за веру при начале нынешнего правления. Давно бы быть ему священником, если бы не был вдовец после двух жен, да еще, если бы не имел пятна — возмущения против церковной власти в 1884 году вместе с о. Павлом Савабе и девятью другими катихизаторами. Бедный Павел Цуда вынес серьезную болезнь; сорок дней пролежал в постели, в Тоёхаси, — почему не мог ныне явиться на Собор; ныне поправился, но все еще слаб, а между тем в Мисима, в церковном доме, нет никого; сам он должен варить себе пищу, мыть свою одежду и прочее. Я сказал, чтобы непременно нашел он старика или старуху для должности «квайдомори»; обещал высылать по пять ен на содержание его. — Погостит Цуда здесь несколько дней, живя в одной из комнат второго этажа.

19 августа / 1 сентября 1900. Суббота

Возвращаясь из госпиталя от больного Моисея Кавамура, нашел у своей квартиры китайца, желающего видеть меня. Но подает карточку, на которой стоит «Ямагуци», и объясняет, что родом из Сага, на Киусиу.

— По платью, физиономии, приемам Вы китаец, по имени и родине — японец; кто же Вы на самом деле?

— Японец.

— Что же Вас заставило преобразиться так?

— Я был двадцать шесть лет в Китае, служил японским шпионом, для чего должен был усвоить все китайские обычаи, изучить до точности язык, и притом разных диалектов. Я изучал и русский язык от о. Анатолия и Маленды в Хакодате после того, как Вы только что оставили Хакодате для Токио (в 1872 году).

И в доказательство сказал несколько русских фраз, извиняясь, что совсем забыл по-русски, не имея практики. И продолжал:

— Имею к Вам следующее дело: не похлопочете ли, чтобы Русское Посольство употребило меня шпионом (тантей) для своих целей в Китае? Японское военное министерство содержало меня в Китае, но лишь пока кончилась наша с Китаем война; после того бросило меня без всяких средств; я был два года болен, и оно не помогло мне. (Действительно, по лицу и рукам видно, что недавно оправился, — исхудалый). Я не хочу больше служить ему.

— Но Вы пришли не туда, куда нужно: здесь Духовная Миссия, и политико-мирские дела не имеют места здесь. Можете, если хотите, объясниться в Посольстве; там есть переводчики. Вас поймут, выслушают и ответят, что найдут нужным.

— Переводчики — японцы?

— Есть японцы (Исигаме), есть русские (Вильм).

— С японцем я не могу говорить об этом; это должно быть секретно от японцев.

— Тогда просите объясниться с русским.

Не думаю, чтобы посланник нашел нужными его услуги. Но изумительна способность японцев всевозможно действовать для пользы своего отечества! По всей вероятности, есть и такие превратившиеся в русских до неузнаваемости для изучения России в пользу своего военного министерства. — Ведь этого Ямагуци ни один китаец не распознает и не догадается, что это японский шпион. Коса, шапочка, мягкость движений — все-все — чистейше китайское!

— Много ли у вас таких, как Вы? — спрашиваю.

— Есть-таки, но не настолько изучили китайский «орей», — говорит. Учащиеся почти все собрались. За всенощной было пение двух хоров.

20 августа / 2 сентября 1900. Воскресенье

За Литургией был, между прочим, маленький, лысый, подвижный господин, оказавшийся русским; по выходе нашел его у себя вместе с кандидатом Марком Ивановичем Сайкайси. Увидев меня, он начал рекомендовать:

— Москвич, агент торговой компании в Ханькоу, купеческого сословия, но образованный, потому что нынче и купцу нельзя без образования; член географического общества, путешествующий там и там... и прочее, и прочее. — Барабанил он себе похвалы таким чеканным тоном, что я не выдержал, расхохотался, свалив причину на что-то другое.

— Рефераты делаю, печатаю статьи, — продолжал он.

— Я буду читать Вас — позвольте узнать фамилию.

— Колобашкин, к Вашим услугам. — И он дал карточку.

По окончании разговора и чая, по моему совету, отправился в сопровождении господина Сайкайси осмотреть Токио.

От о. Петра Ямагаки длинное письмо с описанием, как без причины злобствующие на него продолжают свои козни, имеющие целью выжить его из Хакодате; даже катихизатора Петра Обара смутили и вооружили против о. Петра. Я тотчас же написал по-русски к Обара и Зилоту Моки, другому катихизатору, чтобы они были благоразумны, не отделялись от о. Петра и старались образумить немирных, которые ни в каком случае цели своей не достигнут, не заставят меня вывести о. Петра из Хакодате без достаточной причины на то; каприз же не есть законная причина.

Вечером внушал регенту Алексею Обара приложить старания об обучении учеников Семинарии и Катихизаторской школы двухголосному пению; это-то и должно быть настоящим пением провинциальных японских Церквей. Четырехголосное может быть в очень немногих местах; одноголосное не благозвучно; двухголосному же никто в провинциях не может обучать, потому что преподавания сего рода пения не существует при Миссии. Сколько раз просил я Львовского ввести сие преподавание! Но для этого лентяя интерес японских Церквей разве существует? Теперь в его отсутствие нужно воспользоваться случаем завести преподавание всем семинаристам двухголосного пения после одного года пребывания их в школе; одного года довольно для усвоения одноголосного, а шесть лет пусть еженедельно имеют три класса двухголосного; кроме того, пусть по очереди поют всенощные и Литургии по пятницам и субботам тем же двухголосным пением. Катихизаторская школа должна следовать тому же правилу. Отныне сие начнется.

21 августа / 3 сентября 1900. Понедельник

В восемь часов утра в Соборе отслужен молебен «пред началом учения» для собравшихся в школы. Пред многолетием я сказал учащимся краткое поучение; главная мысль: «Спаситель уподобил Царство Небесное зерну горушну; Японская Церковь ныне именно это зерно. Но оно уже рассеяно по всей Японии. Кто же сеет? Отсюда, из этих школ вышли эти сеятели. И вы готовитесь к тому же служению... Много школ в Токио, и все имеют хорошие цели, но — цели земные. Кто скажет воину, защищающему отечество, что есть отечество небесное? Кто внушит судье, что над ним есть верховный невидимый Судия, блюдущий за ними? Кто научит купца гленим сокровищем покупать нетленное? Вы готовитесь на то! — Итак, бодро и радостно приступайте к занятиям. Господь даст вам успехи, если вы будете верны вашей цели»...

Вечером Семинария с Катихизаторскою школою и Женское училище справляли Симбокквай с пением и речами; дано мною 5 ен на «кваси».

Катихизатор в Коци Петр Хиромици, получающий 14 ен, квартирных 5 и дорожных в деревню 1 ену, просит прибавки жалованья — семейство-де. О. Павел Косуги подкрепляет его просьбу. Отказано, пока покажет хоть некоторые плоды своих трудов; несколько лет ни малейшего признака, чтобы что-либо делал — завятый лентяй!

22 августа / 4 сентября 1900. Вторник

В школах начались занятия. У нас с Накаем — дело по переводу Нового Завета: начали расставлять знаки препинания (кутоо); сегодня за день прошли шесть глав Евангелия Матфея.

Из кончивших ныне курс Семинарии Павел Акита назначен был катихизатором в Карасуяма, но отправился побывать дома, на Сикоку; был до сих пор, и сегодня получена от него просьба об отставке — «чувствую-де себя недостаточно ученым для службы». Экая бессовестность! Семь лет церковных расходов на него и трудов по воспитанию брошены на ветер. Обещание родителей отдать его службу Церкви — без него никто и не принимается в Семинарию — обман. И все это из-за русского языка: куда-нибудь проданся в переводчики. Жаль, что еще нельзя прекратить преподавание русского языка в Семинарии — многих учебников еще нет на японском, русскими надо пробавляться. Но рано или поздно нужно достигнуть, чтобы все шло на японском языке, и изъят был из преподавания русский язык, этот камень преткновения и соблазн для столь многих грошовиков из японцев.

23 августа / 5 сентября 1900. Среда

После обеда, с двух часов, был в городе у знаменитого доктора, старика Тоцука Бункай. Иоанн Нода, врач с Сюендзи, ученик его, говорил ему о христианской вере, и он будто бы расположен к ней, что меня и вызвало побывать у него. Он сам назначил время и звал. Принял очень любезно и заговорил — о Конфуции! Когда я жил в Хокодате, больше тридцати лет тому назад и читал Конфуция, то обмолвился каким-то толкованием собственного изобретения на какой-то стих Конфуция; это дошло до ушей Тоцука, ему понравилось, и вот он начал с сего припоминания. Я сказал ему, что забыл все это и вот уже тридцать лет, как у меня одно дело и одна забота — проповедь Христова учения. Думал, говоря это, что тотчас же можно приступить к катихизации. Куда! Пришлось переговорить и о Путягине — по поводу столовых часов, подаренных им в Нагасаки Абе бунго-но ками, а сим о. Тоцука — Часы сии стоят тут же, и о Дзинму, и о том, откуда японский народ, и Бог весть еще о чем, пока настоятельно свернул и на веру, но нить речи постоянно ускользала у меня, ибо слушатель к каждому слову придирался, чтобы

заговорить о другом. Словом, двухчасовая беседа — совсем бесплодная! Человек «золотой середины» (Конфуциево); высший мир для него не существует, хотя и низший тоже чужд ему — по-своему он добродетелен.— По возвращении домой послал ему несколько вероучительных книг, но, вероятно, от них будет такая же польза, как от моего визита.

24 августа / 6 сентября 1900. Четверг

О. Симеон Мии пишет, что сосед землю продает: 10-го сентября будет совершена купчая. Зданий своих он не хочет взять ни за какую сумму (что я предлагал), некуда перенести. Итак, у нас будет не четыре, а вероятно, шесть домов по бокам храма, на пользу служащих Церкви в Кёото.

25 августа / 7 сентября 1900. Пятница

Заштатный священник Иоанн Оно, из Кёото, пишет, что он готов отправиться по поручению, которое я предлагал ему, будучи в Кёото, — убеждать христиан содержать своих служащих Церкви, и находит это время удобным для городских Церквей прихода о. Сасагава, куда, как в более давние и многоплодные Церкви, намерен прежде всего отправиться. Я послал ему на дорогу до Токио.

26 августа / 8 сентября 1900. Суббота

От о. Петра Ямагаки из Хакодате опять письмо с жалобой, что уже оба катихизатора — Обара и Моки — вооружены против него: требуют, чтобы он «или в один месяц управил Церковь, или просился вон из Хакодате, иначе-де они уйдут из Хакодате». Славно пьесу по нотам разыгрывают мучители Церкви, стараются все проделать то, что случилось в прошлом году в Одаварской Церкви. От меня было внушение о. Петру Кано (секретное) подать прошение о выводе его из Одавара: ныне стараются принудить о. Петра Ямагаки подать подобное прошение. Я говорил недовольным выводом о. Петра Кано из Одавара, что «не управил он Церкви за год, поэтому выводится (согласно его прошению)»; ныне требуют от о. Петра Ямагаки исправления Церкви (которую сами же для того и мутят, чтобы выжить о. Петра), или выхода его вон. Кто капельмейстер? Ужели о. Павел Савабе? А без него как бы хакодатские мутители узнали одаварские подробности? Удзие на него же ссылался мне. Так или иначе, но этот неугомонный мутитель Удзие и злобный Евграф Кураока — поистине дрянной человек, ибо рожден и воспитан в Церкви и на церковные средства не только он, но и вся его родня, даже жена его воспитана Церковью, и никто так не поносит Церковь, никто столько

не вредит ей в Хакодате, как он, — эти враги христианского церковного мира успели оболванить недалеких этих юнцов-католиков — Обара и Моки. Написал я им длинное увещание по сему поводу, в дополнение к письму от второго числа, которое еще не получено было ими в то время, когда о. Петр писал настоящее свое письмо. — Во всяком случае, о. Петр Ямагаки ни за что не будет выведен из Хакодате. Дать волю этим мерзавцам, Удзие и Евграфу Кураока, делать что хотят в Церкви, избави Бог!

Послание в десять листов от католика Тимофея Ирино из Оосака с описанием его истории с девочкой одиннадцати лет (тринадцать по счету, в действительности одиннадцать с месяцами). Что за дурачье там, начиная с о. Сергия и католика Фомы Танака до родителей этого ребенка! Ни на йоту ничего серьезного, и мучают бедного Ирино! По прочтении письма я тотчас же написал о. Сергию прислать сюда Ирино для служения в Церкви Карасуяма.

Жена Ильи Яци, католика в Исиномаки, бежала из здешней Женской школы неизвестно почему, и теперь неизвестно где. Отец ее и Яци — оба в горе по сему; но помочь, кажется, нечем. Впрочем, нельзя допустить и развода, о котором опять заговаривает Яци; дело все еще не выходит из пределов семейного разлада, который права на развод не дает.

27 августа / 9 сентября 1900. Воскресенье

Из тюрем часто пишут к нам, просят христианских книг. Мы посылаем. И не тщетно. Сегодняшний случай подтверждает это. Сидевший в тюрьме за воровство человек тридцати лет, даже хорошего происхождения, — прочитал там в попавшем в его руки Евангелии о милосердии Спасителя к грешникам, до того умилился, что тотчас же уверовал в Христа и стал молиться Ему; а по выходе из тюрьмы первым делом его было прийти в наш Собор помолиться и попросить дальнейшего христианского наставления. Сегодня он объявился, и о. Павел Сато взялся наставить его в христианстве.

28 августа / 10 сентября 1900. Понедельник

Согласно вчерашней телеграмме о. Симеона Мии, послано ему сегодня чрез Банк Мицуи на покупку соседних 175 ¹/₂ цубо земли 6700 ен. Здесь 6500 ен за землю, 130 ен на совершение купчей — процент, взимаемый Правительством, 65 ен «ицибу». Можно бы сократить эту сумму на 135 ен, если бы поступить по совету о. Мии: «Последовать обычаю, практикуемому при совершении купчей по взаимному согласию покупателя и продавца — обозначать сумму стоимости в сокращенном виде — нам,

например, вместо 6500 ен показать 2000». Но нам ли с о. Мии практиковать надувательство! Придется и еще несколько послать: посреднику при покупке — о. Мии просит 30 ен; ему самому, по прежнему примеру, за труды и хлопоты, 50 ен дать нужно будет.

Всенощную пели причетники. Школы учились. В Церкви были мы немногие; после службы мы с Накаем занимались переводом.

29 августа / 11 сентября 1900. Вторник.

День Усекновения главы Святого Иоанна Крестителя

С шести часов утра Литургия. Пели причетники. Молились все школы. Почему первого класса у них не было, потом обычные занятия у всех. В Церкви был, между прочим, благочестивый христианин из Цуяма, Иоанн Фукасе, оставшийся (по окончании своих дел) для того, чтобы помолиться здесь в свои именины.

30 августа / 12 сентября 1900. Среда

От о. Симеона Мии, из Кёото, пришел исправленный план храма и зданий вокруг него со введением в план и ныне вновь покупаемого места. Теперь здания вокруг не будут очень теснить храм. И зданий много, так как нужно же воспользоваться ныне имеющимися у нас постройками; продать их за бесценок, или употребить на дрова было бы жаль. Итак, будут: дом священника в юго-восточном углу, двухэтажный (то есть перенесется туда в настоящем его виде нынешний дом священника); дом диакона, тоже двухэтажный, в северо-восточном углу; во втором этаже две комнаты будут устроены на иностранный манер для приездов русского миссионера; дома двух катихизаторов (и певцов), одноэтажные, направо и налево от храма, впереди, и к ограде; домик для маленькой школы, налево, между большими домами, к ограде; и спереди у входа — дворницкая и по другую сторону — подобное зданию для сбора христиан и подобное.— Я поправил несколько план и отослал обратно с одобрением.

Из Хакодате получен большой пакет от тамошних мутителей Церкви. В тринадцати пунктах представлены обвинения против о. Петра Ямагики, и о, удивление! Хотя бы одно веское! Истинно добрый пастырь и человек о. Петр, если враги его, при все их неустанном пламенном желании выжить его из Хакодате, не могут представить никаких резонных своей просьбы. Самое важное — первое обвинение: о. Петр будто бы получил от о. Александра, русского священника, когда был у него на Сахалине четыре года тому назад, 30 ен на какую-то покупку для о. Александра и до сих пор не исполнил этого поручения. Но от кого это обвинение? Какая-то хакодатская девчонка, будучи на Сахалине, слышала

это.— Кто же бы (кроме заклятых ненавистников о. Петра в Хакодате) решился на основании сего свидетельства обвинять о. Петра в недобросовестности? — Остальные двенадцать обвинений — хоть шаром покати, не заденешь — пустота. Обвиняют, что он три раза занимал деньги, но отдавал; обвиняют, что у его матери дурной характер; обвиняют, что его приходили уговаривать проситься из Хакодате; обвиняют, что его не пригласили на женское собрание, и подобное. Порадовало это меня за о. Петра, но и очень возмутило против хакодатских христиан; что за дрянь христиане наши! Ни одного там разумного, все — сушая сволочь, два-три негодяя всех мутят, не имея ни на волос разумного предложения на то!

Два катихизатора там: Петр Обара и Зилот Моки, но и от них письма — длиннейшие и отвратительные, точно плаксивые бабы — жалуются на несчастное свое положение среди двух огней и ропщут на о. Петра — он-де виноват — в чем? Не говорят и сами не знают. Правда, молоды катихизаторы, но оба — кончившие курс в Семинарии; и письма их после моего к ним ободряющего письма. Просто в отчаяние можно прийти от этого неимения людей в Церкви хоть мало-мальски порядочных и надежных ни среди христиан, ни среди служащих Церкви! Я был в гневе и мерзейшем расположении духа несколько часов...

В третьем часу съездил в Посольство поздравить посланника Александра Петровича Извольского с Ангелом. Но его не оказалось дома: в Никко, на даче, еще проводит время.

31 августа / 13 сентября 1900. Четверг

От о. Сергия Судзуки из Оосака письмо на пятнадцати листах касательно катихизаторов Тимофея Ирино и Фомы Танака. Просит о. Сергей оставить Ирино в Оосака; приписывает все дрязги интригантному характеру Фомы Танака и в самых мрачных чертах представляет сего последнего как льстеца, завистника, гордеца и интриганта. Пусть Тимофей Ирино останется в Оосака, если сам пожелает того.

От о. Тита Комацу просьба убрать Петра Мисима из Оота, послать его в Каназава, куда идти он изъявил желание на Соборе. В Оота из-за Мисима полнейшее расстройство Церкви; о. Тит хотел мирить партии, но «убежал», как сам выражается, ничего не могши поделать.

В Карасуяма обещан был Ирино. Но если он останется в Оосака, то пусть там будет Николай Оно. О. Тит просит поместить его там, а не отсылать на Киусиу, в Оби, куда я хотел было послать его по выздоровлении. О. Тит пишет, что он совсем поправился и может служить.

От о. Симеона Мии получена купчая на вновь приобретенное под Церковь место в Кёото. Слава Богу! Дело благополучно совершено. Прямо видно благоволение Божие, чтобы дом Божий в Кёото был возможно благолепен! Прикуплено ныне: 175 цубо 5 го 3 секи, что с прежними:

535 цубо 7 го 3 секи, составляет: 711 цубо 2 го 6 секи — всего нашей церковной земли в Кёото, дорого купленной на русские деньги. Помогите, Господи, ныне воздвигнуть благолепный храм с приличными помещениями для служащих Церкви!

1 / 14 сентября 1900. Пятница

Послано 125 ен о. Симеону Мии, недоставшие к прежде посланной сумме на покупку места, так как процент на совершение купчей увеличен с апреля, чего не знал о. Симеон; он прислал свидетельство чиновника, удостоверяющее в возвышении процентной платы ныне до $\frac{25}{1000}$. Тут же на разные другие расходы по купчей: 5 ен писарю, 30 ен посреднику, 50 ен от меня самому о. Семену за хлопоты и прочее. Всего, значит, покупка 175 цубо 5 го 3 секи со зданиями на них (трима, мало годными для нас) обошлась в 6825 ен. Благодарение Господу за то, что оказались в Миссии запасные построчные деньги на это!

2 / 15 сентября 1900. Суббота

Прибыл из Кёото заштатный о. Иоани Оно для того, чтобы, согласно моему предложению, сделанному, когда я был недавно в Кёото, отправиться по Церквам убеждать христиан давать содержание служащим Церкви.

Не буду я писать письма прямо к христианам — надо иметь в резерве этот способ, а напишу только к священникам — и пусть они от себя представят, или лично, или чрез письма, о. Оно христианам с наставлением принять к сердцу и исполнить то, что он скажет им. Отправится о. Оно в наиболее устроенные и состоятельные Церкви приходов оо. Петра Сасагава и Иова Мидзуяма. Это будет опыт; если хорошо удастся, то дело будет продолжено дальше и дальше до самых малых Церквей. Убеждать христиан: во-первых, увеличить даваемое от Миссии содержание проповедникам и священникам, потому что оно скудно, особенно для многосемейных; во-вторых, мало-помалу освобождать миссионерскую сумму, ныне идущую на содержание служащих, для употребления ее на новых служащих; поэтому, например, если Церковь даст от себя до двух ен (или даже трех и четырех, смотря потому, семейный или одинокий катихизатор), то пусть это идет на увеличение содержания ныне служащего катихизатора; если же больше, то об избытке пусть будет дано знать в Миссию; в размере сего избытка будет уменьшено высылаемое от Миссии содержание и удержанное будет идти на увеличение числа служащих; в-третьих, стать на собственные ноги; не вечно Русская Церковь будет содержать японцев, служащих своей Церкви; нужно готовиться к самостоятельности в сем отношении.— Пусть дают городские жители

деньгами, сельские — продуктами своей местности: рисом, углем, рыбой, овощем и прочим — что все пусть будет расценено по местным ценам и внесено в запись жертвуемого на содержание служащих Церкви. Пусть жертвуют не гроши, на которые ничего нельзя сделать, и которыми ныне любят жертвовать (не получая за то выговоров, по снисхождению Миссии, хотя Миссия, принимая подобные жертвы, ровно ничего не может сделать на них по мизерности их). Также пусть жертвуют Богу, а не личностям, как ныне инде; нравится человек, дают ему нечто; не нравится, не дают, хотя бы и не могли объяснить, почему не нравится (как ныне в Хакодате), при какой системе Миссия не может урегулировать расходов. Еще, пусть, давши, не отбирают назад совсем, как отобрали содержание у о. Циба в Маебаси, у о. Мидзюама в Исиномаки и Санума; это уже совсем по-рачьи: выступают вперед как будто и путные, а потом, как раки, брызнутся назад; при такой повадке ничто не стапнет. — Пусть о. Оно в каждой Церкви, где начнет дело, делает запись с приложением печатей взявшихся жертвовать, и запись сию оставить при Церкви, а копии с ней пришлет — одну местному священнику, другую мне. — Вот в общих чертах, что предложить о. Оно. Проповедать он мастер; тексты Священного Писания о содержании служащих знает. Если от души послужит сему делу, благодать Божия, несомненно, поможет ему, и начало материальной самостоятельности Японской Церкви положено будет.

Но прежде чем предаться сему, я дал ему еще другое дело: побыть в Хакодате и убедить мутителей прекратить смуту. Я рассказал ему подробно состояние Хакодатской Церкви, начиная со смуты в запрошлом году из-за рыбного дела. Отправится он туда не «судью» и «разбирателем», а проповедником мира. «Разбирать» нечего: отношение священника к христианам совершенно ясно, особенно после их последнего документа; «судить» тоже нечего: о. Петр Ямагаки прав относительно христиан, да и если бы было что «судить» — это дело Епископа, а не собрата священника. Будет о. Оно убеждать христиан не настаивать на невозможном (удалении о. Петра из Хакодате без причин на то), а умириться и быть довольными своим священником. Если Бог поможет ему, я буду очень рад. Если христиане, ныне мятущиеся, и его не послушают, а сделаются раскольниками, как угрожают, коли не исполнится их каприз, я буду спокоен в совести, как истощивший все меры к вразумлению их.

3 / 16 сентября 1900. Воскресенье

Сделал подробный разбор всех пустых обвинений, выставленны хакодатскими мутителями против о. Петра Ямагаки, — по-русски карандашом надписал его над всеми пунктами и при русском же письме отослал к хакодатским катихизаторам Обара и Моки, понимающим по-русски,

чтобы они разъяснили все немирным христианам, всячески внушив им, что о. Петр ни в каком случае не будет переведен из Хакодате, хотя бы даже они принудили его самого подать просьбу о том. Дело это уже не одной Хакодатской, а всей Японской Церкви: не будет дан дурной пример исполнения капризных желаний христиан.

Отославши пакет в Хакодате, призвал учительницу Текусу Сакай и сказал ей написать матери ее в Хакодате, Елене (вдове о. Иоанна Сакай), чтобы она не участвовала в интриге тамошних бунтовщиков против о. Петра, а она, по слабости, должно быть, повинна в сем — имя ее тоже красуется в прошении о переводе о. Петра, хотя и без ее печати. Текуса уверяла, что мать ее в мире с о. Петром, что на нее, должно быть, лгут (так!), что к ней собираются и говорят против о. Петра, но она в этом не участвует. Напишет.

4 / 17 сентября 1900. Понедельник

Из Кёото получен план храма от архитектора Мацумуро, разработанный в подробностях весьма тщательно и толково; при нем смета с описанием работ. Стал я читать с Давидом Фудзисава — не понимает технических терминов; призвал старика Алексея Оогое, бывшего письмоводителем при постройке Собора, стал читать с ним, тоже не понимает. Завтра нужно позвать Василия, бывшего главного плотника при постройке Собора, — с ним, вероятно, прочитаем.

5 / 18 сентября 1900. Вторник

Утром отправил о. Иоанна Оно — сначала в Хакодате мирить христиан с священником, потом в Церкви оо. Сасагава и Мидзуяма добывать от христиан содержание служащим Церкви. В Хакодате вчера написано было катихизаторам и к о. Петру Ямагаки, что туда будет о. Иоанн Оно убеждать мутителей быть мирными; к отцам же Сасагава и Мидзуяма мои письма даны ему в руки, чтобы передал, и чтобы они способствовали успеху его миссии. Дал ему в месяц 25 ен содержания, наказав, чтобы везде содержал сам себя, не будучи в тягость никому, и 15 ен дорожных. Сказал, что если будет он успешен, то расход этот поставится на счет Церкви, что и ему будет в честь; если нет — расход будет мой личный.

Из Оосака, от христиан (не подписавшихся) — требование удалить оттуда катихизатора Фому Танака как интригана, старающегося вооружить христиан против священника; как клеветника, обнесшего ни в чем не повинного своего брата — другого катихизатора (Ирино); как гордеца внутри, льстеца понаруже, и прочее. — Но теперь этого сделать нельзя. Танака, видимо, не годится для Оосака, но его заменить там некем. Следует ждать следующего Собора. — Велел я снять копию с доноса на

него, чтобы завтра отправить к нему с внушением: «Служи честно, без интриг, которыми себе только повредишь,— иначе не можешь быть в Осака; смотри, как тебя видят насквозь». В то же время к о. Сергию Судзуки будет написано, чтобы убеждал недовольных Фомой Танака оставить мысль о перемене его до следующего Собора.

6 / 19 сентября 1900. Среда

О. Тит Комацу пишет, что у диакона Иоанна Оно, в Сиракава и окрестности, успешно идет проповедь; крестил у него девять человек, и дальнейшие слушатели есть.

О. Борис Ямамура хочет пристроить своего сына Стефана к делу проповеди, которую он будто бы очень охотится (но которую едва ли может долго вести по своим головным болям). Пусть поставит его в Куроиси, где нет проповедника, и которое в его же, о. Бориса, приходе. Я дам Стефану по б ен в месяц — содержание «денкёо-ходзё».

7 / 20 сентября 1900. Четверг

С о. Павлом Сато приключился небольшой паралич: правая половина тела почувствовала несвободу в отправлениях; впрочем, врач уверяет, что это скоро пройдет. Дай Бог!

8 / 21 сентября 1900. Пятница.

Праздник Рождества Богородицы

В Церкви, кроме учащихся, почти никого. И учащиеся только свои, здесь в школах живущие; дети христиан школьного возраста никогда не бывают в Церкви в большие праздники, не в воскресенье бывающие,— «в школу, мол, важнее, чем в Церковь»; дети священников, все, конечно, тоже. И замечательно: дети священников — оо. Павла Сато, Циба и всех прочих — пущены по светским школам, чтобы идти по светской части. Хотел было сердиться на это, но вспомнил, что то же и с детьми всех петербургских священников — моих академических товарищей, решительно все, даже дети о. Феодора Быстрова пущены по светской части. Безумие повальное!

9 / 22 сентября 1900. Суббота

Прочитал проект работ по постройке храма в Кёото и вместе с планом — в пяти листах — послал при письме о. Семену Мии обратно с пояснением, что я одобряю, чтобы отдали на подряд. Другой экземпляр

листов плана оставил у себя. По смете архитектора, постройка храма обойдется в 7850 ен, но еще не известно, сколько заломят подрядчики. Смета архитектора довольно сходная: постройки всего 61 цубо, значит по 130 ен за цубо; здесь, в Токио, вероятно, по 150 ен поставили бы за цубо.

В Китае продолжается развитие мировых событий, описание которых не место здесь, в этой маленькой трущобке. Но не могу не отметить одолевающей меня сегодня крайней грусти по поводу потопления в Амуре, у Благовещенска трех, а по другим известиям почти пяти тысяч мирных китайцев, бывших обитателями Благовещенска. Читал об этом прежде в английской иокохамской газете «Japan Daily Mail» ежедневно, точно пирог, начиненный всем, что служит к поношению и обесславлению России, но не верил. Увы, правда! В русской газете «Владивосток», № 34, 22 августа 1900 года, говорится то же о жестоком акте потопления 3000 китайцев. В сегодняшнем же номере «Japan Daily Mail», в статье «The Massacre at Blagoveshchensk», еще более подробное, чем было прежде, описание ужасной жестокости, со слов двух бельгийских журналистов, проезжавших Владивосток после события и ныне находящихся в Нагасаки. Сущность следующая: «Когда ¹/₁₄ июля китайцы с противоположного берега Амура внезапно открыли огонь по Благовещенску (продолжавшийся восемнадцать дней), то ⁴/₁₇ июля благовещенский полицмейстер Баторевич получил телеграмму от генерала Грибского, бывшего в это время в Айгуне „Do chinese Amur“. Полицмейстер попросил разъяснения ее, но ему отвечено было: „Obey orders“. Вследствие сего Баторевич собрал всех китайцев, бывших в Благовещенске, и под конвоем казаков послал их за семь верст от города по Амuru, где они и были казаками потоплены; казаки сначала ограбили их, потом связали многих из них косами вместе, чтобы они потонули, а не выплыли. Так было погублено все китайское население Благовещенска, то есть около пяти тысяч, потом казаки разграбили их дома». — Конечно, это несколько преувеличено. В русской газете не так резко. Но если и три тысячи только потоплено — Боже, что за варварство! И где найти успокоение от печали о сем? (Смотри иную версию катастрофы под числом 18 ноября / 1 декабря).

10 / 23 сентября 1900. Воскресенье

Один из крестившихся сегодня — полицейский, из тех, что оберегают Миссию, имея своей будкой здешнюю привратничью, благодаря чему в Соборе и библиотеке давно уже не бьют стекло.

Фома Танака, катихизатор в Осака, просит исследовать чрез церковных старшин, кто это написал такое неблагоприятное ему письмо, копия которого отправлена ему 18-го числа. Как бы не так! Подлить

масла в огонь к тамошней неурядице! Отвечаю ему, что этого не будет сделано; а если он чувствует себя не повинным в том, что говорится о нем, то правота его сама собою для всех будет ясна, если он будет честно и прямо служить; равно как подтвердится содержание письма, если он станет заводить интриги против священника и прочих.

Исайя Мидзусима принес экземпляр отпечатанных Протоколов Собора нынешнего года (Гидзироку). Книжка составлена полней и лучше предыдущих годов. Приложены к ней в начале — снимок с фотографической группы, участвовавших в Соборе, в конце — карта Японских Православных Церквей. Карта составлена очень тщательно, и стоила большого труда Исайи. Я дал ему 25 ен в благодарность за протоколы и за карту. (Прежде составителю протоколов давал не больше 15 ен).

11 / 24 сентября 1900. Понедельник

О. Борис Ямамура пишет, что до сих пор никак не сойдутся христиане Яманоме и Ициносеки на совместной постройке храма на кулсенном уже для того месте; двое из христиан в Ициносеки до того занозисты, что ничем нельзя уломать их, а они там из главных. Что ж, пусть! Христианского духа у них — точно жизненности у чудосочного цыпленка, только что вылупившегося из яйца; таковы чуть ли не все японские христиане — и что же с ними поделать, коли природа их такова! Резонами не возьмешь, коли в сердце ничего нет.

12 / 25 сентября 1900. Вторник

Текуса Сакай, учительница, приходила прочитать письмо, полученное ею от матери из Хакодате в ответ на то, что написала Текуса по моему внушению. Пишет Елена Сакай (хакодатская просвирня), что «она решительно не повинна ни в какой вражде к о. Петру Ямагаки, всегда с ним и его семьей была в самых мирных и дружеских отношениях, что враги о. Петра подбивали ее приложить печать к прошению о выводе о. Петра из Хакодате, но она не согласилась, что к ней приходят и ругают о. Петра, но она в злословии не участвует» и прочее. Стало быть, клеветают на нее.

13 / 25 сентября 1900. Среда

Из Оосака катихизатор Фома Танака пишет, что все девять старшин церковных свидетельствуют его неповинность в том, что на него взносит безымянный в письме ко мне — будто он ссорит христиан с священником и подобное. К письму прилагает и это свидетельство старшин. Дразги и дразги, и нет конца им, оттого, что нет на церковной службе

порядочных людей, а вот интриганы, как Фома Танака, и старые дети, не умеющие управлять церковное общество, как о. Сергей Судзуки.— Господи, когда же Ты пожалеешь Японскую Церковь?

Павел Судзуки, катихизатор в Сано, опять просил на лечение жены, после того, что я в прошлом году издержал на этот предмет и после его уверений, что уж больше никогда не попросит на это. Послал 5 ен и написал, чтобы больше не просил.

Дрязги и просьбы денег под разными предлогами — только и есть в катихизаторских письмах. Как все это утомительно и отвратительно! Но кто же виноват? Мы? В чем же? Мы, сколько можем, трудимся и преподаем чистое Христово учение, то самое, что Апостолы преподавали. Где хорошие люди слушать и принимать его? Нет их! Оттого и плохо.

[Пропуск в оригинале]

17 / 30 сентября 1900. Воскресенье

От о. Матфея Кагета хорошее письмо: обозрел свои Церкви и нашел их в оживленном состоянии; в трех Церквях совершил крещения; хвалит своих катихизаторов, что очень редко с ним случается, по строгости его и идеальности взглядов.

О. Тит Комацу крестил нескольких в Татебаяси у ленивейшего из катихизаторов, Тихона Сугияма; очень порадовал за Тихона, если только хорошо научены крещенные.

13 сентября / 1 октября 1900. Понедельник

Матфей Юкава, катихизатор в Накацу, пишет, что тамошний католический катихизатор бросил католичество и изучает православие, склоняясь к нему; хотел бы быть потом и православным катихизатором, но в Катихизаторскую школу поступить не хочет. Просит Юкава некоторой помощи ему (ен 10) на прожитие в Накацу с месяц, пока о. Петр Кавано посетит эту Церковь, и он будет иметь возможность присоединиться к православию.— Но денежная помощь в этом случае несколько неблагоприятна — могут принять за приманку к православию. Однако же и отказать человеку, нуждающемуся в пропитании, тоже неблагоприятно. Написано к Юкава, чтобы поступил благоразумно и в духе православия. Десять ен я ему пошлю, частью ему от себя.

19 сентября / 2 октября 1900. Вторник

Из Хакодате телеграмма: «Можно ли от о. Оно принять таинства?» Но от кого телеграмма — не обозначено. Ответчено на имя о. Петра Ямагаки:

«С дозволения местного священника можно». Вероятно, немирные христиане просят о. Оно исповедать и приобщить их. Пусть; но при этом не должно быть нарушено церковное правило: «Не священнодействовать в пределах другого».

20 сентября / 3 октября 1900. Среда

Посланник Александр Петрович Извольский с женой был; на днях вернулись они с дачи из Сюендзи. Из новостей, сообщенных ими, самая печальная та, что наша Духовная Миссия в Пекине до основания разрушена; погибла богатая ее библиотека, довольно древний храм с прекрасною иконописью в нем и все прочее. Рассказывала это жена пекинского посланника Гирса, приехавшая к Извольским и ныне находящаяся в Мияносита.— Посланник и его супруга (в первый раз посетившая Миссию) пожелали осмотреть Миссию и были: в Соборе, в библиотеке и в школах — в Женской и Семинарии. Осматривая, хвалили, как водится. Посланица (по религии протестантка) спросила раза два-три: «Это построено до Вас? Это заведено до Вас? Кто план (Семинарии) составлял?» На последний вопрос посланник поспешил ответить: «Архитектор Кондер». Как бы не так!

21 сентября / 4 октября 1900. Четверг

Утром был Петр Мацумото, один из восьми церковных старшин (гиюу) в Оосака, принес прошение за подписью всех гиюу — «прекратить соблазн в Оосакской Церкви от ссоры священника Сергия Судзуки с катихизатором Фомой Танака». Занятый переводом Священного Писания, я его не принял, сказав явиться часа в три, когда он, действительно, опять пришел и подробно рассказал о ссоре священника с катихизатором. Я поблагодарил его и гиюу за разумную бумагу их: они только «доносят о беспорядке и просят прекратить его»; это их законное дело; дальше они идти не могут; судить и разбирать священника с катихизатором уже не их дело, а Епископа. Внушал я Петру, и чрез него всем гиюу и христианам оосакским, не вмешиваться в ссору, не слушать даже священника и катихизатора, когда они станут хулить перед ними один другого, а останавливать их в таких случаях, напоминая, что они готовы слушать слова научения от своих наставников, а не их грешные осуждения один другого; так семена вражды замрут, если не будет даваема для их произрастания почва. Мацумото обещался следовать этому.— В исполнение просьбы гиюу я тотчас же написал о. Сергию вновь строгое письмо прекратить ссору, обуздывать свою гневливость и злоречивость, и прочее, и прочее. Послал ему в более убедительное назидание прекрасную книгу Певницкого о том, каков должен быть священник

относительно своей паствы. Фоме Танака тоже написал непременно помириться с о. Сергием, иначе он, Фома, будет выведен из Оосака, куда попасть он так сильно желал.

22 сентября / 5 октября 1900. Пятница

О. Петр Ямагаки, из Хакодате, совсем неожиданно прислал прошение уволить его на покой. Я надеялся, что о. Оно Иоанн несколько уладит разлад в Хакодатской Церкви, но, как видно, тщетно. Как там дойдено, что священник должен оставить службу, не знаю,— подробностей никаких оттуда нет. Во всяком случае, увольняться о. Петру не след. Я тотчас же ответил, что прошения его исполнить не могу: он ни болен, ни стар — покоя ему не нужно, притом же Хакодатскую Церковь без священника оставить невозможно, и потому пусть продолжает служить.

Явилась у меня мысль: перевести о. Судзуки из Оосака в Хакодате, а о. Ямагаки из Хакодате в Оосака. Если не...

[Пропуск в оригинале]

25 сентября / 8 октября 1900. Понедельник

Похоронили рабу Божию Анну, мать протодьякона Стефана Кугимия, умершую ночью на воскресенье без предварительной болезни и совершенно безболезненно, смертью от старости — восемьдесят четыре года было ей.

Через час по отпевании в Соборе совершено было бракосочетание сына церковного старосты Павла Ито, моряка Иоанна, с Ольгой, только что окрещенной, ибо благочестивый родитель Павел позаботился женить сына своего на христианке, для чего избранную им в невесты попросил научить христианству и окрестить.

26 сентября / 9 октября 1900. Вторник

Была Дарья Кикици, кончившая когда-то курс в здешней Женской школе. Вышла она за Петра Кикици, бывшего катихизатора. Но так как муж по оставлении катихизаторской службы подвергался жизненным тревожениям, до сидения в тюрьме включительно, то Дарья принуждена была сама заботиться о снискании себе пропитания. И она снискивала оное, а также и помощь мужу, учительской службой. С полученным здесь образованием всюду она находила место учительницы в Женской школе. Принесла она показать пачку свидетельств из школ, где преподавала,— везде с одобрением. Восторженно она благодарила сегодня по

этому поводу за данное ей воспитание. Теперь она направляется к мужу в Оосака, где он пристроился в какой-то компании и получает содержание достаточное для себя и жены, почему и вызывает ее к себе.— Приятно, что семья, сеемое в миссийских школах, не без плодов бывает.

27 сентября / 10 октября 1900. Среда

Кончили мы с Накаем расставление знаков препинания в нашем переводе Нового Завета. Теперь он недели две будет дома один проверять правильность китайских знаков и уяснять спорные пункты по грамматике, остающиеся еще у нас кое-где; повидается в это время с первейшими учеными — авторитетами по грамматике. Я же буду справлять накопившуюся корреспонденцию и приводить в порядок библиотеку.

28 сентября / 11 октября 1900. Четверг

О. Игнатий Като описывает свое пребывание у Курильских христиан на Сикотане; каждый день совершал богослужения; все христиане отговели. Хвалит твердость веры их; лейтенант Гундзи, поселившийся на Курильских островах, всячески старается посредством бонз свратить их, но они над бонзами смеются только. Катихизатор Моисей Минато, живущий у них, очень способствует развитию и утверждению у них веры: ежедневно собирает их на молитву и постоянно ведет с ними религиозные беседы. Храмик свой они украсили ковром, не пожалевши денег на выписку одного из Немуро.

О. Игнатий просит выслать ему содержание его разом за полгода, всего 150 ен, чтобы благовременно сделать запасы на зиму, как то делается в Немуро, где зимою все бывает гораздо дороже. Вышлем ему; он человек надежный — вероятно, денег не растратит и не потеряет.

Был военный агент полковник Глеб Михайлович Ванновский с женою, очень бледною от дорожной усталости и, кажется, болезненности. Проехали по Амуру после военных событий там. В Благовещенске слышали, что действительно генерал Грибский намеренно утопил в Амуре 3.000 бедных китайцев, обитавших в Благовещенске. Зато теперь там стараются усиленно быть любезными и добрыми к китайцам, да нет их почти ни единого.— Смотри к сему записанное под 18 поября / 1 декабря.

29 сентября / 12 октября 1900. Пятница

О. Борис Ямамура пишет, что сын его Стефан исповедию и Святым Причастием у о. Петра Сасагава приготовился к вступлению в должность проповедника; и просит о. Борис поместить Стефана в Куроиси, в ведомстве его. Благослови, Боже! Дай Бог, чтобы у Стефана исцелились

головные боли, по временам мучащие его, и чтобы он сделался подражателем отца в усердном служении Церкви!

Катихизатор в Оцу, Роман Фукуи, пишет, между прочим, что Петр Кавасаки, служивший некогда проповедником, потом бросивший службу и совершенно охладевший к вере, живущий ныне в Хоккайдо, просит икону «Моление о Чаше»; прибавляет, что если неудобно мне самому исполнить его просьбу, то он, Роман, переслал бы икону. Отчего же неудобно? Я рад этому признаку пробуждения веры и сам пошлю, когда икона будет написана, потому что готовой нет.

О. Яков Такая, из Кагосима, упоминает в письме, что жена у него больна,— два месяца лежит, ходить не может. Послал 10 ен на лекарства ей.

30 сентября / 13 октября 1900. Суббота

О. Петр Ямагаки опять просит уволить его от службы в Хакодате; длинное и усиленное прошение. Это уже четвертое его прошение, считая первым поданное два года тому назад. Удерживать дольше его там невозможно. И потому я написал к о. Борису Ямамура, нет ли препятствий к помещению о. Петра в Мориока до Собора в помощь о. Борису? Если ответит, что не находит никаких препятствий,— что, вероятно, и будет — то напишу о. Ямагаки перебраться в Мориока, а в Хакодате отправлю о. Петра Кано до Собора.— О. Ямагаки просится совсем на покой (киусёку), но исполнить эту его просьбу было бы почти то же, что обречь его с большим семейством на голодную смерть, так как содержания никакого я не могу ему дать — он молод и здоров, никаких предлогов нет к получению пособия от Миссии, в то же время он не приготовлен ни к какой посторонней службе или ремеслу, чтобы добывать себе содержание. И потому я лишь переведу его из Хакодате и постараюсь пристроить в другом месте.

О. Иоанн Оно подробно пишет о состоянии Хакодатской Церкви. Все усилия его помирить христиан с о. Петром остались тщетными, только Нисимура и еще один обещались не идти против священника; все прочие, если несколько и поутихли, то наружно только. И притом о. Иоанн открыл вот еще что: не один Удзие с несколькими хотят удаления из Хакодате о. Петра, а положительно все, только половина заявляет это во вне, другая половина молчит и ждет. В Церковь ходят человек пять-шесть, не больше, прочие все больше и больше охладевают в вере, а иные смотрят в другие общины — еретические; протестанты же и католики, видя всю эту неурядицу, стараются ловить рыбу в мутной воде — перетаскивают к себе; оба молодые катихизатора сидят без дела,— слушателей у них нет, по поводу церковного разлада, а катихизаторы оба смотрят способными к делу и ревностными. О. же Петр вместо того, чтобы стараться об умиротворении своей Церкви, не упускает случаев

подливать масла в огонь вражды. Например, по случаю прибытия о. Оно в Хакодате, христиане устроили братское собрание с угощением; звали и о. Петра на него, но он не пошел; прислали ему с собрания угощение — не принял. И прочее, и прочее. Видно, что и о. Петр, по натуре очень мирный человек, озлился наконец, испортился характером, так что оставлять его дольше в Хакодате было бы обречь Церковь на безнадежное состояние и губить его самого.

Особенной бумагой о. Иоанн прилагает свое мнение не удерживать о. Петра в Хакодате ко благу Церкви и его. Так и сделано.

К всенощной сегодня приехал из Посольства вместе с секретарем Андреевским сын нашего посланника в Пекине, Гирса, бойкий и умный мальчик лет четырнадцати, вместе с другими выдержавший осаду в Пекине; он и мать его ныне гостят у нашего посланника.

***1 / 14 октября 1900. Воскресенье
и день Покрова Пресвятой Богородицы***

Неугомонный попрошай этот Симеон Мацубара, катихизатор в Оомори, просит прибавить содержания, а получает больше всех катихизаторов: жалованья 18 ен, квартирных 6 ен, несмотря на то, что дом у него свой, значит — 24 ены. Но, чтобы не кланчил больше, назначил ему еще от себя частно 2 ены; от Церкви нельзя, чтобы не обратилось в правило.

2 / 15 октября 1900. Понедельник

О. Симеон Мии пишет, что чиновник, принявший от него план и сведения о постройке, внушил ему взять от хонквай (Миссии) обязательство, что она будет платить за постройку; о. Мии находит это резонным и просит документа в сем смысле. Вместо документа я послал о. Семену выговор; чиновник-язычник может не знать, а он, священник, должен знать, что слово Епископа крепче всякого документа; если бы я не имел средств на постройку, то и не начал бы ее.

3 / 16 октября 1900. Вторник

Из общества протестантов, хлопочущего об уничтожении публичных домов терпимости, приходили спрашивать, какого я мнения о сем предмете. Я ответил, что, конечно, я тоже очень желаю уничтожения их. Больше не имел времени рассуждать с посланцем, торопясь приготовить к сдаче сегодня на почту большой заготовленной корреспонденции.

Полковник Bullard Армии Спасения прислал билет на митинг, извещая, что на нем будут шестьдесят иностранных и японских офицеров,—

будет посвящение Богу дитяти адъютанта Ямамура и много других интересных вещей будет (interesting features).— Но будет-то митинг в субботу, с семи вечера, когда у нас идет всеобщая, значит — я не могу быть.— Это уже 5th anniversary meeting of the Salvation Army. Времени, впрочем, немного для такого большого успеха — уже шестьдесят офицеров.

4 / 17 октября 1900. Среда

Японский национальный праздник. Учения не было. Погода прекрасная; ученикам и ученицам хорошо было гулять и отдохнуть.

Как в японской прессе расписывают и поносят русские жестокости на Амуре и в Китае! Негодуют, что Миссия здесь для обращения японцев, тогда как она должна бы дома учить своих.

В Китае иностранных миссионеров от боксеров погибло до сотни.

5 / 18 октября 1900. Четверг

О. Борис Ямамура ответил, что «очень желательно для него помещения священника Ямагаки в Мориока — для тамошней Церкви это будет полезно». — Итак, нужно было сказать о. Петру Кано, чтобы отправился в Хакодате служить там до времени Собора. О. Кано еще не вернулся из Симооса, куда отправился по просьбе бывшего иеромонаха Павла Ниицума отслужить там панихиду по умершей его прежней жене Марии. Когда к вечеру о. Петр вернулся, я его позвал к себе и объявил необходимость для него ехать в Хакодате на смену уволенному оттуда Ямагаки. Он просил дать ему время до завтра помолиться и подумать.

6 / 19 октября 1900. Пятница

Утром о. Петр Кано объявил, что он принимает назначение, только просил с неделю срока — съездить в деревню к жене, чтобы снабдиться зимнем платьем. Я дал ему 15 ен на платье и отпустил.— Между тем из Хакодате от катихизаторов пришло письмо, что священник Ямагаки совсем бросил исполнение своих обязанностей — не служит в субботу и воскресенье, не исполняет требы (одна христианка просила исповедать ее, не стал)... Сегодня отправлено к нему от меня увольнение его из Хакодате и перевод в Мориока. Сделано это «вследствие настойчивой его просьбы, уже четыре раза повторившейся, уволить его из Хакодате». Так мотивировано, чтобы христиане не подумали, что по их желанию сменяется священник. Письмо написано по-японски, чтобы он мог всем, кому пожелает, показывать причину своего перевода. Катихизаторам написано, что о. Ямагаки, по его усиленной просьбе, увольняется от службы в Хакодате, на место же его прибудет о. Петр Кано, назначенный

туда служить до времени Собора; пусть они, катихизаторы, объявят об этом всем христианам и внушают им с любовью принять его и вместе заботиться о процветании Хакодатской Церкви. Упомянуто в письме, что до приезда нового священника о. Ямагаки должен совершать богослужения и церковные требы. А к о. Петру в письме тоже прибавлено, что до приезда о. Кано пусть он неопустительно совершает богослужения и требы.— Кроме официального японского письма я написал еще ему по-русски частно, чтобы он не сделал безрадостного поступка, который хочет учинить,— не просил увольнения (киусёку) от службы совсем, а перешел бы в Мориока — не предавался бы гневу, которым ныне, по видимому, одержим; в припадке этого гнева он и меня подозревает в недоброжелательстве к нему, в тайном желании, которое я будто бы питал, удалить его из Хакодате — совершенно неосновательные подозрения и так далее.

Была генеральша Надарова Анна Валериановна, жена главного интенданта в Приамурском крае с четырьмя воспитанницами, учащимися по-французски и английски в Католическом монастыре на Цукидзи, в Токио; воспитанницы все кончившие курс во Владивостокской гимназии. Генеральша говорит, что в Хабаровске теперь голод, ибо все туда доставляемо было китайцами, которых ныне в окрестностях нет — все разогнаны; говорит еще, что и до сих пор вода Амура заражена разлагающимися трупами благовещенских утопленников. И какие ужасные сцены были там! Знакомая дама писала из Благовещенска Надаровой: «Всю жизнь не забуду, и невозможно забыть виденной мною сцены, как солдат топил китайку с младенцем на руках; китайка, рыдая, в воде, куда вогнана была, бросит младенца и опять подхватит его на руки и хочет спасти, а солдат штыком гонит ее дальше в воду, пока та, наконец, прижавши младенца к груди, бросилась с воплем в глубь и погибла». И подобных сцен три тысячи! Боже, что же это? Отпустится ли когда-нибудь этот грех русским? Забудется ли он историей? Сердце гложет мысль об этой жестокости, с тех пор, как я узнал о ней.— Смотри о сем иное под 18 ноября / 1 декабря.

7 / 20 октября 1900. Суббота

Бедный мальчик — Александр Андо, ученик Семинарии! Отец его, человек весьма состоятельный, отдал его в Семинарию с тем, чтобы он получил здесь нравственно-религиозное образование, но на днях помер, и родные — все язычники — берут его из Семинарии; говорят, что он должен помогать матери по хозяйству, присматривать за полевыми работами и подобное. А он в два года так привык к школе и товарищам, из шалуна сделался безукоризненным по поведению, хотя и живым, и бойким; так не хочется ему оставлять Семинарию! Куда ему еще заведывать

хозяйством! Ему только шестнадцать лет, совсем не зрел еще ни для хозяйства, ни для жизни вообще; наверное, добрые начатки заглохнут, когда погрузится опять в языческую среду и пропадет доброе промышленение о нем Отца. Заходил он после всенощной грустный такой, просил молитвенник; снабдил я его и другими религиозными книгами и наказывал, когда кончатся полевые работы, проситься у матери опять сюда продолжать учение. Но едва ли пустят родные.

8 / 21 октября 1900. Воскресенье

В обедне была генеральша Надарова с тремя русскими воспитанницами; говорила по окончании службы, что это «лучшие часы, проведенные ею в Японии». Чай пить не зашла, торопилась доставить к двенадцати часам воспитанниц в Католический монастырь.

О. Сергей Судзуки, кажется, перестал ссориться с катихизатором Фомой Танака; пишет, что мое письмо и посланная ему книга (Певницкого) тронули его.— Пишет еще, что для поднятия Церкви в Вакаяма, совсем ослабевшей так, что почти никто не приходит к богослужению, находит нужным раз в месяц приезжать туда для совершения Литургии в воскресенье и вечерней воскресной проповеди там. Просит благословения на это и дорожных. Отлично! Еще пишет, что хочет и в Акаси ездить на воскресную проповедь, чтобы оживить дело Церкви и там. Ладно и это. Но пусть отправляется туда в воскресенье после обеда, совершив Литургию в Оосакском храме.

Беда с служащими Церкви! Или неспособные, или больные, а деньги, Божьи денги, жертвуемые на пользу Церкви, так и плывут на них, большую часть совсем без пользы. Фома Михара семь лет был воспитываем в Семинарии — сколько на него денег ушло! Теперь четвертый год на службе, и почти всегда был болен, на содержание получал. Ныне окончательно ослабел, так как безнадежно чахоточный, ушел домой, а содержания такого, как на службе, просит, даже заставил о. Бориса подкрепить его прошение (о. же Борис готов просить за всех!). Живет у родителей в своем доме, не бедном, а церковных денег просит. Рассердило это меня до того, что я смел и бросил на пол письмо о. Бориса. Тем не менее двухмесячное содержание Михара, до конца года, будет отправлено к нему, но с отставною его от службы за болезнь; дальше, если он будет жив, пусть заботятся о нем родители; куча церковных денег, произвольно издержанная на него, пусть этим завершится.

Стефан Мацуока, катихизатор в Фукуока, просил Елисавету Котама, начальницу Женской школы, посватать за него племянницу катихизатора Каяно. А я этого-то именно и опасался. Котама только что отказала ему на его запрос посватать за него одну из учительниц школы — отказала, тогда как их несколько держится в школе для того, чтобы выдать за

служащих Церкви.— Позвал я Елисавету и просил отложить предупреждение против Мацуока — человек он хороший, сердечный и служитель Церкви искренний — просил ее быть доброй для него посредницей, написать Каюно совет выдать за него племянницу. Если дело состоится, обещал послать невесте 25 ен на платье.

9 / 22 октября 1900. Понедельник

Еще один академист оказался мерзавцем, изменником своего обещания всегда служить Церкви, на каком основании и послан был в Россию для академического образования: Емильян Хигуци прислал чрез инспектора Семинарии Сенума уже не прошение, как иные делали, а прямо «отказ от службы» (дзихёо) по «семейным, мол, обстоятельствам». То есть дали в какой-то школе нажитья, больше 35 ен, получаемых от Миссии, он и ушел, забыв совесть и свои обязательства. Отец его рассказывал мне, что Емильян, будучи маленьким, заболел до того, что стал совсем безнадежным — доктора отказались от него; тогда отец дал обет: «Если сын выздоровеет, посвятить его на служение Церкви». Сын выздоровел и был всегда и доселе совершенно здоров. Но вот он как держит обет отца! Поманили несколькими енами, и — прощай Церкви! Еще пишет в своем «дзихёо» «не называть его Иудой, как стало обычаем именовать оставляющих (из-за денег) церковную службу». Но каким же похвальным именем назвать его поступок?.. Часа два одолевало меня сквернейшее расположение духа. Но плевать на всех мерзавцев! Дело церковное, даст Бог, и без них будет идти. Двери же русских Духовных Академий для японцев пусть будут закрыты, за исключением разве очень особенных случаев.

Христианин в Кициока (Симооса), Михаил Мороока, жалуется письмом, что Моисей Хираяма, назначенный туда катихизатором, и глаз не кажет к ним, а есть желающие слушать учение. Еще бы! Для Моисея-то не в пример лучше получать церковные денежки и жить себе дома, ничего не делая для Церкви. И вот такие служители Церкви! От утешения к утешению!

10 / 23 октября 1900. Вторник

О. Тит Комацу жалуется на Петра Мисима, катихизатора в Оота (Мито), не знает, что делать с ним, и просит как-нибудь убрать его. Одновременно с ним христиане из Оота пишут, что «Церковь из-за Мисима совсем разрушается; к богослужению приходит только одна старуха, больше никто знать Мисима не хочет, а он проповедию нисколько не занимается; пустился в какие-то дела со своим приятелем язычником; по поводу сих дел завелись у него дела в суде, куда постоянно ходит». — Так

как на бывшем Соборе сказано было послать Мисима на проповедь в Каназава, в удобное для Оота время, то ныне к Мисима пишется от меня, чтобы шел в Каназава. Если заупрямится, то самый законный предлог будет без всяких дрызг уволить его от службы; если пойдет, Оота освободится от него; а в Каназава он, быть может, нечто и сделает — на первое время он везде бывает хорош.

Вчера приходил издатель японского адрес-календаря спросить, можно ли оттиснуть вид Собора на остающемся у него свободным одним углом на задней стороне обложной папки. Сказал я «нельзя». — Место совсем неподходящее для священного изображения.

Сегодня издатель географических сведений приходил за сведениями о нашей Японской Церкви. Я велел дать ему книжку соборных протоколов нынешнего года; пусть оттуда заимствует что нужно.

Тоска! Занимаюсь непокладно все дни в библиотеке разбором и приведением в порядок для сдачи в переплет множества периодических изданий, отданных в Миссию баронессой Розен при отъезде в июне; но работа наполовину механическая, не мешающая лезть в голову грустными думам о Миссии и Японской Церкви.

Накай же все еще возится с своею поверкою иероглифов и грамматических эквивалентов в нашем переводе Нового Завета. Просил срока на две недели, то есть до завтрашнего дня, а вчера отпросил еще на три дня, говорит — «не успел». Пусть! Тоже нужно.

11 / 24 октября 1900. Среда

Был в городе с визитами; между прочим, у английского епископа Awdry, больше для того, чтобы сказать, что в субботу мне неудобно, согласно его приглашению, быть у него to meet the Bishop of Nowa Scotia, ныне визиотирующего Японию. Епископа не застал, он со своим гостем уехал посетить и показать ему миссийские станы в стране, содержимые канадскою ветвию Епископальной Церкви. Супруга епископа, Mrs. Awdry, приняла, по обычаю, очень радушно и рассказала о их с мужем поездке нынешним летом на епископальный митинг в Сидней. Двадцать австралийских и полинезийских епископов собралось; целую неделю происходили собрания; народу всегда сходились до двух, а вечером до трех тысяч; говорились самые одушевленные речи и проповеди. Двадцать епископов поставили двадцать первого; все не могли руки возложить — большинство только стояли вокруг и пели. На сем богослужении прибывшие епископы — каждый — возложил на престол кошелек с пожертвованиями своей паствы на дело Миссии, и оказалось 8600 фунтов стерлингов.

Епископша показала фотографическую группу двадцати одного епископа. Что за лица — почтенные, строгие, одушевленные своим служением!

И это в захолустной Церкви, в Австралии, столько епископов, не говоря уже о других членах клира! Весь свет обнимает Епископальная Церковь. Какая это громадная сила! И как бы хотелось, чтобы поскорее исправила она свои недочеты и повреждения и сделалась безраздельною Христовой Церковью. Но как может больной вылечиться сам, особенно тот больной, который почти не сознает своей болезни? Кто ему поставит диагноз? Кто разъяснит, что он болен? Православная Церковь должна то сделать для Английской Епископальной. Но врач готов ли к сему? Что мы и где мы? Нигде, кроме России, и там сто Епископов на всю Православную Церковь! Винить ли за это нас? Наша история виною сему. Не пришло еще время наше; не развились еще мы. Будет и наша очередь громко говорить миру слово истинного Христова Евангелия...

12 / 25 октября 1900. Четверг

Моисей Минато, катихизатор Курильских христиан на Сикотане, описывает доброе христианское усердие их; неопустительно бывают при богослужениях и ведут себя, как подобает добрым христианам. Всех их теперь, с детьми, шестьдесят один человек. Пишет, что старшина их, Яков Сторожев, скоро прибудет вместе с начальником острова в Токио, просит принять его.

Матфей Юкава, катихизатор в Накацу, извещает, что бывший католический катихизатор Иоанн Окада продолжает изучать православное учение; сделается ли православным — еще сказать нельзя; ныне он на шесть частей православный, на четыре еще католик. Рассказывает Окада, что, когда жил в Токио, несколько раз был в нашем Соборе и молился, чтобы Япония сделалась католическою, а вот теперь сам отказывается от католичества. «Не Промысл ли Божий это о нем?» — недоумевает Окада сам о себе.

Исак Масуда, причатник и учитель церковного пения в Оосака, просит взять его оттуда; его делают козлом отпущения: на него сваливают причину всех ссор и дразг в Церкви. Ответчено: пусть служит, не обращая внимания на дразги; вместо него послать туда некого.

13 / 26 октября 1900. Пятница

О. Симеон Мии прислал шесть смет от шести подрядчиков на постройку храма и перестройку японских зданий. Самая дешевая от подрядчика (наиболее хвалимого в Кёото) Оониси: 9.499 ен; другие четыре выше 11.000, шестая выше 14.000. Архитектор и о. Мии хотят поручить Оониси; я послал свое согласие на это. Смета Оониси значительно дешевле даже предварительных соображений архитектора. Дай Бог, чтобы все обошлось благополучно!

О. Петр Ямагаки из Хакодате пишет, что исполнит мое распоряжение — перейдет в Мориока. Но пишет, что долги у него есть,— просит для покрытия их подарить ему находящиеся у него школьные деньги: 49 ен 55 сен. Ответил я, что исполню его просьбу, но с условием, чтобы вперед никогда не заводил долгов; просит он еще оставить его мать и младшего брата, служащего учителем гимнастики в одной из хакодатских школ, жить в ныне занимаемом ими домике на миссийском месте; отвечено: пусть живут.— Из 90 ен кладбищенских денег, бывших у него на руках, 45 ен 61 сен, пишет он, употреблены на ремонты кладбища, по совету с хакодатским русским консулом. Об остальных 44 ен 39 сен спрашивает: куда их? Я ответил: пусть пришлет мне или же передаст там русскому консулу, а мне пришлет его расписку.

В Токио теперь происходит митинг протестантских миссионеров; до пятисот их собралось для того — японских хозяев и китайских гостей (которых теперь, по случаю гонения в Китае, наплыв здесь). Многие приходят осматривать нашу Миссию и Собор. Но какое же невежество у них насчет православия! Например, сегодня, когда перед сумерками я гулял на площадке пред Собором, один молодой английский миссионер подходит и просит показать внутренность Собора, который в то время уже был заперт. Отворяю и подвожу к иконостасу, который издали и рассмотреть уже нельзя было. Спрашивает, влетая русское слово:

— Is that your Bog?

— Бог наш Творец Неба и Земли и Искупитель человек, а это только святые иконы,— отвечаю.

Смотрит и улыбается, как будто не веря.

— Смотрите,— продолжаю,— вот Спаситель учащий, вот Он на руках Матери, вот благословляющий детей, а вот на Царских вратах Благовещение, Евангелисты... Словом, это — Евангелие, изображенное красками и понятное для глаза, точно так же, как читаемое понятно для уха...

— А какая у вас Библия? — спрашивает.

— Как какая? Да, разумеется, такая же, какая у вас! Библия во всем христианском мире — одна и та же, ее никто не дерзает изменить. (И не удержался я, чтобы не продолжить): у нас всякий семинарист знает довольно подробно все главное о протестантстве, а вы так невежественны о нашей Церкви — не стыд ли это вам? И когда же вы станете изучать нас?..

Англичанин присмирел, сказал, что «very sorry», и для знакомства предложил свою карточку.

14 / 27 октября 1900. Суббота

Был другой протестантский миссионер, Newell, из Ниигата, где я у него когда-то был в доме; говорил, что от 500 до 600 их ныне собралось

на митинг здесь, — всех сект, епископальной в том числе; американский bishop McKim бывает на заседаниях; хвалился производимым одушевлением. Еще бы не одушевляться, видя себя в таком множестве и электризуясь чтением и спичами! От полной публичности, однако, устраниются. На мой вопрос вчера англичанину, «могу я быть на их собраниях?», он, молча, указал мне на печатной программе слово «protestant», на что я заметил, что «на нашем Соборе, ежегодно происходящем в июле, может быть и протестант, и всякий желающий». Сегодня Newell говорит: «Если б от меня зависело, я пригласил бы Вас на митинг». Говорит без всякого повода с моей стороны, должно быть, по догадке, что мне «хочется на их митинг», хотя мне вовсе не хочется; вероятно, я не пошел бы, если бы и пригласили; хотя, вероятно, зашел бы на полчаса, если бы знал, что свободно можно зайти. — Newell был, собственно, чтобы спросить, когда у нас богослужение и может ли он привести на оное своих друзей, которые желают быть. Я сказал время, и что Собор открыт для всех — могут прийти в каком угодно количестве и стоять, где найдут удобнее. — И было за всю ночь сегодня человек пятьдесят миссионеров и миссионеров.

О. Василий Усуи продолжает просить прибавки жалованья, ссылаясь на свое большое семейство. Опять отвечено, что нельзя; получает 30 ен в месяц, почти самый высокий священнический оклад; прибавить ему, нужно было бы прибавить и всем. Под рукою приход — пусть христиане дают. За все про все отвечай только Миссия! Бессовестно! — Впрочем, нельзя не пожалеть человека; найден и предлог. Говорил о. Василий не раз, что и следующих сыновей, кроме Пимена, ныне находящегося в Семинарии, предназначает на служение Церкви. Итак, предложено ему хорошенько подумать и решиться насчет сего. Если действительно так, как то обещано каждому по 2 ены посылать в месяц на школьные расходы, пока войдут в Семинарию. Сегодня письмо получено от него в решительном подтвердительном смысле. Почему прибавится ему 4 ены в месяц, по 2 ены на двух сынов, ходящих в школу.

[Пропуск в оригинале]

17 / 30 октября 1900. Вторник

Павел Накаи, исполнивши, наконец, свои проверки в переводе иероглифов и прочих мелочей, явился сегодня, и мы до полудня и вечер, по обычаю, занимались глажением и охорошением нашего перевода.

После полудня заявилась жена Петра Мисима, катихизатора в Оота, которому написано было отправиться в Каназава. Зная обычай, ей одной принадлежащий, приставать с просьбою до физического насилия, я вышел к ней в канцелярию:

— Зачем пожаловали?

— Вы велели мужу отправиться в Каназава — по поводу сего.

— Это не дело жены катихизатора; я с Вами не могу иметь об этом разговора.— и встал, но она, точно клещами, уцепилась за мои руки; я вырвался и убежал в коридор, но она за мной и схватила опять за руки так крепко, что я не мог вырваться и закричал Алексею, швейцару, оттащить от меня эту женщину и прогнать ее. Тогда она бросила мои руки и отступила. Я сказал вышедшему из канцелярии Давиду, секретарю, выслушать ее и передать мне вкратце, что она скажет, и ушел по другим делам.— Когда в библиотеке отбирал книги для требовавших, Давид пришел сказать, что просит жена Петра Мисима оставить мужа в Оота — в долгах-де он, нужно дожить, пока расплатится. Велел я отправить ее — «будет-де об этом сношение с Вашим мужем».

Когда вернулся из библиотеки, застал у себя сикотанского гостя Якова Сторожева, уже в японском платье. Расспрашивал его про отношение их, сикотанцев, к лейтенанту Гундзи, поселившемуся на Курильских островах (для обезопасения их от русского нашествия) и старающемуся завербовать их к себе в подчиненные, для чего тщашегося обратить их в буддизм. Яков, видимо, далек от подчинения Гундзи, понимает его махинации... Когда я, угощая его чаем, разговаривал с ним, подали карточку «Bishop of Nova Scotia» и «Bishop Awdry». Вчера последний писал мне, что сегодня в 4.30 Р. М. они посетят меня, и в назначенное время явились; с ними еще был archdeacon бишопа-гостя. Я сказал Якову Сторожеву допить чай в другой комнате (так как в моей гостиной и поместиться всем трудно) и принял их. После обычной незначительной болтовни, во время которой Bishop Awdry, между прочим, передал мне поклон с острова Thursday Island от доктора Александра Сугияма с женой и какого-то нашего христианина Инагаки, я предложил им, так как уже становилось темно, побыть в Соборе. Побыли, ввел их и в алтарь, и вперед не буду! Bishop Awdry благоговейно вошел в храм и в алтарь, молился,— этого и всегда можно ввести, но bishop of Nova Scotia и его archdeacon вошли и вели себя настоящими чурбанами — ни молитвенного вида, ни даже наклона головы; я показал им престол, жертвенник, все объяснил, рассказал значение икон, и bishop of Scotia на все — хоть бы искру чувства и почтения, тогда как Awdry видимо с благоговением на все смотрел. И видится мне, и сколько раз уже это виделось, что получающие хоть некоторое познание о православии и всем, относящемся к нему, проникаются уважением и благоговением к нему; незнающие его — вот так, как Bishop of Scotia или как тот миссионер, что в пятницу был в Соборе,— оказываются чурбанами относительно его.— Свел я потом гостей на колокольню взглянуть на темнеющий уже город, затем в Семинарию и Женскую школу. Bishop'у Одрей очень понравилось наше здание Семинарии.

Отпустив этих гостей, нашел, что Яков Сторожев ушел, обещаясь прийти еще; ожидали же меня типограф, печатавший Русско-Китайский словарь Попова, и Матфей Уеда, корректировавший его. Словарь, прекрасно отпечатанный и уложенный в шесть ящиков — одна тысяча двести экземпляров, третьего дня доставлен был ко мне; пыне явились для расчета. Я тотчас же уплатил типографу — всего 1926 ен 30 сен (по 2 ены 10 сен за страницу и за обложку); корректору (по 15 сен за страницу), по его желанию, будет уплачено завтра (всего ему 135 ен 30 сен за 902 страницы). — Но отослать словарь Павлу Степановичу Попову — куда, не знаю; в Тяньдзин? В Пекин? Писал ему; ответа еще нет; война там, и тревоги ее не кончились.

18 / 31 октября 1900. Среда

Расчетный день, как всегда, хлопотливый и неприятный — по клочкам рвут. И расходу в день больше трех тысяч ен! Но Господь помогает. Без толку же и не тратится; я не знаю, как бы можно было сократить эту огромную цифру. Пусть уж идет, как идет.

Был секретарь Посольства Михаил Алексеевич Андреев с сыном пекинского посланника, Константином Михайловичем Гирсом (отец — Михаил Николаевич), тринадцатилетним мальчиком, но таким разумным, что хоть бы и большому так; преинтересно и очень складно и живо рассказывал про то, как они отсиживались в Пекине от осады их китайцами, питались кониной и рисом, привыкли к грому пушек, к виду крови раненых и убитых; как радовались, когда были освобождены из плена; как союзные войска, взявши Пекин, грабили его, причем русские, вопреки газетам, грабили меньше всех и никого не убивали из мирных граждан, и прочее. Пекинская Духовная Миссия совсем разрушена, и стен не осталось; христиан наших было четыреста, ныне осталось человек восемьдесят, прочие перебиты; трупами их наполнены были колодези на месте Духовной Миссии. О. архимандрит Иннокентий жив и здоров, «только похудел», говорил мальчик.

19 октября / 1 ноября 1900. Четверг

Катихизатор в Наканиеда Савва Ямазаки описывает посещение их Церкви о. Иоанном Оно. Христиане в Наканиеда особенно усердны, и народ небедный. Мы с о. Оно прежде всего рассчитывали на эту Церковь в виду возбуждения христиан жертвовать на содержание служащих Церкви: «Церковь в Наканиеда-де подаст пример другим». И что же? Доселе жертвовали 36 ен в год, отседе будут жертвовать 40 ен в год, 4 ены — плод наших с о. Оно хлопот! А о. Оно на дорогу только до сих пор передано от Миссии 35 ен, да на содержание 50 ен (по 25 ен в месяц,

кроме 12 ен его содержания, как заштатного)! «Собираются христиане строить большую Церковь вместо нынешнего небольшого церковного дома»,— пишет Савва Ямазаки, вероятно, чтобы объяснить малость жертвы на служащих, не говоря, впрочем, этого прямо, так что и в будущем не предвидится щедрость христиан.

О. Оно еще прежде того был в Исиномаки и Минато, но о результате ни слова ни от кого, и от него даже. Значит, тут еще меньше было успеха.

Кстати, сегодня посетил меня Сергей Кацумата, самый богатый христианин в Минато и родной брат катихизатора Павла Кацумата; сам Сергей тоже когда-то, лет больше двадцати тому назад, учился в Катихизаторской школе, и, не докончив, вернулся домой. Спрашиваю:

— Что сделал о. Оно в Минато и Исиномаки? Был ли плод его посещения?

— Не знаю; меня на то время не случилось в Минато.

— Но все же слышали что-нибудь?

— Не имею ничего сказать. А вот катихизатор Николай Исикава лежит и кровью харкает, трудно болен,— и так далее...

Значит, и там тоже никакой пользы от путешествия о. Оно. Стал я говорить проповедь Сергию Кацумата о необходимости жертвовать на Церковь, долго говорил, все резоны истощил, да и какие ясные и резкие резоны можно привести! Слушал он, согласился и обещал, но в результате, думаю, будет нуль, хотя его же родной брат страдает от нищеты, получая от Миссии на себя с женой и пятерых детей 16 ен в месяц и ни гроша от местной Церкви в Кесенума, не меньшей, чем Церковь в Минато, ни гроша не дающая.

Не светлы перспективы Японской Церкви!

20 октября / 2 ноября 1900. Пятница

Петр Мисима, катихизатор в Оота, упирается, не хочет в Каназава, пишет, что «без него Церковь в Оота совсем расстроится, что о. Тит Комацу совсем потерял уважение христиан, и на него-де остается только жаловаться в суд (почему — не объясняет), что, кроме того, он, Мисима, имеет долги, по которым не может оставить Оота».— А между тем, по представлению о. Тита, «его-то нужно удалить из Оота именно для того, чтобы Церковь, расстраиваемая им, Мисима, пришла хоть несколько в порядок».— Кому верить? О. Тит тоже не отличается правдивостью — это я знаю. Вот тут-то и нужен бы человек, которого можно послать разузнать все досконально, чтобы не ошибиться в распоряжении. А оно-го нет. О. Павла Савабе? Куда! Заварит кашу такую же, как в Одавара и Хакодате.— Не знаю, что делать! — Это письмо Мисима писано им до получения моего предыдущего, отправленного после посещения меня его женою и повторявшего требование ему отправиться в Каназава.

Если он отправится, ладно; если еще придет возражение, попрошу о. Иоанна Оно побыть в Оота и вникнуть в состояние Церкви. Против Мисима христиане пишут, но и за Мисима тоже пишут. На прошлом Соборе последних оказалось больше, чем первых. Теперь что там? По теории я должен верить священнику больше, чем катихизатору, но и легкое не добродетель...

Иван Акимович Сенума утром приходил, говорит:

— По случаю завтрашнего праздника — Тенчёо-сецу (Рождения Императора) ученики хотят сегодня вечером после всенощной устроить «Симбокквай».

— Что ж, дело хорошее, пусть.

— Они просят на «кваси» для сего.

— Могут обойтись своими средствами.

Но не успел я после этого ответа войти в комнату (из библиотеки, где имел разговор с «коочёо» Сенума), как двое учеников являются:

— У нас своих средств недостает, помогите, — говорят.

Я думал было упорствовать, но Пимен Усуи вытаскивает из-за пазухи тетрадь и указывает:

— Вот Вы в прошлом году дали на это пять ен.

Оказывается, они преемственно и запись ведут всем подобным обстоятельствам.

Нечего делать, дал и ныне 5 ен им на «кваси», наказав, чтобы энзецу говорили хорошие, укрепляющие расположение служить Церкви.

Всенощную пели старшие семинаристы двухголосно, и пели прекрасно. Я похвалил их, сказав, однако, что полной похвалы за такое пение они заслужат только тогда, когда будут петь без участия учителей, которые ныне стояли и пели с ними.

21 октября / 3 ноября 1900. Суббота.

*День восшествия на престол нашего Государя
и рождения Японского Императора*

С семи часов утра была Литургия в Соборе, пропетая обоими хорами и служенная двумя иереями. На молебен и я выходил. Из города христиан, кроме старост, никого.

К сорока минутам одиннадцатого часа поехал в Посольство; попал на дорогу, по которой должен был возвращаться Император с парада, почему велел свернуть в сторону и окольным путем приехал в Посольскую Церковь после Евангелия. На молебне за отсутствием диакона первую ектению говорил о. Сергей Глебов, вторую я. Пели хорошо, но Апостол на молебне прочитал Смысловский соблазнительно — смех возбуждает такое чтение — неумелое подражание чтецам, начинающим низко и постепенно возвышающим; у Смысловского вышло совсем карикатурно.—

Посланника в Церкви не было, был у Императора на завтраке и приехал к концу нашего у него завтрака голодный, ибо угощали у Императора японским столом, с рисом вместо хлеба, палочками вместо вилок и ножей, к чему наш Александр Петрович еще совершенно не приготовлен.

За отсутствием его на завтраке на меня возложили обязанность провозгласить тост «За здоровье Государя Императора». — Направо от меня сидела Марья Дмитриевна Ванновская, жена полковника военного агента, на днях отправившегося в Китай для ознакомления с современным течением тамошних дел; душою и телом прекраснейшая женщина, мать здесь же сидевших трех прелестных девочек, начиная с десятилетнего возраста вниз, но бледная-пребледная от нездоровья желудком. Говорила она: «Я не верю в гаданья, но мне предсказала гадалка по хиромантии, когда я была пятнадцатилетнею, что я выйду за конно-артиллерийского офицера, и это исполнилось; еще предсказала, что когда я буду тридцати трех лет, меня убьют; три года осталось до этого, но я не верю»... И, видимо, верит и боится. Жаль! А больше всего жаль, что гадают: легковерным подобные предсказания — точно заноза в душу — вечно беспокоящая их, а в иных случаях и зарождающая катастрофу.

За всенощной были четыре протестантских миссионера и миссионерка, дождавшиеся конца службы и даже меня, выходящего пред затвором храма. Изъявляли сожаление, что я не был на их только что кончившемся митинге с пятьюстами заседавших.

— Я и хотел побыть, но мне дали понять, что неудобно, «протестантский»-де митинг,— ответил я.

— Напротив, на митинг не раз упоминалось, что жаль, что нет с нами вместе бишопа Николая, а также католических миссионеров.

— Конечно, существенное в христианстве у нас у всех одно и то же. Мне, впрочем, хотелось только послушать, а не участвовать в совете протестантских миссионеров, что, быть может, оказалось бы и не совсем удобно.

— И это было бы желательно,— подхватила дама,— но я слышала, что Вас в это время совсем нет в Токио, что оказывается неправдою; какая жалость! — и так далее. Взаимные любезности, между которыми младший из миссионеров передал мне поклон от Mr. Moti'a, молодого американца, ревнителя Христианской ассоциации молодых людей, бывшего и в Японии (и посетившего меня), встреченного им нынешним летом в Париже.

[Пропуск в оригинале]

Является сегодня некто, рекомендующийся инженером (гиси), кончившим здесь Университет, по фамилии Момма, по наружности и приемам джентльмен. Говорит:

- Хочу принять вашу веру.
- Очень приятно. По какому побуждению?
- Имею намерение отправиться в Сибирь искать службы.
- Если там нужны инженеры и если Вы окажетесь сведущим, для Вас найдется употребление без вопроса о вере.
- Но я слышал, что хорошо для этого принять вашу веру.
- Вера принимается не по таким поверхностным побуждениям, а по внутреннему душевному требованию. И для Вас необходимо сделаться христианином, Вы также сын Отца Небесного, обладаете бессмертной душой, вечною участью которой должны быть озабочены, и прочее, и прочее... – но для этого нужно, чтобы Вы почувствовали потребность в спасении души...

Кандидат в христиане, недолго слушая, встал и ушел.

24 октября / 6 ноября 1900. Вторник

О. Борис Ямамура извещает, что в Иван-квай (Ициносеки и Яманоме) христиане столковались, наконец, строить Храм на вновь купленном месте; для чего положили собрать в пять лет с себя 5000 ен, из которых половину обещался жертвовать Моисей Ямада, по 500 ен в год. Значит, помирились взаимно христиане Яманоме и Ициносеки. Слава Богу!

Из Дзёогецудзуми описывают трогательную кончину христианки Марины Сате, двадцати одного года, умершей от чахотки. Когда предприняли лечить ее, она все время была в спокойно радостном и молитвенном настроении, особенно перед смертью не переставала молиться и радоваться, что переселяется в вечную жизнь; с молитвою на устах померла и с радостным лицом лежала в гробе. Письмо послано в «Сейкёо-Симпо».

Чтению дальнейших писем помешал маленький Гирс, явившийся на этот раз со своим учителем, немцем, уроженцем Петербурга. Оба интересно рассказывали разные эпизоды из осады Посольств в Пекине, про то, с какою жестокостию боксеры убивали христиан, а также язычников, не желавших быть с ними заодно, про службу учителя волонтером – как она была опасна среди непрерывно по всем направлениям летающих пуль, про то, как о. Иннокентий, уже после осады перебравшись в одну буддийскую кумирню, был ограблен там японскими солдатами, стащившими у него всю кухонную посуду и провизию, и прочее. Я показал им ризницу, библиотеку и школы.

25 октября / 7 ноября 1900. Среда

Петр Мисима прислал прошение об отставке. Отвечено, что прошение его удовлетворяется. О. Титу Комацу послано сведение об этом с

распоряжением заведывать отныне самому лично Церковь в Оота, принять по списку церковные вещи и книги и озаботиться сохранностью их.

Авраам Яги, катихизатор в Санбонги, просит еще раз написать его жене увещание вернуться к нему. Написать напишем, только будет ли прок? Вероятно, такой же, как доселе, — не послушает. Несчастное положение Авраама! Жену любит, а она его терпеть не может и ни за что не соглашается жить с ним; но и не дает достаточной причины к разводу — живет не зазорно: содержит себя своим трудом, служа сиделкой в одном госпитале в Мориока.

Тит Накасима дополняет вчерашнее письмо о. Бориса известием, что Авраам Сато, один из главных христиан в Ициносеки, не совсем сошелся со всеми в деле о построении Церкви совместно с христианами Яманоме, а продолжает еще вздорить. Будет скоро этот Сато по своим делам в Токио и зайдет ко мне; просит Накасима убедить его к единодушию и согласию со всеми. Помоги Бог!

26 октября / 8 ноября 1900. Четверг

О. Петр Ямагаки из Мориока уже уведомляет, что четвертого числа он оставил Хакодате, сдавши Церковь о. Петру Кано, и со всем семейством 5-го числа благополучно прибыл в Мориока, поселившись здесь в церковном доме, пока найдет отдельную квартиру. Дай Бог, чтобы полюбили его христиане Мориока!

Из Оосака один христианин, некто Георгий Миками, от себя и от отца своего просит удалить оттуда священника Сергия Судзуки и катихизатора Тимофея Ирино, оставив одного Фому Танака. Экий интриган этот последний! Не унимается, несмотря на все увещания. А о. Сергей тоже, несмотря на увещания, продолжает быть ребенком во священниках, то есть дураком, не умеющим управлять свою небольшую Церковь. Придется, должно быть, попросить тамошнего о. Иоанна Оно поселиться в Оосака и взять в свое заведывание и о. Сергия и Фому Танака с их Церковью. Увидим, когда о. Оно вернется из своего путешествия по Церквам, кажется, не удачного для предположенной цели.

27 октября / 9 ноября 1900. Пятница

Один протестантский катихизатор попросил свидания и спрашивает:

— Что мне делать? Вошел я в очень близкие сношения с одной Bible woman, вдовой, старше меня на десять лет.

— Если эти сношения такого рода, что имеют между собою муж и жена, то, конечно, Вам нужно жениться на ней.

— Нет, вполне до таких отношений не дошло — я боялся последствий.

— В таком случае прекратить с нею Ваши сношения, потому что по летам она Вам не пара, и жениться на подходящей к Вам по летам, чтобы не разжигаться.

— Это не помешает «сей-сёку»? («Святой службе» — должно быть, метит в «бокиси» — подробности я не спрашивал).

— Вашими сношениями с этой женщиной Вы не подали никому соблазна?

— О них никто не знает.

— В таком случае, по моему мнению, вашему «сей-сёку» препятствия нет. Впрочем, я не настолько ознакомлен с Вами и Вашими обстоятельствами, чтобы сказать решительное мнение. Поговорите с Вашим собственным духовным руководителем и последуйте его указаниям...

Протестант ушел, видимо, обрадованный, — чем? Должно быть, облегчением совести. Жаль, что у протестантов нет таинства покаяния и исповеди при этом.

28 октября / 10 ноября 1900. Суббота

Из Оосака письмо от Андрея Сираи, врача, человека благочестивого и радеющего о пользе Церкви, письмо длинное и обстоятельное, и суть его в том, что «о. Сергия Судзуки нужно вывести оттуда; он до того зол на катихизатора Фому Танака, что не перестает злословить его при каждом случае и пред всеми, пред кем только может, чем крайне соблазняются все христиане. Оставить дело так — значит расстроить всех христиан и всю Церковь. С ним нужно убрать оттуда и катихизатора Тимофея Ирино, имя которого там опорочено». Стало быть, о. Судзуки неисправим в злобе. Писал я ему убедительное наставление обуздывать язык — ни слова дурного не говорить ни о Фоме, ни о ком другом — не подобает это священнику; отвечал он мне, что следует сему наставлению, и не следует! Не в состоянии обуздывать себя. Дрянь человек, еще хуже священник. Одно средство: послать заштатного о. Оно (если он согласится, а он говорил когда-то, что чувствует себя способным служить опять) в Оосака быть первым священником, а о. Судзуки пусть будет вторым, и учится у о. Оно, человека опытного и разумного, управлять собою и Церковью. Увидим, возможно ли это — о. Оно на днях прибудет сюда, как сказал сегодня инодиакон Андрей Имада, вернувшийся из Сендая с похорон своего отца и видевшийся там с о. Оно.

Были русские: лейтенант Веселкин, земляк, богатырь по виду; лечился здесь от ревматизма; состоит ныне флаг-офицером у Адмирала Скрыдлова на «России»; еще новоприбывший младший секретарь Посольства Александр Иосифович, фамилия польская, сразу не запомнишь. Значит, пошли в ход поляки в Посольстве, как в ходу они при постройке нашей Манчжурской железной дороги. Кстати, Веселкин рассказал, что родной наш Смоленск наполнился жидами. Итак, русские не в авантаже!

29 октября / 11 ноября 1900. Воскресенье

Утром несколько человек крещено; из младенцев, между прочим, сын начальника Семинарии Ивана Акимовича Сенума, нареченный Михаилом.

После обедни были у меня:

1. Судья из Сидзуока Иоанн Исида, говоривший, что «у него положено неизменное решение: еще несколько послуживши на государственной службе, выйти в отставку и остаток жизни посвятить проповеди Христова учения; в Токио именно тогда он желает проповедывать». Я вполне одобрил это его намерение, советовал еще искать товарищей к этой преднамеренной его службе, важнейшей из всех служб на земле, так как Катихизаторская школа совсем оскудела. Иоанну Исида ныне пятьдесят три года.

2. Яков Сторожев, сикотанец. Угостил его обедом и дал для Сикотанской Церкви церковных свечей и книг; еще ему лично 5 ен на гостиницы, 15 ен на гостинцы сикотанским христианам и 5 ен катихизатору Моисею Минато (последнее — в письме к Минато). Гостинцы купит Яков в Немуро, так как отсюда тяжело было бы везти, а там все можно найти. Наказывал ему непременно доставить учащих сюда — мальчика одного или двух по достижении ими четырнадцати лет, девочку двенадцати лет. Простился с ним, так как он 16 числа вместе с кочёо возвращается, и едва ли будет еще иметь время проститься.

3. Петр Юкава, приемный отец о. Симеона Юкава, благочестивый старец из Уено, семидесяти двух лет. Говорил он, что в городе Сано, вероятно, сегодня же совершено крещение о. Титом Комацу нескольких приготовленных к сему катихизатором Павлом Судзуки; говорил, что жена Судзуки, несмотря на прошлогоднюю дорогую операцию, опять больна наростом за ухом; хвалил доброту души этой женщины, так что у меня родилась дума, не порасходовать ли опять на операцию для нее? Увидим.

О. Петр Ямагаки из Мориока подробно описывает, как и что он сдал по Церкви о. Петру Кано при оставлении Хакодате, также, что он со всем семейством, исповедовавшись у о. Кано и приобшившись Святых Тайн, мирно оставил Хакодате. При письме приложено 44 ены 39 сен деньгами и на 45 ен 61 сен расписка на расходы по кладбищу в Хакодате — отчет в 90 ен, данных о. Петру на русское кладбище русским консулом в Хакодате. Просит он снабдить его антимином для служения Литургии в Мориока и дароносицей. (Все прочее там в Церкви есть). Дароносицу, неосвященную, можно бы послать по почте, но за антимином надо приехать ему самому, хоть это и сопряжено с некоторым расходом для Миссии.

30 октября / 12 ноября 1900. Понедельник

О. Петр Кавано пишет: «Православный сватает протестантку — как венчаться им?» Отвечено: пусть повенчает по-православному, предоставив затем повенчаться и в протестантской Церкви, если невеста непременно того пожелает. Пишет еще: «Катихизатор Павел Соно, отправившись к больной при смерти матери, успел, согласно ее желанию, преподать ей крещение, но когда умерла она, похоронили ее по-язычески». Христиане Церковей о. Петра очень смущены этим. Спрашивает он, как быть с Павлом Соно? Во всяком случае, в своем заведывании о. Петр его не желает иметь, а просит вызвать от него. Отвечено: пусть тщательно расследует, по вине ли Павла Соно произошло это? Или же родные, язычники, собравшись на погребение, не дали ему похоронить мать по-христиански, а насильно совершили над нею языческий обряд?

Отец жены Ильи Яци, катихизатора в Исиномаки, приходил, спрашивает:

- Что делать с ней? (Она теперь сыскалась к нему).
 - Муж ее просил принять ее опять в школу; учительницы согласны принять; приведите в школу.
 - Ни за что не соглашается.
 - В таком случае отошлите к мужу.
 - Еще больше того не хочет.
 - Так поступайте с нею, как хотите.
- Ушел, чтобы убеждать ее вернуться в школу, что едва ли будет.

31 октября / 13 ноября 1900. Вторник

Был русский консул из Хакодате Матвей Матвеевич Геденштром, приехавший зимовать в Токио; говорил, что каждое воскресенье был в Церкви в Хакодате, хвалил о. Ямагаки как истого совершителя богослужения и как хорошего человека, говорил, что о. Петр отлично реставрировал хакодатское русское кладбище; рассказывал про траппистов мужского и женского пола — первые в Мохедзи, вторые в Юнокава, два часа идти от Хакодате. Геденштром много раз посещал их заведения: мужчин-траппистов девять, при них уже монахом один японец и четыре японских слуги; женщин одиннадцать. У мужчин есть училище с восьмьюдесятью учениками, там же живущими, — все набранные из бедных. Выписал траппистов хакодатский католический епископ Берлиоз, чтобы показать в них образчик христианской ипшеческой жизни. Они тоже миссионеры, как они изъясняются о себе, но не словом, а делом. И действительно, жизнь их удивительно подвижническая. Зимой и летом — одно и то же суконное грубое платье: летом жарко, зимой холодно, ибо топить жилище у них не полагается. Встают утром в два часа, чрез семь

минут в Церковь и два часа молятся, потом у себя размышляют, или читают, но не разговаривают, ибо это запрещено; всегда все вместе, жить по кельям запрещено. В девять опять молитва, потом труд, в двенадцать обед, час отдыха, там труд вне дома — в поле во всякую погоду — там молитва, в девять часов спать. Пища растительная и молочная. По виду не пользуются цветущим здоровьем, но всегда веселы. Гостеприимство у мужчин-траппистов в правиле, потому посещать их может всякий (вероятно, у женщин-трапписток то же для женского пола). Живут они, по возможности, своим трудом, но еще всего иметь сами не могут, потому выписывают необходимое. Женщины-траппистки занимаются скотоводством для добывания молока и масла; Геденштром уже получал от них масло, как продукт торговли их, снабжающей их, на вырученное, другими предметами, самыми необходимыми для них.

Истинно, католичество здесь в полном всеоружии со своими: архиепископом, тремя епископами, ста шестнадцатью иностранными миссионерами-священниками, вот этими траппистами, множеством монахинь, занимающихся воспитательным делом, множеством воспитательных и врачебных заведений, множеством японских священников, катихизаторов, и прочее, и прочее. Но успехи их в стране что-то не соответствуют всему этому.

О. Иоанн Оно вернулся из своего путешествия по Церквам для возбуждения христиан жертвовать на содержание священников и катихизаторов. Успех самый мизерный. В Сендае не дали ничего, в Дзёгецудзуми ничего, отозвавшись неурожаями, в Исиномаки 15 ен, в Минато ничего, в Наканиеда 4 ены прибавили к жертвованным доселе 36 енам в год, в Иеногава ничего, в Фурукава 12 ен в год, в Такасимидзу 13.40 ен, Санума 15 ен, Вакуя ничего. Хвалит о. Оно усердие христиан везде, но говорит, что по бедности они, действительно, не могут давать что-либо, или больше того, что дают.

Побыл о. Оно в наиболее усердных Церквах и в наиболее давних по основанию; в других, значит, совсем бесполезно быть. На этом опыт на сей раз пусть и остановится.

Избави Бог, если Русская Церковь отнимет руку помощи! Совсем беспомощное положение!

1 / 14 ноября 1900. Среда

Старик Павел Цуда, катихизатор в Идзу, просил позволения явиться сюда, чтобы рассказать о своем путешествии по своему приходу, вчера прибыл и сегодня рассказал. Особенно интересного ничего, просто прогулялся он по местам, где почти и христиан никого; в городе «Ито» нашел двух женщин-христианок, из которых одна — сестра кандидата Арсения Ивасава, замужем там за служащим в банке; в «Симода» — ни

одного христианина; нашел там три русских могилы матросов с «Дианы», на которой граф Путятин плавал здесь для заключения трактата; памятники целы, но место заросло кустарником; в «Хеда», где тоже был граф Путятин с русскими, с разбитой «Дианы», веденной после землетрясения из Симода в Хеда и затонувшей на пути — ни христиан и ничего замечательного нет. В Сюендзи есть некоторая надежда на умножение христиан; советовал я ему и заняться проповедью в Сюендзи, так как в Мисима, где главный стан его, нет необходимости быть постоянно.

Симада Сабуро, редактор одной из самых главных газет — «Майници симбун», член Парламента, протестант по вере, написал книжку, составляющую большею частию извлечение из его газеты «Ниппон то Россия», где проводит пропагандируемую им и в газете постоянную мысль о резонности и необходимости союза Японии с Россией; книга очень быстро расходуется; ныне вышло уже второе издание, которого экземпляр сегодня Симада прислал мне. Я письмом поблагодарил его за сие.

Получил сегодня и другое японское приношение, это: «A circular in connection with the Chinese Emergency. (For all the ecclesiastics in the world)». Брошюра в четырнадцать страниц на английском за подписью начальников буддийских японских сект: Тендайсию, Сингонсию, Дзедосию, Ринзайсию, Синсию (Монте) и Обакусию — «representatives of the Great Japan Buddhists Union», как они наименовали себя. При этом английском переводе брошюры и другая — на оригинальном японском. Обе напечатаны на отличной бумаге, отличным шрифтом и вышли October 11.1900. Содержание: описание нынешнего бедственного положения Китая, причиною сего — миссионеры, и совет им, для блага Китая и их самих, христианских миссионеров, во-первых, не требовать вознаграждения за убытки, по примеру их — буддийских миссионеров, у которых тоже разрушена была кумирня, и они не требуют за нее ничего; во-вторых, истребовать от китайцев изменения их обычаев и законов. Недоставало христианским миссионерам Китая и Японии этого нового, совершенно оригинального оскорбления: буддийские бонзы читают им наставление, да еще желают, чтобы это было пред лицом всего мира! Да еще в какую одежду любви и мира облакаются при сем! Велиар хочет быть в общении со Христом да еще стать и выше Его! И это спустя девятнадцать веков после того, как написано «кое согласие Христови с Велиаром!»...

Сегодня, наконец, приступили к соображениям, как отпечатать наш перевод Нового Завета; Яков Судзуки и Алексей Оогое, снабженные наставлениями, отправятся завтра в типографию за справками и соображением цен и подобное. Дней чрез десять — пока отольют некоторые сложные буквы и знак [] с кружком для обозначения «духа» в отличие от знака без кружка, обозначающего «Бог» — мы с Накаем будем совсем готовы отдать перевод для печатанья. Перевод в отношении языка плох, неудовлетворителен, но что будешь делать, коли японская грамматика

такая неустановленная! Не только Накаи, но сам Ооцуки, первейший авторитет по грамматике, становится в тупик перед некоторыми формами! Например, «орери» нам нужно, и слово в общем употреблении в живом языке, а Ооцуки говорит — «неправильная форма» — нельзя употреблять; и множество такого, что никто не знает, правильно или нет — и в отчаянии разводишь руками...

2 / 15 ноября 1900. Четверг

Николай Исикава, катихизатор в Минато, претергательно пишет, как за ним, больным, ухаживают христиане. Лишь в нынешнем году он кончил курс в Семинарии и отправлен на проповедь, значит — совсем юный катихизатор, но показал себя усердным к делу, и вот христиане уважают и любят: по четыре-пять человек днем и ночью просиживают у него и ухаживают за ним, не жалея при этом и средств на его лечение и питание. Открылось у него кровотечение из горла, что с ним бывало и в Семинарии, — болезнь очень серьезная, но христиане выходили его: пишет, что уже встал с постели. Из этого примера видно, как христиане дорожат катихизатором, если только он показывает усердие к своему делу.

Фома Исида, из Фукусима, оживленно пишет, что у него о. Петр Сасагава крестил семь человек и что столько же есть дальнейших слушателей, людей добрых и почтенных в городе. Помогай Бог! Совсем было забракованный катихизатор оказывается хорошим и успешным, так как есть возможность успеха.

3 / 16 ноября 1900. Пятница

Предложил о. Иоанну Оно отправиться в Оосака служить Церкви вместе с о. Сергием Судзуки и помогать ему управлять Оосакскую Церковь. О. Оно, видимо, с удовольствием согласился. Поэтому написаны письма: 1. к оосакским катихизаторам и христианам, что «о. Оно, выздоровевшему, предложено мною служить вместе с о. Судзуки в Оосакской Церкви. Оно согласился. Хорошо примите его»; 2. о. Сергию, что о. Оно, оправившийся, отправляется служить вместе с ним Церкви в Оосака; «пользуйся его опытностью, чтобы научиться хорошо управлять Церковью».

Из своих наблюдений по своему нынешнему путешествию по Церквям о. Иоанн Оно сообщил, между прочим, что о. Иова Мидзуяма в подведомых ему Церквах везде любят, но «странное дело» — как сам о. Оно выразился — «до сих пор о. Иов не научился безошибочно совершать Литургию — ошибается». Действительно, странно! Не научиться он не мог, будучи столько лет священником; значит, совершает очень небрежно.

Еще говорил о. Оно, что о. Петра Сасагава тоже везде любят в его Церк-вах, но в Сендае христиане жалуются, что он «во-первых, нерешителен — никогда не молвит решительного слова на христианских церковных собраниях, во-вторых, не умеет обращаться с людьми: язычник, желающий христианского научения, побывший раз у о. Петра, никогда не возвращается к нему». О. Оно хотел по-товарищески поговорить об этом с о. Петром, но на возвратном пути сюда не застал его в Сендае; письмен-но собирается посоветовать ему «быть решительнее и ласковей обра-щаться с язычниками». Я одобрил это. Но едва ли о. Оно будет иметь успех: о. Петру за пятьдесят лет — характер свой ему менять поздно.

4 / 17 ноября 1900. Суббота

О. Петр Ямагаки из Мориока явился за антиминсом, крестильным ящиком, дароносицей, просит еще воскресное облачение (великопразд-ничное там есть). Дадим все. Говорил о Хакодате мирно; при отъезде оттуда до тридцати христианских домов любовно проводили его и с печалью расстались. В Мориока христиане приняли его хорошо. В цер-ковном доме — там, где следовало бы жить ему, — помещается два хри-стианских семейства — на каких правах? Неизвестно; должно быть, по бедности их и потому, что дом большой. Впрочем, там, кроме их, ютит-ся и один катихизатор, бессемейный. О. Петр, за невозможностью по-меститься в церковном доме, нашел себе квартиру и поселился с женой и четырьмя детьми в ней. Мать он оставил с младшим своим братом в Хакодате в одном из миссийских домов.

О. Борис Ямамура извещает, что помер Фома Михора, бывший кати-хизатором в Мориока. Царство Небесное! Но для Миссии здесь, на земле, результат плохой: семь лет воспитываем был в Семинарии, три с половиной года содержим на проповеди без малейшей пользы от него, так как немедленно по выходе из школы захворал — сколько расходов, и вот! Но так как цель проповеди Евангельской — спасение людей, Михо-ра же, вероятно, чистым юношей отошел в тот мир и спасен, то да будет хвала Господу и за него!

Сегодня заключено условие с типографией на отпечатание нашего перевода Нового Завета. Больше 800 ен будет стоить напечатание тысячи экземпляров.

А печатать пора. Не одни наши христиане с нетерпением ждут наше-го перевода. Ждут и протестанты, не раз спрашивавшие у меня, скоро ли выйдет. И сейчас вот по выходе со всеобщей я нашел на столе письмо от одного из протестантских миссионеров в Йокохаме, Rev. Bennett'a, просящего уведомить, где можно купить копии нашего перевода — «two or three of my friends, as well as myself, would like to obtain copies, — пишет он, ссылаясь на то, что — a recent issue of the Japan Mail announced the

publication of your translation,— каковой публикации, однако, я в „Japan Mail“ не видел, но, должно быть, она где-нибудь есть; во всяком случае, видно, что наш перевод ожидается».

Что за скверная погода эти два дня! Дождь, ветер; в Церкви никого, кроме учащихся.

5 / 18 ноября 1900. Воскресенье

Макарий Наказава пишет об оживлении проповеди в Акаси: двое уже крещены, есть и еще слушатели. Очень приятно и за него, бесплоднейшего из катихизаторов до сих пор, и за Акаси.

О. Иоанн Катакура пишет: сын о. Павла Таде, умершего лет пятнадцать тому назад в Нагоя и там погребенного, желает перенести кости отца на родовое кладбище в Сендай; спрашивает по сему поводу: если бы нужно было сжечь кости, чтобы в виде пепла перенести их в Сендай, то позволительно ли это сделать? Я ответил: церковного запрещения на сие не существует; может, коли хочет, переносить в каком угодно виде. Но чисто христианское чувство возмущается против сего ненужного тревоженья много лет спокойно спящего на своем месте в ожидании всеобщего воскресения.

Катихизатор в Хиробуци, Савва Сакурода, получающий 10 ен в месяц (как еще очень плохой катихизатор), просит прибавки жалованья (имея в семье только жену); катихизатор в Исиномаки Илья Яци просит 19 на уплату долга (этот совсем одинокий — жена не хочет жить с ним). Послано первому 6 ен единовременной помощи, второму 7 ен, и письма обоих отправлены к их священнику, о. Иову Мидзуяма, с поручением позаботиться, чтобы им помогли местные христиане, для которых они трудятся.

О. Иоанн Оно отправился на место служения в Оосака.

6 / 19 ноября 1900. Понедельник

Вчера семинаристы служили панихиду по Фоме Михара, сегодня по друге, кончившем Семинарию, но и на службу не поступившем по болезни, и третьего дня умершем в чахотке у родных в провинции Сидзуока, Каноне Аmano; у обоих еще однокашники здесь, в Семинарии, старшие ученики. Приятно видеть, что ученики всегда считают непрременным долгом помолиться за умерших друзей. Так они делают всегда, когда услышат о смерти кого-либо из товарищей, и всегда по собственной инициативе.

Окамото Риуноске (собиравшийся в прошлом году с о. Мии в Россию, но не пущенный Правительством) приезжал утром — сказал, что я занят,— не угодно ли, мол, часа в три; приехал и в три — просить в долг денег 300 ен. Я предложил 30 — не взял и уехал так. Разодет в шелках;

наговорил много о том, как он старается внушить Правительству, между прочим, не смешивать духовенство киукео (значит — православное и католическое) с духовенством синкео (протестантское); первое-де имеет таинство, второе нет; поставление первого идет сверху, второго снизу, от народа, потому первое несравненно почтеннее второго; так и должно государство смотреть на них, и так далее.

7 / 20 ноября 1900. Вторник

О. Петр Ямагаки, снабженный антимином, мироносицей, дароносицей и священническим облачением, отправился в Мориока. Внушал я ему, чтобы служил усердно — так, чтобы христиане Мориока на будущем Соборе просили не отнимать его у них, а оставить там навсегда. Помогите ему Бог в этом!

Яков Сторожев, сикотанец, опять был; еще не продал шкуры бобров, привезенных для продажи. Одну шкуру продал в Министерство Двора за 600 ен, остаются две; цену им говорил сначала за две тысячи, сегодня говорил, что просит за одну 800 ен, за другую 700, и покупателей нет, почему он с кочео и сидят здесь в Токио. Рассказывал Яков, между прочим, как бонза, и доселе живущий на Сикотане, старается смущать их, сикотанских христиан, маня в буддизм:

— У вас и у нас Бог один и тот же, но вы теперь японцы, потому всем прилично иметь и веру японскую, которая почти то же самое, что ваша нынешняя вера,— твердит он им.

К счастью, сикотанцы не невежды в своей вере и душевно преданы ей. Они только смеются над бонзой. Яков со смехом рассказывал о действиях бонзы и заключил рассказ одушевленным уверением: «Я скорей дам голову отрубить себе, чем отступлю от Отца Небесного!».

8 / 21 ноября 1900. Среда

Сегодня день Святого Архистратига Михаила. Двое русских именинников приезжали просить отслужить для них молебен: лейтенант Михаил Михайлович Веселкин, мой земляк, ныне проездом к месту своего служения,— флагманский офицер у Адмирала Скрыдлова, остановившийся в Посольстве; и слуга одного секретаря Посольства. Я отслужил, заменяя собою чтеца, диакона и священника, чтобы читать и петь по-русски большую часть молебна, прочее пели на клиросе причетники и несколько семинаристов.

Петр Исакава приходил читать продолжение своей Истории Японской Церкви. Мало занимательного. Но кое-где сверкает луч благодати Божией в строении Церкви. Чтобы уловить сии малые проблески, собственно, и пишется история.

9 / 22 ноября 1900. Четверг

Из типографии принесли образцовую страницу для напечатания нашего Нового Завета. Мы забраковали совсем плохую катакану. Принесли исправленную — эта хороша. Но, кажется, придется остановиться нам с печатанием еще дней на двадцать, чтобы вновь перечитать весь перевод и выбросить ненужное количество «ト». Был у нас сегодня грамматист Хаяси и уверял, что при соединении нескольких подряд стоящих существительных имеют место только средние «то» (ト), последнее же совсем излишне и составляет грамматическую неправильность. Это совершенно согласно с тем, что я утверждал, но с чем Накаи не был согласен, почему и сделано было так, как он желает. Ныне и он поколебался и пошел исследовать образцовые сочинения, чтобы убедиться, кто прав. Перелистает сочинения Араи Хакусеки (автора Нихон гвайси), также своих предков, знаменитых ученых Накаи, еще что может из образцовых сочинений последнего трехсотлетия, — в период династии Токугава, повидается еще с несколькими грамматистами. Все это насчет «ト», чтобы уж окончательно решить правильное употребление его. И возник этот вопрос насчет «то» (ト) сегодня совсем случайно. Призван был Хаяси, чтобы решить, можно ли употреблять «орери», прошедшую несовершенную форму глагола «ору». Я всегда утверждал, что можно, Накаи — что нет, особенно после совета с грамматистом Опуки. Хаяси доказал, что «орери» употреблять можно и должно, что это совершенно правильная форма. Накаи согласился, и положено было удержать «орери» в Новом Завете, где и встречается-то эта форма всего двенадцать раз. Потом был разговор о «зо» и «ка» и «я»; потом Накаи прочитал вслух пятнадцатую главу Первого Послания к Коринфянам, чтобы Хаяси дал суждение вообще о качестве перевода, который он и одобрил со стороны языка, восстановив только два «ка», зачеркнутых было нами. Наконец, уже за чаем, Накаи, не имея более важной материи, молвил:

— А вот еще насчет «ト»: нужно ли за каждым связуемым существительным, или нет? — и так далее. Сейчас же указано было господину Хаяси в переводе много примеров с «ト»; везде он забраковал, и пошел спор! И нарушено наше спокойствие конченного труда — и пойдет опять исследование, которое скоро ли кончится, Бог весть!

10 / 23 ноября 1900. Пятница. Японский гражданский праздник

Когда утром я занимался в библиотеке, приходит Накаи и провозглашает:

— Живет «ト»! Пересмотрел книгу сочинений Араи Хакусеки — везде «то» стоит и в конце, при перечислении нескольких существительных,

связуемых соединительным « Ъ ». У другого знаменитого автора, правда, « Ъ » в конце иногда опускается. Пойду к знаменитому грамматисту Оциай — что он скажет?

Вечером возвращается от Оциай и говорит:

— Увы! « Ъ », как соединительный союз, совсем забракован! Оциай утверждает, что употребление « Ъ » в смысле соединительного союза совсем незаконное; союз этот сравнительный, для соединения же существительных должно быть употребляемо «оёби», или же, самое лучшее, никакого союза не употреблять, а прямо перечислять предметы — здравый смысл не позволит смешать их; в лучших древних сочинениях, например, Гендзи-моногатари, всегда так ведется речь. Но уж если нужда заставляет употреблять соединительный союз и для этого избирается «то» (Ъ), то, конечно, его нужно ставить и в конце, за последним существительным, прибавил Оциай.

— Итак, чему же нам следовать? — спросил я Накая.

— Оставим перевод относительно « Ъ » так, как он есть. Я ручаюсь за резонность употребления « Ъ » так, как у нас, и напишу объяснение по сему предмету. Но вот что еще: «орери» должно исчезнуть из перевода. Оциай решительно восстает против употребления этой формы в такой важной книге, как Священное Писание, по неправильности ее. Можно употребить «оритари», «орики», «итари», или же «сумери» и подобные однозначущие, но никак не «орери» — совсем неправильное. Каяси в доказательство правильности этой формы имеет только один случай «орери» в одной древней песне, но песня эта различно толкуется; всего вероятнее, что «орери» в ней не в смысле «быть», а «сломать».

— Нечего делать! Коли такие авторитеты — авторы грамматик, как Оцуки и Оциай осуждают на гибель «орери», пусть гибнет! Вычеркнем «орери» из перевода. — На том и порешили и стали дочитывать наш перевод для сдачи его в типографию.

Арсений Ивасава, кандидат богословия, учитель Семинарии, приходил; говорит:

— Обо мне идет сплетня, будто я хочу оставить службу Церкви. Начало ее такое: меня приглашали преподавать русский язык в военной школе, я согласился было, имея в виду получить Ваше согласие на то, если это не будет мешать службе моей в Семинарии; но там не захотели, чтобы я был преподавателем в двух местах, потому я отказался. Для преподавания туда пригласили потом Емильяна Хигуци, и он оставил по сему поводу церковную службу. Счел нужным объяснить Вам это, так как сплетня распространяется широко; о. Оно говорил уже в Кёото, что я намерен оставить церковную службу, как мне пишет о. Мии; но такого намерения у меня совсем нет.

Я поблагодарил его как за объяснение, так еще больше за верность своему назначению служить Церкви.

О. Мии прислал четыре листа планов постройки церковного фундамента для просмотра и утверждения. Планы вполне хороши; я сейчас же отослал их обратно с одобрением.

Пишет еще о. Мии, что оосакские христиане очень обрадованы назначением о. Иоанна Оно в Оосака, и питает надежду, что тамошняя неурядица, немало беспокоившая и его, о. Мии, уладится.

11 / 24 ноября 1900. Суббота

Благочестивый врач Пантелеймон из Татебаяси пишет, что катихизатор Тихон Сугияма почти никогда не бывает там, а проводит жизнь со своей семьей в Симооса; слушатели учения есть, но некому учить; христиане — овцы без пастыря — могут уйти в «Армию Спасения» и так далее — полное сетования и скорби письмо; упоминает, что жаловался о. Титу Комацу на это небрежение Тихона, но без всякой пользы. Все для меня совершенно новое. Я и не воображал, что катихизатор может до такой степени negliжировать, а священник потакать ему. Поэтому: написано Тихону Сугияма, что он штрафуется месячным жалованьем, а если не исправится, будет отставлен от службы; о. Титу послана копия письма к Тихону и строгий выговор.

О. Павел Морита, по обычаю, томит длиннейшим письмом; но на этот раз есть интересная страница, в которой он описывает одну благочестивую христианку-постницу, обретшую душевную пользу в посте; христианка — в Маебаси. Страница послана в «Сейкёо-Симпо».

О. Иов Мидзуяма просит прислать на службу катихизатора Петра Такахаси, в прошлом году бросившего церковную службу, чтобы найти более доходную на стороне, — по-видимому, не обретшего оную и желающего опять поступить на церковное содержание при ничегонеделании для него лично, ибо последние два года своей катихизаторской службы он ровно ничего не делал.

Жене катихизатора Авраама Яги, по его просьбе, написано убедительнейшее письмо вернуться к мужу и жить с ним неразлучно. Если и на этот раз не послушается, то, значит, для Яги нет надежды вернуть к себе любимую им жену. Бог весть, из-за чего вышло у них, но вот уж несколько лет он тщетно зовет ее к себе, а она повода к бракоразводу не подает — ведет себя беззастенчиво, содержась службой сиделки в госпитале, но жить с ним, несмотря ни на какие убеждения, не соглашается; в то же время не объясняет и достаточных поводов к тому.

12 / 25 ноября 1900. Воскресенье

Во время проповеди (говоренной Исаею Мидзусима) спрашивают меня:

— Можно ли приобщить Святых Тайн только что родившую и находящуюся в смертной опасности от кровотечения?

— Как же нельзя! Спаситель разве не допускал к Себе кровоточивую? Пусть священник поскорей отправится исповедать и приобщить ее.

О. Феодор Мидзуно, уже прочитавший благодарственные молитвы после своего приобщения, сейчас же — когда Исаяя еще говорил проповедь — разоблачился и отправился напутствовать находящуюся в смертной опасности Фотину Накасима, жену причетника Иоанна, бывшую ученицу нашей Женской школы и отличного дисканта в правом хоре. Вероятно, Господь спасет ее за веру и желание приобщиться, как спас евангельскую кровоточивую.

Павел Ямада, редактор «Уранисики», приходил просить увольнения от своей редакторской службы. Повздорил с учительницами. Те желают от него писаний религиозных для своего журнала, а он пишет больше литературные «обо всем и ни о чем» да еще считает свои статьи высокими, имеющими интересовать высокообразованный люд. Правы те, по его же объяснениям, хотя он считает их виноватыми. Журнал религиозный, его и выписывают как таковой, а Ямада преподносит в нем читателям вместо хлеба камень да еще обижается, что замечают ему об этом. Завтра увидим, чем решится дело.

13 / 26 ноября 1900. Понедельник

Слава Богу, наш перевод Нового Завета совсем кончен, так что хоть сейчас отдать в типографию. Но так как в типографии еще не отлиты заказанные нами двойные буквы, то мы с Накаем решили еще раз прочесть перевод — авось, еще найдем кое-что поправить и улучшить, причем я буду смотреть в оригинал, Накай читать перевод медленно и со всей осмотрительностью.

Секретарь Посольства Станислав Альфонсович Поклевский-Кодек был спросить, буду ли я завтра в Посольской Церкви на молебне по случаю праздника рождения Государыни-матери Марии Феодоровны. Получив мой ответ, что «буду», он пригласил после молебна на завтрак к посланнику от имени посланницы Маргариты Карловны, так как посланник Извольский в отсутствие — уехал в Кёото. Затем Поклевский сказал, что посланник, по внушению хакодатского консула Матвея Матвеевича Геденштрома, имеет говорить со мною касательно места для постройки Консульского дома в Хакодате: «Место-де это есть — на участке, занимаемом ныне Духовной Миссией, где когда-то стояло Русское Консульство и где доселе имеется на виду каменный фундамент консульского дома». Будем говорить об этом с посланником. Консульскому дому там отчего и не построиться? Место есть — это правда. Но интересы

Духовной Миссии должны быть ненарушимо соблюдены, посланник должен обеспечить это.

Тит Накасима, катихизатор в Яманоме и Ициносеки, пишет, что окончательно утверждено христианами построение Храма у них за четыре тысячи ен и — прежде того — дома для временных молитвенных собраний и для обитания катихизатора за тысячу ен; половину сей суммы, то есть 2500 ен, жертвует Моисей Ямада; 500 добудутся из продажи нынешнего церковного дома в Ициносеки, остальные две тысячи пожертвуют в продолжении пяти лет христиане, почему и постройка храма отлагается, пока сумма будет готова. Письмо послано в «Сейкёо-Симпо» для напечатания в пример другим Церквам.

Павел Ямада не внял убеждениям Павла Накаи — писать религиозные статьи для «Уранисики», почему устранил от редакторства. Учительницы будут сами редактировать с помощью Павла Накаи, до сих пор принимавшего участие в их издании также Павла Исикава, редактора «Сейкёо-Симпо».

14 / 27 ноября 1900. Вторник

Занявшись перечитыванием перевода до десяти часов, отправился в Посольство к обедне и для служения благодарственного молебна, так как сегодня день рождения нашей Императрицы-матери Марии Феодоровны.

Между собравшимися русскими — в Церкви и потом у посланника — был Генерал Константин Ипполитович Вогак, герой текущей войны с Китаем. Он приехал в Японию лечиться от переутомления: «Тридцать дней под огнем в период сражения с боксерами и китайскими регулярными войсками, а потом полтора месяца труда по управлению в Тяньцзине — все время такого трудового напряжения, что спать ни разу не пришлось в постели, а урывками в кресле, почти никогда не раздеваясь для того» (как сам он рассказывал мне лично, куря папироску, после завтрака, в гостиной посланника) — неудивительно, что он так бледен и худ, хотя, говорят, уже значительно поправился, живя последние две недели на водах в Мияносита.

О китайцах он теперь гораздо лучшего мнения, чем был лет пять тому назад, когда говорил, что китайцы — народ совсем отпетый, совершенно неспособный к самостоятельному политическому существованию; ныне говорит, что «чувство патриотизма у них есть — настоящая война ведется ими по побуждениям „почтенным“, чтобы защититься от наглой эксплуатации иностранцев, — не против христианства собственно они, а против иностранцев, и били миссионеров лишь как первых попавших им под руку иностранцев». Защититься от китайцев в будущем Вогак видит только одно средство — «разделить Китай между европейскими

державами, или же поставить его под такой сильный контроль, чтобы он никогда не мог предпринять что-либо подобное настоящему движению». Зажать пульс в огромном живом теле так, чтобы он не мог биться, — возможно ли это? Не встрепенется ли тело так, что оперирующие посыпятся?

15 / 28 ноября 1900. Среда

В Семинарии опять неприятность: пропали у одного ученика часы; заподозрен был другой ученик, Михаил Саваде, но едва ли справедливо. Он очень обиделся и оставляет Семинарию, на что имсет согласие матери и старшего брата. Сын он Петра Саваде, бывшего катихизатора, в 1884 году участвовавшего в возмущении вместе с о. Павлом Савабе, потому выключенного со службы, но горько потом каявшегося, умершего от ожогов от воспламенившегося газа в руднике, где служил. Детей оставил троих и всем, кажется, указал путь служения Церкви, по крайней мере, все они явились на церковное воспитание. И воспитаны. Но дочь умерла по выходе замуж, окончивши здесь курс, за катихизатора. Старший сын выпущен из Катихизаторской школы в катихизаторы, но тотчас же оказался негодяем, почему со службы выключен; младший — вот этот, ныне уходящий; признаться, по характеру его, от него прока для церковной службы едва ли можно было ожидать.

16 / 29 ноября 1900. Четверг

Утром, во время перевода, подают карточку «Henry Scott Jefferys» — епископальный американский миссионер, служащий в Сендае. Выхожу и принимаю.

— Получил шестимесячный отпуск (furlough), — говорит.

— Поздравляю! Вам, должно быть, очень приятно это после долгого усердного труда в Японии.

— Не поздравляйте, против моей воли дали отпуск.

— Как так? Разве это возможно?

— Епископ говорит, что обычай существует после пяти лет пользоваться отпуском, и навязывает его мне — волей-неволей должен принять.

Тут я понял, что не легко обходится ему либеральничанье его вроде недавней статьи его в «Japan Daily Mail» — «Is the Roman Church a sect?», где он не хуже завзятого католика нападает на назвавшего Римскую Церковь сектою и мимоходом высмеивает протестантство (отозвавшись о Православной Церкви, что это, мол, «дорожит больше чистотою, чем единством»).

— И что же Вы намерены делать? — спрашиваю.

— Отправлюсь — только не в Америку, а в Китай. Потому пришел просить Вас: дайте письмо к начальнику вашей Миссии там и упомяните в нем, что я очень расположен к Православной Церкви.

— О, конечно, это я знаю по Вашим действиям здесь с самого приезда Вашего в Японию (когда он просил говорить свои проповеди в нашей Церкви в Маебаси, что я не позволил, объяснив, что слушатели соблазняются, услышав, например, проповедь православного священника о семи таинствах, а чрез часа два другого о том, что таинства только два, и подобное).

— Быть может, потом побываю и в Америке (куда он недавно отправил свое семейство с прелестными детьми). Попрошу и туда письмо от Вас.

— Напишу и туда к Преосвященному Тихону, хотя я лично не знаком с ним, и уверен, что он любезно примет Вас.

И начинается потом разговор, из которого явилось, в каком смущении душа его — как и душа всякого протестанта, искренно ищущего истину. Я прямо заявил, в течение разговора и на его вопросы, что как священника в сослужение его не приму, так как Православная Церковь не признает и не может признать их священства, главное потому, что они сами не признают рукоположение таинством... Но что в смертной опасности приобщу его Святых Тайн, наперед исповедав, если он прочтает Никейский Символ веры; это, однако, только в том случае, если нет поблизости их священника или епископа и если действительно видится смертная опасность и имеется его горячее желание приобщиться Святых Тайн.

— Могу я сказать это о Петру Сасагава (нашему священнику в Сендае), чтобы он так поступил со мной, если я опасно захвораю? — спрашивает.

— Конечно!

И так далее — долгий еще, довольно спутанный разговор, в котором он не желал прямо заявить, что изверился в свое епископальство; я, что вполне понимаю его. В заключение он попросил книг, в которых бы уяснилось отношение православия к протестантизму. Я свел его в библиотеку и предложил выбрать по каталогу; он взял, между прочим, сочинения Овербека. Вразуми его Бог! Если станет ступать в дверь Православной Церкви, отвергнут не будет, но зазывать и тащить его, по-католически, претит душе. И разговор, и объяснения, и толкования, и книги, и молитва — все к его услугам, но не уговариванье и зазыванье. Если благодать зовет его, она и укажет ему путь, и приведет к цели; если что-либо другое вроде задора (столь сказывающегося в его статьях), разлада с своими, желания отстоять свои мнения и подобное, то он попадет к католикам, которые, видимо, окидывают его своею сетью.

Прочитал сегодня в «Московских Ведомостях» от 2-го октября, что на акте в Московской Духовной Академии 2-го октября я был объявлен Почетным членом Академии. Значит, миссионерство кредит имеет. Но гораздо приятнее было бы прочитать, что Московская Духовная Академия имеет сюда миссионера.

В том же номере прочитал некоторое объяснение жестокости Генерала Грибского с китайцами в Благовещенске: «на собранных китайцах найдены были воззвания к ним китайцев с противоположного берега, приглашающие их поджечь Благовещенск в то время, как открыта будет пальба по нем с китайского берега. Поэтому благовещенских китайцев собрали, чтобы засадить их в острог, но так как острог оказался тесен, то их погнали чрез Амур, в котором почти все и утонули, а переплывшие-де были срублены своими за то, что не успели сжечь Благовещенск».

17 / 30 ноября 1900. Пятница

Отослано в типографию вполне исправленное Евангелие от Матфея для начатия печатания.

О. Петр Кавано пишет, что «исследовал он, почему катихизатор Павел Соно похоронил свою мать по-буддийски. Оказывается: у Соно было всего 50 сен, когда мать померла; родные же, буддисты, отказались расходоваться на погребение, если оно не будет буддийским; в этой крайности Соно и согласился». Соно солгал о. Петру; он телеграммой попросил свое содержание за двенадцатый месяц на погребение матери, и ему телеграммой же отправлено было немедленно 15 ен, в том числе 10 ен не в зачет ему, на погребение матери, и 5 ен из жалованья за двенадцатый месяц. Итак, средства на погребение матери по-христиански у него были. Но Соно, кроме того, что ложно оправдывает свой неблагоприятный поступок, просит еще оставить его в качестве катихизатора в Кумамото, — сестра-де с детьми у него есть, о которой нужно позаботиться, и о. Петр просит исполнить эту его просьбу. Послано: 1. увольнение Павлу Соно от должности катихизатора за его непростительный для катихизатора поступок — погребение матери по-язычески. При этом приложено ему 5 ен — вторая половина жалованья его за двенадцатый месяц; 2. извещение о. Петру о сем, с наказом не просить больше за Соно, и с прописаньем, что Соно солгал ему. В P. S. приписано, впрочем, что, если Соно раскается в своем проступке, и если поручит сестру с детьми родственникам, а сам будет свободен отправиться куда бы то ни было на проповедь, и если притом пожелает отправиться, то пусть о. Петр пришлет его в Токио для назначения его здесь на проповедь куда-нибудь на север, где бы не было никаких сведений о его языческом погребении матери, так как на Киусиу, где Церкви малые, он при своей испорченной репутации там, ни в каком случае не может быть оставлен на службе. Если согласится — деньги на дорогу до Токио будут высланы.

18 ноября / 1 декабря 1900. Суббота

В десятом часу утра, когда я, по обыкновению, весь погружен был в занятие переводом, говорят: «Русский консул в Хакодате», и подают карточку «Mathick de Hedenstrom», — самая приличная фамилия для русского

консула! Выхожу и без церемонии прямо говорю: «Простите, я очень занят, вообще утра у меня всегда заняты — милости прошу после обеда, тогда буду очень рад».

Русский консул с жидовско-немецкою фамилией, натурально, состроил кислую мину и говорит (садиться я его не пригласил, и дверь стоит настежь):

— Я пешком гулял и зашел случайно. Но есть и дело, о котором нам с Вами нужно поговорить,— это о месте для постройки Русского Консульства в Хакодате. В Духовной Миссии есть для этого место.

Сколько до сих пор консулов в Хакодате жило на квартирах, и ни один не возбуждал вопроса об отнятии места у Духовной Миссии под Консульство. Жиду-немцу первому пришло это в голову. Зная уже от Поклевского об этом, я отвечаю:

— Дело это двух слов — стройте на фундаменте бывшего Консульского дома; больше этого места, вероятно, не нужно Вам.

— Оно совершенно достаточно. Я говорю об этом с Вами по поручению посланника.

— Так и ему объясните.

В пятом часу приехал и посланник говорить о том же. Здесь выступил вопрос: удобно ли для Духовной Миссии быть о бок с Консульством?

— Конечно, неудобно,— развивал я.— Например, консул захочет поселить у себя японку-наложницу — ведь это удар по щеке Духовной Миссии! А что она сделает, чтобы не допустить сего? В былые времена, когда еще не существовало Духовной Миссии, я при всей приязни с одним из молодых членов Консульства (самим консулом Бюцовым, чего я, впрочем, не сказал Извольскому), должен был настаивать, чтобы японка-наложница выселена была из соседства с Церковью. Теперь, если случится подобное со стороны русского консула, японский священник, заведующий там станом, чем отвратит соблазн и поношение Церкви? Поэтому-то у меня была мысль просить Вас написать мне, хоть в виде письма об уступке места под Консульство, обеспечение, что-де вреда от этого для Духовной Миссии и ее дела никакого не произойдет.

— Но как же я могу ручаться за это?

— Я и сам вижу, что эта мера ненадежная. А больше нет никакой. Итак, конечно, лучше было бы, если бы Консульство поселилось в другом месте.

— Но ныне места очень дороги. Впрочем, я еще обдумую это дело. Тут и вопрос международный... В добрый час!

Был русский, некто Дмитрий Онисимович Фокин, служащий управляющим на золотом прииске Охотской Компании, в 90 верстах от Николаевска-на-Амуре, где работает в год до пятисот человек и намывается пудов до 60 золота в год; лечился здесь на водах от ревматизма, от которого и вылечился, но за то чуть не потерял зрения от слишком усердного пользования серными водами в Асиною, купаясь по восемь раз в день. Главный же интерес его визита в том, что он дал совершенно другой

взгляд на потопление китайцев в Благовещенске, чем какой доселе выносился из чтения иностранных корреспонденций о сем, статей амурской прессы и даже рассказов русских, бывших в Благовещенске. Дело было так: когда начались неприязненные действия китайцев в Айгуне, откуда стреляли по нашим пароходам, идущим по Амуру, Генерал Грибский взял то войско, которое было в Благовещенске, и отправился к Айгуну. Благовещенск остался совсем беззащитным, так как никакой опасности для него не ожидалось. Вдруг открывается пальба по нем с противоположного китайского берега. Как защититься? Тотчас явились добровольцы, похватили кое-какое оружие, кто что мог, собрались и стали советоваться — прежде всего, как быть с китайцами, которые в Благовещенске? А их больше трех тысяч; и нашли у них, при первом же обыске, заготовленными разные горючие материалы для поджога Благовещенска — паклю, напитанную смолой, керосин и подобное; кроме того, при них — прокламации от соотечественников с того берега, предписывающие им сжечь город. Они, как видно, и готовились сделать это, но, к счастью для жителей Благовещенска, канонада началась двумя днями раньше условленного времени; там не вытерпели, а как только увидели, что Грибский увел все войско из Благовещенска, так и начали. Добровольцы собрали китайцев, вывели их из Благовещенска к тому месту Амура, где было мелко, и велели переправляться на другой берег. Амур был на то время, от недостатка дождей, так мелок, что почти весь его можно было пройти — глубины оставалось весьма мало. Кто не хотел идти в реку, тех, правда, заставляли, но намеренно никого не топили, а топились сами иные китайцы от нежелания переправляться, видя, что их ждет на том берегу от соотечественников; эти же стреляли по подплывавшим к берегу, вероятно, в сердцах на то, что они не успели поджечь Благовещенск, так что спаслось всех китайцев, говорят, не более ста человек. Лодок для переправы им жители Благовещенска дать не могли, иначе дали бы врагам средства переправиться обратно для взятия города. Итак, хотя факт выходит все-таки безобразный и достойный всякого сожаления, но жителей Благовещенска тоже очень винить нельзя — они поступили так в неизбежной крайности, для самозащиты. Генерал же Грибский, по словам Фокина, тут совсем ни при чем: он только потом узнал, как поступлено жителями Благовещенска с китайцами. Благовещенск, по словам Фокина, был до того беззащитен, что и ружей-то почти ни у кого не было, и достать было нельзя, так как они предварительно из магазинов были переправлены на тот берег, скупленные китайцами. Это версия благовещенской катастрофы утешительней того, что записано под числами 9 / 22 сентября, 28 сентября / 11 октября, 6 / 19 октября. Как русские способны сами поносить себя! Откуда сия черта? Лакейство ли, или худо понятое смирение? Во всяком случае — неразумие.

Продолжение дневника в 9-й книжке сего формата

Краткий Миссионерский дневник С 19 ноября / 2 декабря 1900 года

Книжка 9-я сего формата.
Продолжение с 8-й книжки сего формата

Епископ Николай
Русская Духовная Миссия в Японии.
Токио. Суругадай

19 ноября / 2 декабря 1900. Воскресенье

Яков Негуро [?], катихизатор в Нагано, красноречиво описывает смерть и погребение шестнадцатилетней девицы Ольги; молитвенно готовилась умереть; пока могла поднимать руку, все время творила крестное знамение. На погребение прибыл о. Андрей Метоки, и оно было совершено очень торжественно; триста учениц Женской школы, где она училась, были на отпевании и со слезами провожали ее, так как она была общею любимцею. Письмо отдано для напечатания в «Сейкёо Симпо».

О. Борис Ямамура просит опять принять на катихизаторскую службу Николая Абе. Но Абе в письме к сыну о. Бориса, подбивавшему его вновь поставить на службу, изъясняет, что «он не прочь опять служить катихизатором, но не иначе, как если будет назначен в такое место, где много английских и американских миссионеров (например, в Хакодате) — ему-де нужно глубже изучить веру». Изучать от протестантских миссионеров, тогда как своих православных книг столько переведено, что и

перечесать трудно — только читай и размышлением усвояй все отрасли церковного учения! — Тотчас же написано о. Борису, что в просьбе его отказывается и заповедуется ему вперед не просить за Абе. Этот человек совсем самопроизвольный, хочет делать не то, что нужно Церкви, а что хочется ему самому. И прежде он был поэтому бесплодным катихизатором. Вперед же ему на церковный счет жить для удовлетворения своих фантазий: писанья японских стишков, ломанья англицкого языка для болтовни с протестантскими миссионерами и подобное — не дано будет. На основании его собственного письма, приложенного о. Борисом к просьбе о принятии, ему решительно отказано.

О. Сергей Судзуки, из Оосака, пишет, что рад назначенью туда, для сослужения с ним, о. Иоанна Оно, и будет в подчинении ему как старшему. Между строками письма можно читать, что он совсем не рад. Но что ж делать, коли не умеет обуздывать себя и управлять Церковью — пусть слушается о. Иоанна Оно, авось мало-помалу созреет.

О. Петр Кано, из Хакодате, пишет, что «в Церковь к богослужению приходят больше и больше, но что нелады между христианами продолжают; на четыре или пять партий разделены». — Из-за чего бы теперь им там разделяться — не знаю, и не объясняет о. Петр. — Христианок о. Петр в письме хвалит: у них ежемесячно происходит три собрания (симбокквай).

Павел Мацумото, катихизатор в Огару, описывает болезнь и смерть своей дочери Марины, недавно отправленной к нему отсюда из Женской школы по его просьбе. Очень хотелось девочке (тринадцатилетней) приобщиться Святых Тайн пред смертью, но о. Николай Сакураи был в отлучке по Церквам. Весьма скорбит Павел о смерти Марины; это была его старшая дочь, прекрасное характером и видом дитя — и это уже третья дочь у него помирает. Должно быть, слабая комплекция матери переходит к детям; а мать — дочь первого каро князя мацимайского, нежно воспитанная и слабая женщина, хоть очень добрая и благочестивая. — Послано 15 ен Павлу на расходы по погребению; он преданный Церкви служитель ее и заслуживает участие.

20 ноября / 3 декабря 1900. Понедельник

О. Андрей Метоки прислал длиннейшее описание своей поездки по своим Церквам, и хоть бы что отрадное! Нигде успеха, ни единого крещения, точно пустыню Сахару прошел, прочитавши письмо.

Начальница Женской школы, Елисавета Котама, принесла расписание экзаменов — с 13-го числа начало.

— Что так рано? Никогда так не было, — говорю.

— Зато прямо начнутся, без предварительных дней свободных от занятий для приготовления. Ученицы будут держать исподволь, не утомляясь

приготовлениями. При краткости экзаменного времени они так усердствуют, ко вреду своего здоровья, что по ночам нельзя спать уложить. Лишь только обойдешь комнаты и потушишь лампы, как смотришь, опять уж корпят пред своими, наперед заготовленными лампочками, или у коридорных ночников. Притом же имеется в виду приготовить их к экзаменам так, чтобы каждая могла ответить не только попавшийся ей билет, но и все из пройденного, преимущественно своими словами.— Я согласился.

21 ноября / 4 декабря 1900. Вторник.
Праздник Введения

На Литургии христиан из города было весьма мало.

О. Тит Комацу пишет, что в Церквах Уено и близлежащих крестил нескольких, и извиняется, что не усмотрел за отлучками Тихона Сугияма с места служения.

Илья Накагава пишет, что о. Павла Кагета не приняли христиане в Ивасаки, то есть просили не посещать их.— Что это значит, из письма Ильи не видно: то ли, что о. Павел до того дурно зарекомендовал себя своим пьянством, что христиане не желают иметь с ним дела? Или что негде поместить его во время посещения? Или же, быть может, христиане обиделись, что не удовлетворяют их прошения — дать им местного священника? Два года они обращались к Собору с этою просьбою; но так как христиан в той местности еще очень мало и так как христиане не дают ничего на содержание священника, то просьба их была отклонена.— Во всяком случае это плохой факт, не рекомендуемый ни благочестие христиан, ни достоинства о. Павла.

Окамото Риуноске опять явился, с шестью бутылками минеральной воды, будто бы им приготовленной для продажи, в подарок, и с просьбой дать ему в долг хоть ту малую сумму денег, которую я на днях предложил ему (30 ен вместо прошенных им 300). Я тотчас же отсчитал ему 35 ен и вручил; сказал, что больше не могу ни ныне, ни в конце года, но что пусть считает сию сумму не долгом, а подарком ему. (Столько, или почти столько стоят его книги, в прошлом году присланные им мне в подарок из Кёото).

22 ноября / 5 декабря 1900. Среда

В сегодняшнем номере «Japan Daily Mail» перепечатали из «China Mail» статью, из которой явствует, что протестантских миссионеров умерщвлено в Китае в нынешнем восстании 129, детей сих миссионеров 39. Там же замечается, что если прибавить к сему число убитых католических миссионеров, которых убито не менее, чем протестантских, то

получится двойное вышеозначенное число (129) — количество мучеников-миссионеров.

Протестантских сект в Китае 57. Миссионеры сих сект, впрочем, живут довольно мирно между собою. Нынешнее же гонение окончательно сблизило их, поровняв несчастьем. Христиане китайцы заявили себя стойкими в вере: тысячи из них претерпели мученическую смерть за Христа.

23 ноября / 6 декабря 1900. Четверг

Перевод Нового Завета совсем кончен; ныне последнее чтение, и проверка закончена. Остается напечатанье, к чему уже приступили.

Петр Исикава начал печатать свою «Историю Православной Церкви в Японии». Будет два тома пока, в семьсот экземпляров, с двадцатью или более снимками церковных зданий и людей. Все издание будет стоить ен 500. Нечего делать! Пусть сохраняются следы Промысла Божия в самых зародышах Церквей. Для истории собственно — весьма рано; для подбирания первых крупниц благодати, пекущейся о спасении языческого народа, самое время — живы еще по Церквам первые христиане, от которых можно узнать, как зародилась Церковь; но уже начинают они отходить в вечность, оставляя место второму поколению, для которого начало скрывается вдали. Сегодня же Исикава говорил: «Хорошо, что я посетил те и те Церкви; то и дело, что приходят известия о смерти стариков, от которых я собирал сведения, которых теперь уже нельзя было бы добыть».

24 ноября / 7 декабря 1900. Пятница

Приступили мы с Накаем к исправлению Псалтири, напечатанной пятнадцать лет тому назад. Оказывается, однако, что поправок придется сделать не очень много.

О. Павел Косуги описывает свою поездку по Церквам. Хвалит город Ивамацу, где будто бы много слушателей у Фомы Маки; крестил там одного. И, конечно, как во всяком письме своем, просит о. Косуги денег — ныне на лечение жены своей Агафьи.

Павел Сибанай, катихизатор в Саннохе, пишет, что дочь его, имеющая право на поступление в Женскую школу, больна; просит вместо нее принять дочь одного христианина с взносом 2 ¹/₂ ены в месяц. Боюсь, что обманет: когда выздоровеет дочь, станет просить принять и ее. Впрочем, послал я письмо его в Женскую школу — пусть сделают, как хотят. Хорошо бы, конечно, раскрыть дверь в школу шире; сегодня же и еще один христианин приходил просить принять сироту-девочку, дочь недавно умершего усердного христианина, в школу. Но что же делать,

коли школа тесна? До последней возможности набита она ныне, а девочек двадцать пять состоят кандидатками на поступление и ждут своей очереди. Построить бы больше здание? Места нет. Купить бы больше места? Денег нет, да и места под рукою нет, а вдали неудобно. Вот если бы в Семинарию просилось столько, то можно бы перескочить чрез все эти препятствия. Но увы! Сыновей своих христиане метят в приобретаателей денежных служб, и потому посылают в мирские школы. В Семинарию перепадает самая малость, и то или бедняки, или больные. Исключение составляет только Корнилий Асано, в Янайбара, выражающийся, что служба по духовной части ныне самая необходимая в Япоии, и потому шлющий в Семинарию своих здоровых сыновей, которых ныне двое здесь.

25 ноября / 8 декабря 1900. Суббота

Утром получено письмо от оо. Иоанна Оно и Сергия Судзуки, из Оосака, что «христиане Церкви Вакаяма жалуются на частые и продолжительные отлучки своего катихизатора Якова Адаци к жене в Кёото, и потому просят себе Тимофея Ирино из Оосака». Оо. Оно и Судзуки подтверждают просьбу христиан и просят «немедленно, даже телеграммой, велеть Ирино отправиться в Вакаяма, а с Адаци поступить, как угодно». — Сейчас же телеграмма отправлена к Ирино, чтобы шел служить в Вакаяма, а Якову Адаци написано, что он отставляется от должности и увольняется в мир служить, где ему угодно. — Письмо послано к священникам в Оосака, чтобы они прочитали и немедленно отправили к Адаци, которого и адрес кёотский здесь не известен. Не жаль Адаци: всегда был самым ленивым и бесплодным катихизатором, а женившись на какой-то, не желающей идти с мужем на место его службы, а тянущей его с места службы к себе, сделался совсем уж постыдным потребителем церковных денег, жертвуемых благочестивыми христианами на дело Церкви, а не на дело служения жене. Так-то вот жениться на каких-то с ветра, а не на воспитанницах Миссийской Женской школы!

В третьем часу был английский епископ Одрей (Awdry), завчера письмом спрашивавший, может ли он в этот час посетить меня по делу. Дело оказалось следующее: один из методистских миссионеров составил проект — пред наступающим новым столетием соединить всех миссионеров в молитве, подобной молитве Спасителя в Гефсиманском саду, чтобы все, ныне разделенные христиане, стали одним стадом. Одрей получил приглашение и дал согласие; и просит ныне Одрей, от лица того миссионера, нас, православных, также соединиться с ними в молитве. Одрей прочитал написанный латинскими буквами японский проект миссионера с сочиненной им молитвой. Читал он с большим чувством, но стоило большого труда не расхохотаться — не над проектом, а над его

чтением — до того нелепо и дико это произношение везде на английский манер «ш» вместо «с» и «ч» вместо «ц». Выслушав все, я нашел предприятие одобрительным и сказал, что отдам проект для напечатания в нашем «Сейкёо Симпо», к сведению всех наших христиан, — пусть только рукопись доставится мне написанною по-японски. — И потом стал говорить епископу, что он предлагает нам делать то, что мы и без того постоянно и неустанно делаем: в каждой ектении Церковь провозглашает молитву «о соединении всех», и все наши христиане знают, что это о соединении всех, разделенных на секты и общества, чад Божиих в одно стадо под одним Пастырем, и творят свою посильную молитву о сем. (Тут же показал ему в японском служебнике эти слова и, по его желанию, подарил ему самый служебник.) Пусть молятся и все протестанты о сем, они в этом присоединятся к нам, а не мы к ним. Мы, молясь, твердо веруем, что рано или поздно по молитве совершится, ибо о том же молился и Спаситель, а Его молитва в то же время — выражение Его Божественной воли. Но пусть протестанты знают, что не совершится это до тех пор, пока со словами молитв не соединится дело. Мы ныне, молясь, протягиваем друг к другу руки общения, но между нами пропасть — руки бессильно висят на воздухе; и так будет до того времени, когда заградить пропасть, а заградить ее — ваше дело, не наше. Заградить ее — значит исправить вам то, что вы извратили в учении Спасителя (например, учение о Святом Духе, о благодати), принять вновь то, что вы отбросили из сего учения (например, таинства). Пусть ваши церковные обычаи (например, музыка при богослужении), пусть все второстепенное, останется у вас по-вашему, но догматы должны остаться неизменными, а в этом отношении вам исправляться, не нам. И пока вы не исправитесь, молитва «о соединении нас» будет тщетною. — Как достигнуть исправления? Прежде всего вам нужно изучить православие. Образуйте в Англии от лица Церкви авторитетный комитет, так чтобы он стоял пред лицом всей нации; пусть члены его изучат русский и греческий языки, а чрез них богослужебные книги и всю богословскую науку Православной Церкви, пусть по мере изучения все докладывают английскому народу; этим он будет подготовлен к уступкам истине. Когда завершится изучение, и английская нация будет о всем осведомлена и приготовлена, тогда следует собраться Вселенскому Собору, и на нем, с благословением Божиим, состоится торжественное соединение. Предлагайте это вашим принципалам в Англии. Ваше слово должно иметь вес, потому что если кто, то мы, миссионеры, больше всего чувствуем прискорбность и неудобства этого разделения, крайне компрометирующего нас в глазах язычников и воспрещающего наши успехи, — и так далеко, долго еще был разговор в этом духе, пока помешал визит ко мне молодого Сендайского князя, бывшего когда-то у меня девятилетним ребенком, потом, тринадцать лет тому назад, видевшегося со мною на водах в Асиною. Ныне ему тридцать один год; он был для образования

в Англии; два с половиною года состоял студентом Кентерберийского университета. Знает отчасти христианство, но не верует ни во что. Араи Цунено-син старается завлечь его в мистицизм, часто посещая его для разговоров с ним, но труд Арая будет не менее тщетен, чем был, вероятно, не малый труд английского клержмена, у которого он жил в Англии, сделать его протестантом.

С бишопом Awdry князь разговорился, и нашли они немало общих знакомых в Англии. Когда ушел Awdry, пришел Петр Исикава, секретарь, отнесшийся очень почтительно к князю; и был другой разговор — о том, что сендайцы больше всех потрудились для водворения Православной Церкви в Японии, что князю Сендайскому его бывшие слуги проложили путь к истинному христианству, и прочее. Сендайский князь, однако, уходя, даже руки не подал красноречивому и умному Петру Исикава.

26 ноября / 9 декабря 1900. Воскресенье

До Литургии о. Симеон Юкава крестил семь человек взрослых и младенцев; среди младенцев была двойня: две здоровенькие девочки; из взрослых — одна протестантка, присоединенная чрез миропомазание. — Служили Литургию мы с ним вдвоем и с диаконом Кугимия; прочие священники все по требам вне Токио; о. же Павел Сато болен легким параличом. Оказывается, что четыре священника, никак не менее, всегда должны быть при Соборе. Диаконов ныне двое, и мало; один сегодня, по просьбе из прихода, был на погребении вне Токио, другой если бы захворал случайно — служить было бы не с кем. Следует иметь троих диаконов при Соборе.

Много было посетителей после службы — отчасти из сегодняшних причастников, которых было человек сорок; но разговоры обычные — справки и пазидания. Между прочим, София Китагава рассказала о своем путешествии для сбора на сиротский приют — собрала ен 35 только.

27 ноября / 10 декабря 1900. Понедельник

По случаю основания нового церковного журнала «Сейкё-ёова» и перемен по редакции журнала «Уранисики» новый редактор сего последнего и вместе редактор «Сейкё-Симпо» Петр Исикава на днях просил меня сделать некоторые внушения пишущим в журналы, например, Исайе Мидзусима — чтобы избегал грубых вульгаризмов, неприличных духовному журналу, Василию Ямада — чтобы бросил свое самопроизвольное тощее издание и занялся исключительно (кроме своей катихизаторской обязанности) писаньем в «Уранисики», и подобное. Чтобы сделать это, я сказал Исикава пригласить всех пишущих ко мне на

завтрак сегодня в двенадцать часов. Сегодня и собрались. К несчастью, велел я Никанору, заказывая завтрак, поставить на стол две бутылки вермута. Когда сели за стол, Павел Ямада начал хлопать рюмку за рюмкой, так что почти один опорожнил ближайшую к нему бутылку. По мере охмеления он стал болтать и хохотать, так что путного разговора нельзя было вести. Когда я отвернулся, чтобы взять с другого стола вилки и ножи, Павел Ямада схватил к себе другую целую бутылку. Но я без церемоний велел переставить ее от него. Тем не менее, когда я, позванный к какому-то посетителю иностранцу, вышел на короткое время, и другая бутылка была наполовину опорожнена, вероятно, тем же Павлом Ямада. Хорошее заключение будет о нравах сего места увидевших Павла Ямада шатающимся и говорящим чепуху! Во всяком случае, сегодняшнее собрание, весьма благонамеренное и возвышенное по цели, потерпело полное фиаско из-за двух бутылок вермута. Из сего нравоучение: вперед, зовя японцев, в подобных случаях, на завтрак или обед, никогда не ставить на стол никакого вина. Да не будет забыто сие и да будет в точности исполнено!

Пантелеймон Секи, врач и добрый христианин в Татебаяси, просит отменить наложенный на катихизатора Тихона Сугияма штраф — «катихизатору-де нужно есть». Ответчено Апостольским словом: «Аще кто не хочет делати, ниже да яст» (2 Сол. 3, 10).

О. Игнатий Като описывает свою поездку по приходу: в Кумбецу крестил одну старушку, обращенную и наученную верс благочестивым Павлом Огава, в Сибецу крестил двоих, в Кусиро троих. Прислал и фотографию Церкви в Кусиро, то есть церковного здания с христианами пред ним. Хвалит очень усердие христиан сей Церкви; в пример приводит поступок Антипы Фудзивара: заметив, что у о. Игнатия нет часов — «священнику неудобно быть без часов», молвил Антипа и снял свои часы, чтобы подарить их о. Игнатию; как ни отказывался о. Игнатий, но должен был наконец принять подарок. Провожая его, христиане плакали.

28 ноября / 11 декабря 1900. Вторник

Из Хакодате Павел Нисимура и еще шесть с ним подписавшихся пишут: было общесобрание христиан для избрания членов церковного совета; выбрали семерых; за Павла Нисимура и дальнейших за ним трех было подано более сорока голосов за каждого. Потом следуют с значительно меньшими голосами Удзие и другие. Но Удзие из-за того, что на его долю выпало мало голосов, восстал против собрания, находя его, без всякой причины, неправильным. Пристал к священнику о. Петру Кано, чтобы он объявил новое собрание. О. Петр (должно быть по глупости, или безучастности) объявил. Собралось христиан очень мало, произведены

были новые выборы; естественно, очень малым числом голосов. Большинство христиан крайне возмущены всей этой безурядицей, и жалуются подписавшиеся от себя и прочих христиан на беспутство Удзие. С тех пор, как он крестился и вошел в Церковь, не перестает мутить Церковь. Он выжил о. Петра Ямагаки из Хакодате. Он всех всегда ссорил между собою и доселе продолжает смуту.— Я послал утверждение в качестве членом совета Павлу Нисимура и троим, избранным в первом собрании большинством голосов. Послал на имя о. Петра Кано, чтобы он объявил это христианам. Но так как это сделал я не по его, о. Петра, письму (он тоже, должно быть, по глупости или же безучастности не считает нужным писать мне о сем), то послал ему для прочтения письмо Нисимура и в частном письме к нему сказал, что если правильно написанное Павлом Нисимура об избрании, то пусть объявит прилагаемое мое распоряжение об утверждении избрания членом церковного совета.

О. Иов Мидзусима просит о принятии на службу Петра Такахаси. Написано ему — Петр Такахаси: 1) был очень ленивым катихизатором, 2) часто без спроса отлучался с места службы. Если он кается в этих своих проступках, то пусть напишет об этом ко мне, пусть даст твердое обещание не повторять их и пусть пришлет прошение прямо ко мне. Тогда и увижу, можно ли принять его.

29 ноября / 12 декабря 1900. Среда

С одного часу до пяти проработал на холоде в библиотеке, вписывая вновь переплетенные книги в каталог и нумеруя их. Призвав переплетчика Хрисанфа, велел ему принести переплетный русский шрифт, чтобы передать его другому переплетчику, так как Хрисанф по месяцам держит книги непереpletенными — я потерял всякое терпение с ним. Другой же переплетчик очень исправен, но русского шрифта у него нет.

Замечательных писем сегодня не было, кроме, разве, одного письма от каторжника-язычника из тюрьмы. Часто из тюрем пишут, но редко так умно и красноречиво, как сегодня: и описывает прелесть невинности, и оплакивает свое падение, и питает надежду на исправление и добрую жизнь впереди; в видах последнего просит христианских книг для руководства; оные с удовольствием к нему отправлены.

30 ноября / 13 декабря 1900. Четверг

Записать нечего. Письма не читаны; замечательных между ними нет (о замечательных или спешных мне говорится из канцелярии во всякое время дня, и даже ночи); незамечательных читать мне некому: секретарь Сергей Нумабе болен инфлюэнцей и лежит у себя дома, его помощник Давид Фудзисава готовит рассылку содержания служащим по провинциям,

что нелегко и требует немало времени и внимания. Сегодня он взял из банка 3200 ен на первую рассылку за первый и второй месяцы, то есть дальнейшую; ближайшей будет вторая — чрез дня четыре-пять. Миссия счастлива нынешними секретарями: оба — люди, которым можно доверить получить сумму вот такую, как ныне, и даже больше. Нумабе — сендайский дворянин, уже старик, служивший прежде катихизатором; Фудзисава — бывший небольшой князек, средних лет. Оба — обедневшие материально, но не душевно — сохранившие благородство чувств и мыслей, свойственных истинно благородным людям, почему и можно положиться на них. Не вдруг, конечно, я стал доверять им обращение с большими суммами, но тщательные и долгие наблюдения убедили меня в том, что безопасно можно доверяться им. Разумеется, происходящим из низкого сословия — хотя бы они были и христиане — я никогда не доверюсь так, как доверяюсь Нумабе и Фудзисава. Пример — Илья Чёго, вытщенный Миссией из грязи и обманывавший ее, и многие другие, по мелочам падающие Миссию. На дворян также нельзя скоро полагаться, потому что из них неблагородных душевно немногим меньше, чем из простолюдыя, а нужно многолетним опытом убедиться в их благонадежности.

1 / 14 декабря 1900. Пятница

О. Павел Морита описывает поездку по своим Церквам: самое приятное то, что катихизатор Игнатий Такаку, кажется, начинает быть порядочным катихизатором — о. Морита очень хвалит его проповедь, было несколько и к крещению приготовленных у него. Такаку кончил курс Семинарии, но и когда учился, если постарался, делался одним из первых; большею же частью ленился и паясничал. Вышедши на службу, до сих пор почти ничем не заявил себя. Ныне вот начинает заявляться. О. Морита очень радуется за него.

О. Василий Усуи также посетил свои Церкви и везде преподавал таинства покаяния и святого причастия; было и несколько крещений у катихизатора Мори в Касивакубо. Хвалит о. Василий усердие христиан в Сюзендзи и Катаока, но не хвалит леность катихизатора в Катаока Петра Ока. Где же и быть Петру Ока добрым проповедником! Душевно искалеченный мирянин, пожелавший найти успокоение в служении Церкви, но не отрешившийся вполне от мирских пристрастий.

2 / 15 декабря 1900. Суббота

О. Яков Такая посетил свои Церкви и преподавал таинства христианам; крестил несколько в Хитоёси (четырех) и Миязаки (двух).

Хвалит христиан в Оби и Хитоёси, не хвалит христиан в Миязаки за взаимные ссоры, ныне, впрочем, улаженные им. В Мияконодзей проповедь совсем бесплодна, «потому-де,— пишет о. Яков,— что народ слишком погружен в материализм»; но потому скорей, что Ходака очень плохой катихизатор.

Что христиане считают обязательным для себя делать, то делают не щадя денежных средств, как бы это ни было трудно им. Пример в письме о. Якова: бурей повредило церковный дом в Хитоёси; христиане, как их ни мало там, тотчас же нашли у себя более 50 ен на поправку его.

О. Сергей Судзуки извещает о посещении христиан в Какогава, Химедзи и Акаси; везде исповедал и приобщил; крещено только в Акаси двое. Пишет еще о крещении в Оосака четырех и присоединении из католичества одного. Церковь в Оосака, по-видимому, умирилась. Тимофей Ирино отправился в Вакаяма, а Якову Адаци оо. Оно и Судзуки отправили мое письмо об увольнении его со службы тотчас по прочтении его.

Во время всенощной камнем разбили стекло в окне Собора, чего давно уже не было. К счастью, ночной дворник Василий, во время службы охраняющий Собор, успел схватить одного из пяти шедших вместе и бросавших камни; попался на этот раз взрослый, которого можно принудить заплатить за разбитое; до сих пор попадались больше дети, ниже возраста для законных требований; кажется, попавшийся — приказчик из какой-то лавки; его сдали в полицию.

13 / 16 декабря 1900. Воскресенье

Утром, пред обедней, говорят мне, что «диакон Стефан Кугимия захворал». А другой диакон — и вместе проповедник в квартале Сибя — Яков Мацуда иногда не является к службе. Думал я, что придется о. Семену Юкава говорить на Литургии ектении вместо диакона, а мне читать Евангелие. К счастью, Мацуда явился служить. Но это подало мне мысль поставить еще диакона для Собора, чтобы не оставаться иногда без диакона на службе, что Собору совсем не было бы прилично. Просматривая список всех служащих Церкви в Токио, я остановился на катихизаторе в Асакуса, Петре Уцида: ему уже за тридцать лет, кончивший курс Семинарии, имеющий уже двоих детей, служивший доселе беспорочно, обладающий порядочным голосом. Велел о. Семену прийти ко мне после Литургии, переговорил с ним, как с духовником Петра Уцида и имеющим его у себя под рукою на службе; о. Семен не сказал ничего противного поставлению Уцида во диакона, кроме того, что он иногда груб в своих шутках. Потому сказал я о. Семену прислать ко мне Петра Уцида во вторник в два часа, сообщив ему конфиденциально, для чего он призывается, для того, чтобы дать время обдумать и решиться.

Первое, что требуется, — это твердое желание и решение служить Церкви всю жизнь — имеет ли он его? И прочее. О. Семен продиктует ему, что нужно обдумать, с призыванием Бога в помощь, прежде чем прийти ко мне. — Потом позвал я о. Павла Сато, ныне поправляющегося от паралича, спросить, не знает ли он какого-либо препятствия к поставлению Уцида во диакона для Собора. Он тоже не нашел ничего, а он духовник семинаристов и должен знать их хорошо. Больше спрашивать некого; выбора здесь не требуется, ибо ставится диакон для Кафедрального Собора. Итак, если со стороны самого Петра Уцида не найдется препятствий, то он и будет поставлен диаконом, с тем, конечно, чтобы продолжал по-прежнему состоять катихизатором в Асакуса.

Павел Соно письмом в две сажени отвечает на посланное ему увольнение со службы за то, что мать свою — христианку — похоронил по-буддийски. С самого начала заявляет, что принимает увольнение, как заслуженное им, но считает нужным объяснить. Объяснение разделяется на две части: первая состоит в описании, как он старался достать денег на погребение матери, но не мог, потому предоставил погребение собравшимся родным, которые объявили, что по-буддийски похоронят, приняв расходы на себя; если же по-христиански, то они ни сена не дадут на него. «В этой крайности, — пишет Соно, — я должен был согласиться на языческое погребение». Сказал и соврал. По его телеграмме о смерти матери ему тотчас же послано было телеграммой 15 ен. Во второй части оправдывается против взведения будто бы на него обвинения, что он проповедует ересь. Пред мною о. Кавано в этом не обвинял его. Но в этой части объяснения немало горьких истин против о. Кавано. В прошлом году Собором Павел Соно назначен был служить в Кумамото, но о. Петр Кавано переместил его в Янагава, так как «Кумамото-де родина Соно — он там дурно вел себя в язычестве — это будет воспрепятствовать успехам его проповеди». Отчасти, может быть, и правда; но это до того озлобило Соно, что он в душе сделался врагом о. Петра; и целый год Соно ровно ничего не делал в Янагава, а только гулял и читал буддийские книги, как сам откровенно и несколько раз повторял это в письме. Тут же описывает, какой о. Петр плохой священник; о проповеди несколько не заботится; служит по праздникам или слишком поздно, или слишком рано; на богослужения собираются всего два-три христианина, а иногда ни одного, кроме кого-нибудь из его собственной семьи; главная страсть его — рыбная ловля и возделывание огородных овощей; для той и другого забрасывается всякое церковное дело; в семье бьет жену. Повторяет Соно несколько раз: «спросите всех служивших здесь катихизаторами — все скажут то же». Обвинение о. Петром его в ереси вышло от того, что он, читая от нечего делать буддийские книги, говорил иногда с христианами, что вычитал в них, но без тени какого-либо притязания на распространение буддийских мыслей, а просто в разговоре, и

притом с людьми, знающими христианское учение твердо,— не с такими, которые бы могли смутиться.

Заключает Соно положительным утверждением, что, пока о. Кавано священником в Янагава, успеха проповеди там не будет, и Церковь будет такою же мизерною, какова она ныне.— Правда. Но где же тот, кого бы поставить вместо Кавано?..

Отвечено Павлу Соно, что письмо его прочтено и что если он еще желает служить Церкви, то пусть поручит сестру с детьми родным, а сам едет сюда для службы где-либо вдали от Кумамото, где он скомпрометировал себя,— сестре он может помогать отовсюду. В нем есть добрые черты, которыми можно воспользоваться для Церкви.

О. Феодор Мидзуно вернулся из своих Церквей в Симооса. Везде исповедал и приобщил христиан. Крестил двадцать восемь человек. Проповедь у катихизаторов Узава, Канасуги и Масуда идет оживленно; только у Хираяма плохо — за то же он всего «ходзё».

Вчера вечером разбившего стекло в Соборе полиция прислала с извинениями и велела ему вставить стекло вместо разбитого им.

[Пропуск в оригинале]

Не знаю, что делать с о. Сергием Судзуки. Видимо, плохой он священник и даже плохой человек. Недаром год за годом христиане Оосака, хоть не все, настаивали на взятии его от них; я все думал, что неопытен, мало-помалу сделается мудрым. Но на навозной куче, знать, только поганки растут. Черного кобеля не вымоешь добела. Церковью править, видимо, не по его душевным средствам. Знать, придется его взять сюда, к Собору.

5 / 18 декабря 1900. Вторник

Катихизатор из Асакуса Петр Уцида был в два часа; сказал, что имеет решительное намерение и желание служить Церкви всю жизнь, что никаких препятствий к исполнению своего желания не предвидит, и прочее, почему выслушал от меня предложение быть при Соборе диаконом и принял его. В следующее воскресенье назначено его рукоположение. Прибавил ему содержание 4 ены (будет получать отныне от Миссии 18 и 2 имеет от христиан Асакуса, всего 20 ен в месяц) и дал на подрясок 15 ен. У него уже трое детей (не двое, как прежде записано).

Катихизатор Савва Ямазаки, из Наканиеда, описывает посещение Церкви о. Петром Сагава; больше шестидесяти было исповедников и причастников. Особенным усердием отличаются всегда в этой Церкви церковные старшины Василий Канно и Моисей Теразава. Письмо такое хорошее, что послано для напечатания в «Сейкёо-Симпо».

Инна Яги, жена катихизатора Авраама, на письмо от меня вернуться к мужу, вновь отвечает решительным отказом и требованием развода, не указывая решительно никаких причин к тому.

Илья Яци, катихизатор в Исиномаки, неугомонно, вот уж третий раз, просит помощи в 19 ен на какие-то свои расходы (должно быть, по путешествию на родину, в Оою). Нечего делать, послал сегодня 12 ен в дополнение к 7, посланным прежде с советом просить остальное у своих христиан — бесплодным советом.

Моисей Мипато, с острова Сикотана, пишет, что скоропостижно умер там один мужчина, но было рождение одной девочки, которую крестить настоятельно упросили его, не дожидаясь священника, так что христиан-курильцев, по-прежнему, остается шестьдесят один, но из них только двадцать три мужского пола, остальные тридцать восемь — женского. Моисей сетует на это неравенство, не представляющее виды на благосостояние Сикотанской Церкви. Пишет еще, что бонза, посланный туда обращать наших христиан в буддизм, среди бесплодного прожизвания там захворал и лежит теперь опасно больной.

6 / 19 декабря 1900. Среда.

Тезоименитство нашего Государя

Утром написал бумагу в «Городское управление города Кёото» о том, что «земля под храм там приобретена и храм строится на пожертвования иностранных христиан, что земля и храм будут собственностью Православной Церкви в Кёото, что о. Мии, поставленный указом Епископа там, — распорядитель на церковной земле и по постройке храма и прочих зданий и представитель Церкви пред местными властями; он ручается за средства для содержания храма и за уплату всех законных налогов на церковную землю и здания, но за него, в свою очередь, ручается Епископ, по Вселенскому Церковному Закону — главный распорядитель как церковных дел, так и церковного имущества (Апостольское правило 41)».

Послано это свидетельство о. Семену Мии по его просьбе: до сих пор не разрешают ему постройку храма, находя неясненным, кто владелец места и храма, хотя, по-видимому, он отписывался очень ясными бумагами на запросы ему местных властей.

Постройка храма, впрочем, давно начата, и вот еще какие бывают казусы: под основание храма предположено было вырыть канавы в два фута глубины, но пришлось рыть до семи футов: натуральный грунт был скрыт для каких-то потребностей инде, и яма наполнена мусором, который даже не слезался порядочно, представляя рыхлую почву, негодную для фундамента. Из сегодняшнего письма отца Мии явствует сие. Хорошо, что архитектор, по-видимому, добросовестный человек. Им приставлены к постройкам два надзирателя, которые, по свидетельству о. Мии, весьма

ревностно исполняют свое дело. Кроме приготовления места под храм, два дома уже перенесены и установлены на назначенных им местах.

В десять часов двадцать минут отправился в Посольство. Застал начало Литургии. После нее — молебен о здравии Государя Императора и Великих Князей, сегодняшних именинников. После — завтрак у посланника. Вечером обычное занятие переводом; ныне идет исправление перевода Псалтири; сегодня исправляли 31 и 32 псалмы. Поражает величие этой боговдохновенной книги. Только по тщательном изучении и вникновении можно оценить ее.

7 / 20 декабря 1900. Четверг

Утром — на экзамене в Катихизаторской школе по Догматике; в старшем курсе три ученика, в младшем — шесть; отвечали поряточно. В Семинарии на пятом курсе по Церковной Истории — отвечали очень хорошо; осталось всего одиннадцать учеников, но все способные и надежные. Говорил им, по окончании испытания, чтобы «дружно держались между собою и постарались все окончить курс, имея пред глазами одну цель — распространение Христовой веры в своем отечестве; их должно ободрить положение Православной Церкви в Японии среди других Церквей: всех удивляет то, что у нее нет иностранных миссионеров, а она идет вперед победоносно, не боясь никого, — почему? Потому что проповедники — носители чистой и полной истины Христовой, у них нет опасных мест, или ран, как у католиков и протестантов; католик-миссионер боится православного проповедника, и если сей направляется туда, где есть католические христиане, тотчас посылается туда к католическому проповеднику экстренная помощь (как признаются сами они). Для православного веропрповедника нигде нет никакой опасности — ему царский путь. И вот этот путь перед вами. Постарайтесь же все вступить на него. Воспитывайте в душе идеалы, как подобает юношам».

Из Хакодате о. Петр Кано пишет, что объявил утверждение мною, в качестве церковных старшин (гию) четверых, которым на цер-

[Пропуск в оригинале]

Послано письмо о. архимандриту Иннокентию, начальнику Пекинской Духовной Миссии, сочувственное к его и паствы его несчастьям от боксеров, и предложил послать ему церковные вещи или книги, в каких он нуждается и какие мы можем.

13 / 26 декабря 1900. Среда

Утром — на экзамене в Катихизаторской школе, чем и закончились экзамены мужских школ.

Стефан Мацуока, из Фукуока, пишет, что «Павел Соно, живя там катихизатором, наделал долгов». Ну, с этим Миссия не имеет никакого дела! Стало быть — платить долги за катихизаторов, так не долго бы и быть Миссии — ее самое продали бы с аукциона за долги. «Конфузно Церкви, что ее катихизаторы таковы!» Так что ж делать, коли лучших людей нет? Конечно, Церковь не послала бы человека катихизатором, если бы знала, что он станет порочить ее, но где же знать это наперед? Дрянь идет в наши школы. Совсем бы не брать их, так совсем не было бы служащих Церкви. Теперь хоть половина из этой дряни, по выходе из школ, кое-как делает дело; остальная половина если расплывается, как навоз в весеннее половодье, то что с этим поделаешь! Знать, тому и должно быть по природе вещей, но наперед все же этого не угадаешь.

Э-эх! Жду миссионеров из России — нет! Жду хороших людей в школы — нет! Но все же дело Божие подвигается. Из ничего творящий Бог творит сие. И печалиться не подобает.

14 / 27 декабря 1900. Четверг

Был в Иокохаме по делам — в банках, в Консульстве — о ящиках с книгами, идущих сюда, в лавках — купить письменные материалы.

Вернувшись, читал церковные письма, из которых замечательное — из Каннари, катихизатора Павла Оокава: трогательно описывает кончину бывшей некоторое время ученицею Женской школы, тринадцатилетней девушки Судзуки, дочери местного христианина. По болезни она вернулась из школы, еще не успев здесь принять крещение. Но приближаясь к смерти, возгорелась желанием непременно принять крещение. Пока извещали о. Иова Мидзуяма о сем, и пока он прибыл, она впала в бессознательное состояние и находилась в нем несколько дней, но тотчас очнулась, когда ей сказали, что прибыл о. Иов окрестить ее; с молитвою приняла святыя таинства, очень убеждала свою мать, еще язычницу, непременно уверовать и креститься, взяла с нее обещание, что она сделает это, и мирно скончалась. На похороны Елены Судзуки собралось человек двести — христиан и язычников, и торжественно проводили ее на кладбище. Но там бонза — по закрытии ее уже — завязал спор с отцом погребенной и катихизатором Павлом Оокава и разговор, что, мол, только из снисхождения допустили христианку похоронить на буддийском кладбище; кончилось все, впрочем, мирно; бонза в заключение сказал, что не будет и вперед мешать погребению христиан на заведующем им кладбище.— Письмо послано в Женскую школу для прочтения всеми и напечатания в «Уранисики».

Был сборщик пожертвований на Сиротский приют в городе Оокаяма. Двенадцать лет этому приюту с основания его; основал сострадательный к несчастью ближних врач по фамилии Исии, протестант секты

конгрегационалистов. Начал с принятия на свое попечение двух малых детей вдовы, приведшей их к нему; теперь в приюте до трехсот сирот мужского и женского пола, и приют этот уже известен на всю Японию. Дети все делаются протестантами, так как учит их вере и молитве один из протестантских миссионеров в Окаяма. Я подписал 5 ен в год.

15 / 28 декабря 1900. Пятница

Вчера и сегодня исповедались учащиеся. Часов в десять утра, когда я писал письма в Россию, вдруг о. Роман Циба входит ко мне в епитрахиле и тащит за собою ученика четвертого курса Семинарии, Захарию Циба, которого пред тем исповедал в Крестовой: «Вот, убедите его в том, что исповедь пред священником необходима для прощения грехов, что сам человек прощать их себе не может». — Сказал и, оставив мне ученика, ушел. После недолгого убеждения Циба согласился в необходимости исповеди и ушел докончить свою исповедь о. Роману. Этот Циба один из двух, недавно убежавших из школы; товарищ его не вернулся, его отец привел обратно и упросил опять принять в школу. Но, кажется, лучше бы было не принимать; парень взрослый, знающий, конечно, все православное учение, и вот дурит, да еще, по-видимому, смущает и других. О. Роман после говорил, что немало сомневающихся в разных пунктах вероучения — и все из младших; из пятого курса ни одного нет такого.

О. Игнатий Мукояма, из Окаяма, пишет, что христиане Церкви в Сеноо настоятельно попросили у него катихизатора, и дал он им одного из окаямских — Василия Хираи; но жалуется, что «Хираи совсем теряет память, забывает о том, что было, или что нужно говорить». — Хираи, однако, всего пятьдесят четыре года; служить не поздно. Пусть! Что станешь делать, коли лучше нет!

Яков Ивата из Ханда пишет, что о. Матфей крестил у него двоих, из коих один — врач, и дивится благочестию другого врача — Павла Накамура, который, попрошенный в воспитанники, прибыл из Оказаки для того, чтобы сделаться оным не на словах, а на деле. — Павел Накамура, действительно, всегда был благочестивым христианином.

За всенощной были все учащиеся. Пели ученицы, так как их очередь была: они поют последнюю в месяце пятницу и субботу.

16 / 29 декабря 1900. Суббота

С половины восьмого часа — Литургия; по звону учащиеся и кое-кто из города собрались, выслушали Правило пред причащением, после чего, не прерываясь, Часы и Литургия. Служил о. Роман Циба. Пели ученицы на клиросе, и отлично пели; какую-то новую Херувимскую, доселе не слыханную, пропели.

В двенадцатом часу – чтение списков в Семинарии и Катихизаторском училище.

Перед всенощной пришли два епископальных миссионера, американцы, Rev. Henry Jefferys и Rev. Charles Sweet, оба расположенные к единению с Православной Церковью. Джефферис принес книжки, которые я давал ему читать. В чем-то «не согласен с Овербеком», заговорил было, но я, оторванный от счетов, сегодня продолжавшихся весь день, сказал, что, «не прочитавши это у Овербека, не могу с ним говорить об этом». Затем Джефферис развернул принесенный им номер американского религиозного журнала «The Living Church», «November 17, 1900», и показал статью о посвящении «Bishop Welfer's, Coadjutor'a к Bishop'у of Fond du Lac» и приложенную к ней картину bishops, участвовавших в церемонии посвящения. В этой картине под № 12 значится «The Rt. Rev. Tikhon, Russian Bishop of the Aleutian Island», и стоит нарисованный он сам в архиерейской мантии, с четками, в клобуке; а за ним иеромонах и священник, в крестах. В статье же говорится, что он следовал в процессии между другими bishops. В числе bishops был также старокатолик Козловский. Но при посвящении руки полагали только семь англиканских bishops, здесь же нарисованных, три из коих – сидя как главные. Меня немного передернула эта картина – к чему это Тихон в архиерейской мантии затесался сюда? – Джефферис стал просить, чтобы я снимок с этой картины приложил к «Сейкёо-Симпо», говоря, что дает 5 ен от себя на производство снимка, но я отказался, сказав, что «Сейкёо-Симпо» не иллюстрированный журнал, и что он, Джефферис, может, если желает, воспроизвести сию картину в своем епископальном журнальце. Потом стал говорить, что подобные действия и подобные картины все-таки ничего не значат в видах соединения Церквей. Между нами лежит пропасть, и пропасть сию не нам, а им наполнять, то есть принимать, что утеряно ими, исправлять, что извращено, – и так далее – горячо и долго говорил, особенно о Священном Предании. Rev. Sweet стал возражать, но тем, что он принимает все те догматы, которые мы принимаем. Я ему ответил, что если бы все епископальные христиане так думали и говорили, как он, тогда тотчас бы состоялось единение.

Конец беседы: я обещал написать к Преосвященному Тихону о Джефферисе, так как он на днях едет в Америку, в Китай его епископ не пустил. Прощаясь (перед отправлением на нашу всенощную в Собор), оба они стали на колена и просили благословить их, что я и сделал.

Джефферис возражал, между прочим, что его епископ McKim тоже очень желает единения, но – в видах успеха своего именно миссионерского дела в Японии. «Хорошо бы показать японцам, что мы заодно; для этого желательно, чтобы Bishop Nicolai участвовал в наших советах» – так, по словам Джеффериса, изъясняется McKim. Я сказал на это, что это едва ли может состояться, так как я без разрешения Святейшего

Синода не могу принять участие в их конференциях; Священный же Синод не разрешит без точного сведения, что за вопросы на конференциях... Словом, обойдутся без меня в своих видах на успехи.

Как ни стережешься, а без простуды в этот период времени не обойдешься: сильный насморк и головная боль.

17 / 30 декабря 1900. Воскресенье

За Литургией было человек пятьдесят причастников. Но вообще в Церкви было мало.

После службы, отведши диакона Якова Мацуда в алтаре в сторону, сделал ему, уже не в первый раз, строгий выговор, что он детей своих не водит в Церковь, как будто по-язычески их воспитывая; старшему мальчику у него одиннадцать лет, и никогда я не видел его при богослужении. Сегодня приобщались отроки — дети служащих Церкви, дети же Мацуда никогда не приобщаются. Он, как и прежде, сознает свою вину, но не говорит, что исправит ее. Не добившись от него сего, я строго приказал ему, в заключение, непременно приводить с собою детей в Церковь.— Едва ли, однако, он будет делать это. Вот тип наемника, исполняющего свою службу из-за куска хлеба. Другой диакон, в Коодзимаци, Павел Такахаси, еще хуже: вчера о. Алексей Савабе жаловался, что он не только ничего не делает для Церкви (кроме служения всенощной и Литургии в праздники), а вредит Церкви своими разными выходками и словами.— С какою осмотрительностью надо рукополагать! Оба эти диакона не мною избраны, а священниками, попросившими поставить их в помощь им. Поставил, но лучше бы не ставить.

Русские были. Генерал Вогак — проститься, чувствует себя выздоровевшим (после переутомления делами в Тяньцзине), и потому снова отправляется в Китай чрез Нагасаки и Порт-Артур.

Лейтенант Леонид Лаврович Козьянинов, командовавший одним из небольших военных наших судов в Китае. С пятого часа проговорили мы с ним до половины девятого. Как интересующемуся Японией, я ему рассказал кое-что из японской истории. Он, в свою очередь, поведал мне о делах китайских и особенно манчжурских, где он лично был свидетелем текущих событий. Благовещенского потопления китайцев и он очень не одобряет, и скорбит о сем позорном для России деле; действительно, казаки участвовали в потоплении и ограблении китайцев, по его словам.

18 / 31 декабря 1900. Понедельник

После полудня вдруг является о. Матфей Кагета, которому следовало бы быть в Сидзуока. Принимает благословение, молится на иконы и

сидится на пол; большого труда мне стоило посадить его на стул. Спрашиваю:

- Что приключилось с Вами?
- Потерял дароносицу со Святыми Дарами.
- Где и как?
- В субботу вечером ехал из Тоёхаси в Хамамацу. Выходя из вагона, забыл взять саквояж, в котором были священные предметы. После схватился, но поезд уже ушел. Саквояж нашли брошенным у станции: антиминс, крест и иконки в нем, а дароносицы нет. Я объявил и рассказал все на станции; обещали искать; кстати, там случился один чиновник из слушателей учения; но едва ли найдут.

О. Матфей смотрел совсем потерянным и убитым, спрашивал, что ему делать? Может ли он служить после этого священником? Я ободрил его. Конечно, проступок его — достойный сожаления, но происходит он не от злопамерения, а от небрежения. Пусть он молится о прощении ему вины поругания Святых Тайн, пусть даст твердый зарок вперед не иметь подобного проступка. Но вина его снимется с него таинством покаяния во время его обычной исповеди в июле у меня, когда он приходит сюда на Собор. И продолжать свое служение священника он может.

Велел я ризничему принести дароносицу с мешочком, который, вложивши дароносицу, надел на шею о. Матфею, и показав место хранения дароносицы во время путешествий непременно за пазухой, строго-на-строго заповедал ему вперед всегда так хранить Святые Дары в путешествиях и с миром отпустил его.

При простуде старался не выходить на холод, чтобы к завтра вполне поправиться. Зато извне двери почти не затворялись — все с расчетами, за деньгами. Все удовлетворены, долгов у Миссии нет, зато четыре тысячи взято из банка, и их нет!

19 декабря 1900 / 1 января 1901. Вторник.
Японский Новый Год

Вчера за всюнощной я не был, к глубокому моему прискорбию, — простуда не позволила. Служили о. Феодор Мидзуно и диакон Кугимия; пели причетники.

Сегодня Литургия с восьми часов, отслуженная оо. Симеоном Юкава и Феодором Мидзуно. На молебн и я выходил. Пели Литургию и молебн оба хора. Христиан из города было весьма мало. — Обычные поздравления потом певчих с «икутосимо», служащих Церкви. Был из русских Козьянинов, надоевший, наконец, ибо мешал мне общаться с поздравителями.

В два часа был о. Павел Савабе, еще больше надоевший своим вечным нытьем, что нет хороших христиан. «Нет, так постарайся по силам,

чтобы были», — твержу я ему всегда. Но где же стараться! Ничего не делать-то гораздо легче. — По ушествии сего нытенья я ушел в библиотеку, где и пробыл до сумерек. Надоели!

В девятом часу вечера был какой-то русский, спрашивал, где Консульство. Я сказал, что в Иокохаме, и раскланялся с ним.

20 декабря 1900 / 2 января 1901. Среда

О. Матфей Кагета извещает, что дароносица, похищенная из его саквояжа, нашлась — тоже брошенная у станции в Хамамацу; и Святые Дары в ней целы. Слава Богу!

До обеда с утра я занимался введением переплетенных книг в каталог в библиотеке; после обеда, с двух часов, отправился в город и побыл у Bishop'a Awdgu, оставил карточку, не застав его дома. Больше ни у кого не был. Скука таскаться с этими ни к чему не нужными визитами. И к Awdgu-то заехал затем, чтобы спросить, почему он приглашает к себе на 10-е число.

21 декабря 1900 / 3 января 1901. Четверг

Целый день почти совсем беспрепятственно читал русские духовные журналы, с последнею почтою пришедшие. Не мешает иногда чувствовать себя совершенно русским...

22 декабря 1900 / 4 января 1901. Пятница

С восьми были Царские Часы, кончившиеся к половине десятого часа. В Церкви, кроме учащих и трех протестантских миссионеров, никого не было. — Потом до полудня читал письма из Церквей и пришел в самое скверное расположение духа: точно по песчаной безводной пустыне ходил — нигде никакого успеха и ничего доброго по Церквам, хоть тоже и худого нет; везде точно замерло — никакого движения; священники пишут многолистные или длиннолистные послания, из терпения выводящие своей пустотой, катихизаторы болтают зря, или просят книг, от незнания, что написать больше. Служащие все обленились и опустили донельзя, оттого и успеха никакого; ибо кто не ленив, тот успевает; например, сегодня же Петр Ямада извещает о крещении у него пяти приготовленных им — у него одного только и нашлось это. Никогда, кажется, не было такого застоя в Церкви. Вот-те и начало нового столетия! Хорошо предзнаменование! Можно порадоваться — нечего сказать — да и в гроб лечь от этой радости.

Всенощную пели семинаристы и пропели бы хорошо, но к ним стал почему-то пришедший певец из Коодзимаци, Иван Накасима, и до того

портил пение, что я едва выдержал до конца службы; по окончании же, давши благословение всем, обратился на клирос и сделал строгий выговор Накасима, и запретил вперед допускать его в число поющих; он больше всего издавал звуки, почти не произносил слов, а ревел, раздирая слух безобразным своим голосом. Думал я, что пьян он, но не видно было этого; просто не благоговейный дурак; когда пел здесь, воздерживался, а в Коодзимацци распустился и привык к безобразничанью. Узнать доподлинно, как он там, и если что — то и совсем со службы выгнать можно.

23 декабря 1900 / 5 января 1901. Суббота

С шести часов Литургия. В числе поющих был и вчера выбранный Иван Накасима, несмотря на запрещение становиться здесь на клирос; зато пел так скромно, что почти и не слышно было его совсем.

Всю ночь и весь день — непрерывный дождь.

За всенощной, кроме школ, почти никого. Был еще Никанор Мураками, церковный старшина в Такасимидзу, лучший из тамошних христиан; являлся днем ко мне, говорил, что нарочно прибыл на праздник сюда.

Из иностранцев были: Rev. Jefferys и Mrs. Sweet. При такой ужасной погоде и такой дали, с Цукидзи, это был просто подвиг. Но они думали, что служба предрождественская — не зная, что числа праздничных дней передвинулись, по случаю нашего высокоса в 1900 году. Впрочем, Rev. Jefferys имел еще получить от меня рекомендательное письмо к Преосвященному Тихону в Америке, не зная то, что это письмо я к нему уже послал с его посланцем, приходившим уведомить, что Джефферис и мадам Свит собираются сюда в Церковь. После службы они зашли ко мне. Я надписал и послал Преосвященному Тихону чрез Джеффериса, взявшего любезно доставить «Альбом японских видов и обычаев» и «Соборные протоколы» наши нынешнего года. Джефферису же подарил «Альбом рисунков Владимировского в Киеве Собора», которым он очень восхищался в то время, как я справлял посылку Преосвященному Тихону.

24 декабря 1900 / 6 января 1901. Воскресенье

В девять часов Литургия — с причастниками было человек двадцать.

В три часа вечерня, по окончании которой — величание пред иконой Рождества Христова, то есть вышли — я в мантии, священники и диаконы в облачениях пред икону, певчие стали полукругом у иконы и пропели тропарь и кондак «Дева днесь», после чего все приложились к иконе.

В шесть часов повечерие и всенощная. Христиан из города мало.

Из провинциальных некоторых Церквей, да и от о. Вениамина из Нагасаки, пришли поздравления с праздником Рождества. Так-то внимательны к календарю! Да и календарю-то нашему пора бы перестать путаться и путать.

Что за убийственное расположение духа целый день — и все эти дни! Никогда, кажется, так пусто и холодно на душе не было. Что это? Устал ли я очень? Или устарел? Во всяком случае, дай Бог пройти этой вялости, апатии. Еще много дела впереди: не переведши богослужения, я не должен лечь в гроб; значит, лет на десять силы еще нужны, а там в — пишу червям.

*25 декабря 1900 / 7 января 1901. Понедельник.
Праздник Рождества Христова*

За Литургией, слава Богу, было много христиан; кроме боковых частей, Собор был полон, и именно христианами — язычников сегодня совсем не видать было. Из русских никого не было; из иностранцев был Rev. Jefferys с одним из своих американских миссионеров.

После Литургии обычное поздравление многих и пение певчих, при котором был и Jefferys со своим товарищем, бывшие также на чае, вместе с священнослужившими и другими. Джефферис молился в Соборе совсем как православный. Близок он к православию, но порог тем не менее не по силам ему перешагнуть — по всему это видно. Он лишь стрелка, качающаяся и влекомая к магниту, но в то же время крепко сидящая на своем стержне национальной гордости и предвзятых суеверий.

В два часа отправился с поздравлениями в Посольство. Посланник Извольский сказал, что отправил секретаря Андреева с поздравлением ко мне — сам же болен, не выезжает. Потом показал мне план переноса Церкви со второго этажа вниз, отдельным зданием. Жаль, что сие здание будет не на восток алтарем, а на задний двор; это — что не на восток — я и сказал как неудобство перенесения, но посланник возразил: «Где же тут, в домовый Церкви, соблюдать направление?» — Когда уж решено, и план, и смета составлены, то что ж и спорить! Все равно не переменишь. Заметил я еще, что коли переносить и ставить отдельным строением, то хорошо бы расширить, потому что теперешняя Церковь очень мала. Посланник возразил: «А средства где на это?» Стало быть, выйдет смешной каменный шалашик (нынешняя комнатка-церковь, совершенно в тех же размерах выведенная наружу). Боюсь, как бы будущий посланник не обратил его в баню, выведши Церковь еще куда-нибудь, как нынешняя комната-Церковь обратится в ванную, или в что-либо подобное. — Впрочем, вреда для Японской Церкви от всего этого не выйдет.

В шесть часов всенощная, пропетая двумя хорами довольно плохо, ибо многие певчие простудились, а все устали, так как пение рождественское весьма трудное, особенно при Литургии Василия Великого. Зато и слушать их было некому — в Церкви, кроме учащихся, был только один какой-то русский, уставивший подсвечники свечами, японских христиан из города — никого, должно быть, потому, что погода совсем испортилась — рубит холодный дождь.

Вот еще явление: разом в две провинциальные Церкви требования священников хоронить умерших; завтра для этого и отправятся оо. Симеон Юкава и Феодор Мидзуно; а свои христиане у них здесь останутся на время без обычного христославленья.— Больше священников нужно иметь при Соборе.

26 декабря 1900 / 8 января 1901. Вторник.

2-й день Праздника

С восьми часов Литургия, отслуженная о. Романом Циба при пении обоих хоров.

Были причастники — дети.— Причт и христиане из Коодзимацци делали обычное поздравление. Кроме четырехголосного хора, бедно пропевшего, по недостатку голосов, пели дети Воскресной школы, и так мило, что я заслушался их простодушного, задушевного мягкогоголосного пения.

Все утро до полудня портил своим приставаьем с возбужденными рассказами опять тронувшийся в уме, бывший когда-то катихизатором, теперь служащий в одной городской компании, Василий Мабуци. Финал его речей, терпеливо выслушанных мною с самого пребывания его в Катихизаторской школе, по сие время тот, что наступает Страшный Суд. Уверял я его, что до Страшного Суда еще далеко. По-видимому, успокоился и ушел, но вечером опять пришел в Церковь; в половине службы добивался видеться со мною, стоявшим в алтаре,— не допустили; по окончании заявился, что желает исповедаться, а завтра причаститься. Я сказал, что следовало об этом подумать постом, или же подождать следующего поста. По-видимому, принял это внушение, но хотел опять мучить меня нескончаемой сумасшедшей болтовней; я должен был на ключ затвориться от него.

Не одни японские христиане сходят с ума.— В два часа был Геденштром, хакодатский наш консул, и рассказал, между прочим, что католический епископ Берлиоз пишет ему, что сошли с ума у него один миссионер и одна монахиня-траппистка, и он принужден был отослать их в Европу.

**27 декабря 1900 / 9 января 1901. Среда.
3-й день Праздника**

С восьми часов Литургия, отслуженная, как и вчера, о. Циба с диаконом Кугимия, и петая хорами.

В полдень отправился в Иокохаму поздравить с Праздником консула и морского агента, и вместе по делам.

Три дня тому назад получены от «Постоянного Сотрудника Московских Ведомостей», Льва Александровича Тихомирова, два экземпляра брошюры его «Христианские задачи России и Дальний Восток», составляющей перепечатку только что напечатанных в Московских Ведомостях его передовых статей под тем же заглавием, и письмо, в котором он, между прочим, изъявляет желание завязать сношения с каким-либо православным японцем, знающим русский язык, и предложить ему «писать статьи об Японии в видах сближения православных обеих наций». — Я предложил это дело начальнику Семинарии Ивану Акимовичу Сенума — он согласился, так как Тихомиров обещает и плату за статьи. О сем нужно будет известить господина Тихомирова и вместе принести ему искреннейшую благодарность за участие к делу Японской Православной Миссии.

28 декабря 1900 / 10 января 1901. Четверг

До полудня перечитал накопившиеся письма и поздравления. Всего доселе поздравительных: телеграмм 20, писем 89, почтовых листков 106.

В четыре часа отправился к английскому епископу Awdry, по его приглашению «at home», смотреть и слушать «Christmas Bells» и «Japanese Top Spinning» (пускание волчка). После любезной встречи и чашки чая Bishop Awdry ввернул серьезное: «Я недавно в Мисаки встретил вашего христианина, и он приобщился у нас. — Вы ничего не имеете против этого?».

— Там у нас нет Церкви, и я не знаю, кто бы это был.

— Один столяр с семейством; лет тридцать тому назад крещенный Вами и с тех пор не выдавший Вашего священника.

— Жаль, что он никогда не извещал о себе, мы могли бы посылать к нему священника.

— Но он захотел приобщиться у нас — как Вы смотрите на это?

— Приобщился, ну и ладно; запретить я ему не мог.

— Этого только мне и нужно. Желательно, чтобы и Вы также приобщали наших.

Я лишь открыл рот отвечать, как помешали продолжению речи, потому что мы были в толпе. Впрочем, ответ мой ему известен — я несколько раз на подобное заявление епископалов излагал им свою мысль и

вместе мысль Православной Церкви.— Как они надоедают с этим своим приставаньем!

«Christmas Bells» — было перезванивание колокольчиков в руках десятка девиц и отроковиц, выстроившихся в шеренгу и потом грациозно переходивших одна на место другой, одну руку подавая взаимно, другую звеня в колокольчик; мелодичный звук колокольчиков был разных тонов, так что выходило нечто вроде музыки.

[*Пропуск в оригинале*]

...и открывается важность различия религий. Только Творец мира может сказать истину о том, как сотворен мир, а сами люди могут строить тысячи догадок о сем, и все будут сомнительны. Только Отец наш Небесный — Бог — может сказать нам, кто мы, зачем в мире, какая цель наша, а сами мы не можем знать сего, как не может знать даже Ваш сын, кто он, какого звания и подобное, если Вы не скажете ему...

Сасаки слушал с видимым интересом и сознался, что все это для него новое. Я дал ему наиболее простые догматические сочинения (за которые он пожелал непременно расплатиться) и приглашал его, по прочтении, прийти для дальнейших объяснений. Он каждый месяц приезжает в Токио для разных литературных справок в Университете и других местах; обещался в это время бывать и у меня. Ушел несколько растроганный, по-видимому,— просил мою карточку.

31 декабря 1900 / 13 января 1901. Воскресенье

Последняя мысль перед новым столетием и первая задача ему: как можно скорей перевести творения Святых Отцов Церкви. Сегодня об этом совещались с Петром Исикава, взявшим первый том нового перевода Святого Златоуста выдержек из «Слова о Девстве» в «Уранисики». Матфей Уеда у нас лучший переводчик; как только кончит он «Дневник о Иоанна Кронштадтского», ныне у него на руках, предложу ему взять на себя перевести Златоуста, по новому тексту, ныне издаваемому Петербургской Духовной Академией. Труд этот будет многолетний, но зато многополезный для Церкви и имеющий прожить не одно столетие. Чтобы Уеда охотней занимался, буду давать ему гонорар — по 100 ен за том (переплетенный в двух книгах), кроме его обычного жалованья. Дальше: Творения Святого Василия Великого, в новом переводе, ныне издаваемом Московской Духовной Академией, дам Исааку Кимура, тоже умному переводчику и порядочно напрактиковавшемуся, на тех же условиях. Потом другое — Савве Хорие, привыкшему переводить довольно понятно; дальше — как Господь вразумит и поможет. Но во всяком случае, Святые Отцы должны в возможно скором времени появиться на

японском; без них, как без руководственного Предания, и Священное Писание не будет понято, как должно, и церковная жизнь христиан не будет уяснена.

В двадцатом столетии Япония должна сделаться Православною Христианскою Страною. Священное Писание будет дано ей. Как понимать Священное Писание — безошибочно должно быть дано ей; как устроить христианскую жизнь своих сынов и дочерей тоже должно быть дано. Господь да устроит сие!

Слава Господу за все бывшее! Благослови, Господи, все грядущее!

XX век

1901-й год

1 / 14 января 1901. Понедельник

Серенький день с накрапывающим дождем встретил новое столетие.

В Церкви, несмотря на большой праздник Обрезания Господня и Памяти Святого Василия Великого, из города почти никого не было.— После службы — обычные поздравления с Новым Годом от священнослуживших и приглашение всех на чай. С поздравлением пришли также Павел Накаи, Алексей Оогое и Яков Судзуки и принесли первую корректуру начатого отпечатания Нового Завета, нашего с Накаем перевода. Корректурa порадовала: китайские знаки и японская катакана — ясные; новоотлитые по нашему заказу двойные буквы отлично вышли. Оогое и Судзуки будут держать все корректуры до последней, когда они найдут, что уже нет ни одной ошибки, то будут приносить нам с Накаи'ем; после нашей корректуры будет окончательно отпечатываться.

С двух часов поздравления русских: полковника Ванновского, посланника Александра Петровича Извольского с супругой и прочие; также японцев: молодого графа Соссима, Марии Кису, принесшей в подарок кусок шелковой белой материи, который я, сказал ей, употреблю на подрясник.

Между означенными поздравлениями приходили письма: от о. архимандрита Иннокентия, из Шанхая,— странное: обиделся, что из Петербурга спросили, нужна ли Миссия в Китае? — Да не его, а посланника, почему он бросил Тянь-цзин и ушел в Шанхай; от Сергия Александровича Рачинского, из России, что он 200 рублей моей пенсии определил на Жиглицкую школу в Егорьевском приходе; от матери Аполлонии, настоятельницы Пятигорского Богородицкого монастыря,— описание монастыря и разных невзгод.

В восемь часов вечера был христианин из Токонабе. Два дома там только, и есть христианские; но очень усердные. Сей — Иоанн — вынул 5 ен и просил икону Спасителя для своего дома (икону Богоматери получил после крещения); она будет послана ему в киоте. Просил еще икону Благовещения для молитвенной комнаты — «Церковь-де наша названа Благовещенской»; будет послана и она.

2 / 15 января 1901. Вторник

В школах начались обычные занятия. Мы с Накаем сели за исправление перевода Псалтири, с 34 псалма. Вечером читали и корректуру Нового Завета, но не так, как ожидали: на двенадцати листах нашли одиннадцать ошибок; значит, завтра нужно будет сделать выговор Якову Судзуки, что плохо корректирует.

После обеда перечитал много церковных писем.— Тит Накасима из Ициносеки пишет, что Церковь Иваи ныне совсем мирна; избраны восемь старшин и утверждены о. Борисом; в числе их тамошнего мутителя Сато не видно.— Роману Фукуи из Оцу пишет, что в Рождественское собрание христиане Василий Ендо и Иоанн Саймару, сын Андрея, произвели скандал: поносили его, Романа, словами «бакаяро» и подобными за то, что на погребение Иова Гундзи дано было от христиан в Оцу 3 ¹/₂ ены, а прежде того на погребение одного христианина ничего не дано.— Матфей Юкава из Накацу пишет, что на празднике у него было, кроме своих христиан, четверо католиков, по-видимому, желающих уйти из католичества, по примеру бывшего своего катихизатора, ныне православного христианина.— Илья Сато из Акита извещает, что в Рождественское молитвенное собрание у него было восемнадцать христиан; для Акита и это очень хорошо.— Прочие письма еще того малосодержательнее: или просительные — прислать книгу, как из двух тюрем, или просто поздравительные.

3 / 16 января. 1901. Среда

Павел Сакума, катихизатор в Аннака и Тосино, является и говорит, что он подал священнику своему, о. Павлу Морита, прошение об отставке и снялся с своего стана совсем, чтобы туда не возвращаться, — «не может выносить холода и местных ветров, постоянно должен лечиться. Но в месте с более благоприятным климатом желал бы продолжать катихизаторскую деятельность». — Совсем плохой он катихизатор, нигде до сих пор не имел плодов своей службы. Но все же он недостойн числиться в составе наших плохих катихизаторов. Потому предложил я ему службу в Тоокайдо, и именно в Токонабе, если только о. Матфей не против будет. Согласился он, потому написано к о. Матфею Кагета, что

вот «есть катихизатор, желающий служить в его местности, а в Токонабе катихизатор желателен, по заявлению недавно бывшего здесь христианина оттуда, Иоанна Хиби; потому, желает ли он, чтобы Павел Сакума был отправлен туда?»

4 / 17 января 1901. Четверг

Из глубины Японии язычник один пишет: «Мне советуют принять христианство, я хочу сначала понять его, и потому прошу ответить на следующие вопросы. 1) Я слышал о Троице — что такое она? 2) Говорят, что ваша вера — чисто политическое дело — правда ли? 3) Если Христос знал, что Иуда дурной человек, то зачем принял его в ученики? Если не знал, значит, Христос — простой человек. 4) Говорят, что душа бессмертна, но как же доказать это?» И так далее — много еще подобных вопросов. В разрешение послано пять брошюр.

О. Игнатий Мукояма пишет: «Христианин в Хиросима Павел Сайто женился на христианке из Цуяма, но не сошлись характерами и хотят разойтись; жена даже и убежала уже в Цуяма; а Сайто жалуется на нее, что совсем глупа, не умеет управлять домом. Как быть?» Разумеется, всячески убеждать сойтись опять и жить согласно, нося тяготы друг друга. А не согласится на это, исключить из Церкви, как противящихся самой ясной заповеди Спасителя — обоим или ту сторону, которая упорно противится.

5 / 18 января. 1901. Пятница

О. Матфей Кагета просит прислать Павла Сакума в его распоряжение. Сомневается о. Матфей, выдержит ли долго Сакума в Токонабе — «едва ли найдутся там слушатели учения»; но если не окажется для него живого дела там, то о. Матфей поместит его в Мори.

В Циба умер катихизатор Григорий Камия. О. Феодор Мидзуно с диаконом Стефаном Кугимия погребли его. О. Феодор привез из Циба прошение тамошних немногих христиан — «дать туда катихизатора на место умершего». Но кого? О. Феодор предложил отставного катихизатора Никиту Сугамура, который просится опять на службу. Пусть. Я мало надеюсь на сего человека — слишком «ватамама-но хито». Но о. Федор ручается, что с этого времени Сугамура станет служить постоянно. Буду выдавать ежемесячно 10 ен о. Феодору для Сугамура — пусть служит частно, не от Церкви. Если до Собора будет иметь плоды своей службы, то о. Федор исходатайствует ему звание катихизатора.

Иосиф Исибаси, катихизатор в Сукагава, прислал письмо, что он увольняет себя от службы Церкви, то есть оказывается одним из мерзавцев, обманувших Церковь на цифру своего содержания и воспитания в

Семинарии чуть не с пеленок! Так-то вот! В Семинарию шлют или с монашескою целию — дарового образования, или таких полумертвецов, как Камия, который по выходе на службу непрерывно был болен, ни малейшей пользы Церкви не принес, а народил еще троих детей на попечение ее и ушел на тот свет. Бог, суди этих бесплодных потребителей церковных средств!

О. Петр Кано из Хакодате пишет, что на праздник Рождества Христова в Церкви было больше ста тридцати христиан, что четыре старосты у Церкви усердны, что домов пять есть еще немирных; впрочем, и из них в Церковь на праздник приходят. Хакодатская Церковь, значит, несколько успокоилась.

6 / 19 января 1901. Суббота.

Праздник Богоявления

До Литургии было крещение троих. Литургию и потом водоосвящение служили со мною оо. Роман Циба и Феодор Мидзуно. Христиан было довольно много, все после богослужения взяли святой воды в запасенные бутылки и другие сосуды. О. Роман окропил святою водою миссийские каменные дома и Семинарию, о. Феодор — Женскую школу. О. Павел Сато все еще отзывается своею болезнью — параличом, хотя в Церкви бывает и участвовать в служении, мне кажется, мог бы.

После полудня Петр Исикава прочитал мне переведенную им третью часть брошюры Тихомирова «Христианские задачи России и Дальний Восток» для помещения в ближайшем номере «Сейкёо-Симпо». Перевод брошюры войдет в три номера, и потом будет издан брошюрой на японском. Перевод слушал и другой наш журналист и писатель брошюр — Исайя Мидзусима. Я им дал, между прочим, для просмотра и статейку номера «The Japan Daily Mail» в «Monthly Summary of the Religious Press», где оба они расхвалены за свои писания. Выдержки из их писаний, а также из статьи Павла Ямада, заключаются словами: «the various essays are well written, and show that the Greek Church commands the services of a number of highly educated men». От протестанта это — значительная похвала.

Был с визитом у военного агента нашего Глеба Михайловича Ванновского в занятии им доме в Акасака, Аойчёо, № 3. Много говорил он о плохой дипломатии нашего посланника Извольского, который все хочет толковать с японцами о Манчжурии, тогда как японцам, по словам Ванновского, совсем дела нет до наших отношений к Манчжурии. Чтобы японцы не вмешивались в наши отношения к Манчжурии, Извольский хочет отдать им в полное их распоряжение Корею, что Ванновский находит совсем не резонным; тут о Корее и речи не должно быть. И мне кажется, что Ванновский прав.

На всенощной сегодня трудные крещенские ирмосы оба хора пели довольно исправно. — Какие-то иностранцы, должно быть, миссионеры, завлеченные пением, простояли всю всенощную.

Погода весь день была превосходная, что не мало способствовало доброму праздничному настроению.

7 / 20 января 1901. Воскресенье

После обеда чтение корректуры Нового Завета с Накаем, что заменило вечерний перевод.

Потом прочтение «Montly Summary of the Religious Press», где блядословится, между прочим, что «евреи не имели понятия о будущей жизни», что «Христос не учит о бессмертии души», и в «Церковных Ведомостях» речи Преосвященного Амвросия «О причинах чрезвычайного распространения пороков и преступлений в современном христианском мире» навело такое уныние, что хоть помирай! И лекарство против этого убийственного уныния одно: ждать смерти, чтобы уйти от мерзостей мирских.

8 / 21 января 1901. Понедельник

Написал письма: в Москву Льву Александровичу Тихомирову, в Шанхай о. архимандриту Иннокентию — и отправил ему просимые им китайские богослужебные книги, о. архимандриту Хрисанфу в Корею. Накай же послал в типографию наблюдать за отпечатанием первых двух листов Нового Завета, чтобы вышли без малейшей ошибки. Но Накай бесполезно просидел там целый день, ожидая, когда начнут наше отпечатание; надули его — «краска, мол, теперь не первый сорт», и печатали что-то постороннее; Накай же слабый, как самая слабая баба, не настоял, а молча просидел и потерял весь день.

От имени Кацура, бывшего военного министра, с его письмом приходили просить пожертвование на школу на Формозе и настояли, чтобы я подписал 100 ен, со взносом в продолжение пяти лет. Нечего делать!

9 / 22 января 1901. Вторник

В Иокохаму на рейд прибыли три русские военные судна: «Россия», «Сысой Великий» и «Петропавловск» — морские громады, добрые представители силы России. С них первый прибыл ко мне архимандрит Михай, «Настоятель Волоколамского Иосифова монастыря, Московской губернии», как значится на его карточке. Он — бывший капитан 2-го ранга Алексеев, двенадцать лет тому назад посещавший Миссию с военного судна на Иокохамском рейде «Корейца», поступивший потом

в монахи, учившийся в Московской Духовной Академии, служивший затем Синодальным ризничим в Москве, вызванный на череду служения в Петербург с нынешнего своего настоятельского места, и по желанию Великой Княгини, заведующей Красным Крестом, отправившийся в Китайские воды на пароходе Красного Креста «Царица»; сюда же из Порт-Артура прибывший на «России» из любопытства видеть нынешнюю Японию и, по его словам, Миссию. Я предложил ему помещение на день-два, которые он намерен провести в Токио, на втором этаже в бывшей квартире о. Сергия, его инспектора в Московской Академии. О. Михай пользуется особенным благорасположением о. Иоанна Кронштадтского, который когда-то чудесно исцелил его от ушиба на военном судне, готовимом в поход. Господин Алексеев, тогда старший офицер этого судна, вечером упал с палубы его вниз, наткнулся на железный крюк и разорвал щеку с повреждением во рту и ушиб очень правую руку. О. Иоанн, которого он постарался видеть наутро после сего, пригласил его в алтарь; после приобщения Святых Даров тою рукою, которая только что держала потир, прикоснулся к ране и погладил ее — опухоль мгновенно опала, и раны как не бывало, только на внутренней стороне щеки остался шрам, который Алексеев, ныне о. Михай, давал мне ощупать еще в бытность здесь двенадцать лет тому назад. Ныне весьма приятно было послушать его об о. Иоанне, о котором он говорит так же восторженно, как тогда, и который, по его словам, и мне прислал поклон; также вспомнить с ним общих знакомых в России.

В четвертом часу посетили Миссию: адмирал Николай Иларионович Скрыдлов, мой земляк, капитаны пришедших судов и несколько офицеров.

Вечером мы с Накаем корректировали третий лист Нового Завета.

10 / 23 января 1901. Среда

Стефан Тадзима, служивший когда-то катихизатором, опять просится на службу. Живет он в Хацивоодзи, в приходе о. Алексея Савабе. О. Алексей говорит, что поведение его все время безукоризненно, но месяцев пять тому назад он женился на язычнице и по-язычески, то есть без церковного благословения. Это служит значительным препятствием к принятию его на службу. Поэтому написано ему, чтобы поскорей обратил свою жену в христианство и освятил сожитие с ней таинством брака; после чего пусть служит частно, без открытого принятия в число катихизаторов, до тех пор, пока даст своею заслугою повод священнику просить на Соборе о зачислении его в состав катихизаторов. Если исполнит это — ладно. Он был порядочным катихизатором и долго служил; учение, вероятно, не забыл, и нет нужды ему поступать в Катихизаторскую школу для повторения Догматики. Оставил тогда службу не по

предосудительным причинам, что не заградило ему возвращения на прежний путь.

11 / 24 января 1901. Четверг

К полудню посетили меня священно-иеромонахи с судов: «России» — о. Авраамий, «Петропавловска» — о. Нафанаил, иеромонах из Обители Святого Нила Столобенского, «Сысоя Великого» — о. Ювеналий. Мы с ними позавтракали, после чего, простившись с ними, я поехал к английскому епископу Awdry выразить ему соболезнование по поводу полученного известия о кончине Королевы Виктории; застал супругу, а он отправился к своему министру совещаться, когда назначить богослужение в память Королевы.

В сумерках уже посетили Миссию несколько докторов и сестер милосердия, служивших на пароходе Красного Креста «Царица» и ныне отправляющихся в Россию, также несколько офицеров с броненосца «Сысой Великий».

О. архимандрит Михей, гостивший здесь, отправился с поездом в 12.30 Р. М. в Кёото, где встретит его, чтобы показать ему замечательное в Кёото, о. Симеон Мии, которого я предупредил письмом.

Матфей Мацунага, катихизатор в Хамамацу, Кега и пр., прислал одного христианина из Кега с письмом, в котором говорится, что брат старший сего, еще язычник, предан страсти картежной игры до того, что отец, после тщетных многолетних усилий исправить его, прогнал его из дома (кандоосита). Просит Мацунага взять его на какую-нибудь службу в Миссии и исправить.— После разных совещаний решили мы сделать его слугой в канцелярии; днем будет он в комнате служителей, ночевать будет под присмотром одного ученика Катихизаторской школы, бывшего бонзы, человека очень благочестивого, живущего ныне в отдельной комнате по причине нездоровья; он же будет обучать вере его; кроме того, для религиозного научения будет он ходить к о. Павлу Сато, который обещал учить. Исправляемый сей — человек тридцати пяти лет, имеющий жену и троих детей, не пьяница, но картежной страсти предан уже больше десяти лет; сам он очень желает освободиться от нее, почему охотно поступает сюда. Для канцелярии он совершенно не нужен, но больше решительно не к чему пристроить его.

12 / 25 января 1901. Пятница

Утром Павел Накай принес первый лист печатаемого Нового Завета, вчера вышедший из-под станка. Прочитали мы его, и — ни единой ошибки или опечатки; хорошо, если бы все до конца было так.

Три офицера с «Сыся Великого», вчера бывшие, сегодня опять посетили, спрашивали, нельзя ли им отдать в Миссию на воспитание трех китайских мальчиков, десяти и семи лет, взятых ими в Тянь-цзине, детей убитых «Большими кулаками» китайцев, неизвестно каких, быть может, христиан. Я сказал, что «можно», но воспитаны они будут японски, до окончания семилетнего курса, после чего они могут быть направлены своими приемными отцами в какие им угодно заведения специальные в России, причем им нужно будет только изучить русский язык, как изучают наши воспитанники, поступающие в Духовные Академии. На воспитание их здесь надо не больше 8–10 рублей в месяц на одного.— Показал офицерам Семинарию и Женскую школу. Неизвестно, решат ли офицеры с «Сыся Великого» отдать сюда на воспитание своих приемышей. Но вот хорошо бы было, если бы Господь воспитал в них будущих проповедников Евангелия в их Отечестве — Китае!

Дмитрий Константинович Львовский дал телеграмму из Кобе, что едет сюда с женою и детьми — тремя малышами — на пароходе «Лаос». Завтра поедет отсюда кто-либо из слуг встретить его в Иокохаме и по мочь добраться до приготовленной ему здесь квартиры.

13 / 26 января 1901. Суббота

Фокин, бывший и прежде у меня, является сегодня с девицей из Владивостока и просит перевенчать их. Фокина знал я за вдовца, похоронившего жену в Кобе. Девица представила свидетельство об окончании ею курса в Владивостокской гимназии; да к тому же расплакалась, когда я спросил о родителях, и оказалось, что отец ее умер. Жаль стало, и поторопился согласиём повенчать; сказал, однако, твердо и положительно, что повенчаны будут они не прежде, чем представят от консула документ, что с гражданской стороны нет препятствий к браку. Фокин заверил, что не только такой документ будет представлен, но и сам консул Васильев приедет из Иокохамы в Церковь; и настоятельно просил Фокин завтра же совершить бракосочетание. Непременно мне следовало настоять на том, что я прежде всего заявил, именно, что должно быть представлено разрешение из Владивостока на брак им. Законом это требовалось. Я не имею права венчать людей из другой епархии. Но раскис я от слез невесты. Да не будет никогда вперед этого незаконного подкупа чувства!

По уходе их я написал записку о. Сергию, чтобы завтра в четыре часа прийти в Собор для совершения таинства бракосочетания.

- Вслед за сим является ко мне Смысловский:
- Имею важное и секретное сообщить Вам.
 - Что такое?

— Фокин имеет жену и двух детей в Иркутске. Умершая у него в Кобе была не жена его, а обольщенная и увезенная им девушка, по школе товарка моей жены — почему мне это известно. Я служил на том же золотом прииске, где служил и Фокин, — мне обстоятельства его жизни все знакомы.

Вследствие такого важного заявления я решил повенчать Фокина только в том случае, если он представит мне заявление Преосвященного Евсевия Владивостокского, что никаких препятствий нет к повенчанию Фокина и что бракосочетание его здесь разрешается. Это и объявлено будет ему завтра, если он явится; но, вероятно, не явится, так как я сообщил конфиденциально консулу Васильеву, что Фокин может оказаться двоежнецом; едва ли Васильев решится дать документальное ручательство в том, что с гражданской стороны нет помехи браку.

Алексей-расходчик с утра отправился в Иокохаму встречать Львовского; в одиннадцатом часу вечера, наконец, Дмитрий Константинович с своей строгой и образцовой супругой Катериной Петровной и тремя детьми прибыли в Миссию. Никанор весь вечер готовил им трапезу, которую и стал угощать их, а я ушел, полюбовавшись, как Миша спит стоя, и подобное.

14 / 27 января 1901. Воскресенье

На Литургии было пол-Собора матросов и офицеров с крейсера «Россия». Свечей наставили столько, что на всех подсвечниках вокруг главного поставца было огненное кольцо, постепенно понижавшееся, — вот это по-православному! Даст Бог, мои японские христиане научатся мало-помалу подражать. И теперь уже японцы нередко ставят свечи, только все маленькие больше, не так, как сегодня наши матросики опоясали подсвечники длинными свечами.

С часу пополудни было открытие собрания православных университетов, которых оказалось на собрании всего четыре, и двое из приготовительной к Университету школы «Коотоогакко». Пригласили они на открытие священников (три было), учителей Семинарии — кандидатов (двое было и Исигаме), литераторов наших (были Исикава, Мидзусима, Ямада Василий и Петр). Студент Иоанн Накагава произнес длинную речь. Исая Мидзусима несколько поправил ее, изъяснивши, что Православная Церковь совсем уж не так бедна умами. О. Симеон Юкава хвятил: «Радуюсь, ибо ныне вижу, что Университет распустил цветы» (хана сакари)! Все было мизерно и отчасти комично; но, быть может, впереди что-нибудь и выйдет.

Иокохамский консул Васильев телеграфировал мне, что «выдать Фокину свидетельство, что он после смерти жены состоит вдовым, не может». Несмотря на это, Фокин с невестой явился в четвертом часу. На

заявление его, что требуемого мною документа он не привез, я сказал ему, что повенчан быть он не может, а на горячий его протест сказал, что «он к моей епархии не принадлежит, пусть отправляется в свою и там просит о чем хочет», а на дальнейшее его «позвольте» и порыв спорить встал и ушел из комнаты.

К о. Вениамину, в Нагасаки, послал предупреждение, чтобы он никого не венчал, не уверившись предварительно, что венчает законно.

15 / 28 января 1901. Понедельник

Пришли три ящика с книгами, пожертвованными в Миссию из Санкт-Петербургской Духовной Академии. С большой радостью я стал распаковывать их, но пришел в отчаяние, распаковавши. Такой мерзости я не ждал от своей родной Академии. Ни единой, решительно ни единой книги, о которой бы сказать: «А вот за это спасибо!» Почти все — старье, почти все негодное, и все в совокупности такое, что, если бы не позорно было пред японцами, сейчас отдал бы сжечь в кухне вместо дров. И как им не совестно слать сюда это! Избави, Боже, вперед попросить пожертвований подобного рода — так, как книг в наших Духовных Академиях!

Приходил Bishop Awdry поблагодарить за мой визит ему по поводу кончины Королевы Виктории, и вместе известить, когда у них мемориальная служба по сему поводу и пригласить на нее.

— У Вас свита? — спрашивает (сказавши, что служба будет 2 февраля нового стиля в Американской Епископальной Церкви на Цукидзи, по причине маловместимости английской Церкви в «Сибасакайчё», где живет Awdry).

— Я буду один.

— В облачении?

— Не в богослужебном, а в моем епископальном платье.

— Приготовить для Вас место на эстраде?

— Что же я там буду делать? Мне хотелось бы сидеть с простыми верующими; там я внутренне сотворю свою молитву за Королеву, которую душевно уважал.

Епископ Одрей видимо хотел моего соучастия с ними, двумя епископами (быть может, и другие соберутся, кроме американского McKim'a), в их богослужении в качестве Епископа Православной Греко-Российской Церкви. И его опечалил мой отказ; такое грустное у него лицо сделалось. Мне и самому стало очень грустно. Но что же я могу сделать? Не продавать же православие за любезность! Догмат у нас разный — как же бы мы стали молиться единодушно? У нас — молитва за умерших. У них — прославление умершего, что он уже в Царстве Небесном; в после — воскресном номере «Japan Mail» напечатаны в сокращениях все проповеди, произнесенные вчера, в воскресенье, в протестантских Церквях

по поводу кончины Королевы, и все — настоящий апофеоз ее добродетелей, а смиренной молитвы об упокоении ее — и тени, и намека нет. Где догмат, там нельзя ни на йоту уступать или мирволить — ни протестантам, ни католикам. Не следовало бы и Преосвященному Тихону в Америке являться в мантии на ординации епископального бисхопа, как он фигурирует ныне в рисунках по Америке.

Таинство священства — тоже догмат в Православной Церкви, а не простой обряд, каким признается ординация у епископалов, которому поэтому и не следовало публичное уважение и как бы закрепление его со стороны православного Епископа.

16 / 29 января 1901. Вторник

О. Симеон Мии, из Кёото, пишет: архитектор спрашивает, «какого веса будет колокол на колокольне в Кёото, чтобы сообразно с тем приспособление для него устроить?» Я об этом еще не думал. Посмотрим, не будет ли годен туда колокол, что лежит праздным в Тоносава, по снятии его с колокольни тамошней Церкви при разрушении ее по ветхости, — выписанный из России о. Владимиром для его воображаемого монастыря в Тоносава.

17 / 30 января 1901. Среда

Пользуясь тем, что сегодня японский гражданский праздник и перевода до полудня у нас не было, я съездил в Тоносава вымерить колокол. Оказалось: диаметр колокола внизу 5 футов, высота 4 фута 9 дюймов. Веса в нем 99 пудов 20 фунтов. Окно колокольни кёотской Церкви 4 фута шириной. Стало быть, об употреблении тоносавского колокола в Кёото нечего и думать, пусть он стоит там, где стоит, до времени. А для кёотской Церкви нужно заказать колокол в России, так, чтобы большой колокол внизу диаметром был 3 фута 8 дюймов, вес же всех колоколов для колокольни не более 100 пудов.

18 / 31 января 1901. Четверг

Утром получил письмо от [?] из Иокохамы, в котором изъясняет он: «Американская Церковь в Цукидзи слишком мала, чтобы поместить всех желающих присутствовать при мемориальной службе (Memorial service) в субботу, день погребения в Англии Королевы Виктории. Поэтому нельзя ли устроить сию службу в „Greek Cathedral (нашем Соборе)“, где могли бы участвовать все желающие. Я говорю это только от себя (заключает Loomis), но думаю, что Сэр Клод Макдональд (аглицкий посланник) был бы рад сему». Я тотчас же ответил, что «в субботу у нас

самих обычно совершается две службы, с некоторым приготовлением к ним. Это делает невозможной еще третью, и потому, к сожалению, я должен отказать».

Лумис и к епископальной Церкви не принадлежит. Если б попросил епископ Одрей, то можно было бы подумать, не дать ли. Мне кажется, я согласился бы дать Собор для поминальной службы такой исключительной важности, какова нынешняя. Но, конечно, с тем, чтобы алтарь открываем не был и по-протестантски Собор убираем не был, то есть скамеек не вносили бы, органа тоже, а пусть бы вошли в Собор, как он есть, и помолились по-своему. Царь Соломон молился, чтобы и «молитва иноплемеников в построенном им храме была услышана», — отчего же и в нашем храме не молиться иноплеменикам? Только едва ли они согласились бы не обезобразить наш Собор для своей молитвы... Боже, как тягостно, что мы не можем молиться вместе! А как иначе? Они вот хвалебные гимны воспевают своей Королеве, а нам хотелось бы молиться об отпущении ее грехов.

Акилу Нагано обещал я о. Павлу Морита заместо Сакума, а он ушел со службы — не хочет идти к о. Павлу. Впрочем, не жаль — такого лентяя поискать; ни на йоту не сделал что-либо для Церкви в продолжение двух лет; только продолжал учиться по-русски, чая уйти куда-нибудь в учителя русского языка, но и этого едва ли достигнет, так как, будучи от природы лентяем, за семь лет учебы в Семинарии и до сих пор русского языка не изучил настолько, чтобы простую книгу понимать. Тем не менее низость бросания церковной службы, для которой был воспитан, возмутительна и в нем, как во всяком другом. А сколько таких — о, Господи! И какое это адское мучение — видеть сплошь и рядом Церковь обманутою на сотни и тысячи рублей! Церковь-то безлична, виновен собственно я — в недосмотре, в непрозрении, в допущении обманывать себя. А как прозришь? Однако не было бы мучения, если бы не был виновен... Пощади, Господи, и помоги!

19 января / 1 февраля 1901. Пятница

Помеха занятиям выходит иногда, когда стоят на рейде в Иокохаме русские военные суда. Приходят знакомиться, большею частью просить переводчиков и провожатых для осмотра города. Очень рад приходящим, коли после полудня; до полудня же я точно часовой на своем посту — от занятия оторваться крайне не желательно, почему иногда приходится казаться невежливым. Переводчиков же где тут взять? Ученики по-русски говорить не могут. Так и сегодня утром — являются два офицера с «Петропавловска», один из них с женой; просят совета, что посмотреть в Токио; я написал им на бумажке все замечательное, рассказал их «дзинрикия», куда вести их, сходил с ними на колокольню, чтобы показать

общий вид города,— и затем поспешил оставить их, чтобы вернуться к переводу. В визите сегодняшних посетителей, впрочем, виноваты их «дзинрикия»; сами посетители не имели ни малейшего понятия о Миссии; некоторые вопросы их были до того смешны, что я долго не мог успокоиться от смеха, вернувшись к Накаю.— Странно в самом деле — иностранцы больше знают о нашей здесь Миссии, чем русские, поражающие иногда удивительным невежеством и безучастностью ко всему религиозному. Матросики наши поражают, напротив, своею религиозностью; в то время, как интеллигентные посетители смешили своими вопросами, здесь же случившиеся пришедшими на вид купола и креста над ним матросы с «России», шесть человек, подали записку родных помянуть за упокой и 5 ен 50 сен при ней; сумма это очень большая для них! Я сказал им, что завтра их родные будут помянуты на проскомидии и на панихиде, в воскресенье на проскомидии, а пред Великим Выходом и я выну частицы за них; благословил их также серебряными крестиками здешней поделки.

20 января / 2 февраля 1901. Суббота

В двадцать минут одиннадцатого часа — на поминальную службу (Memorial service) по Королеве Виктории, на Цукидзи, в Американский Епископальный Троицкий Собор, где была служба по тесноте помещения Английской Епископальной Церкви в «Сибя, Сакайчёо». Входящим в Собор раздавались отлично отпечатанные брошюры «A form of service to be used at Holy Trinity Cathedral, Tokio, on the Feast of the Purification of S. Mary the Virgin, February 2, 1901, being the day of the Funeral of Victoria, Queen of the United Kingdom of Great Britain and Ireland, and Empress of India. Born May 24, 1819, acceded to the Throne, June 20, 1837, died, January 22, 1901».

Любезно провели на место, где помещался дипломатический корпус и где на начальном месте одной из скамеек приколот был билетик с надписью «Monseigneur Nicolas». Прибыли трое японских Великих Князей с их супругами; при входе их все поднимались и стояли, пока они проходили к своим местам впереди всех. Вслед за тем все поднялись при входе священнослужащих, в предшествии высоководруженного креста, и пред епископом Awdry — его посоха, и при пении гимна, напечатанного первым в брошюре. Затем продолжалось пение дальнейшего. Пение большею частью — речитативное. Псалом 90-й (по нашему 89-й) пропет был особенно трогательно. Затем епископ, став у аналоя, прочитал 15-ю главу Первого Послания к Коринфянам с 20-го стиха до конца, причем все сидели. Гимн. Молитвы: «Lord, have mercy upon us...» и прочее. «Отче наш». Чтение составленных к случаю молитв — одной священиком, другой епископом, и после чего было благословение епископа;

опять пение гимна — бессловный «Dead March» на органе, который послушавши стоя, стали расходиться, чему начало положил министр Mac Donald, уведший японских Великих Князей.

Собор был переполнен блестящим обществом. Пение было трогательное. Грустно одно: ни слова не было молитвы за умершую. Мы молились за себя, поучали себя, старались растрогать себя, а до умершей нам не было никакого дела. Правда, упомянули ее дважды в чтимых молитвах, но только для того, чтобы поблагодарить за нее Бога, а не затем, чтобы вознести молитву об упокоении ее души. — Каким холодом дышит протестантская поминальная служба! Недаром одно только это отвергает столь многих людей от протестантства.

Катихизатор Илья Яци, из Исиномаки, пишет, что жена никак не хочет к нему вернуться — все требует развода; спрашивает Яци: «Что делать?» Написано: развода ей не давать, чтобы не быть виновным против заповеди Спасителя, а если она самовольно выйдет за другого, как пишет ему, то ее вина будет; Илья же может тогда жениться на другой.

Христиане города Бато до того были довольны своим катихизатором Павлом Сайто, что на прошлом Соборе просили, в награду за его труды по постройке Церкви у них, возвести его в диакона. Просьба их не была исполнена потому, что диаконство — не для награды, но вместо того, прибавлено было содержание Павлу Сайто. Ныне же поступило от одного христианина из Бато, Илии Ооуци, прошение взять Сайто из Бато, ибо он-де самый негодный человек: 1) ленив по службе до причинения большого ущерба Церкви; 2) недобросовестен: собирал деньги на общественную нужду и истратил их на себя; 3) сам подстроил прошение Собору о возведении его в диакона; 4) преступник против гражданского закона: помог одному христианину, Исайе Ооуци, скрыть его имущество, чтобы не обложено было повинностью. — Донос этот послан мною сейчас же о. Титу Комацу с наказом исследовать, правда ли все это; но исследовать негласно, чтобы не производить смуты в Церкви.

21 января / 3 февраля 1901. Воскресенье

В Церкви было гораздо больше русских матросов, чем японских христиан. И свечей же наставили! Всех и расставить не могли, места не хватило — оставшиеся будут поставлены при дальнейших богослужениях — так и матросикам объяснено. После Литургии многие из них пожелали отслужить молебен Спасителю. Я спросил:

— Есть ли между вами могущие петь молебен?

— Нет, — ответили.

— В таком случае и священник, и пение будут японские.

— Для нас это все равно, Господь Бог не положил различие в языке для молитвы.

Да наградит Господь Своею благодатию такое истинно православное суждение!

О. Роман с четырьмя поющими отслужил им молебен. Имена матросов, человек больше двадцати, я предварительно написал по-японски для о. Романа. По окончании ему надавали денег ен 5, которые он с иподиаконом Моисеем Кавамура прислал ко мне, так как доселе здесь нет обычая платить за молитву, а отдается на Церковь, если что получается. Я велел, однако, разделить полученное между служившими: третью часть отдать о. Роману, остальные две — четверем певцам.

22 января / 4 февраля 1901. Понедельник

Утром отправился в Иокохаму, по приглашению адмирала Скрыдлова, на завтрак на крейсер «Россия». Адмирал просил приехать одним поездом раньше всей публики, приглашенной на завтрак, чтобы благословить команду, что было бы неудобно, если бы прибыл с толпой, и все избранных и почетных гостей.

Прежде я отправлялся при подобных случаях в клубке из дома и был в нем все время до возвращения домой, но с бриллиантовым крестом на клубке не пристало трястись в дзинрикия — следовало бы коляску; но избави Бог от этой безумной роскоши! Потому, положивши клубок с крестом в жестяную коробку и надев шляпу, так отправился до консульского дома в Иокохаме, где, в комнате переводчика надев клубок и ордена, отправился пешком до пристани, где ждал катер.

На «России» встретил адмирал и провел около рядов выстроенной команды 900 человек, которую я и благословил. Спустя полчаса прибыли все гости Посольств: русское и французское, японские адмиралы Эномото и Ито и человек шесть другой японской знати, военные и морские агенты и прочие, и прочие — стол был человек на сто, кажется; множество тостов, большое оживление, производить которое адмирал Николай Илларионович великий мастер. После стола — игра офицеров на балалайках, во время которой, как она ни приятна для русского уха, я уехал, чтобы отдать визит капитанам и кают-компаниям «Петропавловска» и «Сысой Великого». Батюшка первого встретил меня на палубе в ризе с крестом, офицеры и команда были выстроены. Я обошел и благословил, но пожалел, что вчера сказал бывшему у меня о. Авраамии, с «России», что, отправляясь с «России» завтра, сделаю визит на «Петропавловск» и «Сысой Великий». Он, по возвращении на судно, передал это, и судам дан был сигнал приготовиться встретить; стало, быть я наделал людям беспокойства. Вперед быть скромнее; если делать визит — делать его молча, никого не тревожа. На «Сысой Великом» еще более было беспокойства. На палубе встретил старший офицер и несколько

офицеров; команда тоже была выстроена, и я прошел около нее и благословил, после чего старший офицер спрашивает:

— Быть может, угодно пройти в нашу Церковь? В таком случае команда спустится туда.

— С командой я уже виделся и благословил ее, а в Церкви вашей хотелось бы побыть, если это не затруднит Вас.

Старший офицер показал путь, и пришли в Церковь вполне собранную, освещенную, с батюшкой в облачении, с крестом, Царскими вратами открытыми, певчими, грянувшими входное «Достойно». Батюшка сказал ектению, я — возглас и отпуст, после чего батюшка еще возгласил многолетие. Я с крестом в руках сказал несколько слов назидания, после чего вся команда подошла под крест, а батюшка окропил святой водой. На этом судне между матросами есть несколько человек с георгиевскими крестами, полученными за дела с китайцами. Тут же — три маленькие китайца-сироты, подобранные в Тянь-цзине по смерти их родителей в пылу войны; одеты матросиками и прекомично крестятся, подходя под крест.

К восьми часам вечера я сыскался домой, несколько возгрев патристическое свое чувство.

23 января / 5 февраля 1901. Вторник

Вышел из печати и переплета труд Петра Исикава «Нихон — сейкёо — квай — дендооши [?]», два тома, всего 525 страниц, с рисунками и картой. Дал ему «орей» 25 ен, но он вернул 10 ен со словами «Слишком много, довольно 15-ти». Таких вот способных, трудолюбивых и бескорыстных людей побольше бы Японской Церкви!

Письма из Церквей незначительные: Иоанн Ямагуци, из Коофу, просит на болезнь жены, — послано 5 ен; Петр Ока, из Оонсо, просит 2 ¹/₂ ены квартирных, — отвечено, чтобы просил чрез своего священника, и подобное.

Умер Фуруказа, редактор «Дзидзи Симпоо», основатель училища в Мита, автор многого, отчасти полезного, ибо был ревнитель европейской цивилизации, отчасти вредного, ибо был проповедник европейского новейшего атеизма, который благодаря его бойкому перу внедрен во многие-многие души, до безвозвратной гибели их, вероятно.

24 января / 6 февраля 1901. Среда

Не одна болезнь, так другая; на днях сонный прикусил язык, и сегодня от боли почти совсем нельзя ни говорить, ни есть. Целый день переводил расписки.

От о. архимандрита Иннокентия письмо: просит икон для устроенной им в своем доме, в Шанхае, Церкви. Пишет, что хочет «нанять иностранца за 30–40 долларов давать уроки пения». Но кого же там учить, и для кого петь, коли с ним, как пишет, всего один двадцатилетний китаец-христианин?

25 января / 7 февраля 1901. Четверг

О. Петр Ямагаки пишет, что диакон Иоанн Сайкайси совсем при конце; спрашивает поэтому, как отправлять погребение, когда скончается. Ответчено, что по мирскому чину погребение, только одеть его должны в диаконское облачение, полагая в гроб.

26 января / 8 февраля 1901. Пятница

Катихизатор в Фукуока (на Киусиу), Стефан Мацуока, пишет, что нашел себе невесту и намерен пред постом повенчаться. Невеста уже христианка и, по словам Мацуока, усердная. Дай Бог! Послал ему 15 ен на свадьбу и образ Божией Матери в благословение. Отчасти совестно пред ним: советовал ему сватать одну из молодых учительниц Женской школы, но ни одна не пошла и на этот раз, как в запрошлом году; предубеждение поселилось против него в Женской школе благодаря секретарю Нумабе, почему-то невзлюбившему его. Да даст ему Господь счастья с выбранной им помимо Женской школы!

27 января / 9 февраля 1901. Суббота

Григорий Ито, бывший малое время катихизатором в Нагоя, потом несколько месяцев хворавший дома, явился ныне, и просит назначить его на службу в Симооса, на его родине, но чем? Школьным учителем в деревне по предметам общего образования деревенских ребят. Что за бессовестность! Недоставало, чтобы русские христиане жертвовали свои деньги еще и на наем школьных учителей в японские деревни! И об этом хлопочут, кроме Ито, за него о. Феодор Мидзуно и секретарь Давид Фудзисава; всех прогнал, выбравив за бессовестность и безучастность к интересам Церкви.

28 января / 10 февраля 1901. Воскресенье

За Литургией вместе с здешним военным агентом полковником Ванновским был «Военный агент в Берлине, Князь Павел Николаевич Енгальчев». Он был в свите графа Вальдерзее, главнокомандующего союзных

войск в Китае, и ныне возвращается в Европу к своему месту. К берлинскому о. протоиерею Алексею Петровичу Мальцеву я отправил с ним книжку наших соборных протоколов прошлого года. По желанию Князя, показал ему наши школы. Говорил он, между прочим:

– Синод издал странное распоряжение: не отпевать графа Льва Толстого, когда он умрет.

– Откуда Вы взяли это?

– Из американских газет.

– Но как же может знать Синод, что Толстой непременно умрет, не покаявшись? А если он умрет христианином, как же не отпевать его? Газетная утка эта — злонамеренная клевета на Синод, бьющая на возбуждение вящей симпатии к Толстому, в видах пропаганды его злостной ереси.— Было вот что: Петербургский Митрополит призвал петербургских благочинных и конфиденциально сказал им: «На случай смерти графа Толстого предупреждаю: без особого разрешения на то не служить панихиду». Распоряжение весьма благоразумное: если Толстой умрет непокаявшимся врагом православной христианской веры, то навязывать ему церковные молитвы было бы кощунством; Церкви остается только молча поручить его милосердию Божию, как и всех язычников и врагов Божиих...

Во втором часу отправился дать лекцию по Догматике, как обещано было, студентам Университета и приготовительной к Университету школы (Коотоогакко). Собрались здесь же, внизу, в редакции церковного журнала. И что за бедное собрание! Студентов всего трое: Накагава Иоанн, сын о. Катакура, Иосия Сато, сын о. Павла Сато, да еще один ученик «Коо-тоогакко»; всего четверо; в прошлое, первоначальное собрание, было еще двое, но уже изменили своему обещанию аккуратно приходить — таковы по аккуратности японцы вообще! Было еще человека четыре семинаристов, добровольцев слушать. Сказал я о том, «что такое догмат, и как он важен»; лекция продолжалась минут сорок; больше говорить было трудно, ибо язык еще болел, и голова разболелась. Дальше, вероятно, были энзэцу Исаяи Мидзусима и Павла Ямада, которые были налицо.

Был сын христианки из Накацу, сестры умершего атеиста Фукузава; принес от нее пожертвование на Церковь — 20 сен; сын этот тоже язычник, приезжал из Накацу на погребение деда; послал чрез него христианских брошюр его матери, истинно благочестивой, но бедно живущей семидесятидвухлетней старушки.

Была всенощная по случаю завтрашнего гражданского японского праздника, пропетая причетниками. После нее теперь семинаристы делают свой энзэцу-квай, на который для угощения себя собиралось по 10 сен, да у меня отвоевали 3 ены.

29 января / 11 февраля 1901. Понедельник.
Японский гражданский праздник: Кигенсецу

С восьми часов утра Литургия, отслуженная тремя иереями. На благодарственный молебен и я выходил.

Письмо к о. Иннокентию Китайскому, в ответ на его два, — с советом писать к Высокопреосвященному Антонию, Митрополиту Санкт-Петербургскому, чтобы писанья его в Синод не залеживались; в убеждение привел выдержку из письма ко мне о. Сергия Страгородского от 10 декабря 1899 года, советующего именно сие со слов самого Митрополита.

Вечером чтение с Накаем корректуры уже Евангелия от Луки.

30 января / 12 февраля 1901. Вторник

Илья Яци опять просит позволения дать развод жене, согласно ее желанию; глупое письмо, наполненное пустыми порицаниями жене и гневливостью. Отвечено, что коли даст развод, то не только перестанет быть катихизатором, но и христианином, ибо нарушит прямую Заповедь Спасителя; если же он так уверен, что жена хочет уйти к кому-то другому, то пусть оправдается его уверенность, тогда он получит свободу от нее по ее вине.

О. Павел Косуги вечно клянчит на болезнь жены. Ныне просит, чтобы ей дозволено было, для перемены места, поселиться в церковном доме в Тоносава, да чтобы Миссия и содержала ее там, питая яйцами и молоком. Выдумал! Отвечено, что дом в Тоносава нужен для больных учеников. На жену же послано 10 ен — пусть на эти средства отправляет ее, куда хочет, но больше не просит.

О. Игнатий Мукояма пишет, что никак не может убедить христианина Павла Мацумото и его жену сойтись опять и жить вместе. Муж бы и не прочь, да жена не идет — боится его; он очень строг, она — слаба, и разошлись, а младенец страдает на руках отца, без молока матери, ушедшей в Цуяма к родителям. Просит о. Игнатий меня написать им увещание. Напишу.

31 января / 17 февраля 1901. Среда

О. Алексей Савабе приходит сообщить, что Петр Маэно, из служащих у него катихизаторов, уходит с церковной службы. Этот был когда-то до того дурным по поведению, что отец прогнал его из дома (кандоосита); поступил по убеждению какого-то христианина в Катихизаторскую школу, исправился, хорошо учился и сделался проповедником. Но вот, потому что сделался годным на дело, мир и отбирает его себе, — уходит, чтобы зарабатывать больше денег, чем сколько дает церковная служба.—

Лишь только вышел от меня о. Савабе, приходит смотритель Семинарии Иван Акимович Сенума и сообщает, что трое семинаристов бежали из школы — в светские заведения куда-то поступают, без сомнения, тоже, чтобы добиться со временем более доходной службы, чем церковная. В сущности, не жаль никого: Маено все же был плохой катихизатор; из троих учеников один был несколько способный, два совсем бездарные, так что если бы вздумали обратно проситься в школу, ни за что не будут приняты; и хорошо, что ушли с хлебов Миссии, которая едва ли когда-либо ими могла бы воспользоваться. Самый дрянной народ поступает в миссийские школы — большею частью отброс других школ; потому, если и уходит, не беда. Жалкое положение вообще духовных школ ныне, не наших только, а всех миссий. Кажется, отлив дошел до последней черты; если течение пойдет еще вниз, то значит, и отброса не будет — школьные здания опустеют. Что ж, если и это будет — пусть! Не от нас это зависит, значит, не нам печалиться. Но печально положение Японии. Материализм до того обуял ее, что, если не пойдет на прилив, она в скота обратится со всей своей наружной цивилизацией — и упадет духовно, ослабнет нравственно, огрубеет в чувственности и распатается, расхлябается физически. Но едва ли это будет! Кажется, Господь не для того начал будить ее; возникнут и возобладают мало-помалу и более благородные стремления, окажется и человеческое достоинство в японском народе также, ныне мнящим себя скотским исчадием, и потому никнущем долу щипать знатную пажить и более ничего не wanting. — Быть может, из Семинарии менее бежали бы, если бы штат учащихся был более благонастроен. Ныне там четыре кандидата богословия, но ни одного истинно усердного к Церкви; все служат, чтобы получать жалованье; Бог весть, устояли бы и они, если бы где на стороне могли получать больше, и особенно если бы гораздо больше. Прочие учителя — язычники. Языческая литература вливается в Семинарию — более, чем языческая, — атеистическая. Сенума постоянно требовал, чтобы в семинарскую библиотеку покупались были все новейшие хорошие сочинения по всем отраслям, также, чтобы выписываемы были педагогические журналы. Тщетно я говорил, что все это проникнуто нынешним модным атеизмом, утилитаризмом, эволюционизмом и прочим. Ныне он тоже просил денег на дальнейшую педагогическую литературу. Но на мои резоны, что пора перестать отравлять учеников атеизмом, иначе и все разбегутся из Семинарии, — склонился, наконец, и он, и не стал настаивать на выдаче денег. Вообще, плохое нравственное состояние Семинарии ныне! И если оно не улучшится, то, пожалуй, и хорошие ученики будут портиться у нас. Нужно ждать доброго педагога из России. Оным и будет тот, кто приедет сюда миссионером в этом или следующем году. Верно, что Господь пошлет такового. Особенно надеюсь я на будущий год, когда в Казанской Академии кончит один, просившийся сюда в миссионеры еще по окончании курса Нижегородской Семинарии.

Господь, наверное, готовит в нем будущего хозяина здесь. Или же пошлет другого, откуда-нибудь. Когда прибудет миссионер, он должен здесь быть прежде всего наставником в Семинарии (и в то же время изучать японский язык), чтобы внести в Семинарию дух благочестия и ревности по Церкви; в то же время он будет воспитывать будущих сотрудников себе. Лет пять он пусть и занимается исключительно воспитательной частью. Так он воспитает людей, которые со временем будут старшими сотрудниками его по Церкви. В то же время он изучит японский язык. После этого периода он наполовину пусть учит в Семинарии, наполовину занимается посещением Церквей. Когда пять лет проведет и так, то будет в состоянии принять на свое попечение все по Церкви. К этому времени он уже должен быть Епископом, а я готов в могилу. Да сотворит Господь так во благо Японской Церкви!

1 / 14 февраля 1901. Четверг

Целый день не мог отделаться от печали, навеянной вчера неимением в Японии добрых церковных деятелей, и безнадежностью иметь их в ближайшем будущем. Сегодняшняя почта подбавила печали: в «Православном Благовестнике», № 23, прошедшего года, есть статья «Международная Миссионерская Конференция студентов в Лондоне», где протестантство гремит и трещит. Решено на ней: непременно весь мир просветить христианством в течение жизни и деятельности нынешнего поколения. К числу языческих стран, которых решено просвещать, причислена и Россия с Грецией. Гласит статья: «Конференция разделилась на восемь секций, обсуждавших миссионерское положение указанной каждой из них языческой страны. Эти восемь секций: африканская, китайская, индийская, японская, иудейская, магометанская, южно-американская и греко-восточная» — к которой кто же мог принадлежать, как не Россия и Греция! Господи, доколе Ты терпишь поношение Твоего истинного Евангелия? Помоги воспрянуть России, которой Ты вверил православие! Нечистые насекомые облегли это огромное тело и сосут из него кровь — как Лев Толстой и вся эта вонючая, как клопы, интеллигенция, лакействующая пред Западом. Помоги сбросить эту нечисть!

И всенощная сегодня была такая грустная-грустная, несмотря на отличное пение! Нет для меня радости, коли нет успеха православной веры!

2 / 15 февраля 1901. Пятница.

Праздник Сретения

Из города в Церкви почти никого.

Был христианин из Немуро Ока. Когда я посещал Немуро, не видался с ним — был он где-то на стороне; но знаю, что это один из самых щедрых

жертвователей на Церковь там. Родом он с Сикоку, из деревни недалеко от Маругаме; туда он теперь и направляется по делам, на несколько дней. Крик поднял (не сердитый, впрочем, а такова его манера говорить) — требует смены о. Игнатия Като — «не годится-де для Немуро; слушателей сколько угодно можно иметь, но у него никого; и христиане все не любят его; в Церковь ходит человека три — сам он, Ока в том числе; никаких обвинений против о. Игнатия принести он не может, но лучше бы в Немуро иметь хоть бы даже прежнего катихизатора Симона Тоокайрина, чем его. Деятельного там нужно иметь священника; а о. Игнатий совсем бездеятельный; хранить (мамору) Церковь он, быть может, и годится, но возвращать (сусуму) совсем не способен». Едва ли я успокоил его речами, что решительно нет никого заменить о. Игнатия; пусть они — христиане — сами помогают ему умножать число христиан, еще пусть найдут способного и пришлют сюда в Катихизаторскую школу, чтобы образовать местного катихизатора, иначе Немуро и вперед будет без катихизатора; никто туда не хочет идти, тем более, что и для «найци-лю кёоквай» недостает катихизаторов.

Григорий Ито, которого я вместо просимого им учительства в школе (на церковный счет) в Симооса отправил в Аннака на место Сакума, вместо которого о. Павел Морита неустанно требовал кого-нибудь, явился, наконец (после визита в Симооса для совещаний), чтобы последовать указанному ему направлению и, по получении дорожных и содержания, в пять часов отправился в Маебаси к о. Морита, в его распоряжение.

3 / 16 февраля 1901. Суббота

Полдня занятие отчетами, полдня рассылка содержания служащим за третий и четвертый месяцы — дальнейшим; разослано 3252 ены.

Был Стефан Тадзима, служивший когда-то катихизатором и опять просящийся на службу. Но того, что сказано было ему исправить, еще не исправил: со взятой им в дом девицей не повенчался; говорит, что взял по настоянию матери и, научив ее христианской вере, непременно повенчается. Тем не менее это останется пятном на нем. Но так как в других отношениях он человек хороший, то указан ему выход в катихизаторы, которым, если захочет, может воспользоваться. Повенчавшись, пусть служит катихизатором честно до тех пор, пока заявит себя заслугами, после чего священник, у которого он будет честно служить, будет иметь право на Соборе просить о принятии его в число катихизаторов, состоящих на церковной службе.

4 / 17 февраля 1901. Воскресенье.

Мясопустное

Утром ночной дворник Василий Такеда пришел сказать, что к нему, к сторожке, подкинули ребенка ночью, в те минуты, когда он обходил

здания. Оказалось — девочка, лет двух; одета довольно исправно, при ней два хлебца и два апельсина. Василий тотчас же сказал полицейскому, и ее утром взяли в полицейский дом. Я сказал Василию, что «так как нам доверили ребенка, то хорошо бы нам и воспитать его; не возьмет ли Женская школа на себя это? Пусть он спросит у начальницы школы, Елисаветы Котама». — Елисавета и все в школе пожелали взять подкинутую на воспитание. Но когда послали в полицию, чтобы ее взять оттуда, оказалось, что ее уже отослали в Воспитательный дом, в Сугамо. Завтра Василий Такеда с женой съезжают туда, чтобы опознать ее и привезти на воспитание сюда.

5 / 18 февраля 1901. Понедельник

Дворник Василий и Феодора, его жена, были в Воспитательном доме, опознали вчера подкинутую девочку, но она уже сидит на руках у няни и к ним не идет. Начальство не вдруг соглашается отдать ее, но и не крепко стоит за нее — обещалось дать знать сюда, когда можно будет взять девочку: сказали, однако, чтобы прийти за нею тогда с заготовленным для нее платьем, в которое ее тепло одеть. Сказали также, что если потом девочка не понравится взявшим ее на воспитание почему-либо, то по истечении трех месяцев ее можно опять принести в Воспитательный дом. Елисавета приходила спросить насчет платья; я сказал, что может приготовить, что нужно. Женская школа, по-видимому, большое участие принимает в деле; еще бы! Няничья-то какое удовольствие! И няnek сколько!

Был в Асакуса посетить старика Иону, одного из первоначальных и усердных христиан; старость приковала его уже к постели, в Церковь ходить не может — недолгий жилец в сем свете. Впрочем ему всего семьдесят два года, на семь лет старше меня. Стало быть, и мне не за плечами такая же немощь. Продли, Господи, только потрудиться для перевода богослужения!

6 / 19 февраля 1901. Вторник

Сегодня похоронили восьмидесятичетырехлетнюю старушку Марию Оои на кладбище Аояма. Это одна из первых христианок по времени крещения в Токио и одна из лучших по усердию. Пока в состоянии была приходить в Церковь, не опускала ни одного богослужения; по кротости и смирению была точно дитя. Живя верою и молитвою, вероятно, в предчувствии загробного утешения, завещала обить гроб ее материей красного цвета,значающего, по-церковному, и искупительную кровь Спасителя, и радость искупления для людей — и украсить серебряным крестом. Твердо уповаем, что ныне она уже радуется радостью

искупленной.— Приемный сын ее Павел Оои, по своим делам живущий в Оосака, ныне тоже лежит очень больной, и потому на погребении матери не мог быть. Так как некому было хорошо распорядиться погребением, то оно совершилось очень скромно: о кончине Марии не было оповещено христианам, и из них никто не был на погребении, на что, конечно, многие будут сетовать и даже негодовать, ибо Марию все любили и уважали. О. Роман Циба с диаконом и четырьмя певцами отслужили провод на дому, ибо в Собор принести было очень далеко. Было и человек двадцать язычников, приятелей Павла Оои, ибо его тоже многие уважают.

Вполне занят ныне составлением отчета за прошедший год и чтением с Накаем последней корректуры, также набело отпечатанных листов Нового Завета.

***С 7 / 20 февраля 1901. Среда
по 11 / 24 февраля. Воскресенье***

Писание отчетов в Россию и чтение корректуры Нового Завета.

В воскресенье прибыл из Кёото помощник архитектора, строящего там наш храм, Цуда, посмотреть здесь устройство колокольни и как подвешены здесь колокола, чтоб там сообразоваться с этим.

В половине шестого был звон к вечерне и повечерию, по окончании которых, по обычаю, было прощание пред начинающимся завтра Великим Постом.

***16 февраля / 1 марта 1901. Пятница
1-й недели Великого Поста***

Вся неделя: ежедневное хождение в Церковь три раза, писанье отчетов и корректура Нового Завета. В Церкви все чтение происходило посреди Церкви, так как с клироса далеко не всем слышно, что читается; службы же почти из чтений и состояли. Я все время стоял на клиросе, так как из алтаря, напротив, нельзя разобрать, что читается посреди Церкви. Кроме учащихся, никого не бывало в Церкви; даже катихизаторов из города почти нигде — ни единого. Прискорбно до тяготы душевной, но что поделаешь! Знать, и в самом деле японцы безрелигиозный народ — никогда ни у кого внутренней потребности помолиться не находил я у всех воспитанных мною! Участь моя — участь наседки, высидевшей утят: тут они все, пока греются под крылом; как прочь — и пет их, уплыли в мир!

В письмах из Церквей ничего замечательного; по обычаю, в одном месте развод супругов, с вопросом священника (о. Усуи): «Что делать?» И ответом отсюда: «не позволять» (чего почти никогда не слушаются); из другого места — просьба принять в Женскую школу, и ответ отсюда — «нельзя, школа переполнена».

Некто, служащий по проповеди у протестантов, рассорился с своим принципалом и просит принять его в православие «бокуси» (пастырь!). Отвечено: пусть пройдет здесь курс Катихизаторской школы и тогда просится на службу здесь.

[Пропуск в оригинале]

19 февраля / 4 марта 1901. Понедельник
2-й недели Великого Поста

Был некто Гондо [?], довольно известный в журнальном мире, поговорить об Японии. Задал вопрос: как я смотрю на японский народ? Вижу ль в нем хорошее, и что? Вижу ль дурное, и что?

Я отвечал, что японский народ – современник древним государствам, которых теперь и следа нет, тогда как японский народ жив и полон сил; стало быть, в нем есть прочные задатки жизни. Что это? Добродетели, привлекающие на японский народ охранительную любовь Бога и Промыслителя Вселенной. Не знают еще японцы истинного Бога, но «естеством законное творят». Три доселешние няньки японского народа, каждая воспитала в нем нечто доброе: Синто – честность, буддизм – взаимную любовь, конфуцианизм – взаимное уважение. Этим и стоит Япония. Но пора уже Японии узнать своего Отца Небесного – и что она медлит в сем, что холодна к христианству – это дурное в ней, и так далее. Разговор продолжался часа два.

20 февраля / 5 марта 1901. Вторник
2-й недели Великого Поста

Из Саннохе Наталия Арахама привезла девочку в здешнюю нашу школу. Наталия – бывшая воспитанница нашей школы, ныне одна из первых учительниц в школе города Саннохе, имеющей шестьсот учащихся мальчиков и девочек. Привезла кучу гостинцев оттуда: яблок, яблочной пастилы, кедровых орехов; говорила, что Церковь там ныне довольно оживлена: есть приготовленные к крещению и дальнейшие слушатели, и прочее.

21 февраля / 6 марта 1901. Среда
2-й недели Великого Поста

Спиридон Оосима, катихизатор в Микато и Кама, пишет, что христианин Нагай, пожертвовавший когда-то 450 цубо земли в Кама на Церковь, продает ее как свою собственную.

Просит Оосима воспрепятствовать сему. Купчая еще не состоялась, ибо несколько противится сему делу христианин Суда, отец нынешнего губернатора и учителя в Семинарии Петра Суда, и вместе отец жены Нагая. Но неустанно хлопочет о том, чтобы продажа состоялась, Митрофан Тоеда (которого сын есть в Семинарии — безнадежный, стало быть, для службы церковной, коли отец такой; непременно после стащит его для какой-нибудь мирской денежной службы). Нагай теперь в Токио, поэтому призвал я Петра Суда и поручил ему привести ко мне Нагая, чтобы убедить его не позорить себя продажей того, что давно уже не ему, а Богу принадлежит. Едва ли Нагай придет. Жаль, что документом не был закреплен подарок за Церковью. На слово же и совесть японца положиться — вот что и выходит. Не впервой!

22 февраля / 7 марта 1901. Четверг
2-й недели Великого Поста

Матфей Юкава, катихизатор в Накацу, пишет, что терпит гонение от своих односельчан Феодор Абе, брат Афонасия (за которым Иоанна, дочь Нумабе): Продал Феодор буцудан (буддийскую божницу), что у буддистов считается актом крайнего нечестия и что он сделал как христианин, сбыв вещь ему ненужную (хотя лучше бы ему было сжечь, а не продавать); за это его все так возненавидели, что не хотят сноситься с ним. Феодор сам не смущается этим, а жена его и мать ее очень опечалены, как язычницы еще. Юкава пишет, что он своими речами утешил их, и что они скоро будут крещены.

Пишет еще Юкава об одном бонзе в Накацу, уверовавшем и принявшем оглашение. Дай Бог, чтобы обращение было истинно!

23 февраля / 8 марта 1901. Пятница
2-й недели Великого Поста

О. Алексей Савабе приходил сказать, что у него в Акасака христиане бунтуют из-за того, что катихизатор взят от них, подбивает их Такабе, который и права не имеет участвовать в церковных совещаниях, так как сына своего женил по-язычески, тогда как и сын, и невеста его были христиане. Дал ему наставления, которые, если соблюдет, ладно; но соблюдать-то он не мастер.

Заказал смету на водопровод и в Семинарию.

24 февраля / 9 марта 1901. Суббота
2-й недели Великого Поста

Петр Ямбе, причетник, вернувшись с погребения христианина в Оцу (провинции Хитац), рассказывал, что в доме, где умер христианин и

они с о. Титом отпевали его, ни ему, ни о. Титу не предложено было ни чашки чая, ни чашки риса; словом, ровно ничего, тогда как тут же угощаемы были собравшиеся на погребение язычники. Невообразимое свинство!

**25 февраля / 10 марта 1901.
Воскресенье 2-е Великого Поста**

За Литургией довольно много причастников, к несчастью, не говеющих, а только накануне исповедующихся и выслушивающих причастное Правило.

К отчету и донесению в Миссионерское Общество и Синод приложился перевод брошюры буддистов «Окружное письмо к учителям религии во всем мире, по поводу восстания в Китае» — почему и замедляется отсылка отчета и донесения.

**26 февраля / 11 марта 1901. Понедельник
3-й недели Великого Поста**

Переписка «Окружного письма». Отсылка в Кёото первой платы за постройку храма: 3675 ен 62 сен, согласно присланному о. Симеоном удостоверению архитектора Мацуморо, что подрядчик Оониси, по ходу работ, имеет право на это получение.

**27 февраля / 12 марта 1901. Вторник
3-й недели Великого Поста**

Переписка «Окружного письма». Письма к о. архимандриту Иннокентию в Шанхай с отсылкою икон и книг и к о. Вениамину в Нагасаки с отсылкою плащаницы.

Был директор гимназии в Нарита и вместе издатель журнала «Ринрикай», господин Такеноуци, вместе с стенографом записывать, что я скажу. Спрашивал он, сколько стоит содержание Миссии — на что я показал отчет за прошлый год; был потом длинный разговор о нравственности и основаниях для нее. У меня голос пересел от красноречия, но записывать не стоит — то же переливание из пустого в порожнее — послушают и уйдут, пользы для Церкви никакой. В заключение позвал я Иоанна Акимовича Сенума и сдал ему гостей.

**28 февраля / 13 марта 1901. Среда
3-й недели Великого Поста**

Переписка трех экземпляров донесения: в Святейший Синод, в Совет Миссионерского Общества и для копии здесь.

1 / 14 марта 1901. Четверг
3-й недели Великого Поста

О. Симеон Мии из Кёото извещает, что все готово к освящению основания храма, и просит приехать для сего к 19-му числу. Я написал, чтобы освящение было назначено 20-го числа, — я приеду 19-го утром, чтобы предварительно осмотреть постройки и приготовиться к освящению; за день до меня приедут туда иподиакон Моисей Кавамура и регент Алексей Обара, чтобы приготовить пение и прочее. Написал также, что завтра вышлю о. Семену 25 ен на угощение по сему случаю.

2 / 15 марта 1901. Пятница
3-й недели Великого Поста

Совсем приготовил, наконец, к отсылке в Святейший Синод и Совет Миссионерского Общества отчеты за прошедший год, донесения и прочее. В воскресенье все будет сдано на почту — всего двадцать четыре застрахованных пакета: четыре письменных и двадцать книг. Значительно запоздал в этом году.

Корректуря отпечатываемых дальше и дальше листов Нового Завета каждый день берет немало часов.

3 / 16 марта 1901. Суббота
3-й недели Великого Поста

Церковные письма, требующие немедленного ответа, что узнается секретарями по прочтении писем по мере получения их, тотчас же читаются, и по ним делаются соответствующие распоряжения. Письма же с описанием состояния Церкви на данную минуту, что, однако, не представляет ничего нового, и с простою болтовнею катихизаторов, оставляются на некоторое время, если есть другие неотложные дела. Ныне я прочитал накопившихся за неделю сорок таких — ничего интересного, ничего радующего, точно прогулялся по голой пустыне; инде-инде цветет, то есть известие, что есть несколько слушателей учения, предвидится успех.

4 / 17 марта 1901. Крестопоклонное воскресенье

Утром было крещение четырнадцати взрослых и малых; за Литургией всех причастников было более шестидесяти. Молящихся в Церкви было также много. Благодаря примеру русских моряков, всегда бывают здесь в Церкви, заставляющих подсвечники пред иконами свечами, начинает прививаться и к японским христианам обычай ставить

свечи: в последнее время всегда на богослужениях стоят пред иконами одна или две свечи, хоть очень тонкие.

О. Симеон Мии дал телеграмму, что освящение основания назначено им на 21-е число (так как я писал ему, чтобы сообразовался в сем с тамошними сборами). Значит, я уеду отсюда во вторник — 19-го. Но Кавамура и Обара, так как уже собрались — отправились.

5 / 18 марта 1901. Понедельник
4-й недели Великого Поста

В Иокохаме по делам в банках и другим. Чтение корректуры; печатание дошло до Соборных Посланий Святого Апостола Иоанна. Изучение «Чина бываемого на основании Церкви», к счастью, порядочно переведенного, когда нужно было здесь освящать основание Собора.

6 / 19 марта 1901. Вторник
4-й недели Великого Поста

Дальнейшее чтение корректуры Нового Завета.

Вечером, в шесть часов десять минут, из Синбаси отправился в Кёото на закладку Церкви.

7 / 20 марта 1901. Среда
4-й недели Великого Поста.
На пути в Кёото и в Кёото

В десятом часу утра на станции в Кёото встретил о. Симеон Мии, облаченный в рясу. По приезде на миссийское место нашел, что основание храма построено очень хорошо: два ряда гранитных камней уложены тщательно; для третьего закладочные камни приготовлены, прочие обтесываются. Дом о. Симеона, по переноске, установлен и отремонтирован превосходно; другой дом, для катихизатора, тоже отлично устроен, и катихизатор Иоанн Исохиса с семейством живет в нем; третий дом строится; материал остальных лежит разобранный.

Скоро по моему приезду пришел архитектор Мацумуро и представил планы оград: кирпичной, с трех сторон, стоимостью в 2152 ены 45 сен, и из прессованной четвероугольниками глины, дешевой, но не прочной. Я предпочел первую. Кирпич первого сорта, хорошо выжженный и звенящий, как медь: стоит по 20 ен за тысячу. Передняя сторона ограды будет чугунная на каменном фундаменте; план ее Мацумуро представит после. Высота ограды будет 7 футов 8 дюймов — 3 линии над землей; крышка у кирпича будет каменная.

О. Симеон Мии жаловался на певца Фудзита Якова. Нанялся учителем пения в Правительственной школе за 18 ен в месяц; сдружился там с языческими учителями, стал пить до того, что два раза к вечернему богослужению являлся совсем пьяным; христиане жалуются на него, что и служит соблазном для них. — Просит о. Мии отозвать его в Токио. Но это значило бы совсем потерять его для церковной службы, потому что он, конечно, предпочтет 18 ен в месяц от школы, где ныне служит, жалованью от Миссии — 12 ен. Советовал я о. Семену всячески воздерживать его от неблагочестивого поведения и держать пока на службе у себя, по крайней мере до тех пор, пока оснуется там маленькая Женская школа, о которой мы с о. Семеном тут же много толковали.

Думаем мы с о. Семеном обратить строящийся ныне дом, налево от храма, в жилище для школы. Ученицы найдутся: все Циукоку, также Сикоку и Киусиу обратятся с просьбами принять их девчонок сюда. Конечно, на первый раз мы приняли бы только десять учениц, но и с меньшим числом школы не открыли бы, больше же двадцати и в будущем нельзя обещать принять; ни помещения, ни средства не позволят. Школа приносила бы пользу и местным Церквам: те родители, у которых дети в церковной школе, всегда и сами религиозны, и стараются распространить религиозность кругом. Но она была бы особенно полезна Кеотской Церкви как своим влиянием на христиан, так и своим пением при богослужениях в храме. Но самое главное для школы — учительницы. Пусть о. Семен убедительно просит Тоокейскую Женскую школу отделить для Кёото одну опытную и ученую из своих преподавательниц в начальницы предполагаемой школы и еще одну или две из молодых наставниц. Первая должна быть неизменною для своей службы, вторые могут меняться — выходить замуж, на их место поступать вновь кончившие курс и так далее. Первою может быть только Надежда Такахаси, и я именно ее разумею. Но приказать ей считаю неудобным, опасаясь расстроить Тоокейскую школу, для которой она тоже очень нужна. Здесь, однако, без нее могли бы обойтись, ибо молодых учительниц всегда до избытка много. Итак, если начальница школы Елисавета Котама, ее старшие помощницы и все другие учительницы, а также сама Надежда Такахаси примут хорошо сие предложение, свободно обсудят и благодушно согласятся, то и школа в Кёото, с помощью Божией, может быть открыта, когда все прочее к тому будет приготовлено.

О. Семен Мии, по моему совету, пригласил на закладку из Оосака оо. Иоанна Оно и Сергия Судзуки. Первого я уже и нашел в Кёото. О Церкви в Оосака о. Оно говорил, что она ныне в мирном состоянии, что о. Сергий с Фомой Танака также, по наружности, мирны; но внутренно они, по мнению о. Оно, еще питают неприязнь друг к другу.

О. Сергий Судзуки предложения о. Семена не принял, потому мы вновь послали ему приглашение непременно прибыть на закладку, если у него нет каких-либо особенных препятствий. Священники должны

знать, как производится и освящается закладка храма, а для того не должны упускать случая видеть ее.— О. Сергей не замедлил приехать. Со своей стороны, он тоже уверял, что не имеет никакой вражды ни к Фоме Танака, ни к кому-либо другому; вместе с тем говорил об Оосакской Церкви несколько иначе, чем о. Оно; по о. Сергию, разделение христиан в Оосака еще есть; некоторые будто бы из-за вражды не ходят на богослужения, или же уходят из Церкви, когда Фома Танака начинает проповедь.

Приготовление всего к завтрашнему «Чину на основание Церкви».

Разговор с приходившими христианами. Из них наиболее усердные — Марк Симано с женой Евдокией, благочестие которой о. Мии особенно хвалит, и Фома Моцидзуки с женой Марией, некогда чудесно исцелившейся во время совершения таинства крещения.

Оба они — церковные старосты; представили мне по 20 ен пожертвования от них на постройку храма. Я передал деньги о. Семену, чтобы потом, соединив с другими японскими пожертвованиями, которые, вероятно, будут, справить какую-либо утварь для храма, которая бы хранилась много лет на память об их усердии.— Между христианами один оказался бывшим учеником Катихизаторской школы, Павел Окада, ныне состоящий писателем при одной кёотской газете. Еще из христиан есть замечательный резчик по металлу, Филипп по имени, сегодня в несколько часов вырезавший на серебряной доске надпись, которую следует положить завтра под основной камень. Он показывал поистине замечательную свою работу: вырезку на полуторадюймовом пространстве «сендзи-мон» (китайское известное сочинение в тысячу иероглифов); знаки до того мелки, что я и в очках ничего не мог разобрать, а он чеканил с невооруженным зрением; чеканка на крышке серебряного ящичка.

8 / 21 марта 1901. Четверг
Крестопоклонной недели. В Кёото

В десять часов, согласно предварительному назначению, начато было богослужение «Чин на Основание Церкви» и совершено истово, в полном порядке, и с таким душевным усердием, какое кому Бог даровал. Облачились в молитвенной комнате и, с преднесением запрестольного креста и с пением вышли на место закладки. Участвовали со мною в богослужении оо. Симеон Мии, Иоанн Оно и Сергей Судзуки; также иподиакон Моисей Кавамура и (в стихаре) катихизатор Иоанн Исохиса. Так как диакона не было, то свечу предо мною, когда кадил основание, носил иподиакон, а ектении говорил о. Мии. Пели двухголосно, под управлением Обара — певцы Фудзита и Масуда (из Оосака) и жены священника и катихизатора. Христиан было: кёотских пятьдесят восемь, из

двадцати домов, оосакских четырнадцать, из Сонобе трое. Архитектор Мацумуро и его три помощника Накагава, Хасегава и Цуда, также все рабочие были на месте.

Был светлый солнечный день, и до того тихо, что свечи пред крестом и чашею с святою водой горели почти до конца богослужения.

К двенадцати часам богослужение было окончено. Разоблачившись, я вышел к собравшимся в доме катихизатора христианам и сказал несколько слов приветствия и поучения.

Потом было угощение. Так как всем в одном месте собраться невозможно было, по неимению достаточной для того комнаты, то для священно- и церковнослужущих, для архитектора с помощниками, для представителя христиан, для православного грека, бывшего на закладке (служащего механиком на японской табачной фабрике), и прочих, всего семнадцать человек, приготовлено было угощение в доме о. Мии и стоило мне 15 ен 70 сен — по 75 сен на каждого, и на вино всем 3 епы 80 сен; угощение было чисто японское, и превосходное; христиане же угощались в доме катихизатора на свой собственный счет. На угощение рабочих я дал 17 ен 3 сен, то есть на пятьдесят пять человек — по 25 сен на коробку с пищей — и 3 епы 28 сен на вино.— Дано еще деньгами по 50 сен шести главным рабочим разных частей. Всего мне стоило угощение на закладку 35 ен 73 сен.

Все было благопристойно. Рабочие, по окончании угощения, продолжали работы до вечера, несмотря на сегодняшний праздник Хиган.

Целый день продолжалось праздничное настроение и хорошие разговоры с христианами и священниками о Церкви, о школе, о проповеди и прочем.

О. Симеон Мии говорил, что «пока кончится постройка Церкви, ему хотелось бы наблюдать за работами, а отлучки в дальние Церкви Миядзу, Таиза и Каназава мешают этому: нельзя ли на это время поручить посещение этих Церквей другому священнику?» Здесь же мы устроили совещание и решили, что Миядзу и Таиза посетит за него о. Сергей Судзуки, а Каназава — о. Иоанн Оно. О. Мии известит об этом христиан своих и напишет, чтобы приняли святые таинства у временных заместителей его.

О. Сергей Судзуки рассказал про Петра Такеици (отставленного от катихизаторства за беспричинный развод с женою), что «он женился ныне на другой по-язычески, живет с нею мирно, и можно надеяться, что уживется навсегда; желал бы он очень повенчаться с нею по-христиански — но можно ли это? Он на семь лет под епитимией, теперь уже два года прошло с тех пор, как он развелся с прежней женой и на него было наложено запрещение участвовать в таинствах Церкви». Я разрешил повенчать его после того, как жена его будет наставлена в христианстве и примет крещение, но после Такеици пять лет все-таки пусть несет свою епитимию, то есть не получает отпущения грехов в исповеди и не

приобщается Святых Тайн.— Находящемуся под епитимией в смертной опасности дозволяется приобщаться, но после, если выздоровеет, он оканчивает свою епитимию. Это можно приложить и к Такеици в другом смысле: зачем же дети его, если родятся, будут не освящены своим происхождением от благословенного брака? А это важно. Смотри 1 Кор. 7, 14.

О. Сергей еще рассказал, что в одно христианское семейство взят приемыш-язычник, и уже живет супружески с христианкой; но он слушает учение, и родители хотели бы освятить их сожитие браковенчанием после того, как приемыш будет крещен.— Христиане эти и сам священник заслуживают сильный укор за легкое отношение к вере и ее уставам. Но сожитие, конечно, пусть освятится церковным венчанием.

В восемь часов вечера я уехал из Кёото обратно, провоженный на станцию оо. Мии, Оно и Судзуки, которые, в свою очередь, отправлялись в Оосака.

9 / 22 марта 1901. Пятница
4-й недели Великого Поста.
На дороге из Кёото и в Токио

В двенадцатом часу дня был уже у себя, в Токио, и остальные полдня были заняты чтением корректуры Нового Завета с Накаем.

10 / 23 марта 1901. Суббота
4-й недели Великого Поста

Та же корректура; потом чтение накопившихся писем. О. Василий Усуи описывает свою поездку по Церквам и хвалится оживлением и добрым состоянием их. Давай Бог! — Игнатий Такаку, катихизатор в Гокан и прочих, спрашивает, «можно ли родившей до принятия сорокадневной молитвы приобщиться Святых Тайн?» Ответено: в смертной опасности, конечно, можно и должно. Еще из одной Церкви спрашивают: «Что делать с семимесячным выкидышем?» Глупые, нашли о чем спрашивать! Что же Церкви делать с ним?

11 / 24 марта 1901.
Воскресенье четвертое Великого Поста

До Литургии крестился отец диакона Петра Уцида, зажиточный землемер провинции Цицибу. После Литургии был у меня и долго беседовал, видимо, одушевленный новою верою; жаль только, что по глухоте его беседовать с ним трудно.

Американский епископ John McKim, Bishop of Tokio, прислал мне печатный экземпляр на двух языках — японском и английском — своего Окружного Послания к своей пастве. Послание это — результат митинга шести епископов Епископальной Церкви в Кобе 13–14 числа минувшего февраля. Оно состоит из двух частей: в первой, за подписом всех шести епископов, выражается их «Resolution», что по «мнению» их «все Японские Епископальные Церкви должны — самое большое в продолжение семи лет с этого времени — стать на свое собственное содержание, и что они, епископы, настоятельно побуждают всех христиан „Ниппон сейкооквай“ употреблять все усилия к достижению сего». («Resolution» и «opinon» по-русски это — «хочется» и «колется»). Во второй части предписывается молиться об единении всех разрозненных христианских Церквей. Таково-де было решение (resolution) Конференции миссионеров в Токио прошлой осенью.— В объяснении, приложенном к сему «Letter on Unity», говорится, между прочим, что «resolution on unity, passed at the Conference of Missionaries last autumn, has been approved by Bishop Nicolai, and that he undertakes to circulate the leaflet and prayer for Unity among all the Christians of the Sei Kyo Kwai. An addition of 20.000 people to the number thus joining in prayer, is cause for devout thankfulness».— Несколькo неверно. Когда был у меня епископ Awdry с предложением, исшедшим от какого-то миссионера, кажется и не епископального, соединиться в молитве об единении Церквей — я объяснил ему, что мы и без того молимся о том решительно при каждом нашем богослужении, и что я рад, что, напротив, они присоединяются к нам в нашей молитве «О единении всех»; сказал ему, впрочем, что охотно отдам для напечатания в нашем журнале и это их воззвание, и форму молитвы — пусть только пришлют ко мне «leaflet». Сего, однако, не прислали, и христиане наши продолжают возносить свою молитву «о единении» словами своей Церкви; я не вижу нужды присоединять к тому протестантское побуждение.

12 / 25 марта 1901. Понедельник
5-й недели Великого Поста

О. Феодор Мидзуно вернулся с обзора своих Церквей в провинции Симооса. Церкви большею частью в хорошем состоянии; совершил семнадцать крещений, исповедал и приобщил Святых Тайн почти всех. Между прочим, всегда усердно участвует в святых таинствах бывший иеромонах Павел Ниицума с женой и детьми, занимающийся ныне земледелием в селении Нанае.

Colonel Bullard, начальник Армии Спасения в Японии, прислал книжку «Salvation Warfare, being a summary of the report of the Salvation Army throughout the world and its present position in Japan». Армия уже

довольно многочисленна и в Японии и делает много добра — по преимуществу бросающим свое ремесло проституткам и кончившим тюремный срок преступникам.— Боже, сколько людей у этих протестантов на всех путях! И какие превосходные, энергичные деятели! Живо и действенно еще у них христианство. Без помощи благодати Божией не было бы того.— Послал полковнику Булларду благодарность за его Отчет и 10 ен на благотворительные заведения у них.

13 / 26 марта 1901. Вторник
5-й недели Великого Поста

Чтение корректуры Нового Завета.— Корреспонденция в Россию; между прочим послал прошение в Совет Миссионерского общества, чтобы сумму на второе полугодие посылали тоже непосредственно из Совета. Ныне она, по распоряжению Совета, высылается из разных Комитетов Общества и всегда очень запаздывает; например, сумма за второе полугодие прошлого года доселе еще не получена.

В числе четырех ящиков, полученных сегодня из России с миссийскими и церковными вещами, два — от Иоанна Сергиева, Кронштадтского протоиерея: в одном — малое Евангелие на престольное, три серебряных малых на престольных креста, водосвятная чаша, панихидное блюдо, два крестильных ящика, прибор воздухов; в другом — 359 книг, в том числе несколько экземпляров его сочинений, что составляет истинную драгоценность; другие книги все также очень полезные.— Пожертвование это сделано о. Иоанном чрез посредство адмирала Степана Осиповича Макарова, переславшего ящики к о. Феодору Быстрову для отправки сюда.

Еще получен сегодня от господина Жевержеева материал для кройки шести священнических облачений, семи стихарей и прочего.— Доселе выписывали мы от него готовые облачения, но их приходилось переправлять по росту здешних священнослужителей. Ныне первая попытка будет устроить облачения здесь из полученных материалов. Посмотрим, будет ли это лучше.

Печальные телеграммы из России: студенты и рабочие бунтуют в Петербурге и Москве. Министр Народного Просвещения Боголепов застрелен, прочие министры получают угрожающие письма... Боже, что все это значит?

14 / 27 марта. 1901. Среда
5-й недели Великого Поста

Павел Ёсида, церковный переводчик, принес отпечатанную книжку своего перевода брошюры Никанора, Архиепископа Херсонского,

«Католическая Церковь – еретическая ли?» Книжка – полезная для катихизаторов. Нужно сказать Петру Исикава поместить критическую заметку о ней в «Сейкёо-Симпо», чтобы обратили внимание на выход ее и воспользовались ею.

Еще Павел Ёсида представил список лиц, собравшихся, чтобы отслужить панихиду по Григорию Камия, умершем катихизаторе, – все однокашники его по Семинарии. Они же и еще другие некоторые, находящиеся вне Токио, согласились ежемесячно жертвовать на воспитание его детей; конечно, пожертвования небольшие, от 10 до 30 сен в месяц, но если продолжится это несколько лет, а не забудется и не разрушится чрез несколько месяцев, то будет и небольшая помощь вдове Камия с детьми, и значительное свидетельство в пользу христианского дружества воспитанников Семинарии. В числе участвующих почти половина изменников своему обещанию служить Церкви, как-то: Петр Исигаме, Андрей Минамото, Даниил Кониси, Павел Нагано, Яков Томизава.

15 / 28 марта 1901. Четверг
5-й недели Великого Поста

В письмах из Церквей – просьбы книг, разные мелочные известия. О. Сергей Судзуки пространно описывает свое посещение Церквей в Вакаяма и Кобе; исповедников и причастников было довольно много, крещений – ни одного. Упадок Церкви в Вакаяма он все приписывает бывшему там катихизатором Фоме Танака, с которым так рассорился он ныне в Оосака.

16 / 29 марта 1901. Пятница
5-й недели Великого Поста

Утром посетил русский генерал Леонид Константинович Артамонов, едущий в Россию из Порт-Артура. Как сел, так и стал ораторствовать; проговорил минут пятнадцать, и говорил отлично. Тема – восхваление японцев. Ход мыслей: «Я сужу о народе: первое, по тому, как он молится, во-вторых, как учится, в-третьих, как веселится». Видел генерал в Кёото первое, видел в Оцу школу, где нарочно для него произвели экзамен; видел японский театр. По всем этим статьям нашел японский народ в высшей степени достохвальным, симпатичным, многообещающим. – Я вполне согласился с генералом, и мы расстались, друг другом очень довольные, – я вернулся к письменному столу, генерал – в сопровождении секретаря Ясклевского и Хакодатского консула Геденштрома, с которым был у меня, – полез на колокольню смотреть на Токио.

17 / 30 марта 1901. Суббота
5-й недели Великого Поста

О. Павел Савабе был и рассказывал, между прочим, по письмам ему о. Тита Комацу, что диакон Иоанн Оно, в Сиракава, болен какою-то мозговою болезнью, вследствие которой ничего не может делать по проповеди вот уже несколько месяцев. Стало быть, тщетна надежда видеть в нем священника, а с тем именно и поставлен был после прошедшего Собора во диакона, чтобы в следующем году, то есть нынче, примерно после Собора, рукоположить его во иерея для Сиракава и окрестных Церквей. Очень жаль! Считался из кончивших курс Семинарии одним из самых надежных служителей Церкви.

Протестантство — клоака, из которой — если порядочно засосет человека — нет ему спасения: Араи Цуненосин, сделавшийся мистиком в Америке, бродит в тумане (не имеет никаких ясных предметов своей веры) и до того считает себя во свете, что тщится и других тащить в свой мрак; гордость свою считает верою и глух поэтою ко всякому слову вразумления и самой очевидной истине. Даже о. Павел Савабе считает его безнадежным, а они первейшие друзья между собою.

18 / 31 марта 1901.
Воскресенье пятое Великого Поста

Катихизатор Исайя Мидзусима, писатель благочестивых православных книжек, человек усердный к Церкви, даровитый и практичный, в честность которого я очень верил, оказывается в денежном отношении тоже не заслуживающим доверия. Вчера принес ко мне счета за свои три последние брошюры; я, занятый в это время еще другими расчетами и привыкши верить ему, отдал деньги. Но потом, рассмотревши счета и брошюры, нашел, что это уже слишком явный обман: за две брошюры «Мукака-ки-но сугаре» и «Нард-но каори», в двадцать тощих страничек каждая, по 45 ен за каждую, тогда как тут же счет от другого типографа за переводную книгу о католичестве, более чем в двести страниц, на 85 ен. Притом, в счете за брошюры — каждом сказано — за тысячу экземпляров, а брошюр доставлено только шестьсот. Призвал я сегодня Исайю Мидзусима и объяснил все это. Как он сконфузился! Конечно, мы с ним оба свалили вину на типографа. Я сказал ему:

— Возьмите эти оба счета и идите к типографу Канда (христианину тоже): пусть он напишет настоящие цены и излишек вернет мне; пусть обещает, что вперед не станет так поступать. Если он сделает это и если потом будет держаться своего обещания, то может работать на Церковь; если нет, то мы с ним больше дела не имеем.

— Сейчас же иду к нему и престоного буду говорить с ним, — ответил Мидзусима и ушел.

Я ждал его тотчас же обратно, потому что типография Канда близко. Но он явился спустя несколько часов; должно быть, ходил или ездил домой — а живет он очень далеко — и представляет новые счета, наполовину уменьшенные, и излишек денег с извинениями от типографа Канда, что во всем этом виноват не он, хозяин, а его приказчик, и что вперед таких ошибок не будет. Я принял на веру объяснения Мидзусима и сказал, что вперед буду тщательнее наблюдать за счетами из типографии Канда, просил и его, Мидзусима, делать то же, насколько это касается печатания его собственных сочинений. Мидзусима обещал делать это, но все время был настолько сконфужен, что это яснее слов говорило о его собственной вине во всем этом. Счеты от типографа всегда писаны его собственной рукой, только печать типографа; и не в первый раз, должно быть, он выставил на счетах дутые цифры, только я до сих пор не замечал, веря ему, и был он несколько скромнее на незаконный побор. Во всяком случае, печально разочаровываться в человеке, печально и за человека, и вместе жаль его. И, конечно, я не написал бы этого здесь, если бы не имел в виду предостеречь моего преемника от излишней доверчивости и от причинения чрез то убытка Церкви. Деньги-то, которыми мы распоряжаемся, — святые деньги, Божьи деньги, и бросить их вот так, как я ныне, в пасть надувательства и бессовестности — ротозейство, достойное посмеяния, и грех. Мидзусима получает ежемесячно 18 ен 60 сен как катихизатор, хотя катихизаторством нисколько не занимается, получает от меня частно 6 ен да за каждую свою брошюру 5 ен, а он их иногда по две и по три в месяц печет — чего ему больше? И все же тщится надуть Церковь, и надувает, и это еще пища благочестивые увещания другим жить по-христиански! А мы нюни распустили, как олухи! И стыд, и грех! Вперед не быть тому!

Был с визитом вернувшийся из отпуска в Россию князь Анатолий Григорьевич Лобанов-Ростовский, служащий консулом в Иокохаме. Боже, как он ругает Россию — просто ужас берет! Хуже Содомы и Гоморры она, людей в ней — ни одного, все звери и так далее. Был он пессимист, теперь — точно помешавшийся на ругани. Правда, потерял он дочь в России, не дают ему высшего места — все это печально, но еще печальней, что ему и никогда не дадут высшего места, если он будет таким ругателем всего и всех, несколько возбуждающим подозрение, все ли у него дома.

*19 марта / 1 апреля 1901. Понедельник
6-й недели Великого Поста*

Елисей Като, катихизатор в Фурукава и Каватаби, пишет, что «один из христиан Каватаби отправился в Токио и будет просить здесь исповедать и приобщить его, потому-де, что о. Петр Сасагава посетит Каватаби

уже после Пасхи». Ладно; только пусть о. Сасагава известит, что нет препятствий сему христианину участвовать здесь в таинствах Церкви; сейчас же послан к о. Петру запрос о сем.— И это правило нужно соблюдать, потому что бывают христиане и под епитимией, не допускающей их до таинств.

Петр Уцида, диакон, спрашивал, как поступать ему в следующем. Один из слушателей его учения, старик пятидесяти четырех лет, недавно упал с крыши дома, отцепляя там застрявшего змея, которого пускал его внук; упал он головой о землю; это отшибло у него память до того, что он совсем забыл то, что слышал на прежних катихизациях; и ныне вновь сколько ни слушает он, решительно ничего не помнит.

— Говоришь ему — слушает и понимает; кончишь говорить — спросит, о чем же я сказал? Ничего не помнит. А между тем желает креститься. Его сын, заправляющий домом, не мешает его желанию.

— А сын слушает учение?

— Еще не слушает, но расположен слушать.

— Так преподайте учение сыну, и когда он будет креститься, тогда вместе с ним пусть примет крещение и его отец. Креститься же ныне старику и быть в языческом доме одному, при его детски невменяемом состоянии, неприлично.

20 марта / 2 апреля 1901. Вторник
6-й недели Великого Поста

О. Алексей Савабе вернулся с обзора своих внеоокейских Церквей и, по обычаю, ничего доброго не повестил; несколько человек исповедал и приобщил, крещений — ни одного. В Хацивоодзи — этом большом городе — сидит этот неисправимый лентяй Игнатий Мацумото и ровно ничего не делает, а кончил Семинарию и считался одним из умных; я очень на него надеялся. Так-то вот! На кого надеешься, в том почти всегда обманываешься. Сменить бы его, да заменить некем. Господи, пошли людей для проповеди Твоего Евангелия!

21 марта / 3 апреля 1901. Среда
6-й недели Великого Поста

О. диакон Иоанн Оно, из Сиракава, пишет, что в Мотонума много просящих научения, и тамошняя Церковь очень оживлена, но он не может удовлетворить желаниям, не может отправиться туда — болен; просит для излечения своего носового катара отпуска на две недели после Пасхи. Конечно, пусть отправится домой, в Идзу; там, на теплых водах, вероятно, скоро поправится.

О. Симеон Мии прислал письмо Марка Одагири, в котором сей спрашивает, «уходить ли ему со службы, так как до сего месяца срок ему, или Церковь употребит его на что-либо другое? К катихизаторству он и сам считает себя неспособным». Пишет о. Мии: «что ответить ему?» Что? В Миядзу вместо него послать кого же? Пусть до Собора состоит там — все же хоть «русуи» есть, коли корова ему язык отжевала так, что он и слова не может молвить по катихизаторству. А ведь и способности есть, и поведение безукоризненно; что бы одолеть свою молчаливость! Куда! Бывают же такие странные люди!

*22 марта / 4 апреля 1901. Четверг
6-й недели Великого Поста*

По возможности расследовал и сообразил, как отлить колокола для строящейся в Кёото Церкви Благовещения Пресвятой Богородицы. Всего шесть колоколов в сто пудов весом; состав металла: 78 частей меди, 22 части олова; диаметр такой-то, высота такая-то и прочее — и послал о. Семену Мии, писавшему, что хороший литейщик есть. Но, при всем том, не лучше ли заказать колокола в России, в Москве, Николаю Дмитриевичу Финляндскому, отлившему колокола для здешнего Собора? Посмотрим, что ответит о. Мии.

Послал о. Семену Мии второй том, в двух книгах, нового перевода Святого Иоанна Златоуста для перевода на японский, которым он обещал мне заняться. Хорошо, если бы Бог дал ему усердие для сего важного дела.

*23 марта / 5 апреля 1901. Пятница
6-й недели Великого Поста*

Сегодня вечером принесли последнюю корректуру Нового Завета — вторую половину Апокалипсиса, и мы с Накаем завтра утром кончим чтение ее и завтра же, должно быть, будет совсем кончено печатание нашего перевода Нового Завета.

Ученье в классах сегодня закончено на две недели. Вечером Всенощную пели старшие семинаристы; в Церкви были все учащиеся.

Грусть возбуждает малоуспешность проповеди в нынешнем году; сравнительно с прежними годами не только вполнину, но даже четверо меньше крещенных с 1-го января по 31-е марта. Точно червь, сосет за сердце это грустное обстоятельство. Что за причина? Вероятно, нынешняя повальная руготня в газетах России последние три месяца за желание России поставить Манчжурию под свое влияние. Аглицкие газеты пилят Россию ежедневно самым злостным образом; японские — за ними; это до белого каления довело ненависть японцев к России... Inde irae.

24 марта / 6 апреля 1901. Лазарева Суббота

С шести часов Литургия, за которой были все учащиеся; пели старшие семинаристы; было немало причастников, больше из служащих при Миссии.

Докончено чтение корректуры Нового Завета; сделаны распоряжения касательно ремонта в школах циновок, причем самому всегда пересчитывать надо и «фуци», и «каеси», и «синки» — иначе ошибки в счете и дорожке в расплате. Перечитаны собравшиеся письма; оо. Тит Комацу и Борис Ямамура дают отчет о поездке по Церквам; совершили и несколько крещений. — О. Феодор Мидзуно вернулся из Коофу; исповедал и приобщил там всех, крестил трех, и опять из католиков присоединил двоих; так или иначе, благодаря отложившимся католикам, позвавшим нас туда, Церковь в Коофу основалась; о. Феодор хвалит ревность тамошних христиан; и новые слушатели есть. Жаль только, что жена у катихизатора Иоанна Яmanoуци постоянно больна, что значительно мешает Иоанну в проповеди. Просит он, чрез о. Феодора, 10 ен в долг на лечение жены; послал — конечно, без отдачи.

За всю ночь было очень много христиан из города; Собор был залит светом от свечек у верб, которыми на сей раз почти исключительно служили ветки «сакура», последние два-три дня лишь расцветшей. Мы нынче и не покупали вербы для школ, а лишь срезали несколько веток наших сакура, нисколько не портя деревьев.

25 марта / 7 апреля 1901.**Вербное Воскресенье и Праздник Благовещения**

До Литургии было крещение человек двадцати взрослых и детей. Было также много причастников; всех причащалось человек сто. Молящихся было очень много; хорошо, если бы каждое воскресенье приходило в Церковь столько.

Сегодня принесли из типографии последний набело отпечатанный лист Нового Завета. Мы с Накаем прочитали вчера поздно принесенные два листа и этот последний, и тем завершили труд по переводу Нового Завета. Слава Богу! Худо ли, хорошо ли — дело сделано. В половине четвертого часа экземпляр Нового Завета послан к переплетчику, чтобы поспешили переплести до четверга, чтобы Страстные 12 Евангелий читать по новому переводу.

Во вчерашнем номере «Ници-ници Симбун» приводится телеграмма, откуда-то заимствованная, что 21 марта (нашего 8-го числа) было покушение на жизнь обер-прокурора Святейшего Синода Константина Константиновича Победоносцева; некто Лиговский, родом из Самары, три раза стрелял в него, в его собственной квартире на Литейной; к счастью,

все выстрелы были мимо.— А в «Japan Daily Mail» сегодня есть телеграмма, что во время студенческих беспорядков в Петербурге двадцать пять человек убиты, большею частью студенты, и два известные профессора арестованы. Господи Боже, что это творится там ныне?

26 марта / 8 апреля 1901. Великий Понедельник

Начались обычные службы: с шести — утренняя, с десяти — Часы и обедня, с шести вечера — Великое повечерие. Читают старшие ученики на середине Церкви.

Когда вышли с утрени, сказали мне, что в Семинарию пришли рабочие делать водопровод. Боялся я за стену ограды, но подкопались так глубоко, что основания и не затронули. В один день почти все кончили.

Был о. Павел Савабе сказать, что едет служить на Пасху в Сиракава; попросил дорожных 10 ен, то есть втрое больше надлежащего; я, ни слова не сказавши и не поморщившись, дал. Спасибо и за то, что снизошел на просьбы христиан, о. Тита и мои.— Плел-плел он свой пессимизм — «все дрянь, все в упадке, нигде никакой веры, не с кем по душе поговорить», — всегда гадко становится слушать, но слушаешь, нечего делать — почтенный такой ведь о. Павел Савабе!

В библиотеке пришедший из типографии мастер вместе с Накаем и Оогое поправлял опечатки в Новом Завете; дней на пять-шесть хватит еще этой работы; зато Новый Завет выйдет без опечаток, если только мы не проглядели некоторых.

27 марта / 9 апреля 1901. Великий Вторник

Работы по водопроводу сегодня произвели и здесь, в Миссии, но еще не кончили.

Из Оодате, от некой Марии, донос на катихизатора Сергия Сионоя, да такой, что его хоть сейчас в ад. «Занимается ростовщицеством — самым наглым и жестокосердным: приводится несколько примеров, как он разорил и сделал несчастными людей. В пять лет своей катихизаторской службы ни одного не обратил, но опозорил звание катихизатора до того, что уж больше и унижить его нельзя. Зовут его, Сергия, не человеком, а животным (кемоно)», и прочее, и прочее. Конечно, писала этот документ не Мария, а кто-то очень искушенный в изложении, должно быть — адвокат. Что Сергий Сионоя плохой катихизатор — это я знал и прежде; но что он так дурен, этого не воображал, иначе он давно не был бы катихизатором. Послано письмо к о. Павлу Кагета, там же, в Оодате, живущему, чтобы он, по своему званию священника, сказал мне всю правду Сионоя. Послано конфиденциально и велено донос вернуть сюда вместе с своим отзывом.

О. Симеон Мии положительно советует попросить отлить колокола для кёотской Церкви в России. Пишет, что и греки — двое, живущие в Кёото, на службе в одной компании — советуют то же, — «в Греции-де тоже умеют лить колокола, как умеют то в Японии, но лучшие колокола по качеству своего звона и звука выписываются из России». Про найденного им прежде литейщика о. Семен пишет, что он очень опытный и, кроме того, обещает побывать на Суругадае, чтобы видеть колокола и подражать им по форме; тем не менее о. Семен советует заказать в России. Что ж, это и сделаем.

28 марта / 10 апреля 1901. Великая Среда

О. Петр из Хакодате пишет, что там христиане все еще в разладе; мутит больше всех Яков Удзие, возмущавший христиан против о. Петра Ямагаки; теперь ему следовало бы быть спокойным, потому что добился удаления о. Ямагаки из Хакодате; но неуживчивый и беспокойный, зная, никогда не может успокоиться.

Иван Акимович Сенума приходил совещаться насчет призыва учеников в Семинарию. Говорит, что наставники советуют в этом году не объявлять прием: в год не успевают накопляться число годных к приему; в два, вероятно, накопится достаточное число для составления хорошего курса. Действительно, все последние курсы у нас очень бедны и плохи; заводить еще один из таковых нежелательно. Пусть в этом году не будет приема.

29 марта / 11 апреля 1901. Великий Четверток

Литургию совершали со мной оо. Павел Сато, Роман Циба и Феодор Мидзуно. Приобщены все учащиеся, за исключением двоих, оставленных за провинность и недостаточное раскаяние до субботы.

Вечером двенадцать Евангелий прочтены по книге нашего перевода, только что отпечатанного; один экземпляр только и успели переплести. Я прочитал свои (1-е, 5, 9 и 12-е) свободно, без спотыканий, потому что успел затвердить их и переводом, и многократным чтением корректур, и новым сегодня приготовлением; священники запинаясь или неправильно читали — говорят — «катакана очень мелка»; это-то правда, но это и отпечатано не для церковного чтения.

Печально было, что в Церкви из города христиан — почти никого.

30 марта / 12 апреля 1901. Великий Пяток

Из Иокохамы, из Католической школы, прибыли пять русских девочек, чтобы поисповедаться, причаститься и встретить здесь Светлый

Праздник. Конечно, не школьное начальство их вздумало прислать их, а консул Князь Лобанов похлопотал о сем, вследствие моего напоминания ему письмом в среду. Начальство их, напротив, радо было бы не делать сего, то есть не присылать их, как и не прислало еще троих православных, заявивших, что они уходят в католичество — «оно-де истинная Христова вера» — и это рассуждение тринадцатилетних девочек! Нужно, впрочем, заметить, что эти девочки или польского, или французского полупроисхождения, то есть у одной мать полька, отец русский и подобное. Чисто же русские девочки все крепко держатся своего православия. И как эти сегодня обрадовались православному богослужению, хоть понимают его только по напеву! «Помолиться здесь можно; не то, что там, в Иокохаме; там в Церкви танцевать хочется, а здесь молиться», — простодушно выражались они сегодня. С нашими ученицами они, как всегда бывает, тотчас же подружились, и в восхищении от них; а те, в свою очередь, платят им теми же чувствами. — Как бы хорошо было, если б дипломаты Японии и России подражали сим девочкам!

За вечерним богослужением, на выносе Плащаницы, было довольно много христиан, а за всенощной — еще больше. Во время несения Плащаницы вокруг Собора было так тихо, что свечи не гасли.

После всенощной была исповедь двух священников и прочтен Канон ко причащению и молитва на сон грядущий иокохамским девочкам.

31 марта / 13 апреля 1901. Великая Суббота

Утром подали письмо из «Hong-Kong and Shanghai Bank, Yokohama», извещающее, что телеграммой чрез сей банк из Ханькоу прислано Миссии 1000 ен. Достойное красное яичко! Вероятно, Василий Романович Лебедев порадовал сим сюрпризом.

До Литургии исповедал русских пять девочек и прочитал для них Причастные молитвы. За Литургией они приобщены.

(Девятый час вечера). Происходят разом два собрания: одно в семинарской столовой, где семинаристы и несколько православных студентов Университета говорят речи религиозного содержания вперемежку с религиозным же пением. Другое — здесь, снаружи дома, в углу, где громоотвод; это — благотворительное, в пользу маленького Сиротского Православного приюта; говорит специалист этого дела, показывает в волшебный фонарь замечательных людей и замечательные места в Японии — картины светского, но серьезного содержания; множество собралось смотреть, особенно детей много. Особенный же интерес составляют картины самого приюта и рассказы его истории. В Семинарии также было много слушателей — полная столовая. Зато в Соборе учения Деяний было мало людей — проявление особенности Японской Церкви. Мешать ли ей? Мне кажется, не следует. Ведь Пасхальная ночь проводится

благочестиво. Там речи исключительно религиозные, и большею частью на тему Праздника. Здесь хоть не прямо религиозные, однако ж такие, что вот тут же совсем посторонний язычник, случайно проходя и прислушавшись к рассказу о бедных сиротах, пошел сейчас, купил кучу «кваси» и принес сиротам. Конечно, нужно наблюдать, чтобы по неведению не переступили границ приличного Празднику.

1 / 14 апреля 1901.

Светлое Христово Воскресенье

В полночь, по обычаю, началась Пасхальная служба и была очень торжественна. Ночь была тихая, свечи не гасли во время крестного хода вокруг Собора. Русских, кажется, двое было, кроме пяти иокохамских воспитанниц, и те до конца службы не достойали. Кончилась Литургия в четверть четвертого часа. Освящение яств, христованье со всеми, то есть раздавание яиц — всего, кажется, около восьмисот было роздано.

Служили со мной оо. Роман Циба и Симеон Юкава и три диакона. О. Павел Сато все еще не совсем оправился от паралича; о. Феодор Мидзуно отправился совершить Пасхальную службу в Иокохаме.

Обычное поздравление школ и разных лиц до полудня. С двух часов — поздравление посланника, бывшего с супругой и детьми, и всех посольских, также русских из Иокохамы — консула Князя Лобанова, морского агента Александра Ивановича Русина. Из мимоходом находящихся здесь был граф Капнист, лейтенант, лечившийся на водах и возвращающийся на свое судно, и еще кое-кто.

С пяти часов была Пасхальная вечерня, соборно служенная.

2 / 15 апреля 1901. Понедельник

Светлой седмицы

С семи часов Пасхальная служба — утренняя и Литургия, без перерыва. Кончена в начале одиннадцатого часа. Служили со мной оо. Павел Сато и Роман Циба и два диакона. Приобщено много детей. Русские на Литургии были: полковник Ванновский с детьми и проезжие с военных действий из Китая домой в Россию: подполковник Генерального штаба Александр Петрович Агапеев и доктор Николай Васильевич Гильченко.

Поздравление певчих своих, потом о. Алексея Савабе и его певчих и прихожан из Коодзимац-кёоквай. Между прочим, нужно было поскорее накормить обедом и отпустить с присланной японкой пять иокохамских учениц Католического пансиона. Они отпущены были до вечера воскресенья, но мне не дано было знать о том из пансиона, а они сказали, что отпущены до вечера понедельника, то есть обманули. За ними вчера приходила японка, но я этого тоже не знал, а они не пошли,

говоря, что отпущены до завтра. Сегодня, по выходе из Церкви, я получил письмо из пансиона с просьбой отправить их, и так далее. Я, конечно, поспешил это сделать. Жаль, что наши девочки такие лгуны.

За завтраком, который я предложил гостям — подполковнику Агапееву и доктору, первый очень интересно рассказывал о Китайской войне, но результат рассказов печальный. «Жестокость и бесчеловечье во время войны нисколько не уменьшается с развитием цивилизации; мы укоряем татар за их зверства во время Батыева нашествия на Россию, совершенно то же, что они делали, совершается и ныне, и всегда будет то же», — заключил Агапеев.

Отправившись с визитными поздравлениями, посетил Посольство и всех русских в Токио. У Ванновского застал еще одного офицера, возвращающегося с войны домой: ротмистра драгунов Николая Гавриловича Волкова. Рассказ этого был еще интересней: он с восемью драгунами отбил от четырехсот человек китайской конницы. Послан он был из Гирина с тринадцатью кавалеристами узнать о русском обозе, на который, по слухам, китайцы сделали нападение; в поисках обоза заехал слишком далеко и нарвался на отряд китайской конницы; в плен сдать бы — замучат до смерти, отбиться — от такого множества нет надежды; но все же лучше пасть в бою, чем быть замученным. Решились защищаться. Пока были они под некоторой защитой ограды, случившейся там, пять человек из них были убиты, и ограда разрушена; они пошли пробиваться сквозь неприятеля и шли с двенадцати ночи до четырех часов пополудни, непрерывно отстреливаясь. Лошади под ними скоро были убиты; все люди и сам Волков были ранены, но не смертельно, идти кое-как, поддерживая один другого, могли и шли с величайшим трудом и болью, особенно когда после перехода вброд одной речки должны были сбросить обувь. Наконец дошли до места, где стояла сотня казаков. Китайцы, преследовавшие их, видя это, тотчас же рассеялись. Волков и его восемь человек почти в бесчувствии повалились на землю среди своих. Фельдшера тут не было, потому портной ножницами отрезал у Волкова куски висевшего мяса на избитых его ногах. Два месяца он пролежал потом в госпитале, пока стал на ноги, хотя имел от китайской пули легкую лишь рану на одной ноге. — Рассказывал потом он об интригах начальников наших войск: ни одного добросовестного генерала — все искатели крестов и чинов, старающиеся подставить ногу один другому. Волков еще больше разочарован в войне, чем Агапеев, и возвращается в Россию с тем чтобы бросить военную службу и поступить на земскую.

Сегодня стали пить в Миссии и Семинарии новую воду, водопроводную, так как все приспособления по сему делу кончены. Слава Богу! Вода — такая, какую Создатель дал людям, чтобы пить ее прямо, без кипячения и всяких примесей, что нужно было для доселешней нашей воды, крайне

порченной. Даст Бог, и болезней теперь будет меньше, особенно желудочных, столь частых доселе у учеников.

[Пропуск в оригинале]

На телеграммы отвечено было взаимным поздравлением тотчас по получении их, на письма и листки печатается общий ответ в ближайшем номере «Сейкёо-Симпо».

7 / 20 апреля 1901. Суббота
Светлой седмицы

С семи часов утра Пасхальная служба — такая же, как в первый день: утренняя и обедня вместе. Служили отцы Роман Циба и Феодор Мидзуно; пели все певчие. Вместо антидора роздан был артос. Кончилось все богослужение в десять часов.

Десять воспитанников, отправившиеся в среду путешествовать, благополучно вернулись. Через одного из них, Пимена Усуи, бывшего у своего отца в Одавара, спрашивает отец его, о. Василий Усуи:

— Может ли его жена исповедаться и причаститься у него самого?
— Да, ведь она же может поехать исповедаться у о. Матфея в Сидзуока, или в Токио у кого-либо из здешних священников.

— Не может.

— Отчего?

— Скоро родить нужно,— с запинкою Пимен вымолвил про свою маменьку, готовящуюся подарить миру уже восьмого, если не девятого, обитателя, имея первенцем его самого, Пимена.

— Если она не находит для себя стеснительным исповедаться у мужа, то, конечно, может очистить душу исповедью и у него — он же ведь священник для всех, тем более может принять из его рук Святые Тайны.

8 / 21 апреля 1901. Фомино Воскресенье

Обычное воскресное богослужение, на котором было мало христиан.

В два часа начался «сейненквай». Я сказал о плодах воскресения Христова. Потом студент Университета Иван Накагава читал свой реферат на тему «Как образуется государство? Силою, или договором, или рождением?» Скуку навел и пустотою содержания, и перечислением множества имен европейских ученых; кончил признанием справедливости последней теории. Я возразил. Потом Иван Акимович Сенума читал «О начале нравственности» — это было гораздо содержательнее и умнее.— Посторонних было всего четверо, с Накагава в том числе; прочие все наши — семинаристы и учителя Семинарии.— Извратили

мою мысль: я предлагал давать уроки Догматического Богословия студентам Университета и другим взрослым ученикам, православным, находящимся в светских заведениях, а они обратили предположенный мною класс Догматики в класс «чего хочешь, того просишь», по преимуществу «логомахии». Ну пусть болтают — такова японская натура! Впрочем, и преподавать некому; наши ученики Догматику знают, а посторонних почти и нет.

Павел Сайто, катихизатор в Бато, пишет, что местный христианин, уже старик, Марк Уеда, бывший при смерти больным и уже оставленный врачами как безнадежный, был елеопомазан о. Титом Комацу, после чего тотчас же стал поправляться, и ныне почти совсем здоров. Слава Господу за это знамение милосердия Его!

9 / 22 апреля 1901. Понедельник
Фоминой Недели

С семи часов утра Литургия, пропетая, как и всенощная вчера, причетниками. Служили оо. Роман Циба и Симеон Юкава. На панихиду выходил и я, и ее пели хоры. Блюд больших и малых с кутьею было четыре столика и четыре классных длинных стола; христиан — почти полна Церковь, и все на панихиду зажгли свечки в руках; в блюдах свечей горело также много; немало наставили и у образов; видно, что обычай ставить свечи у икон прививается. После службы все отправились по кладбищам служить литии на могилах.

10 / 23 апреля 1901. Вторник
Фоминой недели

Начались занятия в школах и у нас с Накаем; мы с ним стали продолжать исправление перевода Псалтири, с 68-го псалма.

О. Павел Савабе возвратился из Сиракава, где отправлял Пасхальные богослужения в Церкви и по домам христиан; говорит, что благочестие падает между христианами; все очень заняты мирским, так как жить стало очень трудно по причине дороговизны на все. Говорил еще, что христианин Судзуки, пьянствовавший и бездельничавший, совсем переменялся с тех пор, как отдал сына в Семинарию: перестал пить, ведет себя хорошо, усерден к Церкви. Значит, польза духовной школы многообразна.

11 / 24 апреля 1901. Среда
Фоминой недели

Утром получил письмо от американской путешественницы и, как видно, писательницы, Miss Ackerman, в котором она изъясняет: «We are wishing very much to see you and talk about your work. Bishop MacKim has

told me you are without doubt the greatest missionary that ever came to Japan. We were at the Church at your Easter Service and thought it a wonderful sight»... и прочее.— Так поражает иностранцев успех православия сравнительно с инославными миссиями! Ну какой же я миссионер! Сижу на одном месте и занимаюсь переводами и чтением катихизаторских писем. По моему глубочайшему убеждению, я и имени-то миссионера не заслуживаю. Но иностранцы, обращающие внимание на дело Миссии, не хотят понять, или взять во внимание, что причиною успеха Православной Миссии есть не что иное, как само православие, что оно, сопоставленное с инославным, не может не брать верх над ними, и приписывают успехи человеческим действиям.

Пишет далее Miss: «We are writing all great movements in this country for the papers and we will be very glad if you have a photo of the Church», и так далее, и просит свидания в пятницу. Ответил ей: «Without taking in consideration the kindhearted joke of my good friend Bishop MacKim, I will be very glad to see you, etc».

Прибыла в Токио жена о. Павла Косуги, священника на Сикоку, лечиться от болезни. Расплакалась при свидании.

— Отчего плачете? — спрашиваю.

— Рада, что увидела Вас, — говорит.

И потом, о чем ни заговорит, заплачет. Видно, что больна. С такими нервами, не имея никакой другой причины, следует лечь в госпиталь, а у нее какая-то трудная внутренняя болезнь, требующая операции. Так как у нее здесь много родных, то сказал: пусть родные возьмут на себя половину расхода на лечение ее в госпитале, я возьму другую — и она может лечь в госпиталь до излечения.

12 / 25 апреля 1901. Четверг

Фоминой недели

Из водопроводной конторы привезли полотняные рукава — 250 футов в Миссию и 250 футов в Семинарию, с железными отвертками крапов водопровода. Мы испытали действие струи из водопровода: здесь и в Семинарии струя бьет выше крыши зданий. Вместе с тем очистилась вода и из трубки для питья; выброшенную струю труба очистилась от воздуха, захваченного при составлении труб. Итак, на случай пожара приспособление есть, но, конечно, не на это надежда, а на Бога: «Аще не Господь сохранит град, всеу бдя строгий». Храни, Господи, и вперед, как хранил доньше!

13 / 26 апреля 1901. Пятница

Фоминой недели

Была американская Miss Ackerman с другою, почти старухою. Любопытствовали и расспрашивали, но, конечно, по-женски: без системы и

порядка. Все им рассказал и показал; снабдил православными книгами на английском в ответ на заявление их желания ближе познакомиться с православием. Просили сняться в том белом облачении, в котором служил в Пасху, — очень им понравилось; от этого отказался. Просили показать митру, в которой тогда был, — показал, вдобавок и драгоценный сосуд с миром в ризнице; спросили, за что отлучен от Церкви граф Толстой? Объяснил, вдобавок перевел им словесно и манифест о сем Святейшего Синода, когда были в библиотеке. Сводил на колокольню показать вид Токио, сводил в школы показать их; в заключение и чаем русским угостил, что они нашли very refreshing.

14 / 27 апреля 1901. Суббота
Фоминой недели

О. Симеон Мии пишет, что по сделанной архитектором справке на цену медных кровельных листов и по смете, медная крыша храма в Кёото будет стоить на 1.088 ен дороже железной, прежде предположенной. Ответил я, что, с помощью Божиею, покроем храм Божий медью; пусть архитектор распорядится о сем. Не нужно будет потом заботиться о покраске, столь необходимой для железа. Если покрыть тщательно, то крыша — хоть на веки вечные; итак, дорого и трудно только в начале.

Пишет еще о. Мии: «На днях чиновники религиозного отделения Министерства внутренних дел приезжали, осматривали место и предлагали вопросы насчет отношения Церкви Кёото к Миссии в Токио и Церковного управления. Я постарался удовлетворить их ясными ответами и подарил им Книги Церковного Права. Они говорят: „Мы не имеем достаточных сведений о Православной Церкви и нигде не можем добыть их“. Я ответил им: „Отчего же вы не обратитесь за сведениями в Миссию на Суругадае? Там всегда можете получить точные сведения касательно православного учения и церковного управления“. И советовал им бесцеремонно обращаться в Миссию за сведениями и пособиями в случае нужды».

15 / 28 апреля 1901.
Воскресенье Жен мироносиц

После Литургии, в один час, была панихида по Василии Оогое, сыне старика Алексея, служащего в Миссии. Умер он в Гонконге, будучи там служащим в Банке Мицуи; там его и похоронили, и прислали сюда родителям только часть волос его. Отпели его здесь в Пасхальную неделю, а сегодня родители принесли в Церковь к панихиде в маленьком гробике его волоса; им хотелось непременно похоронить их здесь на кладбище, чтобы иметь могилку, на которую ходить поминать своего сына. Что ж,

Церковь ничего против этого не имеет! Собралось на панихиду множество друзей и знакомых покойника, его товарищей по Университету и чиновников Банка Мицуи, и нанесено было множество цветов, которые, впрочем, оставались вне Собора. Панихида была отслужена мною со священниками, пропел ее хор певчих. В утешение родителей и в назидание присутствовавших язычников я сказал поучение о том, что настоящая жизнь есть только начало вечной жизни и воспитание к ней — о бессмертии души и воскресении. Потом гробик в цветах, как бы и настоящий гроб с телом, понесен был на кладбище — настоящей похоронной процессией, с преднесением креста, певчими, священством в облачениях. На кладбище была лития. А затем начались речи друзей умершего — язычников; речи тщательно составленные и написанные, как обыкновенно это делается, но совершенно в языческом духе: восхваление покойника и сетования на безжалостность Неба (мудзёо-но тен), так рано похитившего его; было три оратора, и все в том же духе; слушатели приведены были в слезы, с которыми и зарыли ящик с волосами. Стало быть, впечатление моей речи совсем было изглажено. Жаль. И вот налицо сопоставление христианства с язычеством: там — светлая надежда и утешение, здесь — мрак и отчаяние. Совершенно как в то время, когда Апостол писал: «Не хочу же вас, братие, не ведети о умерших, да не скорбите, яко же и прочии неимущии упования» (1 Сол. 4, 13).

После панихиды отправился в Посольство, по приглашению Александра Петровича Извольского: «Сегодня, в два часа, наши дети вместе с детьми Ванновского играют у нас маленькую русскую комедию с пением и танцами..., так, если у Вас найдется свободный час посмотреть на них...» Четыре маленькие девочки, из которых младшим двум по пяти лет, и сын Гриша, семи лет, премило играли «Снегурочку» и другое с русскими песнями и танцами с помощью двух своих гувернанток. Смотрели одни русские, между которыми были Александр Иванович Павлов, наш Поверенный в делах и Генеральный консул в Корее, и Николай Николаевич Бирюков, учитель русской школы в Сеуле. Приехали они на днях лечиться от укушения бешеной собакой; собака была комнатная, любимая у Павлова; перекусила их двоих и казака русского, и повара-китайца; все четверо и прибыли, и лечатся здесь у доктора Китасато, делающего им Пастеровские прививки.

Павлов потом, вечером, был у меня, рассказывал про ревность о Хрисанфа к миссионерскому делу, про его благоразумие, что у него уже образована школа из мальчиков, а в Церкви поют взрослые, ученики школы Бирюкова, язычники, наклонные к христианству. Но печаль навел Александр Иванович своими рассказами о корейских властях и корейском народе. Ни одного, решительно ни единого человека он не нашел между корейскими министрами и всеми властью предрержащими, которые бы думали об интересах Отечества — зауряд все думают и стараются только о личных выгодах, и потому все — народ продажный и

безнравственный. Народ же простой — совсем забытый и ни о чем не думающий и не имеющий возможности думать, кроме как о куске хлеба — чтобы уберечь его от хищничества чиновников и не умереть с голода. Вообще, по убеждению Павлова, нация эта совсем не способна существовать самостоятельно. Как история воспитывает народы! Японцы и корейцы — одной и той же расы, одинаковой древности. Но у первых все и каждый патриоты и смотрят в герои, у вторых, по-видимому, и возможности того нет.— Только правда ли? Не слишком ли мрачно смотрит Павлов на корейцев?

16 / 29 апреля 1901. Понедельник

Матфей Юкава, из Накацу, пишет, что там крестился один бонза, ныне Павел Фудзии, вместе со своей женой, ныне Анной. Фудзии родом из города Фукуи, в Едизен, секты Оотани, Монтосиу, и даже приходится племянником главе секты господину Оотани; имел разные неприятные столкновения с начальством, вследствие чего удалился на Киусиу, в Накацу, где и прожил семь лет. Слушал он учение католиков. Но когда католический катихизатор оставил католичество и сделался православным — ныне Иосиф Окада — он объяснил ему неправоту католичества и привел к православию.— У Матфея Юкава спрошено, не пожелает ли Павел Фудзии продолжить дальнейшее христианское научение в Катихизаторской школе и сделаться проповедником?

Василий Таде описывает празднование Пасхи в Оказаки, и, между прочим, что много язычников было на празднике; прозвали язычники Пасху «тамаго-мацури», и многие просили уведомить их, когда будет богослужение, и были на нем ночью. Таде видит в этом хорошее предзнаменование. Действительно, интерес к христианству в язычниках как будто увеличивается.

О. Павел Морита пишет, что в Маебаси при смерти старый добрый христианин Иосиф Фукусава; исповедался и пособорован; все время находится в таком благочестивом настроении, что ни о чем больше не говорит, как о Христовой вере: христиан убеждает твердо блюсти ее, язычников, посещающих его,— непременно сделаться христианами.

17 / 30 апреля 1901. Вторник

Прибыл о. Павел Косуги из Токусима, на Сикоку. Зачем? Желать в госпиталь. Телеграфировал ему, в ответ на его телеграмму, что должен он отправиться в Токио: «Не нужно Вам сюда, будьте покойны; жена будет принята в госпиталь». Где же послушаться? Не обратил внимания! На его желание видеться со мной сегодня я ответил, что «он прибыл по своему частному делу, пусть и исправляет его; мне некогда».

Да и действительно некогда: сию за переводом; к тому же день расчетный, поминутно входят за деньгами.

Был русский: барон Борис Александрович Таубе, подполковник, начальник штаба у адмирала Алексева в Порт-Артуре, с супругой. Давно и как близко служит от Японии и о Миссии — ни малейшего понятия! Иностранцы несравненно более интересуются нашею Миссиею, чем русские. Обидно не за Миссию, а за русских.

Был Николай Николаевич Бирюков, что из Сеула. Этот несколько лучше смотрит на корейцев, чем Павлов. Хвалил усердие и добрую душу некоторых из своих учеников, которых у него ныне в училище сорок. Один из воспитанных им ныне уже профессор корейского языка в Восточном институте во Владивостоке.

18 апреля / 1 мая 1901. Среда

Был Павел Косуги, катихизатор в Тоёсакай, в Симооса, просил катихизатора для Яцимата-мура, селения в 5 ри от Тоёсакай, с тысячею домов населения. Его туда звали на проповедь; он был и нашел много слушателей. Но послать туда, конечно, некого; он же пусть и проповедует там; по чугунке всего час езды от Тоёсакай.

19 апреля / 2 мая 1901. Четверг

Учащиеся имели рекреацию. Семинаристы и ученики Катихизаторской школы справляли ее в Асакаяма, куда им отвезли и обед, по обычаю, да еще на пятнадцать человек лишних — учителей, катихизаторов и прочих гостей из города, из служащих Церкви, 5 ен дал на кваси; большую часть сих денег они употребляют обыкновенно на призы во время их игр.

Мы с Накаем до обеда и вечером, как всегда, переводили. А после обеда, в час, отправились в Уено, на выставку, посмотреть те вещи, которые возили в прошлом году на Парижскую выставку и которые теперь здесь выставлены на короткое время для осмотра публикой. Вещи все — почтенной древности и отличного производства. Жаль только, что не надписаны годы их происхождения, хоть приблизительно, — было бы несравненно интересней. Поражает упадок ныне японской живописи сравнительно с выставленными превосходными картинками древнего производства.

Вернувшись с выставки, съездил в Imperial Hotel сделать визит Александру Ивановичу Павлову, Бирюкову и сегодня приехавшему и остановившемуся там же Павлу Степановичу Полову, пекинскому драгоману, которого лексикон здесь печатается; он был у меня, когда я отлучался на выставку.

20 апреля / 3 мая 1901. Пятница

О. Петр Кано, из Хакодате, пишет, что Евграф Кураока, отправляющийся на Камчатку, просит меня «для удобства сношений там с русскими (коосай-но бенрино тамени)» написать ему свидетельство, что он христианин.— Отвечено, что если б просил для того, чтобы участвовать там в таинствах Церкви, то свидетельство следовало бы дать: хакодатский священник должен бы был снабдить его этим свидетельством. Но так как Евграф просит совсем не для церковной нужды, то и совсем свидетельство не нужно.— Хочет посредством моего свидетельства добыть там привилегию на рыбные ловли, или что-либо в этом роде; словом, злоупотребить, как когда-то злоупотребили сим на Сахалине, отчего произошла потом в Хакодате между христианами неурядица, в которой деятельное участие принимал этот же самый Евграф, по своей ссорливости и злоязычию дряннейший из хакодатских христиан, несмотря на то, что с пеленок воспитан Миссиею.

21 апреля / 4 мая 1901. Суббота

Утром, во время перевода, являются две русские воспитанницы, учившиеся в Католическом женском монастыре здесь, на Цукидзи, дочери инженерного полковника Языкова в Хабаровске — Вера, девятнадцати лет, и младшая сестра ее, очень встревоженные, со слезами на глазах, и рассказывают следующее: «Первого мая они вместе с своей старшей сестрой Марией, которой без двух недель двадцать один год, отправились из монастыря домой, в Хабаровск; для того сели в Иокохаме на пароход, идущий в Кобе. Проводила их на судно монахиня; по уходе ее Мария сказала сестрам, что «у нее голова болит, поэтому она запрется в своей каюте, чтобы не беспокоили ее». Часа через три, когда они уже были в море, хватились они сестры, но ее и след простыл: ни в каюте, нигде на судне не нашли ее, а нашли письмо, адресованное к сестрам, в котором она объясняет, что уходит в католичество, потому оставляет их, просит не искать ее, ибо никак не найдут — она не останется в Японии. Крайне опечаленные этим сестры в Кобе сошли с парохода и по железной дороге вернулись в Токио, и вот пришли ко мне просить выручить их сестру от католических монахинь; жаловались, что они сограбили ее, что все приготовили к ее побегу, что теперь они — сестры — поняли, для чего Мария взяла себе отдельный от них паспорт, для чего монахиня отдельно указала ее багаж, для чего покупала ей темные очки» и прочее.

Я, к сожалению, ничем не мог непосредственно помочь им. Со мной, вероятно, эти фанатики в Католическом монастыре и разговаривать бы не стали. Потому я отправил их к посланнику, а вслед за ними и сам

отправился к нему. Александр Петрович Извольский горячо принял их дело; но тотчас же изъявил сомнение, чтобы можно было вернуть украденную монахинями — вероятно, ее уже успели спровадить из Японии. Он оставил девицу себя и обещал немедля предпринять все, что возможно, а после известить меня о том, что сделано.

В три часа посланник, действительно, приехал ко мне и рассказал следующее: был он у монахинь; начальница и две сестры приняли его. Первая с изумлением приняла рассказ о похищении и, по-видимому, не знала о нем; по лицу же сестер, особенно той, которая совращала Марию, прямо было видно, что они знают и устроили все; но, конечно, зареклись во всем. Посланник им сказал, что «прямо винит их в исчезновении их воспитанницы, которая была поручена им и которая теперь где? Быть может, в каком-нибудь непотребном месте, по их вине. Вина их тем больше, что воспитанница несовершеннолетняя, не могущая распоряжаться собою. И потому пусть они найдут ее и доставят в Посольство или скажут, где находится. Будет он ждать до девяти часов завтрашнего утра их ответа, и если не будет удовлетворен, то отнесется к японскому Правительству, чтобы пропавшую искали по всей Японии». — С этой угрозой посланник оставил монахинь, потом был у французского посланника с просьбою его содействия найти похищенную французскими монахинями.

Был Павел Степанович Попов с супругой и четырьмя дочерьми посмотреть Миссию с ее учреждениями и доплатить то, что передержано было на его словарь. Кстати и пожертвовал 31 ену на Миссию.

Rev. Snodgrass прислал следующее печатное письмо: Dear Sir, will you be so kind as to answer the following questions in the interest of Christian Union in Japan:

1) What is your personal view as to the kind of union desirable; and in what condition would such union leave the present denominations?

2) How can such a union be best accomplished, и прочее.

По прочтении, набросал в ответ: My view is — to return all protestant denominations to the faith of one individed Church of the first ten centuries of Christianity, etc; но отбросил в сторону, раз — не совсем прямо на вопрос, другой — какая польза толковать с протестантами об union? Не исцелишь никого из них от этой вечно зудящей у них болячки сектантского разлада. Исцелятся они только тогда, когда и взаправду вернуться к вере Неразделенной Церкви первых десяти столетий, если только Господь пошлет им это счастье, которого они по своей гордости в настоящее время еще отнюдь не достойны.

22 апреля / 5 мая 1901. Воскресенье

До Литургии крещено несколько человек. В том числе — мать Елисаветы Котама, начальницы Женской школы, старуха шестидесяти пяти

лет. Странные отношения к вере и к детям! Последним нисколько не помешала сделаться христианами, а сама до сих пор никак не хотела из-за убеждения, будто христианство запрещает почитать предков. Наконец ей втолковано было, что оно не только не запрещает, а велит почитать и любить предков, но только выражать эти почтения и любовь молитвою Богу за них, а не им. Ныне она с сожалением говорит — «отчего я не знала этого двадцать лет тому назад, тогда бы следовало сделаться христианкою». Крещена также подкинута в Миссию девочка, взятая Елисаветою Котама на воспитание. Мать девочки приходила в Женскую школу повидать дочку, рассказывала, как по звону соборного колокола пришла ей решимость подкинуть именно сюда, как потом она месяц в тюрьме высидела — наказание по японскому закону за подкинутие, и прочее.

После Литургии был благодарственный молебен по случаю рождения сына у Наследника японского престола. Предварительно я сказал несколько слов о том, что Бог хранит японское государство, современные которому древние государства давно погибли,— хранит за добрые качества у японского народа, любезные Богу, хотя еще не знакомому японцам; что добром своим японский народ много обязан руководящей его Императорской династии — потому должен молиться за нее...

Из Церкви между другими японскими гостями зашел ко мне Иосиф Окада, прибывший из Накацу, на Киусиу, просить привилегию на избретенную им машину вязать сети. Это бывший католический катихизатор, познавший ложь католичества, бросивший его и принявший в прошлом году православие. Он обратился потом в православие и живущего в Накацу уже семь лет Фудзии, бонзу знаменитой фамилии (смотри — 16 апреля). Думал я, нельзя ли из Фудзии образовать проповедника. Оказывается — нельзя. Окада рассказал, что Фудзии не прочь сделаться служителем Церкви, но «прямо священником». Этой одной черты достаточно, чтобы видеть, что у человека нет христианского смирения нисколько, что он едва ли и понял христианство, и что о. Петр Кавано поспешил крестить его. Сам Окада — человек скромный, почтенный и, по-видимому, искренний христианин.

23 апреля / 6 мая 1901. Понедельник

День тезоименитства нашей Государыни, потому был в Посольстве на молебне. За завтраком и после был горячий спор у посланника с Ванновским об отношении в России Правительства к католикам. Извольский винит светское Правительство (совершенно исключая из этого Духовное ведомство), что оно суровыми и разными нелогичными мерами раздражает католиков и глубже вгоняет в них дух фанатизма и ненависти к России. Ванновский отстаивал строгие меры.

Кстати, католические монахини признались, что они способствовали побегу Языковой: они снабдили ее деньгами на проезд до Парижа и отправили ее на пароходе, ушедшем в Канаду. Значит — *finita la comedia*, девица безвозвратно поглощена мутным морем католичества. Дураки родители, волчицам поручающие ягнят.

Вечером был Такеноуци, издатель морального журнала «Ринрикай», спрашивал, верно ли переданы мои мысли в статье, описывающей предыдущее его свидание со мною; в дальнейшем разговоре я продолжал убеждать его, что христианская религия — единственное прочное основание нравственности; но человека неверующего едва ли можно убедить в этом.

24 апреля / 7 мая 1901. Вторник

Утром, во время перевода, сказано, что «два старика, пришедшие из Магата (в провинции Акита), желают меня видеть; Иоанн Хатакеяма направил их сюда; они хотят сделаться христианами». На мой вопрос — «не могут ли они пожаловать часа в три — теперь я занят?» — они ответили, что «придут в три часа».

В назначенное время приходят; действительно, очень почтенные, седые; один притом бывший маленький князек.

— Прибыли взглянуть на Токио? — спрашиваю.

— Собственно к вам, — отвечает князек.

— Очень приятно слышать это. И ваше побуждение?

— Спасения просим (сукуи о негау).

— Еще приятней слышать. Как же вы понимаете спасение?

— Так, что вы поможете нам в жизни.

— То есть?

— Спасите от бедности. Средств нет жить. Я служил городским старостой (чёочёо); жалованье всего 7 ен, а семья большая, вот я и пришел к Вам проситься в христианство, чтобы Вы помогли жить, — объяснился князек.

Я так и опешил. Никогда никому православие такого спасения не проповедывало. Должно быть, смешали его с католичеством. Самым простым и понятным языком я постарался объяснить старикам, что такого «спасения» Миссия не дает и не может дать, что спасение, которое она обещает и дает, совсем другого рода — «душевное, вечное», и прочее.

— Да ведь не даром, а за сабли, — вставил другой старик.

— Действительно, у меня есть хорошие сабли, оставшиеся от прежнего моего достояния; я их Вам отдам, — пояснил князек.

От часу не легче!

— Отдайте их купцу, это несколько и поможет вам. А мне они на что же? Миссия может оказать вам разве следующую небольшую помощь: если хотите, можете отдать одного или двух ваших сыновей в миссийские учебные заведения, но это при том, если пообещаете не помешать им потом поступить на церковную службу. И так далее.

Старики, наконец, ясно поняли назначение Миссии и ушли.

25 апреля / 8 мая 1901. Среда

Кончила курс когда в нашей Женской школе девица Морита Сен; училась отлично; по Догматике отвечала лучше всех, сочинения на религиозные темы писала, как усердная христианка. Но ушла из школы язычницей. Дочь состоятельных родителей; выдана была замуж за богатого человека, основателя банка. Думал я, что прошло Слово Божие мимо души ее, не заронив искру в сердце. Ошибся я. Сегодня она пришла ко мне вместе с Елисаветой Котама и просит крещения. Нарочно для того прибыла из Сендая, где служит муж ее. Она уже мать двоих детей. Муж позволил ей принять христианство, но с тем, чтобы она потом не принуждала и его к сему: «для меня еще рано», говорит. Муж ее, кажется, очень любит, но свекровь — своенравная старуха, доставляющая ей, по видимому, немало мучений. В христианстве Сен хочет найти, между прочим, и нравственную опору для себя в перенесении домашних неприятностей. Так как отлично знала христианство, то ей нужно только повторить его, что она и сделает при помощи учительниц Женской школы, своих приятельниц, после чего может креститься.

26 апреля / 9 мая 1901. Четверг

Был в Иокохама, в банках, по делам. Так как сегодня в первый раз показали в Русско-Китайском банке размен выгодней, чем в других банках, с которыми Миссия имеет дела, то я и разменял в нем; кроме того, положил сумму на текущий счет, то есть завязал дела Миссии с Русско-Китайским банком.

27 апреля / 10 мая 1901. Пятница

Вчера и сегодня писал письма в Россию: заказывал колокола для Церкви в Кёото заводу Финляндского в Москве, чрез сотрудника Миссии в Москве о. Николая Васильевича Благоразумова; и просил Василия Геннадиевича Дудышкина уплатить за колокола и сделать иконostas для кёотской Церкви в Москве. Посоветовал обратиться к нему Лев Александрович Тихомиров, чрез которого и послано письмо Дудышкину. О. Благоразумов телеграммой известит об успехе или неуспехе моих

писем; в последнем случае придется выслать плату за колокола отсюда, а иконостас — не заказать ли в Петербурге? Был бы образцовым и для последующих построек Церквей. Увидим, что Бог даст.

28 апреля / 11 мая 1901. Суббота

Раздосадовал Павел Осида, ученик первого курса Катихизаторской школы, из бонз, являющий себя всегда преусердным к христианству, каждую субботу отправляющийся на проповедь к знакомым своим в окрестности Токио. Сегодня притащил одного из тех, которым проповедует там, и просит крещения для него. Я стал испытывать, и кандидат крещения оказывается ровно ничего не знающим из вероучения. Я, конечно, отослал его обратно. Между тем жена его несколько недель тому назад крещена. Спрашиваю о. Феодора Мидзуно: «Знает ли она вероучение?» «Я не испытывал ее», — отвечает он. «Как так? Почему?» «Осида сказал, что Вы сами испытали и нашли ее готовою к крещению». «Я и не думал испытывать; напротив, отослал ее к Вам для того. Значит, Осида солгал». Значит, с бывшими бонзами нужно быть особенно осторожными: люди, привыкшие легко относиться к делам веры, да и ко лжи тоже навывкшие.

29 апреля / 12 мая 1901. Воскресенье

Боль в пояснице едва позволила отслужить Литургию. После хотел было отдохнуть, чтобы успокоить боль, так приехал полковник Ванновский с германским посланником графом Arco Valley. Граф назначен сюда из Мексики, привез поклон от нашего посланника там Шпейера и жены его, хотел видеть Катю Накаи, крестницу мадам Шпейер, но та не оказалась дома. Показал посланнику Собор, вид города с колокольни, библиотеку, зато растревожил поясницу еще больше, и вечером с трудом занимался переводом.

30 апреля / 13 мая 1901. Понедельник

Утром в пять часов о. Феодор Мидзуно отправился на вокзал в Уено, чтобы ехать в Оцу хоронить умершую христианку, а чрез час вернулся: в ту минуту, когда покупал билет, оставив на лавке узлы с вещами, их вор украл; там были: старый гробный покров, облачения — не новые, свечи, крест, трепник. Не разживется и вор; кроме верхней планки из серебра на небольшом кресте, ценного ничего; притом все такое, что и сбить вору некуда — вероятно, возвращено будет.

Петр Кураока, катихизатор в Тоёхаси, спрашивает: «Христианин взял в жены язычницу; потом у него пропала охота сочетаться браком с ней;

можно ли повенчать их?» Ответено: «Пусть жена сделается христианкой, тогда и пусть будет освящен их брак таинством венчания».

Еще спрашивает: «Язычник взял в жены христианку, а потом развелся с ней; на ней хочет жениться теперь христианин: как считать этот брак, первым или вторым?» Ответено: «Пусть считается по жениху; если он первым браком, то пусть и повенчают их по первому, если вторым — по второму».

О. Андрей Метокси длинным письмом оправдывается в своей лени — «место-де такое, что успехов проповеди не может быть», и приводит в доказательство примеры инославных миссий — «все-де бесплодны». Нашел, чем убедить! «Пусть-де отец благочинный придет удостовериться».— Это о. Павел-то Савабе? Еще лучше! У этого человека вечно очки на носу, или красные, или черные — всегда почти последние, и чрез него узнавать истину? Чтобы затемнить истину и произвести смуту, о. Павла послать можно, но не наоборот. Одно только и привел основательное в защиту свою о. Метокси: «Не крестил младенца в Уеда, потому что у него отец язычник, без позволения которого мать не решилась крестить младенца, а отец был в отсутствии». Так это следовало бы и объяснить в прежнем письме.

1 / 14 мая 1901. Вторник

У учащихся вторая рекреация. Женская школа отправилась за город; дал 5 ен на расходы; обед возьмут из школы. Ученики так отдыхают.— Для нас с Накаем рекреаций не бывает — переводили.

Один язычник письмом убеждает отменить трезвон в Соборе — производит-де дурное впечатление и дает дурное понятие о нашей вере. Если не послушаюсь, то угрожает внезапным бедствием. Письмо принес сам автор, студент Юридической школы, недалеко от Миссии; написано очень хорошо; автор говорит, что несколько раз был на богослужениях в Соборе. Если бы письмо было безличное, то следовало бы препроводить в полицию. Господь сохранит место селения славы Своей!

Василий Окуяма, из Фукуока (на севере Ниппона) жалуется, что некому проповедывать — нет слушателей, потому скучает он там; есть у него один усердный христианский дом — Петра Сакая, в Томаимура, но и тот собирается переселиться в Хоккайдо. А Моисей Симотомае, старик, напившись пьян, расшиб его катихизаторскую квартиру.— Бедный Василий! На Соборе переместить его в другое место, получше.

Яков Мацудаира (бывший Нива) просит очень катихизатора на Формозу — «там есть наши христиане и есть желающие проповеди». Но некого; на Соборе тоже едва ли найдется для Формозы.

А бывает и так: просят катихизатора, дашь, а потом оказывается не нужным. В Токонабе просили, послал Павла Сакума, а сегодня письмо от о. Матфея: «Переводим Сакума в Какегава, по ненужности его в Токонабе».

2 / 15 мая 1901. Среда

О. Петр Сибаяма, из Нагоя, пишет, что «ездил в Осака посетить больного о. Иоанна Оно, был в Кёото, видел постройку храма». Так! Без всякого спроса и без нужды бросать место службы для прогулки! Ни мысли о дисциплине! Пишет еще, что «когда посещал христиан в Яманака, пригласили его на проповедь в селение, 2 ри оттуда, усердно слушали проповедь и просили прислать проповедника для дальнейшего научения их». Где же его взять? Пусть сам проповедует.

Был Rev. King, английский епископальный миссионер, вместе с Rev. Sharpe. Последний служит в Лондоне, и прислан сюда на два месяца всего, заменить иокохамского епископального пастора, пока этот в отлучке для отдыха. Вот какая роскошь у них на людей! Ровно пятьдесят человек епископальных миссионеров здесь с четырьмя епископами в том числе; отлучается в Иокохаме служащий для англичан пастор; чего бы легче, как заменить его одним из миссионеров на время отлучки? Но и тут шлют для этого особого человека. А у нас-то? Один миссионер, и тот должен быть настоятелем Посольской Церкви.

3 / 16 мая 1901. Четверг

Был капитан Василий Павлович Осеки сказать, что чрез десять дней отправляется в Россию, и попросить рекомендательных писем. На прямой вопрос: «Как формулировать цель Вашей поездки в Россию?» Он отвечал:

— Изучить, как воспитывается дух русского войска ([?]сей-син-но кёоикю-о кенкиусуру). По моему мнению, религия играет в этом очень важную роль, поэтому главное — изучить отношение религии к военному воспитанию

Стало быть, тоже источник его действий — в патриотизме — послужить отечеству. Должно быть, и христианство принято им по сему внешнему побуждению, вопреки прежним уверениям его.

Долго я толковал ему, чтобы стал выше и взглянул шире, признал умом и почувствовал сердцем нужду христианства для души, как созданной по образу и подобию Божию, как бессмертной, имеющей нужду в воспитании ее для вечной жизни, чему именно и служит Христова вера. Он уверял вслед за мной, что именно так и думает и чувствует. Но что-то сомнительно. — Говорил ему также смотреть на Россию с лицевой стороны, видеть и изучать в ней хорошее, для чего он и едет, а не ходить там на задние дворы и черпать грязь. — Обещался приготовить несколько писем в Петербург и Москву.

Часа в три поехал отдать визит германскому посланнику — оставил карточку, не застав дома.

4 / 17 мая 1901. Пятница

Морита Сен (по мужу Кимицука Сен) приходила просить позволения принять крещение в воскресенье. Повторяла она вероучение в эти дни, слушая объяснения о Феодора Мидзуно и беседуя с учительницами в Женской школе. Я ее испытал; на вопросы о Святой Троице, о перво-родном грехе, о Спасителе, о Богоматери отвечала ясно. Видно, что не забыла того, что учила по Догматике, когда ходила в Женскую школу. О. Феодор Мидзуно преподаст ей святое крещение послезавтра.

Один из учеников старшего курса Катихизаторской школы, Ватанабе, заболел чахоткой и, кажется, безнадежен к выздоровлению; отправлен домой. Кончат курс почти некому. Где тонко, там и рвется!

Сошедший с ума когда-то, лишь только кончив Семинарию и поступив в проповедники, Матфей Тода, живущий ныне у отца, в Карасуяма, не перестает добиваться службы церковной: опять прислал целый ворох своего перевода Богословия архимандрита Августина.

Чахоточные и сумасшедшие — вот контингент нашей армии!

5 / 18 мая 1901. Суббота

Петр Исикава, редактор, вернулся из своего путешествия по Церквям провинции Идзу для собирания сведений о начале Церквей и их состоянии. Рассказ его был очень занимателен; многого и я не знал; везде видны следы благодати Божией, разными способами призывающей людей на путь спасения. Теперь новых слушателей по Церквям почти нет, и Церкви кажутся в застое; тем не менее рассеянные по городам и селениям христиане продолжают жить церковною жизнью: блюдут свою веру и по возможности стараются исполнять свои христианские обязанности. Для развития церковной жизни как бы нужны были хорошие катихизаторы! Доселешние — Кобаяси, Озаки — были совсем бездеятельны; теперешний — Павел Цуда — очень хорош, но устарел и болезнен.

6 / 19 мая 1901. Воскресенье

День рождения нашего Государя, но я послал письменное поздравление с праздником посланнику и на молебен не поехал, так как боялся опоздать после нашей службы, притом же и поясница болит — трудно было бы выдержать поездку и дальнейшее служение.

До Литургии крещены: Кимицука Сен, о которой было выше, нареченная Софиею, и Доде, нареченный Стефаном, сын бывшего удельного князя, получавшего 3 ман коку, на Сикоку, в провинции Иё, городе Иосида, родственному дому Сендайского князя, — молодой человек

двадцати шести лет. Обращение его в христианство произошло следующим образом. Три года тому назад у него умер отец; он очень опечален был этим, и сильно заняла его дума об участи души его, а также и своей собственной; что душа не умирает вместе с телом, сомнение в этом никогда не входило в его голову, но что же с душою бывает после смерти? Где ответ на это? Очевидно, в религии; и вот стал он изучать буддизм; много слушал проповедей и перечитал молитвенников — ни на волос не был удовлетворен; обратился к синтоизму — еще менее было успеха: только что один канниси сделает ему какое-либо объяснение, как следующий за ним другой сотрет его с души совершенно противоположным толкованием. «Не лучше ли ясо?» Под этим именем в его понятии были все христианские веры, существующие в Японии. И вот он стал слушать всех, какие попадались ему на пути, католиков и протестантов. Тут было лучше; некоторое удовлетворение чувствовалось, но далеко не полное. Несколько раз предлагали ему креститься, но он удерживался. В последнее время, месяца четыре тому назад, он жил в Ооисо, так как болел грудью. Здесь он слушал методического проповедника, который квартирует в доме православной христианки; случайно попался ему под руку номер нашего журнальца «Сейкё-ёова», очень понравившийся ему. «Что это за книжка?» — спросил он методиста. «Коре кусатта хон» (гнилая книжка), — ответил тот с сердцем, отбрасывая книжку. «Странный отзыв о такой хорошей вещи», — подумал Доде, уже с сомнением о методисте; а старуха Мария доставила ему еще несколько номеров «Сейкё-ёова», все более и более нравившихся ему, и насколько могла объясняла ему православие и отличие его от протестантства; в заключение же советовала ему обратиться за научением к православному проповеднику, когда он пожелал этого, привела к нему Петра Ока, нашего проповедника для Ооисо и Катаока. Доде стал слушать катихизации Ока, и сразу же православию ему так понравилось, что он не переставал изучать его до полного убеждения в его истинности. Кроме Ока, слушал о. Василия Усуи в Одавара и тамошнего проповедника Стефана Акахира; а в Токио, пришедши в наш храм, просил указать ближайшего к его дому проповедника и, так как сим оказался диакон Мацуда, слушал учение от него. Наконец, почувствовал он в своей душе полную веру в Христа Спасителя и непреодолимое желание теснейшего общения с ним, потому на днях прибыл из Ооисо, где, по совету врачей, проводит большую часть времени, и попросил крещения. Я послал о. Романа Циба, в приходе которого находится местность проповеди диакона Мацуда, испытать Доде; оказался вполне знающим вероучение, настолько, чтобы без всякого сомнения быть допущенным к крещению, и одушевленным горячим желанием сделать христианами и своих семейных. В семействе у него мать, два старших брата и другие родные; никто не противоречит его желанию принять христианство; напротив, кажется с полным сочувствием смотрят на это. Старший брат один сегодня присутствовал при его крещении,

потом вместе с ним стоял на Литургии, а после у меня они оба пили чай. Здесь только я лично познакомился со Стефаном Доде. Не успел еще спросить у него, что удерживало его до сих пор от знакомства со мной: скромность ли, или желание узнать христианскую веру от одних японских источников? Во всяком случае, я очень рад видеть, что помимо меня уже японцы, ищущие Христа, находят к Нему путь. Дай же, Боже, побольше сего, чтобы не блядословили католики, будто православие здесь зависит от человека, а не от своей силы и правды.

7 / 20 мая 1901. Понедельник

Моисей Минато с Сикотана пишет, что христиан-курильцев ныне в живых всего: пятьдесят девять человек, в том числе двадцать два мужчины, тридцать семь женщин, и жалуется, что женщинам не за кого выходить замуж; спрашивает — «можно ли за язычников-японцев?» Конечно, в этой крайности можно разрешить и за язычников, если найдутся хорошие люди, желающие брать их. Но найдутся ли там таковые? Тут же поневоле Моисей сетует, что попадающие туда японцы развращают христианина. Хорошо бы выдавать их в Немуро, но японцы не легко женятся на них — к презираемому ими племени айнов принадлежат-де.

8 / 21 мая 1901. Вторник

Кончили мы с Накаем исправление Псалтири. Но еще раз надо перечитать — быть может, найдется еще кое-что переменить. Стоить будет отпечатание 1000 экземпляров 342 сны, по принесенной из типографии смете; из другой типографии принесли даже несколько дороже.

Вечером была всенощная с литией и величанием, пред завтрашним Праздником Святителя Чудотворца Николая.

9 / 22 мая 1901. Среда

С семи часов утра Литургия, отслуженная мною с тремя иереями; после нее молебен. Потом поздравления с именинами; чай, завтрак для поздравителей; школам на симбокквей, прислуге на чай; с восьмого часа визиты русских, из Посольства и других. Вечером всенощная пред завтрашним Праздником.

10 / 23 мая 1901. Четверг. Праздник Вознесения Господня

Христиан в Церкви было почти столько, как в обычную воскресную службу,— и за это уже слава Богу!

Из Хакодате церковные старшины пишут жалобу на тамошних катихизаторов — что «ровно ничего не делают для Церкви да еще дрянными речами вносят смуту между христианами», а священника о. Петра Кано хвалят, просят во время Собора переменить катихизаторов на более пожилого и прилежного. Действительно, Обара и Моки — очень молодые для самостоятельного дела, но они же и назначены были в Хакодате потому, что там есть священник, под руководство его; только руководитель-то этот оказывается таким слабым, что как будто и нет его там. Конечно, во время Собора Обара и Моки будут взяты оттуда. Спрашивают старшины, «нужно ли им делать общее собрание христиан, чтобы составить прошение к Собору о перемене катихизаторов?» Ответчено: «не нужно; довольно теперешнего их письма», да еще собственных моих сведений и соображений.

От о. Петра Кавано — подробное описание, как у него, в Янагава, было собрание катихизаторов его ведения для рассуждения о местных церковных делах и нуждах. Прежде всего, разумеется, угощение. Потом нашумели столько, что, действительно, человек двести язычников собралось слушать их; и что же они предподнесли этому собранию? Вместо того, чтобы воспользоваться таким благоприятным случаем и дать язычникам хоть некоторое основное понятие о христианской вере, они поболтали на частные темы — «О праведном суде», «О почитении к родителям» и подобное. Напускали пузырей на воде! Были у них и соборные рассуждения и резолюции, из коих первая: «кроме частной проповеди отдельным лицам и семействам нужно устраивать и большие проповеднические собрания». А во всем ведении о. Кавано, у него самого и у всех его катихизаторов, и частной проповеди-то нет нигде — безнадежность и разленелость общие. Прочее все в описании — дребедень, печаль возбуждающая. Послал, впрочем, для напечатания.

11 / 24 мая 1901. Пятница

Иван Акимович Сенума рассказал про вчерашнее вечернее собрание учеников и их речи; из последних некоторые состояли в злоречии; особенно отличился ученик четвертого класса Игнатий Ивама; по нем, «Правило ходить в Церковь нужно отменить, правило в назначенное время вставать, ходить в класс и подобное никуда не годится — все это стесняет свободу; нужно отдать на произвол каждого ходить в Церковь, в классы — вести себя, как кто хочет». Что за дичь! И это мелет взрослый дылда, могущий своими речами смущать малышей. И — не в первый раз; от Ивана Акимовича он уже был вразумлен, что такое злохуление должен прекратить. Сказал я Ивану Акимовичу, чтобы завтра посоветовался с учителями, не лучше ль исключить Ивама из Семинарии, инструкция

которой столько противна ему. Кстати же, он и учится плохо, способностей плохих — в будущем не обещает из себя доброго служителя Церкви.

12 / 25 мая 1901. Суббота

Господин Сенума пришел сказать, что все учителя рады выключить Игнатия Ивама из школы и за характер его, и за малоуспешность. Потому я велел ему прийти за деньгами на дорогу до Такасимидзу, к его дяде, катихизатору.

Из Хоккайдо пишет Мария Косияма, муж которой, один из первых христиан в Хакодате, утонул на Хакодатском рейде, катаясь в лодке, почти тридцать лет тому назад, — просит 20 ен на погребение себя — «приближаюсь-де к смерти, и бедна». Боже, кто только и на что не тянет из Миссии! Послал 10 ен, конечно, не из церковных — в церковном отчете странно было бы упомянуть такой расход.

Была мадам Кикици, вдова недавно умершего Павла Кикици, владелица оставшихся после мужа больших сахарных плантаций на Огасавара-сима, очень благочестивая христианка; рассказывала много интересного про эту маленькую группу островов; прекраснейший там климат и природа, и нет ничего вредного для человека: ни диких зверей, ни змей, ни комаров, ни блох; нравы у всех людей безвинные — никаких преступлений нет: ни воровства, ни прелюбодеяния, ни драк и ссор; ни у кого нет замков на дверях; тюрем нет. Жителей на Хаха-сима, где главные плантации, до 1200 человек. Одна только беда бывает — опустошительные бури. Не без того, кажется, чтобы мадам Кикици не была в значительной степени оптимисткой.

13 / 26 мая 1901. Воскресенье

Рано утром Елисавета Котама пришла сказать, что умерла Марина Хата от «какке»: в два часа ночи еще ходила и признаков не показывала, что близка к кончине, а в пять часов нашли ее уже похолодевшую! Какая это страшная болезнь! Хата была уже на выпуске, совсем взрослая; впрочем, ежегодно в это время страдала от «какке».

После Литургии капитан Василий Павлович Осеки был, чтобы получить приготовленные для него в Россию рекомендательные письма и проститься. Позавтракали вместе с ним и Иваном Акимовичем Сенума, учившим его по-русски, и простились. Послезавтра отправляется он в Россию чрез Сибирь. Намерен пробыть в Петербурге и Москве три года; в то же время он состоит на службе, даже получает небольшое жалованье от своего ведомства.

Вечером Марину Хата в гробе перенесли в Крестовую Церковь, и всю ночь ученицы читали над нею Псалтирь, с усердием, похвальным для Женской школы — чуть не вся школа провела ночь в Церкви.

14 / 27 мая 1901. Понедельник. День коронации нашего Государя

В половине одиннадцатого часа отправился в Посольскую Церковь — как раз к началу Литургии, после которой отслужил с о. Сергием Царский молебен, но на приглашаемый завтрак у секретаря Поклевского (так как посланник в отсутствие — он в Нагасаки, жена с детьми в Камакура) остаться не мог, спешил к отпеванию вчерашней покойницы. В два часа было отпевание, после чего погребением «сейсики» проводили Марину Хата на кладбище — школы в полном составе, служащие в облачениях, с преднесением креста.

По возвращении с кладбища начальница школы Котама пришла сказать, что «завтра рождение Императрицы — все женские школы отдыхают, следует и нашей тоже». Разумеется! И это очень кстати — так как Женская школа утомлена бдением прошлой ночи и похоронами.

Но в девять часов вечера, когда мы с Накаем кончили занятие, пришел гувернер семинаристов Петр Суда сказать, что «завтра и мужские гимназии не учатся, так не отдохнуть ли и Семинарии?» Нечего делать! Пусть отдохнут.

15 / 28 мая 1901. Вторник

О. Феодор Мидзуно вернулся из Яманаси, Коофу, похоронив там христианку, из-за могилы для которой произошел там немалый спор: бонзы не дали похоронить ее, как христианку, на родовом ее кладбище, а похоронили ее на чужом. Стало быть, не везде еще христианство мирно принято.

На возвратном пути о. Феодор побыл, согласно приглашению, в Ооисо, у Стефана Доде. Сей, между прочим, говорил ему, что «советует своему старшему брату (еще язычнику) жениться на христианке», и спрашивал — «нет ли в нашей Женской школе подходящей для него невесты?» Как не быть! Только пусть брат прежде всего делается христианином и тогда сватается сам.

16 / 29 мая 1901. Среда

О. Павел Морита пишет, что у Игнатия Такаку крестил в Гокан четырех и в Сукава трех человек, и очень хвалит его труды по проповеди. А до сих пор Такаку считался самым ленивым и бесплодным катихизатором. Стало быть, человек может исправиться, и пренебрегать никем

нельзя, а вот нужно лучше заботиться о распределении катехизаторов; Такаку до сих пор и был плох, вероятно, потому, что ставился на неподходящие к нему места — то здесь, в Коодзимацци, то в Сендае, всегда под рукою у других, и притом тоже бездеятельных, каковы оо. Савабе и Сасагава; теперь он стоит самостоятельно и под руководством живого и деятельного о. Павла Морита.

17 / 30 мая 1901. Четверг

Такеноуци, издатель журнала «Ринрикай», пришел утром, во время перевода; я извинился и просил — с двух часов до пяти после полудня в какой ему угодно день. Пришел опять, уже после полудня. Я обрадовался, так как он заявил, что пришел говорить о вере. И разливался-то я пред ним часа полтора от всего сердца, убеждая и самому трудиться для водворения истинного христианства в Японии, и в младшем поколении деятелей готовить для того, направляя сюда, в Семинарию, юношей религиозно расположенных! Но что же в конце концов оказалось? С мыслью денег занять у меня пришел он: тысячу ен нужно ему для внесения залога, обеспечивающего благонамеренность своего журнала и для преобразования журнала, которого издание для сего приостановлено им. Прямо денег он, правда, не просил, но вся последняя речь его направлена была именно к сему. Я снабдил его советом занять в банках.

18 / 31 мая 1901. Пятница

Некто Махровский, из Екатеринодара Кубанской области, сын священника, плававший здесь на военных судах капельмейстером, прислал прошение о принятии его на службу Миссии учителем церковного пения. — Послал отказ, так как здесь учитель церковного пения, удовлетворяющий нужде Миссии, есть — диакон Дмитрий Константинович Львовский.

Анна Мацумото, мать катехизатора Игатия Мацумото, прислала в подарок: бамбук в сажень длины и очень толстый, связку сухих «кантепов» — ов — пишет, что столетние, и советует употребить на тросточки или на что-либо подобное — ящик длинного картофеля (нагаимо) и жестянку травы, употребляемой вместо чая. — Какие странные подарки приходится иногда получать! Отдарил христианскими книжками и подарил письмом.

19 мая / 1 июня 1901. Суббота

Псалтирь отослана в типографию для напечатания вторым изданием по значительно исправленному переводу. Принялись мы с Накаем за исправление паремий.

Протестанты в своих газетах и журналах хвалятся необыкновенным оживлением своей проповеди, вследствие их особенных усилий ознаменовать успехами начало нового столетия. О соединении своих сект в одно они также очень стараются, но эта часть у них успеха не обещает; в эмпириях плавают, а стать на твердую почву не изъявляют желания: о дружбе и любви разливаются, о единстве в учении — ни слова.

*20 мая / 2 июня 1901. Воскресенье.
Праздник Сошествия Святого Духа*

До Литургии крещено несколько человек возрастных и детей.

Литургия с вечерней продолжались несколько более трех часов.

После службы был у меня, между прочим, Акила Ходака, из Нобеока, брат катихизатора Павла Ходака; жалел, что в Нобеока нет катихизатора, да и о. Яков Такака перестал посещать их; направляется он в Хоккайдо завести там дела.

21 мая / 3 июня 1901. Понедельник

С восьми часов Литургия, отслуженная двумя иереями, при пении обоих хоров. В Церкви из города почти никого. Целый день дождь.

Игнатий Такаку, из Гокан, пишет, что там есть весьма благочестивый христианин, больной проказою; очень любит читать религиозные книги, находя в этом большое утешение, но церковных книг Такаку стесняется давать ему, так как проказа заразительна; просит несколько книг прислать исключительно для него. Конечно, будут посланы.

О. Павел Кагета пишет, что в Оою крестил старика Циба, отца давнего христианина Тимофея Циба. Тимофеем против воли отца сделан христианином, и старик не переставал до последнего времени гордо относиться к христианству; наконец молитвы сына одолели: благодать смягчила его душу. Хвала Господу!

22 мая / 4 июня 1901. Вторник

Павел Оокава, катихизатор в Ивагасаки, просит помощи на содержание — детей-де много. Получает он 17 $\frac{1}{2}$ ен да 2 $\frac{1}{2}$ ены на квартиру; кроме того, двое детей его воспитываются здесь — сын в Семинарии, дочь в Женской школе. (А одна дочь здесь же воспитана и уже выдана за катихизатора). Но пишет он, что двоих сынов из имеющихся у него ныне на руках детей, имеет намерение отдать в Семинарию. Ради сего послано ему по 2 ене на них — и будет высылаться столько ежемесячно, пока они поступят в Семинарию.

Был посланник Александр Петрович Извольский и рассказал, что Петр Исигаме (наш кандидат богословия, воспитанный на служение Церкви, но бросивший это служение из-за большего жалованья в Посольстве), служащий переводчиком в Посольстве, на днях, получив 2500 ен для передачи кому-то, исчез с этими деньгами, и когда нашли его, то 500 ен были уже истрачены им, а остальные деньги с большим трудом выручены от него. Посланник не знает, как ему теперь поступить с Исигаме; «так,— говорит,— не могу оставить, иначе и другие японцы, служащие у меня, станут подобное делать». Впрочем, не видно, чтобы намеревался поступить очень строго; я просил за семейство Исигаме. Спрашивал Александр Петрович, не знаю ли я кого на место Исигаме? Я отозвался незнанием; да и кого, в самом деле, я мог бы рекомендовать? Кроме наших академистов, которых теперь всего четверо и осталось для воспитательного дела Миссии, я решительно никого не знаю, кто мог бы порядочно переводить разговорную русскую речь; но академисты нам самим весьма нужны. Очевидно, теперь будет больше искушения для каждого из них уйти в Посольство, потому что 60 ен жалованья, да и красть можно вдоволь (посланник говорил, что Исигаме обходился ему 150 ен в месяц, ибо, кроме получения 60 ен жалованья, всегда представлял огромный дутый счет на дзинрикиси и на разное). Александр Петрович говорил, что без моего согласия не возьмет никого из них, при всей нужде в переводчике; но и кроме его, есть кому в Посольстве сыграть роль искусителя — хоть бы о. Сергей — с наслаждением сделает это; а станет уходить кто из кандидатов, как его удержишь? Если случится это, и придется ответить посланнику: «Не мешаю взять, коли он просится к вам» — как ответил когда-то Розену об Исигаме.

23 мая / 5 июня 1901. Среда

Илья Накагава, катихизатор в Иннай, Масуда и прочих, пишет, что католический миссионер по той округе везде распространяет брошюру «Рокёогикёо» — «Русская вера — ложная вера». В добрый час! На свою голову!

Был Rev. Harris, Supr. [?] Pacific Japanese Mission, седой епископальный миссионер, много лет прежде трудившийся в Японии, и, между прочим, в Хакодате, где был другом нашего о. Анатолия. Теперь он миссионер для японцев в Сан-Франциско. Говорил, что ныне в Сан-Франциско и других побережных местах Америки до тридцати пяти тысяч японцев, да на Гавайских островах шестьдесят тысяч японцев. Есть в Сан-Франциско и бонзы, проповедующие буддизм, и есть у них несколько обращенных в буддизм американцев; на Гавайских островах то же; построены кумирни; бонзы копируют христианских миссионеров:

устраивают по воскресеньям свои богослужения и проповедь, занимаются благотворительностью.

— Нет ли у Вас по-японски чего-либо о Вашей Миссии? — спросил Гаррис в заключение своего визита. Я дал ему волю «Сейкёо-дендооиси», чему он, по-видимому, очень обрадовался и ушел.

24 мая / 6 июня 1901. Четверг

О. Николай Сакураи описывает свое путешествие по Церквам в Хоккайдо. Посетил между прочим тюрьму в Цукигата-мура, Кабато-гоори, Исикари-куни, где содержится Иван Игуци, бывший когда-то катихизатором, за убийство; заключен он на всю жизнь, но есть надежда, что лет через пятнадцать его освободят, ибо ведет себя образцово хорошо; плакал горько, увидевшись с о. Сакураи; просил исповедать и приобщить его; но без разрешения начальника тюрьмы этого нельзя сделать, а его на месте не случилось. Двое там еще, Окада и Хосоно, наученные христианству отчасти Иваном Игуци, отчасти чрез чтение книг, получаемых из Миссии, очень просили о. Николая преподать святое крещение им; и о. Николай нашел их достойными того, но тоже нельзя было — за отсутствием начальника тюрьмы.

О. Николай просит на следующем Соборе непременно назначить катихизатора для Асахигава-мацци и находящейся в 3 ри по железной дороге оттуда Нагаяма-мура, иначе протестанты расхитят наших христиан, рассеянных там. В Асахигава о. Николай прямо нашел семь наших христианских домов; «а если поискать,— пишет,— то найдется еще больше; город большой и быстро развивающийся; стоит бригада войска; у протестантов разных сект уже построено три храма» и прочее. Дай Бог найти катихизаторов для такого важного пункта! Я уже три года думаю об этом, да пока нуль в результате.

Были два студента Восточного Института во Владивостоке, отпущенные в Японию на каникулы для практики в языке; оба из семинаристов, один Курской, другой Вольнской Семинарии; поселились они в японской гостинице и упражняются в японском разговоре; люди хорошие.

25 мая / 7 июня 1901. Пятница

Английский епископ Awdry был с своей сестрой, приехавшей из Англии посетить его. Прежде он показал ей наш Собор, потом зашли они ко мне. После разговора о разных предметах, когда я угощал их чаем, Одрей вытащил из кармана сверток бумаг и, подавая мне несколько экземпляров, промолвил:

— Вот это на английском, а вскорости я Вам пришлю то же на японском языке, и надеюсь, что Вы отдадите для помещения в одном из ваших периодических изданий.

Взглянув на бумагу, я узнал то, что уже прочитал на днях в «Japan Daily Mail» и чего настоящая бумага — оттиск.

— Конечно, это будет напечатано к сведению и возможному участию наших христиан, — ответил я.

Документ озаглавлен «Resolution of General Conference of Missionaries on Corporate Oneness». В нем изъясняется, что Конференция миссионеров, бывшая в Токио в октябре прошлого года, постановила решение, что «все верующие во Христа составляют одно тело, и что поэтому Генеральная конференция призывает всех, любящих Господа Иисуса, молиться об осуществлении такого корпоративного единства всех, о каком Он молился в ночь, в которую предан был, и стараться о сем».

Чтобы это решение не осталось бесплодным, Ассоциация Миссионеров Центральной Японии на Митинге в декабре составила объяснительное письмо резолюции и передала его представительному Комитету (representative Committee), а сей повергнул его на рассмотрение полного митинга Ассоциации (full meeting of Association), держанного 12 февраля. С небольшими поправками это письмо одобрено для общей циркуляции на английском и японском языках. Оно носит название «Christian Unity» и, излагая более пространно то, что сказано в вышеозначенной резолюции Генеральной конференции, убеждает:

1) всех «ministers» и «evangelists» на общественных богослужениях или особо для того установленных собраниях молиться об объединении всех (for the oneness of all);

2) всех христиан молиться о сем в их домашних молениях;

3) употреблять прилагаемую молитву.

И излагается эта молитва. А в выноске изъясняется, что bishop Японской Святой Католической Церкви (Nippon Seikokai) на Митинге в Кобе 1 / 14 февраля рекомендовал следующую молитву, которая и излагается. (Даже и в этом не могли сговориться!)

В заключение Окружного Послания приведены тексты: Иоан. 17, 21; Мф. 7, 7 и Мф. 17, 20; и от имени Миссионерской Ассоциации Центральной Японии (Missionary Association of Central Japan) подписались двенадцать миссионеров (без означения их деноминаций).

Дальше следует рекомендация этого письма всем христианам от имени восьми лиц в Токио; первым подписался сам Awdgu, но без упоминания о своем епископстве; шестым стоит John McKim, американский епископ, тоже неподписанный епископом, и между ними шесть миссионеров разных других деноминаций.

В своем объяснении эти лица говорят о трудностях достигнуть положительного «единства» (openess); но в то же время изъявляют надежду на достижение его при помощи Божией; в конце прибавляют, что

«за неимением в Токио такой корпорации, как *Missionary Association of Central Japan*, они в качестве частных лиц рекомендуют письмо серьезному вниманию всех».

К сожалению, серьезного в этом движении ничего нет, и серьезного ничего оно не достигнет. Пристыженные своим дроблением на секты, протестанты всячески стараются подать вид, что они вовсе не так разьединены, как кажется, и что вот-вот сейчас станут «одно во Христе» — а единства учения Христова (вот уж тут подлинно «*oneness*») и знать не хотят. Ну и ничего не выйдет, и никогда не выйдет у них при этом методе! — Жалкую роль при этом играют епископалы. Они одну руку протягивают к нам, другую — к разным диссидентским сектам; но по ту и другую сторону их — пропасти, и руки их висят на воздухе. В своем циркулярном письме, в марте текущего года, епископ Мак Ким изъясняет, что «Конференция шести епископов, держанная в Кобе 13–14 февраля, между прочим, одобрила „*Encyclical Letter on Unity*“ и рекомендует его всем епископальным христианам, и Мак Ким хвалится, что-де „*Sei Ko Kwai*“ занимает самое лучшее положение для соединения воедино всех разрозненных христиан. Мы имеем Апостольскую иерархию епископов, священников и диаконов в неразрывном преемстве от Апостольских времен (*sic*), и Апостольскую доктрину, как она содержится в трех исторических символах (Апостольском, Никейском и Афанасия), вместе с Литургическою формой служения, что единит нас с Церквами Рима и Востока. Таким образом, по убеждению одного лица Епископальной Церкви, резолюция об единении, принятая Конференциею миссионеров прошлою осенью, была одобрена Епископом Николаем, и он предпринимает разослать по своим Церквам молитву о единении»... (Смотри запись 11 / 24 марта). «С другой стороны, протестантские общества их высокими идеалами духовной жизни и горячностью их проповеднической ревности требуют от них признания, что Бог благословляет дело их». «Поэтому я сердечно одобряю единение с христианами всех наименований в христианских воспитательных и благотворительных предприятиях (только!)», — продолжает дальше Мак Ким и заключает запрещением позволять кому-либо проповедывать в епископальных местах проповеди без епископального разрешения, а также причащаться у людей, не имеющих епископской ординации. — «Единение в ущерб истине не есть единение, о котором молился наш Господь, и не имело бы никакой цены в Его глазах», — справедливо заключает он.

Но в таком случае зачем же и льстить диссидентам, и мешаться в толпу их? Зачем не стоять прямо и твердо?

О. Андроник, ныне архимандрит, ректор Уфимской Семинарии, пишет: «К Вам отчасти собирается ныне кончающий Казанскую Академию иеромонах Пимен; видный монах, только не знаю его, как своего, и сказать ничего определенного не могу; думается, что способен иногда ни с того, ни с сего закусить удила и стоять на своем». Это значит, что

человек с твердым характером. Дай Бог такого — он именно и нужен. Только не дай Бог, чтобы был самодуром, способным, вопреки здравому смыслу, закусывать удила.

26 мая / 8 июня 1901. Суббота

После полудня добровольный хор семинаристов приходил петь свои песни, японские и русские, и пели очень недурно — угощен китайским хором.

Иван Акимович Сенума приходил сказать, что полиция требует, чтобы в Семинарии расставлены были мышеловки для ловли крыс, которых ныне везде ловят из опасения моровой язвы, которую способны разносить крысы. Велел купить несколько не только для Семинарии, но и для Женской школы, и для Миссии.

Исайя Мидзусима приходил спрашивать некоторых объяснений по поводу вопросов, поступающих в редакцию «Сейкёо-Симпо», в котором открылся отдел для вопрошателей, имеющих какие-либо недоумения о религиозных предметах, или возбуждающиеся при чтении религиозных книг.

27 мая / 9 июня 1901. Воскресенье

Так как с о. Павлом Сато, на имя которого куплены места Семинарии и Женского училища, был уже небольшой удар паралича, и смерть его, очевидно, не за горами, то, чтобы после не вышло затруднений, предстоит надобность перевести участки с его имени на мое. Но так как иностранцу все еще нельзя здесь владеть землею, то придется хлопотать о совершении акта так называемого по-английски «Perpetual Lease» — бессрочной аренды, или на срок тысячу лет. Это, кажется, можно; по крайней мере, несколько иностранцев уже совершили такие земельные акты. Об этом и толковали мы сегодня с молодым законоведом Василием Мияке, племянником катихизатора Иоанна Мияке, и составили черновую акта.

Был катихизатор из Хацивоодзи, Игнатий Мацумото, с составленной им книгой «Объяснение богослужения». Книга компилирована с разных находящихся у него русских сего рода книг и вышла очень хорошою — стоит напечатания; нужно только всю ее мне с ним прочитать, чтобы не оказалось потом недосмотров и ошибок. Просится Мацумото в переводчики, ибо любит сего рода дело, и нужно, кажется, исполнить его просьбу, ибо катихизатор он плохой, а писательская способность есть. Обещал ему на предстоящем Соборе постараться устроить это дело.

28 мая / 10 июня 1901. Понедельник

Был у епископа Awdry посмотреть у него акт «Perpetual Lease», или, если нет у него, спросить, у кого бы мне видеть сего рода документ.

К сожалению, он уехал в Yokoham'у устраивать обратный путь своей сестре в Англию; но Mrs. Awdry сообщила, что у них этого акта еще нет, а участок их тоже значится на имя японца. От нее зашел к Rev. Armine King передать ему наш перевод Нового Завета, давно обещанный ему, но и его тоже не нашел дома. Епископу я дал экземпляр Нового Завета в прошлую пятницу, на его вопрос — «окончен ли перевод?»

Иван Акимович Сенума приходил сказать, что Петр Дзимбоу, христианин в Асакуса, жертвует машину своего изобретения — мельницу для очистки и растирания пшеницы — в пользу Семинарии, что он с семинарским поваром ходил посмотреть эту машину и находит ее очень практичною и полезною. К рису для учеников, когда он варится, всегда прибавляется четвертая часть пшеницы (в гигиенических видах против «какке»); пшеница эта не мелется в муку, а только очищается от шелухи и раздавливается, чтобы хорошо проварилась; и мельница Дзимбоу отлично исполняет это дело — гораздо лучше, чем то делалось доселе другими. Дзимбоу получил уже привилегию на свое изобретение, и мельница хорошо пошла в продажу. Она мало займет места на кухне, и вертеть колесо даже ребенок может. Я велел принять пожертвование и поблагодарить за него Петра Дзимбоу. — Это, между прочим, одно из показаний даровитости японцев: Дзимбоу — простолюдин, мало развитый и образованный — и изобретает машину довольно сложную, литейного дела, с винтами и шпильками, приспособляющими ее не только для разных видов молотбы пшеницы, но и для гороха, проса, риса и других зерен.

29 мая / 11 июня 1901. Вторник

Так и есть! Такеноуци, издатель «Ринрикай» (смотри запись 17 мая) сегодня приходил уже прямо просить денег на свое издание. Выложил программу, доказал, как дважды два, что вот через месяц золото польется к нему; только нужно ныне тысячу ен; «предоставляю вам издание», — заключил он. Я отказался от этой чести и объяснил, что удовлетворить его просьбу никак не могу.

Печатание Псалтири идет так успешно, что сегодня мы с Накаем почти целый день заняты были чтением последней корректуры. Зато помеха исправлению паремий, которых мы доселе успели исправить шестнадцать только.

Был русский офицер Pierre de Langue, возвращающийся из Манчжурии домой в Россию. Между прочим говорил: «Знаете, кто теперь больше всех ненавидит китайцев и требует жестокости к ним?» — «Кто?» — «Французские католические миссионеры; они только и твердят нам: вы мягко с ними обращаетесь — их нужно бить, их нужно убивать». Объясняет это тем, что немало католических миссионеров в Манчжурии убито боксерами.

30 мая / 12 июня 1901. Среда

По приглашению, на днях полученному от Германского посланника, на чай, от трех до шести часов, отправился в четыре часа в Германское Посольство и был представлен посланником Фельдмаршалу Графу Вальдерзее, для которого и было чайное собрание. Все лучшее общество Токио и Иокохамы было налицо. Когда все отправились на площадку в саду смотреть японское фехтовальное искусство, я уехал домой, не чувствуя охоты смотреть.

Перед вечером является русский турист, назвавшийся доктором Зеленецким; возвращается, вместе с женою, из Владивостока в Россию — очень симпатичный джентльмен. Пробыл несколько дней в Нагасаки, теперь приехал смотреть Токио.

— Мне говорили во Владивостоке, что здесь можно достать знающего русский язык — дайте, пожалуйста, такового.

— К сожалению, не могу. Здесь только и есть четыре человека, говорящие по-русски, но они — наставники Семинарии, целый день на службе.

— А здесь есть Семинария?

— Да.

— Кто же в ней учится?

— Японцы.

— Да здесь что-то вроде Миссии! — С изумлением вымолвил русский ученый турист, оставившийся на меня глазами.

— Вы не ошиблись в догадке, — ответил я и снабдил его подробными указаниями, что нужно видеть в Токио и как добыть чичероне, говорящего на французском.

О. Борис Ямамура извещает, что в Ивайкёквэй приступают к постройке Церкви; но Авраам Сато, в Ициносеки, и его партия зато до бешенства рассержены сим, не имея ни на волос какой-либо основательной причины противиться построению Церкви, кроме своего неукротимого самодурства и гордости. Сато вдобавок лжет: говорит, что, будучи в Токио, виделся со мной и излагал причины нежелания этой постройки, чего совсем не было. Пока что плохой народ японцы для устройства из них стройной одушевленной Церкви.

31 мая / 13 июня 1901. Четверг

Павел Накаи опять захворал этою ужасною японскою болезнию «какке», и целый день не было перевода, да, кажется, и долго не будет — такая трата времени!

Ефрем Ямазаки, катихизатор, пишет, что дочь его Васса просватана за ученика Катихизаторской школы Иоанна Сиды, так чтобы после Собора повенчать их; дочь только ныне кончит курс в Женской школе, а

Сида еще год быть в школе. Сказал я секретарю Нумабе переговорить с Сидо, что рано еще им венчаться; пусть он кончит курс, а Васса до того времени побудет учительницей в Женской школе. Сидо сам удивился такой поспешности Ефрема Ямазаки и говорит, что он располагает жениться не только после окончания курса, но еще послуживши катихизатором года два-три, но об этом сам напишет тому, кто сватал их.— Японское легкомыслие и самодурство родителей при заключении браков, столь часто ведущее к разводам!

Никон Мацуда был лучшим учеником из кончивших в запрошлом году Семинарию. Долго я питал в душе намерение послать его в Академию; к счастью, никому не обмолвился об этом; пред самым окончанием курса он захворал головными болями, и я принял это за предостережение меня от такого важного шага, как отправление человека в Академию, который после может оказаться совсем недостойным того. Скоро он выздоровел и стал служить катихизатором здесь, в Канда; но больше занимался пустым делом, вроде брэнчанья на фортепьяно, без всякого таланта к тому, всегда одно и то же, самое начальное. А сегодня вдруг приходит и просит позволения служить Церкви исключительно по пению. Выслушал я его, старался урезонить, представляя, что тут и регентам делать нечего, гуляют — он-то что будет делать? Притом же служба сначала катихизатором, потом диаконом и священником, он всегда может заниматься и пением, сколько хочет, и учить других. Как к стене горох все резоны!

[Пропуск в оригинале]

2 / 15 июня 1901. Суббота

Фома Ооцуки, катихизатор в Хитокабе, просится в приход о. Тита Комацу, в Сукагава или окрестности, потому что недалеко от Сукагава — его родина, и престарелые его родители остаются еще язычниками. Ооцуки скорбит об этом и хочет всячески позаботиться об их обращении на путь спасения; все доселешние его старания о том чрез назначавшихся туда катихизаторов оставались тщетными. Причина основательная. На Соборе надо позаботиться о перемещении его.

Бонза из Хиуга, провинции на Киусиу, пишет, просит еще христианских книг. Прежде были посланы ему: Катихизис, Толкование на книгу Бытия и несколько других — все перечитал; в книге Бытия нашел много сходного с японской историей миротворения (sic!) и прислал о сем длинное рассуждение, на которое отвечать было бы бесполезно после того, как его не убедил Властов, а адресовать его для бесед не к кому — поблизости нет катихизаторов. Послал ему Толкование на Евангелие Матфея и несколько вероучительных книг.

3 / 16 июня 1901. Воскресенье

После полудня приходил из Таизамура Моисей Накакоодзи, брат умершего катихизатора Павла Накакоодзи, и благодарил за заботы о племяннике Якове, сыне катихизатора, тоже уже умершего, — а о своем сыне ни слова, тогда как за него-то и должен бы был Моисей благодарить Миссию, благодеяниями которой воспользовался сын его Андрей и ушел: Моисей когда-то определил его в Семинарию, отдавая на служение Церкви, а он поучился, пока возрос, нагрубил и ушел, служа теперь школьным учителем русского языка. Почтения заслуживает мать Моисея, благочестивая старушка, от которой Моисей принес поклон. Хочет он построить в Таиза церковный домик своим иждивением, уверяет, что непременно сделает это. Вилами на воде писано!

Была M-m Casenave, гречанка, жена французского секретаря Посольства в Пекине, прежде бывшего секретарем Французского Посольства здесь. Точно родные, мы взаимно обрадовались свиданию — так роднит православная вера!

4 / 17 июня 1901. Понедельник

О. Павел Сато все больше и больше делается параличным: не без труда выговаривает слова. Жаль весьма! Между тем нужно поспешить перевести на мое имя дома Семинарии и Женского училища и совершить акт долгосрочной аренды земельных участков, чтобы в случае смерти его не вышло потом затруднений; сим ныне и занят.

5 / 18 июня 1901. Вторник

Только что принесли из переплета Новый Завет, и я раздал священникам и другим экземпляров тридцать, как прибегает о. Роман Циба указать, что 483–495 листы перепутаны. Пришлось отобрать розданные и все принесенные экземпляры возвратить переплетчику, а сей — Хрисанф — грубит, говорит — ошибка печатников; я сложил пред его глазами лист и показал, что выходит правильная нумерация — все-таки не признает своей вины. Большое терпение нужно с японцами, даже в мелочах — и особенно в мелочах!

6 / 19 июня 1901. Среда

До полудня — у нотариуса (коосёо-нин), живущего по соседству с Миссией, составившего акт на тысячулетнюю аренду мною у о. Павла Сато купленных Миссией на его имя участков земли, где Семинария и Женская школа, и купчую на все здания Семинарии и Женского училища,

так как землю иностранец в Японии еще не имеет права владеть, а владеть домами может. Акт долгосрочной аренды и купчая были переписаны в конторе нотариуса, засвидетельствованы и приготовлены для представления в Тоокиякусё. Были мы у нотариуса вместе с о. Павлом Сато; кроме того, был с нами старик Алексей Огое, который прикладывал свою печать вместо моей по доверенности от меня, так как в квартале и местном полицейском правлении нет официального уведомления от Посольства, что я живу здесь.

Чтобы снабдить эти места, а также окладную контору (зей-сё) сим уведомлением, после полдня я отправился к посланнику попросить его о сем; он отправил в Гваймусё приготовленную мною о сем бумагу.

Посланник рассказал, что девицу Языкову, секретно отправленную католическими монахинями в Канаду, вернули в Токио; но она, ныне уже совершеннолетняя, заявила свое неперемное желание быть католичкой, потому и отпущена к католикам; мать ее письмом к посланнику заявила, что не мешает ей перейти в католичество. Посланник читал мне бумагу, приготовленную к отсылке графу Ландсдорфу, где излагается вся история Языковой, и сетует на недостаток женских учебных заведений в близлежащем русском крае, побуждающий отдавать своих дочерей в католические школы французских сестер в Японии, следствием чего являются соращения в католичество.

7 / 20 июня 1901. Четверг

До полудня — в Сайбансё, где производится «Тооки» — совершение купчих и арендных актов, в квартале Ситая. После подачи приготовленных бумаг, пока они были переписаны и зарегистрированы, почти четыре часа ожидали в ближайшей гостинице. Купчая на все здания обошлась в 300 ен, по 25 ен с тысячи, — здания (без кирпичной ограды, которая не считается) оценены были нами в 12 000 ен. Арендный акт на участки земли стоили 114 ен — всего пришлось уплатить 414 ен за покупку и аренду своих же собственных зданий и земель, кроме платы нотариусу и разных мелких расходов. Конечно, трата, которой жаль; но, слава Богу — опасность, могущая случиться затруднением, устранена.

Василий Сугаи из Огава (в Циукоку) пишет, хвалит усердие тамошних христиан Дазай и Камои: ремонтировали обветшавший молитвенный дом, что стоило им больше 170 ен.

Стефан Камои (сын вышеупомянутого), катихизатор в Кокура, пишет, что слег в больницу с больной ногой — просит на лечение; послал 10 ен. За Иоанна Ямагуци, катихизатора в Яманаси, христиане пишут, что у него кровотечение из горла — уложили в больницу и просят по 7 ен в неделю; послал 14 ен.

Яков Мацудаира (бывший Нива) с Формозы не перестает усиленно просить туда проповедника — а ныне даже и священника для преподавания таинств тамошним христианам; прислал огромное письмо о сем к будущему Собору. — Проповедника едва ли можно будет уделить для Формозы, а священник может посетить тамошних христиан.

8 / 21 июня 1901. Пятница

Чтоб владение земельными участками Семинарии и Женского училища было еще обеспеченней, положено засвидетельствовать у нотариуса бумагу от о. Павла Сато, что земли эти, значащиеся на его имя, куплены на церковные средства, данные Епископом, и вполне принадлежат Церкви, и что, когда откроется возможность для Церкви владеть землею под ее собственным именем, он беспрекословно переведет земли на имя Церкви. Бумага в этом роде взята была мною от о. Сато еще при покупке участков. Теперь следовало или засвидетельствовать ее, или вновь составить в том же роде и засвидетельствовать. Нотариус обещал к завтрашнему дню составить новую.

Положили мы также заключить контракт на долгосрочную аренду мною от о. Павла Сато земли в Тоносава, также купленной на его имя о. Владимиром в 1879 году, и совершить купчую на здания там. Ризничий Моисей Кавамура получит от меня доверенность и отправится туда в понедельник с о. Павлом Сато для совершения сих сделок.

9 / 22 июня 1901. Суббота

Нотариус вышеозначенной бумаги не приготовил — обещался к понедельнику, а о. Павел Сато в Тоносава ехать уже не может. Пришел ко всенощной, но с половины ушел, и едва дошел домой, и тотчас же слег, уже с весьма сильным повторением паралича. Язык отнялся, правая рука тоже, зрение, кажется, тоже. Доктора теперь у него; дай Бог, чтобы поправили! Рано еще ему умирать! Между тем да будет благодарение Промыслу Божию, столь благовременно устроившему дело земельных участков и зданий Миссии в Токио!

10 / 23 июня 1901. Воскресенье

Утром посетил о. Павла Сато и отнес ему денег 10 ен на лекарства. Застал спящим, и около него сына Иосию, дочь Анну; скоро он проснулся, позевал, потянулся; руки свободны, только писать не может, ходить может, слух хорош, но языка и зрения лишился; сознание вполне ясное. Удивило меня спокойствие, написанное на лице его, и видное во всех движениях; обычное его благодушие, кажется, нисколько не изменило

ему. Вечером Алексей Оогое снес к нему для получения его печати составленную доверенность от него Оогою совершить купчую и арендный акт на дома и земли в Тonosава; о. Павел выслушал чтение ее и велел приложить печать.

11 / 24 июня 1901. Понедельник

В 1889 году (Мейдзи 22 года) мною взят был от о. Павла Сато документ, что участки земли под Семинарией и Женской школой и здания на них, купленные на его имя, принадлежат Церкви. Теперь удостоверение о сем, вновь составленное нотариусом в самых ясных словах и подписанное им от имени о. Павла, полученное Миссиею сегодня, положено для хранения на всякий случай. Нужно оно, пока откроется возможность перевести земли на имя епископа.

Засвидетельствованы у нотариуса доверенности от меня Моисею Кавамура, от о. Павла Сато — Алексею Оогое — совершить акт на долгосрочную аренду мною земли в Тonosава и купчую на здания там. Земли оценены в 1000 ен, здания в 500 ен. Завтра утром Кавамура и Оогое отправятся в Тonosава.

12 / 25 июня 1901. Вторник

Из Идиносеки не перестают жаловаться на Авраама Сато, что он всячески старается помешать постройке церковного дома, который, впрочем, уже благополучно строится. Собирается Сато жаловаться Сობору на это. Просят урезонить его. Урезонишь помешавшегося на вражде!

13 / 26 июня 1901. Среда

На экзамене в пятом курсе Семинарии; всего восемь учеников; отвечали по Церковной Истории все очень хорошо; в Катихизаторской школе — в старшем курсе только двое, и плохие, в младшем пять человек, тоже плохие.

Кончено печатание исправленной Псалтири, тысяча экземпляров; отдана в переплет — там же на Цукидзи.

14 / 27 июня 1901. Четверг

На экзамене в Катихизаторской школе по Толкованию Евангелия Матфея; болтают зря; особенно бывший бонза Петр Осида: как вопрос, так с ответом в трущобу — едва остановишь; опять тот же вопрос, и опять в трущобу, и так далее.

Продолжаем с Накаем исправлять перевод паремий.

15 / 28 июня 1901. Пятница

На экзамене в Семинарии — в четвертом классе всего три ученика, во втором девять. Отвечали хорошо.

Илья Накагава, из Иннай, пишет, что случилось погребение христианина; священника нельзя было вызвать — слишком далеко; он сам хоронил; и так как даже стихаря там нет, то похороны вышли уж слишком просты; христиане роптали, что-де и «в тенрикёо» даже бывает обрядней и приличней.— Нужно послать туда стихарь.

О. Петр Кано из Хакодате пишет, что христиане неугомонно ссорятся там между собою — из-за избрания «гиюу» ныне.— Следует быть там священнику, который бы мог успокоить и упредить. Но кого послать? Укажи, Господи!

Прочие письма до того пустые и клянчащие денег, что терпение лопнуло читать.— Мучат же меня эти письма катихизаторов, вечно пустые!

16 / 29 июня 1901. Суббота

На экзамене в первом классе Семинарии: семнадцать учеников, и почти все плохие по способностям ребята. По Катихизису отвечали плоховато.

Кавамура и Оогое вернулись из Тоносава, совершив в городском правлении в Одавара купчую и арендную крепость на мое имя. Обошлось все, с расходами на них, в 42 ены.

О. Сергей Глебов приходил: «Еду в Гонконг в гости к Устинову; если случится в Посольстве какая просьба, исправьте за меня». Ни слова вроде «разрешите поехать» и так далее. Такова дисциплина у духовных нового воспитания под ферулой протоиереев; мыслимо ли в каком другом звании подобная произвольщина? Впрочем, я ответил, что «исправлю за него». Худой мир лучше доброй ссоры. Ведь его не урезонишь.

17 / 30 июня 1901. Воскресенье

Утром крещение нескольких детей. За Литургией был между другими англичанин с женой — епископальный диакон из Кореи, живущий для изучения японского языка, чтобы проповедывать японцам в Корее, — на днях бывший у меня и говоривший, что не любит своих собратий — епископальных миссионеров — здесь за то, что они «недостаточно православны», «мы в Корее, — говорил он, — проповедуем совершенно так, как учит ваша Церковь» (?). Сегодня на обедне, однако, на мои благословения не кланялся, как обыкновенно делают почти все епископалы, когда бывают в Церкви; только иногда полагал крестное знамение на себя.

18 июня / 1 июля 1901. Понедельник

В полдень появился гость из Америки: иеромонах Антоний (Дашкевич), живущий в Ситке[?], имеющий в своем благочинии Церкви северной части Американской епархии и Аляски; едет, после трех лет службы, в отпуск в Россию; доволен своим местом службы и опять вернется туда, что особенно приятно было слышать; человек умный, из кончивших Семинарию, сын священника. Очень хорошо отзывается о христианах Аляски, плохо — о христианах колоний, совсем плохо — об американцах вообще; впрочем, жизнь и службу там делают трудными не столько американцы, как свои собратья — русские — взаимными дразгами и неладями; почти все из служащих духовных там только и делают, что ждут окончания пятилетнего срока, чтобы вернуться в Россию.

19 июня / 2 июля 1901. Вторник

Вместе с вышеупомянутым гостем были на экзамене в Семинарии, в третьем классе, где одиннадцать учеников, по Церковной Истории; отвечали хорошо; потом зашли в Женскую школу, где проэкзаменовали по Священной Истории самых маленьких — отлично рассказали все по картинкам.

В одиннадцать часов о. Антоний отбыл из Миссии, чтобы следовать в Кобе, где надеется застать свой пароход, на котором в Иокохаме остался весь его багаж.

В японских газетах сегодня описывается, как в апреле в Новой Гвинее туземцы съели двух английских миссионеров и как в мае военная английская экспедиция за это наказала их. Мученики ли бедные миссионеры? Но ведь их убили не за веру, а за то, что белое мясо особенно нравится новогвинейцам, как убивают путника за то, что кошелек его нравится разбойникам. С этой точки зрения можно оправдать и вмешательство военной силы.

20 июня / 3 июля 1901. Среда

На экзамене по Нравственному Богословию в пятом классе Семинарии и в Катихизаторской школе; первые отвечали отлично, как успевающие, вторые преплохо.

Из Дзёогёе-цудзуми, тамошний, доселе считавшийся лучшим, христианин Николай Ицидзё, пишет, просит 250 ен в долг. Вложил он 500 ен в какое-то воспитательное предприятие, оказавшееся до того обманным, что Правительством велело прекратить его, а между тем Ицидзё, чтобы занять 500 ен, отдал в залог не только свою землю, но и церковную, которую сам же когда-то пожертвовал для Церкви, и даже церковное здание, которое тоже сам выстроил. Ныне, чтобы выкупить этот залог,

просит 250 ен. Отвечено отказом. Можно бы дать только в том случае, если бы землю можно было, по выкупке, как церковную, закрепить за мной или, по крайней мере, за священником; но так как это стоило бы множества хлопот, времени, новых расходов — и все-таки в такой дали от глаз не было бы обеспечено от нового заклада или другого рода обманного покушения на нее — то и брошено. Итак, японцы жертвуют на Церковь и опять отбирают, жертвуют и опять отбирают. Так было недавно в Кама, так ныне в Дзёге-цудзуми... Отсюда предостережение: если где жертвуют, то пусть закрепляют немедленно за местным священником, тогда церковное имущество будет обеспеченней. Так в Одавара христиане усиленно старались приобрести для Церкви прежде место продать, но так как оно, к счастью, закреплено за священником, то ничего не могли сделать — и место остается церковным.

Молодой бонза из Циукоку отличным письмом отрицает свой буддизм и просится сюда в христианскую школу. Адресовал к Гавриилу Ицикава в Химедзи, чтобы, если хочет, до девятого месяца изучил христианство настолько, чтобы быть допущенным к крещению — тогда и может проситься в Катихизаторскую школу.— Но петь эти соловьи мастера, а в дело малопригодны.

21 июня / 4 июля 1901. Четверг

В Женской школе на экзамене по Закону Божию; отвечали все на полный балл.

Bishop Awdry прислал на японском языке документ — о единении всех христиан — поместить который в нашем церковном журнале просил 25 мая (7 июня), когда принес только английский текст его. Согласно обещанию, я отдал его для напечатания в «Сейкёо-Симпо», о чем и известил Одрея. Документ будет предварен предисловием, что «мы всегда молимся о единении, но вот и протестанты» и так далее.

22 июня / 5 июля 1901. Пятница

В Женской школе на экзаменах, которые сегодня и кончились там.

Вечером мы с Накаем кончили занятия переводом; остановились на исправлении сорок пятой паремии. Ныне, как и в прежние годы, дал Накаю 30 ен на отправление во время каникул в страну отдохнуть и освежиться.

О. Игнатий Като сегодня уже пришел на Собор — первый из имеющих заседать.

23 июня / 6 июля 1901. Суббота

В девять часов было чтение списков в Семинарии и Катихизаторской школе. Ныне всего двое из учащихся выходят на службу, кончив

курс в Катихизаторской школе — и те преплохие; один бездарный, другой полубольной. Наставники угощены чаем, там же в Семинарии, по прочтении списков; ученикам дал 5 ен на Симбокквай.

Петр Осида, ученик низшего класса Катихизаторской школы, бывший бонза, до того обиделся, что его поставили в списке последним, что уехал из школы и едва ли вернется. Всегда казался таким смиренником и оказался носившим такую гордость в душе! Видно, что христианство совсем не проникло к нему в душу. А действительно хуже всех своих товарищей, которых и всего-то четверо; на экзаменах я сам убедился в этом: о чем ни спросишь, порет дичь. Вообще, бонзы — плохой элемент для Катихизаторской школы: до сих пор сколько ни просились, годных не оказалось.

24 июня / 7 июля 1901. Воскресенье

До Литургии крещение. За Литургией из русских были: полковник Ванновский с детьми и жена офицера с сыном из Дальнего; последняя просила отслужить ей напутственный молебен, что мы с Дмитрием Константиновичем Львовским и сделали после Литургии. Потом они все у меня пили чай, причем дама рассказывала, что она с своим восьмилетним мальчиком жила здесь три недели, чтобы делать ему у доктора Китасато прививки от укушения бешеной собакой, и ныне, кончив лечение, возвращается. Ванновский в разговоре, по своему обычаю, бранил всех и всё; о чем ни заговоришь, непременно сведет на брань — пессимист, каких мало.

25 июня / 8 июля 1901. Понедельник

С девяти часов акт выпускной в Женской школе. Кончили курс семь, между ними Катя, дочь переводчика Маленды, крестница мадам Шпейер и приемная дочь Павла Накаи. Прочтены списки, розданы дипломы и книги — выпускным по целой куче духовных книг, между прочим, и по Новому Завету нашего перевода. Потом предложили мне сказать что-нибудь в назидание. Мысль сказанного мною следующая: «Из этой школы вы выходите в большую школу для воспитания к вечной жизни: сохраните доселешние качества, и вы, даст Бог, с похвалой пройдете и кончите и тот курс. Эти качества — по отношению к Богу — вера и молитва: освящайте этим факелом веры и молитвы весь ваш дальнейший путь, и Господь сохранит вас от поскользновения и падений; вы между собою здесь всегда жили в мире и любви — храните мир и любовь ко всем людям и вы сделаете много добра людям, и сами будете любимы и уважаемы; вы были здесь прилежны к вашим занятиям — будьте всегда прилежны в исполнении вашего долга во всех отношениях; донныне

воспитатели во всем помогали вам, и Ангелы Божии хранили вас; отныне вы предоставлены самим себе, но храните и исполняйте то, что вложили вам в души воспитывавшие вас, и Ангелы Божии будут непременно хранить вас и помогать вам во всю вашу жизнь», и так далее.

Потом были обычные речи и пения — все очень мило и трогательно, как прощанье подруг пред расставаньем. В заключение — угощение чаем с печеньем, причем я сказал учительницам, и особенно начальнице Елисавете Котама, что пора Женской школе отделить от себя ветвь для Кёото; дом для школы человек на пятнадцать там есть; нужно только, чтобы отсюда отправилась одна опытная наставница и с нею две-три молодых учительницы; ученицы, без сомнения, в достаточном числе найдутся из юго-западных Церквей. Кстати, в кёотском храме тогда и пение будет хорошо. Елисавета сказала, что о. Симеон Мии уже писал им о сем, и разговор о сем между ними есть.

После полудня приехал полковник Глеб Михайлович Ванновский с дочерью и гувернанткой, чтобы выбрать в библиотеке книг для чтения, и набрали несколько связок, большею частью для детского чтения; две книги, однако, не больше, попало в эту кучу духовных — Детская Священная История и рассказы из Церковной Истории Бахметьевой.

Погода все эти дни стоит дождливая и сделалась такою холодною, что сегодня вечером пришлось камин затопить.

26 июня / 9 июля 1901. Вторник

Тоска смертная! Утром перечитал с секретарем Давидом Фудзисава все статистические листы (кейкёо-хёо), присланные к Собору, и свел счет крещенных за год, с прошлого Собора донныне: оказалось только 838 человек, детей и взрослых — на 272 человека меньше прошлогоднего. Такой малый итог целогоднего проповедничества, почти небывалый доселе! А мы еще на прошлогоднем Соборе торжественно провозглашали, что вот теперь, с официальным признанием христианства в Японии, пойдет дело проповеди несравненно успешней! — Как раз к концу сведения счета получена телеграмма из Москвы, что там жертвуются колокола и иконостас для Церкви в Кёото; в другое время как бы это обрадовало меня — а здесь, напротив, сделалось еще грустней — стоим ли мы такого попечения о нас! — Письма из Церквей потом Давид прочитал — есть кое-что и занимательное, но не радуется. — Василий Ямада пришел сообщить, что послезавтра, в один час, «сейнен-квай», человек сто, соберутся поздравлять меня с сорокалетним пребыванием в Японии — это уж совсем повергло меня в уныние, а нечего делать, коли им нравится эта церемония, как стать запрещать им! Ведь уж говорил и доказывал раз, что не нужно, — настоятельно просили позволить, ну и пусть! Перенесу! — Бедная, бедная Японская Церковь! Нет у тебя добрых служителей —

вот и терпишь ты поношение поразительной малоплодности! И с печалию, как острый нож в душе, приходится скрепиться, принять обычный вид и вести соборную рутину; ладно, что хоть Собор ныне малый — одни эти бессовестные лентяи-священники соберутся, и то не все; двое, что на Киусиу, отказались.

27 июня / 10 июля 1901. Среда

С половины восьмого утра до половины девятого вечера выслушивал собирающихся на Собор священников. Нравственная польза та, что не печалился (вчерашнею печалию), а только скучал, слушая то, что давно на память все знаешь; внимание поддерживается лишь ожиданием, не явится ли крупница чего-либо неизвестного, что случается весьма редко. — О. Игнатий Като просился в Хакодате — холодно-де очень в Немуро. О. Иоанн Оно длиннейшую канитель тянул, чтобы лежать на боку в Кёото и получать нынешние 35 ен в месяц, а не заштатные 12 — «климат Оосака вреден для его драгоценного здоровья». Терпеливо выслушавши, я сказал ему, что «если хочет опять в заштат, то может переселиться в Кёото».

Небольшие перерывы в выслушивании священников сделали выпускные ученицы, приходившие за обычным благословением их иконами пред отправлением по домам; Иван Накагава, принесший показать полученный сегодня на выпускном акте в Университете диплом — кончил третьим по юридическому факультету и поступает чиновником в Министерство внутренних дел; семинаристы и ученицы, приходившие за деньгами на дорогу по домам, на каникулы, и прощаться; бедным дается на дорогу с наказом, однако, чтобы возвращались обратно на свой счет.

28 июня / 11 июля 1901. Четверг

До полудня — чтение писем к Собору и распределение их. С половины второго — «сейнен-квай» и сорокалетие. Утром дал Василию Ямада, председателю «сейненквай»'я 12 ен на угощение, и оно устроено было очень прилично. Вообще, все произошло в полном порядке и гораздо лучше, чем я ожидал. Столовая семинарская была устлана коврами и сиденья — скамейки — приготовлены больше, чем на сто человек; больше ста и было, в том числе собравшиеся на Собор священники занимали почетные места; эстрада — для речей; цветы в вазах, убранство зеленью и флагами... Малый молебен, отслуженный о. Романом Циба; русский гимн «Боже, Царя храни», отлично пропетый по-русски семинаристами; длиннейшее приветствие, прочитанное вчера кончившим Университет Иваном Накагава; приветствие от Семинарии, прочитанное профессором

Арсением Ивасава; японский национальный гимн, пропетый всеми; моя речь к молодым людям, в которых надежда на просвещение Японии Светом Истинного христианства; чтение приветственных телеграмм из провинций. Затем все вышли на двор сняться фотографической группой. Вернувшись в место собрания, стали угощаться чаем и печеньем. Предложено было священникам сказать что-нибудь, и о. Оно Иоани наговорил дичь, будто родные оплакивали мое отправление в Японию, как отправление на съедение меня дикарями, ибо японцев воображали людоедами, и подобное. В заключение я кратко рассказал, как поехал в Японию; «поехал по любви к японскому народу, возбужденной у меня чтением записок Головнина» и «для христианской проповеди, вследствие вызова от Святейшего Синода священника к Консульству в Японию». После сего пропето было «Достойно», и собрание кончилось. Продолжалось все два часа.

В служении всенощной участвовали со мной шесть иереев, из коих пять потом исповедались у меня. Пели одним хором, ибо большая часть учащихся разошлась по домам.

29 июня / 12 июля 1901. Пятница.

Праздник Святых Апостолов Петра и Павла

Литургия в сослужении шести священников в приделе Святых Апостолов Петра и Павла, потом молебен Святым Апостолам.

После обеда до позднего вечера выслушивание священников об их Церквах и катихизаторах. Большое терпение нужно, чтобы выслушать, не теряя спокойной мины, о. Иова Мидзуяма: слова и фразы растягивает так, что в иных промежутках можно лечь спать и выспаться; что он тянул полтора часа, то обыкновенною речью, какую говорят добрые люди, можно сказать в семь-восемь минут.

30 июня / 13 июля 1901. Суббота

Утром – приготовление статистики к Собору и выслушивание священников: о. Павла Морита и других.

Трое старших семинаристов: Василий Нобора, Кирилл Мори и Павел Иосида – просились в путешествие во время каникул по Церквам отсюда на север до Исиномаки. Дал им на это 12 ен и отпустил. Будут путешествовать пешком, для здоровья, останавливаться у товарищей, где есть, или в церковных домах; визиты их будут не без пользы и христианам.

Всенощную пели двухголосно: Дмитрий Константинович Львовский своим великолепным тенором с регентами и причетниками и некоторыми учениками; Женская школа не участвовала в пении.

После всенощной семь священников исповедались у меня.

1 / 14 июля 1901. Воскресенье

Литургия в сослужении восьми иереев. Пели причетники с Дмитрием Константиновичем Львовским.

Порадовал рассказом о своем приходе о. Феодор Мидзуно, вчера вечером вернувшийся из Симооса. У катихизатора Павла Канасуги оказалось крещенных более, чем у кого-либо другого, а катихизатор он не из важных. Спрашиваю:

— Отчего? Не крестили Вы плохо приготовленных у него?

— Нет, все научены как должно. Помощник у него есть очень усердный: Игнатий Касе, в селении Нагаока. Сын Игнатия, мальчик лет пятнадцати, чудесно исцелен от болезни; был он совсем расслабленный с самого рождения, ходить почти не мог, и испытаны были на нем все медицинские средства без всякой пользы. В прошлый раз, когда я три месяца тому назад посещал эту местность, мальчика привели к крещению, и я крестил его; после крещения он вернулся домой уже без всякой помощи, а назавтра стал работать в доме, как здоровый, и теперь совершенно здоров. Отец, восхищенный этим, не перестает всем советовать слушать христианское учение и тем помогает катихизатору.

— Отчего не извещают об этом?

— Да случаи чудесных исцелений были и в приходе Филиппа Узава.

— Пусть описывают их и помещают в «Сейкёо-Симпо». Это будет ободрять веру и других.

Новые христиане принимают слова Божии в простоте сердечной, в буквальном их смысле, как и должно это; и потому смотрят на чудо, как на нечто естественное, чему и удивляться много не считают достоодложным, и о чем говорить широко не находят нужным. Не раз уж я это замечал.

2 / 15 июля 1901. Понедельник

Первый день соборных заседаний. Речь сказал плохую, потому что бы в угнетенном состоянии духа. Да и как иначе? На 201 человека в нынешнем году меньше крещеных, чем в прошлом. Все говорят, что внимание японцев возникает к религиозному научению, и все хвалятся успехами по проповеди, а у нас вот! Так и прошел день для меня бесцветно, приниженно, хоть никто и не видел этого по наружности — рутина соборная шла своим порядком. Вопросы о священниках сегодня и кончили, и, кажется, порядочно кончили. Слава Богу, хоть за это!

Кстати и погода все эти дни безостановочно дрянная, дождливая. Мало утешений на земле!

3 / 16 июля 1901. Вторник

Второй день заседаний. Читали и говорили, говорили и читали — все, как следует. К вечеру все прочитали и переговорили насчет катихизаторов

и положили завтра сделать частное заседание для распределения их, разумеется, не трогая тех с мест, которые сами не просятся инде, или которых сменить не просят. Якова Тоохей, катихизатора в Усигоме, избрали в диаконы в Сендай, — отказался; избрали Тита Кано — и телеграммой вызывается он из Фукурои.

4 / 17 июля 1901. Среда

Сидя в классной комнате второго этажа, целый день занимались распределением катихизаторов (хайфу). Самый тягостный это день в году; при недостатке катихизаторов такой тяжелый труд распределить их по местам, десятки коих остаются незамещенными, так что страдаешь и утомляешься донельзя. При всем том тут же приходится смеяться от комичнейших сцен. Например, после некоторого исчезновения о. Симеон Мии подходит ко мне сияющий от радости: «Нашел катихизатора для Миядзу: о. Игнатий Мукояма уступает мне Василия Хираи — отличнейший катихизатор!»

— Кто Вам сказал, что он отличный катихизатор?

— Да о. Игнатий; он расхваливает его.

Я расхохотался.

— Не верьте о. Игнатию; он хочет сбить Василия Хираи по негодности — Хираи совсем ослабел и ни на что не годен, даже и память у него отшибло.

— А, вот что! — молвил о. Семен в неудовольствии, а о. Игнатий, сидя в конце стола, улыбается, как будто ни в чем не повинный.

5 / 18 июля 1901. Четверг

Утром, в семь часов, исповедал и приобщил о. Павла Сато; едва он смог проговорить несколько слов; левая половина тела совсем в параличе.

С восьми часов заседание в Церкви. Катихизатор Тит Кано, явившись, принял назначение его диаконом в Сендай. Потом прочитали и утвердили вчера сделанное распределение катихизаторов. Потом читали разные предложения Собору — что утвердили, что отвергли. Потом упражнялись в говореньи на разные предметы. После полудня, к трем с половиною часам, источник речей совсем иссяк; пропели «Достойно», я сделал отпуст, сказал прощальную речь, и Собор закрыт. Хорошо, что речь предварительно написал, чтобы отдать ее для перевода и помещения в Гидзироку — иначе существование ее было бы столь же кратковременно, как краток звук: отцы, разленившиеся или утомленные, плохо слушали, а о. Игнатий Мукояма и о. Тит Комацу преоткровенно заснули, чему, быть может, способствовало и то, что я говорил вяло, мысленно

читая по написанному.— Вообще же Собор прошел мирно и хорошо. Слава Богу за все!

О. Павла Сато пособоровали отцы Роман Циба, Иоанн Оно и Петр Сасагава — и ему как будто лучше.

6 / 19 июля 1901. Пятница

Извещение тех катихизаторов, места службы которых переменены, разговоры с священниками об их церковных делах и прочие обычные после Собора дела. Между прочим, была одна христианка, Мурасаме Мария из Тоёхаси. Быстро вошедши, прежде всего заплакала.

— Отчего? — спрашиваю.

— От радости, что увидела Вас.

Нечего делать, принимаю за чистую монету; да оно, кажется, так и было. В течение разговора оказывается, что она сама себя отлучила от Церкви в Тоёхаси (дакквай-сита), да и порядочно исстрадалась от этого, потому что христиане при встрече с нею не кланяются ей и вообще знать ее не хотят.

— Из-за чего же Вы дакквай-сита?

— Сколько ни говоришь на церковных собраниях, что ни предлагаешь — ничего не слушают и не принимают.

— Да так же ведь и всякий потребует: слушайся меня, принимая, что я предлагаю, иначе уйду из Церкви. Какой тогда порядок выйдет в Церкви? Если что находите полезным для Церкви, сказать на собрании можете, но если этого не принимают, Ваше дело успокоиться и отнюдь не нарушать мира ни Вашей души, ни церковного, и прочее.

— Есть и еще причина: я оставила Церковь, потому что хочу развестись с мужем, а этого в Церкви нельзя.

— От часу не легче; это же отчего?

— Муж говорит свои резоны, я свои, и мы не сходимся.

— А почти до старости дожили при этом разногласии и теперь хотите сдурить.

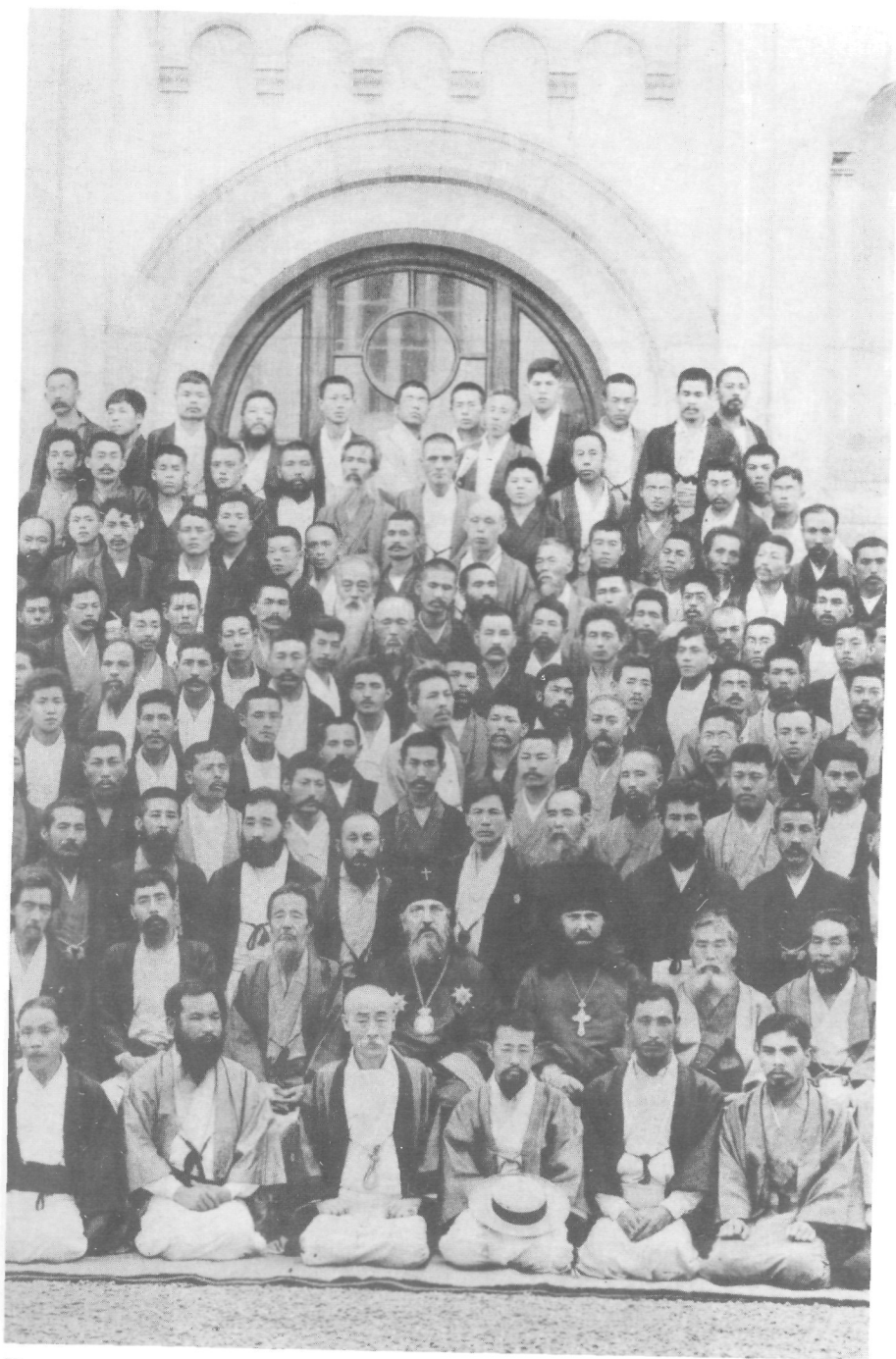
— Впрочем, мы еще не развелись...

— И никогда не разводитесь, и с братьями помиритесь, в Церковь войдите, и так далее — долго в этом роде.

Муж ее еще язычник и резонер, действительно, неукротимый; года три тому назад он мучил меня вопросами в письмах: что я сделаю, если начнется война Японии с Россией? Как соблюду верность своему Отечеству? А если соблюду эту верность, как останусь верен своим обязанностям Епископа Японской Церкви? И подобное.

7 / 20 июня 1901. Суббота

Целый день те же после-соборные дела, отпуск нескольких священников по домам, и прочее. Между прочим, из Оою, на севере, телеграмма:

Участники последнего в XIX веке Собора Японской Православной Церкви перед входом в Токийский Собор Воскресения Христова, 14 июля 1900 г.

Члены редколлегии издательства «Айай-ся», занимавшегося переводом и изданием православной литературы на японском языке

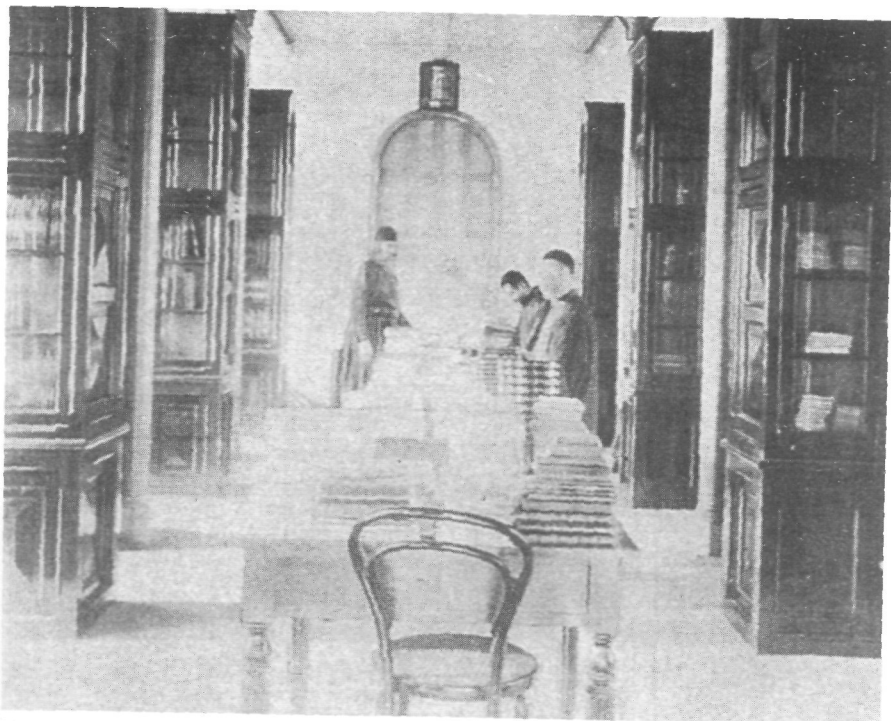
Русские и японские священнослужители (сентябрь 1893 г., Токио). Во 2-м ряду третий слева – иеромонах Арсений Тимофеев. Справа от него – священник Сергей Глебов и архимандрит Сергей Старагородский (впоследствии Патриарх Московский и всея Руси)

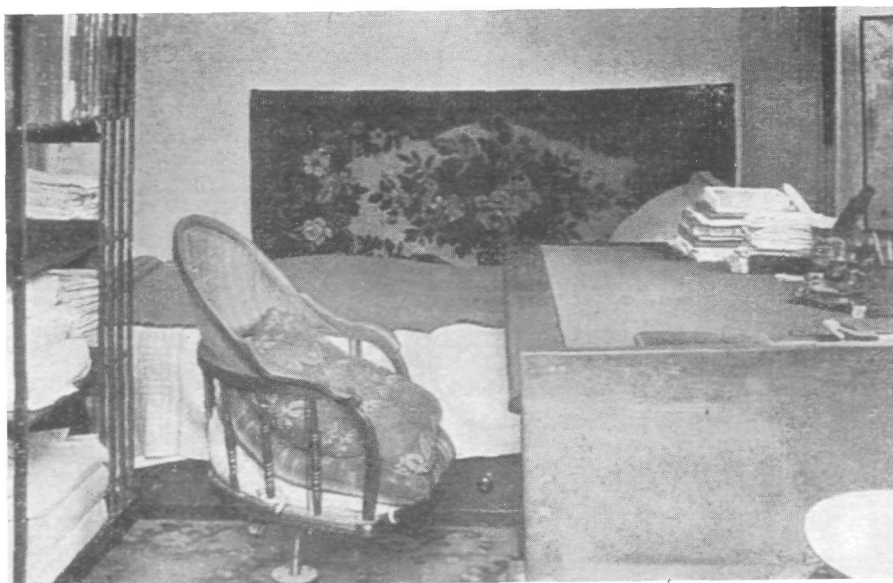
Епископ Николай
(около 1900 г.)

Епископ Николай
(около 1900 г.)

Помещение миссийской библиотеки
(2-й этаж)

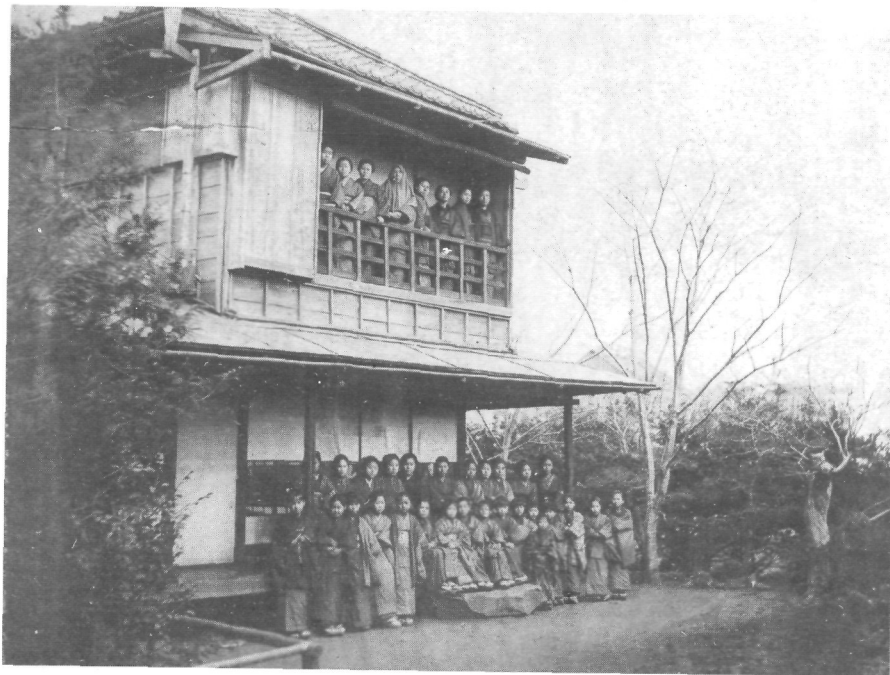
Келия святителя Николая, использовавшаяся им одновременно в качестве рабочего кабинета. Соседняя комната предназначалась для приема посетителей

Вид токийского района Канда, около 1900 г.
На заднем плане – Токийский Собор Воскресения Христова

Выпускницы Токийской женской школы — фото в память об окончании, июль 1900 г.
В нижнем ряду слева направо (начиная со второй) — преподавательницы Надежда Такахаси, Елизавета Кодама, Евфимия Ито, Текуса Огивара (урожденная Сакаи)

Женская школа в Токио, около 1885 г. На первом этаже — ученицы.
На втором — преподаватели (вторая справа — Ирина Ямасита).
Здание сгорело в декабре 1886 г.

Преподавательницы Токийской женской семинарии, декабрь 1901 г.
Фото по случаю отъезда Надежды Такахаси для работы в Киото. Слева направо — Текуса Огивара (урожденная Сакаи), Надежда Такахаси, Евфимия Ито, Елизавета Кодама

Члены редколлегии издательства «Сёкэй-ся», выпускавшего женский литературный журнал «Уранисики» (ноябрь 1901 г.).
На заднем плане — здание женской школы, заново отстроенное Ольгой Путятиной

Ученицы Токийской женской семинарии в спектакле «Райская фиалка» (автор — Павел Накаи), поставленном в 1905 г. в память о Текусе Огивара (урожденной Сакаи). Крайняя справа — Мария Сибаяма (дочь священника Петра Сибаяма; в октябре 1909 г. поехала учиться живописи в Россию)

Освящение храма Благовещения Пресвятой Богородицы в Киото, май 1903 г. Справа — вход в храм. Слева на заднем плане — здание Православной женской школы в Киото, основанной Надеждой Такахаси

Июль 1906 г., фото в память об окончании Токийской женской семинарии. Первый ряд (слева направо) – преподавательницы Варвара Накаи (младшая сестра Павла Накаи), Домна Токайрин, начальница семинарии Елизавета Кодама, Мария Хакугоку, Евфимия Ито

Преподаватели и учащиеся Православной женской школы в Киото, май 1903 г. В центре первого ряда – Надежда Такахаси. Слева от нее – Ольга Ябэ, справа – Любовь Асано

«Оставить катихизатора Нифонта Окемото на месте». А он сам просился в другое, почему и перемещен. Вероятно, теперь мутит христиан, говоря им: «Я, мол, рад служить здесь, но что ж делать, если Собор», и подобное. Вперед должно быть правилом: «Если катихизатор непременно желает перемещения, пусть пришлет Собору прошение о том» — словесными просьбами не довольствоваться — от них большею частию, по малодушию, потом отказываются. Едва отвечено было на телеграмму: «Соборное определение переменить нельзя, пусть Окемото спешит на назначенное ему место, вместо него идет другой» — как подана была другая, из Эма: «Оставить Мефодия Цуция там» — и отвечено тоже отказом.

Катихизатор Лука Хироока женат законным браком на дочери покойного о. Павла Таде уже много лет. Но вдруг оказывается и его младший брат, христианин, сделавшийся недавно врачом, женатым тоже на дочери о. Павла Таде, младшей сестре жены Луки, но уже по-язычески, без всякого венчания в Церкви. Мало этого: оба они, незаконно сожительствующие, как бы и ни в чем особенном не повинные христиане, оказываются уже исповедавшимися и причастившимися Святых Тайн. Живут они неподалеку от Окаяма, призвали оттуда о. Игнатия Мукояма, заявили желание исповедаться и причаститься, и тот, не исследовавши хорошенько их жизнь, преподал им таинства. Уже после узнал он, как говорит ныне, что они так незаконно живут. Конечно, немалая вина о. Игнатия, вина нерадения и небрежения при раздавании таинств Церкви. Еще большая вина Луки Хироока и все причастных в устроении вдвойне незаконного сожительства, хотя они отзываются, что не знали о недозволенности брака в такой степени родства (что невероятно: у Луки, по крайней мере, каноника всегда под рукой).

Но что же дальше? Запретить сожитие? Не послушают, а совсем обратятся в язычников, и значит потеряют надежду спасения; притом же, хотя и по-язычески, составили одну плоть, и даже дитя имели, и любят друг друга. О. Игнатий говорит, что «они просят освятить их брак церковным венчанием». Этого нельзя: брак — в запрещенной степени родства; перевенчать их — другие также попросят венчать их в недозволенных степенях. Сказал я о. Игнатию, чтобы он наложил на них епитимию: в продолжение пяти лет не допускал бы их до святых таинств; пусть молятся, бывают при богослужениях; пусть он выслушивает и исповедь их, но не читает над ними разрешительной молитвы. Если они в продолжение этого срока окажутся благочестивыми по вере и желанию общения в святых таинствах, то и пусть, по истечении пятилетнего срока, разрешить их и приобщить Святого Тела и Крови Христовых. Впрочем, пусть ежегодно извещает меня об их душевном состоянии. Детей от них пусть крестит. Луке Хироока, в наказание, не будет дана ежемесячная, в 2 ены, помощь, что я хотел сделать с этого Собора.

8 / 21 июля 1901. Воскресенье

Стефан Доде, что княжеского рода, преусердно старается внушать христианство всем, кому может. Сегодня он привел в Церковь своего старшего брата, служащего в военном ведомстве, уже значительно расположенного им к христианству. Когда они были у меня после Литургии, брат внимательно и с пониманием слушал меня и обещался еще приходиться слушать.

Простился с пятью-шестью священниками, отправившимися по домам. А о. Иоанн Оно отправился в Такасаки уговаривать христиан, чтобы они не ссорились с христианами Маебаси из-за о. Павла Морита; те и другие одинаково горячо желают, чтобы он жил у них. О. Оно будет убеждать первых, чтобы они уступили о. Павла на год вторым, а в будущем году он поселится в Такасаки. Состязание христиан из-за хорошего чувства; но оно грозит обратиться в ссору.

9 / 22 июля 1901. Понедельник

С утра до полудня читали мы с Борисом Ямамура прошение Авраама Сато и брата его Петра Ниносеки об отделении Церкви Ициносеки от Яманоме, и антипрошение катихизатора Тита Накасима. Три года тому назад христиане этих двух городов, лежащих почти без всякого перерыва друг от друга, положили соединиться в одну Церковь под именем «Ивай-кёоквай» и построить храм; для последнего купили место, за которое богач из Яманоме Моисей Ямада заплатил тысячу ен, и строят ныне на нем церковный дом, предположив собрать средства и построить храм в продолжение пяти лет. Все шло хорошо, как вдруг Авраам Сато без всякой причины восстал против этого соединения, которого прежде сам же желал; смутил домов пять еще в Ициносеки, и пошла струшня! Мутит всех там, ссорится, рассеивает злобу между братьями, но так как большинство и в Ициносеки все-таки не слушается его, то вот целую тетрадь кляузы под видом прошения прислал мне. Я имел терпение прочитать всю ее, стараясь выудить хоть крупицу основания для его желанья отделиться — ни зерна! Прочитавши же объяснение катихизатора, еще больше убедился, что старик просто помешался на гордости и злобе, и больше ничего.— Что же дальше? Пошлю о. Иоанна Оно — пусть он, если возможно, убедит Авраама Сато и смущенных им умириться. Если в этом не успеет, пусть, от моего имени, позволит им, не желающим соединения, отделиться, только отдельного катихизатора для них нет, пусть сами собираются и молятся; священник же, о. Борис, будет посещать их. Авось, даст Бог, со временем утешатся и умирятся. Пусть будет поступлено с ними с всевозможным снисхождением и любовью. Но самое первое, что должны сделать оо. Иоанн Оно и Борис Ямамура, прибывши

туда,— это посоветовать Моисею Ямада и Павлу Сасаки, лучшим и наиболее влиятельным христианам в Яманоме и Ициносеки, составить по-прежнему две Церкви — не соединяться для сохранения братской любви и в избежание и в будущем вот таких ссор и озлоблений, как ныне. Если в самом начале так, то и потом могут возникнуть, без всяких основательных причин, подобные безумства. Итак, пусть бы Моисей Ямада возвратил христианам Ициносеки 130 ен, которые до сего времени только и затрачены ими на постройку — все прочие расходы самого Моисея Ямада, а Павел Сасаки пусть бы благодушно принял это распоряжение союза; место и храм пусть бы были Церкви Яманоме, Ициносеки же со временем будут в состоянии сами построить себе и так далее. Если Ямада и Сасаки и прочие с ними будут очень против этого, то пусть будет поступлено, как выше сказано, то есть Аврааму Сато с его последователями будет позволено отделиться, а прочие христиане Ициносеки и Яманоме пусть составят одно.— Не знаю, усвоят ли когда-нибудь японские христиане правило: в церковных делах меньшинство безропотно и благодушно должно подчиниться большинству.

Отправил иподиакона Моисея Кавамура в Оосака, чтобы он был моим представителем при переведении церковной земли и зданий на мое имя с имени о. Якова Такая. Эти земля и здания куплены о. архимандритом Анатолием в 1882 году на деньги, собранные им в России, когда он ездил туда в отпуск в 1880–81 году. Собирал же он это пожертвование в память мученической кончины Царя-Освободителя.

В японских газетах сегодня описание приема в Токио Ламы, посланца в Японию от Тибетского Далай-Ламы. Триста избранных бонз вышли на станцию железной дороги встретить его. Радуйся, наше подполье!

10 / 23 июля 1901. Вторник

О. Борису Ямамура при прощании сказал, «чтобы он в продолжение года по церковным делам в Мориока не бывал, если не случится что-нибудь особенное, требующее его присутствия». Оттуда к Собору прошение было, «чтобы о. Петр Ямагаки оставлен был в Мориока, но чтобы также и о. Борис по-прежнему был священником Церкви Мориока». Если о. Ямагаки, то зачем же о. Борис? О. Ямагаки тоже уже опытный священник и не требует над собой надзора. Но отказать бы христианам Мориока в их просьбе относительно о. Бориса значило бы, почти наверное, поднять какого-нибудь болвана на дыбы, и пошел бы он мутить других — «мы-де много лет под о. Борисом, а теперь его отнимают у нас — не хотим о. Ямагаки, хотим о. Ямамура», и так далее. Японские христиане, как все больше оказывается, такие легкомысленные и такие малоспособные подчиняться церковному руководству. Ну и употреблена вышеозначенная мера. О. Борис и без того там редко бывал, а с переходом туда из

Хакодате о. Петра, кажется, всего раз был. Теперь, если в продолжение года он ни разу там не побудет, то на следующем Соборе уже безопасно будет отрешить его имя совсем от Мориока.

11 / 24 июля 1901. Среда

Катихизаторский ученик Савва Сакурода пишет, что «до него дошел слух о назначении его в Ицкисири, и он отправится, но на дорогу ему нужно 57 ен». И сам того не стоит, коли продашь! Капризный, непостоянный и до сих пор не сделавший ровно ничего для Церкви, только содержание от нее даром потребляющий. Ответил ему, чтобы оставался на том же месте, в Хиробуци, и если в продолжение года все так же будет бездейтелен и бесполезен, то прогнан будет со службы, и о. Иову Мидзуяма отписано о сем.

Был Оотера, юноша шестнадцати лет, сын генерала, убитого в Китайско-японскую войну, барона Оотера; собирается в Россию на воспитание там для дипломатической службы, по уверенности, что Японии очень нужно дружить с Россией, тогда как теперь все в Японии враждебно настроены к России; учится русскому языку и знакомится с вероучением у катихизатора Ефрема Омата, с которым и был у меня. Я обещал ему выписать из России программы лицеев Цесаревича Николая в Москве и Царскосельского.

Расстрига Павел Ниццума прислал письмо, в котором изъясняется, что из одной протестантской секты прислали к нему посла убедить его сделаться протестантским пастором (бокиси), и он, «чтобы не зарыть данный ему талант» совсем было решился принять предложение, имея в виду «всему народу проповедать Евангелие, всех протестантов убедить в действительности таинств, все протестантские секты соединить в одно и основать катихизаторские и разные другие училища, с американцами соединиться и пронести проповедь по всему японскому государству — пусть-де бранят (сикару) меня православные за преступление их древнего предания, зато весь народ (банмин) уверует и будет спасен крестом Господним». Но Ангел-Хранитель его явился ему и положительно запретил оставлять православие. Тронутый сим чудесным явлением, Павел Ниццума удержался от перехода в протестантство и хочет в следующую субботу прибыть, чтобы подробнее сообщить все вышеозначенное. Я ответил чрез брата его Ивана, принесшего мне это конфиденциальное письмо, что эти дни я очень занят, а потом мне надо отправиться в Кёото — так после как-нибудь. В сущности, я чувствую непобедимое отвращение говорить с ним. Всячески добивается опять на службу Церкви — но разве это возможно? Говорил ему несколько раз: «Частным образом проповедуй Христа, там огромная деревня, есть кому слушать проповедь; не теряй даром свое знание вероучения и свою способность красно

говорить». Так куда! Ни одного не научил. А вот нужно ему опять церковное содержание, хотя живет вполне обеспеченно со всем семейством, нужно также почетное звание служащего Церкви, но к этому он навсегда пресек себе дорогу. Что протестанты его зовут, неудивительно — он прежде пользовался отличной репутацией в Православной Церкви, а до того, что он потом покрыл себя стыдом, им, по-видимому, нет дела; что он к протестантам уйдет, это очень вероятно — и будет им полезен, это тоже вероятно. Но из опасения сего для него ничего нельзя сделать в направлении его поползновений на церковнослужительство. Что до явления Ангела, то истина это, или самообольщение, или прямая ложь, пусть останется нерешенным; я склонен думать, что это второе.

12 / 25 июля 1901. Четверг

Утром о. Роман Циба пришел сказать, что о. Павел Сато очень хочет сообщить мне что-то. Пошел; о. Павел силился рассказать свой сон в прошедшую ночь и больше ничего, и сон-то самый незначительный: «Был он в какой-то длинной комнате, где были почетные и простые люди, и он чувствовал страдание почему-то». Господи, какое это безотрадное явление — перед смертью обратиться в дитя по разуму, телесно мучающееся!.. Я помолился у его постели вместе с детьми его и другими бывшими, прочитав вслух несколько молитв из таинства елеопомазания.

Во время распределения катихизаторов о. Алексей Савабе стал ходатайствовать, чтобы Стефана Тадзима назначить негласно служащим катихизатором. Этот Тадзима служил когда-то проповедником, бросил службу, чтобы заняться торговлей; наскучила ему торговля, стал проситься опять на церковную службу; между тем женился по-язычески, без церковного венчания; я узнал об этом и сказал ему, что он сделал такой проступок, не загладив который, никаким образом не может сделаться церковнослужителем; загладить же он может только следующим образом: принести раскаяние пред священником, потом попросить его перевенчать их; затем, ко времени следующего Собора, он может попросить священника благословить его частно служить по проповеди; если священник согласится на это, то попросить у меня пособия для помогающего ему по проповеди, и я дам это пособие, которое и будет идти ему, Тадзима, не гласно от Церкви, а частно, из рук священника. Если он, служа таким образом в год или два, успеет оказать заметные услуги по проповеди, то есть привести ко Христу, скажем, не менее десяти-пятнадцати человек, то священник будет иметь право ходатайствовать пред Собором о принятии его вновь в число катихизаторов. Все это, несколько месяцев тому назад, я лично и весьма подробно объяснил Стефану Тадзима, и он сказал, что поступит так. Между тем оказалось, что он и не думал повенчаться, а живет до сих пор в незаконном браке. Я отказал

о. Алексею в его просьбе с выговором за неприличие подобных просьб для священника. А сегодня о. Алексей Савабе вновь явился с тою же просьбою:

— Я повенчал Стефана Тадзима. Теперь позвольте назначить его частью на проповедь.

— Такое-то уважение к церковному таинству у Тадзима, да и у Вас тоже! Венчаться для того только, чтобы добиться назначения на службу и церковного содержания! Как же он будет учить о церковных таинствах? ...

Сделав строгий выговор о. Алексею, я запретил ему и думать о назначении Тадзима на проповедь, по крайней мере в ближайшем будущем, без надлежащего испытания его.

В четыре часа был Александр Петрович Извольский, посланник, с которым я хотел поговорить пред отправлением его в Хакодате. Отправляется он туда завтра, главное — найти место для постройки Консульства, которое оказывается необходимым, по мере увеличения значения Хакодате. Наше Консульство там было до 1872 года, когда оно перенесено в Токио и сделано генеральным (потом Посольством). Место, полученное в 1857 году от японского Правительства для постройки Консульства, ничем не было фактически закреплено за Консульством, как только постройкой зданий на нем. Требовало японское Правительство тогда, и не раз, плату за него, но консулы все коллективно согласились не платить: «для Консульства-де место должно быть даровое», «или же пусть верховное Правительство, в Эдо, постановит для того правило». В 1885 году все здания Консульства, за исключением Церкви, дома священника и небольшого дома переводчиков сгорели; в 1867 году сгорел госпиталь, построенный на сто человек, на участке, смежном с Консульством. Оставшиеся на месте Консульства здания, с 1870 года, когда я был в России хлопотать об учреждении Миссии, предоставлены в полное владение Духовной Миссии. Тогдашний директор Азиатского Департамента господин Стремоухов мне лично это объявил. Вот его слова были: «Теперь дело идет о переводе Консульства из Хакодате в Едо; когда это состоится, тамошние здания вполне предоставляются Духовной Миссии». Итак, с переходом Консульства из Хакодате, здания — принадлежность Духовной Миссии, место — тоже стало ее местом; но Духовная Миссия уже не могла противиться требованию Правительства платить за него, и она платила ежегодно по 240 ен ренты за место; таким образом, почти в продолжение тридцати лет уплатою почти семи тысяч ен Духовная Миссия и *de facto* закрепила место за собою; и теперь взять это место от Миссии опять под Консульство было бы несправедливостью. — Соседнее место через узенькую дорожку от Миссии, что было под госпиталем по оставлении его Консульством, как место, за которое ни Консульство и никто не вносил платы, тем самым *de facto* опять поступило в распоряжение японского Правительства и отдано им под Английскую

Епископальную Миссию. Пусть-ка его вернет себе Русское Консульство! Это, конечно, невозможно — никаких основательных причин на то Русское Консульство не представит. А место Духовной Миссии, кажется, имеется в виду взять от нее опять под Консульство; по крайней мере на часть места тамошний консул Матфей Матфеевич Геденштром[?] уж очень сильное притязание заявил. Вот по этому поводу я и хотел говорить сегодня с посланником. Я сказал:

— Совмещение на том месте двух учреждений — Консульства и Духовной Миссии — было бы крайне неудобно и в нравственном, и в физическом отношении. Свободного места там, вы увидите, очень мало, только основание бывшего дома консула и то, что находилось под службами его, и то занятое ныне садиком, разведенным о. Анатолием. Если консул будет одинокий человек, то он еще мог бы построить себе достаточное для него помещение, но присутствие там одинокого опасно в нравственном отношении (он может вести зазорную жизнь, о чем еще прежде была речь); если будет семейный — места для Консульства совсем мало, а если будет у него и секретарь — положительно негде меститься, коли не станете срывать зданий Духовной Миссии. А здания эти не только нужны Миссии, но, быть может, придется и увеличить их, ибо имеется в виду завести там Женское Духовное училище. В этом году мы заводим Женское Духовное училище в Кёото для юго-западных Церквей, так как здешнее наше училище оказывается крайне тесным; а через два-три года, если Бог поможет, устроим училище в Хакодате и для северных Церквей.

Александр Петрович благодушно с улыбкой слушал, однако заявил:

— Но я должен соблюдать интересы моего Министерства; там мест нет, или они очень дороги.

В ответ на это я объяснил, что и Министерство иностранных дел покровительствует интересам Духовной Миссии, и рассказал вышеизложенное, также то, что в 1870 году Министерство иностранных дел только по моей просьбе оставило при Консульстве (ныне Посольстве) священника именно с тем, чтобы этим обеспечить жалованье одному миссионеру и вместе настоятелю Консульской Церкви (каким был в то время я).

Александр Петрович уверил, что и для него дороги интересы Духовной Миссии, чему я охотно верю; не сказал, однако, что не коснется места Духовной Миссии в Хакодате, и я не знаю, как Господь устроит это дело.

Александр Петрович говорил потом, что дело о постройке Церкви в Нагасаки развивается. Гинцбург (еврей) место для нее уже пожертвовал; он же предлагает и построить на свой счет, но князь Гагарин, консул нагасакский, находит это несколько неудобным, и потому, кажется, Гинцбург отдаст деньги в Комитет, который князь хочет учредить для заведывания постройкой. Все это, однако, только в предположениях, по словам Извольского. Если Церковь будет построена, то он имеет в виду

выхлопотать содержание для священника, но с тем, чтобы он был не миссионер. Я обещал ему приложить свои хлопоты, чтобы священник был семейный, с академическим образованием, как обыкновенно наши заграничные священники. Извольский проектирует и школу завести в Нагасаки для русских детей. Дай-то Бог!

13 / 26 июля 1901. Пятница

Писал Матфей Юкава, катихизатор в Накацу, что Иосиф Окада (бывший католический проповедник, перешедший в православие) желает сделаться катихизатором. Отписал я Матфею Юкава: пусть Окада приходит в Катихизаторскую школу, а жене его, если он затрудняется в содержании ее, я буду от себя высылать по 4 ены, пока он будет учиться. И вдруг сегодня Юкава: «Так как жена Окада еще католичка и не хочет, чтобы он сделался православным проповедником, то потребовала развода, и он развелся с нею». Отписано ни минуты не медля: «Так как Окада нарушил Божий закон о супружестве (будете две в плоть едину), то не может быть катихизатором. Пусть опять сойдется с женою и малопомалу обратит ее в православие, тогда и катихизатором может сделаться, иначе пусть, не нарушая закона о браке, изберет себе другой путь».

Нифонт Окемото длинным письмом доказывает, что не может ныне оставить Церковь в Оою (смотри 7 / 20 июля), иначе она расстроится, и Тимофей Циба, христианин в Оою, пишет то же. Нечего делать! Письма посланы к о. Павлу Кагета, чтобы он побыл в Оою, и если действительно Нифонт там очень нужен, оставил бы его до следующего Собора, а Петра Такахаси, назначенного в Оою, направил бы в Ханаву, в которое Иоанн Ямагуци придет или нет — еще не известно — очень больной ныне лежит в Коофу; если выздоровеет, и пусть останется в Коофу вместо Нифонта; если нет, Коофу может на год остаться без катихизатора — место малоплодное.

14 / 27 июля 1901. Суббота

Не перестают поступать из Церквей просьбы оставить на своих местах катихизаторов, переведенных Собором на другие: из Мориока — оставить там Игнатия Метоки; нельзя, иначе в Хоцинохе — кого же? Из Иваядо — оставить там Фому Ооцуки, он-де нужен для общества молодых людей (сейнен-квай), но преемник его Игнатий Хосияма будет не менее полезен им; Ооцуки же сам просился оттуда; из Эма опять — оставить там Мефодия Цуция; это, должно быть, старый сутяга Моисей Исии начинает опять дело смуты, и прочие. Все это так скучно, право!.. Отдохнуть бы хоть несколько дней от толчеи и рутины, но и этого нельзя. Боже, дай терпение и бодрость!

15 / 28 июля 1901. Воскресенье

За Литургией катихизатор Тит Кано рукоположен во диакона для Церкви в Сендае.

Последние священники из приходивших на Собор отправились к местам службы: о. Петр Ямагаки, отлучившийся после Собора к родным жены своей в Оосака, и о. Николай Сакураи, бывший у родных в Фуса, последний выпросил и прибавку к содержанию — себе 2 ены и Моисею Симотомае — 2 ены. Моисею не хотел было я давать, ибо для себя со своей семьей он получает довольно — 16 ен, но на плечи его сел беспутный этот отец его жены, тоже Моисей, промотавший свой дом и землю, со сварливейшей своей женой-старухой. Бедному катихизатору плохо приходится при таких обстоятельствах. Церковь в Саппоро тоже ему помогает несколько в содержании.

16 / 29 июля 1901. Понедельник

О. Иоанн Оно пришел, исполнивши свою Миссию в Такасаки и Маебаси. Согласил тамошних христиан в их споре касательно местопребывания о. Павла Морита. Сей ныне поживет год в Маебаси, потом два года в Такасаки, потом опять в Маебаси. О. Оно нашел христиан Такасаки очень незрелыми в христианстве сравнительно с христианами в Маебаси, и им будет полезно двухлетнее пребывание у них священника.

Были по пути к местам службы переведенные Собором: диакон Иоанн Оно, на пути из Сиракава в Эма, с женой Верой (дочерью покойного о. Иоанна Сакаи) и двумя детьми, младенцами; Моисей Мори, на пути из Сонобе в Канума, с сыном шести лет, Яков Оота — из Сендая в Одавара.

17 / 30 июля 1901. Вторник

В сегодняшнем номере иокохамской «Japan Daily Mail», в передовой статье под заглавием «Религиозная политика» (Religious Politics) по поводу визита Ламы говорится следующее: «Буддистов можно поздравить с искусством, какое они обнаружили по поводу посещения Ламы. Правда, и случай представился благоприятный. Поведение иностранных войск в Китае и несправедливые нападки самих иностранцев на миссионеров, без сомнения, бросили большую тень на христианство; между тем, с другой стороны, сдержанность японского войска, воздержанность от насилия и грабежа, покровительство, оказанное мирным китайцам и собственности невоюющих, представили контраст, который легко истолковать бросающим блеск на буддизм. Быть может, неуместно было бы принимать визит Ламы в Японию за намеренно устроенное

предприятие подчеркнуть этот контраст, но что визит был утилизирован в этом роде, в том едва ли можно сомневаться. Буддийские прелаты, которые, во-первых, снабдили Ламу денежными средствами для путешествия в Японию, во-вторых, устроили ему прием и ряд угощений здесь, обнаружили замечательную тонкость расчета. Они сочинили „сгесцендо“ спичей и заявлений, которые публика слушала почти бессознательно до тех пор, пока достигнута была вершина и дан ключ.

Это произошло 28 числа, когда на большом митинге в Кинкикван, на котором присутствовало до 800 бонз, виконт Миура, представлявший хозяев, и сам Лама произнесли спичи, ясно показавшие намерение буддистов воспользоваться приходом Первосвященника их веры, чтобы публично выразить следующее: 1) что обстоятельства времени предписывают тесное единение между Япониею, Китаем и Корее, тремя восточными странами, употребляющими один и тот же письменный язык и заимствующими начала своего образования и просвещения из одного и того же источника; 2) что для того, чтобы единение сделать действительным, эти народы должны быть соединены общим чувством, и это чувство дает им только буддизм, вера, которую все они чтут, и которая в продолжение трех тысяч лет безостановочно расширяла свое влияние в мире; 3) что низшая степень христианства сравнительно с буддизмом ясно обнаружена новейшими происшествиями в Китае, где великие принципы милосердия, честности и справедливости были замечательно ясно выражены и соблюдены войском буддийской стороны, и столь же очевидно нарушены войсками христианских государств. Если бы сочинители визита Ламы были люди менее тактичные, то они, вероятно, слишком явно показали бы свою руку с самого начала и чрез то устранили бы симпатии публики открытым смешением буддизма с политикой. Но их процесс был постепенный и хорошо рассчитанный. Ноты диапазона звучали одна за другой, и только в последний момент раздался полный аккорд. Едва ли нужно описывать распределение ролей главных актеров 28 числа. Виконт Миура предоставил себе заявление настоятельной необходимости, чтобы Китай, Япония и Корея стали плечо к плечу, и изъяснением, что единственное влияние, способное действительно соединить их, заключается в буддизме. Лама прибавил дополнение к этому, что все три они заимствовали свою веру из одного и того же чистого источника, и что превосходство этой веры пред христианством вполне доказано во время новейшего возмущения в Китае, когда войска Европы и Америки показали, что их религия решительно бессильна обуздывать свирепые проявления примитивной страсти, тогда как войска буддийской Японии вели себя с образцовой сдержанностью и человеколюбием. Лама наивно присоединил, что, исполнивши ныне разные обязанности, приведшие его в Японию, он спокойно уснет в нынешнюю ночь, в первый раз по своем прибытии сюда. Он действительно исполнил свои обязанности, допустил, чтоб его весьма ловко

эксплуатировали. Буддисты заслуживают слово поздравления. Они связали себя с животрепещущим делом и извлекли для своей религии из китайских осложнений весь капитал, какой только может быть извлечен. Один только вопрос они оставили нерешенным, именно: были ли боксеры буддистами? Если да, то как буддизм избежит ответственности за их возмутительные жестокости?»

Если бы газета не получала премию от японского Правительства, то, быть может, прибавлено было бы, что японские войска тоже не клали охулку на руку в деле грабежа, только грабили более систематично, чем другие; например, зная чрез шпионов, где что в Пекине, они, при занятии Пекина не уклоняясь ни на «десно», ни на «шуге», прямо подошли к казначейству, приставили стражу и вытрясли до того чисто этот кошель китайский, тогда полный серебра, в свой японский, что даже всю мебель казначейства разобрали на части, методично сложили и увезли в Японию.

Лама, о котором речь, жил в Пекине как резидент от Тибетского Далай-Ламы, на содержании китайского Правительства; имеет там кумирню; японские войска при занятии Пекина охраняли эту кумирню, за что Лама благодарил японцев здесь.— Сегодня вечером он уезжает в Кёото и Нара, а 2 числа следующего месяца из Кобе — обратно в Китай.

Оживлению японского буддизма он столь же мало принес пользы, сколько безводное облако приносит засыхающей ниве.

18 / 31 июля 1901. Среда

О. Иоанн Оно, которому я дал для изучения документы из Ициносеки, изучивши их, вчера вечером отправился мирить христиан Ициносеки и Яманоме, если только это удастся ему. По дороге туда он заедет за о. Борисом Ямамура, в Вакуя, и вдвоем придут. Я написал немирным в Ициносеки, что поручил о. Иоанну Оно их дело — чтобы послушались его советов.

19 июля / 1 августа 1901. Четверг

Перечитаны собравшиеся за три дня письма: все больше под разными предложениями денег просят; по возможности, удовлетворяются.

Из Симооса очень просят в одно селение Иоанна Катаока на несколько времени для проповеди; это ему как раз кстати — после долгой болезни оправится там на деревенском воздухе.

20 июля / 2 августа 1901. Пятница

Разом доставлены и прочитаны три письма от Стефана Гадзима — два ко мне, писанные одно за другим, одно к секретарю Нумабе. Приходится убедиться, что не пренебрежение к таинству было причиною столь долгой

откладки браковенчания. Пишет, что с женой он не жил совместно с того дня, как я наставлял его; жена с того времени была наставлена в вере катихизатором Мацумото, но, как малоразвитая, до того тупо понимала, что лишь ко времени Поста была готова к крещению; она была окрещена, но венчания по причине Поста совершить уже нельзя было, а на другой день праздника Святых Апостолов Петра и Павла начинался Собор, почему о. Алексей Савабе не повенчал их до самого времени распределения служащих Церкви. Изъясняет, кроме этого, Стефан Тадзима, что он пламенно желает опять служить Церкви и готов хоть на край света отправиться для проповеди по назначению. Словом, письма производят такое благоприятное впечатление, что я тотчас же согласился взять его на службу — конечно, частно, пока окажет заслуги, которые дадут право его священнику ходатайствовать пред Церковью об открытом принятии его в число катихизаторов. Кстати, Нифонта Окемото никак не отпускают из Оою — сам о. Павел Кагета ходатайствует об оставлении его там; таким, образом Коофу остается без проповедника; туда и пусть о. Феодор Мидзуно поставит на проповедь Стефана Тадзима. Христианам Коофу незачем знать, что за ним есть грех (взятие жены без церковного венчания).

21 июля / 3 августа 1901. Суббота

Из Бато письмо за подписью четырех христиан: очень сетуют на то, что Павел Сайто не переменен — просят убрать его и дать другого катихизатора, иначе, мол, «мы знаем, что сделаем», то есть, вероятно, уйдут из Церкви. Мерзавцы! В прошлом году к Собору прислали прошение, «чтобы Павел Сайто за заслуги был сделан диаконом»; под прошением было около двадцати подписей, в том числе две нынешних просителей. Ныне и прошения к Собору не было, только о. Тит Комацу на словах объяснил, что Сайто следовало бы вывести из Бато — им недовольны за то особенно, что он ввязался в какое-то тяжebное, не совсем красивое, дело, которое, хотя и не удалось, но оставило пятно на Сайто. Между тем Сайто двенадцать лет служил в Бато, своими стараниями построил там Церковь, и им до последнего времени были очень довольны; у него же восемь человек семьи; переводить его — безжалостно, а сделать ему строгий выговор и оставить. Так я условился с о. Титом во время Собора. Но, как видно, о. Тит не успел успокоить там всех. Придется и туда направить о. Иоанна Оно, когда он вернется из Ициносеки. Пусть вместе с о. Титом основательно узнает, большинство ли непримиримо с Павлом Сайто; если да, то можно и перевести его.

22 июня / 4 августа 1901. Воскресенье

От часу не легче! О. Тит Комацу пишет, что Сиракава-кёоквай вся против Симона Тоокайрин: никак не хотят иметь его своим катихизатором,

говорят: «Если нечем заменить его, то пусть наша Церковь целый год, до следующего Собора, остается без проповедника, а Тоокайрина никак не желаем». Я телеграфировал о. Титу прибыть сюда, чтобы яснее узнать от него причины.

Учительница Женской школы Марина Мидзутаки, всего еще семнадцатилетняя, приходила проситься поступить в школу живописи, языческую, чтобы научиться хорошо писать масляными красками, и потом служить Церкви писанием икон. Я не позволил; таланта к живописи особенного она до сих пор не заявляла, а между тем настроения самого благочестивого: хочет всю жизнь остаться в девицах, чтобы беспрепятственно служить Церкви, выйдя из здешней школы в языческую среду, она может испортиться нравственно. Пусть продолжает служить, как начала,— учительницей. Ушла, впрочем, вполне успокоенная и в радостном настроении всецело посвятить себя Богу.

Из русских был в Церкви и потом у меня чай пил граф Георгий Владимирович Комаровский, возвращающийся с войны, из Манчжурии, в Петербург, а прежде того воевавший в Южной Африке за буров. Меня он знал в России, будучи еще гимназистом в Москве, в 1880 году.

23 июля / 5 августа 1901. Понедельник.

В Токио и на пути в Кёото

О. Тит Комацу явился и не сказал никаких серьезных причин нелюбви христиан Сиракава к Симону Тоокайрин; кажется, о. диакон Оно интриган — настроил их против, а из-за чего — неясно. Положили мы с о. Титом отправиться ему с о. Иоанном Оно в Бато и убеждать тамошних христиан иметь своим катихизатором, как доселе, Павла Сайто; если же большинство никак не согласится, то перевести Сайто в Карасуяма, в Бато — Симона Тоокайрина, а Николая Оно в Сиракава. Могут быть и другие комбинации — увидим потом.

В шесть часов десять минут отправился в Кёото посмотреть постройку храма и посоветоваться там о заведении там при Церкви небольшой Женской школы, для чего сказал, чтобы завтра туда же отправилась из Тonosava старшая учительница и инспектрисса нашей Тоокейской школы Надежда Такахаси.

24 июля / 6 августа 1901. Вторник.

На пути в Кёото и в Кёото

В девять часов утра прибыл в Кёото; О. Мии встретил на станции, а в доме ожидал архитектор Мацумуро. С ним мы обошли и осмотрели постройки; храм строится порядочно, хотя будет легким, недолговечным зданием; медная крыша готова; обшивка тесом и прочие плотничьи

работы продолжают. Дома почти все готовы; кирпичная ограда в самом начале работ. Остановился я в доме налево от алтаря, в двух комнатах, устроенных во втором этаже по-иностранному.

25 июля / 7 августа 1901. Среда. В Кёото

Вчера ночью прибыли из Тonosава Надежда Такахаси и Екатерина Яги, одна из молодых учительниц; последняя не столько по училищному делу, сколько по пути к родным в Эцциу. Утром вместе с ними мы с о. Мии рассуждали, как устроить помещение для училища. Оказывается, что нельзя обойтись без новой переделки в доме, предположенном для помещения учениц двадцати (где ныне я остановился); а для кухни и столовой придется, тоже не без малого расхода, приспособить небольшое здание, что у этого дома, выкопать еще колодезь и прочее. Все это еще займет немало времени, так что с сентября никак нельзя открыть училища, хотя бы и заявилось разом до десяти учениц. Быть может, с помощью Божиею, сделаем это с нового года.

Побыли с о. Мии на литейном заводе, чтобы посмотреть отлитые бронзовые кресты на храм и колокольню; кресты отлиты хорошо, но приспособление для постанковки и укрепления их на крыше весьма плохое; можно опасаться, что ветром сорвет их. Из Токио мы с Моисеем Кавамура послали вместе с рисунком крестов весьма простое и практическое указание, как укрепить их: кресты должны были оканчиваться длинными стержнями вниз и по выходе стержня в железное гнездо замыкаться болтом. Но нашим наставлением пренебрегли: кресты будут насажены на железный стержень в два дюйма; мы велели, по крайней мере, просверлить отверстие для болтика, чтобы прикрепить крест к стержню; больше ничего нельзя сделать, если не разрушать совсем законченных главок на крышах и не переливать крестов, что составило бы новую капитальную работу.

Был один новый христианин с маленьким сыном — торговец музыкальными инструментами, коренной кёотский житель, предки которого преемственно занимались тою же торговлею.— Был газетчик Павел Окада; дал ему мысль для статьи, пришедшую в голову, когда ездил к литейщику: древние государства, особенно Египет и Индия, оставили по себе несокрушимые памятники, свидетельствующие, правда, и о славе их, но в то же время ясно говорящие, что правители их не щадили крови народной для осуществления своих честолюбивых замыслов. В Японии нет таких памятников, зато прямо видно, что японские Императоры были отцами своих подданных, щадившими их кровь и пот; даже Дворец Императора такое же простое и легко сокрушимое здание, как дом простого японца, только величиною отличающийся. Что нужно для самих подданных, о том Императоры прилагали попечение: наглядное

доказательство тому хоть бы каналы, проводящие воду по Кёото, — и они как просто и в то же время практично устроены — ни намек на бесполезное щегольство! Но зато японские Императоры воздвигли себе несокрушимый памятник в сердцах своего народа. Любил ли когда-нибудь какой-либо народ своего Императора так, как любят японцы своего?!

В четыре часа мы с о. Мии отправились за город полюбоваться прекрасным ландшафтом у Арасияма; река у подножия этой горы и лес за нею, покрывающий гору, все, залитое близким к закату солнцем, действительно, составляют прекрасное зрелище. По дороге туда со станции Сага видели великолепные кумирни, но нигде у них, или поблизости, ни единого богомольца, или бонзы — точно заброшенное и пустое место, хотя везде подметено и чисто. Не были, конечно, эти места безлюдны прежде, ни в какой час дня. Знамение времени!

26 июля / 8 августа 1901. Четверг.

В Кёото и в Оосака

Утром вновь рассуждали о помещении для школы и решили занять под нее и дома, где ныне помещается катихизатор, чрез что устранится большая часть предположенных переделок в главном доме и не нужно копать новый колодезь; катихизатор же с семейством переведется в противоположный дом, что в линии с домом священника.

В храме указаны размеры соли и клиросов, сказано построить из кирпича основание для престола, и прочее.

Был корреспондент газеты «Оосака Маиници Симбун» господин Миура, спрашивал мое мнение о буддизме; я ответил, что буддизм, по моему, доживает последние свои годы в Японии и прочее, и прочее, — речь длилась больше часа.

В четыре часа отправились мы с Моисеем Кавамура в Оосака. Нашел здесь Церковь и миссийские дома опрятно содержанными. О. Сергей Судзуки с семьей здоровы и благополучны; но жена катихизатора Фомы Танака лежит больною так же, как я ее нашел в прошлом году. Жалость смотреть. Сказал я Фоме, чтобы он немедленно узнал от докторов, может быть ей произведена операция, или нет; если может, то пусть положит ее в госпиталь на счет Миссии. До сих пор доктора не решались, но не отрицают возможности.

Вечером пришел Лука Мацукава с сыном Стефаном, — самые усердные христиане в Оосака, — и проговорили до одиннадцати часов о средствах поставить Церковь на свое собственное содержание и добыть побольше проповедников для Оосака. Для первого Лука проектирует собрать в продолжение двадцати лет с христиан Оосака 15 000 ен, которые будут давать в год процентовых 900 ен, — этого будет довольно на содержание, без помощи Миссии, служащих Церкви здесь (будто?); для

второго я советовал находить между местными христианами способных, по некотором образовании в Катихизаторской школе, служить местными (доцяку) «денкёо ходзё».

27 июля / 9 августа 1901. Пятница.
В Осака, Кобе, опять Осака

В восьмом часу утра отправились мы с о. Сергием Судзуки в Кобе посетить тамошнюю Церковь. Катихизаторская квартира и вместе молитвенный дом в очень хорошем месте города и чистенько содержится. Катихизатор — Яков Каяно, недавно овдовевший; при нем старушка мать, племянница, недавно кончившая курс в Миссийской Женской школе, и дочь — ученица сей школы. Во втором этаже — молитвенная комната, снабженная хорошим семисвечником и небольшим напестольным крестом, приобретенными усердием христиан. По метрической книжке значится двадцать девять крещений и шесть погребений. Христианских домов 16, христиан — взрослых и детей — 33. Только два христианина имеют свои дома; прочие — случайные жители Кобе. Старшин церковных (гиюу) два. На молитву собираются человек пять-шесть. Церковь совсем юная; первое крещение было всего пять лет тому назад.

Из молитвенного дома мы вместе с катихизатором отправились посетить нескольких христиан; были в трех домах: у резчика печатей Даниила Цуда, лучшего из здешних христиан, с отлично устроенной божицей в углу комнаты; у Петра Мегури, седого, благообразного старика, родом из Кагосима, и у портного Петра Иноуе, самого богатого из христиан, имеющего, кроме дома и лавки в городе, загородную дачу. У последнего были после обеда; обедали же впятером (Петр Мегури и Иоанн Арима навязались провожать) в японской кухмистерской, причем я опечалил Мегури наставлением ему непременно убедить его восьмидесятиоднолетнюю мать сделаться христианкой, чтобы получить вечное спасение.

В три часа вернулись обратно в Осака. Здесь постепенно были разные посетители: врач Сасаки, с женой Марфой, внучкой покойной Анны Кванно; с ними жена умершего врача Пантелеймона Кванно, сына Анны, похоронившая своего мужа по-буддийски (отчего сегодня противно было говорить с нею, хотя принесла она коробку отличных конфет); мать бывшего катихизатора Павла Кавагуци и жены о. Петра Ямагаки, Марина; старуха ясно видит, что дочь ее счастлива за о. Петром только благодаря христианству, иначе злая свекровь давно бы прогнала ее от мужа; а между тем женила сына Павла по-язычески, без венчания, и ныне Павел живет уже одиноким — жена в разлуке с ним, по какой причине, старуха напутала околесицу, да я и не стал много расспрашивать —

гадко и грустно стало! Такие все поверхностные христиане — чуть что, нарушают самые важные христианские законы, да и за грех то не считают.

Фома Танака, катихизатор, пришел сказать, что сегодня лучший специалист по женским болезням, врач, осмотрел его жену и нашел, что операция убила бы ее: слишком разросшийся нарыв у нее в матке. Дал я Фоме 5 ¹/₂ ен заплатить врачу и прибавил по 2 ены в месяц на лекарства жене. Потом Фома приходил, уже в десять часов, чтобы представить двух, приготовленных им к крещению, из коих один — уроженец Каназава, учитель гимнастики, по-видимому, искренно уверовавший; другой молодой человек только молчал и улыбался. — Еще позже приходил Стефан Мацукава с женой и ребенком спросить, в какое время я завтра буду у них.

28 июля / 10 августа 1901. Суббота. В Оосака

Трудно будет моему преемнику, и нужно, чтоб он был человеком крепкого терпения и благочестия. Я свое дело почти кончаю, и мое дело более простое, внешнее, формальное. Я сделал, с Божиею помощью во всем, несколько приспособлений для начала Церкви и рассеял несколько семян. Ростки показываются, но какие блеклые! Или блекнут и вянут почти одновременно с тем, как показываются. Поливать их, ухаживать за ними я не мастер, да и когда? Для этого нужно постоянно бродить по ниве, а я прикреплен к Суругадаю, точно улитка к раковине. Преемнику моему нужно сначала посидеть несколько лет там же, но исключительно за изучением разговорного и письменного языка, и за школьным делом, чтобы воспитать в Семинарии и Катихизаторской школе сотрудников по своему духу, а потом всю жизнь поливать и возвращать Божию жатву вместе, конечно, обильно сея и вновь. Дай, Господи, такого человека и помоги ему, Боже!

Когда писал сие, утром, в восемь часов, пришли сказать, что старик Огасавара Иоаким пришел с визитом. Вот и образчик, как посеянное блекнет без поливки. Старик девяноста семи лет, едва притащился, а все-таки счел долгом прийти за благословением — значит, христианское чувство есть; но сын его, Николай, довольно большой торговец зеркалами, уже холоден к Церкви, а внук, ныне студент Университета, совсем не крещенный. Иначе было бы, если бы неустанно поливать посеянное. Но кому? Священники наши весьма плохи для сего — их самих нужно поливать. Дозор ревностного миссионера необходим. Такого и жду, о таком беспрестанно молюсь. Не пошлет Бог — засохнет посеянное к поношению Церкви Божией. Не допусти сего, Господи!

Отправилась мы с о. Сергием сделать визиты бывшим у меня вчера и сегодня, но при выезде, в воротах, встретились с начальником Оосакской Тенноодзи Циугакко Фукуи Хикодзиро, шедшим ко мне за воспитательными советами. Вернулись в комнату и с полчаса поговорили.

Конечно, я говорил, что без религиозной основы прочного нравственного воспитания не может быть. Он, между прочим, жаловался, что отбросы школ из Токио поступают сюда, что учителя холодны к воспитательному делу (получают он, однако, средним числом по 42 ены в месяц; у него в Гимназии больше 500 учеников и 29 человек учительского персонала) и прочее.

Так как Лука Мацукава звал нас к десяти часам и хотел угостить завтраком, то к нему прежде всего и отправились. По ремеслу он вязальщик; живет претесно, и работают у него человек десять учеников, лавка тут же, показал два вязаных одеяла, на одном — японка, на другом — цветы, работы порядочной. Угостил ухой и яичницей, что принял я за обед, и хорошо, если б рот запечатал для всего прочего в этот день; между тем у врача Сасаки заставили выпить стакан лимонада, у вдовы Кванно предложили какую-то бурду — ячменную воду, у Петра Мацумото — стакан кофе, вот и все, а домой вернулся с расстроеным желудком, весь остаток дня страдал, ко всенощной пошел, но мог выстоять минут пять, с собравшимися христианами видеться не мог. Вперед наука — воздерживаться от всяких угостительных микстур, старый желудок надо шадить, хоть бы и за счет некоторой неделикатности пред угостителями.

У Петра Мацумото рассказали чудесное явление милости Божией: шестилетний Кирилл, сын умершего соборного звонаря Андрея Сукава, внук Петра Мацумото, недавно упал в глубокий колодезь, два раза обрывался, когда его тащили оттуда; все перепугались, послали за врачом, думая, что вытащат израненного, но вытащили без малейшего признака какого-либо изъяна, даже колодки, бывшие у него на ногах, не упали с ног. Все до того изумились, что и сбежавшиеся к колодезю язычники заявили — «это чудесная помощь вашего Бога». Ангел-Хранитель маленького Кирилла охранил его.

29 июля / 11 августа 1901 года. Воскресенье.

В Осака, потом в Кёото

Промучавшись ночью от боли в желудке и от жары, слава Богу, встал здоровым. С девяти часов Литургия, отслуженная о. Сергием Судзуки и пропетая четырехголосно весьма стройно, к удивлению моему; видно, что Исаак Масуда и старается учить, кого может, и мастер своего дела. Вместо причастна я сказал поучение о необходимости преуспевать в вере. С одного часа было женское собрание, на котором было двадцать лиц женского пола и десять мужского (слушателей). Говорили приготовленное по тетрадкам две отроковицы и одна взрослая; сказал и я нечто об Ангелах-Хранителях. Потом собравшиеся делали свои обычные вклады на дела милосердия; стащили и с меня 5 ен. В четыре часа я отправился из Осака и в семь часов был в Кёото. Здесь ожидал меня архитектор

Мацумуро, которому я сказал, что нужно по храму и переделке домов для училища. Потом был разговор, почти до одиннадцати часов, с Павлом Накаи, проводящим свои каникулы в одной кумирне близ Кёото с двумя-тремя христианами и с одним протестантом, просящимся в православие.

30 июля / 12 августа 1901. Понедельник.

В Кёото и на пути в Токио

Об упомянутом выше, просящемся в православие, стоит сказать несколько более. С интеллигентным лицом, спокойно и разумно говорящий; объяснил о себе, что он один из первых по времени в Кёото конгрегационалистов (кумиайкёоквай), но уже два года, как не ходит (почему-то) в свою Церковь; ныне у него сын пяти лет лежит при смерти и хочется ему с женой окрестить его; служит он при литейной, где ныне отлиты кресты для нашей Церкви; смотря на эти кресты, он подумал: «Присоединимся мы с женой к Православной Церкви и попросим, чтобы окрестили нашего сына. Все веры ведь одно и то же — у всех один и тот же Бог, только обряды (гисики) различны. Вот я и пришел проситься в вашу Церковь».

— Дело хорошее. Быть может, благодать Божия привела Вас сюда. Только Вы не правы, говоря, что у всех (христианских) вер нет другого различия, кроме обрядов. Например, в «Кумиай-кёоквай» крещение есть ли таинство?

— Нет; оно только знак вступления в Церковь.

— А Спаситель сказал: «Если кто веру имеет и крестится, спасен будет»; значит, с крещением связана особенная благодать Божия отпущения грехов и спасения, и оно — таинство. Спаситель сказал Апостолам и, конечно, их преемникам, «что разрешите на земле — будет разрешено на небеси» и так далее, в Кумиай-кёоквай есть ли люди, обладающие такой властью?

— Нет.

— Значит, эти слова Спасителя брошены. И так во многом; Спаситель говорит одно, Кумиай-кёоквай поправляет его и говорит другое, или же не обращает внимания на Его слова. В Православной Церкви этого нет: она хранит учение Спасителя совершенно так, как оно изречено было им. Итак, различие между Кумиай-кёоквай и Православную Церковью прежде и важнее всего в учении. Так и с другими христианскими обществами. Поэтому, если Вы женой хотите войти в Православную Церковь, то всем прежде всего нужно узнать ее учение — для чего здесь Вы имеете все удобства — священник и катихизатор у Вас пред глазами; если, узнавши учение, Вы примете его сердцем — непременно захотите сделаться членами Православной Церкви, то да благословит Вас Господь, это будет истинное счастье Вам. Что до крещения Вашего

сына, то в Православной Церкви есть правило: если родители, не принадлежащие к ней, желают для своего дитяти православного крещения, то должны дать твердое обещание воспитать потом свое дитя в православной вере. Идите домой и посоветуйтесь с Вашей женой; если единодушно решите дать это обещание, то дайте его пред священником и перед Богом, и Ваш находящийся в смертной опасности сын сподобится немедленно таинства крещения.

Так вообще протестанты легкомысленно относятся к учению Христову!

Сегодня утром вновь мы с о. Мии и помощником архитектора переговорили обо всем касательно постройки, вновь несколько раз обошли все и осмотрели. Потом собрались Павел Накаи, новый христианин — торговец музыкальными инструментами, и прочие — до полудня была общая беседа. В два часа тридцать минут, в сопровождении о. Семена, я отправился на станцию, чтобы уехать в Токио.

Певец Яков Фудзита, без которого здесь Церковь может обойтись, переводится в Мориока, где он очень нужен. Деньги на дорогу ему я оставил у о. Мии, а Фудзита отправился посетить отца своего на Сикоку.

31 июля / 13 августа 1901. Вторник.

В Тоносава, Одавафа, Токио

Дорогой занимало меня наблюдение над матерью-японкой с ее пятью сыновьями, из которых старшему лет двенадцать; какая хорошая мать и какие благовоспитанные дети! Одного слова «назе?», тихо произнесенного матерью, достаточно для останова шалости — и это слово я слышал всего раза три, когда дети, завтракая, шалили. Грустно было одно: вставши и убравшись, тотчас принялись за еду — ни мысли о молитве — утренней, или пред пищей; а как бы могла эта добрая мать поселить благочестие в юных сердцах ее птенцов, если бы сама была научена вере в истинного Бога!

В шесть с половиною часов утра прибыл в Коодзу, в восемь часов был уже в Тоносава, где проводят 36–37 учениц и несколько учительниц каникулярное время. В первый раз еще видел, как они там живут, и нашел их весьма счастливыми. Они угостили меня чаем, потом обедом, вымыли и высушили загрязнившийся от дороги и потный подрясник, в двенадцать с половиною часов проводили на станцию электрической дороги в Юмото. В Одавара остановился на полчаса, чтобы повидаться с о. Василием Усуи. Проходя по церковному двору в его квартиру, увидел у колодезя купель, бывшую прежде в Тоносава, обращенную в нечто вроде корыта для полосканья, почему выбрал о. Василия и велел тотчас же убрать купель, и если она излишняя здесь при Церкви, то передать ее в какую-либо другую Церковь, где нет купели; а в комнате у

о. Василия увидел икону Святого Иоанна Предтечи, большую, как излишнюю, стоящую в противоположном божнице углу, за что тоже сделал ему выговор и велел отнести икону в храм. Так-то наших священников еще нужно учить самым простым церковным правилам. Но для этого нужен миссионер; сами священники друг друга не научат, потому что не знают.— Дал о. Василию 14 ен помощи на учинение им собрания своих катихизаторов. Такие собрания священники иногда делают, и хорошо это; но до сих пор никто у меня не просил помощи на это, а делали на средства местных Церквей; потому не мог я дать и о. Василию прямо на это, чтобы не обратилось в прецедент, а дал, согласно его просьбе, как дорожные ему по Церквам его ведомства с частным согласием, чтобы он на этот раз вместо своего путешествия собрал к себе катихизаторов для беседы о церковных делах.

В восьмом часу вечера я был уже дома, в Токио, и нашел здесь все благополучным, свою квартиру отремонтированную. Позже меня прибыл и о. Иоанн Оно из Ициносеки и Яманоме, кончив там свое дело.

1 / 14 августа 1901. Среда. Токио

До восьми часов утра я приводил свою комнату и письменный стол в прежний вид; с восьми до двенадцати о. Иоанн Оно вел рассказ о том, что он сделал для примирения христиан Ициносеки и Яманоме, по поводу совместно предпринятой ими постройки храма. Рассказ его я слушал с удовольствием, ибо говорить он мастер, но — после сладости во рту во чреве горько. Примирить христиан все-таки он не мог, хотя сделал для сего все, что мог. Центр тяжести вины несколько передвинулся. Прежде Авраам Сато и его партия были виновны в разладе, теперь они согласны на все, согласны слиться в одну Церковь «Ивайквай», строить вместе храм и прочее, просят лишь одного: оставить им — христианам Ициносеки — теперешний их церковный дом так, как он есть, не продавать его — он-де нужен будет и после постройки храма, если не для молитв, то как место проповеди (коогисё); но христиане Яманоме на это не соглашались, говорят — «это дело одного Авраама Сато»; по отчего же? Те вполне резонны: действительно, и «коогисё» всегда нужно, и продавать церковный дом стыдно. Стало — теперь виновны в разладе христиане Яманоме. Немало виновен и тамошний катихизатор Тит Накасима — не злонамеренно, а по неопытности и горячности. Итак, пусть христиане этих двух Церквей по-прежнему составляют две Церкви; предпринятый ныне постройкою храм пусть будет храмом Церкви Яманоме, а христиане Ициносеки, даст Бог, со временем построят себе свой храм.— К о. Борису Ямамура я написал: не сочтет ли он более целесообразным Тита Накасима перевести в другую Церковь, заменив его здесь, например, Иоанном Синовара?

После полдня перечитал накопившиеся в мое отсутствие церковные письма. Между прочим, Илья Яци, ныне уже не находящийся на церковной службе — по болезни, пишет, что его жена отдана отцом ее (язычником) замуж за другого (язычника), прилагает в доказательство сего письма ее и отца и спрашивает, «свободен ли он теперь жениться на другой?» Отвечено ему — «свободен» и прибавлено наставление не быть в другой раз столь легкомысленным при выборе невесты. Действительно, и он, и все мы истощили все средства урезонить его жену жить с ним; и ныне нарекания, что мы не исполнили закон Христов, не может быть никакого.

Вечером разобрал накопившуюся русскую и иностранную почту и пересмотрел русские церковные газеты; что за минорный, тоску наводящий тон ныне по церковным делам!

2 / 15 августа 1901. Четверг

В Июкохаме в банках — разменять пришедшее содержание Миссии за второе полугодие. По возвращении — непрерывные разные гости, между прочим, русские — Назарьев, офицер-студент Владивостокского Института, с женою и десятилетней дочерью, которую они оставляют в Июкохаме на воспитание в одном английском семействе и просят брать на большие праздники в Церковь сюда, что я, конечно, обещал.

3 / 16 августа 1901. Пятница

Утром послано $\frac{8}{10}$ платы за медную крышу храма в Кёото, согласно требованию отсюда: 1788 ен; и посланы о. Семеону Мии размеры фундамента под престол в алтаре Кёотской Церкви; для этого взяты размеры фундамента престола соборных приделов, именно 3 фута (японских) 5 дюймов квадратных. Там, конечно, престол не может быть больший, чем здесь в приделах. Самый же престол здесь 3 фута 3 дюйма квадратных; в Кёото должен быть такой же. Извещено и о высоте престола: 3 фута 2 дюйма 5 линий; здесь, в Соборе, все престолы такой высоты, да и везде в Православной Церкви высота престола принята такая. Это я знаю еще со слов Высокопреосвященного Иннокентия, когда он, в зиму 1860 года, в Николаевске, делал мне разные наставления по воскресным вечерам, которые я, по его любезному приглашению, проводил у него. — Фундамент престола в Кёото будет из кирпича — до уровня пола; самый престол, вероятно, сделаем каменный, сегодня писано об этом о. Семену довольно подробно.

Посетил о. Павла Сато и нашел его в том же положении: левая половина тела в полном параличе. Плачет, бедный, и просит написать о. Иоанну Кронштадтскому его просьбу помолиться об исцелении его.

Отсылая о. Иоанну японский Новый Завет, не премину написать о сем русскому теплому молитвеннику и ходатаю о страждущих.

В сегодняшнем номере «Дзидзи-симпо» напечатано интервью корреспондента с мормонскими миссионерами, на днях приехавшими в Японию. Остановились они в Grand Hotel в Иокохаме, но скоро поселятся в Токио, займутся изучением японского языка и потом проповедью. Приехало четверо. Один, по имени Грант, из двенадцати апостолов, другие трое из семидесяти апостолов. Говорят о своей вере, что «она — христианская, составляет одну из христианских сект, так же, как всякая другая секта; что они веруют в единого Бога, в Иисуса и в Духа Святого; признают Священное Писание Ветхого и Нового Завета; и если чем отличаются от других христианских сект, то только тем, что не признают первородного греха, а также веруют, что предки могут омыться от грехов и получить Царство Небесное по молитвам своих потомков, и, наконец, тем, что, в противность другим христианам, не отделяют церковного служения от мирского, а соединяют их, как соединено тело и душа в одном существе человека. Поэтому глава их секты, ныне восьмидесятилетний старец, служит в то же время директором банков и во многих других мирских учреждениях; он, Грант, тоже был директором банка и имел должность по разным учреждениям.

Считают, что многоженство неразрывно связано с учением мормонов, но это неправда. Правда, многоженство — дело законное: Бог велел плодиться, у Авраама, Якова и других было по несколько жен; мужчины, служа вне дома, больше умирают, чем женщины, оттого женщин всегда больше, чем мужчин — зачем же им оставаться бесплодными? Но американское Правительство запретило многоженство законом в 1890 году, и мы должны были подчиниться этому закону, как подданные американского государства, и с тех пор у нас многоженство прекратилось, так что все, женившиеся с 1890 года, имеют по одной жене, как все мои трое собратий, хотя я имею две, как женившийся прежде издания закона». Такова отповедь Гранта, весьма искусная даже в беглом газетном отчете. Граф Ито когда-то, путешествуя по Америке, был в городе Соленого Озера и разговаривал с некоторыми апостолами; миссионеры привезли рекомендательные письма от сих последних к графу Ито, и, вероятно, приняты будут любезно и начнут свою проповедь по Японии... Как напоминают пророчество Спасителя: «Скажут вам: вот, здесь Христос, или там; не верьте, ибо восстанут лжехристы и лжепророки...»

4 / 17 августа 1901. Суббота

Сегодня рано утром о. Иоанн Оно и о. Тит Комацу, прибывший вчера для того сюда, отправились в Батоо исследовать, действительно ли большинство желает удаления катихизатора Павла Сайто отсюда;

если да, то перевести его в Карасуяма, а на место его Симона Тоокайрина из Сиракава. Сайто учинил поступок, действительно, очень компрометирующий катихизатора, именно: советовал одному христианину сделаться злостным банкротом, то есть перевести свой дом и землю на имя другого, а самому объявиться несостоятельным должником; к счастью, кредиторы узнали об этом прежде исполнения намерения, так что самого факта преступления не произошло, но Сайто тем не менее возбудил общее негодование, хотя между христианами остались еще друзья ему. Кажется, лучше, если он будет переведен в другое место, со строжайшим наказом ему — вперед не только воздерживаться от таких проступков, но и вообще от вмешательства в какие бы то ни было мирские дела.

Павел Тацибана, уже лет двадцать тому назад отставленный от катихизаторства за развод с женой, неверность которой ему не могла быть очень ясно доказана, после неоднократных попыток поступить опять на церковную службу пришел опять просить о том же. Старое ему, кажется, можно забыть: у него от другой жены уже трое детей, из которых старшего, четырнадцатилетнего мальчика, он просит принять в Семинарию; прежняя его жена, тогда же, по разводе с ним, вышедшая за другого, тоже, кажется, имеет кучу детей. Но двадцать лет не служа проповедником, он, разумеется, немало забыл учение. Поэтому я советовал ему поручить семейство кому-либо из родных и на год войти в Катихизаторскую школу для повторения Догматики и прочего. Потом он пусть прослужит год или более, пока успехами своей проповеди заявит свое усердие частным образом. Тогда священник, у которого он будет частно служить, на Соборе будет ходатайствовать о принятии его открыто в число катихизаторов. Это единственный путь ему сделаться опять служащим Церкви.

В «Japan Daily Mail» сегодня негодующая статья против мормонских миссионеров с выражением надежды, что апостолу Гранту с его свитой не позволено будет проповедывать в Японии. Американский закон в Японии не обязателен, и свое излюбленное многоженство они поставили бы здесь одним из наиболее навязываемых пунктов учения, а этого ни здравый человеческий смысл, ни гражданский закон нигде не могут терпеть.

5 / 18 августа 1901. Воскресенье

Сын богатого человека, Андо, Александр, которого после смерти отца мать и родные взяли из Семинарии, опять просится в Семинарию, уже по воле матери и родных — язычников, которые на этот раз отпускают его с тем, чтобы он уж непременно кончил курс здесь. Это хорошо; пусть поступит; будет он на своем содержании.

На всенощной, пред завтрашним праздником, совсем мало в Церкви было христиан.

6 / 19 августа. Понедельник.

Праздник Преображения Господня

Христиан в Церкви было порядочно, даже русских несколько было. Поют превосходно причетники и учителя пения с Львовским во главе, отличнейшим тенором.

Вечером о. Феодор Мидзуно вернулся из Коофу. Иоанн Ямагуци — катихизатор, еще жив, хотя совсем в последнем градусе чахотки. Там же, в церковном доме, лежит и жена его, только что разрешившаяся от бремени; впрочем, она и ребенок здоровы. О. Феодор окрестил ребенка и оставил гробный покров на случай смерти его отца, которую доктора предвидят в очень близком будущем.

7 / 20 августа 1901. Вторник

Японские газеты наполнены хвалебными гимнами мормонов самим себе: «Они посылают в мир проповедников по повелению Иисуса Христа — „идите во весь мир“... Но только они одни поступают при этом совершенно бескорыстно, — идут проповедывать на свой счет; все же прочие миссионеры получают жалованье». Особенно они расхваливают многоженство; «его заповедал Бог, явившись их вероначальнику Смигу совершенно так же, как Он являлся Аврааму и Моисею; многоженством успешнейше исполняется повеление Божие о населении Вселенной»... «Вот смотрите — что может быть восхитительней этого вида?» И апостолы из семидесяти показывают фотографию детей апостола из двенадцати Гранта от его двух жен — группу отроков и отроковиц. «Конечно, вторая жена берется с согласия первой, третья — с согласия первой и второй, и так далее, а все вместе с согласия их родителей, и прочее».

8 / 21 августа 1901. Среда

Обрадовал своим письмом Лев Александрович Тихомиров; оказывается, что в деле снабжения Кёотской Церкви колоколами, кроме его, приняли горячее участие Василий Геннадиевич Дудышкин и Владимир Андреевич Грингмут, редактор «Московских ведомостей»; значит — это дело обеспеченное. Слава Богу и благодарность им! Московский сотрудник Миссии о. Николай Васильевич Благоразумов также прилагает все старание; ему я вчера послал письмо с точными размерами алтарного фасада в Кёото.

Некто Ямаока, богатый землевладелец в Кавацци, в трех с половиною часах по железной дороге от Оосака, пришедши в Собор, пожелал видеться со мной. Я принял. И он заявил:

— Желая перейти в вашу Церковь. Я веры Иккоосиу, ветви Хигаси Хонгвандзи, но возненавидел наших бонз; собирают деньги на религиозные нужды, а половину пропивают их в непотребных домах. Со мной перейдет к вам вся деревня, сто восемьдесят домов; они не могут не послушаться меня — иначе я землю отпишу у них — сто двадцать домов у меня арендуют.

— Хорошее дело задумали — войти в нашу Церковь, но это можно сделать не прежде, как узнав нашу веру и усвоив ее сердцем.

— Я из тех, кто по имущественному цензу назначаются заседать в Верховном Парламенте; вот мое имя (и он вытащил из ручного саквояжа номер журнала «Сейюу-квай» и указал его напечатанным среди сотни других).

— Все это ладно, но Вам надо послушать нашу проповедь...

— О, эти бонзы Иккоосиу только обманывают людей, сами ни во что не верят! Нашего бонзу я выжил из деревни... И так далее. Сколько я ни старался остановить его мысль на вероучении — ничего не слушал, продолжал изливать свое негодование на бонз; видно, что до крайности раздражен чем-то со стороны их и хочет отомстить им, перейдя от них. Так как завтра он отправлялся в Оосака, то я дал ему адрес наших священников и катихизатора там и снабдил вероучительными книгами. Но едва ли что выйдет из сего.

9 / 22 августа 1901. Четверг

О. Оно вернулся из Бато. Все христиане Бато желают удаления Павла Сайто от них, и не потому, что он советовал Исайе Ооуци банкротство — на это посмотрели легко, а потому, что очень изменился, решительно не занимается проповедью и церковным делом. Сайто и сам сознался в этом, и тоже просится в другое место.

— Но как же вы расхвалили в прошлом году Павла Сайто и просили Собор за его заслуги возвести его на степень диакона? — спросил о. Оно у христиан.

— Это было в таких видах, — ответили христиане, — чтобы именно сбить Сайто от нас. Мы рассуждали, что так как диакон сам по себе не самостоятелен, а нужно ему состоять при священнике, то Сайто, сделавши диаконом, переведут куда-нибудь к священнику. (Вот и узнай у японцев всю истину!)

Итак, рассудили оо. Иоанн Оно и Тит Комацу: перевести Павла Сайто в Мито; тамошнего катихизатора Фому Оно — в Сиракава (если

его примут там); Симона Тоокайрина — в Бато. На это о. Тит письменно просит моего утверждения; я тотчас же послал оное.

10 / 23 августа 1901. Пятница

Игнатий Мацумото приходил уже третий раз читать составленную им книжку — объяснение богослужения, компиляцию из разных книг на русском; книжка составлена довольно логично, ошибок мало (неправильно объяснил, например, значение животных при Евангелистах), читается легко; к печати годна. Дал ему том нового перевода на русский Творений Златоуста. Хорошо, если б он оказал способность и охоту к переводу на японский язык сих творений. Святых Отцов как можно скорее надо перевести, чтобы укрепить здание Православной Церкви здесь.

11 / 24 августа 1901. Суббота

О. Иоанн Оно отправился на свой пост в Оосака. На прощанье подарил ему от себя 20 ен, как знак моей благодарности ему за разумное рассмотрение церковных дел в Ициносеки и Яманоме и в Бато.

Вперед наука: с японскими ремесленниками непременно всегда наперед надо условливаться о цене и потом делать заказ, иначе обдерут. Сегодня приносят счет от переплетчика из той же почтенной большой компании на Цукидзи, где и печатана была Псалтирь, условлено было по 32 сен за переплет в кожу и коленкор, по предварительно сделанному образцу, и по 20 сен в коленкор — в счет так и поставлено. Но обмолвился я, что двадцать экземпляров нужно «дзёотоо-но» переплета, а в цене не условился. И принесли сейчас двадцать экземпляров переплетенных в кожу и с золотым обрезом, но по «2 ены 50 сен» за переплет каждого экземпляра — цена неслыханная; Новый Завет больше чем вдвое по величине и такой же кожаный и золотообрезный стоит у Хрисанфа 1 ен 35 сен. Сказал я, чтобы уменьшили цену, иначе вперед никогда не буду иметь дела с ними, но едва ли уменьшат,— придется ен 30 уплатить за свое простофильство.

12 / 25 августа 1901. Воскресенье

После обедни стоворились мы с о. Симеоном Окава, как ему отправиться для посещения христиан на Формозе, согласно решению на бывшем Соборе. Собирал он до сих пор сведения о христианах там; много собрать не мог; вероятно, там будет удобнее это. Отправится 4 числа сентября. Говорили ему, что в третьем классе на пароходе крайне грязно и неудобно, поэтому пусть возьмет билет второго класса; стоит, кажется, 24 ены за восемь дней пути. Обещался дать ему 100 ен на все расходы,

чтобы и там платить по путешествию для розыска христиан; если останется что от сей суммы, то вернет потом в кассу Миссии; 2-го числа придет ко мне, чтобы получить как сию сумму, так и все снабжение Священными предметами и книгами для христиан.

13 / 26 августа 1901. Понедельник

Хлопоты по ремонтным работам и писанье писем в Россию по поводу постройки кёотского храма – Василию Геннадиевичу Дудышкину в Москве, жертвующему иконостас и прочее.

14 / 27 августа 1901. Вторник

Продолжение писанья писем в Москву по тому же предмету: Льву Александровичу Тихомирову, сотруднику «Московских ведомостей», и Владимиру Андреевичу Грингмуту, редактору «Московских Ведомостей», принимающим теплое участие в кёотской постройке.

Иподиакон Моисей Кавамура, заменивший меня в хлопотах по перенесению на мое имя с имени о. Якова Такая земли и здания церковных в Оосака, вернулся оттуда, благополучно совершив все акты. Слава Богу, теперь и оосакская церковная недвижимость избавлена от случайностей в будущем и крепка за Церковью!

Ко всеобщей до крайности мало было христиан.

15 / 28 августа 1901. Среда.

Праздник Успения Пресвятой Богородицы

За Литургией христиан было больше, чем вчера.

О. Тит Комацу прислал уведомление, что благополучно устроил перемещение своих катихизаторов: Павел Сайто будет в Мито, Фома Оно в Сиракава, а Симон Тоокайрин в Бато (если только, пока они de facto переберутся, не произойдет новых перемен по чьим-либо капризам).

16 / 29 августа 1901. Четверг

Женская школа вернулась из Тonosава, где ныне ученицы проводили каникулы. Из тридцати пяти их, бывших там, ни одна ни разу не была больна и не случилось с ними никакой неприятности. Поблагодарил старших учительниц – Надежду Такахаси и Текусу Сакай за бережное учениц. Все здоровы, бодры и веселы.

17 / 30 августа 1901. Пятница

Семинаристы возвратились из Боосиу, куда я посылал человек семь, оставшихся в школе на каникулы, многие из домов, где проводили каникулы. Осмотр оконченных разного рода ремонтов в школьных зданиях и расплата за них.

18 / 31 августа 1901. Суббота

Учащиеся продолжают собираться. Ныне нового набора в Семинарию нет, чтобы в два года собралось побольше к приему в будущем году. В Катихизаторскую же школу на новый курс собралось шесть человек. Слава Богу и за это! Интересен рассказ старших семинаристов (Павел Ёсида, Василий Нобори Кирилл Мори и Акила Кадзима), проводших каникулы в путешествии по Церквам: везде их с радостью принимали, и они утешали христиан пением в Церкви, проповедями и прочим.

*Продолжение дневника смотри
в книге форматом больше этой*

*Краткий Миссионерский дневник
С 19 августа / 1 сентября 1901
Епископ Николай*

Книга Десятая.
Продолжение Девятой книжки, форматом
меньше этой

Русская Духовная Миссия в Японии.
Токио. Суругадай

19 августа / 1 сентября 1901. Воскресенье

Пред Литургией окрещены: младенец и трое возрастных, наученных катихизатором Моисеем Канезава.

Почти все учащиеся уже собрались и стояли в Церкви; но пели, как в каникулы, причетники, с Димитрием Константиновичем Львовским во главе — пение, очень напоминающее митрополичьих певчих в Петербургской Крестовой Церкви в будни. Христиан в Церкви было много; между прочим, и русские были. Из сих последних — агент нашего Министерства Финансов, Кирилл Алексеевич Алексеев — после службы зашел ко мне и за чаем удивил меня, вытащив из кармана рукопись и молвив:

— А вот это я хотел представить на ваш суд.

И начал читать стихотворение своего сочинения: «Притча о сеятеле». Переложение Евангельской — довольно хорошие стихи, за исключением нескольких неудачных выражений, совсем не идущих к Спасителю.

— Позвольте посвятить вам, — говорит.

— Избавьте от этой незаслуженной чести.

— Нет, пожалуйста.

— Ну, как вам угодно.

Оставил рукопись в мое владение и отбыл.

Семинарист Пимен Усуи, вернувшись из Одавара, рассказывал о состоявшемся там у его отца, о. Василия, 29 числа, в прошедший четверг, собрании катихизаторов ведомства о. Василия. «Отсутствовали диакон Иоанн Оно и „ходзэ“ Иоанн Мори — по болезни, прочие все были, и собрание было оживленно; а назавтра собравшиеся устроили совместную проповедь, весьма успешную, продолжалась она с 7 до 10 часов вечера; служителей, христиан и язычников была полна Церковь, и никто не вышел во все продолжение речей, говоренных на разные темы религиозного содержания разными проповедниками, в том числе о. Василием — на тему: «Не о хлебе едином жив будет человек». Несомненно, темы были религиозные, речи благочестивые; но никак не натвердишь моим сотрудникам, что коли собираются язычники, то им пужно говорить самое главное и важное из учения христианского: о Боге Едином, о Святой Троице, о Спасителе и прочем подобном, чтобы пробить их лед нерадения о своем спасении. Такие же проповеди, как «о необходимости прилежания» — самая первая тема, развитая на свежее внимание слушающих катихизатором Яковом Оота, или даже «не о хлебе едином» о. Василия, много ли принесут пользы? Сомнительно.

— На другой день проповеди являлся ли кто-нибудь из слушавших язычников просить продолжения научения? — спросил я у Пимена.

— Три человека приходили за этим к отцу.

Слава Богу и за это! Но, вероятно, больше бы пришло, если бы накануне проповедь была более содержательною.

20 августа / 2 сентября 1901. Понедельник

С девяти часов отслужен молебен перед начатием учения. Пред многолетием я сказал краткое поучение о необходимости всегдашней молитвы, как для испрошения у Бога мудрости, так и для очищения души, ибо «в злохудожну душу не внидет премудрость», — и молитвы душевной, внимательной — а не телом только стоять на молитве, отсутствуя душой, ибо и для тела бесполезно, если только прийти и постоять у воды, а не мыться ею. В пример того, как Бог по молитве открывает разум, рассказано о чудесном просветлении разума Святого Романа Сладкопевца и Преподобного Сергия Радонежского, когда он был отроком.

По выходе из Собора Елисавета Котама представила новых учениц, ныне поступивших в школу, девочек четырнадцать. Ученики Семинарии и Катихизаторской школы пришли просить на симбокквай сегодня вечером — дал 5 ен. Пришли и из Женской школы — и туда дал 5 ен. Вечером они и справляли свои симбоккваи.

Но прежде того, с половины второго часа было в Семинарии собрание Сейненквай, прощальное с о. Симеоном Юкава, по случаю отправления его на Формозу. Василий Ямада поместил в своей газетке известие, что «на Формозу для проведения, мол, назначен Собором о. Семен»; все обрадовались, что на Формозе начинается православная проповедь; выражали эту радость многие своими письмами; сегодня то же было на прощальном собрании; это служило темою всех речей. Когда и мне предложили сказать что-нибудь, я поправил вышедшую ошибку, разъяснив, что о. Семен посылается не для проповеди язычникам, а для посещения и утешения рассеянных там по острову православных христиан, что проповедника для Формозы Церковь, к сожалению, не может уделить, да и годного для службы в такой дали трудно найти, а вот пусть кто-нибудь из присутствующих учеников воспитает в себе решимость сделаться проповедником для Формозы — он и будет по окончании курса отправлен.

После угощения на собрании о. Семен прибыл ко мне и снабдился всем необходимым для путешествия: запасными Святыми Дарами, крестильным ящичком, облачением, иконами, крестиками, книгами, накопец, деньгами — 100 ен. Послезавтра он отправляется по железной дороге в Кобе, чтобы сесть на пароход, идущий на Формозу.

Был Павел Ниццума, расстрига, недавно письмом спрашивавший позволения явиться ко мне, чтобы рассказать подробности бывшего с ним (якобы) чуда, которым Ангел-Хранитель удержал его от перехода в протестанство, чтобы потом рассказать о сем чуде на Сейненквай, вообще — широко оповестить о нем. Я на письмо ему не ответил, не желая видеть его; но он, тем не менее, прибыл.

— Что же это за чудо, о котором вы писали? — спрашиваю.

— Вот видите этот крестик и этот шнурок? Крестик был на шнурке и на моей шее и никак не мог спастись с шнурка, который был крепко завязан. Между тем, я, проснувшись, нашел его около себя снятым с шнурка. Это сделал Ангел-Хранитель, и я понял, что он этим дает мне знамение запрещения оставить Православную Церковь.

— Рассказываемого вами чуда я отрицать не берусь. Но чтобы признать его действительным чудом, мне нужно надежное удостоверение, кроме ваших слов. Помолитесь вашему Ангелу-Хранителю, чтобы он удостоверил меня в чудесном явлении вам; если это сделано для блага вашего, то для того же может быть и подтверждено. Но, не получив сего удостоверения, я не даю вам позволения рассказывать о вашем чуде на собрании молодых людей (Сейнен-квай), или где бы то ни было. Конечно, я вам язык связать не могу, но вы не должны нигде упоминать моего имени, или говорить, что я дозволил вам рассказывать.

— После этого чуда протестантам я решительно отказал. Сколько раз они писали мне и приходили ко мне, зовя на службу к себе!

— Какой секты эти протестанты?

— Епископальной (кантоку кёоквай).

Я не сказал ему своего сомнения в том, чтобы епископалы звали его, расстригу, на свою церковную службу — заметил только:

— Вы теперь в лоне Православной Церкви и на прямом пути ко спасению; дорожите же этим, будьте добрым христианином и не желайте службы церковной, в Православной Церкви для вас теперь невозможной; если же вы для этой службы выйдете за ограду Православной Церкви, вы погибнете. Весьма возможно, что диавол вас искушает и манит за ограду и что ваш Ангел-Хранитель защищает и бережет вас; верьте этому и крепко держитесь этой веры — в этом ваше благо. Коли хотите проповедывать, проповедуйте частно; вы отлично знаете вероучение, и около вас сколько язычников. Зовите их на путь спасения. Но ведь вы же этого не делаете; до сих пор почти ни одного из ваших сельчан не научили; стало быть, и истинной ревности-то у вас нет...

На этом месте прервали меня, подав карточку от двух епископальных миссионеров. Я сказал Павлу Ниццума, что «больше и не имею ничего сказать ему», благословил и отпустил его, и принял Reverend Armine King и с ним Reverend Trollope, корейского епископального миссионера, направляющегося домой, в Англию, на отдых, после семилетнего труда в Корее. Кинг говорил о нашем переводе Нового Завета, хвалил, но и сделал несколько замечаний, недостаточно основательных, однако. Троллоп рассказывал о своей миссии в Корее, что успехами они еще не могут похвалиться, но что епископ Корф и не желает скороспелых успехов. Оба они пожелали приобрести несколько наших православных книг; я их повел в нашу книжную кладовую и снабдил всем, что они хотели иметь.

Наставники сегодня сделали распределение уроков; ученики получили на руки книги. Все приготовлено, чтоб с завтрашнего дня начать школьные занятия.

21 августа / 3 сентября 1901. Вторник

Школы начали занятия. Мы с Павлом Накаи начали продолжение исправления перевода паремий — с сорок седьмой. Занятия, как и прежде: с половины восьмого утра до двенадцати, с шести вечера до девяти. Сегодня за это время исправили четыре паремии.

Во время утреннего занятия вчерашние посетители Кинг и Троллоп прислали письмо с благодарностью за ласковый прием и с пожертвованием двадцати ен на Церковь, так как я вчера не хотел взять с них за книги, которых было ен на десять. (Для этого Троллопа Reverend King когда-то выписал, чрез меня, из России, Картины Священной Истории, про которые тот вчера говорил, что они очень полезны ему в разговорах с корейцами).

О. Петр Сибаяма привез из Нагоя эмалированный крест, сооруженный японскими христианами, на их собственные пожертвования, как памятник о. архимандриту Анатолию. Крест вышиною в шесть футов и великолепно сделан, стоит 600 ен. Снимок, в увеличенном размере, с напестольного здешнего креста с эмалью. Теперь остается сделать к нему подставку, которая должна быть очень тяжелою, после чего он будет установлен в Соборе, направо, в соответствии с плащаницей, стоящей на левой стороне.

Был Тимофей Циба, христианин из Оою, один из первых по времени и лучших тамошних христиан. Отец его не мешал ему исповедать христианскую веру, но сам до сих пор был завзятым буддистом. Наконец, молитвы сына и прочих домашних превозмогли; благодать Божия коснулась сердца старика. Он недавно принял крещение, и теперь такой же усердный христианин, каким был прежде усердным буддистом: неопустительно совершает все ежедневные молитвы, никогда не пропускает общественных молитвенных собраний. Тимофей очень счастлив всем этим.

О. Петр Кавано пишет, что «Иосиф Окада опять сошелся с женою, все еще католичкою, и она не мешает ему отправиться в Катихизаторскую школу. Просит поэтому о. Петр дозволить ему прибыть в школу, и даже снабдить средствами на дорогу». Теперь может прибыть. Послана Окада телеграмма о сем и переведено телеграммой десять ен на дорогу.

22 августа / 4 сентября 1901. Среда

Из Сиракава письмо за подписью около десятка христиан: жалуются на то, что три-четыре христианина из старых захватили там все церковные дела и верховодят по своему произволу; выживают оттуда всех катихизаторов, которые покушаются не слушать их: так выжили прежде Савву Ямазаки, так теперь прогоняют Симона Тоокайрина; силу придает им о. Павел Савабе, с которым они всегда сносятся и от которого получают распоряжения. Теперь от него же получили они уведомление, будто на Соборе все священники были против назначения Тоокайрина в Сиракава (?!), и только о. Тит желал его, поэтому и воздвиглись на Тоокайрина, между тем как он хороший катихизатор и нравится всем в Сиракава, кроме этих верховодов. Просят христиане усмирить сих последников и уладить Церковь в Сиракава, пока она вконец не расстроилась.— Кроме этого письма, получено и другое о том же — от телеграфиста, родом из Ициносеки, но служащего в Сиракава; этот еще резче винит тех трех-четырех коноводов и заправляющего ими о. Павла Савабе.— Жаль, что письма получены поздно: Симон Тоокайрин уже перемещен. О. Тит скрыл от меня многое о Церкви Сиракава; жаль, что он такой малодушный.— Ответил я авторам письма, «чтобы они хранили с

своей стороны мир и тишину, смирение и любовь». Пока больше ничего нельзя сделать. На о. Савабе подействовать невозможно, чтобы он не мутил Церковь, а раздражить его опасно, еще больше станет мутить. Более крепкого священника туда нужно — но кого? Поддай, Господи!

В Церкви Нагаока тоже расстройство: катихизатор Петр Хисимото обращается с христианами точно со своими рабами, и этою грубостью крайне раздражил их против себя, так что уж едва ли может быть там полезен — а заменить некем. Написал ему, чтобы переменял обращение, что катихизатор должен собою подавать пример кротости, ласковости и прочего.

А из Оота катихизатор Тихон Сугияма пишет, что ему Петр Мисима, бывший катихизатор, и шесть человек, вместе с ним мутящие Церковь, не выдают ни икон, ни книг, принадлежащих молитвенному дому; просит выслать новую икону и книги для богослужения.— Письмо послано к о. Титу Комацу, чтобы он вытребовал у тех церковные вещи. Если и его не послушают, то отсюда будет послано.

Миссию посетили три индийца: врач, служивший два года на нашей Манчжурской железной дороге, студент здешнего университета, ныне уже кончивший курс по технологии, путешественник, человек образованный и, по-видимому, богатый. Все говорят по-английски, а врач — довольно порядочно — и по-русски. Веры двое — магометанской, студент — буддийской. Восхищались нашим Собором, расспрашивали про Миссию — вопросами дельными. В заключение пристали с вопросом:

— Почему же Россия в Индии не имеет Духовной Миссии? Все имеют: и американцы, и французы, и немцы, не говоря уже об англичанах — а русской нет, почему? Католики, протестанты многочисленных сект имеют в Индии свои Миссии, а православной нет — почему?..

Почему, в самом деле? Не пора ли нам шире открыть глаза? Покуда же мы будем краснеть при подобных вопросах за наше немощество?

23 августа / 5 сентября 1901. Четверг

О. Андрей Метоки извещает, что прибыл в Хакодате и поселился там; нашел только трех старшин (гию) в Церкви, а четвертый выбыл, — засадили его в тюрьму за подделку (таковых-то выбирают христиане в свои почтенные члены!); спрашивает о. Андрей, «выбирать ли еще четвертого, или остаться с тремя?» Ответил я, чтобы «удовольствовался тремя»; станут делать выбор, опять поднимется кутерьма — а он, по новости, не в состоянии будет управить, и начнется ряд беспорядков, которые и его потом выживут из Хакодате.

Илья Сато из Акита пишет, что католический проповедник там, некто Нагацкий, просится в православие. Что ж, дело хорошее — пусть

продолжает изучать православие, и если Господь найдет его достойным, то и введет в дверь Православной Церкви.

24 августа / 6 сентября 1901. Пятница

Разом три священника в отлучке: о. Семен Юкава уехал на Формозу; о. Феодор Мидзуно сегодня уехал в Коофу, по телеграмме, что Иоанн Ямагуци, катихизатор, помер — хоронить его; о. Петр Кано сегодня утром в Сакура-мура, по телеграмме, что умер Павел Ямагата, бывший семинарист, потом хотевший служить Церкви иконописью — отпевать его. Остается при Соборе один о. Роман Циба. Умершие померли от чахотки; оба способные, но не успевшие послужить Церкви, и только унесшие с собою в могилу много церковных денег, потраченных на их воспитание и содержание. Были, впрочем, хорошие молодые люди. Царство им Небесное!

Из Коофу Стефан Тадзима писал, что один язычник вызывается построить дом приспособительно к церковному употреблению. Только хочет, чтобы ему дали обещание нанимать потом этот дом. Я наказал о. Феодору, при отпуске его, сказать Тадзима и христианам там, чтоб они отнюдь не связывали себя этим обещанием.

25 августа / 7 сентября 1901. Суббота

От о. Бориса Ямамура письмо — целая тетрадь все о том же нескончаемом предмете — Ивай-кёоквай. Отвечает на мой совет ему, посланный по выслушании о. Оно, «если христиане Яманоме не позволят христианам Ициносеки не продавать их теперешний церковный дом, то пусть две Церкви останутся по-прежнему отдельными, не сливаются». О. Борис всячески старается убедить меня, что «не желает продать церковный дом в Ициносеки только один Авраам Сато, что у него намерение завладеть самому этим домом». О. Оно, однако, не высказывал таких подозрений, и сам о. Борис не подкрепляет ничем своих подозрений. Поэтому письмо его не убедило меня. А так как сегодня же пришло письмо из Ициносеки от брата Авраама Сато — Ниносеки, с просьбою решить поскорей для них — «сливаться ли двум Церквям, или быть отдельными», то я и написал туда: «если христиане Яманоме согласятся на то, чтобы вы не продавали своего церковного дома, то хорошо слиться, как вы и сами того желаете, под сим условием. Но церковный дом ваш непременно переведите на имя священника». Копия с сего письма послана к о. Борису.

Кстати, сегодня был у меня Моисей Ямада (лечившийся здесь в госпитале и ныне возвращающийся домой), самый важный христианин в Яманоме; я его убеждал не мешать христианам Ициносеки иметь свой церковный дом, или же любовно разойтись с ним; пусть по-прежнему

две Церкви будут самостоятельными. Слиться, или быть раздельными, это неважно; важно хранить мир и любовь.

26 августа / 8 сентября 1901. Воскресенье

После Литургии были князя Доде Стефан и его старший брат, уже видимо расположенный к христианской вере под влиянием Стефана, даже крест на себя полагающий. Стефан проповедует всем, кому может, вокруг себя; сегодня приводил в Церковь одну девушку из служащих в их доме, уже значительно наученную и близкую к крещению. Я звал его жить в Миссии, чтоб слушать в Катихизаторской школе уроки по Догматике и яснее, и систематичнее уяснить себе учение, а потом проповедывать его в своем аристократическом обществе. Говорит, что сейчас бы перешел в Миссию, но нужно посоветоваться с родными, между которыми есть ненавидящие христианство.

В Катихизаторскую школу прибыл Иосиф Окада (бывший католический проповедник), сошедший с женой и оставивший ее у ее родителей на время своего обучения.

Прибыл опять служить у меня слугой и вместе звонарем и пекарем просфор для Собора Иоанн Сукава, которого отец (ботаник) взял было для домашней службы.

27 августа / 9 сентября 1901. Понедельник

Анархист, поляк родом, опасно ранил 6 сентября в Буффало, двумя пулями, Президента Американских Соединенных Штатов Мак Кинлей. Справедливо называют анархистов бешеными собаками. Странно только, что не ищут средств избавиться от них.

28 августа / 10 сентября 1901. Вторник

О. Николай Сакураи пишет о делах своей Церкви, между прочим, что «в Саппоро недавно было крещение пяти человек, и что в дальнейшем такие ободряющие виды на успехи проповеди в Саппоро, что к будущему Собору надеется крестить там не менее ста человек». Цыплят по осени считают.

Всенощную пели причетники, и в Церкви было очень мало молящихся — школы учились. Раздосадовал о. Петр Кано своим диким чтением Евангелия; снова нужно учить его.

29 августа / 11 сентября 1901. Среда

Литургия с шести часов. Были в Церкви все учащиеся; пели причетники.

Были днем Василий Конно, из Наканиеда, наиболее состоятельный и усердный из тамошних христиан; говорил, что брат его, Иоанн, учившийся в Катихизаторской школе, но не могущий служить катихизатором по слабости здоровья — ныне больше ничего не делает, как только помогает Савве Ямазаки, катихизатору, по церковной службе. Я убеждал Василия приобрести побольше участок земли для построения Церкви, благо теперь у них еще земля дешева — меньше ены за цубо.

30 августа / 12 сентября 1901. Четверг

После полудня в Посольстве, поздравить посланника Александра Петровича Извольского с Ангелом — оставил карточку — он еще на даче. Там же получил посланные через Министерство Иностранных Дел: книгу речей и слов Петербургского Митрополита Антония и пакет с изданиями и избранием в члены «Общества ревнителей Русского Исторического Просвещения в память Императора Александра Третьего».

О. Симеон Мин из Кёото извещает, что кресты на храм, прежде неудачно вызолоченные, теперь позолочены вторично и утверждены на своих местах; успокаивает насчет того, что отлично вызолочены и блестят, и крепко установлены. Да воссияет через них благодать Божия над древней столицей Японии!

31 августа / 13 сентября 1901. Пятница

О. Феодор Мидзуно вернулся из Коофу, совершивши погребение там умершего катихизатора Иоанна Ямагуци. Царство ему небесное! Способный и усердный был молодой проповедник, владевший и пером — его сочинения есть кое-что печатное; злая чахотка преждевременно свела его в могилу.

Другой служащий Церкви, причетник Яков Фудзима, нагло обманул и ушел со службы. Служил, впрочем, так плохо, что о. Семен Мии просил убрать его из Кёото, где он состоял. Так как в Мориока нуждались в учителе церковного пения, то предложено было ему отправиться туда; он беспрекословно изъявил готовность, но это только для того, чтобы получить дорожные до Токио, отсюда до Мориока, и двухмесячное, за девятый и десятый месяцы, содержание; получив все это, он прислал письмо, что увольняет себя с церковной службы.

Следующий номер «Сейкёо-Симпо» будет пятисотый. Членам «Айайся», издающим журнал, хотелось бы чем-нибудь ознаменовать это, и они попросили приложить к этому номеру несколько картинок, именно: снимки Собора, Семинарии, Женской школы, и группу членов «Айайся». Ладно! Стоить будет это не дороже двадцати ен за все.

В «Japan Daily Mail» сегодня громовая статья против мормонов, извлеченная из «The Homiletic Review», сочинение Gen. Jon Eaton. В ней, между прочим, есть следующее: «Мормоны претендуют на братство с христианскими Церквями. Общество пресвитерианских пасторов в Утахе, состоящее из способных и умных людей, знакомых со всеми фактами, по тщательном рассмотрении, издало десять неоспоримых причин, по которым это невозможно. 1) Мормоны не признают никакой другой Церкви, кроме собственной, и таким образом всех христиан исключают из Церкви. 2) Мормоны уничтожают Библию своими так называемыми откровениями. 3) Вера в Иосифа Смита, как Божия пророка, составляет существенный предмет их исповедания. 4) Мормоны признают свое священство непогрешимым. 5) В их учении о богочеловечестве они проповедуют, что человек может сделаться Богом. 6) Они учат, что Адам есть Бог, и что Иисус Христос есть Сын Божий по естественной генерации. 7) Они учат, что Богов много, так как люди делаются Богами чрез множественные и небесные браки (by plural and celestial marriage?). 8) Хотя они допускают искупление, совершенное Христом от греха первородного, греха Адама, но учат, что от своих личных грехов человек спасается своими собственными добрыми делами. 9) Они веруют в полигамию и учат, что Иисус Христос был полигамист. 10) Они учат, что Бог Отец есть полигамист».— Дальше этой нелепости уже невозможно идти. Тем не менее мормоны, приехавшие сюда, не унывают. На днях, в той же «Japan Daily Mail», апостол Грант, по поводу недопущения их здесь в одну гостиницу и замечания в газете, что из тысячи христиан девятьсот девяносто девять не захотят жить с ними под одной кровлей, иронически возразил: «Быть может, эти девятьсот девяносто девять христиан не захотят войти и в Небесный Иерусалим, потому что на стенах его будут начертаны имена Двенадцати сынов Иакова, рожденных им от четырех жен?»

1 / 14 сентября 1901. Суббота

Василий Ямада приходил прочитать составленное им для напечатания изложение, на четырех-пяти страницах, главных тезисов вероучения, для широкой раздачи язычникам, собирающимся на проповеди, также в храме.

Пантелеймон Хаттори, молодой врач из Оказаки, ученик доктора там Василия Танака, пришедший с подарком от сего последнего, хвалился добрым состоянием Церкви в Оказаки: есть новые слушатели, заведен «Сейнен-квай», продолжают христианские собрания.

Инженер из Дальнего Востока, Владимир Михайлович Тренюхин приехал из Нагасаки просить разрешения о. Вениамину повенчать его с Ниной Николаевной, дочерью генерала Линевиича. О. Вениамин

затруднился потому, что в числе документов нет метрического свидетельства Тренюхина, и достать его из Петербурга затруднительно. Но метрическое свидетельство нужно главное для удостоверения в том, что по летам просящий повенчания не молод для того; сие же очевидно и из небольшой лысины на голове жениха. А что он холост, это означено в его документах. Все прочие документы его и невесты в исправности. Ко всему этому имеется письмо Преосвященного Евсевия, Епископа Владивостокского, к о. Вениамину, что он лично знает вступающих в брак и препятствий к повенчанию их никаких не имеет. На основании всего этого о. Вениамин мог бы повенчать и не утруждая Тренюхина путешествием в Токио.

2 / 15 сентября 1901. Воскресенье

Погода была превосходная. Отчасти поэтому, вероятно, Собор был почти полон молящихся христиан и любопытствующих язычников. В числе первых из русских был полковник Ванновский с детьми, после службы пивший у меня чай, вместе с князем Стефаном Доде, который сказал, что родные, по причине его слабого здоровья, не позволяют ему поселиться в Миссии, чтобы пользоваться здесь уроками в Катихизаторской школе. Между другими гостями был один студент Университета, только что поступивший на Инженерный факультет, родом из Ионако, крещенный в Осака.

Раненый анархистом Президент Мак Кинлей умер вчера.

3 / 16 сентября 1901. Понедельник

Газеты полны траурными статьями о Мак Кинлей. Последние слова умирающего Президента были: «Good-bye, good-bye. It is God's way. His will be done». Спасет его Господь за доброе служение людям, за благочестие и преданность воле Божией.

Агафья Косуги, жена о. Павла Косуги, после долгого лежания в госпитале, приходила прощаться — поправилась и едет к мужу. Много стоило ее лечение Миссии; хорошо еще, что половину платили ее родные. Но что делать! Жена священника, хоть и очень бесплодного в своем служении — не знаю, по лености ли, или потому, что и место у него не созреевшее для плодоношения — Токусима и весь остров Сикоку.

4 / 17 сентября 1901. Вторник

О. Борис Ямамура просит помощи на лечение Симеона Мацубара и его семьи, в Аомори, где ныне дизентерия. Послано несколько. — О. Игнатий Мукояма отвечает, что Корнилий Асано, отставной офицер, которого

я приглашал в Катихизаторскую школу, отказывается от сего, но не перестанет служить Церкви, насколько может, и вперед проповедию между язычниками.— О. Андрей Метоки просит на дорогу по Церквам, да как много! 36 ен 90 сен,— до Сикотана включительно. Просит еще на гостинцы сикотанским христианам, нечего делать, послано все, но написано, что на гостинцы десять ен посылается только ныне, потому что он едет туда в первый раз. Сикотанские христиане теперь не бедны и в помощи в виде гостинцев не нуждаются.

5 / 18 сентября 1901. Среда

Из Ициносеки опять письмо — просят окончательно разделить их с Церковью в Яманоме. Послано к о. Борису, чтоб он сделал это.

Елисавета Котама приходила проверить со мною список кандидаток на прием в Женскую школу. Семнадцать просящихся не вошло ныне, а ожидает очереди. Из них двое — из Одавара.

Лишь только ушла Елисавета, как я прочитал письмо о. Василия Усуи — из Одавара еще третья просится — и тоже имеющая права на внимание: на своем полном содержании, внучка церковного старшины и прочее. Нечего делать, отвечено, что будет иметься в виду для приема.— Язычниц же, просящихся в школу, и числа нет: почти каждый день приходят спрашивать школьные правила и потом просить принять. Очень жаль, что школа тесна и что нельзя даже расширить ее — места нет для того. Школа — важное орудие для насаждения христианства: сердца родителей там, где их дети, в школе же дети напитываются христианским духом, который от них прямехонько переливается в сердца родителей, еще не было примера, чтобы родители детей, воспитанных в нашей школе, остались язычниками.

6 / 19 сентября 1901. Четверг

Игнатий Хосияма, катихизатор в Иваядо и Хитокабе, спрашивает, между прочим: «Христианка замужем за человеком, у которого есть законная жена: может ли она участвовать в таинствах и крестить ли детей от нее?» То есть, попросту, она состоит наложницей у язычника. Если она сделалась сим, будучи еще язычницей, то она может участвовать в святых таинствах, ибо тогда была под законом, не запрещающим неединенство; дети, во всяком случае, могут быть крещены.

Иосиф Окада (что из католиков) не выдержал занятий в Катихизаторской школе: приливы к глазам и мозгу, так что заниматься не может; по совету врача оставляет школу. Жаль!

Какой-то язычник из местности близ Никко недавно просил Новый Завет, но упоминал, чтоб не писать ему — «в доме отца не любит

христианской веры». Новый Завет был послан. Теперь благодарит за него и весьма умным и трогательным письмом просит «дать ему средства приобрести христианское полное научение». Но изъясняет, что «у него на руках восемь человек семьи». Как же ему помочь? Если бы был он один, то можно было бы вызвать его в Токио и поместить у одного из катихизаторов для научения, платя за его пропитание. Семью же его взять на содержание Миссия средств не имеет, да и неблагоприятно было бы. Даже катихизатора направить к нему нельзя — «отец не любит христианства» и не пустит катихизатора в дом. Трудные бывают обстоятельства! Но если он достоин благодати, то Господь так или иначе поможет ему выйти на путь спасения.

7 / 20 сентября 1901. Пятница

О. Алексей Савабе приходил просить принять в Катихизаторскую школу «одного писателя романов, убедившегося в суете мира и хотящего посвятить себя на служение Богу; ему больше сорока лет, холост, поведения безукоризненного, понимает русскую книгу, ибо прошел казенную школу русского языка; христианство знает настолько, что уже можно преподать ему святое крещение; медлил до сих пор креститься и проситься в Катихизаторскую школу потому, что должен был заботиться о содержании семейства; но теперь младший брат прибыл и принял на себя эту обязанность, и он сделался совершенно свободным». Слишком много наговорено хорошего, чтоб все можно было принять за чистую монету. Впрочем, я сказал о. Алексею, что если его протеже поспешит, то может и в нынешнем году войти в Катихизаторскую школу — там еще недалеко ушли.

Говорил еще о. Алексей об успехе нынешнего проповеднического движения в его приходе и об одушевлении его катихизаторов. К сожалению, только успехов не предвидится — все тем и кончится, что «пошумели», как протестанты; из подражания протестантам, больше ничего и не может выйти, как протестантский мыльный пузырь. Я не мешаю сему обезьянничанию, потому что и дурного ничего из него не предвидится. Смешное отчасти бывает, вроде получения ложных адресов от слушателей, когда проповедники кончают свои речи и начинают спрашивать внимательно, по-видимому, слушавших, где они живут, чтоб на домах посетить их для продолжения научения.

8 / 21 сентября 1901. Суббота.

Праздник Рождества Пресвятой Богородицы

Вся ночь и утро — дождь. — В Церкви народа весьма мало. После полудня в семинарской столовой было собрание молодых людей (сейнен-квай);

человек пятьдесят собралось; всех же участников общества до двухсот. Просили потом у меня помещения для их клуба, шкаф для христианских книг. Я дал две свободные комнаты во втором этаже. По воскресеньям будут приходить туда читать христианские книги, иметь христианские разговоры. Председатель их общества — катихизатор Василий Ямада; помощник у него — катихизатор Тит Косияма.

9 / 22 сентября 1901. Воскресенье

На проповедническое собрание в Сибя пригласили Ивана Акимовича Сенума с волшебным фонарем и видами Палестины; рассказы его о Палестине очень заинтересовали всю аудиторию собравшихся на проповедь, которых было битком набито в доме. — Вообще интерес к христианской проповеди, по-видимому, оживляется между японцами.

Вечером о. Феодор Мидзуно, вернувшийся из Симооса, рассказал, что катихизатор Павел Канасуги никак не хочет простить свою жену за прелюбодеяние и требует развода с нею. Но вина ее не может считаться несомненно доказанной, и о. Феодор показался неискусным в исследовании: вместо того, чтобы хорошенько поговорить с нею о взводимой на нее вине и узнать от нее, или догадаться, с возможным убеждением в справедливости, действительно ли она виновна, он прямо отнесся к ней с вопросом: «хочет ли она развестись?» Видно, что сам пастырь стоит еще на языческой почве в сих вопросах и делах. Доказательств же ее вины, кроме подозрений и болтовни соседей, нет никаких, а подозрения основаны только на том, что заметили ласковость между ею и наемным рабочим. Сказал я о. Феодору, чтобы он чрез две недели вновь отправился к Канасуги, поговорил с его женой наедине пастырски, узнал, подлинно ли она виновна; если да, возбудил бы у ней чувство раскаяния и заставил просить прощения у мужа — а сего убеждал простить, если же никакие убеждения не помогут, а она виновна, то пусть будет развод.

10 / 23 сентября 1901. Понедельник

О. Феодор Мидзуно принес письмо ко мне от Павла Ниццума, который пишет, между прочим, что «протестанты приглашают его участвовать в их проповеди, и он согласился, но с целью убеждать самих протестантов в истинности православия, и будет убеждать их на основании Священного Писания, так как писания Святых Отцов протестанты считают простыми человеческими писаниями» — и так далее — словом, уже почти объявляет, что уходит в протестантство. Что же с ним делать? Видимо, человек привык к общественной деятельности, будучи много лет катихизатором, потом священником, и теперь скучает по ней; по в

Православной Церкви как же можно вновь поставить на поле общественной деятельности расстригу, да еще из монахов? А для него православие перестало быть дорогим уже со времени покаяния им своих обетов. Увещание ему — оставаться в Православной Церкви и идти по предлагаемому ему пути спасения, как видно, к стене горох — недавно только что увещевал его, и — вот...

11 / 24 сентября 1901. Вторник

Японский гражданский праздник; школы отдыхали; мы с Накаем до обеда не переводили, а я писал письма.

Исаак Кимура приносил показать опыт своего перевода Творений Златоуста; мысль передает верно — можно надеяться, что окажется порядочным переводчиком Златоуста. Переводит Толкование на Псалмы.

Другим переводчиком Златоуста будет Игнатий Мацумото. Принес сегодня окончательно приготовленную к печати книжку составленного им объяснения Богослужения. По напечатании ее займется переводом Толкования Златоуста на Книгу Бытия.

12 / 25 сентября 1901. Среда

Как нужно с неослабным вниманием следить за всем! Сегодня два урока.

Первый. О. Василий Усуи недавно писал, что надо открыть проповедь в городе Ито, в Идзу; просил на наем квартиры для проповедника, и упоминал вскользь, что придется ему самому заняться этим, ибо Павел Цуда и Иоанн Мори, ближайšie к Ито проповедники, больны. Я согласился на наем квартиры, как обычно бывает в таких случаях. И вдруг сегодня длиннейшее письмо от о. Усуи, повествующее, что он «живет в Ито, истратил на обзаведение квартиры шестнадцать ен и просит выслать сии деньги; скучал в прошлое воскресенье, ибо проводил его совершенно один; есть там вдова-христианка, да и та в отлучке, слушателей учения еще нет». Священник бросает свою большую паству в Одавара, оставляет ее без Литургии в воскресенье, да еще собирается то же делать и в дальнейшее воскресенье для того, чтобы торчать без всякой пользы в глухом месте! Притом, тратиться на обзаведение проповеднического стола и всякой другой рухляди, тогда как в новом месте, где еще не известно, будут ли христиане, никогда этого не делается, а просто нанимается готовое помещение у кого-нибудь из местных жителей.— Тотчас же написал выговор о. Василию с приказанием вернуться в Одавара, а в Ито, коли находит нужным, послать хоть одного из двух одаварских катихизаторов, и так далее. Себе же урок: не пропускать без внимания и «слов вскользь» в письмах священников.

Второй. Недавно я сделал выговор катихизатору в Нагаока Петру Хисимото, на основании письма Стефана Кондо к Ивану Сенума. Кондо прескверно писал о Хисимото, что он деспотически поступает с христианами, груб, сварлив... Хисимото пишет ныне, что он оскорблен и оставляет церковную службу. Опустил я из внимания, что не всякому слову Кондо можно верить, а ведь знаю это, знаю Кондо давно. И вот! Жаль Хисимото, хотя катихизатор он плохой, но в дурном до сих пор замечен не был. И написал я о. Игнатию Като, прибывшему уже на место своей службы, чтоб он немедленно отправился в Нагаока и исследовал дело. Если христиане не ненавидят Петра Хисимото, как писал Кондо, то пусть бы он и остался там на службе; если же не захочет сам, то пусть переберется в Таката, где нет теперь катихизатора, и проповедует там; во всяком случае, пусть утешит и успокоит обиженного; оставлять церковную службу он, вероятно, серьезно не думает, а написал в сердцах. Приложены письма Стефана Кондо и Хисимото.

13 / 26 сентября 1901. Четверг

До десяти часов утра закончено исправление Первой книги Паремийника, после чего отправился на Цукидзи, в Американскую Церковь, на Поминальную службу по президенте Американских Штатов Мак Кинлей. Американский Епископ Мак Ким в отлучке, потому за него стоял во главе духовенства английский Awdry. Императора представлял Великий Князь Кан-ин, императрицу — его супруга. Церковь была полна знатью иностранною и японскою. Служба отпечатана в брошюрах превосходной бумаги и отличного шрифта; совершалась в безукоризненном порядке и импозантно. Жаль только, что они употребляют этот нелепый обычай такого медленного входа и выхода, который даже и черепашным нельзя назвать — до того он медлен и скучен; еще когда ноют при этом, ничего; а сегодня молча входили и выходили, с преднесением креста, но без епископского посоха. Проповедь сказал миссионер Имбри. В богослужении между составленными на случай молитвами была одна даже за убийцу президента, но за самого президента, за упокой его души — ни слова, таков обычай протестантства, холодный, безжалостный к умершему.

14 / 27 сентября 1901. Пятница. Праздник Воздвижения

В Церкви, кроме школ, весьма мало молившихся.

Кончивши богослужение, я отправился в Иокохаму по делам. В одной конторе встретился с тремя русскими офицерами, возвращающимися после Манчжурской войны в Россию; очень удивило их видеть человека в рясе: «Батюшка, какими судьбами здесь?» Один догадался:

«вероятно, состоите при Посольстве?» И так далее. А у себя сегодня после службы я принимал инженера, три года строившего дорогу в Манчжурии, с супругой, тоже едущих в Россию, и завезенных сегодня на Суругадай, в Храм, как раз в то время, когда уже выходили из Церкви. Инженер по имени Николай Флегонтович Нарцизов, вероятно, из духовных. И о Миссии здесь — ни малейшего представления; выражали удивление, что здесь, в Токио, видят Православный Храм, не знают, почему и для чего он... И подобное сплошь и рядом. Иностранцы, без сомнения, больше знают о Русской Духовной Миссии в Японии, чем русские.

15 / 28 сентября 1901. Суббота

Успехи проповеди плохие, а требования денег ежедневные, да такие, что и оставить без исполнения нельзя. Сегодня: о. Сергей Судзуки просит десять ен в счет жалованья, по случаю долговременного страдания поносом, для расплат за лечение; при его большой семье, куда же ему занимать из своих тридцати ен в месяц! Послано так десять ен.— Катихизатор в Хиросаки, Сергей Усигое, вытерпел болезненную операцию, за которую нужно заплатить четыре ены, да лекарство стоит тридцать сен в день; месяц надо лечиться — а жалованье с семьей двенадцать ен, послано десять ен.— Илья Хонда пишет, из Готенба, что бедность совсем одолела — просит прибавить хоть немножко содержания; еще бы не одолеть бедности при десяти енах в месяц и двух детях с женой; прибавлено две ены.— Григорий Ито пишет, что по разным обстоятельствам задолжал пятнадцать ен, просит помочь; найдено резонным послать пять ен.

Посетили Миссию два посланника: наш, — Александр Петрович Извольский, и бывший Пекинский, на пути в Россию, — Михаил Николаевич Гирс; любопытствовали посмотреть Миссию — показал им ризницу, библиотеку, школы. Извольский говорил, между прочим, по поводу своей поездки в Хакодате: «Я вам места не отдал бы, но так как оно уже отдано, то отбирать не годится; я написал в Петербург, что место для постройки Консульства нужно купить; будет стоить тысяч пятнадцать, но пусть платят; зачем отдавать было старое». — Но дело в том, что место, бывшее когда-то под Консульством, никто Миссии и не отдавал, отданы были оставшиеся здания Консульства — и то бедный остаток их от двукратного пожара; места же Консульство даже и не могло отдать, как не принадлежавшее ему; оно не было куплено, не было даже закреплено за Консульством никакими платами; оно дано было Японским Правительством под Консульство — несколько раз тогда Японский губернатор требовал у консулов годовой платы за места на обычные городские расходы — но консулы всегда отказывались под предлогом, что это должно быть решено главным Правительством в Едо. Когда в 1872 году

снялось Русское Консульство из Хакодате для поселения в Едо, место осталось de facto за Духовной Миссией – а если б ее не было, то место вернулось бы к Японскому Правительству, как вернулось то, которое было под Русским госпиталем и которое потом Правительство передало попросившему его английскому миссионеру. За место, оставшееся под Духовной Миссией, Японское Правительство потребовало годовой ренты 240 ен, и Миссия, чтобы не быть лишенной места, конечно, не могла не исполнить требование, и продолжает ежегодно уплачивать по 240 ен, чем уже и фактически закреплено место за Духовной Миссией.

Александр Петрович еще спрашивал моего мнения насчет места, пожертвованного для постройки Церкви в Нагасаки евреем Гинцбургом: «Можно ли принять это пожертвование? Некоторые находят неприличным; и ему, Извольскому, сделано указание из Петербурга спросить мнения о сем местной духовной власти». Я ответил без всякого колебания, что принять можно и должно, совершенно так же, как мы здесь в Соборе ежедневно принимаем пожертвования язычников, посещающих Собор и бросающих в нем деньги, совершенно так же, как граф Путятин, когда-то, собирая в Петербурге на постройку Миссийского дома, в котором наверху и Крестовая Церковь есть, вытребовал и от еврея Штиглица пять тысяч рублей. Почем мы знаем, быть может, Гинцбург со временем сделается христианином, и это его усердие есть первый шаг к обращению; не было ли бы жестокостью и грехом обидеть его отказом принять его приношение?

16 / 29 сентября 1901. Воскресенье

До Литургии крещены три девицы и два младенца, одна из девиц наученна вере Стефаном Доде, который сделался и крестным отцом ее, и, видимо, счастлив этим первым плодом своего благочестивого усердия.

С двух часов ездил отдать визит Извольскому и Гирсу; последнего встретил по дороге на пути его в Никко. Александр Петрович показал мне Коронационный Альбом, о котором он спрашивал в Петербурге, может ли он передать его в Духовную Миссию. Одно из лиц, которым, по распоряжению Государя Императора, присланы были Альбомы, померло, и экземпляр остался свободным, но без доклада Государю распорядиться им нельзя. Альбом – великолепнейшее издание, с рисунками, где лица – точные портреты участвовавших в Коронации.

17 / 30 сентября 1901. Понедельник

Миссионер-священник Феодор Барков, из Ново-Киевска, Приморской области, прислал прошение о принятии его на службу в здешнюю Миссию – доктора советуют ему для здоровья. Отвечено отказом.

«Здесь нужны миссионеры с полным семинарским и академическим образованием, молодые и совершенно здоровые». (А он — из второго класса Семинарии и был только на миссионерском отделении в Казанской Академии).

Иосиф Окада, что из католиков и недавно оставил катихизаторскую школу по неспособности учиться за болезнью, извещает, что он вернулся в католичество. Так! Служил первоначально бонзой, потом шесть лет пробыл протестантом, затем десять лет католиком, да вот почти два года числился православным — теперь опять католиком, вероятно, под давлением жены и ее родных и патеров, а также и потому, что некуда больше перейти, новых вер больше нет в Японии. Во всяком случае вперед урок нам: не допускать легко к нам из других христианских обществ, а, по крайней мере, года два держать их под искусом, чтобы в точности распознавать пройдох и заграждать им вход.

18 сентября / 1 октября 1901. Вторник

В Церкви Коодзимаци, в воскресенье, крестился известный писатель Язаки, с литературным именем Саганоя. Очень аскетически настроенный — много молится и находит в этом большое утешение; сокрушается о своих грехах, хотя особенных не имеет. Дай Бог ему! Если он долго удержится в этом настроении, то можно отправить его на Афон или в один из русских хороших монастырей, чтобы он, изучивши монашество, сделался насадителем его в своем отечестве.

О. Симеон Юкава с Формозы извещает, что посещает там обретающихся христиан, благополучно путешествуя и отыскивая их.

19 сентября / 2 октября 1901. Среда

Катихизатор в Фукуока, Стефан Мацуока, путешествуя ежемесячно в Куруме, чрез то не имеет никакого успеха по проповеди ни там, ни у себя в Фукуока. Потому написано к нему, чтобы не развлекался больше этими поездками, а сосредоточился для дела в Фукуока; к о. Петру Кавано в то же время написано, чтобы он посещал Куруме сам, для остающихся там христиан; на успех же проповеди в этом городе нельзя надеяться, пока не поселится там катихизатор.

Посетил в госпитале Сато семинариста Пимена Усуи. Жалость смотреть на доброго во всех отношениях юношу, страдающего неповинно: нога увязана в лубках, и до того больно ему от нее, что он почти пошевелиться не может; питает его сиделка из рук; и болезнь приключилась вдруг, без всякой видимой причины; это значит — пагубное наследство от какого-нибудь недалекого предка хранилось доселе скрытым в его организме — быть может, от деда, который долго лежал в параличе.

Так-то дорого обходится дурное поведение человеку и для него самого, и для происходящих потом от него, для которых он невольно делается жестоким, безжалостным прародителем!

20 сентября / 3 октября 1901. Четверг

Однако Петр Хисимото, ныне уже бывший катихизатор в Нагаока, совсем не такой невинный, как я о нем думал, напротив — очень не безвинный. О. Игнатий Като сегодня прислал огромный пакет дела о нем. В своем письме о. Игнатий извещает, что никак не мог убедить Хисимото остаться на службе Церкви, и прибавляет, что «у него есть на уме что-то другое, на что он решился». К письму приложено много документов, рисующих отношение Хисимото к местным христианам, как то: письма христиан к о. Игнатию с жалобами на Хисимото, письма сего последнего и прочее. Из всего явствует, что Хисимото, действительно, невыносим был для христиан своею грубостью, деспотическими приемами и в то же время полною бездеятельностью по проповеднической части. Не раз упоминают они, что «только с внешними он водит дружбу и передает им все, что делается в Церкви». Ко всему этому я уже имею ключ в полученном дня три тому назад письме конгрегационалистского миссионера в Ниигата, Mr. Newell'a. Он принимает такое сердечное участие в положении господина Хисимото, этого прекраснейшего человека и катихизатора, и вместе в положении нашей Церкви в Нагаока! Путешествуя по тем местам, он входит в дружеские сношения со всеми проповедниками, и католическими, и протестантскими, и православными, и всем равно старается быть полезным в их служении. Так он подружился и с Хисимото и заметил уже давно, что он тяготится своими отношениями к христианам и своею службою вообще, и всегда старался уговаривать его продолжать свою катихизаторскую службу; «наконец Хисимото не выдержал своих трудностей и подал в отставку, и даже оставляет вашу Церковь и хочет перейти к нам; я всячески удерживал его от сего шага, представлял ему, как ему мучительно будет порвать свои связи с доселешними его друзьями по религии, но все тщетно», и он, Newell, чрезвычайно об этом сожалеет, и вот пишет мне. Все это так комично; просто стащил человека и хочет замести следы. Но пусть пользуется плодами своего лисьего обычая. У Хисимото, значит, иссякло всякое религиозное чувство в душе, коли он переходит к Невелю потому только, что он американец, так как нельзя же предполагать, чтобы он действительно предпочел это убогое конгрегацианство православной вере. И убеждать такого человека — лишний труд. Тут опять приходится только пожалеть, что нет миссионера, который бы путешествовал по Церквам и смотрел за катихизаторами. Ведь не вдруг Newell развратил Хисимото, а постепенно, и началось, вероятно, очень давно; там же был

священник, о. Андрей Метоки, и вот ничего не видел, а может, и видел, но «какое мне дело, мол!» Эх, горе-священнички!

В сегодняшнем номере «The Japan Daily Mail» мормонский апостол Heber Grant защищает мормонство против порицателей его. Письмо в четыре листовых столбца, и все состоит из восхвалений себя лично и смешения порицателей с грязью. Вот, между прочим, какого мнения мормоны о всех христианских сектах, то есть обо всем христианстве. «Приведу об этом,— пишет Грант,— слова Спасителя пророку Иосифу Смиуту во время его первого видения, о котором Смит рассказывает следующее: „Когда свет почил на мне, я увидел двух лиц, которых красота и слава превосходят всякое описание, стоящих надо мною в воздухе. У меня было в намерении спросить у Господа, какая из всех сект самая правая (right), чтобы мне присоединиться к ней. Одно из стоящих надо мною лиц обратило речь ко мне, назвав меня по имени и указывая на другое лицо: «Это мой возлюбленный Сын, слушайся его». Лишь только я овладел собою настолько, что мог говорить, как спросил лиц, стоящих надо мною в свете: «Какая из сект самая правая?» (Потому что до сего времени мне и в голову не приходило, чтобы все были ложны). «К какой мне присоединиться?» Мне было отвечено, что я не должен присоединяться ни к какой, что все они ложны; и лицо, адресовавшееся ко мне, сказало, что все их вероучения (creeds) — мерзость в его очах“».

21 сентября / 4 октября 1901. Пятница

Во время перевода, до полудня, подали карточки: James H. Pettee, Окаюама, и Horatio V. Newell, Niigata; нечего делать, принял. Первый сказал, что готовит к изданию «Описание христианства в Японии», где будет и о нашей Церкви, и просил для этого фотографию храма и мою; второй имел вид кота, только что укравшего сало,— я, не замечая этого, ласково объяснил ему, что несколько не стою за Хисимото, если он сам не захотел стоять за себя; поблагодарил его за письмо, и дал свою фотографию, так как тут же снабжал этим и Pettee, в ответ на его просьбу.

Новые Заветы нашего перевода разосланы по Церквям, а также катихизаторам и священникам, по экземпляру всем; от многих приходят заявления удовольствия, что теперь Слово Божие сделалось для них понятным. Сегодня послал несколько экземпляров и в Россию: Митрополитам, сотрудникам, в Совет Миссионерского Общества, в библиотеки Академий и прочим.

22 сентября / 5 октября 1901. Суббота

Ученики старшего курса Семинарии приходили жаловаться, что Ветхий Завет протестантского перевода неудобен для классного изучения:

много разностей при сличении с русским учебником (или неверностей, как они выражаются); просят своего православного перевода и Ветхого Завета, как сделан Новый. Но долго им ждать сего. Хотя бы тексты богослужений Бог дал перевести. Конечно, если после того останется жизни и силы хоть несколько, то оные будут употреблены на перевод Ветхого Завета.

Дал ученикам, в утешение, по экземпляру русской Библии, объяснив, что разности в тексте не должны смущать, так как они не важны и не касаются догматических вопросов.

Четыре священника при Соборе, и того мало; пришли сегодня требовать к больному — нет ни одного — все в разъездах. Следовало бы иметь еще одного или двух.

23 сентября / 6 октября 1901. Воскресенье

Утром крещены семь взрослых и детей.— После обедни между пившими чай у меня был христианин из Мацуе, Симане провинции, Тимофей Като, очень сетовавший, что не посылается катихизатор в Мацуе, отчего основанная там трудами покойного Луки Кадзима Церковь почти исчезла; посещений из Ионако Николая Такаги совсем не достаточно для поддержания ее. Господи, но что же делать, коли проповедников мало!

24 сентября / 7 октября 1901. Понедельник

Из крещенных вчера двое молодых людей просят в катихизаторскую школу; оба достаточно образованные для того; катихизатор Тит Косияма ручается и за доброкачественность их в других отношениях. Послал Косияма к начальнику школы Ивану Акимовичу Сенума — если он, по совету с учителями, найдет, что принять можно, несмотря на запоздание, то и ладно. Господин Сенума не нашел препятствий, и потому приняты; не знаю только, благонадежно ли — слишком уж скороспелое решение просившихся.

Был о. Василий Усуи, явившийся посетить своего сына Пимена, лежащего в госпитале, испугавшись, не при смерти ли уже он; говорил о своей Церкви хорошо: все катихизаторы у него заняты — у всех есть слушатели; только город Мисима безнадежен, и потому катихизатор Павел Цуда переселился ныне из него в Сюзендзи, где в соседстве есть желающие Христианского научения. В Ито пошлетя один из одавских катихизаторов.

25 сентября / 8 октября 1901. Вторник

Утром увидел наверху в полукруглой комнате Василия Ямада за рассылкой своей газеты «Симей-Симпо». Жаль стало бедного; прибавил

ему еще пять ен на печатание ее; так что всего будет получать на это десять ен. (Три ены давно он уже выпросил, две ены на днях, по его усиленной просьбе, прибавил.) Страсть издавать газету у человека; ныне вышел уже тридцать четвертый номер; газета месячная; делается все лучше и содержательнее; этот номер в двадцать четыре страницы; теперь она служит органом «Общества православной молодежи» (Сейненквай), какого общества он же, Ямада, и председатель. Печатает газеты шестисот экземпляров; стоит это пятнадцать ен в месяц, а из продажи выручает не больше пяти ен; газета, конечно, христианская и потому поддержки стоит, хотя не от Церкви, у которой и без того три периодических издания на плечах, а частной.

О. Борис Ямамура описывает свою поездку по Церквам, во время которой крещений почти совсем не было; еще пишет пространно об этом нескончаемом деле в Церкви Ивайквай. Все-таки настаивает, чтоб я велел «соединиться христианам в Ициносеки и Яманоме в одну Церковь; этого-де желает большинство христиан в Ициносеки». И приложены к его письму новые прошения о соединении христиан в Яманоме и в Ициносеки — у последних, действительно, тоже печатей немало. Ответил я, что «не мною выдуманно это соединение; сами они, без всякого совета со мною, выдумали его, и потом уже на полпути прислали ко мне, и вот до сих пор не слушают никаких резонов, что ни говоришь им. Пусть же кто хочет из ициносекских христиан соединения в одну Церковь с христианами в Яманоме — соединяются; а кто хочет иметь самостоятельную Церковь в Ициносеки — те не соединяются; и пусть с сего времени больше не относятся ко мне с сим делом».

26 сентября / 9 октября 1901. Среда

Катихизаторы иногда со своими просьбами бессовестны. Нифонт Окемото, катихизатор в Оою, и которому поручены еще Кеманай и Аракава, просит дорожных на посещение сих двух мест, а они на таком близком расстоянии от Оою, что и я, во время посещения Церквей, пешком шел между этими тремя местами, просто из-за удовольствия сделать прогулку по хорошей дороге. Отказано с выговором.

О. Павел Морита целый час морил своим болтливым письмом, а добрых извещений ни капли.

27 сентября / 10 октября 1901. Четверг

Из поступивших так внезапно в понедельник в Катихизаторскую школу один уже ушел, «брат-де внезапно захворал и телеграммой требует домой». Тот же Косияма прибежал хлопотать об отпуске его. Конечно, кто же станет удерживать! Привыкшего к свободной жизни и лени —

вдруг, без долгой надуманности ею, под инструкцию, хоть и не стеснительную, и на труд, хоть и легкий! Ну и на попятный тотчас же. Понятно.

Игнатий Мацумото пришел, говорит: «Перевод Златоуста — дело весьма долгое; делая его, я мог бы урывками переводить и другое что. Катихизаторы говорят, что очень нуждаются в церковной истории по-подробнее ныне имеющихся, очень кратких»... Резон! Тотчас же дал ему Церковную историю Смирнова, но так как она уже была переведена о. Сергием Судзуки; только перевод его, сколько он ни исправлял его, оказался негодным для печати, а весь хранился у меня, то я вручил Игнатию и сей перевод; быть может, исправлять его займет меньше времени, чем вновь переводить.

Был Mr. Mott, американский председатель христианской ассоциации молодых людей, вместе со своим помощником Mr. Fisher'ом. С Mott'ом встретились мы уже как знакомые, и он тотчас же стал предлагать вопросы для уяснения нравственного состояния японской молодежи, проповедовать которой он приехал сюда. Я охотно отвечал ему.

— Что больше всего мешает учащейся молодежи принимать христианство?

— Атеизм почти всех нынешних профессоров и учителей ее, японских и иностранных.

— Как успешнее действовать на молодежь — относясь больше к уму или к сердцу?

— К уму, так как японцы рассудочный народ.

— Что вы находите самым лучшим в японской молодежи?

— Их беззаветное желание служить своей родине; они и христианами делаются большею частью потому, что находят христианство полезным для отечества, смотря в этом случае на христианство как на дойную корову, дающую молоко для их отечества.

— Что, по-вашему, самое дурное в здешних молодых людях?

— Их непостоянство и изменчивость.

— Что вы находите самым большим ободрением для деятельности здесь?

— Уверенность, что Япония в непродолжительном времени непременно сделается христианскою страной.

— Что же внушает эту уверенность?

— То, что японцы изжили свои старые веры и стоят ныне с открытыми дверями сердца для принятия новой, а такую может быть только христианство.

И прочие подобные вопросы. Ответы он и Фишер схватывали на бумагу.

Mott говорил, что делает ныне, по своей проповеднической, для молодых людей, должности объезд Японии, Китая и Индии, уделяя по месяцу на каждую страну. Здесь он уже две недели; делая собрание в Сендае, где было до восьмисот слушателей у него, давал лекции в здешнем

университете, где слушали его от четырехсот до пятисот студентов. Рассказывал про свое путешествие по Европе и, между прочим, про посещение им Петербурга, где, однако, с студентами не мог иметь беседы, потому что в университете тогда было возмущение студентов. Был он и в нашей Духовной Академии, где ему любезно все показали. Говорил еще, что их Ассоциация в Америке открыла свою христианско-просветительную деятельность и между служащими на железных дорогах, и что эта деятельность так блестяща, что русский министр Путей Сообщения князь Хилков присылал депутата изучить ее и пригласил из Америки одного члена в Россию поучить, как действовать так же благотворно и между служащими на русских железных дорогах.— Надеется со временем приобщить к своей Ассоциации и русское студенчество. Помогай Бог!

28 сентября / 11 октября 1901. Пятница

О. Федор Мидзуно возвратился из Симооса: жену Павла Канасуги он убедил сознаться в своей вине, но раскаяния в ней не замечает; сердце в ней как будто окаменело; видно только, что детей очень любит, говорила, что хотела бы служанкой жить в доме мужа, лишь бы быть с детьми, но желания просить прощения у мужа не заявляет. Павел Канасуги простить ее и опять взять в дом также отказывается. О. Феодор надеется, что со временем родные убедят его простить и вернуть мать к детям.

Сергий Сионоя очень хвалит оживленное состояние своей Церкви в Фукурои и Какегава. Особенно же хорошо, что он сам оживился, тогда как был доселе несколько лет в Оодате таким плохим катихизатором, что я отчаялся было в нем.

На днях газеты извещали, что мормоны подали прошение правительству о разрешении им распространять в Японии свою веру, причем просят позволения строить табернакли, проповедывать на улицах и посещать с проповедью, по крайней мере, сто домов в день (хяккен идзё).— Сегодня в «Japan Daily Mail» говорится, что три Женских Общества улучшения нравов (фудзин кёофуу-квай) подали прошения правительству о недозволении мормонам пропаганды в Японии. Мотивируют они свою просьбу разными резонами, из коих первый: хотя мормоны публично отказываются от доктрины многоженства, но это только из политических видов, в сущности же они продолжают держаться этой доктрины; второй: они держатся принципа — цель оправдывает средства — вследствие чего история пропаганды их веры обезображена шокирующими делами; третий: Мормонская организация опасна для принципа повиновения законным властям, потому что во главе ее стоят пророк и старцы, которым все члены секты обязаны безусловно повиноваться; четвертый: они переселяют к себе, в Утах, всех прозелитов, которым законы страны в чем-либо не позволяют оказывать старцам (Elders) и пророку безусловное повиновение. Просительницы настаивают, что

каждая из этих четырех причин достаточна, чтобы осудить мормонов, соединенная же сила всех четырех сокрушающая.

29 сентября / 12 октября 1901. Суббота

В «Monthly Summary of the Religious Press», в сегодняшнем номере «Japan Daily Mail», помещены отзывы разных периодических журналов о бывшем в мае и июне большом протестантском проповедническом движении — «Тайкёо-дендо». «Токио Майсю Синси» так суммирует результаты его: 1) Значительно подвинуто единение между христианами. 2) В проповеди приняли участие простые миряне, тогда как доселе она велась только специально для того назначенными членами Церкви. 3) На выборы проповедников и предметов проповеди было обращено особое внимание, с превосходными результатами. До сих пор было в обычае говорить нескольким проповедникам на разные темы; ныне говорил только один проповедник и не на широкие темы, вроде: «Религия и государство», «Цивилизация и Христианство», «Христианская мораль», а только о Христе и о Кресте. 4) Везде настаивалось на немедленном покаянии и внезапном решении; до сих пор Церковь довольствовалась сеянием без жатвы; в этот раз и то и другое было исполнено. 5) Дух молитвы везде преобладал, тогда как в прежние годы этого заметно не было.— Подряд с этим оптимистическим описанием там же, в «Майсю Синси», письмо, указывающее недостатки и опасности бывшего движения. «Это было большое возбуждение,— говорит корреспондент,— и люди, которые обыкновенно почти ничего не делают для христианства, двигались в толпе и казались делающими великое дело. Но мыслящие христиане задавались вопросом: как продолжительны будут результаты происшедшего? Устойчивые христиане не приобретаются так называемыми „оживляющими движениями“ (revival movements). Месяцы спокойного, терпеливого научения требуются для воспитания действительных христиан». Писателю кажется, что большая часть сделанного была литьем воды в решето. «Взрывы чувства (bombing of emotion) не составляют действительной веры в Христа. Интересно будет видеть, что последует дальше? Будут ли старания довести до зрелости то, что существует в зародыше? Не довольно идти и искать заблудших овец; после того, как они найдены, их нужно пасти и питать на тучной пажити, иначе они — не к похвале наших предков».— В с «Тайё» и в «Рикуго-засси» таким же образом трактуются результаты происшедших «revival meetings».

30 сентября / 13 октября 1901. Воскресенье

Предположено было сегодня непосредственно после Литургии в крещальной говорить проповедь для язычников, для которых проповедь

во время Литургии мало понятна и полезна, так как направляется обыкновенно к христианам. Вывешено было оповещение о сем на дверях крещальни; Василий Ямада приготовился говорить проповедь. По выходе из Церкви я заглянул в крещальню, и ни единого человека там! Утром и особенно пред самой обедней был такой ливень, что язычников в Церкви никого не оказалось, и говорить было некому. В следующее воскресенье наше начинание, вероятно, будет удачнее.

С часу пополудни я говорил лекцию о Пресвятой Троице «Обществу молодых людей», по их приглашению. В числе их было пять из Университета, прочие — наши семинаристы и из Катихизаторской школы. На всюнощной, пред завтрашним праздником, на литию выходили одни священники, на величание тоже.

*1 / 14 октября 1901. Понедельник,
Покров Пресвятой Богородицы*

Литургию совершали со мною два иерея. В Церкви было довольно много молящихся; из русских было двое, которые потом, зашедши ко мне, пожертвовали на Миссию: один — Александр Иванович Вершинин, товарищ председателя Порт-Артурского Городского Совета — двадцать пять ен, другой — Сергей Васильевич Унженин из Ханькоу — двести ен.

С часу пополудни было в Женской школе собрание «Женского Благотворительного Общества» — «Сейкё-Фудзин Кеодзюцу-квай», годовое, пятнадцатое с самого начала. До сих пор оно всегда в день Покрова производилось в квартире Павла Накаи. Ныне оно так увеличилось, что там стало тесно. Действительно, сегодня из города собралось членов-благотворительниц до семидесяти, так что для молебна и собрания едва достаточна была большая классная комната. Сначала о. Роман отслужил благодарственный молебен. Потом Елисавета Котама, председательница Общества, сказала о состоянии общества и раздала брошюры с отчетом и правилами. Состояние блестящим назвать нельзя: за год прихода было сто двадцать пять ен только, расхода на благотворение — восемьдесят пять ен; капитал Общества ныне сто семьдесят четыре ены. Но, принимая во внимание, что Общество постепенно все растет, а также что оно развивается на довольно тесном пространстве, ибо в Коодзима-ци есть свое такое же, в провинциальных Церквях — свои, нужно благодарить Бога и за это. Вносят члены общества всего по десять сен в месяц. В капитал Общества поступает и кружечный сбор в Соборе из «кружки на бедных», какового сбора за прошедший год было сорок шесть ен. После Котама я сказал Обществу небольшое поучение о важности благотворения, как Христианской любви дело. Потом говорили Василий Ямада и Петр Исикава. Затем было угощение и снятие фотографической группы.

2 / 15 октября 1901. Вторник

Роман Фукуи, катихизатор в Оцу (провинция Мито), жалуется на охлаждение к вере тамошних христиан-богачей, особенно Саймару; и мнения-де образовались у них совсем еретические: «зачем молиться? — говорят, — если душа умрет вместе с телом, то всякая молитва для нее бесполезна; если не умрет, то Бог по благодати своей должен спасти ее, какой бы вере она ни принадлежала: христианской или языческой». А ведь были когда-то братья Саймару (или казались) очень благочестивыми, даже храм построили, к несчастью, сгоревший еще до своего освящения, — должно быть, неприятна была Господу жертва их! Впрочем, Роман пишет: «есть, в Оцу и христиане истинно благочестивые», — и называет человек пять, все тех, что победнее; так-то почти всегда бедные — ближе к Богу! Хочет Роман открыть проповедь в городе Такахаги, семь ри от Оцу, где уже есть три христианских дома, и просит на наем дома там — ладно!

Коли являющийся горячим приверженцем веры отступит от нее, то уже делается заклятым врагом ее. Таков Mr. Dening, ныне учитель английского языка в Сендае, бывший епископальный миссионер Английской Церкви. Был до того горячим миссионером, что всех, не принадлежащих к одной с ним Церкви, считал дьяволами. «Вон дьявол идет» — получил и я от него однажды комплимент, когда прошел мимо дома, где он при открытых дверях говорил проповедь, в Хакодате. Потом несколько свихнулся в учении, начав с проповеди «условного бессмертия» (conditional immortality — только добрых); уклоняясь больше и больше, он дошел до полного безверия; выключенный за это из миссионеров, озлобился на церковные власти; и вот лет пятнадцать является непримиримым врагом христианства, пользующимся всеми поводами, чтобы вредить ему и разрушать его. Недавно Bishop Fyson, бывший товарищ Dening'a по миссионерству, написал письмо в «Japan Dail Mail» в опровержение высказанных перед тем мнений некоторых японцев, что христианство не заслуживает серьезного внимания, так как в Европе все развитые люди потеряли веру в него; Физон перечислил некоторых ученых авторитетов, глубоко верующих христиан. Этого достаточно было, чтобы Денинг воспламенился гневом против Физона и против христианства. И сегодня такая злая корреспонденция в «Japan Dail Mail» в опровержение Физона, что гадко читать. Серьезного в статье против христианской веры, конечно, ничего нет и не может быть, но озлобленность такая дышит из него, что прямо виднеются головы семи бесов, поселившихся в душе Dening'a. Подписана статья «agnostic», но в подлинном авторе ошибиться трудно знающим его.

3 / 16 октября 1901. Среда

О. Симеон Юкава возвратился с Формозы и дал отчет о своей поездке. Звал туда катихизатора и священника Яков Мацудаира (бывший Нива), но оказалось, что это было делом его одного — никто из христиан об этом не знал, и потому визит о. Семена почти для всех был неожиданно. Все христиане, впрочем, очень были обрадованы его посещением. Но нашел он их немного — всего двадцать девять человек, из коих четырнадцать исповедовались и приобщились Святых Тайн, шесть не пожелали сего, по неприготовленности и неимению досуга приготовиться, ибо заняты были службой; четырех он не застал дома и совсем не видал их; а пять из протестантов присоединились к православию, и тоже приобщил их Святых Тайн. Последние составляют семейство Якова Нива. Его самого, к счастью, не было дома, иначе он очень помешал бы о. Семену, так как пользуется весьма дурной репутацией, и о. Семену показаться в сопровождении его было бы весьма невыгодно (Нива теперь здесь, в Токио); его все знают за обманщика и лжеца; у всех деньги занимает обманом и не отдает. Но семейство его состоит из людей хороших; жена, служащая местною повивальною бабкою, всеми уважается; ее мать — тоже; сын шестнадцати лет, но уже служит в банке. Кстати, Нива, как бывший катихизатор, хорошо знает Православную веру; и хотя сам не исполняет ее предписаний, и даже отступил от нее, сделавшись протестантом (по названию), но успел в разговорах со своим семейством порядочно преподать ему православное вероучение, так что о. Семен, по испытании их, не нашел затруднения в принятии их в Церковь, а они усиленно просили его о том; и все христиане в Тайхоку ручались за их благонадежность. Больше всех желала сделаться православною мать жены Нива, а расположило ее к этому то, что в Православной Церкви молятся за умерших, чего в протестантстве нет; дочь ее охотно последовала за нею, дети — за ними.

Разыскивая христиан, о. Семен проехал от Тайхоку далеко по набережным городам и селениям, найденные им христиане почти все — служащие или в военной, или в гражданской службе; из первых, между прочим — Моисей Асано, бывший семинарист, — в Курин, унтер-офицером в военном отряде, и пользуется любовью за свое христианство и хорошее поведение. Вероятно, есть и больше наших христиан, но неизвестно, где они. Из всего, что видел и слышал там о. Семен, он составил ясное убеждение, что о катихизаторе для Формозы нам пока заботиться не нужно. Японцы там все временные обитатели и бродячий элемент — сегодня здесь, завтра в другом месте, и притом, лишь только хоть немного скопил денег — всякий тотчас же спешит домой, в Японию. Итак, что до японцев, то катихизатор не найдет, кому проповедывать. Можно бы проповедовать туземцам, но для этого надо наперед научиться их языку.

Из туземцев на Формозе христиан много. В прошлом году Правительство сделало перепись христианам, и оказались статистические данные следующие:

в провинции Тайхоку: храма 3, мест проповеди 17, проповедников 17, христиан 2260;

в провинции Тайциу: храма 2, мест проповеди 18, проповедников 12, христиан 1386;

в провинции Тайнан: храм 1, мест проповеди 12, проповедников 18, христиан 3424;

в провинции Гиран: храмов 9, мест проповеди 16, проповедников 16, христиан 2,190;

в провинции Тайтоо: мест проповеди 4, проповедников 3, христиан 160;

в провинции Боокосётоо: место проповеди 1, проповедников 1, христиан 30.

Итого: храмов 15, мест проповеди 68, проповедников 67, христиан 9450.

Все эти христиане — туземцы острова Формозы; проповедники — тоже образовались из туземцев. Это — плод трудов одного иностранного методистского миссионера, тридцать лет жившего на острове между туземцами, бывшего женатым на туземке и умершего в прошедшем году. Но, рассказывал о. Семен, из означенных христиан весьма мало усердных, почти все — номинальные христиане; обращались в христианство в прежнее время главное потому, что находили в миссионере своего защитника в житейских делах и отношениях. Доказательство сему то, что в последние четыре-пять лет, когда Формоза сделалась японскою, жителей никто не притесняет, защита миссионера им не нужна, обращение в христианство почти совсем нет.

Кроме означенных протестантов из туземцев, в провинции Тайциу есть еще католиков из туземцев же двести десять, католических проповедников восемь, мест проповеди семь.

Протестантов из японцев в провинции Тайхоку сто семьдесят только.

Конечно, хорошо бы и нам образовать из наших катихизаторов одного в проповедники для Формозы. Но для этого нужно человека весьма твердого — такого, который решился бы всю жизнь посвятить проповеди на Формозе. И притом нужно, чтобы он был человек семейный, ибо там легко развратиться — нравы очень легкие. Свидетельством последнему служит то, что там все гостиницы — в то же время и публичные дома терпимости, так что и о. Семену в Курин пришлось остановиться в таком доме, только офицер в телефон предупредил хозяина, чтобы его поместили отдельно и не беспокоили.

Итак, достаточно, если мы в год или в два раз будем посылать на Формозу к нашим верующим священника. О катихизаторе же туда пока перестанем говорить, тем более, что взять его негде.

Устроил о. Семен отчасти церковные дела там и на будущее время: по совету с христианами, в городе Тайхоку назначил, где собираться для молитвы, кому хранить церковные книги для чтения, получаемые из Миссии, кому быть корреспондентом с Миссией, и прочее. Стоила поездка его для Миссии сто десять ен; кроме того, христиане там на дорогу дали ему пять ен, да из собственного содержания истратил шесть ен.

4 / 17 октября 1901. Четверг

Японский гражданский праздник; школы не учились, мы с Накаем до обеда не переводили.

О. Петр Сасагава прежде выхлопотал прибавку к содержанию катихизатора Елисея Като; теперь хлопочет о дорожных для него, — «много-де мест у него». Ладно; дано две ены ежемесячно и дорожные. — А о. Тит Комацу просит «рёхи» (дорожных) для Фомы Ооцуки; дано и ему две ены ежемесячно.

5 / 18 октября 1901. Пятница

Был Яков Мацудаира, катихизатор из Асикага. Брат у него здесь, в Токио, при смерти — так вызвали Якова телеграммой к нему. Скорбит о том, что брат помирает язычником, а помочь не в состоянии. Когда был еще в Катихизаторской школе, все время старался обратить брата (служащего домоправителем у своего князя — Маеда-Кага); но тот отвечал ему: «Я не мешаю тебе веровать по-христиански, не мешай и ты мне веровать по-моему». Теперь он уже без слуха и языка. Яков пишет ему убеждения на грифельной доске и показывает, брат, повидимому, соглашается: читая, кивает головой; но окружающие тотчас же стирают, что написано, и не дают Якову наставить брата. Действительно, горестное положение и его, и брата.

6 / 19 октября 1901. Суббота

В Семинарии после обеда происходило собрание «сейнен» (молодежи), на котором о. Симеон Юкава рассказывал о своем путешествии на Формозу, для посещения наших христиан там, а Иван Акимович Сенума, начальник Семинарии, рассказал о жизни и деятельности о. Иоанна, Кронштадтского протоирея. Кроме семинаристов, было несколько человек из города.

7 / 20 октября 1901. Воскресенье

После Литургии была проповедь для язычников в крещальне. Говорил Василий Ямада. Собралось язычников и христиан человек

пятьдесят, но до конца немногие дослушали; продолжалось до двенадцати часов.

С половины второго часа опять было собрание «сейнен» и нескольких христиан из города для слушания о. Симеона Юкава, так как он вчера не успел рассказать всего, что имел сообщить о своем путешествии на Формозу.

8 / 12 октября 1901. Понедельник

О. Андрей Метоки очень обстоятельно пишет с острова Сикотана, куда отправился посетить наших христиан-курильцев. Они твердо хранят веру: каждый день в шесть часов утра все собираются на утреннюю молитву в Церковь; но поведением начинают портиться от соприкосновения с японцами, из которых попадает туда народ самый плохой, а отчасти и потому, что распределение полов у них слишком неравномерное: из шестидесяти трех человек их настоящего населения мужчин всего двадцать четыре; угрожает опасность и их вере: бонза хлопчет у начальства, чтобы позволили ему всех детей училищного возраста забрать в Кёото для воспитания их там в буддийском духе. О. Андрей, узнав о сем, подал и от себя прошение, чтобы позволено было ему взять двух девочек, девяти и десяти лет, и одного мальчика, тринадцати лет, для воспитания при Миссии в Токио, а бонзе чтобы было отказано в его просьбе, так как сикотанцы — не буддисты, а христиане. Решение на просьбу еще не последовало. О. Андрей просит меня принять здесь в школе означенных детей. — Конечно! Я каждый год наказываю доставить оттуда воспитанников, но до сих пор — тщетно, опекающее курильцев начальство не позволяет. — Пишет еще о. Андрей, что они не перестают хлопотать о возвращении их на остров Парамушир — место прежнего их обитания, и изъявляет спасение, что если это им позволено будет, то они погибнут для Церкви, так как там будут в руках лейтенанта Гундзи, который очень хлопчет об обращении их в буддизм из опасения, чтобы они не были на руку России, от которой Гундзи взялся охранять Курильскую гряду; от священников же и от общения с японскими христианами совсем будут удалены. — О. Андрей ныне крестил у них двоих, миропомазал троих, крещенных прежде ими самим, исповедал и приобщил всех, и исполнил все другие требы. Хвалит он служение у них Моисея Минато. Просит и вперед вместе с дорожными туда присылать и несколько на гостинцы им (чего я хотел лишь вперед, так как они теперь не бедны — гостинцы же всегда были род помощи), таков-де укоренившийся обычай там — к ним даже и главное начальство Немуро наезжает всегда с гостинцами. Ладно!

О. Павел Кагета пишет, что один католик в Акита, по званию чиновник, просился у него в православие — по отзывам людей, человек этот хороший, уважаемый; свое решение бросить католичество он уже объявил в

газетах. О. Павел сказал ему, что без основательного ознакомления с православием он не может быть принят. Чиновник ответил, что он уже давно изучает православие и хорошо знает его. Тем не менее о. Павел отложил принятие его до следующего своего посещения Акита, посоветовав продолжать изучение.

Отнесся к о. Павлу и другой католик с такою же просьбою, бывший католический катихизатор в Акита, родом из Хиросаки. Этот даже просил прямо принять его и в православие, и на церковную службу. Ему о. Павел объяснил, что на церковную службу можно только выйти из церковной школы, а чтобы попасть в школу, надо заручиться свидетельством местного катихизатора и священника; Хиросаки же находится в приходе о. Бориса Ямамура — к нему пусть и отнесется.

9 / 22 октября 1901. Вторник

Сергий Усигое из Хиросаки уведомляет, что у него усердно слушают ныне учение: жена офицера Василия Озеки, отправившегося в Россию, и Сато, поставщик сапог на армию — первая состоит там учительницей в городской женской школе.

Диакон Тит Кано, из Сендая, пишет, что делает вечернее собрание для христиан и для «сейнен», и просит, для объяснения на них, русских толкований на Апостольские Послания. Отправлено ему толкование на Послание Святого Апостола Павла к Филиппийцам и Солунянам — Епископа Феофана.

Тит Накасима из Ивай-квай пишет, что неурядица между христианами в Ициносеки и Яманоме еще не прекратилась, но что тем не менее христиане собираются на молитвы и являются признаки неослабевающего христианского усердия.

Мы с Павлом Накаем кончили исправление паремий. Еще раз нужно сверить их с русским текстом, еще раз окончательно прочитать, чтобы сгладить шероховатости японской грамматики. Но всему этому мешает то, что паремий не кончены перепиской набело. Пока это будет сделано, мы принялись за исправление перевода богослужения Первой недели Великого поста.

10 / 23 октября 1901. Среда

Петр Ямада из Миядзу пишет, что «по ознакомлении с местными нравами и обычаями находит, что развить там дело проповеди трудно: народ еще не почувствовал нужду в новой религии; а возбуждать в нем это чувство мешает нелюдимость его: заводить с людьми знакомство весьма трудно. Здесь не так, как на севере, где хоть и незнакомый придет, примут его, предложат чашку чая, а потом заведут разговор — здесь

незнакомому в комнату не пригласят, а у двери спросят, что нужно, и у двери же кончат с пришедшим», и так далее. Однако же нашлись и там люди, пожелавшие христианства, и Церковь завелась. Даст Бог, и возрастет. В последние годы, к сожалению, там были весьма плохие катихизаторы, вроде Одагири-молчальника. Петр Ямада может и оживить Церковь, если только сам не потеряет оживляющего его одушевления, которым доселе был не беден.

11 / 24 октября 1901. Четверг

О. Феодор Мидзуно, вернувшись из Омигава с погребения христианки, которую он недавно ездил напутствовать, рассказал о мирной кончине ее: все дни после напутствования была в радостном молитвенном настроении; несмотря на свои молодые лета (двадцать четыре года), нисколько не печалилась, что расстается с жизнью, напротив, радовалась, что Господь берет ее из этого мира; предсказала день своей кончины, в который, действительно, и умерла тихо и радостно, язычники дивятся сему, но этими явлениями Господь призывает и их к Себе.

12 / 25 октября 1901. Пятница

Илья Сато, катихизатор в Акита, более подробно (чем о. Павел Кагета на днях) пишет о католике Исии, просящемся в православие. Человек он очень религиозный, чему свидетельством служит то, что он нынешнее лето все свое время чиновничьих каникул употребил на разъезд вместе с католическим пастором-французом и местным катихизатором по окрестностям, причем и сам говорил проповеди. Впервой он узнал о неправости католичества, по словам Сато, из Сравнительного Богословия (Хикаку-сингаку) нашего перевода, которое нашел в городской библиотеке, и потом, при помощи Сато, стал изучать православие, которое и усвоил всей душой. Помогай Бог ему!

Илья Накагава из Масуда жалуется на равнодушие местных жителей к христианской проповеди, и даже неприязненность, вроде следующей: один стал слушать учение и, по-видимому, усердно; но, послушав немного и поняв кое-что, промолвил: «А, да это похоже на „Киристан-сию“, что в древности было у нас! Нам такого учения не нужно», — и с негодованием ушел. Отзвуки древней католической проповеди и их добрых действий здесь.

13 / 26 октября 1901. Суббота

О. Василий Усуи пишет: «есть у него, в Идзу, христианин, по имени Василий Мита; десять лет тому назад он прогнал свою жену и стал жить незаконно с язычницей; теперь у них уже двое детей, которых отец

озаботился окрестить, нынешняя жена его тоже просит крещения; она давно уже слушает учение и весьма усердно, из другой деревни приходя для того в Касивакубо к катихизатору Иоанну Мори. Можно ли крестить ее?» спрашивает о. Василий. — Конечно! Она не была под христианским законом, когда сходилась с Василием. А Василий пусть еще побудет под епитимией.

Нанес визит Яков Мацудаира (Нива), семейство которого о. Семен Юкава на Формозе принял в Православную Церковь. Налгал с три короба: «он образовал большую компанию для доставления каменного угля на Филиппины американцам, приведет в японское подданство остров, ныне никому не принадлежащий, лежащий между Формозой и Филиппинами», и прочее в этом роде. Между прочим, доказывал необходимость послать катихизатора на Формозу для проповеди находящимся там японцам; один из доводов был такой: «японцы там все народ умный, правда мошенники, такие же как я» — причем я не мог удержаться от смеха, рассмеялся и он, поняв мое согласие с ним...

14 / 27 октября 1901. Воскресенье

До Литургии было крещение взрослых и детей.

За Литургией из русских был генерал Артамонов, служивший председателем военного суда в Порт-Артуре и ныне возвращающийся в Россию, в Киев. Ему и секретарю его очень понравилась наша служба. Говорил, что Манчжурия непременно останется за нами, в силу девиза, выбитого на памятнике Невельскому во Владивостоке: «Где поднят русский флаг, там он не должен быть спущен». Хвалил очень развитие и нравственность китайцев сравнительно с русским воинством и приводил тому разительные примеры.

С двух до трех часов, когда прилив народа в Собор особенно велик, в крещальне, с открытыми двумя дверьми, производилась проповедь для язычников; но слушателей было от семи до пятнадцати человек только, прочие все, посмотрев Собор, уходили. Напрасно усердствовали сначала Тит Косияма, потом о. Феодор Мидзуно, говоря с таким одушевлением и так громко, что у меня в комнате слышно было,— плода, кажется, совсем нет.

О. Яков Такая из Кагосима извещает, что церковный дом там сгорел в пожаре той улицы, где он стоял; это уже второй раз церковный дом в Кагосима истребляется огнем. Несчастье для христиан, да и для Миссии, потому что надо жертвовать вновь.

15 / 28 октября 1901. Понедельник

Ночью в первом часу Василий, ночной дворник, разбудил, говорит: — Оонума (ученик Катихизаторской школы) вернулся из города пьяный, что с ним делать?

- Где же он?
- Стоит у ворот.
- Впусти, разумеется.

Пошел я встретить его; в коридоре нашел двоих учеников, из которых один – старший его комнаты, тоже ожидавших его. Бредет пьяненький; увидев меня, нисколько не смутился, а смиренно сложив руки на груди, подходит: «Сюкёо, благословите! У приятеля в Асакуса засиделся вот»... Вся его фигура была до того комична, что я чуть не расхохотался: велел уложить его спать, а утром сказал о. Феодору Мидзуно, начальнику Катихизаторской школы, чтобы отправил Оонума домой, как негодного для школы. Но, разумеется, поднялись ходатайства и просьбы, кончилось все взятием с Оонума письменного обещания, за ручательством товарищей его, что он вперед в рот не возьмет вина. В добрый час!

Петр Ямада из Миядзу уведомляет, что бонза составляет заговор против христиан – измором извести их: не продавать им, не покупать от них, прекратить с ними всякие отношения.

Яков Ивата из Ханда пишет, что один из христиан впал в религиозное умопомешательство. Хвалится, однако, успехом проповеди: в пяти местах ведет ее.

16 / 29 октября 1901. Вторник

Кирилл Сасаба пишет об успехе проповеди в Оби; слушают его там наравне с протестантским проповедником, который очень недоволен, что, послушавши обоих, отдают предпочтение православию, так к Сасаба окончательно перешел один из давних и усердных слушателей протестантов.

Василий Таде из Оказаки описывает тихую христианскую кончину Марианны Яно, сестры катихизатора Фомы Исида. Благодать Божия, видимо, является в этих спокойных и радостных, полных жизненной надежды кончинах христиан.

17 / 30 октября 1901. Среда

Несчастье смягчает человека. Моисей Исии, гордый старик в Эма, недавно мучивший всю Церковь в Идзу из-за перевода оттуда о. Петра Кано, совсем смирился, пораженный несчастьем – смертью своей замужней дочери Марии: пишет печальное и умиленное письмо, прося молитв о себе и о дочери, прилагает десять ен на поминавание последней – деньги, составляющие сбережения ее самой; просит в сороковой день ее кончины, 4 ноября, отслужить панихиду.

О. Яков Такая спрашивает: «можно ли нынешнее церковное место, находящееся в скученной части города, переменить на другое, на окраину города? Тут-де опасно от пожаров, уже два раза Церковь горела; а на окраине можно приобрести место вдвое больше, продав нынешнее, 90 кубо, подороже?» — Нынешнее место для Церкви очень хорошо; опасность же от пожаров везде есть. Впрочем, и на окраине можно найти удобное место. За глаза трудно советовать. Сами они приобретали нынешнее место, сами пусть и рассудят.

18 / 31 октября 1901. Четверг

О. Павел Савабе говорил, и Хорие потом подтвердил, что «один сендайский землевладелец-миллионер, учившийся в детстве китайскому языку у Саввы Хорие, просит учителя-христианина для воспитания его троих детей и для ведения местной школы. Нет ли такого у нас? Нужен и очень образованный, и очень благочестивый, и за сорок лет». Я положительно такого не знаю — можно бы из катихизаторов выбрать, например, Елисея Като, но они нужны для своего дела. Миллионер сам не обещает сделаться христианином, ему нужно лишь нравственное воспитание для его детей. Советовал указать ему путь для них в нашу Семинарию, где добрая нравственность хранится.

Павел Накаи сочинил надпись для креста-памятника о. Анатолию, которую одобрил о. Павел Савабе, Савва Хорие и все. Посоветовал я поместить в надписи и имя Якова Дмитриевича Тихая, брата о. Анатолия, принесшего, пожалуй (хоть этого я не говорил японцам), пользы Японской Церкви больше, чем слабохарактерный о. Анатолий, — введением здесь хорового пения, переложениями на ноты, и многими прекрасными своими сочинениями для церковного пения. Обещались они учинить совет между собою, и, кажется, согласятся — все были добрые знакомые Якова Дмитриевича. Провинциальных жертвователей на памятник нет нужды спрашивать — едва ли кто был бы против; во всех Церквах пение — памятник его.

19 октября / 1 ноября 1901. Пятница

Был посланник, Александр Петрович Извольский, говорил, что князь Гагарин, нагасакский консул, проектирует постройку в Нагасаки «дома для моряков», где бы они могли, сходя на берег, найти для себя место временного приюта, отдыха, развлечения чтением книг и подобного, и спрашивал (посланник), «можно ли начать в Посольской Церкви при богослужениях сбор в помощь на это?»

Я ответил, что не вижу никаких препятствий к начатию сбора, и спрашивать позволения не вижу причин, так как это будет в согласии с

общерусским церковным обычаем, и на заявленное для всех благотворительное дело.

— А нужно ли спросить разрешение на вынос нынешней домовая Посольской Церкви в отдельное здание, если бы оно могло быть построено? — спросил еще Александр Петрович.

На это следует испросить разрешение Санкт-Петербургского Митрополита, которому подведомы Посольские Церкви. Пусть о. Сергей пошлет к нему план проектируемой Церкви на его благословение и утверждение.

Так как в следующее воскресенье — совпадение двух гражданских праздников: русского (восшествие на престол) и японского (рождение Императора), в которые оба я всегда участвовал в богослужениях, ныне же, отслужив, по обычаю, воскресную Литургию, должен буду: или тотчас же, в виду японцев, разоблачиться, не служа молебен за их Императора, чтобы отправиться в Посольскую Церковь на русский молебен, или же — молиться за японского Императора, не участвуя в молебне за своего, — что делать? Не предпочесть ли последнее? Так как неблагоприятно в глазах японцев как будто бежать от молебствия за их Императора, спросил я в свою очередь Александра Петровича. Он вполне согласился с неблагоприятностью последнего, и даже заявил, что не находит обязательным для меня приезжать в Посольскую Церковь на молебен и в другие наши табельные дни, исключая день рождения Государя Императора, 6-го Мая. Нужно иметь это в виду на будущее время, тем более, что с молебном всегда связан завтрак у Посланника.

О. Феодор Мидзуно привел ко мне протестанта с карточкой Reverend Kitano, хотящего поговорить со мною. Говорил он с полчаса о себе; я молча слушал и нашел, что человек развитый, умный и, по-видимому, искренний. Сущность его речи была, что «в Христа Бога он верует, и никак не хочет утратить этой веры, но в протестантство потерял всякую веру, хотя по необходимости, для пропитания себя и семейства, служит протестантским проповедником, каковая служба его оплачивается. Воспитался он здесь в протестантской миссионерской школе, потом служил катихизатором, потом отправился в Богословскую протестантскую школу в Чикаго, проучился там три года, и вот, вернувшись, проповедует протестантство, но старается не держаться никакой секты, а только вообще христианства: чувствует, однако, что не стоит на своей почве прочно и ищет твердой опоры. От Павла Ниинума он несколько узнал о православии, и нравится оно ему, но он находит два пункта, особенно для него сомнительными, и вот пришел просить разъяснения. Эти пункты: во-первых, православное учение о необходимости Священного Предания, во-вторых, о Пресуществлении в таинстве евхаристии».

Нетрудно было разъяснить его сомнения; после полчаса моей речи он согласился, что действительно необходимо Священное Предание, что без него не стоит и Священное Писание и все христианское учение,

также, что Пресуществление хлеба и вина в таинстве евхаристии есть основная истина в системе христианского учения о воспитании человека для вечной жизни, и согласился, по-видимому, весьма искренно.

На мое предложение поступить для основательного изучения православия в нашу Катихизаторскую школу он поник головой с печальным видом. У него жена и четверо детей — чем они будут жить, пока он станет учиться? Я предложил ему частно, от себя, некоторую помощь на содержание их, он обещался подумать. Не знаю, какой Промысл Божий о нем, но человек он симпатичный и желательный для службы здесь.

20 октября / 2 ноября 1901. Суббота

Во всех учебных заведениях, и у нас тоже, классов не было, по случаю праздника в Сёоконся, на Кудан-зака, в честь павших в Китайской войне. Мы с Накаем не переводили, зато я днем воспользовался, чтобы окончательно приготовить заказ в России книг для миссийской библиотеки. 420 названий новых книг вошло в каталог, на 625 рублей, кроме некоторого количества книг, цены которых мне неизвестны; на это обновление библиотеки пойдут 500 рублей, пожертвованные специально на книги первым секретарем посольства Станиславом Альфонсовичем Полевским-Козелл еще в 1899 году; недостающее Миссия приплатит от себя. Книги все богословские разных отраслей; по естественной религии и философии выписано только 18 названий, на 32 рубля 45 копеек.

21 октября / 3 ноября 1901. Воскресенье.

*Русский гражданский праздник —
день Восшествия Государя на престол;
Японский гражданский праздник —
день рождения Японского Императора*

После Литургии я участвовал здесь в служении благодарственного молебна, по случаю японского праздника, — потому на нашем молебне в Посольской Церкви не был — поздно было бы отправиться (как об этом говорено было с Посланником третьего дня).

Вечером с шести часов был в Семинарии, на ученическом собрании, устроенном в честь рождения Императора. С меня попросили распорядиться вечера несколько более, чем обыкновенно получают от меня на симбоквай, — дал я семь ен за принесенный ими билет. Не знаю, сколько они еще собрали за свои билеты с своих же товарищей и с учителей, но праздник устроили великолепно. В столовой портрет Императора убран был зеленью и флагами; пред ним устроено было возвышение для ораторов и музыкантов; стол для почетных гостей (учителей и прочих)

уставлен был цветами, плодами и печеньем; для учеников тоже было порядочное угощение; кроме съестного, всех угощали чаем. Ораторы, в том числе Иван Акимович Сенума, начальник Семинарии, по обыкновению, отлично говорили. Но главное удовольствие составила музыка, она была двух родов: игра слепца на «сяку-хаци» — бамбуковой флейте, и игра с пением героических рассказов на «бива». Слепец играл сначала до слез печальную мелодию, потом начал представлять звуки разных животных: кошачий концерт, драку кошек с собакой, пение петухов, драку лошадей — все, что называется, животики надорвали от хохота; пародировал он также иностранную военную музыку и прочее. На «бива» разыграны были две сцены: встреча Кенсина с Сингеном, когда Кенсин напал на Сингена у реки, и последний парировал удары сабли военным веером; и удачный выстрел в веер со стороны войска Иосицуне, когда он дрался с фамилией Таира у берегов Киусиу. Оба музыканта были превосходные артисты своего рода; за труд свой они, конечно, получили некоторую благодарность от учеников, но не думаю, чтобы много.— Из говоривших речи меня особенно поразил Павел Ёсида, один из старших учеников, родом из Кагосима. Дано было ему на речь только пять минут — время, когда ожидали выхода музыканты с «бива»,— и он воспользовался этим кратким промежутком, чтобы ходатайствовать за свою Церковь: «Церковный дом в Кагосима недавно сгорел; это уже второй раз, что пожар истребляет там церковный дом; построен был теперь сгоревший дом, главное — на пожертвование русских моряков; военное судно случилось в Кагосима, после первого пожара, и моряки собрали на возобновление погоревшей Церкви триста ен; теперь там русского судна нет, и неизвестно, придет ли — помощи с этой стороны не предвидится; а церковный дом нужен в Кагосима»,— просит он своих товарищей пожертвовать на это. Ну что могут дать ему товарищи, почти все — бедные ученики, и у тех просит помощи! Так близка ему к сердцу нужда его родной Церкви!

Вечер кончился за девять часов пропетой молитвой, которой и предварен был. Все велось в полном порядке и приличии — распорядители, из которых главные были Акила Кадзима и Иван Момосе, управляли всем отлично.

22 октября / 4 ноября 1901. Понедельник

Утром отправился в Иокохаму разменять в банке пришедшую на содержание Миссии ассигновку из Казны на первое полугодие 1902 года. В вагоне пришлось сидеть вместе с нашим Морским агентом Александром Ивановичем Русиным и двумя русскими дамами. Рассказывая им, как вчера ученики праздновали свой национальный праздник, я упомянул и об Ёсиде с его речью за кагосимскую Церковь и заключил рассказ

об нем вопросом Александру Ивановичу: «Не придет ли в Иокохаму какое-либо наше военное судно, чтобы тоже попросить у него на погорелье?» Он ответил: «Не знаю, придет ли, но от флота, во всяком случае, на кагосимскую Церковь триста ен опять будут — приходите ко мне завтракать, там об этом поговорим». Когда я, кончивши в банках, пришел к нему, он подал мне приготовленный на триста ен чек — его пожертвование на Церковь в Кагосима. Вернувшись домой, я призвал Павла Ёсида и сообщил ему, как Господь благословил его усердие. Он в волнении встал и молитвою возблагодарил Бога.— Триста ен и еще от меня сто тотчас же переданы в канцелярию для препровождения к о. Якову Такая вместе с советом — не переменять нынешнее церковное место, как весьма удобное, на другое, хоть бы и более просторное, но удаленное от центра города.

23 октября / 5 ноября 1901. Вторник

О. Петр Ямагаки прислал пространное описание своей поездки по Церквам — Камаиси, Ооцуцу, Ямада и прочим. В Камаиси надежды много, но катихизатора нет; в Ямада катихизатор Павел Кубота очень беден, просит ему прибавки жалованья, и подобное.

24 октября / 6 ноября 1901. Среда

О. Матфей Кагета, по своему обычаю, сетует на плохое состояние своих Церквей (хоть у него не хуже, чем у всех других), и тут же, на особом листке, для передачи в редакцию, рассказывает о чудесном знамении, бывшем недавно в Тоёхаси: отчаянно больной и уже всеми приговоренный к смерти христианин Исаак Ито, с усердием приобшившись Святых Тайн Тела и Крови Христовой, тотчас же потом стал поправляться и скоро совсем выздоровел к изумлению врачей и к славе имени Христова между верующими. По моему наставлению священникам, данному на бывшем Соборе, о. Матфей извещает ныне об этом всей Церкви.

Вышла из печати и принесена сброшюрованная книжка «Итанся кийсейсики» — «Чин присоединения к Православной Церкви католиков и протестантов», ныне переведенный мною с Павлом Накаем. До сих пор священники, при присоединениях, имели лишь письменные наставления.

25 октября / 7 ноября 1901. Четверг

Незначительные письма, не без просьбы, однако, о деньгах; так, Василий Ивама, катихизатор в Такасидзу, которому недавно поручен присмотр за Церквами в Мияно и Цукитате, за выбытием со службы

Алексея Имамуре, просит пять ен дорожных в сии Церкви — при три ри расстояния ровной прекраснейшей дороги; дано две ены в месяц.

С двух до пяти часов — в библиотеке за приведением в порядок и внесением в каталог книг, накопившихся из переплета.

26 октября / 8 ноября 1901. Пятница

О. Вениамин очень обрадовал письмом: по-видимому, начинает выправляться; пишет, что служил по-японски с помощью Василия Мабуци (бывшего катихизатора, ныне служащего чиновником в Нагасаки), и ощутил от этого большое удовольствие, просит все богослужебные книги, какие есть на японском, стихарь и прочее. Все, конечно, тотчас же к нему отправлено. Жалуется на безобразное поведение какого-то русского священника, учинившего пьяным сцену на улице к удовольствию собравшейся толпы, — говорит, что это не впервой, и просит принять меры к прекращению этого позора. — Но что же я могу сделать? — Прислал план Церкви, предположенной к устройству из нынешней часовни при госпитале, и просит утверждения его, но в то же время упоминает, что постройка уже производится. — Письмо на больших листах, высокопарнейшим и официальным тоном, с длиннейшими прилагательными. Я заметил ему в ответе, что писал бы проще, что единое на потребу — дело, которым ныне и обрадовал. Просит катихизатора; на это ответил, что, к несчастью, нет оного. Впрочем, пока и не нужен там.

27 октября / 9 ноября 1901. Суббота

О. Андрей Метоки письмом из Немуро уведомляет, что Церковь там в оживленном состоянии — новый катихизатор Максим Обата принят христианами с любовью, трудится и оказывается хорошим катихизатором, несмотря на то, что лишь из школы; просит на зимнее платье ему, ибо жизнь-де особенно дорога там, на платье не хватает жалованья, а зима очень холодная. — Послано тотчас же Максиму десять ен на зимнее платье.

Пишет еще о. Метоки, что христиане селения Вада, в трех ри от Немуро, просят поставить для них катихизаторским помощником Петра Танака. А Петр Танака просит, если просьба христиан будет уважена, позволить ему предварительно побыть в Катихизаторской школе с ноября по май, чтобы и более узнать вероучение, и узнать порядок отправления богослужений; в другие месяцы-де он, как земледелец, не может. Обе просьбы о. Метоки усиливает приложением к ним своего ходатайства. — Сейчас же дана телеграмма Петру Танака, чтобы прибыл в школу. Его я лично знаю как человека весьма благочестивого. Ему ныне лет пятьдесят; в молодости он два года учился в протестантской епископальной школе, готовясь в протестантские проповедники; но обстоятельства

послужили к обращению его в православие, что он считает благим промыслом Божиим о его спасении, и за что не перестает благодарить Бога. Когда я был в Немуро и Вада, он не отходил от меня все время при всех проповедях и богослужениях, и, когда уезжал я, попросил принять его единственную дочь в школу, отдавая ее вполне в распоряжение Церкви, с желанием, чтобы она посвятила потом жизнь свою на служение Церкви: «Мне не привел Бог быть служителем Церкви, так пусть моя дочь послужит, сколько может, за меня, сделавшись монахиней, или же вышедши замуж непременно за служителя Церкви, чтобы участвовать в его служении, насколько это дано жене», — были его речи о дочери, когда он поручал ее мне. (Она и учится ныне здесь в школе).

Исии Августин, католик, просящийся в православие, трогательное письмо прислал, в ответ на посылку ему мною Нового Завета. Видно, что усерден в вере. Впрочем, написано о Павлу Кагета, при отправлении ему «Чина присоединения» третьего дня, чтобы всевозможно испытал Исии и допустил его в Церковь только тогда, когда окажется без всякого сомнения вполне понявшим различия православия и католичества, и совершенно искренно отдавшим предпочтение первому, а также ясно усвоившим все главное в учении православия, иначе пусть отложит присоединение его — торопиться не к чему.

28 октября / 10 ноября 1901. Воскресенье

Некто Хосино, педагог, приходил для беседы о способах исправления недостатков в воспитанниках: «злого и непослушного как исправить?», «рассеянного как?» По мере разумения, преподавал ему советы. В конце разговора коснулись Христианской веры — что вот и здесь, к исправлению воспитанников ему очень сильным орудием могло бы служить христианство — если бы он внушил своим питомцам, что у них, кроме земных родителей, есть Отец Небесный, любящий их, постоянно назидующий их и так далее. Тут оказалось, что Хосино сам христианин, но утративший веру в Личного Бога, а верующий в какую-то мировую безличную силу. Был он протестантом, сначала одной секты, потом другой, наблюдал и все прочие секты; видел везде неопределенность учения, на всякий богословский серьезный вопрос и на неудовлетворенность ответом ему говорили: «у тебя есть свой разум — понимай, как знаешь», так он и изверился, и оказался стоящим в пустоте. Обычное дело с протестантами. Был потом разговор о Личном Боге-Творце. В заключение дана ему Догматика, с советом почаще приходиться для беседы.

29 октября / 11 ноября 1901. Понедельник

На днях майор Дюс Армии Спасения писал мне, что полковник Bul-lard (of the Salvation Army) желает видеть меня, и спрашивал, в какое

время можно? Я ответил: с трех до пяти р. т.; но предупредил, что, при всем сочувствии моем их благотворительному делу призрения выпущенных из тюрьмы (discharged prisoners) и прочего, много не могу помочь им, так как Миссия сама wholly depends on the special donations for it!

Сегодня в три часа и явились оба — полковник Bullard и майор Duce, одетые в японское платье, только с виднеющимися из-под него шитыми перевязями через плечо. Полковник скромного и смиренного вида, майор побойчее. Стали сначала спрашивать об условиях, на каких Миссия владеет своими участками земли; «они-де тоже хотят приобрести землю, так — для сведения им». Но лишь только я заговорил об условиях, оказалось, что они отлично знают все, и в наставлениях не нуждаются. Я прямо перешел к главной цели их визита: вытащил десять ен и дал на содержание discharged prisoners, сказав, что это из моего частного скудного жалования и что больше нисколько дать не могу. Они, видимо, обрадовались и этому. Потом в течение разговора сообщили, что у них уже четыреста человек их армии здесь, в том числе семьдесят офицеров из японцев и японок, что их учение в главных чертах общепротестантское, но без всяких таинств и прочего. В заключение попросили потворить совместную молитву, на что я встал и, обратившись к образу, прочитал по-русски молитву Господню, а они, преклонив колена и положив голову на стол в сложенные руки, по-протестантски помолились.

О. Яков Такая пишет: «За нынешнее церковное место сосед дает тысячу шестьсот ен да шестьсот ен они имеют страховой премии за сгоревший дом. На эти деньги (о четырехстах енах, посланных отсюда, о. Яков еще не знал) хотят они купить более пространную землю, продающуюся неподалеку, тоже в хорошей части города,— христиане все на это согласны, кроме одного; за эту землю просят две тысячи ен, так что у них останется несколько и на постройку Церкви. Прежнее же место, поистине, тесно, да сосед построил отхожее место выходящим на него. Совсем неудобно. Итак, будет ли мое одобрение на перемену церковного места?» — спрашивает. Так как о. Яков упомянул, что воспитанник Павла Ёсида знает место, предполагаемое к покупке, и от него можно подробнее осведомиться, удобно ли оно, то я призвал Иосида и велел ему купить карту города Кагосима, и по ней показать мне, где место. Он принес карту, и по рассмотрении оказалось, что новое место, действительно, будет не менее удобно для Церкви, чем нынешнее, оно тоже в населенной части города, только там, где живет дворянство — квартал менее людный, чем простонародный, но и менее шумный, более приличный для построения Церкви. Итак, отвечено о. Якову, что и мы здесь паходим указанное место желательным к приобретению.

30 октября / 12 ноября 1901. Вторник

Явился Гордий Сиина, вчера прибывший из России, где в Петербургской Духовной Академии кончил курс. Обучался он там не от Миссии, а

сам по себе, по благосердию русского духовного начальства, допустившего его к продолжению учения сначала в Иркутской Семинарии, потом в Казанской и Петербургской Академиях. На дорогу сюда ему тоже дали из Синода четыреста рублей, что, однако, не мешало ему выпросить в долг еще на дорогу от протоиерея Смирнова в Лондоне пятнадцать фунтов стерлингов, и в Нью-Йорке от какого-то русского батюшки двадцать восемь долларов. Нужно отдать ему справедливость: умеет добиться своего; по выходе из здешней Семинарии вследствие возмущения, довершения своего образования добился.— Служить Миссии он официально не обязан, так как не давал этого обещания, отправляясь в Россию, (хотя нравственно лежит на нем долг — служить Церкви, которую был воспитываем здесь в России); и предлагать себя на службу Миссии, кажется, не намерен. Сегодня на мой вопрос: «где думаете служить?» ответил: «еще не знаю». Но — и не желателен для службы здесь, правду говоря; сильно пахло от него водкой — для первого же свидания, недаром Преосвященный Сергей писал, что «Сиина пьянствует». — Говорит по-русски не совсем свободно. Суждения иногда топорно-грубые (Митрополит Антоний — «развитый человек»). Отправился к себе на родину, в Симооса.

31 октября / 13 ноября 1901. Среда

Были: генерал Иванов, с ним три офицера, все — приехавшие на японские маневры по приглашению японского военного ведомства, и Глеб Михайлович Ванновский с детьми. С маневров они только что вернулись, и Ванновский, отчасти и генерал, жестоко критиковали японское воинство. Глеб Михайлович, по обычаю, владел речью, говорил хорошо, но в неизменном своем пессимистическом тоне.

О. Василий Усуи описывает свою поездку по Церквам, хвалился их оживленным состоянием, — совершил несколько крещений.

1 / 14 ноября 1901. Четверг

Был язычник Кавано (из Симооса), что по временам жертвует довольно большие деньги в Соборе. На этот раз принес двадцать ен и оставил вместе с ящиком конфет на кафедре в Соборе. Когда мне сказали о нем, я пригласил его к себе, подарил наш Новый Завет в золотообрезном переплете, несколько новых брошюр и вновь убеждал его позвать проповедника к себе в деревню, чтобы и самому хорошо познакомиться с Христианским учением, и другим сообщить его. В этот раз он охотно согласился на это, уверял, что в его местности много найдется слушателей, и обещал известить, когда настанет удобное время для проповеди, так как народ еще занят полевыми работами. Я обещал ему прислать о. Феодора Мидзуно для проповеди и тут же свел Кавано с ним, чтобы

они договорились. До деревни Кавано всего два часа по железной дороге от Токио. О. Феодор может несколько раз в неделю бывать там, лишь бы Кавано исполнил свое слово — способствовать открытию проповеди там.

2 / 15 ноября 1901. Пятница

О. Игнатий Мукояма пишет, что у него двое детей больны дизентерией; Лука Ясуми, катихизатор, пишет, что у него двое детей в дизентерии... Что за наказание еще — эти болезни у служащих Церкви! И сколько на них экстренных расходов! Послано и сегодня о. Игнатию десять ен, Ясуми семь ен.

О. Петр Сибаяма пишет, что «И. Инаба и ссорится с христианами, и болен — совсем для проповеди не годен». Вызвал он его с места проповеди в Нагоя — а оттуда, вероятно, скоро прилет сюда — и будет он возвращен в Одавара, на родину, как негодный для служения Церкви. Хорошо, что еще не принят в число служащих, а делается ему только испытание. Споткнувшийся и сломавший ногу конь воза не повезет — и напрасно его суют и сам он ломится в упряжку.

3 / 16 ноября 1901. Суббота

Старая американка, учительница глухонемых, нанесла визит и без малейшей остановки проговорила час про свои методы лечения от глухонемоты, расхваливая их; надоело слушать, и я без церемонии вынул часы и сказал, что с этой минуты должен быть занят другим. Был с визитом — маркиз Оимикадо, у которого домоправителем христианин Сидо, отец ученика Катихизаторской школы; элегантный и умный молодой человек; подарил ему Новый Завет и несколько других христианских книг, с внушением заняться изучением Христианского учения, что он обещал сделать — впрочем, кажется, только из вежливости.

Диакон Яков Мацуда сообщил, что князь Стефан Доде опять захворал: показалась кровь из горла, и он слег. Но на этот раз, уже как христианин, он так спокойно принял свою болезнь, что удивил и доктора, и всех родных — все они рады, что он, ко благу своего слабого здоровья, сделался христианином; и брат его, по этому поводу, сделался усердным слушателем Христова учения; мать тоже расположена к этому. Стефан, в свою очередь, радуется этому, горит усердием к водворению христианства в своей семье и среди других родных и просит молитв о сем и о себе. Благодать Божия, видимо, царит в его сердце — и да не оставит она его никогда!

4 / 17 ноября 1901. Воскресенье

В Миссии получено правительственное оповещение о привилегии, даваемой духовенству «буддийскому, синтоисскому и христианскому»,

отправляющемуся на остров Формозу для проповеди: «начальникам сект буддийских и синтоисских» предоставляется на пароходах даровой проезд на Формозу в первом классе, всем прочим делается «нивари» (две десятых) скидки с платы за проезд.— Хоть не лестно Христианству быть поставленным наравне с буддизмом и синтоизмом, но важно явное покровительство, оказываемое правительством христианской проповеди.

Уныние навел своим письмом Павел Соно, бывший катихизатор, теперь участник в издании газеты в Кумамото. Охладел к вере до того, что и христианским именем себя не называет, а языческим прежним — Мотонори, однако же и не без некоторого участия к православию. Описывает блестящее положение протестантства и католичества в Кумамото. У католиков, по их словам, пятьсот христиан; правда или нет, Мотонори не знает; но в воскресенье в Церкви до шестидесяти человек собирается. У протестантов в последнее их большое проповедническое движение только приобретено до пятисот человек, из которых половина, наверное, делается настоящими христианами. У православных же в субботу человек шесть бывает на богослужении, в воскресенье — два, или и никого. Есть несколько новых слушателей, но только в домах христиан или их родственников... Словом, православие далеко позади иностранных в Кумамото, да и на всем Киусиу.— И это правда. Но что делать, чем помочь? Послать бы людей получше сущих там, но ни единого человека нет. О. Вениамина из Нагасаки направить бы в Кумамото и другие Церкви на Киусиу? Рано, еще языка не знает. В будущем году, даст Бог, можно это сделать, если только о. Вениамин удержится в том миссионерском настроении, какое заявил в последнем письме.

5 / 18 ноября 1901. Понедельник

О. Андрей Метокси прислал очень обстоятельное описание своей поездки по Церквам — в Немуро, Сикотан, Куширо и прочие. Отдано для напечатания. Если он и вперед будет так внимателен к своим Церквам и своему делу, то счастье для тех Церквей и для него. Христиане его Церквей, по его описанию, усердны к вере, особенно сикотанцы и христиане Куширо; проповедники усердны к службе, особенно Моисей Минато.

Пимен Усуи, семинарист, приходил на костылях из госпиталя Сато, где лечится. Бедный юноша! Страдает за грехи кого-то из своих предков, поселившего болезнь в своих потомках до пятого рода.

6 / 19 ноября 1901. Вторник

Стефан Тадзима из Коофу пишет, что «проповедь там малоуспешна — народ плохо расположен к религии — и у протестантов, при всех их

стараниях мало успехов, а у католиков совсем плохо». С удовольствием описывает он твердость в православии Андрея Уено, двадцать лет тому назад учившегося в Семинарии и живущего в селении недалеко от Коофу, где других христиан нет; протестанты немало старались свратить Уено, но безуспешно.

Григорий Исида, катихизатор в Оомия, просит пять ен помощи на лечение матери — бедная старуха по неосторожности упала со второго этажа и сильно расшиблась. Послано.

7 / 20 ноября 1901. Среда

Обер-прокурор Константин Петрович Победоносцев прислал письмо, писанное к нему лондонским протоиереем Смирновым с надписью: «так как к вам едет кандидат, то вот о нем». В письме описывается, как Гордий Сиина прибыл в Лондон голодным, нищим, и как о. Смирнов отправил его в Америку, употребив на то пятнадцать фунтов стерлингов, которые и просит Константина Петровича уплатить ему из синодских сумм.

Этот Сиина оказывается большим нахалом и лжецом. Мне говорил, что в Петербурге выдано было ему четыреста рублей на дорогу, а о. Смирнову сказал, что выдано было ему двести пятьдесят, и те почти все он истратил на ушлату своих долгов. Из Парижа его тоже Русское Посольство на свои деньги выслало в Лондон. А в Америке опять же деньги на дорогу занимал. Куда же он дел четыреста рублей? И ведь выезжал везде на Миссии и Японской Церкви — значит, позорил их, тогда как Миссия и Церковь не имеют никакого отношения к его пребыванию в России и его странствиям.

8 / 21 ноября 1901. Четверг

Капитан Василий Павлович Озеки прислал письма к о. Павлу Сато и господину Сенума, что благополучно доехал до Петербурга, и там познакомился с сотрудниками Миссии и Преосвященным Сергием, которые любезно его приняли, даже имел случай принять благословение Высокопреосвященного Митрополита и о. Иоанна Кронштадтского. Переводчиком ему служит Феодор Янсен, о котором упоминает, что он в Академию поступил.

Ровно двадцать один год, как вернулся в Японию после второй поездки в Россию. Время течет быстрее воды. Впрочем, слава Богу за все!

9 / 22 ноября 1901. Пятница

Послал сто ен на матросский дом, устраиваемый консулом князем Гагариным в Нагасаки. Не все же на японцев, хоть легту на своих — совсем не против этого.

Был с первым визитом князь Кудашев, приехавший служить первым секретарем в Посольстве вместо Поклевского, переводимого советником в Лондонское Посольство. С князем приехала его сестра.

*10 / 23 ноября 1901. Суббота.
Японский праздник*

Учащиеся отдыхали. Мы с Накаем не переводили; зато я отлично занялся в библиотеке перепиской в каталог накопившихся от переплета книг. А с часу пополудни до пяти ученики проморили своим концертом. Давало оный «Православное Общество молодых людей» (Сейкё Сейнен-квай), в котором главный элемент составляют семинаристы. Концерт был благотворительный, чтобы собрать несколько на нужды самого же этого Общества: на книги для чтения и подобное. Производился в столовой Семинарии, где устроены были подмости, устланные ковром, и расставлены скамейки, классные же, для публики. Билеты были по пятидесяти сен и по тридцати. Дверь в кухню и вся эта стена завешана была откуда-то добытым полотном с белыми и красными полосами и украшена зеленью и цветами; вокруг сцены тоже было много цветов; на возвышении стояло фортепьяно, принесенное из Женской школы. Программа состояла из пения и игры на разных инструментах. Пели: три раза – хор одних учеников, три раза – совместный учеников и учениц, и раз – соло – по-английски пропел песенку один ученик городской певческой школы. Играли по два раза на фортепьяно, скрипке, кото – слепцы, и на бива с пением героических рассказов. Порядок был полный; публики полна зала; из русских, кроме меня и Д. К. Львовского, была только жена Смысловского, учителя русского языка в правительственной школе. Начался концерт пением молитв «Царю Небесный», кончился пением «Достойно», причем все вставши молились. Выручил концерт небогато: по очищению расходов, как то: платы приглашенным артистам на кото, бива и подобном, осталось двадцать ен, говорил Василий Ямада, председатель Общества.

Позволяется это концертное удовольствие учащимся, потому что оно учебного времени у них не отнимает: всего-то несколько спевков в свободные от занятий часы. А маленькие хлопоты, сопряженные с устройством концерта, составляют такое невинное и здоровое развлечение для них.

Павел Мацумото, катихизатор в Отару, телеграммой известил о смерти своего сына Иоакима, кажется, последнего своего ребенка. Жаль бедного! Все дети у него перемерли. И вот отдаленное печальное последствие разврата: отец Павла, по словам секретаря Нумабе, земляка его, страдал венерической болезнью, следы которой перешли на Павла, который, ни в чем не повинный, и в молодости постоянно должен

был пить лекарства; слабость его и переходит к детям, которые, вот уже четверо, померли в младенчестве или отрочестве.— Была у меня мысль сделать Павла священнослужителем за его долгое усердное служение Церкви и всегда доброе поведение; но, кажется, нужно удержаться от этого; не беспорочен телом, хоть и невинен; Нумабе говорил, что близко знающие его всегда устранились от близкого общения с ним, как с зараженным; для священства такой не годится. Я не знал всех этих, неудобознаваемых интимностей, потому что Павел Мацумото здесь в Катихизаторской школе не учился, а вышел в катихизаторы из-под руководства хакодатских миссионеров.

11 / 24 ноября 1901. Воскресенье

В Церкви было много матросов с русского крейсера «Россия», третьего дня пришедшего в Йокохаму; у икон подсвечники были полны свечами, в назидание японцам, мало-помалу начинающим перенимать этот обычай благочестивого усердия.

Из Церкви заходил старший брат Стефана Доде, преусердно изучающий Христианство и уже просящий крещения, хотя оно для него еще рано; каждый день слушает катихизацию от диакона Якова Мацуда, а в прочее время с христианскою книжкою не расстаётся; в доказательство чего вытащил из кармана книжку и показал со словами: «Вот, когда ехал в Церковь, читал». Помогите ему Бог!

12 / 25 ноября 1901. Понедельник

Дошли мы с Накаем до перевода ирмосов на утрени в субботу Первой недели Великого поста — что за трудности! В иных тропарях просто смысла не доберешься. Как бы нужен был перевод богослужения на русский язык! Вот такие ирмосы ведь так и читают, не понимая что, и это уже целые века. Пора бы позаботиться о понимании.

13 / 26 ноября 1901. Вторник

Был хакодатский консул М. М. Геденштром. Рассказывал, между прочим, о жалком положении католических траписток, поселившихся недалеко от Хакодате,— три монахини уже с ума сошли и отправлены в Европу, две японки учились подвигу — те тоже с ума сошли. И неудивительно. Летом, при ужасном множестве там москитов, защищаться от них пологом им не дозволяется; зимой, при сильных тамошних холодах, согреть жилье не позволено; встают ежедневно в два часа утра; с миром — полное разобщение. Траписты не вдаются в такие крайности и потому

благоденствуют. Продают уже произведения своих трудов: масло, сыр и прочее; имеют довольно большое училище мальчиков, японских.

Илья Сато, катихизатор в Акита, извещает, что о. Павел Кагета посетил Церковь и принял в православие просившегося чиновника Исии; имя — Августин — которое носил он в католичестве, переменял на Павла; присоединен через миропомазание, которое в католичестве еще не было преподано ему. Три патера собрались в Акита увещевать его не оставлять прежней веры, но убедить его не могли. Дай Бог ему навсегда такую твердость спасительной веры! Илья Сато пишет, что маленькая Церковь в Акита была обрадована и ободрена этим случаем.

14 / 27 ноября 1901. Среда

День рождения Императрицы-матери; и потому располагал было отправиться в Посольскую Церковь служить молебен, но посланник дал знать через о. Сергия Глебова, что не приглашает меня. Что делать! Церковь домовая — без приглашения не войдешь — тем более, что служба там всегда связана с приглашением на завтрак, что составляет большое неудобство. На этот раз, должно быть, за столом места не было для меня, так как много офицеров с «России» имели быть у посланника. В сущности, я был очень доволен, так как не было помехи занятиям.

15 / 28 ноября 1901. Четверг

О. Борис Ямамура пишет еще о католике, просящемся в православие, — это некто Сакурада в Хироаки, из дворян; служил когда-то у католиков катихизатором, но из-за чего-то рассорился с ними и уже несколько лет не имеет с ними общения. Но, пишет о. Борис, по всем отзывам — человек достойный. Ему уже за сорок лет. И просится он не только в православие, но и прямо в Катихизаторскую школу, имея желание посвятить себя на служение Церкви; семейные отношения его не представляют к тому препятствий. — Нужно посоветоваться с наставниками, принять ли его теперь в школу.

16 / 29 ноября 1901. Пятница

Наставники нашли, что теперь неудобно; пусть, если желает, поступит с начала курса, в сентябре будущего года. Так и отписано о. Борису.

Жена о. Игнатия Мукояма пишет за него, что он болен до того, что не мог отправиться посетить свои Церкви, а должен был просить сделать это вместо него оосакского священника, о. Сергия Судзуки, который и исполнил просьбу. Пишет еще Лукия, что слушателей учения в Окаяма теперь много у катихизатора Лина Такахаси и что недавно пять человек наученных крещено.

Много и тревожно я думаю теперь, как напечатать службу Первой недели Великого поста? Сполна нельзя — слишком обременительно для новых христиан. Что сократить? Из песней на утрени какие стихи оставить при тропарях? Нужно, чтобы полный смысл был и в каждом стихе, и в полном составе их, а всю песню напечатать нельзя. Кафизмы как? И прочее. Вразуми, Господи, сделать во славу Святого Имени твоего и во спасение ближних!

17 / 30 ноября 1901. Суббота

Нагасакский консул князь Гагарин пишет, что предпринятый им матросский дом почти готов, что он ныне задумывает еще постройку и основание русской школы в Нагасаки для русских детей, и вместе — для образования из японцев переводчиков; просит советов на этот предмет. Просит еще принять какие-либо меры, чтобы русские священники, служащие на судах, заходящих в Нагасаки, не компрометировали русское духовенство своим поведением — уже три случая было при нем, что пьяные батюшки, сходя на берег, учиняли скандал, к удовольствию собравшейся вокруг них публики. — Придется написать об этом Высокопреосвященному Антонию, Санкт-Петербургскому Митрополиту, и просить, чтобы на заграничные суда назначали священников с более тщательным выбором, — больше что же я могу сделать? Что до школы, то за двумя зайцами гнаться не следует; а если он для русских детей оснует школу, чтоб избавить их от поступления в католические заведения и от соращения в католичество, то это будет великое благодеяние; и он может, с его именем и связями в России. Помоги ему Бог!

18 ноября / 1 декабря 1901. Воскресенье

Написана публикация в наши периодические издания, что с нового года открывается Женская школа при Церкви в Кёото — пусть заявляющие желающие поступить в нее из южных Церквей; дочери служащих Церкви будут воспитаны на церковный счет; прочие на своем иждивении и прочее.

Яков Китагава, старик, бывший когда-то начальником Семинарии, просил последнего благословения в сем мире — посетил его сегодня; действительно, больше уже не придется благословить — совсем при смерти, к которой на днях приготовился святыми таинствами и которую ожидает с христианским благодушием.

19 ноября / 2 декабря 1901. Понедельник

О. Петр Сибаяма пишет, что принужден был снять Иоанна Инаба с его поста, — рассорился с христианами и стал пить. Значит, на меченом

коне далеко не уедешь. Впрочем, о. Сибаяма еще хочет испытать его, держа около себя. Зилот же Моки за год в Хакодате ничему не научился — «совсем не опытен в проповеди», пишет о. Петр. Хочет он взять у о. Мии Петра Ямада из Миядзу, но о. Мии едва ли отдаст, да и не следует.

Был молодой человек Юаса, из штаба газеты «Ямото-симбун», спрашивал о вере, о различии православия, католичества и протестантства, и прочее. Удовлетворил его, насколько можно в часовую беседу, и снабдил православными книгами. Религиозные вопросы все более и более занимают текущую прессу. В добрый час!

20 ноября / 3 декабря 1901. Вторник

О. Павел Кагета представил прошение вдовы Иоанна Ямагуци о назначении ей пенсии и просит за нее. Глупые! Так и всех вдов посадят на церковное содержание! Иоанн Ямагуци только что вышел на службу и не только не оказал какой-либо заслуги Церкви, а постоянно был в особенную тягость ей, вечно прося сверх содержания на лечение то себе, то жене. И после всех бесполезных трат на его образование и содержание с лечением еще теперь взять на содержание его вдову и только что родившегося ребенка! Отвечено: вдовы служащих Церкви имеют право на попечение об их содержании только тогда, когда 1) их мужья долго служили Церкви и оказали заслуги; 2) оставили после себя несколько малолетних детей, так что вдове не под силу пропитывать их трудом рук своих; 3) у вдовы с детьми нет родных, которые могли бы содержать их. Вдова Ямагуци не подходит под сии правила.

21 ноября / 4 декабря 1901. Среда. Праздник Введения

Служба в приделе Введения. Христиан из города очень мало. О. Тит Комацу просит принять в Катихизаторскую школу одного, да еще и некрещеного, — из Канума. Никак не вдолбишь священникам, что в школы можно принять только в определенное для того время, а не среди года! Послан отказ, как о. Борису на днях.

Павел Ниицума в компании с одним христианином открыл в своей деревне школу для глухонемых; компаньон будто бы изучил европейские методы обучения глухонемых всему. Прислал воззвание и программу.

22 ноября / 5 декабря 1901. Четверг

Учитель гимназии в Казани Горталов пишет, что собирается будущим летом с учениками сделать путешествие в Японию и просит сведений о ценах здесь и прочем. В запрошное лето он путешествовал с учениками

в Палестину, в прошлое с двадцатью учениками по Европе, теперь собирается в Азию. Милости просим! Сведения будут посланы.

Отбоя нет от просящихся в Женскую школу. Из Минато две просятся усиленно. Написано, что если на их содержании, то будут записаны в кандидатки на поступление; пусть уведомят, могут ли содержаться сами, так как на церковный счет принимаются только дочери служащих Церкви.

23 ноября / 6 декабря 1901. Пятница

О. Симеон Мии извещает, что 1 декабря совершено водоосвящение в новопостроенной Церкви в Кёото для освящения ее и начато временное совершение богослужения в ней. Это было праздником для кёотских христиан; они очень радовались и написали мне приветственное по этому случаю письмо, которое о. Симеон и прилагает.— Дай Бог, чтобы поскорей пришел иконостас из России для полного устройства Церкви!

24 ноября / 7 декабря 1901. Суббота

Был у посланника попросить его доброго участия к Горталову с гимназистами, если они приедут будущим летом в Японию, чтобы он попросил удешевления им проезда по железным дорогам, облегчения осмотра достопримечательностей и прочего. Посланник любезно обещал сделать все, что будет зависеть от него.

25 ноября / 8 декабря 1901. Воскресенье

До Литургии крещены несколько человек, в том числе старший брат князя Стефана Доде, нареченный в святом крещении Лукою. За Литургией оба брата приобщены Святых Тайн, вместе с многими другими причастниками.— Между другими гостями после Литургии был Иоанн Исида, судья в Сидзуока, и говорил, этот город — плохое место для проповеди, у нас там Церковь не процветает, несмотря на присутствие там священника; но и у других то же: католики совсем не видны, протестанты, сколько ни шумят и ни стараются, также почти совсем без плода. С двух часов сказал лекцию в «Сейнен-квай» о миротворении.

26 ноября / 9 декабря 1901. Понедельник

Сергий Усигое, катихизатор в Хиросаки, просит за того же Сакурада, о котором недавно писал о. Борис,— принять его в Катихизаторскую школу; хвалит его китайскую ученость, его честность, но беден-де очень.

Отвечено то же, что о. Борису — с девятого месяца может поступить, теперь — нельзя.

Гордий Сиина приходил проситься на церковную службу, говорит, что искренно желает служить Церкви, не имел намерения искать другой службы, что и отец его советует ему служить воспитавшей его Церкви. — Я обещал поговорить с наставниками Семинарии о нем и после дать ответ.

После пришел Иван Акимович Сенума и сообщил, что Сиина уже объяснялся утром со всеми наставниками, и они желают, чтобы он поступил в число их, так как с набором нового курса в Семинарии решительно необходим еще наставник. Сенума поэтому просит от лица всех наставников принять Сиина на службу. Я согласился. Жалованье ему будет пока тридцать пять ен, на пять ен меньше служащих кандидатов Академии.

27 ноября / 10 декабря 1901. Вторник

Утром, во время перевода, приходил Гордий Сиина, узнавший от господина Сенума, что я согласен принять его на службу; по-видимому, рад этому — вновь подтвердил, что искренно желает отплатить свою службу за благодеяния воспитавшей его Церкви. Конечно, и я очень рад этому. Сказал, чтобы он с этого же месяца и служил — скоро начнутся в Семинарии и Катихизаторской школе экзамены — ему будет отличный случай познакомиться со всеми классами, присутствуя на всех испытаниях. — Дай Бог только, чтобы он был верен своим теперешним заявлениям, а также чтобы вел себя прилично своему званию!

Лин Такахаси, молодой катихизатор в Окаяма, прислал длинейшее описание своих стараний основать там Православное Общество молодых людей (Сейнен-квай) и самого этого общества, с печатными правилами его, и питает большие надежды на поднятие там успехов проповеди. Розовые мечты. Жаль вот, что о. Игнатий Мукояма лежит там больной.

Из тюрем чуть не каждый день письма с просьбами религиозных книг. Сегодня от двоих заключенных просьбы. Разумеется, всегда оные удовлетворяются. Дай Бог только пользы.

Дали знать, что старик Яков Китагава, когда-то бывший начальником Семинарии, помер. Погребен будет священником из Коодзимацци, к приходу которого принадлежит. Царство ему Небесное! Недаром на днях просил последнего свидания и благословения. Хорошо, что я не опоздал посетить его. Добрый был старик, хотя слишком слабый педагог.

28 ноября / 11 декабря 1901. Среда

Лин Такахаси недаром вчера так расплывался в похвалах своему «Сейнен-квай» — готовил почву для просьбы: сегодня другое письмо, с

просьбой помощи для издания газетки сего общества. Пачкуны! Впрочем, и просит всего две ены в месяц; на издание листка всего нужно пять ен, из коих три доставляют члены общества. Дано.

А вот Моисею Мори, катихизатору в Канума, и без просьбы дано тоже две ены в месяц. Пишет бедный вдовец, что «некому присмотреть за малым сыном и не на кого оставить квартиру, отлучаясь на проповедь; взять бы старуху в дом, да кормить нечем». Действительно, получает всего двенадцать ен в месяц. Как не помочь!

С сегодняшней почтой получен 285-й номер «Московских Ведомостей», от 16 (24) октября, со статьей в самом начале газеты: «Православный храм в Кёото», в которой, между прочим, говорится, что «В. Г. Дудышкин заказал иконостас в лучшей московской мастерской Епанешникова». И продолжается: «Работа Епанешникова достаточно известна всей России. Его мастерская снабжена обширными художественными и техническими средствами и внимательно следит за всеми усовершенствованиями техники и направлениями самого искусства. Но что особенно заслуживает внимания – Яков Ефимович Епанешников, в виду важности Кёотского храма для православного дела и в виду огромной пользы ознакомления Японии с русскою церковно-художественною промышленностью, решился принести это образцовое произведение своих мастерских в безвозмездный дар... Иконы для Кёото пишутся господином Епанешниковым в византийском стиле, самый же иконостас отделяется под слоновую кость и золото. Работа уже в полном ходу. Кроме иконостаса, Кёотской Церкви нужны еще паникадила и подсвечники. По расположению Церкви, ей нужно одно большое паникадило (не меньше сорока восьми свечей) и два малых» и прочее, и прочее. Видимо, Господь Бог помогает Миссии через угодных ему добрых людей, каковы В. Г. Дудышкин, Л. Ал. Тихомиров – сотрудник «Московских Ведомостей», Вл. Андреевич Грингмут – редактор «Московских Ведомостей», Яков Ефимович Епанешников и другие. Да спасет их Господь! Газету, давши прочитать здесь, послал о. Симеону Мии порадовать его и кёотских христиан.

Станислав Альфонсович Поклевский-Козелл, старший секретарь Посольства, назначенный ныне первым секретарем Лондонского Посольства, приезжал проститься перед отъездом и вновь пожертвовал на Миссию пятьсот ен. Спаси его Бог!

29 ноября / 12 декабря 1901. Четверг

О. Феодор Мидзуно вернулся с обзора своих Церквей в Симооса. У Павла Канасуги и Филиппа Узава проповедь идет одушевленно; крестил у них двадцать семь человек. Первый все еще не может успокоиться от измены своей жены и не хочет принять ее в дом – впрочем, есть

надежда, что смягчится; она же желает хоть бы служанкой быть у него в доме при своих детях.

В Катихизаторскую школу прибыл на время Петр Танака из Вадамуре, что около Немуро, на острове Эзо. Просил принять его о. Андрей Метокси; он может пробыть здесь только до Пасхи, пока начнется земледельческая пора. Но за это время он, под руководством оо. Феодора Мидзуно и П. Кано, а отчасти и учителей Катихизаторской школы, ознакомится ближе с Догматикой, Нравственным Богословием и Священной Историей, а также узнает порядок богослужения и поучится петь и читать по-церковному. Все это, даст Бог, сделает его способным руководить местных христиан в Вада-Тонден (казачьем поселении) и проповедывать там язычникам. Христианское же усердие у него немалое. Где же набраться настоящих катихизаторов, прошедших полный курс!

30 ноября / 13 декабря 1901. Пятница

О. Сергей Судзуки из Оосака письмом и, кроме сего, целою тетрадью описывает свое путешествие по Церквам — своим и большого о. Игнатия Мукояма. Тетрадь предназначена для «Сейкёо-Симпо» — туда и направлена мною, по прочтении, но где же ее всю напечатать! Только глупые могут так писать и выводить из терпения своим писаньем. Во сколько часов и сколько минут он оттуда отправился, во сколько часов и минут прибыл (нигде минуты не опущены), в сколько часов и минут стал обедать, кто именно где его встретил, с кем и что говорил и сказал, и прочее, и прочее — все это помимо чего-либо, относящегося к Церкви или его священству. Просто и конца нет болтовне. Дельного же из письма узнал только то, что о. Игнатия его прихожане любят (в чем, впрочем, и прежде не сомневался). В Ёнако христиане служили молебен о выздоровлении его и послали ему сколько могли на лечение.

1 / 14 декабря 1901. Суббота

Стефан Тадзима, еще и в число катихизаторов не принятый, а служащий частно, как бы только от священника, пишет из Коофу, что мало ему двенадцати ен в месяц, просит прибавки. В семье мать и жена только. Жалуетса на чрезвычайную местную дороговизну. В уважение того, что он старый катихизатор, хотя и прерывавший свою службу и даже в конце несколько запятнавший себя, прибавил ему две ены в месяц, но с тем, чтобы он уже больше не просил.

Нифонт Окемото, катихизатор в Оою, просит назначить пенсию вдове И. Ямагуци. Еще бы! На просьбу об этом священника отказано, а просьбу катихизатора исполнить! Велел из канцелярии известить его,

что на подобную просьбу уже отвечено священнику (хотя он и просит потому, что священнику отказано).

2 / 15 декабря 1901. Воскресенье

В Церкви каждое воскресенье бывает много матросов с крейсера «Россия», стоящего в Иокохаме на рейде, но офицеров еще ни одного не было — богомольны интеллигенты! Впрочем, быть может, к судовому богослужению усердны. Гордию Сиина дал комнату во втором этаже, по его просьбе, снабдив ее иностранною мебелью, дал еще двадцать ен в счет жалованья за этот месяц; пятнадцать получит в конце месяца.

Была после Литургии между гостями христианка из Немуро, просила принять ее дочь в школу.

— Сколько ей лет? — спрашиваю.

— Пять лет, — отвечает.

— Как же можно такую маленькую!

— Я ее представлю в школу, когда ей будет лет десять, а теперь только прошу записать ее в число кандидаток, так как слышала, что просящихся очень много и очереди приходится долго ждать.

Отослал ее в Женскую школу, чтобы попросила начальницу, — я со своей стороны согласен.

Савва Ямазаки из Наканиеда пишет, что «о. Петр Сасагава посетил Церковь, и больше шестидесяти человек исповедованы и приобщены Святых Тайн». Здесь Церковь добрая, христиане неизменно благочестивы; и это потому, что катихизатор хороший, преданный служению Церкви. Побольше бы таких, как Савва Ямазаки!

3 / 16 декабря 1901. Понедельник

О. Василий Усуи из Одавара был, чтобы рассказать о своем путешествии по Церквам и взять отсюда больного сына своего Пимена. Очень оживлен сам, и видно, что одушевляет своих катихизаторов; хвалил особенно Петра Ока, на которого я так мало надеялся, — в Ооисо у него восемь человек окрещено, и там его очень любят (но в Катаока, ему не принадлежащем, недолюбливают: выпивает иногда старик — остаток от прежней его довольно беспорядочной жизни). В Эма также Церковь очень оживлена; и там были крещения; диакон Иоанн Оно поправился от своей болезни и хорошо служит.

Замечательное письмо от Александра Хосокава, из Канида. Есть там христианин Виссарин Ямазаки, по профессии кузнец. Он со своим другом Исиока больше десяти лет тому назад принял христианство в Аомори, но, вышедши в Канида и не имея никаких сношений с церковью или кем-либо из христиан, совсем забыл о своем христианстве. Но

с поселением там катихизатора Александра Хосокава (как ни плох он по катихизаторству) вера Виссариона возгорелась, и он ныне самый ревностный христианин. Мало того, скорбя о том, что его друг Исиока тоже, вероятно, охладел, Виссарион постарался отыскать его, что ему стоило немало труда, и убедился, что действительно, друг относительно веры в таком же состоянии, в каком Виссарион был прежде, — и память потерял о своей вере, Виссарион с горячею любовию стал убеждать его (письменно) вспомнить прежнее, вновь одушевиться единственною спасительною верою. Письма его до того пробудили Исиока, что он, оглянувшись на себя, впал в отчаяние, почувствовав себя таким грешником, для которого уже и спасения нет. Виссарион последнее из писем своего друга просил Хосокава перепроводить сюда, с горячею просьбою его — найти здесь его друга и ввести в Церковь, из которой он почитал себя совсем выбывшим. Исиока ныне в Токио, в военной службе, живет в Усигоме — посему я поручил катихизатору Якову Тоохею отыскать его и говорить с ним. Вероятно, и он возродится. Любовь одного спасает другого; таков закон для любви, положенный Богом.

4 / 17 декабря 1901. Вторник

Петр Ямада, катихизатор в Миядзу, просит о Симеоне Мии, и оба они меня — назначить Пахомия Мурасе, христианина в Миядзу, катихизаторским помощником (денкёо-ходзё). Рекомендуют его как благонадежного к тому. «Он родом дворянин и служил доселе чиновником, но в апреле, за старостию, уволен. Поведения безукоризненного; к вере усерден; двенадцать лет тому назад крещен и с тех пор всегда усердно служил Церкви чем мог: пел и читал во время богослужений, в отсутствие катихизатора говорил поучения братьям, был церковным старостой. Теперь, если он будет сделан денкёо-ходзё, то Ямада получит свободу отлучаться в другие места для проповеди, как то: Минеяма, Таиза-мура и прочие, и жить там столько, сколько нужно для наставления в вере желающих слушать. Ему пятьдесят восемь лет». Ответчено: «От Церкви или от моего имени Мурасе не может быть назначен „денкёо-ходзё“ — тому не было примеров, и не надо давать пример, чтобы кто-либо по одному прошению катихизатора без всякого испытания способности веропроповедничеству поставляем был в проповедники. А пусть о Симеоне от себя лично назначит его помогать Петру Ямада. Если до Собора он нескольких научит и приведет к Христу, и по испытании окажется, что представленные им к крещению действительно знают учение настолько, что без всякого сомнения могут быть крещены, то о Симеоне будет иметь право ходатайствовать пред Собором о внесении Мурасе в список проповедников, если только поручится перед Церковью, что и во всех других отношениях Мурасе достоин имени служащего Церкви.—

Но не стар ли уже Мурасе для церковного служения? Впрочем, ведь он будет даровой служитель — содержание от Церкви ему не нужно. Пусть послужит, насколько сил у него будет, — Господь наградит его за усердие!» До зде[?] ответ о. Симеону — и я в нем сознательно схитрил касательно содержания. Ни в письме Ямада, ни в письме о. Семена о содержании Мурасе ни слова; но ведь, конечно, на него рассчитывается — какой же когда японец служил даром! Не в укор это усердию японцев, но в опознание их практичности, не мешающей усердию. Следующее письмо от о. Семена будет, конечно, что и то, и сё, и прочее, но денежную помощь Мурасе за служение дайте. Что же, придется и дать.

5 / 18 декабря 1901. Среда

Савва Эндо, при четырнадцати енах в месяц, имея двоих детей, просит прибавки содержания; Якову Негоро, при четырнадцати енах в месяц, имеющему двоих детей, о. Игнатий Като просит прибавки содержания; себе о. Като просит семь с половиною ен на лекарства детям. Павел Сайто просит дорожных, что тоже своего рода прибавка к содержанию; Петру Терасима о. Петр Сибаяма просит дорожных, что тоже... И подобное — каждый день, или почти сплошь каждый. Мука читать все это и не быть в состоянии исполнить просьбы. Прибавлять им — всем надо прибавлять, а на это средств не хватит, да и конца не будет прибавлениям, потому что опять будет мало и опять будут просить. Одно средство — добиться содержания служащих Церкви местными средствами. Это каждый раз и пишем священникам, об этом вечно и думаешь, и хлопочешь, но!!!.. А жалко и бедных катихизаторов, конечно, и мало теперешнего их скудного содержания... Посланы единовременные пособия сегодня просящим — первым двум; прочим — как просят. Почти всегда то же делается.

После полудня производилось обучение прислуги обращаться с насосными рукавами, на случай — оборони Бог — пожара. Фонтан воды брызжет выше того места на колокольне, где висят колокола, и рукава достигают до нижней площадки. За употребление воды из водопровода, на этот случай, согласно правилу, заплачено по семь ен здесь и в Семинарии. Храни Бог от беды, но береженого Бог бережет.

6 / 19 декабря 1901. Четверг

День тезоименитства нашего Государя. Согласно приглашению посланника, был в Посольстве на молебне и завтраке у посланника; от приглашения на раут вечером отказался; а будет человек двести гостей, принц Фусими в том числе, наши моряки с «России», но не наше дело толкаться в таком множестве.

Являются в сопровождении одного из церковных старост два незнакомые господина и подают две ены на Церковь. «От кого?» — спрашиваю. Оказывается: была здесь замужем за язычником, членом художественного общества (бидзюцу-квай), христианка по имени Лукия; более десяти лет прожила в Токио и не объявилась христианкой, неизвестно почему; но на днях, умирая, завещала похоронить себя по-христиански, и муж уважил ее просьбу, попросил о. Семена Юкава отпеть ее, а вот теперь двух приятелей своих прислал с лепгой на Церковь. Обыкновенно язычники всячески отстаивают своих родных для языческого погребения, а вот и обратный пример: имея бесспорную возможность похоронить по-язычески, просит христианского отпевания. Должно быть, недалек от Царствия Божия.

7 / 20 декабря 1901. Пятница

Был на экзамене по Догматике в Катихизаторском училище, где в старшем курсе ныне шесть человек, в младшем семь. В последнем почти все очень неразвиты, но стараются; лучший — бывший протестант, этот и способен, и довольно развит. — Потом начал экзаменовывать шестой класс Семинарии, где ныне всего шесть человек (седьмой — Пимен Усуи — болен, и едва ли будет способен к продолжению учения); но пришли сказать, что приехала адмиральша Мария Николаевна Чухнина проститься пред отъездом в Нагасаки; вчера в Посольстве меня предупредили об этом, и я обещался принять, тем более, что нужно было поблагодарить ее за пожертвование пятидесяти ен на Церковь в Кагосима после пожара; поэтому я, предоставив экзамен самим наставникам, вернулся домой.

Василий Накарай катихизатор в Какута, имеющий зуд писательства, вместо того, чтобы усердно проповедывать, усердно занялся, на паях с кем-то, изданием совсем светского журнала, хотя пишет, что издание идет в убыток самим издателям. Отослал я присланный им ко мне номер к его священнику о. Петру Сасагава, чтобы он строго внушил Накараю — или проповедывать, или оставить церковную службу; если в Какута нет слушателей, то есть другие места, где просят проповедника, — можно переместиться.

О. Тит Комацу пишет, что Петр Мисима, бывший проповедник, ныне озлобленный враг Церкви, до того мешает Тихону Сугияма проповедывать в Оота, что о. Тит находит нужным перевести его, Тихона, в другое место для проповеди. Мисима этот, по гордости и безалаберности, своего рода Лев Толстой для тех мест, только микроскопический.

8 / 21 декабря 1901. Суббота

Между письмами сегодня одно — от язычника из Оосака, двадцать лет изучавшего военное искусство — фехтование и прочее. Спрашивает:

1) «дозволяется ли военное дело Христианским учением?» Ответено: «без сомнения — как необходимое для защищения государства от внешних врагов и для охранения его внутреннего спокойствия». 2) «Не есть ли гипнотизм, о котором теперь так много толкуют в Европе, то же, что подчинение, во время фехтованья, противника своей воле и своим движениям?» Ответено: «кажется». 3) «Упражнение в военном искусстве ожесточает ли человека, или, напротив, делает его мягким?» Ответено: «если предаваться ему со страстью, наверно, ожесточит. Впрочем, вам лучше это знать».

Был на экзамене в Катихизаторской школе, потом в Женской на Законе Божиим; в последней, как всегда, отвечали все на полный балл.

9 / 22 декабря 1901. Воскресенье

До Литургии было крещение шести возрастных и ребенка одного.

За Литургией было причастников человек семьдесят, но священнослужащие так мало оставили им причастия, что я с трудом приобщил всех, и тут же, кончивши приобщать, сделал выговор священникам и диаконам за их неприличие.

10 / 23 декабря 1901. Понедельник

На экзамене в Женской школе по Закону Божию.

Приходил проситься в школу некто Судзуки, двадцати семи лет, сын англичанина и японки. Указан ему в городе катихизатор — пусть сделается православным, и тогда, если окажется достойным, принят будет в школу.

11 / 24 декабря 1901. Вторник

На экзамене в Семинарии и Катихизаторской школе. Шестой курс в Семинарии состоит из очень хороших учеников — дельно отвечали по Основному Богословию и на возражения. Дай Бог, чтобы все сохранились для церковной службы! Катихизаторская школа, кроме двух-трех сносных, совсем плоха.

С одиннадцати часов в Женской школе было чтение списков.

Катихизатор в Саннохе, Павел Сибанай, пишет, что там безбожие процветает; даже лектора выписывали доказывать, что «нет Бога». — Катихизатор в Масуда, Илья Накагава, пишет, что там Микадо считают богом и негодуют, что проповедуется другой Бог, кроме его. Чего хочешь, того просишь!

12 / 25 декабря 1901. Среда

На экзамене в Катихизаторской школе и Семинарии. В последней, между прочим, экзаменовал самый младший класс по русскому языку;

семнадцать учеников и преплохой состав, кроме трех первых, все или неспособные, или вместе и ленивые; полтора года учатся и склонения не знают.

Вечером, с четырех часов, — на прощальном собрании, устроенном Женской школой инспектриссе Надежде Такахаси, отправляемой в Кёото для заведения там Женской школы при Миссийском стане. Большая классная комната была изукрашена зеленью и цветами, и для всех на столах разложено угощение — из плодов, печенья и суси. Из города было несколько прежних воспитанниц Женской школы. Пропели молитву, и начались речи в перемешку с пением прощальных стихотворений, положенных на ноты Алексеем Обара разученных группами девиц. Немало было и прощальных слез. Вообще же все — очень красиво, прилично и даже трогательно. Я ушел пред началом музыки на «кото», в седьмом часу.

13 / 26 декабря 1901. Четверг

На днях получил из Кёото от о. Мии требование подрядчика Оониси уплатить остальное, по контракту, за постройки. Требование, по обыкновению, сопровождалось удостоверением архитектора Мацумуро, что оно законное. Но, к изумлению моему, из контрактной суммы 9499 ен не было вычтено 693 ены за железную крышу храма, по первоначальному расчету, тогда как на крышу, вслед за тем, сделан был новый расчет и условие на покрытие ее медью, что и произведено. Я отметил эту ошибку и вернул требование, чтобы оно было исправлено. И — о ужас! Сегодня получаю от о. Мии пакет с требованием лишних, ни за что, ни про что, уже не 693 ены, а еще больше, 712 ен. Эта олицетворенная слабость и ротозейство — о. Семен Мии — пишет, что, действительно, 693 ены «вычесть совершенно справедливо», но зато вот 712 ен Оониси требует, и их уплатить «с нравственной стороны необходимо», и представляет дутый счет Оониси на якобы передержанное сверх контракта, тогда как до сих пор при всех уплатах ни намек не было, чтобы чего-либо не было покрыто уплатой, а что делалось сверх контрактного расписания материалов и работ, за то сейчас же был представляем особый счет, по которому немедленно и уплачивалось. Плут может насочинить чего угодно, и вместо того, чтобы остановить его и не принять его сочинений, о. Мии: «а, хорошо, платить следует» и благо русские деньги — «уплатите 712 ен!» Также и новое архитекторское удостоверение о. Мии представил. Но архитектор, известно, не станет ссориться с подрядчиком — утвердит что угодно — рука руку моет. Что мне делать? Заводить тяжбу? Ведаться с японским судом? Еще дороже стоило бы, и впридачу — компрометация. Посердился и поругался, не зримо ни для кого, и отправил деньги на уплату. Да еще прибавил благодарность архитектору

Мацумуро. Этот, если и помирволил плуту подрядчику, то сам относительно Миссии поступил замечательно благородно. Условие было давать ему гонорар 5% с стоимости материалов и работ. Весь расход по постройкам 17 734 ены 40 сен; стало быть, ему следовало 886 ен 70 сен гонорара; но он взял только то, что следовало за первоначальный контракт 9499 ен, то есть 474 ены 95 сен, остальное же, говорит — «в пользу Церкви Кёото»; со стороны язычника это, действительно, благородное бескорыстие, за которое я и поблагодарил его.

В Соборе установили эмалевый крест, сделанный христианами в память о. Анатолия и его брата Якова Димитриевича Тихая, первоначальника здешнего церковного пения. Мраморное подножие для креста сделано недурно; на нем спереди вырезана по-японски песнь «Кресту твоему поклоняемся Владыко», сзади — на медной доске, что в память о. Анатолия и прочее.

Вечером Надежда Такахаси и Екатерина Яги приходили прощаться перед отправлением в Кёото. Благословил их образками Пресвятой Богородицы и дал, кроме дорожных, пятьдесят ен на первоначальное обзаведение. Помогите им Господи начать церковное школьное дело в Кёото! Яги поможет Надежде лишь до лета, когда она выйдет замуж за катихизатора Игнатия Такаку, что у них уже слажено. Впрочем, и помогать-то еще пока не в чем; учениц-то налицо еще нет. Но, разумеется, не замедлят набраться одна по одной. А школа и для пения в Кёотском храме весьма нужна.

14 / 27 декабря 1901. Пятница

В девять часов — чтение списков учеников Семинарии и Катихизаторской школы. Ленивым сделано внушение, что если они не исправятся до будущего экзамена перед каникулами, то будут исключены.

Вчера и сегодня все учащиеся (по собственному желанию) исповедуются, чтобы завтра приобщиться Святых Тайн.

Английский епископ Awdry и супруга его были и принесли — первый: только что отпечатанную книжку церковных гимнов «Ко-коп-сейка-сиу» (Hymns new and old); вторая: для прочтения книгу своего брата, Reverend Moberly, профессора Пасторского Богословия в Оксфордском Университете, «Atonement and Personality». Епископ говорил, что супруга его занята в настоящее время положением на ноты гимнов, еще не положенных, почему я, в помощь ей, подарил коллекцию наших церковных нот, всего десять книг. Говорил еще, между прочим, что в Китае их епископальная Миссия усиливается до удвоения числом епископов и священников против числа бывших до войны. «Таково наше мщение китайцам»... «Кровь мучеников есть семя новых христиан», — с понятным самодовольствием прибавлял он. А по речи другого протестантского

миссионера, сказанной 17 декабря на митинге «of the Missionary Association of Central Japan, at Osaka», и напечатанной сегодня в «Japan Daily Mail», протестантский мир в начале двадцатого столетия стоит перед лицом язычества во всеоружии 449 Миссионерских Обществ со стеною позади их великих Церквей и неисчерпаемых источников, 15 460 миссионеров на поле действия, 73 615 деятелей, посвященных и простых, из самих язычников, 1103 организованные Церкви среди язычников и прочее, и прочее. Кстати спросить, у нас же что против заграничных язычников? А вот что: в Китае – о. Иннокентий, да и тот еще вернется ли из России, куда вытребован Святейшим Синодом, в Корее – о. Хрисанф, да в Японии мы бедные вдвоем с о. Вениамином, что ныне в Нагасаки, и годен более для русских, чем для японцев. Итого четыре миссионера. Господи, воззришь ли же Ты когда-либо на Православную Церковь, отъяти поношение от нее?

15 / 28 декабря 1901. Суббота

С семи с половиною звон и Правило, по прочтении которого трезвон к началу Литургии. Пели, как и всюнощную вчера, ученицы, ибо их очередная суббота была, и пропели отлично, несмотря на то, что уже не было их главной заправительницы пения, Надежды Такахаси. Приобщились все учащиеся.

День прошел в месячных расплатах и переводе расписок.

16 / 29 декабря 1901. Воскресенье

Яков Канеко описывает трогательную кончину одного христианина в Ономура: служил на железной дороге, попал под колесо – ногу отрезало ему, потом захворал другой болезнью, совсем умирал, но, приобщившись от о. Петра Сасагава Святых Тайн, оживился, долго беседовал с окружающими, убеждал язычников принять христианскую веру, потом попросил дать ему в душе помолиться и, молясь, помер.

Яков Ивата между крещенными ныне, в Ханда, хвалит усердие одной восемнадцатилетней девицы, которая, будучи неученою, лучше всех поняла и усвоила вероучение, как оказалось на испытании, произведенном перед крещением о. Матфеем Кагета.

Савва Сакурода очень хвалит усердие некоего Леона Оохара, в Хиробуци, который отлично знает вероучение и помогает ему проповедывать.

17 / 30 декабря 1901. Понедельник

Сегодняшним занятием до полудня мы с Павлом Накаем совсем кончили перевод богослужения Первой недели Великого поста. После Нового Года надо будет раз просмотреть, и – в печать.

О. Симеон Мни прислал расписки получателей денег на днях посланной суммы. Значит, кёотская постройка закончена. Слава Богу! Теперь только иконостаса и колоколов нужно ждать из России.

Письмо от Федора Янсена; пишет, что принят в Санкт-Петербургскую Академию. О капитане Василии Павловиче Осеки пишет, что о. Демкин представил его на своем храмовом празднике Митрополиту Антонию и о. Иоанну Кронштадтскому. Осеки живет теперь на Васильевском острове и изучает русский язык от учителя — студента Университета.

18 / 31 декабря 1901. Вторник

Из Кёото получены фотографии оконченных построек — храма, домов и ограды; все, кажется, в порядке; вид храма хорош, железная решетка ограды с лицевой стороны и железные ворота довольно красивы.

От Льва Александровича Тихомирова, из Москвы, получено письмо, в котором, кстати, извещается, что работа иконостаса ускоренно идет; колокола и паникадила обещаются.

Всенощную пели причетники, с Дмитрием Константиновичем Львовским во главе.

Японский год заканчивается с грустным сознанием, что плохо идет проповедь; слишком плохи служащие Церкви; начиная с меня самого, нет людей истинно усердных, горящих духом. Господи, пошли таковых!

19 декабря 1901 / 1 января 1902. Среда.

Японский Новый Год

Литургия совершена тремя иереями при пении хоров. Молебен соборне. Обычная суতোлка поздравлений. В два часа и я отправился в город. Прежде всего сделал визит князьям Стефану и Луке Доде. Застал первого, и он показал свой сад. Был и в английской епископальной Миссии — там опять новые члены — Господи, откуда у них берутся люди! А у нас вечно — нет никого. Недаром такая грусть одиночества — знать, с нею мне и в могилу лечь придется — не даст Бог утешения видеть выходящими на поле Христово православных миссионеров, которым собственно и предназначено поле. Что ж, вероятно, не успеют после выступить. Дай-то Бог поскорее, хоть и после нас! Мы пусть канем, как первая капля, бесследно пропадающая в жаждущей орошения земле.

С 20 декабря 1901 / 2 января 1902. Четверг.

До 24 декабря 1901 / 6 января 1902. Понедельник

Перевод расписок к отчетам и мелкие ежедневные дела, не стоящие заметок.

Все время — скорбное, приниженное состояние духа; тяготит одиночество, печалит неизвестность, что станет с моим дорогим, под сердцем выношенным детищем, когда я умру. Вот нет никого — ни единого, кому бы сдать место с утешительной надеждой, что дело продолжится, а не будет ему остановка и разрушение, как каркают эти вороны — католические патеры. В таком угнетенном состоянии духа встречен и праздник, совсем не радостный ныне; изредка только, как в пепле искры, мелькали огоньки вдохновения и подъема духа во время богослужений — вчера и сегодня на Литургии.

25 декабря 1901 / 7 января 1902. Вторник.

Праздник Рождества Христова

С внешней стороны проведен праздничный день, как обычно. С девяти часов Литургия, в начале которой, кроме учащихся, почти никого в Церкви, а в конце полна Церковь христиан. Был, в числе иностранцев, сегодня Bishop McKim, приехавший в Церковь с самого начала, остановившийся в конце Собора и все время до проповеди простоявший там; во время проповеди все иностранцы уехали.— Неудобное положение иностранцев, в том числе и наших русских, православных, во время здешней проповеди: японцы садятся по-своему и так слушают, а иностранцам приходится стоять, коли никто не хочет сесть по-японски и слушать непонятное для них, оттого почти всегда и уходят все.— Кстати же, и проповедь сегодня была не в меру длинная; с час проговорил Пантелеймон Сато, не рассуждая, что в праздник следует не утомлять очень... Вперед иметь в виду назначать для праздника проповедника более благоразумного. Обычные поздравления с раздачей на «квасы» учащимся, угощением чаем священнослужащих и прочее. Потом визиты русских сюда, потом визиты к русским отсюда, а с шести всенощная, в конце которой, как всегда и ныне, соединенными хорами пропеты были «Дева днесь» превосходно. Под это пение всегда так усердно изливается молитва, чтоб не умедлил Господь открыть слух всему японскому народу к слушанию сей спасительной песни.

26 декабря 1901 / 8 января 1902. Среда.

Второй день Праздника Рождества Христова

С восьми часов Литургия, отслуженная о. Феодором Мидзуно при пении хоров. Потом поздравление оо. Савабе: Павла и Алексея — с их певчими и христианами из Коодзимацкой Церкви. Прелестно пропел маленький хор славльенье. Все угощены, по обычаю.— Потом целый день дома с вялым настроением духа; еще не оправился от уныния. Но недолго же оно будет. Несвойственно оно мне, поднимается уже волна другого

настроения. Что, в самом деле, кукуться и хохлиться? Не от нас зависят обстоятельства. Нам лишь делать все от нас зависящее, в обстоятельствах, в которые поставлены, а там пусть будет, что Богу угодно! Делать же безукоризненно невозможно, распутивши нюни, вот как я теперь, точно так же, как птице нельзя полететь с перебитыми крыльями. Но, слава Богу, крылья еще служат; итак, бодро вперед!.. Тысячи раз повторяется вот эта история — подъема и упадка, прилива и отлива, и до гроба, знать, будет повторяться — и пусть! Лишь бы заживо не упасть без подъема и не замереть в отлив. Избави Господи от сего!

Всенощная отслужена о. Петром Кано. Пели оба хора.

***27 декабря 1901 / 9 января 1902. Четверг.
Третий день Праздника Рождества Христова***

После Литургии поездка в Иокохаму с поздравлениями к русским, и в банки и лавки по делам.

До нашего Нового Года — перевод и приведение в порядок расписок к отчетам, чтение церковных писем — поздравительных и деловых. В последних приятного было только то, что христиане Церкви Иваи (Ициносеки и Яманоме), наконец, примирились и сошлись воедино; сообща строят Церковь; Авраам Сато и его брат Киносека умягчились. О. Борис пред самым праздником Рождества Христова убедил их к тому. Зато на богослужении в праздник было в Церкви Иваи больше ста молящихся. Все, видимо, счастливы сему единению. Дай Бог только, чтобы оно прочно было.

Год минул и понес в отчете Богу наши слабости, грехи и печали. Мало что доброго он скажет Господу. Пошли, Боже, в наступающем больше духовной радости!

1902 год

1 / 14 января 1902. Вторник

Первым приветствовал сегодня с Новым годом Преосвященный Сергей (Страгородский), ректор Санкт-Петербургской Духовной Академии, письмо которого я нашел на столе, по прочтении Правил перед Литургией. После Литургии еще получил письмо С. А. Рачинского, вместе с его брошюрой: Absit Omen. Но печальны известия из России. Сколько там теперь бунтов в учебных заведениях, сколько сектантских беспорядков — Бог весть, скоро ль все это кончится.

Поздравители, японские и русские; училищный совет и распределение уроков для начала занятий завтра. Арсению Ивасава я сказал взять на себя преподавание Гражданской Всеобщей Истории в Женской школе вместо уехавшей в Кёото для заведения школы Такахаси Надежды и хотел прибавить ему за это жалованья. Но он уклонился от последнего, сказав, что не хочет получать больше, чем другие наставники. Преподавание в Женской школе он на себя взял, но так, что число уроков у него будет в Семинарии и Женской школе столько же, сколько у других наставников только в Семинарии.

Вечером написал ответ Преосвященному Сергию и приложил фотографии Кёотского Миссийского места и храма — два листа.

2 / 15 января 1902. Среда

Начались обычные занятия в школах, и у нас с Накаем. Мы стали перечитывать переведенную службу Первой недели Великого поста, чтобы окончательно поправить, если есть что, и поспешить отдать в печать.

13 / 26 января 1902. Воскресенье

Службу Первой недели Великого Поста мы с Накаем перечитали в четыре дня, потом два дня Накаи проверял китайские знаки, а я этим временем воспользовался, чтобы написать в Москву письма благотворителям Л. А. Тихомирову, В. Г. Дудышкину, Я. Е. Епанешникову, с приложением полученных из Кёото фотографий оконченной постройки храма, которому ныне недостает только иконостаса и колоколов, ожидаемых из Москвы. Написал еще московскому сотруднику Миссии, о. Благоразумову, чтобы похлопотал о пожертвовании кем-нибудь облачений для Кёото, и архиерейского облачения из серебряной позолоченной парчи для здешнего Собора, так как нынешнее мое воскресное уже износилось. — Приготовленную к печати службу посылали для сметы в две типографии; нашли более выгодным заказать печатать в той же, где доселе печатались. Будет стоить 452 ены 50 сен, и исполнят заказ в пятьдесят дней — скорее этого никак не берутся (в другой полагали сто дней). Значит, разослать напечатанную службу по Церквям до Первой недели никак нельзя, к глубокому нашему сожалению.

Тотчас же принялись мы с Накаем за перевод службы Страстной Седмицы; и сегодня вечером уже до Великой Среды дошли. Стало быть, непосредственно за службой Первой недели будет печататься и Страстная. А пока эта отпечатается, поспеет, даст Бог, какая-нибудь Праздничная, и так далее.

И пришло мне на мысль по поводу этого, даст Бог, непрерывного печатания в продолжение нескольких лет, завести свою типографию. Непрерывное печатанье и теперь идет уже много лет со стороны «Айайся». Все бы тогда и печатали у себя; было бы и дешевле и гораздо удобнее. Дай Бог этой мысли осуществиться. Каменный дом можно же строить на оставшемся для того месте у библиотеки для редакции «Айайся», чтобы освободить от нее местность для Женской школы и для разных других потребностей. Вот в нем внизу и завести типографию, а также переплетную. Благослови Боже! На днях был архитектор Кондер; я уже и ему говорил об этом. Помоги Бог только денег добыть на постройку.

По Церквам ничего особенного не произошло в эти дни, что не писал дневник. Обычные письма с поздравлениями, описанием, как праздновали, иногда с просьбой денег и подобным. Хотел было оставить ежедневное писание дневника, да это значило бы и совсем оставить, а между тем, небесполезно кое-что не терять из памяти — стало быть, нужно регулярно вести, чтобы с бесполезным попало в запись и полезное.

С двух часов р. м. сегодня было собрание молодых людей, на котором и я присутствовал. Главное в нем — православные университетские; между ними лучший — Иван Накагава, уже кончивший курс и состоящий ныне чиновником Министерства Внутренних Дел; отлично настроен как православный, что видно было и из сегодняшней его речи. Было на собрании несколько наставников Семинарии. Я в своей речи внушал, между прочим, всячески стараться находить людей для наших учебных заведений, так как в них главная надежда на распространение православия в Японии. Хороший материал для характеристики католиков и протестантов мне дал листок «Voice», полученный за пятнадцать минут до собрания. В этой газетке сегодня помещен отзыв одного католического патера в Америке, что «католики, если бы имели власть, и теперь воздвигли бы гонения на еретиков-протестантов, и гонение до смертной казни включительно». Протестант-издатель «Voice»'а, приводя это, заключает свой отзыв словами: «Вот духовенство что значит! Безмерная польза была бы уничтожить все духовенство совсем, а власть, взятую у него, отдать мирскому люду». Там фанатизм, противный духу Христову, здесь безначалие, уничтожающее основанную Христом Церковь. А и католичество, и протестантство свободно и обильно входят ныне в Японию. Только в православии полная, безупречная истина Христова...

14 / 27 января 1902. Понедельник

На днях сделал опыт, написал по-русски письмо Надежде Такахаси; оказалось, что поняла; о. Мии и она сама пишут о том. Поэтому сегодня утром, при посылке денег на школу, опять написал по-русски. Самое

лучшее сноситься по делам школы непосредственно с нею, тем более, что о. Семен должен быть иногда в отлучке. Писала она в последнем письме, что в феврале надеется открыть школу — учениц восемь-девять уже набирается, между ними три кеотских. Послал сегодня ей «Молебен пред начатием учения», — отслужить при начале занятий.

О. Петр Сибаяма пишет — «не нужен ли кому из священников Иоанн Инаба — здесь, мол, он не надобен», то есть Инаба, бывший катихизатор, отставленный за дурное поведение, и которого мы, по недостатку катихизаторов и по его усиленной просьбе, хотели было опять приспособить к службе, оказывается совсем безнадежным (о. Петр еще прежде писал, что он учинил большой соблазн между христианами там, где был им поставлен, и что его одного никак нельзя оставлять, а можно держать только около строгого священника). Ответчено о. Петру, чтобы отослал Иоанна Инаба обратно, на его родину, в Одавара; недавно посланные о. Петру для содержания Инаба во втором месяце двенадцать ен пусть послужат ему дорожными, и за тем дело с ним кончено; для церковной службы никому он не нужен.

15 / 28 января 1902. Вторник

О. Петр Кагета просит денег на дорогу в Акита: катихизатор Илья Сато выдает свою дочь, недавно здесь в нашей школе кончившую курс, за чиновника, что недавно перешел из католичества. Пишет о. Кагета, что «следовало бы им, зовущим его повенчать, снабдить его дорожными, но» — за этим «но» вечно Миссии приходится раскошелиться.

Николай Такаги, катихизатор в Ионако, пишет в начале на целом листе вхвалебный гимн православному богослужению — что «благолепие его восхизает, привлекает» и прочее. Смотрю, к чему клонит? Известно, к чему; следовало с первых слов догадаться: в конце просит стихарь и ризы для тамошней Церкви. Ответчено: пусть христиане соберут и пришлют деньги на выписку из России.

Христианин из Аомори, чиновник Стефан Доки был, просил принять его дочь в Женскую школу. Но за нее еще прежде просил катихизатор в Аомори, Семен Мацубара, и она состоит в списке кандидаток на принятие девятнадцатой, когда дойдет очередь до нее, будет принята, тем более, что на полном своем содержании. Говорил Доки, что Вера Миура, только что кончившая здесь курс, в Аомори уже служит учительницей в городской школе, и отлично служит, в то же время учит христиан церковному пению и заправляет церковным хором, который там состоит человек из двадцати больших и малых.

16 / 29 января 1902. Среда

Утром были два русские батюшки, с броненосцев «Петропавловск» и «Полтава», вчера пришедших в Иокохаму. Постарался поскорее отправить

их к о. Сергию Глебову, чтобы не мешали переводу. После полудня до вечера были с визитами: адмирал Николай Илларионович Скрыдлов, капитан «Петропавловска» — Грече, «Полтавы» — Озеров и несколько офицеров; также доставили общие визитные карточки кают-компаний обоих броненосцев. Меня пусть извинят, что не отдал визит — для того надо бы потерять целый день, что для перевода немалый ущерб.

Из писем сегодня рассердило письмо Нифонта Окемото, катихизатора в Оою: «долги-де есть» — на уплату просит двадцать ен. Впрочем, послал восемь ен, не из церковных, а от себя.

17 / 30 января 1902. Четверг

Японский гражданский праздник — память отца нынешнего Императора; школы не учились, мы с Накаем до обеда не переводили. Зато я поработал над ответами. А после обеда, с первого часу до шести часов, был на собрании в (городском доме) Общества молодых людей (Канда, Митосирачэ). Василий Ямада, начальник «Сейкёо Сейнен-квай» (Православного Общества молодых людей) на днях побывал в Асио, чтобы посмотреть на бедствия тамошних жителей от медного рудника, принадлежащего купцу Фурукава. Вернувшись, задумал устроить благотворительное собрание в пользу бедствующих; сегодня и происходило оно и вышло блестящим. Производилось оно нашим «Сейнен-квай»; распорядителями были — главным Василий Ямада, потом семинаристы, продававшие билеты и смотревшие за порядком. Зал был битком набит — внизу и на хорах; вероятно, не менее полторы тысячи было. Ораторов было по программе одиннадцать; в том числе два члена Парламента: Симада Сабуро и Судзуки Мандзиро; первый в то же время издатель большой газеты «Маиници-Симбун»; три наших православных: Иван Акимович Сенума, Петр Исикава и Василий Ямада; два протестантских бокуси Тамура и Метода, дальше: начальник Женской школы, председатель Женского общества, Бунгакуси Мива, писатель Киносита. Пришедши в десять минут второго часа, я уже застал говорящим Петра Исикава. Описывал бедствия трехсот тысяч людей от отравления медью воды, земли и воздуха; пенял на правительство, что оно только и занято бюджетом и старанием добыть денег, забывая про народ. Потом говорил ученый Мива, безобразно расхаживая по сцене; рассматривал медное отравление народа с точки зрения добродетели (доотоку) и тоже осуждал незаботливость правительства. Выразился, между прочим: «не могу рассматривать этот вопрос с точки зрения религиозной, так как религия заботится о будущей жизни, а с настоящею не имеет дела», каковым суждением выразил свое религиозное невежество. Протестант Мотода сказал порядочно, старался возбудить сострадание к страждущим. За ним журналист Киносита бранил и осмеивал Правительство, особенно Министерство Народного Просвещения — за недавнее запрещение студентам Университета участвовать в митингах об отравлении воды в

Асио. За ним взошел на кафедру протестантский бокуси (пастор) Тамура и действительно, разжалобил до слез: описывал свое посещение отравленной местности; что там поголовное крайнее обеднение, ибо земля перестала родить что-либо, и почти поголовное боление и большая смертность; рассказ был простой, но он так выразительно выкрикивал его, что потрясал нервы, например, сказал фразу: «я не понимаю действий правительства», и не понимаю — «вакаримасен» повторил, возвышая голос и обращая его в истерическое вскрикивание, раз семь; каждую тираду так заканчивал, и при этом выхватывая платок утирать свои слезы, он растрогал аудиторию до того, что, когда, кончая речь, попросил тут же пожертвовать на помощь несчастным, кто сколько может, сейчас же набросили семьдесят семь ен.

Затем говорил Судзуки Мандзиро, то же расхаживая по кафедре, и так долго и скучно, что крайне всем надоел. Начал с злохуления Парламента, в котором сам же заседает: «он — Парламент — совсем потерял уважение народа; на него теперь никто не обращает внимания; и в газетах теперь о борцах (сумотори) много пишут, а о парламентских прениях — разве несколько строк»; потом говорил о своем посещении Асио для исследования и прочее. Бесплезно старались хлопаньем прогнать его с кафедры; тянул, пока хотел.

На смену ему вышел Симада Сабуро и сказал поистине блестящую речь. С фактами и цифрами в руках он доказал, что правительство безусловно виновато в отравлении трехсот тысяч людей, доказал также, что медный рудник Фурукава вовсе не такой важный предмет, из-за которого следовало бы упорствовать в отстаивании его — дохода он совсем не так много доставляет, как думают, и прочее, и прочее. Речь красноречивая, потоком льющаяся, приемы на кафедре джентльменские.

После него вышел на кафедру Танака Сёзо, который десять лет хлопочет за жителей Асио, и недавно подавал лично Императору прошение за них, вышедши для того из Парламента, которого был членом. Уже старик; жалостливо стал говорить, поливая себе воду на голову.

Но уже стало шесть часов вечера; нужно было вернуться домой к своему делу; поэтому я встал и ушел. Была и наша Женская школа в собрании и ушла в половине шестого. Вся прочая аудитория оставалась на своих местах. Значит, предмет возбуждает живой интерес. Действительно, изумляться надо, что в таком вопиющем деле правительство высокопарно отзывается, что оно исследует дело, исследователи-ученые виляют или недобросовестно мирволят Фурукава, Парламент безучастлив, Император? Но все считают счастливым Танака, что он за недавнее прошение ему не посажен в тюрьму, а народ гибнет и гибнет! Таково-то хваленое Правительство с народным представительством! Разве в России, при Самодержавии, возможна подобная гибель трехсот тысяч у всех на глазах? И подумать о том странно было бы.

18 / 31 января 1902. Пятница

Был расстриженный Павел Ниицума, ныне находящийся совсем в православном расположении духа, кающийся, что прежде задумывал было уйти к протестантам, говорящий, что и теперь еще протестанты манят его к себе, особенно какие-то мистики. Пришел он, чтобы сегодня исповедаться и завтра за обедней приобщиться Святых Тайн, а также отслужить панихиду по своей прежней жене. Говорит, что не упускает случаев проповедывать Христа желающим слушать и что этих желающих ныне везде очень много. И пусть частно проповедует; учение знает, красноречие имеет — это таланты, данные ему от Бога, пусть не зарывает их; если кого обратит, его заслуга будет перед Богом.

Какая ужасная катастрофа произошла на днях близ Аомори! 23 января нового стиля отряд пехоты в двести десять человек, с двенадцати офицерами в том числе, отправился на Аомори делать опыт марша по снегу; назначено было дойти до Тасиро, двадцать ри от Аомори; но, вышедши при хорошей погоде, отряд скоро попал в пургу с холодным ветром, без перерыва продолжавшуюся три дня, на ходу потерял дорогу и весь погиб в глубоком снегу. Нашли только одного капрала едва живым, с отмороженными руками и ногами.

19 января / 1 февраля 1902. Суббота

Павел Иосида приходил с оконченным переводом остальной части «Толкования Святого Иоанна Златоуста на Первое Послание к Коринфянам». Таким образом, это творение Святого Иоанна Златоуста будет сполна напечатано. Просит Иосида для своего дальнейшего труда какой-нибудь более легкой книжки. Но, конечно, я не дам. Пусть из нового русского перевода творений Златоуста выберет себе любой том и продолжает переводить Златоуста. Это труд нелегкий, зато бессмертный, а прочие переводы большею частью скоро умирают. Переводить же он может отлично и нелегкое.— Кстати, как мы с Павлом Накаем ни старались сделать перевод Нового Завета исправным, а изъяны есть; сегодня же Иосида указал один стих (Матфея 7: 12), непременно требующий исправления; говорил, что есть и еще что указать в этом роде; и из других мест приходят некоторые указания. При вторичном издании, которое, кажется, скоро надо предпринять, все будет пересмотрено и исправлено.

20 января / 2 февраля 1902. Воскресенье

Несмотря на дождь, сегодня много матросов с «Петропавловска» и «Полтавы» явились к обедне в Собор; дал им после службы по крестику в благословение.

Вечером был из Казоомаци христианин Миезава, года два тому назад просивший выключить его из списка христиан; ныне явился с смиренной просьбой простить ему этот поступок, причиной которого было малодушие перед гонителями-язычниками, говорит, что тем не менее никогда не переставал молиться пред иконою, стоящею на своем месте в его доме; просит дозволить ему раскаяться пред священником, получить отпущение его грехов и причаститься Святых Тайн. Привел с собою сына, который еще не крещен и для которого просит крещения. Принес пятнадцать ен на Церковь. Видно, что благодать Божия не оставила его. Потому я дозволил ему таинства покаяния и причастия. Денежное пожертвование его теперь не принял, а велел принести по возобновлении им общения с Церковью. Подарок же его мне (ящик яиц) принял как личное дело, изъявляя тем радость мою его возвращению в Церковь. Снабдил его христианскими брошюрами и поручил о. Феодору Мидзуно, бывшему его священником, по долгом приговору, преподать ему святые таинства.

21 января / 3 февраля 1902. Понедельник

Утром отчасти помешал переводу о. Тит Комацу. Нарочно приехал в Токио, чтобы посоветоваться о своих церковных делах. Слушал его часа полтора — ничего нет важного; дразги кое-какие. Главное: христиане Сиракава не обращают на него внимания, а за всем относятся к о. Павлу Савабе, и его одного слушаются: собственно — старые христиане, воспитанные о. Павлом, когда он жил там лет двадцать, дуясь на меня за свою историю 1884 года. Конечно, для о. Тита это обидно и неудобно в деле церковного управления. Но советовал о. Титу потерпеть о. Павла — старика, во многих отношениях заслуживающего уважения, не поднимать истории, а мирно и благодушно смотреть на отношения христиан Сиракава к нему; вреда большого от этого произойти не может. «Выжили отсюда катихизатора Симона Тоокайрина, опираясь на о. Павла» Тоокайрин теперь полезен в Батоо, а у них (христиан Сиракава) — Фома Оно, которого уже выжить нет никакого предлога, который, вероятно, и о. Павлу угоден, ибо в истории 1884 года был вместе с ним. До сих пор о. Тит терпел же — пусть и вперед так будет. — Еще у него неладно в Оота: П. Мисима, бывший катихизатор, мешает проповеди до того, что катихизатор Тихон Сугияма совсем бесполезен там, и о. Тит перевел его в Асикага, где катихизатор Яков Мацудаира отчаянно болен. Ну и хорошо: Оота пусть пока останется в непосредственном заведывании о. Тита. Прочее все у него по приходу в обычном порядке.

22 января / 4 февраля 1902. Вторник

Началась корректура печатания службы Первой недели Великого поста, довольно много у нас с Накаем отнимающая времени от перевода.

Петр Исикава приходил советоваться насчет печатания Нового Завета новым изданием — малым шрифтом; собралось у него 1200 требований малого формата; несомненно, поступит и еще много требований. Положили мы отпечатать три тысячи экземпляров. Будет стоить это 1200 ен, не меньше. Я обещал иметь наготове для уплаты половину этой суммы; другая же будет уплачена ныне требующими Нового Завета. Быть может, мало-помалу и все издание окупится. Но корректура при печатании пусть будет независима от нас с Накаем, чтобы нам сохранить время для другого.

23 января / 5 февраля 1902. Среда

Иван Момосе, семинарист шестого класса, уже двадцатилетний, влюбился в учительницу Женской школы Екатерину Накаи (дочь Маленды) и стал писать ей письма. Это открылось, и ученики Семинарии потребовали его исключения; но он расплакался и выпросил себе прощение. Это было перед Новым Годом. А сегодня Иван Акимович Сенума пришел ко мне с новым его письмом к Накаи: та, получивши, передала его начальнице школы Елисавете Котама, а она — Сенума. «Что делать с Момосе?» — спросил Иван Акимович. «Приходится, стало быть, исключить», ответил я с первого слова; но, прочитавши письмо, раздумал, — письмо человека, настроенного к служению Церкви, и не заключает ничего дурного, кроме крайней влюбленности писавшего. Жаль стало бедного; всего полтора года до окончания курса, после чего, поступив на службу, он может свататься к Накаи и, если та будет согласна, жениться и жить счастливо, служа Церкви. По молодости и пылкости чувства не мог он сдержать своего слова, данного товарищам, не писать больше; это его вина; и, конечно, если узнают ученики, что нарушил свое обещание, ему не быть больше в Семинарии. Ученики будут тоже правы в своем требовании исключить его, чтобы чиста была репутация Семинарии и Женской школы. Советовал я Ивану Акимовичу призвать его одного и убедить затаить в себе любовь к Накаи и продолжать учиться, пока кончит курс; пусть поборет себя, отнюдь не пишет ей и ни малейшего отношения к ней не имеет; если исполнит это, то счастье для него; если нет, то не избежать ему исключения.

24 января / 6 февраля 1902. Четверг

Был Стефан Доде; предпринимает сказать речь своим бывшим подданным о христианстве — так рассказать ее содержание и попросить молитвы об успешности ее. В субботу они — три брата Доде и племянник, глава их фамилии, — делают собрание для главных из своих бывших кароо и керай, соберется человек сто пятьдесят — тут будут и довольно

важные ныне военные и гражданские чины, и большие купцы, и простые дворяне, и студенты. Все, конечно, еще любят и чтут своих бывших князей, все интересуются здоровьем младшего из них (Стефана) и будут очень порадованы видеть его не очень слабым, а бодрым и радостным. Он их встретит и приветствием, скажет о любви вообще, перейдет к христианской и, по внушению ее, предложит им всем источник своего утешения, радости и счастья, именно христианскую веру; расскажет свой душевный опыт — что он искал успокоения в буддизме — не нашел; перешел к христианству — на протестантстве тоже не успокоился, а обрел покой в единой истинной вере — православной, и теперь, несмотря на свою чахотку, живет радостно, вполне предав себя воле Божией и готовый умереть хоть сегодня, если то угодно Ему.

В заключение речи он раздаст всем по книжке «*е-ире сейкё дайи*» (иллюстрированная брошюра «Сущность Православной веры») с прибавлением листа с адресами в Токио всех служащих Церкви, чтобы каждый знал, где найти дальнейшее научение вере, если пожелает его; для чего снабдился отсюда ста пятьюдесятью брошюрами и ста пятьюдесятью листами адресов. Надеется, что хоть маленькая польза от его речи будет, хоть некоторые брошенные семена не пропадут даром. Сам он в таком радостном и благочестивом настроении, что радостно смотреть на него. Истинно, благодать Божия осеняет его. Помогите ему, Господи!

По дальнейшему исследованию начальника Семинарии Сenums о Момосе оказывается, что воспитанница Екатерина Накаи совсем не так невинна, как я думал: она первая вызвала Момосе на переписку; она же и ныне вызвала его на теперешнее письмо, сама потом почему-то и предав его, отнесши его письмо к начальнице школы и зарекишись, что она знать не знает, почему он пишет ей. Ее письмо Момосе сжег, и потому она не может быть с личным уличена во лжи; но упоминаемый в письме Момосе подарок ее («письмо и подарок ваш получены мною»), сохранился; подарок этот — почтовые марки на шестьдесят сен; часть их Момосе уже издержал, большую часть представил Ивану Акимовичу для возвращения Екатерине. Призвал я воспитательницу ее — Евфимию Ито, и строго наказал внушить Екатерине, что такими поступками она может испортить всю свою будущность, и потому чтоб вперед отнюдь этого не было, и так далее. Боюсь, как бы не было беды с этою полуяпонкой-полушведкой. Японки куда как скромнее ее!

(Екатерина оказалась невиновною. Смотри запись 26 февраля старого стиля).

25 января / 7 февраля 1902. Пятница

О. Матфей Кагета пишет о смерти и погребении старика Якова Тото, достойнейшей из христиан Оказаки; его стараниями по преимуществу приобретена церковная земля и построены Церковь и дом для катихизатора; двадцать лет он усердно служил церковным старостой; за то же

и погребение его совершалось с редкою торжественностью – Церковь полна была молящимися о нем.

Моисей Минато с Сикотана извещает, что бонза бежит оттуда: все старания его совратить наших христиан-курильцев оказались тщетными. «Так воссияла твердость веры воспитанников Пресвященного Иннокентия» (после – Митрополита Московского), – прибавляет Моисей. Об одном скорбит Моисей – в избытке женского пола: мужчин двадцать четыре, а женщин сорок, а выдавать не за кого – японцы не берут, да и нет там таких японцев, которым надо было бы жениться, – остров уединенный.

От часу не легче со школами! Ученик Катихизаторской школы Сайто (из протестантов) принес бумагу, в которой описывает своего товарища Хане (первого ученика в низшем классе) такими чертами, что хоть на виселицу его! «Он атеист, развратитель, обманщик, живет здесь только как на временной квартире, пока найдет выгодное место, от всех деньги вымогает, жену бросил» и прочее, и прочее. И требует исключения его из школы. Я передал письмо заведующему Катихизаторской школой о. Феодору Мидзуно для исследования.

26 января / 8 февраля 1902. Суббота

О. Петр Сасагава пишет, что учитель пения Яков Маедако совсем изленился учить пению желающих петь в Церкви в Сендае. Это он пишет по условию со мною, сделанному летом, когда он приходил на Собор сюда и жаловался на леность Маедако; я сказал ему тогда, что он, о. Петр, должен требовать от своего причетника доброй службы; если же после всех выговоров и требований Маедако окажется неисправляющимся, то пусть пишет ко мне; Маедако будет наказан вычетом из жалования. Почему теперь и пишется Якову Маедако, что за его леность удерживается у него половина жалования (с третьего месяца); а если не исправится, то совсем будет отставлен от службы.

О. Феодор Мидзуно и начальник Семинарии Сенума – оба свидетельствуют, что ученик Сайто нагнал на Хане – почти все неправда, что внесено на Хане в его письмо. Посему донос его оставлен без последствий. Хане в негодовании на того, кто так отозвался о нем, но ему не сказали, кто. До чего Катихизаторская школа оскудела добрыми учениками!

27 января / 9 февраля 1902. Воскресенье

Погода прекрасная. В Церкви еще больше, чем в прошлое воскресенье, было матросов с «Петропавловска» и «Полтавы», но офицеров никогда ни одного – интеллигенты!

После Литургии были Доде – Стефан и Лука. Первый совершенно счастлив своей вчерашней речью к собранию своих «кераев»: слушали с

глубоким вниманием, розданную потом книжку о Православии приняли с уважением; Стефан уверен, что больший или меньший плод речи будет, и об этом только говорил сегодня.

Заходил еще из Церкви христианин из Нагано. Спрашиваю у него:

- А у вас в Церкви каждое воскресенье совершается Литургия?
- Нет, в месяц разве раз бывает.
- Отчего же? Просфор, может быть, трудно готовить?
- За просфорами остановки не бывает.
- Петь некому?
- Певчих человек восемь.
- Так отчего же не служится Литургия?

Он промолчал, а я подумал: вот что значит — некому наблюсти за священниками, нет благочинного! Священник ленится себе препокойно, и побудить его некому.

Был христианин из Кусиро, в Хоккайдо, излагал следующее: продается там дом, ныне нанимаемый под Церковь и квартиру катехизатора, с землею, на которой стоит. Земли 80 цубо, постройки 39 татами; продается все за пятьсот ен. Из сей суммы сто ен жертвует Антипа Фудзивара, наиболее состоятельный из тамошних христиан, пятьдесят ен все другие христиане (которых и всего-то там семь домов); двести ен надеются в два года выплатить посредством лотереи «мудзин»; пятьдесят ен — выторговать у продающих, а сто ен просят у Миссии. Теперь от Миссии идет ежемесячно пять ен на плату за церковный дом — так соединить плату двадцати месяцев и отдать им разом, с чем вместе прекратится ежемесячный расход Миссии навсегда. По выплате долга это недвижимое церковное имущество в Кусиро будет переведено на имя священника, пока же будет значиться за Антипой Фудзивара. Я согласился.

28 января / 10 февраля 1902. Понедельник

Оставил на время перевод, чтобы составить и послать в Россию годовой отчет 1901-го года. Только корректуру печатающейся службы Первой недели по вечерам с Накаем держим.

Моисей Кавамура, иподиакон, хорошо служит Церкви; зато же и себя не забывает. Получал доселе двадцать пять ен при готовой квартире (пятнадцать от Церкви, десять от меня лично); «мало этого, давай больше». Прибавил пять ен — пусть будет от Церкви двадцать, всего тридцать — священническое, и то не всех священников, жалованье. Человек нужный: ризнический заведует. Вероятно, скоро опять станет кланчить «в долг», как и сегодня просил не прямо прибавки, а «в долг двадцать ен»; но эти повторяющиеся «долги» составят еще больше, чем постоянная прибавка. Больше, впрочем, не дам.

29 января / 11 февраля 1902. Вторник

Японский праздник — «Кигенсецу» — начало Японского государства при Дзинму. Литургия и благодарственный молебен, на которые выходил и я.

Как нужно быть осторожным, чтоб не приптели к чему-нибудь политическому! Недавно (17 января) побыл в собрании, где говорились речи в пользу страдающих от отравления воды медным рудником в Асио, и из-за этого теперь таскают мое имя как союзника врагам Правительства. Сегодня от одного христианина очень укоризненное письмо пришло — «зачем, мол, восстающим на Правительство „светишь дорогу“ (чёочинтору)? Это очень вредно для христианского дела» и так далее. Стало быть, не нужно было принимать приглашения на это собрание. Вперед следует соблюдать это.

О. Яков Такая извещает, что землю, которую он с кагосимскими христианами хотел купить для Церкви, уже нельзя купить — цену очень возвысили, а между тем свою землю они продали; стало быть, теперь — между небом и землею!

30 января / 12 февраля 1902. Среда

Особыми прибавлениями к газетам, разнесенными по городу, возвещено о заключенном союзе Японии с Англиею для охранения целостности Китая и Кореи и их — союзников — интересов в сих государствах. Союз подписан обеими сторонами вчера, 11-го числа, и объявлен сегодня премьером Кацура в Верхнем Парламенте, министром Иностранных Дел Камура в Нижнем, а в Лондоне объявлен английскому Парламенту. Союз заключен на пять лет. Событие важное. Союз прямо направлен против России, хотя в нем, конечно, имени России не стоит — против покушений ее присвоить Манчжурию и прочее. Весьма жаль, что плохая политика России бросила Японию в объятия Англии, а Англия счастлива, что создала себе союзника на крайнем Востоке, который во многом свяжет свободу действий России относительно Англии в других местах.

31 января / 13 февраля 1902. Четверг

Английская и японская пресса радостно торжествуют по поводу заключения союза. Японцы чувствуют себя необыкновенно счастливыми, что самая сильная страна в мире, не имеющая обычая вообще заключать союза ни с кем, удостоила их такой дружбы. Но не пришлось бы им в конце концов дорого расплачиваться за эту дружбу с коварной союзницей.

Павел Канасуги пришел сюда на несколько дней из места своей проповеди и своего жительства в Симооса. Все еще в сильной печали от измены своей жены, но твердо стоит на почве христианской: обещал простить ее и принять в свой дом по-прежнему, если она раскается и даст твердое обещание вести себя хорошо. Она живет ныне у родителей и, по-видимому, в окаменелом состоянии сердца, несмотря на разлуку с тремя детьми. Я обещал Канасуги, что о. Феодор Мидзуно при посещении Церквей в Симооса всегда будет видеться с нею и стараться привести ее к раскаянию.

1 / 14 февраля 1902. Пятница

В одной из газетных вырезок сегодня прочитал, что Гордий Сиина определился учеником в училище законоведения. Вот тебе и кандидат Богословия и профессор Семинарии! Значит, служит здесь кратковременным наемником, пока приготовится к адвокатской или другой подобной службе, которая даст денег больше, чем теперешняя (тридцать пять ен при готовой квартире). Отвращение берет к этому мерзавцу. Сказал Сенума посоветоваться с Арсением Ивасава, нельзя ли его теперь же прогнать с семинарской службы? К классам нужно готовиться и преподавать серьезно, тем более, что ему при распределении уроков поручили довольно важные предметы — а может ли он, когда занят совсем другими, да еще при своей бездарности вообще? Ах, людей нет, людей нет! Отчего даже такой мерзавец обирает Миссию!

После всенощной, перед завтрашним праздником, выбрал диакона Якова Мацуда за плохую проповедь: совсем бессодержательная — одну и ту же мысль повторяет на десятки ладов, нестерпимо слушать. Должен тщательней готовиться к проповеди.

2 / 15 февраля 1902. Суббота.

Праздник Сретения

На днях на классе спевки говорил Львовскому и Обара не растягивать без нужды пения. Не раз уже это говорил им, и всегда речи, как к стене горох. Задостойник сегодня Обара с правым хором тянул так, что я думал — завтра только кончит, — на каждой ноте, пока она тянется, можно заснуть и выспаться. Просто мучение слушать это безобразничанье; не помогает молитве, а убивает молитву. После службы призвал Алексея Обара и дал ему строгий выговор.

Был посланник Извольский и князь Лобанов, Иокохамский консул. Посланник говорил, что адмирал Скрыдлов очень рассердился за то, что в Нагасаки при госпитале часовню перестроили в Церковь и сменил за это доктора Волошина — зачем-де не спросил позволения у него; хотел

де Скрыдлов в гневе говорить об этом со мною, зачем я разрешил игумену Вениамину строить Церковь, но он — посланник — удержал Скрыдлова от этого и успокоил его гнев. Я объяснил посланнику, что Скрыдлов был в заблуждении: там как была часовня, так и осталась часовня, только поукрасили ее несколько; о. Вениамин и все другие окрестили ее там в Церковь; я и не догадался вывести их из заблуждения, потому что у нас и японские молитвенные дома обыкновенно называются Церквами, но это не в собственном смысле; Церковь в собственном смысле — такое здание, которое освящено по чинопоследованию с положением в основание Святых Мощей. Хлопоты о. Вениамина по украшению часовни я одобрил, но разрешить ему строить храм там (не для японцев) я и права не имел бы; о том следовало бы просить Санкт-Петербургского Митрополита, которому подведомы все заграничные Церкви. Конечно, Волошин должен был спросить позволения у адмирала на переделки в часовне; но о. Вениамин тут ни при чем; разве что он должен был напомнить доктору написать к адмиралу, чего он не сделал, так как сам еще человек неопытный.

Посланник сказал еще, что Государь Император пожертвовал пять тысяч рублей на постройку храма в Нагасаки. Значит, храм там непременно будет построен, и именно на месте, пожертвованном для того евреем Гинцбургом; Государь велел благодарить его за это пожертвование.

Князь Анатолий Григорьевич Лобанов-Ростовский приезжал прощаться перед отправлением в Россию — назначен на высшее место, после двенадцатилетней службы в Иокохаме, где заkis до того, что сделался отъявленным пессимистом, — о чем ни заговорит, все бранит.

3 / 16 февраля 1902. Воскресенье

Так-то полезны внушения урегулировать пение, не тянуть безобразно: сегодня на Литургии во время «Херувимской» мы, священнослужащие, успели все сделать, конечно, нисколько не торопясь, а весьма истово, и отправиться к жертвеннику, а Львовский с правым хором все еще тянул первые четыре слова «Херувимской» («Варера цуцусинде херувим-ни ноттори») и, вероятно, еще продолжал бы тянуть, но я послал иподиакона поторопить. — А на днях только что просил не безобразничать так! Никакого внимания, ни малейшего уважения ко всем просьбам и внушениям! — Понес к нему жалованье его за январь и, кстати, уже с гневом выговорил, и, уходя, сильно хлопнул дверью, но — тоже поди — умано мими-ни казе! Не знаю, что и делать с этими людьми.

О. Симеон Мии из Кёото пишет, что «11-го числа сего месяца (нового стиля), в день государственного праздника „Кигенсецу“ отслужен молебен пред начатием учения и, с помощью Божиею, открыта наша Православная Женская школа в Кёото». И продолжает: «Да будет навсегда этот

день достопамятным днем основания этой школы до тех пор, пока Японское государство будет существовать. С нами вместе торжествовали сей день сестры и некоторые братья этой Церкви, и даже иностранные единоверцы — греки. По окончании молебствия и проповеди в Церкви наставница и матушка новонасажденной школы Н. П. Такахаси пригласила всех этих — собравшихся на молитву — к себе в школу на трапезу и угостила нас по-тоокейски». Ученицы пока только четыре. Но о. Мии надеется, что скоро наберется много, и, конечно, наберется.— Он пишет еще, что «несколько искренно приготовляющих себя к крещению» в Кёото и в Оцу, куда он с катихизатором поочередно ездят для проповеди каждую неделю.

4 / 17 февраля 1902. Понедельник

Днем писание Отчета, вечером перевод Страстной Седмицы.

5 / 18 февраля 1902. Вторник

То же. Письмо из Кёото Надежды Такахаси с более подробным, чем у о. Мии, описанием открытия школы. Четыре ученицы — язычницы, хотя родители или родственники их христиане; подчиняются ученицы вполне христианскому школьному режиму; на полуцерковном содержании.

6 / 19 февраля 1902. Среда

Отчеты и корректура Первой недели Великого поста.

Регент Алексей Обара повенчан вторым браком с какой-то, тоже уже бывшей замужем; она научена немного христианству и на днях крещена. Обара — совсем кощец, без одного легкого, по фигуре — на ладан дышит, а женится! Жаль, если скоро израсходует остаток жизни; хороший регент, заменить будет некем.

7 / 20 февраля 1902. Четверг

Сиина Гордий ушел с церковной службы — туда дорога! Но ушел-то нахалом. Как видно, место для какой-то службы вне Миссии у него уже было найдено, поэтому когда ему вчера Сенума стал советовать оставить Юридическую школу, чтобы хорошенько готовиться здесь к своим классам, он рассердился и сказал, что бросает здесь службу. Сегодня утром пришел объявить мне об этом, но с претензией: Самые великие отцы Церкви: Василий Великий, Григорий Богослов — были адвокатами, и он хочет, подражая им, получить адвокатский диплом, но этого ему здесь

не позволяют, поэтому он уходит. И ушел. Но причину своего ухода окончательно свернул на меня, будто я его прогнал.

8 / 21 февраля 1902. Пятница

Отчеты и корректура.

9 / 22 февраля 1902. Суббота

Призывал О. Алексея Савабе, чтобы взять у него катихизатора Иоанна Хитоми для гувернерства и учительства в Семинарии на место Петра Суда, заболевшего чахоткой. Думал, что о. Алексей, по обычаю, станет упорствовать — «нужен, мол, очень для Церкви Акасака» и прочее; к счастью, о. Алексей отнесся к утрате благодушно, хотя немного опечалился.

Всенощную Львовский с правым хором так спешно пел, что еще пуще безобразие, противоположное тому, за которое я сделал ему выговор в воскресенье. Мучение, да и только! Уж пусть лучше бесконечно тянет, чем торопится так, что певчие и слова иной раз не могут выговорить; первое будет неуменье или нерадение, второе же кощунство. До того человек не хочет употребить внимание! Весь ушел в свою должность самца.

10 / 23 февраля 1902. Воскресенье

После Литургии Стефан Доде, зашедши ко мне, рассказал, что старший брат его присоединился к какой-то новой секте, очень страшной: члены ее, собравшись, исповедуются в своих грехах — каждый перед всем обществом; затем, что еще бывает у них, во что они веруют и прочее. Стефан еще не знает; кажется, нет пункта веры ни в Бога, ни в Будду, ни в какое другое высшее существо; «ё-наге» — отречение от мира у них главное, но в чем оно состоит — тоже не ясно. Спрашивал Стефан, можно ли ему присоединиться к этому обществу с целью разбить их учение и образумить их?

— Делаться членом общества такого никак не следует. Но вы можете так пойти на их собрание и говорить с ними.

— Они посторонних на свои собрания не допускают.

— В таком случае займитесь обращением вашего брата на путь истинный, этого с вас пока достаточно. Притом же, если вы образумите брата, то чрез него можете подействовать и на других. Главное же, займитесь обращением ко Христу вашей матери. Ужели вы допустите, чтобы она умерла в слепоте духовной? Истощите всю вашу сыновнюю любовь, чтобы тронуть ее сердце, — и прочее, и прочее.

11 / 24 февраля 1902. Понедельник

О. Иоанн Оно из Оосака пишет об о. Сергии Судзуки, что он не уживается ни с христианами, ни с христианками; последних чем-то оскорбил на их собрании, так что они и собрания из-за него прекратили, — насилиу о. Оно опять побудил их начать. — Положительно неспособен о. Судзуки управлять Церковью; и его рано или поздно придется взять сюда, к Собору, где ему не с кем будет ссориться.

Гордый Сиина опять напомнил о себе: пришел требовать жалованье за февраль по число, когда ушел. Оно ему и дано; но это уже последний его побор с Церкви. — Впрочем, кто знает; ведь гениальный надувало и нахал; может, и опять извернется надуть. На метрическом свидетельстве, которое я ему когда-то, по его просьбе, послал в Иркутск — только на этой ничтожной бумажке он ухитрился выехать и в Семинарию, и в Академию, да еще мало в Казанскую — в Петербургскую; везде заверяя, конечно, что он имеет целью только одно — служить Церкви в Японии. И вот наслужил. Надул и здесь Церковь почти на сто ен, да еще со злословием ушел, будет теперь пакостить Церкви, елико возможет.

12 / 25 февраля 1902. Вторник

Хорош состав учеников в младшем курсе Катихизаторской школы: то и дело, что доносят друг на друга разные пакости да ссорятся между собою до драк. Утром сегодня с плачем приходил Петр Танака, что из Немуро прибыл всего на несколько месяцев в школу, почти старик; на него внесли, будто он причиной ссор в школе, тогда как он ничему не причинен и, кажется, единственный порядочный человек между ними... Полное оскудение проповеднического элемента!

Во время класса пения сказал двум собранным вместе хорам, каково должно быть пение в Церкви — неспешное, раздельное, молитвенное, от сердца идущее, не как кимвал звянающий, и прочее.

13 / 26 февраля 1902. Среда

Стефан Доде был, говорил, что на днях будет собрание его товарищей по школе — «квазоку гакко», и он намерен на нем говорить товарищам о необходимости религии, именно христианской, для человека — спрашивал совета для сего. Я, конечно, одобрил и кое-что посоветовал. Но жаль, что сей юный аристократ при своем постоянно спокойном и радостном настроении духа от успокоения во Христе не перестает кашлять; злой недуг, видимо, продолжает точить его здоровье.

Под вечер прибежали сказать, что о. Павлу Сато очень трудно. Нашел его в бессознательном состоянии; о. Мидзуно в епитрахиле читал отходную, врач и сиделка хлопотали; собравшиеся около постели помолились. Мало-помалу ему сделалось лучше. Но смерть — не за горами.

14 / 27 февраля 1902. Четверг

О. Феодор Мидзуно, вчера только что вернувшийся с обзора своих Церквей в Симооса, вошел подробно в разбор ссоры учеников Катихизаторской школы как заведующий сею школою, в качестве инспектора, и успокоил всех, надолго ли — неизвестно. Следовало бы весь младший класс выгнать из школы, но авось и из них кто-нибудь будет полезен Церкви.

15 / 28 февраля 1902. Пятница

Отчеты и донесения за прошедший год, наконец, отправил на почту. За неимением помощника много времени всегда берет это дело.

В Семинарию поступил новый гувернер и учитель Иоанн Хитоми. А для замещения его в квартале Акасака о. Алексей Савабе просит Якова Оота, молодого катихизатора из Одавара — «там-де два, одного священник может уступить». Написано к о. Василию Усуи, может ли уступить? Но чтобы не стеснялся отказать, если не может...

16 февраля / 1 марта 1902. Суббота

К удивлению, о. Василий Усуи ответил, что «со всею готовностью отправит немедленно Якова Оота в Токио в распоряжение о. Алексея Савабе». Это плохо рекомендует Оота, значит — не такой катихизатор, что можно дорожить им. Жаль! Недавно выпущенный из Семинарии, на которого надежды возлагаются.

17 февраля / 2 марта 1902. Воскресенье

Грубое и безграмотное письмо от адмирала Скрыдлова из Нагасаки. «Зачем-де часовню при госпитале там без спроса у него обратили в Церковь?» А часовня остается той же часовней, только отремонтирована. И из-за этого адмирал сменил доктора Волошина, говорят, очень хорошего по своей части, и воздвигает бурю против о. Вениамина, да вот и сюда брызги его гнева. Как это глупо! Я лучше думал о Скрыдлове, земляке своем. Отвечать — значило бы вразумлять его — не поймет!

О. Яков Такая, из Кагосима, извещает, что остались они там без церковного места, как раки на мели. Свое, на котором стоял погоревший церковный дом, продали — тесно-де, а за намеченное для покупки

подняли теперь такую цену, что приступить к ней нельзя. Зачем плохо рассчитывать и зевать!

18 февраля / 3 марта 1902. Понедельник

О. Василий Усуи пишет из Одавара, что Петр Суда — губернатор и учитель Семинарии, живущий там под предлогом лечения груди, совсем не лечится, а развратничает в непотребных домах. А казался таким скромником! До сих пор и жалованье полагалось ему каждый месяц на лечение — вылез! Не только жалованье все употреблял на кутеж, но у катихизаторов одежду занял и заложил для той же цели. — Только зачем же о. Василий до сих пор молчал? И теперь-то написал не прямо мне, а частно — секретарю. Гнилая деликатность! В том же письме — о Якове Оота, которого так охотно отпустил в ведение о. Алексея Савабе, что он до того был ленив и бездеятелен, что прозвали его в Одавара: «Дармоденкёос». И об этом тоже мне до сих пор ни слова! — Постоянно приходится возвращаться к сожалению, что нет благочинного для наблюдения над катихизаторами и над самими священниками.

19 февраля / 4 марта 1902. Вторник

Князь Гагарин, консул в Нагасаки, извещает, что Государь Император, кроме того, что пожертвовал пять тысяч рублей на Морской Дом, принял его под свое покровительство, также пожертвовал еще пять тысяч рублей на постройку Церкви в Нагасаки и что она в скором времени начнет строиться. Все это весьма приятно! Просит Гагарин духовных книг для чтения поселяющимся на время в Морском Доме. — Тотчас же я отобрал из запасной библиотеки пятьдесят названий лучших книг, начиная с Библии, по разным духовным отделам, переплетенных, пятнадцать без переплета книжек и отдал уложить в ящик для немедленного отправления; а на постройку Церкви подписал двести ен.

20 февраля / 5 марта 1902. Среда

О. Андрей Метоки, из Хакодате, извещает, что два дома в городе, составляющие недвижимое имущество Церкви, переведены христианами, на имена которых доселе записаны были, на имя его как священника, согласно указанию отсюда. Отвечено ему, чтоб земельные и домовые документы прислал сюда для хранения в железном шкафу, а от себя написал удостоверение, что «имущество не его, а церковное» и что «во всякое время, по указанию Епископа, он готов передать его другому, кому будет указано», и чтобы один экземпляр сего удостоверения вручил

там церковным старшинам, а другой прислал сюда. Послана и форма удостоверения, списанная с документа сего рода, данного о. Иоанном Катакура Церкви в Иваядо.— Слава Богу, Церковь Хакодате, кажется, успокоилась от бывших там треволнений.

21 февраля / 6 марта 1902. Четверг

О. Матфей Кагета пишет: «В Уцумия родственника одного христианина хотели отдать приемышем в другой дом, но он не хотел этого; когда стали его к тому принуждать, он убежал в другой город; христианин отправился убеждать его, но молодой человек, не вынося дольше приставаний к нему, лишил себя жизни; христианин, оказывается, был косвенною причиною сего». О. Матфей спрашивает: «Можно ли допустить сего христианина до Святой Чаши?» Ответчено: препятствий я не вижу, если только со стороны его не было насильственных побуждений к молодому человеку.

Был из города Фукци некто Мацубара Сакаи, ревнитель дружбы Японии с Россиею, и, кажется, искренний; путешествовал по Европе, видел и Москву; основывает общество для торговли с Россией, негодует на теперешнее заключение союза Японии с Англией.

22 февраля / 7 марта 1902. Пятница

Из Тоёхаси богач Петр Танака и другой тоже не бедный христианин — Василий Таказава, оба — церковные старшины, приходили просить три тысячи ен в долг на постройку храма. «Три тысячи у них своих церковных есть, но это надобно на покупку земли под храм, ибо теперешнее церковное место тесно для того; а купивши землю, нужно строить храм — на это нет, просят Миссию одолжить, потому что занимать у других — надо платить большие проценты». Я адресовал их к своим собственным их карманам. Могут сами и кланчат. Как будто Миссия золотое дно для них! Несносно!

Бессовестные католики вечно клеветуют на Патриарха Фотия. Нескончаемая мистерия! Из одной Церкви просят дать отповедь патерам, которые там усиленно блядословят, будто «Фотий — совсем и не духовный, ибо поставлен светскою властью, без посвящения». Дал я Петру Исикава книжки о Фотии — Иванцева и Преображенского — составить отповедь. Да и перевести нужно историю Фотия для рассылки по Церквям; слишком часто католики беспокоят сим предметом.

О. Тит Комацу очень хвалил деятельность Сима Тоокайрина в Бато; двенадцать человек крестил приготовленных им; Церковь весьма оживлена и довольна своим катихизатором, которого так опрометчиво и неблагодарно выжила от себя Церковь Сиракава.

23 февраля / 8 марта 1902. Суббота

Из Аляски, от священника Кодьякской Церкви, о. Тихона Шоломова письмо со вложением пяти долларов: просит на них выслать японских Евангелий и других наших книг, для нескольких японцев, осевших там и сделавшихся христианами. Немедленно пошлетя книг на десять ен.

24 февраля / 9 марта 1902. Воскресенье

За Литургией приобщен Святых Тайн христианин из Казоо-маци, Авдий Миезава, когда-то написавший в Миссию, что он выходит из Церкви. Под давлением внешних обстоятельств сделано было это им, не от души, которую и благодать Божия не совсем оставила, и вот он раскаялся и с какою видимою радостью сегодня опять сделался членом Церкви! По выходе из Церкви после Литургии был у меня, и я принял от него в Церковь пятнадцать ен, которые он недавно приносил, но которые тогда я не принял, как от человека, оскорбившего Церковь.

В пять с половиною часов была вечерня с Малым повечерием, после которого обычное прощанье, в небольшой речи, при котором я очень укорил Катихизаторскую школу за происходящие в ней ссоры и убеждал непременно в этот вечер всем взаимно примириться, и потом всегда жить мирно; у нас здесь фокус, из которого по всей Японии должны расходиться светлые лучи Божия мира и христианской любви.

**25 февраля / 10 марта 1902. Понедельник
Первой недели Великого Поста**

Служба в первый раз совершалась по новому переводу, только что оконченному и еще продолжающемуся печататься, «Служба Первой недели Великого Поста»: «Дайсай дай иссюкан хоодзисики ряку». В заглавии прибавлено «ряку», так как служба, действительно, сокращена, особенно чтение псалмов. Тем не менее: утреня продолжалась сегодня ровно полтора часа, Часы с вечерней ровно два часа, Великое повечерье тоже два часа. Читают истово, к тому же чтец стоит посреди Церкви; значит, всем понятно и всем слышно. Дай Бог только, чтобы было, действительно, во спасение души.

Печально, что, кроме школ, почти ровно никого из христиан в Церкви не бывает. Сколько не говоришь священникам и катихизаторам, чтобы побуждали христиан ходить в Церковь, никакой нет пользы. Катихизаторы даже и сами почти никогда не бывают; учителя тоже.

Прежде меня это очень сердило; теперь привык; какая же польза сердиться? Только нагретишь, а их не исправишь.

Великий Канон по новому переводу ныне я сам читал, и вперед всегда буду это делать.

***26 февраля / 11 марта 1902. Вторник
Первой недели Великого Поста***

Бедная Екатерина Накаи, молодая учительница, была под подозрением, что пишет письма к семинаристу Ивану Момосе (см. запись 24 января старого стиля), совершенно напрасно. Недаром она усиленно отрицала свою вину и говорила, что какой из учеников — Момосе, не знает; это, действительно, так. К Момосе писала Вера Такахаси, дочь диакона Павла Такахаси, влюбившаяся в него; а Момосе, равнодушному к Екатерине Накаи, вообразилось, что это она ему строчит — письма были безымянные. Сегодня, наконец, Момосе получил письмо от Веры Такахаси с ее подписью и адресом; письмо — той же руки, какой были прежние безымянные. Это уяснило дело. С Екатерины снято подозрение, что очень обрадовало ее и всех в Женской школе, а также и меня. Начальник Семинарии Сенума, по моему внушению, вызвал диакона Такахаси, передал ему письмо его дочери и почтовые марки, которые были вложены в прежнем ее письме вместе с советом, чтобы он наставил свою дочь быть скромнее.

***27 февраля / 12 марта 1902. Среда
Первой недели Великого Поста***

Вчера кончили печатание «Дайсай дай иссюкан хоодзисики ряку», а сегодня мы с Накаем кончили поверочное чтение отпечатанных листов; ошибок в печати почти никаких нет. Остается книгу переплести и разослать по церквам. Жаль только, что опоздала к употреблению в этом году — везде, кроме Собора; здесь же службы всей недели будут совершаться по новому переводу, к видимому удовольствию всех, так как все находят чтимое и поемое ясным и вразумительным.

О. Симеон Мии пишет, что Мацубара, на днях бывший у меня, приглашает его в Цуруга, где 18-го числа состоится собрание участников Японско-Русского Торгового общества, и отсюда в Фукуи, его родной город, для того, чтобы познакомить его, о. Семена, с его, господина Мацубара, друзьями и родными — а это будет знаменитый и влиятельный человек в провинциях Хокурикудо. В его ведении состоят органы печати в Фукуи и Каназава, и через них он простирает свое влияние на

общественное мнение народа в том краю. При важных случаях он всегда является представителем тамошних коммерческого и промышленного сословий... Результатом непосредственного ознакомления его с Россией явилось убеждение, что Японии необходимо быть в дружественном общении с нею; и он теперь энергично стремится к осуществлению сего... Над англо-японским союзом он смеется и говорит: «От этой затеи проку не будет нам — какая польза в союзе Дальнего Востока с островом на Дальнем Западе?» «Впрочем, это дело не наше; а нам только нужно воспользоваться благоприятным случаем начать проповедь и основать Церковь в том крае, который считается доселе недоступным для Христианства», — заключает о. Семен и просит благословить его воспользоваться приглашением господина Мацубара, а вместе с тем дать на дорогу и на прожитие нескольких дней в Фукуи. С удовольствием я сделал это; впрочем, церковных денег не осмелился послать, так как еще неизвестно, будет ли польза для Церкви от его поездки, а послал от себя частных шестнадцать ен.

*28 февраля / 13 марта 1902. Четверг
Первой недели Великого Поста*

О. Вениамин в первый раз совершил крещение над японцем, — крестил некоего Ямада, в Нагасаки, и пишет: «Не могу описать того чудного торжественного настроения духа, какое я испытываю, впервые вводя в лоно Святой Церкви просветившегося светом Евангельской истины бывшего язычника». Совсем по-великопраздничному! Помоги Бог! — Собирается нанять для себя японский дом, чтобы дать более доступа к себе японцам и получить сравнительно лучшую возможность углубиться в изучение туземского языка, правов и обычаев народа!.. Живя ровно два года в Японии, только теперь додумался до нужды учиться по-японски; да и теперь мы с ним еще плаваем в эмпиреях, а спустимся ли на землю, еще не решено, судя по языку. — Я ответил ему, что очень обрадован его письмом и пожелал осуществления его благих намерений. — И вправду рад; быть может, из него и выйдет миссионер. — Теперешнего Ямада кто и как готовил к крещению, не знаю — он не извещает.

Василий Ямада, здешний начальник «Сейнен-квай»'я и писатель, приходил с проектом устроить летние чтения для катихизаторов, которые соберутся сюда ныне на Собор — нужно-де подновлять у них научно-религиозные сведения; наставники Семинарии: Сенума обещал лекцию по Нравственному Богословию, Пантелеймон Сато — по Церковной Истории, редактор Петр Исикава — по Христианской Философии; с другими еще не говорил, но, верно, тоже не откажут приготовить по чтению. Чтения продолжаются неделю после Собора. Останутся на них, вероятно,

немного катихизаторов; их поместить бы в Семинарии, чтобы дешевле было содержать неделю.— Подумавши немного, я согласился; главное затруднение в расходе; вероятно, ен с триста нужно иметь для сего лишних. Пользы, конечно, мало будет. Во-первых, лекторы поленятся хорошенько приготовиться, во-вторых, слушатели — все такая посредственность, что ничего не удержат в памяти. Но все же — некоторое доброе развлечение, некоторое веяние, которое если добрых семян и не оставит, то все же несколько головы освежит и очистит.

Перед вечерней все ученики старшего курса Катихизаторской школы пришли ко мне: «Важное дело есть, послушайте».

— Извольте говорить.

— Петр Осиды (бывший бонза) в эти дни вместо того, чтобы поститься, ходит в Иосивара (непотребный дом). В Церкви не бывает — отзывается болезнию, но у доктора тоже не бывает; домой возвращается только к десяти часам вечера, когда затворяются ворота. А вот и доказательство, что он именно в непотребном доме проводит время. Письмо к нему от непотребной женщины.

— Читайте.

Прочитали. Письмо составлено по шаблону — для зазывания и влечения дальше и дальше попавших в этот омут — в то же время показывает большую близость Осиды к писавшей.

Дальше говорят:

— Мы объясняли все о. Федору, но он почему-то защищает Осиды; хотел взять от нас это письмо, но мы не отдали и принесли вам показать. Мы не желаем больше выносить такого человека, как Осиды, между нами; он — позор для Катихизаторской школы; мы просим его исключить.

— Ваша просьба резонна. Позовите о. Феодора.

Пришедшему о. Феодору Мидзуно, как начальнику Катихизаторской школы, я отдал при них же приказание удалить Петра Осиды из школы. Когда же удовлетворенные этим ученики ушли, я стал выговаривать о. Феодору:

— Зачем вы защищаете Осиды, когда требование учеников так законно? Этим вы роняете свой авторитет пред ними.

— Я не защищаю, а хотел только выслушать и его, когда он вернется домой,— отвечал о. Феодор.

— На что же очевидные скверности его поведения? Более явных доказательств и быть не может. Разумеется, он тут станет как-нибудь изворачиваться и лгать, но разве можно брать это во внимание?

Когда Осиды вернулся домой, о. Феодор сказал ему, что он исключен, и он оставил школу.

Из бонз до сих пор не вышло ни одного порядочного человека, а сколько их просилось сюда и сколько перебивало здесь!

1 / 14 марта 1902. Пятница
Первой недели Великого Поста

Службы по только что отпечатанному переводу ведутся чинно и исто-во. Читают почти все семинаристы; лучший из них чтец — Николай Ёсида. Кроме присутствия на службах, целый день занимался разборкою книг, пришедших из России, — большого заказа, свыше шестисот рублей, сделанного на деньги, пожертвованные для того бывшим первым секретарем посольства Станиславом Альфонсовичем Поклевским, католиком по религии, но человеком богатым и добрым.

2 / 15 марта 1902. Суббота
Первой недели Великого Поста

В восемь часов звон в Церковь, по которому все учащиеся собрались, и прочитано было Правило ко причащению; потом потрезвонили, и началась Литургия, за которой все приобщены Святых Тайн. После причастия я рассказал о святом Великомученике Феодоре Тироне — его мученичестве и его явлении Константинопольскому Архиепископу для предупреждения христиан от употребления пищи, оскверненной идо-ложертвенною кровью по повелению Юлиана, в заключение — о всег-дашнем строгом соблюдении Великого Поста православными христиа-нами и о том, что через их, слушателей, постование ныне Японская Церковь приобщается в сем отношении к сонму Церкви Вселенской.

Пока все приобщались Святых Тайн, я вышел из Церкви вместе с диаконом Стефаном Кугимия и отправился в Университетский госпи-таль посетить трудного Павла Хирума. Человек этот прежде был хорошим христианином, много жертвовал на Церковь в Коодзимацзи, потом охладел, стал вести жизнь языческую; завел наложницу, по обы-чаю состоятельных, малонравственных язычников; так прошло лет двадцать, теперь, перед смертью, покаялся и приобщился Святых Тайн. У постели его я нашел жену, трех сыновей и дочь; все, вслед за ним, чужды были Церкви до сих пор, и, хотя крещены, учение нисколько не знают; он велит им ныне быть хорошими христианами, и я убеждал их к тому, но состоится ли это, Бог весть. Слава Богу, что Он, милосердный, призвал его к покаянию — значит, у него все же искорка веры хранилась в душе, что Бог нашел его не недостойным...

С двух часов — в Английской Епископальной Церкви, в Сива, был на отпевании Archdeacon Shaw, хорошего знакомого, с 1873 года трудивше-гося в Японии по миссионерству и в то же время бывшего chaplain'ом английского посольства, человека весьма доброго.

Отпевание было великолепное: два епископа (Awdry и McKim), много миссионеров и японского духовенства, и много других иностранцев и японцев; множество венков. Грустно только всегда на протестантском отпевании, что ни слова молитвы о покойнике.

3 / 16 марта 1902. Воскресенье
Первой недели Великого Поста

До Литургии несколько человек крещено; за Литургией было немало причастников.

Вечером начались обычные занятия. У нас с Накаем исправление прежнего перевода службы Великой субботы, с четвертой песни на утрени.

4 / 17 марта 1902. Понедельник

Был епископальный миссионер из города Окаяма, Reverend Nind; в течение разговора спрашивает: «Можно ли нашему и вашему проповедникам вместе за одно проповедывать?» Я сказал, что «нельзя», и объяснил причины: «многие пункты учения у нас так далеко расходятся, что мы, проповедуя сообща, можем и слушателей смутить, и сами впасть в весьма неловкое положение. Например, ваш проповедник только что скажет, что источником вероучения служит одно Священное Писание, как наш вслед за ним докажет, что одно Священное Писание недостаточно; ваш объяснит, что у Церкви два таинства, наш потом изъяснит, что у Церкви семь таинств, и прочее подобное». — «Так я буду знать теперь, что отвечать вашему священнику. Это он просил нашего диакона проповедывать вместе с ним», — заключил разговор об этом Reverend Nind.

Хорош о. Игнатий Мукояма, наш окаямский священник! Впервые слышу, что наш священник обращает такую просьбу к протестанту. Наших протестанты часто просят, это мне известно, и я думал, что Reverend Nind ведет речь в этом направлении, а тут совсем наоборот! Надо будет на Соборе сделать внушение, чтобы вперед этого не было. Пусть живут с протестантами мирно и любовно, но пусть проповедуют им, а не с ними. — Reverend Nind изъяснил еще, что у них в Окаяма христиан еще нет, а только место проповеди, что в Тайкёо-дендоо там они, епископалы, с прочими протестантами не участвовали и прочее.

5 / 18 марта 1902. Вторник

Начали переписку Страстной службы для печати.

6 / 19 марта 1902. Среда

Ученики Семинарии до того перессорились, что второго класса Василий Оки кинжалом ранил руку одному ученику четвертого класса, за что приговором учителей был исключен и завтра утром отправлен будет домой, в Фукуока на Киусиу; кстати, и ученик совсем плохой; за малоуспешность его и прежде хотели исключить, и оставлен он был на время,

для окончательного испытания, не окажется ли более успешным. Подкладка ссоры, по уверению господина Сенума, хорошая: ученики четвертого класса хотели отучить Оки от табакокурения, так как ныне в Семинарии почти уже никто не курит; Оки за это разозлился, и произошла ссора.

7 / 20 марта 1902. Четверг

Записать совсем нечего, кроме того разве, что на левое ухо я оглох, по какой причине, не знаю; ухо не болит, а слышит плохо. Устарела, значит, машина — хлябать начинает. В порядке вещей. Только бы послужила, пока богослужение переведу.

В свободные обрывки времени просматриваю пришедшие из России книги. Сегодня читал Ницше: «Помрачение кумиров» и «Заратустру», — что за мерзость! Так и вест могильным гнильем! Отвращение берет.

8 / 21 марта 1902. Пятница.

Японский гражданский праздник

Накая никак не мог убедить заниматься до обеда. Механическое отношение к делу и наемнический дух, к сожалению, виден в нем.

О. Андрей Метоки прислал, для хранения здесь, документы на владение церковными земельными участками и зданиями в Хакодате и Арикава, переведенными на его имя, вместе с свидетельством от себя, что это не его, а церковное, и что, по указанию от Епископа, он готов во всякое время передать это на другое имя. Ему послана расписка от меня в получении документов на хранение.

Протестанты в последнее время много шумят о своем соединении в одно и тут же разъединяются. Reverend McCaleb, совсем мне не знакомый, прислал сегодня брошюру «How to get into Church?», в которой изложен его разговор с Reverend Woodworth. Мак Калев всячески силится доказать, что крещение надо совершать через погружение, а Вудворд утверждает, что не только не надо через погружение, а можно и совсем обойтись без крещения, лишь бы получить Святого Духа, как Корнилий — до крещения, и в конце концов грубо выругал Мак Калеба, заключив словами, что то, что он утверждает, есть «piece of stupendous theological nonsense».

9 / 22 марта 1902. Суббота

Служба на первую неделю Великого поста отпечатана и отдана в переплет, после чего будет разослана по Церквам; на этот год запоздала для употребления, зато на все будущие годы годится. А что эта служба весьма нужна была, тому вот доказательство: сейчас прочитал письма оо. Василия Усуи, из Одавара, и Павла Морита, из Маебаси, — тот и

другой извещают, что целую неделю ежедневно три раза отправляема была им служба, и молящихся было: у первого всегда двадцать-тридцать человек, у второго — пятьдесят-шестьдесят человек. А служба совершалась по обрывкам старого перевода! Конечно, они и христиане их весьма рады будут получить перевод службы, возможно, лучший в настоящее время, хотя несколько и сокращенный.— Надежда Такахаси, учительница школы в Кёото, пишет также, что весьма скучала от неимения службы там в первую неделю, к каковой службе привыкла, живя здесь. В будущем году будут иметь и в Кёото это утешение — она и другие христиане.

О. Яков Такая пишет, что удалось, наконец, купить землю для Церкви; за 1650 ен куплено 400 цубо. Слава Богу! Теперь, помощи Господи, христианам Кагосима построить церковный дом!

Благодарение Господу за видимую Его помощь Церкви в Кёото! Сегодня получил письмо из Москвы от Льва Александровича Тихомирова, извещающее, что иконостас совсем готов к отсылке, колокола тоже приобретены каким-то добрым жертвователем за 1700 рублей, на паникадила и подсвечники 650 рублей пожертвованы, два прибора облачений для Кёото и серебряное облачение для меня шьются. Все, вероятно, в марте из Москвы будет отправлено сюда. Константин Петрович Победоносцев обещал устроить даровую перевозку через Вооруженный Флот. За все пожертвования мы будем обязаны, главным образом, Василию Геннадиевичу Дудышкину. Да воздаст ему Бог стократно и тысячекратно — ему и другим участникам доброго дела!

10 / 23 марта 1902. Воскресенье ***Второй недели Великого Поста***

После обедни был студент Университета — антрополог Като, учащийся христианству у Василия Ямада и просящий уже крещения. По испытании оказывается не совсем ясно понимающим учение, но уверяет, что от всего сердца желает сделаться христианином. Долго толковали мы с ним о главных пунктах вероучения. По-моему, следовало бы подождать ему и больше научиться, но, памятуя Филиппа и Каженика и видя его веру в Божество Спасителя и сильное желание крещения, не решился запретить. В следующее воскресенье примет крещение.— Като изучает, между прочим, русский язык, с целью отправиться путешествовать по России. Опасался я, не для того ли он и православную веру принимает; но он горячо уверяет, что совсем не для того, что христианином он захотел сделаться еще тогда, когда и не думал о путешествии.

11 / 24 марта 1902. Понедельник

Елена Янсен и Катерина Накаи, учительницы, приходили — просить позволения учиться по-русски. Досуг есть, способность есть, охота есть —

отчего же? С Богом! Призвал Исака Кимура, переводчика религиозных книг, которому недавно поручено было преподавание Гражданской Истории в Женской школе, и попросил его преподавать им русский язык (за некоторое вознаграждение от меня). Если дойдут до понимания русской книги, то это будет отлично для них и для школы.

Японские власти запросили Семинарию, сколько стоит содержание ее в год и сколько до сих пор выпущено из Семинарии воспитанников? Я дал ответ: «На Семинарию, Катихизаторское училище и Женское училище вместе за прошлый год издержано 18 377 ен»; «из кончивших курс в Семинарии ныне состоит на церковной службе пятьдесят пять человек» (сорок по проповеди, пятнадцать по учительству и переводчеству).

12 / 25 марта 1902. Вторник

Из кончивших курс Семинарии, бросивших церковную службу, Акила Нагано просит дать ему метрическое свидетельство. Отвечено: пусть возьмет у крестившего его священника. Сам я уже больше не буду давать таких документов, видя, сколько дряни вышло из того, что когда-то от своего имени послал метрическое свидетельство Гордию Сиина, по его просьбе, в Иркутск. Он на этом документе ездил во всю бытность в России — выехал на нем в Семинарию, Академию, и, наконец, в кандидаты Академии, и на нем же проехал даром из Петербурга до Японии, обобрав для того русских в Париже, Лондоне и Нью-Йорке, между тем как заранее получил на проезд от Святейшего Синода. Компрометировал он там имя японского воспитанника, благодаря все тому же метрическому свидетельству; зло сделал и здесь Миссии, только что вернувшись с дипломом кандидата, данным ему не за успехи, конечно (куда такому олуху до кандидата), а на основании метрического свидетельства.— Уж не собирается ли Акила Нагано проделать то же, что удалось Сиина? Не удастся ни ему, ни кому вперед.

13 / 26 марта 1902. Среда

От главного начальника Квантунской области, Вице-Адмирала Евгения Ивановича Алексеева, получено письмо, с запросом, «не возьмется ли наша Семинария воспитывать, в продолжение двух-трех лет, двух мальчиков из Порт-Артурского Городского училища с тем, чтобы они изучили здесь японский язык и грамоту в достаточной степени для того, чтобы служить потом переводчиками, так как переводчики-японцы и неудовлетворительны, и ненадежны в политическом отношении? Присланы будут лучшие ученики. За содержание их будет вноситься плата». Отвечено будет немедленно, что Семинария с удовольствием возьмется

за это, если только русские ученики согласятся жить здесь совершенно по-японски, между нашими учениками.

14 / 27 марта 1902. Четверг

Посланник Александр Петрович Извольский прислал для миссийской библиотеки «Альбом Священного Коронования», великолепнейшее издание, отпечатанное не для продажи, а для раздачи от Государя Николая Александровича в виде подарка почетным гостям, бывшим на Коронации Его. Один из японских гостей, которому следовал этот экземпляр, помер прежде, чем подарок достиг его. Александр Петрович попросил у Министра Двора позволение передать этот свободный том в библиотеку Миссии. Разрешение получено, и Альбом ныне в нашей библиотеке, и будет навсегда, конечно, лучшим, драгоценнейшим украшением ее.

15 / 28 марта 1902. Пятница

Из Хамамацу были: доктор Моисей Ооста с семейством и купец Петр Кавай. Церковный дом у них недавно сгорел, но они ныне строят новый, уже в виде маленькой Церкви, с алтарем и иконостасом и с отдельным помещением для катихизатора. Ооста отдал под Церковь принадлежащую ему землю — семьдесят цубо; здание будет стоить восьмьсот ен; оно уже строится, и к Пасхе будет готово. Просят меня они «соединить в одну сумму нынешнюю ежемесячную плату на наем церковного дома, две ены, — всю за десять лет», и «дать им одновременно на помощь в их построечном деле». Тронутый их усердием к Церкви и их собственною немалою жертвою, я беспрекословно согласился. Сто ен вышлю им на днях, а сто сорок ен — по получении денег из России; вместе с этим Миссия навсегда освободится от расхода на наем церковного дома в Хамамацу. Иконы для их Церкви также обещаны; будут заказаны здесь иконописцам.

С нынешнего дня вывешена на колонне у главных ворот доска с надписью огромными буквами: «Христос Сейкёоквай». Авошь мало-помалу станут называть это место собственным его именем.

16 / 29 марта 1902. Суббота

О. Матфей Кагета описывает свою поездку по Церквам и хвалит усердие катихизаторов Якова Ивата и Петра Моцидзуки. Очень приятно. До сих пор он почти всегда писал противное о них, и ныне если хвалит, то, значит, они действительно трудятся. О. Матфей никогда не похвалит даром. И крещения ныне у них были.

О. Андрей Метоки о Хакодатской Церкви пишет, что она ныне в очень хорошем состоянии — недавно было крещение десяти человек; и еще готовятся к крещению; в Церковь к богослужению собирается девяносто-сто человек, что для Хакодатской Церкви действительно хорошо. О. Андрей, значит, своим тихим и спокойным нравом умирил Церковь. Давай Бог!

17 / 30 марта 1902. Воскресенье Крестопоклонное

До Литургии крестились: студент Като, названный Петром, и некто Цунода, названный Симеоном, живущий во Владивостоке, также узнавший достаточно христианскую веру и очень желавший принять крещение — человек простой, служащий у кого-то из русских, но, по-видимому, искренно и глубоко уверовавший в Христа Спасителя. Снабдил его христианскими книгами и свидетельством, что он православный христианин, чтобы допускали его (в России) к таинствам покаяния и причащения Святых Тайн.

Еще четыре молодые учительницы приходили просить позволения учиться по-русски. Что ж, пусть учатся! Дал книги и сказал Иссаку Кимура, чтобы и их учил. От него узнал, что инспектрисса, вдова Текуса Сакай, тоже принялась за изучение русского языка; а Накай сказал, что и его сестра Варвара, тоже учительница, но постарше, хочет учиться. Итак, русский язык заполонил Женскую школу, то есть ученый персонал ее. В добрый час! Коли дойдут до понимания русской книги, то будет польза и им, и школе, да и Церкви.

18 / 31 марта 1902. Понедельник

Из Коодзимаци, вместе с катихизатором Ефремом Омата, приходил принять благословение недавно крещенный молодой врач Кир, умный и симпатичный человек; он рассказывал, между прочим, что посетил из любопытства округ от медного рудника в Асио, и нашел бедствие гораздо более разительным, чем как описывают: триста тысяч просто обречены на гибель; от них и потомство не может быть здоровое, если бы их и в другое место переселить. Даже и растительность вся там переродилась в негодную — например, тростник, которым кроют крыши, еще растет, но сделался таким ломким, что им крыть нельзя. — Вот-де и политическая экономия! Богатый медный рудник нужен, правда, не для одного его владельца — Фурукава, а и для государства, но из-за него должны погибнуть триста тысяч людей — и не знают, как выйти из этой дилеммы.

19 марта / 1 апреля 1902. Вторник

Из Совета Миссионерского Общества пришло уведомление, что в Хозяйственное Управление послано 14 800 рублей для пересылки в

Миссию на содержание в первой половине 1902 года; а из Хозяйственного Управления до сих пор не получено и на содержание в первой половине 1901 года, не говоря уже о второй половине 1901 года. Так-то исправны там! За первое полугодие прошлого года, должно быть, в дороге утрачено от кораблекрушения, или других причин, о чем уже писал в Петербург и Москву; а может быть, и просто по забывчивости и неисправности в Хозяйственном Управлении не идут сюда суммы. Так или иначе, Миссии горе и тревоги; и было бы бедствием невыразимым, если бы не имелось запасной суммы.

20 марта / 2 апреля 1902. Среда

Катихизатор Сергей Усигое, служивший в Хиросаки, уволился по семейным обстоятельствам (поступил в приемыши и приемный отец требует, чтобы он занимался домашними делами). Где тонко, там и рвется. Катихизаторов и без того мало — прилива их почти нет, Катихизаторская школа оскудела... Не знаю, что Бог промышляет вперед.

21 марта / 3 апреля 1902. Четверг

В сегодня полученных «Московских Ведомостях», № 40, 9 февраля 1902 года, передовая статья: «Новый очаг Японского Православия», то есть Кёото. Статья написана по поводу приготовленного для Кёотского храма иконостаса, жертвуемого Я. Е. Епанешниковым. Описание иконостаса находится в другой статье в этом же номере. Он очень расхвален, как изящнейшее произведение. Награди Бог своими милостями господина Епанешникова и писателя статей, должно быть, господина Тихомирова! Будем ждать иконостаса для установки его в кёотском храме во славу Божию.

22 марта / 4 апреля 1902. Пятница

Илья Накагава пишет, что всячески мешают проповеди в той местности (Мисуда, Ивасаки и прочие) бонзы и каннуси; те и другие еще весьма сильны там по влиянию на народ. Был, например, у него слушателем учения один юноша из богатого дома, но школьный учитель, местный каннуси, узнавши об этом, строго запретил юноше ходить к Илье под таким предлогом: «Учение у христиан и у нас одно и то же — но то чужое, а это свое — незачем тебе слушать чужое, коли дома есть свое, не ходи!» И вот перестал ходить.

23 марта / 5 апреля 1902. Суббота

Максим Обага, из Немуро, пишет, что «должен прибыть в Токио, для лечения геморроя». Отвечено, что «может взять отставку и прибыть на

свой счет». У Миссии нет средств для таких трат. Как будто там нет врачей! Да еще только что начинающий катихизатор, из которого, по всей вероятности, ждать много нельзя.

***24 марта / 6 апреля 1902. Воскресенье
Четвертой недели Великого Поста***

До Литургии крещено одиннадцать детей и взрослых. За Литургией человек семьдесят причастников, между ними оба князя Доде — Стефан и Лука. После службы у меня гости — русские (Ванновские) и японские, что всегда мешает поговорить и с теми, и с другими.

Был Симеон Цунода, крещенный в прошедшее воскресенье; очень озабочен тем, чтобы его мать и младшие братья тоже сделались христианами; дом его в селении недалеко от Иокохамы, потому я дал ему адрес иокохамского катихизатора, чтобы он направил его к родным; снабдил также христианскими книжками — японскими для домашних его, русскими, которые он понимает, для него (Молитвенник, Новый Завет с псалтирью и прочее). Оказывается, что он путешествовал немало по России, был в Москве и Петербурге; видел много добра от русских, что и расположило к христианству; но отец, по званию каннуса и очень предубежденный против русских, при жизни своей запрещал ему принимать христианство — только умирая уже позволил, вследствие чего Цунода теперь и крестился. Одного из младших братьев своих хочет отдать в Семинарию для воспитания на служение Церкви. Помогите Богу ему сделать это! О. Петр Кано, вернувшись с обзора своего прихода, рассказал про хорошее состояние Церквей в Тега и Фузе у Симеона Томии и в Фунао у Давида Касе, которому, впрочем, помогает Томии. Крестил у них пятнадцать человек.

***25 марта / 7 апреля 1902. Понедельник.
Праздник Благовещения***

До Литургии крещено десять взрослых и детей. За Литургией из города было весьма мало, чему отчасти и дождь был виною.

Читаю в свободное от урочных занятий время книги, недавно полученные из России. Есть ужасная, омерзительная дрянь, вроде Ницше, есть превосходные сочинения, вроде Нравственной Философии Соловьева, которую именно теперь читаю.

26 марта / 8 апреля 1902. Вторник

О. Борис в своем описании поездки по приходу говорит, где и сколько христиане пожертвовали на лечение больной жены катихизатора

Александра Хосокава, сбором на какой-либо предмет он озаботился, к чести его; оказывается, что собрал до тридцати ен (кроме того, отсюда послано двенадцать ен) — отдано напечатать в «Сейкёо-Симпо» для примера другим.

27 марта / 9 апреля 1902. Среда

Из писем можно заметить разве ликование о. Петра Сибаяма в Нагоя, что христиане нажертвовали ему разных церковных предметов: покров на аналой, столик для панихид, литийный прибор. Спасибо и за то!

28 марта / 10 апреля 1902. Четверг

Василий Накараи, катихизатор из Какута, пишет про свою поездку для проповеди в Отака, где живет благочестивый врач Яков Такахаси, из усердия и сам занимающийся проповедью, насколько может; пишет еще, что протестантский проповедник там хотел представить христианство, с таинством причащения и прочим, в театральной сцене, чему помешало только то, что его перевели оттуда в другое место.

29 марта / 11 апреля 1902. Пятница

Был барон Анатолий Опокович Кистер, Российско-Имперский консул в Сингапуре с женой Александрой Степановной. Приехали лечиться от тамошней жары, среди которой европейцу положительно нельзя долго жить без расстройства здоровья, например: оба они молодые люди, а память ослабела до того, что не могут припоминать имен своих близких знакомых в Петербурге. Много интересного рассказывали про жизнь в Сингапуре, особенно про удавов, из которых одного — восемнадцать футов — убили в их саду.

30 марта / 12 апреля 1902. Суббота

В Катихизаторской школе опять большая компрометация: деньги, присланные Петру Танака (семь ен), получил за него Хане, перехватив письмо с чеком; а когда Танака стал на почте искать свою посылку, то почтовое ведомство исследовало и добралось до похитителя, затребовав отсюда рукописи учеников и сличив их с подписью получателя.— Итак, Катихизаторская школа отказывается больше существовать и служить Церкви. Хорошие люди в нее не идут, потому что содержание катихизаторов скудно, а одушевленных религиозностию нет. Идет последняя сволочь, которой деваться некуда, да и той набирается самая малость. И вот в школе что есть, то — воры, пьяницы, развратники.

Больше в Катихизаторскую школу принимать не буду. Пусть существует одна Семинария. Содержание же служащим, насколько только хватит сил, будет надбавлено. Конечно, и это будет нищета и скудость. Но уж пусть затем Господь творит Свою волю. Угодно Ему существование Японской Церкви, Он и из ничего создаст служащих ей, неуждно — пусть рассыплется все прахом!

*31 марта / 13 апреля 1902. Воскресенье
Пятой недели Великого Поста*

Невыразимая тоска. Грешная, бездушная молитва в Церкви, несмотря на то, что полон Собор был народа, и причастников с детьми человек сто. Прощался мысленно с Катихизаторской школой; как будто дорогого покойника хоронил. Отжила свой срок, отслужила свою службу — теперь кончается. Семинария заменит ли ее? Даст ли хоть малое количество служащих? Бог весть! Что Семинария не умрет от совершенного истощения поступающих, на это, кажется, можно надеяться: всегда будут находиться бедняки, падкие на даровое воспитание. Существование же Семинарии полезно тем, что дает, вместе с Женской школой, хор для пения в Соборе. Но, получив образование, наши ученики не будут ли и вперед разбегаться по более прибыльным, чем церковная служба, местам, как большинство из них делает доселе?..

Мучит душу мука смертная — вон из тела душа просится!

1 / 14 апреля 1902. Понедельник

Лев Александрович Тихомиров, сотрудник «Московских Ведомостей», в письме к Сенума упоминает, что «о. Иннокентий, начальник Пекинской Миссии, уже назначенный к рукоположению во Епископа, привезет с собою в Китай тридцать монахов, будто бы уже найденных им для заведения монастыря там». — Что-то сомнительно. Если же и вправду привезет, то сомнительно, чтобы не разбежались; хотя и весьма желательно, чтобы не случилось того. — Советует Тихомиров «и здесь завести монастырь». — Монастырь! Я бы несколько лет остающейся мне жизни подарил за возможность сделать это, да люди где?

2 / 15 апреля 1902. Вторник

Протестантские пасторы и проповедники, преимущественно из японцев, с 11-го числа сего месяца производят свои собрания в находящемся здесь поблизости доме «Общества молодых людей» (Сейненквай). Между разными предметами рассуждений вотировали вопрос: «Иисус Христос — Бог или нет?» За божество поднялись сто десять человек,

против божества его — шесть человек, не решились утверждать то или другое тридцать три человека. Позор для христианской проповеди! Протестантизм разъедается сомнениями, как ржавчиной.

3 / 16 апреля 1902. Среда

Был у маркиза Сайго, в Мегуро, чтобы свезти рекомендательные письма для его сына, молодого офицера, Дзютоку, отправляющегося в Европу в свите принца Комацу, едущего на коронацию английского короля и имеющего быть в России. Третьего дня маркиза, мать его, присылала просить рекомендацию такую, чтобы Дзютоку, если возможно, быть представленным Императрице Марии Феодоровне и Великому Князю Алексею Александровичу, восприемникам Дзюри, и его старшего брата, воспитывавшегося в семействе К. В. Струве, бывшего здешнего посланника, и крещенного в России (потом умершего в Америке). Вчера был у меня и Дзютоку — проститься. Я написал обер-прокурору Константину Петровичу Победоносцеву, прося его исполнить желание родителей Дзюри — Алексея, дать их сыну возможность представить их почтительную благодарность высоким восприемникам их сына.— Дал еще рекомендательное письмо к княжне Мещерской в Москву и Преосвященному Сергию, ректору Санкт-Петербургской Академии, прося позволить Янсену побыть с молодым маркизом, если он понуждается в переводчике.— Маркиз Сайго свез Новый Завет нашего перевода.

4 / 17 апреля 1902. Четверг

Лишь только решил в душе: «не быть Катихизаторской школе», как просьба о принятии в Катихизаторскую школу, да такая хорошая, что редко таких! Василий Ивама, катихизатор в Такасимицзу, прислал прошение молодого христианина Киприана Нумакура, школьного учителя, с «риреки» его — безукоризненным. Ответчено: «Неизвестно, будет ли ныне прием в школу». В душе поправил решение на такое: «Если соберется до десяти просящихся в школу — пусть существует она, если меньше — закрыта для нового приема». Когда все прибудут на Собор, тогда сейчас же уяснится дело.

5 / 18 апреля 1902. Пятница

Катихизатор в Сеноо, Василий Хираи, старик, разбит параличом. Был он когда-то учителем в хакодатской церковной школе; по закрытии ее стал служить катихизатором, которым и пребывал доселе номинально, без всякой пользы и плода для Церкви. А теперь еще расходы на

паралитика. Грешно бросить, но больно за непроизводительную трату. Разве на то жертвуются христианами сюда деньги?

О. Феодор Мидзуно вернулся с обзора своих Церквей в Симооса и принес очень приятный отчет: крестил по разным селениям шестьдесят одного человека и говорит, что все представленные к крещению оказались достаточно подготовленными к тому по знанию вероучения. Правда, теперь и время совершенно свободное для деревенских жителей слушать проповедь. Но проповедники не были бы столь ревностными и успешными, если бы их не воодушевлял и не помогал им Павел Ниццума, без имени проповедника тем не менее ревностно проповедующий по селениям, а проповедовать он мастер, и учение отлично знает. Помогите ему Бог заслужить свою вину перед Богом и людьми, вину измены своим обетам!

Предпасхальные занятия по классам сегодня закончены. И мы с Павлом Накаем приостановились в переводе до после Пасхи. Почти совсем приготовлена к печати «Служба Страстной Седмицы».

Всенощную служили в правом приделе. Все учащиеся были в Церкви. Пели причетники.

6 / 19 апреля 1902. Суббота Лазарева

С шести часов Литургия. Причастников было до сорока человек. Учащиеся были в Церкви. Дождь со вчерашнего вечера рубил всю ночь и утро; днем стало лучше. Ко всенощной собралось довольно много, особенно женщин с детьми. Верба сегодня была простые ивовые ветки с зелеными листками; цветов никаких ныне нет; сакура отцвела, все прочее не зацвело, кроме камелий, которые для вербы не совсем годятся. Служба эта в потоке света, среди ветвей всегда торжественна и вдохновляющая.

7 / 20 апреля 1902. Вербное Воскресенье

Утром написал иокохамскому консулу М. М. Геденштруму, чтобы выхлопотал русским девочкам, воспитывающимся в католическом монастыре, позволение приехать сюда поговеть и встретить Пасху.

До Литургии крещено взрослых и детей более двадцати человек. За Литургией до ста причастников. Много христиан в Церкви, были и русские. С шести часов вечерня и повечерие по новому переводу, еще рукописному.

8 / 21 апреля 1902. Великий Понедельник

Обычные службы: в шесть часов утра, продолжавшаяся немного более полутора часа, в десятом часу и преждеосвященная Литургия,

продолжавшаяся ровно три часа, в шесть вечера — Великое Повечерье, длившееся немного более часа, без трипlesenца, еще не положенного на пение. Кроме учащихся, в Церкви почти никого. Все внеслужбное время мы с Накаем поверяли переписку Страстной службы, причем раздосадовал диакон Стефан Кугимия — на каждой строке у него ошибка — невнимание к делу редкостное.

9 / 22 апреля 1902. Великий Вторник

То же, что выше.

10 / 23 апреля 1902. Великая Среда

Опять то же. Поверка переписки Страстной службы кончена, и книжки переплетены до пятницы; служба беспрепятственно шла по новому переводу и будет идти до пятницы; субботу же не успели переписать. Исповедались у меня с трех часов русские — барон Кистер, сингапурский консул, с женой; вечером, после всенощной — японские священники и диаконы.

11 / 24 апреля 1902. Великий Четверг

Три священника служили со мной. Приобщились все учащиеся, для которых с половины восьмого часа прочитано было Правило, после которого, по трезвону, я пришел; во время облачения читали Часы.

Вечером я читал Первое, Шестое и Двенадцатое Евангелия, четыре священника, служившие со мной, все другие. Крайне грустно, что из города христиан было весьма мало; правда, и день был очень ненастный. Из Иокохамы прибыли две русские воспитанницы.

12 / 25 апреля 1902. Великая Пятница

Обычные богослужения; в девятом — Часы, в три — вынос плащаницы, в шесть — всенощная. Плащаница обнесена вокруг собора при тихой погоде.

13 / 26 апреля 1902. Великая Суббота

С девяти часов — Часы, вечерня и Литургия; служил о. Роман Циба; было несколько причастников, между ними приехавшие для говенья из Иокохамы воспитанницы католического монастыря.

Днем перечитал множество накопившихся за последние дни писем. У оо. Морита, Судзуки, Ямамура и Ямагаки было немало крещений. Но лучшая из провинциальных Церквей, это — Церковь в Наканиеда: там о. Петр Сасагава в нынешнее посещение приобщил Святых Тайн больше ста христиан, крестил восемь; письмо обо всем этом катихизатора Саввы Ямазаки замечательно хорошее. Если бы все катихизаторы были такие усердные и преданные своему делу, как Сергей Ямазаки, вероятно, и прочие Церкви так бы радовали.

С шести до двенадцати ночи обычный шум и суетолока наполняли дом.

14 / 27 апреля 1902.

Светлое Христово Воскресение

С полночи — Пасхальное богослужение, продолжавшееся до половины четвертого часа. Собор был неполон на левой стороне, вероятно, по причине дурной погоды. Было несколько русских, которых я, увидевши до богослужения, пригласил потом в Миссии разговеться, но которых не нашел в комнате, где освещено было разговение.— Яиц при словесном христованьи с христианами роздано до восьмисот. Потом школы приходили поздравлять, дети и множество других. В двенадцатом часу приехали посланник Александр Петрович Извольский, княгиня Гагарина, жена нагасакского консула, князь Кудашев с сестрой; в третьем часу — другие русские, официальные и неофициальные — до пяти часов, когда началась Пасхальная вечерня, соборне отслуженная. Весь день ненастный — с полудня не переставая морозящий дождь. Не особенно радостная Пасха (денег все еще нет из России). Но благодарение Богу за все!

15 / 28 апреля 1902.

Понедельник Светлой Седмицы

С семи часов Пасхальное богослужение — до четверти одиннадцатого, после чего поздравление своих певчих, потом певчих и Воскресной школы из Коодзимации и христиан оттуда.

После полудня сделал праздничные визиты ко всем русским в Токио, начиная с посланника. Долго просидел у барона и баронессы Кистер, в Metropole Hotel, слушая интересные рассказы про жизнь в Сингапуре, после которой их гощение теперь в Японии кажется им раем, до того несносна там жизнь от беспрестанной жары, крайне расслабляющей.

16 / 29 апреля 1902.

Вторник Светлой Седмицы

С семи часов Пасхальное богослужение; служили со мной, как и вчера, оо. Роман Циба и Феодор Мидзуно. После полудня отправился в

Июкохаму сделать визиты живущим там русским; кого не застал, с кем проговорил долго. Укоряю я себя иногда за одичалость: вечно обращаюсь с японцами и со своим делом, от русского общества отстал и не нравится мне оно — не хочется даже в Россию, чтобы повидаться с родными, с друзьями.— Вот два дня много был в русском обществе: разнообразные разговоры, разные материи, обоих полов ораторы, пускался и сам иногда в ораторство, как сегодня,— и что за пустота в душе после всего, что за усталость! Вправду ли одичание, о котором надо сокрушаться, или же отвращение от пустопорожних речей и простой траты времени, потребное на более дельное? На русское общество совсем не пеняю и никого из русских не укоряю ни в малосодержательности, ни в других недостатках — какой же пользы и ждать от случайной встречи и праздничных перекидываний приветствиями, со случайными темами для продления разговора на столько времени, сколько требует приличие, и с увлечением иногда дальше, как сегодня, по любезности хозяев, предлагающих, сообразно лицу и обстоятельству, религиозные темы? Но и от укора в одичалости, кажется, можно себя освободить.

17 / 30 апреля 1902.

Среда Светлой Седмицы

Расчетный день. Из всех банков все имеющееся там на текущем счету собрал, и не достало на расплаты. А из Хозяйственного Управления до сих пор миссийские деньги не идут — все за прошлый год, что посланы из Совета Миссийского Общества в Хозяйственное Управление для пересылки сюда, и за первое полугодие нынешнего — все там, или же потеряно дорогой, что, впрочем, маловероятно. Исполнительно Хозяйственное Управление, нечего сказать! Сколько ни пиши и ни проси, каждый год повторяется то же.— Нечего делать, пошел занять тысячу ен в банк Мицубиси. Дали с первого слова, конечно, потому только, что там двадцать тысяч лежат на полгода, и получение их 5-го мая; это уже последний запас Миссии.

Катихизатор в Асикага, Яков Мацудаира, долго болевший, помер. Недаром был отменно добрый человек (хоть и малоспособный катихизатор) — счастье Бог послал ему умереть на Светлой Седмице. Посланы для погребения его, в помощь к местному священнику о. Титу Комацу, отсюда о. Феодор Мидзуно и диакон Стефан Кугимия; пусть будет погребение возможно торжественно.

18 апреля / 1 мая 1902.

Четверг Светлой Седмицы.

Здесь и в Тоносава

Ученики отправились утром вместе со многими христианами на прогулку в Мукодзима; Женская школа у себя делает собрание с угощением

и речами. Я, имея свободное время, отправился прежде полудня в Тоносава, чтобы взглянуть, все ли там в порядке, не нужно ли что отремонтировать пред приходом учеников на каникулы. Нашел все в исправности; ремонт циновок — самый незначительный. С удовольствием провел остаток дня и вечер в совершенной тишине, среди весенней природы.

19 апреля / 2 мая 1902.
Пятница Светлой Седмицы.
В Тоносава и в Токио

Проведши утро в думах о предстоящем Соборе и о служащих Церкви во время прогулки по саду и прилегающему лесу, в полдень отправился из Тоносава, дорогой остановился на час в Одавара, чтобы повидаться с о. Василием Усуи и переговорить кое о чем, между прочим, о покраске купола Церкви их, ныне безобразно высматривающего, к сумеркам был уже дома, на Суругадае, и нашел здесь все благополучным.

20 апреля / 3 мая 1902.
Суббота Светлой Седмицы

С семи часов Пасхальное богослужение — утренняя и обедня непрерывная, до десяти часов. Служили оо. Петр Кано и Роман Циба, первый первенствуя и путаясь по незнанию службы, что с ним, очевидно, будет до конца жизни, ибо служит механически. Пели оба хора. Кроме учащих, в Церкви почти никого не было. Вместо антидора раздали артос. По окончании службы, до полудня, была уборка пасхальных облачений с престолов и жертвенников и прочего пасхального, что делал я сам с о. Феодором Мидзуно и одним диаконом, так как иподиакон Моисей Кавамура, заведующий ризницей, лежит больной.

Князь Гагарин, консул в Нагасаки, прислал подписной лист на постройку храма в Нагасаки; придется с ним посетить всех русских здесь и в Иокохаме, начиная с посланника, когда он вернется из Кёото.

21 апреля / 4 мая 1902. Воскресенье Фомино

Пришли, наконец, деньги из Хозяйственного Управления, за весь прошлый год и за половину настоящего, что из Миссийского Общества. Сколько тревоги пришлось пережить из-за опасения, что прошлогодние потеряны при пересылке! А они просто валялись в Хозяйственном Управлении, или же кто-нибудь там извлекал из них пользу, положив на время на проценты. И тут опять немалое огорчение: сто сорок два рубля Хозяйственное Управление выело для уплаты долгов этого мерзавца Гордия Сиины, сделанных им в Лондоне и Нью-Йорке по дороге сюда,

когда он там разыгрывал роль нищего, получив от Синода четыреста рублей на путь. С какой стати терпит убыток Миссия, никогда не имея никакого отношения к этому обманщику во всю его бытность в России? Просто несчастье! Требовать от Хозяйственного Управления возвращения этой суммы? Можно бы, да стыдно за Японию. Требовать от Сиины возмещения? Для успокоения совести сделано, но, без сомнения, скорее от козла получишь молока, чем от него уплаты долга.

За Литургией было много христиан, в том числе несколько русских. После Литургии долго говорил с Стефаном Доде, очень озабоченным обращением в Христианство своего старшего брата, ныне отправившегося в Хоккайдо заведывать рыбководней, где производятся опыты разведения морской рыбы, на островке близ Отару; Стефан уверен, что он, живя там в одиночестве, скоро вдумается в сущность Христианского вероучения и уверует, а тогда и мать сделается христианкой, и весь их дом просветится. Дай Бог!

Вечером была всенощная, пропетая причетниками; молились учащиеся.

*22 апреля / 5 мая 1902. Понедельник
Фоминой недели*

С семи часов Литургия, потом панихида, кончившаяся в начале одиннадцатого часа, ибо, по обычаю, очень много было поминаний. Потом священники и христиане поминали покойников на кладбище, чему, к сожалению, немало мешал дождь. Чтобы не терять завтра день для занятий, я должен был отправиться сегодня в Иокохаму разменять пришедшие векселя, посему представил служение панихиды священникам, и после Херувимской песни оставил Собор и уехал в Иокохаму. Там спросил размена в трех банках, с которыми Миссия имеет дело, и везде сказали разню; по одному пришлось бы потерять четыреста ен, по другому — девяносто ен; разменял в третьем, самом выгодном. Немножко неловко, спросив размен, промолвить: «thanks! I will see» и уйти, чтобы не возвратиться — да что будем делать! Нужно радеть о пользе Миссии; и всегда так надо делать, нисколько не стесняясь, — для того и имеется дело в разных банках. Рассчитавши что нужно на текущий счет, избыток положил у Мицубиси, где больше других дают процентов в Токио, — часть на три месяца, часть на шесть месяцев; первое на 6,5%, второе на 7%.

*23 апреля / 6 мая 1902. Вторник
Фоминой недели*

В школах начались занятия. Мы с Накаем сели за перевод богослужения, начиная с паремий на утрени и Великой субботе.

После полудня — чтение накопившихся писем.

О. Яков Такая пишет, что в Оби американский миссионер очень старается совратить наших христиан, и просит поэтому о. Яков туда катихизатора. Но где же его взять? Написано, чтобы поселил там на время Кирилл Сасабе, которому поручено заведывать из Миязаки Церковью в Оби. Больше ничего нельзя сделать для Оби. И на Соборе едва ли выдан будет отдельный катихизатор для сей Церкви, по незначительности ее.

Яков Яманоуцы, бывший катихизатор, ныне живущий в Хараномацци, в Сендае, и помогающий добровольно по проповеди, просится снова в катихизаторы; один христианин оттуда тоже просит назначить его проповедником.— Никак нельзя! В тюрьме сидел за мошенничество по торговле, когда состоял катихизатором и в то же время пускался в торговые предприятия. Как же можно такого опять в среду служащих Церкви, имя которых должно быть честно и чисто? Тотчас же отвечено в этом смысле.

О Василии Хираи, катихизаторе в Сеноо, разбитом параличом, пишут, что его взяла к себе дочь его, живущая замужем в Оосака. И ладно. Значит, Церковь может не издерживаться больше на него. И без того он стоил очень дорого Церкви: был плохим учителем церковной школы в Хакодате, пока она существовала, затем все время состоял проповедником, без малейшего признака, что может проповедывать и научить кого-нибудь.

24 апреля / 7 мая 1902. Среда

Фоминой недели

Уже другой раз приходил язычник из провинции Акита «жаловаться на одного христианина оттуда же, по фамилии Сасаки, за то, что сей надул его на полторы тысячи ен. Сасаки представился христианским проповедником нашей Церкви, овладел его доверием и взялся продать „одному иностранцу“ принадлежащую ему гору с рудником, для того же забрал по частям означенную сумму на путешествие в Иокохаму, на хлопоты по сделке и тому подобное. Просит язычник, чтобы Церковь, которой Сасаки приходится сыном, если не возместила ему полторы тысячи, то дала в долг сию сумму». — Я не вышел к нему, потому что занят был переводом, а Давид Фудзисава, секретарь, объяснил ему, что Церковь вовсе не обязана отвечать за Сасаки, что обманул его не христианин, а мошенник, что Церковь тоже часто надувает подобным же образом мошенники — так, например, на днях один мошенник добыл от Церкви сто сорок две ены (Сиина, смотри выше) и подобное. Прождал он объяснения со мной от девяти часов до двенадцати, но так и ушел, не дождавшись; совсем нечего мне было ему говорить. Впрочем, кажется, не в стачке ли он сам с Сасаки. В течение разговора он проговорился,

что «Сасаки жил у него целый год, был весьма близок ему, обязан ему многими заботами о нем». Как же, при такой интимности, Сасаки мог остаться неизвестным ему со стороны надувательной? И лицо у сего язычника совсем не такое, чтобы его можно было надуть, а скорее из тех, кто сами надувают. Во всяком случае, Миссии нечего делать с такими людьми.

После обеда окончено чтение праздничных писем и приветствий. Всего было шестьдесят четыре письма, пятьдесят семь листов и тридцать четыре телеграммы.

Деловые письма также все прочитаны. Замечательные из них посланы в редакцию «Сейкёо-Симпо». Некоторые очень красноречиво описывают празднование Пасхи. Везде праздновали с одушевлением.

25 апреля / 8 мая 1902. Четверг
Фоминой недели

До обеда кончили Страстную службу и отдали переписывать оставшуюся до праздника непереписанную службу Великой субботы. Когда будет переписано, все еще прочитаем, и — в печать. Вечером начат перевод Пентикостариона, Благослови Боже!

Фома Оно, катихизатор в Сиракава, пишет: «Нельзя как-то разрешить брак сыну Сия, тамошнего богача, на двоюродной сестре? Мать его, умирая, завещала перевенчать их. О. Тит Комацу не венчает». Нашел о чем просить! Чтобы не нарушить завещание глупой старухи, надо разрушить закон Церкви, запрещающий кровосмешение. В сем смысле строго отвечено.

Савва Сакурода из Хиробуци пишет, что «производимые там ныне выборы в Парламент помешали праздновать Пасху: всего четыре-пять человек собралось». Хороши у него христиане! Недаром плохой катихизатор. Единственное пасхальное письмо в сем роде.

Савва Ямазаки из Наканиеда описывает большой пожар, происшедший там: «Третья часть города выгорела; девять христианских домов сгорело; Церковь цела». Послано восемнадцать еп, по две на дом, с соболезновательным письмом.

26 апреля / 9 мая 1902. Пятница
Фоминой недели

Сын доктора Моисея Оота, из Хамамацу, гимназист Алексей, по поручению родителей приходил рассказать, как праздновалось там освящение Церкви 1-го мая. Освящал о. Матфей Кагета; собралось на праздник сто десять христиан, в том числе были все катихизаторы ведения о. Матфея; певчих было пятнадцать человек, управлял ими Стефан

Такеиси, прибывший для того из Тоёхаси; пели на два голоса, предварительно хорошо спевшись. К часу пополудни кончено было освящение и Литургия, потом все отправились в гостиницу с садом и праздновали там речами, трапезой и прочими невинными увеселениями до пяти часов. Гости из других Церквей возвратились по домам на другой день. В память освящения всем розданы рюмки с изображением на них креста и надписи. Одну из них и мне прислали Оота. Благослови Бог доброго христианина Моисея Оота и всего его семейство за благочестие! Церковь построена его усердием. — Завтра послано будет ему сто сорок ен, в дополнение к посланным прежде ста — соединенная плата за церковный дом и квартиру катихизатора за десять лет, с чем вместе Миссия навсегда освободится от сей статьи расхода, ибо при Церкви построено и помещение для катихизатора.

О. Симеон Юкава приходил известить, что церковным зданиям в Асакуса и Ситая объявлена подомная «мензей» — свобода от платы правительственного налога на дома. Конечно, то же самое сделано правительством и для всех Церквей по всему государству (и наших, и всех христианских исповеданий). Слава Богу! Христианство все больше и дальше делается признанною и покровительствуемою верою в Японии. «Кто должен быть представителем церковного недвижимого имущества и заведывателем его пред правительством?» — спрашивал о. Симеон.

— Конечно, священник, — ответил я.

— Но христиане в Асакуса желают, чтобы к моему имени в этом случае было присоединено три имени тамошних христиан.

— Этого нельзя. И для сношения с правительством неудобно, и замешательство по экономическим делам Церкви можно опасаться, как было, например, в Хакодате, где три номинальные владельца церковных домов, возмущившись без всяких уважительных причин против священника, истратили церковные деньги на газетные пасквили против него. Законный номинальный владелец церковного имущества — священник. Если ему вверены души христиан, не тем ли более он достоин доверия относительно церковного имущества?

*27 апреля / 10 мая 1902. Суббота
Фоминой недели*

Секретарь посольства, князь Кудашев, был, чтобы переговорить по поручению посланника насчет капитала (семьсот шестьдесят ен), находящегося в Посольстве на имя Екатерины Накаи (дочери Маленды). М-м Шпейер, ее крестная мать, на вопрос посланника, что делать с сими деньгами, ответила — снести о сем со мной, так как ее крестница поручена Миссии и ныне служит здесь учительницей в школе. Я посоветовал передать капитал на хранение в Миссию, которая, когда придет время,

выдаст его владелице. В июле, когда положенным в банке на год деньгам выйдет срок, вероятно, их передадут сюда.— Потом я попросил князя предложить посланнику и другим русским здесь и в Йокохаме подписной лист на построение Церкви в Нагасаки, присланный на днях мне нагасацким консулом князем Гагариным. Он охотно согласился. В разговоре с Нагасаки мы дошли до замышляемой князем Гагариным постройки там русской школы для детей русских, живущих в Нагасаки, и многих из жителей русской тихоокеанской окраины, присылающих теперь своих детей в здешние католические заведения, где их совращают в католицизм; и я высказал князю свою мысль, явившуюся прежде, что крайне хорошо бы было, если бы его сестра, княжна Екатерина Александровна, приехавшая с ним в Токио, взяла на себя заведывание этою школою. Это было бы прекрасное дело ее жизни, вполне достойное и ее имени, и ее ума, и благочестия. Если бы она взялась за это, то ей вместе с князем Гагариным не трудно было бы найти средства для постройки школы, для собрания капитала в обеспечение будущности школы, для привлечения добрых учителей и воспитателей — и так далее. Князь с одушевлением принял эту мысль, пообещал говорить с сестрой. Дай Бог, чтобы вышел успех!

Была Марина Мацудаира, вдова только что похороненного катихизатора Якова. Родные мужа приглашают ее жить у них, но она просится опять сюда в школу, чтобы служить учительницей, и хочет навсегда посвятить себя этому служению.— Укрепи Бог ее в этом намерении! Она, по своему доброму характеру, будет очень полезною нашей Женской школе, здесь ли, или в Кёото!

28 апреля / 11 мая 1902.

Воскресенье Жен Мироносиц

В Церкви был, между молящимися, сиро-халдеец, иерей Николай со своим взрослым сыном. Приехали они из такой дали собирать на построение храма, ибо недавно баши-бузуки у них сожгли Церковь и побили много христиан. После Литургии зашли они ко мне. Я подписал двадцать пять ен, бывший в то же время у меня барон Кистер — три ены, полковник Ванновский — две ены; и тому были они как рады! Но в плохое место для сбора приехали — мы сами здесь живем сбором.

Иван Акимович Сенума, в разговоре про летние чтения, затеваемые для имеющих собраться на Собор катихизаторов Василием Ямада, начальником Общества молодых людей (Сейненквай), упомянул, что «кроме них, четырех кандидатов, профессоров Семинарии, уже давших обещание приготовить по лекции, Ямада предпринимает еще пригласить несколько профессоров Университета, прочитав по лекции из политической экономии, этнографии и подобного, для платы же им за

это хочет собрать с катихизаторов по полторы ены». Что за вздор! Призвал Василия Ямада и строго запретил ему плавать по воздуху и предпринимать глупости, тем более что это — к ущербу катихизаторов, без того бедных средствами. Свои профессора пусть прочитают — то принесет, кроме развлечения, и некоторую пользу: чтения их будут по предметам религии; катихизаторы, кто не поленится прислушаться, смогут узнать что-нибудь новое, нужное для них, или повторить забытое старое. А по политической экономии и прочему прослушать полчаса барабаненье без малейшей пользы и дальнейшего применения, да еще поплатиться за это полтора енами, — что за дичь! И приглашать атеистов, считающих себя и весь род человеческий потомками обезьян, излагать свои мерзкие измышления! Фи — и не думать делать этого! Кто из катихизаторов захочет узнать политические и всякие иные новейшие химеры, тот на полторы ены может закупить себе книг, из которых может узнать в пятьдесят раз больше, чем из полчасовой лекции.

29 апреля / 12 мая 1902. Понедельник

Елисавета Котама, начальница Женской школы, приходит и говорит:

— Алексей Обара, регент, просит отпустить из Женской школы некоторых на спевки с семинаристами, чтобы петь потом на собрании катихизаторов, когда они будут здесь во время Собора. Хорошо ли это? Мне не хотелось бы.

— Кого именно просит?

Елисавета показала список, оказывается — все молодые учительницы, и только они.

— Это хорошо, — отвечал я, — отпускайте, только спевки пусть будут вот здесь в классе, где обыкновенно происходят. Мы же внушаем молодым катихизаторам, чтобы они женились на окончивших курс в нашей Женской школе, а как они будут делать это, совсем не зная их? Это будет хороший случай хоть немного познакомить катихизаторов с нашими девицами. Только этого не нужно говорить прямо ни тем, ни другим.

— Что вы! Если сказать это учительницам, ни одна не пойдет петь!

30 апреля / 13 мая 1902. Вторник

В Иокохаме, по размену суммы за второе полугодие из Казны, вчера полученной.

У учеников рекреации. Отправлялись в Оомори для гулянья.

Утром до поездки в Иокохаму и вечером с шести часов — у нас с Накаем обычное занятие переводом; ныне подготовка Пасхального богослужения для печати.

1 / 14 мая 1902. Среда

О. Петр Кавано пишет, что в Хонмёодзи, близ Кумамото, где похоронен Катоо Киёмаса, три русских приехали лечиться от проказы: Николай Кузнецов, Феодор и Максим.— Пишет еще, что в Куруме, в одном доме, где он посетил христианина, вслед ему бросали соль, чем, по японскому суеверию, очищается нечистое. И все-таки уживается там истинно чистое с нечистым! Но плохо, должно быть, первому. Обереги его Бог и расширь на весь дом!

2 / 15 мая 1902. Четверг

Бедный Моисей Мори, катихизатор в Канума, опять помешался. Приходил сегодня с своим маленьким сыном, которого, как вдовец, везде таскает с собой, и говорил, что дьявол пристает к нему и вот только, когда он приближался к Токио, оставил его. Что с ним делать? Во всем, впрочем, резонен, кроме одного пункта, что дьявол видимо является ему. Советовал я ему отправиться на родину, отдохнуть — не хочет; ушел опять в Канума.— Урок вперед, который твердо заучить: сумасшедшего раз не принимать на службу, хотя бы он оправился. Из жалости был принят, да еще и потому, что катихизаторов так мало, и вот теперь возись с ним! Что и делать, не знаю. Вразуми Бог!

3 / 16 мая 1902. Пятница

Был Петр Ходака, младший брат катихизатора, с матерью, направляющийся в Отару, где он служит в Компании. Все их семейство ныне перебралось из Нобеока, на Киусиу, а вместе с тем и Православная Церковь там перестала существовать, потому что она в одном этом семействе состояла. Говорил он, между прочим, об Иоанне Идзуми, ведущем отшельническую жизнь на одной горе.— Насадителя монашеской жизни нужно бы сюда. Но откуда его взять? Конечно, много святых отшельников и в России, и инде в Православном мире, но как найти такого, которого бы позвать сюда? Вразуми и помощи, Господи!

4 / 17 мая 1902. Суббота

Вместе с Иваном Акимовичем Сенума был с двух часов на благотворительном в пользу сирот концерте в Музыкальной Академии в Уено. Сиротский приют протестантский, в Окаяма. Играли и пели лучшие здешние музыкальные знаменитости; японки: Тацибана — на фортепиано из Бетховена, Када — на скрипке; профессор Юнкер — на скрипке; Кёбер — на фортепиано. Зал был полон. Должно быть, тысячи две ен

собрали, потому что билеты были не дешевы. Мне два прислали – в три и две ены, да еще с наказом в печатном письме: «Если не нужны, пришлите назад». Потому и пошел, пригласивши Сенума для другого билета; совместно было отсылать. В первый раз здесь на светском концерте; впрочем, «благотворительный», и неприличного ничего не было. Мысли же хорошая музыка возбуждает добрые; думалось, между прочим, какой высокий дар дан людям от Бога в эстетическом чувстве, и как плохо люди пользуются им! Быть может, в будущем лучше станут пользоваться...

Возвращаясь из Музыкальной Академии, в парке Уено видел проезжающими в двух каретах бонзи и одетое по-траурному богатое семейство; значит, или погребение, или поминки, и в иностранном вкусе, с утонченным изяществом, но без мысли, что шелуха без зерна – ничто. И эту вот бессмысленность, совсем было увядшую, с совершенным упадком ложных религий в Японии, опять вогнали глубоко внутрь души и оживили европейские либералы и атеисты: «Хоть Бога нет, мол, и душа со смертью исчезает, как пар, но приличие требует отдать долг покойнику». И отдают; со всею пышностью погребают, поминают и совершают моления, которые были бы смешны, как комедия, если бы кощунственно не касались такого важного предмета, как вечная участь бессмертной души.

Вдова катихизатора Павла Окамура со своими пятью девицами, мал мала меньше и мал мала слабее, отправились на житье в Оосака, свою родину, где у нее есть две родные сестры. Около сорока ен стоил этот переезд Миссии – туда же ей ежемесячно надо посылать по одиннадцать с половиною ен, как давалось здесь. Наказывал ей поскорее выдать замуж, конечно, за христианина, старшую дочь Елену, которой уже двадцатый год и за которую уже сватались.

5 / 18 мая 1902. Воскресенье

До Литургии было крещение двух взрослых и троих детей.

Князю Стефану Доде сегодня год, как он крещен. Принес по этому случаю мне бисквит в коробке и звал на обед; я удовольствовался первым и отказался от второго. Радостно видеть, как он счастлив тем, что сделался христианином. Дай Бог побольше таких искренних христиан!

6 / 19 мая 1902. Понедельник

О. Николай Сакураи просит принять на катихизаторскую службу Андрея Судзуки, некогда служившего учителем в хакодатской нашей школе, теперь служащего на железной дороге в Муроране, просит ему четырнадцать ен в месяц – столько ныне получает; в Катихизаторскую

школу прибыть не может, ибо семья. Отказано; «пусть в Катихизаторской школе возобновит свои знания и приобретет новые, если хочет быть катихизатором: он прежде совсем и не был в Катихизаторской школе — Церковь не может поручиться, что он достаточно для катихизатора знает вероучение».

7 / 20 мая 1902. Вторник

Канасуги Павел окончательно требует дозволить ему развод с женой. Вероятно, последняя опять провинилась. Нечего делать; сказал о. Федору Мидзуно, в письме к которому он и просит развода, чтобы дозволил; насильно не удержишь; а вина ее прелюбодеяния слишком ясно была обнаружена. До сих пор истощенные усилия убедить его простить ее, мать троих его детей, тщетны.

8 / 21 мая 1902. Среда

Моисей Минато с Сикотана пишет, что «бонзы там все еще не унимаются и не теряют надежды совратить наших христиан-курильцев в буддизм: буддийскую кумирню затевают строить там для привлечения их». Счастье, что Миссией найден он, взявший на себя заботу оберегать их; без него бонзы, чего доброго, успели бы в своих злых ухищрениях.

Вечером всеобщая перед завтрашним праздником Святителя Николая. На литию и величание и я выходил. Пели оба хора.

9 / 22 мая 1902. Четверг

С семи часов Литургия и молебн. Служили со мной четыре иерея.

Обычные поздравления. На симбокквей ученикам и ученицам по пять ен. Завтрак с священнослужителями, на котором, впрочем, я не был, ибо Глеб Михайлович Ванновский с детьми задержал — сидел до половины второго — гости позавтракали без меня. Обед с кандидатами и прочими. Посланник и прочие русские гости с трех часов до пяти.

10 / 23 мая 1902. Пятница

О. Игнатий Мукояма пишет, просит денег впашему в паралич Василию Хираи и прилагает письмо о том же самого Хираи, писанное за него кем-то. Но ему, Василию Хираи, было послано его катихизаторское содержание, по четырнадцать ен, до конца июня. Когда с ним приключился паралич, его взяла к себе его замужняя дочь в Оосака; есть у него и другая дочь; есть брат, не бедный, в Вакаяма. Содержать его могут родные, не обременяя Церковь (1 Тим. 5:8, 16). Довольно на него

Церковь издержалась, кажется, без всякой пользы. Служил он прежде учителем в Хакодатской Миссийской школе; главное назначение этой школы было, конечно, воспитывать детей в христианской вере; но нет показаний, чтобы Василий Хираи успешно преследовал эту цель. По закрытии школы он стал служить катихизатором; тут уж его бесполезность совсем ясно обнаружилась: никого не научил; и о существовании его я знал только потому, что должен был посылать ежемесячно на содержание его четырнадцать ен. А теперь – вот содержи еще уже окончательно полутруп! Дети же и родные на что?

Итак, послал я ныне ему, в ответ на просьбу, пять ен и написал; что с июля будет идти ему от Церкви по три ены пособие, прочее же содержание пусть доставляют ему дети и родные. Копию письма к Хираю послал о. Игнатию с наказом не просить больше денег для него.

11 / 24 мая 1902. Суббота

О. Феодор Мидзуно, которого третьего дня потребовали телеграммой в Симооса для приобщения больной (матери катихизатора Филиппа Узава), вернувшись сегодня, рассказал про дело о разводе Павла Канасуги с женой. Последняя вовсе не учинила вновь какого-либо проступка, а, напротив, кается в прежнем и просит мужа принять ее в дом в качестве служанки, если не жены, чтобы ухаживать за своими детьми и за ним, он же в ответ на эту просьбу ее, отколотил ее. Итак, о. Феодор не дал ему разрешение на развод, а наказал родным убеждать его смягчить свое раздражение и принять жену.

12 / 25 мая 1902. Воскресенье

Лев Александрович Тихомиров пишет из Москвы, от 31 марта, что «иконостас, колокола, паникадила, облачение и все прочее, всего пятьсот пудов груза отправится из Одессы 10 мая, на пароходе „Владимир“, или же 1 июня на пароходе „Петербург“. Константин Петрович Победоносцев устроил, что перевозка до Нагасаки будет бесплатная для Миссии. Колокола, кажется, пожертвование самого В. Г. Дудышкина». – Послал это письмо для прочтения о. Семену Мию, вместе с наказом, чтобы протекший уже пол на колокольне покрыть свинцовым листом, а не железными листами, как они с архитектором положили было и на что спрашивали разрешение.

13 / 26 мая 1902. Понедельник

Маркиз Сайго опасно болен раком желудка; сына его, отправившегося в свите принца Комацу на коронацию английского короля, телеграммой вернули с дороги, и моя просьба Константину Петровичу Победоносцеву

о представлении его Императрице Марии Феодоровне осталась тщетною; просьба эта заключалась лишь в рекомендательном письме, которое Сайго имел с собою.

14 / 27 мая 1902. Вторник

Катихизатор в Канума, Моисей Мори, окончательно сошел с ума. Поздно вечером вчера с сынишкой своим явился, и я велел уложить их спать. Сегодня утром с час слушал путаницу речей Моисея. «Постоянно являются ему то диавол, то, напротив, Иисус Христос. Но часто у него нестерпимо болят голова и горло. Из Канума полиция велела ему убраться. Прибыл он ныне сюда для получения степени священства — так велел ему Иисус Христос» и прочее, и прочее. К счастью, еще тихо ведет себя и слушается.

Попросил я о. Феодора Мидзуно отвести его с сыном на родину, в селение близ Вакаяма, и сдать его старшему брату; дал на дорогу двадцать ен пятьдесят сен, и в двенадцать часов они отправились.

15 / 28 мая 1902. Среда

О. Симеон Мии пишет, что «в воскресенье присоединил к Церкви одного епископала и крестил двух детей грека Константина Гиулиса, служившего полицейским в Шанхае, Китай, и приехавшего на время в Кобе, и просит, от имени грека, выдать метрическое свидетельство за мою подписью». Пусть о. Семен, крестивший детей, даст от себя это свидетельство. Я могу приложить к нему миссийскую печать, если грек хочет этого.

16 / 29 мая 1902. Четверг

Был некто Славин, Константин Иванович, родом из духовных, служивший офицером, чиновником, наконец, захвативший на Гавайские острова и четыре года там занимавшийся разведением кофе; по невыгодности сего дела, продал свою плантацию там и возвращается ныне в Россию. Человек энергичный и предприимчивый, но — на русский манер, с придатком безалаберности. Вместо того, чтобы употребить свою энергию и предприимчивость хоть бы здесь же, в новом русском крае, где служил и видел, что дела, действительно полезного и ждущего людей предприимчивых, непочатый край, его вон куда понесло! Плавать по воздуху мы мастера...

17 / 30 мая 1902. Пятница

Дождь и обычные занятия. Идет перевод Богослужения недели Мироносиц.

18 / 31 мая 1902. Суббота

Ливень, те же занятия и месячные расчеты. О. Феодор Мидзуно вернулся, давши Моисея Мори его старшему брату, живущему в достатке и служащему старостой в своем селении, в двух ри от Вакаяма. Брат принял больного ласково.

19 мая / 1 июня 1902. Вторник

При богослужении не видел князя Стефана Доде. После брат его, Лука, сказал, что лежит больной. Очень жаль. Едва ли долго оставит его в сем мире злой его недуг — чахотка, а так хочет он при жизни своей видеть обращение ко Христу своего старшего брата и матери!

Пошли Бог ему это утешение!

20 мая / 2 июня 1902. Понедельник

В Соборе у нас по одну сторону на таком виду стоит плащаница, по другую — большой крест на пьедестале. Непременно надо такие же видные иконы Воскресения Христова и Вознесения. Иконы эти есть в иконостасе, но не столь заметны. Был вместе с иконописицей Ириной Ямасита в Посольстве, чтобы показать ей находящуюся там в Церкви запрестольную большую икону Воскресения Христова, которую хорошо бы списать для нашего Собора. Она берется это сделать. Поэтому надо повидать посланника, чтобы испросить у него позволение взять на время сюда эту икону. В Посольстве пока она не нужна — богослужений нет, по случаю отъезда о. Сергия Глебова в отпуск в Россию, да и по случаю летних каникул, когда там никогда не бывает богослужений.

Был у меня христианин из Кусино, в Хоккайдо, Антипа Фудзивара, человек благочестивый, радеющий о тамошней Церкви. Говорил, что купили христиане землю под Церковь, почти пятьсот цубо, и, по случаю, очень дешево, только за пятьдесят семь ен — будут строить на ней небольшой, по средствам христиан, церковный дом. Я обещал сто ен в помощь — то же, что прежде обещано было на покупку другой земли с домом, но которую после большого пожара в Кусино хозяин отказался продать. Хвалил Антипа тамошнего катихизатора Ал. Муросики, и просил оставить его там и после Собора. Говорил, что в Церковь по воскресеньям собираются почти все христиане, которых, впрочем, и всех-то там еще человек тридцать, не больше. Антипа там — торговец дровами и, видимо, зажиточный; сегодня здесь сейчас же купил икону в серебряном окладе. Прибыл в Токио, между прочим, чтобы взять отсюда из школы домой больную свою дочку до выздоровления ее.

21 мая / 3 июня 1902. Вторник

У англичан, наконец, заключен мир с бурами. Сегодня крупнейшими буквами о сем телеграммы в газетах, и великая радость в статьях.

Зинаида Канасуги, жена Павла, письмом просит о. Феодора Мидзуно «упросить мужа ее простить ей грех и принять в дом, чтобы заботиться о своих детях». Пусть о. Феодор напишет Павлу Канасуги убедительно, и настаивает, чтобы он укротил, наконец, свой гнев, пусть приведет в письме место из Евангелия, где Спаситель прощает блудницу, и так далее. Если Павел и его не послушается, напишу я, повторю, если нужно; пусть соблюдется постепенность и сделается все возможное, чтобы примирить их.

На письма из Церкви затишье. Каждый день, правда, письма есть, но не так много и ничего стоящего отметки — что денег просят, это уже не стоит отмечать, а надо лишь исполнять, насколько можно. Видно, что перед Собором катихизаторы и священники усиленно заняты своим делом, чтобы было с чем явиться на Собор.

22 мая / 4 июня 1902. Среда

Уведомили, что посланник приехал с дачи, поэтому был у него, чтобы попросить из посольской Церкви запрестольную икону Воскресения для списания; он тотчас же отдал приказание выдать икону, когда прислано будет за нею. Между прочим, сообщил он, что в июле будет здесь Великий Князь Борис Владимирович, путешествующий для удовольствия.

Вечером за всюнощной перед завтрашним Великим праздником было мало молящихся — при мысли о том, сколько бывает в этот праздник в Церквах в России — впрочем, нельзя сказать, чтобы было очень мало; зато кто был, те истинно рады помолиться. Были и русские из Посольства.

23 мая / 5 июня 1902. Четверг.

Праздник Вознесения Господня

Обычное праздничное богослужение. Довольно много молящихся. Из русских — барон Кистер с супругой, временный консул в Иокохаме, офицер Назаров с женой и дочкой.

24 мая / 6 июня 1902. Пятница

Утром во время занятий явились сборщики — малоазийские несториане; дал пять ен; просили рясу, но так как недавно их собрату отдана была одна, то отказал.

Был Петр Като, студент, собирающийся в Россию для антропологических исследований, но планы у него что-то неясные, и потому говорить с ним и советовать ему затруднительно. Хвалится расположением к России — в добрый час! Негодует на тех, кто были в России и облагодетельствованы ею, а теперь злословят ее, как Кониси, Сиина; действительно, это своего рода феномены, никто не видел столько добра от русских, как они, воспитанные в России; потоки любви и благодетельств излиты на них, и за то они теперь потоки злоречия извергают на русских и Россию без малейшего повода к тому.

25 мая / 7 июня 1902. Суббота

Принесли икону Воскресения Христова из Посольства и поставили в Крестовой Церкви, где Ирина Ямасита и станет списывать ее, когда сделана будет рама и натянут холст. Ко всеобщей приехал полковник Глеб Михайлович Ванновский с детьми, но после службы они долго ждали у меня, чтобы ослабел ливень.

26 мая / 8 июня 1902. Воскресенье

Протестантская пресса жалуется на разлад «Японского Евангельского союза» («Japan Evangelical Alliance», «Fukuin Doomeikai»). В минувшем апреле, с 11-го числа нового стиля, в Иокохаме происходили заседания «Одиннадцатой генеральной конференции» («Eleventh General Conference») этого Союза. Во вчерашнем номере «Japan Daily Mail», в статье «Monthly Summary of the Religious Press», извлечениями из протестантских газет «Fukuin Shimpō» и «Rikugo Zashi» кратко описывается происходившее на этих заседаниях. То же сделано было еще прежде в письме одного протестантского миссионера (Reverend Wendt), помещенном в «Japan Daily Mail» 3-го июня. Первый параграф Конституции Союза гласит: «Цель Евангельского Союза состоит в том, чтобы теснее сблизить между собою все Церкви, содержащие принципы, общеименуемые евангельскими, объединить их деятельность и явить обществу дух Христианства (make known to society the spirit of Christianity)». К этому Союзу до сих пор принадлежали и исповедующие Иисуса Христа Богом, и не признающие Его Божества. Многим из первых такое объединение не нравилось. И вот на заседании 12-го апреля сделано было предложение дополнить Первый параграф пояснением: «Под содержащим евангельские принципы мы разумеем тех, кто верует, что Господь Иисус Христос, сошедший в мир для спасения людей, есть Бог». Поднялись горячие прения, в конце которых предложение было отвергнуто по недостатку голосов для его принятия. Согласно Конституции Союза никакое прибавление не может быть сделано к правилам Конституции без того,

чтобы две трети голосов не были за него. За предложение было восемьдесят один, против — сорок четыре. Это было в субботу. А в понедельник, 14-го апреля, под предлогом, что дело Союза остановится (will be brought to a standstill), если не будет принято отвергнутое в субботу предложение, оно вновь было предложено Конференции, без прений вотировано и принято большинством, значительно превосходящим две трети голосов. — Газета «Japan Evangelist» (Vol. IX, N 5, May), в рапорте о заседаниях, называет это решение действием Провидения (Providential); а Reverend Wendt подсмеивается над этой профанацией Провидения: «В субботу, мол, Провидение решило одно, а в понедельник — совсем противоположное; а на следующей Конференции, которая будет в Осака, где Конгрегационалы особенно сильны и многочисленны, Провидение, вероятно, решит вновь по-прежнему». И негодует Венд на притеснителей свободы мыслей своих собратий, на узкость определения слова «евангельский». Еще больше негодует на то журнал «Rikugo Zashi». Этот уже совсем называет решение ортодоксалов гонением на ересь, напоминающим средние века, — в статье: «Fukuin Domeikai-no itan seibatsu» (Гонение ереси Евангельским Союзом). Все же в совокупности приводит самих протестантов к сознанию, что «Союз, начавший старанием соединить христиан тесными узами, кончает приведением их к возможной между ними потасовке» (The Alliance, which began by making it its chief object to unite Christians in closer ties, has ended by setting them at loggerheads as much as possible). Неверующие в Божество Иисуса Христа по преимуществу принадлежат к Конгрегационалистам, как Ебина, Уемура и другие. И такое широкое негодование, что этих в сущности не христиан исключают из Евангельского Союза! Руками развести только можно на протестантов! Далеко уйдут в христианизации рода человеческого с такими проржавевшими верованиями!

27 мая / 9 июня 1902. Понедельник

О. Павел Косуги просит принять его сына «Тондзи Иоанна» в Семинарию, пишет, что «он от рождения (бо-дай ёри) посвящен Богу, на служение Церкви». Конечно, это хорошо. Дай Бог, чтобы побольше было таких. Только надежно ли? Вон и Ем. Хигуци в смертной опасности во время болезни был обречен родителями на служение Церкви, почему и воспитан Церковью — а теперь где? Смеется себе в кулак, что Церковь, по доверчивости, так тратилась на его воспитание здесь и в России.

28 мая / 10 июня 1902. Вторник

Семидесятилетний старик-христианин в Оосака, по фамилии Миками, прислал письмо ровно две с половиной сажени длиной; описывает

свои препирательства с катихизатором Фомой Танака, свои вопрошения о. Иоанну Оно, неудовлетворенность тем и другим, вследствие чего он обругал их — о. Иоанна совсем уж очень невежливо; в своем огорчении жалуется мне и просит рассудить. В сущности, видно, что глупый старик расстроен протестантами, не упускающими нигде возможности насолить православию и православным. Семь пунктов представляет Миками в виде возражений, из которых почти все, видимо, внушены протестантами: 1) Праздник Рождества Христова нам надо справлять по новому стилю, так как старый стиль — остаток невежества, свойственного только России. 2) Пасху надо праздновать тоже не по тому стилю, по которому ныне празднуется нами; ныне-де и малые школьники больше смыслят в астрономии, чем те астрономы, которые сочиняли теперешний русский стиль. 3) Пасхальное богослужение надо совершать не ночью, как ныне, когда дети и женщины не могут прийти в Церковь, ибо спят, а днем. Пасху же нужно установить праздновать всегда неизменно 15 числа четвертого месяца, ибо это самое настоящее весеннее время. 4) Если Церковь не согласится последовать тому, что внушается в вышеозначенных трех пунктах, то непременно произойдет раскол старого (невежественного) и нового (правильного) стиля. 5) Служащим Церкви прибавить содержание на 4% или 5% к нынешнему. 6) Церковь в Оосака предоставить распоряжению самих христиан, устранив управление священнослужителей, тогда Церковь в Оосака непременно станет на свое содержание. 7) Уменьшить почитание Пресвятой Богородицы. Она неправильно так чтится; в Священном Писании говорится, что Илия взят на небо, а она не взята, стало — она ниже Илии. Спаситель Сам сказал, что в рожденных женами нет более Иоанна Крестителя — стало, она ниже Иоанна (чего же не христианского?); Спаситель, когда пришли сказать Ему, что мать желает видеть Его, выразился: Кто Моя мать? Вот они — слушающие Мое учение — стало, Она не выше всякого христианина».

Сделав некоторое пояснение на сей пункт, отдал я письмо Исаие Мидзусима, чтобы он ответил на возражения Миками (и вместе — протестантов) для напечатания в наших журналах по общему сведению.

29 мая / 11 июня 1902. Среда

Был секретарь Английского Посольства Мг. Hohler с поклоном от Bishop'a Корфа из Кореи; хвалил успехи христианской проповеди там — протестантской; с нашей Миссией не познакомился.

Игнатий Такаку, катихизатор в Гокане и прочих, только теперь описывает, как они праздновали Пасху. Характеристична эта неаккуратность — иметь это в виду — к движению его вперед может быть препятствием, а он из Семинарии, где, впрочем, тоже был лентяем.

30 мая / 12 июня 1902. Четверг

Во время утреннего занятия опять пришли сборщики из Курдистана; кажется, те самые, что прежде были; на этот раз принесли письменное заявление, кем-то по-русски составленное для них на мое имя, что они православные священники — Николай, Илья, Илиша, собирающие на построение храмов. Выслал им пять ен. В неудобное время приходят. Притом же здесь Церковь живет тоже сборами; много жертвовать не из чего.

31 мая / 13 июня 1902. Пятница

В письме к о. Павлу Кагета советовал внушить Петру Такахаси, чтоб на Собор не являлся: для него не будет места между катихизаторами, ибо он еще не в списке их, а в стороне сидеть стыдно будет ему, когда-то занимавшему не последнее место в заседаниях Собора. Пусть своими заслугами снова войдет туда, где прежде состоял, тогда и приходит на Собор. Сегодня о. Феодор Мидзуно отправился для посещения Церкви в Яманаси — там Стефан Гадзима служит на тех же основаниях, как Петр Такахаси в Ханавэ, поэтому о. Феодору внушено сказать касательно Собора то же Гадзима.

1 / 14 июня 1902. Суббота

О. Вениамин из Нагасаки пишет, что с тех пор, как поселился в японском доме, начинают заходить к нему не только взрослые, но и дети, — и описывает трех мальчиков, от тринадцати до пятнадцати лет, своих посетителей. Утешил! Это после двух-то с половиною лет пребывания в Японии, когда ему давно бы уже следовало отлично говорить по-японски и иметь аудиторию из серьезных слушателей вероучения! Вот что значит быть самодуром. Не то бы было, коли бы слушался.

Перед всенощной Глеб Михайлович, военный агент, с женою и дочерью, приезжали попросить отслужить панихиду по родителям и молились очень усердно, что утешительно видеть было.

2 / 15 июня 1902. Воскресенье.**Праздник Пятидесятницы**

Перед Литургией было крещение взрослых и детей; между первыми был один член «Общества молодых людей» (Сейненквэй) — студент-медики, наставленный в веру Василием Ямада, что показывает пользу учреждения сего общества.

Несмотря на непрерывавшийся весь день дождь, в Церкви было много христиан, было несколько и русских.

Служили со мною три иерея. Богослужение кончилось в час (начавшись, как всегда, в девять часов).

3 / 16 июня 1902. Понедельник

С восьми часов Литургия, отслуженная соборно тремя иереями.

В продолжение дня были: посланец от Bishop'a Шершевского попросить Новый Завет нашего перевода; сам он ныне печатает свою китайскую Библию в новом переводе.— Студент Восточного института Ген. Ив. Дуля, из ставропольских семинаристов, сын диакона, добродушный человек, не утративший религиозности.— Японка — офицер Армии Спасения, посланная своим полковником Mr. Bullard'ом собирать деньги на благотворительные дела Армии; дал одну ену.— Посланец от баронессы Кистер с огромным букетом фиалок, полученных баронессой из Хакода-те, которыми она захотела поделиться со мной.

4 / 17 июня 1902. Вторник

Из Церквей самые тощие известия. О. Иоанн Катакура сегодня жалуется, что при обзоре своих Церквей нашел их в застое,— крещений почти нигде.

Восторги японцев по поводу заключенного союза с Англией, направленного против России, и вследствие сего крайнее охлаждение к России, не без влияния на дело нашей проповеди. Впрочем, истинные успехи Евангелия никогда не связаны с политикой.

Католический патер, имеющий молитвенный дом в квартале Хондзэ, третьего дня поймал одного из уличных ребят, бивших стекла в его молельне, и до того таскал его за ухо, что наполовину разорвал ухо. Это происшествие вот два дня катается по всем газетам, с бранью на патера и насмешками над христианством, но ни одна газета ни полсловом не заикнулась о том, что следует и ребят обуздывать и наставлять их не творить безобразия. На бедного патера отец мальчика подал иск, и теперь его судят. Газетные вырезки, сегодня поступившие ко мне, все наполнены этой историей.

О. Симеон Юкава принес огромную кисть бананов и чай, подарок христианина с Формозы; первую отослал в Женскую школу дозреть и разделить ученицам.

Начали чистить паникадила в Соборе, что делается раз в три года.

5 / 18 июня 1902. Среда

О. Тит Комацу, взяв наперед позволение, прибыл из Уцуномия поговорить о посещении им своей родины и о проповеди там, весьма успешной;

также о Церкви своей. Родина его в двух ри от Сендая; у него там прежде был земельный дворянский участок, и род его — почтенный в той местности, почему у него слушателей учения собиралось множество; говорил длинные проповеди ежедневно тринадцать дней, некоторые уже просили крещения. Он обещал еще посетить их, когда известят, что у них настала свобода от полевых работ, которыми теперь все заняты. Рассказывая о Церкви, которою ныне заведует, хвалил усердие к проповеди катихизаторов Романа Фукуи, Павла Сайто и Тихона Сугияма; прочие все, по его словам, очень лентясы. Особенно ленив Фома Ооцуки; несколько лет подряд просился на родину — «у него-де родители еще язычники»; уважена была его просьба, а он вместо того, чтобы действительно позаботиться об обращении ко Христу своих престарелых родителей, допустил матери помереть язычницей, и она погребена по-буддийски; отец тоже еще язычник. О Фоме Оно и Павле Судзуки говорил, что они — неисправимые болтуны, а болтовня их внерелигиозная, у последнего всегда шуточная, отчего христиане очень не любят их. О Матфее Тода говорил, что он еще болен умопомешательством, почему я велел непременно сдать его отцу и больше не считать на службе; содержание будет послано ему только за седьмой месяц — больше ни в коем случае; к счастью, в число катихизаторов он еще не был включен, а ведался только с о. Титом, хотя содержание, по десять ен, ежемесячно посылалось на него о. Титу.— После разговора о. Тит с первым же поездом отправился обратно в Уцуномия.

О. Семен Мии извещает, что в праздник Сошествия Святого Духа крестил шесть человек, из которых четверо — жители Оцу. Слава Богу, Церковь в Кёото продолжает понемногу возрастать. Пишет также, что пол на колокольне покрыт свинцовым листом; деньги, восемьдесят пять ен по счету за сие, тотчас же отправлены к нему.

6 / 19 июня 1902. Четверг

Уже начинают приходиться прошения Церквей к Собору о катихизаторах; сегодня, между прочим, из Сюзендзи и Хиросаки, просят непременно дать по катихизатору — успех-де провидится, и прочее. И наперед можно решить, что просьбы тщетны — куда же набраться катихизаторам для таких малых Церквей!

Bishop Schereschewsky письмом просит Ветхий Завет моего перевода, особенно апокрифы — увы, такого еще не существует! Ответил, что занят ныне только переводом нашего богослужения.

Сегодня начали писать большие иконы Воскресения и Вознесения для Собора; работа производится в Крестовой Церкви — больше и поместиться и негде; пишут обе иконописицы.

7 / 20 июня 1902. Пятница

О. Феодор Мидзуно вернулся из Яманаси: маленькая Церковь в порядке, христиане ходят к богослужениям, ныне все исповедались и приобщались; живут между собой мирно — но не растет Церковь; о. Феодор крестил ныне только одну женщину, живущую прислугой у катихизатора; есть несколько слушателей учения, но неизвестно, будут ли они христианами. Вообще, видно, что катихизатор Стефан Тадзима управлять Церковью может, а распространять ее мало способен. Страдает он еще много болезнью какке.

8 / 21 июня 1902. Суббота

Англичанка Miss Hughes, прибывшая в Японию «with a commission from the Education Department of the English Government» изучить публичное и частное женское воспитание здесь, прилагая рекомендательное письмо от епископа Awdry, просит позволения явиться, чтобы осмотреть нашу Женскую школу. Ответил любезным приглашением в четверг, 26 числа, с четырех часов — время, указанное ею, как одно из наиболее удобных для нее, так как она очень занята, преподавая в трех школах «in order to get behind the scenes and understand things better». Видно, что исполняет свою комиссию основательно.

9 / 22 июня 1902. Воскресенье

О. Алексей Савабе приходил жаловаться на своего регента хора, Ивана Накасима, что «он без всякой причины удалил из хора Евгению, жену о. Алексея, и что вообще грубо обращается с поющими, чем может разогнать их, и Церковь останется без хора»; просит о. Алексей взять Накасима из Коодзимаци-кёоквай и дать на место его другого учителя пения и регента. Я обещал позвать Накасима, сделать ему выговор и наставление, попросить извинение у о. Алексея, чем все и уладится, если Накасима окажет благоразумие.— Жалуется еще о. Алексей на бездеятельность диакона своего Павла Такахаси, кроме служения всенощных и Литургий, ровно ничего не делает для Церкви. Я сказал о. Алексею, чтобы он подготовил к Собору к избранию во диакона для своей Церкви катихизатора Якова Тоохей; если это будет устроено, то диакон Такахаси, по ненужности его для Церкви в Коодзимаци, может быть переведен сюда, к Собору — и пусть здесь служит — голос у него для диакона хороший.

10 / 23 июня 1902. Понедельник

Иван Накасима сегодня еще больше нажаловался на жену о. Алексея Савабе, что она стыдит его перед всем хором, не слушается при спевках —

«я-де много лет пою и знаю пение лучше Накасима» и прочее, и на о. Алексея, что он в гневе кричит на него при всех, и тому подобное. Я пристыдил Накасима за то, что он ссорится и вздорит с женщинами, чем ставит себя наряду с ними, что для мужчины неприлично, и убедил его пойти и помириться с Евгенией, и вперед мирно и мягко, но в то же время и авторитетно, обращаться с нею и с другими ноющими женского пола; а с о. Алексеем, тоже помирившись ныне, условиться, если возникнет надобность вперед, говорить наедине о предметах недоразумений и улаживать дела резонно, не доходя до ссор и криков перед другими, к соблазну других.

Письма из Церкви незначительные — большею частью только с известиями, кто прибудет на Собор, кто не прибудет, по той или другой причине. Между прочими Стефан Камой извещает, что «на Соборе не будет, ибо еще слаб от болезни» и прибавляет, что «будет проситься на покой, до полного выздоровления». Подозреваю, что хочет уйти с церковной службы куда-нибудь на более хлебное место, ибо из Семинарии и со знанием русского языка может добыть себе более жалованья, чем сколько дает церковная служба. Его товарищи по выпуску почти все разбрелись по хлебным местам — во Владивосток, Порт-Артур и прочим; чуть ли и его не подбивают на то же.

11 / 24 июня 1902. Вторник

Моисей Минато, катихизатор на острове Сикотан, у христиан — бывших наших курильцев, пишет, что «на Соборе не будет, ибо отлучаться опасно — бонза секты Монто все еще живет там с целью совращения курильцев в буддизм; но просит Моисей на Соборе непременно назначить кого-нибудь на смену ему, а его определить куда-нибудь в более теплое место, ибо там нажил ревматизм». Вот беда-то! Кто же согласится еще отправиться в это место, похожее на заточение, разобщенное со всем миром до того, что осенью всегда надо посылать содержание на всю зиму, и с шестьюдесятью шестью христианами другой расы?..

12 / 25 июня 1902. Среда

Утром на экзамене в Семинарии и Катихизаторской школе. Семинаристы шестого курса отвечали по Священному Писанию Ветхого Завета прекрасно, но их всего пять человек; двое больны. Ученики Катихизаторской школы второго, выпускного, класса — всего пять человек, из рук вон плохи; ни развития, ни знания; на самые основные догматические вопросы становятся в тупике, а придется выпускать на проповедь — нечего делать, только надо будет поставить около священников. Первого

класса — шесть человек — будут несколько лучше, кажется, коли проучатся еще один год.

В «Japan Daily Mail» сегодня телеграмма: «Епископ Иннокентий назначен начальником Русской Православной Миссии в Пекин. На возобновление Миссии Епископу дано 16 500 фунтов стерлингов, а содержание Миссии вдвое увеличено». Слава Богу! Благослови Господи успехами отныне Китайскую Миссию!

13 / 26 июня 1902. Четверг

Сегодня должна была произойти коронация английского короля Эдуарда VII. Весь свет готовился к ней. И у нас назначен был молебен в Соборе, в десять часов; располагали от души помолиться, я — за дядю нашего Государя, японцы — за нынешнего союзника их Императора. Но вчера получена была английским посланником телеграмма, что коронация отложена, по случаю болезни короля, которому сделали желудочную операцию. Все приготовления остановлены и торжества отложены; и мы стерли с досок оповещение о молебне, что очень жаль.

Утром на экзамене в пятом классе Семинарии, где всего пять учеников, из которых один болен, отвечали по Основному Богословию очень хорошо; и в Катихизаторской школе по Священному Писанию Ветхого Завета отвечали оба класса лучше, чем вчера.

В четыре часа, как было условлено, явилась Miss Hughes посмотреть нашу Женскую школу. Опасался я женской непоследовательности в разговоре с нею, — так и вышло. Приготовила записную книжку, и — первый вопрос:

— Сколько миссионеров у вас заняты воспитательным делом в Японии?

— Ни одного — воспитание ведется самими японцами.

— Как так? Почему? — с удивлением воззрилась на меня.

— Потому что миссионеров у нас для этого нет.

— Сколько же у вас всех миссионеров?

— Собственно, можно бы сказать — тоже ни одного. Вот смотрите: здесь написано 4 (показывая ей статистический лист Миссии), но из них один — священник посольства, и по Миссии не служит, другой — диакон, тоже состоящий при Посольской Церкви, а здесь обучает только пению, третий — недавно приехавший миссионер, живет в Нагасаки и пока только учится по-японски, четвертый — я, исключительно занят ныне переводом богослужения. Проповедуют у нас тоже сами японцы.

— Где же у вас проповедь? Только в Токио?

— У нас проповедь больше, чем в двухстах местах Японии. Вот смотрите в статистическом листе.

Она уставилась на меня, сделав большие глаза, положила на стол записную книжку, подумала и перекинулась:

— А как вы смотрите на японцев относительно христианства?
— Я думаю, что в этом столетии Япония вся сделается христианскою странюю.

— Я слышала разнообразные мысли об этом, большею частью пессимистические.

— Это оттого, что вы вращаетесь в двух кругах, наиболее нерасположенных к христианству, как и ко всякой другой вере, — аристократическом и ученном. Это — саддукеи Иудеи, философы Древней Греции, патриции Рима — все с презрением смотревшие на христианство. Мы теперь знаем, правы ли оказались они, то же будет и с неверующей сферой японцев, которую вы разумеете.

— Но ныне оживляется буддизм, как вы на это смотрите?

— Как на всякую дутую речь. Буддизм умер в Японии; японцы переросли эту религию без личного Бога, и напрасно толкуют, что он еще жив и пробуждается к энергетическому действию — то пустая хвастливость бонз, которые сами не верят тому, что говорят.

— Один миссионер, вернувшийся в Японию после двенадцати лет с тех пор, как жил здесь, находит здесь такую перемену, что ныне при богослужениях гораздо меньше молящихся христиан, чем тогда было, но что влияние христианства стало более заметным на языческой среде. Что вы на это скажете?

Видя, что разговор далеко уклонился от цели ее визита, я без церемоний возразил:

— Оставим этого миссионера при его мнении и его наблюдениях и поговорим о нашей Женской школе, сведения о которой вы хотели иметь.

— Но я собираю сведения не о женских школах только; я изучаю здесь и мужские школы. Какие у вас мужские учебные заведения?

— У нас здесь Семинария для воспитания предназначенных к церковному служению.

— Сколько учеников в вашей Семинарии? Каких лет ученики принимаются? Сколько лет учатся? Какой курс проходят? — и прочее.

На все эти вопросы я должен был ответить, после чего опять постарался возвратить Miss-исследовательницу к ее главному предмету — Женской школе. Она, наконец, несколько удостоила вниманием сию материю, и я успел доложить ей, сколько у нас в школе учительниц, сколько учениц и прочее, и сдать в ее ведение документы, специально приготовленные для того: брошюрку школьных правил, список нынешнего состава школы и книжку празднования двадцатилетия школы при Анне Кванно. Показывая правила, я ей рек:

— Вот здесь — обучение словосочинению, литературе и подобному — и что это не праздное словоначертание, что у нас действительно развиваются; вот вам доказательство — издание нашей Женской школой прекрасного женского духовно-нравственного журнала «Уранисики»

(и показал ей три последних номера). По программе, например, обучение вышиванию; что это исполняется, вот вам свидетельство (и развернул вышитое Женской школою на престол Пасхальное облачение; на подкладке главного облачения и имена всех трудившихся воспитанниц написаны. Работа эта, видимо, поразила ее и находившуюся при ней японку — переводчицу с японского на английский и обратно, безмолвную до сих пор, но разразившуюся при сем ахами.

Miss Hughes, подивившись «Уранисики» и золотому шитью, не преминула уклониться в сторону:

— Любопытствуют ли язычники посещать ваш Собор?

— Так любопытствуют, что в иной месяц бывает до десяти тысяч посетителей.

И у меня мелькнула мысль увлечь ее в Собор, чтобы оттуда провести в Женскую школу, иначе и конца не предвиделось ее расспросам, а я опасался, что в Женской школе ее ждут, и это производит своего рода неудобство.

— Да вот не угодно ли взглянуть ныне на Собор? Вероятно, и сейчас мы увидим там японцев-посетителей. Вы еще не были в соборе?

— Была на богослужении в ваш Рождественский праздник и видела много христиан в соборе.

— Теперь увидите несколько язычников...

Действительно, в соборе были партии гимназистов и гимназисток и других посетителей. Остановившись посреди Собора, после некоторого разговора, Miss Hughes вопрошает:

— Что особенно нравится японцам в вашей религии? Вот это? (Указывая на иконостас). И богослужение с пением?

— Нравится и это. Но главное не это, а то, что наша религия стоит твердо, — вот что особенно привлекает японцев к Православию.

— Как так?

— Да так, что наши юные, большею частию, и немногие проповедники, всего пятнадцать человек на всю Японию, стоят против всего язычества, и в виду всего прочего христианства, католического и протестантского, с сотнями иностранцев у сих, твердо, неколебимо, с ясно и непрерываемо проповедуемым учением, и нигде не падают, не отступают, везде, где водворилась Христианская Церковь Православная, она стоит, как бы мала она ни была, чего о других христианских вероучениях сказать нельзя.

— Чему же вы приписываете это?

— Прежде всего тому, что мы содержим учение Христово во всей его полноте и целостности и никогда изменить или потерять его не можем — мы принимаем Святое Писание и Священное Предание.

— Это то же, что у католиков, они очень уважают Предание.

— Совсе не то. Они уважают свои Предания в ущерб Святому Писанию. Например, Спаситель сказал о Святом Духе: «От Отца исходящего»;

католики поправляют это на основании Предания: «и от Сына»; Спаситель, установляя таинство евхаристии, сказал: «Пиите от нея все»; католики: «вовсе не все, а только „симпин“ — духовенство»... У нас таких кощунственных преданий не слышано, не видано. Наше Священное Предание ни на волос не противоречит Святому Писанию и служит только к дополнению и объяснению его. Наше Священное Предание — это живой голос Вселенской Церкви, звучащий на все времена. Поэтому-то мы не можем изменять или утратить ни йоту из Христова Учения. Если для нас что не понятно в Слове Божиим, мы спрашиваем Вселенскую Церковь, как она понимала это во все времена, начиная с Апостолов,— получаем ясный и определенный ответ и продолжаем веровать и учить неизменно. Это не то, что в протестантстве, где Святое Писание у каждого в руках не только для чтения, но и для понимания и толкования личного, его собственного в учении...

Говорилось все это не для одной Miss Hughes, но и для ее переводчицы, которая придвинулась, чтобы слова не проронить, когда я стал говорить о Предании. Но я не забывал, что в Женской школе нас ждут, и потому прервав речь, любезно предложил Miss Hughes пойти в Женскую школу.

Там, действительно, нас ждали. Ученицы встретили при входе в дом, ученицы в своих комнатах, одетые чистенько и вежливо приветствующие. Miss обошла все, в моем и учительниц сопровождении; мимоходом все хвалила, особенно в комнате, где не для нее, а к экзамену, ныне производящемуся, приготовлены были на столах рукоделия и где особенно понравились ей рисунки учениц и рукоделия шелками и золотом.

По окончании осмотра я предложил ей сказать что-нибудь в назидание учениц (так как в газетах печатались ее лекции в женских высших заведениях). Она согласилась весьма любезно. Вся школа собралась в зале, и она сказала речь. Переводила японка, сопровождавшая ее, оказавшаяся превосходно приспособленною к сему делу. Наставление состояло из четырех пунктов: 1) японской женщине надо здоровье — итак, занимайтесь гимнастикой; 2) ей нужны искусные пальцы, и потому прилежите рукоделию; 3) будьте умны; 4) будьте добры (дзюнрёо). Ждал я, что заключительным пунктом будет: старайтесь быть добрыми христианками, но этого не последовало; а на шуточное потом мое замечание ей о сем, сказала, что так навыкла говорить в прочих женских школах, еще языческих, где о Христианстве говорить не позволено. После сего мы любезно расстались.

14 / 27 июня 1902. Пятница

Утром на экзамене в Семинарии, в шестом классе по Основному Богословию, в четвертом, где одиннадцать учеников, по Церковной Истории. И те, и другие отвечали хорошо. Кончив экзаменовывать шестой класс, приостановил и сказал поучение о бескорыстном служении Церкви.

Жаль стало, что и их бессовестно смутят и отвлекут от церковного служения. Всего пять их осталось, и хорошо развились уже они, и все довольно умные и красноречивые. Товарищ их, Иван Момосе, недавно отправившийся домой под предлогом болезни, уже стащен: слышно, что уехал в Сибирь для какого-то своего частного служения. И резко я очертил эту, вечно повторяющуюся, бессовестную измену и родителей, и учеников своим обещаниям: первые отдают детей на служение Церкви, письменными прошениями закрепляя свои обещания; вторые уже довольно взрослыми поступают в Семинарию и от себя также заявляют неперемнное желание служить Церкви по окончании курса. А между тем, как только Церковь оправит их до способности служить миру — или русским языком, или общим развитием, так уходят в мир — обещаний и заверений как будто не было. И приравнял я эту жадность к деньгам иудинной жадности. Желаящие роскошного «чепии» от Церкви за служение их, но не надеющиеся получить и потому уходящие за обильною подачкою к миру, действительно подражают Иуде, за деньги продавшему свое апостольское служение, — таковы все воспитанные Церковью и обманувшие ее, ушедшие на денежные места в мире. «Не подражайте им, сохраните светлые идеалы юности, имейте перед глазами истинных учеников Спасителя, не нарушивших свои обеты», — и так далее.

Выходя с экзамена, услышал от Арсения Яковлевича Ивасава, что «Сергий Александрович Рачинский помер, в „Новом Времени“ некролог есть». Вернувшись к себе, нашел то же в принесенных с почты номерах «Московских Ведомостей»: 2 мая (старого стиля), в годовщину своей шестидесятилетней жизни скончался в своем имении, в Татеве. Истинно до глубины души опечалило это грустное известие. Один из лучших сынов России отошел в вечность. Кто заменит его в его идеально-прекрасном служении русскому народу? Вот таких-то просветителей нужно нашему народу, чтобы он перестал быть темным людом, губящим себя в расколе, в бунтах, подобных недавнему Полтавско-Харьковскому, в пьянстве, и стал истинно великим народом. Пошли Господи их!

Повесили в Соборе все вычищенные паникадила; блистающие, точно вышедшие сейчас из мастерской.

Вечером мы с Павлом Накаем закончили до после каникул занятия переводом богослужения. Дошли до Канона на утрени в Неделю Слепого, воскресная служба Пентикостария переводится нами сполна. После каникул, если Бог благословит, точас надо будет приняться за печатание службы Страстной Седмицы, а вслед за нею и Пентикостарий, который должен быть готов к тому времени.

15 / 28 июня 1902. Суббота

На экзамене в Семинарии в шестом классе по Психологии тоже прекрасно отвечали; во втором классе по Священной Истории — хорошо

отвечали; здесь уже осталось одиннадцать учеников, а шесть больны, и, вероятно, скоро совсем выйдут; а к концу курса, то есть еще через пять лет, останется ли кто в этом классе, Бог весть; ребята не являют надежного вида.

16 / 29 июня 1902. Воскресенье

До Литургии несколько человек крещено. За Литургией был и молился, часто крестясь ладонью, «Кен. Swet», англиканец, очень расположенный к православию, было и много христиан, несмотря на дождь. После службы из зашедших ко мне София, воспитательница сирот, рассказала, между прочим, как она исправила недавно одного воришку между своими воспитанниками: убедила его, в знак решимости не воровать, отрезать у себя палец, но, конечно, удержавши его от этого в решительный момент, когда он уже поднял нож,— после чего расплакались они оба, Софья и воришка, и он уже два месяца ведет себя исправно. Помогай Бог!

Молодой Рубинштейн (Влад. Всеволодович), племянник знаменитого композитора, служивший в Иокохаме, в Русско-Китайском банке, был проститься; не выносит сей службы и потому возвращается в Россию. Хороший, честный юноша — храни его Бог!

17 / 30 июня 1902. Понедельник

Утром на экзамене в Семинарии.— Целый день месячные расчеты.

В три часа посланник приезжал сговориться, как встречать Великого Князя Бориса Владимировича, который послезавтра прибудет в Иокохаму.

Стефан Доде, выздоровевши, приходил показаться; смотрит хорошо оправившимся.

18 июня / 1 июля 1902. Вторник

Утром на экзамене в третьем классе Семинарии, где десять учеников, отвечали по русскому языку первые четверо отлично: где ни развернешь книгу, переводят почти без остановки; во втором классе по Литургике — кроме первого ученика, все плоховато.

19 июня / 2 июля 1902. Среда.

День встречи Великого Князя Бориса Владимировича

Вчера посланник уведомил, что он с членами посольства отправляется сегодня утром в семь часов 55 минут утра в Иокохаму; я ответил, что

буду на станции железной дороги к этому же времени. Сегодня в семь с четвертью часа я и отправился в сопровождении слуги Ивана с жестяною коробкою, в которой был мой клобук с бриллиантовым крестом; я надел шляпу, сказав Ивану постоянно быть везде недалеко от меня. На станции в Симбаси младший секретарь Посольства предупредил, что посланником взято отдельное купе для членов посольства, в котором место и для меня; не покупая билета, я и пошел в купе. Со станции в Иокохаме посланник взял меня в свой экипаж до консульства; а потом, сам с членами Посольства и иокохамским консулом Сиверсом, с которым я здесь же познакомился (ибо он только что прибыл на должность), отправившись ранее, чтобы ехать на судно, броненосец «Севастополь», встречать Великого Князя, прислал экипаж за мной в консульство; и я, уже одевшись в клобук и ордена, а сдав Ивану шляпу, и назначив ему, по возвращении в Токио, если увидит меня отправляющимся в дом к Великому Князю, ехать в Посольство и ждать меня там, отправился на пристань, в дом, где всегда принимаются царственные гости. Мне назначено было посланником представиться Великому Князю здесь, на пристани, и после того, как Великий Князь увидится с принцем Кан-ин'ом и вместе с ним обойдет японский караул. Принц Кан-ин прибыл в дом на пристани немного после меня; как прежде представленный ему, я раскланялся с ним и в ответ получил очень любезное приветствие и пожатие руки. Затем пришлось ждать прибытия Князя до исхода почти одиннадцатого часа. Принц Кан-ин принял его и провел по линии караула. Затем посланник выступил представить меня, и представление состоялось в очень неудобном месте, между крыльцом и поданным Великому Князю экипажем. Великий Князь, впрочем, был очень любезен, сказав, что его брат много говорил ему о Миссии, бросил и еще несколько ласковых слов и сел в экипаж. — Посланник опять взял меня в свой экипаж до станции. До Токио пришлось сидеть в отделении вагона, ближайшем к купе Великого Князя. (При прежних подобных случаях меня приглашали в купе Великого Князя — Александра Михайловича и Кирилла Владимировича; ныне этого не было — и лучше, ибо купе очень тесно.) Дорогой несколько познакомился со свитой Великого Князя. При нем пять человек: два офицера, его товарищи по полку — гусарскому; один офицер из батальона стрелков — красавец, двоюродный брат нашей посланницы, урожденной графини Толь; один — чиновник Министерства Внутренних Дел, временно прикомандированный к нему; и один иностранец — церемониймейстер какой-то, все вообще с какими-то немецкими фамилиями, которые я сразу ни одной не схватил на память. Со станции Симбаси во Дворец к Великому Князю доехал в карете посланника, по указанию секретаря посольства князя Кудашева, с моряком офицером. Там, потолкавшись несколько вниз, в свите, и подумав: «Вот как бывает в передних великих людей» — имея достаточное время подумать это — приглашен был наверх, а потом в комнату Великого Князя,

причем оказался в сфере совсем неожиданной: Великий Князь пригласил сесть и минут семь-восемь рассказывал о своем путешествии исключительно для меня, так как больше никого не было в комнате; причем сказал, что уже утомлен своим путешествием, продолжающимся с ноября прошедшего года, что был в Египте, Индии, Сиаме, Китае и проч.; в Индии имел охоту на тигра, но убил только леопарда, и прочее; что, вероятно, дальше придут сюда путешественниками его брат Андрей, а дальше, может быть, и Наследник, что путешествие развивает и так далее. Я был положительно очарован ласковостью Великого Князя, кое-что говорил и сам, например, о бытии здесь Великого Князя Алексея Александровича в 1872 году. «У него была борода?» – спросил Борис Владимирович. «Совсем не было бороды, он был очень молод тогда, здесь же праздновал только совершеннолетие свое», – отвечал я. «Был очень красив?» «О, да» – и прочее. Один из свиты пришел сказать, что секретарь Посольства ждет меня с экипажем, почему, раскланявшись, я отправился с князем Кудашевым и двумя моряками, которых мы оставили, проезжая в Imperial Hotel пообедать, ибо для них, по расчету, не оказывалось места за столом у посланника. – В час назначен был обед (по-здешнему завтрак) у посланника – для одних русских, и съехались все русские, здесь служащие, с четырьмя дамами, женами служащих; прибыл и Великий Князь с своею свитою. Кончился завтрак в два часа десять минут. Я тотчас же отправился к себе, на Суругадай, ибо в два с половиною часа назначено было, по расписанию времяпровождения здесь Великого Князя, посещение зданий Духовной Миссии. Приехал я на «дзинрикия», предварительно заготовленном для меня Иваном у ворот Посольства; он же увез домой жестянку с клобуком, оставив мне шляпу. Орденов с лентами за завтраком я не снимал, хотя, начиная с Великого Князя, почти все уже были без орденов, в простом платье. По дороге на Суругадай я видел толпы японцев, ожидавших проезда Великого Князя. Приехав, велел ученицам и ученикам идти в Собор, чтобы пропеть молебен, велел также отнести в Семинарию и Женскую школу по дюжине стульев для предполагавшегося экзамена – сидеть свите, ибо имело быть довольно много людей. В Церкви собралось довольно много христиан; между прочим, князя Стефан и Лука Доде. Облачившись, все: я, четыре иерея, диаконы Львовский и Кугимия – ждали долго, ибо посланник сказал мне, что тотчас же за мною будут, но были уже после трех часов. Я вышел с посохом, а Кугимия с крестом на блюде, который я взял у него и приветствовал Великого Князя, дав приложиться к нему. Причем опоздал несколько, встретил Великого Князя уже при облачальном месте; вперед следует избегать этой неловкости. Молебен был краткий. По благословении, – «Царю Небесный». Читал Львовский по-русски. Вообще все, что следовало говорить диакону и мне, было по-русски; но пели оба хора вместе, ставши налево (направо положен был ковер для Великого Князя), по-японски. За чтением следовало: «Бог – Господь

и явись нам» трижды, тропарь благодарного молебна, тройная краткая ектения и «Премудрость», «Пресвятая Богородица спаси нас», потом по-русски многолетие, по-японски «икутосемо», уронившее на сей раз, ибо певчие стали петь, когда я обернулся к престолу молиться, как обычно при многолетии. Крест я дал поцеловать только Великому Князю, после чего, разоблачившись, вышел, услышал комплимент певчим. Нужно заметить, что Великий Князь при молебне стоял неприлично — обернувшись к служащим и певчим, а не к алтарю; быть может, это — чтобы не стоять задом к священнослужителям. Но, во всяком случае, для японцев это соблазн, и лучше, если бы Великий Князь показал более благоговения к алтарю. — Потом я предложил Великому Князю взглянуть на Токио с колокольни. Кстати и погода в это время несколько прояснилась, хотя Фудзи нельзя было видеть за облаками; вообще, все эти дни была погода весьма плохая — дождливая и сырая; выгода только та, что не очень жарко. Все и были на колокольне, затем у меня в комнате, причем Великий Князь и не присел; да и неудобно было: комната такая тесная, а вошло так много, что о сиденье не могло быть речи, почему я увел Великому Князю взглянуть в комнату внизу, где живут ученики Катихизаторской школы, оттуда — в библиотеку, которую и видел: основную на третьем этаже, запасную на втором и японскую переводнорелигиозную внизу. Великий Князь был настолько любезен, что предоставил себя в распоряжение показывающего, посему я повел его, как и условлено было с посланником, в Женскую школу; проведши его по коридору второго этажа, чтобы показать комнаты учениц, которые поклонами приветствовали его из своих жилищ, я привел его потом в классную наверху, где разложены были экзаменные работы их, которые похвалив, Великий Князь спустился вниз, и здесь в классной зале устроен был маленький экзамен ученицам. Великий Князь сел было, но ученицы, встав, запели «Царю Небесный», и гость должен был встать и, обернувшись к образу, стоял пока пропели. Две маленькие ученицы Екатерина Хагивара и Надежда Кадзима спрошены были по Священной Истории и своими тоненькими голосами рассказали бойко, без запинки, первая «Историю Давида и Голиафа», вторая «Продажу Иосифа братом»; как указал Великий Князь по картинкам. Рассказывали и пищали так много, что у одного из гусаров слезы показались на глазах, как говорили потом в Женской школе (я сам не мог видеть, будучи занят с Великим Князем). Только что я хотел спросить потом двух старших, как мы располагали было, как посланник подошел ко мне и тихо сказал, что «некогда, время Великому Князю нужно на другое»; нечего делать — встали, прекратив испытание. Великий Князь любезно поблагодарил, и мы оставили школу. Коляска стояла у ворот; но я просил на минуту зайти в Семинарию. Великий Князь пошел мимо коляски со мной. На дворе Семинарии встретили профессора; к сожалению, слишком далеко стояли — я не мог представить их, а только указал и сказал, что это кандидаты русских

Академий, с начальником Семинарии во главе. Прошли по комнатам учеников вверху и мимо комнат внизу в столовую; в это время ученики, по предварительной инструкции, перешли в большую классную, где предполагалось произвести небольшой экзамен, но посланник опять заторопился, и Великий Князь хотел уйти с главного хода, куда прежде вошли, вон из Семинарии, но я его попросил хоть заглянуть в залу на собранных вместе семинаристов, и он вошел туда, а там запели «Царю Небесный», и Великий Князь должен был и здесь прослушать эту молитву, после чего, подав руку начальнику Семинарии Ивану Акимовичу Сенума и кивнув на поклон учеников, прыгнул с «роока» классной вниз и пошел к воротам, у которых очень любезно поблагодарил за удовольствие, доставленное ему осмотром Миссии, и простившись, сел в коляску; свита в других колясках последовала за ним. Здесь, на улице, также стояла толпа народа, собравшегося посмотреть на Великого Князя. Мы с князем Кудашевым, в его экипаже, приехали ко мне пить чай.

20 июня / 3 июля 1902. Четверг

Утром, на последнем экзамене в Семинарии, пятый класс по Психологии и третий по Гражданской Истории отлично отвечали. Все вообще серьезно учатся; неуспешны некоторые разве по болезни. Жаль только, что мало учеников; в шестом классе, например, всего четыре. И наставники серьезно занимаются. Часов в десять посетил священник с броненосца «Севастополь», о. Назарий, иеромонах Седмиозерской пустыни близ Казани, со светским образованием, сын бывшего профессора Казанского Университета, по фамилии Соколов (родом из духовных); был он чиновником, овдовел, потерял и дочь, хотел вновь жениться, но совесть остановила и указала ему путь монашества, а тягость монастырской жизни привела на флот; человек, видимо, очень благочестивый, но разбитый жизнью, в чахотке, кажется; говорил много о Казани, восхищался Преосвященным Антонием (Храповицким), устроившим из Спаской Обители (где я гостил у Преосвященного Викторина в 1870 году) Миссионерский монастырь.— Мы с о. Назарием, среди речей, позавтракали, после чего я показал ему Миссию, школы — Женскую и Семинарию, и отправил его с одним семинаристом, говорящим несколько порусски, осматривать музей, зверинец и прочее. Вечером сей семинарист (Уцияма Петр) вернулся и сказал, что о. Назарий не мог приехать сюда обратно пить чай, ибо должен был отправиться на судно. Я предложил, согласно прежним словам, самому ему — Уцияма, стакан чаю, но он ответил, что идет поужинать, а после ужина просит угостить чаем не его одного, но и всех его товарищей — учеников шестого курса, числом пять всех, желающих послушать, что я им скажу. Очевидно, разумели недавно сказанное мною им кое-что на экзамене.— Я охотно согласился угостить

их и чаем, и разговором. Проговорил с ними часа три. Речь направлялась к тому, чтобы удержать их для служения Церкви. Рассказал им моменты психических движений, приведших меня в Японию; мое поступление в монашество, прибытие в Японию, первую жизнь здесь, занятие всеми родами здешней литературы, начало проповеди, основание Миссии, водворение на Суругадае, первое крещение здесь и донос шпиона, и прочее. В настоящее время все они, пять старших воспитанников, искренно обрекают себя на всегдашнее служение Церкви. Дай Бог, чтобы соблазны и отвлечения, которых предвидится множество, не смутили их!

21 июня / 4 июля 1902. Пятница

Утром на экзамене в Женской школе, где ныне семьдесят пять учениц. Отвечали по Закону Божию, сначала старшие два класса, потом самые младшие, все — на полный балл, как всегда. В половине двенадцатого часа отправился на завтрак, дававшийся для всех русских Великим Князем Борисом Владимировичем в занимаемом им ныне дворце — «Рикюу». Кроме русских, на завтраке были японские четыре принца: Фусиминомия, Кан-ин, Арисугава и еще один молодой военный; было также много военных, начиная с военного министра; был Премьер Кацура, Иностранных дел министр и прочие. Все без лент, только со звездами, почему и я был без лент и орденов, а со звездами и в клобуке с крестом (привезенном мною в жестяной коробке и надетом в передней, причем в коробку поступила шляпа). За завтраком — между Фусиминомией и министром Иностранных дел; последний словоохотливо сам начинал всегда разговор; первый молчал, но раз пять я с ним заговаривал о религии, что христианская теперь — самая необходимая в Японии, о музыке, о живописи, о Сибирской железной дороге и прочем. Насчет религии принц выразился, что для «бидзюцу» надо воспитывать «сейсин» (дух человеческий в широком смысле), а для воспитания «сейсин»'а необходима «кёохоо». Спасибо и на том!

После великолепного, чисто царского, завтрака вышли в сад, где, поговоривши, сели и снялись в фотографической группе, где дано было место и мне; маршал Маркиз Оояма за рукав привлек меня к первому ряду стульев, а капитан «Севастополя» заставил сесть подле японского молодого принца. Фотография, должно быть, вышла плохая, ибо солнце заставляло морщиться и щуриться. Затем все направились, вслед за Великим Князем, куда-то в обход озеру; оказалось — в Павкебете, где должно быть показано Великому Князю искусство японских борцов, которые и сидели в ряд — почти голые, готовые к состязанию. Так как мне неинтересно было это и не совсем подходило к моему званию и клобуку с крестом смотреть на эту забаву, то я откланялся Великому Князю, получил

от него приглашение на завтрак завтра на «Севастополе» и ушел; прогулялся один по саду, посидел в беседке с видом на море и, переменяя клубок на шляпу в передней, отправился на своей скромной дзинрикиси домой, куда и прибыл в половине четвертого часа. Здесь, как и всегда после некоторой отлучки из дома, куча накопившихся дел, на сей раз совсем не приятных.

Лин Такахаши, юный, двадцатидвухлетний, катихизатор, как банный лист приставший с своим желанием отправиться проповедывать на Формозу. Уже истощил ему все резоны, что не могу дозволить этого, для его собственной пользы — нет — опять просит истолковать.

Не успел кончить с ним, как входит Савва Хорие, начальник общества переводчиков:

— Кому вместо Иоанна Фуруяма заведывать редакцией «Сейкёо-Симио»?

— Да Фуруяма-то что же? Разве отказывается?

— Разве вы не слышали? Он оставляет церковную службу и отправляется на Формозу.

— Не слышал. Врачом?

— Врачом. Вчера он официально просил начальника Семинарии сказать вам об этом — значит, тот не успел еще.

Опять один последователь Иуды Предателя, жаждавшего денег. Фуруяма с детства воспитан был Церковью и с любовью до сих пор употребляет был на служение Церкви, как человек «Айайся» и как учитель Семинарии. Получал жалованье двадцать три ены и квартиру в редакции — чиновник Правительства, средней руки, получает не больше. И все мало! Состоя на церковной службе, тайно прошел курс медицины, что, конечно, было не в пользу его аккуратности по церковной службе; возможно, напрактиковался и вот ныне идет искать более злачной пажити, чем какую Церковь ему давала. Конечно, о его умысле уйти с церковной службы давно уже было известно и мне, и всем — все с любовью молчали. Но любовь для подражателей Иуды — бессмысленный звук. Что же, скатертью дорога! Дай Бог не ошибиться и не раскаяться! А случается и это с такими: ныне, например, Петр Исигаме лежит в бедности и больной при смерти, после того, как споткнулся на злачной пажити, вылетев отсюда на оную радостными крыльями.

— Назначьте, на место Фуруяма, Иоанна Исида заведующим редакцией. Он, вероятно, рад будет; переводит совсем плохо, для печати негоже, а дела хочет, — ответил я Савве Хорие, с чем он и ушел. А за ним пришли Иоанн Сенума и о. Феодор Мидзуно с составленными списками Семинарии и Катихизаторской школы, результатом оконченных экзаменов. Список Семинарии хорош, хотя полного балла (пять) нет решительно ни у одного ученика, список Катихизаторской школы — из рук вон! Боже, что за дрянь люди! Кроме малоспособности и плохих успехов, почти у всех — нравственные изъяны: тот гневлив, тот ссорлив, тот

неуживчив, тот пьяница, тот лишен всякой веры: все это — свидетельство всех учителей и о. Феодора — смотрителя школы; и свидетельство приносится — как официальное, ввиду того, что половину этих учеников уже надо распределять на службу. Что ж, нечего делать. Будем сообразоваться с обстоятельствами. Назначить пять, кончающих курс, на места к священникам, под ближайший надзор и руководство их; авось, даст Бог, и выйдут из них годные для проповеди.— Много еще других разговоров, всего не упишешь.

А кончилось о школах, приносит о. Феодор письма по делу развода Павла Канасуги с его женой. Никакими средствами нельзя убедить этого рассерженного жестокого человека простить его жене грех прелюбодеяния. Неугомонно требует развода. Что ж, пусть разводится. Но я сказал о. Феодору написать ему мои слова, что считаю его бесчеловечным по жестокости и опасаясь, что Господь не простит ему его собственных грехов, точно так же, как не простил он грех жене своей, несмотря на ее слезные просьбы и на просьбы мои и многих других; запретить же ему развод я не могу: вина любодеяния.

С Иваном Акимовичем Сенума, отправившимся посетить больного Исигама, послал десять ен отдать матери его на лекарства ему.

22 июня / 5 июля 1902. Суббота

Сегодня в Женской школе экзамен по Закону Божию, в Семинарии в десять часов чтение списков, но я нигде не мог быть, к сожалению,— должен был провожать Великого Князя Бориса Владимировича, отъезжающего обратно в Иокохаму. Вчера капитан просил приехать на судно с облачением, чтобы отслужить Князю напутственный молебен, так как он завтра оставляет «Севастополь» и, после десятидневного пребывания в Японии, уже инкогнито отправляется на почтовом пароходе в Америку для путешествия по ней. Потому я взял с собою иподиакона Моисея Кавамура с мантией, митрой и прочим; Иван же, слуга, сопровождал с коробкой для клобука, или для шляпы, попеременно. Имел еще Иван для судна связку книг религиозных, матросам для чтения; капитан вчера просил, так я отделил несколько из запасной библиотеки. На станции Симбаси пришлось шляпу заменить клобуком и надеть ордена для встречи Великого Князя. С неудобством сделана была эта операция, и потому подумал я: вперед при подобных случаях надо брать коляску, одеваться как следует дома и подъезжать в должный час; несколько дороже будет, чем нынешнее «дзинрикия», зато приличней. Опять для Великого Князя было разостлано красное сукно на все пространство от вступления в вокзал до его вагона, опять блестящее собрание знати, начиная от принца Кан-ин'а вниз. В Иокоахме — последнее официальное прощание с бокалами шампанского с такого спозаранку. Наконец — в шлюпке с русскими гребцами, и Великий Князь, видимо, с удовольствием

вымолвил: «Официальность кончилась!» На «Севастополь» еще приезжали проститься капитаны судов, адмиралы, губернатор Иокохамы. Было много пальбы салютов. Я во все это время стоял у борта и ждал Кавамура с облачением, ибо он не мог попасть на судно вместе со мною. И подумалось, что вперед при таких обстоятельствах следует посылать с облачением раньше и велеть независимо от меня переправляться на судно, чтобы там меня ждать, а не наоборот. К счастью, догадливый Кавамура не опоздал к молебну, который должен был быть прежде завтрака.

Спустившись вниз, в Церковь, я, к моему горю, увидел, что учинил большую неловкость в ином роде. «Священника не видно что-то», подумал я, стоя праздно больше полчаса на палубе, а священник в это время, облачившись, и с певчими все время ждал меня в своей Церкви. Не дождавшись, наконец, разоблачился, и в это время я спустился к нему; огорченный и с пенями он отнесся ко мне, но я чем же виноват, кроме недогадливости? Зачем же он не послал сказать, что ждет меня? Облачившись, мы с ним отслужили молебен «о хотящих по водам плыти», когда сказали нам, что служить пора. Я говорил все ектении и всю службу, о. Назарий только стоял. Затем завтрак веселый, но с таким черствым и шершавым хлебом, что я, взявши кусочек в рот и не остерегшись, ободрал внутри всю щеку и не мог потом почти ничего есть и пить. Множество тостов, громкая — обок — музыка, говорливая направо М-те Мяседова; веселое и весьма милое молодое офицерство с пением под музыку и шумом; очаровательно любезный ко всем царственный гость. После завтрака — фотографическая группа, потом танцы под музыку молодежи с дамами. В три часа я уехал, распрощавшись с Великим Князем и его спутниками, чтобы не опоздать ко всенощной. О. Назарий, отпросившись у капитана, уехал со мной, чтобы завтра служить здесь со мной Литургию; взял он еще с собой своего регента-матроса, чтобы послушать здешнее пение. Всенощную, к которой едва успели, вернувшись в половине шестого часа, мы молились вместе. Но когда, после Правила, слушанного мною вместе с японскими священнослужителями, уже в исходе девятого часа я вернулся в комнаты, нашел о. Назария и его регента собравшимися обратно на судно: капитан прислал за ними своего вестового; завтра о. Назария надо служить на судне панихиду по севастопольскому герою Павле Степановиче Нахимове — годовщина его смерти завтра — капитан уже там вспомнил об этом. Угостив наскоро приготовленным ужином о. Назария, регента и вестового, я отпустил их в десятом часу ехать на станцию, весьма сожалел о случившейся помехе нам с о. Назарием помолиться завтра вместе.

23 июня / 6 июля 1902 года. Воскресенье

Царский дом наш отличается щедростью; это испытывала до сих пор и Японская Миссия, поскольку соприкасалась с русскими царственными

лицами. Великий Князь Алексей Александрович пожертвовал на Миссию, будучи здесь в 1872 году, тысячу пятьсот долларов, Александр Михайлович — пятьсот долларов и потом еще, побужденный к тому адмиралом Макаровым, на окончание постройки Собора выхлопотал в Миссионерском Обществе четырнадцать тысяч рублей. Нынешний Государь, когда был здесь в 1891 году, пожертвовал, истинно по-царски, десять тысяч рублей и богатейшее архиерейское облачение; Кирилл Владимирович, бывший здесь четыре года тому назад, пожертвовал две тысячи сн. Ждал я, по сим примерам, что и Борис Владимирович сотворит свою жертву, но тщетно ждал. Обошелся он одною ласковостию. Правда, лица при нем не те, что были при Наследнике, или хоть бы при Кирилле (Капитан Александр Михайлович Домомиров, земляк, ныне блаженной памяти). Господь с ним и с ними!

К обеду сегодня прибыли, согласно вчерашнему слову капитана «Севастополя», человек сто команды, при двух офицерах; были и другие русские лица, Собор почти полон был молящимися русскими и японцами. Дал бы Бог всегда так!

После Литургии у меня, между прочими гостями — Сусанна Яманака, дочь Алексея Яманака, врача в Хакодате, бывшего когда-то катихизатором; учится в Женском Учительском Институте здесь; прежде кончила курс в американской женской школе в Хакодате — умная девица, говорящая по-английски; прощалась пред отправлением на каникулы домой в Хакодате.

Вчера ночью, в двенадцатом часу, когда я, усталый, заснул первым сном, внезапный стук в дверь разбудил меня. Думал, что-нибудь особенное, и изумился: о. Алексей Савабе просит, «чтобы я успокоил диакона Павла Такахаси, завтра он придет ко мне с разговором, так чтобы я ласково принял и успокоил его, он-де очень рассержен предложенной ему перспективой переменить службу в Церкви Коодзимацци на службу при Соборе». Павел Такахаси этот — бесполезнейший по проповеди, обратившийся в торговца молоком, которое по уграм разносит по домам, где покупают; сам о. Алексей постоянно жалуется на то, что он нисколько не заботится о служении Церкви, даже расстраивает христиан своею болтовнею. Поэтому-то я и сказал на днях (смотри 9 / 22 июня), чтобы о. Алексей подготовил перевод Такахаси в Собор, где служение его будет по крайней мере безвредным. Но он не выдержал, заговорил с Такахаси о переводе раньше времени и сбробел того, что тот ошетинился. Здесь, на глазах у меня и большего числа христиан, чем в Коодзимацци, он должен будет подтянуться, конечно, это ему, распущенному до крайности, не по вкусу — он и ошетинился на о. Алексея, а этот сбробел. Просто безобразно, до чего японские служащие Церкви — плохие служащие! Я рассердился, сказал о. Алексею, что вовсе не намерен быть таким трусом, как он, и прогнал его. — А после обеду сегодня явился сам старик о. Павел Савабе просить и о том, чтобы я исполнил просьбу его

сына насчет успокоения гнева Такахаси. Я сказал, что «успокою: с Такахаси не буду говорить, а лишь выслушаю его и отпущу без всякого ответа ему». — В шестом часу Павел Такахаси приходил; я так и поступил. Так как прервал для свидания с ним чтение церковных писем, то, оставив за письмами Давида Фудзисава, вышел, благословил, посадил и сказал, чтобы он в одном слове выразил свое дело, за которым пришел. Он стал было, по-своему, разводить материю, я прервал: «Кратко скажите, о чем?» «О. Алексей и прочее, но я не могу перейти в Собор». — «А! Об этом речь — рано! Предоставьте Собору распоряжение, где вам служить. Прощайте!» И ушел продолжать чтение писем.

Письма, большею частию касающиеся Собора, но с предварительными частными соображениями, иногда конфиденциальными: «Прошу не читать на Соборе». Есть приятные, например, видно из письма Фомы Танака, катихизатора в Оосака, прежде злейшего врага о. Сергия Судзюки, что он вполне помирился с о. Сергием; просит не назначать другого катихизатора для Оосака, как ходатайствует о том Оосакская Церковь, а оставить лишь двух священников в Оосака, как ныне, причем о. Оно заведует внутренними делами Церкви, о. Сергий — внешними, то есть проповедью в городе, вместе с ним, Фомой — и двоих сих проповедников вполне достаточно для Оосака. — Есть письма и очень неприятные, например, Стефан Камой бросает церковную службу «для поправления здоровья», но, очевидно, чтобы не возвратиться к ней; русским языком, как окончивший Семинарию, надеется добыть больше денег; товарищи, изменившие служению Церкви, должно быть, смутили его. Бросает катихизатор, еще Иоанн Мияке; этого не жаль — всегда был бездельным.

Вместе с одним письмом оригинальный подарок получил: Андрей Андо, портной в Исиномаки и заведующий там церковным пением, прислал две коленкоровые рубашки, сшитые на мой рост; в письме просит Новый Завет; послал ему и Новый Завет, и две книжки дневника о. Иоанна.

На днях Miss Hughes (смотри 13 / 26 июня) письмом ко мне, пригласила наших учительниц на «Educational Exhibit» и «Дзэси Коото Сихангакко», в субботу 5 июля. Работы английских женских школ, присланные в ее распоряжение, имели быть выставлены. Написала она также, что наши учительницы «могут принести с собою, если желают, работы наших учениц, чтобы выменять их на работы английских, по желанию и выбору». Я предложил нашим учительницам, и вчера девять из них, почти все молодые, отправились смотреть, взяв некоторые живописные, вышивальные и вязальные работы наших воспитанниц. Работы английских учениц все только рисовальные; наша учительница рисования извлекла пользу из рассматривания их и объяснений Miss Hughes. Наши девочки тоже не ударили лицом в грязь: работы их всем понравились; все дивились, как могут так хорошо вышивать или вязать не в

специально вышивальной или вязальной, а с весьма малым временем для сих работ. Все, принесенное учительницами, с большим интересом разобрано; а они в свою очередь разобрали несколько английских работ. К сожалению, лучшие из них разобраны уже были другими женскими школами, множество учительниц и учителей которых были на выставке. Сегодня Елисавета Котама и Текуса Сакаи приходили рассказать мне обо всем этом.

Вечером, с семи часов, семинаристы делают «Сообецуквай» ученикам Катихизаторской школы, выходящим на проповедь. Дал на это три ены, когда приходили просить.

Уже начинают собираться катихизаторы на Собор; четверо прибыло. Нанято помещение для всех в ближайшей гостинице, так как в Миссии всегда негде поместить.

24 июня / 7 июля 1902. Понедельник

В субботу прочитаны были списки учеников Катихизаторской школы; старшие выпущены на службу; из младших Павел Хане, по успехам, оставлен в середине списка, но учителя и о. Феодор Мидзуно, начальник Катихизаторской школы, положили на совете исключить его, по неносному его характеру — «он жить не давал своим товарищам, со всеми всегда вздорил и ссорился; такому ли быть мирным проповедником Евангелия?» Но когда объявили это ему, очень он растрогался, стал стараться, чтобы это было отменено, чем, в свою очередь, встревожились его товарищи, и коллективным письмом к И. А. Сенума просили исполнить положенное. Пришел, наконец, Павел Хане ко мне, расплакался, стал уверять, что искренно желает сделаться проповедником и потому просил оставить его в школе. Жаль мне стало его очень. Но оставить его я не решился — было бы то же, что и прежде. Характер у него слишком живой и кастриный. Посоветовал ему мирно отправиться домой, помогать отцу в земледельчестве и остаток своего времени и свою душевную силу употреблять на проповедь родным и соседям; «доцяку денкёоса» он, вероятно, и может быть — служить же только проповеди, без всякого постороннего дела, он не способен. Он утешился, ободрился и обещал «непременно показать о. Николаю Сакураи, что он может проповедывать — приготовить людей к крещению к тому времени, когда о. Николай посетит их местность»; «в будущем году в это самое время мои товарищи окончат курс, чтобы поступить на проповедь, а я на деле покажу к этому времени, что могу стать наравне с ними», — были его последние слова. Дай ему Бог! Снабдил его всеми нужными книгами, дал на дорогу четырнадцать ен тридцать сен — сколько оказалось нужным по расчету, ибо на севере — остров Эзо — его местожительство.

Отпуск других учеников Катихизаторской школы на каникулы по домам; прием книг для чтения от семинаристов в библиотеке; снабжение книгами для чтения детей посланника. Беседа с И. А. Сенума, который между прочим рассказал, что вчера вечером на «Сообществуй» все очень одушевленно ораторствовали о необходимости служить Церкви, что не должно питать корыстных целей, искать денежных выгод, и подобное. «Вообще,— говорил он,— все семинаристы ныне одушевлены искренним желанием неизменно предать себя на служение Церкви, за исключением трех сомнительных, тяготеющих к мирским наукам гораздо больше, чем к духовным, и те — не из лучших учеников».

25 июня / 8 июля 1902. Вторник

В семь часов утра явился Симеон Огава, катихизатор из Вакимацци, на Сикоку, с красным лицом и разящим запахом японской «саке»; с такого позаранку и уже выпивши! И это один из старейших и считающихся лучшим из катихизаторов. Не удивительно, что у него за год ни одного крещения.

В половине десятого часа пришли сказать из Женской школы, что там все готово к «соцугёо-сики». Пошел в рясе с панагией, как обычно. Все произошло в должном порядке. Сначала чтение списков, причем выстроились ряды учениц, начиная с выпускных; потом раздача дипломов выпускным, наградных книг первым из других классов, раздача книг, в составе всей лучшей православнорелигиозной литературы, каждой из окончивших курс девяти воспитанниц. Пригласили меня сказать напутствие им. Я уподобил их, девиц, распустившимся цветам с запахом, однако лучшим, чем у кончающих ныне курс в мирских заведениях, запахом веры и благочестия, восходящим выше земли и приятным Богу. Но цветы хороши только как надежда на плод, бесплодный цвет — предмет печали и посмеяния. «Будьте же отныне завязью плода, приносите оный зрелым и обильным во всю вашу жизнь. Что это за плод? Весьма просто и понятно. Вы познали Истинного Бога, Творца Вселенной, Отца нашего Небесного; знайте Его и познавайте больше и больше — вот плод, но этого мало, вы узнали Спасительное Учение так ясно, что можете просвещать им других; делайте это — то будет истинно приятным Богу плодом; вы ныне близки к Богу ежедневно творимую молитвою, приобщением Святых Таинств, вашею духовной чистотою; соблюдайте эту близость и еще теснее соединяйтесь с Богом, а также старайтесь подвести и всех, кого можете, под токи Божественной Благодати, то будет плод вашей веры и любви к Богу. Вы ныне живете здесь в мире и взаимной любви, о ссорах между вами не слышно, соблюдайте всегда со всеми во всю вашу жизнь эти неоцененные качества мира и любви. Но в мире вы можете встретить порождение зла и искушения ко злу — твердо стойте тогда и ни в чем не уступайте миру, кто бы ни искушал вас, скажите: Богу подобает повиноваться более, нежели людям,— и ни на

волос не склонитесь ко злу. Вы ныне, как девицы, чисты и непорочны душой, старайтесь во всю жизнь сохранить эту чистоту и непорочность души и совести, то будет зрелый плод, достойный Житницы Небесного Домостроителя. Итак, одним словом, старайтесь принести плоды всех добродетелей относительно Бога, людей и самих себя. И да поможет вам в этом Бог, возрадивший вас до нынешнего расцветения!»

По окончании напутствия одна из выпускных прочла благодарственный адрес школе, потом две из остающихся классов прочли приветствие и прощание им — выходящим. Затем — пение стихов; два класса пели по очереди выпускным; в заключение выпускные пропели печально свою прощальную школе и товарищам песню. Нечего и говорить, что слез при всех сих речах и песнях было немало. Стихи пелись сочинения самих же воспитанниц, музыка первых двух пений заимствованная, выпускных — сочинения Иннокентия Кису.

Из пришедших катихизаторов Игнатий Такаку располагает жениться на учительнице ныне в Кёотской нашей школе, Екатерине Яги, двадцатого числа предположено венчание. Дал ему двадцать пять ен на платье и угощение; придется дать не меньше и невесте, которая на днях прибудет. Располагал помочь на бракосочетание другое: давно слышал, что Ефрем Ямазаки, катихизатор в Дзюумондзи, просватал свою дочь, кончившую курс здесь же в нашей школе, но всегда болевшую глазами, за Иоанна Сиды, ныне кончившего курс в Катихизаторской школе. Сегодня Сиды случайно был у меня; говорю ему:

- Кажется, скоро будет бракосочетание ваше. Когда назначено?
- Понятия не имею, о чем вы говорите.
- Да как же? Ведь вы женитесь на дочери Ефрема Ямазаки?
- И не думал. Я располагаю остаться холостым и служить Церкви.
- Но ваша невеста уже идет сюда. Вчера у меня просили позволение поместить ее в Женской школе до свадьбы, и я позволил, не сегодня-завтра она будет здесь.
- Это дело моего отца с отцом ее; я в этом не имею никакого участия и брака не желаю.

Печальное недоразумение! Я велел дать телеграмму Ефрему Ямазаки не вести дочь сюда, если еще не поздно, и тотчас же письмом подробно изъяснить причину. Для бедной девушки было бы очень печально прийти сюда только для того, чтобы получить отказ. Я и не думал, чтобы между христианами были родители, держащиеся старой методы бракосочетания своих детей.

Кавано, язычник, часто бросающий довольно большие суммы в кружку при Соборе, но христианином еще не хотящийся сделаться, сегодня принес в Собор для меня два такие большие ящика таких превосходных печений и конфет, что я решительно впервой получаю такой богатый подарок в сем роде; сам, однако, ко мне не заявился, а обещался прийти завтра. Угостил я сими сладостями Глеба Михайловича Ванновского и его дочерей с гувернанткой, приезжавших сдать прочтенные книги и взять

из библиотеки новеллы для чтения во время каникул, потом призвал двух из кончивших курс воспитанниц и отдал им эти ящики с сладостями, такие обильные, что слуга Иван едва мог понести их до школы; у них, в Женской школе, едва тогда начался «симбокквай» с речами и угощениями, и это было им очень кстати.

26 июня / 9 июля 1902. Среда

Самым ранним сегодня явился катихизатор в Мори, Павел Сакума:

— Специальная просьба.

— Какая?

— Примите жену мою в Женскую школу на несколько месяцев изучить церковное пение и церковные порядки.

— Ступайте поговорить с начальницей школы — если она найдет, где поместить вашу жену и примет ее, то я согласен.

Вот что значит не слушаться внушений брать в жены выпускных из нашей Женской школы; катихизаторы женятся, когда почувствуют склонность к тому, на первых представившихся их взорам в местных Церквах, и потом видят, что жены не достаточны для них по своему образованию и просят подучить их. Не впервой это. Но где же хорошо научиться таким!

О. Симеон Мии явился и удивил своим рассказом о девице из Сеноо, жаждущей монашества. Ей двадцать один год; отец и мать померли и оставили ей значительное состояние; родные принуждают ее выйти замуж, чтобы продолжить свой род, иначе угрожают лишить ее наследства, но она ни на что не обращает внимание: желание ее — исключительно посвятить себя на служение Богу. Ныне живет в Женской школе в Кёото, постоянно просит о. Мии назначить ей какие-нибудь подвиги. Мии заказал ей держать в чистоте храм, служить в школе, помогать его жене по дому — все это она буквально исполняет. Смирение ее находит и другие дела. Например, христиане, выходя из Церкви, находят всегда свои кета расставленными в порядке, думали, слуга делает это — она делает. Положили мы с о. Мии: если она еще год соблюдет это расположение духа, отправить ее в один из русских женских монастырей. Быть может, Господь назначил ее быть насадительницею женского монашества в Японии (Смотри продолжение о ней на странице 664).

Просит о. Мии обвенчать Игнатия Такаку с Катериной Яги, учительницей Женской школы в Кёото, и назначить Такаку катихизатором в Кёото с тем, чтобы его жена продолжала состоять учительницей, ибо без нее трудно обойтись там; Такаку же, в свою очередь, нужен как второй катихизатор в Кёото, ибо оттуда надо завсдывать проповедью в Оцу, Мива и Хацимаи. Я посоветовал о. Семену предварительно условиться с Такаку, чтобы не воспротивился его взятию с нынешнего места о. Павел Морита, у которого он состоит.

Говорил о. Мии о Каназава, что там старик Обата достаточно для крещения научил пять человек, ныне окрещенных о. Семеном. Положили

мы сделать Обата «ходзэ-денкёся», но лично от о. Семена, без огласки этого ныне, ибо Обата не держал экзамена в знании вероучения здесь, в Хонквай; но если и до будущего Собора он приготовит несколько человек к крещению, то о. Мии получит возможность просить Собор об открытом включении его в число «ходзэ-денкёся». За труд положить ему ныне пять ен в месяц, живет он бедно, получая помощь на прожитие от своего сына Антония Обата, состоящего помощником катихизатора и получающего от Миссии двенадцать ен в месяц. Был он одним из видных дворян князя Кага и потому у него много хороших по положению знакомых.

Весь этот разговор с о. Семеном Мии был в десятом часу утра; а в пять часов пополудни я прочел два анонимных письма из Кёото, смешивающих о. Мии, его жену, учительниц кёотской Женской школы с грязью, мало с грязью — буквально калом называют жену о. Мии. О. Мии представляют вором, интриганом, лицемером. Пишут, будто он в прошлом году продал один дом из купленных старых миссийских домов за двести пятьдесят ен и деньги взял себе. Жену его называют дряннейшею из женщин; учительниц, особенно Катерину Яги — грубейшими и невежественными, которых следует послать поучиться еще в „ёоциен“. В Женской школе там — грубые нравы, невежественные приемы, не знание никаких приличий. Похваляется несколько тамошний катихизатор Иван Исохиса. Правду говорят про Кёото, что «там мягко стелят, но жестко спать»; все там так мягко, вежливо по наружности, но внутри — гордость и грубость; «может быть они (учительницы) хороши были для Токио, но для Кёото разве таких нужно? Они здесь никуда не годны», — нестерпимо гордыми фразами вроде сих наполнены оба письма. Дело, однако, не останется без должного исследования, и, если чем полезно будет воспользоваться из грубого указания, то воспользуемся.

Часу в десятом пришел язычник Кавано, вчера презентовавший удивительные ящики с конфетами, и просидел часа полтора, слушая Христианское учение и сам рассказывая о себе. Я прежде всего поблагодарил его за конфеты и сказал, что «от его имени отослал их вчера в Женскую школу, где было собрание по случаю „соцугёосики“ и окончания годичных занятий, оставил только этот небольшой сверток для себя, в котором, вероятно, чай к конфетам». Говоря это, я взял сверток, и стал любопытствовать, что в нем. «Чай?» — спрашиваю у Кавано. Он молчит и улыбается. Я взял ножницы, разрезал бумагу и оказалось тридцать свертков по десять ен в каждом — всего триста ен! Изумившись немало, я сказал Кавано, что это пожертвование ему приму и буду хранить в Церкви, но в дело употреблю не прежде, как когда он представит свою душу в жертву, благоприятную Богу, то есть примет Святое Крещение. Следовала за сим небольшая катихизация. Потом общий разговор с участием Нумабе и чтением «Кейкёохёо», с которым застал меня Кавано — в течение которого Кавано рассказал, как он пришел к вере в Православие,

еще не зная о нем. «Десять лет тому назад был он болен умопомешательством и для лечения шел в госпиталь в Циба, но заблудился: вдруг явился ему крест и вывел на дорогу. Никогда не видел и не зная креста, он не понимал явление, но спустя несколько лет, когда случилось ему быть в Токио, он увидел крест на нашем Соборе здесь и тогда-то уразумел, кто его вывел на путь и, быть может, избавил от немедленной гибели — вследствие этого-то он и почувствовал благодарность к Богу и делает посильные жертвы в храм. Он уже вполне верует и молится; учение довольно хорошо знает из книг, которые здесь получает. Хотел бы пригласить проповедника для научения и других в своем селении, но боится недоверия людей, ибо был когда-то умопомешанным. Верует, однако, что придет время позвать туда православного проповедника, и он тогда позовет. А мы обещали ему при первом зове его послать туда лучшего из наших священников для проповеди. Кавано от роду сорок пять лет; по виду он совершенно здоров. Хозяйством его заправляет старший его сын, женатый и имеющий детей; хозяйство у него земледельческое; есть и второй сын, ныне кончивший гимназию; хотел он обратиться этого сына в Семинарию, но поздно — ему двадцать лет. Родом он из «Секимура», округа «Чёосей», провинции «Кадзуса». В двух ри от него железная дорога, а по ней всего два часа до Токио.

По прочтении всех статистических листов (кейкео-хёо) и сведений численных показаний, оказалось, что крещено за год с прошлого Собора 1179, в том числе взрослых 622, младенцев 557 — значит, на 270 человек больше, чем было за год к прошлому Собору. Это значит, что когда следующий Собор общий, то катихизаторы лучше стараются служить, чтобы не стыдно было явиться на Собор; когда одних священнослужителей Собор, то катихизаторы небрежно служат. Различие не в пользу нравственного ценза служащих Японской Церкви.

В три часа пришли выпускные девять учениц; долго беседовал к наставлению их и благословил иерусалимскими крестиками, иконами на листах, Божией Матери и Ангела Хранителя, дал по молитвеннику и по внешнему и внутреннему виду Собора. Одна из них остается здесь учительницей при школе, одна будет учительницей в кёотской женской школе (Кадзима и Асано), прочие отправятся по домам. Дай Бог, чтобы вышли за служащих Церкви, или по крайней мере за добрых христиан!

Прошения к Собору сегодня также все прочитаны. Завтра с утра начнется выслушивание частных рассказов катихизаторов и священников о своих Церквах.

27 июня / 10 июля 1902. Четверг

С семи утра до восьми вечера, с небольшими перерывами, выслушивал катихизаторов об их Церквах. Мало нового. Но приятно свидание с родными по душе и по службе.

28 июня / 11 июля 1902. Пятница

Целый день выслушивал священников об их Церквах и катихизаторов. Тоже мало нового, хотя кое-что есть очень интересное. Но еще более приятно свидание с старыми друзьями и сослужителями. Говорят они пространно; за весь день выслушал только восемь отцов. От о. Игнатия Мукояма узнал, между прочим, подробнее о девице, желающей монашества, о которой о. Симеон Мии третьего дня рассказывал. Оказывается, что она прежде служила в Армии Спасения здесь же, в Токио; поступила в Армию, не зная различия между протестантством и православием, думая, что они одно и то же; очень ревностно здесь пропагандировала учение Армии Спасения, продавала брошюры, собирала пожертвования, но вникнув ближе в состояние и нравы вождей Армии, нашла много эгоизма, дрызг, неурядицы, потому охладела и вернулась в Сеноо, а здесь, узнавши от катихизатора о различии православия и протестантства, отправилась в Кёото в нашу Женскую школу (смотри продолжение о ней на странице 669).— Интересно еще рассказывал о. Мукояма про девицу Марию Эндо, двадцати семи лет, из селения Хикона-мура, в двух ри от Ионако. Семья Эндо давно уже христианская, даже баба Марии, которой сто лет, усердная христианка; но мать Марии упорно оставалась язычницей, хотя много слушала учение и знала христианство достаточно для крещения. В последнее посещение о. Игнатием Ионако эту язычницу убедили, наконец, принять крещение, и она отправилась для этого в Ионако, где о. Игнатий имел крестить других; но пришла, когда это уже было окончено; она тотчас же вернулась домой, в Хикона-мура. Но Мария не хотела допустить, чтобы решимость матери охладела; взяв с о. Игнатия обещание, что он прибудет окрестить ее мать, она, не долго думая, взвалила на плечи купель и понесла ее в Хикона-мура. Купель такая тяжелая, что о. Игнатий едва может поднять ее, а Мария пронесла ее два ри (восемь верст); зато имела радость видеть свою мать окрещенною, чем и вся семья была весьма обрадована, особенно столетняя бабушка.

Всенощную перед завтрашним праздником служили со мною шесть иереев. После всенощной иереи и один диакон исповедались у меня.

*29 июня / 12 июля 1902. Суббота.**Праздник Святых Апостолов Петра и Павла*

Литургия в сослужении шести иереев с проповедью, за причастием, Пантелеймона Сато, продолжавшеюся больше часа; молебен Святым Апостолам Петру и Павлу.

С трех часов выслушивание священников и катихизаторов, до всенощной, после которой исповедь священников.

30 июня / 13 июля 1902. Воскресенье

До Литургии крещение взрослых и детей.

С двух часов «Денкёся и-роо (роо-о нагусамуру) гакквай», продолжавшийся до пяти. Утомил концерт донельзя, при жаре и тесноте, давшей еще больше духоты, в столовой Семинарии. Пели и играли нескончаемое число духовных и светских вещей, по-японски и по-русски. Фортепиано было из Женской школы, расстроенное нестерпимо, а мне не сказали предварительно, что надо позвать настройщика. Хорошо опять пели певчие из Коодзимаци, и управлял ими Иван Накасима хорошо. Нестерпимо кривлялись и размахивали руками и всем корпусом Петр Тоокайрин и Никон Мацуда, управлявшие здешними певчими. Лучшая из пропетых статей была серенада Шумана, прилаженная к японским стихам и пропетая нашими семинаристами и ученицами с аккомпанементом Алексеем Обара на фортепиано. Вечером выслушивание священников и прочее приготовление к Собору.

1 / 14 июля 1902. Понедельник

Целый день продолжался «найквай», — частное, приготовительное совещание катихизаторов и священников, происходившее в семинарской столовой. В прошлом году на Соборе священники заявили, что многие катихизаторы приходят домой после Собора, неудовлетворенные тем, что не успели высказаться вполне, хотя на Соборе обыкновенно дается полная свобода говорить всем, кто сколько хочет и о чем хочет, лишь бы об относящемся к Церкви. Но многие почему-то не выпускают приготовленный заряд логомахии, а после ропщут. Так пусть же выговорятся. О чем они говорили сегодня, Бог их весть. Я целый день был занят чтением и приведением в порядок прошений и посланий к Собору и прочим подобным.

2 / 15 июля 1902. Вторник

Сегодня тоже катихизаторы и священники производят «найквай», а я дома готовил статистику, пересматривая и сличая исповедные росписи и подобное. Часов в десять получил от Посольства извещение, что в три часа пополудни сего дня Великий Князь Борис Владимирович уезжает на пароходе «Сортис» в Америку, что все посольские будут провожать его; проводы будут частного характера, посланник и члены Миссии — в пиджаках; так если я пожелаю — и прочее. Не пожелал. Великий Князь нисколько не пожертвовал на Миссию. Притом же и дела много дома.

Слышно, что на «найквай» много ораторствуют о том, чтобы вытребовать от меня больше содержания служащим Церкви. Но где же мне денег взять? Пусть укажут прежде источник. Два депутата — оо. Мии и Комацу приходили просить «для просмотра всем на „найквай“ статистические листы из Церквей (кейкёо-хёо) для того, чтобы их не читать потом на Соборе — только свод из всех листов». Это дело! Сейчас же велел отдать им «кейкёо-хёо». Пять человек приходили из Коодзимаци просить оставить им диакона Павла Такахаси, не переводить к Собору. Отказано Павлу Такахаси; вот уже несколько лет по проповеди ровно ничего не делает, а между тем за ним всегда числятся места проповеди, как и ныне Аояма и Доогензака. Пусть же служит только диаконом при Соборе, проповедывать на его место назначится катихизатор, диаконом же Церкви в Коодзимаци будет поставлен Яков Тоохей, самый любимый и полезный из тамошних проповедников, которого пора выводить в священнослужители.

Вечер проведен в выслушивании отчетов священников. Но прежде того оо. Мии и Морита пришли депутатами от «найквай» сказать, что сделано на совещаниях. Оказалось, что рассуждали дельно и некоторые вопросы решили весьма разумно и к пользе Церкви (например: «служащим Церкви не принимать от христиан угощение вином»). О прибавке содержания и не упоминали — значит, отвергнуто было предложение требовать сего; это тоже разумно.

3 / 16 июля 1902. Среда

Первый день заседаний Собора. После молитвы и речи объявлены выводы из статистических церковных отчетов (кейкёо-хёо), самые отчеты не читаны, ибо вчера всеми рассмотрены были на «найквай». Оказалось, за год с прошлогоднего Собора крещено взрослых 643, детей 571, всего: 1214 человек; на 305 человек больше, чем к прошедшему Собору. За вычетом умерших (279) из числа крещеных, 935 присоединяются к числу прошлогоднего итога (26 310), и оказывается всех православных ныне в Японии: 27 245 человек. Быть может, впрочем, и к этим числам последуют добавления, или изменения в них — так неаккуратны священники в своих отчетах. Всех же служащих Церкви с нынешнего Собора 187 человек всех званий.

Диакон Павел Такахаси объявлен переведенным к Собору, а на его место в Церковь Коодзимаци утвержден катихизатор Яков Тоохей. Сказал я, что есть прошение христиан об оставлении Такахаси на прежнем месте, и, отдавая его для прочтения, прибавил: «Пусть прочитают, но наперед говорю, что своего Епископского решения не изменю»; прошение и читать не стали.— Прочтены за день все прошения Церквей о катихизаторах. Мы, священнослужители, оставшись одни в Соборе,

наметили некоторых для поставления в священники в Хоккайдо, на Сикоку, с переводом о. Игнатия Мукояма на север, ибо сии отцы просят о переводе — климаты не по ним в их теперешних местах. Но окончательное решение оставили до завтра. В заключение решили о. Павла Кагета, неудержимо пьющего, перевести в Токио и поместить в миссийском доме, о бок со мной, для исправления его, если Бог поможет, от пьянства, Церковь же его поручить о. Борису Ямамура, пока будет поставлен новый священник, чего в нынешнем году, однако, не последует.

Вышедши из Собора, застал у себя секретаря Посольства, Траухшольда; «Гваймусё» (Министерство Иностранных Дел) чрез него прислало и мне фотографию группы, снятой после завтрака у Великого Князя Бориса Владимировича в саду приморского Императорского Дворца, где он имел пребывание.— Вчера Великий Князь отбыл в Сан-Франциско на пароходе «Сортис».

4 / 17 июля 1902. Четверг

До десяти часов собрание священнослужителей. Потом общий Собор, избрание Романа Фукуи священником для Немуро, Фомы Маки для Сикоку, диакона Якова Мацуду для Окаяма утверждено; а вызов сюда о. Павла Кагета отменен; оставлен на месте — авось после этой острастки остепенится. После полудня до половины восьмого часа вечера мы, священнослужители, занимались распределением катихизаторов.

5 / 18 июля 1902. Пятница

До полудня священнослужители пересмотрели распределение катихизаторов и кое-что изменили. Потом священники, посоветовавшись между собой, причем я выходил в свою комнату, попросили у меня прибавки жалованья проповедникам, но я им отказал в этом по невозможности выполнить просьбу, что явно было из сличения миссийского прихода с теперешним расходом. Зато почти все помощники возведены в катихизаторы, а катихизаторские ученики в помощники, что соединено с увеличением на две ены ежемесячного содержания каждого.

С двух часов мы собрались в Соборе, утвердили распределение, также некоторые другие предложения. Исаия Мидзусима сказал горячую и длинную речь о том, чтобы катихизаторы прекратили протестантские замашки, вроде пересыпания проповедей, даже с кафедры, именами философов да разных других светских авторитетов, вместо текстов Святого писания или свидетельств Святых Отцов. Так как материал для Собора истощился, то я, облачившись, начал заключительную молитву, сказал небольшую напутственную речь, благословил собрание, и Собор был закрыт.

6 / 19 июля 1902. Суббота

Целый день выслушивание просьб катихизаторов о денежной помощи, о книгах, иконах, крестиках, облачениях, и отпуск их по домам. После всенощной исповедь священников и диакона Якова Мацуда, завтра имеющего быть положенным в иерея.

7 / 20 июля 1902. Воскресенье

До Литургии был у меня Стефан Доде и плакал, что берут из Токио диакона Якова Мацуда, назначенного к рукоположению во иереи для Окаяма. Спрашивал: «Нельзя ли как-нибудь переменить это назначение? Все христиане Церкви Сиба приготовили прошение об этом. И он подписался». — Но как же переменить, когда Собор распущен, а Мацуда назначен к рукоположению сегодня? В утешение ему я обещал быть ему собеседником вместо Мацуда; пусть приходит для того хоть каждый день ко мне часов в пять, до шести, когда я обыкновенно свободен.

За Литургией были рукоположены: Фома Маки во диакона, диакон Яков Мацуда во иерея. Сослужили мне шесть иереев.

В три часа в Соборе бракосочетание катихизатора Игнатия Такаку с учительницей нашей школы Екатериною Яги.

Целый день отпуск катихизаторов и отчасти иереев по домам, с бесконечными разговорами и просьбами их.

8 / 21 июля 1902. Понедельник

Целый день, с семи часов до восьми вечера, почти без перерыва, отпуск священников и катихизаторов, выслушивание их, удовлетворение просьб, советы, выговоры, впрочем, все благодушные, как при расставании с любимыми людьми. Храни их Бог и помогай им!

9 / 22 июля 1902. Вторник

Отпуск остальных катихизаторов и священников, разное по Собору. С половины первого часа уехал на похороны маркиза Сайго, на кладбище Аояма. Начиная от принцев крови до простолюдинов, толпа бесконечная. Видно, что любили и уважали его. Похороны по синтоистскому обряду: «ихай», приношение, чтение панегирика, ветки. Грустно за душу, нет того, что больше всего нужно ей: молитв к Богу душ и всей плоти за нее. Помилуй его, Господи, на праведном суде Твоем.

10 / 23 июля 1902. Среда

До полудня переводы, с Павлом Накаем, некоторых молитв при рукоположениях, которые доселе читаны были вслух по-русски. После разные дела, связанные с Собором.

11 / 24 июля 1902. Четверг

Послесоборные обычные работы: переписка в книгу нового распределения и прочее подобное.

12 / 25 июля 1902. Пятница

Утром Надежда Такахаси, начальница Женской школы в Кёото, ныне гостящая здесь, приходила и, плача, рассказывала, «как в Кёото семейство катихизатора Иоанна Исохиса интригует против о. Семена Мии и его жены, как тетка Исохиса, его баба и жена — все три злоязычные женщины — стараются возбудить ненависть всех Кёотских христиан к о. Мии и выжить его оттуда, как обижают и расстраивают до слез жену о. Мии, кроткую и миролюбивую женщину». О. Семеон Мии, по-видимому, мало знает обо всем этом, ибо мне хвалил Исохиса и просил оставить его по-прежнему в Кёото. Жаль, что я не знал всего этого до Собора; следовало бы вывести Исохиса на службу в другое место. Очевидно, добра не будет и впредь от пребывания его с семейством в Кёото под ведением о. Мии. Но теперь пока делать нечего. Я внушал Надежде ни словом не вмешиваться во все эти дразги и терпеливо переносить, если последуют какие-либо злословия, убеждать к тому же и Хариту, жену о. Мии.

13 / 26 июля 1902. Суббота

Рассылка содержания не бывшим на Соборе и писем о переменах в распределении служащих, произведенных Собором.

14 / 27 июля 1902. Воскресенье

Литургию, как и всенощную вчера, пели причетники с диаконом Д. К. Львовским во главе, так как семинаристы все разъехались по домам и в Тоносава на каникулы; в Тоносава отпраздничали в прошедший понедельник, в числе восемнадцати человек, при гувернере Иоанне Хитоми. Учениц в Женской школе на каникулы остается человек двенадцать, прочие все разошлись по домам.

За Литургией рукоположены: диакон Фома Маки во иерея, катихизатор Роман Фукуи во диакона. Служили со мною шесть иереев.

В два часа в Соборе было бракосочетание катихизатора Стефана Акахира с учительницей Женской школы Верой Такахаси, дочерью катихизатора Петра Такахаси.

Не все то золото, что блеснет таковым на первый раз. По рассказу о. Семена Мии о девице Марфе Сато, из Сеноо, она — чистое золото;

о. Игнатий Мукояма прибавил значительную долю лигатуры; а ныне оказывается, что она и медь-то плохая. Уже во время разных толков при распределении катихизаторов выяснилось, что девица сия, жаждущая монашеской жизни якобы, влюбилась в катихизатора, который служил в Окаяма и Сеноо, Лина Такахаси, и никак не хочет отстать от него. Из Кёотской Женской школы она ушла.

— Так пусть она поступит на год сюда в Женскую школу — советовал я Лину Такахаси.

— Не пойдет. Она за мной уйдет в Оби (куда он ныне назначен).

— Этим она опозорит себя и тебя. В таком случае вам лучше повенчаться теперь же, хотя ты еще так молод для свадьбы, тебе только двадцать три года, и здоровье у тебя ненадежное. Вам так нужно бы подождать, чтобы укрепиться во всем.

— Родные ее никак не позволят ей выйти за меня, они еще язычники; да я и сам не хочу жениться так рано.

Наказал я Лину всячески убеждать Марфу жить дома, никак не увязываться за ним, а ждать времени законного сочетания с ним; и с этим отпустил его на отбывку домой, на его родину, в Тооно, на севере Ниппона; дней через десять он имел вернуться оттуда и прямо направиться в Оби, на юг Киусиу, в новое место своего служения.— Но вчера получил от него, из Тооно, длиннейшее письмо, которым он пространно изъясняет, что Марфа Сато с ним там, в Тооно, что они бесконечно любят друг друга, желают соединиться законным браком, просили уже о том о. Петра Ямагаки, священника в Мориока; он согласен перевенчать их; просят они на то моего разрешения.— Оказывается, значит, что в то время как я изощрялся в снабжении его «благоразумными» советами, а он так «смиренно» слушал и принимал их, она уже жила здесь где-то, в Токио, приготовленная к побегу с ним на его родину, и во всем он слушал ее, а не меня. Но зачем же так притворяться и лгать? Он мог бы всем показать ее и прямо заявить, что желает повенчаться с нею; препятствий к тому никто бы здесь не мог поставить ему, с церковной стороны брак был бы совершенно законный. И ныне — зачем им мое разрешение? А вот зачем им надо впутать мое имя в свое дело: чтобы сказать родным Марфы Сато: «Епископ велел нам повенчаться, мы не могли послушаться его, мы не виноваты, что так вышло» и так далее. Родные ее грозятся лишить ее имущества, если она выйдет за Лина Такахаси, подать на него в суд за это, так вот и имя Епископа таскалось бы по судам, и на него, и вместе на Православную Церковь изливалась бы ненависть и злоречие ее родных и других зложелателей Христианства. Не будет же этого; я ответил телеграммою: «Получи согласие родных (синзоку но юриси о торе)». А что родные намерены судиться, об этом говорила начальница Женской школы в Кёото, Надежда Такахаси, короче узнавшая Марфу Сато и ее обстоятельства во время ее краткого пребывания там в школе; говорил и о. Игнатий Мукояма, уверенный,

что родные Марфы поднимут немалую страшню и обольют злоречием Православную Церковь в Окаяма и Сеноо (смотри страницу 673).

15 / 28 июля 1902. Понедельник

Отпуск нескольких, оставшихся по делам, катихизаторов и о. Петра Кавано, священника с Киусиу, который, впрочем, отправился прежде в Мито посетить родных своей жены, которых не видел двадцать лет.

Занятия в библиотеке по внесению в каталог новых книг.

16 / 29 июля 1902. Вторник

Вписывая сегодня утром в библиотечный каталог из пришедших недавно книг: «Руководство к производству познаний и следствий о проступках священнослужителей», составленное Луканиным, и «Руководство для духовных следователей» и прочих Вруцевича, и не думал, что так скоро эти книжки пригодятся для собственного употребления. В то время, когда я вписывал, уже дожидались меня пришедшие тоже очень рано христианки из Церкви Коодзимаци, депутатки всех, якобы, тамошних христианок, с прошением на их священников оо. Павла и Алексея Савабэ. Когда сказали мне, я пришел к ним, прошение не принял, ибо видел, что это — повторение действия на днях бывших оттуда же христиан, просивших об оставлении в Церкви Коодзимаци диакона Павла Такахаси, а дал наставление христианкам заниматься своими делами и не вмешиваться в дела управления Церкви. Наставление было мягкое, резонное за чашкой чая; они ушли успокоенные, хотя, по-видимому, не совсем урезоненные. «Скажем обо всем мужчинам», — промолвила одна из них, прощаясь. Не знаю, сказали ли, но, видно, это был авангард. Сейчас же после полудня явилась толпа мужчин из Коодзимаци:

— О чем? Не опять ли о диаконе Павле Такахаси? — спрашиваю.

— Нет. О церковных делах, — отвечают.

— В таком случае поговорите прежде с вашим священником, а он скажет мне, — и раскланялся с ними.

Но ко мне входили и выходили другие посетители, тоже по делам; те, догадываюсь я, ждут чего-то; стук выколачивания трубок то и дело слышится из японской приемной. Выхожу к ним опять.

— Чего ждете, братья?

— Церковное-то дело и есть о наших священниках, как же мы будем говорить с ними?

— Не просите ли вы о перемене их? В таком случае напрасно хлопочете. Вы сами избрали этих священников и испросили их. Служат они хорошо; может быть, не вполне так, как вам хочется, но и причин к их удалению не подают. Итак, возвращайтесь к своим делам.

Суют в руки прошение — толстую тетрадь.

— Это я прочитаю и, если найду в чем исправить вашего священника — о. Алексея Савабе, конечно, исправлю, но переменить его ни в коем случае не соглашусь. Он — избранник вашей Церкви, и, без сомнения, еще большее число христиан не желают его перемены.

— Все желают.

— Это только так говорится, а поверишь этому, попадешь в беду еще пущую — знаю по опыту.

Уклонившись в свою комнату, я прочитал прошение; есть пункты очень компрометирующие о. Алексея Савабе, например, будто он разглашает то, что узнает на исповеди (что невероятно), будто утаивает церковные суммы и обращает их в собственную пользу (что требует тщательной проверки), будто положил за панихиду в Церкви одну ену, дома — еще больше (что, конечно, окажется сказкой, ибо дошло бы до ушей моих еще раньше), что занимается пересудами, злословием, что в порывах гнева ругается во время богослужения. Но есть в прошении вещи совсем неосновательные, например, будто по злобе его удаляется ныне диакон Павел Такахаси из Коодзимацци, тогда как он беретс оттуда решительно по моей мысли; будто сто тридцать ен, пожертвованные с русского военного судна на Церковь в Коодзимацци, неизвестно куда издержаны о. Алексеем, а я им показал эти деньги, возросшие уже до ста семидесяти ен, как хранимые мною в банке, по поручению о. Алексея — вперед до церковной нужды.

Вновь я вышел к ним и сказал, что произведу точное расследование и во всем, в чем нужно, постараюсь исправить о. Алексея. Если он не исправится, тогда они будут иметь более оснований просить о перемене священника — ныне пусть больше не просят о сем. Затем укорил их за непочтение к о. Павлу Савабе, первому христианину и первому священнику, очень много потрудившемуся для распространения Христианства в Японии. Пусть он живет ныне на покое, как заштатный (инкё), но пусть пользуется почетом и любовью за прежнюю свою службу.

Сделав еще другие соответствующие наставления, я с миром отпустил их, вовсе, однако не умиротворенных, несмотря на все их улыбки, что я видел их желания придраться к каждому моему слову и затеять вновь объяснение.

Теперь надо произвести следствие об о. Алексее Савабе.

Среди вышеозначенных дел получил уведомление от посланника, что «завтра, на крейсере „Адмирал Нахимов“, прибудет в Иокохаму Великий Князь Кирилл Владимирович, пробудет в Иокохаме около пяти дней, сохраняя полное инкогнито, и ему не будет сделано никакой официальной встречи — посланник с членами Посольства отправятся на судно встретить его; судно, однако, неизвестно в каком часу встанет на якорь». Я ответил благодарностию за уведомление и изъявление уверенности, что «Его Высочество совершенно не заметит, если я не обеспокою

Его собою». Это совершенно соответствует прощению с его Высочеством четыре года назад.

17 / 30 июля 1902. Среда

Не перестают письмами и телеграммами требовать разрешение на брак Лина Такахаси с Марфой Сато. Потому ответил сегодня краткой телеграммой на имя о. Петра Ямазаки: «варе-нива сасицквай наси» (с моей стороны препятствий нет). О. Петра они уже выписали в Тооно для совершения бракосочетания. Брак этот ни в чем не противен ни церковным, ни гражданским законам; по японскому гражданскому закону, девица двадцати лет свободно может выйти за кого хочет, а Марфе двадцать второй год.

С восьми часов до полудня с о. Алексеем Савабе разбирал прошение христиан против него. По каждому пункту обвинения выслушивал его подробное объяснение. Взял с него крепкое обещание: впредь не нарушать благочиние богослужения гневными вспышками на чтецов и певцов, говорить поучения в Церкви и по домам, посещать христиан и вести с ними религиозные, а не светские беседы, избегать пристрастий и тому подобное. Некоторые обвинения оказываются вздорными, или ложными; как я и ожидал, например, будто панихида у него по одной ене. Завтра еще принесет показать свои приходно-расходные записи, которые, по его словам, в полной исправности.— Из девяноста печатей под прошением сорок шесть оказываются принадлежащими женам и детям подписавших; из остальных — половина лиц, охладевших до нехождения в Церковь; и только двадцать шесть печатей и подписей лиц, о которых о. Алексей отозвался, что они хорошие люди и христиане.

— А на вашей стороне найдется ли столько лиц? — спросил я.

Молчит.

— Ну назовите хоть несколько христиан, которые бы сказали: «нет, не отпустим от себя о. Алексея».

Сколько ни напрягал своего воображения о. Алексей, и двух-трех лиц не мог подобрать. Итак, мое желание выслушать и его доброжелателей останется почти тщетным.

После полудня явились ко мне три молодые катихизатора из Церкви о. Алексея. Я обрадовался; думал, вот помощь ему. Увы, совсем не то! Изъясняют они:

— Утром сегодня призвал нас к себе о. Павел Савабе и велел идти по христианам и уговаривать их стать за о. Алексея,— просить не переводить его из Коодзимаки-кёоквай, чего добиваются некоторые. Но мы считаем, что этим больше бы испортили дело. Недовольство оо. Павлом и Алексеем общее и давнее; нынешний перевод любимого христианами диакона Такахаси из Коодзимаки-кёоквай только взорвал мину, давно

готовую к тому. Наше вмешательство произвело бы лишь больше толков и озлобления. Итак, мы пришли спросить, что нам делать.

Я одобрил то, что они приехали сюда, и воспользовался случаем развить и дополнить следствие. В пользу о. Алексея и они ничего не нашли сказать, сколько я ни расспрашивал их, а диакона Павла Такахаси одобрили как хлопотуна, готового всем помочь, и примирителя враждующих.

Сегодня разосланы остальные официальные письма по Церквам, которые касаются произведенных Собором перемен в священниках и катехизаторах.

Игнатий Мацумото принес отпечатанную первую книжку перевода Церковной Истории Смирнова, давно всеми ожидаемой. Прибавил к его жалованью (двадцать ен в месяц доселе) пять ен; хорошо трудится и беден — должен содержать жену, детей и мать.

Павел Хосои, катехизатор, переведенный из Оодате, на север, в Ооисо (Идзу) пришел, по пути на место службы, с женою, которая еле двигается и еле жива от женской болезни, истощившей ее. Велел положить ее в женский госпиталь, по полторы ены, если не больше, в сутки придется платить, а что будешь делать? Как не пожалеть?

Василий Ямада, начальник «Сейнен-квэй», приводил познакомиться молодого ученого, только что кончившего Университет, избравшего своим специальным занятием изучение русской истории и приступающего для того к изучению русского языка. С ним был молодой этнограф Като, скоро отправляющийся в Россию.— Далеко ли пройдут? Не остановились бы в начале пути, как многие другие, доселе начинавшие.

18 / 31 июля 1902. Четверг

Утром посланник А. П. Извольский извещал, что у него сегодня в двенадцать часов завтракает Великий Князь Кирилл Владимирович, пригласил и меня к завтраку. Великий Князь был очень любезен, спрашивал о Миссии, но в разговоре, за столом, выразил крайнее сомнение, чтобы христианство водворилось в Японии. С ним было много офицеров с «Адмирала Нахимова», на котором Великий Князь состоит ныне в качестве первого лейтенанта.

У меня с судна был священник о. Александр, не иеромонах, а вдовый, бойкий и умный, по-видимому; с ним — офицер Петр Михайлович Сергеев, старший брат которого, воспитанный в светских заведениях и семь лет состоявший на светской службе, бросил свет и сделался монахом. Оба с интересом расспрашивали про Миссию, изъявляя крайнее удивление, что она существует, то есть не имели о ней прежде ни малейшего понятия (а еще сахарят некоторые свою речь комплиментами:

«О вас знают в России». Знаем мы, как знают; вот наподобие сих визитеров).

В восемь часов утра о. Алексей Савабе явился с своими приходно-расходными книгами, которые — не в большом порядке, записи спутанные и сбивчивые; по более подробном рассмотрении окажется, все ли в них записано, что должно. Сегодня некогда было этим заниматься: день расчетный,— постоянно входили и выходили.

19 июля / 1 августа 1902. Пятница

Вчера о. Алексей Савабе доставил список тех христиан, которых он считает благоприятными себе, шесть-семь имен только — из них пять оповещены были вчера почтовыми листками, чтобы явились сегодня, в восемь часов утра, в Миссию, по церковному делу. К десяти часам трое собрались, наконец: Ооуци, говорливый старик, Иосида, отец переводчика религиозных книг, и Нагата, молчаливый. Они, действительно, стоят горой за о. Алексея, говорят, что если спросить всю Церковь, то еще больше подписок соберется в пользу оставления о. Алексея на своем месте. Дал я им прочитать и разобрать прошение противников его; раскритиковали и говорят, что ни слова нет правды, в чем тоже хватили через край.— Согласились мы: вызвать к восьми часам утра, завтра, противников о. Алексея, подававших прошение, придут к тому времени и они; и поручу я им, обеим сторонам совместно, проверить приходно-расходные записи о. Алексея. Конечно, и он должен быть при этом, чтобы давать объяснения. От себя депутатом к этому делу я назначаю секретаря Давида Фудзисава. Когда все будет разобрано, о результате скажут мне, и я положу решение.

Благоприятели обещали прийти, к противникам разосланы «хагаки»; Давид Фудзисава взял у меня приходно-расходные записи для предварительного просмотра.

Посланник письмом уведомил, что «завтра Великий Князь Кирилл Владимирович намерен посетить Миссию; приедет после окончания завтрака у принца Фусими, между двумя и тремя часами, вероятно».

20 июля / 2 августа 1902. Суббота

Трое благоприятелей о. Алексея Савабе и он сам явились, как вчера было условлено, в девятом часу, но противников его пришлось ждать ровно до десяти часов. Собрались в полукруглой комнате второго этажа. Я резюмировал им все дело вкратце так: «Прошение касается двух священников, но имя Павла Савабе должно быть оставлено в покое; о нем — или ни слова, или почтительно; он больше тридцати лет служил Церкви и имеет право ныне на отдых и на почтение от других, и стыдно тем, кто

не берет этого во внимание. Что до о. Алексея Савабе, то в прощении есть указания на его действительные погрешности и недостатки (кеттен), как-то: гневливость во время богослужения, непроповедание в Церкви и вне, светские разговоры во время посещения христиан; все это он сам признал и во всем обещал мне непременно исправиться; затем есть совершенно неосновательные обвинения ему, как-то: будто бы он злословил диакона Павла Такахаси предо мной и побудил меня перевести его к собору, тогда как о. Алексей ничего дурного мне про Такахаси не говорил, и перевод его — дело исключительно мое; будто бы он требовал по одной ене за панихиду, что совсем не было, и подобное. Остается обвинение в злоупотреблении церковных денег; это теперь и предложит проверить. Вот приходно-расходные книги, отобранные мною от о. Алексея; что они велись путано, это я уже видел; но все ли в них записано, что должно быть записано, рассмотрите сами. За меня здесь остается секретарь Давид Фудзисава, он наблюдает, чтобы разбор велся правильно и беспристрастно; ведите его также мирно и любовно — это дело церковное, не чье-либо личное — дело, также касающееся вашего душевного спасения».

В двенадцать часов Давид Фудзисава пришел сказать мне, что поверку приходно-расходных записей кончили, и позвал меня в собрание. Оказалось, что мирно все разобрали, уяснили и не нашли причин укорить о. Алексея в злоупотреблении церковными деньгами, только записи в беспорядке. Поэтому положили «избрать из христиан казначея, или двух, и поручить ему, или им, ведение вместе с о. Алексеем приходно-расходных книг, и церковные деньги, ненужные для текущих расходов, по мере накопления их, сдавать на проценты в банк, на имя священника». Я одобрил это. Сказал, в заключение, что этим дело об о. Алексее кончается, чтобы жалобщики возобновили с ним приятельные отношения и вперед не нарушали их, что о. Алексей, с своей стороны, вероятно, не подаст больше повода к недовольству им и тому подобное. Противники его ничего не возражали, но по лицам видно было, что они чем-то еще не удовлетворены и что-то имеют на душе.— Действительно, разошедшись после моего поучения, они через полтора часа опять пришли сюда и потребовали свидания со мной.

— Имеем еще одно важно обвинение против священника Алексея Савабе.

— Какое?

— Он выдаст тайны, которые слышит на исповеди.

— Об этом было упомянуто в вашем прощении. Я допытывался у о. Алексея, он с негодованием отвергает это обвинение. Говорил потом вам, что не верю сему, — вы молчали и не заявили ни фактов, ни доказательств!

— Но доказательства есть!

— Скажите же их.

— Нам это очень неприятно. Ниццума был лишен священничества; теперь это предстоит Алексею Савабе, потому что преступление такое важное.

— Предрешать о лишении священства вам следовало бы погодить; о преступлении же о. Алексея Савабе скажите все, что знаете.

— Игнатий Сакамото сходил в непотребный дом и потом признался в этом на исповеди, а о. Алексей сказал об этом во время исповеди его жене.

— Только-то?

— Только. Но разве этого мало? Разве это не большое преступление?

— Совсем не такой важности, как вы полагаете. Быть может, лучше бы не говорить жене Сакамото; если же сказал о. Алексей, то на это, вероятно, имел достаточные причины, должно быть, для вразумления жены Сакамото, чтобы она лучше охраняла своего мужа от непотребных поползновений. Муж и жена — одна плоть, и им друг о друге знать все, и хорошее, и дурное, полезно и нужно, для того, чтобы общими силами доброе воспитывать и усиливать, а другое искоренять.

— Но это значит ссорить мужа и жену.

— Конечно, о. Алексей не это имел в виду, а скорее — устранение препятствий к доброму сожитию и согласию. Если же жена Сакамото побранила своего мужа, то он этого стоит.

— А вы-то от кого узнали, что Сакамото ходил в непотребный дом? От о. Алексея, после исповеди Сакамото?

— Нет, не от него.

— Вот это было бы другое дело, если бы вы узнали от него. Тогда это было бы, действительно, важным преступлением о. Алексея, хотя и не таким, чтобы за него лишить его сана. А вы узнали, конечно, от самого Сакамото; этот дрянной христианин ходит еще в языческой коже: не только от жены идет в непотребный дом, но не стыдится сам же разглашать об этом. А вы вместо того, чтобы стараться его исправить, поднимаете из-за него вражду на священника!..

Так как с минуты на минуту ожидался приезд Великого Князя Кирилла Владимировича, то я, по возможности, сократил свое наставление им. Ушли, по-видимому, еще более озлобленными, чем прежде, со словами: «сайго-но сюдан-ёри хока най» (остается прибегнуть к последнему средству), что под этим «сайго-но сюдан» разумеют — оставили меня в недоумении.

В исходе третьего часа прибыл с небольшою свитой Его Высочество Кирилл Владимирович. Я встретил его на крыльце дома, одетый в клобук и со звездами, без орденов. Когда он сел на диван с замечанием: «Все так же, как прежде» (что он видел четыре года назад), я предложил ему выслушать сообщение о состоянии Миссии и, показывая статистические листы Миссии, где, из сопоставления цифр во всем, виден преимущественный успех Православной Миссии, просил «говорить в России

езде, где только представится случай, о необходимости развития заграничных Миссий».

— Слово Ваше, как лично ознакомившегося со всем заграничным, будет иметь большой вес.

— Но в России никто не думает о заграничных Миссиях.

— Поэтому-то я прошу Ваше Высочество говорить о них, чтобы стали думать...

Предложил его Высочеству экземпляр нашего перевода на японский язык Нового Завета, псалтири, затем — японский альбом, где, между прочим, как одно из знаменитых тоокейских зданий, имеется в голубом рисунке и наш Собор. С словами: «вы меня завалите» он все это принял, и приставленный к нему барон Мадено-Коодзи (Сергей Александрович) тотчас же взял книги, также статистический лист и карту Православной Церкви в Японии, чтобы положить в карету Великого Князя. После этого я предложил Его Высочеству взглянуть на миссийскую ризницу. «С удовольствием», — молвил он и, поднявшись, чтобы вынуть из кармана визитную карточку Кают-Компании крейсера «Адмирал Нахимов», и (очевидно, в качестве первого лейтенанта крейсера) передал мне, со словами: «а это вот от нашей Кают-Компании». Из коридора я предложил ему подняться в Крестовую Церковь, чтобы взглянуть, «как здесь пишут иконы». Ирина Ямасита срисовала запрестольный образ Воскресения, что мы взяли для того из Посольства, бесподобно; он почти совсем кончен, и надо удивляться сходству копии с оригиналом. Великий Князь очень похвалил работу.

Приведши его в соборную ризницу, где приготовлены были для осмотра наиболее ценные предметы, я прежде всего открыл шкаф, где архиерейские облачения. Он пожелал осмотреть облачения его дедушки, Государя Императора Александра Второго, пожалованное мне при рукоположении во Епископа; облачение оказалось свежим, точно тотчас из магазина; неудивительно; я надевал его за двадцать два года всего раза три. Таковым же явилось и облачение, полученное мною в 1891 году от путешествовавшего здесь Наследника Цесаревича, нынешнего Государя. Потом осмотрел он два прибора воздушов, полученные мною в 1880 году от нынешней вдовствующей Императрицы Марии Феодоровны, затем — Евангелие, крест, утварь и панихидницу, пожертвованные Юрием Степановичем Нечаевым-Мальцевым, ковчег и крест Феодора Никитича Самойлова и его друга Комарова, сосуд для мира — драгоценнейшее из всего; крест и посох — пожертвование это христиан; облачение на престол, шитое золотом по белому атласу — работу нашей Женской школы; плащаницу во всем уборе — все здешней работы. Осматривая плащаницу, Великий Князь заметил: «Недавно открыт один древнейший рисунок, на котором прогвозденными оказываются, для пригвождения Спасителя ко кресту, не кисти рук, которые, по мягкости, не

удержали бы тяжесть тела, а места дальше кистей». И начинает доказывать, что это так и было.

Осматривая ризницу, Великий Князь поднялся на колокольню взглянуть на Токио. К сожалению, пасмурная погода не позволяла видеть ничего дальше города.

Будучи в храме, Великий Князь заметил: «Вы еще не показали мне алтарь», — почему введен был в алтарь и, коленопреклоненный, молился перед главным престолом.

Перед прощанием со мною, при выходе из храма, пригласил на молебен на крейсере, в понедельник, по случаю именин Государыни Императрицы Марии Феодоровны. «Моя мать также именинница», — промолвил Кирилл Владимирович.

Капитан крейсера «Адмирал Нахимов» и несколько офицеров приехали после Великого Князя, хотел им показать также ризницу и прочее, но они заторопились вслед за Великим Князем на поезд. Капитан также пригласил на богослужение на крейсере в понедельник.

21 июля / 3 августа 1902. Воскресенье

За Литургией рукоположены: Роман Фукуи, диакон, во иерея, Яков Тоохей, катихизатор, во диакона. Последний для Церкви в Коодзимацци. Из христиан сей Церкви были в соборе весьма немногие — друзья Тоохей и о. Савабе — из противников последнего не было ни одного.

Узнал я сегодня, что это за «сайго-но сюдан», которым вчера грозились противники о. Алексея Савабе; это ни более, ни менее, как «кулачная расправа» (ван-рёку). Грозятся они прямо и открыто: «Пусть Савабе уберется из Церкви в Коодзимацци, иначе мы силою выгоним его». Друзья Савабе отвечают на это: «Полиция на это есть, она не позволит буянить». И вот дело пока на этом стоит. Одни из друзей Савабе рассказывали мне это сегодня и просил, между прочим, не возвращать прошение противникам, если бы они попросили о том. «Если дело дойдет на суд, то из этого прошения видно, имеют ли причину противники доходить до ручной расправы», — говорит он.

Вот до чего дошло. Хороши христиане! Но надо правду сказать, хорош и священник! Если бы о. Алексей Савабе слушался того, что ему говорят, да если бы не был ленив, к тому же горд и вспыльчив, то не вышло бы ничего этого. А теперь расхлебывай.

22 июля / 4 августа 1902. Понедельник

Несмотря на дождь, пришлось утром отправляться в Иокохаму для богослужения на крейсере «Адмирал Нахимов», по случаю тезоименинства Государыни Императрицы Марии Феодоровны и Великой Княгини

Марии Павловны. Добрались мы с иподиаконом Моисеем Кавамура и облачением до крейсера в начале десятого часа, так как Великий Князь, приглашая, упомянул, что богослужение начинается в половине десятого, но пришлось ждать почти до одиннадцати. Тогда мы с о. Александром, облачившись, стали служить сначала обедницу, потом задравный молебен: пели матросы очень хорошо, даже концерт пропели. После службы салют, потом завтрак под красиво устроенным шатром на палубе. Между гостями был наш посланник в Корею, А. И. Павлов, говоривший, что о. Хрисанф уехал ныне в Россию добывать помощников себе по Миссии. Домой я вернулся к вечеру, мокрый и усталый.

23 июля / 5 августа 1902. Вторник

Целый день — запись расходов и сведение счетов по Миссии. Оказалось, что на Собор нынешнего года истрачено: 2145 ен 64 сен, то есть на дорогу собиравшимся в Токио и обратно 1411 ен 1 сен 5 рин и на содержание их здесь в гостинице 734 ены 62 сен 5 рин.

Между приходившими по делам катихизатор из Иоцуя, Петр Мори, сообщил, что противники оо. Савабе в Коодзимацци собираются изгнать их оттуда на том основании, что церковная земля под храмом и домами, где живут о. Павел и о. Алексей Савабе, значится на имя Моисея Годороги и якобы Фомы Ооты — злейшего из врагов Савабе. «Пусть-де убираются с чужой земли». Послал я сейчас же справиться, действительно ли Фома Оота значится собственником земли? Оказывается, нет; Моисей Годороги состоит оным; в документе, однако, упомянуто, что он — представитель всех христиан в Коодзимацци, которым всем вместе принадлежит участок земли под храмом и церковными домами. К сожалению, с Моисеем Годороги нельзя поговорить непосредственно, он живет вне Токио в своем поместье, можно надеяться, однако, что этот разумный старик не будет смущен обезумевшими от злобы врагами оо. Савабе.

24 июля / 6 августа 1902. Среда

Утром рассердили письма: Моисей Симотомай из Саппоро пишет: «Не могу переместиться, долг есть, пришли тридцать пять ен на уплату»; Георгий Абе пишет: «Не могу переместиться, пока не уплачу двадцать восемь ен долга». У обоих в семье разные родственники, которые могли бы сами себе добывать пропитание. Стань Миссия удолетворять все подобные просьбы — не оберешься их, и Миссия несдобровать; всем тотчас же написан отказ. А тут еще в другом роде просьба: «Не перемещай о. Игнатия Мукояма из Окаяма; очень он излюблен нынешними Церквами его». Не перемещай, коли сам о. Игнатий усиленно просил меня и Собор перевести его на север — здоровье его и жены не выдерживает

климата в Циукоку. О. Игнатию следовало бы так и сказать всем своим прихожанам, а не смущать их видом — «не я, мол, виноват, меня переместили». Японская двуличность! Но возмутительней всех просьба о. Павла Косуги: «Дай ему и жене по пяти ен в месяц на лекарства, да еще пришли за лекарства их в шестом и седьмом месяцах, вышли теперь же содержание их на девятый и десятый месяцы, вышли и квартирные для Миязаки», куда о. Косуги переведен, тогда как сам сидит еще в Токусима. Бессовестный этот о. Косуги просто обирает Миссию. В прошлом месяце Миссия издержалась на лечение его жены здесь в госпитале — поощренный этим, он не знает ныне предела своих клянчений. И ведь ничего этого не просил несколько дней тому назад, когда лично говорил со мной, а теперь — «бумага терпит, ей не стыдно»; ей и доверяет свои бессовестные просьбы; «авось что-либо выгорит!» — думает. Ничего не выгорит! Письмо взорвало меня, и я велел написать отказ ему во всем; пошлетса только содержание за девятый месяц. Сам здоров, как должно быть здоровому человеку, жена вылечена; при всем том привередничали: «климат не по ним в Токусима, на Сикоку», просился южнее, на побережье. И это привередничанье удовлетворено; Собор назначил в Миязаки. И вот благодарность за исполнение просьбы: посыпал, точно из рога изобилия, кучею новых просьб. И хоть бы трудился, как должно. Ленивейший из священнослужителей, всего в его письмах одна материя — просьба о деньгах. За целый прошлый год только восемнадцать детей и взрослых крещено по всем его Церквам на Сикоку, с Токусима, его резиденцией, в том числе, где он должен бы подавать пример служения проповеди, но где он несколько лет только коптит небо. Фу, мерзость! Стоит ли об этой ничтожности бумагу марать так много!

О. Алексей Савабе был сказать, что по документам на церковную землю враги его не могут изгнать его из ныне занимаемого церковного дома: «земля значится церковною, а не принадлежащею ему лично, он ходил справиться об этом в актовых записях в квартале». Что дальше предпримут враги, ему неизвестно; но, очевидно, этим дело не кончится — слишком они раздражены. И наговорил я сегодня по этому поводу наставлений о. Алексею! Ужели и это будет по-прежнему, как с гуся вода? Предрек я ему ясно, на основании примеров прошлых лет в Одавара и Хакодате, что если он не исправится, не отложит свою леность, не займется проповедью, не укротит свою гордость и вспыльчивость, словом, не явит из себя хорошего священника, каким не был до сих пор, что и составляет причину смуты, то год спустя, если не прежде, придется ему с позором удалиться с своего теперешнего места; удерживаю я его на нем пока обещаниями: «о. Алексей будет вперед прилежно исполнять свои обязанности» — но если этого не последует, то я не буду в состоянии защитить его. Нужно признаться себе, что, смотря на физиономию о. Алексея, в то время, как я читал ему наставление, я уже почувствовал бесполезность его: деревянное выражение, нагулянная гладкость,

апатичный взгляд. Хоть бы искорка вспыхнула во взоре, хоть бы еле заметный прилив или отлив краски в лице, или иной какой признак движения душевного.— Ничего ровно! Ну что же! Пусть позорит имя Савабе, а оно опозорится, и об этом говорил ему, если не воспрянет.

Между сегодняшними письмами — одно от протестантского проповедника; пишет: «Покажите, правильно ли крещение через троекратное погружение; если правильно, то я брошу Протестантство». Слишком поверхностен человек, впрочем, послана Догматика с указанием, что прочесть. Другое от язычника, очень умное и красноречивое, ищущее истины; послана краткая Догматика и указан ближайший катихизатор, Фома Исида, в Фукусима, а ему перепровождено письмо.

25 июля / 7 августа 1902. Четверг

Когда я в библиотеке вписывал новые книги в каталог, пришел о. Алексей Савабе и оповещает:

— Вчера вечером, в одиннадцать часов, когда в церковном доме все уже улеглись спать, вдруг — сильный стук в ворота и крик отворить! Все в тревоге поднялись, отворены были ворота, и оказалось: два христианина пришли требовать, чтобы я созвал на собрание церковных старшин (гиюу) по церковным делам.

— Что же вы сделали?

— Обещал сделать собрание завтра в семь с половиною часов вечера; старшинам я уже разослал повестки.

— Вот что значит быть плохим священником: христиане на священнике ездят, приказывают ему, грубо обращаются с ним; и священник — нечего делать — переносит все это и подчиняется им. Разве мыслимы подобные отношения у доброго священника со своими христианами? — и так далее. Вновь куча наставлений о. Алексею, все так же, кажется, горох к стене — и совет: воспользоваться собранием прежде всего для избрания двух казначеев, как на днях решено было. Для доброго исполнения сего дела отправлен будет отсюда на собрание, в помощь о. Алексею, секретарь Давид Фудзисава. Затем, что еще будут творить на сем собрании озлобленные враги о. Алексея, Бог весть! Советовал ему быть во всем кротким, резонным и терпеливым.

26 июля / 8 августа 1902. Пятница

Целый день писание писем в Россию под непрерывное барабаненье дождя, который со времени «ньюбай» почти все дни не перестает, так что до сих пор жаркое время не начиналось: днем веера не нужно, а ночью без одеяла не обойтись.

В половине одиннадцатого часа вечера вернулся Давид Фудзисава из Коодзимацци и рассказал: «Были на собрании двадцать один гию; избрали казначея и его помощника; но казначеем сим оказался Яков Тодороги, который никогда и в Церковь не заглядывает; избрали только потому, что он сравнительно богат среди них, гольшей; помощником — мужик Афонасий Мацида, разводящий деревья (уския), грубейший из врагов о. Алексея». Конечно, я не допущу ни того, ни другого — первого, потому что служащий Церкви должен быть усерден к Церкви; вместо него путь будет казначеем Иоанн Такенака, тоже получивший много голосов в свою пользу при избрании; а так как он из квартала Ёцуя, то не может быть утвержден его помощником Мацида, ибо он тоже из Ёцуя, желание же всех такое, чтобы помощник и казначей не были из одного прихода; помощником может быть Петр Эндо (Секи) из квартала Банчэ, за которого были три голоса в помощники.

Давид говорил затем, что прения были довольно мирны. Хотели бы комиссию назначить для проверки приходно-расходных записей о. Алексея, но Давид отклонил это, так как это было бы повторением того, что уже произведено. Вообще, присутствие его на собрании, как видно, способствовало немало мирному исходу его.

27 июля / 9 августа 1902. Суббота

Был о. Алексей Савабе с рассказом о том же, что я уже знаю от Давида Фудзисава. Он также желает, чтобы казначеем был назначен Такенака, его помощником Эндо, поэтому я сказал ему, чтобы он объявил христианам, что я их утверждаю. Снабдил о. Алексея разными наставлениями по приходно-расходной церковной части и по ведению книг — все это так просто и ясно, и все это, вероятно, будет опять спутано. К счастью, в этом случае приходо-расходы-то пока все грошовые.

Исаия Мидзусима приходил с накопившимися недоумениями, которые надо разрешить в готовящемся к выходу номере «Сейкёо-Симпо». Один спрашивает: «Если Иаков обманом получил благословение, то нельзя ли обманом получить и священство?» Другой: «Что такое первое воскресение, вторая смерть (Апокал. 20; 5. 14)?» Третий: «Что такое мироточивый?» Четвертый просит объяснить слово «херувим», и «почему он изображается шестикрылым», и прочее, и прочее. Пытливый народ!

28 июля / 10 августа 1902. Воскресенье

Был священник с «Адмирала Нахимова», о. Александр; говорит, что забыл антиминс свой в нашей Хакодатской Церкви; ехал-де служить в Церкви обедню с ящиком, где Евангелие и антиминс были, но, увидевши

на престоле Евангелие и антиминс, свои отложил в сторону, а после забыл антиминс; просит послать в Хакодате за ним одного из наших священников». Странно как-то; по рассказу подробностей видно, что антиминс, скорее всего, потерян, или украден где-то или как-то помимо нашей Хакодатской Церкви. Впрочем, я не отказался послать священника; о. Петр Кано охотно взялся съездить и с шестичасовым поездом отправился. О. Александр дал ему в дорогу туда и обратно тридцать ен — больше, чем нужно в обыкновенное время, ибо теперь кое-где от дождей дорога испорчена, придется экстренно платить, чтобы следовать без остановок. Спросил я и телеграммой в Хакодате: «не там ли антиминс судового священника?» В десятом часу пришел ответ: «Искали, но не нашли».

29 июля / 11 августа 1902. Понедельник

Так как причетник и учитель церковного пения в Сендае, Яков Маедако, изленился до крайности, не внемлет никаким внушениям и штрафам и не служит, то отставлен; и просит о. Петр Сасагава послать к нему в Сендай, на время, для обучения пению и устройства двухголосного хора, здешнего регента Алексея Обара. Просьба исполнена: Обара отправлен на месяц туда.

О. Алексей Савабе приходил сказать, что «возмутившиеся против него христиане, к числу которых принадлежит и избранный мною в казначеи Иоанн Такенака, моего назначения не принимают и утвержденного мною знать не хотят. Что делать дальше?»

— В таком случае пусть будет казначеем назначенный в помощники Петр Эндо (Секи), а помощника изберите, вновь созвавши собрание,— ответил я о. Алексею.

30 июля / 12 августа 1902. Вторник

Подают карточку: «Давид Николаевич Головнин, инженер путей сообщения, адъюнкт-профессор Московского Сельскохозяйственного института». Принимаю, бросивши занятия. Оказывается — правнук родного брата Василия Михайловича Головнина, бывшего в Японии в плену в начале прошлого столетия. Симпатично начинает разговор:

— А у меня к вам большая просьба. Здесь был в плену мой прадед, нельзя ли следов сего найти?

Я обрадовался теме, рассказал ему, как сам в Хакодате занимался сим предметом, как мой учитель японского языка, мальчиком знавший Головнина лично, рассказывал мне о нем и так далее. И советовал, через посланника, попросить позволения порыться здесь в архиве Министерства Иностранных Дел, а также в Хакодатском и Мацмайском Архивах.

Но господин правнук знаменитого патриота скоро уронил эту тему, задал несколько вопросов по религиозной части, охладивших мою симпатию значительно, и потом, взяв нить речи в свои руки, пошел развивать материю — какую? Я глаза вытаращил и руки опустил, слушая молча, — совершенно нигилистическую в полном значении этого слова: «Россия накануне гибели, революция на носу, все в отчаянии, и это потому, что прошедшее царствование (это царствование-то Александра Третьего) произвело реакцию — остановило ход естественного развития либеральных идей, — отчего ныне все омертвело в России. О религиозном положении тоже и говорить нечего! Граф Толстой произвел религиозную революцию в России», и так далее. И человек, по виду, совсем элегантный и почтенный. — Я понял, почему так поголовно дрянны и мутны студенты разных Технологических, Петровских и Сельскохозяйственных учреждений. Вот подобные профессора виною тому. Говорят ведь как! С навертывающейся и будто украдкою утираемую слезою о бедах России от гнета, причиненного либерализму! Возражать такому господину к чему же. Молча я слушал и с тягостию душевною распрощался.

31 июля / 13 августа 1902. Среда

О. Алексей Савабе утверждает, что «вчера состоялось новое собрание христиан, на котором все признали казначеем указанного мною Петра Эндо, а помощником ему избрали Нагата». Ладно. Просит о. Алексей «позволения явиться им для получения благословения на исправление своего служения Церкви». Отлично. Если бы и прежде о. Алексей был таким покорным, то не произошло бы и нынешних возмущений, столь неприятных для него и его отца. Благо будет ему, если не уклонится от принятого направления.

Все эти дни — исправление корреспонденции в Россию и мелкие дела по письмам из Церквей и ремонту зданий.

1 / 14 августа 1902. Четверг

От часу не легче! Кандидат богословия, профессор Семинарии, Пантелеймон Семенович Сато, пришедши сегодня, наговорил против оо. Савабе столько обвинений, что не быть им в Церкви Коодзимацци! Но это, очевидно, труба тамошних возмутителей, нисколько не успокоенных моими убеждениями и решениями. Сато, будучи болен до сих пор, не знал дела, сегодня или вчера ему впервые нажужжали в уши, и он, по своей прямолинейности, возмущен и возбужден. Я ему дал прочитать прошение мугителей, объяснил, как «я тщательно разобрал все пункты обвинений, в чем действительно не прав о. Алексей, в том я взял с него твердое обещание исправиться, но больше половины обвинений

не основательны. Если не исправится о. Алексей, тогда обвинители его будут иметь резон просить об его удалении, ныне же решено оставить о. Алексея на его месте. Об о. Павле и речи не может быть, он — заслуженный иерей, ныне находящийся на покое». Выслушав все это, Пантелеймон Семенович Сато сказал: «Так я же пойду, постараюсь успокоить и усмирить их, насколько могу, решения Епископа они должны слушаться».

В сегодняшнем номере «Japan Daily Mail» напечатано извлечение из американского епископального журнала «The Spirit of Missions», в котором говорится, что «Bishop McKim» выразил уверенность, что не пройдет десять лет, как японец будет посвящен в Епископа с кафедрой в Токио. Bishop Nicolai, of the Russo-Greek Church Mission, говорит, что «здесь нет еще и мерцания зари местного епископата» (not even the glimmer of dawn of native episcopate); но, как Bishop McKim замечает, «Япония есть страна сюрпризов, и происшествия быстро двигаются сквозь панораму ее истории». Далее говорится, между прочим, что «Bishop McKim просит симпатизирующих Японской Миссии американских друзей не подписывать ничего на содержание будущего японца-Епископа; это содержание должно быть чисто японским». Давай Бог! Но сегодня же посетивший меня американский епископальный миссионер Rev. Sweet (бывший вместе с двумя гостями его из Америки), когда я заговорил с ним о блестящих надеждах Bishop McKim'a, выразил совсем противоположные взгляды. Господь их разберет!

Иконописица наша Ирина Ямасита превосходно срисовала икону Воскресения Христова, взятую нами для того из Посольской Церкви. Сегодня совсем кончила работу и сдала икону мне. Дал ей, сверх ее жалованья, двадцать ен, на посещение Кёото, где она еще не была. Оригинал иконы Воскресения завтра возвращен будет в Посольство.

2 / 15 августа 1902. Пятница

Весь день, как и вчера, перевод расписок и приведение в порядок счетов.

О. Роман Фукуи приходил жаловаться, что в Немуро назначили проповедником такого нехорошего человека, как Минуил Аримото, ныне кончивший курс в Катихизаторской школе. Кто и что только не наговорил ему дурного про сего человека! И о. Роман Циба, и о. Игнатий Мукояма (сам же и определивший его в школу два года тому назад) и секретарь Нумабе, и регент Кису (родственницу которого он сватал, а потом отказался) и многие другие! Я советовал о. Роману половину наговоренного сбросить со счетов, а с другою половиною управиться при помощи мудрости, которою должен обладать иерей, тогда и Аримото может оказаться годным для церковной службы, каковыми нередко оказывались люди, подобно описываемые.

О. Алексей Савабе приходил встревоженный; говорит, что Пантелеймон Сато присоединился к его врагам, возмущающим Церковь. Странно! Вероятно, это отзвук настроения Пантелеймона Сато до прихода его сюда, когда он слушал и во всем поддакивал. Впрочем, любезный Пантелеймон Сато по характеру человек совсем несостоятельный — он и чистосердечен, и благочестив, но слаб на убеждения; не он может убедить, а его легко могут сбить, если захотят того. Советовал я о. Алексею отправиться к господину Сато и спросить: что сие значит? Они же, к стати, вместе учились в Семинарии.

Приятно отметить, что антиминс Церкви крейсера «Адмирал Нахимов» нашелся. О. Александр, действительно, забыл его в хакодатском нашем храме. О. Петр Кано нашел его между облачений в алтаре. Вчера поздним вечером о. Кано вернулся и отвез антиминс о. Александру на «Адмирал Нахимов».

3 / 16 августа 1902. Суббота

Поздно вечером — письмо от Пантелеймона Сато, что он «употребил все усилия, чтобы уговорить возмутившихся удовлетвориться Вашим благоразумным архипасторским решением и успокоиться, но они никак не хотят быть под жезлом такого жестокосердечного священника, как о. Алексей Савабе». А сегодня утром старик Ёсида, один из сторонников о. Алексея, приходил спросить, «правда ли, что я дал разрешение вновь собирать подписки под прошением об удалении из Коодзимаци о. Алексея, что возмутители действуют моим именем, всех, кто не желает, насильно заставляя прикладывать печати». Какая-то пуганица! Я сказал Ёсиде, что это ложь, будто что-нибудь от меня выходит; я не могу переменить своего решения, сделанного по тщательному рассмотрению прошения и исследованию дела, что нового прошения, сколько бы под ним ни стояло печатей, я и не приму.

О. Павел Косуги, так настоятельно просившийся из Токусима, — «нездорово-де для него место», и не думает, однако, уезжать на новое, в Миязаки, на Киусиу; а то и знает, что денег просит; от сего отца кроме денежных просьб в длиннейших посланиях, других писем почти никогда и не бывает — это уж второе такое послание после возвращения его с Собора — опротивело читать; выслушавши содержание, послал сто ен на лекарства.

Кроме просьбы о. Косуги сегодня еще шесть просьб о деньгах из разных мест да просьба написать две большие иконы для Церкви Ивай, да просьба подарить стихарь в Церковь Ханда, да просьба прислать камертон в Акиака, да четыре просьбы о книгах из разных мест, да просьба о. Петра Ямагаки разрешить брачное недоумение, да просьба Александра Хосокава позволить ему жениться на младшей родной сестре недавно умершей его жены (что уже решительно нельзя). И это накопилось всего за три дня. Веселое церковное управление!

Был нагасакский наш консул князь Ал. Ал. Гагарин, с которым лично еще не был знаком, хотя давно уже переписываемся. Говорил он, между прочим, что о. Вениамин по-японски еще совсем плох, к изучению иностранного языка, должно быть, не способен. К миссионерству тоже мало подает надежды, а, например, «какой орден следует за каким, отлично знает» и подобное. Церковь в Нагасаки скоро начнет строиться, на нее князь уже восемь тысяч собрал; русское училище тоже в проекте.

4 / 17 августа 1902. Воскресенье

Перед Литургией явился Лин Такахаси с своей женой Марфой, из коих двоих неизвестно, кто кого похитил, он ее у родных, или она его у Церкви — во всяком случае, роман их женитьбы, с прослойкой обмана, едва ли обещает прочное счастье; он высматривает красивым теленком, она — ух, бой-баба будет на жизненной арене! Я молча благословил их, да и не время было на что-либо большее. Вечером он явился за дорожными в Оби, дал на двоих, и на имущество; не обидели себя — сорок ен попросили и получили, то есть — Лин получил; ее не было, хотя хотелось бы поговорить с нею, приласкать, дать кое-какие наставления. Завтра в шесть часов утра пускаются в путь — Господи, благослови их!

Из Коодзимацци были после обеда о. Алексей Савабе с двумя избранными казначеями: Иоанном Нагата и Петром Эндо (Секи). Принесли деньги для хранения здесь в церковном железном ящике, в трех документах — всего на сумму немного больше двухсот ен; дал им соответственно три расписки в получении сих векселей для хранения. Рассказал им, как надо вести церковную отчетность; показал для примера свою, со всеми отделами и расписками. Говорили они, что Церковь продолжают враги о. Алексея мутить моим именем, будто я жду прошение против него, только более мягко написанное, будто Пантелеймон Сато участвует в сей махинации. Я советовал не обращать внимание на эти козни, а обращаться с мутителями мирно и любовно, стараясь мерами кротости образумить их. Петр Секи рек: «Нельзя ли анафеме предать главного мучителя, Танабе?» Что выдумал! Я запретил и думать о сем.

— Возмутившиеся не дают, что следует от них, в добавление к получаемому от Миссии содержание о. Алексея. Что с ним?

— А уж пусть будет наказанием о. Алексею за то, что он плохо исполнял свои обязанности, сделал возможным возмущение, Миссии не платить же за это.

5 / 18 августа 1902. Понедельник

Из Коодзимацци-кёокувай был один гию (церковный старшина), принадлежащий к приходу Иоцуя, где гнездо мутителей Церкви, спрашивает:

— Правда ли, что вы обещали переменить священника, если большинство христиан представит подписи, что не желают о. Алексея Савабе? Враги о. Алексея вашим именем действуют и усиленно собирают подписи, все больше и больше мутя мирных христиан.

— Да, об этом я уже слышал и предупредил, что неправда. Раз решенного я не могу изменить, пока не изменятся обстоятельства. Если о. Алексей не исполнит своего обещания — прилежней служить, заниматься проповедью и прочее, в чем он ныне оказался заслуживающим укора и в чем обещал исправиться, то христиане будут иметь резон просить о перемене его на другого священника, теперь же — никакого; сколько бы ни собрали подписей — тщетно: я не приму прошение, — и прочее, что уже не раз объяснял. Гию ушел успокоенным, обещаясь передать мои речи другим.

Был Reverend King, здешний епископальный миссионер, и Reverend Norgis, тоже английский епископальный миссионер из Северного Китая, один из выдержавших осаду боксеров в Пекине. Говорил он, что политика Пекинского Двора ни на волос не изменилась — все та же рутина, обещающая продолжение нападений на миссионеров и китайских христиан, что если династия не переменится, и всегда будет то же; на перемену же династии пока нет никакой надежды — нигде не видится в Китае сильного человека, который взялся бы за это; притом же это ныне чрезвычайно трудно было бы по осложнениям с иностранными державами.

6 / 19 августа 1902. Вторник.

Праздник Преображения Господня

Такой дождь рубил с раннего утра, что собравшиеся к богослужению человек тридцать, бесспорно, должны быть названы благочестивыми христианами. Потом целый день, вот до двенадцати ночи, введение в каталоги новых русских книг, попеременно с отпуском плетущихся на свои места катихизаторов, как Николай Исикава в Окуяма, Виссарион Такахаси в Кумамото.

7 / 20 августа 1902. Среда

После полудня являются десять человек представителей якобы всей Церкви в Коодзимаци, подают завернутое в бумагу прошение.

— О чем? — спрашиваю.

— О том же, что было в прежнем прошении. По вашему приказанию (мейрей-ни ётте) мы вновь собрали печати.

— По моему приказанию? Такого не было. Это ложь. Я уже не раз слышал, что вы моим именем действуете, и всякий раз посылал сказать

вам, чтобы прекратили эту смуту. Прошения вашего я не приму, так как дело прежде было с вами же вместе разобрано, рассуждено и решено. Перерешать его было бы противозаконно и противно здравому смыслу. Вы сами же потом сказали бы: что это за Епископ, который сегодня решит одно, а завтра совсем другое. Больше и слушать вас не хочу.

Встал и ушел. Но через пять минут, направляясь в библиотеку и видя их все еще сидящими в классной зале, зашел и попытался убедить заниматься мирно делами своего звания, а Церковь оставить заведыванию Епископа, который, решив их жалобу, наблюдает, чтобы решение не осталось праздным: о. Алексей непременно исправится; если же нет, тогда они будут иметь право просить об удалении его, и он удален будет.

8 / 21 августа 1902. Четверг

Мутители Церкви в Коодзимацэ вновь пришли еще в большем количестве с тем же прошением. Вышедши к ним, вновь объявил, что не приму прошение. Когда стали они говорить разом в несколько голосов, пытался уйти от них, но был силою задержан, несколько рук ухватились за меня, другие твердо приперли дверь; послушав несколько минут галденье одного и того же вздора, вырвался из комнаты и у себя запер дверь на ключ. Раз шесть-семь пытались они отворить дверь и стучать в нее с такою силою, что я прощался с дверью, думая, что она будет разломана. К двум часам несколько утихли, начав шуметь с часу; тогда я пошел пригласить секретаря Нумабе с приготовленными пакетами содержания служащих, которые сегодня должно рассылать; за Нумабе ворвались в комнату мутители все с тем же прошением в руках.

— Сколько уже раз говорил вам, что прошение ваше решено, и решение не переменится.

— Да возьмите хоть так прошение, прочитайте, а решение пусть останется то же.

— Это можно, — оставьте, — прочитаю.

— Так мы подождем.

— Подождите, только вам придется ждать часа два, пока я кончу вот не терпящее отлагательства дело с господином Нумабе.

Через полчаса вновь приходят:

— Мы уйдем.

— С Богом!

Прошение на этот раз оказалось самым кратким повторением прежнего: «Не желаем нынешнего священника и потому просим удалить его от нас», — и следуют подписи с печатями. Всего печати ста двенадцати домов. Затем отмечено, что двадцать домов безразличны, семь желают о. Алексея Савабе, семь — под разными условиями, сорок три дома —

охладевшие к Церкви. Здесь и есть сто восемьдесят девять домов, значащиеся по метрике Церкви Коодзимацци.

9 / 22 августа 1902. Пятница

Письмом пригласил старика о. Павла Савабе завтра в девять часов утра ко мне посоветоваться о возмущении Церкви Коодзимацци.

Закончено внесение в каталог новых книг, и сдан каталог Ивану Акимовичу для переписки в ходячий по рукам.

Все эти дни, на утренних и вечерних богослужениях, идет испытание вновь поставленных иереев в том, изучили ли они отправление богослужений; оказываются достаточно изучившими, так что могут отправиться по своим местам.

10 / 23 августа 1902. Суббота

О. Павел Савабе уверяет, что из подписавшихся ста двенадцати домов, не желавших иметь священником о. Алексея, наполовину приложили свои печати только будучи уверены, что этого желаю я; всего же, по его мнению, гораздо больше христиан, желающих о. Алексея, чем нежелающих. Итак, попросил я уяснить это собранием подписей. Потом ясно будет, как дальше поступить. Если христиане разделятся пополам, то нежелающим будет предложено избрать для себя другого священника, и пусть таким образом эта Церковь разделится на два прихода; кстати, ес и пора разделить, по обширности места, занимаемого ею. Если весьма значительное большинство и меньшинство окажется, то поступлено будет иначе.

11 / 24 августа 1902. Воскресенье

О. Павел Савабе поручил собрание подписей для уяснения, что о. Алексея любят и желают иметь своим священником большая часть христиан Церкви в Коодзимацци, самым лучшим друзьям о. Алексея: Петру Секи, Ооуци Вада, Ёсида и оные были у меня для совещания, но увы! Оказались плохими защитниками своего патрона. Пришли возмущенные и рассерженные: «Как-де Епископ, обещавши не переменять решение, ныне переменяет его?»

— Успокойтесь! Я и не думал пока переменять решение, и не о том теперь речь, а об уяснении, сколько христиан желают о. Алексея. Вот противники его предоставили, что только семь домов на его стороне из ста восьмидесяти девяти; о. Павел Савабе говорит, что это поразительная неправда, что большая половина христиан желают его; так вот помогите

уяснить, что это правда. Я дам вам лист за моею печатью для собрания подписей.

— В таком случае нам нужно еще удостоверение, что вы не говорили Пантелеймону Сато, будто приказываете христианам заявить приложением печатей о нежелании иметь священником о. Алексея Савабе.

— Сейчас же получите его.

Отправившись в канцелярию, велел изготовить два листа, — один с подписью, что приглашаю подписаться желающих о. Алексея, другой, что не говорил Пантелеймону Сато, и так далее, что выше. Приложил к листам свою печать и предложил собеседникам. Но начались бесконечные их речи, с курением почти во все рты папирос такого убийственного табаку, что я должен был отворить все двери. Сколько я ни убеждал их сделать мирно и спокойно дело, весьма полезное для Церкви, в смысле уяснения истины и уличения во лжи противников, пустозвонные ораторы, дымясь, все больше и больше разгорячаясь, «как-де я верю им?»

— Потому-то и прошу вас уличить их во лжи, что не верю, чтобы они говорили правду.

Но я должен поверить безусловно, без всяких спросов, вот им, четверем, против ста двенадцати домов. А не верю, так «нет правды и порядка в Церкви»! И с этой руготнею, оставив приготовленные листы, отказались от дела, порученного им о. Павлом Савабе, оставили меня. Я зашел в канцелярию и велел известить о. Алексея Савабе, чтобы завтра побыл у меня: быть может, найдутся другие друзья у него, которые постараются за него.

12 / 25 августа 1902. Понедельник

Новые священники, перед отправлением на свои места, снабжены антимиинсами и всеми другими принадлежностями их священнослужения сполна.

Кроме сего, весь день наполнен смутю Церкви в Коодзимаци. Утром пришли и два часа мучили меня своими рассказами Савва Хорие и о. Семен Юкава. Хоть бы слово новое, чего бы я прежде не знал, что полезно было бы для поправления дела! А слушать должен был не моргнув глазом и не обнаруживая никаким другим знаком нетерпения и скуки. Савва Хорие говорил все время бледный, захлебываясь от волнения и остро наблюдая, слушаю ли я. Главная тема, что диакон Павел Такахаси возбуждает смуту; но сам же, не сознавая того, по-видимому, и доказал, что нет средств уличить Такахаси в этом. Когда Хорие призвал к себе Такахаси и стал укорять его, сей зарекся и заклился, что ни душою, ни телом не повинен. «Я и утром, и вечером молюсь о вас, как бы о своем отце, — стану ли лгать? И вот вам моя клятва, что я ни на волос не причастен

нынешнему волнению христиан против о. Савабе». Таковы были слова Павла Такахаси Савве.

— Так что бы я мог бы сделать, чтобы прекратить интригу Такахаси? Позови я его и укори, он и мне так же заречется, а между тем еще больше озлобится и горше станет мутить.

О. Семен Юкава начал было повествование всей истории возмущения; я послушал немного и сказал, что продолжение знаю на память. Предложил он потом практичный вопрос:

— Если из Коодзимаци попросят к больному, или для другой требы, как быть?

— Идите, конечно. Из-за глупости или озлобления мутителей не лишать же благодати освящения и спасения людей, быть может, ни мало не причастных их греху.

Скорым оправданием практичности сего наставления было приглашение из Банчё-кёоквай от какого-то мутителя о. Романа Циба прийти окрестить внезапно заболевшего кого-то, приготовленного к крещению. О. Роман: «Идти ли?»

— Непременно, сейчас же идите и окрестите.

Он взял крестильный ящик, облачение и пошел исполнять.

В три часа неожиданно ввалилась ко мне в комнату толпа мутителей, человек восемь, и началось галденье.

— Какой ответ на наше прошение?

— Никакого; вам и не обещан ответ. Впрочем, я скажу вам потом что-нибудь, теперь же мне нужно исследовать правильность ваших заявлений. Вы показываете, что за о. Алексея только семь домов, против него — сто двенадцать, но я сомневаюсь, чтобы это было правильно.

— Почему же вы сомневаетесь?

— Хоть бы потому, что при собрании подписей вы употребляли обман, действовали моим именем, говоря, что это мой приказ.

— Этого не было.

— Недаром же мне этим уши прожужжали. Вот это и нужно проверить.

— Скоро ли это сделается?

— Быть может, в неделю, а быть может, и в месяц; когда кончится, тогда я дам вам знать.

— Нам надо поскорей! Ответ скорей! Мы не можем терпеть! — и так далее. Загадели в несколько голосов. Что было делать, как, поджавши руки, молча смотреть на них?

— Мы недовольны решением и по прежнему прошению, — возгласил один из них.

— Это чем же?

— Да вот по тому пункту, что о. Алексей Савабе разглашает тайны, которые узнает на проповеди.

— Что же, у вас есть какое-нибудь новое доказательство, кроме того, что вы сказали? Если есть, скажите теперь.

На это все замолчали.

— Мы недовольны еще, что вы не утвердили выбранного нами казначея.

— Я же вам объяснил, что это потому, что вы выбрали человека, никогда в Церковь не заглядывающего.

Все это еще членораздельные возгласы, на которые можно было отвечать, поняв их; но беспорядочное гаденье усиливалось все больше и больше; постояв и послушав, я ушел из комнаты, велел Ивану перенести приготовленный чай в гостиную и притворить ее; напился чаю, вошел в свою комнату, чтобы взять ключ, сказал еще пребывавшим там мутителям, что «кончивши исследование, дам им знать», и ушел в библиотеку.

Вперед пусть будет неперменным правилом: «Говорить только с двумя депутатами, требовать в подобных случаях, чтобы избирали из себя не больше двух и присылали и для разговора со мной; пришедши пусть приносят с собой удостоверение от прочих гиюу, или христиан вообще, что они уполномочены на переговоры».

Недолго побыл я в библиотеке, когда секретарь Нумабе пришел позвать: «Отцы Павел и Алексей Савабе желают видеть меня». Я обрадовался приходу их, думал — это вследствие вчерашнего приглашения мною о. Алексея; стал тотчас же рассказывать, как вчера присланные ими Секи, Ооуци и прочие удивили меня непониманием дела и отказом послужить уяснению правды в пользу своих «симпу». О. Павел Савабе открывает уста, и о ужас! Начинает сыпать теми же выражениями, что я слышал от П. Секи, Ооуци и других. Всматриваюсь в него — лицо искаженное гневом; у его сына лицо тоже гневное и бледное.

— Что с вами, оо. Павел и Алексей? Ужели вы хотите мне помешать вам же послужить, вашу честь защитить? — спрашиваю.

— Мы надеялись на вас; вы обещали, что не измените «решение» (кеттей), а выходит совсем другое.

— Разве я изменил решение? О. Алексей, вы до сего часа состоите священником Церкви в Коодзимаци?

— Состою.

— Но мутители просили взять вас оттуда, разве их просьба исполнена? Разобравши их прошение, я решил, что вы неизменно остаетесь священником там же — когда же отменено то решение?

— Вы приняли от них другое прошение.

— Да, принял, но это не значит, чтобы я изменил прежнее решение. Это дело совсем другое, уклоняющееся в сторону от первого; в новом прошении сто двенадцать домов подписались против о. Алексея, и только семь домов остаются за него; я не верю этому и хочу узнать истину и обличить обман, к которому прибегли собиравшие подписи.

— Их нужно наказать за это, — гневно восклицает о. Павел.

– Они и будут наказаны разоблачением обмана.
– Пантелеймона Сато нужно наказать отрешением от должности учителя Семинарии.

– Чему же это поможет?

Едва я вымолвил эти слова, как о. Павел, пылающий гневом, схватился с места:

– Прощайте! В последний раз видимся! Я оставляю священство!

И ушел, оставив меня с разинутым ртом от изумления.

О. Алексей остался, и я с ним продолжал толковать, убеждая не мешать мне защитить имя и честь отцов Савабе. Но тут я с грустью понял, что неблагоприятнейшее из дел – убедить глупого и упорного вместе. О. Алексей повторял на все лады чужими словами укор мне, будто я неверен своему обещанию, будто слушаю их противников и соглашаюсь с ними, что они с отцом при этом не могут служить и прочее, и прочее. Бросив, наконец, попытки убедить его совершенно в противном, я замолчал, опустив голову и дал волю ему говорить, что хочет, видя на опыте, что вдолбить резон в голову упрямого глупца труд столь же тщетный, как вколотить гвоздь в мякину. «А, может, и то, – думалось мне, – что оо. Савабе принимают всю эту пертурбацию за мое дело, что это моя интрига против них. Из-за чего бы, кажись? Ну мало ли! Хоть бы из-за того, что они – хорошие люди». Коварство – совершенно в японском духе, и весьма естественно по себе заключить о другом.

Так или иначе, много неутешительных мыслей прошло через мою голову, пока о. Алексей говорил. Наконец он, заключив, должно быть, из моего молчания, что я тронут, спустился на ковер, преклонил голову и стал прощаться со своим священством в Коодзимацзи, то же и тут долго говорил умягченным тоном. А я, крайне наскучив всею этою канителью, тянувшеюся более часа, встал и стал ходить по комнате. Когда он окончил и встал, я сказал ему:

– Вашего отречения от должности священника в Коодзимацзи я не принимаю, как будто вы и не сказали его. Подумайте в продолжение трех дней, помолитесь, чтобы Господь внушил вам сотворить благое, и придете ко мне вновь поговорить.

– Не приду; это мое окончательное решение.

– Не придете, так я позову вас, во всяком случае этого вашего решения я не принимаю теперь.

Утро сегодня было особенно приятное: на душе так светло, покойно; а вечер такой туманный и слякотный! Так и всегда в жизни; коли первый глоток из чаши сладок, так и знай, что дальше горечь и мерзость.

13 / 26 августа 1902. Вторник

Три новопоставленных священника отправились по своим местам: о. Яков Мацуда в Окуяма, о. Фома Маки в Токусима на Сикоку, о. Роман

Фукуи в Немуро, на Эзо. Благослови Бог их служение и сотвори его многоплодным для Церкви и Царства Небесного!

Был Павел Цуда, старик-катихизатор из Сюзендзи, вместе с христианином оттуда, Ямада, который, впрочем, служит здесь, в Токио, состоя инженером, в заведывании которого железнодорожный путь, начиная от Симбаси до станции Сано по Тоокайдо. Сказал Ямада странную вещь: на этом участке каждые три дня бывает по одному самоубийству; большею частию молодежь из учащихся гибнет этою ужасною смертью, ложась на рельсы перед локомотивом. Вот что значит потеря веры в Бога и загробную жизнь, столь распространенная ныне в Японии! И как же не желать и не стараться, чтобы поскорее христианство распространилось в Японии?.. Привели они: Цуда — свою племянницу, Ямада — свою дочь (приемную — родную Эраста Нода, который приходится младшим братом Ямада) в нашу Женскую школу.

Без «Коодзимаци» дню как же обойтись? И на этот раз даже с приятным сюрпризом. Говорил я вчера Савве Хорие и о. Семену Юкава, что хорошо бы поручить собрание подписей в пользу Алексея Матфею Нива, бывшему катихизатору, человеку, преданному оо. Савабе, опытному и спокойному. Говорил и о. Алексею, чтобы он прислал Матфея ко мне, чтобы поручить ему это дело. Первые ничего мне не сказали на это, последний отрекся сделать, что я ему говорил. Утром сегодня, однако, не знаю, по чьему наущению, Матфей Нива явился ко мне, да и не один, а со стариком Ёсида — оба очень мирно и мягко настроенные. Выслушали они, что я им сказал, приняли хорошо и обещались собрать подписи к печати сторонников о. Савабе; Матфей Нива тут же показал список почти пятидесяти домов, по его мнению, расположенных к о. Савабе; некоторые из них, быть может, и не приложат печати, стесняясь мутителей, вынудивших у них подписи обманом, но что они отнюдь не желают удаления от них о. Савабе, то верно. Я дал им месяц срока на исполнение поручения. Помолившись перед образом и взяв благословение, они отправились. Помогите им Господи послужить умиротворению возмущенной Церкви!

Вечером был из Коодзимаци-кёоквай Сергей Ооцука по тому же делу, и этот хорошо настроен в пользу оо. Савабе. Долго говорил, а я молча слушал; говорил почти в точь то, что я вчера проповедовал так безуспешно оо. Савабе, говорил Ооцука, стараясь убедить меня в том, в чем я убежден и прежде и больше его, что «нужно беречь честь священников, особенно такого почтенного, как о. Павел, что нельзя по первому требованию христиан переменять священника», и так далее. Я, наконец, рассеялся и прекратил его излияния, сказав, что «он мне читает то, что во мне самом».

Учащиеся уже начинают собираться после каникул, и прежние, и новые.

14 / 27 августа 1902. Среда

О. Алексей Савабе пришел с надутою физиономиею и заговорил еще в худшем тоне, чем третьего дня: «Отец его и он-де очень обижены смутою в Коодзимаци», и виною этой смуты, по его речам, ни больше, ни меньше, как я. Такая бессовестность и такое идиотство хоть кого выведут из терпения, я обозвал его дураком (гуно моно) и перестал слушать; а когда он все еще продолжает молоть, точно заведенная мельница, предложил ему категорический вопрос, признает ли он еще меня своим Епископом?

— Признаю, — ответил.

— Так слушайся меня и не мешай, насколько могу защитить честь твоего отца и твою же, причиною нынешнего поругания которой — ты сам, так как был плохим священником.

Сказавши это, я оставил его в гостиной и затворил за собою дверь. Он с полчаса просидел один, затем вышел ко мне, буркнул: «Раза два-три прослужу еще», и ушел домой.

Секретарь Нумабе говорил потом, «что и в самом деле старик Павел Савабе убежден, что по моему именно наущению Пантелеймон Сато внушил христианам собрать подписи против о. Алексея Савабе». Несказанно печально! Это вот первенец христианства и первенец священничества в Японии. Так-то прочно и цветуще дело христианской проповеди здесь, если самый первый и прославленный плод этакой гнилой! Можно бы прийти в отчаяние, если бы мне не было уже шестьдесят лет и если бы я не закалился в неудачах и тщетных ожиданиях лучшего.

Был хакодатский наш консул Мат. Мат. Геденштурм с капитаном французского военного судна, хвалил хакодатского священника и нынешнее доброе состояние тамошней Церкви, говорил, что моряки с «Адмирала Нахимова» пожертвовали сто ен на содержание в порядке нашего хакодатского кладбища, которое при обзоре нашли, впрочем, в чистоте и порядке.

Был здесь профессор Римского Права при здешнем Университете Томидзу вместе со студентом Лукою Като. Профессор едет путешествовать по нашему Приморскому краю и Манчжурии, «чтобы познакомиться с русскими нравами и обычаями». Жаль, что не мог послужить ему рекомендательными письмами, по неимению знакомых там. Советовал только для успешности своего намерения проехать несколько далее предположенного.

Диакон Дмитрий Львовский уехал в Россию, оставив здесь семейство, в трехмесячный отпуск, по случаю исключения его двух сынов из Духовного училища в Одессе за дурное поведение, для устройства их в другие школы.

Пение всенощной сегодня было без него хорошо; причетников, тоже весьма порядочно; его прекрасный тенор не красил хора, зато и его нестерпимые выкрики по временам не безобразили пения и не резали ухо. Молящихся за всенощной было довольно много.

15 / 28 августа 1902. Четверг.

Праздник Успения Пресвятой Богородицы

С половины восьмого исповедь лежащего в параличе о. Павла Сато. Страдания, видимо, углубили его чувство благочестия и усердия к Церкви. После Литургии о. Роман Циба, в полном облачении, отнес святую Чашу с Святыми Дарами к нему приобщить его; диакон Стефан Кугимия и причетник с возожженною свечою сопровождали Святые Дары.

Молящихся в Церкви и сегодня было порядочно.

Потом целый день до вечера прием разных христиан, по преимуществу приведших детей или родных в школы. Между прочим, о. Тит Комацу привел в Семинарию своего племянника, которому шестнадцать лет, но который по росту годен в гвардию.

Погода целый день была прекрасная, что большая редкость в нынешнее лето.

Коодзимацкие мутители и сегодня не оставили напомнить о себе: в квартале Иоцую между ними умер восьмидесятирехлетний старец, недавно напутствованный о. Феодором Мидзуно; так они и похоронить его не захотели просить своего священника, о. Алексея Савабе, а пришли просить священника отсюда. Не лишать же покойника молитв из-за глупости и вражды его родных; конечно, я благословил того же о. Феодора Мидзуно отправиться погребсти покойника, что он и исполнил. Вернувшись вечером, он рассказал, что похороны были даже торжественны: собралось на отпевание и провожало до кладбища очень много христиан.

16 / 29 августа 1902. Пятница

Из Совета Миссионерского Общества прислали содержание Миссии за второе полугодие нынешнего года. В первый раз приходится так рано получать эту сумму, и это потому, что в первый же раз, очевидно, вследствие моей жалобы, что Хозяйственное Управление долго задерживает суммы, идущие в Миссию, Совет послал прямо из Москвы сюда, взяв перевод в конторе Торгового Дома Юнкер и К°. Сегодня в Иокохаме показал в трех банках, спрашивая размен, в «Hong-Kong and Shanghai Banking Corporation», в «Chartered Bank of India» etc, и в Русско-Китайском Банке; везде без всякого вопроса приняли вексель и сказали размен; сдал я его в первом, где сказали лучший размен, на шестьдесят семь

ен больше, чем в нашем банке. В Совет Миссионерского Общества написал уведомление с благодарностью и просил, чтобы и вперед пользовались этим способом пересылки сумм.

О. Алексей Савабе написал письмо, в котором уже прямо нынешнюю смуту против него приписывает моему «тайному приказанию» (наймей) и несет разную другую чепуху на двух листах. С этим бессмыслием, если не бессовестностью, ровно ничего не поделаешь; остается замолчать пред оо. Савабе.

Текуса Сакаи, учительница, вернувшись из Хакодате, рассказывала об оживленном и весьма мирном настроении тамошних христиан. А давно ли и там была буря, наподобие нынешней в Коодзимацци? Дай Бог, чтобы в Коодзимацци поскорей сделалось так, как теперь в Хакодате!

17 / 30 августа 1902. Суббота

О. Алексей Савабе был за получкой — сверх определенного церковного содержания от Миссии на себя и отца, идущих частно от меня девять ен отцу, три ены жене на расходы, одна ена пятьдесят сен ей же на молоко; выдал я молча; он что-то заговаривал, я промолчал и раскланялся.

Три катихизатора и учитель пения Церкви в Коодзимацци приходили рассказать, что взмутьившиеся христиане, не получая от меня ответа на второе прошение (а им сказано, что ответ будет дан, когда исследуется, точно ли все сто двенадцать домов против о. Алексея Савабе), составили и напечатали апелляцию ко всей Православной Церкви в Японии и готовятся рассылать ее повсюду. «Что нам делать при этом?» — спрашивают.

— Да ничего — предоставить мутителям поступать, как они хотят, если они не слушают резонов. Старайтесь только об одном, чтобы от вас, как служителей религии любви и мира, они не слышали иного, кроме слов любви и мира; старайтесь, насколько можете, образумить их, пусть подождут, пока дело будет исследовано; не стану же я плясать под их дудку — поступать опрометчиво. Апелляция их — дело смешное; вы изучали Канонику и знаете, как управляется Церковь:

Из Порт-Артура прибыли два ученика в нашу Семинарию для изучения японского языка, чтобы быть потом переводчиками, согласно тому, что в марте писал адмирал Алексеев. Привезла их учительница Савельева, нарочно для того командированная; мальчики оба четырнадцатилетние, ученики Порт-Артурского училища Федор Легасов и Андрей Романовский. Госпожа Савельева остановилась с ними пока в соседней японской гостинице, завтра сдаст их в Семинарию. С ними прислана сумма на годовое содержание их.

Ученики, собравшиеся в Катихизаторском училище, двенадцать человек и в Семинарии — около сорока, сегодня осмотрены доктором, и некоторые найдены не совсем годными для принятия; двое с зачатием чахотки (один из Катихизаторского училища — сын катихизатора Стефана Такахаси, другой из Семинарии — сын катихизатора И. Катаока, прямо возвращены домой; с некоторыми слабыми то же, кажется, надо сделать. Не все еще собрались.

Всенощную пели хоры и преплохо, разнили и тянули; следовало бы подождать, пока споются; пусть бы пели, как прежде в это время, до спевков, причетники.

18 / 31 августа 1902. Воскресенье

У Пантелеймона Сато, перед обедней приходившего показать свою проповедь, спрашивал, «правда ли, что он сказал христианам в Коодзимаци, будто я велел собрать подписи нежелающих о. Алексея Савабе?» Он с негодованием отвергнул это. И я верю ему. До сих пор во лжи или в коварстве он не был замечен. Конечно, небылицу взвели на него, быть может, даже воспользовались каким-нибудь неосторожным выражением его.

Посетил больного кровохарканьем князя Стефана Доде. Сиделка и родные ухаживают за ним. Расположение духа — светлое, христианское. Брат его Лука показал новоустроенные в молитвенной комнате очень красивые аналой и столик.

Вечером о. Тит Комацу очень долго рассказывал о своих Церквах и катихизаторах; ничего, впрочем, нового для меня. О пасынке о. Павла Савабе, живописце Иоанне, рассказал, между прочим, что он, оставив свою наложницу, женился недавно на одной христианке, дочери богача Сея, из Сиракава, но что тесть уже отнял у него жену, и брак оказывается незаконно расторгнутым; неизвестно, возобновится ли при таком своем нравии обеих сторон.

19 августа / 1 сентября 1902. Понедельник

С половины восьмого часа мы с Павлом Накаи начали наше обычное занятие переводом богослужения, с Первой Песни Канона утрени Шестой недели по Пасхе, и продолжали до двенадцати. Вечером с шести до девяти то же.

После полудня до вечера — чтение церковных писем с обычными просьбами денег, книг, принятия девочек в Женскую школу и разными известиями разного характера: тоже отпуск обратно в Порт-Артур учительницы Марьи Семеновны Савельевой, привезшей учеников отсюда и

много повествовавшей о себе, о своей службе в Палестине и прочем — все в розовом свете.

20 августа / 2 сентября 1902. Вторник

С восьми часов — молебен перед началом учения. Из регентов и учителей пения никого не случилось в Церкви — не были предупреждены — пропели на два хора сами учащиеся и пропели отлично, за исключением многолетия на левом клиросе. Перед многолетием я сказал поучение: «Вы молились о помощи Божией, и Бог пошлет вам помощь, но для этого нужно, чтобы вы были достойны ее; именно, прежде всего, чтобы вы были верны своему назначению, с которым прибыли сюда. Господь указал вам путь сюда, дорожите этим и не обратитесь вспять, чем уклонились бы из-под руки Божией и из-под Божия руководства и охранения. Нет в Японии ныне школ нужнее, важнее наших. Прежние религии здесь потеряли всякий авторитет, что и естественно, так как они — создание человеческое, и японский народ перерос их; христианство еще не вошло в страну, и жалуются все на упадок добродетели от безрелигиозности; если так продолжится, то плохо будет Японскому государству и народу от упадка и расстройства нравов. Итак, вы, назначая себя на воспитание для проповеди Христовой веры в Японии, назначаетесь для весьма важной службы государственной и народной. Но это еще низшая цель; вы готовитесь и на более высокое, самое высокое дело для людей — указывать вашим соотечественникам путь к Небу, открывать им, что они дети Отца Небесного и должны быть гражданами Царства Небесного. Как бы ни были хороши люди здесь, на земле и для земли, но если они не имеют понятия о том, что они не земле только принадлежат, что они на земле должны лишь воспитаться для будущей жизни, то они в „косинукэ“ душой; телесные „косинукэ“ не могут ходить по-человечески, а разве на четвереньках ползать; вот так же ползает и пресмыкается душою ныне все в Японии, что не знает Бога-Творца и Отца Небесного — не знает или по гордости и нежеланию знать, каковы все здешние ученые и интеллигентные люди, или по неимению возможности знать, каков весь прочий народ, еще не слышавший о христианстве. Вы имеете целью поднять ваших соотечественников на ноги, поставить их прямо перед небом, указать им путь туда и вести во сретение Отца Небесного. Какое высокое ваше назначение! Будьте же верны ему. Вы хотите идти вслед Апостолов и Мироносиц — не сбейтесь же с вашего пути, не уклонитесь на стезю Иуды, пожелавшего денежной выгоды и из-за нее оставившего свое первое назначение, к великому своему несчастью. Дальше, чтобы получить помощь Божию на ваши занятия, будьте прилежны, живите между собой в мире и любви и исполняйте в точности все училищные правила. Науками вы будете развивать свой ум,

взаимною любовью, миром и всяким добрым поведением — развивать и воспитывать сердце, исполнением инструкции — воспитывать аккуратность и точность в характере и силу воли; последнее еще будет служить вам к сохранению здоровья телесного»...

Вечером в Семинарии с Катихизаторскою школою и в Женском училище производились обычные «симбокквай» с речами и разными увеселениями, вроде пения, «фукубики» и подобного. Я дал пять ен Женской школе и шесть ен Семинарии с Катихизаторскою школою, так как здесь было человек сто на собрании (просили ученики десять ен поэтому). Ученики хотели, чтобы и я посетил их собрание, поэтому, отменив вечернее занятие с Накаем, я отправился туда и с семи до десяти часов не без удовольствия провел время. Старшие ученики ныне отлично настроены; дай Бог, чтобы их благочестивое настроение сохранилось, и из них выйдут хорошие служители Церкви. Все их речи направлялись к тому, чтобы внушить ныне поступающим в Семинарию сохранить неизменным их расположение служить Церкви. Между говорившими речи выступили на сцену и двое русских, ныне принятых в Семинарию, один из них прочитал на память стихи «Бородино», другой пропел русскую патриотическую песенку. Одеты они уже совершенно по-японски, и только светлые волосы их обличают в них не японских мальчиков.

21 августа / 3 сентября 1902. Среда

Кончены приемные экзамены и составлены списки поступающих в Семинарию и в Катихизаторскую школу. В первую приняты тридцать три мальчика (все, согласно правилу, не ниже четырнадцатилетнего возраста) безусловно, и шесть совсем плохо подготовленных, с условием, что они окажут способности и успехи до нового года; если нет, будут отосланы назад. Четыре оказавшиеся слишком слабыми органически, по совету свидетельствовавших врачей, возвращены домой. В Катихизаторскую школу приняты десять безусловно, два, оказавшиеся малограмотными, — на испытание в продолжение этой трети. Один с зачатками чахотки отослан домой.

22 августа / 4 сентября 1902. Четверг

Из Ивай-кёоквай, где между христианами в Яманоме есть весьма богатый Моисей Ямада, да и все христиане небедны, просьба: «Отныне уплачивать из Миссии катихизатору ежемесячно полторы ены, что доселе составляло пожертвование их Церкви на содержание катихизатора (кёокиу), теперь-де отстроилось у них церковное здание, и расходы на содержание его будут». Бессовестные! Так вот почти все Церкви: сначала пообещают что-нибудь на «кёокиу», а потом и съедят (хаму) свое

обещание. Да когда же это японское христианство явит хоть признак того, что хочет стать на ноги? Но на этот раз есть средство наказать сквалыжников: я им обещал две большие иконы для церковного дома; ныне отвечу, что отменяю свое обещание вследствие отмены ими их обещания.

Моисей Минато из Сикотана (перед своим отъездом ныне оттуда) пишет, что «бонза, нашедши совершенно бесплодным старание свое совратить наших христиан (курильцев) там в буддизм, уехал в Сайкёо, а между живущими там японцами есть желающие слушать Христианское учение». Ладно, Максим Обата, имеющий заменить Моисея на Сикотане, вероятно, уже прибыл туда.

Двое депутатов от возмущившихся против оо. Савабе были:

— Мы наняли дом для отправления в нем богослужений, так как мы не желаем ходить в Церковь, где служит о. Алексей Савабе, а в Собор — далеко, для женщин и детей неудобно. Дайте нам священника для совершения богослужений.

— Молитва с ненавистью в душе, как вы знаете из молитвы «Отче наш», не приемлется Богом. Впрочем, желание ваше молиться я запретить не могу; быть может, Господь во время самой молитвы умягчит ваши сердца и переменит вражду и ненависть на мир и любовь. Священника к вам отпускать буду во всякое время, когда вы пожелаете отправлять богослужение.

— Позвольте одному из четырех катихизаторов также всегда быть на нашем богослужении, чтобы исправлять должность чтеца.

— И этого запретить не могу, приглашайте катихизатора; скажите катихизаторам, что на это нет моего запрещения. Но опять повторяю: не забывайте, что только молитва любви и мира приятна Богу.

Нарочно пригласил я секретаря Давида Фудзисава присутствовать при этом свидании и разговоре, чтобы потом не извратили моих слов, не сказали бы, например: «Епископ велел отделиться от Савабе, не ходить к нему на богослужение» и подобное.

Главный секретарь Сергей Нумабе вчера, по моему внушению, был у о. Павла Савабе и пять часов проговорил с ним, разуверая в нелепом его представлении, будто я поощряю христиан возмущаться против него и сына его. По словам Нумабе, старик немного сдался и смягчился. Сын также присутствовал при разговоре; быть может, и он сделался несколько умней.

23 августа / 5 сентября 1902. Пятница

Утром прочитал в сегодняшнем номере «The Japan Daily Mail» в передовой статье под заглавием: «Missionaries for Manchuria», известие, что «шестьдесят русских миссионеров прибыло в Пекин для Манчжурии»,

так уведомляет корреспондент газеты «Ници-Ници-Симбун» из Пекина. На этом известии Captain Brinkly строит плачевную передовицу и бьет тревогу; говорит, между прочим: «All sins are permissible provided that they are committed on a big enough scale. So, when Russia is about to withdraw her troops from Manchuria, sixty missionaries come to replace them – the relief of soldiers by preachers». Так три миссионера, данные Преосвященному Иннокентию для Китая и для Манчжурии, обратились в шестьдесят. Всякая ложь во вред России позволительна, «лишь бы была огромных размеров».

В Семинарии лишь сегодня начались классы. Экзамены и врачебные освидетельствования поступающих учеников, также распределение занятий между наставниками заняли немало времени; последнее было трудно по недостатку учителей. Пришлось пригласить в число преподавателей редактора Петра Исикава, переводчика Исака Кимура, катихизатора Антония Такаи, с определением им некоторого вознаграждения за труд.

Хорошо, что вчера пригласил секретаря Давида Фудзисава для участия в разговоре с депутатами немирных христиан в Коодзимаци. Как и опасался я, слова мои совсем извратили, и свидетель этого весьма кстати. Приходит сегодня оттуда катихизатор Петр Мори и говорит:

– Вы вчера дали разрешение немирным собираться для богослужений в моей квартире, хорошо ли это будет? И как мне быть при этом?

– В Катихизаторской квартире совершать богослужение я им не разрешил, об этом и речи не было.

– Как же это? Они прямо говорят, что вы им позволили употреблять для богослужений дом катихизатора в Иоцуя.

– Они говорят неправду. В разговоре со мной они прямо заявили, что наняли особый дом для богослужений и просили только священника.

Разговор происходил в канцелярии, и Давид Фудзисава, улыбаясь, повторил вчерашние их собственные слова. Петру Мори я дал положительное запрещение позволять в его доме немирным устроить их молитвенные собрания – этим он сам стал бы на их сторону. А он должен, напротив, учить их миру.

Трое старших семинаристов: Василий Нобори, Павел Ёсида и Кирилл Мори, во время каникул сделавшие путешествие по Японии, пришли рассказать, что видели в Церквах, посещенных ими. С ними пришли и остальные их трое товарищей. За чаем долго и очень интересно они рассказывали, особенно Кирилл Мори, сын покойного о. Никиты. Самое интересное было о восхождении их на Фудзи-сан, вместе с толпами поклонников-буддистов, всех чрезвычайно религиозно настроенных. Из рассказа о Церквах и о служащих в них новое для меня было, что «о. Игнатий Мукояма брал с новокрещенных по пятьдесят сен за крещение, то есть постановил правилом, чтобы ему по столько платили. Этим и другими денежными притязаниями он возбудил неуважение и нелюбовь

к себе в своем приходе, так что его перевод оттуда христиане считают бегством». Весьма прискорбно, что денежная жадность начинает уже ржавчиной вкрадываться в здешнее духовенство. А ведь рассчитывает Миссия и дает столько, что можно безбедно существовать. Внушается и христианам жертвовать и помогать служащим. Но со стороны самих священнослужителей так делать таинство предметом продажи, — как это гадко! Ведь это симония! Когда придет о. Игнатий, это исследуется.

24 августа / 6 сентября 1902. Суббота

Из Коодзимаци являются сторонники о. Алексея Савабе, Сергей Ооцука и старший Иосида, и просят несколько минут разговора.

— Вы дали приказание (мей), чтобы возмутившиеся против о. Алексея устроили себе отдельные богослужения? — вопрошает Ооцука.

— Не «приказание»; в разговоре с ними я даже не употребил слово «позволение», а сказал только, что «запретить не могу». Да и как бы я запретил собираться на молитву?

— Значит, они будут иметь богослужения?

— Будут.

— Но это невозможно! Это опять смутит всех расположенных к о. Савабе и перетянет их на сторону возмутившихся.

— Не вижу причины. Расположенные к о. Савабе имеют вместе с ним свои обычные богослужения в храме. Зачем же они пойдут к врагам Савабе?

— Нет, непременно станут смущаться.

— Так вы предохраните их от этого.

— Надо запретить тем молитвенные собрания.

— Это было бы безобразно, да и бесполезно.

— Непременно надо.

И Ооцука стал входить, по мере спора, в гневный азарт. Я бросил его и ушел к своему переводу, от которого он меня оторвал.

После полудня пришел Матфей Нива, как видно, смущенный и расстроенный вернувшимся от меня Сергием Ооцука. Но этот оказался гораздо резоннее того. Он также заговорил в тоне Ооцука, что «мой приказ» тем производить молитвенные собрания расстроит сторонников о. Алексея и прочее. Но когда я рассказал ему все дело — как те просили о разрешении, как приказа с моей стороны никакого не было и прочее, тогда Матфей Нива совсем переменял тон, успокоился и не стал требовать запрещения молитвенных собраний. Между прочим, сообщил он мне, что собрал уже тридцать печатей в пользу о. Алексея и надеется собрать еще сорок. Я истинно порадовался этому известию.

Часа в четыре депутаты от немирных пришли просить священника для отправления им всенощной сегодня. Я выговорил им, что они обманули меня, будто наняли дом для богослужений, между тем как они хотели

воспользоваться для этого квартирой катихизатора; сказал, что квартира катихизатора не может служить для сего. Они ответили, что приготовили для богослужения дом одного христианина. Я попросил о. Федора Мидзуно отправиться с ними и отслужить всенощную.— Уже в половине одиннадцатого ночи о. Мидзуно вернулся и рассказал, что за всенощной было человек пятьдесят; но собрались они очень поздно, так что лишь в девятом часу можно было начать службу. Пением заправлял Иван Накасима, начальник хора в Коодзимацци, пришедший сюда по окончании всенощной в коодзимацком храме.

Здесь у нас в соборе оба хора сегодня пели всенощную превосходно.

25 августа / 7 сентября 1902. Воскресенье

Дождь с перерывами лил весь день, особенно утром, почему из города к богослужению собралось мало христиан.

Вечером Накаи по болезни не пришел, почему занятия переводом не было, зато я имел возможность осмотреть вечерние занятия учеников Катихизаторской школы и Семинарии. Везде нашел полный порядок, все дома и на своих местах, за столами, готовят уроки.

Без Коодзимацци не обошелся и этот день. Два сторонника оо. Савабе принесли прошение за печатью восемнадцати сторонников. К прошению пришит печатный документ, составляющий не что иное, как буквально перепечатанное первое прошение врагов отцов Павла и Алексея Савабе. Тогда я это прошение подробно разобрал по пунктам, сначала вместе с о. Алексеем Савабе, потом с подававшими прошение, пятью представителями недовольных, большая часть обвинений оказалась несправедливыми, или преувеличенными, часть — справедливыми, что признал сам о. Алексей и что обещал исправить. И как будто ничего этого не бывало — ни разбирательства, ни суда, ни решения, прошение является уже в печати и рассылается повсюду! Действительно, бессовестные люди! Ныне сторонники о. Алексея просят опровергнуть этот документ другим, от моего имени, то есть напечатать все то, что было уже говорено на разбирательстве и суде. Это составило бы уже не тетрадь, а том; а на этот том бессовестные люди ответили бы двумя, еще пущей грязи, и так далее. Нет уж, пусть подождут, пока Матфей Нива соберет все подписи сторонников отцов Павла и Алексея. Тогда увидим, что надо сделать. Кстати, этот-то печатный документ и играет роль апелляции мутителей ко всей Православной Японской Церкви, о какой апелляции катихизаторы говорили мне несколько дней тому назад.

26 августа / 8 сентября 1902. Понедельник

К сожалению, и сегодня Павел Накаи был болен зубами до невозможности прийти на занятия, и поэтому опять перевода не было. Зато я

исправил накопившуюся корреспонденцию в Россию. Дождь и сегодня непрерывно лил; должно быть, много бед причинил — по крайней мере, между Токио и Иокохамой опасаются за железный мост через реку Кавасаки, выступившую из берегов и затопившую грушевые сады.

27 августа / 9 сентября 1902. Вторник

И опять болен Накаи; немалый тормоз для дела перевода.

День занят был переводом накопившихся расписок и прочим подобным. В церковных письмах нет ничего интересного. Катихизаторы во множестве требуют книг для своих мест, что мы с удовольствием исполняем, так как кладовая полна книгами; никто их не покупает — не мода на религиозные чтение. Это исчадие ада — материализм — своими мрачными широкими крылами одним взмахом покрыло Европу и Азию.

28 августа / 10 сентября 1902. Среда

С Накаем возобновили занятия.— С шести часов всенощная, пропетая причетниками. Учащиеся дома готовили уроки. Мы с Накаем, побыв за всенощной, занимались.

29 августа / 11 сентября 1902. Четверг.

Усекновение главы Святого Иоанна Предтечи

С шести часов Литургия. Молились все учащиеся. Пели причетники и старшие ученики на клиросе.

Из посетителей сегодняшних замечателен Mr. Geil, молодой американец, исследующий состояние Миссий, и это по всему свету, для чего назначено ему четыре года путешествовать, из которого полтора года уже проведены им в разных местах Океании и в Австралии. В последней им уже напечатан первый том его исследований, раскупленный весь прежде, чем вышел из печати. Исследование Миссий это совершенно независимо ни от каких взглядов и сторонностей. До сих пор о Миссиях доставляют сведения секретари и ревизоры, посылаемые миссионерскими обществами разных деноминаций, и сами миссионеры. Все эти сведения являются более или менее окрашенными в цвет тех очков, сквозь которые смотрят наблюдатели, натурально не могущие отрешиться от некоторой деноминационной партиальности. Mr. Geil путешествует в интересе независимого изучения дела всех Миссий. В разговоре со мной он взял от меня статистические данные нашей Церкви здесь; стал было предлагать дальнейшие вопросы: «Как японцы относятся к христианству?», «Каковы надежды Миссии?» и прочее — к сожалению, помешал один русский посетитель.

Вскоре по уходе Geil'я был его секретарь, которому было дано Geil'ем поручение видеть меня и взять сведения о нашей Миссии; он очень удивился, когда я сказал ему, что Geil сам сделал то, что поручил ему. Оба они — молодые люди, кипящие жизнью и энергией. Завидно, что нет у нас вот таких деятелей. Наша интеллигентная молодежь изъедена червем своекорыстия, или индифферентизма, или же прямо нигилизма.

30 августа / 12 сентября 1902. Пятница

Был в Посольстве поздравить с Ангелом именинников — посланника Александра Петровича Извольского и секретаря Александра Николаевича Мясоедова; оба еще на даче, — оставил карточки.

Из Коодзимаци немирные Фома Оота и еще один приходили просить, чтобы я назначил очередь тамошним катихизаторам отправлять обязанности чтеца и певца, когда отсюда будет приходиться священник служить для них. Я, вместо того, сказал, что со священником отсюда же будет приходиться для того один из учеников; а катихизаторов не нужно занимать этим. Для разговора увел их в канцелярию, чтобы секретари слышали, и они не переиначили потом мои слова.

Бывшему катихизатору Илье Яци, вновь просящемуся на службу, отказано. Вял, безволен, вечно воображает себя больным — плохой служака. Пустился было в мирские занятия — не везет; опять на даровой миссийский хлеб, хоть и не весьма обильный, но обеспеченный; и опять пошла бы история: «на лекарства дайте», «нужно в Токио показаться докторам, на дорогу дайте» — и так далее, а по проповеди успеха — нуль, или близко к тому. Не надо!

31 августа / 13 сентября 1902. Суббота

Церковные мутители в Коодзимаци свое злословие на священников и всю свою грязь отдали напечатать в скандальный газете: «Иородзу-Чёохоо». Этого только не доставало! Мерзавцы! Утром сегодня Василий Ямада пришел сказать мне об этом; «О. Алексей Савабе-де очень встревожен этим». Но я-то что же могу сделать в предупреждении огласки? Меня не спрашивают и не слушают.

Видно, однако, что из мутителей самые дрянные лишь занимаются пачканием своей Церкви в скандальной газете. Двое из немирных перед вечером прибежали сюда и с тревогой говорили об этом, сказали, что ими расследовано, кто передал в газету сведения и что они негодуют на это. Но газета тем не менее, вероятно, напечатает; она от огласки скандалов откупается деньгами — а кто же станет платить ей?

1 / 14 сентября 1902. Воскресенье

Часы читал сегодня один из семинаристов (Акила Кадзима) так тихо, что я, стоя за ним на облачальном месте, ничего не мог разобрать; и голос у него несильный, и не понимают эти люди, сколько ни толкуй им, что в таких случаях надо не жалеть голоса, а думать об интересе других. Причетник же, с порядочным голосом, обязанный всегда читать в Церкви, Павел Окамото, по поводу того, что у него умерла жена — уже Бог весть когда, распустился, как курица, и разленился. Строго сказал ему сегодня, чтобы сам читал Часы в праздники, а не станет, оштрафую вычетом из жалования.

В газете «Иородзу Чёохоо» сегодня, действительно, помещена скандальная статья об оо. Савабе и обо мне, что я не решаю дела, как должно. Между прочим, на оо. Савабе возводится обвинение в похищении денег, пожертвованных нашим военным судном «Адмирал Корнилов», тогда как эти деньги тогда же, в 1895 году, сданы были о. Павлом Савабе в Коодзимаци мне для хранения в банке на будущие нужды Церкви в Коодзимаци, и я показал немирным банковый документ, в котором вместо ста тридцати ен, пожертвованных, значится уже сто семьдесят пять — с выросшими процентами.

Отцы Савабе, если захотят, могут иск вчинить за обесчещение их. Это они едва ли сделают; а бессовестные люди торжествуют. Впрочем, это торжество, по-видимому, начинает пристыжать их самих: вечером сегодня злейший из врагов Савабе с каким-то другим еще приходил ко мне заявить, что он умывает руки в деле публикации в «Иородзу Чёохоо», он, мол, и другие с ним возмущены сим делом. Коли искренно, ладно.

Матфей Нива со стариком Иосида приходили попросить от меня заявления, что «я, разобравши денежные дела Церкви Коодзимаци, не нашел в них ничего предосудительного для чести оо. Савабе; что это разбирательство сделано было при участии восьми человек церковных старост Коодзимаци, пять из коих — жалобщики на Савабе, и они все вместе со мною решили то же». Я охотно написал это заявление и приложил к нему печать. Говорил Матфей Нива, что он уже девяносто подписей собрал в пользу Алексея Савабе.

Вечером мы с Накаем кончили приготовление к печати «Страстной Службы». Слава Богу!

2 / 15 сентября 1902. Понедельник

Так как Накаю нужен день на поверку знаков и отметки для печати в переводе «Страстной службы», то я отправился сегодня в Иокохаму в банк. Из Хозяйственного управления в первый раз прислали сумму

прямо переводом на Русско-Китайский банк — небольшая сумма, всего три тысячи рублей, но и на ней рублей пятьдесят по крайней мере потеряно. Надо написать, чтобы присылали по-прежнему векселем на фунты стерлинги, каковой вексель можно показать в разных банках и разменять, где лучше скажут размен.

О. Сергей Судзуки и катихизатор в Вакаяма Тимофей Ирино, оба просят назначить пенсию отставному катихизатору Моисею Мори. У обоих, значит, ни малейшего радения о Церкви. Мори физически здоров как бык, трудом может зарабатывать себе и сыну-младенцу содержание; церковных заслуг у него нет; служить Церкви не может по слабости головы: как за умственное занятие, так с ума сходит. Церковь была милостива принять его вторично на службу после первого сумасшествия; была великодушна издерживаться на него при его ровно ничегонеделаньи для Церкви несколько лет. И теперь еще пенсию дай человеку средних лет, для физического труда весьма годному, дай только потому, что он числился на церковной службе! Отказано с запрещением впредь просить о сем.

О. Роман Фукуи пишет, что «дорогой к месту службы посетил Сиракава, где прежде был катихизатором; что Церковь сия в расстройстве ныне, что хорошо бы о. Павлу Савабе посетить ее и исправить». Я обрадовался сему предлогу посоветовать о. Павлу развеяться. Послал секретаря Сергея Нумабе показать письмо о. Романа о. Павлу, и сказать: «Для блага Церкви Сиракава, взлелеянной вами, не побудете ли ныне в ней, и не поправите ли течение тамошних дел, пока прибудет о. Игнатий Мукояма, которому бы вы рассказали все подробно о Церкви и передали бы ее с рук на руки?» Если о. Павел Савабе благодушно примет это, то и для него (для успокоения ныне мятущегося его духа) будет хорошо, и для Церкви Сиракава будет некоторая польза. Если разом о. Павел зарычит, как давеча на меня, то Господь с ним, пусть не думает о Сиракава.

3 / 16 сентября 1902. Вторник

Перевод «Страстной Седмицы» послал в типографию для сметы за напечатание.

Мы с Павлом Накаем принялись за продолжение перевода Пентикостария — со службы на Вознесенье.

Из Коодзимаци Фома Оота с другим немирным приходил сетовать, что я отдал им вторичное прошение, со ста двенадцатью печатями против оо. Савабе, Матфею Нива, что он-де грубо обращается с ними, заывая прикладывать печати именем Епископа, — «он-де приказал», и прочее; и просят они отобрать это прошение от Матфея Нива. Я ответил через Давида Фудзисава, что я с тем и отдал их прошение Матфею Нива, чтобы проверить, действительно ли все, приложившие печати, против

отцов Савабе; злоупотреблять же Матфей Нива ничем не может, так как у него на бумаге, за моей печатью, значит, что я предлагаю всем желающим оо. Савабе, приложить печати; приказания же моего тут нет и нигде его на этот случай не дано.

(Но Боже, что за скверное расположение духа эти последние дни! Редко это бывает, но крайне тягостно. От утомления ли душевного? Вечно одно и то же, скучное, беспросветное! Боже, дай бодрость!)

4 / 17 сентября 1902. Среда

Условие заключено на напечатание «Страстной Службы» по конец ноября.

Матфей Нива кончил собирание печатей в пользу оо. Савабе; всего набралось девяносто восемь, в том числе восемнадцать — перешедших со стороны противников, у которых таким образом осталось всего девяносто четыре подписи и печати, на четыре меньше, чем у оо. Савабе. Теперь надо будет собрать здешних священников и учинить совет, что дальше делать.

О. Павел Савабе не захотел отправиться в Сиракава, не убедил его Сергей Нумабе; раскис и проржавел он совсем; ничего не поделаешь с человеком, коли резонов не хочет слушать.

5 / 18 сентября 1902. Четверг

Утром возмутила статья в сегодняшнем номере «The Japan Daily Mail» под заглавием «Russia in Manchuria», в которой говорится: «Hochi Shinbun» объявляет, что в прибавление к шестидесяти миссионерам, прибывшим недавно из России для пропаганды в Манчжурии, прибыло вновь сто сорок русских миссионеров для Манчжурии, что уже составлены и напечатаны пятьсот разных книг для этого широкого прозелитизма и прочее. Издатель «Japan Mail» присоединяет к этой нелепице свои соображения, зlostные для России, по обычаю.— Я написал к нему письмо с кратким объяснением, сколько членов ныне в нашей Китайской Миссии — всего-то восемь, с Епископом Иннокентием и двумя диаконами в том числе (иеромонахов пять; новые: Неофит, Симеон и Пимен; прежние Авраамий и Николай в Ханькоу).

В «Japan Mail» сегодня также извещалось, что Mr. Geil будет в три часа в доме «Общества молодых людей» говорить «о новейшем духовном возбуждении в Австралии», которого он же был одним из главных виновников. Так как недавно в «Japan Mail» уж очень расхвалены были его ораторские способности, то пошел послушать. Действительно, говорит хорошо — свободно, оживленно, с умеренной жестикомацией, с мелькающей на лице улыбкой, но предмет-то был совсем не одушевляющий и мало интересный; только и слышались цифры — сколько когда собиралось

слушать его и других с ним — так и сыпал тысячами, с добавлениями в конце, столько-то было «converted», как будто он ораторствовал в Мельбурне и других там городах не христианам, а язычникам. Начал он лекцию и кончил ее молитвой, которую пели и присутствующие. В конце не обошлось без сбора денег, в шляпы здесь же назначенных для того. На собрании было человек полтора ста, почти все — миссионеры и миссионерки. Geil говорил, видимо, щадя свой голос, так как ему приходится говорить лекции ежедневно два или три раза в разных местах — сегодня он до трех часов где-то уже ораторствовал, в три часа здесь, а с семи опять здесь же, для большой аудитории японцев, с переводом его речи с английского на японский. — И человек этот, не духовный, а светский, послан на свое дело (исследовать состояние Миссий по всему свету) не какою-нибудь духовною корпорациею, а «деловыми людьми» (business men). Господи, скоро ли православие воспитает в своих чадах такую ревность к вере?

Посланник Александр Петрович Извольский был сказать, что Петербургский Митрополит прислал свое благословение ему вынести Церковь из дома наружу отдельной постройкой и в то же время выразил сожаление, что строят Церковь — уже стены возвели — без освящения основания: «Я-де был на даче, архитектор не знал, что надо освятить, так вас никто не известил, что постройка начата».

6 / 19 сентября 1902. Пятница

О. Симеон Мии пишет, что назначенный катихизатором в Кёото Акила Хирота, прежде прибывший туда, но вновь отлучившийся, — в миссийском доме, при Церкви, прежний же катихизатор Иоанн Исохиса выведен на квартиру в город (весьма кстати, ибо женщины его семье весьма сварливы, заводили пререкания и дразни на миссийском месте); пишет также, что Женская школа все более принимает цветущий вид, просит сто тридцать пять ен в уплату за оконченную поделкой клиросную балюстраду, каковые деньги ему тотчас же и посланы.

Был доктор Антон Михайлович Издебский, служащий на Манчжурской железной дороге; просил повенчать его с сестрой милосердия; документы — только его паспорт, на котором означено, что он холост, и ее билет, на котором даже не прописано, что она девица; хочет повенчаться для того, чтобы ее тотчас же отправить в Россию. Конечно, я отказал: во-первых, нет надлежащих документов; во-вторых, если бы и были — венчаются для неразлучного сожития, а не для разлуки. Сам он католик.

7 / 20 сентября 1902. Суббота

В «Japan Daily Mail» сегодня напечатано мое письмо, что в Китае с Манчжурией наших миссионеров не двести, а только восемь. Редактор

сделал к нему примечание: «Rumor has quite outdone itself on this occasion». Еще бы! Но врать, конечно, не перестанут.

8 / 21 сентября 1902. Воскресенье.
Праздник Рождества Пресвятой Богородицы

Между принявшими Святое крещение сегодня была молодая слепая женщина из Асакуса. Марфа Макино; по светлому и радостному выражению ее лица видно было, что душа ее ныне во свете; редко встречаются такие счастливые лица. Храни ее Господи!

По Литургии служил благодарственный молебен о своем выздоровлении князь Стефан Доде. Этому тоже Господь посылает благодатное счастье за его искреннее благочестие; за время своей болезни он научил Христианской вере свою сиделку, взятую из госпиталя Красного Креста. Она была сегодня здесь за богослужением и после у меня вместе с братьями Доде. Я позвал учительницу Текусу Сакай и поручил ей дальнейшее научение сиделки до приведения к крещению, если Бог сподобит ее оного.

9 / 22 сентября 1902. Понедельник

О. Павел Косуги просит жалование уже за ноябрь и еще на лечение пособие. Просто нестерпимая боль и терпение лопается беспрестанно бросать Божьи деньги в помойную яму! Хоть бы малость был годен этот несносный Косуги! Бесплодная смоковница, да еще хиреющая, а туда же: золото на нее навешивать надо...

Драгоман посольства Арт. Карл. Вильм вернулся из отпуска и привез Катерине Накай от ее крестного о. Вл. Влад. Буховецкого, ныне кончающего курс в Медицинской Академии, подарок — часы и еще кое-что, говорил также, что Фёдор Янсен, которого он видел в Академии, здоров и благополучен. Мы позвали Катерину Накай и сестру Янсена и порадовали их подарком и добрыми вестями.

10 / 23 сентября 1902. Вторник

Исаня Мидзусима приходил с кучей запросов и недоумений, собравшихся к нему из разных Церквей и требующих разрешения. Чего-чего там нет! «Что такое небо?» «Где оно?» «Если Иоанна убил Ирод, то как же он потом мог написать Евангелие?» и прочее подобное. Но больше всего вопросов: «Почему нет толкований на все Священное Писание?» «Почему Церковь не снабжена ими?» Толкования почти на весь Новый Завет уже переведены, из Ветхого Завета — на Книгу Бытия из Пятикнижия тоже; кроме того, прекрасная История Ветхого Завета Богословского,

переведенная, может служить некоторого рода толкованием. И всего этого мало! Не переваривши и части того, что уже есть, жадничают дальнейшего и негодуют, что его нет. Однако трудная для управления будет Японская Церковь. Такие произвольные легкомысленные, вечно жадничающие новые христиане едва ли составят здоровую, правильно развивающуюся и плодоносящую для Царства Божия ветвь Церкви Вселенской.

*11 / 24 сентября 1902. Среда.
Японский праздник*

Учащиеся отдыхали; мы с Накаем до обеда тоже, что дало мне случай написать в Россию директору Хозяйственного Управления о том, чтоб высылаемо было содержание Миссии прежним способом – векселем, который можно разменять в любом банке, где лучше размен, не через Русско-Китайский банк.

После обеда, с двух часов было у меня собрание священников, оо. Петра Кано, Романа Циба, Симеона Юкава и Феодора Мидзуно, для рассуждения о деле христиан в Коодзимацци. До сих пор то один, то другой из священников были в отлучке, и собрание состояться не могло. Все они уже во всей подробности знают дело, частью от меня по прежним сообщениям, частью из других источников, все уже читали и прошение христиан обеих сторон. Тем не менее я резюмировал все доселе бывшее и предложил на рассуждение, чем решить ныне все?

О. Роман Циба молвил:

– Я не скажу своего мнения. Почему вы прежде не обращались к нам по этому делу? Мы тоже могли бы исследовать.

– Не обращался потому, что не нужно было; исследование произведено было и без вас.

– Так у меня теперь мнения нет.

Не из тучи гром! Глупенький мой о. Роман, более сплетник, чем иерей, в разговоре с которым надо взвешивать каждое слово, служивший Церкви двадцать пять лет сначала причетником, потом диаконом, затем иереем по выбору Церкви в Маебаси, отказавшейся потом от него, и пристроенный к Собору только потому, что на самостоятельное место не годен по неспособности управлять Церковью... Я пропустил без внимания его глупое хорохоренье и обратился к другим.

О. Феодор Мидзуно посоветовал оставить общество немирных под непосредственным заведыванием Миссии до следующего Собора.

О. Симеон Юкава пожалел их: «почти все умрут до тех пор», говорит, то есть окончательно охладуют и уйдут из Церкви.

О. Петр Кано, с которым христиане в Одавара поступили совершенно так же, как ныне немирные с оо. Савабе, дал мнение вернуть немирным прошение и тем покончить дело с ними.

Больше часа переливался разговор из одной меры в другую, из пустого в порожнее. Сконфузившийся о. Роман тоже стал принимать участие в нем. Принесли чаю. За ним иереи спросили, какое мое мнение? И я объявил им под видом мнения заранее надуманное решение такого рода: так как желающих оо. Савабе девяносто восемь домов, нежелающих — девяносто четыре (из ста двенадцати прежде приложивших печати восемнадцать переменили свое мнение и вновь приложили за оо. Савабе), то меньшинство должно последовать большинству и с миром и любовью по-прежнему иметь своими духовными отцами оо. Савабе. Если же они не согласятся на это, то пусть избирают для себя другого священника, но пусть содержат его сами. Первый о. Роман провозгласил, что это самое лучшее мнение и что так и следует поступить. Все сказали то же. Потому это и сделалось решением. Я продиктовал его секретарю Давиду и переписанное набело скрепил своею печатью. Согласно моему обещанию, прежде сего следовало показать это решение Матфею Нива и И. Иосида, так хлопотавшим о собрании подписей в пользу оо. Савабе; потому тотчас же написано было им, чтобы завтра в два часа прибыли в Миссию.

12 / 25 сентября 1902. Четверг

После двух часов были Матфей Нива и И. Иосида. Нашли вчера положенное решение подходящим, только Нива мягко, но довольно настойчиво, все толковал о необходимости наказать диакона Павла Такахаси, будто бы главного виновника возмущения.

- Но как же наказать?
- Лишить диаконского сана.
- На каком основании?
- За возмущение христиан против священника.
- А где фактические доказательства, что он виновен в том?
- Это многие скажут.
- Из сторонников оо. Савабе. Но они не были на собраниях противников, стало быть, скажут только по подозрениям; но этого недостаточно для такого важного дела, как лишение сана на основании их.

Требование Матфея Нива — отголосок негодования оо. Савабе на диакона Такахаси, но на себя-то им прежде всего следовало бы негодовать, так как первоначальный источник возмущения — лень и нерадение об исполнении своих обязанностей самих оо. Савабе.

13 / 26 сентября 1902. Пятница

Вчера письмом вызванные двое немирных христиан из Коодзимацви два часа сегодня явились, чтобы получить лист с решением их просьбы.

Дано им было для рассмотрения прошение девяносто восьми домов мирных христиан, желающих по-прежнему иметь своими иереями оо. Савабе; они списали имена восемнадцати перешедших сюда из прежнего их немирного лагеря, взяли лист и мирно ушли, чтобы показать решение (выше, третьего дня прописанное) всем своим. Я напутствовал их приличным наставлением.

В письмах из Церквей кое-где крещения, а главное — все одно и то же — просьба книг и денег, что по возможности и исполняется, особенно первое.

14 / 27 сентября 1902. Суббота.

Праздник Воздвижения

С утра дождливый день. В Церкви из города молящихся мало было. После обеда были двое из немирных христиан Коодзимац: просили священника отслужить у них сегодня и завтра, — о. Петр Кано сделает это; просили одолжить прошение христиан за оо. Савабе — дал им сплать его.

Приглашение было к двум часам в Женский Университет: приехала туда преподавательницей Miss Wright — так на приветственное ей собрание. Если бы была прекрасная погода, то, для развлечения, — можно бы; в такой же дождливый день не стоит.

В сегодняшнем номере «Japan Daily Mail» в статье: «Christian Mission in Japan» — отзыв Bishop'a Awdry, который ныне гостит в Лондоне, о здешних Миссиях, о нашей, между прочим: «The Eastern Church also is very strong (речь прежде была о католической). That is almost entirely due to the work of one man, Bishop Nicolai... What would happen if he went I cannot think. The Eastern Church is not much given to missions, and I see no one who could take his place».

Итак, не только католики думают, что с моею смертью Православная Церковь здесь упадет, но и протестанты; первые — с большим злорадством, вторые — равнодушно рассуждая. Но ужели это правда будет? Ужели Господь не внемлет моей молитве и не пошлет доброго хозяина сюда? Не может этого статься! В душе моей живет уверенность, что прибудет сюда миссионер. Только пора бы уже ему, следовало бы ему хорошо здесь воспитаться и воспитать себе помощников; иначе вот с такими деятелями, как у меня здесь, плохо ему придется.

15 / 28 сентября 1902. Воскресенье

С раннего утра до полудня была такая буря, что невозможно было начать службу в девять часов — никто из учащихся не добрался бы до Церкви; притом же буря с дождем была. К половине десятого дождь

перестал; но ветер был такой, что только большие могли добраться до церковных дверей; малыши, учащиеся из Женской школы — все остались дома. Из города не было ни одного человека. Когда звонарь звонил к обедне, то его должен был держать другой человек, чтобы не снесло с колокольни. О. Симеон Юкава пришел в Церковь раненный несшеюся по улице и ударившей его дверинной. В саду много деревьев повалило; в Женской школе ограды разрушило. Сильный ветер продолжается и до сих пор — вот уже десять часов вечера.

16 / 29 сентября 1902. Понедельник

Всю ночь продолжался ветер, рвавший и метавший, причинивший еще более опустошения деревьям и цветникам.

Жена о. Павла Савабе приходила просить денег на лечение внучки, дочери о. Павла Морита, женатого на падчерице о. Савабе. Дал шесть ен.

Из Церкви Сиракава просят туда о. Павла Савабе — «там-де у него и дом свой, там его любят». Сказал секретарю, чтобы передал письмо о. Павлу. Конечно, хорошо будет и для него, и для христиан Сиракава, если отправится, но мне-то как ему говорить об этом? Еще пуще озлится; пожалуй, подумает, что я хочу выжить его из Токио.

17 / 30 сентября 1902. Вторник

В сегодняшнем номере газеты «Нироку-симбун», под заглавием «Изгнание Николая (из Японии)» (Николай цуйхоо-но ги) ругательная статья обо мне, будто все христиане до того возмущены моим заступничеством за оо. Савабе, что гонят меня из Японии. С какою бы радостью уехал, если бы действительно изгнали, с явными признаками, однако, что на это есть Воля Божия! И от писателя статьи, должно быть, Танабе — главного мутителя, присланы были два соглядатая посмотреть, какое действие произвела на меня статья. Я не обратил внимания ни на их притворные соболезнования, ни на пасквиль.

Ужасает возрастающая дороговизна на все! Вчера взял из банка три тысячи, и этого далеко не хватило на месячные обычные растраты, без экстренных каких-либо расходов. За одну пищу учеников надо заплатить за месяц шестьсот пятьдесят три ены. Завтра еще тысячу ен надо взять в банке. Как только Бог хранит Миссию!

18 сентября / 1 октября 1902. Среда

Моисей Касай, катихизатор из провинции, пришел со своим младшим умопомешанным братом для помещения его здесь куда-нибудь — просит пожить в Миссии десять дней — «отпросился-де у своего священника

в отчизну на две недели». Пусть поживет; сам он по лицу тоже похож на истертую тряпку. Боже, какими только инвалидами и малоспособностями держится Церковь и бредет помаленьку вперед! Зато же и растеривает дорогой обильно из того, что уловила, как ныне, например, половину христиан Церкви в Коодзимаци теряет. Кто виноват в ее хилости? Право же, совесть меня мало укоряет — тружусь, кажись, хоть нынешний труд — перевод богослужения — больше для будущего. Бросить бы его и стать посещать Церкви, священников, проповедников, чтобы возбуждать их? Богослужения не было бы и надежды не было бы скоро иметь его, а нынешняя Церковь много ли приобрела бы? Не видел ли я, что после моего посещения Церквей и временного по сему случаю возбуждения их, все опять тотчас же опускается и покрывается плесенью? Итак, стоит ли будущим пожертвовать для настоящего? Последнее — и Церкви, и школы представляется мне столь бедным, что полное пренебрежение чуть не отчаяние возбуждает. Потрудимся же для будущего, насколько Бог потерпит грехам. Авось будущее Церкви Японской будет светлее настоящего.

19 сентября / 2 октября 1902. Четверг

Хоть «Нироку-симбун» и считается такой газетой, которой нельзя верить, однако из нее выплыла ругань на меня и на оо. Савабе в другие, порядочные газеты: сегодня в «Дзинмин» и «Кокумин» трактуется о том, что меня христиане выживают из Японии за покровительство оо. Савабе. В добрый час!

20 сентября / 3 октября 1902. Пятница

Начали печатать «Страстную Службу»; сегодня принесли первые листы корректуры. Чтение ее порядочно отнимает у нас времени от дальнейшего перевода, который ныне на «Вечерне для Пятидесятницы».

21 сентября / 4 октября 1902. Суббота

Трогательное письмо от одной христианки, живущей в горах на полдороги отсюда в Коофу. В деревне, кроме нее, нет ни одного христианина; даже и муж — язычник, индифферентный к вере, но она сохраняет живую веру в душе, вследствие которой обратила свою дочь в христианство. Дочь теперь очень больна и очень желает принять Святое Крещение. Мать катаканой, как умела, но тем не менее ясно, написала письмо к единственному несколько знакомому ей здесь священнику о. Петру Кано, прося поспешить на страстный призыв ее дочери. К сожалению,

о. Петр болен, но вместо его с первым же отходящим в тот край поездом отправился о. Феодор Мидзуно.

Некоторые христиане в Коодзимаци, по-видимому, ждали к себе священника отсюда, но отправиться-то к ним некому было. После всенощной один из них, бывший здесь в Церкви, спросил: «Придет ли к ним завтра кто-нибудь служить?» Я ответил, что «у них есть свой священник, о. Савабе; отсюда незачем быть у них священнику, да и некому теперь».

Перед всенощной дал молитву на речение имени и, сорокадневную, — младенцу и жене одного военного доктора в Тяндзиме, с какою-то странною фамилиею «Moultanen-Sacharow», и получил за то на Миссию десять ен.

22 сентября / 3 октября 1902. Воскресенье

Нескончаемая возня с этим несчастным возмущением христиан в Коодзимаци против оо. Савабе! Опять сегодня надо было вести длинные разговоры по сему делу. Пришел из них, немирных, по-видимому, наиболее резонный, некто Иосими, и вот сущность разговора с ним.

— Как быть нам дальше? — спрашивает.

— Иметь, по-прежнему, своим священником о. Алексея Савабе. Свои недостатки, которые он и сам признал, как малодетельность, гневливость, неровное обращение с разными христианами, он исправит, как обещал. Если в продолжение года окажется, что он не исправился, тогда вы будете иметь право вновь жаловаться на него. Теперь же помиритесь с ним. Без недостатков человека нет. Если вам дать другого священника, в том через несколько времени вы опять усмотрите недостатки, хоть другого рода, и этого потребуете сменить — так и конца не будет. А за вами еще последуют христиане и в других Церквях, потому что везде священники с недостатками своего рода. Что же тогда будет? Устоит ли Церковь? Не разнесет ли ее по клочкам ветер вражды и неурядицы? Жалобы на недостатки священников и в самые цветущие времена Церкви, при блистательных святых отцах, управлявших христианами, были, но что отвечали на них святые отцы? Василий Великий отвечал: «Видя царскую печать, никто не спросит, чем она оттиснута — золотом или железом? А всякий уважит печать за то, что она царская. Так и ты с благоговением прими благодать Божию в таинствах, не разбирая нравственных достоинств преподавателя их...» А Святой Иоанн Златоуст спрашивал: «Что же ты хочешь, чтобы Бог поставил Ангелов священниками? Но это было бы не полезно для тебя».

— Все это так. Но христиане теперь слишком враждебно настроены, не пойдут в Церковь к о. Савабе. Можем ли мы иметь отдельные молитвенные собрания?

— Такие отделения от своего законного священника не позволяют церковными правилами. Да и бесполезны они: Бог не примет вашей молитвы, исходящей из сердца, наполненного враждою и раздором.

— Можем ли мы ходить на богослужения в Собор?
 — Можете, хоть и здесь молитва будет бесполезна для вас, если не оставите вражды.

— Можем ли исповедоваться у других священников?

— Исповедь есть, при свидетельстве священника, непосредственное сношение человеческой души с Богом. Не хочу стать между вами и Богом. Исповедайтесь у других священников; быть может, благодать Божия размягчит и умирит души тех, кто прибегнет к этому таинству. Но помните, что всякий, кто пойдет на исповедь с враждою в душе и с враждою же вернется, сугубый грех сотворит...

— Почти все возмутившиеся — из тех, кто научены христианству Павлом Ниицума, когда он был священником в Коодзимацци. Можем ли пригласить его говорить нам поучения?

— Позволения на это не могу дать, но и запрещать не берусь, так как вы меня не слушаетесь. Делайте, как знаете, независимо от меня.

Разговор велся в канцелярии в присутствии секретаря, чтобы мои слова не были извращены потом; присутствовал также Василий Ямада, приведший Иосими.

Прощаясь, Иосими обещался настраивать свое общество на мир, за каковое обещание я тут же благословил его Новым Заветом малого формата.

Предоставил им пригласить Ниицума, думая, что он, быть может, будет полезен для умирения. Правда, он не в добрых отношениях с оо. Савабе, но он ныне в таком мирном и благодушном настроении духа, что от его речей можно ожидать добра. Он вчера только что причастился Святых Тайн за обедней, после чего был у меня и говорил, что ныне он почти совсем свободен от сельских работ до восьмого месяца, почему будет помогать катихизаторам в Симооса (где его ферма) проповедывать Слово Божие, что я вполне одобрил; говорил, что полевые работы постоянно настраивают его на благочестивые мысли и славословие Богу, так как все кругом возвещает величие Божие, что и жена его сделалась весьма благочестивою, и так далее.

Был потом из Коодзимацци Петр Секи, в качестве казначея церковного взять часть церковных денег на поправку церковной ограды, разрушенной ураганом. Ему Василий Ямада сообщи, что немирные просят Павла Ниицума говорить им поучения, и что я не запретил этого. Секи обрушился на меня с укором: «Почему вы не запретили строго им приглашать Ниицума?» Это-де поведет к еще пущему укоренению вражды? И опять скучнейший разговор все о том же предмете. Конечно, я буду стараться держать Ниицума в мирном и мирящем настроении, если только он будет видаться со мной. Петру же Секи всячески заповедал не расстраивать оо. Савабе и не настраивать их на меня, что было сделано им недавно. Церковного мира он не враг, но и не из надежных союзников.

23 сентября / 6 октября 1902. Понедельник

О. Роман Фукуи, благополучно прибывший в Немуро, просит, между прочим, «назначить Петра Танака катихизаторским помощником для деревни Вада, в двух ри от Немуро». Нельзя. Петр Танака здесь в Катихизаторской школе несколько времени был, но ничем не заявил ни своего знания вероучения, ни своей способности к проповеди: в класс не ходил, уроков не готовил и учителям не отвечал, и без всякого экзамена ушел. Пусть, если хочет, опять прибудет сюда и как следует подготовится к проповеднической должности.

Тит Айзава, катихизатор в Мориока, просит прибавки содержания. Но у него только одно дитя; если прибавить ему, то тем более надо прибавить получающим те же четырнадцать ен и имеющим по двое и трое детей, а это выше средств Миссии. Послано единовременное пособие шесть ен и препровождено его письмо к о. Петру Ямагаки, чтобы он у христиан Церкви Мориока просил помощи на содержание их катихизатора.

Из города Циба письмо от типографа, вопрошающее о том, здесь ли учился вероучению Осиды, ныне состоящий главным корректором у него? Всех он там поражает своею ученостию и особенно своим знанием Христианского вероучения; состязается с бонзами в вере и в прах разбивает их. Кроме того, отличается аскетизмом в платье и пище и с любовью помогает бедным и страдающим, каковых теперь много после бурь и наводнений. Прибыл он в Циба из Хоккайдо. Заинтересовал он там собою многих весьма хороших людей, до губернатора включительно, по внушению которого, как можно догадаться по письму, и вопрошается ныне об Осиде. Но что отвечать им? Написать, что он действительно здесь почти два года обучался в Катихизаторской школе — значило бы придать еще более важности ему, а потом, наверное, вместе с ним оконфузиться; написать, что он выгнан из школы за скверное поведение (смотри запись 28 февраля старого стиля сего года), значило бы уж слишком скомпрометировать его. Самое лучшее помолчать — и представить ему заявить себя с другой стороны, что вероятно, не замедлится.

24 сентября / 7 октября 1902. Вторник

В обычное время, с двух часов, слушая сегодня чтение писем, серьезно подумал, что этак можно и с ума сойти от никогда не переставшего мучения — слушать вечно просьбы и кланченье денег; и хоть бы коротко писали, а то пилит-пилит этот Давид Фудзисава меня нескончаемым чтением медленно развертываемого каждого послания с причитаниями и жалобами на все лады. Почти каждое письмо о деньгах, и все просьбы, и просьбы под разными предложениями. Согласен я, что скудно содержание

служащих Церкви. Но, однако, живут же на подобное содержание чиновники, школьные учителя и многое множество всякого люда, и ни у кого не просят прибавки. Почему же катихизаторы и отчасти священники только и думают выклянчить от Миссии еще что-нибудь? Притом у каждого из них источники помощи под рукой: трудись по проповеди, как должно, христиане станут любить и помогут, но кто же из них трудится так? Дрянные грошовики и мучители!

25 сентября / 8 октября 1902. Среда

Возмущение христиан в Коодзимацци из японских газет выплыло и в Иокохамскую иностранную прессу, нужно заметить, впрочем, что японские серьезные газеты мало занимаются им, а только пробавляющиеся скандалами, как «Еродзу Чёохоо» и «Нироку Симпо», так и в Иокохаме «Japan Times», например, расписала возмущение совершенно так, как «Нироку», переводом из сей газетки и какими-то прикрасами (сам не читал, а слышал); серьезная же «Japan Daily Mail» сегодня в заметке «The Greek Church in Tokyo» пишет: последнее сенсационное известие «Нироку Симпо» состоит в рассказе, что возникли серьезные разногласия между Епископом Николаем и частью его конгрегации и что есть сильное движение, имеющее целью удаление его с главенства Греческой Церкви в Токио: The foreign public will require a very great deal of evidence before they can be persuaded to believe that Bishop Nicolai is in fault. His reputation stands at least as high as that of any missionary that ever visits Japan, и так далее. Я написал и отправил сегодня в «Mail» небольшое письмо с разъяснением, в чем состоит дело коодзимацких христиан.

26 сентября / 9 октября 1902. Четверг

Катихизатор в Каннари Павел Оокава и священник Иов Мидзуяма ходатайствуют о принятии в Катихизаторскую школу христианина Конно и представляют его прошение о сем с послужным списком. «Ему сорок восемь лет, служил в почтовой конторе в Исиномаки много лет, но по болезни вышел в отставку и вернулся на родину в Каннари. Так вот теперь имеет желание сделаться катихизатором». То есть пристроиться на старости на миссийские хлеба. Хитро! Послан ответ: «Человеком в таких летах Церковь не может располагать так, как ей надо располагать катихизаторами, посылать их сообразно нужде, туда и сюда; а если христиане Каннари желают впоследствии иметь Конно своим местным катихизатором и если пришлют в Миссию свидетельство, что отнюдь не будут беспокоить ее просьбами о содержании Конно, а обязываются вполне сдерживать его сами, то пусть Конно прибудет в Катихизаторскую

школу — здесь он будет содержать Миссию, пока будет учиться». Конечно, о Конно я более не услышу.

27 сентября / 10 октября 1902. Пятница

Между письмами сегодня — Никита Сугамура, ныне катихизатор в Идзу, на двенадцати листах излагает свое мнение, что «в Хокурокудо пора начать проповедь — буддизм там ослабевает с каждым днем, частью от расстройств в сектах и дурного поведения бонз, частью от веяния новым духом; протестанты там, доселе жившие бесплодно, начинают приобретать последователей. Нам не нужно медлить». Сам Никита, родом из Каназава, рад бы служить там. Он недавно посетил отца своего в Каназава и пишет все это с наглядного опыта. Послать-то некого! Хорошо бы и его, хотя он до сих пор всегда был бесплодным проповедником, мастером только сочинять стишки и красноречивые письма, но и он ныне нужен на своем месте.

Бесплоднейший из бесплодных — о. Павел Косуги — опять просит «денег на болезнь, пятнадцать ен». Послал, но что поделаешь! Назвался грибом, полезай в кузов. Из Коодзимацци был катихизатор Петр Мори, просит:

- Запретите Павлу Ниицума проповедывать у немирных.
- Как же я запрещу, коли они не слушают меня?
- Но ведь вы же дали позволение им призвать Ниицума.
- Напротив, я сказал, что моего позволения на это нет.
- Как так? Они торжествуют, что добыли это позволение, готовят

встречу Павлу Ниицума.

— Пойдем в канцелярию, секретарь Давид Фудзисава повторит мои слова, сказанные в воскресенье Миёси, — разговор при нем был, и я велел ему запомнить мои слова, предвидя, что они могут быть извращены.

Давид повторил; кстати случился Василий Ямада, тоже бывший при разговоре в воскресенье, и он повторил. Петр Мори вернулся успокоенный.

А через час пришли оттуда же двое немирных доказывать, что «Матфей Нива неправильно собирает подписи в пользу оо. Савабе, что вот четверо снова передались на сторону противников Савабе, так что теперь у них опять большее число», и прочее. Но этих речей я от них не слышал и видеться с ними не хотел, а изливались они перед секретарем Давидом, прося передать мне их слова. Однако же, чтобы остановить дальнейшее их блядословие в этом направлении, так как, разумеется, они не перестанут таскаться ко мне с теми же речами, я велел известить Матфея Нива, чтобы тот завтра побыл у меня; пусть он еще добудет подписей пять в пользу Савабе, чтобы заградить им уста, когда станут

говорить, что у них большинство. Вероятно, он может сделать это, так как говорил тогда, что мог бы собрать еще больше подписей.

Петр Исикава приходил прочитать написанное им для «Сейкёо-Симпо» изложение текущего дела в Церкви Коодзимаци, так как многие христиане смущаются газетными толками, и необходимо истинное описание всего.

28 сентября / 11 октября 1902. Суббота

В сегодняшнем номере (The Japan Daily Mail) помещено мое письмо к редактору, в котором о деле в Коодзимаци говорится: «несколько наших христиан Церкви в Коодзимаци, не имея достаточных причин на то, просили меня переменить их двух священников: о. Павла Савабе, первого между нашими христианами и священниками (крещеного в 1868 и рукоположенного в 1875), очень чтимого всею нашею Церковью, и его сына о. Алексея Савабе. По тщательном исследовании (after close investigation) я нашел, что большее число христиан преданы их пастырям и не имеют ни малейшего желания переменить их. Потому я положил следующее решение: „Меньшинство христиан должно следовать большинству и иметь по-прежнему в любви и мире их теперешних пастырей. Но если они не согласны на это, то могут выбрать для себя другого священника, но в таком случае должны сами содержать его (must support him fully and at their own expense)“. That did not please the peace-breakers, and they now ventilate their feelings in the Niroku Shimpo».

После обеда был Матфей Нива и охотно взялся собрать еще несколько подписей в пользу оо. Савабе. Но и он казался очень встревоженным от известия, что я позволил Павлу Ниицума говорить поучения у немирных, и едва я разуверил его, что отнюдь не давал этого позволения. Так-то бессовестно составляются и пускаются в ход ложные известия! Как легко это делается, я имел случай убедиться из небольшого обстоятельства сегодня вечером. Катихизатор Иоанн Катаока, принеши мне показать свою проповедь, приготовленную для говорения после всенощной, вымолвил, что хотел бы окрестить завтра одного молодого человека, наученного им. Я заметил, что об этом он должен сказать своему священнику, который должен испытать приготовленного им в знании вероучения. После всенощной, когда кончено было Правилу к причащению, читаемое нами в крещальне, я, осмотревшись при выходе, увидел приготовление к крещению; спрашиваю:

- Много завтра крестится?
- Только один, у Иоанна Катаока.
- Вы испытали его? (разговор был с о. Романом Цибя).
- Нет.
- Как же так? О. Феодор Мидзуно не мог испытать,— в отлучке.

- Да вы же велели крестить?
- Кто вам это сказал?
- Иоанн Катаока прямо сказал мне, что Епископ велел завтра совершить крещение, а так как его священника нет, то мне приходится.
- Он солгал. Остановите приготовление, пусть о. Феодор, когда вернется, сначала убедится, что просящий крещение достоин его.

29 сентября / 12 октября 1902. Воскресенье

Прекраснейшая погода. Отчасти поэтому, вероятно, Собор почти полон был молящимися христианами и язычниками, что воодушевляюще действует и на состояние духа молящегося, живет чувствуется Христос среди собравшихся во имя Его.

Петр Исикава, с прошением в руках.

- О чем? – спрашиваю.
- Чтобы не позволяли Павлу Ниицума проповедывать у возмущившихся христиан в Коодзимацци.
- Да я уже объявил, что моего позволения на это нет; вот вам об этом подробно скажет Давид Фудзисава.

И отвел их в канцелярию к Давиду.

Когда вернулся из Женской школы, Давид принес ко мне прошение. Оказалось, что на днях нарочно делали собрание для этого — священники, старосты собора, Павел Накаи, Петр Исикава и прочие, результатом которого и было это прошение. Но я его не принял и велел сказать подавателям следующее:

«Я уже сказал, что моего позволения Павлу Ниицума нет. Если там захотят меня слушаться, то этого достаточно; если нет, то и второго запрещения не послушают; а это для меня как Епископа было бы вторым заушением после того, как моего решения по делу с оо. Савабе не послушались. Как частный человек, я заушения, пожалуй, и готов бы терпеть сколько угодно, но Епископу это не подобает».

Нескончаемо будет тянуться этот разлад в Церкви Коодзимацци, по всему видно, задевая и другие Церкви — тоже не к назиданию их. Радикальное средство для излечения надо употребить, а оно только одно: поставить другого священника там, кроме оо. Савабе. Но этого нельзя сделать теперь, иначе возмутители торжественно провозгласят свою победу, и это вредно отзовется на других Церквах. А будет сделано это, вероятно, на будущем Соборе; и следует сделать это так: «пусть сами оо. Савабе попросят разделить их приход — велик-де, и дать еще священника для Коодзимацци»; или же: «пусть прошение к Собору будет подано от мирных христиан: просим-де поставить для нашей Церкви, по обширности ее, еще священника»; или же: «намекнуть немирным, чтобы они

соединились с мирными для совместной просьбы о прибавлении священника, к которому потом и пусть все поступят под пастырскую руку».

2 / 15 октября 1902. Среда

Из Исиномаки был молодой христианин Андо просить себе невесту из Женской школы; отчасти наметил он уже дочь о. Павла Кагета, еще учащуюся. Я призвал начальницу школы Елисавету Котама и свел Андо с нею — пусть устроят дело совместно, дело не совсем простое, нужно устроить смотрины — а как? В школе подобное неуместно; вероятно, обойдутся посредством фотографий. О. Павел, кажется, согласен. Андо — человек очень хороший, по-видимому; я знаю его с пятнадцатилетнего возраста и звал в Семинарию, но ему нельзя оставить дом, в котором он, за смертью отца, хозяин, ремеслом портной; в Церкви Исиномаки заправляет пением с отрочества.

3 / 16 октября 1902. Четверг

Рассылка содержания на одиннадцатый и двенадцатый месяцы служащим Церкви. Сегодня 3374 ены разосланы дальней половине служащих. Если отнять эту помогающую руку Русской Церкви, что случилось бы с Японской Церковью? Упала бы и вдребезги разбилась! Рано или поздно это и случится; и тогда-то уже, из кусочков разбитого, даст Бог, составится что-нибудь весьма маленькое, но надежное. При мне это будет или при преемнике? Что ж, я готов, если и при мне; еще лучше бы, чтобы не было потом злословия на мою память.

4 / 17 октября 1902. Пятница

Японский гражданский праздник, и прескверная дождливая погода. Школы не учатся, мы с Накаем до обеда не переводили.

О. Симеон Мии, между прочим, просит на уплату налога на свое жалование, получаемое от Миссии, государственного — две ены с сенами и городского — одну ену с сенами за полгода. Никто до сих пор не просил этого. Отказано о. Семену с выговором: «И жалование от России, и на жалование еще жалование хочет от России — да пусть же старается, чтобы и Японская Церковь, наконец, давала хоть что-нибудь!»... Постарается! Держи карман!

В Аннака послано тридцать ен на ремонт церковного дома после урагана. Дом этот двадцать лет назад выстроен на миссийские деньги — сто пятьдесят ен; если не поддержать его теперь, совсем обветшает, и за квартиру для катихизатора придется платить. Поэтому лучше дать на ремонт, в дополнение к тому, что усердствуют сами христиане.

5 / 18 октября 1902. Суббота

Кончен начерно перевод всех воскресных служб в Пентикостарионе. Теперь надо примечание составлять, стихи вставлять и прочее.

В «Московских Ведомостях» прочитал «Окружное послание Епископа Волынского Антония» (Храповицкого). Слава Богу, выступает все более и более перед Россией светило церковное немалое! Помогите ему Господи много-много добра сделать своим умом и ревностию!

6 / 19 октября 1902. Воскресенье

До Литургии несколько человек крещено о. Симеоном Юкава.

Андрей Андо (что пришел из Исиномаки просить здесь себе невесту из Женской школы) рассказал про несчастье своей сестры: вышла за христианина, была повенчана, но муж, прижив с ней ребенка, бросил ее без всякой причины, кроме той, что увлекся другой, которую и взял к себе в дом, прогнав жену. Таковы законы язычества, из-под власти которых еще не умеют выбиваться новые христиане, особенно при таких равнодушных к своей службе священниках, как о. Иов Мидзуяма.

Вернулся из отпуска в Россию о. Сергей Глебов, в апреле уехавший туда.

7 / 20 октября 1902. Понедельник

Беспокоит очень то, что до сих пор нет иконостаса и колоколов для Кёотской Церкви, посланных из Москвы в Одессу, для переправки сюда, никак не позже мая, и никакого известия, где эта посылка ныне. Вновь написал в Нагасаки, прося исследовать.

Женская школа в Кёото прислала Женской школе здесь огромный короб грибов, собранных ученицами на загородной прогулке; за пять ен купили участок, где искать грибы и собрали ен на тринадцать, как пишут. Елисавета Котама ныне презентует из своего подарка разным и мне принесла.

8 / 21 октября 1902. Вторник

О старике Конно из Каннари опять пук просьб принять его в Катихизаторскую школу для воспитания не для Каннари, а для всей Церкви. Христиане Каннари пишут, что содержать катихизатора сами не могут (а какое же содержание ему, когда он жил бы в своем доме? Следовало бы только помогать ему, но это-де должна делать для них Россия); о. Иов пишет, что Конно еще силен служить Церкви (о. Иов Мидзуяма и о. мертвец написал бы то же, если бы попросили); сам Конно – что он

чувствует себя в силе (а зачем же по болезни вышел в отставку?). Вновь отвечено, что за старостию не может быть принят в школу, коли Каннари не хочет его себе в «дочаку денкёося».

О. Павел Косуги пишет, что «доктор советует ему жить на берегу моря для здоровья», и просится Косуги на год на покой, чтобы «последовать совету доктора, или же жить в Сюзендзи, в Идзу, на теплых ключах». Отвечено: да ведь Ямазаки, куда он во время Собора просился — именно, чтобы быть на берегу моря, и куда назначен, и есть место по мнению доктора — так пусть поскорее туда отправляется для поправления, и вместе, чтобы быть на месте службы. Если же хочет инде или в Идзу на год, то Церковь может дать ему, как находящемуся на покое, только половину содержания — двенадцать с половиною ен; да я лично от себя дам на дорогу в Идзу, если он туда отправится, двадцать ен. Пусть спешится с христианами в Сюзендзи.

9 / 22 октября 1902. Среда

Вчера в парке Уено было публичное собрание «Красного Креста». Собравшихся для сего из всей Японии — сто десять тысяч с лишком членов Общества. На собрании была и Императрица. Из отчета видно, что всех членов Общества Красного Креста в Японии 790 110, в том числе 25 000 женщин; годовой членский взнос в Общество был 2 157 155 ен. — По случаю такого наплыва в Токио провинциалов, посетителей в нашем Соборе все эти дни почти непрерывная цепь.

Бедный Петр Исигаме, кандидат, близкий к смерти, ныне в госпитале, прислал в подарок Миссии свои книги. Это значит — надо будет дать матери и жене его на погребение его, когда скончается.

10 / 23 октября 1902. Четверг

Павел Ниицума прислал письмо, в котором жалуется, что «четыре священника (оо. Р. Циба, С. Юкава, П. Кано, Ф. Мидзуно), три диакона и много других подписавшихся коллективным письмом запрещают ему говорить поучения у христиан, отделившихся от оо. Савабе, пишет, что у него там человек тридцать язычников, собранных усердием этих христиан, слушаю и вероучение, что он надеется на обильный плод своей проповеди» и прочее. Письмо очень благочестивое, наполнено текстами из Священного Писания. — И кто их просит вмешиваться не в свое дело! Молчали бы, а тот пусть бы там проповедывал; дурного из этого ничего не вышло бы, ведь все равно к оо. Савабе не вернутся бежавшие от них, а хорошее могло бы выйти, хоть бы вот то, что несколько новых христиан было бы приобретено. Теперь же и поправить не знаю как;

прямо сказать бы Павлу Ниицума: «проповедуй, не обращай на них внимание», значило бы, что я тоже разрешаю. Намекнуть бы ему через кого-нибудь, чтобы продолжал свое дело, не имею, через кого; ни одного, ни единого человека, преданного Церкви и вместе умного не вижу между всеми здешними верующими; так, сложа руки, и приходится ждать, что будет дальше.

Был известный «дзизенка» Хара, приславший на днях, через Савву Хорие, мне книжку свою, со словами, что посетит меня. В книжке описывается его дело покровительства и помощи выпускаемым из тюрем, с описанием, как из таких потом выходят замечательно добрые и полезные люди. Об этом и беседовали мы с ним; дал ему пожертвование десять ен на его благотворительное дело и взял еще за одну ену билет на благотворительное собрание в саду графа Оокума, в ноябре. Благотворительное заведение для мужчин, выпускаемых из заключения, у него заведено; теперь хлопочет о таком же для женщин; Правительство дало ему землю для сего; теперь собирает деньги, чтобы построить дом. Жена отлично помогает ему в его деле; призываемые им бывшие заключенники, пока находятся места для них, живут у них, точно в семье.

11 / 24 октября 1902. Пятница

Стал ходить на лекцию в Катихизаторскую школу, с двух часов,— «Осиено кагами но ринкоо». В младшем курсе ныне довольно хорошие люди собрались; полезно им попрактиковаться в толковании Православного Исповедания; и в старшем курсе оставшиеся, всего четверо, тоже подают надежду.

Савва Хорие принес на просмотр приготовленный к печати перевод его «Творений Святого Кирилла Иерусалимского». В то время, когда мы занимались с ним, является из коодзимацких немирных христиан Савай и сует мне в руки пакет с словами: «У нас теперь проповедником Павел Ниицума»... Я прервал его возражением: «Павлу Ниицума я не давал на это разрешение», и, не принимая от него пакета и не слушая больше, выводил из комнаты. Тотчас же вслед за этим является секретарь Давид Фудзисава: «Да ведь в этом пакете их извещение, что они приняли сделанное вами решение на их просьбу». «Да, только с уведомлением в то же время, что они не подчиняются этому решению, а вместо того пригласили к себе Павла Ниицума; не нужно мне этого пакета»,— ответил я, и тем дело кончилось. Нужно же было так случиться, что явился Савай в то время, когда у меня сидел Савва Хорие, злейший из врагов Павла Ниицума! Конечно, я ответил бы Саваю несколько иначе, если бы этого не было. Приходится иногда скрывать мысли, что будешь делать! «Будьте мудры яко змии».

12 / 25 октября 1902. Суббота

Когда занимался после обеда с секретарем Сергием Нумабе рассылкою пакетов с содержанием служащим Церкви, входит помощник секретаря Давида Фудзисава с прошением о. Алексея Савабе, в котором написано, что «он находит бесполезным для церковного служения в его приходе катихизатора Ефрема Омата и потому просит взять от него Омата».

— Отлично; скажите о. Алексею, чтобы он отослал Омата служить катихизатором у немирных.

— Да он потому и просит удалить Омата, что этот катихизатор показывает сочувствие немирным.

— Так и пусть будет с ними. Нужно же мне сделать что-нибудь и для немирных. Ведь они из Церкви не вышли; значит, Церковь должна позаботиться и о них...

Фудзисава ушел в канцелярию передать мои слова о. Алексею. Когда я кончил с Нумабе и спросил об о. Алексее, его уже не было, и прошение свое он унес обратно.

13 / 26 октября 1902. Воскресенье

От немирных христиан в Коодзимаци пришел по почте пакет, в котором грубо требуется прогнать оо. Савабе из Коодзимаци и передать церковную землю и храм им, немирным, на том основании, что их числом больше, чем сторонников Савабе, прежнее исследование Матфея Нива было-де недобросовестно, они вновь переисследовали и нашли, что у них гораздо больше домов, чем у Савабе. К бумаге приложены печати главных мутителей, человек семи. Бумага, конечно, останется без последствий. Но замечательно, как возросло чувство раздражения у них. Под руку оо. Савабе возвратить их нечего и надеяться, это прямо видно.

Некто Ивата, конгрегационалистский (кумайи-кёоквай) катихизатор, оставивший службу там по каким-то причинам, приходил просить какой-нибудь службы здесь. Конечно, отказано.

14 / 27 октября 1902. Понедельник

Павел Ниицума утром приходил просить свидания; сказано, чтобы пришел в три часа; по выходе из класса в три я и принял его. Но прямо сказал, что буду говорить с ним в присутствии посторонних лиц, чтобы мои слова потом не были извращены и перетолкованы, и пригласил в свою комнату вместе с ним помощника секретаря Давида Фудзисава и

редактора Петра Исикава, с бумагой и карандашом, чтобы мои слова записал. Когда все сели, и Исикава приготовился писать, я сказал:

— Пишите: «Брат Павел Ниицума, если ты имеешь целью умирить возмутившихся христиан Церкви Коодзимацци и надеешься успеть в этом, то я позволяю тебе говорить им поучения. Если же у тебя нет этой цели, или нет надежды, то строго запрещаю (аете кундзу)» Написали?

— Написал. Но позвольте, я не согласен с этим...

Я прервал его. С самого начала у Ниицума было страдающее лицо, пока я говорил ему, что «он, вероятно, о позволении проповедывать, но что я не могу говорить с ним об этом без свидетелей», и лицо его теперь прояснилось. Исикава с сердитой физиономией пришел и писал, он был один из запрещающих в недавнем письме Павлу Ниицума иметь сношение с немирными в Коодзимацци. Я продолжал:

— Теперь будет речь в объяснение того, что написано (сецумей); послушайте. Судя по вашему письму, в котором так много текстов из Священного Писания, вы, господин Ниицума, благочестиво настроены и имеете желание послужить Богу неложно. И вот дело для вас. Вас любят призывающие вас в Коодзимацци. Вы можете повлиять на них; сделайте же это во славу Божию, и в истинную пользу братии и вас самих; убедите их помириться, во-первых, с их собратиями по Церкви, сторонниками оо. Савабе, во-вторых, и с самими оо. Савабе. Если вы это сделаете, то они, совместно с теми и другими, могут просить о поставлении еще священника для Церкви Коодзимацци, по причине увеличения сей Церкви до невозможности одному священнику управиться с нею (о. Алексею, считая о. Павла Савабе на покое). Это прошение, обращенное к будущему церковному Собору, без сомнения, будет найдено подлежащим удовлетворению. Тогда ныне не желающие быть под оо. Савабе, будут под рукою нового священника. До тех же пор в праздники пусть они ходят — кто не хочет в свою Церковь, сюда, в Собор, иные, по-прежнему, туда же, на богослужения отцов Савабе,— исповедаться и приобщаться тоже, кто не желает там, могут здесь, у соборных священников.

— Но исполнимо ли все это? — возражает Петр Исикава.

— Если вы находите неисполнимым, то посоветуйте лучший способ умирения — мы тогда последуем вам; Павел Ниицума, я уверен, вернется в Симооса к себе, отказавшись от дела в Коодзимацци.

Ниицума с расцветшею улыбкою слушал меня и тотчас же изъявил желание пренебречь призывом коодзимаццих христиан, если найдется другой способ умирения их.

— Употребить другого проповедника,— посоветовал Исикава.

— Кто же?

— Да вот хоть бы Петр Мори, который там же и который там мирен.

— Но я уже неоднократно говорил ему убеждать христиан к миру,— он, вероятно, и делал это... Нет ли другого средства?

Не нашел оного Исикава и должен был сознаться, что и он не против Павла Ниицума, если только — и прочее.

Долго еще была речь о нынешнем отношении немирных, о трудности мирить их. Ниицума говорил, что и он совсем не рад, что попал в эту историю, но желает послужить делу Божию, насколько может. В течение разговора я еще велел Петру Исикава записать:

— Если бы Павел Ниицума оказал потом какой-либо злой умысел против Церкви или служащих ей в своем служении, призвавшим его немирным, то я его проклял бы (нороу).

Сильней этого нельзя выразить моей искренней уверенности в чистосердечности Ниицума. Слово же это пригодится потом, когда восстанут на меня оо. Савабе с их клеветами (что я предвижу), за дозволение Павлу Ниицума учить немирных. Ниицума с скромной улыбкой выслушал и эту мою прибавку.

Вчерашнее грубое послание немирных я передал Павлу Ниицума, чтобы он возвратил им, с словами от меня: «Ничто, идущее из грешного источника (гнева, непокорности и подобного) я не приму от них».

Сегодня явился бывший катихизатор Алексей Имамура проситься опять на службу. Отказано, ибо был ленивый катихизатор.

15 / 28 октября 1902. Вторник

По случаю рассылки содержания служащим и неимения досуга читать письма их накопилось в последние четыре-пять дней до сорока, и в них одиннадцать просьб денег, таких просьб, которые сочтены подлежащими удовлетворению, и несколько еще, в которых отказано, например, Нифонту Окемото, этому неугомонному попрошаю, имеющему в Хиросаки квартиру за пять ен и просящему две ены прибавки, «нужна-де лучшая квартира», тогда как Церкви там почти еще не существует.

О. Яков Мацуда описывает свое путешествие по приходу, в Циукоку, для ознакомления с ним. Христиан нашел в хорошем состоянии; везде иконы на своих местах, молитвы совершаются; к священнику благоговейно подходят за благословением и прочее.

Яков Ивата, катихизатор, большое восторженное письмо пишет, по случаю принятия крещения его престарелым отцом в Химедзи; скорбит только, что мать еще не вразумилась.

Мануил Аримото, катихизатор в Немуро, хорошо описывает тамошнюю Церковь. Если он так обстоятелен на деле там, как в письме, то из него, сверх ожидания, вышел хороший катихизатор.

16 / 29 октября 1902. Среда

О. Алексей Савабе запиской к секретарю Фудзисава спрашивает: «Какое распоряжение сделано насчет катихизатора Ефрема Омата, которого

он просил взять от него, как сочувствующего немирным?» Ответчено то же, что сказано ему на днях, то есть что Омата назначен служить проповедником у немирных.

17 / 30 октября 1902. Четверг

Секретарь Посольства, князь Кудашев, приезжал звать, от лица посланника А. П. Извольского, в следующий понедельник, день Восшествия на престол нашего Государя, на молебен в Посольскую Церковь и потом на завтрак. Так как японская Литургия с молебном, по случаю праздника Рождения Японского Императора, будет здесь с семи часов, то две службы совместно можно, и я сказал, что конечно, буду счастлив помолиться за нашего Государя вместе со всеми нашими. Кудашев говорил, что слухи верны о переводе посланника Извольского в Копенгаген.

18 / 31 октября 1902. Пятница

Расчетный день. Вчера взято в банке 3500 ен, и едва хватило, без всяких особенных счетов, например, за печать или переплет книг. Оба оо. Савабе не были, как и в прошлый месяц; присылают жену о. Алексея за деньгами из канцелярии и от меня лично, идущими им; значит, сердятся за то, что возмутившиеся христиане не подчиняются им, несмотря на все мои старания. Нет предела человеческой глупости и даже бессовестности!

Ефрем Омата входит, спрашивает:

— Нет ли у вас чего-нибудь мне сказать?

— Служи у немирных, но с тем, чтобы сделать их мирными, помирить с другою половиною Церкви в Коодзимаци и с священниками будь сам мирен и давай добрый пример им, проповедай язычникам, которых христиане будут находить для слушания, убеждай христиан ходить в Церковь — там, в Коодзимаци, и сюда в Собор...

Соборного чтеца Павла Окамото, после неоднократных увещеваний исполнять свою обязанность (даже в воскресенье Часы почти никогда не читает, а на другие службы и не показывается) наказал сегодня вычетом трех ен; впрочем, не из жалования, а из того, что даю ему лично. Он принял это и сказал, что решил отправиться служить учителем церковного пения и причетником в Сендай, что ему давно уже предложено было. И ладно. Дал дорожные.

19 октября / 1 ноября 1902. Суббота

Катихизатор из Коодзимаци, Ефрем Омата, опять приходил за наставлением. Более подробно говорил ему то, что вчера. Немирные

христиане – тоже еще дети Церкви, хотя и капризничаящие, поэтому я должен заботиться и о них; вот он и назначается служить у них по этой причине. Единственная цель, которую он должен иметь в виду, это – прекратить смуту, вновь соединить рассорившихся между собою братьев – христиан Коодзимацци. Когда они опять составят одно мирное общество, тогда могут сообща просить о назначении другого священника в Коодзимацци, кроме о. Алексея, по причине неудобства одному управиться с такою большой Церковью. Мысль эта не новая. Я лет пять тому назад уже говорил об этом и даже искал место купить для постройки другой Церкви. О. Савабе тоже хочет, чтобы еще один священник был поставлен для Коодзимацци. Итак, нужно только, чтобы просьба христиан о сем истекла из мирного сердца, а не из гнева. Из грешного источника я не приму никакой просьбы, а из доброго – приму я, и примет Собор, – и так далее.

Омата сопровождал один христианин (Савай, один из самых беспокойных), которого он попросил меня принять, когда я кончил говорить с Омата. Ему, Саваю, я повторил почти все то, что сказал Ефрему Омата. По расцветшему лицу этого мутителя видно, что им очень нравится, что я дал им Омата.

20 октября / 2 ноября 1902. Воскресенье

До Литургии крещены три женщины и двое младенцев, их детей. Несмотря на непрерывный дождь, христиан в Церковь собралось довольно много. И свечи перед иконами начинают ставить, сегодня шесть-семь было. Пример наших матросов научил. Вечером учащиеся были на всенощной перед завтрашним своим государственным праздником. Мы с Накаем переводили.

*21 октября / 3 ноября 1902. Понедельник.
Русский праздник Восшествия на престол,
японский – Рождение Императора*

С семи часов Литургия. На молебен выходил и я. Были в Церкви почти только одни учащиеся. После службы заходил ко мне профессор Семинарии Арсений Яковлевич Ивасава и говорит:

– Семейство у меня увеличивается, содержания мало (получает от Миссии сорок ен). Меня приглашают учить русскому языку в военной школе с жалованием сорок ен. Я могу совместить это со службой в Семинарии, только нужно уменьшить у меня уроков с пятнадцати на одиннадцать; пусть зато и жалование у меня здесь будет уменьшено и прибавлено тем, кому переданы будут мои уроки; я думаю, что три из них может взять господин Сенума, а один – Пантелеймон Сато.

— Поговорите с ними и постарайтесь передать им,— ответил я.

И грустно очень стало, что самый надежный человек сдается на денежную приманку в ущерб службы Церкви, где же уж со всем успехом работать Церкви, заведши себе другого господина! А ведь на сорок ен можно безбедно существовать — это жалованье средней руки чиновника; и в Церкви жалованье кандидатов — высшее, никто из многосемейных священников не получает столько. Но, погоревав с полчаса, я укорял себя за излишнее идеальничанье и успокоился. Все же Арсений Ивасава — из наиболее добросовестных служителей Церкви и, вероятно, не перестанет быть таковым при занятиях на стороне. Призвал я потом господина Сенума и сказал, чтобы согласился он взять у Ивасава три урока по Обычному Богословию, а я ему прибавлю пять ен жалования и пять ен еще частно от себя (сверх получаемых доселе пяти ен); один же урок по Гражданской Истории пусть Пантелеймон Сато возьмет у Ивасава, и в вознаграждение ему пусть идет пять ен из жалования Ивасава.

С одиннадцати часов в Посольстве за Литургией, молебном и потом завтраком у посланника, по окончании которого посланник показывал строящуюся у дома маленькую Церковь, в которую будет перенесено богослужение из нынешней домовой.

Переводчику Павлу Иосида дан второй том творений Златоуста новорусского перевода (Толкование на пророка Исаию), для переложения на японский. Помогите нам Боже перевести Святых Отцов! Кое-что уже есть, но всех бы нужно поскорей, тогда основание Церкви было бы прочней.

22 октября / 4 ноября 1902. Вторник

О. Игнатий Мукояма, переведенный Собором, по его просьбе из Циукоку (Окаяма) на север (в Сиракава), насилу теперь только прибыл в Токио, по пути к месту службы. Оправдывает свое промедление тем, что сдавал приход новому священнику о. Якову Мацуда. С пафосом и неистощимым многословием жаловался на бывшего своего помощника в Окаяма, катихизатора Лина Такахаси, женившегося на девице из Сеноо, вопреки советам о. Игнатия, и ныне злословящего перед всеми, будто бы о. Игнатий «взятку-де взял от родных девицы и потому не хотел, чтобы я женился на ней», и прочее. Гораздо лучше было бы для Церкви, если бы у сего батюшки была хоть и не столь длинная борода, как ныне, но подлиннее ум и поглубже усердие к церковной службе.

23 октября / 5 ноября 1902. Среда

Иоанн Синовара, катихизатор в Мидзусава, пишет, между прочим, что был на родине, в провинции Акита, в местности, где проповедует

Илья Накагава, и слышал от сего последнего наветы на о. Павла Кагета, священника, которому подведом Накагава: 1) «Когда попросили о. Павла помолиться об умершем язычнике, он сделал это, не надев облачение, а просто взяв в руки молитвенник». Но о. Павел сделал как следует и иначе не мог поступить, замечает Синовара. 2) «Есть подготовленные к крещению, но не хотят креститься у о. Павла». Но это прямо вина самого Накагава, потому что некрещенные могут дурно думать о священнике не иначе, как по наговору катихизатора, замечает Синовара. 3) «Я не исповедуюсь у о. Кагета», — говорит Накагава. «Тем хуже для него», — замечает на это Синовара. И догадывается он, что Илья Накагава интригует против о. Павла, чтобы самому сделаться священником. — Недаром уже два раза тамошние христиане присылали к Собору прошение о поставлении им местного священника, но их так мало еще, что прошение их не могло быть уважено.

Матфей Нива прислал еще пять подписей в пользу оо. Савабе из Коодзимаци.

24 октября / 6 ноября 1902. Четверг

Опять японский гражданский праздник — в память воинов, павших в Китайской войне. Школы не учились; мы с Накаем утром не переводили, и я писал в Россию накопившиеся письма.

Иоанн Миямори, катихизатор в Вакамацу, неожиданно является и отказывается от службы, несколько лет был на церковной службе, и ни единого человека не обратил в христианство, а просто жил дома, так как Вакамацу его родина, и получал жалование за одно имя катихизатора; священнику бы смотреть, чтобы он или трудился, или был отставлен за бездеятельность, или же переведен в другое место, коли там бесплодно, но о. ли Сагава сделать это! Он сам похож на труп, который забыли похоронить. Хорошо еще, что Миямори нашел какую-то другую службу, которая вызывает его из Вакамацу и обещает больше денег.

25 октября / 7 ноября 1902. Пятница

О. Роман Фукуи пишет, что посетил Сикотан и нашел христиан-курильцев очень усердными, но нового катихизатора их, Максима Обата, не совсем годным для них — груб, обращается с ними повелительно и неласково. Христиане очень желают их прежнего — Моисея Минато, который отечески обращался с ними. О. Роман повенчал одного японца-христианина с курилкой. Старшина курильцев Яков Сторожев прислал мне русское послание, которое едва мог я дешифровать и понять, что просит он послать священника на Парамушир, где ныне двадцать девять человек из их общества живут для охоты, и нужно бы им исповедаться и

приобщиться. К сожалению, это исполнить трудно, по трудности сообщения с отдаленным островом, а исполнят они христианский долг, когда вернутся на Сикотан, где побывать у них о. Роману легко.

26 октября / 8 ноября 1902. Суббота

Семинаристы приходили просить по одной ене ежемесячно на наем лодки для катания по реке. Отказал; опасное развлечение, еще кто-нибудь из малышей утонет, как утонул какой-то ученик ныне летом.

27 октября / 9 ноября 1902. Воскресенье

Исайя Мидзусима, пишущий ответы на разные недоуменные пункты в вопросах катихизаторов и других, принес целую тетрадь вопросов от катихизатора Василия Накараи; начиналась сия тетрадь так: 1) Как могли две повивальные бабки бабить у всех евреев? 2) Как ослушалась дочь фараона своего отца, спасши еврейского младенца? 3) Была ли ей за это награда от Бога? 4) Почему Бог сказал Моисею свое имя, а не сказал Аврааму?.. Я больше не стал слушать, а велел вернуть тетрадь Василию Накараи с ответом: пусть не занимается пустяками, а делает свое дело по проповеди. Так ведь можно нанизать бесчисленное множество вопросов: были ли те бабки замужем, или нет? Сколько у них было детей? Каких лет была дочь фараона? Какая ее дальнейшая история? и прочее. Но какая же польза в подобной логомании? И прилично ли проповеднику, в ущерб своему живому делу, заниматься этими мелочами?.. Но таковы японцы!

28 октября / 10 ноября 1902. Понедельник

Читая корректуру ныне печатаемой Страстной Службы, почувствовал досаду, что уж слишком подробно составлена: множество раз одно и то же — последовал при переводе русскому образцу и ныне каюсь, что не сократил,— и книга была бы меньше, и печать дешевле; кое-что ныне выбросил, но уже поздно — печатается Четверток.

29 октября / 11 ноября 1902. Вторник

Согласно присланному приглашению, отправился в три часа взглянуть на отстроенное здание банка Мицуи (с которым и Миссия имеет дела). Здание стоит миллион. Нечего и говорить, что великолепно. Гостей, осматривавших здание, было несколько сот. Выставка монет и прочее.

О. Игнатий Мукояма сегодня отправился со своей семьей на место службы своей в Сиракава. Назначенного Собором в июле священника

вот только теперь увидит его паства; да и то еще Сиракава только, а скоро ли другие места его прихода, Бог весть!

30 октября / 12 ноября 1902. Среда

Мы здесь ждем иконостаса в Кёото и тревожимся; не гниет ли он где, сброшенный на берег во Владивостоке, Порт-Артуре или инде, а он и не думал отправляться из Москвы, вопреки уведомлениям, что в апреле или мае отправится. Лев Александрович Тихомиров пишет, что Епанешников не выпускает его из мастерской, так как не получил награды, какую ему обещал В. Г. Дудышкин, не взвесивший, по-видимому, свою силу при обещании. Что дальше будет, неизвестно. Тихомиров сообщает мне причину замедления конфиденциально. Я успокоился, по крайней мере, за сохранность иконостаса.

31 октября / 13 ноября 1902. Четверг

В Йокохаме, для размена содержания за первое полугодие будущего года из Казны, полученного вчера, причем опять в трех банках разница: в Chartered — на сто тридцать ен меньше, чем в Hong. Shan., в нашем Русско-Китайском — на сто семьдесят ен меньше; разменено, конечно, в Hong-Kong Shan. банке. Положительно всегда, без всяких церемоний, надо справляться во всех.

Павел Ницума прислал письмо, в котором описывает смягчение враждебности немирных в Коодзимацци и горько-горько жалуется на спячку всех служащих Церкви в Токио; «время-де самое такое, что надо деятельно проповедывать, а они все — и священники, и катихизаторы — только едят и спят, да еще неумолчно ропщут на скудность содержания, получаемого от Миссии». Правда то, правда, только разбудить нет возможности — такими уродились; на медную монету не купить много. Вот с таким усердием, как у Ницума, можно много сделать; да жаль, ибо и его враг подкосил. А подобных ему по ревности между служащими я не вижу.

Вечером в сегодняшнем номере «Daily Mail» прочитал телеграмму, что обер-прокурор Константин Петрович Победоносцев выходит в отставку. Весьма жаль! Великий благожелатель, радетель и защитник Миссии был. Но, может, телеграмма окажется еще неверною.

1 / 14 ноября 1902. Пятница

Петр Моцидзуки, катихизатор в Накасу, пишет, что христиане небольшой молитвенный дом построили. Очень приятно. Иконы, которых просит, и прочее все будет послано туда.

Кирилл Мори, один из старших семинаристов, сын покойного о. Никиты, поколотил дворника, старика Василия, за то, что тот исполнял свою обязанность — охранял ворота. Жаль; я только что укрепился было в мнении, что Кирилл — воспитанник вполне благонадежный.

2 / 15 ноября 1902. Суббота

В сегодняшних японских газетах подробно описывается странное преступление: Стефан Оогое, бывший когда-то катихизатором, потом редактором («Сейкёо-Симпо»), причем украл пожертвование христиан на постройку Собора, за что был отставлен от церковной службы; потом вместе с Хамано плутовал в деле водопроводных железных труб, за что сидел в тюрьме, из которой выпущен в третьем месяце сего года; третьего дня ночью убил свою любовницу за то, что она бросила его, нанеся ей сорок шесть ран; схвачен тою же ночью еще с кровавыми руками, почему не мог запереться в преступлении. Имеет жену и четверо детей, из которых старшей дочери уже восемнадцать лет; служил в последнее время в торговой компании на жалованье — сорок ен в месяц; от любовницы тоже имеет сына, которому четыре года. Старик-отец, Алексей Оогое, и доселе служащий в Миссии по письмоводству и прочему, в отчаянии.

3 / 16 ноября 1902. Воскресенье

До Литургии крещение. За Литургией Иннокентий Кису с своим левым хором до того разнил «Херувимскую», что положил я непременно объявить ему, что буду вперед наказывать его вычетом из жалования за подобное; не в первый раз это с ним, и не раз я выговаривал ему, но такой характер у человека, что ни на волос не стыдится перед Церковью и не обращает внимание на простые выговоры. Ленился приготовить певчих, а хватается петь трудное.

После Литургии был, между прочими, Симеон Цунода, побывший с прошлого года и в Иркутске, и в Камчатке, и в Гижиге, и Бог весть еще где там в русских пределах. Как юрки и всюду проникаючи эти японцы! Компанию основывает для торговли со всеми теми местами. Советовал я ему держаться честности, рассказывал о Филиппиусе и прочем.

4 / 17 ноября 1902. Понедельник

Новое письмо от Льва Александровича Тихомирова из Москвы: пишет, что Епанешников выдает, наконец, иконостас, и что В. Г. Дудышкин немедленно примет его, упакует в тридцать ящиков; и в декабре он будет отправлен из Одессы. Известил я тотчас же о. Семена Мии об

этом, чтобы порадовать его и кёотских христиан, написал, что иконостас сохранился доныне в мастерской к лучшему,— позолота и краска окрепли...

5 / 18 ноября 1902. Вторник

Утром, перед классом пения, сказал Иннокентию Кису, что вперед за каждое такое разнение, каково было в пении «Херувимской» в воскресенье, будет вычитаться у него из жалования пять ен.

После обеда был Павел Ниицума, говорил, что с немирными христианами ныне в Коодзимацци спокойно, но что от примирения их со сторонниками оо. Савабе очень далеко, а на подчинение их оо. Савабе и надежды нет. Советовал ему вести дело так, чтобы по крайней мере к будущему Собору обе стороны сошлись и совместно приготовили прошение о постановлении еще священника для Коодзимацци; от одной же немирной стороны прошение не будет принято (чтобы не сделать дурного прецедента для Церкви). Заметил на всякий случай, чтобы диакона Павла Такахаси ни в коем случае не избирали для священства, а вот избрали бы диакона Якова Тоохей. Советовал Павлу Ниицума бывать у отцов Савабе и их убеждать склонить к более мирному настроению своих сторонников в отношениях к их собратиям другой стороны и прочее, и прочее.

Между церковными письмами — довольно хорошее из Кусиро, от о. Фукуи: церковный дом там христиане построили на купленной для того земле; дом и земля по купчей крепости записаны на имя о. Романа Фукуи, и купчая прислана сюда для хранения в Миссии с удостоверением от о. Романа, что недвижимость не ему принадлежит, а Церкви в Кусиро, и что во всякое время он готов передать ее на имя того, кого Епископ укажет.

6 / 19 ноября 1902. Среда

Составлено и переведено предисловие к службам Первой Седмицы и Страстной, в котором говорится, что хотя службы эти несколько сокращены при переводе, но что ныне, по малолюдности многих японских Церквей и по невоспитанности певцов и чтецов, рано еще совершать их всецело и в таком объеме, в каком они являются; поэтому, перед употреблением, пусть священники хорошенько просмотрят их и, если найдут нужным, сообразно с состоянием своих Церквей, еще несколько сократить службу — могут сделать это. Дано также наставление чтецам и певцам исполнять их обязанности так, чтобы ни одно слово не было потеряно для слуха христиан.

Сокращение сделано в чтении псалмов и в повторении одной и той же стихири или песни. Все это можно возобновить тотчас же при составлении со временем полной службы; вновь переводческого труда не потребуется, разве на исправление перевода, коли кто будет в состоянии.

7 / 20 ноября 1902. Четверг

Перевод Пентикостария ныне вполне закончен; тоже в сокращенном виде; все воскресные, начиная с Пасхи до недели всех Святых, службы, без пропусков всего нового, переведены; будничные — нет.

Совсем приготовлены и в отличных золоченых рамах поставлены на стенах в соборе четыре большие иконы: две писанные Ириной Ямасита — Воскресение (копия с посольской) и Вознесение, и две письма Новодевичьего Санкт-Петербургского монастыря, привезенные еще в 1880 году, — Святого Великомученика Дмитрия и молящегося Ангела. К благолепию Собора они немало прибавили. Фотографии их сняты для приложения к периодическим изданиям Миссии. (Кстати, и мы с Накаем снялись у пришедшего для того фотографа).

Было отпевание и погребение Петра Исигаме, кандидата Московской Духовной Академии, бросившего потом церковную службу для более [денежной], умершего в госпитале третьего дня и тогда же принесенного в Собор, где старшие ученики двое суток читали Псалтирь над ним.

8 / 21 ноября 1902. Пятница

Письмо от Василия Геннадиевича Дудышкина из Москвы, подтверждающее то, что писал Тихомиров, — иконостас в декабре отправится из Одессы сюда. Но о колоколах пишет, что они зависят от о. Благоразумного. Значит, сверх ожиданий и сделанных уже обещаний, колоколов нет пока, и будут ли — неизвестно. Небольшое разочарование. Но добрейшего Василия Геннадиевича спаси, Господи, и за то, что он сделал; сам небогатый и сделал столько! Какое богатство — усердие у него!

Начат сегодня перевод праздничной Минеи. Помогите, Господи!

9 / 22 ноября 1902. Суббота

Зилот Моки, катихизатор в Нагоя, двухсаженным письмом жалуется на свою неспособность к проповеди, потом на сослуживца Кирилла Сасаба, не уживающегося с ним, и, наконец, на самого о. Петра Сибаяма — как плохого священника, у которого Церковь в большом упадке и новых слушателей нет, в заключение просит перевести его, Зилота, оттуда на другую какую-либо церковную службу. Моки из кончивших курс Семинарии; два года состоял проповедником в Хакодате и ни малейшей пользы

не принес, теперь таким же неудачником оказывает себя в Нагоя. Что это? Болтун, как яйца бывают болтуны, из которых не высыхиваются цыплята? Или только молодость и неопытность? И что с ним делать? Вот скоро будет здесь о. Василий Усуи, поговорю с ним, не возьмет ли его еще для опыта.

Тит Накасима, катихизатор в Ивайквай, где есть богатейшие христиане, горько плачется на бедность и просит прибавки содержания (к пятнадцати с половиною енам, получаемым от Миссии ныне). Послано его письмо к богачу Моисею Ямада и прочим тамошним церковным гиюу с укором, что не помогают служащему для их же спасения, что мне совестно за них, что даже ихняя богатая Церковь должна всецело лежать на плечах иностранных братьев и прочее.

10 / 23 ноября 1902. Воскресенье

Больное горло едва позволило отслужить; испугался, когда начал первый возглас, думал — придется уступить другим все, что громко надо говорить; к концу Литургии, впрочем, стало лучше. Секретарь Посольства, князь Кудашев, был и известил, что на место Извольского, переводимого в Копенгаген, сюда опять назначен посланником барон Роман Романович Розен.

11 / 24 ноября 1902. Понедельник

Был из Одавара о. Василий Уцуи сказать о делах своей Церкви и посоветоваться перед обзором своего прихода. Говорил о непослушании ему диакона Иоанна Оно и катихизатора Павла Кувабара. Сей последний — двадцатидвухлетний юноша, только что выпущенный из Катихизаторской школы, простак — из мужичков. «Что за причина, что грубит и не слушается?» — думал о. Василий. Оказалось: о. Павел Морита, из прихода которого он родом, наказал ему: «Имей своим руководителем по делу службы диакона Иоанна Оно». Это и сбilo с толку глупенького Кувабара; диакона он слушался, а священника своего и знать не хотел. Насилу уже теперь кое-как о. Василий ввел его в оглобли, да и то плохо служит. Дрянная черта в характере о. Павла Морита вмешиваться в дела других там, где совсем ему не след. Из диакона Оно едва ли выйдет хороший священник: любит говорить о людях дурное, капризен, своенравен.

12 / 25 ноября 1902. Вторник

Вернулся из России диакон Димитрий Константинович Львовский, устраивавший там обучение детей своих, исключенных из Одесского

Духовного училища за дурное поведение и неуспехи; оставил их у брата в Певческой Санкт-Петербургского Митрополита.

Был князь Стефан Доде, поправившийся от болезни. Сиделкою на этот раз у него была завзятая католичка, тянет его в католичество, и он, по-видимому, уже смущен, спрашивал «можно ли ему бывать на богослужениях в католической церкви, ибо она близка от него, тогда как сюда, в Собор, очень далеко?» Я сказал: «Не бывайте — для вас опасно, увлекут с истинного пути»... Но едва ли это и не случится; беречь его здесь некому: мне некогда, священник его о. Роман совсем не годен для этого и по неучености, и по неусердию; сам он, Доде, все только дилетантичит в Христианстве вместо того, чтобы основательно изучить его, прочитавши серьезные наши переводы, на что имеет и время, и всю возможность; мог бы сбересть его Яков Мацуда, да его, к сожалению, уже нет в Токио; а там целая батарея адских средств обмана и завлечения, и непочатый угол артиллеристов всех рангов, и, как видно, уже начали работать. Печально за участь бедного князька! Едва ли он устоит в веру правой.

13 / 26 ноября 1902. Среда

Послал о. Семену Мни писанье Никиты Сугамура, два его огромные письма, для ознакомления о. Семена с ним. В этих письмах Сугамура, между прочим, выражает уверенность, что пора проповедывать в Хокурокудо, и свое желание проповедывать там, так как сам родом оттуда. Предложено о. Семену, если хочет взять Сугамура в свое ведение и употребить на проповедь Хокурокудо. О. Василий Усуи охотно уступает его, ибо ныне в Мисима он совсем без слушателей, занимается на безделье преподаванием английского языка.

14 / 27 ноября 1902. Четверг

День рождения Государыни Марии Феодоровны, потому в Посольстве на молебне. Слышал там подтверждение слухов, что Константин Петрович Победоносцев оставляет службу обер-прокурора, но, к утешению, слышал также, будто граф Сергей Дмитриевич Шереметев заместит его. На расположение его к Миссии также надеяться можно.

15 / 28 ноября 1902. Пятница

Выключен и отправлен домой один из учеников Катихизаторской школы: не учится, произвольно уходит на целые дни в город и даже на ночь не возвращается; притом и малограмотен. Родом из Такасимидзу. Жаль, что таких представляют в школу.

16 / 29 ноября 1902. Суббота

Полковник Глеб Михайлович Ванновский с семейством приезжал служить панихиду по своей родственнице Александре Товаровой, умершей в Москве, богатой старухе, большой благотворительнице в пользу Алтайской Миссии, которой она пожертвовала дом в Москве, ныне приносящий большой доход. Царство ей Небесное!

17 / 30 ноября 1902. Воскресенье

Совсем отпечатана Страстная служба, составившая том в восемьсот пятьдесят страниц. В первый и последний раз, впрочем, такая роскошь. Вперед будем разумнее: лишних чтений и полубелых страниц не будет. Сегодня вечером прочитали с Накаем последние отпечатанные листы. Печать отличная, бумага превосходная, опечаток почти нет. Завтра сдаю будет в переплет.

18 ноября / 1 декабря 1902. Понедельник

Хорошее письмо о добром состоянии Церкви в Наканиеда о Саввы Ямазаки; одно нехорошо: просит добавить ему содержание до нормы, то есть прибавить к десяти енам, ныне получаемым, еще четыре, от которых до сих пор сам добровольно отказывался и был через то единственным в моих глазах примером бескорыстного служения. Ныне пишет – после пожара все обеднели и потому не могут дополнять его содержание, идущее от Миссии. Письмо отправлено в «Сейкёо-Симпо» для напечатания, а ему отправлена добавка.

Фома Танака, катихизатор в Осака, просится в путешествие по окрестным Церквам – для здоровья и для отдыха – будет-де везде, по возможности, говорить поучения. Старый и почтенный он катихизатор; устал, конечно, немало, ухаживая за не сходящею с одра болезнью своею женою, а отчасти и от службы. Послано ему разрешение на прогулку по Церквам и пятнадцать ен на дорожные расходы.

19 ноября / 2 декабря 1902. Вторник

О. Матфей Кагета очень хвалит усердие катихизатора в Ханда, Якова Ивата; шесть человек крестил у него; просит написать ему похвальное письмо. Последнее-то излишне – приятно слышать доброе слово о Матфее о служащем у него, даром он не хвалит. И от Якова Ивата – восторженное письмо, видно, что крещение отца его одушевило его немало, теперь он молит Бога и просит молиться, чтобы престарелая

мать его тоже увидела свет истинный, а не умерла в язычестве. Даст Бог, это совершится.

О. Петр Ямагаки жалуется на бедность Церкви в Мориока; даже на просфоры не могут жертвовать, так что он поэтому только раз в месяц служит обедню. При таком вялом священнике, как о. Петр, неудивительно, что и такая большая и старая Церковь опустилась до сей степени.

О. Роман Фукуи из Кусиро пишет об усердии тамошних христиан, построивших церковный дом. Хвалит и катихизатора Александра Мурокоси; просит сему дорожные в Акеси иногда для посещения тамошних христиан. Ладно!

Приходил старик Моисей Тодороги с своим сыном Яковом, тоже уже стариком. Оба они — из немирных в Коодзимацци. И Моисей выразился: «Это — Воля Божия, что ныне христиане возмутились против оо. Савабе; Церковь ныне оживилась, а прежде она спала». Когда я выразил некоторое сомнение словами: «соо-камо, сиренай», — старик преуморительно рассердился и с пафосом: «не соо-камо, а дзицу-ни!» Мирно побеседовавши, мы с ним любовно расстались, взаимно одарившись — он мне принес великолепный ящик «касутера», я ему подарил три тома толкования Златоуста на Послание к Коринфянам. Это один из старших, мною крещенных, христиан; ему уже восемьдесят лет — живет постоянно за городом в своем имении. На его имя записана церковная земля в Коодзимацци.

Был Павел Нициума, говорил, что немирные в Коодзимацци все более и более утихают и очень усердствуют к церковному делу, находят служителя учения; но мириться со священниками еще не показывают расположения, и едва ли возможно подвести их опять под руку оо. Савабе.

Получена телеграмма от Льва Александровича Тихомирова из Москвы: «Articles sent». Значит, ящики с церковным иконостасом для Кёото посланы из Москвы в Одессу. Слава Богу!

20 ноября / 3 декабря 1902. Среда

Очень хорошее письмо из Оою от Саввы Сакурода, катихизатора, от которого доселе я не надеялся ничего путного, был бесплоден, по характеру капризен, по уму недалек; ныне и успех, и усердие, и ум — откуда что взялось! Значит, нет катихизаторов плохих: если только трудятся, благодать Божия тотчас же возвышает их. Пишет, между прочим, что Илья Яци женился (бывший катихизатор, от которого жена ушла, и никак мы не могли убедить ее вернуться к нему).

О. Павел Кагета пишет, что преподавал крещение в Босата старику Эдзи, бывшему моему слуге в Хакодате, больше тридцати лет тому назад. Старик совсем уже слепой, спаси его Бог!

21 ноября / 4 декабря 1902. Четверг.
Праздник Введения

За Литургией приобщался Стефан Доде, вчера исповедывавшийся. Он в очень благочестивом настроении и уверяет, что никакие искушения католиков не отвлекут его от православия — недавний визит к нему о. Романа с книгами о католичестве от меня, видимо, воодушевил его ревностью. Убеждал его все глубже и шире изучать Православное Догматическое учение; книг для этого у нас довольно.

22 ноября / 5 декабря 1902. Пятница

Неожиданно явился из Одавара катихизатор Павел Кувабара и начинает жаловаться на о. Василия Усуи. Я повел его в канцелярию, велел говорить в слух секретарей. Сущность, что о. Василий Усуи, будто бы, «жестoko обращается с ним (музан-ни цкау), а сам пьянствует». Выслушавши все, я сказал секретарю, чтобы написал о. Василию, что «Павел Кувабара переводится от него, ибо жалуется на жестокость его», а о. Павлу Морита, что «Павел Кувабара поступает в его ведение, чтобы употребил его для проповеди в своем приходе» (смотри запись выше 11/ 24 ноября).

23 ноября / 6 декабря 1902. Суббота

Написал донесение в Святейший Синод в ответ на указ оттуда, полученный во вторник (19 ноября старого стиля): «Донести Святейшему Синоду, нет ли с моей стороны препятствий к увольнению протоиерея Сергея Глебова от должности члена Духовной Миссии». Препятствие есть. Не увольнять его, внушение сделать, чтобы служил хорошо (смотри копию). Завтра донесение отправится.

24 ноября / 7 декабря 1902. Воскресенье

После Литургии Стефан Доде, зашедши, восторженно говорил, что вполне предан Православной вере, радостно чувствует ее благотворное влияние на себя и навсегда останется верен ей. Дай Бог ему всегда быть в таком настроении.

После обеда, с первого часу, был в семинарской столовой концерт, на котором я имел досуг быть только в начале; слушал, между прочим, игру на кото трех самых малых учениц Женской школы (Касима, Хагивара и Имамура) с аккомпанементом слепой артистки на сямисен и учительницы Ефимии Ито тоже на кото.

25 ноября / 8 декабря 1902. Понедельник

С одиннадцати часов – на погребении американского посланника Mr. Buck'a, скоропостижно умершего на днях на императорской охоте за утками. Отпевание было в американской епископальной Церкви на Цукидзи; отпевал Bishop McKim с большим собором американских, английских и японских клергменов. Трогательны музыка и пение, но грустно, что о покойнике нет ничего, как будто для себя собрались помолиться, а собрались именно для него. Я отправился вследствие присланного приглашения.

26 ноября / 9 декабря 1902. Вторник

Вакамацу до сих пор было бесплодно – но лишь только тамошний катихизатор И. Миямори оставил службу, как ныне о. Петр Сасагава пишет, что туда непременно нужен катихизатор: желающих слушать учение много. Но где же взять его? Остается только развести руками и написать: «Ждите следующего Собора!».

Жена катихизатора Якова Ивата пишет плачевное письмо: мать ее еще в язычестве, живет у языческих родных; к себе дочь не может взять ее, ибо не в состоянии содержать, и так далее. Написано Якову Ивата, что на мать дано будет по две ены в месяц, если он возьмет ее жить к себе, и на дорогу ей до него послано будет; больше дать нельзя; пусть ответит, возьмет ли.

27 ноября / 10 декабря 1902. Среда

Феодор Сайто, ученик старшего курса Катихизаторской школы, отправился домой, чтобы поступить в военную службу, ибо очередь его пришла. Так питаешь и учишь, а на службу отправляется другую, не церковную. Сколь уж таких случаев было! Неудобно бесправие церковной школы.

Был Петр Осиды, что из бонз, прежде исключенный из Катихизаторской школы за дурное поведение (смотри запись 28 февраля старого стиля 1902 года). Говорит, что образовал какую-то компанию и что проповедует Христианскую веру всем, кому может. В добрый час! Только в церковнослужители не может быть принят.

Был Василий Мабуци, прежде катихизатор, потом больной умопомешательством, оправившись от которого служивший доселе чиновником. Явился опять к услугам Церкви. Оборони Бог! Все еще болен сумасшествием, и именно религиозным – все ему видятся чудные сны, а во всех язычниках мерещатся ему нечистые. Молча выслушал его чепуху, напоил чаем, но в принятии на службу или в школу наотрез отказал.

30 ноября / 13 декабря 1902. Суббота

Из сегодняшних писем хорошие — оо. Василия Усуи и Сергия Судзуки, описывают поездку по своим Церквам и хвалятся их добрым состоянием, хотя крещений почти нигде не было, только в будущем обещаются. Но особенно утешительно письмо катихизатора в Кокура, Василия Накараи: двухлетняя дочь его заболела местной весьма опасной детской болезнью и совсем помирала уже — врач прямо сказал, что нет спасения. Видя это, отец и мать (воспитанница Женской школы, Ирина) прибегли к горячей молитве к Богу и дали обет посвятить дитя Богу, если оно выздоровеет. Девочка, у которой уже дыхание прекращалось, ожила и быстро поправилась, к изумлению доктора. Василий пишет, что как только подрастет она, пришлет ее сюда в школу и в полное распоряжение Церкви (то есть воспитать и отдать, как и мать ее, за служащего Церкви, а может, и монахиней ей даст Господь быть).

1 / 14 декабря 1902. Воскресенье

Перед Литургией о. Роман Циба крестил, между прочим, двух мужчин и двух женщин из Коодзимацци, приготовленных к крещению на стороне немирных. По испытании их о. Романом они оказались достаточно знающими вероучение. Немирных было много в Церкви, и они после приходили благодарить за допущение к крещению их друзей, а я их поздравил с этим и наказывал не ослаблять ревности к распространению Христова учения. Даст Бог, разлад там в Церкви мало-помалу исправится, хотя нет надежды подчинить их снова оо. Савабе: больно уж бездеятельность сих отцов и заносчивость о. Алексея надоели.

В Церкви был и потом у меня долго Николай Петрович Матвеев, владивостокский литератор, которому я отыскал и подарил фотографические карточки его отца с ним — младенцем на коленях, и матери, снятые в Хакодате тридцать семь лет тому назад; показал ему после завтрака библиотеку и училища.

Под вечер был посланник Александр Петрович Извольский, пригласить на молебен и завтрак в пятницу, 6 декабря. Когда я упомянул о Матвееве, и что он хотел бы посмотреть Японский Парламент, Александр Петрович любезно предложил помочь ему в этом, равно как способствовать видеть и другое, что ему понадобится, почему я известил Матвеева завтра побыть у посланника. Александр Петрович говорил, между прочим, что Японское Правительство и вообще японцы все более и более настраиваются на мирный и дружественный тон к России. Рану, нанесенную их гордости, по-видимому, нывшую неутолимо со взятия Порт-Артура русскими, залечил союз с Англией, и они здраво начинают

смотреть на вещи; дружбы с Англией им никогда не иметь, англичане слишком презирают их.

2 / 15 декабря 1902. Понедельник

Случайно в комнате переводчика Исака Кимура наткнулся на катихизатора из Тоёхаси, Петра Кураока, о котором думал, что он хороший служащий Церкви. Зачем? Так себе! Брат тут, малопутный Евграф, с лысиной на голове, приехавший учиться русскому языку в правительственной школе, — так повидаться с ним. Ни в какой службе не возможна такая самопроизвольность.

Вечером Накаи отпросился от перевода — собрание по редакции «Сейкёо-Симпо». Из переплета принесли Страстную службу — увесистая книга!

3 / 16 декабря 1902. Вторник

Первая рассылка содержания дальним служащим Церкви на первый и второй месяцы 1903 года, всего 3337 ен 32 сен разослано сегодня.

Был командир русского военного судна «Рюрик», вчера пришедшего в Иокохаму.

Сосчитал сегодня, сколько всего пожертвовал в Собор язычник Кавано с 24 марта 1898 года, когда впервые им положено было в соборную кружку десять ен, по 8-е июля 1902 года, когда была его последняя жертва — 300 ен; оказалось 1220 ен. Деньги эти надо будет положить в банк. На Церковь их можно тратить только тогда, когда Кавано делается христианином. Теперь же вдруг его сын потребует их — «отец-де не в полном уме был, когда отдавал деньги», или под каким-либо другим предлогом, конечно, надо будет их возвратить. Странная какая-то жертва. Кавано говорит, что «из благодарности за спасение его жизни явлением креста», но в таком случае отчего же он не спешит под сень Креста, не принимает крещение, даже не хочет основательно узнать учение?

4 / 17 декабря 1902. Среда

Пишет о. Иоанн Оно: «О. Павел Косуги доехал до Оосака, по пути в Миязаки, и здесь у него опять открылось кровотечение горлом». Просит о. Оно «поместить его в госпиталь под предлогом, что во время наступающих праздников неудобно держать его в церковном доме — места нет». Ну это неправда; там комнат так много, что его можно поместить без всякой помехи ему, или от него кому-либо, а жана есть, чтобы и ухаживать за ним. Так и отписано о. Оно. Пишет еще о. Оно: «По сведениям от Кирилла Сасаба, бывшего катихизатором в Миязаки, о. Павла

Косуги, как больного чахоткой, в Мизаки не примут, никто из христиан не станет общения иметь с ним из боязни заразиться». Да зачем же и посылать такого слабого больного туда? Очевидно, ему больше не служить, а жить на покое, пока догорит остаток жизни. Бедный о. Косуги!

Сегодня похоронена дочь расходчика Алексея Сасагава, уродец, ходившая скрюченной так, что верхняя часть спины была под прямым углом к нижней, двенадцатилетняя, умершая с ангельски чистою душою, все время молившаяся, когда несколько дней лежала больной, и просившая всех молиться за нее. Хвала Господу, что он взял ее от горестей мира сего!

5 / 18 декабря 1902. Четверг

Экзаменовал в Семинарии седьмой класс, где шесть учеников, шестой, где только четыре ученика, и Катихизаторскую школу, где во втором курсе три ученика, в первом тринадцать, — всех по Догматике. Семинаристы отвечали хорошо, Катихизаторская школа плохо, особенно первый курс — ученики совсем еще не развиты, впрочем, половина из них подают добрые надежды.

О. Феодор Мидзуно возвратился из своих Церквей в Симооса и рассказал о состоянии их. Лучше всех, как и всегда, у Филиппа Узава, у которого он крестил двадцать два человека; всех крещено тридцать два. Трогателен рассказ его о бедствиях, причиненных в деревнях бывшими ураганами и наводнением: на полях все смыто, дома разрушены, множество живет в шалашах и Бог весть чем питается. Маленькую подписку для христиан наших, по крайней мере, мы сделаем, но что это? Выйдет самая мизерная помощь.

6 / 19 декабря 1902. Пятница

На экзамене в первом классе Семинарии, где сорок один ученик (и два русских). Первые отвечали по Катихизису почти все хорошо, вторые по японскому языку, — читали «докухон» и переводили фразы. С нового года они уже могут присоединиться к своим японским товарищам в изучении японских учебников, хотя, конечно, им будет назначаться самая малая часть урока.

С половины одиннадцатого — в Посольстве на богослужении, по случаю тезоименитства нашего Императора, потом на завтраке у посланника, во время которого играла музыка с «Рюрика», а за столом были капитан и несколько офицеров.

7 / 20 декабря 1902. Суббота

На экзамене по Нравственному Богословию в пятом классе Семинарии, где девять учеников, которые отвечали очень бойко, и опять в

первом классе Катихизаторской школы, где, кроме нескольких, отвечали преплохо, совсем еще мысли и языки не связаны.

О. Феодор Мидзуно принес прочитать письмо к нему Павла Ниицума из Симооса: «Немирные в Коодзимаци (как извещает Ниицума) опять поднимают бунт с целью добиться уничтожения моего решения („чтобы содержали священника, если хотят иметь одного отдельно для себя“). Ныне они уже недовольны и им — Ниицума» и прочее. Увидевши в комнате о. Феодора благоприятеля немирных, диакона Павла Такахаси, я внушал ему убеждать немирных оставить несообразности — мое решение останется неизменным, что бы они ни предпринимали, хотя бы даже оставили Церковь; для них единственное средство получить священника с содержанием не от них — соединиться со всеми прочими христианами в Коодзимаци и с о. Савабе и подать общее прошение, чтобы поставлен был еще священник для Коодзимаци, по причине невозможности управляться одному с таким большим приходом.

8 / 21 декабря 1902. Воскресенье

Крещен до Литургии один учитель китайского и английского языков, уроженец Микейских островов, хотя чистокровный японец, сосватавший себе дочь покойного о. Феодора Осозава.

С о. Симеоном Мии что-то неладно: приключился какой-то нервный припадок; когда преподавал свой урок в Женской школе, вдруг впал в бессознательное состояние с судорогами, которые в продолжение дня часто возобновлялись, и при них он терял сознание. В Миссии еще не получено письма об этом прямо из Кёото, а писали сестре жены о. Симеона, которая прислала письмо сюда для прочтения. Храни его Бог! Человек весьма нужный для Церкви.

Был протестант Миязаки, один из издателей «Фукуин-Симпо», протестантской газеты, расспрашивать, как началась православная проповедь в Японии и прочее, словом, за материалом для статьи своей газеты. Кое-что рассказал ему, да и самому приятно было окупиться в старое.

9 / 22 декабря 1902. Понедельник

На экзамене в четвертом классе Семинарии, где десять учеников, по Логике, отвечали со смыслом и очень хорошо; в третьем классе, где двенадцать учеников, по Гражданской Истории, отвечали плоховато, но потому, что еще мало развиты, а учебник русский. Всего в Семинарии ныне восемьдесят четыре ученика, между ними ленивых или неспособных почти совсем нет, а сколько выйдет на службу Церкви, Бог весть; хоть бы половина вышла, и за то бы спасибо. Несомненно, что иные уйдут в солдаты, как уже про одного вчера говорили, что ему скоро

придется для сего оставить школу, иные захворают и не дотянут, иные обманут и уйдут...

10 / 23 декабря 1902. Вторник

На экзамене в Семинарии и Катихизаторской школе.

После обеда — вторая рассылка содержания служащим Церкви близких местностей; разослано сегодня (за первый и второй месяцы будущего года): 2780 ен 32 сен. Итого, почти всем служащим Церкви вне Токио за первый и второй месяцы 1903 года (немногим, впрочем, только за один первый месяц) разослано: 6117 ен 64 сен.

При просмотре полученных с почты журналов за живое задело в декабрьской книжке «The Missionary Review of the World» сетование на то, что штундистам в России не дается полной свободы, заканчивающееся так: «Но дело Господне никогда не запоздает (never behind time). „В Твоей руке сила и крепость, и никто не устоит против Тебя“ (2 Пар. 20: 6). Неослабевающая, решительная, ходатайственная молитва нужна как для устранения препятствий, так и для устроения (building up) религии». Мерзавцы! Россия для них — языческая страна, в которой нет Христианской религии, и вот они только собираются насадить ее! Прогнивший насквозь протестантизм, да еще в худших своих сектах, таких мнений о себе! И еще Господа Бога призывает! Лицемеры!

Впрочем, и Православная Россия не менее боли возбуждает в душе. В том же журнале, в статейке «Миссионерская ревность в Финляндии», говорится, что «Финляндия, до последнего времени выслывавшая миссионеров только в Южную Африку, в эти два-три года выставила почти двести молодых людей и столько же молодых женщин, отдающих себя на миссионерское служение. Первый финляндский миссионер уже прибыл в Китай» и так далее. Ну а Православная Россия много ли дает заграничных? Преосвященный Иннокентий недавно привез троих в Китай; отчего же не больше? А Япония все ждет и ждет — хоть бы одного, и нет! Как не болеть душой? Впрочем, буди Воля Господня! Вероятно, в путях Промысла наше время еще не пришло.

11 / 24 декабря 1902. Среда

На экзамене в Женской школе, где всех учениц восемьдесят, по Закону Божию и Географии. С десяти часов была на экзамене посланница Маргарита Карловна Извольская с сыном Гришей (десять лет) и дочерью Еленой (семь лет) и их гувернантку Надеждой Владимировной Мухановой. Ученицы отлично отвечали по Толкованию Евангелия от Матфея, и младшие — по Священной Истории, а другие по Географии нарисовали — одни Францию, одни Южную Азию. Посланница смотрела и

хвалила также их рукоделие, и одну вышивку золотом и шелками взяла на память. Потом мы перешли на экзамен в Семинарию, где младший класс отвечал по русскому языку, а два русские мальчика по японскому. Посланица и здесь все очень хвалила, и около двенадцати часов все они вернулись домой.

С двух часов чтение писем. Радостного нет, хотя и особенно печального тоже нет, кроме того, что проповедь почти везде идет вяло. Печально еще то, что о Симеоне Мии лежит весьма больной.

12 / 25 декабря 1902. Четверг

На экзамене в Женской школе по Закону Божию. С половины одиннадцатого часа приехал туда на экзамен военный агент, полковник Глеб Михайлович, с тремя дочерьми: Наталией (двенадцать лет), Александрю (десять лет), Анною (восемь лет) и гувернанткою их Евгенией Даниловной. Так как к этому времени экзамен был кончен, то в некоторых классах повторили для них испытание по Закону Божию; потом они смотрели рукоделия учениц, экзамен по гимнастике, с половины которого, в одиннадцать с половиною часов, отправились мы в Семинарию, и там для них произведен был экзамен первого класса по русскому языку, а русских мальчиков — по японскому, что продолжалось ровно до двенадцати часов.

Сегодня во всех наших училищах экзамены закончены.

13 / 26 декабря 1902. Пятница

Перевод расписок и прочего. В школах — составление списков.

Все учащиеся исповедались; русские мальчики — у меня.

С шести часов всенощная, летая причетниками. После нее Канон ко причащению и молитвы на сон грядущий для завтрашних причастников и причастиц.

14 / 27 декабря 1902. Суббота

В семь с половиною часов звон; собравшимся причастникам прочитал о. Ф. Мидзуно утренние и причастные молитвы; в восемь часов трезвон к началу Часов. Литургию служил о. Роман Циба с диаконом П. Уцида. Приобщался сначала первый хор — в это время левый пел; потом левый приобщался, а правый пел; затем приобщались все прочие учащиеся, а хоры пели попеременно. В десять часов вышли из Церкви.

С одиннадцати часов чтение списков в Семинарии, Катихизаторской школе и Женском училище, причем в Семинарии только один (Александр Андо) объявлен дурного поведения, а в Женской школе

инспектриса, перед чтением, говорила, «чтобы не плакали пониженные — все, мол, отлично учились (что совершенная правда), но нельзя же всех поставить на первом месте».

Из Ооисо катихизатор Павел Хосои пишет, что в большом пожаре, на днях бывшем там, шесть христианских домов сгорели, и положение погорельцев жалкое. Послал по три ены на дом.

О. Яков Такай просит послать кого-либо из тоокейских катихизаторов в Миязаки. О. Павел Косуги, назначенный туда Собором, до сих пор не добрался туда, да и не доберется, ибо лежит с кровохарканием в Оосака и едва ли будет способен продолжать службу. Между тем, Церковь в Миязаки, целые полгода не имея никого служащего у ней, крайне опустилась — до того христиане потеряли свое христианское усердие, что ныне о. Якова, обозревавшего свои Церкви, просили и не быть у них. Но из Токио решительно некого послать. Так, должно быть, она и останется до Собора.

Две мысли сегодня занимают меня. Во-первых, послать в будущем году одного из кончивших курс, и конечно, Петра Уцияма, если он удержится первым, в Академию. Изменники, продавшие за сребреники свою честь, отбили у меня охоту посылать — опасением, что и другие, воспитанные в Академиях, сделают то же. Но быть может, и не сделают — половина из воспитанных не изменяют же, а служат. Во-вторых, основать в Москве Японское подворье. Мысль эта подана в письме ко мне Л. А. Тихомировым. До сих пор я не думал о ней, но сегодня, готовясь писать Тихомирову, раздумался и нахожу, что мысль очень дельная. Выпросить бы место и построить Церковь и жилье для священнослужителей; оными бы могли быть иеромонах и послушник, выпрошенные в Троицко-Сергиевской Лавре, да священник — японец; последний изучал бы устав богослужения и все благочестивые христианские обычаи; научившись сему, вернулся бы в Японию, а на его место отсюда отправился бы другой для того же, и так далее. Кроме того, подворье было бы родным домом для японских студентов, обучающихся в Академиях; а для русских оно было бы местом, где они могли бы знакомиться хоть несколько с японским христианством не по слуху, а на деле. Это была бы своего рода артерия, через которую вливалась в Японскую Церковь живая струя материнского христианства.— Если эти мысли от Бога, то, Боже, укрепи и осуществи их!

15 / 28 декабря 1902. Воскресенье

За Литургией было причастников более шестидесяти.

После службы у меня была и завтракала бонна из дома иокохамского консула В. Я. Сиверса, воспитанница Рождественского приюта, что на Песках, в Петербурге, рассказывавшая про моего доброго знакомого и

отчасти сотрудника Миссии о. Василия Маслова, протоиерея при Рождественской Церкви, ныне уже покойного.— Потом до вечера дети из наших школ, приходившие в гости.

16 / 29 декабря 1902. Понедельник

Целый день месячные расплаты. В промежутках писание писем в Москву, благодарственных за иконостас, уже идущий сюда.

Был из Посольства студент Траутшольд, только что вернувшийся из Нагасаки, где он на время заменял бывшего в отлучке консула, князя Гагарина; привозил план Церкви, имеющей строиться в Нагасаки; князь прислал этот план с ним посмотреть посланнику и мне. Вид Церкви красив, но ввиду землетрясений такой план неудобен: ремонты частые и большие потребуются, а где средства на них, и кто будет заниматься ими? Впрочем, наше мнение — пустой звук. Да и Церковь-то еще в проекте; двенадцать тысяч на постройку ее князь имеет — это, по-моему, далеко не достаточно.

17 / 30 декабря 1902. Вторник

Остальные расплаты и писанье писем в Москву по поводу иконостаса и колоколов для кеотского храма. Обещаны были пожертвованием, а по письму сотрудника о. Н. В. Благоразумова оказывается, что придется заплатить, кажется, полностью за это и другое.

18 / 31 декабря 1902. Среда

О. Павел Морита из Маебаси пишет: нельзя ли ему в Такасаки отслужить праздничную Рождественскую службу шестого числа, то есть накануне Праздника, так как восьмого числа у японцев уже будничным днем — все на работе, дети в школах, стало быть, если служить Праздничную службу седьмого числа, почти никого не будет в Церкви, и петь некому будет? Я ответил, что «примера на такое нововведение я не знаю и потому позволить ему не могу, а пусть из Такасаки христиане прибудут на Праздничную службу в Маебаси в самый праздник Рождества Христова, седьмого числа; всего полчаса езды по железной дороге; если кто это расстояние найдет далеким и дело трудным, то заявит только про себя, что он плохой христианин». Пишет еще о. Морита, что «неудобен здесь Юлианский календарь, следовало бы праздновать по Григорианскому»; я ответил, что «догматического препятствия к нему нет, но нам приятней праздновать одновременно со всею Вселенскою Церковью, чтобы наше праздничное славославие сливалось в один голос с славославием всех христиан по всему миру; не будет нравственным преступлением для

певца, если его голос упредит других в хоре, или отстанет от хора, но хороша ли такая дисгармония? Не запротестует ли сам о. Морита против нее?» — и так далее. Письмо я написал по-русски, ибо он понимает.

Из Кёото извещают, что о. Семену Мии лучше — быть может, будет в состоянии служить в Новый год.

Всенощную сегодня пели причетники. В Церкви были только учащиеся. Не воспитался еще в христианах дух молитвы. Каков поп, таков и приход.

И еще один год кончился. Много ли еще их впереди? Во всяком случае, не вдруг с обрыва: много еще переводить надо; коли мы с Накаем уберемся, не сделавши, скоро ли еще кто наладится продолжить? Нет, жить надо пока.

19 декабря 1902 / 1 января 1903. Четверг.
Японский Новый год

С восьми часов Литургия; служили три иерея, пели оба хора. Христиан из города было очень мало. На молебен и я выходил. — Поздравление служащих, певчих, других учащихся, детей. С двух часов — в городе у князя Стефана Доде, которого нашел очень радостным, так как здоров, насколько возможно ему, и имеет гостем старшего брата — ихтиолога, приехавшего на время из Хоккайдо; угощал по японскому новогоднему обычаю; попросил передать небольшие подарки детям Ванновского. В Английской Миссии никого не застал, Bishop Awdry еще не вернулся из Англии; у Кондера оставил карточку; у Ванновских посидел.

Оба катихизатора из Кёото просят «прислать священника для праздничных богослужений, так как врач находит невозможным для о. Мии служить — не успеет оправиться». — Написано в Осака, чтобы о. Иоанн Оно, или о. Сергей Судзуки отправился туда послужить, пока отправится о. Мии.

Мирным душевным настроением, при здоровье телесном начался год. Сохрани Господи и этот мир, и это здоровье, чтобы беспрепятственно продолжить перевод богослужения и творить прочее по Церкви, и помощи во всем этом Твоею всеильною Благодатию!

20 декабря 1902 / 2 января 1903. Пятница

Утром Павел Огава, ученик Катихизаторской школы, прибывший в школу летом из Сибецу, на Эзо, где жил долгое время, приходил очень радый с письмом, извещающим, что о. Роман Фукуи крестил в Сибецу девять человек; просил послать туда икону для молитвенного дома. Будет послана, равно и книги для назидания христиан.

Между письмами, посланными сегодня в Россию, одно — к Преосвященному Сергию (Страгородскому), ректору Санкт-Петербургской Духовной Академии, с вопросом, не направляет ли взоры в Японию тот студент, которого он недавно постриг в монахи и в речи говорил о его миссионерских aspirations? Дал бы Бог!

21 декабря 1902 / 3 января 1903. Суббота

Вчера Bishop Шершевский прислал мне со своими китайцем и японцем только что отпечатанную Китайскую Библию нового своего перевода. Поэтому сегодня я был у него поблагодарить и сделать новогодний визит. Застал зарытым в книги, одушевленным и говорливым, но, как всегда, малопонятным, и половины не можешь уяснить того, что силится сказать. Насчитал он пять разных переводов Священного Писания на китайский язык; его — пятый, и без сомнения — лучший, потому что ум его, не как язык, нисколько не тронут болезнью, светел и ясен; к этому отличное знание своего природного еврейского языка, а также греческого и латинского. Видно, что в Китае ценят его переводы: напечатал ныне в Иокохаме свой Ветхий и Новый Завет в десяти тысячах экземпляров и все отправил в Китай — здесь и в продаже нет.

За всю ночь сегодня было человек двадцать протестантских миссионеров и миссионерок, из которых один оставил у входа чемоданчик с платьем и Священным Писанием внутри, хватился при выходе — и нет, украл какой-то язычник. Следовало поручить придвернику, тогда этого не случилось бы.

22 декабря 1902 / 4 января 1903. Воскресенье

Утром, когда читал Правило ко причащению, подали застрахованный пакет. Кончивши Правило, распечатал и прочитал: письмо игумена Пантелеймона, настоятеля Мироносицкой Пустыни в городе Царево-Кокшайске, Казанской губернии, в мире инженерного офицера Павла Степановича Рожковского, слушавшего миссионерские курсы в Казанской Духовной Академии в 1895–1897 году. Просится сюда миссионером, но с целью основать здесь скит. Желает еще привезти с собою одного простеца, своего постриженника, и учителя церковной школы, знающего церковный устав. К письму приложено форменное прошение и копия с формуляра о. Пантелеймона. В письме он упоминает, что его хорошо знает Преосвященный Сергей (Страгородский), нынешний ректор Санкт-Петербургской Духовной Академии, и может помочь его назначению сюда.

За Литургией я помолился Господу, чтобы Он сотворил Свою Волю об о. Пантелеймоне.

23 декабря 1902 / 5 января 1903. Понедельник

Написал о. Пантелеймону, что здесь прежде всего нужен миссионер-благочинный для непрерывного путешествия по Церквам и ободрения и руководства проповедников и священников. А пока [?], изучится японский язык в достаточной мере для благочиннического служения, о. Пантелеймон, если приедет сюда, должен преподавать в Семинарии богословские предметы. Способен ли он к той и другой службе? Пусть наперед обдумает и решит. Во всяком случае, может приехать только один он, потому что для старца и учителя здесь пока нет дела. Со временем же потребуются здесь и скит, и монастырь. Тогда, быть может, и они понадобятся. Пусть о. Пантелеймон подробнее извесит о них: какого образования, каких лет и прочее. О себе также пусть более подробно напишет и пришлет свою фотографическую карточку, как я ему посылаю свою (которую и приложил при письме).

Написал также запросы об о. Пантелеймоне, каков он, способен ли к миссионерскому служению здесь, во-первых, в Житомир – Преосвященному Антонию (Храповицкому), Епископу Волынскому, в ректорствование которого о. Пантелеймон учился в Казанской Академии, во-вторых, Преосвященному Сергию, ректору Санкт-Петербургской Духовной Академии, который, по словам о. Пантелеймона, хорошо знает его.

Справлял в эти дни и другую корреспонденцию в Россию, по письмам, накопившимся, когда некогда было отвечать, но, конечно, не важным.

24 декабря 1902 / 6 января 1903. Вторник

Вчера была всенощная, петая обоими хорами. Сегодня с десяти часов Царские Часы, вечерня и Литургия Василия Великого. Кончилась служба в половине второго часа. Христиан из города было весьма мало.

Внутренняя корреспонденция, с рассылкою денег кое-куда.

Вечером Малое повечерие и утрени. Христиан из города не очень много, впрочем, слава Богу и за то. Служба торжественная и с добрым молитвенным настроением духа.

25 декабря 1902 / 7 января 1903. Среда.***Праздник Рождества Христова***

Молящиеся в Соборе за Литургией сначала – только учащиеся, в половине службы – половина Собора, в конце – полон Собор. Если бы в каждое воскресенье столько – это показывало бы, что тоокейские христиане богомольны, но и теперь все же знак, что тоокейские христиане не совсем забывают Бога. И за то благодарение Богу! Сам, Господи, воспитай и възгрей в них дух вящего благочестия! Служение было

благонастроенное, с молитвенными порывами. Недаром Господь учредил общественное богослужение: с множеством молиться лучше, чем одному.

На проповедь сегодня Арсений Ивасава, кандидат, опоздал, так что нужно было начать пение «Дева днесь», и только в половине сего вышел он. Первый пример такой неаккуратности проповедника.

За службой было несколько иностранцев, между коими два патера, простоявшие до конца, но фанатично не кланявшиеся на мои осенения, тогда как протестанты почти всегда делают вид поклона.

За Литургией еще было много христиан из Коодзимацци — немирных с оо. Савабе. После службы они поздравили меня (на что вчера просили позволения), причем попросили о. Феодора Мидзуно прослужить Христославление, а певчие их очень недурно пропели все, за что получили от меня пять ен на кваси. Христианам угощения никакого не было — я только поблагодарил их и взаимно поздравил.

Но прежде их поздравили меня здешние певчие и школы, причем о. Роман Циба был в епитрахиле с крестом.

Прежде и после того множество еще других поздравлений. Для священно-церковнослужителей был чай с кваси, в коем участвовали наставники, церковные старосты и другие.

Во втором часу меня позвали на елку в «сейненквай», устроенную в большой классной на втором этаже. Небольшая живая елка довольно порядочно украшена и с горящими свечами. О. Петр Кано отслужил Христославление, пропетое семинаристами, после чего я, пожелав им веселиться, ушел, так как постоянно ко мне внизу являлись поздравители. В восьмом часу прибыл посланник Александр Петрович Извольский. В разговоре с ним я упомянул о нашей елке и предложил взглянуть на нее. В это время у молодежи шло представление. По-видимому, оно было в середине — но они для посланника, меня и драгомана Вильма, который еще случился при этом, начали его снова. Оказалось, мистерия, сочиненная одним из старших семинаристов, Василием Нобори, который и объяснил, что будет: «Вот это (указал он нам на часть комнаты, оставшейся для сцен) Средиземное море (при чем вся молодая публика захохотала). Выйдут три человека, которые олицетворят три государства: Египет, Греция и Рим в эпоху Рождества Христова» и так далее. Действительно, вышли: Кирилл Мори с повязкой на голове, исчерченной якобы египетскими иероглифами, и с пальмовой веткой в руке, Платон Цукиока, задрапированный в какой-то случайный флаг из дрянного белого холста с большими знаками «Токио» и подобным, с венком желтых иммортелей на голове, и с флейтой в руке, Николай Ёсида с огромным бамбуком в одной руке, означавшим копье, и с чем-то другим в другой руке, означавшим неисследованное еще оружие с жестяным ведром на голове, изображавшим шлем и в какой-то невозможной солдатской шинели. Первый изображал Египет, второй — Грецию, третий —

Рим, а за ними незаметно вошла скромно укутанная фигура, изображавшая Святую Деву Марию, со своим охранителем Иосифом, которого изображал бородатый Павел Огава, ученик Катихизаторской школы, у кого-то занявший для сего случая подрясник. Небольшая кукла, изображавшая новорожденного Спасителя, положена была на приготовленном в углу, у елки, возвышении, у которого уселась скромная фигура (которую я и не знаю, кто играл из учеников), и Иосифом позади. Египет начал свою речь, полную разочарования и отчаяния; за ним — Греция декламировала, что цель жизни — наслаждение жизнью (причем, так как Греция нетвердо знала свою роль, автор без суфлерской будки служил суфлером); в заключение Рим провозгласил, что цель жизни — завоевание всех народов и всего света. Нужно признаться, что речи были очень умные и дельные, выражающие характер и мировоззрение трех народов довольно резко и ясно. Когда кончили, в другой комнате началось стройное пение «Слава в вышних Богу» и вышли пастыри, одетые в рубашки, один с овечьей кожей на спине, и поклонились Рождеству Спасителя, причем говорили о явлении ангелов. За ними — звезда и поклонение волхвов, одетых в теepy и какие-то бурнусы; ящик с подарками принял от них Иосиф и поставил у ног Девы. Тут три фигуры, изображавшие три государства, пали. Дева с куклой и Иосифом скромно удалилась, а вошли орды, изображавшие готов, вандалов и прочих, и пошли по Средиземному морю, причем между ними три сраженные фигуры встали и удалились в те двери, куда ушли готы и гунны. Автор при сем вышел и доложил нам: «Это, мол, не совсем удачно сыграно, но должно означать, что Египет, Греция и Рим воскресли и пошли вслед Христа». После чего мы встали и тоже ушли, но прежде того посланник аплодировал исполнителям и похвалил все. И в самом деле, вышло недурно. Меня сначала покорило от представления Божией Матери и Спасителя. Но, в сущности, неблагоговейного ни на волос ничего не было. Напротив, при исполнении пение было просто трогательное, и оно сопровождало все действия пастырей и волхвов; пели в другой комнате, и с таким старанием, точно в Церкви. Мне кажется, и на будущее время можно сквозь пальцы смотреть на это развлечение. Мистерии позволялись и в России.

С шести часов была всенощная. Служил о. Феодор Мидзуно. Пели оба хора. Из города хоть бы один молящийся!

26 декабря 1902 / 8 января 1903. Четверг

С восьми часов Литургия, отслуженная о. Романом Циба. Пели оба хора. Приобщалось много детей. После службы — коодзимацкая Церковь — о. Алексей Савабе со своими церковными служащими и христианами, по обычаю, поздравляли. Но и певчих и христиан было меньше,

чем всегда, так как отделившаяся часть Церкви вчера поздравляла. Певчие пропели очень стройно, за ними Христославение пропели дети Воскресной школы, тоже очень мило. Все, по обычаю, были угощены, и певчие получили на кваси. Старика о. Павла Савабе не было. «Не болен ли?» — спрашиваю. «Нет», — холодно ответил сын. Господь с ним! Должно быть, еще сердится — за что? И сам не знает.

Посетил и поздравил с праздником всех русских в Токио, начиная с посланника и кончая профессором русского языка в правительственной школе Яковом Варфоломеевичем Иозефовичем, который читал отрывки из лекции о русской литературе, приготовленной для завтрашнего «сейненквай».

С шести часов всенощная, на которой тоже были одни учащиеся. Пели хоры, заключительное «Дева днесь», как всегда, совокупно и превосходно. Дай Бог, чтобы поскорее было слушать кому это душу восторгающее славословие!

27 декабря 1902 / 9 января 1903. Пятница

С восьми часов Литургия. Служил о. Петр Кано. Пели хоры. В Церкви — учащиеся только. После обеда я отправился в Иокохаму поздравить русских и, кстати, по делам в банки. У нового генерального консула Влад. Яковлевича Сиверса познакомился с его семейством, лютеранским, начиная с него, но добрым и религиозным, кажется.

С шести часов всенощная, как всегда перед субботой, петая причетниками, на которой человек десять было молящихся.

28 декабря 1902 / 10 января 1903. Суббота

Из скопившихся за праздники многочисленных писем перечитаны сегодня священнические, повергшие в уныние. На Сикоку — ни малейшего успеха проповеди, прямо видно, по лености проповедников и священника о. Фомы Маки. На Киусиу, у о. Петра Кавано, тоже ни признака какой-либо деятельности. Обоим продиктованы выговоры и сетования. Но полезно ли? Не то же ли, что «умано-мими-ни казе», «кавадзуну цурани мидзу»? Конечно. Коли люди такие, чего же ожидать от них?

О. Борис Ямамура пишет, что в «Ивайквай» церковный дом окончен постройкою, и он освятил его. Стоит две тысячи ен, из которых 1700 ен пожертвованы Моисеем Ямада — и это несмотря на то, что он в прошлом году убытка на 6000 ен потерпел в своих делах от неурожая, причиненного наводнениями. Это утешительно. Просит о. Борис икону туда. Пошлется.

Пишут священники, что в праздник Рождества Христова молящихся на богослужении было: в Одавара — сто сорок, в Оосака — сто тридцать,

в Сиракава — сто сорок; в Вакаяма, пишет катихизатор Ирино, было восемьдесят.

Петр Исикава рассказал о публичном чтении (энзэцу), вчера в протестантском клубе произведенном, по тесноте нашего клуба молодых людей, состоящего из одной комнаты здесь во втором этаже. Чтений было два: первое его — Исикава — о Православном Богослужении, иллюстрацией которого было здесь же пение хора, но не нашего, ибо Женская школа не приняла приглашения идти петь, а коодзимацкого, с участием некоторых наших семинаристов; пели пять раз, в промежутках чтения Исикава; первым было пропето «Благослови душе моя Господи», последним «Ангел вопияше». Исикава говорит, что пели превосходно и слушатели были очарованы, а оных было человек сто, между которыми были и профессора Университета. Последние, должно быть, пришли больше для второго чтения «О русской литературе» Я. В. Иозефовича, переводчиком речи которого был Марк Сайкайси; и тоже вышло очень хорошо и интересно; говорил о Пушкине, Тургеневе и Гоголе.

Петр Уцида, диакон и проповедник в приходе Асакуса, приходил рассказать, что христиане Асакуса возмутились против о. Семена Юкава, вследствие чего вот в пост никто не исповедался у него, а ныне в праздник ни один дом не хотел принять его с Христославием, почему он и не ходил по домам.

— Что за причина?

— Во-первых, о. Семен не хочет продать дом, в котором ныне живет и который христиане Асакуса решили продать. Во-вторых, о. Семен оскорбил христиан недоверием; они обещают обеспечить ему наем квартиры своими взносами, а он сказал им, что не верит этому.

В объяснение этого нужно сказать следующее. В 1895 году, когда отношение Японии к России, по поводу Порт-Артура и прочего, грозило обратиться в неприязненное, о. Семен, опасаясь, что из России прекратится помощь Японской Церкви, предпринял обеспечить себя на случай этой опасности изобретением местных способов содержать себя и свою Церковь. Образовал он между своими прихожанами общество «Дзикиу-кёоквай» с целью составить капитал в две тысячи ен, процентами с коих (якобы) и содержался бы он с удовлетворением других церковных потребностей. В продолжение лет четырех накопилось триста пятьдесят ен. Но вместе с тем и гроза, висевшая сверху, рассеялась, и мудрость у о. Семена засорилась, и вклады прекратились. Что делать с тремястами пятьюдесятью енами? О. Семен, конечно, не без совета с вкладчиками, на триста ен купил дом, в котором и живет ныне. Остальные деньги и кое-что вновь собранное хранится у него. Значит, завелся церковный дом, в обеспечение помещения священника. На что же лучше? Так нет, нашлись люди, и именно между христианами Асакуса, которые позабывали ли благополучию священника, или составили отдаленный план воспользоваться скудной стоимостью церковного дома, так или иначе,

стали настаивать на том, чтобы продать этот дом, а священника выселить на квартиру. Но зачем же продавать? «А для церковной пользы: отдать деньги на проценты в банк, и из них через десять лет вона какая сумма нарастет, а через двадцать еще больше!» — Но как же священник? Он получает ныне от Миссии шесть ен квартирных, чем уплачивает ренту за землю, на которой стоит дом, но этих денег на наем приличной квартиры мало. «Пусть священник будет спокоен», — говорят христиане Асакуса, — «мы обещаем ему кёокиу». Вот тут-то и согрешил мой о. Семен, к голубиной простоте мало получивший от родившей его матери змеиной мудрости, столь мало, что почти ее и не заметно во всех встречающихся с ним обстоятельствах, где змеиное свойство надо бы. — «Я не верю, чтобы вы выполнили обещание», — рек он, и пожар забушевал. По голубиной простоте он сие рек со всею откровенностию, хотя змеиная мудрость и не велела сего. Воистину, нельзя доверять подобным обещаниям христиан; я могу подкрепить о. Семена множеством испытанных примеров. Но я не сказал бы сего прямо христианам, потому что зачем же бросать камень в вонючую грязь? Не весь ли результат от того, что вонь поднялась? Но не это, однако, главное и первоначальное, за что поднялись асакусакские благочестивые христиане на своего пастыря. «Дзикиукёоквай» состояло далеко не из одних Асакуса христиан, напротив, они там были в меньшинстве; кроме них еще христиане приходоу Ситая, Хонго, Хондзё составляли общество. И вот все эти три прихода против продажи церковного дома, одни только Асакуса желают продажи. Так при чем же тут о. Семен? Зачем его поносить за непродажу? А опять-таки за голубиную простоту, без змеиной мудрости. Поднят был вопрос: продать или не продать? Три прихода решили «не продавать», и делу был конец. Так нет, Асакуса вновь хлопочет собрать для того же совещания. О. Семен слушается и тоже вновь хлопочет о рассуждениях; опять решается «не продавать», опять собрание и рассуждение, и так далее, пока, наконец, взвалили все на бедную голову о. Семена: «это он один только не хочет продавать, это его дело», вся тяжесть ненависти и нареканий Асакуса христиан пала на него.

Не в этом духе, как выше изложено, рассказал дело диакон Петр Уцида; напротив, он все тянул воду на поле Асакуса христиан; хотя старался не показать зубы против о. Семена. Молча все выслушал и сказал только, чтобы завтра в три часа пришел ко мне о. Семен рассказать о деле.

29 декабря 1902 / 11 января 1903. Воскресенье

В три часа пришел о. Семен Юкава, но с ним и диакон Уцида, хотя я не звал его. Рассказал и о. Семен со своей точки зрения свои отношения к христианам Асакуса. Нового ничего я не узнал (все то же, что изложено).

Только все больше и больше укреплялся в подозрении, что вся эта буря — дело нескольких дрянных интриганов в приходе, которым и диакон Уцида очень мирволит. Прямо здесь, на глазах у о. Семена, он не переставал потягивать воду на их огород: «они-де все очень усердны к Церкви, они непременно исполнили бы обещание касательно кёокиу — вот мне же каждый месяц доставляют две ены» и прочее. Все выслушавши и подробно расспросивши, я сказал свое решение так: «Вы, о. Семен, напрасно обидели христиан словами: „не верю, чтобы вы исполнили обещание о кёокиу“. Ведь и вы же обиделись бы, если бы я сказал вам: „О. Семен, я не верю вам“. Из уст священнослужителей должно исходить только слово, творящее мир и согласие. Итак, вы, о. диакон, созовите христиан и, когда они соберутся, пусть о. Семен поговорит с ними и прямо-таки попросит прощения за свое неосторожное слово. Сделать это священник не должен ни стесняться, ни стыдиться; и священник не застрахован от ошибок и погрешностей, а коли погрешность случилась, то сознаться в ней священнику так же необходимо, как и всякому другому. Этот поступок священника будет назидателен для христиан, как добрый пример и так далее. Когда мирным объяснением будут восстановлены добрые отношения у о. Семена с христианами, тогда он может обойти дома христиан с праздничною молитвою. Христославление теперь уже поздно, но скоро будет праздник Крещения Господня; о. Семен, в соупствии диакона, может со святой водою обойти дома христиан — обычай, тоже существующий в Православной Церкви. Что до продажи дома, то вопрос этот решен уже тем, что три Церкви против продажи, и быть в претензии христианам Асакуса на о. Семена за это нет никакого основания. Но мало этого. Жаль, что не спросили меня в этом деле: я положительно запретил бы и думать о продаже. Церковный дом куплен на деньги, пожертвованные для Бога, он не христианам принадлежит ныне, а Богу, и распорядиться им могут только священнослужители, спросившись у Епископа», — и так далее.

О. Семен вполне согласился сделать то, что я ему сказал; диакон, по-видимому, тоже, и они оставили меня.

Но часов в восемь вечера вновь приходит диакон Уцида и говорит: христиане никак не согласны помириться с о. Семеном. Они говорят, что это только ныне прорвалось, но что у них много других неудовольствий накопилось на него.

— Какие же бы это неудовольствия? Я что-то не слышал, да и нечему больше, кажись. Священник он исправный, смиренный, трудящийся. Чего еще нужно христианам? Вы, если знаете что, скажите.

— Я не знаю.

В таком случае, пусть завтра в три часа придут ко мне двое из таких, которые могут рассказать все, что имеют против о. Семена.

30 декабря 1902 / 12 января 1903. Понедельник

Прежде чем прийти христианам из Асакуса, был у меня, без всякого зова с моей стороны, сначала Исаия Мидзусима, катихизатор, подведомый о. Семену Юкава, потом Петр Исикава.

Первый рассказал, что на всех церковных собраниях диакон Петр Уцида да еще катихизатор Тит Косияма всегда являются противниками о. Семена во всем, в чем только могут; еще, что в настоящем деле касательно церковного дома, христиане трех приходов все поголовно (за исключением одного примера) не желают продавать дом. Исикава рассказал, что он только что обходил дома христиан в Асакуса, и ненавистников о. Семена не нашел, нынешний мятеж против него, несомненно, дело двух-трех человек.

В три часа пришли три христианина из Асакуса; Мори, Сёодзи и еще один; при них, сверх ожидания, непрощенный опять диакон Петр Уцида.

— Вот самые усердные христиане Церкви Асакуса, очень радеют о пользе Церкви, — рекомендовал он их.

Я посадил всех вокруг стола, как гостей, и предложил сказать мне откровенно все, что они имеют против о. Семена.

Мори вытащил из-за пазухи прошение и подал мне.

— Читайте.

— Прочитали прошение — переменить им священника, так как он не заслуживает их доверия (фусин-нин). К прошению подробное объяснение. Прочитали и его; в нем излагается история с церковным домом, что «его следует продать — так решили христиане Асакуса, решили бы и другие три прихода, да злонамеренный о. Семен противится этому». Наконец, красноречиво излагается, как «онный о. Семен оскорбил христиан словами, что „не верит в исполнение их обещания“, чем явил, что он ненавидит христиан Асакуса». Меня коробило от злоречия, которым наполнены обе бумаги, против кроткого о. Семена, но я крепился и по окончании чтения с улыбкою молвил:

— Все это я прежде слушал. Но что же еще вы имеете против о. Семена? Молчат. Я продолжал:

— Что до сего дома, то в этом вы не имеете ни в чем упрекать о. Семена. Три Церкви не желают продажи, значит он и не может быть продан, как бы ни желали этого христиане Асакуса. Но мало того. Если бы и все четыре Церкви захотели продать его, я не позволю, благо ныне я узнал об этом деле. Этим домом, по церковным правилам, уже не имеют права распоряжаться христиане, так как он составляет церковное имущество, которым имеет право и обязанность распоряжаться Епископ. Он ныне может быть отчужден, или продан, только по самым необходимым причинам, например, Правительство для своих нужд может потребовать место под домом; или нужно бы построить храм,

либо церковную школу, или же явилась бы еще какая-нибудь самая важная причина...

- Эта причина и есть,— перебивает меня Мори.
- Какая же? Деньги, вырученные от продажи, приращать процентами?
- Да, это и есть.
- Более важного ничего нет?
- Ничего.

Меня взорвало. И я решил коротко прекратить спор с этим грубияном и мутителем.

— Сколько ты внес в эту сумму, за которую куплен дом? Я тебе сейчас возвращу твои деньги,— и я направился к несгораемому шкафу.— Сколько? — спрашиваю еще.

— Нисколько, я не жертвовал,— отвечает.

— Ты не жертвовал, а больше всех мутить в этом деле? Я с тобой больше ни слова об этом, вон!

Когда он вышел, я обратился к оставшимся двум, чтобы они сказали, что еще имеют против о. Семена?

Сёодзи бросился к своему верхнему платью, порылся и вытащил бумагу: «Вот!» Подает мне. Смотрю бумагу 1897 года за подписью нескольких христиан — тоже какая-то жалоба на о. Семена, но до того пустячная, что тогда и до меня не дошла; успокоено и прекращено было при посредничестве кого-то из священников. Я, взглянувши, разорвал бумагу и сунул за пазуху простецу Сёодзи со словами:

— Так, пожалуй, и твои грехи, омытые в крещении, вспомнятся тебе на Суде Божиим. Еще что же, кроме дома, имеем на о. Семена?

Заговорил в пользу их диакон Уцида. Я не выдержал, наконец, и его, а с гневом выгнал вон, как служителя христиан и врага своего священника. Обращаясь к оставшимся в комнате двоим, я опять просил их припомнить и сказать все, что они имеют против своего священника. Но все мои вопросы оставались без ответа. Видно было, что они ровно ничего не имеют. Наконец, товарищ старика Сёодзи зарыдал и говорит:

— Проповедь не будет иметь успеха, если не будет мира между священником и христианами.

— Так зачем же вы сами нарушаете этот мир? — ответил я ему и оставил их, сказав, что разговор с ними прекращается.

Зная, однако, по опыту, что этим дело не кончится, напротив, бунт еще больше может разгореться, я тотчас же отправился в редакцию «Сейкёо-Ёова» и бывших там Петра Исикава и Исаию Мидзусима попросил немедленно отправиться в Асакуса и от христиан отобрать подписи в том, что они довольны своим священником; в этом они должны упредить мутителей, которые непременно станут собирать подписи против о. Семена, так как сегодня этих подписей у них не было, под прошением были печати только троих.

31 декабря 1902 / 13 января 1903. Вторник

Утром читали с Накаем первые листы корректуры Пентикостария.

Перед всенощной приходил Петр Исикава и говорил, что обошел сегодня многие дома в Асакуса и почти везде оказался упрежденным: мутители уже отобрали подписи против о. Семена. Исикава, однако, этим не смутился, а собрал несколько христиан, в том числе и мутителей, и стал убеждать их восстановить мир со священником, несколько часов ораторствовал с ними об этом и получил некоторую надежду на успех; мутители обещали подумать и предложить со своей стороны условие мира.

После всенощной я призвал диакона Петра Уцида и сказал ему, «чтобы он не служил до сих пор, пока мир в Церкви Асакуса будет восстановлен». Его лобызание во время богослужений с о. Симеоном было бы лобзанием Иуды, и приложением греха ко греху. А пусть он до праздника Богоявления постарается убедить всех к миру, тогда в Богоявление пусть участвует в служении Литургии, а после с о. Симеоном обойдут они дома христиан со святой водой. Уцида обещал постараться.

Итак, год заканчивается со спячкою проповедников и священников в деле проповеди по всем Церквам, с двумя бунтами христиан против своих священников; в Коодзимацци против оо. Савабе, в Асакуса против о. Симеона Юкава. Впрочем, особенного душевного уныния нет, Господь поддерживает силы. Слава Богу и за то, и за все, что есть! И благослови, Боже, будущее!

1903 год

1 / 14 января 1903. Среда

За Литургией, кроме учащихся, весьма мало в Церкви.

Потом обычные поздравления японцев, после полудня — русских.

Исаия Мидзусима представил подписи Церквей: Ситая, Хонго, Хондзэ и даже Хориноуци (где он состоит катихизатором), что продавать дом, где живет о. Симеон Юкава, они не позволят.

В Асакуса сегодня умер один христианин, и хотели просить другого священника для погребения, но я сказал, что это нельзя, пусть похоронит свой священник, о. Семен Юкава.

2 / 15 января 1903. Четверг

Начали обычные занятия: в школах классы, у нас с Павлом Накаем перевод — с «Ин» ирмос шестой п. в неделю Святых Отцов и чтение

корректурой Пентикостария, сегодня дошедшего до девяносто шестой страницы.

После полудня перевод расписок к отчету.

3 / 16 января 1903. Пятница

Диакон Петр Уцида, по словам Петра Исикава, теперь действительно старается о примирении христиан Асакуса с о. Семеном Юкава; ходит по домам и убеждает. И странно: отдельно каждый христианин не имеет ничего против о. Семена и высказывает расположение к нему, а как соберутся несколько вместе, то и начинают злословить.

Был Reverend Petec, из Окаяма, с другим протестантским миссионером из Кобе, отбирать разные статистические сведения по нашей Миссии. Показал и рассказал им все, что они хотели, отвел взглянуть их на училища. И охотники же эти протестанты до статистики — то и дело, что собирают и составляют сведения.

4 / 17 января 1903. Суббота

Петра Исивара, одного из здешних церковных старост, попросили отправиться сего дня вечером в Асакуса на собрание христиан. Он прежде жил в том квартале, имеет там много друзей и крестников и может повлиять на них в смысле примирения с о. Семеном Юкава. Отправится также Василий Ямада, красноречивый говорун, начальник общества молодых людей.

5 / 18 января 1903. Воскресенье

Сколько раз уже я испытывал, что не в меру медленное пение охлаждает и прогоняет молитвенное расположение, а спешное совсем убивает его! Сегодня и то и другое пришлось опять перестрадать. «Херувимскую» так тянул этот несчастный урод, лишенный всякого чувства и смысла меры, Львовский, что мы кончили все не только у престола, но и у жертвенника, а он еще не начинал третьей части песни. Послал я иподиакона сказать, чтоб «не тянул», но все же таки пришлось стоять у жертвенника и ждать, пока он кончит. А затем «Верую», «Отче наш», «Достойно» так рвал, что слова нельзя было разобрать, да и певчие не выговаривали слова. В камень надо обратиться, чтобы молиться с такого рода пением, только камень может ли молиться? На всеобщей Львовского не было, пел в Посольстве, но Обара продолжал спешную линию, начатую им, что расстроило меня до крайности! Точно деревянные, ничего не вдолбишь им!

О. Симеон Мии просит «прибавить содержание катихизатору в Кёото, Акиле Хирота, повыславшему отцу, безногому старцу, четыре ены, при трех своих детях, почему и не может выписать к себе жену, а оставляет ее у отца ее, о. Матфея Кагета, в Сидзуока, вместе с детьми; свидетельствует о. Семен при этом, что Акила очень усерден к службе, преподает в Женской школе». Прибавлено три ены ежемесячно; обещано, кроме того, двенадцать ен на дорогу жене и детям, если Акила хочет взять их к себе. Вместе с этим послано и о. Семену Мии пятнадцать ен на лечение его болезни, к счастью, судя по письму, уступающей лечению.

6 / 19 января 1903. Понедельник. Праздник Богоявления

До Литургии крещение нескольких взрослых и детей.

После Литургии обычное водоосвящение и потом окропление домов.

Вечером в школах занятия, у нас с Накаем перевод, у о. Семена Юкава в Асакуса собрание христиан, на котором будет что-то решено.

7 / 20 января 1903. Вторник

На водоосвящении в доме генерального консула В. Я. Сиверса в Иокохаме и на завтраке у него вместе со всем Посольством. Он и жена лютеране, но захотели освятить отремонтированный дом по-православному; видимо, люди благочестивые.

8 / 21 января 1903. Среда

О. Яков Мацуда просит «разбитого параличом, но поправившегося Василия Хираи назначить опять на проповедь в Сеною, так как Николай Исикава, на Окаяма посещающий Сеноо, постоянно нужен в Окаяма». Что делать! Недостаток в катихизаторах заставляет прибегать и к этому средству. Ответил о. Якову, чтобы он вызвал из Оосака к себе Василия Хираи и посмотрел, действительно ли он свободно владеет руками, ногами и языком; если да, то и пусть пошлет в Сеноо. Василий Хираи и сам очень просится опять на службу, а дети его пишут, что если с ним снова приключится паралич, то опять возьмут его к себе.

О. Роман Фукуи продолжает просить на три месяца для Сибецу Исаяю Мураки из Хокадате. А о. Андрей Метоки отвечает на это: «Как же можно оставить Хокадате без катихизатора на три месяца!» Я представил им переговариваться, потому что помочь им не могу.

Был из Уцуномия катихизатор Иоанн Акаси; наговорил с три короба о том, как он оживил там Церковь; хорошо, хоть сам несколько ожил.

О. Феодор Мидзуно вернулся из Кабусато, повенчав Павла Канасуги с девицей двадцати двух лет. Убедить его простить свою прежнюю, виновную в прелюбодеянии жену, мы никак не могли, сколько ни старались. Дай Бог, чтобы с новой брак был честен и сожитие мирно.

9 / 22 января 1903. Четверг

О. Сергей Судзуки из Оосака пишет, что положили там о. Павла Косуги в городской госпиталь. Значит, увеличение расходов на него, и в здоровом состоянии бывшего бесполезнейшим служителем Церкви!

Пишет еще о. Сергей, что крестил там, в Кобе, одного русского младенца, для которого недавно наш консул выписал отсюда золотой крестик, и похоронил одного русского матроса, по имени Иван Антонов, которого недавно приобщал, умершего в иностранном госпитале в Кобе. Службу совершал по славянскому Требнику.

10 / 23 января 1903. Пятница

О. Симеон Юкава приходил рассказать, что обошел с крестом и со святой водой в соупствии диакона Петра Уцида весь свой приход в Асакуса. Все почтительно приняли его, за исключением четырех домов, из коих в двух, впрочем, хозяев не было дома. В день Богоявления вечером собрание у христиан Асакуса было по следующему поводу: прежде христиане сговорились не иметь своим священником о. Семена, почему положили не принимать его с рождественским Христославием; а когда на святках умер там один христианин, то родные пригласили о. Семена отпеть его; так теперь, в крещенское собрание, препирались: «Как, мол, смели нарушить взаимное обещание?» Но негодующих на это оказалось мало; притом же о. диакон на этот раз сильно налег в пользу о. Семена (которого, разумеется, на собрании не было), так и рассеялся дымом весь заговор против о. Семена. Ныне он, по его словам, опять в любезных отношениях с своими прихожанами. Но дал я ему краткое наставление — вперед по Церкви не предпринимать ничего без моего сведения; велел на память затвердить Тридцать Девятое Правило Апостольских Постановлений; да кроме того, в разговорах с христианами взвешивать хорошо свои слова, так как христиане придают значение каждому слову священника. Обещал он блюсти это.

11 / 24 января 1903. Суббота

О. Симеон Юкава, будучи у меня сегодня, рассказал, между прочим, что из троих, принимавших участие в умирении его с прихожанами Асакуса, о. Роман Циба, Петр Исикава — писатель, Исая Мидзусима —

писатель и вместе катихизатор, последние два очень рады, что дело пошло на лад, что он обошел христиан с крестом, и те приняли его и молились с ним, а о. Роман рассердился на него: «Как-де он, не спросивши его, отправился к христианам?» «Да мне Епископ велел», — оправдывался о. Семен. Все-таки о. Роман сердит и недоволен. Характеризует о. Романа. Полагаться на него нельзя в деле церковном; свое «я» у него выше пользы церковной.

Петр Исикава, которому, видимо, дороги интересы церковные, приходил совещаться: «нельзя ли сделать что-нибудь в предупреждение случаев церковного разлада, таких, как вот теперь в Асакуса? Дело прямо вышло из незнания, или несоблюдения церковных канонов: священник действует, не спрашиваясь Епископа, христиане продают дом, тогда как не имеют права распоряжаться церковным имуществом»...

— Да ведь церковные каноны переведены и напечатаны, Церковное Законоведение тоже; книги в руках священников и имеются в библиотеке при каждой Церкви.

— Книги очень большие и неудобные к употреблению; самое нужное в них трудно найти.

Положили мы с ним, чтобы он выбирал из «Книги Правил» наиболее необходимые ныне к сведению всех правила и печатал в «Сейкёо-Симпо», а потом эти правила будут собраны и отпечатаны в брошюрах и во множестве распространены по Церквам.

Начальник Семинарии Иван Акимович Сенума приходил сетовать, что вор оказывается между учениками: у пяти были выкрадены деньги во время святок и притом так, что из двух ен в кошельке берется одна, из пятидесяти сен берется тридцать и так далее — значит, вор, несомненно, домашний. Советовались, как изловить, да не легко! Беда с этими воришками, коли появляются.

12 / 25 января 1903. Воскресенье

До Литургии крещены трое взрослых и один младенец из Коодзима-ци, и за Литургией было много христиан отсюда.

Reverend Jefferys, епископальный миссионер, американец, из Син-дая, пишет, просит послать наши христианские переводные книги в Сан-Франциско для живущих там многих японских христиан. Пошлем.

13 / 26 января 1903. Понедельник

С Афона от о. Денисия письмо; сетует, между прочим, на то, что здесь не заводятся монастырь. По прочтении письма явилась у меня мысль, не позвать ли его сюда завести монастырь?

Если эта мысль угодна Богу, то укрепи ее Господи!

14 / 27 января 1903. Вторник

О. Семен Мии из Кёото пишет, что совсем оправился от болезни, в Крещение служил Литургию, а утром совершил крещение двоих. Слава Богу! Сохрани его Господи! Человек нужный для Церкви.

15 / 28 января 1903. Среда

Павел Ниицума прибыл из Симооса, чтобы опять поговорить с мирными коодзимацкими христианами; только из них многие отшатнулись от него из-за того, что он всячески хочет убедить их к миру, много вредит там этот дрянной катихизатор Ефрем Омата. Советовал я Ниицума, не обращая внимания на дразги, продолжать внушать им замирение с прочими христианами в Коодзимацци и с оо.Савабе, без чего они не получают особого священника, то есть если прошение о прибавлении одного священника для Коодзимацци не будет от всей этой Церкви и вместе от оо. Савабе.

28 января / 10 февраля 1903. Вторник

Недавно умер глава Ниси-Хонгвандзи секты Монто, граф Отани Косон, сорока пяти лет, и 7-го февраля его хоронили в Кёото; 6500 бонз было на погребении, больше двадцати тысяч собравшихся на похороны буддистов его секты и бесчисленное множество зрителей. Случаев было во время похоронной процессии: 311 повреждений от давки, 75 обмороков, 7 драк, 121 кража, 374 карманника взято полицией, 1021 потеря, 79 упавших в каналы и канавы. Еще живет буддизм в Японии, хотя, без сомнения, скоро придет ему конец.

29 января / 11 февраля 1903. Среда

С восьми часов Литургия, потом благодарственный молебен, на который и я выходил. Во время молебна за японского Императора и японцев какой-то японец поблагодарил за сие наше усердие: камнем, пущенным, должно быть, с дороги, что с северной стороны, разбил стекло в окне Собора.

После службы зашел Стефан Доде в сопутствии сиделки, которая ныне постоянно при нем. Подарил ему три книги толкования Златоуста на Первое Послание к Коринфянам, а он из дома прислал мне сладкий хлеб.

Вечером в Семинарии был «энзэцуквай». И меня пригласили, говоря, что будет больше «хикитацу» (одушевления). Действительно, говорили спичи с таким горячим одушевлением, что можно было и поубавить —

слишком уж кричали. Настроение хорошо: все, видимо, одушевлены желанием служить Церкви. Во время речи Василия Нобори мне пришло желание послать его в Академию: очень умный и религиозно настроенный молодой человек, жаль только, что здоровьем плоховат, часто болеет. Его бы в Киевскую, а Петра Уцияма — в Петербургскую. Конечно, никому еще не говорил об этом намерении. Увижу, что Бог дальше положит на сердце. Сотвори Господи по Твоей Воле и во благо Твоей Церкви! Распорядитель вечера, Н. Ёсида, предложил и мне сказать что-нибудь собранию. Я сказал о том, что современные японцы должны благодарить своих предков за все доброе, наследованное от них, и воздавать славу и благодарение Богу за то, что Он сохранил японский народ в продолжение столь длинного периода его жизни, начиная с Дзинмутенно... Мексика и Перу тоже были цветущие государства, но погибли, отчего? Священная История участием Хананеев объясняет это: нервы и обычаи, как приношение в жертву пленных и рабов, были столь противны Богу, что Он не мог хранить их. Не то с японским народом, истинного Бога он не знал, но милость и хранение Божие не отступали от него за многое доброе, бывшее всегда у него; настолько то возможно для язычества... Но теперь вы уже не под пестунами, а прямо под руководством Отца Небесного. Итак, светите, Светом Его...

Сказавши речь, я ушел, чтобы не слушать следовавшей дальше музыки «Сацума-бива», при которой бывают такие дикие выкрики восхищенных слушателей, что положительно нельзя выносить.

30 января / 12 февраля 1903. Четверг

Чтобы поскорее справиться отчеты в Россию, прекратил на время перевод, только корректуру вместе читать будет приходиться Накаи.

Из Нагасаки получена телеграмма от консула князя Гагарина, что иконостас и колокола для Кёото пришли, наконец, в Нагасаки. Слава Богу! Тотчас же написал Гагарину, чтобы поскорей прислал коносамент, с которым здесь я выхлопочу позволение на беспошлинный пропуск груза через таможню в Кобе.

31 января / 13 февраля 1903. Пятница

Из Церквей благодарят за полученные книги служб Первой Недели Великого поста и Страстной седмицы, но требуют пение к ним, с каким требованием я в свою очередь отнесся к Д. К. Львовскому, он положит на ноты, что нужно. К Первой неделе в этом году обиход не успеет для Церквей, а со Страстной, вероятно, что-нибудь отлитографируем и разошлем.

1 / 14 февраля 1903. Суббота

Один русский безрукий попросился пожить с месяц в Миссии — родом вятчанин, работал на Манчжурской железной дороге, где ему отрезало руку; приехал, чтобы сделали ему здесь механическую, да беден; помещен с прислугой.

2 / 15 февраля 1903. Воскресенье. Праздник Сретения

Между зашедшими после обедни гостями был Иоанн Фукасе, богатый бумаготорговец из Цуяма, который дождался, пока все ушли, и отнесся с просьбой: убрать катихизатора Игнатия Камеи из Цуяма.

— Что за причина?

— В чахотке он, так никто не бывает у него,— боятся заразиться.

— Камеи был здесь на Соборе совсем цветущим по здоровью.

— Тем не менее он в чахотке, должно быть, заразился от жены, которая умерла от этой болезни.

— Очень жаль, если так.

А скорее всего, доктора японские перемодничали: трубят везде, что чахотка почти такая же заразительная хворьба, как холера, и нагоняют пустой страх на людей.

3 / 16 февраля 1903. Понедельник

Из Немуро один чиновник, язычник, спрашивает, где ныне Мануил Аримото, который был там катихизатором, и жалуется на него, что, отлучаясь на время из Немуро, поручил ему на сохранение чемодан с платьем и разными вещами, а он сломал замок в нем, и все вещи заложил; хочет он подать жалобу на Аримото властям о взыскании своего имущества. Отвечено уведомлением, что Аримото в Хакодате, а к о. Роману Фукуи написано, что Мануил Аримото отставлен от службы. Хорош проповедник христианства! А что будешь делать, коли таких представляют в школу, а пока в школе, покрывают дурные поступки?

4 / 17 февраля 1903. Вторник

Из Нагасаки известие, что девятнадцать ящиков с иконостасом и девять с колоколами отправлены на пароходе в Кобе и завтра будут там.

5 / 18 февраля 1903. Среда

Был у посланника попросить выхлопотать позволение на беспопытный пропуск иконостаса и колоколов через таможду в Кобе. Обещал.

Объявлена смерть принца Комацу и трехдневный траур по сему случаю. Завтра школы не учатся — три дня нет нигде музыки и тому подобного.

Полковник Глеб Михайлович Ванновский, военный агент, по случаю возвращения в Россию приезжал вместе с женою Марией Дмитриевной и дочками проститься и попросить отслужить напутственный молебен; так как Львовский уехал в Иокохаму, то петь было решительно некому; я же попросил его жену Катерину Петровну, отлично поющую в Церкви, пропеть, и мы вдвоем с нею отслужили молебен в Крестовой Церкви.

6 / 19 февраля 1903. Четверг

Секретарь посольства, князь Кудашев, известил, что в Гваймусе позволения на беспошлинный пропуск церковного груза не дали. Нечего делать; видно, придется заплатить пошлину. Отправил я иподиакона Моисея Кавамура в Кобе; завтра утром уедет, чтобы получить груз в Кобе и доставить в Кёото. Наказал просить, чтобы, по крайней мере, не открывали ящиков в таможне, а послали чиновника в Кёото освидетельствовать вещи при открытии ящиков в храме, — боюсь, чтобы не перепортили иконы и позолоту на иконостасе.

7 / 20 февраля 1903. Пятница

Сиденье не разгибая спины за перепиской отчетов.

8 / 21 февраля 1903. Суббота

То же, рассылка содержания служащим на третий и четвертый месяцы.

9 / 22 февраля 1903. Воскресенье

После Литургии между гостями был Давид Ниими, врач из Ханда, весьма благочестивый и радетельный о Церкви христианин. Бог послал ему тяжелое испытание — параличное поражение, впрочем, такое, что еще может ходить и владеть руками, но не свободно, а всего ему пятьдесят восемь лет, и по виду он не стар. Приехал посоветоваться с здешними врачами. Был еще христианин из Сиракава, говоривший, что Церковь там весьма оживилась с поселением у них о. Игнатия Мукояма. Уже помышляют по постройке храма; тысяча ен для того собрана, но мало — будут собирать больше.

10 / 23 февраля 1903. Понедельник

Отчеты и донесения за 1902 год кончены и отправлены на почту. Работа эта всегда немало утомляющая и, главное, отвлекающая от главного занятия — перевода богослужения — недели на две.

После полудня читал накопившиеся за последние дни письма.

Василий Хираи, лежавший в параличе, поправился; о. Яков Мацуда испытывал его и свидетельствует, что он совершенно свободно говорит и владеет руками и ногами, как здоровый, почему и представил его опять на службу в Сеноо; там весьма обрадовались этому и даже мне написали благодарственное письмо за это.

Больше интересного из писем ничего не вычитал, а просьб о деньгах, как и водится, вычитал несколько, которые по возможности и удовлетворил.

11 / 24 февраля 1903. Вторник

За день справил частную корреспонденцию: адмиралу Алексееву, начальнику Квантунской области, о находящихся здесь в Семинарии русских учениках Легасове и Романовском — как учатся и прочее, на запрос адмирала; В. Н. Буховецкому и А. Эр. Шпейер об их крестнице Кате, учительнице здесь в школе; Miss Mary Patherson, San-Francisco, что, по просьбе Reverend Jefferys'a, наши книги ныне посылаются в Сан-Франциско для живущих там японцев и прочее.

Вечером с Накаем продолжали перевод. Ныне идет служба праздников Обрезания и Святого Василия Великого.

12 / 25 февраля 1903. Среда

Отправлен ящик книг в Сан-Франциско, по просьбе Rev. Jefferys'a, что в Сендае, — все наиболее серьезные наши религиозные переводные книги, около пятидесяти экземпляров, на имя Miss Mary J. Patherson, Librarian for the San-Francisco Mission to Japanese — в пользу японцев, живущих в Сан-Франциско, — между которыми есть и православные.

На будущее время иметь в виду, однако, что при подобных просьбах о пожертвовании книг следует, жертвуя, сдавать их тут же кому-нибудь. Теперь на пересылку ящика с этими книгами потребовали из Пароходной компании двенадцать ен; трата вовсе не по нашему карману, хотя книг не жаль.

13 / 26 февраля 1903. Четверг

Школы с сегодня отдыхают, так как масленица. Кстати посмотрят великолепие похорон принца Комацу, которые происходят сегодня.

У нас с Накаем отдыха не полагается — переводим.

14 / 27 февраля 1903. Пятница

Ученики Семинарии и Катихизаторской школы, человек пятьдесят, отправились, в шесть часов утра, под предводительством Василия

Ямада, начальника общества «Сейнен», в Оомию на прогулку. Туда, восемь ри, будут идти пешком, оттуда вечером приедут по железной дороге. Там погуляют в Общественном саду и побудут в церковном доме, где предполагается религиозное пение и произнесение религиозных речей. Погода, кстати, хорошая.

Из Кобе от Кавамура письмо, что ящики с церковными вещами ему сдали и что таможня их пропустила беспошлинно. Спасибо за это! Теперь забота Кавамура — только благополучно доставить их в Кёото. К ста енам, данным ему отсюда, потребовал еще сегодня семьдесят ен перевести на его имя в Кёото телеграфным путем. Сделано.

Утром, во время перевода, посетил Bishop Williams в сопровождении Mistress Gradiner. С радостью принял я старого приятеля. Он живет теперь постоянно в Кёото и имеет в своем заведывании только четыре Церкви. Скромнен до того, что на кресла не упросишь сесть, присел на стуле; снять с себя фотографию невозможно упросить его. Спрашиваю:

— Когда это вы прекратите выписку ваших миссионеров в Японию? Теперь здесь у Вас, епископалов, вероятно, около сотни на поле. И еще Bishop of Kyoto, Partridge, требует «as soon as possible» выслать ему сюда «ten ordained missionaries and ten women», как вчера напечатано во вчерашнем номере «Japan Daily Mail».

— А как же! Нужно, очень нужно! — отвечает.

15 / 28 февраля 1903. Суббота

Написал о. Денисию, на Афон, в ответ на его недавнее письмо, чтобы, если благословят авторитетные афонские старцы, если средства есть на дорогу и на прожитие здесь и если желает, пусть приедет сюда лично, чтобы посмотреть, можно ли основать здесь монастырь. По его желанию послал ему и некоторым старцам японское Евангелие и несколько других книг.

16 февраля / 1 марта 1903. Воскресенье.

Заговенье перед Великим Постом

До Литургии крещены один взрослый, трое детей.

После службы были, между гостями, христианин из Сайдзэ, на Сикокку, агент страховой компании, по-видимому, усердный верующий; христианка из Аннака, мать жены катихизатора Негуро, плакавшаяся, что издержалась на лечение его; потом она была вместе с катихизатором в Аннака Иоанном Ито и его невестой — видимо, в качестве сватки их, просить на время поместить невесту в школу (пусть, если Елисавета найдет там место для нее).

В пять часов с половиною вечера и повечерье перед завтрашним постом. Прощаясь после богослужения, я сказал небольшое поучение, чтобы старались искоренять дурные свойства, составляющие причины и корни грехов; каяться только в дурных поступках поверхностно — все равно, что отщипывать ростки, не трогая корни. Пусть каждый твердо верует, что с помощью благодати Божией может исправить свои дурные свойства. Священное Писание и Священное Предание полны примерами исправления грешников. Святой Ефрем, молитву которого только что творили мы, в молодости был дурным человеком, а теперь как чтется!.. И пусть каждый считает своею непременною обязанностию самоисправление, помочь тут никто не может, кроме Бога, другой тебе своих сил не передаст, как, например, учитель передает знание истории, географии и подобного. Если сам не позаботишься и не попросишь Бога, непременно погибнешь.

*17 февраля / 2 марта 1903 – 22 февраля / 7 марта 1903.
Первая неделя Великого Поста*

Службы: утренняя в шесть часов — шла полтора часа;

Часы в десять часов — почти два часа;

Великое повечерье в половине шестого — продолжалось два часа. Великий Канон я читал. Таков порядок службы был всю неделю. В среду и пятницу была преждеосвященная Литургия. Кроме учащих в Церкви почти никого не бывало, особенно утром и вечером. В четверг после утрени прочитаны были молитвы к исповеди, после чего в продолжение двух дней о. Роман Циба исповедал учеников Семинарии, о. Феодор Мидзуно — учеников Катихизаторской школы и учениц. В субботу в восемь часов прозвонили к причастному Правилу, вслед за которым был звон к Литургии, на которой все учащиеся приобщились Святых Тайн. Вместо запричастного я сказал небольшое поучение — о единении всех в одну семью Отца Небесного таинством причащения. «Смешением языков люди разделены были, ниспосланием Духа Святого в виде огненных языков — соединены, и это совершается преимущественно через участие в единой для всех таинственной трапезе, через которую ныне вы и за себя, и за весь народ ваш присоединяетесь к семье Отца Небесного, и истинно воспитываетесь для Царства Небесного. Тело нельзя напитать, например, написав иероглиф „миси“ и держа его перед глазами, и душа тоже не мечта — ей нужна действительная пища, это и есть Тело и Кровь Христовы», — и так далее.

Замечательных писем из Церквей не было. Только из Маезава христианин Адриан Сунгиноме попросился в катихизаторы, «полгода-де проживу при катихизаторе для более ясного узнания веры — а там и на службу». Но и в эти полгода нужно ему на пропитание семье по меньшей

мере восемь ен в месяц и так далее. И ходатайствуют за него катихизатор Иоанн Синовара, катихизатор в Ивайквай Тит Накасима и сам о. Борис Ямамура. А Адриану шестьдесят лет; жена у него не встает с постели, стало быть, отлучиться он никуда не может. Прямо-прямо видно, что человеку хочется только задаром сесть на шею Церкви. И за такого человека ходатайствуют! Бедная моя головушка! Ни единого нет между японцами печалующегося о Церкви! Борис – лучший из священников, и тот вот всегда так!.. Разумеется, отказано.

Из Сан-Франциско от о. Севастиана получено письмо, которым он просит «присылать туда японского священника для удовлетворения духовных нужд православных японцев там». Там-де «до десяти человек семинаристов из вашей японской Семинарии». Еще бы! Для этих мерзавцев оторвать тут от дела священника! Каждый из них изменил своему обещанию служить Церкви, обманул Церковь, воспользовавшись ее средствами, и так далее. Книги туда недавно посланы, пошлются и еще, коли нужно; больше ничего не будет для них сделано. Таинства могут принимать там в русской Церкви. О. Севастиану, конечно, не будет писано о них в сем тоне.

В продолжение недели мы с Накаем почти окончили чтение корректуры Пентикостария.

23 февраля / 8 марта 1903. Воскресенье. Неделя Православия

Моисей Кавамура вернулся из Кёото, благополучно доставивши туда из Кобе ящики с иконостасом и колоколами. Теперь мне нужно туда ехать открыть ящики и устанавливать иконостас.

Петр Исикава, редактор, приходил прочитать письмо к нему из Маебаси от причетника Павла Оонума. На вопрос Исикава: «Там в Церкви какое-то расстройство, что такое?» Оонума описывает отношение о. Павла Морита к христианам, совсем не хорошее в настоящее время. Любит сей отец мешаться не в свои дела, так посватал за одного христианина в Маебаси (сына Кувадзима) христианку из Такасаки, поженил их, а потом они разошлись – из-за этого смута. С ним вступил в пререкание Спиридон Фукузава, дрянной характером, прежде уходивший в протестантство, и развелось волнение на всю Церковь в Маебаси. Весьма жаль! И едва ли уже уладит о. Морита. Горд он к тому же. Не хочет никого позвать на помощь отсюда, из Хонквай, когда ему советуют это: «там все мои ученики», говорит. Много еще другой дряни в письме Оонума. Между прочим, что в Такасами катихизаторы Иван Судзуки и Стефан Оно перессорились. Боже Ты мой! Как благочинный необходим – посещать Церкви и предупреждать или улаживать все это! И нет ни единого человека для сего, ни здесь, ни из России.

Павел Ниицума был: в Симооса много проповедывал в помощь катихизаторам и говорил, что там ныне везде сердца людей открыты для принятия Христианского учения, только проповедники плохи, лучший из них — Филипп Узава, но и тот, по словам Ниицума, везде еще мешает Конфуция с Христом, Христово же учение плохо знает (здесь, в Катихизаторской школе, не был). А еще церковку построил, и я в душе полагал, что хорошо бы его местным священником сделать. Куда такого негодного священника!

24 февраля / 9 марта 1903. Понедельник

Немирные христиане коодзимаци просили, чтобы священник пришел к ним поисповедывать желающих из них. Это значит, что они перед исповедью и причастием не хотят даже и всюнощную отстоять здесь. Ответил, что позволить им значило бы уж слишком поощрить их ленность. Пусть придут сюда, поисповедываются, помолятся за всюнощной и так далее. Замечательно, что просил об этом за них о. Феодор Мидзуно — так-то священники безучастно относятся к святому делу!

25 февраля / 10 марта 1903. Вторник

Проверка отпечатанного Пентикостария закончена. Остается переписать и разослать по Церквам, что будет сделано до Пасхи.

В шесть часов вечера со скорым поездом выехал в Кёото раскрыть ящики с иконостасом и принять колокола, установить в Церкви первый, поднять на колокольню последние. Взял с собою звонаря Ивана.

26 февраля / 11 марта 1903. Среда

Утром в семь часов двадцать восемь минут прибыл в Кёото и через двадцать минут был дома. Тотчас же призваны были столяры и открыты ящики с иконостасом. От слабого прикрепления икон к киотам пять больших икон нижнего яруса выпали из киота, две большие иконы третьего яруса тоже; свободно двигаясь внутри ящиков, эти иконы нанесли значительные изъязнения киотам. К счастью, сами иконы совсем мало повреждены, кое-где только царапины, которые легко исправит наша иконописица Ирина Ямасита. Иконы нижнего яруса все благолепны, верхнего — тоже, о малых — среднего яруса — нельзя сказать этого, но и эти порядочные. Иконостас же превосходит — совершенно фарфоровый. Колокола все пришли в совершенной целостности.

Призван был архитектор Мацумура, и с оным переговорено об установке иконостаса и поднятии колоколов, а также об окраске Церкви с наружной стороны.

Женскую школу нашел в полном порядке. В ней ныне восемнадцать учениц; везде чистота; занятия идут правильно.

Остановился я в доме катихизатора Акилы Хирота, который здесь еще один – семейства не вызвал из Сидзуока.

27 февраля / 12 марта 1903. Четверг. В Кёото

Утром более подробное изучение пришедшего иконостаса. Столяры целый день склеивали и приклеивали отломанные у киотов части, столбики, колонки. С помощником архитектора, который, будучи сам и нездоров, и очень занят, прислал его, условлено, как поставить и укрепить иконостас – врубить балку из хиноки повыше царских врат и прочее.

Открыты ящики с церковной утварью и облачениями.

28 февраля / 13 марта 1903. Пятница. Кёото

Целый день в Церкви со столярами; склейка обломанных частей, раскладка иконостаса по полу. Увы, он оказался на один фут десять дюймов две линии шире нашей Церкви. Думали, думали мы, куда деть излишек, и решили, наконец, две крайние киоты завернуть на клиросы; более лучшей меры решительно нельзя придумать.

Вечером из бумаг вынуты и осмотрены: паникадило, оказавшееся на двадцать свечей, вызолоченное, с эмалевыми орнаментами; два больших подсвечника и выносной, тоже золоченные. Подсвечники не без труда составили из множества частей.

1 / 14 марта 1903. Суббота. Кёото

Иконы из Церкви перенесены в мою комнату, чтобы не подпортились и не пылились, пока будут работать над иконостасом. Принесены две балки хиноки – большая и выше малая для скрепления иконостаса, и их врубают в стены концами; концы эти будут еще привинчены к стоящим столбам железными планками. Переговорено с постановщиком лесов для поднятия колоколов.

С шести часов всенощная в комнате второго этажа о. Семена Мии, временно приспособленной для совершения богослужений. Пели ученицы на два голоса превосходно, ни разу не срознили; зато голос Надежды Такахаси, начальницы, постоянно слышался то с верхними, то с нижними голосами – отлично ведет пение. Ирмосов не пели. Кроме учащих при богослужении было человек двадцать с малыми детьми в том числе. Читал Акила Хирота, но слабый у него очень голос; проповедь говорил другой катихизатор, Иоанн Исохиса, – малосодержательно.

2 / 15 марта 1903. Воскресенье. Кёото

С десяти часов о. Симеон отслужил обедницу. Поучение я сказал. Пели отлично. Молящихся было столько же, как вчера, только больше мужчин, чем женщин.

В Церкви балки прикреплены ко столбам, и к ним начали ставить и прикреплять иконостас. Поставлены Царские ворота и от них направо два киота.

Развернуты и осмотрены металлические вызолоченные хоругви, дар московских Кремлевских Соборов Хоругвеносцев. К сожалению, у нас едва ли найдутся такие богатыри, как там, носить в крестных ходах эти тяжелые знаки победы Христа над смертью. Осмотрены также ковчег и священные сосуды — все превосходно.

Заказаны столярам: комод для ризницы, шкапик для свечника, другой, небольшой, под жаровню в алтаре, в них, кажется все можно поместить, что потребно в Церкви для совершения богослужений.

Вечером я написал к Петру Исикава для Rev. Hagin прошение им сведения о нашей Церкви здесь со статистическими данными. Как надоели эти протестанты с приставами о разных сведениях! Недели не проходит, чтобы не было этого; покоя не дают; делать им нечего при их многочисленности здесь.

3 / 16 марта 1903. Понедельник. Кёото

Целый день в Церкви. Поставили все киоты нижнего яруса, из коих две крайние к окнам наискось. Помощник архитектора принес соображения и цены на материал и работы по постановке иконостаса, поднятию колоколов, окраске храма снаружи — вся смета на 687 ен 63 сен, ужас! Толковал и поверял с ним долго, кое-что оказывается совсем лишним и будет выброшено, но сокращение суммы последует мало. А что поделаешь!

Вечером толковали с о. Симеоном и катихизаторами Акахира и Исохиса о приготовлениях к освящению Церкви, о гостях, и подобном. Они хотели пригласить человек сорок, начиная с губернатора. Ладно, сделаем для них угощение — иностранное «риссёку», от полутора до двух ен на человека, в палатке направо от Церкви. Налево от Церкви, тоже в палатке, устроим угощение для христиан, которых еще неизвестно, сколько будет — каждому будет хорошее бенто в ящичке. Более почетных из них можно присоединить к язычникам, которые все будут почетные, предложил я разослать, в определенное для того время, приглашения по Церквам Тоокайдо и Циукоку, с тем, чтобы все, кто пожелают быть на освящении, путевые в Кёото и обратно имели на свой счет, в Кёото же — не могущие себя содержать — три дня могут быть моими гостями: каждый

получит билетик (киппу) на прожитие три дня в гостинице, по шестьдесят сен за сутки. Таковы предварительные соображения. Кстати, я выбрал о. Симеона и катихизатора Исохиса за небрежность, выказанную ими при постройке храма: принесли от подрядчика двери и окна с такими затворками, что ничего ни затворить, ни отворить как следует нельзя — такие плохие приборы. Впрочем, о. Мии и умрет неисправимым в этом отношении, такой спустя-рукавный характер у него.

4 / 17 марта 1903. Вторник. Кёото

Иконостаса второй ярус и третий — Деисус — и три киота с Апостолами установили и прикрепляют железными связями.

Злато-красная парча, пожертвованная Владимиром Григорьевичем Сапожниковым, послана в Токио к ризничему Моисею Кавамура, чтобы он пошел из нее облачение для священника, диакона, чтеца, на престол жертвенные, аналой для храма в Кёото.

Другой прибор облачений прислан сюда — еще не знаю, от кого, совсем готовый к употреблению.

Днем заявился некто Иоанн Такахаси, уроженец окрестности Токио, двадцать семь лет тому назад крещенный в Хакодате о. Анатолием, потом поступивший в Катихизаторскую школу здесь в Токио; в школе будучи, он захворал грудью, долго лечился в казенном госпитале, а потом обратился к мирским занятиям. Жил прежде в Оосака, ныне живет уже двенадцать лет в Кёото и промышляет закладчеством. По-видимому, не совсем потерял чувство, хотя в Кёотскую Церковь до сих пор не заявлялся, говорит, будто на днях только случайно узнал, что здесь есть наша Церковь. Обещался вперед бывать в Церкви. Сколько таких заблудившихся овец рассеяно по Японии!

5 / 18 марта 1903. Среда. Кёото

Круглые четыре киоты на третий ярус еще не поставили, только прилаживают, да помаленьку укрепляют иконостас с алтарной стороны. Слишком уж мешкотны здешние рабочие. Леса для поднятия колоколов возвели до высоты колокольни.

Во время классов вчера и сегодня был на преподавании почти всего, что преподается в Женской школе. Учительницы: Надежда Такахаси, Любовь Асано, Ольга Ябе — прекрасно учат; видно, что к классам готовятся и разумно объясняют свои уроки; о. Мии, конечно, тоже отлично преподает Закон Божий и русский язык, которому все ученицы учатся; практическую пользу едва ли придется извлечь им из русского языка, а для развития памяти и соображения полезно.

Заказано помощнику архитектора Иции оградить все нижние окна Женской школы железными прутьями, построить небольшую кладовую для съестных припасов, навес над переходом в ватер-клозет, стеклянные двери в одном месте — все это по просьбе Надежды Такахаси, начальницы школы. Около ста ен будет стоить.

Был из Оосака о. Иоанн Оно. Говорил, что там Церковь мирна, о. Сергей Судзуки в добрых отношениях с катихизатором Фомою Танака, который, к тому же, ныне значительно посмирел; проповедь идет успешно; десять человек недавно крещено; есть и дальнейшие слушатели. О. Сергей только что вернулся из поездки по Церквам, говорил (о. Сергей), что в Химедзи Церковь в очень хорошем состоянии; несколько человек он крестил там.

От меня о. Оно отправился беседовать со своим бывшим стародавним приятелем Араи'ем Цуненосин, с которым еще не виделся по приезде его из Америки. Я предупредил его, что Араи до сумасшествия мистик, что и не удивительно, коли он тридцать лет пробыл в Америке на содержании и под влиянием какого-то завзятого мистика Гаррисса.

6 / 19 марта 1903. Четверг. Кёото, и на пути из него

Утром прибыл Василий Окамото, бывший начальником плотничьих работ при постройке собора в Токио, укреплявший иконостас там и участвовавший в поднятии колоколов. Я его просил, по пути в Оосака на выставку, остановиться в Кёото и помочь советом здесь по скреплению иконостаса и поднятию колоколов; к первому он опоздал, ко второму как раз вовремя; я ему сдал присмотр за этим делом, за что уплатил его дорожные в Кёото и дал за труд — всего двенадцать ен, а сам был свободен сегодня же оставить Кёото, так как пока здесь делать нечего. Исправление изъянов иконостаса займет недели три, так как поврежденные места нужно четыре раза покрывать составом и давать ему высохнуть, могли бы мы приготовить к освящению храма не ранее Вербного воскресенья, но о. Мии просил отложить оное до более удобного времени после Пасхи, так как к Вербному воскресенью, перед Страстной седмицей, неудобно священникам собраться к освящению. Снабдил я остающихся разными наставлениями и распоряжениями, вымерил пространство Церкви и алтаря, чтобы купить в Токио ковер, если найдется, или заказать — всего надо 270 ярдов и 11 ярдов дорожки с амвона до престола (вдвое); — и со скорым поездом в восемь часов шесть минут вечера уехал в Токио. Звонарь Иван (бывший здесь и поваром для меня) остался, чтобы научить звонарному искусству Иова Таката, старика пятидесяти лет, из дворян, человека благочестивого, который попросился в это звание и вместе звание «квайдо-мори» — хранить храм и показывать его желающим видеть, рассказывая по иконам о Христианской вере.

7 / 20 марта 1903. Пятница. Токио

В десять часов утра был дома, на Суругадае. Между русскими письмами одно — от некоего послушника Вавилина, из Пекина, да такое безграмотное, что ответ пишет так: «отъветь». Просится сей ученый муж на службу сюда. Пошлется ему отказ, Преосвященный Иннокентий, конечно, имел в виду для него какую-нибудь службу, когда брал его с собой из России, — пусть ее и исполняет.

Между японскими письмами одно — от старика Филарета Миками из Оосака, что ссорился с о. Иоанном Оно, — пишет, что написанное по поводу прежнего его письма ко мне в «Сейкёо-Еова» убедило его покаяться и примириться с о. Оно и со всеми, он это и делал и ныне обрел покой душевный. Значит, писанье Иисаи Мидзусима приносит пользу.

Молодой кореец, студент Университета в Васеда, К. Р. Нан, приходил, хочет креститься, завтра в Церкви Коодзимацци, у о. Савабе; вследствие правительственного требования, он, как и другие корейские студенты, возвращается ныне в Корею, не докончивши курса только на несколько месяцев. Пять лет он воспитывался здесь; говорит, как японец, лицо очень умное. Но слушает Христианское учение у диакона Якова Тоохей только с 16-го числа, то есть четыре дня. Я сказал ему, что крещение принимать ему еще рано, пусть едет так домой, а там поучится христианству у о. архимандрита Хрисанфа; и дал ему рекомендательное письмо к о. Хрисанфу и наиболее важные христианские книги на японском языке.

Вечером продолжал перевод Праздничной Минеи с Накаем.

8 / 21 марта 1903. Суббота

До обеда обычный перевод. — Приходил с визитом новый секретарь Посольства Борис Константинович Арсеньев, очень симпатичный джентльмен.

От протестантства опять запрос сведений! Reverend Jandis просит сообщить ему, где по всей Японии наши Церкви, где живут наши миссионеры, в каких местах Японии наши Епископы. К счастью, от этого запроса легко отделался. Три года тому назад у нас при книжке протоколов Собора была отлично составленная Исаиею Мидзусима карта наших Церквей. Ныне попросил его прибавить народившиеся после того Церкви и отослал Jandis'у, написав, что миссионеров у нас всего один в Нагасаки, да и тот еще учится японскому языку, епископия тоже одна, в Токио.

9 / 22 марта 1903. Воскресенье

Учительница нашей Женской школы, Христина Хасуике, приходила проситься в монастырь. Ей двадцать два года; она — дочь одного бедного

здешнего христианина. Спросил у нее: «Отец об этом какого мнения?» Она ответила, что «отец предоставляет ей в этом полную волю». Я сказал ей, что «если в продолжение дальнейших трех лет ее намерение не изменится, то я попрошу принять ее в один из русских женских монастырей. Эти три года пусть будут ей искусом; она свободна, если нынешнее расположение ее изменится, выйти замуж, греха в этом не будет. Но желательно, чтобы она сохранила это ее святое влечение». Бог да поможет ей!

10 / 23 марта 1903. Понедельник

Получен ответ от Преосвященного Антония (Храповицкого), Епископа Волынского, на мое письмо, которым я спрашивал: «что за человек о. Пантелеймон, настоятель Мироносицкой пустыни близ Царевококшайска?» Просится он сюда, так нужно было справиться о нем у человека, близко знающего его по Казанской Академии. Преосвященный Антоний хвалит его и уверяет, «что если он приедет сюда, то будет работать с усердием и постоянством». Затем продолжает, что «приедет ли? Когда он терпит незаслуженные обиды от грубого начальства, то присылает и мне иногда, и вот теперь, прошение о переходе, но потом успокаивается, и ему становится жаль своих „черемисов“ и так далее. Стало быть, ждать нечего. Да и не нужно; ему тридцать семь лет, учиться японскому языку поздновато. При том же, бывший поручик артиллерии, богословские предметы едва ли знает так, как коренной духовный, прошедший Семинарию и Академию.

11 / 24 марта 1903. Вторник

Так как вчера в здешних магазинах не нашел ковра для Кеотской церкви, которого нужно 270 ярдов, то сегодня отправился в Иокохаму в иностранные магазины, и в них не нашел одного сорта такого количества, поэтому в лучшем магазине Jane and Crawford заказал выписать из Англии, по выбранному рисунку, красного цвета с белыми вкрапинами; цена три ены двадцать пять сен за ярд — дорого, зато прослужит лет двадцать, тогда как дешевый изнашивается года в три-четыре, а японские гоза — в два года, не более, стало быть, в конце концов дорогое оказывается дешевым. На русский взгляд такой ковер покажется излишнею роскошью, но в японском храме, куда входят без грязной обуви и где многие сидят, это не роскошь, а скромная необходимость.

12 / 25 марта 1903. Среда

Из Методистской Американской Миссии в Аояма прислали приглашение на выпускной акт в Аояма Гакуин. В виде привлекательности

помещено было в приглашении, что доктор Ямакава, президент Императорского Университета в Токио, и доктор Hall, президент Семинарии в Нью-Йорке, произнесут речи. Акт был в удобное время — в два с половиною часа Р. М., поэтому я отправился. Но Ямакава сказал всего несколько слов, да и то по развернутой бумаге, что, мол, «этот момент (окончание курса и получение диплома) очень важный для вас, воспитанников, и потому запомните его навсегда — полезно будет для жизни». Доктор Hall с залихватскими жестами, всплескиванием в ладоши и привскакиваниями, отхватил, действительно, порядочную и длинную речь, но по временам она топила ненужными подробностями, например, что все люди непохожи один на другого, об этом без нужды ораторствовал десять минут, да и заключил скачком: «Почему непохожи?» «Потому что есть Бог, и он этого хотел», ответил он сам себе. Сердцевина речи: «Бог вручил каждому из вас (воспитанников) сокровище, это сокровище — вы сами; Бог дал вам вас самих». Немножко похоже на каламбур. Президент заведения, Ебира, сказал короткое и хорошее напутствие кончившим курс, внушал им «запасться в жизнь мужеством и самоотвержением (юуки и кенсин)». Японка пела два раза: симпатичный и хорошо обработанный дискантик, но такой слабый, что на верхних нотах, где оные случались, совершенной крысой пищала, и неприятно для уха, и жаль становилось ее. Открыт был акт чтением Первого псалма по-японски и молитвой, после чего пропет был, стоя, японский национальный гимн, кончился тоже молитвой. Было множество миссионеров. Доктор Hall — нынешняя новинка в Японии; он путешествовал по Индии, Китаю, ныне в Японии, везде гремит своими речами; везде его нарасхват просят, и он, действительно, блестящий и неутомимый оратор. Тоже порядочная помощь протестантской Миссии эти путешествующие ораторы, а их каждый год несколько случается, и миссионеры умеют отлично пользоваться ими. Боже, что за богатый арсенал средств у Протестантской Миссии!

Возвращаясь из Аояма, заехал в Коодзимацэ к о. Павлу Савабе. Застал его в добром здоровье, мог бы он еще отлично служить делу Божию, если бы окончательно не опустился и не обленился. Пригласил его на освящение храма в Кёото; постараюсь свезти его туда, быть может, оживится немного. Сына, о. Алексея, не застал — отправился в Церковь Хацивоодзи. В Церкви все чистенько и в порядке.

13 / 26 марта 1903. Четверг

Князь Гагарин, консул в Нагасаки, пишет, с препровождением письма к нему о. Вениамина, что священник, сопровождавший эшелон, шедший на «Саратове» во Владивосток, в своей священнической одежде ходил там в непотребный дом; просит о. Вениамин его, консула, принять меры

для пресечения таких безобразий, консул же, не зная, что предпринять для сего, препровождает дело ко мне. Я написал о сем протопресвитеру, А. А. Желобковскому, прося его, уже вторично, сделать лучший выбор священников, отправляемых в эти края. Из письма князя сделал выписку, а письмо о. Вениамина приложил в подлиннике.

14 / 27 марта 1903. Пятница

Послал в Москву письма — о. Благоразумову, господам Тихомирову, Епанечникову, Дудышкину о том, в каком виде пришли (исправляется иконостас), когда будет освящение храма и прочее, и прочее.

15 / 28 марта 1903. Суббота

После полудня был на выставке в пользу нашего сиротского приюта. София Китагава, начальница приюта, отлично устроила выставку: заинтересовала нескольких дам японского высшего круга, собрала множество вещей, картин, запросила музыкантов дать концерт тут же, в зале. Собирает деньги на постройку здания для приюта. Что это именно христианский приют, не совсем видно, иначе, вероятно, не столь многие заинтересовались бы. Но предмет вообще симпатичный; к стати же, теперь мода на благотворительность и в языческих кругах в Токио. Помогай Бог.

С выставки отправился, по полученному приглашению, вместе с нашим начальником Семинарии Иваном Акимовичем Сенума в Мейдви Гакуин (Сирокане, Сиба), американское пресвитерианское заведение, на выпускной акт. Здесь, для заманчивости, были объявлены речи виконта Ватанабе, недавно путешествовавшего по Америке и Европе, и того же доктора Hall'a, который говорил речь в Аояма Гакуин в среду. Президент этого заведения — Rev. Ибука. Порядок тот же, что я видел в среду. Молитва, музыка и пение, на этот раз американки, певшей хорошо; в течение акта пел еще один миссионер прекрасным тенором, и играли вместе с японкой две маленькие американки — все на скрипке, и очень мило; к сожалению, фортепьяно было до того расстроено, что ухо драло, и игра на нем в четыре руки — было и это — была не музыкой, а испытанием терпения слушателей. Доктор Hall на этот раз говорил еще лучше, чем в Аояма, с более умеренными жестами и более сжато. Объяснял выпускным текст из Послания к Тимофею (1 Тим 4: 12): «Никто да не пренебрегает юностию твоею» и так далее. Говорил между прочим: «Вы юны, вам недостает знания перспективы; а что такое перспектива? Ближние предметы кажутся большими, дальние малыми, тогда как ближние явить могут только деревья и камни, а дальние — горы; не будьте обмануты». И рельефно выяснил шесть предметов, в которых они

должны быть образцами другим: «В слове, в житии, в любви, в духе, в вере, в чистоте», причем мне не понравилось, что он «любовь» определил только как «мнение» (opinion) — не дурно думать и говорить о людях; «веру» — как «убеждение» (conviction); «дух» — как стойкость и влияние; «чистоту» — как «справедливость», или «правдивость» (righteousness); словом, объяснение было слишком поверхностное и такое, какое язычник мог бы делать, говоря к язычникам, — о Христе скользь упомянул только в самом конце, что он был образцом правдивости. Но я подумал, что вероятно, его предупредили, чтобы он не очень напирал на христианство: заведение здесь не специально богословское, а общеобразовательное, и кончившие курс, должно быть, еще язычники, хотя, конечно, близкие к христианству, как воспитанные под влиянием миссионеров. Вообще же, впечатление от посещения подобных актов получается тяжелое: в миссионерских заведениях ожидается, что все веет христианством, а тут христианство видится придавленным, как будто не смеющим выглянуть на свет Божий, и выглядывающим только где-нибудь из уголка. Виконт Ватанабе мямлил — точно корова сухое сено — едва переволокется от одной мысли к другой; гвоздь его речи: «Знание — кирпичи, для связи их нужно хорошее поведение, иначе доброе знание жизни не построится». Спасибо и за это. Президент Ибука раздал первым по остающимся классам похвальные листы и книги, кончившим — дипломы и напутствовал их небольшою речью. Доктор Hall спросил меня, когда у нас завтра служба, и выразил желание приехать к ней.

16 / 29 марта 1903. Воскресенье

В половине девятого утра приехал Доктор Hall, president of the Union Theological Seminary, New York. До звона к Литургии расспрашивал о нашем миссийском деле здесь, попросил нашу книжку протоколов и карту наших Церквей здесь, что, конечно, я ему дал. Сказал, между прочим, как замечательный факт, что у него первый сын, теперь пятнадцатилетний, родился 1-го января, и он назвал его Василием, и уже только после узнал, что в этот день празднуется Василию Великому; когда же я сказал ему, что сегодня у нас будет Литургия Святого Василия Великого, то он обрадовался и сказал, что всю ее пробудет у нас в Церкви. Я предупредил его, что «она будет длиться два часа». — «Ничего, я свободен на этот раз», ответил он. Но слова своего не сдержал; видал я его только, обратившись благословлять после облачения, при следующем моем обращении к народу его уже не было. Должно быть, имел говорить где-нибудь проповедь при протестантском богослужении, но стеснялся сказать это; вообще, вчерашней своей заповеди о purity-righteousness, с таким апломбом данной юным японцам, ничем не соблюл. При всем том, доктор Hall весьма умный и очаровательный джентльмен.

За Литургией сегодня было человек пятьдесят причастников, что, однако, мало для Великого поста и для Тоокейской Церкви.

В Кинки-кан и сегодня продолжается выставка нашего сиротского приюта; вчера она была с полудня до пяти часов. Посетителей было пятьсот человек. Из иностранцев только я да какая-то дама. Сегодня утром я послал в наше Посольство несколько билетов, но, кажется, оттуда никто не был на выставке.

17 / 30 марта 1903. Понедельник

Принесли из переплета Пентикостария двести экземпляров и Пасхальной службы пятьдесят экземпляров для скорейшей рассылки по Церквам. К Пасхе, конечно, во все Церкви успеет. Счет из типографии за шестьсот экземпляров Пентикостария и сто Пасхальной службы 696 ен, да вот от переплетчика за принесенное 190 ен. А всего, с переписчиками, Пентикостарий обойдется более тысячи ен. Что делать!

18 / 31 марта 1903. Вторник

От Преосвященного Сергия, ректора Санкт-Петербургской Академии, служившего здесь, получен отзыв об о. Пантелеймоне, настоятеле Мироносицкой пустыни, на вопрос мой о нем: «Человек он, конечно, честный и благонамеренный, но вот насчет науки ушел не особенно далеко. Если о. Вениамин не поминал за Литургией усопших, „потому что не было особой печати для заупокойной просфоры“, то и сей может оказаться несколько в том же положении... У него, несомненно, есть вера и миссионерская жилка. Для окрестных инородцев он, говорят, многое делает и многих привлекает к Церкви. Но вот что он будет делать с рационалистами-японцами? Сравнительно с ними он, пожалуй, покажется ограниченным. Относительно долговечности его в Японии я также особенной уверенности не имею». Значит, о. Пантелеймон сюда не годен. Господь с ним! Пусть служит в России! Да кстати, он и не повторяет своей просьбы — не отвечает на мое письмо ему.

О. архимандрит Никон, издатель «Троицких Листков», в сегодня же полученном письме от 16 февраля, между прочим, пишет: «Вчера „Московские Ведомости“ напомнили о вас, напечатав ваше слово на бывшем Соборе Японской Церкви (статья Ивана Акимовича Сенума, описавшего Собор). Трогательный рассказ ваш о том, как японец-язычник принес вам восемьсот ен на дело Миссии, думаю, не меня одного тронул до глубины души... И захотелось не отставать от этого доброго язычника, творящего милостьню, во имя пока неведомого ему Бога, и я пишу вам эти строки для того, чтобы спросить вас, что мог бы я послать вам рублей на триста?»... Спаси его Господи! Много сокровищ ума и сердца

его рассыпается по России; благодетельная рука его достигает и далекой Японии, и это уже не в первый раз.

19 марта / 1 апреля 1903. Среда

Василий Ямада, начальник «Сейнен-квай'я», вернулся со своей поездки на юг, достиг до Какогава, в Циукоку; говорил кое-где проповеди, показывал волшебный фонарь с религиозными картинками. В Оосака виделся с русским, приехавшим из Владивостока приготовить путь и удобства более сотни воспитанников, имеющим в июне посетить Оосака, Кёото и прочие места, предположенные для того. Миссия может послужить разве, предложив половине из сего числа остановиться в церковном доме в Оосака; в Кёото и этого не может сделать — негде поместить. Могли бы мы еще предложить одного из наставников Семинарии — кандидата — в руководители и переводчики, да в то же время у нас будут еще классы в Семинарии. Итак, мы почти ничего не можем сделать для русских юных туристов из Владивостока. Кстати, они в Токио и не собираются быть, главная их цель — видеть выставку в Оосака.

Василий Окамото, плотник, вернулся и говорил, что в Кёото колокола подняты и укреплены на колокольне, иконостас почти совсем исправлен. В Оосака он видел о. Павла Косуги, лежащего в госпитале неподалеку от места выставки, с которой Василий и зашел к нему, как я прежде наказывал ему. Совсем умирает о. Косуги: одного легкого нет нисколько, другого остается малая часть. Очень жаль!

20 марта / 2 апреля 1903. Четверг

Посланник Александр Петрович Извольский и жена его, Маргарита Карловна, приезжали с прощальным визитом, на днях уезжают в Россию. При них пришел Reverend King, сетовавший, что их Епископальная Церковь отклонилась от Никейского постановления касательно времени празднования Пасхи.

21 марта / 3 апреля 1903. Пятница

Японский гражданский праздник. Школы отдыхали, мы с Накаем до обеда не переводили. Перевод Праздничной Миней вчера достиг до вечера на праздник Богоявления.

Из Оота был добрый христианин, врач Косака, просить «отдельного катихизатора для Оота — двукратное в месяц посещение Павлом Сайто из Мито не удовлетворяет Церкви, много новых слушателей». Где же взять такого? Пусть посоветуется со священником и катихизатором насчет того, чтобы Павлу Сайто иметь постоянное пребывание в Оота и

отсюда посещать Мито, где меньше христиан и новых слушателей из язычников.

22 марта / 4 апреля 1903. Суббота

Был о. Павел Савабе, ныне мирно настроенный и в благочестивом духе, но пессимист, как всегда, разговор с ним тоску смертельную наводит; «нет ни одного порядочного человека между служащими Церкви», по нем, «все лентяи и наемники»... «Так отчего же вы сами, о. Павел, ничего не делаете для Церкви, тогда как еще очень могли бы, несмотря на свои семьдесят лет?» — хотелось сказать ему, но мелькнуло в уме, что сколько уже было говорено ему это без всякой пользы! Убеждал только «внушать его сыну, Алексею, не лениться», но и на это получается от него всегда один ответ: «характер, мол, у сына его такой». «Какой характер! Учился же прилежно, когда был в Семинарии, — просто избаловался». Но поди, толкуй с ним!

23 марта / 5 апреля 1903. Воскресенье

До Литургии было крещение шести человек; за Литургией было более восьмидесяти причастников, кроме детей; приобщался, между другими, Стефан Доде, князь, из скромности всегда последний подходящий.

Иконописица Ирина Петровна Ямасита отправлена в Кёото поправить повреждение на иконах и списать лучшие из них для образца при писании икон в другие Церкви. Оттуда телеграммой уведомили, что исправление иконостаса кончено.

Был лейтенант Сергей Влад. Шереметев, направляющийся в Россию, племянник графа Сергея Дмитриевича Шереметева и Александра Дмитриевича Шереметева, жертвовавших на построение здешнего Собора (Александр Дмитриевич — двадцать тысяч рублей). Показал ему архиерейское облачение, пожертвованное Катериной Павловной, женой Сергея Дмитриевича, бархатное с золотым шитьем, хранящиеся здесь бережно, показал также великолепные пожертвования Юрия Степановича Нечаева-Мальцева и прочее в ризнице. Обещал он выхлопотать у Сергея Дмитриевича, председателя комитета по иконописи, образцы икон, для писания здесь с них в японские Церкви.

24 марта / 6 апреля 1903. Понедельник

В Посольстве освящена часовня, через водоосвящение и прочтение одной из молитв на освящение храма. Посланник нашел неудобным иметь Церковь в одной из комнат дома, потому пристроена к дому снаружи эта часовня, где и будут совершаться богослужения для Посольства.

Следовало бы освятить здание как храм, но, зная, не угодно сие о. настоятелю, для которого закон не писан,— попросил меня посланник отслужить водоосвящение, что я и сделал, вместе с о. Сергием Глебовым, настоятелем.

25 марта / 7 апреля 1903. Вторник.

Праздник Благовещения

Между сегодняшними гостями была госпожа Семенова из Владивостока, привезшая письмо от тамошнего чиновника Николая Федоровича Сильмана, со вложением пятидесяти рублей на Миссию. Он и в прошлом году, будучи здесь во время Пасхи, жертвовал. Спасибо, добрые люди не оставляют Миссию.

26 марта / 8 апреля 1903. Среда

Двадцать три года неопустительно посылал «Сейкёо-Симпо» княгине Марии Александровне Мещерской, в благодарность за пожертвование ее семейства на постройку Собора и за сочувствие делу Миссии. Сегодня вернулась последняя пачка номеров обратно, не нашли княгиню в Москве. Стало быть, надо прекратить посылку. Думал, наш журнал идет куда-нибудь в библиотеку, а он просто бросался.

27 марта / 9 апреля 1903. Четверг

Из писем сегодня особенно хорошо о. Василия Усуи, описывает поездку по Церквам: проповедь оживлена, немало совершил крещений. О. Тит Комацу тоже хорошо пишет; особенно хвалит усердие христианина Василия Сато в Канума и просит послать ему похвальное письмо, что, однако, не будет сделано, а пошлетя книжка. Но раздражило письмо о. Игнатия Мукояма — тоже проехал по всем своим Церквам, но все они, за исключением Акуцу, оказались совершенно бесплотными; нигде ни одного крещения, даже ни одного ребенка у христиан не крестил. За леность его катихизаторов и особенно его самого послан ему строгий выговор.

28 марта / 10 апреля 1903. Пятница

С набора нового курса в Семинарии до сих пор было несколько краж, воришка, наконец, попался и сегодня исключен и отправлен домой в Маебаси. Я хотел было оставить его для исправления, но ученики слишком растревожены и не захотели; я не стал настаивать. Действительно,

для них очень неудобно иметь в своей среде и стыд школе, и причину взаимных подозрений. При наборе новых курсов почти всегда бывает подобное. Родители.

6 / 19 апреля 1903. Пасхальное Воскресенье

Крестный ход вокруг Собора и все Пасхальное богослужение совершены торжественно. В первый раз ныне за заутреней я произнес по книге Слово святого Иоанна Златоустного. Литургия окончена в начале четвертого часа. Обычное освящение куличей и яиц, христование с христианами, кончившееся, когда уже рассвело. С семи часов поздравления учащихся и разных приходивших порознь. В десять часов посетил епископальный английский миссионер Reverend Sweet, приехавший к Литургии, по незнанию того, что она порану совершена. Обычная беседа о том, что как бы хорошо все христианам составлять одно, что все желают этого и молятся об этом, что в языческой стране особенно чувствуется неудобство разделения.

— А не можем ли мы здесь составить Собор и взыскать единство? — вопрошает Reverend Sweet.

— К чему же это послужило бы? Разве наши Матери-Церкви послушали бы нас? Еще же нас обвинили бы за предвосхищение не принадлежащих нам прав. Да и здесь нашлись бы люди, которые вообразили бы, что мы сочиняем новую ересь, и стали бы громить нас, как вот теперь в здешних английских газетах громит вас, епископалов «высокой Церкви», Mr. Fillingham, за ритуализм, в котором ему видится идолопоклонничество.

В течение разговора Свит обмолвился:

— В отношении к Римской Церкви вы так же неправы, как и мы.

— Вы совершенно ошибочно думаете о нас. Мы на волос не можем укорить себя ни в чем относительно Рима. Не мы отделились от него, а он отпал от нас. Мы твердо содержим ту же истину, которую содержали сначала, а Рим сколько лжеистины сочинил и пустил в оборот! На моей памяти два догмата у него родились, неслыханные дотоле: «беспорочное зачатие», и «непогрешимость Папы». Наша же вина в чем тут и во всех кривых путях Рима, с тех пор как гордость пап отторгла его от единства с ним?.. Нам остается только ждать исполнения пророчества и вместе повеления Спасителя; «ты некогда обращаешь утверди братию твою» (...). Блуждает еще Церковь, мнящая себя Петровою, сатана отторг ее в рассеяние, но не до конца это будет.

Уходя, Reverend Sweet преклонил колена и попросил благословение. Близок он от входа в истинную Церковь, но, конечно, британская гордость не позволяет ему сделать последний шаг.

В течение дня посетили те русские, которые есть в Посольстве.

С пяти часов вечерня, соборне отслуженная.

7 / 20 апреля 1903. Понедельник Светлой Седмицы

С семи часов утра полное Пасхальное богослужение, кончившееся, в одиннадцатом часу, поздравлением певчих, потом — христиан из Коодзима, с оо. Павлом и Алексеем Савабе во главе.

С двух я отправился с поздравлением в Посольство, потом к князю Стефану Доде, у которого провел час, гуляя по саду, истинно артистически устроенному, и слушая его игру на цитре.

8 / 21 апреля 1903. Вторник Светлой Седмицы

С семи утра Пасхальное богослужение. После него группа немирных христиан из Коодзима поздравляла с праздником, тоже порядочно пропели Христославление. Я похристовался с ними, хотя яйца почти все разбитые остались. Потом отправился в Иокохаму поздравить семейство консула Сиверса, дети которого, несмотря на то, что протестанты были ночью на Пасхальном богослужении вместе с иокохамскими христианами; Пасхальная утренняя и Литургия там совершены были о. Петром Кано.— У морского агента А. П. Русина застал сегодня только что прибывшего в Иокохаму, возвращающегося на свой пост посланника в Сеуле, Александра Ивановича Павлова. Тут же был и военный агент Владимир Константинович Самойлов. Речь шла об очень вероятной возможности войны нашей с Японией. До сих пор я не верил этому, но в последнее время сама собой как-то поселилась в душе мысль, что война эта почти неизбежна. Японцы, конечно, не могут простить нам Порт-Артура; а тут еще неисполнение нами обещания вывести войска из Манчжурии, главное же — зуд японцев подраться с великою европейскою державою, чтобы уж окончательно получить диплом на звание великой азиатской державы. И вот сорок военных судов ныне производят маневры у Кобе; Император торжественно делает им смотр. Начальники частей сухопутной армии созываются в Токио для конференции. А русский флот в этих краях, конечно, далеко еще не может равняться численностью с японским; русские порта не имеют потребных для флота снабжений, русские берега не защищены, как должно, словом, туча висит над головами. А на Балканах поднимается движение и грозит война. Пожалуй, схватят за обе руки русского богатыря и почнут его тузить — не будь-де разгильдяем, протрет он глаза, опомнится, рассердится, встряхнется и в свою очередь станет тузить; а до тех пор стекла в нашем Соре поколотят.

9 / 22 апреля 1903. Среда Светлой Седмицы

Целый день читал накопившиеся за последние дни письма. Из деловых многие с просьбами о деньгах, что, по возможности, и удовлетворено,

еще о. Борис Ямамура просит разрешить брак в четвертой степени: сына на родной племяннице прежней жены; отвечено: не имею права изменить постановление Церкви.— О. Николай Сакурай очень просит еще двух катехизаторов для Хоккайдо, «иначе, говорит, еретики завладеют всем — больно широко и густо сеть раскинули». Где же взять их? — Кореец Ханг, недавно здесь хотевший креститься, пишет из Сеула, что передал мое письмо о. Хрисанфу и очень ласково был принят им, и подобное.

Поздравительных: телеграмм было доселе 40, листков 57, писем 84. Отовсюду сообщают, сколько было в Церкви на праздник — в Хакодате, например, 270 человек и денежных пожертвований в этот день было 66 ен, в Одавара более 200, в Токусима 50, и прочее.

10 / 23 апреля 1903. Четверг Светлой Седмицы

Утром, до полудня были: 1. Мараками, издатель месячного журнала «Сейкоо»,— просил рассказать что-нибудь о моей жизни в Японии. Рассказал, что пришло на мысль. 2. Авраам Сато, из Ициносеки, вечно ссорящийся там с другими христианами. И ныне не в особенно мирном настроении, но видно, что постоянное столкновение с большинством утопило его, и он вперед, должно быть, не очень будет мутить там.

11 / 24 апреля 1903. Пятница Светлой Седмицы

О. Вениамин из Нагасаки прислал прошение об отставке. Но в прошении на мое имя просит, чтобы я ходатайствовал перед Святейшим Синодом об увольнении его от службы в Миссии, а в письме, приложенном к прошению, просит отпустить его немедленно в Россию, снабдив двумястами енами на проезд. Пошлю ему обратно прошение, чтобы он, если хочет немедленного отпуска, выключил слова о ходатайстве перед Святейшим Синодом, иначе придется ему ждать здесь еще несколько месяцев.— Уволю его с удовольствием, трехлетнее его пребывание (приехал сюда 3 февраля 1900 года) в Японии доказало, что он Миссии приносит только убыток, прока же от него ни на волос; отчасти полезен он русским христианам в Нагасаки, но отчасти и вреден своим неудобным характером.

Взбалмошный о. Сергей Глебов (вследствие моей записки в ответ на его письмо, препровожденной третьего дня, имеющий успокоить его совесть, как я думал) прислал дифирамб себе, что подает в отставку от службы и в Духовной Миссии, и в Посольстве. Костривость и глупая заносчивость сего человека феноменальны — и ни малейшей оглядки на себя и способности понять недоброкачественность своих поступков и

речей! Послал и на это ему несколько успокаивающих слов, оканчивающихся: «Служите себе с Богом при Посольстве!»

12 / 25 апреля 1903. Суббота Светлой Седмицы

С семи часов утра Пасхальная служба, которую обыкновенно служат священники (без меня) соборне, но ныне служил только один о. Петр Кано. О. Феодор Мидзуно вчера ушел в Коодзимацци христославить у немирных и на ночь не вернулся — значит, запил, несмотря на свои зареканья не пить. Между тем из Циба вчера вечером телеграммой известили, что умер Иов Акияма, служивший там прежде некоторое время катихизаторским помощником, и просили прислать священника для погребения. Следовало бы отправиться о. Феодору, так как это его приход, но, по неимению его налицо, пришлось просить о. Романа Циба ехать похоронить, а у него самого мать при смерти. Отправился он, а часа через три прибежали сказать, что мать кончается, просят телеграммой вызвать поскорее о. Романа. Телеграмму послали о. Роману, чтобы по отпевании Иова спешил домой; в то же время я отправился прочитать над умирающей отходную. К вечеру сыскался домой о. Роман, матери его после отходной сделалось лучше. Явился и о. Феодор Мидзуно в Церковь во время всенощной и, по окончании оной, хотел отправиться с нами, завтра служащими, слушать вечернее Правило; но я его остановил, сказав, что он недостоин завтра служить, так как нарушил обет «не пить». Он смиренно принял это; и я сказал ему, чтобы он завтра вечером очистил себя таинством покаяния, после чего в понедельник может участвовать в служении Литургии.

13 / 26 апреля 1903. Фомино воскресенье

О. Симеон Мии из Кёото пишет: «Прошу порадоваться о Господе — нам не нужно беспокоиться о палатках в день освящения храма. Жители нашего квартала (то есть соседи наши) изъявили свою искреннюю готовность оказать нам содействие и помощь при совершении нашего торжества. Именно, они с охотой очистили для нас (должно быть, каждый в своем доме) одну или две комнаты на помещение приезжих христиан в день праздника. Словом, они желают разделить с нами радость, принять сердечное участие в нашем празднестве и, так сказать, сделать наш праздник своим общим квартальным торжеством. Это достойное внимания явление!.. Где устроить трапезу для приглашенных гостей — почетных язычников? Этот вопрос также решен. Смотритель нашего соседнего училища так добр и любезен к нам, что готов отдать в наше распоряжение приемный зал, или какой-либо класс в своем училище, чтобы не вышло никаких нареканий со стороны других потом, он посоветовался с городским головою (сичоо) об этом, городской голова

не только не нашел ничего против его намерения, но одобрил его. Так вообще наши соседи относятся к нам очень дружелюбно и готовы оказать нам помощь, в чем могут». Все это очень приятно, хотя я предвижу, что расходов будет гораздо больше, чем если бы не было помощи. На деликатность придется отвечать деликатностию и щедростию.

О. Яков Мацуда из Окаяма пишет, что двое его детей захворали тифом, почему полиция велела уложить их в больницу, а плата за одних только сиделок по одной ене в день. «Что делать?» – спрашивает, и просит ответить телеграммой. Ответчено: «По две ены в день будет высылаться на лечение». – Вот-то непредвиденный, и какой большой расход! Да и то еще, вероятно, мало. А где он больше возьмет? Священническое жалование его всего двадцать восемь ен и семь квартирных, при большом семействе; христиан там мало, да и какие есть – грошовики все.

С шести часов вечера – всеночная, петая причетниками. Все учащиеся были в Церкви, кроме маленьких девочек, так как проливной дождь все время шел.

14 / 27 апреля 1903. Понедельник Фоминой недели

С семи часов Литургия, после которой Вселенская панихида, на которую выходил и я. Пели то и другое оба хора. Почти полон Собор был христиан, принесших чашки с кутьёю. После священники отправились на кладбище, погода благоприятствовала сему.

Явился член Географического общества Вацлав Леопольдович Серошевский с рекомендательным письмом от Вл. К. Саблера; приехал исследовать остров Эзо, особенно же айнов. Я написал от себя еще два рекомендательных письма к оо. Роману Фукуи и Николаю Сакураи, чтобы помогли найти ему переводчиков айнского языка и прочее.

О. Роман Фукуи пишет, что японское военное судно, идущее к северным островам, согласно взять его, чтобы посетил он наших курильских христиан на Парамушире, отправившихся туда с Сикотана на охоту, но что ему нужны столовые, равные офицерским, – по шестьдесят сен в сутки; послано это ему, равно как и просимые им на гостиницы христианам на Сикотане и Парамушире, по пять ен. Пишет он еще, что городничий в Немуро согласился, наконец, отпустить двух девочек наших курильских христиан с Сикотана сюда, в Токио, в нашу Женскую школу для образования. Ответчено, чтобы девочки были не младше двенадцати лет и чтобы проезд их сюда был на их собственный счет, ибо курильцы теперь не бедные, здесь же они будут воспитываемы на счет Миссии.

15 / 28 апреля 1903. Вторник Фоминой недели

В школах начались занятия. Мы с Накаем взялись за перевод. Сегодня переведены молитвы, читаемые архиереем на рукоположении диакона и пресвитера.

16 / 29 апреля 1903. Среда Фоминой недели

Поправлен «Чин освящения храма», давно переведенный.— Иподиакон Моисей Кавамура отправился в Кёото делать приготовление к храмоосвящению.

17 / 30 апреля 1903. Четверг Фоминой недели

Стали продолжать мы с Накаем перевод Праздничной Миней.

Из перечитанных сегодня писем — ничего приятного. В Яманаси проповедь плоха; катихизатор пишет, что у католиков и протестантов тоже плохо,— большое утешение! В Ооцуцу катихизатор Давид Касе ссорится с христианами, которые не удовлетворяются им. Из Ямада катихизатор Павел Кубота просит двоих в Женскую школу, да еще на полумиссийское! Из Маебаси о. Павел Морита просит выключенного недавно за воровство из Семинарии опять принять, родители-де очень убиваются.

Из Темия катихизатор Павел Мацумори пишет, что в тамошнем большом пожаре на днях сгорели четыре христианских дома, надо хоть немного послать помощи. Из Токусима, что на наем церковного дома надо прибавить две ены в месяц.

18 апреля / 1 мая 1903. Пятница Фоминой недели

О. Вениамин из Нагасаки вновь прислал прошение об увольнении его из Миссии и немедленном отпуске в Россию. Просит об этом уже прямо меня (а не моего ходатайства перед Святейшим Синодом). С Богом!

19 апреля / 2 мая 1903. Суббота Фоминой недели

Написал о. Вениамину, что увольняю его из Миссии, согласно его прошению. Пусть сдаст находящиеся в его заведывании священные предметы и богослужебные принадлежности консулу под расписку и уведомит меня о сем, тогда я пошлю ему испрошенные им дорожные двести ен. Жалование за апрель, сто ен, послано ныне. Консулу князю Ал. Гагарину написал, чтобы он принял от о. Вениамина священные предметы и богослужебные принадлежности, чтобы с христианским благочестием хранил ящик, в котором антиминос, дарохранительница и Литургийные сосуды, в почетном и надежном месте своего дома, чтобы выдавал, как этот ящик со святынями, так и прочие священные и богослужебные предметы священникам, которые после о. Вениамина случатся в Нагасаки для совершения богослужений и отправления священных треб, и прочее. Написал также о. Вениамину, чтобы он сдал, а князю

Гагарину, чтобы принял церковную сумму, какая накопилась у о. Вениамина от продажи свечей, от случающихся пожертвований и прочего, и чтобы эта сумма присоединена была к той, которая собрана князем Гагариным на постройку храма в Нагасаки, на какой предмет она предназначалась по нашему совещанию с о. Вениамином, когда он отправлялся отсюда в Нагасаки на служение.

20 апреля / 3 мая 1903. Воскресенье Жен Мифоносиц

Утром, когда готовил к отправлению вышеозначенное письмо к о. Вениамину, получил телеграмму из Нагасаки: «Вениамин заявил отказ отпеть мужа, умершего в госпитале; причина — запах; что делать? Вдова капитана полка Чибышева». Тотчас ответил ему: «Отпойте капитана, умершего в госпитале», ей: «Послал Вениамину приказание отпеть». Из рук вон его своеволие! Из-за запаха не отпевать бы, это значило бы, почти весь род человеческий хоронить без молитвы. Хорошо, что он уезжает, таких самодуров здесь не нужно.

Получил сегодня диплом на звание «Почетного члена братства Святого Гурия» в Казани. Покоробило название «Апостола Японии». Можно ли так профанировать звание «Апостола!» Одно — жажда самовосхваления (у нас-де есть добрые миссионеры!..) Побольше бы старались о воспитании людей для миссионерства! Из медного гроша не выйдет рубля, коли не стараться о приращении грошей, чтобы по крайней мере совокупностию их сделать нечто похожее на то, что делали Апостолы.

Был у посланника, барона Розена, чтобы спросить: «В самом ли деле угрожает нам война с Японией?» Так как в случае сей опасности следует бы вывести миссийские деньги из японских банков. Он уверил, что ни малейшей нет опасности, хотя говорит, что сам желал бы войны, так как наши трусливо отступают, из-за боязни столкновения с японцами. Вообще, барон очень недоволен петербургской политикой относительно Японии, говорит: «Японцы и без войны торжествуют, потому что одержали дипломатическую победу».

21 апреля / 4 мая 1903.

Понедельник недели Жен Мифоносиц

Перевод с Накаем Слова, которое должно быть сказано при освящении храма в Кёото.

22 апреля / 5 мая 1903. Вторник

То же, и приготовление к богослужению по чину освящения храма на японском языке.

23 апреля / 6 мая 1903. Среда

У учащихся рекреация; день ясный, не как вчера. Ученики отправились за город с господином Сенума во главе и с учителем гимнастики, там у них будут разные игры с призами, на которые, равно как на угощение, и у меня выпросили восемнадцать ен.

Я приготовился к пути в Кёото. Сумка с частицею Святых Мощей в золоченном ящичке для положения под гранитную верхнюю плиту престола, с новым освященным (во время освящения здешнего Собора) антимином и с сосудцем святого мира будет у меня на груди. Беру и клубок с крестом.

К раздаче христианам и язычникам при освящении храма отпечатана брошюра с кратким изложением Православного христианского учения, в шестьдесят страниц, сочинение о. Симеона Мии, с внешним и внутренним видом Кёотского храма и со сведениями о Кёотской Женской школе в конце (правилами ее и прочим).

В шесть часов вечера со скорым поездом отправился в Кёото.

24 апреля / 7 мая 1903. Четверг. На пути и в Кёото

В семь часов двадцать семь минут прибыл в Кёото, через двадцать минут был дома. Храм нашел вполне готовым к освящению. Иконостас великолепен. Изъянов, бывших на иконах, и следа нет: иконописица Ирина Ямасита превосходно исправила их. Застал ее в храме списывающею икону Архангела Михаила; а иконы Благовещения и Тайной вечери уже срисовала; и хочет она срисовать все иконы храма — так они хороши и так нравятся ей; с них потому будут делаться списки для других Церквей, куда потребуются. Повреждения на киотах также исправлены, однако так, что их можно заметить, рассматривая вблизи, — мастера не могли подделать под фарфоровый вид.

С о. Симеоном Мии и катихизаторами Акилою Хирота и Иоанном Исохиса переговорил о подробностях храмоосвящения, а также о приеме гостей; собрали кёотские христиане между собой на расходы по освящению сто двадцать ен, но из коих девяносто уже истрачены на фонари, на печатание билетов, рассылку приглашений и подобное. Придется почти все расходы на угощение, на уплату в гостиницу за катихизаторов, и тому подобное мне взять на себя, конечно, не на церковный счет. Устроено будет для почетных гостей угощение по-иностранному — «риссёку», для простых христиан — японское «бенто»; первое по одной ене на человека; вин, конечно, совсем не будет, а будут шипучие воды, лимонад и подобное — второе по тридцать сен за ящик, а ученицам, которые все певчие, — по пятьдесят сен за бенто; первое будет в соседней школе, самую большую комнату в которой начальник

школы любезно предложил для сего о. Семену; бенто будут розданы в домах Миссии. На противоположной от Миссии стороне улицы десять домов подряд наши любезные соседи приготовили для «киусоку» — «отдыха» христианам в день освящения.

В Женской школе застал спевку регента Алексея Обара с ученицами и приехавшими из Токио певчими; пение четырехголосное и, по-видимому, будет очень хорошее.

С Исайею Мидзусима, взятым для того из Токио, решил, какие фотографии снять: будут наружные и внутренние виды храма; две фотографии будут сняты с крестного хода вокруг храма.

Стали прибывать уже катихизаторы на праздник освящения.

С Николаем Такаги, из Ионако, с удовольствием поговорил; Петра Ямада, из Миядзу, побранил; первый одушевлен своим делом, говорит: «нужно со всеми говорить прямо о вере и ни о чем другом, как о вере», второй совершенная противоположность ему: вял, опустился, говорит, «ни с кем нельзя говорить прямо о вере, не слушают-де, а нужно много раз посетить и множество разных разговоров иметь прежде, чем молвить что-либо о вере».

25 апреля / 8 мая 1903. Пятница. В Кёото

Из Токио прибыли остальные певчие, назначенные сюда к храмосвящению. Всего прибыло: два баса — учителя пения Орита и Ямбе, два тенора — семинаристы Котабе и Оокава, два альты — учительницы Мидзутани и Кагета, два дисканта — учительницы Хасуике и Янсен. Спевку произвели в храме. Хор вышел превосходный; резонанс в храме — лучше которого желать нельзя: дощатые стены, точно скрипка, отражают звук.

Из Токио еще прибыли к освящению: диакон Кугимия, два иподиакона — Имада и Кавамура, кадиловозжигателем семинарист Курибара. Прибыли также начальница Тоокейской Женской школы Елисавета Котама и учительница Евфимия Ито.

Сделан опыт вынести из храма металлические хоругви, пожертвованные сюда московскими хоругвеносцами и имеющие быть несены в крестном ходу вокруг Церкви, трое могут нести хоругвь довольно исправно.

С о. Симеоном Мии условлено: на Литургии в день освящения рукоположить катихизатора Акилу Хирота во диакона Кёотской Церкви, катихизатора Иоанна Исохиса посвятить в чтеца; первый по списку катихизаторов выше Исохиса, притом кончивший курс Семинарии. Самому о. Симеоноу я положил дать небедренник.

Постепенно прибывают из других Церквей на освящение священники, катихизаторы и христиане.

**26 апреля / 9 мая 1903. Суббота.
В Кёото, на освящении Храма**

Так как в Кёотском Храме Престол гранитный, верхняя плита очень тяжела, при укладке ее без каменщиков обойтись нельзя (что при освящении составило бы большое затруднение), то положено было накануне Храмоосвящения совершить положение святых мощей в приготовленное для того место в Престоле под плитой. Сегодня и сделано это. В девять часов священнослужители и много христиан собрались в Храме. Я облачился в мантию, священники в ризы. По прочтении 1-ой молитвы Храмоосвящения я окропил святой водой место положения святых мощей, помазал миром святые мощи, уложил частицу в позолоченный ящичек, этот фарфоровый, нарочно для того сделанный, ящик с крестом наверху, и опустил в четвероугольно выдолбленное место в середине Престола под плитой. Певчие в это время пели 144-й псалом, кончивши его — 22-й псалом и повторили последний несколько раз, отдыхая в промежутках пения, так как трое каменщиков над укладкой плиты на цементе работали целый час, в продолжение которого мы, священнослужители, стояли в облачениях и ждали. Конечно, все это было бы весьма неудобно в самый день освящения.

Из Химедзи прибыл катихизатор Гавриил Ицикава и принес мне в подарок две пары железных «хибаси» от девяностодвухлетнего старца Мёчина Мунёюки, в христианстве Симеона. Мёчин — японская немалая знаменитость. Предок Симеона выковал шлем и латы (ёрой и кабуто) для Тайко Хидеёси, и потом эта фамилия до сего времени отличалась выковкою сабель. Сабля работы Мёчина — дорогая вещь в Японии. Хибаси, присланные мне, Симеон только что выковал; на них и вычеканено, что [это] работа девяностодвухлетнего Мёчина Мунёюки. (Среди окружавшего шума тогда не совсем понял рассказ Ицикава. «Хибаси»-то работы Мёчина, но прислал их Симеон Ивата, старик, отец катихизатора Якова Ивата, приобретший их от Мёчина, который еще не христианин.) Палочки, при ударе одна о другую, дают мелодичный звук. Я оставил одну пару для употребления в Кёотском Храме при возжигании кадила; другая для того же употребления послужит в Токийском Соборе.

Так как пред иконами свечи сегодня еще не могут быть зажжены, то положено было начать всенощную в пять с половиною часов, чтобы, по возможности, засветло отслужить. Служил о. Симеон Мии среди Церкви. Певчие пели превосходно. После всенощной, кончившейся в начале восьмого часа, я с облачного места рассказывал христианам историю построения этой Церкви. Начал тем, что: «Сам Бог выстроил ее; Воля Его совершилась. Ежедневно мы молимся: „Да будет Воля Твоя“, и эта Воля бывает, если мы сами не отменяем ее упорством в противлении. Ехал я сюда три года тому назад с приготовленным планом молельни,

приехал с мыслью построить Храм, ибо дорогою совесть меня стала упрекать: в банке лежат построечные деньги, достаточные для Храма, и никто не знает про это; Бог дал их, а я скрываю Божий дар, хочу строить не храм во славу Божию, а бедную молельню, что-то вроде шалаша, не грешно ли это?.. Спросил здесь о. Симеона: „Не построить ли нам храм, какой только можем?“ О. Симеон, конечно, был в пользу этого, и о молельне не было больше ни слова, ни мысли, тогда как в Токио я о ней только и думал. Чья же Воля совершилась, если не Божия?.. Выбран был план храма из книги планов, почти случайно взятой мною из Токио, призван архитектор Мацумура, и вот существует ныне Храм, на который Бог дал деньги, который Бог внушил строить, и который Бог помог построить. Что касается внутреннего устройства Храма и такого красивого убранства его, то здесь еще яснее видна рука благодетельного нам Промысла Божия. В одном письме, полученном мною из Москвы (от постоянного сотрудника „Московских Ведомостей“, Льва Александровича Тихомирова) в марте 1901 года, было упомянуто: „Не нуждаются ли ваши приходы в облачениях и утвари? Если да, то не напишете ли письма на имя Василия Геннадиевича Дудышкина?“ А в это время как раз я очень озабочен был мыслью об иконостасе и колоколах для Кёотского Храма: делать ли их здесь, или заказать в Россию? Первое было бы удобней, но вышло бы некрасиво, неудачно, нежелательно, для второго я не знал, к кому обратиться в России. И вот самое ясное указание. Я написал к указанному благотворителю, но попросил не облачений и утвари, а иконостаса и колоколов, и оные ныне у нас пред глазами; облачения и утварь тоже пришли — и все такое изящное, такое благолепное! Не дар ли это Божий руками угодных Ему людей? За колокола, правда, еще не заплачено, но, вероятно, найдутся благотворители, которые не допустят Миссию саму уплатить стоимость их, 1700 рублей... И благотворят добрые христиане так, что имена их большею частью остаются неизвестными. Об иконостасе известно, что он от Якова Ефимовича Епанечникова, о металлических хоругвях — что от хоругвеносцев Кремлевских в Москве Соборов, о парче — что от Владимира Григорьевича Сапожникова. Но от кого это прекрасно золоченное с эмалью паникадило, эти золоченые подсвечники, другой полный прибор облачений и прочее, и прочее — Бог знает, а мы не извещены, потому что истинные благотворители поступают так, чтобы левая рука не знала того, что творит правая. Больше всех хлопотал о снабжении нашей Церкви Василий Геннадиевич Дудышкин, и, должно быть, в пожертвованном есть много лично от него, но что именно, он скрыл. Добрый это пример для здешних христиан: так-то хорошие христиане не жалеют для Бога», — и прочее рассказано было в назидание слушающим о жертвованиях на Токийский Собор Ф. И. Самойлова и других.

Потом рассказано о святом мученике Мардарии, частица святых мощей которого положена сегодня в престол. Молитву сего святого мученика христиане всегда слышат при богослужениях на 3-м Часе.

В заключение, обращаясь к христианам Кёото, я сказал, что «так как ныне их Храму прилично иметь и диакона, то из двух здешних катихизаторов старшего — Акилу Хирота — я намерен завтра рукоположить в диакона; с священником об этом я уже совещался, и он очень желает этого, находя Хирота достойным диаконского сана. У вас я спрашиваю, не имеет ли кто-либо что-нибудь против сего рукоположения? Если кто знает что-нибудь, воспрепятствующее сие, то пусть скажет мне, здесь ли, открыто, или наедине». По некотором молчании, я спросил о том в другой и третий раз. Так как не последовало никакого возражения, то я объявил, что «завтра Акила Хирота будет рукоположен во диакона для Кёотской Церкви». О другом же катихизаторе, Иоанне Исохиса, сказал, что он завтра будет посвящен в стихарь.

О. Иоанн Оно поисповедал Акилу и сказал мне, что по исповеди тоже нет никаких препятствий к рукоположению его; и он вместе с нами, священнослужителями, выслушал Канон ко причащению и молитвы на сон грядущий.

*27 апреля / 10 мая 1903. Воскресенье.
День освящения Храма в Кёото*

Погода все эти дни стояла прекрасная, и сегодня день был отличный, солнечный и тихий. С раннего утра церковный двор пестрел группами собравшихся христиан. Собрались же христиане из двадцати трех окрестных, ближайших на юг и север Церквей, всего сто тридцать четыре человека; кроме того, катихизаторы восемнадцати Церквей прибыли, и три ближайшие священника сочли возможным оставить на несколько дней свою паству. Вместе с девяносто семью кеотскими христианами это составляло довольно большое для новой, среди язычества возникающей Церкви общество.

К сему нужно присоединить немалое число слушателей Учения, почти уже христиан, также собравшихся и из соседних Церквей, и из Кёото к торжеству освящения Храма.

С восьми часов совершено было одним из иереев (о. Сергием Судзуким) водоосвящение.

В девять часов раздался звон к богослужению Храмоосвящения и Литургии. Первый звук православного колокола торжественно прокатился по чистому и светлому утреннему воздуху Кёото и достиг уха Японского Императора, который в эту минуту, окруженный двумястами восьмьюдесятью высшими лицами империи, трогался из своего дворца, неподалеку от которого находится миссийское место, на станцию железной

дороги, чтобы отъехать в Токио. Он обратил внимание, прислушался и молчаливым вниманием узаконил православный звон в его древней столице, японской Москве.

По трезвону в семь колоколов изящного производства господина Финляндского в Москве, произведенному опытным звонарем из Токио, Епископ вошел в Церковь с обычною торжественною встречей, облачился, и начат был чин освящения храма. Все совершалось, конечно, на японском языке, в переводе, вразумительном для всех предстоящих, и совершалось вполне по чину, кроме подробного печатного текста, уясненному еще собственноручно писанными наставлениями Начальнику Миссии, незабвенного благодетеля Миссии Высокопреосвященного Исидора, покойного Митрополита Санкт-Петербургского. Храм был буквально переполнен. Он построен на пятьсот человек, но в нем было далеко за шестьсот. Кроме христиан и оглашенных христианским учением, которых было до четырехсот, здесь было много инославных, особенно протестантов, и больше всего нехристиан. Из последних наиболее почетные занимали большое место за левым клиросом, место, назначенное для них и к которому они были проводимы. Приглашены были к освящению все власти города, числом до сорока пяти лиц, начиная с губернатора Кёото, но, тоже начиная с губернатора, наиболее важные лица, все должны были находиться в это время при Императоре, почему и не могли быть у нас; все же прочие приглашенные, в обязанность которых не входило находиться при Императоре во время его отъезда из Кёото, были у нас в Церкви. Не вместившиеся в Церкви нехристиане теснились у Церкви, прислушиваясь из открытых дверей и окон к тому, что поется и читается внутри. Всех собравшихся на освящение христиан и нехристиан было свыше тысячи человек. Во время чтения Часов, двое кёотских катихизаторов были посвящены, как предположено было: один — Иоанн Исохиса — в чтеца, другой — Акила Хирота — в чтеца и иподиакона; а на Литургии Акила Хирота был рукоположен во диакона. Молитвенное настроение христиан и священнослужащих во время освящения Храма и первой совершенной в нем, по освящении, Литургии, видимо, было самое теплое и усердное. Инославные и нехристиане все время соблюдали тишину и внимательно следили за всем совершаемым. По окончании Литургии Епископом произнесено было слово, соответствующее случаю. В нем не столько имелось в виду наставление христиан, которым известны истины Вероучения, сколько вразумление инославных и язычников, соблазняющихся внешностью и зло толкующих ее. Кончилось богослужение почти в два часа пополудни.

Отпустив о. Симеона Мии тотчас по окончании Литургии принимать и угощать почетных гостей, я остался на солее, пока все христиане подошли ко кресту, после чего выслушал окончательные молитвы, разоблачился и вышел из алтаря, был приветствован протестантами, все время бывшими и при богослужении. Их было: четыре миссионера и

две дамы, из коих одна — жена епископа Partridge'a, живущего в Кёото. Все они Епископальной Церкви. Один из них, Reverend Patton, подал мне письмо епископа Partridge'a, в котором тот извиняется, что не мог быть при нашем богослужении, получив приглашение для того слишком поздно, и что вместо него будут у нас несколько его священников. Жена его также извинилась за него. Я пригласил их на приготовленную для почетных гостей закуску, и мы вместе отправились в соседнюю школу, где в огромной комнате накрыты были три ряда столов на сто сорок человек и где уже угощались другие почетные гости. В то же время в миссийских домах производилось угощение христианам по японскому обычаю (бентоо), а язычникам, толпившимся на дворе у храма, кёотские христиане накупили и раздали до трехсот «мандью». Кроме того, всем посетителям розданы были книжки, специально для того приготовленные, с изложением сущности Христианского учения.

Все вышеозначенное продолжалось до трех часов. А в три Церкви опять наполнилась церковнослужущими и христианами, собравшимися для чтения присланных из разных Церквей и от разных лиц приветственных писем и телеграмм, что также началось и окончилось пением молитв. Некоторые адреса были очень пространны, иные весьма красноречивы; во всех благодарное слово обращало после Бога к благодетельствующей Материнской Церкви, любовью и щедротами которой построен и изукрашен Храм.

Праздничное настроение всех вновь перешло в молитву, когда в шесть часов началась всенощная. Провинциальные христиане особенно старались не пропустить ни одного момента совершавшихся богослужений. Им в первый раз приходилось молиться в таком благолепном храме, при таком торжественном богослужении и прекрасном пении, и потому они все время были в самом высоком молитвенном настроении и в восхищении. «Истинно мы не знали, в теле ли мы, или вне тела, на земле ли, или уже перенесены в Царство Небесное», — признавались многие из них после богослужений. Истинно благочестивое настроение всегда рвется перейти в благочестивое дело. Здесь было то же. Собравшиеся христиане, видя ликование кёотских, что у них есть такой прекрасный храм, давали себе обет всеми мерами отныне стараться поскорее и у себя построить такой же. И это не праздно. После всенощной у меня был разговор, между прочим, с христианином из Тоёхаси, Петром Танака, приемным сыном благочестивых стариков Симеона и Нины. Он, видимо, горит желанием поскорее осуществить давно уже возникшее у христиан Тоёхаси намерение построить Храм. Правда, Церковь эта состоит из людей зажиточных, между которыми Танака считается одним из первых богачей в городе, и им нетрудно осуществить это (место под храм у них уже и куплено за 3 тысячи ен); но и возбужденная ревность других, при помощи Божией, принесет со временем такие же плоды; а пока — этот возжженный и ярко пламенеющий в душе огонь сколько

осветит и очистит темных уголков в душе и сколько вообще сотворит нравственного блага!

В промежутках между богослужениями Храм постоянно был наполнен как христианами, старавшимися поближе рассмотреть иконы и весь такой прекрасной работы иконостас, так и любопытствовавшими язычниками. Последним давал объяснение и знакомил их с вероучением, указывая на иконы, назначенный для того благочестивый пожилой христианин города Кёото, пожелавший служить Богу именно этим: всегда состоять при открытом Храме и любопытствующих посетителей из язычников знакомить с Христианским вероучением, иллюстрируя свои слова указанием на святые иконы, в полном составе которых на иконостасе выражены самые важные догматы Православной Христианской Веры. Нужно еще заметить, что иконы сами по себе привлекают всех своим высоким художественным исполнением, а христиан, кроме того, своим истинно церковным характером. Некоторые из них, как храмовая праздничная икона Благовещения Пресвятой Богородицы, главные иконостасные — Спасителя и Божьей Матери, иконы Святителей Николая и Иннокентия — так прекрасны, что взор не хочет оторваться от них; и тут-то оказывается, особенно для христиан, как важна хорошая иконопись для храма, в котором все предназначается к тому, чтобы очищать и освящать душу, умилять ее и возбуждать к молитве. При взгляде на этого Ангела в иконе Благовещения так и просится на уста благодарение Богу, что у каждого из нас есть Ангел-Хранитель; но, перенося взор на святой лик Пречистой Девы, чувствуешь стыд, что несохранением своей души в чистоте отгоняем от себя этого прекрасного стража, так любовно пекущегося о нашем спасении; от взгляда на кроткий лик Богоматери с Богомладенцем и на учащего Спасителя льются в душу умиление и радость, что Бог так преискренне близок к нам, но и печаль при мысли, что мы ограждаем себя от Него стеною грехов; строгий и вместе милующий вид Святителя Николая Мирликийского, важный и вместе ободряющий лик Святителя Иннокентия Иркутского — все-все и привлекают к себе красотою иконописи, и возбуждают соответствующие чувства и мысли, освежающие и очищающие душу у смотрящих на них.

28 апреля / 11 мая 1903. Понедельник. В Кёото

Пред Литургией положен на жертвенник Синодик, в который внесены имена всех известных нам благодетелей и жертвователей, содействовавших построению и украшению Святого Кёотского Храма для всегдашнего поминовения их на проскомидиях.

С девяти часов началась Литургия, отслуженная соборно Епископом с тремя иереями. Четвертый, лучший из наших проповедников, о. Иоанн Оно, вместо запричастного сказал слово о важности настоящего торжества,

о необходимости Храма для христиан и о том, как пользоваться им для душевного спасения. Храм почти так же, как вчера, наполнен был христианами и нехристианами. По окончании Литургии отслужен был Благодарственный молебен, заключившийся молитвою о жертвователях и благотворителях Святого Храма сего и многолетием им.

Снята была фотографическая группа собравшихся священнослужителей, проповедников, певчих и некоторых представителей Церквей.

После обеда мы с о. Мии сделали визиты: начальнику соседней школы, чтобы поблагодарить его за одолжение залы для угощения; Bishop'у Partridge'у, принявшему очень любезно, рассказавшему, между прочим, как старокатолический епископ в Америке В: [пропуск у автора], приглашенный в один город освятить Церковь, приехал, освятил и подал счет за это в три тысячи долларов; другому американскому Bishop'у Williams'у, которого не застали дома, Reverend'у Паттону, которого тоже не нашли. Этот Patton — именно тот, который в Мива хотел стащить одно наше христианское семейство, что мы с о. Мии, однако, не дали ему сделать.

С семи часов началась в Церкви проповедь для язычников и продолжалась почти до десяти. Слушателей было человек двести кроме христиан. Сначала говорил, больше часа, оосакский катихизатор, Фома Танака, на тему «Отношение нравственности к религии». Говорил красноречиво и убедительно, только слишком многословно и в иных местах не в меру резко обличительно, что едва ли убеждающим образом может действовать на язычников. За ним я сказал самое необходимое в первый раз слушающим язычникам: о Боге Троицином, о сотворении мира и человека, о грехопадении, о необходимости искупления и о том, что, кроме Бога, никто не может спасти человека, и что Бог спасает его, ставши Богочеловеком, и так далее. Речь продолжалась час и три четверти, слушатели были очень внимательны; видно, что именно за такую, то есть чисто религиозную, проповедь они приходят, а им часто не дают ее, то есть проповедник уклоняется в сторону, говорит Бог весть о чем, только не о Боге-Творце и Искупителе; приходят за хлебом, а им дают камень. Отчасти такова была проповедь Танака. Особенно молодые катихизаторы страдают этим недостатком — уклонением в сторону от единого на потребу — в область физики, истории, этики и тому подобного; ну и бесплодны оттого: слушатель, пришедши раз, в другой раз не завернет.

29 апреля / 12 мая 1903. Вторник. В Кёото

Катихизаторам ведения о. Симеона Мии, которых всего вне Кёото трое, обещаны были дорожные в Кёото на освящение и обратно; прочие же должны были прийти за свой счет, кто пожелает, им только трехдневное

содержание в Кёото обещано было от меня, по 65 сен в сутки, в гостинице. Но, выдавая первым дорожные, пожалел я и последних и дал им, каждому, половинные, в один конец. После произведенных за угощения уплат, раздачи прибывшим из Токио певчим и другим на обратный путь, и всем по 3 ены на посещение выставки о Оосака, это до такой крайности истощило мой кошелек, что я должен был отправиться в Банк Мицуи просить в долг, где без затруднения и одолжили, сколько просил, под простую расписку.

Кёотские христиане на свой счет устроили прогулку всем катихизаторам и певчим: запасшись ящиками с обедом (бентоо), отправились по железной дороге в Камеока, оттуда на лодках, по быстрому течению реки, спустились в Кёото до Арасияма, и гуляли по берегу. Говорят, было очень весело; пели молитвы и народный гимн.

Мы с о. Симеоном посетили архитектора Мацумура, которого, впрочем, не застали дома; захали по дороге к о. Иоанну Оно, который, служа в Оосака и имея там прекрасное помещение в церковном доме, находит еще нужным иметь квартиру в Кёото — «для здоровья-де» (правильнее — для лени и барства).

Так как в Токио мне прислан был из казенного комитета билет на осмотр Оосакской выставки и вместе Императорских дворцов в Кёото и других местах, то, пользуясь этим и имея свободное время, мы с о. Мии отправились смотреть дворцы. Но в «Госё» не пустили — еще не успели убрать после отъезда Императора. «Нидзёо-рикиу» осмотрели — великолепные палаты, которые строил Хидеёси, достроил Иеясу, и в котором имели временное пребывание сёогуны, когда из Иедо приезжали в Кёото. Резьба, картины, позолота, лакировка, грандиозность апартаментов — все чисто царское. Наглядное свидетельство величия сёогунов.

Поехали за город взглянуть на «Кацура-рикиу» — дворец в другом роде, отличающийся скромностью и простотою, как и подобало местам резиденций Микадо в период процветания сёогунской власти. Но сад с озером здесь прелестный.

Вечером, с семи часов, в Храме была проповедь. Слушателей собралось человек до ста. Говорил сначала молодой проповедник из Вакаяма, Тимофей Ирино, и говорил именно так, как не следует: целый час твердил о «Ямато тамасии», что, мол, гордиться ею не должно, что и у других народов есть своя «Ямато тамасии», что она имеет недостатки и прочее все в том же роде; через каждые два-три слова «Ямато тамасии» летела у него с языка. Я потерял всякое терпение слушать эту болтовню, могущую только раздражать слушателей, так как он в глаза ругал их, и два раза посылал о. Мии тихонько остановить его, но поток еще долго лился. Зато потом, когда вышли из Церкви, я пред всеми катихизаторами сделал ему выговор. После него говорили Петр Исикава и Василий Таде — более содержательно и полезно, но у первого слишком длинны были подобию, второй уклонялся в стороны, например, в излишне

многословный разбор возражений, вроде «зачем нам проповедь из России» и подобное. В заключение о. Петр Сибаяма, священник из Нагоя, протанцевал словом и руками (иначе не могу выразиться) — так он живо и манерно лил свою речь и так быстро жестикулировал руками. Слушатели едва ли уловили смысл говоренного им — слишком уж быстро и безостановочно все лилось. Ему я тоже сделал после замечание, чтобы «говорил проповедь не как внушает ему очень подвижная и живая его натура, а как требует польза слушателей; иначе вотще пропадает его же труд». Проповедь его сегодня была очень содержательна, а из нее едва ли малая крупица запала в понимание слушателей... Мое имя как проповедника не стояло сегодня на выставленных на улице крупных объявлениях о проповеди; но жаль мне стало слушателей — с таким вниманием они битых два часа сидели и слушали или малополезное, или малопонятное для них. Потому, когда кончил о. Сибаяма, я стал у стола и тоже произнес проповедь, стараясь как можно быть понятней и полезней слушающим. Еще час просидели они с неразвлекаемым вниманием. Я начал словами: «Отец Небесный невидимым прикосновением тронул ваши сердца и побудил прийти сюда». Кончил словами: «Итак, дорожите любовным зовом Отца Небесного; не перестаньте приходить сюда за полным познанием Его Воли и озарением ваших душ Его Благодатию». Между слушателями были богатые купцы, учителя школ и врачи.

Так как мне завтра утром нужно отправиться в Осака и оттуда вечером в Токио, то, вышедши из Церкви после разговора с проповедниками и священниками, я попрощался со всеми ими. Большая часть их, впрочем, равно как почти все христиане, разошлась еще раньше.

30 апреля / 13 мая 1903. Среда.

Из Кёото в Осака, оттуда в тут в Токио

Возблагодаривши Бога за такое благоуспешное и радостное освящение Храма, помолившись еще раз в нем и простившись со всеми, я отправился, в сопровождении о. Симеона Мии, в восьмом часу утра на станцию и оттуда с первым случившимся поездом в Осака. Там, оставивши чемодан в церковном доме и переодевшись, мы отправились прежде всего посетить лежащего в больнице о. Павла Косуги. Видимо, злая чахотка доедает его, едва ли долго проживет. Утешив его, насколько возможно, мы отправились затем на Выставку. Погода, так благоприятствовавшая нам, пока мы совершали дело Божие, к мирскому нашему поведению отнеслась сурово: лишь только мы вступили на землю выставки, как пошел дождь и продолжался весь день. Бывший уже на Выставке прежде о. Сергей Судзуки сопровождал нас с о. Мии в качестве руководителя. Кое-что посмотрели в здании производств (коогёо), прошли по машинному зданию, более подробно осмотрели здание искусств,

пошли в зверинец посмотреть двух молодых слонов, превосходного льва, страдальчески метавшегося по клетке, львицу, сонно зевающую, тигра, леопардов и прочее; затем уехали в Сакаи, где с большим удовольствием рассматривали живых морских обитателей в превосходно устроенном аквариуме; к сожалению, дождь мешал рассмотреть аквариум наружный. Видели также чучело крупнейшего дельфина в шалаше на берегу моря. Пообедав в гостинице японской пищей и втридорога заплатив за это, мы под непрерывающим дождем вернулись домой, в церковный дом; повидавшись здесь с несколькими собравшимися братьями и сестрами, большая часть которых были тоокейские, завернувшие сюда для осмотра выставки, и напившись чаю, мы с о. Мии в сопровождении о. Сергия отправились на станцию железной дороги, откуда скорым поездом в 7 часов 10 минут я отправился в Токио, а о. Мии с следующим поездом должен был отправиться в Кёото, где и сегодняшний вечер в Храме должна производиться проповедь заранее назначенными для того проповедниками.

1 / 14 мая 1903. Четверг. Токио

В одиннадцатом часу утра был уже у себя дома на Суругадае. Нашел на столе между другими письмо о. Вениамина вместе со списком церковных вещей, сданных на хранение нагасакскому консулу князю Гагарину, и с подписью князя, что вещи им приняты. Значит, мне остается только послать ему дорожные в Россию.

Послал в банк Мицуи чек на 250 ен в уплату долга в контору сего банка в Кёото и получил мою расписку, уже высланную оттуда.

Пришлось много раз и разным рассказывать об освящении Храма в Кёото, чем все так интересуются и чему радуются.

В мое отсутствие померла и похоронена мать о. Романа Циба, долго лежавшая в постели старушка, о чем, впрочем, я получил телеграмму, будучи в Кёото.

2 / 15 мая 1903. Пятница

Целый день справление корреспонденции: послал о. Вениамину в Нагасаки дорожные в Россию и прощальный привет ему; написал об увольнении его донесения в Святейший Синод и в Совет Миссионерского Общества, также о. Феодору Быстрову — последнему с выпискою нескольких мест из письма ко мне князя Гагарина.

3 / 16 мая 1903. Суббота

Послал письмо о. игумену Пантелеймону, настоятелю Мироносицкой Пустыни в городе Царевококшайске, Казанской губернии. Зову его

сюда. Пусть подает прошение в Святейший Синод о назначении его членом здешней Миссии, если желание его не переменялось и если нет других препятствий.

Господь Бог да сотворит Свою Волю о нем!

Кирилл Мори, кончающий курс в Семинарии, сын покойного о. Никиты, приходил просить об отправлении его в Академию, да как хитро!

— Я буду там на своем содержании, — говорит.

— Где же вы возьмете его? — спрашиваю.

— Одно лицо будет давать мне.

— Это так же, как Даниила Кониси? Богач Козаки, его родной отец, обещал содержать его в Академии и обманул, предоставив мне лично тратиться на то; и мне воспитание Кониси в России стоит около двух тысяч рублей, а он еще, вернувшись, тоже обманул — бросил службу Церкви. Не хотите ли повторить эту историю? Только я не согласен.

— Меня будут содержать не японцы.

— Кто же?

— Не могу сказать. Мне он запретил это.

— Как же вы хотите, чтоб я ходатайствовал о допущении вас в Академию, не будучи уверен, что ваше содержание там обеспечено?

Затем я говорил ему, что ему думать об Академии вовсе не следует: способности у него посредственные, здоровье ненадежное; пусть воодушевится желанием послужить ближним тем, что уже приобрел; ему двадцать два года — служить уже пора и прочее, и прочее. Но едва ли не к стене горюх.

4 / 17 мая 1903. Воскресенье

После Литургии зашел, между другими гостями, Иоанн Фукасе, из Цуяма, и говорил про то, что «о. Якова Мацуда с семейством нужно перевести из Окаяма в другое место, иначе болезни в его семье не прекратятся. Там слишком дурная вода; природные жители от нее не страдают, а пришлые — все; так болел там о. Никита Мори и помер, все время были больные в семье о. Игнатия Мукояма, ныне двое детей о. Якова лежат в заразном госпитале. Хлопочут там об устройстве водопровода, и, вероятно, года через три он будет; тогда можно поместить там священника; ныне же непременно надо убрать его оттуда, или же послать туда бессемейного священника, потому что взрослый может уберечься — будет пить прокипяченную воду, детей же нельзя уберечь — они бродят по улицам и пьют везде, где захочется». Правда. На будущем Собрании посоветуемся об этом, и о. Якова, быть может, в Цуяма переместим.

5 / 18 мая 1903. Понедельник

Георгий Абе, из Оцу, восхищенно пишет: семнадцать человек у него крестил о. Игнатий Мукояма, и он счастлив этим успехом своей проповеди.

«В Оотава я умирал от бесплодности моих стараний, здесь же ожил», — пишет. Просит много книг и брошюр, так как еще много новых слушателей у него; послано, хотя не в таком количестве, как просит; он из увлекающихся — не всякое слово надо понимать буквально.

Павел Кацумата из своего захолустья просит принять двух в Женскую школу. Впрочем, на их содержании; можно записать кандидатками.

6 / 19 мая 1903. Вторник.
День рождения нашего Государя

В половине одиннадцатого часа отправился в Посольство к Литургии, после которой был благодарственный молебен. Затем завтрак у барона Р. Р. Розена, где увиделся с князем А. А. Гагариным, прибывшим сегодня из Нагасаки и говорившим, что о. Вениамин уже уехал в Россию. После князь был у меня и повторял об о. Вениамине все то неприятное, что недавно излагал в письме, распространяя разными добавлениями; тут же были два секретаря Посольства; неприятно было слушать. Хорошо, что о. Вениамин оставил Миссию.

7 / 20 мая 1903. Среда

Утром корреспонденция. Вечером с Накаем продолжение перевода. — Вечерня Сретения Господня идет.

8 / 21 мая 1903. Четверг

Утром корреспонденция. Вечером всенощная пред завтрашним праздником. Пели оба хора. Я выходил на литию и величание.

О. Вениамин, оказывается, не уехал, а еще в Нагасаки. Сегодня получил от него расписку в получении им 200 ен на дорогу. Это уже, надо надеяться, последнее от него. Скатертью дорога! А ведь какие вначале письма писал, какие надежды возбуждал! Тщетно все призрачное, дым — все наши надежды, основывающиеся на видимости! Теперь уж кто бы и что бы ни пел — не порадует. Столько раз радовался и столько раз комичным изумлением кончалась радость, что уж больше разыгрывать теленка было бы непростительно. Буду тянуть ляжку до конца, который уже и близок, а там, что Бог даст! Приедет кто на смену — ладно, не приедет — как Богу угодно! Его дело, Его и Воля.

9 / 22 мая 1903. Пятница.
Праздник Святителя Николая Мирликийского

С семи часов обедня, молебен, поздравления, угощения. Последние с нынешнего года без вин, ибо прошлогодним Собором определено

«угощений вином не делать и не принимать». Очень разумное и нужное правило, которому, конечно, должен следовать и я. И для катехизаторов, особенно молодых, и для самих священников — это очень полезное постановление. Пусть оно отныне всегда неизменно исполняется! Лимонад и прочие невинные воды пусть заменяют вина во время угощений, как бы оные важны и торжественны ни были.

10 / 23 мая 1903. Суббота

До обеда перевод. С часу — на концерте нашего «Общества молодых людей (Сейненквай)», устроенном в протестантском доме «Сейненквай», недалеко от Миссии, по причине тесноты наших помещений. Устроил Василий Ямада, начальник «Сейненквай»'я, для сбора на расходы по случаю имеющего состояться в июне прибытия сюда русских учеников и туристов из Владивостока, имеющих главной целью осмотреть выставку в Нагасаки, но ожидаемых и здесь. Пели наши семинаристы и старшие ученицы Женской школы вместе с молодыми учительницами и даже некоторыми кончившими курс и ныне рассеянными по городу — или у своих родителей, или замужем. К семинаристам тоже присоединились из города умеющие петь катехизаторы, и даже совсем посторонние, как Евграф Кураока, когда-то ученик Семинарии, потом солдат, потом чиновник в Хакодате, ныне ученик Русской Правительственной школы. Пели под управлением двух дирижеров — Ивана Накасима и Петра Тоокайрин. Спелись предварительно отлично, каждый день последнее время одна или две спевки слышались здесь, в доме Миссии. Пели: Накасима с хором — «Херувимскую», «На Реках Вавилонских», один ирмос; Тоокайрин (по-русски) — «Милость мира» и «Кресту Твоему». Пропели безукоризненно хорошо. Публика наполняла зал; большею частью была молодежь из разных школ, все пропетое сопровождается было аплодисментами. Начали концерт почти в два часа, кончили в половине пятого. Из иностранцев был я один. Вчера посетившая меня посланница и другие русские из Посольства взяли билеты и деньги заплатили, но на концерте, к сожалению, никто не был. Несомненно, были бы многие протестантские миссионеры, так восторгающиеся нашим церковным пением, но объявлений на английском языке не было сделано, да и японские объявления были очень скромны и ограничены: боязнь была, что на концерте могут устроить неприязненную демонстрацию, если станет известно, что дается в пользу русских учеников — теперь все газеты так неприязненно настроены относительно русских из-за Манчжурии. В промежутках нашего пения были: игра на фортепьяно, вместе на фортепьяно и скрипке, соло пения Ив. Накасима, игра трех слепцов с пением на кото. Все серьезное и серьезно исполненное.

По окончании концерта все наши певцы и певицы собрались здесь на чай, выпрошенный для них вчера Василием Ямада. Пред чаем Ив. Накасима просил меня поблагодарить их за труд, а также сказать, чтобы вперед, хоть раз в неделю, собирались делать любительскую спевку, на случай подобных концертов, не как ныне, когда ежедневными усиленными спевками утомили голоса. Чай был приготовлен Никанором с бисквитами в клубе «Сейненквай» — для кавалеров, в противоположащей столовой миссионерской — для барышень. Я вошел, когда еще чай не налит был всем, вызвал всех в соседнюю классную залу и произнес им речь, сущность которой следующая: «Пятнадцать лет тому назад капитан Макаров, ныне знаменитый русский адмирал, услышавши наше пение на Литургии, на которой он был в мое отсутствие, когда я отлучался в Сендай, настаивал, чтоб я заявлял наших певчих вне Миссии — и на пользу Православной Веры, и на пользу эстетического развития Японии. Я отвечал ему, что еще рано. Ныне, по-видимому, настало для этого время. Вы, поя так прекрасно, как ныне пели, действительно и являете, что Православная Церковь обладает самым лучшим способом восхваления Бога и выражения всех других подобающих чувств при богослужении, чем все другие христианские общины, и служить своему Отечеству ознакомлением всех с самым высшим родом искусства в области музыки... Вокальная религиозная музыка в России из всех стран света наиболее развита, пересаживайте же ее сюда и для пользы вашего Отечества, и во славу вашей собственной уже Православной Церкви. Не нравится мне одно — что вы с духовными песнями в концерте соединили светские; в России это не водится; благочестивые русские осудили бы это. Но здесь пока еще и тени мысли нет ни у кого о неприличии сего. Итак, пусть это на сей раз пройдет незамеченным. Даже и впредь может случиться это. Но желательно, чтобы на нашем духовном концерте вперед пелось одно духовное. Все светское — и кото, и скрипку, и фортепьяно, и светские песни — все имеют возможность слышать во множестве других мест. Пусть у нас слышится только духовное, чего не могут нигде в другом месте услышать, и я уверен, что и на наши такие концерты будут собираться не менее, чем ныне собрались...»

11 / 24 мая 1903. Воскресенье

О. Матфей Кагета пишет, между прочим, о христианах в Оккава, которых там пятнадцать душ в четырех домах, но которые имели усердие уже устроить молитвенный дом, приспособив для того кладовую, и очень ревнуют об умножении членов Церкви, но катихизатор Яков Ивата не отвечает их желаниям, почему они недовольны им и собираются просить себе другого катихизатора. О. Матфей находит, что Яков Ивата лишен способности управлять Церковью.

12 / 25 мая 1903. Понедельник

Днем писание писем в Россию по поводу освящения Кёотского Храма — порядочно уже надоевшее дело. Вечером перевод.

13 / 26 мая 1903. Вторник

О. Борис Ямамура пишет, что «Александр Хосокава, катихизатор в Хоцинохе, живет с младшею сестрою умершей своей жены к соблазну христиан». Убедил о. Борис его прекратить скандал, отослать сестру домой, но он не слушается. Просит о. Борис исключить его из числа катихизаторов. Конечно, сейчас же написано Александру Хосокава, что он отставляется от должности катихизатора за бездеятельность и зазорное поведение.

*[Далее в подлиннике
отсутствуют две страницы]*

19 мая / 1 июня 1903. Понедельник

Так как появилась чума (pest) — в Иокохаме тридцать домов, зараженных ею, сожгли, в Токио тоже кое-где видна — то полиция требует от всех обывателей, и от нас в том числе, радикальной очистки домов. Спросили мы: «Нельзя ли до каникул подождать, когда у нас обыкновенно производится очистка и ремонт везде?» — «Нельзя», — говорят. Что же, и дело! Почистимся и мы: ребята пусть повытаскают «татами» из своих комнат и повыбьют пыль из них; в то же время под полами и на потолках все будет очищено прислугой с помощью плотника. В Женской школе девчонки сделают то же. Береженого Бог бережет.

20 мая / 2 июня 1903. Вторник

Так как Антоний Кубота умер заразительным тифом, то тело его из госпиталя, согласно санитарным правилам, препровождено было за город в крематорий для сожжения, и сегодня доставили сюда в небольшой урне пепел, над которым в крещальне товарищи его усердно читали Псалтирь. Прибыл и отец его, по званию земледелец — жаль бедного!

21 мая / 3 июня 1903. Среда

В час пополудни отпели Антония Кубота соборне. Вместо гроба стояла на столике урна с его пеплом, покрытая гробным небольшим покровом. Отец его возьмет ее домой, чтобы похоронить на семейном кладбище.

Все эти дни я справлял корреспонденцию в Россию по поводу освящения храма в Кёото — благодарил жертвователей, описывал это освящение для напечатания и тому подобное. Сегодня кончил. И слава Богу! Много времени отнял у меня от дела этот Кёотский Храм.

22 мая / 4 июня 1903. Четверг

В третьем часу пришел христианин из Минато, сын Сергия Кацумата, просить катихизатора для Минато-кёоквай и просил Павла Ёсида, который еще и курса не кончил в Семинарии. Пришли еще две христианки из Аннака; эти, в противоположность тому, очень расхваливали процветание своей Церкви. А в три часа, при них же, пожаловал «Евгений Генрихович Спальвин, исполняющий должность профессора Восточного института во Владивостоке», как значится на его карточке, и просидел и неумолкаемо проговорил ровнехонько до десяти часов вечера. Да, по красноречию стоит быть профессором! Принес он целый ворох составленных им и отлитографированных учебников по японскому языку. Говорил весьма интересно про Институт, порядки в нем, про студентов, возмущение их, крайне глупое, про Владивосток вообще. В семь часов я накормил его яичницей и напоил молоком и, надо признаться, с удовольствием все время слушал его интересные речи.

23 мая / 5 июня 1903. Пятница

Иоанн Судзуки, катихизатор в Такасаки, просится отсюда в Одавара или в другое место в приходе о. Василия Усуи, чтоб быть ближе к дому. Просят о том же и его родные, и о. Павел Морита, под ведением коего он ныне. А о. Василий Усуи просит никак не помещать его в Одавара — боится его несносного характера. Отвечено, чтоб подождали Собора, который и рассудит, где поместить его.

Жалуется еще о. Усуи конфиденциально на Илью Сато, который ныне и из Маебаси старается мерзко интриговать в Одавара — возмущает письмами христиан против о. Василия. К счастью, христиане не поддаются Сато, а читают его письма о. Василию. Неисправимый интриган этот Илья Сато!

*[Далее в подлиннике
отсутствуют две страницы]*

30 мая / 12 июня 1903. Пятница

В четыре часа посетил Миссию сегодня прибывший в Токио русский военный министр А. Н. Куропаткин со свитою, состоявшею из десяти

человек, военных и штатских; в числе последних был знаменитый доктор Пясецкий. Министр и все прежде всего зашли в Собор, потом ко мне. Я предложил осмотреть Семинарию и Женскую школу, что и сделали. Министр был очень ласков и любезен. Из военных в свите был барон Остен-Сакен, племянник Федора Романовича Остен-Сакена, что служит в Министерстве иностранных дел. Был также генерал Вогак. Один из военных отдал мне поклон от графа Гейдена в Петербурге, сказавши, что он женат на его дочери, а я знал графа в Петербурге двадцать три года тому назад, когда он и сам еще не был женат. Министра сопровождали наш посланник и японский полковник Мурата, говорящий по-русски. Японское Правительство приняло министра государственным гостем и поместило его во дворце «Рикиу». Пробудет в Токио четыре дня.

31 мая / 13 июня 1903. Суббота

Положил с этого времени перевод богослужения делать полный с показанием всего устава: где на восемь, там так и писать на восемь, где дважды или трижды стихуру повторить, так и упоминать это — словом, все как есть в славянском подлиннике. До сих пор не было этого, так как имелось в виду лишь настоящее время, настоящая немощ исполнять все по уставу. Но с Праздничной Минеи пора оставить это, а располагать на будущее; в будущем же виднеются и монастыри, где захотят исполнять весь устав; а где же они возьмут сведения о нем, если не найдут их в переводной книге?.. На ранней обедне сегодня, во время молитвы — о переводе же, пришло это решение.

Сегодняшние газетные телеграммы извещают, что в Сербии Король Александр и Королева, его жена, убиты ночью в постели; первый министр и еще разные там перебиты. Войско учинило революцию. На престол вступил Карагеоргиевич.

В два часа сделал визит нашему министру Куропаткину в «Сибарикиу» и оставил карточку, не застав дома: еще не вернулся он из Дворца, где со свитой обедал у Императора.

Был американский епископальный миссионер Reverend Jefferys, из Сендая. Завтра десятилетие рукоположения их епископа McKim'a, так подведомые ему миссионеры собрались в Токио поздравить его и поднести посох; по сему случаю и Jefferys приехал. Говорил он, что у них в Сендае сто двадцать христиан, учит он человек сорок офицеров английскому языку.

- А о вере они спрашивают ли?
- Ни один! — отвечал он.

Лишь только мы разговорились было об этом, как сказали, что меня желает видеть католический патер по поводу нашего земельного участка в Хакодате. Оказалось, что это епископ Берлиоз, которому подведомы

католические церкви в Хоккайдо. Явился он узнать, на каких положениях мы владеем своим участком в Хакодате. По долгосрочному ли контракту с Японским Правительством? Я ответил, что Миссия наследовала этот участок от бывшего в Хакодате консульства, ныне сама ежегодно платит за него ренту Правительству, но, тем не менее, контракта на землю сама не имеет, а стоит еще между нею и Правительством консульство; Миссия и сноится с Правительством чрез посредство его, и Правительство с Миссией тоже, как это было три года тому назад (когда Поляновский был консулом там).

Епископ Берлиоз рассказал, что у них «в Хакодате контракт на землю, которая там под Миссией и Женской школой, был на двадцать пять лет; в будущем месяце срок кончается, и ему Губернатор Хоккайдо объявил, что отныне рента на землю будет 42 ены за 100 цубо (вместо 12 ен доселе), и Правительство удерживает за собою право во всякое время, когда понадобится, отобрать землю без всякого вознаграждения за то». Английскому епископу там об его участке объявлено то же. Находя эти условия слишком тяжелыми, Берлиоз прибыл в Токио хлопотать в Министерстве внутренних дел, чтобы облегчили их, иначе ренты придется платить в год больше 2000 ен... Сетовал он также, как и Jefferys, на равнодушие японцев к религиозной проповеди; «особенно учителя школ безрелигиозны; в самых низших школах разве иные не относятся неприязненно к религии, и то под тем предлогом, что для неразвитых людей религия полезна». Рассказал, между прочим, что монастырь траппистов, в 7 ри от Хакодате, недавно сгорел. Припоминал мой визит ему в Хакодате восемнадцать лет тому назад и мои слова ему, что мы молимся о соединении Церквей.

1 / 14 июня 1903. Воскресенье

Приходили из редакции одной газеты спрашивать про религиозность нашего министра Куропаткина: «Слышали-де, что он религиозен, так дайте материал для описания сего». А какой же я материал дам, коли сам ничего не знаю о нем в сем отношении? Да и хороша религиозность: побыл ли он сегодня в Церкви? В Посольстве службы нет — там обычай с праздника Троицы затворять Церковь до сентября; мол, дачное время. Думал я, что Куропаткин, или кто из свиты, придут помолиться с нами — ни единого! Хоть бы из любопытства — как это, мол, читают и поют по-японски. И того нет!

2 / 15 июня 1903. Понедельник

Собирались сюда из Владивостока в июне человек сто школьников и с ними человек тридцать больших, членов туринг-клуба, посмотреть в

Осака выставку, посетить и Токио; подняли тревогу, здесь за них везде хлопотали, чтобы доставить им возможные удобства и облегчения. И вдруг сегодня уведомление, что не будут — не состоялось почему-то путешествие. Хвалилась синица зажечь море, да так и не зажгла.

3 / 16 июня 1903. Вторник

У о. Якова Мацуда, в описании им своего путешествия по приходу, говорится, между прочим, как в Касуяма, у Никанора Акита восьмилетняя дочь Мария, совсем на смертном одре лежавшая, приобщившись Святых Тайн, неожиданно для врачей и всех быстро выздоровела, что родители приняли как явное чудо Милости Божией и просили о. Якова отслужить благодарственный молебен.

О. Николай Сакурай пишет, что в Иванай Петр Сибуя пожертвовал под Церковь участок земли в 455 цубо, за который ему бонзы, которых кумирня прилежит к этому участку, давали тысячу ен. Дарственную на имя о. Николая прислал он для хранения здесь, в Миссии. Да благословит его Бог за усердие к Церкви!

4 / 17 июня 1903. Среда

Язычник Кавано, в прошлом году почти в такое же время принесший 300 ен пожертвования на Церковь, сегодня принес в девяти конвертиках по 10 ен (только в одном оказалось 5 ен, всего 85 ен) на Церковь, и вручил это в Соборе Иову Накацука, который доставил мне.

О. Феодор Мидзуно вернулся с обзора Церкви в Коофу; говорит, что Церковь несколько оживляется после моего укорительного письма катихизатору Стефану Тадзима за его бездеятельность; есть несколько новых слушателей Учения в Коофу и окрестности, которых Тадзима старается приготовить к крещению. Ныне же о. Феодор крестил только двух младенцев и исповедал и приобщил взрослых христиан.

5 / 18 июня 1903. Четверг

Утром был вчерашний язычник Кавано. Долго говорил с ним, объяснял ему Христианское Учение, убеждал закончить свое христианское образование и принять крещение. Он читал все наши христианские книги, но самообразование в этом случае недостаточно: при самом испытании его тотчас же оказалось, что сути Христианского Учения он не знает. И потому я поручил его о. Феодору Мидзуно, а ему, Кавано, советовал непременно целую неделю исключительно заниматься с о. Феодором: пусть пройдут Православное Исповедание (Осиено Кагами); что Кавано знает, на том не останавливаться, чего не знает,

пусть то объяснит ему основательно о. Феодор. Пусть эту неделю живет Кавано здесь, в миссийском доме. Он согласился, но сказал, что нужно по некоторым делам побыть дома, откуда он скоро вернется. Болен он лишаями; постоянно чешется — неприятно смотреть. Говорил он, что постоянно молится, чтобы Бог исцелил его. Пусть станет поближе к Богу, приняв святые таинства, тогда его молитва скорее будет услышана.

Кончили сегодня с Накаем перевод службы святым Апостолам Петру и Павлу, принялись за службу святому Пророку Илии. Тут еще та беда, что половина службы только на славянском. В греческом Служебнике, что у меня, нет этой половины.

Согласно приглашению «Bishop and Mrs. McKim at home, Thursday June 18-th, № 38 Tsukiji, 4 to 7 o'clock. R. S. V. P.», был у американского епископа McKim'a поздравил его с десятилетием его епископства. Видел епископский жезл, поднесенный ему его американской паствой, то есть миссионерами его ведения и здешними американцами его Церкви; сделан в Нью-Йорке из серебра и африканского красного дерева. Неважное подношение и по работе, и по материалу, хотя в газетах и расхвалили. Видел другое подношение — альбом японских Церквей его Миссии. Тоже небогато: сняты Церкви и группы христиан; большая половина альбома — белые листы. Комнаты полны миссионеров и миссионеров. Все любезны и милы.

6 / 19 июня 1903. Пятница

Является неожиданно Эраст Миясима, в усах, настоящим джентльменом, а бесплоднейший из катихизаторов.

- По какому случаю?
- Мать больна.
- У священника-то спросились?
- Нет, после спрошусь.
- По проповеди у вас такой же застой, как всегда?

Молчит, потом молвит:

- Переведите меня в Тоокёо (теперь он в Каминохиса, у о. П. Сасагава).
- Это чтоб дома жить, ничего не делая, и за это получать содержание?
- Я буду трудиться.
- Да ведь вы же до сих пор нигде не показали признаков труда.
- Здесь покажу.
- Пусть ваш священник на Соборе выскажет вашу просьбу.

Это первый младенец, крещенный мною в Тоокёо. И жаль его, и горе с ним.

7 / 20 июня 1903. Суббота

Иоанн Игуци, когда-то катихизатор, потом полицейский, убивший жену другого полицейского, чтобы ограбить его, ныне каторжник в

тюрьме на острове Эзо в Цукигата-мура, Кабато-гоори, хочет исповедаться и приобщиться. Ведет он себя ныне хорошо, постоянно просит отсюда то христианских книг, то английских учебников. Но исповедь ему едва ли возможна: по тюремным правилам ему можно говорить со священником только в присутствии надзирателя и в слух его. Надо поговорить с о. Николаем Сакураи, когда он прибудет на Собор — не может ли он выпросить позволение исповедать Игуци без свидетеля и потом приобщить его Святых Тайн.

8 / 21 июня 1903. Воскресенье

Приходил Иван Накасима, регент церковного хора в Коодзимац и вместе студент японской Консерватории в Уено; держал речь, продолжавшуюся больше часа; я молча слушал. Сущность: «Пение у нас в Соборе плохое; переложения Бортнянского все никуда не годятся; учителя пения — Львовский, Обара, Кису — не заботятся о порядочном обучении. Нужно вызвать из России хорошего регента; сделайте это». Мой ответ ему вкратце: «Переложения Бортнянского, быть может, не точны, но не дурны, и исполняются у нас в Соборе порядочно. Вообще пение у нас в Соборе можно больше хвалить, чем хулить. Учителя могли бы учить и лучше, но и так, как учат, сносно. Для трех часов в неделю, употребляемых на класс пения, успех, какой есть ныне, достаточный. Больше же употреблять на пение мы не можем, здесь не специальное училище пения. Вы, если можете лучше переложить Бортнянского или других русских композиторов на японское пение, сделайте это. Если выйдет лучше, то все будут рады, и в Церковь можно ввести это. Или же постарайтесь сами произвести что-либо оригинальное. Должно начаться здесь чисто японское церковное пение, как оно началось в России, принявшей сначала греческое. Если сочините что-нибудь удачное, истинно все рады будут. Что до улучшения хорового пения, то образуйте произвольный хор из любителей пения в Семинарии и Женской школе и упражняйте его. Если он станет петь лучше нынешнего соборного, то можно будет ставить его в Соборе на богослужения. Чтобы вам не мешали образовать произвольный хор и учить его в часы отдыха, не будьте костровы, а соблюдайте добрые отношения с начальствующими в школах и с нынешними регентами», — и так далее.

9 / 22 июня 1903. Понедельник

Начальница школы Елисавета Котама приходила с расписанием экзаменов и другими делами и рассказала, между прочим, следующий курьезный факт: четыре ученицы третьего приготовительного класса — Екатерина Хагивара (дочь Текусы, инспектрисы, внучка о. Иоанна Сакаи),

одиннадцати лет; Фива Оно (дочь катихизатора Фомы, внука о. Павла Сато), одиннадцати лет; Сусанна Огата, двенадцати лет; и Нина Конаса, двенадцати лет — хотели убежать из школы, чтобы поселиться в пустыне, между Аомори и Сендаем, в сделанном ими шалаше, жить там монашками и отмаливать свой грех. Пятая же, Екатерина Имамура (дочь умершего катихизатора Варнавы), одиннадцати лет, участвуя в заговоре, оставалась в школе только затем, чтобы доставлять им в пустыню для пропитания хлеб. Прочие товарки того же класса, хотя в грехе участвовали, но не решились сделаться монахинями, а только дали слово хранить молчание о поступке бежавших. Грех же, приведший к такому отчаянному решению, заключался в следующем: одна из их учительниц, Христина Хасуике, строго обращалась с ними, то есть бранила их иногда — которую за плохое знание урока, которую за шалость, так как они все в классе, как на подбор, народ очень живой и резвый. Это, наконец, вывело их из терпения, и они сговорились наказать учительницу. Но как? Придумали: олицетворить ее в «сакура» (вишневом дереве, которые у них в садике пред глазами и которые так прекрасно цветут весной) и проклясть. Сказано — сделано: собрались все сердитые и, обращаясь к сакура, молвили вслух: «Пусть на тебе не будет цветов будущей весной!» Хотели они учинить этот грех тайком от всей прочей школы, но, увы, не удалось! Подслушали товарки первого класса, то есть почти такая же мелюзга, как они сами, только годом старше, и напали на них с проповедью покаяния. Грешницы почувствовали всю тяжесть своего преступления и до того были поражены раскаянием, что решились всю жизнь посвятить на замаливание своего страшного греха; а так как, живя в школе, а потом в мире, это сделать неудобно, то и задумали оставить школу и мир. Так как все они с севера родом, то с пустыней ознакомились еще раньше, из окна вагона; ее и облюбовали ныне под свой монастырь. Все четверо тайно приготовились — понавязали себе в узелки все, что сочли нужным: кое-что из платья — немного (много зачем же монахиням!), а главное — молитвенники, религиозные брошюрки; не забыли и кусочков булки, какие успели пособрать. И вот на днях вечером, когда среди занятий дается полчаса на отдых, двое из них, Екатерина Хагивара и Фива Оно, незаметно, с узелками, выбрались за ворота. Так как в школьных воротах они боялись попасться, то пробрались по задворью школы к воротам у дома о. Павла Сато и скользнули в них; но и здесь были замечены — увидели от о. Павла, что двое маленьких учениц почему-то выбежали; недоумевая об этом, тотчас же дали знать в школу: пересмотреть, все ли дома? Это подняло некоторую тревогу, помешавшую двум другим последовать за товарками; их приготовленные узелки захвачены были у угла школьного здания. Между тем бежавшие товарки их ждали; видя, что их не догоняют, бежавшие, уже спустившиеся было вниз по улице, вернулись на уровень дома врача Сасаки. Здесь они и были захвачены спустившеюся за ними погонею. Погоню эту составляли,

по немедленном уяснении, кого нет в школе, дочь и сын о. Павла Сато; последний, то есть сын о. Павла, Иосиф, сам тоже двенадцатилетний, схватив свою племянницу Фиву за руку и ведя ее обратно в Школу, всю дорогу делал ей реприманды, как подобает дяде, рассерженному неприличием поступка племянницы и считающему своею обязанностью учить ее. Из этого реприманда, буквально переданного мне, я, между прочим, узнал, что мать Фивы, Фотина, в свое время тоже собиралась бежать из школы по благочестивому побуждению (эта вместе с тогдашней своей товаркой по классу Надеждой Такахаси, нынешней начальницей Женского училища в Кёото, задумывала бежать в Нагасаки, чтобы оттуда пробраться в Россию в какой-нибудь женский монастырь и сделаться монахиней). По водворении бежавших в школе разобрана была вся их история и сделаны соответствующие вразумления, которые успокоили всех. Однако же не всем детям это прошло очень легко: Екатерина Хагивара, очень нервная по природе, до того расстроилась, что и до сих пор несколько больна. Последнее обстоятельство послужило и началом всего этого разговора. Я спросил Елисавету: «Отчего в воскресенье не было Кати Хагивара в Церкви, не больна ли?» В ответ на что Елисавета и стала рассказывать эту историю. Я заключил наставлением, чтобы учительницы были осторожны в своих выговорах, не раздражали детей и не вызывали их на такие поступки.

10 / 23 июня 1903. Вторник

Начались экзамены. Сегодня был в седьмом классе (выпускном ныне) Семинарии, где шесть учеников. Отвечали по толкованию Евангелия толково, но на задаваемые возражения оказались недостаточно рассуждающими. Во втором, тоже выпускном классе Катихизаторской школы, четыре ученика, порядочны.

О. Роман Фукуи пишет, что не мог отправиться на военном судне для посещения христиан-курильцев (с Сикотана) – судно замешкалось, он не мог бы поспеть сюда на Собор. Пишет еще, что начальником Сикотана назначен чиновник, у которого жена – наша христианка и двое детей крещены; это для христиан Сикотана очень хорошо.

О. Яков Мацуда просит «назначить одного христианина катихизаторским помощником прямо, без прохождения им Катихизаторской школы – и красноречив-де, и усерден, а в школу не может: семью не на кого оставить». Нельзя никак; подать пример – отбою не будет от претендентов на миссийские хлеба при спокойном лежании у себя на матах.

11 / 24 июня 1903. Среда

На экзамене в шестом классе Семинарии, где всего четыре человека, отвечали по Ветхому Завету хорошо; и в первом классе Катихизаторского

училища, где двенадцать человек, тоже по Ветхому Завету – некоторые хорошо, другие плохо по малоспособности или неразвитости.

12 / 25 июня 1903. Четверг.

На экзамене в первом классе Семинарии, где тридцать восемь учеников, по Катихизису Филарета отвечали поряточно; видно, что все занимались, но почти у всех еще не достаточно развита память. Кроме того, там же двое русских, присланные из Порт-Артура, предназначенные в переводчики японского языка для тамошнего края: Андрей Романовский и Федор Легасов. Обещал адмирал Алексеев прислать лучших учеников их тамошнего училища, а присланы весьма плохие: малоспособны и вялы, успели в японском языке очень мало.

В Иокохаму на рейд пришел наш военный крейсер «Джигит», и капитан его Александр Петрович Назаревский сегодня посетил меня. Это было очень кстати. Я озабочен был мыслью, как отправить Романовского и Легасова на каникулы в Порт-Артур, и вот капитан обещался взять их, только сказал, что для этого ему нужно «слово посланника».

13 / 26 июня 1903. Пятница

На экзамене по Литургике в обоих классах Катихизаторской школы, и, к удовольствию моему нашел, что все довольно исправно выучили переведенный краткий учебник; прилежание показали.

Написал посланнику барону Розену, чтобы молвил слово капитану Назаревскому о взятии Романовского и Легасова в Порт-Артур. Барон ответил, что «послезавтра капитан у него будет и получит от него официальную бумагу с просьбою о доставлении их в Порт-Артур».

14 / 27 июня 1903. Суббота

На экзамене в Семинарии: в третьем классе, где одиннадцать учеников, и в четвертом, где десять учеников, по Церковной Истории и отчасти по Русской Гражданской Истории отвечали поряточно.

Симеон Огава, катихизатор на Сикоку, просит оставить учительницей его дочь Марфу, ныне кончающую курс здесь. Нельзя. И без того много учительниц; притом же не годится для этого поста, имеет нехорошие замашки.

15 / 28 июня 1903. Воскресенье

До Литургии было крещение трех женщин с детьми, приготовленных к крещению катихизатором в Фукагава, Иоанном Катакура, которого я

часто браню за леность. Наконец-то хоть маленький плод от него. Зато теперь, наверное, станет кланчить денег в долг.

Несмотря на дождь, идущий беспрерывно второй день, в Церкви христиан было довольно много.

16 / 29 июня 1903. Понедельник

На экзамене в Семинарии и Катихизаторской школе по Догматике; в первой седьмой и шестой курсы отвечали превосходно, но на возражения становились в тупик. Видно, что профессор Арсений Ивасава не объясняет обстоятельно и не упражняет их на возражениях, конечно, потому, что и сам плохо знает предмет, преподает без любви к делу и не готовится к классам; да и когда же готовиться, когда гоняется за добычею денег в Военной школе и где еще?

17 / 30 июня 1903. Вторник

На экзамене в первом классе Семинарии по русскому языку: на память отлично читали разные правила о предложениях из грамматики о. Сергия Глебова, а склонений и спряжений, начиная с третьего ученика, никто хорошенько не знает. Жаль, что я не присмотрел прежде. Ив. Ал. Сenums — теоретик, практически рассуждать не мастер; теперь только и сам убедился, что ненужное заставлял учить. Вперед опять будет употреблена учебником «Краткая грамматика» Кирпичникова.

Отправлены на крейсер «Джигит» русские воспитанники Федор Легасов и Андрей Романовский для следования в Порт-Артур на каникулы к родным, так как «Джигит» уходит завтра. Романовский сказал, что отец его просил привезти для чтения: «Жизнь святого Ефрема Сирина», Златоуста и еще что-нибудь из Святых Отцов. Я послал ему Добротолюбие, Псалтырь, святого Ефрема Сирина и еще две книги Святых Отцов. Он служит в Ново-Мукдене десятником — донской казак; видно, что настоящий русский благочестивый человек.

18 июня / 1 июля 1903. Среда

На экзамене в Семинарии в пятом классе, где семь учеников, и в шестом, где четыре, по Основному Богословию. Хорошо отвечали то, что в русском учебнике Августина.

Целый день дождь, к вечеру разыгралась буря, которая и всю ночь продолжалась, много цветов поломала.

19 июня / 2 июля 1903. Четверг

На экзамене в Женской школе по Закону Божию. Отвечали, как и всегда, отлично; но на вопросы почти все молчали, почему дал выговор

начальнице школы Елисавете Котама, по предмету которой (Толкованию Евангелия от Матфея) шел экзамен, за то, что не упражняет учениц на вопросах и возражениях, и велел вперед делать это.

После обеда сделал экзамен молодым учительницам по русскому языку, который преподает им переводчик Исаак Кимура; сверх чаяния, оказались все очень успевающими: склонения и спряжения знают, много слов заучили, читают по книжке бегло; произношение у всех очень хорошее; можно уже вести с ними небольшой разговор по-русски простыми фразами; словом, успели далеко лучше первого класса Семинарии, хотя учатся немного больше года. Если будут так же прилежно заниматься, то еще через год будут читать русскую книгу.

20 июня / 3 июля 1903. Пятница

На экзамене в Женской школе по Закону Божию. Сегодня здесь и закончились экзамены. Всех учениц ныне восемьдесят три.

Вечером мы с Накаем закончили дело перевода до после каникул. Остановились, кончив перевод службы святой Марии Магдалины. Переводим нынче все сполна по славянской Праздничной Минее, ничего не выпуская.

21 июня / 4 июля 1903. Суббота

На экзамене в Семинарии у самых младших по Священной Истории Ветхого Завета. Отвечали хорошо. Но учитель Иоанн Хитоми очень плохо дополняет им учебник рассказами, между тем, «История» Божьего слова переведена, и он отлично мог бы делать это. Сделал ему замечание. Этим закончены экзамены и в Семинарии. Сегодня также кончились и в Катихизаторской школе.

22 июня / 5 июля 1903. Воскресенье

До Литургии крещены четырнадцать взрослых и детей. За Литургией были русские: студент Восточного института во Владивостоке — офицер — и жена его; первый говорил у меня за чаем, что его служба наша взволновала больше, чем когда он был под пулями на Китайской войне; жена его сказала, что она тоже чуть не расплакалась; она тоже была на Китайской войне сестрой милосердия и имеет на груди медаль за службу. Сетовали они, что о Миссии ничего не известно в печати. Не настолько еще возрастна она, чтоб быть известной.

23 июня / 6 июля 1903. Понедельник

С утра дождливая мрачная погода; сообразно с этим и дело — уборка комнаты и книжного шкафа от разного книжного и бумажного хлама. Во

втором часу произвольный певческий хор семинаристов угостил концертом, в заключение которого Д. К. Львовский, попрошенный спеть что-нибудь, пропел начало «Лучинушки» и довольно плохо — раз, тенор уже устарел, потом, по своему обычаю, вытягивал некоторые ноты так длинно, что и конца не видно...

24 июня / 7 июля 1903. Вторник

С девяти часов почти до одиннадцати был выпускной акт (соцугёосики) в Женской школе. Кончили курс пятнадцать, из них, впрочем, три не были налицо — больны, отосланы на родину раньше. Молитва, чтение списков, раздача дипломов окончившим, похвальных книг другим — первым каждого класса, передача по куче книг — самых главных, религиозных, начиная с Нового Завета, окончившим. Моя небольшая речь им: «Выходите с радостью, но отчасти и с печалью, после столь долголетнего пребывания здесь, выходите на радость, но еще больше на печаль мира, а главное на жизненный труд, который есть долг, назначенный от Бога всем живущим. Чтобы этот труд был легок, посвящайте его Богу. Сказано: „Молитесь непрестанно“. Пусть будет ваш жизненный труд так свят и угоден Богу, как молитва, а для сего всегда кладите на него печать Божию — освящайте начало всякого дела молитвой и кончайте его благодарением Богу. Простая бумажка делается почтенным денежным знаком в 5, 10, 100 ен, приняв на себя Императорскую печать; так всякое дело, как бы оно, по-видимому, ни почтенно было (например, приготовление пищи, шитье платья), делается святым и угодным Богу, если делать его во Имя Божие. Бог назначил людям все эти дела. Без пищи, без одежды нельзя жить человеку — Создатель Господь так установил; значит, исполняя их, человек творит Волю Божию и этим не только исполняет свято свой жизненный долг, но и prepares для себя Царство Небесное, ибо сказано: „Где Я буду, там и слуга Мой — исполнивший Мою Волю — будет“, — и так далее. Потом чтение одной из выпускных (Марией Кагета, дочкой о. Павла) благодарственного адреса; чтение воспитанницами четвертого и третьего курсов речей, обращенных к выпускным, и пение ими же прощальных стихов своего сочинения. В заключение выпускные пели прощальную свою песнь школе — четыре строфы стихов своего сочинения, весьма милых и трогательных. Затем следовала, в первый раз нынче, игра на кото: принесли четыре инструмента и на них сыграли учительница Евфимия Ито и три ученицы четвертого класса весьма стройно. Им даны свидетельства об окончании ими ученья на кото. Пропели «Достойно есть»; я дал 6 ен на «симбок-квей» ученицам; начальница Ел. Котама пригласила всех гостей в большую классную во втором этаже, где на столе приготовлены были печенья, а выпускные всем разнесли в стаканах китайский чай.

Вечером прибыл из священников первый на Собор о. Роман Фукуи из Немуро и привез в Женскую школу с Сикотана двух курилок — Иулиту, восемнадцати лет, уже жену одного христианина, внука Якова Сторожева, тамошнего старшины, и девочку тринадцати лет, шуструю и умную на взгляд. Обе грамотны по-японски. Муж Иулиты тоже хочет сюда, в катехизаторскую школу, но его не отпустили; быть может, в будущем году отпустят. Нынче это первый раз, что с Сикотана начальство отпустило сюда в школу; до сих пор почему-то не соглашались, хотя мы каждый год просили. Сикотанцев хорошо подучить вере и церковным порядкам, чтобы они не нуждались в катехизаторе из японцев, которые так неохотно идут к ним.

25 июня / 8 июля 1903. Среда

С девяти часов выпускной акт в Семинарии. Чтение списков, объявление, что шесть учеников Семинарии кончили курс; из них два первые — Петр Уцияма и Василий Нобори — оставляются при Семинарии наставниками; Акила Кадзима поступает в общество «Айайся» в качестве переводчика духовных книг; а три — Кирилл Мори, Павел Ёсида и Федор Тоеда — делаются катехизаторами. Из Катехизаторской школы четыре человека, составлявшие второй курс, поступают в катехизаторы. Даны первым ученикам наградные книжки, в том числе и кончившим курс. Начальник Семинарии И. А. Сенума сказал речь, после чего было пение добровольного хора семинаристов. Затем раздача дипломов кончившим курс Семинарии.

Моя речь им. Сущность ее: «Спаситель сказал Своим ученикам: „Вы — свет миру“. Эти слова звучат и вам в уши. Будьте же светом миру. Начну пояснение сего подобием. Представьте ясную лунную ночь; уже близок рассвет, все в доме встали, но при лунном свете могут ли хорошо работать? Нет; потому, во-первых, что далеко не видно, потому, во-вторых, что неясно видно, потому, в-третьих, что обманчиво видно. Это подобие нынешнего состояния Японии. Здесь широко разлит лунный свет — свет разных наук, и все уже встали: Япония покрыта школами. Но еще солнце не взошло, и потому, что мы видим? Во-первых, никто не думает дальше сего мира. Высшие ученые авторитеты Японии объявили человека потомком обезьяны, душу человеческую уничтожимою вместе с телом, личного Бога не существующим, и взоры всех затуманены этим мрачным учением. Не печальное ли состояние? Все так и идут в тот мир слепцами, навсегда лишенными возможности зреть Бога и все красоты невидимого мира, как слепорожденные никогда не видят солнца. Самые лучшие люди Японии нисколько не заботятся о вечной участи своей души, а ограничены исключительно заботами о нуждах жизни сей, как будто и подлинные потомки животных. Не ужасно ли? Представьте, что

при выходе из сего дома налево — тигр или яма; не возьмете ли вы предосторожность уберечься от них? А при выходе из сей жизни или ад, или рай, и никто здесь не думает брать предосторожность, чтобы не попасть в первый, чрез что прямо и попадает в него. Осветите Светом Христовым, который зажжен в ваших душах, дальний горизонт для ваших соотечественников. Во-вторых, свет наук, как лунный, неясно показывает предметы. Довольно в доказательство сего указать на недавний печальный факт, как один студент, старавшийся из философии понять, что такое человек, что такое Вселенная и, не нашедши разгадки мировых тайн и проблем в ней, с отчаяния бросился в водопад, чтоб погибнуть. После него семь других молодых людей сделали то же; сколько еще последует за ними, неизвестно. Все это лучшие молодые силы Японии. Из-за чего они гибнут? Именно из-за того, что свет солнца не воссиял для них. Мы знаем, что целая вечность пред нами для изучения тайн Божией Премудрости и что самая вечность мала для исчерпания сих тайн, что в открытии нам Божих истин будет источник вечных райских наслаждений. А они ложкой хотели зачерпнуть безбрежный океан и умерли с отчаяния, что не удастся это. Много ли нужно для вразумления сих несчастных? Объяснение начал Христова Учения, сделанное с внушающею любовью, так чтобы проникло в их души сквозь лунный туман. Будьте же такими объяснителями, проникнитесь любовью к вашим братьям и спасайте их от бездны. Еще лунный свет наук представляет предметы обманчиво, вместо действительных предметов — призраки, привидения. Не так ли все в Японии погружены ныне в материальный мир и его одного считают действительностью, тогда как он приходит и исчезает для каждого из нас, как призрак... Ваше дело — при Свете Христове представлять людям настоящую цену всего видимого и материального и бесконечное преимущество пред всем этим духовного, нематериального... Будьте же светильниками для ваших братьев, еще сидящих в сени смертной! Старайтесь, чтобы в вас самих свет не погас, а возгорался более и более. „Не угашайте духа“. Помните, что вы можете дать свет людям настолько, насколько он сияет в вас самих...»

Потом чтение благодарственных адресов первыми учениками из кончивших, пение песни, сочиненной остающимися в Семинарии в прощание выходящим из нее, и, наконец, прощальная песнь сих последних. Акт начат и окончен пением молитвы.

Начальник Семинарии, господин Сенума, пригласил всех гостей в столовую, где приготовлен был чай и печенье. Всех гостей было тридцать; с кончившими курс десятью, которые тоже были приглашены на чай — сорок; на печенье Никанор взял от меня по 12 сен на человека. Ученикам на «симбокквай» сегодня вечером я еще вчера (по их просьбе «дать побольше») дал 7 ен.

Возвращаясь с угощения, весьма довольный всем происшедшим, я и не воображал, что мне готовится сейчас же большая неприятность.

Вслед за мной пришли в мою комнату двое из кончивших семинаристов, П. Ёсида и К. Мори. Посадил их и спрашиваю: «Что скажут?» Мори говорит:

- Мы пришли сказать, что отправляемся в Россию.
- Зачем?
- Поступить а Академию.
- Какие же у вас средства на то?
- Я уже взял заграничный паспорт, платье тоже справил.
- А в Академию как поступите?
- Один человек обещал мне постараться об этом.
- Кто такой?
- Не могу сказать.
- А вы как? — обращаюсь к Ёсида.
- Мне родные дают на дорогу.
- А в Петербурге как будете жить?
- Буду работать: наймусь в повара или в слуги.
- Это фантазия; чтобы быть поваром, надо знать поварское искусство, чего у вас нет; даже и место слуги нелегко найдете в Петербурге; но как же вы будете при этом учиться?
- Как-нибудь буду.

С полчаса проговорил с ними, стараясь образумить, — к стене горох! Сказал в заключение, что «моего позволения им нет», что «хлопотать о приеме их в Академию не буду» (это было бы несправедливостью: если бы посылать в Академию, то следовало бы послать первых из окончивших), что они обрекают себя на большие бедствия, а Церковь на потерю их службы, хотя они и уверяют, что будут потом служить Церкви.

Призвал потом И. А. Сенума и поручил ему уговаривать их бросить их фантастическое предприятие. В Семинарии, кстати, еще были все учителя — кандидаты академии; они призвали Ёсида и Мори, и все вместе целый час уговаривали их оставить их намерение, представляя, что в Академию их не примут без представления и прошения отсюда, что они обрекают себя на бесполезные бедствия и подобное. Ничто не подействовало.

Так-то надежны японцы! Семь лет забот, любви, расходов, надежд — все легкий клочок дыма! А ведь какими надежными казались! Особенно Ёсида, всегда являвший себя благочестивым. Мори тоже, как сын священника, по завещанию отца, должен был служить Церкви, хотя и плох по своему заносчивому характеру. Есть кто-то смущающий их, кто бы это?

В три часа приходили за последним благословением двенадцать выпускных воспитанниц Женской школы. Побеседовал с ними и благословил иконами: Божией Матери, Ангела-Хранителя и великомученицы Варвары; дал также фототипии внешнего и внутреннего вида Собора.

Из священников пришли о. Роман Фукуи и о. Андрей Метоки из Хакодате. Выслушал их отчеты о состоянии их приходо́в.

Вечером у учеников был «симбокквай» с музыкой, пением и множеством спичей. Я на него не пошел — раз, нужно было выслушать о. Метоки, потом, не прошло неприятное впечатление от уходящих со службы Мори и Ёсида.

26 июня / 9 июля 1903. Четверг

Чтение писем к Собору и разных предложений, выборка статистических данных из церковных «кейкёохё», выслушание отчета о. Петра Ямагаки. Прочие священники еще не пришли. Отпуск на каникулы учеников и учениц с раздачей денег на дорогу тем, которые не имеют своих средств, а таковы почти все.

И. А. Сенума сказал, что, кажется, Ёсида и Мори не пустятся в свое преднамеренное ученое путешествие: Василий Нобори, старший из их товарищей, будто бы повлиял на них своим уговором. И. А. рассказал, между прочим, что на «симбокквай»'е вчера очень удачно представлен был учениками апофеоз катихизатора: встречают его чиновник с женой и укоряют, что взял на себя такую незавидную, бедную службу; потом — родные, и дядя колотит его за то, что сделался катихизатором; а потом выходит «гунчё» — окружной начальник — и, падая на колена, приветствует его; тогда все переменяют мнение о нем, а он говорит проповедь.

Спрашивал совета господин Сенума — сделаться ли ему преподавателем русского языка в одном училище, куда приглашают чрез учителя китайского языка Такахаси. Я отсоветовал. Хотя это для него и денежный вопрос, но держится он пока на высоте бескорыстного настроения — помощи Бог ему! Получает, впрочем, и от Миссии достаточно для безбедного существования с семьей: 45 ен жалованья, 10 лично от меня, провизию на всю семью от школ и квартиры.

27 июня / 10 июля 1903. Пятница

Целый день прошел в выслушиваньи священников об их Церквах. Мало радостного, больше печального: застой в проповеди, запущение в иных местах церковного дела до того, что, например, в Хоцинохе, в церковном доме, живут две язычницы, одна из которых еще жена проповедника «Тенрикё», этого нового отпрыска синто-буддизма, до того безобразного, что Правительство едва терпит его. Женщин этих поселил там Павел Минамото; они — сестра его жены с дочерью, которая и есть жена того. И никто там ухом не повел от сего обесчещения церковного дома, где наверху Молельная комната. Господи, когда же Ты призиришь милостивым оком и дашь добрых христиан Твоей Японской Церкви?

Павел Ёсида и Кирилл Мори пришли сказать, что они остаются в Японии и будут служить по проповеди. Хоть это ладно.

28 июня / 11 июля 1903. Суббота

Утром возмутило приведенное в «Japan Mail» письмо графа Льва Толстого о кишиневском возмущении народа против евреев. Этот анафематствованный еретик, как злой пес, не упускает никакого повода лаять на свое Правительство и на духовенство. И нигде во всем нынешнем шуме в газетах о кишиневских беспорядках ни малейшего намека, что евреи сами виноваты в ненависти к ним и в повременных возмущениях против них простого народа: они, как пиявки, сосут кровь окружающего их люда, ну и выводят, наконец, его из терпения и жестоко платятся за это. Сказал Павлу Ямада, чтобы он написал статью в «Сейкё-Симпо» для уяснения подлинных обстоятельств дела.

Выслушиванье докладов священников о заведуемых ими Церквах. После всенощной — исповедь восьми священников, завтра участвующих в служении Литургии.

Не все еще священники собрались: южным мешает прибыть разлив рек и порча железной дороги на Тоокайдо.

29 июня / 12 июля 1903. Воскресенье.

Праздник святых Апостолов Петра и Павла

Сослужило в Литургии девять иереев. После молебен святым Апостолам Петру и Павлу, заключенный многолетием. Между русскими в Церкви был педагог из Казани, Николай Константинович Горталов, преподаватель в гимназии, намеревающийся в будущем году во время каникул учинить сюда педагогическое путешествие с гимназистами и ныне изучающий для того дорожные удобства и прочие подробности. Он остановился на несколько дней в Миссии.

Священники продолжают прибывать и сообщать сведения о своих Церквах, в которых, впрочем, почти ничего не слышу нового — все известно из их же писем.

Один из оосакских священников, о. Иоанн Оно, заболел ревматизмом так сильно, что, по словам о. Симеона Мии, почти лишился употребления рук и ног и лежит в своей квартире в Кёото.

Учащиеся продолжают расходиться на каникулы, наделяемые духовными брошюрами.

30 июня / 13 июля 1903. Понедельник

Целый день священники употребили на предварительное совещание (найквай) и еще не кончили его; завтра тоже будут совещаться частно,

что производится ими в их помещении Семинарии, в большой комнате на втором этаже. Я отдал им на рассмотрение все собравшиеся к Собору письма и предложения. Дело коодзимацкой Церкви и отцов Савабе особенно всех затрудняет; все стесняются откровенно высказываться, так как дело касается самого почтенного в Церкви священника, о. Павла Савабе; он тоже был на собрании, но скоро ушел, и его сын, о. Алексей, тоже скоро вернулся домой. Сендайская Церковь тоже затрудняет: о. Петр Сасагава совсем ослабел и опустил Церковь. Но как устранить такого почтенного священника от заведывания Церковью? Сам же он не сознает вреда для Церкви от того обстоятельства, что уже давно обратился в труп, и только забыли похоронить его.

1 / 14 июля 1903. Вторник

Опять целый день «найквай», и опять ничего путного не придумали отцы ни касательно Церкви в Коодзимаце, ни относительно Сендая и Такасаки (оттуда христиане гонят о. Морита).

Несчастные оо. Савабе! Старик выжил из ума и только капризничает и дуется, сын — глуп, как баран, и упорен, как осел; для него Секи, негоднейший из христиан, патриархом — ему повинуются и никаких резонов не слушается. Придумали отцы вчера за целый день: «О. Титу Комацу, как другу о. Павла Савабе, поручить немирную часть коодзимацкой Церкви — он-де, вероятно, умирит ее и опять приведет под руку оо. Савабе». Но так как о. Павла Савабе не было на собрании сегодня, то сегодня некоторые отцы отправятся к нему доложить о сем и испросить его одобрение. По этой причине и завтра не начнется Собор с утра, а разве часов с десяти можно будет начать его. Об этом секретарь «найквай» — я, Петр Исикава, прислан был сказать мне. Но, во-первых, о. Тит вовсе не друг о. Павла Савабе, потому что о. Павел все время, пока о. Тит был священником в Сиракава, мешал ему, заправляя издали христианами, которые привыкли к нему за десять лет бытия его священником в Сиракава, когда он произвольно поселился там после неудачного восстания против меня и порядков церковных в 1884 году, — о. Тит мне же жаловался на это и горько сетовал на о. Павла; во-вторых, как это о. Тит будет умиротворять христиан Коодзимаце, будучи священником города Уцуномия? Как он будет приводить их под руку отцов Савабе, когда они рассердились на Ниицума за один только намек на это, тогда как прежде слушать Ниицума пламенно желали? Словом, неудачнее ничего придумать нельзя.

Между тем, немирные коодзимацкой Церкви представили сегодня прошение Собору: просят скромно оставить их, как они есть, определив только одному из токийских священников исполнять требы у них.

Три священника произвели испытание христианина из Удзуми, Якова Хиби, пятьдесят четыре года, в знании Вероучения и нашли, что он может быть принят в число служащих Церкви со званием «ходзё» (пособника); старый весьма благочестивый христианин, Учение знает, хотя не красноречив и систематично излагать не может.

2 / 15 июля 1903. Среда

С десяти часов начался Собор. Уяснено было, сколько ныне христиан в Японской Церкви (27 965), сколько служащих Церкви (186). Затем приступлено к рассмотрению дел. Прежде всего — о священниках. Лишь только я объявил это, как встал о. Симеон Мии и произнес:

— Касательно немирных христиан коодзимацкой Церкви и их отношения к отцам Савабе мы решили: поручить немирных о. Титу Комацу, чтобы он заведывал ими и привел в подчинение оо. Савабе.

Я крайне изумлен был: самый умный из священников, кандидат богословия, да еще после значительного объяснения мною ему дела вчера вечером и вручения для прочтения прошлогодних прошений и разных документов по коодзимацкому разладу, так говорит!

— Все желают этого?

— Все, мы два дня головы ломали и придумали это,— отвечают.

Все еще не веря, чтобы все были согласны на такую плохую меру умирения Коодзимацы, я потребовал, чтобы подтвердили свое решение встанием. И все до единого встали! Я молвил только: «Пусть будет так!» И, передавая секретарю Фудзисава прошение коодзимацких христиан, прибавил: «Призовите подписавших прошение и скажите, что их просьба удовлетворена Собором: одному священнику назначено заведывать ими, это — о. Титу Комацу, пусть хорошенько слушаются его».

Но восстали и против этого, о. Павел Савабе с совсем сердитым лицом говорит:

— Мы поручили их о. Титу не вследствие их прошения. Их прошение ни при чем, по нем ничего не сделано.

Я молча взял прошение у секретаря, примолвив: «Скажите им, когда придут, то, что слышали от священников, и пошлите их поговорить с самими священниками».

Затем перешли к другим делам. Церковь в Такасаки, согласно прошению христиан, изъяли из ведения о. Павла Морита и поручили тоокейскому священнику о. Петру Кано.

Как поднять Церковь в Сендае? Прежде всего обратились к о. Павлу Савабе: «Поживи там и подними дух Сендайской Церкви». И нужно было видеть, как эта честь тешила старика! Он расплывался в улыбку. Я его тоже просил. Совсем счастлив он был от оказываемого почета; но не согласился. И, конечно, хорошо сделал; не оживил бы, а еще больше

придушил бы Церковь своим пессимизмом и вечным руганьем всех и всего в служащей Церкви.— Хотели потом о. Морита перевести в Сендай в помощь о. Петру Сасагава. Но я прямо не позволил и много спорить об этом: Маебаси-то как же осталось бы без священника.

В послеобеденных прениях хотели и совсем уж решили было Николая Такаги, катихизатора ныне в Ионако, перевести на Формозу; но, когда истощились и замолкли прения, я сказал, что «этого нельзя сделать — некого в Ионако, а пошлется разве о. Семен Юкава на Формозу посетить христиан и преподавать им таинства».

До пяти часов продолжалось чтение прошений о катихизаторах вперемежку с речами и прениями. И еще не кончено это.

Вечером до двенадцати ночи я проговорил с нынешним гостем здесь Николаем Константиновичем Горталовым. Как он знает биографии всех архиереев в России!

3 / 16 июля 1903. Четверг

До полудня Собор. Чтение прошений о катихизаторах и пояснения к ним от присутствующих священников кончены к двенадцати часам.

После полудня, с двух с половиною часов, распределение катихизаторов в комнате против Крестовой Церкви. Кончено, начерно, к пяти часам, ибо не касались тех, которые крепки к своим местам, а только тех, которые просили о переводе их, или которых Церкви просили переменить.

В пятом часу вошел попрощаться, отправляясь в Нагасаки, казанский гость, Николай Константинович Горталов.

4 / 17 июля 1903. Пятница

Вновь пересмотрели распределение катихизаторов, переписали и в десять часов, вошедши в Церковь, прочитали и утвердили общим вставанием и поклоном Господу, чтобы благословил утвержденное к доброму исполнению.

Затем обратились к разным предложениям Собору. Из них большая часть на предварительном совещании священников найдена не подлежащими соборному рассмотрению за неважность или нерезонность их. Здесь прочитано было и возбудило продолжительные и оживленные прения предложение Симеона Мацубара взимать по 1 сен с каждого христианина [в возрасте с] трех [до] шестидесяти лет ежемесячно на образование капитала для содержания Японской Православной Церкви. Окончательно решено было, по моему предложению, привести в исполнение проект Симеона Мацубара, заменив только лета: от семи до шестидесяти, и не с мужского пола только, а и женского. Собранный

сумму каждая Церковь должна присылать сюда, в Миссию, для положения в банк.

К пяти часам предметы соборных рассуждений истощились. Пропето было «Достойно»; я сказал несколько напутственных слов, и Собор закончился.

Просившиеся было в Россию Кирилл Мори и Николай [sic] Ёсида отправились к назначенным для них местам служения: первый — в Оосака, под руководство тамошних священников, второй — в Кагосима, откуда и родом, под руководство о. Якова Такая.

5 / 18 июля 1903. Суббота

Священникам понравилось жить в Семинарии: просили и всегда во время Собора помещать их здесь всех вместе, а не с катехизаторами в гостиницах. Секретарь С. Нумабе просил по этому случаю «вперед заканчивать занятия в Семинарии несколькими днями раньше, чем доселе». Этого нельзя, никак нельзя. А священников, как ныне, помещать можно по мере освобождения комнат семинаристами по окончании экзаменов. Порядок течения семинарских занятий важнее, чем случайный визит провинциальных гостей.

После всенощной десять священников исповедались у меня в Крестовой.

6 / 19 июля 1903. Воскресенье

Литургия в сослужении десяти иереев. Пение причетников и некоторых из тоокейских катехизаторов превосходное; даже Львовский не участвовал в пении, так как опять уехал в Россию по поводу воспитания детей своих.

С восьми часов вечера начальник «Общества молодых людей» Василий Ямада устроил собрание для священников — «ироо-квей», для кончивших курс в Университете четверых — поздравительный «квей». Священников было мало; один из кончивших — сын о. Павла Сато, Иосия. Другой его сын, Мефодий, поступает нынче в Университет. Из детей о. И. Катакура тоже один учится там, другой ныне поступает. Не благословляет Господь детей священнослужителей сих взять жребий священнослужения. Во время собрания играли на фортепиано и на скрипках три ученицы Иоанна Накасима, регента хора в Коодзимацци; одна из них — дочь о. Алексея Савабе.

7 / 20 июля 1903. Понедельник

В Иокочаме по размену денег, пришедших из России на Миссию.

Отпуск нескольких священников. Но большая часть батюшек, правду сказать, любят покейфовать и пожить на безделье, обмахиваясь веером.

Иных, как например, ленивейшего о. Петра Кавано, неподвижнейшего о. Иова Мидзуюма, придется, вероятно, и ныне, как прежде бывало, попросить направиться, наконец, к их паствам.

8 / 21 июля 1903. Вторник

Послесоборные дела: рассылка известий о соборном определении и дорожных тем, места службы которых переменены. Таковые ныне только те, кто сами просили о перемещении или которых переменить Церкви просили, как выше это замечено.

Церковь в Такасаки просила переменить священника: не хочет быть под ведением о. Павла Морита, просит принадлежать одному из тоокейских иереев. Это сделано. Кроме того, Церковь в Такасаки перестала давать 3 ены на содержание священника. О. Павел Морита, видя сокращение своего месячного содержания (30 ен всего) на эту сумму (3 ены), просил меня восполнить ему этот ущерб из миссийских. Я сказал ему:

— Нет! Пусть будет этот ущерб наказанием вам за то, что не стараетесь как должно обращаться с христианами. Зачем возбудили их нелюбовь к себе до того, что они бежали от вас? Вас и в Маебаси половина христиан не любит за то, что вы вмешиваетесь в дела, посторонние для вас, да еще неумением вести их возмущаете христиан против себя; таково, например, ваше сватанье и сведение весьма неудачной пары... Итак, пусть будет уроком для вас нынешняя просьба такасакских христиан. Впрочем, на этот раз восполню вам 3 ены. А вперед этого не будет.

Вновь поступил на службу бывший когда-то катихизатором Иов Хаякава. Был бесплоднейшим проповедником. И отныне, вероятно, будет таким же; но, по крайней мере, хоть чем-то вроде сторожа будет небольшой Церкви в Отавара, (откуда и сам), Канеда и Сануяма. Катихизатор отсюда взят Собором для более нужного места, и положительно нечем было заменить его. Иов же, конечно, не по усердию к Церкви, а по бедности, давно просится у о. Тита Комацу вновь принять его на церковную службу. И вот он вызван был сюда, подвергнут экзамену от священников, не забыл ли вероучение, найден помнящим оно и назначен «денкёо-ходзё» для означенных мест. Он будет «доцяку», то есть жить на своем месте и заниматься тем, что ныне делает для пропитания своей семьи (6 человек детей, из коих двое, впрочем, давно уже в миссийских училищах). Жалованье от Миссии ему будет 6 ен.

9 / 22 июля 1903. Среда

Написанное на предыдущей странице об Иове Хаякава надо исключить — на церковную службу не поступил, ибо сегодня утром является о. Тит Комацу и говорит, что «Иов просит больше содержания, 6 ен ему

мало», на что я ответил, что «пусть в таком случае и остается при том, что ныне имеет — на церковную службу не нужен». Дал ему дорожные из деревни сюда и обратно, и дело с ним кончено. Отставленный за негодностью катихизатор чрез несколько лет не будет годнее, и к таким никогда не надо возвращаться; им только бы сесть на церковное тело и пить кровь, больше у них мысли никакой нет и не может быть.

10 / 23 июля 1903. Четверг

И сегодня дело с негодным катихизатором. Есть Стефан Кондо, способный, но плутоватый и своекорыстный. Несколько раз служил катихизатором и несколько раз оставлял службу, чтобы акупунктурой добывать себе хлеб, ибо считает себя искусным «хари-ися». Искусство это что-то вроде шарлатанства; но в некоторых местностях он успевал приобретать доверие к нему — практики являлось порядочно; тогда он бросал катихизаторство. Когда мода на него проходила, практика истощалась — снова просился на катихизаторскую службу. Теперь именно один из таких периодов: попросился на службу в качестве «дзикацу-денкёося», то есть «катихизатора на своем содержании». Уловка уже известная: чрез несколько времени попросит содержание от Церкви. Тем не менее принят. И думал я, что будет он сим «дзикацу-денкёося» здесь, или вернется в свои прежние места — Нагаока и окрестность. Но утром сегодня приходит о. Симеон Мии вместе с ним и просит назначить его в Каназава, то есть плутоватый Кондо хотел на хребте Церкви пробраться в новое весьма многолюдное место шарлатанить своей акупунктурой. Говорю я о. Симеону:

— Но вы же сами на Соборе утверждали, что к Акиле Обата ныне никого не нужно ставить; старик служит так хорошо, и это обидело бы его. Собор хотел определить туда Никиту Сугамура, но вы настояли, чтобы этого не было. Как же вы хотите ныне отменить определение Собора, вами самими так настойчиво вызванное?

О. Мии стал было изворачиваться; но я сказал, что никак не соглашусь на отмену соборного определения без достаточного к тому повода. Кондо может отправляться в Каназава без звания катихизатора, удерживать его мы не имеем права; но в звании катихизатора он не должен отправиться, ибо там соборным определением назначен катихизатором Акила Обата, и он один.

Какая это беда — не иметь достаточно проповедников и быть вынужденным довольствоваться всяким негодьем!

11 / 24 июля 1903. Пятница

Перевел с П. Накаем вчера написанное Окружное послание к Японской Церкви о том, чтоб позаботилась о содержании своих служащих

Церкви; не вечно же Русская Церковь будет содержать их; а отнимет она свою руку помощи — рухнет Японская Церковь, если будет продолжаться такая беспечность. На этот раз предлагается всем христианам с семи до шестидесяти лет вносить ежемесячно по 1 сен на образование капитала для содержания служащих Церкви; так определено нынешним Собором. Привьется это — предпримется что-нибудь и больше. Помогите Бог!

12 / 25 июля 1903. Суббота

Коли человек бессовестен, так его не удовлетворишь. Павел Сайто, катихизатор в Оота и Мито, получает больше всех других катихизаторов, именно: содержания 20 ен 50 сен, на квартиру 4 ены 50 сен, на проповедь в Мито 4 ены, на квартиру там 2 ены; да два сына воспитываются на миссийском содержании в Семинарии, получая здесь даже и на мелкие расходы. При всем том, прислал мне грубейшее письмо: так как Собор не назначил другого катихизатора в Мито, о чем он просил, то требует он ныне прибавить ему еще на проповедь в Мито 3 ены и на квартиру в Оота 3 ены. Отвечено отказом и строгим выговором. И ведь плохой катихизатор. Так-то доброе катихизаторство не связано с обилием содержания. Напротив, кажется, чем больше прибавляешь, тем больше жадности рождается, как у этого Сайто, например: наклончил вон сколько и все еще просит, да еще и других подбивает к тому же; и на нынешний Собор прислал свой доклад, в котором, расписывая все нужды катихизатора, в том числе и выписку светской газеты, требует, чтобы катихизатору было назначено непременно 25 ен в месяц. Конечно, доклад остался пустой бумагой. Но при мысли, что все это из русских денег, отвращение возбуждает эта бессовестность. Таким ли служить в проповедниках Слова Божия и указателях пути спасения? А вот необходимость заставляет пользоваться и оными. Отчего же Господь не дает лучших?

13 / 26 июля 1903. Воскресенье

Иосия Сато, сын о. Павла, кончивший курс в Университете, приходил сказать, что поступает чиновником Министерства внутренних дел на службу в Канагаве. Это хорошо. Спустя три-четыре месяца, в которые он обзаведется платьем и житейскими принадлежностями, можно будет половину содержания о. Павла с семьей возложить на него. Жалованье будет получать достаточное для того; для больших денег ведь все эти люди и бросают путь служения Церкви. О. Павел, надо правду сказать, был бездеятельнейшим из иереев, удовлетворявший только главной своей страсти — покупать и читать старые японские книги. А ныне лежит в параличе и получает полное свое бывшее содержание от Миссии — 29 ен и еще частно от меня 5 ен в месяц, занимая еще целый дом при Женской школе к немалой потехе оной. Воспитал всех детей на церковный

счет, служа плохо Церкви, и до сих пор обременяет собою бедную Церковь. Непременно к концу этого года половину содержания его надо возложить на сына; а другой сын кончит Университет и поступит на службу – пусть и вполне содержит отца с остальным семейством. Слово Божье то велит: 1 Тим. 5: 8 и 16.

14 / 27 июля 1903. Понедельник

Девять учеников Семинарии и три Катихизаторской школы остались не разошедшимися по домам на каникулы. Отправил их в Бооисиу, в деревню, пожить на берегу моря. По 5 ¹/₂ ен в месяц за квартиру и пищу с человека.

15 / 28 июля 1903. Вторник

Надоедают, как всегда, послесоборными просьбами, кое-откуда, оставить катихизаторов на месте (в Оотавара, Моисея Минато) и подобное. Отказывается на основании соборного утверждения.

16 / 29 июля 1903. Среда

Из Ханда уже было прошение об оставлении там катихизатора Якова Ивата, переведенного Собором в Какогава. Сегодня был оттуда христианин просить о том же. А между тем Ивата переведен по его собственному прошению о том. Как это досадно: катихизатор просится в другое место, а христианам не имеет духа сказать о том, сваливая перевод на Собор, или на своего священника, и христиане волнуются и сердятся. Каждый год после Собора такие случаи.

Молодой христианин из Аяси, Акила Нисизава, отправляющийся в Америку изучать английский язык, просил дать ему свидетельство, что он православный, чтобы допускали его к участию в святых таинствах Церкви в Сан-Франциско. Сделано.

17 / 30 июля 1903. Четверг

Письма в Россию.

18 / 31 июля 1903. Пятница

Месячные расчеты. Перевод расписок.

Пригласил остановиться в Миссии на два-три дня заявившегося русского гостя – преподавателя Благовещенской Духовной Семинарии Василия

Аркадьевича – Тронина с братом, воспитанником той же Семинарии второго класса, Владимиром, пятнадцати лет.

19 июля / 1 августа 1903. Суббота

Сегодня в России великое торжество: открытие мощей Преподобного Отца нашего Серафима Саровского. Господи, по молитвам святого Серафима, воззри и на Японскую Церковь, и пошли ей добрых служителей, и сохрани, и возрасти ее! Ты же, Преподобне Отче Серафиме, моли Бога о сем! Не остави и нас грешных твоею любовью и твоим милостивым посещением!

20 июля / 2 августа 1903. Воскресенье

До Литургии было крещение одного медицинского студента, брата врача Пантелеймона Бан из Канада. После Литургии между гостями был врач Александр Сугияма с катихизатором Сергием Сионоя, направляющимся на место своего служения, в Минато, из Сидзуока. Думал, по-видимому, Сионоя, что он переведен за малолетельность по проповеди в Сидзуока, и потому привел Сугияма защищать его. Сей разливался в сказании о болезни его жены и прочее. Выслушавши его и понявши, в чем дело, я успокоил Сионоя, что он переведен в доброе место к добрым, заботливым о своем проповеднике христианам из-за сострадания всех рассуждавших о нем на Соборе к его горю, что, потеряв жену, остался с тремя малютками на руках. Он успокоился. Двух самых малых детей он оставил на руках у родных, с собою ведет четырехлетнюю дочку. Главная причина смерти жены, по словам Сугияма, та, что родила детей без отдыха; оттого, при некрепком организме, ослабела до того, что не могла перенести какой-то пустячной болезни. Так-то воздержаны катихизаторы! И сколько уж таких казусов было!

21 июля / 3 августа 1903. Понедельник

Гость В. А. Тронин, вчера вернувшийся из Никко, куда уехал в субботу, сегодня отправился восвояси, заняв у меня 100 ен, которые обещался выслать по возвращении в Благовещенск. Пригласил он сопровождать его до Кёото в качестве переводчика Павла Ямада, который изрядно уже говорит по-русски.

22 июля / 4 августа 1903. Вторник

Перевод расписок.

И. А. Сенума с семьей отправился на воды. Не перестает толковать, что его приглашают преподавать в какой-то новооткрываемой школе

русский язык. Видно, что тянет и его последовать товарищам-изменникам своему назначению. Есть еще у него некоторая остойчивость и тяжесть, которую другая чашка весов с подкупающими деньгами не перетягивает. Но уже начинаю я сомневаться, если бы прикинуть еще денег, не перетянула бы эта чашка и не перекувырнулась бы его честность. А ведь и от Миссии получает столько, что, кажись, можно бы довольствоваться, никто другой столько не получает: 45 ен жалованья, 10 частно от меня, вся семья питается от Семинарии (что, надо полагать, ен 15 в месяц), да квартира ен 10, итого ен 80.

В конце концов, быть может, придется плюнуть на этих продажных японских кандидатов и вызвать из России своих, русских, двоих — оными уже и набивался однажды К. П. Победоносцев, что я тогда телеграммою отклонил. И Семинария велась бы несравненно лучше — разумней и правильной. Увидим, что Бог укажет.

23 июля / 5 августа 1903. Среда

Был в Иокохаме получить от Lane and Crawford ковер, выписанный из Англии для храма в Кёото. Иподиакон Кавамура поедет в Кёото, чтобы постлать его в храме, а главное, чтобы перевести землю и здание с имени о. Мии на мое. Земля будет мною арендована на тысячу лет, ибо иностранец в Японии владеть землей не может, дома и храм куплены, то есть по купчей переведены на меня, причем немалый расход будет на совершение всех процедур. Зато потом, даст Бог, будет безопасно.

24 июля / 6 августа 1903. Четверг

Погода, наконец, ясная и жаркая. Дело — хлопоты по ремонтам зданий.

25 июля / 7 августа 1903. Пятница

Был Reverend Arm. King, епископальный англиканский миссионер, попросить два экземпляра Священной Истории картин Крюкова для своих миссионерок в Корее. Это уже третий или четвертый раз, что они просят этих наших картин. Я обещался уступить два экземпляра из пяти, которые недавно выписал и скоро жду. Кинг путешествовал по Китаю и Корее и только что вернулся. В Пекине посетил нашу Миссию и говорил, что постройки в ней деятельно возводятся; виделся с Преосвященным Иннокентием, которого хвалит; осмотрел наши храмы в Манчжурии, куда достигал, и все ему понравилось; по крайней мере, речь его сладка и мягка, как елей. Только в одном месте в Церковь его не пустили (должно быть, замок висел на двери), и он, упоминая об этом, поморщился, но тотчас же спохватился и принял елейное выражение. Про

свои епископальные Миссии говорил, что у них в северной части Китая до полутора тысячи христиан, и дело бодро идет вперед.

26 июля / 8 августа 1903. Суббота

Был студент Санкт-Петербургского Университета Владимир Александрович Колянковский, путешествующий во время каникул, и привез письмо от Николая Васильевича Орлова, псаломщика нашей Церкви в Лондоне, с брошюрой его перевода. В письме, между прочим, говорится: «Русские в Лондоне могут, наконец, похвалиться неслыханно гигантским шагом вперед: после целого столетия у нас впервые на наружной уличной двери появилась трехдюймовая дощечка с надписью „Русская Православная Церковь“» и так далее. Говорится еще: «Думается, что можно было бы воскресить и с значительной пользой продолжать издававшийся некогда доктором Овербеком, все еще здравствующим, журнал, при целых четырех кандидатах богословия, певчих, всякий раз знакомящих пустые стены со всеми возможными напевами, но, конечно, не при фаворите „Российского великого инквизитора“». Под последним Николай Васильевич разумеет, должно быть, К. П. Победоносцева, чем являет свой совершенно беспочвенный на сей раз пессимизм, под предпоследним — своего лондонского протоиерея, который, действительно, мог бы заняться изданием журнала при таких обильных умственных средствах там — мысль на сей раз очень основательная.

Катихизатор Моисей Минато на пути из Оотавара в Ооцуцу, ныне гостящий здесь, получил письмо от Максима Обата с острова Сикотана, что там помер Яков Сторожев, старшина между тамошними христианами-курильцами. Очень жаль. Это был наиболее разумный и благочестивый из них.

27 июля / 9 августа 1903. Воскресенье

До Литургии двое возрастных крещены; один из них молодой чиновник, имеющий скоро отправиться в провинцию директором сельскохозяйственной школы.

Был молодой сербский офицер, по карточке: «Златко Гюров Попов», бежавший из Сербии после убийства короля Александра. Говорит, что «он из того же полка, офицеры которого убили короля, но он не участвовал в этом, он стоял с полком на границе Македонии». Хотелось спросить: «В таком случае отчего же вы бежали? Вам не угрожала никакая опасность...» Показывал свой паспорт, свой диплом об окончании с отличием курса Военной Инженерной Академии, две фотографии; на одной он офицером, на другой он же офицером в кругу своих семейных. Жаловался, что приходится здесь с голоду помирать, никакой службы

или заработка нельзя найти, просил помощи. Я дал ему 5 ен, которым он, видимо, очень обрадовался, и советовал попросить в Посольстве отправить его в русскую Манчжурию, где он может найти какую-нибудь службу. Кажется, что он именно из виновников смерти своего короля, сробел и бежал, не имея времени даже рассудить хорошенько, куда лучше бежать. Молодой, высокого роста, статный, мог бы назваться красавцем, если бы не эти большие белки глаз, изобличающие, кажется, жестокость в характере.

28 июля / 10 августа 1903. Понедельник

Из сегодняшних писем интересны: учителя Гимназии в Цукитате Павла Хорикоси и катихизатора в Ивагасаки Павла Оокава; оба об одном и том же и взаимно дополняют одно другое. Описывают следующее. У Хорикоси стали спрашивать о Вере. Не будучи в состоянии ясно отвечать на все, он призвал протестантского проповедника помочь ему за неимением налицо православного, но в то же время оповестил об этом одного из ближайших православных проповедников, именно находящегося в Ивагасаки, Павла Оокава, и звал его в Цукитате сказать православную проповедь. Оокава ответил на призыв и прибыл в Цукитате. Здесь стали они держать проповедь совместно — протестантский и православный катихизаторы — в удовлетворение желающим слышать о христианстве. Кроме слушающих язычников на проповеди случился еще и католик. Слово не могло долго держаться на нейтральной почве, и виною сделался протестант. Сначала речь коснулась Папы, и оба — протестантский и православный проповедники — заодно осудили учение о прерогативах Папы. Но вслед за тем протестант не удержался, стал хулить и православие, тогда Оокава стал на защиту православного учения и в свою очередь напал на протестантизм, и так как в нем дефектов не занимать стать, и все сквозят, точно дырявая рубаха, то невзрачную наготу протестантства Павлу Оокава нетрудно было обнаружить; разбил он того проповедника вполне, и вся аудитория была на его стороне, а Павел Хорикоси торжествовал в своем православном одушевлении. Сделавши свое дело, для которого был призван, П. Оокава вернулся в Ивагасаки. Но протестантский проповедник не хотел оставаться в долгу и стал вызывать своего иностранного принципала, Reverend'a Маколей, чтобы он сказал в Цукитате проповедь в защиту своего методизма. П. Хорикоси, узнавши об этом, вновь стал приглашать Павла Оокава в Цукитате. Оокава на этот раз нашел нужным спросить меня, «можно ли ему отправиться?» Так как Цукитате собственно было под ведением катихизатора в Такасимидзу Василия Ивама, я ему разрешил. Это было дней десять тому назад. Таким образом, стали друг против друга два вызванные представителя протестантства и православия. Маколей

объявил свою проповедь в занятой им гостинице, П. Оокава — в частном доме. И что же? Так как предварительный религиозный диспут возбудил много внимания и любопытства и вместе склонил сочувствие заинтересованных в пользу Оокава и проповедуемого им православия, то все серьезные слушатели, как то: школьные учителя, врачи, многие из купечества и мещанства — собралась слушать его, а у Маколея оказалась тощая аудитория, состоявшая больше из детей, собравшихся на звуки фисгармонии и пения гимнов.

При всем этом интересно еще следующее: в селении Тамасава-мура, близ Цукитате, начальником школы состоит православный христианин Иоанн Миета. Но совсем охладевший был он христианин больше двадцати лет, по его собственным словам, не участвовал в таинствах Церкви. Слушая проповеди Оокава, он одушевился и совсем обновился; ныне вместе с П. Хорикоси громко возвещает православие и призывает к нему других...

Случаи такого рода действуют освежающе и ободряюще и на нашего брата. Как часто уныние западает в душу от плохого состава служащих Церкви и от видимой неуспешности проповеди! А между тем Дело Божье в тиши действует истинно, как сказано в притче: «Царствие Божье подобно тому, как если человек бросит семя в землю, и спит, и встает, ночью и днем, и как семя всходит и растет, не знает он» (Мк. 4:26, 27)...

29 июля / 11 августа 1903. Вторник

Моисей Симотомае, катихизатор в Сиракава, в письме излагает абрис сказанной им проповеди об Ангеле-Хранителе, и между случаями ангельского хранения вверенного ему человека приводит новейший, бывший недавно в Сиракава: «Есть там очень благочестивый христианин Авраам Хиросава, никогда не пропускающий богослужение, хранящий воскресные дни и праздники, безукоризненный в поведении; сын его — трехлетний, 22 июля играл на втором этаже, нечаянно сорвался за перила и упал вниз, но платьем зацепился за гвоздь в навесе крыши и повис головою вниз, как будто кукла; на крик его выбежали из дома, поднялись наверх, добрались до него и отцепили — мальчик оказался без малейшего изъяна; гвоздь оказался едва приметным; а если бы упал мальчик, то о каменные плиты двора, без сомнения, расшибся бы до смерти. Кто же сохранил его, если не Ангел-Хранитель?»...

Действительно, в чудесном охранении нельзя сомневаться. И сколько уже чудесных знамений было в юной и простодушно верующей Японской Церкви!

А вот письмо и другого качества: о. Василий Усуи пишет, что «диакон Иоанн Оно, оставляя Одавара, ругал его пред всеми христианами на чем свет стоит, что он, о. Василий, жестокий, несправедливый, неуживчивый, поэтому ныне удаляет его отсюда», — между тем, как сам же просился

перевести его из Одавара; а о. Василию он, диакон Оно, наоборот, «носил христиан, что они немирны, нелюбовны, неблагодарны и подобное». Замечательный интриган этот диакон Оно! Быть может, теперь в Такасаки, на самостоятельном месте, не найдет употребление для этой своей дрянной склонности.

30 июля / 12 августа 1903. Среда

Михей Накамура, один из переходящих ныне в седьмой класс Семинарии, попросившийся путешествовать по Церквам во время каникул и получивший от меня 10 ен на это, описывает свое путешествие и то, как он с местными катихизаторами показывал собранной аудитории волшебный фонарь со священными картинками и с должными объяснениями в Оомия и Сиракава. Письмо интересно, и путешествие полезно и ему, и местным Церквам.

31 июля / 13 августа 1903. Четверг

В Иокохаме в банках — разменять пришедшее из Миссионерского общества содержание за второе полугодие, причем в Русско-Китайском банке показали размен на 34 ены меньше, чем в Hong-Kong and Shanghai банке, в котором, конечно, и разменено. В магазине Lane and Cranford заплатил за ковер для Церкви в Кёото, о получении которого М. Кавамура уведомил. За 271 ³/₄ ярдов ковра и 9 ярдов широкой дорожки к престолу по 3 ены 25 сен за ярд, с пересылкой всего 926 ен 94 сен — цена большая, зато ковер должен служить по меньшей мере лет двадцать.

В семь часов вечера подали телеграмму из Тоёхаси, что помер благочестивый старик, богач Симеон Танака; просят диакона прибыть на погребение, которое будет завтра. В десять часов отправился туда диакон Стефан Кугимия. Старик почтенный, один из первых по времени христиан в Тоёхаси, выдержавший гонение за веру от соседей, которые бойкотировали его, немало жертвовавший на Церковь. Царство ему Небесное!

1 / 14 августа 1903. Пятница

Вот несчастье! С о. Симеоном Мии опять нервный удар, и приключился в городском правлении вчера, когда он пошел туда с М. Кавамура совершать купчую, то есть передавать землю и здания на мое имя. Принесли его оттуда домой бессознательным; дома пришел в сознание. Но Кавамура пишет, что хлопотать по совершению актов он, конечно, не может, и потому надо, чтобы кто-нибудь заменил его, как в прошлом году о. Яков Такава заменен был при подобном деле в Оосака. Я тотчас же

телеграфировал диакону Акиле Хирота, который ныне в отпуску у своей семьи в Сидзуока, чтобы он вернулся в Кёото по важному церковному делу, а в Кёото написал о. Симеону, чтобы он сделал своим доверенным диакона, и Моисею Кавамура, чтобы продолжал совершение актов с доверенным о. Семена.

Есть вонючие насекомые, которые где побудут, там вонючий след оставят. Есть и люди такие, например, диакон Иоанн Оно. Был он в Сиракава, там вонючий след по себе оставил: назлословил о катихизаторе Симеоне Тоокайрине так, что христиане без всякой причины выжили его оттуда, а потом сами же жалели о том. Ныне, оставив Одавара, он оставил не только вонь, но и яд, которым отравлена после него Церковь: ложь и клевета его на о. Василия Усуи, будто он по ненависти выжил его из Одавара, тогда как сам просился оттуда, и о. Усуи ничем не причинен, что Собор его перевел, до того смутили многих христиан там, что они предпринимают неприязненный поход на о. Василия. Один из самых ревностных христиан там написал письмо к редактору Петру Исикава, в котором изъясняет, что «будет собрание христиан в Одавара по поводу насильственного удаления оттуда диакона Оно и начнется исследование, почему и как и прочее Собор так поступил» — словом, готовится опять церковный бунт, вызванный ложью и клеветой интригана Оно. П. Исикава написал длинный и обстоятельный ответ этому христианину, направляя речь ко всем собирающимся бунтовать. В самом начале письма заявляет, что «и ему, Петру Исикава, диакон Оно выражал желание перейти из Одавара». Потом приводятся всевозможные резоны к успокоению и вразумлению смущенных. Прислал он это письмо мне для прочтения и одобрения; я, прочитавши, тотчас же отослал по адресу. Быть может, яд несколько обезвредится.

Столько толков в газетах о неминуемой будто бы войне у Японии с Россией из-за того, что Россия не выводит, вопреки обещанию, войск из Манчжурии, чем якобы угрожается самостоятельность существования Кореи, а потом и Японии, и столько составляет обществ к возбуждению этой войны, что и в самом деле становится опасным, не струсил бы беда. Поэтому отправился сегодня в контору банка Мицубиси спросить у директора: «В случае войны не будут ли конфискованы миссийские деньги, доверяемые банку?» «На ваше имя положенные? Ни в каком случае! Будьте спокойны!» — уверил директор. Потому я сдал в банк на следующие полгода, на 5 ¹/₂%, сумму 11 тысяч, которые сегодня следовало получить.

2 / 15 августа 1903. Суббота

Из Кагосима пишет о. Яков Такая: «Как перестроить церковный старый дом? Не так ли?» И указывает способ, лучше которого и нет, поэтому отвечено: «Так!»

Новый катихизатор, Николай Ёсида, считает за указание Воли Божией, что не удалось поехать в Россию, сетует, что разлучен с русской библиотекою, просит купить фисгармонию, для обучения там церковному пению. Отвечено по-русски — обещано отсюда высылать русские книги для прочтения, но пусть наперед хорошенько изучит нашу переведенную библиотеку, обещана половина денег на фисгармонию, если соберет с христиан другую половину, и прочее.

3 / 16 августа 1903. Воскресенье

Несмотря на жару в Церковь собирается христиан довольно много. И пение причетников и некоторых из здешних катихизаторов очень хорошее.

Получен из Нагасаки ящик, в котором оказались три большие тома: «Путешествие на Восток Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича Николая Александровича. 1890–1891. Составил князь Ухтомский, иллюстрировал Каразин». Великолепнейшее издание, превосходнейшая иллюстрация и преплохой текст, как явствует из того, что вечером прочитал, а прочитал все о пребывании Цесаревича в Японии; князь вприсонках бредит, проснуться еще не успел в стране восходящего солнца; да и проснется ли он когда, одурманенный самомнением и буддийскими потемками? При посылке или по поводу ее нет никакого объяснения, потому не знаю, сюда ли она назначена, или по ошибке зашла сюда.

4 / 17 августа 1903. Понедельник

В полученных сегодня из России «Московских Ведомостях», № 180, 3 июля 1903 года, передовая статья Л. А. Тихомирова «Нужды проповедников Японской Миссии», произвела тяжелое впечатление. Здешнее нытье, что мало содержание, и там откликается. И виною этому нынешний корреспондент «Московских Ведомостей» И. А. Сенума. Мало! Но как же живут учителя японских школ, чиновники средней руки, военные на подобное содержание? Притом же у всех служащих Церкви перед носом своего рода денежный рудник: трудись так, чтобы христиане полюбили, и увеличение содержания само собой произойдет, станут помогать — кто деньгами, кто платьем, кто провизией. Об этом вечно говорится всем служащим; но вот об улучшении своих средств таким способом почти ни один не заботится, а подай Миссия. И дал бы достойному. Да кто же достойные-то? Чуть кто хоть мало заявит усердие и успех в службе, тотчас старается под каким-нибудь предлогом увеличить его содержание. Но, в конце концов, оказывается ныне налицо, что, у кого так или иначе содержание возвысилось до значительного превосходства

над другими, те-то и оказываются потом самыми бездеятельными; таковы, например, Симеон Мацубара, Гавриил Ицикава, Павел Сайто. Если бы можно было отделить золото от меди, то первое и оценил бы, как таковое, несравненно дороже, чем медь. Но дело-то в том, что золота у нас совсем нет; все — или умственная бездарность, или нравственная вялость. Настаивает Тихомиров в своей статье, чтоб Св. Синод прибавил на Миссию тысяч пятнадцать. Положим, прибавят. Но ведь это, по мысли Тихомирова, на увеличение числа служащих Церкви, стало быть, нынешним служащим прибавить содержание нельзя; а нельзя — все равно будет продолжаться уменьшение числа служащих по недостаточности содержания; если же прибавить содержание теперешним служащим, то не на что будет увеличивать число их. Словом, как ни кинь, выходит клин. Но Св. Синод и не даст еще 15 тысяч — об этом нечего и говорить; боязно только, как бы не отнято было то, что ныне дается. 23 года тому назад, будучи в России, я просил содержания только на 10 лет, в полной надежде, что за это время Японская Церковь окажется в состоянии сама содержать своих служащих, и твердо обещал я тогда, что больше никаким образом не попрошу. Но вот уже 13 лет перемахнуло за назначенное мною время, а содержание все-таки идет. Нужно только благодарить Бога за эту милость, и всячески стараться изыскать местные средства — сначала на увеличение содержания служащих, если считают его малым, а потом и на полное содержание их. Статистические данные в статье Тихомирова верны; видно, что г. Сенума усердствовал снабдить его, за исключением одной данной: говорится, что «на Миссию идет из России 20 тысяч», тогда как идет больше, чем втрое против этого, что г. Тихомиров может видеть в любом годовом отчете отсюда, печатаемом и в «Благовестнике» и в «Церковных Ведомостях». Непростительное русское спуспярукавь! Вообще, спасибо доброму Льву Александровичу за его усердие и любовь к Миссии вообще, но не спасибо за эту статью. Переусердствовал. Здесь его статья может дурное впечатление произвести, углубив недовольство содержанием.

5 / 18 августа 1903. Вторник

В № 182 и 183 «Московских Ведомостей» прочитал напечатанное мое описание «Освящение Церкви в Кёото». Показалось бесцветным.

На всенощной, пред завтрашним праздником, совсем мало было молящихся.

6 / 19 августа 1903. Среда.

Праздник Преображения Господня

За Литургией христиан было больше, чем вчера. Из трех русских, бывших в Церкви вчера и сегодня, дама являла пример благочестия:

почти все время молилась, на коленях стоя, а после обедни просила отслужить для нее молебен и потом панихиду, что о. Роман Циба исполнил.

7 / 20 августа 1903. Четверг

В подробных статьях газеты «Владивосток», № 30, описывается открытие мощей и прославление Преподобного О. Нашего Серафима Саровского. Сам Государь с Государыней и Великие Князья прибыли в Сарово и участвовали в этом торжестве. Народа — тьмы! Совершается множество чудес, которые тут же и записываются. Слава Тебе, Господи! До слез радостно читать все это!

А вот нерадостно письмо о. архимандрита Никона, издателя «Троицких Листков». Жалуется на повсюдный упадок веры и благочестия. Особенно раздражает его в это время, по-видимому, спор за идеал монашества, который он отстаивает против благочестивого, хотя и ошибающегося христианина Круглова и против завирающегося архимандрита Евдокима, инспектора Московской Духовной Академии. О. Никон прислал мне и брошюры свои, из которых весьма ясно видно, что он совершенно прав в своем защищении идеала монашества; что обратить монастыри в места «больниц» и «школ» не должно — что это значило бы поставить «поделие» на место «дела», чем последнее унизилось бы и постепенно уничтожилось.

8 / 21 августа 1903. Пятница

Занятия в библиотеке: приготовление к переплету книг и духовных журналов за прошедшие два года.

Из Оотавара настоятельно просят катихизатора: «Иначе-де протестанты разворуют Церковь — они там ныне очень усилились». Но где же взять катихизатора, если его нет? Авось, «Бог не выдаст, свинья не съест».

9 / 22 августа 1903. Суббота

Те же занятия в библиотеке.

10 / 23 августа 1903. Воскресенье

До Литургии крещение. Обычная служба, потом до вечера занятия в библиотеке.

Князь Гагарин, консул в Нагасаки, пишет о полученном здесь на днях «Путешествии Наследника Цесаревича на Восток», что это его, князя, пожертвование в Миссийскую библиотеку, экземпляр, полученный им в

подарок от его друга, автора, князя Ухтомского. Поблагодарил письмом за этот великолепный дар.

11 / 24 августа 1903. Понедельник

Умер отец катихизатора Иоанна Судзуки в Идзу. Прости его Бог — недоброго поведения был старичишка, и учения до конца жизни не хотел слушать, хотя детям своим не помешал сделаться христианами; оттого, вероятно, и дети были плохими христианами, не исключая и нынешнего катихизатора. Пред смертью будто бы с радостью принял крещение; и собравшиеся на похороны дети и внучата проникнулись благочестием, результатом чего ныне — усердная просьба принять в школу дочь Григория, служащего учителем в школе и до сих пор бывшего до того плохим христианином, что одно время даже служил в буддийской кумирне бонзой; дочь уже 16 лет, и школа полна, принять некуда; но принять очень нужно бы, быть может, оживила бы христианство в доме. К счастью на этот случай, две ученицы не могут вскорости после каникул явиться в школу — оправляются дома от болезни, и я сказал начальнице школы поместить дочь Судзуки на праздное по их отсутствию место. Принять прямо в школу никак нельзя; прием делается по очереди, и многие ныне ждут своей, просившиеся давно; разрушить бы теперь эту цепь, правильно тянущуюся, чтобы втиснуть в нее дочь Судзуки, значило бы возбудить нарекание на школу; и тот же И. Судзуки, ныне так усердно просящий за свою племянницу, после, при случае, стал бы за это злословить школу, так как на злословие он великий охотник и мастер.

12 / 25 августа 1903. Вторник

Опять письма от старших учеников Семинарии, проводящих каникулы в путешествии, довольно интересные и утверждающие меня в мысли, что позволять желающим так делать ладно: полезно и им, и Церквам, где любезно их встречают и где они платят за эту любезность речами, конечно, религиозными. Трое заходили до Акаси в Циугоку; получили от меня на все путешествие по 10 сен — больше не просят, и вот уже пишут из Сидзуока, недалеко от Токио; умели как-то пропутешествовать на эти деньги, а побыли во всех интересных местах, и таких, где нет Церквей, как Нара, Кооязан, о котором пожалели, что он не наполнен христианскими скитами, как Афон, и прочее. Но одиноко путешествующего Михея Накамура письмо еще интереснее: он везде показывает волшебный фонарь с картинками большею частью, конечно, христианскими, и говорит при этом религиозные лекции до того, что каждый раз горла не

хватает; собираются к нему христиан и язычников до сотни и до 200, как в Такасимидзу; письмо его из Хигата.

О. Петр Сибаяма, к сожалению, бессодержательный болтун; часто и много пишет; сегодня вот крупнейшее письмо; всегда проекты; где что сделать, куда пойти, где начать проповедь, где продолжить и т. п.; и вот уже несколько лет эта пустая болтовня; успеха или какого-нибудь движения в его Церкви ни малейшего. Безнадежный пустоцвет! И к тому же бессовестный интриган: хочет всячески отнять у о. Матфея Кагета Церкви в Цуда-гоори; пишет, будто христиане тамошние умоляют его принять их в свое ведение; писал об этом пред Собором, надеялся, вероятно, что я стану говорить о том на Соборе; я промолчал и ему, и, конечно, всем; в сегодняшнем письме опять о том же. Жаль, что такие люди попадают в священники.

13 / 26 августа 1903. Среда

Николай Исикава, катихизатор в Окаяма, просит принять в школу на год или на два высватанную им невесту. Катихизатор в Нисиноура, Лука Ватанабе, и о. Яков Мацуда ходатайствуют о том же, причем первый подробно пишет о ней: она была протестанткой, но из проповеди Луки Ватанабе убедилась в истинности православия и потому приняла его; по усердию к вере она изъявила желание так или иначе послужить распространению его, и, когда Ватанабе посоветовал ей выйти за катихизатора, именно за Николая Исикава, которого она видела на погребении Корнилия Асано, она с радостью согласилась на это. Ватанабе не скрыл от нее, что Исикава слабого здоровья, болел грудью, но это не поколебало ее решения. Она только что кончила курс в Женской гимназии. Родители ее и состоятельные, и очень хорошего общества; на брак дочери с Исикава согласны, так как не желают мешать свободе выбора ее.— Написано отсюда Николаю Исикава, чтоб прибыла к начатию учения в Женской школе.

Из Оомия безыменное письмо какого-то христианина, сильно жалующегося на катихизатора Николая Ока: «Бездейтелен крайне, только и занят нянчаньем своих детей; проповедью нисколько не занимается, христиан не посещает, кроме одного излюбленного дома»,— и прочее. Краски несколько стуснены, должно быть, но правды больше, чем напраслины. Письмо послано к местному священнику Павлу Морита, чтоб постарался исправить Николая Ока.

Из Святейшего Синода пришел указ, что «игумен Вениамин уволен от служения в Миссии, и что игумен Вениамин подал прошение о снятии с него священного сана». Бедный совсем скрутился; легкомысленно, значит, поступил в монахи.

14 / 27 августа 1903. Четверг

Начинают собираться к послеканикулярным занятиям: Женская школа вернулась из Тonosава — все в цветущем здоровье, и за целые каникулы там ни одна не была больна. Ученики в одиночку возвращаются из домов.

П. Накаи прибыл из Кёото, где обыкновенно проводит каникулы, здоровый и пополнившийся; нынче был там с сестрой Варварой, которой я тоже дал на дорогу туда и оттуда по 5 ен (ему дается на каникулы 30 ен частью от меня). Говорит Накаи, что о. Мии совсем здоров — удар с ним был просто от жары, а не параличный, и он скоро от него оправился; хвалил красоту Кёотской церкви, значительно прибывшую от великолепного ковра, который разостлал и приладил М. Кавамура.

Я вчера простудился и сегодня болен; не остерегся вчера от сквозного ветра в библиотеке между раскрытых окон — всего опаснее простуда именно в жаркие дни, которых нынче летом так много; инстинктивно ищешь прохлады, забывая между делом, как это опасно.

15 / 28 августа 1903. Пятница.***Праздник Успения Пресвятой Богородицы***

Так как собралось уже много учащихся, то в Церкви было много молящихся; впрочем, и из города христиан было порядочно. Трое путешествовавших по Церквам старших семинаристов, вернувшись сегодня, рассказали много интересного, в дополнение к тому, что писали в письмах. Между прочим, они говорили: «Теперь мы узнали, как важно учиться пению, и притом пению двухголосному, которого еще нигде нет по Церквам; копируют кое-где 4-голосный хор, но это выходит безобразное пение; в один же голос что за пение!..» Еще: «Узнали, что нужно катихизатору, не вдаваясь в красноречие или науку, просто и ясно излагать слушателям учение по православному исповеданию — это и будет хорошая и успешная проповедь», — и прочее. Видно, что, действительно, полезно отпускать возрастных семинаристов путешествовать по Церквам в каникулярное время — это нужная практическая подготовка их к проповеднической службе. Полезно это также и для Церквей, которые они посещают: везде им рады, потому что везде они говорят проповеди, ведут с христианами религиозные разговоры, поют при богослужениях. Расставаясь с ними, христиане и на будущее время просят их приходить; а чтобы лучше принимать их, христиане просят за несколько дней до прихода извещать, когда придут.

Прибыли сегодня и ученики, которых я отправил на каникулы в Бооси, все со здоровым видом, загоревшие и бодрые. Шутя, я сказал им при отправлении: «Ловите рыбу в море (причем дал на удочку), да и мне привезите»; и они десять живых угрей своего лова готовились привезти

мне; на ночь пред отъездом опустили их в ящике в море, а утром хватились ящика — его и след простыл — кто-то стащил их угрей; в огорчении они купили у рыбака дюжину живых раков и их привезли мне; сегодня утром раки были еще точно сейчас из воды. Вели себя ученики так добропорядочно, что заслужили похвалу в местной газете: «Много-де ныне собралось проводить время жаров в Боосиу, но всех лучше и благороднее ведут себя духовные воспитанники с Суругадай».

16 / 29 августа 1903. Суббота

Что вчера заметил о пользе путешествия учеников во время каникул, то сегодня приходится отметить о пользе посещения Церквей учительницами. Молодая учительница Марина Мидзутаки, вернувшись из Окаяма сегодня, с восхищением рассказывала, какое множество христиан и язычников собиралось слушать ее и товарок ее, учительниц Кёотской школы, Любовь Асано и Ольгу Ябе, когда они произносили религиозные речи в Янайбара, куда собиравались на погребение Корнилия Асано, и в Нисиура. «Оповещения были о проповеди катихизаторов (говорила она); но, по обыкновению, совсем мало собралось бы слушать их, если бы не упомянуто было в конце, что будут говорить еще такие-то учительницы. Любопытство было возбуждено, и сотни собиравались каждый раз. Слушали очень внимательно. А потом, как слышно было, целую неделю только и толков было у всех, что о женской проповеди. Всем, особенно женщинам, очень понравилось. Христианки же потом пеняли, отчего до сих пор мы не делали этого? И заказывали на будущие каникулы непременно опять посетить их и вести религиозные беседы». И это на будущее время иметь в виду. Действительно, учительницы во время каникул могут быть очень полезны Церквам, если отпускать их в путешествия именно для ведения религиозных бесед. Говорят они превосходно, учение знают ясно и обстоятельно. Пусть объявляют по Церквам, куда придут: «Женские собрания для религиозных бесед»; мужчины тоже будут приходить, и польза будет немалая.

17 / 30 августа 1903. Воскресенье

Большая часть учащихся собралась, и потому Собор был довольно полон молящимися. Пели, впрочем, причетники, и сегодня в последний раз они одни, без учащихся. В награду им за хорошее пение в продолжение всего каникулярного времени, дал 15 ен на обед сегодня из иностранных кушаньев; это по предложению регента А. Обара; всех их пело 9 человек, с двумя катихизаторами в том числе, и пономарем Иваном Судзуки, который тоже иногда пел.

С 2-х часов было отпевание в Соборе сына бывшего здесь учителем церковного пения Якова Дмитриевича Тихая, Александра, 20 лет, уродившегося малоспособным, умершего ныне от чахотки.

18 / 31 августа 1903. Понедельник

Иподиакон Моисей Кавамура вернулся из Кёото, благополучно исполнив все по переводению церковной земли и зданий с имени о. Симеона Мии на мое, причем издержал гораздо менее на купчую и переводную крепость, чем предположено было; потому из 433 ен 50 сен, которые, по его требованию, высланы были ему, 265 ен вернул обратно. Это произошло потому, что удалось ему, по совету с нотариусом и чиновниками, совершить купчую разом на землю и все бывшие на ее участках японские старые здания на мое имя (то есть перевести с имени о. Мии на мое, задним числом, ибо сих зданий ныне давно уже нет), так что мне за нынешние на церковной земле здания, то есть Церковь и все перестроенные дома, не пришлось уже расхотаться на купчую вновь. Все прочие дела в Кёото Моисеем также исполнены: ковер послан в Церкви; судя по фотографии, вышло очень красиво; звонарь, под его руководством, научен и теперь будет трезвонить прилично, если опять не забудет своего искусства; две большие иконы, что из Москвы — копии Иверской Божьей Матери и большого лика Спасителя — присланы сюда. За все труды дал Моисею Кавамура в награду 50 ен, конечно, не из церковных.

19 августа / 1 сентября 1903. Вторник

Мы с Павлом Накаем, помощью Божьею, начали обычное наше дело — перевод богослужения — продолжение перевода Праздничной Минеи, с богослужения на праздник Преображения Господня. Но предварили это кратким делом перевода тропаря и кондака Преподобному Отцу нашему Святому Серафиму, новоявленному угоднику Божию, прославление которого совершилось в России 19 июля старого стиля, 1 августа нового стиля. В духовных журналах еще нет сего тропаря и кондака, потому мы взяли их из «Московских Ведомостей», недавно полученных. Переведенные тропарь и кондак отданы регенту Алексею Обара положить на ноты и приготовить певчих к молебну, который и будет отслужен в одно из следующих воскресений.

Петр Учияма, кончивший курс в Семинарии и поступающий ныне учителем в нее, вернулся с каникул, которые провел в Мияко, где его отец, и в Хакодате, где сестра. Очень хвалил доброе состояние Церкви в Хакодате, особенно тамошних христианских женских собраний, и очень просил катихизатора для Мияко, где есть желающие слушать

христианское учение; но все, что можно сделать, — это написать катихизатору в Ямада, Моисею Канезава, чтоб он почаще посещал Мияко.

Надежда Такахаси, начальница Женской школы в Кёото, гостившая здесь, отправилась к месту своей службы; взяла с собою, для воспитания в Кёотской школе, дочь Текусы Сакай — дочери о. Иоанна Сакай, Екатерину, 12 лет; мать нашла лучшим не держать ее здесь при себе (она инспектриса в здешней Женской школе).

20 августа / 2 сентября 1903. Среда

С 8-ми часов утра отслужил в Соборе молебен пред начатием учения. Вечером в Семинарии и Катихизаторской школе был «симбокквей», на который дано от меня 5 ен. Мы с Накаем занимались своим переводом.

На Формозу христиане усиленно просят прибытия священника. Придется послать о. Симеона Юкава, как и на Соборе было говорено.

Симеона Арисава (плохенького из ныне выпущенных из Катихизаторской школы) не принимают христиане в Цуяма — не умеет-де ни молитвы править, ни проповеди сказать. «Что делать?» — спрашивает о. Яков Мацуда. Ответчено: пусть отправиться сам в Цуяма, поживет с неделю там и поруководит неопытного Арисава.

21 августа / 3 сентября 1903. Четверг

Нифонт Окемото, катихизатор в Хиросаки, прежде в Оою, письмом очень хвалит прибывшего в Катихизаторскую школу ныне из Оою Моисея Асаи. Он по ремеслу кузнец и такой искусный, что не более как в месяц выработал 200 ен, чтоб оставить жене и детям на расходы, пока будет здесь в школе. Он и учен довольно, что доказал на выдержанном вчера здесь для собравшихся в Катихизаторскую школу экзамене — первым оказался из девяти державших. С малых лет у него постоянно было желание служить Церкви. Теперь ему 29 лет. Помоги Бог ему!

Вечером Женская школа производила свой «симбокквей» пред началом учения; от меня тоже 5 ен дано.

22 августа / 4 сентября 1903. Пятница

В школах начались классы. По пению введен отныне в расписание класс двухголосного пения, и сегодня с 11 до 12 оно уже было. В Семинарии и Катихизаторской школе учителем Алексей Обара, в Женской школе — Иннокентий Кису. Будет три класса в неделю. Учить ему решительно необходимо. До сих пор везде по Церквам или все тянут в один голос, или копируют 4-голосное пение, что, конечно, выходит безобразием — оно может быть только здесь, при Соборе, по обилию поющих и по

имению, кому учить. Везде в Церквах должно быть двухголосное, но до сих пор, даже хорошо поющие в 4-х голосном хоре, совсем не знают, как разделиться на два голоса. Рутинер этот Львовский, сколько ни просил его об этом, не позаботился до сих пор. Теперь, кстати, его нет — еще не вернулся из России, куда отправился устраивать детей по школам — без него мы и начнем; авось он поддержит, когда вернется. Во всяком случае, отныне класс 2-голосного пения должен быть.

23 августа / 5 сентября 1903. Суббота

Ни на волос не мог заснуть всю ночь от нестерпимой боли в ухе, и сегодня целый день боль, хотя постепенно утихающая, что дает надежду обойтись без врача. Работе это немало мешает, хотя и не останавливает ее.

О. Николай Сакураи частным письмом просит, во-первых, свидетельство на русском языке, что он священник, для показания русским, с которыми на Хоккайдо приходится сталкиваться, во-вторых, денег на уплату долга в 70 ен, сделанного по недостатку получаемого на содержание семьи, в-третьих, спрашивает: «В случае войны Японии с Россией, откуда же получится содержание служащих Церкви?» Свидетельство ему будет послано. На уплату долга помогу частно от себя — пошлю ен 30; прочее пусть сам; и пусть вперед экономит; от Миссии идет ему ежемесячно 37 ен — прожить на это можно. В случае войны, вероятно, содержание служащих будет идти из России, как и теперь.

24 августа / 6 сентября 1903. Воскресенье

Обычное Богослужение, уже с полными хорами поющих и почти с полным Собором христиан и язычников, только не с обычными болью и глухотой моего уха; от первой я чуть не вскрикивал, от второй наполовину не слышал, что пели и читали. После обедни много гостей у меня, между прочим, из Коодзимацци, из числа тамошних немирных, которые постепенно утихают, хотя от мира с оо. Савабе еще далеки.

25 августа / 7 сентября 1903. Понедельник

Утром, во время перевода, подали карточку: «Хрисанф Платонович Бирич. Уссуро, о. Сахалин». Приехал с тремя детьми: Емилиею, 12 лет, Сергеем, 9 лет, Павлом, 8 лет. Первую я уже знаю: мать в это же время в прошлом году привезла сюда определить в Католическую французскую школу и была у меня; а Емилия говела у нас и встречала Пасху. Теперь отец вместе с нею привез и малышей своих в ту же французскую школу католических монахинь. Он богатый рыбопромышленник; у него по найму работают, по рыбной ловле и приготовлению из рыбы «кояси» —

удобрения для продажи японцам, больше 700 японцев и больше 100 русских.

— Отчего же вы не отправите детей в какое-нибудь хорошее русское учебное заведение? — спрашиваю.

Объясняет, тут же при детях, что он из ссыльных: бывший офицер, за дисциплинарное преступление в 1884 г. был сослан на Сахалин на 3 года, по истечении которых остался здесь поселенцем; так боится, что детей его в русской школе жестокие русские воспитанники будут корить тем, что они дети ссыльного, и тем отравлять их существование. К тому же хочется ему, чтобы дети усвоили французский язык, хотя сам же видит, как это ненадежно в таком возрасте: дочь в бытность дома, во время каникул, уже стала забывать по-французски (тогда как здесь, когда говела, затруднялась говорить по-русски).— Обещал я брать в Миссию детей на большие праздники, если не будут брать их в Посольство, как прежде Емилию, на воскресные богослужения.

Он скромно предложил пожертвование на Миссию — 100 ен, как и жена его в прошлом году пожертвовала 50.

С 11 до 12 часов провел на классе пения вместе с учителем А. Обара — показать, как в наших школах учат простому пению. Оказалось, что самые лучшие певцы не в состоянии правильно пропеть «Благослови, душа моя, Господа» в один голос; тотчас же полутонят. По-видимому, они и сами удивлены этим; зато и одушевились желанием отныне правильно учиться. Попросили купить им, в Семинарию, другую гармонику для упражнений, что я охотно и сделал.

26 августа / 8 сентября 1903. Вторник

О. Петр Кано вернулся из Такасаки, куда на днях отправился по просьбе оттуда; крестил там двоих и служил Литургию; посетил все дома христиан и не хвалит состояние христиан; видно, что И. Судзуки плохо заботился о Церкви, а Стефан Ока, по словам тамошних христиан, совсем вреден был для Церкви, ничего не делал по службе, только дразни разводил. Быть может, диакон И. Оно ныне поправит.

Написал Кириллу Мори, катихизатору в Оосака, в ответ на его сетование, что не удалось ему поехать в Россию, в Академию. Едва ли добрый служитель Церкви выйдет из сего капризного, кострового, да еще и телесно большого молодого человека. Тогда как Николай Ёсида, который тоже хотел самопроизвольно уехать в Россию, успокоился и начинает служить в Кагосима по проповеди, этот все еще кукуется и киснет.

Николай Абе, бывший катихизатор, пришедший из Вакуя, рассказал очень печальное про сына о. Бориса Ямамура, Стефана: в религиозном помешательстве тянет все со двора и раздаст бедным домашнюю птицу, домашние принадлежности — все, что попадает под руку, да еще упрекает

отца и мать, что не исполняют христианской заповеди, не раздают имущества бедным. Кроме того, врывается в дома соседей и разрушает языческие божницы. И справиться с ним трудно, так как обладает большою физическою силой. Детей у него уже четверо. Бедному о. Борису немало горя он причиняет.

27 августа / 9 сентября 1903. Среда

Написал сегодня священнику Павлу Косуги, живущему в госпитале в Осака, чтоб перешел из госпиталя жить куда-нибудь в другое место, куда сам хочет, что сегодня посылается ему в последний раз на прожитие в госпитале десятидневное 10 ен, вперед будет идти ему одно его жалованье 25 ен в месяц. Ровно год живет в госпитале и ежемесячно получает на это 30 ен, кроме жалованья 25 ен. Поправился, и ныне, по всем сведениям, не нуждается в госпитальном лечении. Пусть для поправления здоровья живет еще на покое, пока будет в состоянии служить. Но тратить на него 30 ен, кроме жалованья, бросаемого тоже на ветер, так как от него пользы ни на волос (да и во всю его службу, катихизаторскую и священническую, почти всегда было столько же пользы), просто сердце изболело! Кровь и пот русского народа, идущие сюда на Божие дело, бросать на гниль — нравственную и физическую — нестерпимо мучительно!

28 августа / 10 сентября 1903. Четверг

Вечером всенощная, на которой мы с Накаем были, а после нее переводили. Ученики занимались приготовлением уроков.

*29 августа / 11 сентября 1903. Пятница.
Усекновение главы Св. Иоанна Предтечи*

С 6-ти часов утра Литургия. Пели причетники на клиросе. Были в Церкви все учащиеся, почему первого класса у них не было, а потом — занятия по обычному.

30 августа / 12 сентября 1903. Суббота

Певчие приготовили к завтрашнему молебну тропарь и кондак Св. Отцу нашему Серафиму Саровскому.

31 августа / 13 сентября 1903. Воскресенье

После Литургии я сказал о Св. Серафиме Саровском, о прославлении его в России, о котором ныне получены все подробности, о множестве

чудес от него и прочее. Вслед за этим отслужен был молебен Св. Серафиму Саровскому, кончившийся многолетием.

Вечером должен был прервать занятия переводом от нестерпимой боли в ухе, мешающей соображению.

1 / 14 сентября 1903. Понедельник

О. Роман Фукуи пишет, что Максим Обата, катихизатор Сикотана, захворал и лежит больной в Немуро, а между тем на Сикотан опять присланы три бонзы смущать наших курильцев-христиан; да еще собираются монастырь там строить. Если Обата откажется служить на Сикотане, то христианам там, действительно, грозит немалое горе: больше едва ли кто из катихизаторов согласится отправиться в такую глушь.

2 / 15 сентября 1903. Вторник

После прекраснейшего лета, жаркого и бездождного, давшего Японии отличный урожай риса, вдруг сделалось так прохладно, что ночью уже хоть и под теплое одеяло. Но отчего это болезнь уха, вот уже две недели мучающая меня, ума не приложу. Нарыв ли там, или что другое, только — непрерывный шум, глухота и по временам такие продолжительные и мучительные боли, что или переводить нельзя, или не заснешь ночью. Врача еще не звал; надеюсь, что натура справится сама; главная же надежда, что Господь, по молитвам Св. Серафима, исцелит.

3 / 16 сентября 1903. Среда

Послал Надежде Такахаси, начальнице Женской школы в Кёото, по ее просьбе, книги о монашестве: «Игуменья Феофания», «Житие Старца Серафима» (ныне прославленного), «Валаамский монастырь». Не раз уже она просила таких книг. Если бы добрая монахиня из России, то как бы легко было завести здесь женскую обитель! Но куда же надеяться на это, когда и монаха для заведения мужской и в отдаленной перспективе не видно! Вон с Афона, о. Денисий, которого позвал, отказался, царевкокшайский о. Пантелеймон — ни слова, должно, тоже на попятный. Отсюда надо будет послать в женский монастырь в Россию для воспитания в настоятельницы сюда. Вразуми и помоги, Господи!

Кириллу Мори в Оосака, по его просьбе, послал «Путь ко спасению» Епископа Феофана. Благодетельно настроен ныне; дай Бог, чтобы это настроение укрепилось.— Писал в оба места по-русски.

4 / 17 сентября 1903. Четверг

Неустанный денежный попрошай Игнатий Хосияма, катихизатор в Хитокабе и Иваядо, на этот раз просит на поправку церковного дома в

Хитокабе 20 ен, да уж кстати и для себя 5 ен. Отказано. Просит еще поставить какого-то Марка Кикиуци «денкёо-ходзё»; отвечено, что таким может быть поставлен или прошедший Катихизаторскую школу, или по крайней мере сдавший экзамен в знании вероучения пред священниками, собравшимися на Собор.

Умерла дочь Якова Дмитриевича Тихая, Елисавета, бывшая за японским архитектором, протестантом, в Иокохаме, и казавшаяся совсем здоровой всего две недели назад, при похоронах ее брата — Александра. Мать просила певчих и все прочее в Иокохаму, чтоб отпеть и проводить до станции железной дороги православной процессией; похоронят здесь, на кладбище в Уено.

5 / 18 сентября 1903. Пятница

Разом три протестантских епископа посетили: сначала пришел английский Awdry, потом американский McKim с епископом филиппинских островов, последний прибыл в Японию за сведениями, какие здесь меры приняты против опиума, чтобы оградить народ от употребления его. На Филиппинах очень уж широко прививается к туземцам от китайцев курение опиума; так образована комиссия составить законы в ограждение от сего зла; епископ один из комиссионеров.— Так как у меня болят уши теперь, то я плохо слышал епископов и невпопад иногда отвечал.

6 / 19 сентября 1903. Суббота

Был о. Тит Комацу рассказать, что старание его примирить немирных христиан в Коодзимаци с оо. Савабе, безуспешно: посетил он всех христиан по домам, собирал их и вместе, чтоб убеждать; не слушают, просят оставить их в покое, «не хотят-де они иметь дело с таким небрежным Церкви священником, как Алексей Савабе, будут ходить для молитвы в Собор, принимать таинства от соборных священников, будут помогать своему катихизатору (Ефрему Омата) в проповеди язычникам» и прочее.

Советовал я о. Титу убедить о. Ал. Савабе посетить самому немирных христиан и побеседовать с ними тихо и кротко, как духовному отцу с детьми; пусть оставит гордость и леность — священник на себе должен подавать пример смирения и кротости. Это — единственный способ о. Алексею умирить свой приход и смыть пятно с себя и своего отца, которого немало бесчестит такое отношение к нему христиан. Советовал я и сам это о. Алексею раз, да не слушается; быть может, о. Тита послушает.

7 / 20 сентября 1903. Воскресенье

В газете «Владивосток» прочитал, что какая-то Арионя, русская женщина, «издательница Женского календаря», будучи в Кёото, по просьбе о. Симеона Мии, прочитала «лекцию о русской женщине» для нашей Женской школы, и местом чтения была Церковь. Возмутительная практическая глупость о. Мии! Теоретический, ученый ум у него есть порядочный, практического смысла ни на копейку! Ну можно ли допускать такую профанацию Церкви? Она исключительно для богослужений и христианской проповеди. Для лекций не религиозного содержания есть школьные комнаты. Написал ему строгое замечание, чтобы вперед этого никогда не допускал.

Прибыли в Семинарию с каникул русские ученики Андрей Романовский и Федор Легасов; опоздали по причине наводнения в Манчжурии.

8 / 21 сентября 1903. Понедельник.
Праздник Рождества Богородицы

Дождливый день; в Церкви из города совсем мало. Ничего замечательного. Приходила прощаться перед отъездом в Россию Елисавета Алексеевна Юзефович, жена учителя русского языка, Якова Варфоломеевича, говорит — «боится войны», а в течение разговора оказалось, что более «боится заразиться чахоткою от мужа»; может, правда и то, что «очень соскучилась по родителям». — У меня все еще болят уши.

9 / 22 сентября 1903. Вторник

О. Тит Комацу попросился неделю пожить здесь в Миссии, пока будет исправлять Церковь в Коодзимаци, в чем надеется иметь некоторый успех. Пусть поживет.

Вечером приезжал князь Кудашев, секретарь Посольства, говорил: «Посланник (Барон Розен) уехал сегодня в Порт-Артур; так не тревожьтесь этим — тут нет ничего особенного, просто на неделю отлучился. Он сам хотел быть у вас и сказать это, да некогда было, так мне поручил». И тут же прибавил: «Конфиденциально сообщаю, что поехал повидаться с наместником Алексеевым и узнать положительно: чего же там хотят? Воевать с Японией или нет?»... Однако, как видно, дело серьезней и серьезней. Впрочем, война едва ли будет, хоть Японии очень хотелось бы подраться с европейской державой, чтоб уж окончательно возгордиться. Слишком дорого обошлась бы Японии эта слава.

10 / 23 сентября 1903. Среда

Скучные письма из Церквей: наполовину просьбы денег, наполовину благодарность за полученные деньги. От о. Бориса длинное описание

поездки по Церквам — крещен один младенец! Проливной дождь и большой ветер.

11 / 24 сентября 1903. Четверг

Японский праздник. Школы не учились; мы с Накаем до обеда не переводили.

Из Кануиса пишут: «Хоть у нас катихизатор есть, Яков Канеко, но он слаб здоровьем и потому просил, чтоб для проповеди нам посещал нас прежний катихизатор Павел Судзуки». Несколько похоже на привередливость, ибо Канеко совсем не так слаб, чтоб не мог проповедывать; но так как о. Тит Комацу, который ныне здесь, подтвердил их просьбу, то отвечено: «Пусть; но дорожные Павлу Судзуки пусть дают сами».

12 / 25 сентября 1903. Пятница

Утром был о. Тит Комацу сказать, что он успешно действует в Коодзима: «Побудил о. Алексея Савабе ходить в город на проповедь; [1 нрзб.] там все страшно; ни у о. Савабе, ни у его катихизаторов нет ни одного слушателя; вот теперь начнется работа и пойдет успешно»... Дай Бог нашему теляти волка поймать! А пока что отчего не полениться и о. Титу под благовидным предлогом? Можно даже и денег на экстренные расходы попросить — за чем ныне собственно и приходил. Но дело все касается старика о. Павла Савабе, все еще продолжающего жить на свой давний-давний капитал; приходится из-за него мирволить и его сыну лентяю, расстраивающему Церковь, и плутоватому о. Титу, делающему вид, будто поправляет ее.

13 / 26 сентября 1903. Суббота

Иметь твердым и неослабным правилом: не полагаться на христианина-ремесленника, а наперед уславливаться о цене, иначе надует еще пуще, чем язычник. До сих пор добросовестного христианина-ремесленника, который бы погадывал по Церкви, а не старался обидеть ее, я не знаю. И потому стараюсь обыкновенно принимать меры, чтоб милые братья не больно грызли тело Церкви; дело просто: спрашиваешь «цуморигаки» стоимость работы или поделки у христианина и потом у язычников или других тоже христиан и отдаешь работу тому, кому сходнее. Но иногда прозеваешь; сейчас христианин и вопьется тебе глубоко в мясо. Так переплетчик Хрисанф Миягава теперь переплетает певческие книги по 25 сен за книгу, потому что отдал ему переплетать регент Ал. Обара, которому, конечно, какое же дело до пользы церковных — соглашается без слова на то, что ему скажут; я же не досмотрел, и «цуморигаки»

спрошено не было. Ныне надо отдавать в переплет другие 500 книг, но так как Хрисанф еще завален работой, то Обара условился с другим переплетчиком и принес мне его «цуморигаки» уже по 22 сен за книгу. Но я спросил еще и третьего переплетчика, очень надежного, часто работающего на Миссию; этот дал расчет по 12 ¹/₄ сен за книгу, с условием, притом, крепче переплесть, чем эти книги переплета Хрисанфа, у которых тотчас же листы расползаются.

Итак, только в этот раз любезный брат-христианин по чувству родства с Церковью стащил с нее без всякой совести 65 ен. То же разумеи и о всех прочих случаях, где не было предусмотрено, что он мерзавец.

Был сотрудник редакции «Майници Симбун» г. Мията; задал вопрос: «На чем основать добродетель?» Конечно, на чем же, как не «на религии, и именно на истинной христианской религии?» Об этом и была длинная речь. «Майници Симбун» старается проводить мысль о необходимости религии для Японии и религии христианской. Ее редактор Симада Сабуро сам христианин – протестант, хотя и не верующий, по видимому, в божественность И. Христа.

14 / 27 сентября 1903. Праздник Воздвижения

После Литургии Акила Кадзима раздавал при выходе христианам составленную им брошюрку «Син-сейдзин Отец Серафим». Я служил, едва слыша себя: оба уха все хуже и хуже. Не знаю, как быть.

15 / 28 сентября 1903. Понедельник

Для религиозных учителей, отправляющихся на Формозу, плата за переезд уменьшена. Ныне отправляемый туда о. Симеон Юкава представил в Тоокёофу свидетельство за моею печатью, что он отправляется туда по надобностям наших христиан там, как мой заместитель. Но плата за пароходный билет уменьшена ему всего на два процента. Возьмет он билет 2-го класса, ибо в третьем очень уж грязно. Рассчитал он все дорожные расходы туда, по острову для посещения рассеянных христиан, оттуда и на платы там в гостиницах; оказывается, что и в этот раз не менее 100 ен нужно дать ему.

16 / 29 сентября 1903. Вторник

В одноголосном и двухголосном пении очень мало успели за месяц, особенно в Женской школе, где я сегодня был на классе пения и испытывал: только две пропели правильно в один голос и потом могли сладиться в два. Вообще порядочное хоровое пение не есть показание того,

что учащиеся обучены пению. С этого времени надо наблюдать, чтоб обучение простому пению шло правильно и безостановочно.

17 / 30 сентября 1903. Среда

Расчетный день; как всегда почти к концу дня совсем потерял равновесие духа и стал сердиться. Расходы огромные, требованиями исципали. 3500 ен вчера взято из банка и не достало. На одну пищу учащихся почти тысяча ен выходит. На лекарство тоже немало и большею частью совсем даром: шляют к доктору все, кому вздумается, болен кто или нет. Потому вечером, призвавши о. Федора Мидзуно, надзирателя Катихизаторской школы, и старших, объявил: «Настоящие больные вне речи, а воображающие себя больными или с самым пустячным недомоганьем, решающие лечиться, пусть платят сами за лекарства с этого времени». Поклонились и ушли; но ведь сам знаю, что ничего из этого не выйдет; просто накопившийся у меня за день порох вспыхнул пустым выстрелом. Не впервой ведь подобный заказ.

18 сентября / 1 октября 1903. Четверг

О. Роман Фукуи оказывается довольно деятельным священником. Пишет подробно о делах Сикотанской Церкви: там курильских христиан ныне только 38 человек, из которых 10 детей (другая часть их на Итурупе для рыбного и звериного промысла); тем не менее, по предложению о. Романа, избрали трех церковных старост, из которых один, впрочем, японец. Вместо умершего старшины Якова Сторожева выбрали Аверьяна. Все исповедились и приобщились у о. Романа; только на одного он наложил епитимию за прижитие ребенка от девицы. Хотят строить дом для катихизатора и собрали для этого 200 ен, но о. Роман, к сожалению, отсоветовал им: «Спросите-де Епископа прежде». Зачем же? Пусть бы начинали; очевидно, дело хорошее. Хочет о. Роман посетить Абасири, где, между прочим, живет бывший катихизатор Иоанн Нономура, продолжающий быть добрым христианином, и просит 23 ены на путевые расходы. Посланы ему тотчас же. Посетит потом и Кунашир, где тоже есть христиане. Дорожные пошлются.

19 сентября / 2 октября 1903. Пятница

Лука Ватанабе, катихизатор в Янайбара и прочих [местах], пишет, что сосватала ему Любовь Асано, воспитанницу здешней Женской школы, ныне учительницу в Кёотской, дочь недавно умершего Корнилия Асано в Янайбара. Это хорошо; будет ему отличной помощницей по служению делу проповеди.

Игнатий Камен, катихизатор в Огава, пишет, что церковному делу там мешает Даниил Кониси, что воспитан в Киевской Академии для служения Церкви и что с возвращения из России старается пакостить России и Церкви, как будто для того и воспитан. Что делать! Везде есть лающие и кусающиеся злые псы.

Просит еще Камен 2 ены ежемесячно дорожных для посещения деревень, где христиане; написано ему, что я согласен, но что все подобные просьбы идут чрез священников; пусть и его придет чрез о. Якова Мацу-да. Помимо священников распоряжения в подобных случаях делать бесполезно.

20 сентября / 3 октября 1903. Суббота

Фома Маки очень просит катихизатора для Коци. А где же взять? Всего год, как снят оттуда катихизатор по совершенной бесполезности его там: никогда не было слушателей и никакого движения вперед. Пишет о. Маки вот уже второй раз и очень настоятельно, что это было просто от лености катихизатора, в последние годы служившего там Петра Хиромици, тамошнего же уроженца. Но чего же смотрели тогда священники? А мне отсюда не видно. Жаль, а пока делать нечего — катихизатора нет.

О. Павел Морита пишет, что в Маебаси на церковный сбор, согласно моему окружному письму, из всех христиан не соглашается только Спиридон Фукасава, и длинным письмом бранит его. Видно, что в ссоре с ним и что разлад, давно уже начатый, не кончится. Нехорошо.

О. Сергей Судзуки пишет, что там, в Оосака, в Воскресную школу собираются 40 учащихся и что она процветает.

Пишет еще, что одного христианина, в окрестности Оосака умершего, у которого родители и все родные еще язычники, бонзы не дали похоронить по-христиански, и очень нападает за это на бонз; письмо написано для печати, туда и отдано.

Когда мы с Давидом читали письма, подали телеграмму, что умер в Хитоёси, на Киусиу, катихизатор Павел Оциай, давно хворавший чахоткою. Царство ему Небесное! Оставил жену и четверо детей, вероятно, вполне на плеча Миссии.

Американская миссионерка Miss Holland приходила, направленная сюда епископом MacKim'ом, набиваться детскими христианскими книжками, из которых три для образца показала; крошечные по числу листков и самые дрянненькие по формату и наружному виду, с вульгарными фигурами японцев и японок на обертках и внутри, как в самой низменной японской литературе. 30 таких произведено. Взглянувши на образцы, я молвил:

— И у нас тоже издаются детские книги,— и вынес ей попавшиеся под руку четыре брошюры наших детских учебников для Воскресных школ.

— А, какая прекрасная печать! — изумилась Miss Holland.

Действительно, наши книжки — аристократы в сравнении с принесенною ею чернью, да еще такой мелкотой.

— Могу я взять? — спросила она.

— Сделайте одолжение; а мне будьте добры прислать по экземпляру ваших изданий для просмотра.

Нужно сказать вообще, что небогата протестантская литература на японском, что весьма странно при таком множестве протестантских миссионеров здесь.

21 сентября / 4 октября 1903. Воскресенье

После обедни, когда я уже завтракал в 1 часу, пришли опоздавшие к богослужению «Николай Павлович Азбелев, Генерал-майор по адмиралтейству, член Учебного Комитета Министерства финансов», как по карточке, и В. Л. Серошевский. Первый интересуется учебным делом в Японии, почему я сказал ему, что если он зайвится к Посланнику, то барон Розен, конечно, откроет ему всякую возможность к удовлетворению его желания; на заявленное им желание посмотреть наши школы, сказал, что во всякое время он может прийти и в подробности осмотреть их. Серошевский исследовал айнов на Хоккайдо, но должен был вернуться не dokonчив своего дела, по причине грозящей войны. Действительно грозит. Оба они осведомлены о результате поездки барона Розена в Порт-Артур для свидания с Наместником Алексеевым.

Со стороны России вот ультиматный ответ на притязания японцев: «О Манчжурии Россия с вами никаких разговоров иметь не будет — не ваше дело; в Корее вам полная свобода распространять ваше влияние на юге и в срединной части, севера же касаться не смейте — это будет буфер между нами и вами». Если таков, действительно, ультиматум, то войны едва ли избежать при существующем в Японии раздражении против России и при неистовых науськиваниях со стороны Англии.

Что тогда делать мне? Разумеется, постараюсь остаться в Японии, чтоб не расстроилась Церковь и чтоб не прекращать дело перевода Богослужения. Если же придется на время убраться, то во всяком случае постараюсь обеспечить содержание служащих Церкви месяца на три — на каковое время средств хватит, война, вероятно, долее этого не продлится.

До Литургии сегодня о. Федор Мидзуно крестил четырех взрослых и двух младенцев из Церкви Коодзимаци — немирной части ее, почему оттуда много христиан было в Церкви.

Диакон Акила Хирота извещает, что с о. Симеоном Мии опять параличный припадок. Врач уверяет, впрочем, что при надлежащем лечении болезнь в 2–3 месяца пройдет. Послал я 15 ен на лечение с извещением, что каждый месяц, пока лечится, буду столько высылать.

22 сентября / 5 октября 1903. Понедельник

Тит Накасима не перестает просить денег, а служит в Церкви, самой богатой в Японии: Моисей Ямада в Яманоме — один из первых богачей в городе, в Ициносеки тоже все христиане достаточные. Поразительная бессовестность японских христиан! Ничем не хотят помочь служащему у них катихизатору и не считают себя нимало обязанными к тому; все делай для них Русская Церковь! Послал 5 ен Титу, а письмо его о. Борису Ямамура, чтоб усовещевал христиан Церкви Ивай помогать катихизатору; только едва ли будет польза — не впервой уже это.

23 сентября / 6 октября 1903. Вторник

4 полицейских приставлено охранять Миссию день и ночь. Анфим, церковный сторож, приходил просить позволение спать где-нибудь в доме, в сторожке нет места — все занято полицейскими. Видно, что действительно есть опасение, что будет война, и вместе с тем поднимается волна народного раздражения, от которого нашему брату несдобровать без усиленных охранительных мер со стороны Правительства. Спасибо за охрану, и помилует Бог от войны!

Католический патер, по карточке: «E. Raguét, Missionnaire Apostolique Kagosima», приходил спросить, как у нас по-японски название таинства и прочее; составил Французско-Японский Лексикон, так для включения в него и наших православных терминов; я удовлетворил его любопытство; лексикон, судя по образчику, будет очень хороший; семь лет патер трудился над ним. Прощаясь, поцеловал руку, конечно, потому что мы с ним вдвоем были в комнате; здравствуясь у Собора, где нашел меня, он и не подумал сделать это.

24 сентября / 7 октября 1903. Среда

Насмешка судьбы, сказал бы горькая, если бы я не перестал ощущать и горечь в этом отношении: ждешь миссионера, а тут просится сюда вон какой: «диакон Новгородской епархии, проживающий в Кирилло-Белозерской обители, Николай Николаевич Соколовский», о котором, по его форменному прошению, трудно догадаться, совсем ли он сумасшедший или только временно в белой горячке — такое бессвязное и бессмысленное прошение. Знать, так и умру я, не дождавшись помощника

и преемника. Так бедно Православие миссионерами! А инославных, Боже, какое необозримое множество их! И как же они надоедают своими приставаниями; то с статистическими запросами, то с набиванием своими книжками и разными услугами, то с просьбами наших книг, как вот и сегодня некая Miss Palmer просит наше «Сейкёо-Симпо» и других книг в пользу ее класса полицейских, которым, должно быть, приглашена преподавать английский язык.

25 сентября / 8 октября 1903. Четверг

Катихизатор Петр Такахаси пишет из Отака (Соома-гоори), что там один христианин, Иосиф Такахаси, выдерживает домашнее гонение за веру; отец его еще язычник, индифферентный к вере, а мать протестантка; ныне она больна; местные протестанты собираются около ее постели, распевают свои гимны и всячески уверяют ее, что болезнь ее — наказание Божие за то, что допустила в доме ересь, пусть-де сын ее бросит православие и сделается протестантом, тогда она непременно выздоровеет. Под этим непрерывным пением она насела на сына — брось православную веру; но так как сын, при всей почтительности к ней, в этом одном не слушается ее, то она возбудила отца против него; ныне и отец требует, чтоб он непременно исполнил желание матери, иначе угрожает выгнать его из дома и лишить наследства. Гонение это сделало Иосифа непоколебимо твердым в своей вере, и он готов на все, лишь бы не изменить ей. Хорошо поддерживает его там и наставляет старик врач Яков Такахаси, давний и очень благочестивый христианин.

26 сентября / 9 октября 1903. Пятница

Павел Мацумото, катихизатор в Отару, пишет, что к крещению приготовлен один чиновник очень хорошей фамилии (Катакура, бывший владелец крепости Сироиси); просит его быть крестным отцом, и нужно ему благословить крестника хорошей иконой; так просит оную отсюда; купить не в состоянии — просит так. Велел я отдать домовую икону Спасителя, оправить в киоту и послать ему.

О. Иоанн Оно пишет об о. Симеоне Мии, что у него после припадков его болезни речь не свободна и мысли не связаны. Вот беда-то, если не оправится! Кого на место его в Кёото, решительно не знаю.

27 сентября / 10 октября 1903. Суббота

Был «Михаил Иванович Ширинский, полковник, командир 12 Восточно-Сибирского полка», того самого, который в Китайскую войну 1900 г. так славно защитил Тяньцзинг от боксеров. Ширинский со сводным

отрядом под его командой ходил на выручку адмирала Сеймура из его безвыходного положения. Рассказ его преинтересный; жаль только, что мало посидел; осматривает Токио по пути в Россию, в отпуск. С ним поручик, бывший его адъютант.

Был «V. W. Helm. Associate secretary for Japan International Committee of Young Men's Christian Associations», как значится на карточке. Рассказывал, что ветвь их ассоциации молодых людей образовалась и в России, что этому показали свое сочувствие Св. Синод и разные высокопоставленные лица, как кн. Хилков – Министр путей сообщения и другие, даже будто бы Император и Императрица изъявили свое благоволение к этому делу. Говорил, что в будущем году в конце августа и начале сентября состоится в Токио общее собрание Ассоциации молодых людей, на которое приедут делегаты из всех стран. Говорил еще, что предположено построить здания для Общества молодых людей, вроде такого, какое воздвигнуто в Токио, во всех главных городах Японии. Ныне будет строиться в Нагасаки; деньги на постройку, 20 тысяч долларов, дали американские богачи, но с тем, что земля под здание будет приобретена христианами в Японии. Так Helm ныне отправляется в Нагасаки собирать средства для покупки участка земли. Обратится для помощи к иностранным христианам там, между прочим, и к русским, обитающим в Нагасаки. Спрашивал у меня, к кому бы? Я сказал, что, кроме консула, никого не знаю. Попросил он карточку мою к кн. Гагарину, консулу, которую я охотно и дал. Какое обилие христиански настроенных молодых людей в Америке, да и в других странах, кроме России! Скоро ли же Православие даст такой цвет?

28 сентября / 11 октября 1903. Воскресенье

После Литургии пили чай у меня: отставной генерал Федоров, уже пять месяцев живущий в Японии и изучающий ее из любопытства, сравнивая ее с Индией и Китаем, которые тоже изучил, очень хвалит ее и находит лучшею сих стран; Иоанн Фукасе и жена его Ирина, из Цуяма, которых я просил помогать молодому и неопытному катихизатору там. Потом были два инженера, путешествующие по Японии, о Миссии не имеющие ни малейшего понятия, попавшие сюда только потому, что гид привел их; а вчера Ширинский комплиментировал: «Все русские знают вас и, будучи в Японии, непременно идут сюда». Sic!

Из Симооса пришел катихизатор Антоний Обата, чтоб отправиться в Оотавара. Много лет он прошлялся по Церквам в Симооса без всякой пользы; в Оотавара, вероятно, тоже не принесет никакой пользы; но хоть для вида будет; человек поведения хорошего; годится как «русуй», или как «квайдо-мори»; в этом тоже своего рода польза; все же глаз христиан тешится «есть, мол, катихизатор», хоть проповедника нет.

29 сентября / 12 октября 1903. Понедельник

Утром неласково принял о. Тита Комацу, который все еще живет здесь и опять пришел просить денег на мелкие расходы. Отказал в просьбе, так как нет резона к исполнению ее. Спрашиваю: «Есть ли хоть малая польза от него для умирения прихода оо. Савабе?» Отвечает, что «не заметил еще он никакой». — «Так зачем же, бросив свой собственный приход, жить здесь так долго?»

— Завтра уеду, — говорит, — взяв с собою Антония Обата для помещения в Отавара. Но потом мне хочется побыть в Сендае.

— Это опять бродить (бура-бура суру) по чужим местам, оставив свою Церковь на произвол судьбы? Нельзя, — ответил я и пошел заниматься своим делом, оставив его, а он ушел в свою комнату.

В 12 часов о. Тит пришел заявить, что сегодня отправляется домой, а Антонию Обата дал подробное наставление касательно Церкви в Отаваре, и он один завтра отправится туда. Я с миром отпустил его, дав дорожные в Токио и обратно и по Церквам. Целый месяц он пробыл здесь, чтоб мирить христиан Коодзимац с оо. Савабе, по назначению Собора, и пользы от этого, по его же словам, никакой. Еще бы! Немирные помирились бы только тогда, когда, по крайней мере, один из оо. Савабе сделался бы пастырем, пекущимся о своем стаде; а так как этого нет, то и ничего нет.

На днях редактор журнала «Циувоо Коорон» прислал номер с запиской, что «желает прийти поговорить насчет улучшения японских нравов и обычаев (фуузоку) — так можно ли?» Ответчено было, что «об этом трактовать не мое прямое назначение, а если о религии желает поговорить, то милости прошу». Сегодня с 2-х часов и был разговор с г. Сакураи Тичёо, редактором, о религии как основании для улучшения нравов и обычаев. Мысли известные, что японские религии упали, чем дают место истинной религии, которая непременно войдет, а вместе с тем обновится и духовная кровь в жилах японского духовного организма, ныне же некоторое необычное расстройство понятно — старое рухнуло, новое не воздвигнулось, только еще материал понемногу собирается, отчего место и кажется беспорядочным загромождением всего и т. д. С половины 4-го я его сдал для дальнейшего разговора нашим писателям в редакцию наших журналов, куда отвел его познакомиться с Исикава, Ямада и другими. Снабдил также Сакурая книгами для дальнейшего изучения Православия и его отличия от других христианских исповеданий.

30 сентября / 13 октября 1903. Вторник

Недавно к Павлу Накай заявился один из провинции Иё, на Сикоку, с такою речью: «Вы переводите Св. Писание с Николаем, который

принадлежит государству, неприязненному Японии, но вы — потомок знаменитых в Японии людей — патриотов, как же это? Я пришел осведомиться, сообразно ли это с любовью к отечеству?» Накаи объяснил ему, что его совместный со мною труд нисколько не мешает ему быть верным отечеству. Между прочим, оказалось, что это протестант секты конгрегационалов (Кумиай кёокувай), зараженный всеми предубеждениями против Православия, которыми всегда протестантские миссионеры начинают своих адептов, что православные-де — идолопоклонники, так как вопреки ясному предписанию 2-й заповеди кланяются иконам, что у них русский царь — глава Церкви и подобное. Поговорив с Накаем, этот человек, по имени Иосида Суэтаро, пожелал увидиться со мной. Сегодня в 3-м часу пришел. Чад предубеждений у него, по-видимому, несколько выветрился из головы, и разговор произошел следующий:

— Желаете спросить о вере? — начал я.

— Да,— и заговорил в иллюминатском духе. Сущность вопроса оказалась: «Что полезнее: углубляться ли в освящении души Святым Духом (Митама) или развивать любовь?»

— И то и другое одинаково полезно и нужно; нужно при помощи Божией возрастать и укрепляться в вере и в то же время творить дела любви.

Поговорили об этом, причем я старался свести его с высокопарных иллюминатских фраз на простую христианскую речь.

Перешли к молитве и объяснению апостольской заповеди: «Непрестанно молитесь» (1 Сол. 5, 17). Я объяснил, что, кроме совершения обычных ежедневных молитв, это значит: что бы ни делали, делайте так, чтобы это было исполнением заповеди Божией о делании и чтоб дело ваше было посвящено Богу. Бог установил людям разные звания и служения; без земледельца род человеческий не мог бы существовать, то же без ремесленника, без купца, без воина и т. д. — явный знак, что все эти служения предписаны от Бога. Итак, земледелец, обрабатывая ниву, исполняет заповедь Божию; пусть он сам знает это и пусть трудится для Бога, пусть печать Божию полагает на своем труде — это и будет то же, что молитва, и так далее.

Иосида продолжал:

— Человек, если не исполнит закон Христов, погибнет. Но также погибнет и государство, если будет нарушать этот закон. Поэтому я задумал образовать общество, в которое войдут люди без различия национальностей и вер, лишь бы исполняли Христовы заповеди, чем спасутся от гибели. Я представил записку об этом на «сейнен-квей», бывший во Франции, в котором участвовало 500 членов, были, в том числе, и члены этого общества — сейнен-квей из России. Собрание одобрило мою записку.

— Может быть. Но я не вижу, как люди нехристианских религий войдут в ваше общество?

— О, это не важно. Буддист пусть остается буддистом, лишь бы приобрел «сердце Христово».

— Но как же он приобретет, если останется буддистом?

— Через чтение Священного Писания. Я дам им в руки Новый Завет и убежду читать, сердце и напитается Словом Христовым.

— Как же напитается сердце, если ум не будет участвовать в этом? И возможно ли без веры в Христа принять в сердце Христа?

— Отчего же невозможно, если человек прилежно станет читать?

— Из ваших слов я вижу только, что вы сами еще не знаете Христова учения.

— Как не знаю, когда я уже 19 лет как христианин и целые годы читал Слово Божие и наслаждался им.

— Читали по-протестантски, т. е. видели в нем только то, что вам нравится, и понимали так, как вам хочется, не зная, то ли видите, что там положено Духом Святым, и так ли понимаете, как угодно Богу. Оттого-то протестанты так и разнятся в понимании Священного Писания, что каждый читает его сквозь свои очки; оттого-то и такое дробление протестантов на секты. Слово Божие дано Церкви Божией, и читать, и понимать его нужно под руководством Церкви, т. е. при помощи Священного Предания, которое есть живой голос живущего в Церкви Духа Божия, единственного верного руководителя к безошибочному пониманию мертвой буквы Писания — и так далее, и так далее.— При таком же поверхностном понимании Слова Божия, какое теперь у вас, можно опасаться, что вы скоро потеряете веру в него и в Самого Христа, как то сплошь и рядом видится у вашей братии-протестантов.

— Этого не может быть. Я прошел три стадии: первая — читал Слово Божие и наслаждался им, вторая — углублялся в молитву, третья, на которой ныне стою,— деятельной любви, которая меня побуждает ныне сделаться проповедником, чтобы всем внедрять сердце Христово.

— Прежде чем сделаться проповедником, вам нужно изучить учение Христово. Сделайте это. Вот вам догматика. Изучайте ее и приходите за объяснениями ко мне, к г. Накаи — и проч., и проч.

Много симпатичного в этом человеке, но кажется, уже духовная гордость едва ли сломится.

1 / 14 октября 1903. Среда.

Покров Пресвятой Богородицы

Вчера на литию во время всенощной выходили одни священники, без меня; на величание тоже, как это и в прежние годы было. Сегодня я служил Литургию, с сослужением двух священников; третий, о. Ф. Мидзуно, говорил проповедь.

Утром послал поздравительную с Ангелом записку Посланнику барону Роману Романовичу Розену, так как за болезнью ушей не могу лично отправиться к нему. На мои благожелания, сообразные с теперешним трудным, войною угрожающим положением, он в своем любезном ответе пишет, между прочим: «Переживаемый нами ныне момент весьма важен. Благодарю Всевышнего, бодрость духа меня не оставляет, как не оставляет и крепкая вера в силу и величие нашего дорогого Отечества. Мир и спокойствие – величайшие блага, но блага эти не должны быть и не будут куплены ценою самонаименьшего ущерба чести и достоинства России. Сегодня же мне предстоит весьма важное совещание, быть может, решительное... Простите, что не навещал Вас в это время. Я воздерживался по мотивам политического свойства, так как за всеми моими движениями зорко следят, и я не желаю компрометировать Ваше стоящее вне политики положение».

В 1 час открылось собрание «Женского Благотворительного Общества» (Сейкёо Фудзин Кёодзюцу квай) в Женской школе. Сегодня 17-я годовщина его. По печатной брошюрке отчета, вчера доставленного мне Председательницей Общества Елисаветою Котама, видно, что за год прихода было всего 203 ены 15 сен, на 15 ен больше прошлогоднего, расхода на благотворения и разное 156 ен 14 сен, немного больше, чем в прошлом году, в остатке 221 ена 55 сен, тоже немного больше прошлогоднего. Движение вперед есть, но весьма малое. На Собрание пришло христианок 70. О. Роман отслужил благодарственный молебен, закончившийся многолетием, потом литию за умерших членов. Затем Е. Котама предложила мне сказать поучение. Я кратко сказал о том, что «благотворение, как деятельное выражение любви, есть кратчайший и прямой путь в Царство Небесное, как о том Сам Спаситель сказал в речи о Страшном Суде. Благотворительницы стоят на этом пути и идут по нему; но надо признаться, что идут вяло и медленно, как то видно из отчета о пожертвованиях для Тоокейского Общества, весьма скудных. Откройте сердца и руки шире да еще хлопочите о заведении таких же благотворительных обществ в провинциальных Церквах; будьте матерью, рождающею чад». Кончив говорить и передав в пакете 10 ен Котама, как сегодняшней мой вклад, я тотчас же отправился в Собор, где с 2-х часов назначено было отпевание Софии Миясима, вчера умершей жены Луки, служителя в Семинрии. София была самою первою женщиною, крещенною мною в Токио в 1873 г., как и сын ее, нынешний катихизатор Эраст – первый младенец, крещенный здесь. Отпевание совершено соборне мною с двумя иереями при пении семинаристов.

К вечернему переводу П. Накаи явился с огромною тушницею, на покупку которой взял у меня вчера 5 ¹/₂ ен. Тушница эта китайского произведения и ей 784 года, как видно из надписи, вырезанной на обороте.

2 / 15 октября 1903. Четверг

Из посетителей сегодня был некто Фудзисава, родом из провинции Синано, протестант секты конгрегационалистов (кумиайкёоквай). Говорит:

— Я желаю принять монашество; но мои религиозные учителя отклоняют меня от этого намерения, поэтому я пришел к вам.

— По каким же побуждениям вы желаете монашества?

— Совестно признаться, но потому, что плотская страсть (дзёёку) меня мучает.

— И вы думаете, что монашество обуздает ее?

— Я надеюсь. Иначе, что же мне делать? К какому другому средству прибегнуть?

— Сколько вам лет?

— 31 год.

— Вы одинокий?

— Имею жену и сына.

— Странно, что «дзёёку» мучает вас, когда вы женаты. Совместная с женою жизнь и есть средство для обуздания плотской страсти, как о том учит и Апостол Павел.

— Но я не разделяю ложа с женою вот уж четыре года.

— Это почему же?

— Я уже 10 лет как женат, и сыну моему 6 лет. Но я узнал, что жена моя до брака со мною имела связь с другим человеком, и у меня родилось недоверие к ней.

— Что же? Имеете доказательства, что она изменяла вам и после брака? Если имеете, то вы можете развестись с нею и жениться на другой.

— Нет, не имею никаких доказательств.

— Значит, ваш беспричинный разлад с женою — не более, как добровольно положенный вами за пазуху себе колючий гвоздь, от которого вы мучаетесь, но который почему-то не хотите выбросить. Выбросите его и живите с женою как должно, тогда и «дзёёку» перестанет вас беспокоить.

— Есть еще другая причина.— И рассказывает, что он уже четыре года, как влюблен в другую женщину, которая тоже ласкова к нему. Плотского греха между ними не было. Но страсть мучает его до того, что у него открылись головные боли. Усердно молится Богу он об освобождении от страсти; и молитва его несколько успокаивает; но лишь только перестает молиться, как сердце и мысль тянут его к той женщине. И вот он в отчаянии, что никак не может освободиться от мучающей его любви и страсти, пришел проситься в монахи. Тут начался разговор другого

рода; я успокаивал его, как человека, подвергнувшегося несчастию; убеждал бороться, предаться другим занятиям, и пр. и пр. Ушел он несколько ободренный.

Послал сегодня письмо Василию Аркадиевичу Тронину, профессору Благовещенской Семинарии, чтобы он вернул мне 100 ен, занятые им при отъезде из Токио 21 июля старого стиля. Обещался выслать, лишь только возвратится в Благовещенск, и до сих пор не шлет. Должно быть, из тех, которым доверять не след.

3 / 16 октября 1903. Пятница

О. Петр Сасагава, сендайский священник, поправившийся было, опять слег. По словам Сергея Нумабе, секретаря Миссии, близкого друга о. Петра, главною причиною его болезни – скорбь о беспутном сыне, который ни в одном заведении не докончил курс и ни к одной службе не может приспособиться. Вдобавок к своевольному нраву имеет склонность к воровству. Жаль очень! Жена о. Петра дурного нрава; должно быть, она сызмальства избаловала сына. Младший брат о. Петра, Андрей, бывший когда-то катихизатором, ныне врач в Сендае, и Василий Вакуя, воспитанный в Семинарии, ныне тоже врач в Сендае – оба заведывают лечением его.

4 / 17 октября 1903. Суббота

Японский гражданский праздник. Школы гуляют, мы с Накаем не переводим.

С 2-х часов был Павел Ниицума, пришедший из своего селения Нанае. Говорит, что управился с полевыми работами и теперь имеет время месяцев пять заняться проповедью. Будет посещать окрестных катихизаторов – Узава, Канасуги и Масуда, и помогать им проповедывать, о чем уже советовался с ними. Кроме того, займется проповедью в селении Миягава, откуда его нынешняя жена и где родные ее – самые главные люди в селении. Миягава в 1 1/2 ри от Кабусато, где Филипп Узава, и будет официально в его ведении (так как Ниицума не может иметь в Церкви никакого официального служебного звания); селение это – центральное между Церквями в Симооса, и основать здесь Церковь очень полезно. Подговаривался Ниицума к тому, по-видимому, чтобы получать от Миссии на наем дома в Миягава и на пищу во время проповеди там: «Говорил-де катихизаторам, что сам еще не могу вне своего дома снабжать себя квартирой и пищей, просил у них содействия, но сами они бедны, христиане тоже бедны».

Я, выслушавши, отказал ему во всякой помощи от Миссии. «Во-первых, на Ниицума Миссия ничего не может тратить — не благовидно; во-вторых, пусть подает пример совершенно бескорыстной проповеди — проповеди на своем содержании. Он будет проповедывать без официального назначения от Церкви, в качестве простого христианина (так как всякий верующий, молясь „да святится Имя Твое“, обязан и деятельно способствовать сему); будет употреблять в дело свой талант — знание вероучения и умение передавать его другим; но из его труда при помощи Божией может возникнуть новая Церковь. Это, конечно, станет известно на Соборе, и пример его может быть поставлен для подражания во всех Церквях, где есть христиане, хорошо знающие вероучение и имеющие возможность сообщить его другим. Таковые есть и кое-где заявляются; но тотчас же просят назначить им жалованье. Пусть же Ниицума подаст пример плодотворной проповеди без жалованья».

Он обещал постараться и, по-видимому, одушевлен к тому. Он рассказал, между прочим, следующее: ныне в Симооса один английский миссионер-епископал (он называл его имя, но в японском произношении нельзя разобрать — кто) с помощью миссионерки, тоже англичанки, старается распространить свое учение и рекламирует его так: на бумаге — огромный красный крест и надпись крупными буквами: «сей-коокёокувай-но осие-ва рококу-никорай-но осие-ни арадзу — доомей-коку-но осие нари» (святой католической Церкви учение не есть русское Николаево учение, а учение союзного государства). Такие афиши везде по деревням развешиваются, где производится епископальная проповедь; а она производится разом во многих местах, так как миссионер навел с собою туда еще японских своих проповедников. Я и прежде слышал о такой афишировке, но не верил; приходится поверить. Советовал Ниицума обратить это в пользу православной проповеди. Православные проповедники могут так и начинать свою проповедь: «Наше учение не есть Николаево, не есть русское, как клеветают протестанты, а есть истинное Божие учение, которое, пришедши из Иудеи чрез Грецию и Россию к нам, не приняло в себя ни малейшего цвета или вкуса Иудеи, Греции и России, а блещет таким же чистым Божественным цветом, каким воссияло из уст Спасителя» — и так далее.

Был потом протестант Иосида, приходивший для беседы во вторник. Принес обратно догматику, говорит, прочитал; но в такое короткое время он, конечно, не мог понять и усвоить что-нибудь. Заговорил опять совершенно то же, что тогда болтал, что «будет обращать буддийских бонз, давая им читать Новый Завет и уча тем христианской нравственности, что догматическое учение неважно и т. д.» И спорить с ним бесполезно; собьешь его с пункта, а чрез несколько фраз он опять утверждает то, с чего сбит. Уши его и всех подобных уже затворены для слышания, а сердце — для принятия истины.

5 / 18 октября 1903. Воскресенье

За обедней приобщались Павел Ниицума, исповедовавшийся вчера у о. Мидзуно, и еще несколько возрастных и, по обыкновению, много детей. После обедни, за чаем у меня, Ниицума рассказал следующее. Недавно помер у него в доме 14-летний мальчик, из дома его жены, хорошо наученный вере и благочестивый. Лежа больным, он однажды стал просить предложить пищу гостю, сидящему у его постели, между тем как никакого гостя никто не видал. На вопрос: «Что это за гость?» Он отвечал, что «молодой и очень хороший на вид, и что он часто приходит и сидит с ним». Потом, пред самой кончиной, когда у него уже отнялись чувства, на вопрос: «Кто с ним? Видит ли он?» А сидела у постели вся семья; он тихо промолвил: «Ками-но цкай» (Ангел); и это были его последние слова.— Так простым верою и невинным жизнью являются знамения невидимого мира!

6 / 19 октября 1903. Понедельник

Нахально воинственный тон японских газет и английской «Japan Daily Mail», которую я получаю, значительно понижается по мере того, как обнаруживается, что Наместник Алексеев не прочь от войны и готов к ней.

7 / 20 октября 1903. Вторник

О. Яков Такая пишет, что всю семью умершего в Хитоёси катихизатора Павла Оциай придется Миссии принять на свое содержание; а осталось четверо детей: мальчик 13 л., девочка 11 л., еще двое меньше и жена — болезненная. У Павла Оциай есть брат, близ Миязаки, где их родина, но ненадежный человек; жена из Мияконодзэ, но бедного дома. Так-то! Проповедывать не находится людей, а есть миссийский хлеб даром набирается все больше и больше! А как и бросить без призора? Хоть плошайший катихизатор был, все же умер на службе Церкви.

Короткое известие от о. Симеона Юкава с Формозы, что он благополучно достиг, был принят христианами радостно, молился с ними, будет крестить нескольких. Подробности обещает после.

8 / 21 октября 1903. Среда

Из Посольства был секретарь Траутшольд, говорил, между прочим, что переговоры у посланника с японским Правительством о Манчжурии и Корее все еще ведутся, и результат неизвестен, но, по всему вероятию, не кончится войной.

Параличный американский епископ Шершевский спрашивает, кто ныне начальник нашей Духовной Миссии в Китае, хочет послать ему Китайскую Библию своего перевода — «с архимандритом Палладием-де в старые годы был хорошо знаком». Я послал имя и адрес Преосвященного Иннокентия.

9 / 22 октября 1903. Четверг

Из Такусима прибыл в Катилизаторскую школу 18-летний Димитрий Масуда. После приема в начале сентября школа обыкновенно накрепко затворяется; но оттуда священник и катихизатор убедительными письмами настояли принять, мол, и «пламенно желает служить Церкви, и знатного рода». По виду незначителен.

Надоели просьбами — ученики и из Церквей — географической карты Ветхого Завета; протестантские есть, но имена-де непонятны. Отдал сегодня американский Gazetteer срисовать карты, чтоб отпечатать с чтением по нашей Библии имен по-японски. Исайя Мидзусима и Акила Кадзима, надеюсь, хорошо сделают это.

10 / 23 октября 1903. Пятница

Из России вернулся диакон Димитрий Константинович Львовский, определивший там своих детей — одного в Семинарию, другого в училище, в Петербурге. Виделся там с о. Феодором Быстрым и нашел здоровыми его и жену его, прежде хворавшую. Из Манчжурии привез известие, что там к войне с Японией готовы, стало быть, можно надеяться, что ее не будет. Из Петербурга выехал 7 сентября, приехал вчера вечером.

Некто, Георгий Колесов, коллежский секретарь, человек совершенно незнакомый, живущий ныне на минеральных водах в провинции Ното, близ города Наноо, в Вакура, разухабистым письмом просит взять в Миссию на воспитание его племянника, 8-летнего болезненного мальчугана. Еще бы! Есть тут время и деньги на то! Сейчас же ответил, что никак не могу исполнить его просьбу.

11 / 24 октября 1903. Суббота

Сегодня разослана 2-я половина содержания служащим Церкви, ближайшим; всего в оба раза разослано 6790 ен, за 11-й и 12-й месяцы; некоторым только за 11-й. И это только провинциальным служащим!

В «Иородзу-чёохо», газете плохой репутации по части правдивости, напечатано вчера, будто я «употребил 20 тысяч ен на подкуп шпионов из японцев в пользу России». Так! Да я бы выгнал японца, если бы он и без

всякого подкупа стал набиваться в пользу чужой для него России изменить своему собственному отечеству!

12 / 25 октября 1903. Воскресенье

Был после обедни Григорий Юхара, некогда ученик Семинарии, родом из Каминояма, ныне голова в городе Атерасава. Питает надежду сделаться служащим Церкви, сдав хозяйство сыну. Поселянное в юной его душе Слово Благочестия живет, не умирает.

Была еще жена катихизатора Василия Иваиса [Ивама?], просила прибавки содержания. Пусть муж служит усерднее, тогда христиане Такасимицзу станут помогать ему; от Миссии же получает 18 ен, и дочь содержится здесь в школе — больше нельзя.

13 / 26 октября 1903. Понедельник

О. Роман Фукуи извещает, что в Абасири (Хоккайдо) нашел 10 домов наших христиан и очень просит катихизатора туда; но где же взять?

Петр Ямада, катихизатор в Миядзу, пишет, что и там, как везде ныне, много толкуют в неприязненном смысле о России и ожидаемой войне с нею, но находит, что это не только не вредит, а, напротив, может немало помогать делу проповеди, давая повод говорить о вере.

Симеон Мацубара, катихизатор в Аомори, описывает враждебные действия против православия католических патеров там: всячески они поносят православную веру, и называют ее «рокёо» и доказывают, что эта русская вера совсем не то, что греческая, которую еще можно бы терпеть, что «рокёо» не более, как сеть для уловления в русское подданство и под. Об этом у них и брошюра сочинена, которую везде распространяют. Но замечательно, что она же и вредит им; так, один чиновник там именно ею побужден был узнать православие и сделаться православным.

Статья в «Ёродзу-Чёохоо» о том, будто я подкупаю японцев шпионить в пользу России, не прошла бесследно: сегодня я получил безыменное письмо, с предложением выдачи двух важных государственных военных секретов нашему посланнику за 1 тысячу ен: в письме предложено мне явиться в означенное место в Уено-парке и описано лицо, которое встретит меня там для переговоров. Письмо это, по прочтении, (им — секретарем; мне он и не показал его) секретарь передал полицейским, охраняющим Миссию, ибо они предварительно просили передать им, если получится что в подобном или угрожающем Миссии роде.

14 / 27 октября 1903. Вторник

О. Петр Сибаяма пишет, что в Нагоя церковный староста Илья Миясита, фотограф, растратил бывшие у него на руках церковные деньги,

впрочем, немного, всего 34 ены, за что, однако, не был вновь выбран в церковные старосты. Миясита — один из самых старых и лучших христиан в Нагоя. Тоже — одно из предостережений, что японцу, как бы он ни был хорош, денег на руки доверять нельзя, или делать это с крайнею осторожностью.

Года четыре тому назад вышел из Катихизаторской школы некто Павел Кобаяси (Тамедзиро); родом из Ямагата; служил прежде мелким чиновником; за какую-то напраслину, по его словам, попал в тюрьму; по выходе оттуда возненавидел мир и захотел якобы посвятить себя на служение религиозному делу, поэтому попросился в христиане и потом в Катихизаторскую школу; лет ему было 45–46. В школу принят был и проучился два года. Но за все это время ни разу не отвечал ни одного урока и не держал ни одного экзамена — «не могу-де, не по летам мне». Однако при выпуске необходимо было видеть — знает ли же он что-нибудь и может ли хоть малость преподавать другим вероучение. Так как от выпускного экзамена наравне с товарищами он тоже отказался, то ему сделано было последнее снисхождение: попросил я пришедших на Собор священников сделать ему испытание; трое священников испытали и нашли, что он решительно негоден в катихизаторы — или не знает, или не может выражать своего знания — нем почти как рыба. Так как за назначаемых на катихизаторство Церковь отвечает, то Кобаяси отказано было в назначении его на катихизаторство. Это, конечно, огорчило и рассердило его. Прощаясь с ним, я сказал ему в утешение, что «еще есть средство ему попасть в число катихизаторов: пусть обратит нескольких из своих соседей или знакомых в христианство; священник приедет, испытает их в знании вероучения достаточном для получения крещения, крестит, если найдет приготовленными, и тогда самое дело заявит, что он, Кобаяси, может преподавать вероучение, и на следующем Соборе он будет, по засвидетельствовании от священника, включен в список катихизаторов и станет получать должное содержание». Но сего не было. И о Кобаяси до сих пор ничего не было известно. Сегодня я получил от протестантского миссионера Немецкой Реформатской Миссии в Сендае Шнедера письмо, которым он спрашивает: «По какой причине Кобаяси Тамедзиро выбыл из нашей здешней школы? Он ныне просится в Семинарию (sic! Seminary), заведующую им — Шнедером — в Сендае, и говорит, что учился прежде здесь — так хочется иметь сведения, каков он человек». Я тотчас же ответил, что «знал Кобаяси за человека доброй нравственности и, надеюсь, что он таков и доселе». Итак, вот и из православия переход в протестантство. Наказал Кобаяси Православную Миссию расходом на его двухлетнее содержание, пусть теперь накажет Протестантскую; а желаемое им звание и, главное, содержание катихизатора едва ли и там получит.

15 / 28 октября 1903. Среда

Давид Касе, катихизатор в Акуцу, явился и плел целый час речь; насилу понял его: хочет жениться на Сусанне Омата, в августе кончившей здесь курс, но подозревает, будто она солгала ему, написав, что Елисавета Котама, начальница здешнего училища, сватает ему ее. Послал его к Котама удостовериться, но советовал не бросать мысли жениться на Омата: она подходящая ему невеста и станет помогать ему служить Церкви. Один же он так вял и плох по службе; в Ооцуцу, где он прежде был, его просто возненавидели и выжили оттуда.

16 / 29 октября 1903. Четверг

Старик Rev. Greene, американский миссионер, еще просит статью «An Account of the Work of Our Church for the Year 1903» для помещения в готовимой им к выходу в будущем феврале книжке: «The Christian Movement in its Relation to the New Life in Japan», статью в 10–15 страниц. Есть когда писать подобные статьи! Ответил, что дам сведений не больше как на страницу.

Вечером мы с Накаем начали разметку Евангелия по «зачалам» с показанием порядка церковных чтений — как начинать, где кончать. Продолжит это дело Акила Кадзима, которого мы потом проверим. Пора подумать о напечатании Евангелия и Апостола для чтения в Церкви. Теперь читают часто, нелепо начиная и невпопад кончая.

17 / 30 октября 1903. Пятница

Из Сендая извещают, что о. Петр Сасагава почти безнадежно болен. Послано на лечение.

О. Петр Ямагаки пишет, что Моисей Канезава, катихизатор в Ямада, опасно болен чахоткой. Послано на лекарства.

Из Мидзусава извещают, что ученик Семинарии Климент Такахаси, сын катихизатора, лечившийся дома, помер. Послано на погребение.

18 / 31 октября 1903. Суббота

Дочери лежащего в параличе о. Павла Сато, Анне, приходившей за деньгами — обычною дачею в последнее число месяца — 5 ен лично от меня и 29 ен из Канцелярии от Церкви, сказал, что еще раз 30 ноября на декабрь будет дано столько же, а с января дача в Канцелярии уменьшится наполовину, от меня же прекратится: пусть помогает содержать отца с семьей сын Иосия, в июне вышедший на службу чиновником — получает жалованье, достаточное для того.

Вместо о. Алексея Савабе приходила за деньгами в Канцелярию, где выдается жалованье, и ко мне (лично от меня о. Павлу 9 ен и о. Алексею 4 ены 50 сен) жена о. Алексея и говорила, что он болен головными болями. Это весьма жаль. Еще один священник заболел!

19 октября / 1 ноября 1903. Воскресенье

Каждый воскресный номер «Дзидзи Симпоо», газеты серьезной, вроде нашего «Нового Времени», выходит со страницей карикатур. Сегодня полстраницы занимала следующая карикатура: заглавие «Ёку-фуаки яро-но юме» — «сон жадного мазурика», причем «яро» (мазурик, негодяй) изображено знаками: «я» — дикий, «ро» — Россия, значит можно читать «сон жадного русского дикаря». Картинки: 1-я — мазурик спит глубоко и сладко; изображен, действительно, настоящим мазуриком, с штанами, продранными на коленях, с истасканной шляпой; 2-я — мазурик стоит и с восхищением видит на земле гнездо яиц, на которых иероглифами изображено «Манчжурия»; тут же около стоит бутылка водки с ярлыком: «Желтое море»; 3-я — мазурик берет на руки яйца и бутылку и стоит с ними, а перед ним петух, на хвосте которого значится тоже Манчжурия, 4-я — мазурик сидит и ножом потрошит петуха; 5-я — у очага варит петуха и держит бутылку, видимо, наслаждаясь перспективой на славу угоститься, 6-я и последняя: но это ему не удалось — японский офицер с саблей у бока указывает пальцем ему «вон» и мазурик с лицом, изображающим ужас, и согнутый, в страхе готовится задать стрелка. И вот как представляют Россию! Натрубили же в уши японцам англичане, что они уже великая и образованная нация, а Россия все еще пребывает дикою и при этом варварски жадною и бессовестною!

На днях один русский вояжёр, майор Созонов из Хабаровска, ныне пребывающий здесь, зашел в одну японскую редакцию, как сам тоже пишущий корреспонденции, и в разговоре там упомянул, что «это англичане натравливают Японию на Россию»; слова его появились в газете; третьего дня редактор «Japan Daily Mail», капитан Бринкли привел это мнение русского в своей газете и распушил же его за клевету на англичан! «Пусть г. Созонов укажет хоть одну английскую газету в Японии, которая в какой-либо своей статье возбуждала бы японцев к войне с Россией», — заключает он свою реплику. Про другие английские газеты в Японии не знаю, а «Japan Daily Mail» ежедневно просматриваю, и вот уже несколько месяцев ни единого-единственного номера не было без нападок на Россию, без ругательств по ее адресу, самых мерзких и в то же время самых ехидных; в каждом номере непременно фигурируют и Манчжурский вопрос, и Китай, и Корея, и ко всему Бринкли придирается, чтоб огрызнуться на Россию и улыбающаяся оскалит зубы, обращаясь к Японии. Материал у него неистощимый: из газет всего света тащит

грязь на Россию, где бы ни выразились недоброжелательно или мерзко о России — в «Japan Daily Mail» это тотчас же появится, и все с ехидными толкованиями и приложениями, пересыпаемыми «мы — ничего, мы дурного не говорим, мы войны не желаем», но «японское же терпение вконец истощилось от истинно чудовищной бессовестности, лживости, жадности России!» «Лопается, наконец, терпение японцев, и мы не удивляемся тому — это законный ход вещей», «Россия должна же, наконец, поплатиться за свое феноменальное вероломство» и так далее, и все в этом роде, и каждый номер — одно и то же, так что отвращение берет просто даже взглядывать на эти мерзостные пасквили. Из японских газет Mg. Glinky каждую спичку, направленную на Россию, выудит, отшлифует, приумножит и пустит в другие японские газеты целой стальной щетиной, готовой на Россию. И при всем этом «он не виноват в возбуждении Японии против России!» Просто какая-то дьявольская бессовестность! Чему же удивляться, что ползающие пред Англией японцы рисуют вот карикатуры, вроде вышеозначенной?

20 октября / 2 ноября 1903. Понедельник

Симеон Томии катихизатор в Тега (в Симооса провинции) пишет, между прочим, что и бонзы стараются пользоваться нынешним военным возбуждением Японии против России, чтобы заграждать путь православною проповеди: там везде они оповещают, что «Правительство по разрыве с Россией воздвигнет гонение на всех, подавших христианству, пришедшему из России; итак, не должно слушать православных проповедников». Все на Православие, только Бог за него!

Вечером всенощная пред завтрашним японским праздником; все учащиеся были в Церкви; пели старшие ученики Семинарии. Мы с Накаем дома занимались переводом.

21 октября / 3 ноября 1903. Вторник.

Русский праздник Восшествия на престол.

Японский — рождение Императора

С 7-ми часов Литургия, отслуженная о. Романом, при пении хоров. На молебен выходил и я. В Посольство паше не поехал на наш молебен, — уши еще болят, выезжать на ветер опасно; поздравил посланника письменно. Затем целый день занимался в библиотеке введением в каталог переплетенных книг.

Вечером в Семинарии «Симбоквай», на который я дал 5 ен; я не пошел туда, а стал с 6-ти часов, по обычаю, с Накаем переводить; но не прошло часа, как Накай заболел и должен был уйти домой: причина — «похоть очес» — многочасовое глаzenie в Уено стоя, на какие-то дрянные

диковины; усталый, пообедал дома и пришел сюда, а тут непрерывная отрыжка, кончившаяся сердцебиением. Удивительная жадность у всех японцев, не исключая таких серьезных и пожилых, как Накаи, на всевозможные зрелища! И знает человек, что вредно, а похоти очес и юркости своей сдержать не может.

22 октября / 4 ноября 1903. Среда

Rev. Jefferys, американский епископальный миссионер, из Сендая пишет: «губернатор там отвел место для кладбища американцам и обещал сделать то же для кладбища протестантским японским христианам: не время ли похлопотать о том же и православным христианам? Вот о. Сасагава болен; ежели помрет, ужели похоронить его на буддийском кладбище? Просили бы теперь место подряд с протестантским кладбищем». Правда. Наши христиане несколько лет тому назад хлопотали о месте для кладбища; но им давали какое-то совсем неудобное; они не приняли его, и дело на том остановилось. Теперь благовременно вновь похлопотать. Поблагодарил Жеффериса за участие и написал о. Иоанну Катакура (за болезнью о. Сасагава) и диакону Титу Кано – хлопотать.

О. Симеон Юкава с Формозы пишет, что христиане усердно приняли его; 7 человек он вновь крестил; из них большие были научены Яковом Мацудаира (бывшим Нива). О его прибытии туда и о всех действиях там печатается в тамошних газетах, вырезки из которых приложены при его письме. «Непременно-де нужно туда катихизатора, (а где его взять?) и оный уже обещан». Подробности обещает рассказать, вернувшись.

23 октября / 5 ноября 1903. Четверг

Павел Сайто, катихизатор в Оота и Мито, пишет: «Одна девица, еще не крещенная, 20 лет, кончившая курс в школе сиделок и в школе повивальных бабок, хочет сделаться проповедницей, почему просится в здешнюю Женскую школу». Для проповедницы она молода; а то, что, кончивши в двух школах и не служа по тем частям, просится в третью, показывает ее ненадежную юркость. Впрочем, отдал письмо на рассмотрение в Женскую школу, откуда пришел ответ: «Во-1-х, в школе не преподаются духовные предметы достаточно для образования проповедницы, во-2-х, в школу нельзя принять, не зная, что за личность». В таком роде и отвечено Павлу Сайто.

Был «Павел Павлович Воронов, Командир Приморского Драгунского Полка», с женой Евдокией Алексеевной, урожденной Старцевой, четыре года тому назад повенчанные здесь. Он прибыл на японские маневры. Японский Военный Министр и все военные очень к нему любезны, так что едва ли мы накануне войны с Японией, тем более, что, по словам

Воронова, у нас к войне совсем готовы. Дал ему напечатанную в «Дзидзи-Симпоо» в прошлое воскресенье на русских карикатуру, которая очень заинтересовала его.

24 октября / 6 ноября 1903. Пятница

Японский гражданский праздник. Школы не учились. Мы с Накаем переводили.

Из Кагосима Николай Ёсида с христианами прислал прошение, подтвержденное о. Яковом Тихая: «Дать им 7–8 ен в месяц на наем дома для проповеди внутри города; церковный дом-де на краю». Ответил согласием и писал по-русски Николаю Ёсида, чтобы прилежно занимался проповедью и постарался оживить Церковь, которая давно уже в полном застое, не дает новых христиан.

25 октября / 7 ноября 1903. Суббота

О. Роман Фукуи пишет, что был в Токоро, 8 ри от Абасири, где также нашел усердных христиан; между ними — Даниил Танака, учившийся некоторое время в Семинарии, там аптекарем теперь и очень благочестив. Так-то по всем городам и селениям в Хоккайдо рассеяны наши христиане и везде, благодарение Богу, хранят веру. Только нужно посещать их и преподавать им святые таинства, которые они с великою радостью принимают, как пишет о. Роман.

26 октября / 8 ноября 1903. Воскресенье

О. Симеон Юкава возвратился с острова Формозы. Нашел он там 33 дома наших христиан и в них 44 христианина. Приняли его очень радостно. Он преподавал им святые таинства исповеди и причастия. Просят они очень — присланным чрез о. Симеона коллективным прошением — священника и катихизатора туда. Но первого нельзя дать — решительно некого; катихизатором же обещан Лин Такахаси, что ныне в Оби; он туда желает, и его желают; если до времени Собора желания не изменятся и если он сам заявит в Оби, что желает на Формозу, то и пусть отправляется вместе с женой, непременно с женой, иначе ненадежно будет его там пребывание и может быть бесполезно. Христиане поусердствовали и пожертвованиями: дорожных о. Симеону собрали 30 ен, так что он из 100 ен, данных мною ему на путь, 30 возвратил мне; собрали еще на обзаведение молитвенной комнаты необходимостями 30 ен.

Между христианами там оказался Григорий Мацуяма, 25 лет тому назад учившийся в Катихизаторской школе, 22 года назад отщепеншийся от христианства и ушедший обратно в буддизм, враждебно писавший

против христианства; единственный уроженец Кёото, в старые времена сделавшийся таким неудачным представителем в Церкви Японской Москвы. Ныне он в Тайхоку живет зажиточным закладчиком, и христианское сердце в нем возродилось; знать был уголок в его душе, где и в самое мрачное для него время продолжала обитать незаметно для него благодать Божия, ныне и оказавшаяся. Благодарение Господу, всегда милосердному! Мацуяма еще не удостоен таинств Церкви, сам считает себя еще не заслуживающим полного прощения; но молится вместе с христианами, жертвует на Церковь; прислал мне свою карточку и просит книгу Св. Киприана одолжить ему, чтобы кончить перевод статьи «О Церкви», который начат им, по моему предложению, 23 года тому назад и не кончен.

Другой христианин, тоже потерянный было из вида, найден там в лице Марка Одадзима, бывшего когда-то учеником Певческой школы здесь, по выходе женившийся на старшей дочери о. Петра Сасагава, разошедшийся с нею, по вине обоих; ныне служащий почтовым чиновником на Формозе. Он тоже прислал мне карточку. В ответ обоим я послал свою и христианские книги для чтения им и вящего оживления христианского настроения.

Рассказывал о. Симеон и многое другое как про наших христиан, так и положении и численности инославных там. В подробности все это он напечатает в «Сейкёо-Симпо» для сведения всей нашей Церкви.

27 октября / 9 ноября 1903. Понедельник

О. Федор Мидзуно принес письмо Павла Ниицума (расстриженного), с тревогой написанное и вопрошающее: «Что ему делать?» Оказывается: надули его, когда женился он во второй раз; катихизатор Филипп Узава сватал ему вдову, а у ней муж жив; неизвестно, Узава знал об этом или нет, но она-то, конечно, знала. Так спрашивает Ниицума: не бросить ли ему жену, предоставив ее первому мужу — который, однако, не видно из письма, чтобы изъяснял на нее притязание. Я ответил: «Так как все происшедшее с его женой — выход замуж и развод с мужем — было в её языческое время, то жить ныне не сумняся с нею».

28 октября / 10 ноября 1903. Вторник

Из Академии Наук пришло несколько пакетов — «Записок Академических» — в дар Миссии. Пришли книги почему-то чрез японское Министрство иностранных Дел. Вероятно, это в возмездие дара Миссии здешних книг, посланных Академии лет семь тому назад. Нужно будет послать Академии миссийские книги, накопившиеся выходом со времени отправления тех.

29 октября / 11 ноября 1903. Среда

О. Петр Сибаяма извещает, что помер в Оогаки адвокат Павел Секигуци, лучший и почти единственный там христианин, со всем своим семейством твердо хранивший христианство несмотря на то, что там и катихизатора не было. Недавно только о. Петр поместил там катихизатора Павла Терасима, и вот у него не стало доброго помощника там для расширения дела проповеди. Царство ему Небесное!

30 октября / 12 ноября 1903. Четверг

О. Яков Мацуда, из Окаяма, пишет: «Катихизатор Николай Исикава заболел и положен в госпиталь; без него петь в Церкви некому, можно ли без пения, а только с чтением служить Литургию?» Ответчено: «Пусть хоть плохо поют помогавшие Николаю Исикава; без пения Литургии быть не подобает». Спрашивает еще: «Можно ли псаломщику служить без стихаря?» Можно. Еще: «Можно ли дать молитву родильнице и младенцу, когда сошлись жить брачно без брака?» Можно.

31 октября / 13 ноября 1903. Пятница

Ныне идет у нас с Накаем перевод службы «Трем Святителям в Праздничной Минее» — и что это за трудности в канонах Евхаита! А без греческого текста и совсем не понять бы их! Как жаль, что не исправляют славянский текст Богослужения! Давно пора сделать это. Теперь почти наполовину для молящихся — точно мед в закрытых ячейках.

1 / 14 ноября 1903. Суббота

Сегодня за Литургией и панихидой помянули за упокой рабы Божьей Марии Александровны, княгини Мещерской (урожденной Паниной), очень благочестивой московской аристократки, с таким сочувствием отнесшейся к делу Миссии, когда я был в России в 1880 г., и немало благотворившей ей, особенно через своих детей, из них же особенно чрез княжну Александру Николаевну, ныне княгиню Голицыну. Вчера я прочитал в Московских Ведомостях некролог Марии Александровны. Упокой Господи душу ее в селениях праведных и пошли побольше России таких благочестивых людей!

2 / 15 ноября 1903. Воскресенье

После Литургии зашли оба брата князя Доде [sic] — Лука и Стефан — и рассказали с немалою радостью, что их старший брат приготовился к

крещению и уже был бы крещен в Отару, если бы о. Николай Сакурай не заболел до невозможности прибыть из Саппоро в Отару. Оказывается, это и есть Катакура, о котором недавно писал катихизатор Павел Мацумото, что человек хорошей фамилии и прочее. Он поступил приемным в дом богатого землевладельца на Эзо Катакура, родом из Сендая, и женился на его дочери, в младенчестве крещеной в протестантство; чрез чтение христианских книг, которыми достаточно снабжен от братьев, в свободное от своих официальных занятий по рыбоводству время и из слушания катихизатора Павла Мацумото, так как главная станция его на островке близ Отару, он хорошо усвоил вероучение и просит крещения. Пошли ему Бог благодать истинного христианства!

3 / 16 ноября 1903. Понедельник

Спиридон Оосима, один из самых старых катихизаторов, ныне состоящий в Кама и Оокайдо, поражен параличом и, кроме того, желудочным раком, как опасаются; дети пишут, просят помолиться о нем. Спаси его Господи! Но едва ли он долгий жилец в сем мире; легкое параличное состояние у него давно уже; и лета его (около 68-ми) уже такие, что организму не под силу побороть серьезные болезни.

4 / 17 ноября 1903. Вторник

Miss Holland, епископальная миссионерка, опять прислала свои брошюры с письмом, просящим способствовать распространению их по Японии. Брошюры по 1 сен; нисколько не в сектарианском духе, а только показывают вообще, как христиане думают и действуют. Например, брошюрка о привидениях, которую я тотчас же прочитал, объясняет, что привидений нет, бояться их нечего, мать убеждает в этом сынишку, которого напугали рассказами о привидениях. В брошюрке ни слова про христианство. По словам Miss Holland, эти брошюрки предназначаются только для того, чтобы приближать японцев к христианству. Дело хорошее, хотя мизерное и пустоватое; только картинки уж очень плохие, чего же и ждать за 1 сен? Я написал ей, что мы поместим объявление о брошюрках в наших периодических изданиях, больше что же мы сделаем?

5 / 18 ноября 1903. Среда

Телеграммой извещают, что катихизатор Спиридон Оосима помер. Послал 10 ен на погребение, а в субботу здесь отслужим соборне панихиду.

О. Петр Сибаяма пространным письмом описывает похороны Павла Секигучи в Оогаки; хоронили очень торжественно, так как он был уважаем в городе, служил по избранию членом Губернского совета (кенкай-гиин).

6 / 19 ноября 1903. Четверг

О. Алексей Савабе приходил заявить, что христиане его прихода (мирные) положили собирать с себя деньги на постройку нового храма, так как нынешний и мал и стар; лет в 5–6 надеются собрать тысячи две; О. Сергей Глебов обещал дать им от себя 500 ен. Дело хорошее. Но я убеждал еще о. Алексея постараться, насколько сможет, привлечь к себе немирных; теперь они успокоились, раздражение улеглось, пусть он посещает их и уговаривает. Если успеет, то в будущем году к Собору может быть составлено общее прошение о поставлении еще священника для прихода оо. Савабе, по причине обширности его; тогда разлад церковный в Коодзимацци сам собою прекратится. О. Алексей на этот раз был благодушен и наставление мое, по-видимому, принял; едва ли только исполнит.

Стефан Кондо, старик, много лет служивший катихизатором, в последнее время практиковавший как «хари-ися», поражен параличом, пред чем постился так, что последние пять дней ни разу не ел. Беден, много детей; приходил И. А. Сенума просить принять дочь Стефана в школу, что и будет сделано.

7 / 20 ноября 1903. Пятница

От о. Сергия Судзуки из Оосака довольно хорошее письмо: в Вакаяма Церковь в оживленном состоянии; крестил там 5 человек; на обратном пути был в городе Симоцци, в Ямато, где есть христиане из Вакаяма, Лука Оосима с большой семьей; 5 лет они не видели священника, но сохранили живым благочестие; ныне с большою радостью все исповедались и приобщились Святых Тайн.

О. Федор Мидзуно приходил спросить от Павла Ниицума: «С ним живет племянник Лука, жена которого в отлучке; боится Ниицума оставить дом и в нем Луку с своей собственной женой, не было бы греха между ними; так идти ли ему, как предположено прежде, помогать катихизаторам по проповеди?» Я ответил: «Пусть остается дома и хранит чистоту и мир домашних». Как видно, потерял он доверие к своей жене; пусть же не расстроится между ними вконец мир и согласие.

8 / 21 ноября 1903. Суббота

Сегодня подали мне кучу газетных вырезок, в которых фигурирует мое имя, как якобы подкупателя шпионов здесь в пользу России. В иных

я прямо и называюсь «главою всех русских шпионов в Японии». Дело в следующем. То письмо, о котором помечено 13 (26) октября, на которое от меня не было никакого ответа набивавшемуся в шпионы шантажисту, было не одно, за тем последовали и другие два — от 27 числа нового стиля и от 30. После 2-го письма шантажист ожидал меня или посланца от меня с 1500 ен за обещаемые им важные секреты. Так как его письма передаваемы были из канцелярии полицейским, охраняющим Миссию, то вышел к нему на условленное место переодетый полицейский, который проследил его, когда он возвращался из Уенопарка до его квартиры в Хонго, и узнал, кто это. Оказался: Окада Куматаро, 37 лет, осужденный за взяточничество, когда служил в одной школе в Оосака, на 2 месяца тюрьмы и 15 ен штрафа, с уплатою еще 200 ен полученной им взятки; не сидит в тюрьме только потому, что подал на апелляцию и ждет дальнейшего решения; жена и трое детей; жена открыла лавочку письменных принадлежностей, и этим семейство скудно питается. Но Окада, в крайней своей бедности, не от меня только задумал раздобыться средствами, а и в другом месте, именно: так как теперь многие недовольны Маркизом Ито Хиробуми за то, что он именно будто бы не дает объявить войну России, то Окада адресовал к нему письмо в таком роде: «Составилась шайка убийц на вас; если не хотите быть убитым, то вышлите мне в такое-то место какую-то сумму; я за это выдам вам список всех, сговорившихся убить вас». Полицейский офицер пришел в канцелярию и рассказал секретарям все это, вместе и то, что Окада арестован. Дальше следуют газетные известия: «По арестовании, полицмейстер два часа наедине допрашивал Окада, и оказалось верным то, что у него было заключено условие с Николаем выдать ему важные японские секреты за 1500 ен, и только арестом Окада было предупреждено исполнение этого преступного дела». Причем от газетчиков достается Окада, перепадает и на мою долю. Арестовали его, конечно, вовсе не из-за писем ко мне, совершенно ничтожных по значению, а по соприкосновению с Маркизом Ито; но публике это не выдается, как дело политическое, и приходится отдуваться мне. Дело-то не стоит внимания, но христиане могут смущаться толками, неблагоприятными для их епископа, а инославные не преминут раздувать клевету. Итак, я сказал, чтоб в газеты послано было из нашей редакции опровержение; в наших же периодических изданиях чтоб обстоятельно было разъяснено, что я к Окада не имею никакого отношения, ни письма его, ни его самого и в глаза не видал.

9 / 22 ноября 1903. Воскресенье

Опять куча газетных вырезок. Но сегодня ровно в десяти лучших газетах токейских уже ни слова нет про «якусоку» (обещание), будто бы

заключенное мною с Окада, а напротив, говорится, что «я не поверил Окада и сам выдал его письма полиции». Только все-таки мешают мое имя, тогда как я не имел ровно никакого дела с Окада и его письмами; все шло чрез канцелярию и полицейских, но этого не говорится в газетах. А одна, впрочем, ничтожная газетка: «Яматосимбун», вопреки всем, с грязью мешает мое имя, за «такое предательское дело, как подкуп японцев и подрыв Японии, по примеру какого-то Иннокентия, который подкопался под какое-то государство и предал его России».

10 / 23 ноября 1903. Понедельник.
Японский гражданский праздник

В школах классов не было. Мы с Накаем целый день не переводили, зато я перевел множество расписок к отчетам. «Сёокейся» в Женской школе (общество издательниц «Уранисики») справляла сегодня годовщину издания «Уранисики», 11-го с начала издания. Хотели для этого отправиться на прогулку в Оомию все писательницы с Павлом Накаи и Петром Исикава, для чего я дал 5 ен (дается, впрочем, ежегодно для этого их дня) на общество и 1 ен Накаю на курума, но пасмурная погода помешала.

11 / 24 ноября 1903. Вторник

Сегодня и в «Japan Mail» об Окада и мне — из японской газеты — будто я нанимал его выдать японские секреты России, с отрицанием, впрочем, моей виновности и упомянутом в конце статейки, что я сам выдал Окада полиции.

В японских газетах сегодня извещается, что Андрей Минамото, академик наш, изменивший своему назначению служить Церкви и переманенный на службу Консульства в Нагасаки, уволен от службы в Консульстве, причем в одной газете упомянуто, будто это сделано за то, что он выдал японцам некоторые секреты русских — за что, конечно, делается хороший отзыв о нем. Уволен же он, вероятно, за леность и вялость; вообще за неспособность хорошо служить в Консульстве, о чем нагасакинский консул князь Гагарин каждый раз упоминал, когда в разговоре со мной случалось ему упомянуть о Минамото.

Вчера и сегодня писатели «Сейкёо-Симпо» Петр Исикава, Павел Ямада, Исайя Мидзусима и Акила Кадзима приходили жаловаться на Савву Хорие, что он стесняет их и мешает улучшить журнал. Сам он никогда ничего не пишет для журнала, а только заведует изданием его и хозяйственной частью; члены «Айайся», переводчики религиозных книг, тоже никогда ничего не дают для журнала, а между тем, участвуют в совете по его изданию, держа всегда сторону Хорие и мешая писателям.

Так, им, писателям, хотелось бы разослать «Сейкёо-Симпо» в некоторые светские редакции, в некоторые учебные заведения, например, в Университеты, а Хорие возражает: «Да какая польза из того?» — и не позволяет, между тем как польза, конечно, была бы — популяризирование христианства; или их статьи иногда выходят на пол-листа или лист длиннее обычного числа листов — Хорие не позволяет этого излишка печатать. Кроме всего этого, чуть что станешь говорить ему, сердится и сердится, чем отбивает желающих писать для журнала; так он отбил, например, о. Симеона Мии, рассорившись с ним, когда тот еще служил при Семинарии.

Я сказал, что ничего не пишущие для журнала переводчики в совещаниях о журнале не должны участвовать; разослать журнал в почтенные места могут. Если в чем не будут сходитья мнениями с Хорие, пусть говорят мне; безрезонного не будет позволено Хорие; всякий резон будет принят во внимание, и сделано будет все полезное для журнала и для Церкви. Но пусть они извиняют Хорие его вспыльчивость и пусть уважают его 23-летнее служение журналу и его седины. Они обещали всячески блюсти мир с ним.

Молодой писатель для журналов, Акила Кадзима, только что кончивший ныне курс в Семинарии, начинает расправлять крылья. Он очень трудолюбив и с практическим направлением; разные планы у него насчет расширения продажи миссийских книг и увеличения числа подписчиков на журналы — и планы не на ветер: для «Сейкёо Ёова» он уже приобрел человек сто новых подписчиков.

12 / 25 ноября 1903. Среда

О. Яков Такай просит катихизатора для Хитоёси на место умершего Оциай. Но где же взять? Отвечено, чтоб до Собора поручил заведование Церковью лучшему из тамошних «гиюу».

Из Сендая извещают, что о. Петру Сасагава лучше; быть может, поправится. Посещение Церковей его ведения поручено о. Иоанну Катакура.

Из России, из Консистории Санкт-Петербургской — извещение, что о. Вениамин, бывший здесь миссионером, священство и монашество с себя снял.

13 / 26 ноября 1903. Четверг

Был в Иокохаме в банках, так как вчера пришло из Казны содержание на 1-е полугодие следующего года. Тоже хорошо, что в трех банках спросил размен: в русском сказали на 125 ен меньше, в Chartered на 64 ены меньше, чем в Hong-Kong банке. Из пришедшей суммы, разменной в последнем, двадцать тысяч взял и положил в Токио, в банк

Мицубиси, на 6 месяцев на 5%, хотя военные слухи еще очень сильны, и опасность потерять сумму в случае войны есть. Но, даст Бог, обойдется благополучно.

Из Кёото о. Симеон пишет, что лечение его идет успешно. Дай Бог! Просит 27 ен 68 сен на уплату за 120 саженцев хиноки, моми и суги для двора Миссии и посадку их; расход неожиданный; и куда там усажено такое количество?

14 / 27 ноября 1903. Пятница

О. Федор Мидзуно вернулся из Коофу, где пробыл неделю, исполняя требы. Крещено трое. Исповеданы и приобщены все, за исключением одного охладевшего дома. Новые слушатели у Стефана Тадзима есть, только проповедует он неусердно. Место очень надежное для распространения христианства, по словам о. Мидзуно; протестанты там весьма успешны, хотя католики совсем в упадке. Нам нужно во время Собора позаботиться назначить туда более деятельного проповедника.

15 / 28 ноября 1903. Суббота

Был Павел Вакуя, сын Василия, когда-то учившегося в Семинарии с целью служить Церкви, но изменившего своему назначению. Ныне сей Василий врачом в Сендае; сын его тоже ныне получил диплом врача, кончив курс в Медицинской школе в Сендае. Теперь он едет в Америку продолжить свое медицинское образование. Отец его просил письма от меня о. Севастиану Дабовичу в Сан-Франциско. Я дал письмо с просьбой позаботиться о молодом человеке и благословил его иконой Спасителя.

Был Роспопов Ник. Алек., чиновник Министерства Финансов, живущий здесь. Вот пессимист-то! Все ругает, особенно свое русское. Это в России только возможны такие беспардонные ругатели, как Роспопов и Ванновский. Тягота душевная говорить с ними, точно в курной избе час проведешь — дым глаза ест.

16 / 29 ноября 1903. Воскресенье

После обедни зашла Софья Китагава, начальница Сиротского приюта, и рассказала про свое путешествие в Кёото для сбора на постройку приюта. Успела там заинтересовать профессоров Университета, и при помощи их устроен был в театре «энзэцу квай», на который собралось до двухсот человек; говорили о приюте и необходимости помочь ему профессора и о. Симеон Мии, которому, при его болезни, доктор позволил продолжить речь не долее 20 минут. Собрано около 500 ен в пользу приюта.

17 / 30 ноября 1903. Понедельник

О. Роман Фукуи подробно описывает свое посещение христиан на острове Кунашире. Все с радостью принимали его, исповедались и приобщались Святых Тайн; но оказались и охладевшие от многолетнего разобщения с священником и Церковью. Трогателен рассказ об одной христианке. Когда он обедал однажды в небольшой таверне, послышалось, что неподалеку медведь, и все из дома ушли на облаву его; осталась одна молодая женщина, хозяйка, которая со слезами бросилась в ноги о. Роману и объявила, что она христианка, но что в этой семье все ненавистники христианства, и она принуждена скрывать свою веру. Родом она из Ооцуцу, где крещена маленькою, и, будучи 11–12-летней девочкою, постоянно ходила в Церковь, пела при богослужениях и слушала поучения; но ее отдали в эту семью, где она ныне, чтоб она, подросши, вышла замуж, и вот она здесь ныне много лет без всякого христианского утешения, но не забывшая христианских поучений и не утратившая своей детской веры, хотя и принуждена скрывать ее. О. Роман, насколько можно, утешил ее словом участия и будет иметь ее в виду при дальнейших посещениях острова.

18 ноября / 1 декабря 1903. Вторник

О. Сергей Судзуки описывает свою поездку по Церквам в Циукоку. Христиане исповедались и приобщались; но нигде ни одного крещения; особенно безнадежно в Акаси, где бездеятельнейший из катихизаторов Макарий Наказава. О. Сергей пишет, что много мешали ныне производящиеся там военные маневры; из-за этого будто бы и крещений не было; некогда, мол, было готовиться. Так! Плохим все — помеха!

19 ноября / 2 декабря 1903. Среда

О. Николай Сакураи пишет, что «в Суцу происходит затруднение в получении денег за проданную церковную землю и здание». Продали за 600 ен; участок хоть в самом центре города, но мал, а за 600 ен можно большой купить на окраине, которая со временем тоже окажется внутри города, потому и продали. Соображение, по-видимому, недурно, а конец чуть ли не выйдет плохой,— деньги едва ли получают. Не нужно было попадаться на удочку прожектера какого-то.

Лука Ясуми пишет, что в Мацукава христиане приторговали дом и земельку под ним очень сходно, за 200 ен, и очень хотят приобрести для Церкви, но собрали себе только 80 ен и никак не могут дать больше. Просит Ясуми от меня 120 ен. Но, во-первых, не священник пишет об этом; во-вторых, где же мне набраться денег на подобные просьбы?

Впрочем, сказал я секретарю Сергею Нумабе частным образом узнать у священника о. И. Катакура, верно ли то, что пишет Ясуми?

20 ноября / 3 декабря 1903. Четверг

Болезнь ушей приводит в уныние; все хуже и хуже слышу. Кажется, не обойтись без доктора.

Получил сегодня от англичан «Bishop and Mrs Awdry», что они «at home Saturday, Dec. 5th from 3 to 5» и приглашают «to meet Bishop Ridley of Caledonia», но должен был ответить, что не могу воспользоваться приглашением за болезнью.

21 ноября / 4 декабря 1903. Пятница. Праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы

Обычное праздничное Богослужение в правом приделе, что в честь Введения во храм Пресвятой Богородицы. Из города в Церкви весьма мало.

Секретаря Миссии Давида Фудзисава вызывали в суд (Сайбансё) в качестве свидетеля по делу Окада; спрашивали, какое отношение имеет Окада к Миссии и ко мне; Давид объяснил, что не было и нет никакого отношения; полученные от него письма, без заявления их мне, отдавались полиции — вот и все.

22 ноября / 5 декабря 1903. Суббота

О. Симеон Юкава получил известие с Формозы, что Яков Мацудаира сбежал оттуда, должно быть, от наделанных долгов. Этот человек не может существовать без мошенничанья, хотя имеет настолько ума и деловитости, что мог бы отлично просуществовать уважаемым честным человеком. Одних жен у него ныне живых три: одна в Кагосима, с двумя детьми, из которых старшему лет 20, две на Формозе, из которых у одной, старшей, с которою считается в разводе, четверо детей; один из них, шестнадцатилетний молодой человек, уже служит там в компании, и все очень хвалят его ум и честность; а он стыдится поступков своего отца. Жена эта взята им, когда он был в протестантстве, обращена им в христианство, и ныне она — православная, со всеми детьми, и весьма благочестивая, по отзыву о. Симеона. Третья жена — молодая, с которою он жил теперь на Формозе, родом из Ионако, из православного семейства; с ним не венчана; живет у него два года и тоже имеет ребенка. И ведь как хлопотал он, чтоб о. Симеон посетил Формозу! А прежде того длиннейшие послания писал и мне, и Собору, убеждая поставить священника и дать катихизатора для Формозы. Речь у него золотая; был

когда-то красноречивым катихизатором; не потерял и до сих пор ни знания веры, ни умения убеждать: доказательство — обращение им в православие семейства в Ионако, из которого он добыл свою последнюю жену. Бросил ли он и ее, и что дальше учинит, неизвестно. Хорошо еще, что он по возвращении в православие не принят вполне в Церковь и не участвует в таинствах.

23 ноября / 6 декабря 1903. Воскресенье

Из Канума была христианка, которая очень хвалилась оживлением своей Церкви, а про Уцуномия говорила, что Церковь совсем в упадке, несмотря на то, что там — местопребывание священника о. Тита Комацу; зато катихизатор здесь — Иоанн Акаси — совсем плохой.

Князь Гагарин из Нагасаки пишет, что принялся хлопотать о назначении священника для Нагасаки, и что этот священник должен, между прочим, завести школу, в которой воспитывались бы переводчики, которых ныне нет. И, кстати, упоминает, что прогнал со службы там Андрея Минамото (бежавшего с миссийской службы кандидата богословия) за недобросовестность и леность; перестал работать с тех пор, как стали в газетах писать про разлад Японии с Россией, или же на требование консула представлял ему вместо переводов из газет свои собственные выдумки.

24 ноября / 7 декабря 1903. Понедельник

Идет перевод Службы Великомученику Георгию. 2-го канона нет здесь на греческом, а славянский текст в иных местах — просто набор слов, которых не свяжешь, как ни думай. Хотел бросить, пока добуду как-нибудь греческий подлинник; впрочем, с присочинением и опущениями — пошло. О выписке из Петербурга полного Греческого Богослужбного Круга, если оный обрящется, тем не менее придется подумать. Нужно будет написать Петру Андреевичу Гильтебрандту, справщику в Синоде и хорошему знакомому.

«Summary of Religious Press» в «Japa Mail» сегодня почти вся занята выписками из статей Исайи Мидзусима и Петра Исикава; последний уж слишком идеальничает.

25 ноября / 8 декабря 1903. Вторник

В Хоцинохе не хотят Павла Сибанаи, требуют опять Игнатия Метоки, особенно тамошняя молодежь шумит об этом. А Метоки пред Собором только что выпросился из Хацинохе — «совсем бесплодное-де место». О. Борис Ямамура просит удовлетворить просьбу христиан Хацинохе.

Ладно; пусть переместятся катихизаторы опять, как были до Собора: Сибанай в Саннохе, Метоки в Хоцинохе; быть может, последнее — этим будет несколько оживлено.

Большой отчет о Бориса Ямамура о путешествии по Церквам. Безлюдно в этом году до крайности. Очевидно, нынешний разлад Японии с Россией мешает проповеди. Нигде крещений нет, нигде оживления. Только в Хиросаки жена майора Одеки, изучающего ныне русский язык в России, хлопочет о привлечении к православию своих знакомых протестанток, должно быть, товаров ее по учительству в тамошней женской школе.

26 ноября / 9 декабря 1903. Среда

Секретарь Давид Фудзисава советует пока воздержаться от приема незнакомых японцев. Вот и теперь добивается какой-то видеть меня. Раз сказали ему, что занят я (переводом на то время); пришел [в] другой раз. Спрашивает зачем? — «Дело есть».

— Какое? Здесь, кроме религиозных дел и разговоров, других нет.

— Я и пришел спросить о вере.

— В таком случае вам нет нужды видеть Николая; здесь есть другие учителя веры.

И отвели его к о. Петру Кано. Он прослушал у него катихизацию; но, вернувшись домой, написал сюда письмо, что все-таки ему нужно видеть меня — «кроме религии, есть еще другое дело», и он завтра придет на свидание со мной. Давид благоразумно советует не принимать его, и других подобных, пока пройдет это тревожное и подозрительное против всего русского время.

Получил письмо от Федора Янсена, студента Петербургской Академии, письмо с описанием его тяжелой и упорной болезни и того, как невнимательно обращались с ним в Академической больнице; просит сто рублей из своих денег, наследованных от родителей и хранящихся здесь в Миссии. Письмо очень печальное; весьма жаль его. Тотчас же я написал о. Феодору Быстрову, чтоб дал ему просимые сто рублей (которые дадут ему возможность отправиться на минеральные воды в Старую Руссу, или другое место), а ему, чтоб получил и старался поскорей вылечиться, чтоб не запускать занятий, и что, если мало, пришлю еще.

27 ноября / 10 декабря 1903. Четверг

Так как вышеозначенные письма не скоро дойдут, болезнь же не терпит, а пользуется временем въедаться глубже, то я утром отправил телеграмму о. Феодору, чтобы отдал Янсону 100 рублей на лечение; за 9 слов телеграммы взяли 18 ен 72 сен, по 2 ены 8 сен за слово.

Давид принес корзину груш от одного посетителя — язычника, и я его принял. Замечательный человек: был у него друг, христианин Андрей Хасегава; умер этот друг 17 лет тому назад, и до сих пор язычник этот не перестает поминать его и просить молиться о нем. Живет он в Ниигата и оттуда неоднократно присылал деньги на поминание его друга; а когда бывал в Токио, то лично просил до сих пор всегда о. Павла Сато служить панихиду по Андрее. И теперь вот, лишь прибыл по делам в Токио, как посетил могилу своего друга и будет просить священника отслужить панихиду. Ныне он очень печален смертью в непродолжительное время двух сыновей, матери и брата, и при всем том о друге нисколько не утратил памяти.

Но странно: сам завзятый буддист и в христианство не думает обращаться, хотя о нем имеет понятие. Человек он образованный и развитый, бывший в Англии, Франции и Бельгии, знающий отлично, что буддизм есть не что иное, как философия пантеизма; но личного Бога признать отказывается и цепко держится за свое старое вероучение, желая только улучшить жизнь бонз и привести в большой порядок внешнее управление буддийского культа. Говорил я с ним о Боге, о будущей жизни; по-видимому, верит, что души его любимых умерших не уничтожились; но все-таки говоренное мною ему — как по стене горох. Дал ему христианские книги, советовал вдуматься в них и молиться Отцу Небесному, чтоб Он открыл Себя ему; дай Бог, чтоб послужило ему в пользу, чтоб поборолись его гордость и индифферентизм! Много очень симпатичного в его душе...

Окончить разговор с ним помешал визит двух английских епископов: Bishop Awdry and Bishop of Caledonia. Последний такой мягкий, так сладко говорящий. Я с набитыми ватой ушами не все и дослышал, что он ворковал. На вид он очень благообразный, с длинной седой бородой; одних лет со мной. Я рассказал им о японце, которого они застали у меня; в ответ на это Bishop of Caledonia стал повествовать, сколько в Индии, когда он служил там, обращено было в христианство образованных браминов, а также отличной нравственности магометан.

На вопрос мой бишопу Одрей, как у него идут дела по проповеди, он отвечал, что в нынешнем году — необыкновенно успешно (прямо противоположно тому, что может сказать о себе Православная Миссия в нынешнем году). Между прочим, рассказал он, какой отличный успех у них в Женском Университете; вероучения там никакого не преподается, как во всех правительственных учебных заведениях; но все девицы проходят чрез христианские наставления учительниц английского языка, которые вместе с тем и миссионерки; девицы по 40–70 человек постоянно собираются у них на квартирах на Библейские уроки и знакомятся таким образом с христианством, которое многие и принимают, так что уже много студенток ныне — члены Английской Епископальной Церкви.

Вообще, Епископальная Церковь забирает силу в Японии. Вот статистические данные, опубликованные в 1902 в епископальном журнале «Ниццё-сооси»: епископов 6, иностранных миссионеров 64, японских священников 49, японских катехизаторов 153, диаконисс 73, всех христиан 11 451, крещено взрослых за 1901 год 907, крещено детей в 1901 году 336, пожертвований в 1901 году было (японских христиан): 18 240 ен.

Не знаю, что Господь имеет в будущем для Японии. Но если кто, то именно Епископальная Миссия – опасная соперница Православной здесь. Впрочем, будем трудиться, насколько можем, и буди воля Божья!

28 ноября / 11 декабря 1903. Пятница

Вчера Император открыл Парламент, а сегодня закрыл его. Причина следующая: в Нижней Палате вчера, после отъезда Императора, тотчас же вотирован и утвержден ответ на речь Императора. Этот ответ был заранее приготовлен в секрете председателем Нижней Палаты, которым на этот раз избран Кооно Хироюки. Разом он был прочитан и без всяких прений сгоряча принят. В нем выражено «порицание внешней политике Кабинета, печаль по этому поводу и просьба Императору – вразумить Кабинет». За это Нижняя Палата и распущена. Всему виной, значит, неулаженность нынешних переговоров с Россией. Партия войны сильно желает вовлечь Японию в войну, конечно, имея в перспективе победить Россию. Не столь горячие оптимисты думают – «хоть и не победим, а все же приобретем большое реноме, воевали-де с одной из сильнейших держав Европы» – и тоже желают войны. Самые благоразумные люди, к которым принадлежат составляющие нынешний Кабинет (Премьер Кацура, Министр иностранных дел Комура), опасаются поражения и потому не решаются на войну. Масса же страны, разумеется, желает мира. Мира и дай Бог!

Послал сегодня Miss Holland, епископальной американке, уведомление, что в нашем «Сейкё-Симпо» напечатано объявление об ее книжках, о распространении которых она неоднократно просила. Кроме того, чтоб поощрить ее, на 2 ены выписал от нее брошюрок ее, которых она и прислала 200. Брошюрки эти общехристианского содержания – сектантского ничего в них нет. Маленькое неудобство для православных детей в них разве то, что дети, читая их, могут привыкать к протестантским религиозным терминам; например, «амен», вместо «аминь», «киёки» вместо «сей нару» и подобные. Петр Исикава уже жаловался на это и говорил, что нам самим надо составлять и печатать подобные же, в 1 сен, брошюрки для детей. Яков Судзуки, по его словам, берется составлять их, и может делать это. Ладно!

29 ноября / 12 декабря 1903. Суббота

Сегодня в газетах излагается, что суд нашел виновным Окада Куматаро, бывшего Оосакского Инспектора школ, в домогательстве обманным образом получить с меня 1500 ен за выдачу будто бы важных военных секретов; но вина отнесена к числу не важных преступлений, так как его мошенническое намерение не приведено было в исполнение.

Отделил из запасной библиотеки и выдал в Семинарию много книг, чтоб там для удобства учеников была самостоятельная небольшая библиотека из серьезных религиозных книг.

30 ноября / 13 декабря 1903. Воскресенье

До обедни крещены двое, муж и жена. Причастников за Литургией было, как и в прошлое воскресенье, человек 30.

Вечером о. Феодор Мидзуно вернулся с обзора своих Церквей в Симооса; исповедал и приобщил многих, но крестил только троих у катихизатора Исидора Масуда. У Павла Ниицума, в Нанае, новая печаль: у его племянника Луки, которого он недавно женил, сбежала жена и никак не хочет возвращаться к мужу; даже собственные ее родители не могут убедить ее к тому.

1 / 14 декабря 1903. Понедельник

В 552 номере «Сейкёо-Симпо» наши три писателя: Петр Исикава, Акила Кадзима и Яков Судзуки – заступились за меня, по поводу нескольких неблагоприятных статей в газетах относительно меня, при изложении дела Окада, продававшего себя в шпионы; но их статьи, особенно последних двух, написаны так горячо и с такими грубыми выражениями и эпитетами по адресу газетчиков, что совсем неприличны, особенно для духовного журнала. Жаль, что предварительно не показали мне; конечно, я никак не позволил бы напечатать их. Сегодня только прочитал. Представители религии любви и мира, которым заповедано: «Когда клянут вас, благословляйте», так бранятся! Конечно, газеты этим воспользуются, чтоб напасть на христианство.

2 / 15 декабря 1903. Вторник

«Ямато Симбун», небольшая, но злая ненавистница России, открыла целый поход на православие в Японии по поводу бранчивых статей в «Сейкёо-Симпо», о которых замечено выше. При изложении дела Окада «Ямато Симбун» выразилась: «Мы, положим, не верим, что Николай имеет предательское сердце; однако пусть он объяснит нам, как это

Епископ Иннокентий послужил орудием в руках Императора и присоединил Амур к России?» — и прочее. За это и прочее в статье наши рыцари особенно напали на газету: «Николай, мол, на подобные глупые вопросы не имеет времени отвечать» — и прочее. «Ямато Симбун», озлясь, предприняла рядом статей доказать опасность Православной Веры для Японии. И трезвон начался! Конечно, большой беды для православной проповеди не произойдет. Так синица море грозила зажечь. Но зачем же неблагоприятными словами делать врагов? Во всяком случае нам стыдно. Вот они, когда им нужно, оказываются отличными знатоками Евангелия: целый ряд текстов выставили — «о любви к врагам, перенесении обид, кротости, уступчивости», заповедуемых христианам, и тут же из наших статей ругательные слова на газету и ее писателей: «дрянная газетка, сволочь („сяфу, батей“), дурачьё, чертова родня» и прочие подобные. Краснеем невольно, читая. Конечно, я сделал выговор писателям и сделаю еще; но учиненной глупости и неприличия поправить нельзя.

3 / 16 декабря 1903. Среда

От часу не легче! Сегодня в «Japan Daily Mail» некто Rev. Jones из Сендая опрокинулся на православие в Японии. Этот из-за статьи в «Religious Summary», бывший в «Mail» дней десять тому назад. Там сделано было извлечение из статьи Петра Исикава в «Фукуин-симпо» обо мне. Его просили написать в эту протестантскую газету что-нибудь обо мне; он и написал, и пересолодил в похвалах, между прочим сопоставил меня с протестантскими миссионерами к их невыгоде, что «Николай-де не ездит летом в горы отдыхать, как делают те, а продолжает заниматься своим делом» и прочее подобное. Сегодня Jones и отпаривает все это, и взводит, кроме того, разное на православие: «оно-де, идя из России, вводит здесь русский порок — пьянство» (и откуда он взял это?), оно «аскетично», а это для Японии не годится — «то ли дело протестантская жизнерадостность, заимствованная ими якобы от Апостола Павла!» Оно — «многообрядно», а это тоже для Японии не идет, и так далее. Если бы он взял в соображение число православных в Японии и число баптистов, несмотря ни на что у Jones'a десятки товарищей миссионеров, а православных миссионеров хоть шаром покати, — то не стал бы блудословить, что протестантство больше нравится японцам, чем православие.

Дрянное впечатление от газеты было утром. Дальнейшее сегодняшнее впечатление было еще хуже: днем получилась телеграмма, что о. Павел Кагета, священник в Оодате, умер. Смерть, должно быть, скоропостижная, так как из Оодате пять дней тому назад вернулась его дочь, учительница в здешней нашей школе, и оставила его здоровым.

Так как ближайший священник в Мориока, вероятно, в отлучке по Церквам, то пришлось отсюда отправить о. Романа Циба, кстати, уже погребавшего священника и знающего, как это делать; с ним диакона Стефана Кугимия и певца Петра Тоокайрин, так как в Оодате и катихизатора нет, петь некому; отправились и дети о. Павла — учительница Лукия и семинарист Матфей. На дорогу всем пришлось выдать 81 ену и на расходы по погребению 15 ен. Царство Небесное о. Павлу! Кроткий был человек.

4 / 17 декабря 1903. Четверг

Утром на экзаменах: в Семинарии по философии в седьмом и шестом классах, где 4 и 8 учеников, — отвечали бойко и разумно; в Катихизаторской школе по Догматике, во 2-м классе, где 12 учеников, — отвечали, кроме двух-трех, плоховато, в 1-м классе, где всего 4, — отвечал один (Димитрий Масуда из Токусима) очень хорошо, прочие недурно.

В час пополудни все учащиеся собрались в Собор, и отслужена была мнюа с о. Феодором Мидзуно панихида по о. Павле Кагета.

Павел Ямада приходил жаловаться, что Петр Исикава выключил его из Общества «Сейкё Ёова», предоставив писать только в «Уранисики» и «Сейкё-Симпо». Ссорятся сии два наши писателя и никак не хотят поладить, хотя серьезной причины к ссоре нет; только самолюбие у обоих немалое и нимало не христианское. Просил Павла Накаи позаботиться об их примирении. Он только что сладил «Айайся», члены которого были в разладе; быть может, и это ему удастся.

5 / 18 декабря 1903. Пятница

О. Василий Усуи описывает поездку по своим Церквам; крещений почти нигде; жалуется на леность своих катихизаторов: Илии Хонда в Готенба, Петра Ока в Мисима, Павла Цуда в Сюдзендзи; пишет, что вовсе не от нынешних тревожных отношений Японии к России нет успеха, а от лености и нерадения проповедников: везде есть желающие слушать учение, да проповедники молчат.

Это подтверждают письма Ефрема Ямазаки и Павла Оокава, также Павла Сайто; у них у всех есть крещения, и ни слова о каких-либо помехах проповеди от политических обстоятельств. Очень хорошее письмо от катихизатора Тимофея Ирино, из Вакаяма: одушевленное желание служить всегда Церкви. Ответил ему письмом по-русски, так как он из кончивших курс Семинарии, и послал дорожные на посещение христиан в Симомаци (Ямато).

Письмо из тюрьмы в Таката от одного заключенника: просит крещения. Ему прежде посылаемы были христианские книги по его просьбе.

Быть может, он и усвоил Христово учение умом и сердцем настолько, что может быть крещен. Отослал письмо к о. Игнатию Като; пусть, при посещении Таката, повидает этого заключенного и посмотрит, нельзя ли утешить его исполнением его просьбы; если окажется достойным крещения, чрез погружение же крестить его никак не позволят местные обстоятельства, но можно и чрез обливание.

6 / 19 декабря 1903. Суббота

Тезоименитство нашего Государя; но по болезни ушей я не отправился на молебен в Посольство, а поздравил барона Розена письмом, на которое он ответил, что у него тоже болезнь, да, по-видимому, еще в большей степени, чем у меня. Был на экзамене в Семинарии по русскому языку в четвертом классе, где 10 учеников, и во втором, где 37 и двое русских. Отвечали удовлетворительно. Очень приятно, что и наши двое начинают порядочно говорить по-японски.

7 / 20 декабря 1903. Воскресенье

До Литургии крещена жена бывшего «денкёо-ходзё» в Циба, Акияма, умершего, Анна, 56 лет; умная и хорошо знающая вероучение; очень желает, чтоб в Циба вновь назначен был катихизатор; помогать по проповеди женщинам может.

О. Яков Мацуда из Окаяма пишет: просит «перевести его с семейством на жительство в Хиросима; в Окаяма-де вода очень нездоровая — все семейство его переболело». Но именно это и я, и Собор предлагали ему во время заседаний нынешнего Собора; тогда не хотел он, а теперь просится. Отвечено, что он может жить в Хиросима и семейство перевести туда временно, на том основании, что священник вправе в пределах своего прихода останавливаться подолгу там, где сочтет это полезным для Церкви. Но официально переместить центр его прихода из Окаяма в Хиросима — подлежит Собору, так как это дело очень важное, нужно совещание и согласие представителей всех Церквей его ведения. Пусть подождет до Собора.

8 / 21 декабря 1903. Понедельник

Утром на экзамене: в пятом классе Семинарии, где 9 учеников, по Гражданской истории — хорошо отвечали, и в обоих классах Катихизаторской школы по Церковной истории — недурно.

Из писем сегодня интересно о. Андрея Метокси из Хакодате. Пишет, что пожертвований на Церковь в нынешнем году было там: 351 ена

44 сен. Но в сем числе 200 ен от господ Семенова, Демби и К^о на ремонт ограды вокруг русского кладбища и 60 ен от тамошнего русского гонсула Матвея Матвеевича Геденштрома на Церковь. Кроме того, господин Геденштром пожертвовал 100 деревьев на ремонт ограды кладбища, а Семенов и Компания обещались с 1904 года ежегодно, пока будут иметь дела в Хакодате, жертвовать на Церковь 120 ен. Просит поэтому о. Андрей написать благодарность Якову Лазаревичу Семенову и господину Демби (который сам протестант, но женат на японке и имеет 5 детей — все православные), также господину Геденштрому. Просит также написать и Якову Касавата, бывшему семинаристу, ныне переводчику у русского консула, не упускающему случая послужить Церкви. Будет написано всем.

9 / 22 декабря 1903. Вторник

Утром на экзамен не пошел, боясь еще больше простудиться, а писал письма в Россию и в Хакодате.

В Суцу (Хоккайдо), действительно, продали церковное место и здание за 600 ен; но прислал сюда катихизатор Петр Секи почему-то 550 для хранения в банке. О. Николай Сакураи удивляется, почему не все деньги присланы. Секретарь Давид Фудзисава, будучи сегодня в банке Мицуи, спросил директора: «В случае войны с Россией, не пропадут ли деньги, положенные на мое имя?» Директор ответил: «Ни в каком случае! Если будет война, то она будет у Японского Правительства с Русским, а Мицуи имеет частное дело с Николаем, Правительству не касающееся». Стало быть, и деньги Церкви Суцу будут положены в банке Мицуи на мое имя, пока понадобятся для Церкви Суцу.

10 / 23 декабря 1903. Среда

До полудня на экзамене в Женской школе по Закону Божию — превосходно отвечали, как всегда. Всех учениц ныне 81.

Вечерним занятием закончено на нынешний год по переводу Богослужения. Переведено с начала сентября 17 служб из Праздничной Минеи — по службе в неделю. Всего ныне переведено 31 служба. Слава Богу и за это! В будущем году, быть может, Господь даст окончить и напечатать Праздничную Минею.

11 / 24 декабря 1903. Четверг

До полудня на экзамене в Женской школе по Закону Божию.

С погребения о. Павла Кагета, из Оодате, возвратились о. Роман Циба, диакон Стефан Кугимия и певец Петр Тоокайрин. Умер о. Кагета

от кровоизлияния в мозг. Остались после него, кроме жены, дети, о которых Церкви следует позаботиться: сын, имеющий в будущем году войти в Семинарию (кроме одного, ныне обучающегося здесь), две дочери в возрасте школьном, которых нужно теперь же взять в Женскую школу, и 4-х летний ребенок, который должен остаться при матери, которой, следовательно, назначить надо пособие от Церкви. Погребение состоялось очень приличное, несмотря на малое число христиан, бывших там; сильные снега, завалившие пути, помешали христианам в большом числе собраться из окрестных Церквей. О. Роман привез оттуда антиминос и церковную утварь; а книги сдал там для хранения христианину Акахира, пока назначен будет преемник о. Павлу. Только преемник не в Оодате должен будет основаться, так как христиане оттуда все разбрелись по разным местам.

12 / 25 декабря 1903. Пятница

Утром последний экзамен был в Семинарии и Катихизаторском училище; я, впрочем, на него не пошел, а переводил и приводил в порядок расписки к отчетам. После полудня была вторая и последняя рассылка содержания провинциальным служащим на 1-й и 2-й месяцы будущего года; всего в два приема разослано: 6150 ен 78 сен.

Ученицы вчера, по окончании своих экзаменов, стали исповедаться; сегодня исповедь всех была кончена, и завтра они приобщатся Святых Тайн. Всенощную пели семинаристы в два голоса, и пели очень порядочно; двухголосное пение начинает пониматься и прививаться.

В «Ямато-симбун» ежедневно печатается две статьи самой наглой лжи и клеветы на Миссию и православных христиан. Пишет протестант, некто Иосида, нанятый буддистами, так как газета буддийская. Приходил сей человек в нашу редакцию и подговаривался, чтоб ему заплатили, чтоб перестал писать. Действительно, мерзкая газетка и мерзкий человек. Мы не отвечали ничего на эти пакости. Но полиция, по-видимому, потеряла терпение и хочет, должно быть, остановить пасквили: сегодня из полицейского ведомства сделали запрос в нашу редакцию, в каком она отношении к той газете? Исаяя Мидзусима написал отзыв, как Иосида два раза приходил в редакцию, как они (наши писатели) разъясняли ему все о нашей Церкви, как он приговаривался, чтоб ему дали денег, хоть третью часть того, что Окада хотел получить от Миссии, то есть 500 ен, как озлился, что наши над этим только посмеялись, и прочее. Отзыв подписан четырьмя нашими писателями и отправлен в полицейское ведомство.

Сегодняшняя наглость особенно возмутительна; в одной из недавних статей была клевета, будто у нас при крещении попирается портрет

Японского Императора; сегодня, якобы в удостоверение этого, приводится письмо одного, будто бы искренне желавшего креститься у нас, но возмутившегося, когда его хотели заставить топтать портрет Императора, и умершего не крестившись. Что за мерзость!

13 / 26 декабря 1903. Суббота

В 8 часов был звон, по которому причастницы собрались и выслушали Правило; в половине 9-го потрезвонили к началу обедни. Пели тоже семинаристы в два голоса. Причащались все учительницы, певшие на клиросе ученицы и еще несколько из Семинарии.

В 10 часов было чтение списков в Семинарии. В 11 часов – в Женской школе. Этим окончились школьные занятия сего года.

14 / 27 декабря 1903. Воскресенье

За Литургией из города было человек 70 причастников. Днем и вечером приготовление к годовому отчету.

15 / 28 декабря 1903. Понедельник

Ученики Семинарии и Катихизаторской школы исповедались сегодня, чтоб завтра приобщиться Святых Тайн.

Молодой наставник Семинарии Василий Нобори с двумя учениками Семинарии приходил попросить позволения разыграть им на Святках в Семинарии комедию Гоголя «Ревизор»; надеются разучить и приготовить не всю, а главные места из ней. Это-де особенно в видах изучения русского языка. Для сей же цели у них будут происходить ежемесячные внеклассные литературные чтения по-русски; профессор Семинарии Ивасава и прочие обещают делать их. Дело хорошее. Я вполне одобрил. И развлечение, и польза.

Когда приступил сегодня к писанию донесения в Святейший Синод о годовом состоянии Церкви, мысль неожиданно увлеклась в сторону: к писанию прошения в Святейший Синод о назначении сюда миссионера, нужда в нем действительно самая вопиющая, особенно для благочиннической службы по Церквам. Если это побуждение от воли Божией, то прошение пошлетя, и миссионер пришлетя. Дай-то, Господи!

16 / 29 декабря 1903. Вторник

С 7-ми часов был звон в Церковь; по прочтении причастного Правила для собравшихся учеников был трезвон к началу Литургии, за которой все исповедавшиеся приобщились Святых Тайн.

День прошел в писании вышеозначенного прошения в Святейший Синод, в раздаче жалованья за декабрь и в переводе расписок к отчетам.

О. Матфей Кагета спросил: «Можно ли повенчать 4-го января? Дело-де спешное». Ответчено: «Указанием на положительное запрещение церковное венчать в пост. Но если, действительно, есть важная причина к поспешности, то пусть повенчает спустя три дня после наступающего Рождественного праздника».

17 / 30 декабря 1903. Среда

О. Павел Морита пишет, что в Оомия бонзы на своих проповедях, подзадоренные злословиями «Ямато-симбун», до того меня поносили, что протестантский епископальный катихизатор не вытерпел и стал защищать меня, и что вследствие этого к его жене, обучавшей маленьких детей, половина детей перестала ходить. Недаром, значит, мы приятели с аглицким епископом.

Виссарион Такахаси, катихизатор в Кумамото, описывает печальное положение молодого человека Иустина Нода. Человек — очень способный, готовился в Университет, но захворал и должен был вернуться из Токио в Кумамото. Там познакомился с Виссарионом и скоро сделался христианином, между тем сестра его, 14 лет, уже отдана была на воспитание в католический приют. Там стали требовать, чтоб брат сделался католиком, иначе она будет выгнана из приюта; но, вопреки их гневному требованию, и бабка была крещена в православие; тогда католики, действительно, выгнали сестру Иустина из приюта. И у него теперь на руках: мать, бабка и сестра; служит он в почтамте и тем содержит семью. Но очень хочется ему в Катихизаторскую школу; и Виссарион спрашивает: «Нельзя ли ему, учась здесь, служить в то же время переписчиком при редакции и тем зарабатывать на пропитание семьи?» Плохой план! Пока что я написал к о. Петру Кавано, чтоб он, коли находит сестру Иустина подходящею к нашей школе, посоветовал ему просить принять ее сюда в школу; я послал бы на дорогу ей до Токио. Дальнейшее пусть пока на волю Божию.

О. Сергей Судzuki описывает свое путешествие по Церквам владения о. Симеона Мии, больного. В Миядзу двое крещены; в Маедзурю один. Находит необходимым о. Сергей открыть проповедь и в Маедзурю; двукратно в месяц Петр Ямада будет отправляться туда из Миядзу; путевые для сего ему посланы.

О. Роман Фукуи нашел нужным отправить единственного своего катихизатора для Немуро и Вада, Феодора Сайто, для проповеди в Сибецу. К счастью, Феодор Сайто оказывается порядочным катихизатором и человеком несмотря на то, что в школе подавал мало надежды к тому.

18 / 31 декабря 1903. Четверг

Павел Мацумото, катихизатор в Отару, пишет о крещении старшего брата князей Луки и Стефана Доде, Катакура, по приемному отцу, ныне Иоанна, и о том, как протестанты старались отвратить его от принятия православия и сделать протестантом, в чем, однако, не успели.

Петр Такахаси пишет, что был для проповеди в Котака и в селении близ Котака троих, охладевших к вере потому, что долго были лишены христианского наставления, поправил своими беседами; вновь они право мыслят и одушевлены усердием.

Всенощную пропели причетники.

Вяло и бесцветно кончается японский год. Дай Бог, лучше в будущем!

19 декабря 1903 / 1 января 1904. Пятница.**Японский Новый год**

Встал с головною болью, должно быть, потому, что углерод из камина потянуло в комнату. Уши тоже очень заложены.

В восемь часов Литургия, отслуженная тремя иереями, при пении обоих хоров. На молебен и я выходил.

Потом обычные поздравления церковнослужаших и немногих христиан из бывших в Церкви; в Церкви тоже мало было.

Потом обычные раздачи денег — певчим, всем учащимся, служащим, детям Воскресной школы и прочим.

В город с поздравлениями никуда не поехал, а разослал всюду, куда следует, визитные карточки.

С шести часов обычная предсубботняя всенощная, отслуженная о. Романом Циба; кроме служащих и меня, в Церкви ни одного богомольца не было.

Японские газеты к новогодним номерам обыкновенно прилагают сюрпризы в виде картин: к «Ници-ници Симбун», главной из газет, приложен лист, который с первого взгляда представляется просто пачканным тушью, и больше ничего; но, рассматривая, увидишь в этой пачкотне темные очерки дракона с разинутою пастью. Это должно представлять горизонт, покрытый темными тучами, из которых спускается страшный дракон, готовый поглотить и флот русский, и береговое русское воинство. Но есть русская пословица: не хвались идя на рать...

20 декабря 1903 / 2 января 1904. Суббота

Приготовление отчетов.

Перед вечером посетил русский турист: «Владимир Николаевич Страшников, артиллерии капитан», служивший в Порт-Артуре с самого

начала занятия русскими его, в последнее время лечившийся в Нагасаки и ныне путешествующий по Японии с женою и маленьким сыном. В разговоре с ним я, между прочим, спросил:

— Когда русские заняли Манчжурию, слышно было, что туземцы очень рады этому: русские освободили их от беспорядочного китайского управления. Теперь же пишут, что манчжуры возненавидели русских и желают освободиться от них. Правда ли это?

— Пожалуй что правда,— ответил капитан.

— Но отчего же? Русские, кажется, не притесняют их.

— Прямо не притесняют, а управлять не умеют, что почти то же. Объясню следующим. У одного умного манчжура спросили: «Под чьим бы управлением он хотел видеть свою страну?» Он, не задумываясь, ответил: «Под английским, у англичанина в груди пусто, но в голове обильно. Он составит 77 правил и даст их в руководство управляемым, да сам прежде всего строго исполняет, требует неуклонного исполнения и от других; и у него под рукою знаешь, чему следовать — дорога ясна и пряма. А у русского в груди обильно, но в голове пусто; закон для него — не закон; он то исполняет его и требует исполнения, то не исполняет и сквозь пальцы смотрит на нарушение; так что у него не знаешь чему следовать, и не чувствуешь себя обеспеченным»... Нелестно для нас!

21 декабря 1903 / 3 января 1904. Воскресенье

После обедни зашел воин попросить благословения пред отправлением в поход, и именно в Манчжурию — значит, на войну с русскими; говорит, что в продолжение следующих десяти дней непременно будет выступление. По-видимому, японцы решили начать с нами войну. Жаль, если так! Не пришлось бы уехать отсюда, что составит большой ущерб для перевода богослужения. Воин оный — Иоанн, родственник богача Саймару в Оцу, состоит в Гвардии санитаром; человек очень благочестивый; каждое воскресенье бывает за Литургией. Весьма желает приобрести Святых Тайн пред отправлением, но никак не может отлучиться вечером из казарм, чтоб помолиться за всенощной. Я сказал ему, чтоб он усердно помолится вечером дома у себя; утром же пусть придет в Собор, поисповедается, помолится за причастным Правилom и приобретит Святых Тайн, что он и сделает в один из дней наступающей недели, когда будет совершаться Литургия, если только внезапно не последует выступление.

22 декабря 1903 / 4 января 1904. Понедельник

Сведение итогов к отчету.

От полковника Глеба Михайловича Вановского очень грустное письмо о смерти его средней, 12-тилетней, дочери Александры в Смольном

монастыре, от воспаления легких и плохого лечения. Редкий он отец, судя по письму; побольше бы таких родителей, учебные заведения у нас были бы исправнее, под неофициальным контролем их.

23 декабря 1903 / 5 января 1904. Вторник

То же, то есть занятие отчетностью.

Между письмами сегодня одно — от Накаяма, из Нара, бывшего протестантского проповедника, извещающего, что он на сих днях в Кёото присоединится к Православной Церкви. В прошлом году он писал, что не удовлетворен протестантством и желает лучшего христианского наставления, вследствие чего ему посланы были наши вероучительные книги; по ним он изучил православие, находит его истинным христианством и ныне присоединяется к Православной Церкви. Помогите Бог ему!

В 6 часов всенощная, отслуженная Романом Циба, при пении хоров.

***24 декабря 1903 / 6 января 1904. Среда.
Сочельник***

С 10-ти часов богослужение, продолжающееся ровно до 1 часа полудни, несмотря на значительные сокращения в часах. Из города весьма мало было; почти одни учащиеся молились и пели. О. Роман Циба служил. На величание по конце Литургии и я выходил.

Всенощная пред праздником была по облачениям великолепна, по молящимся бедна: из города христиан наших было мало. Русское семейство было вышеупомянутого Страшниковва, да протестантских миссионеров слушать пение было много.

***25 декабря 1903 / 7 января 1904. Четверг.
Рождество Христово***

С 9-ти часов Литургия, отслуженная мною с оо. Романом Циба и Симеоном Юкава. Оо. Кано и Мидзуно были по своим приходам вне Токио. Молящихся в начале было мало, в середине порядочно, к концу Литургии много. Если бы каждое воскресенье собиралось столько, то лучшего и не надо бы. Иностранцев и русских ни одного не было. У меня с утра, кроме болезни ушей, болела голова, не знаю, отчего; тем не менее Богослужение было одушевленно — так помогает присутствие совместно молящихся!

После богослужения обычные поздравления; певчие отлично пропели у меня славение; раздача затем на «кваси», долго продолжавшаяся по группам и отдельно. Для детей Воскресной школы Василий Ямада приготовил Елку и разные удовольствия: представление детьми в лицах

истории Иосифа Прекрасного, рассказ по-японски басен Крылова, пение стихов, сочиненных одним учеником Катихизаторской школы, и подобное. Большую спальню Катихизаторской школы Василий Ямада утилизировал для сего дела.

В 4-м часу посетили Миссию с поздравлением русские гости из Посольства — жена посланника (который сам болен) с дочерью, князь Кудашев с сестрою и прочие члены, также некоторые из Иокохамы.

С 6-ти часов всепошная. Служил тоже о. Роман Циба при пении хоров. В конце оба хора, сходясь на середине Церкви, в Рождественские службы всегда отлично поют «Дева днесь». Сегодня особенно хорошо пели. Горячо молился я стоящему в иконостасе против клироса Святому Апостолу Павлу, чтоб он исходатайствовал у Бога миссионера для Японии. Хоть бы одного-то послал Господь, по молитвам Святого Апостола Павла, так побившего язычников!

**26 декабря 1903 / 8 января 1904. Пятница.
2-й день Праздника Рождества Христова**

С 8-ми часов Литургия, отслуженная о. Романом Циба.

Поздравление от Церкви Коодзимацци с о. Алексеем Савабе во главе и угощение оной.

В 2 часа отправился с поздравлением в Посольство. Барон Розен страдает еще больше от ушной болезни, чем я; с повязкой на ушах; рекомендовал мне своего доктора, японца Како, которого ему прислал немецкий доктор Бельц, последняя медицинская авторитетность в Японии.

На вопрос мой: будет ли война с Японией? Барон отвечал выражением негодования на нерешительность нашего Правительства и несообразность слов и дел: «Руководящей головы нет в Петербурге; если бы Александр III был жив, никакой бы этой сумятицы не было», — и так далее. При мне же пришел военный агент полковник Самойлов и стал перечислять барону, какие японские дивизии уже отправлены или готовы к отправлению. Значит, японцы окончательно решились на войну, и они готовы к ней; а у нас в Манчжурии войска совсем мало.

С грустью я оставил барона и пошел посетить других членов Посольства. С негодованием в душе вышел от юного секретаря Арсеньева, так любящего копировать Императора Вильгельма в фабрениии своих усов: [1 нрзб] на главной стене в комнате высоко водружена буддийская божница; «я так люблю это», говорит.

— А иконы-то нет у вас? — спрашиваю, не видя нигде оной по стенам.

— Нет, есть,— говорит,— вот она,— и указывает на входную стену; действительно, налево от порога в углу высоко едва видна какая-то крошечная иконка. Так и отпечатался во всем этом интеллигент последней

формации, без религии и без здравого смысла, один из захиренных баранов Панургова стада. А еще с такой прямо русской фамилией! Гадко! Сколько он в свою жизнь наложит грязных пятен на русское имя! Какое мерзкое воспитание ныне дают и каких нравственных калек выпускают в жизнь!

Побыл, между прочим, у князей Доде; младший, Стефан, лежит в госпитале Красного Креста; старшего, Луку, застал дома; показывал он свои картины масляными красками; одна, представляющая лес, очень порядочная.

Вернулся с сильною болью в горле, простуженном на днях, так что и ко всеобщей должен был не идти.

27 декабря 1903 / 9 января 1904. Суббота

Усилившаяся боль в горле помешала идти к обедне, которая была с 8-ми часов. Послал за доктором Како, чтоб начать лечение ушей, если можно их поправить, да кстати и горла. В 4-м часу Како прибыл, осмотрел, испробовал и промыл уши; улучшения, по-видимому, не обещает; говорит: «Косточки (молоток, наковальня, стремя) перестали правильно отправлять свои действия». Горло помазал йодом и прислал полоскательное. Наружу не велел выходить, так и сегодня во всеобщей не был, что довольно тягостно.

28 декабря 1903 / 10 января 1904. Воскресенье

Опять богослужение без моего участия, что решительно удручает. Одна только выгода этого затворничества: над отчетами можно беспрепятственно работать, а работы еще много — помогать некому.

Во 2-м часу опять был доктор Како, проделал с моими ушами то же, что вчера. Уши мои на этот случай моей жизни я признаю, нимало не колеблясь, ослиными, а обладателя их ослом. В начале девятого месяца, когда началась болезнь, призвать бы врача, и дело было бы упрощено, излечение быстро последовало бы, вероятно. Но я располагал на силы самого организма: исправится-де повреждение взаимным содействием других, здоровых, членов организма. Бывают случаи для сего. Но бывают совсем неподходящие к тому случаи. В моих ушах, как объясняет Како, задержалась вода, проникшая во второе ушное отделение, от холодных обливаний; от этого произошла клейкая материя, слепившая косточки (молоточек, наковальню и прочее), которые перестали потому двигаться свободно; от сего и замедление в восприятии звуков и глухота. Словом, механическая причина. Тотчас бы продуть уши сквозь евстахиеву трубку, пропустив воздух, прочистить среднее ухо, и все бы

прошло. Но я — по невежеству и упрямству, свойственным ослу, — представил натуре. Натурально и последовала малоподвижность слуховых косточек от склеенности их. Поди, жди теперь, пока размягчится клейкая материя между ними! Да и размягчится ли. Во всяком случае, дело долгого лечения, а успех оногo сомнителен. Вперед — и себе, и кому попадутся эти строки — завещаю при всякой болезни тотчас же стараться понять причину ее и последствия. Есть, конечно, пустячные болезни, которые, по uznанию, предоставляются самой природе организма, но большая часть болезней требует искусства врача, к которому и Сам Бог велел нам прибегать, если не хотим казаться глупыми рабами, к каковому я причисляю себя.

Если не мог быть сегодня на богослужении, то тем менее могу быть в Семинарии, хотя горло почти совсем хорошо к вечеру, так как болезнь захвачена в начале. А там с 6-ти часов вечера театр: представляют сначала «Демьянову уху» Крылова, потом разыграют гоголевского «Ревизора». Говорят, будто роли хорошо выучили и приготовили. Полезно и в видах изучения русского языка, и в видах занятия гулевых дней не совсем пустым делом. Хотелось бы побыть и развлечься, но отказался за болезнью.

29 декабря 1903 / 11 января 1904. Понедельник.

30 декабря 1903 / 12 января 1904. Вторник

Хандра от болезни, которая не улучшается, а напротив, кашель мучает нестерпимо, и чтение «Известий Восточного Института», присланных из Владивостока в миссийскую библиотеку. Есть интересные статьи о Китае и Японии; видно, что между студентами института, которые пишут статьи, есть даровитые молодые люди.

31 декабря 1903 / 13 января 1904. Среда

До полудня — писание писем; после — чтение японских писем и поздравлений. Последних в этом году несколько не меньше, чем прежде бывало. В письмах тоже тревожного ничего нет. Праздники проводили по Церквам как обычно: нигде уменьшения молящихся не было; напротив, многие Церкви хвалятся, что ныне гораздо более молящихся и торжественнее праздновалось.

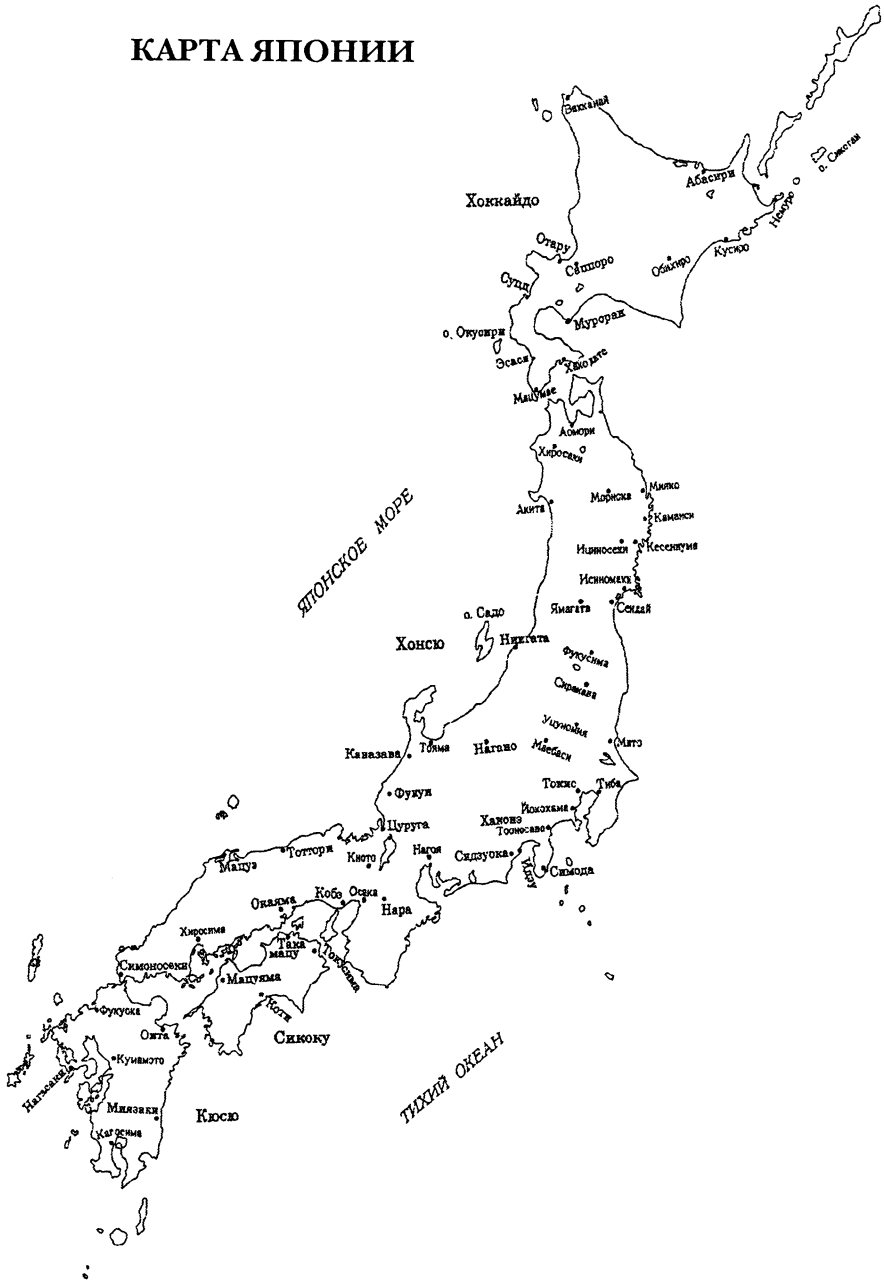
Церковь в Масуда облюбовала своего катихизатора Илью Накагава в священники вместо умершего о. Павла Кагета и прислала прошение о рукоположении его для них. Отвечено им: «Пусть дождутся Собора, тогда будет определен священник на место умершего. Если же они хотят

Илью Накагава, то пусть до Собора сговорятся с другими Церквами ведения покойного о. Кагета о сем, ибо для одной такой малой Церкви, как в Масуда, священник не может быть поставлен, и пусть приготовят ручательство, что на содержание излюбленного священника будут давать ежемесячно 12 ен, так как Накагава получает от Миссии 18 ен, и больше Миссия ему дать не может; ему же, как многосемейному священнику, нужно в месяц содержания 30 ен». Но, конечно, это только *rius desiderium* Миссии. Где же это слыхано, чтоб японцы на содержание священника давали 12 ен ежемесячно? 12 сен, пожалуй, еще можно бы.

Ко всеобщей доктор меня не пустил, говорит: «Если простуда горла усилится, то и болезнь ушей сделается трудней». Завтра к обедне тоже велел не ходить, а держаться безвыходно теплой комнаты. Плохое окончание года!

ПРИЛОЖЕНИЯ

КАРТА ЯПОНИИ

Именной указатель

- Абе Афонасий – 192, 226, 415
Абе Георгий – 89, 166, 173, 676, 810
Абе Иоанна – 192, 415
Абе Николай – 53, 86, 88, 95, 231, 364, 365, 859
Абе Нина – 254
Абе Феодор – 415
Августин, архимандрит – 451
Аверкий – 174, 175, 283
Авраам, пророк – 503, 505, 735
Авраамий (Аврамий), иеромонах – 396, 404, 709
Агапеев Александр Петрович – 434, 435
Адаци Яков – 74, 201, 206, 310, 368, 374
Азбелев Николай Павлович – 868
Аизава Иоанн – 43
Айзава Тит – 115, 719
Акамацу Рендзэ – 181
Акаси Иоанн – 143, 768, 898
Акахира Стефан – 452, 667, 781
Акияма Анна – 905
Акияма Иов – 166, 796
Акита Никанор – 820
Акита Павел – 313
Александр II – 676
Александр III – 106, 518, 683, 913
Александр, король Сербии – 818, 844
Александр, свящ.– 672, 678, 681, 682, 685
Александр Михайлович, вел. кн.– 646, 654
Алексеев, адмирал – 278, 442, 697, 775, 825
Алексеев, капитан 2 ранга – см. Михей, архимандрит
Алексеев Евгений Иванович – 606, 863, 868, 879
Алексеев Кир Алексеевич – см. Алексеев Кирилл Алексеевич
Алексеев Кирилл Алексеевич – 182, 193, 194, 510
Алексей, швейцар – 338

- Алексей Александрович, вел. князь – 613, 646, 654
Алмазова (Олсуфьева) Александра – 60
Аmano Конон – 43, 84, 101, 113, 114, 352
Амбросий (Амвросий), архимандрит – 60, 394
Анатолий, архимандрит – 110, 310, 459, 487, 514, 546, 573, 782
Андо Александр – 66, 331, 504, 752
Андо Андрей – 655, 724, 725
Андреев Михаил Алексеевич – 177, 204, 339, 386
Андреевский – 329
Андроник, росc. миссионер – 27, 40, 69, 211, 462
Антоний, митрополит Санкт-Петербургский – 8, 107, 408, 518, 554, 561, 575
Антоний Дашкевич, иеромонах – 472
Антоний Храповицкий, епископ Волынский – 649, 725, 757, 785
Антонов Иван – 769
Анфим, церковный сторож – 869
Аоки, политик – 94
Аоянаги, чиновник – 304
Аполлония, настоятельница монастыря – 390
Араи, издатель – 266
Араи Пелагия – 32
Араи Спиридон – 9, 32, 147
Арахама Наталия – 414
Аризакe, дворник – 194
Арима Иоанн – 496
Аримото Мануил – 684, 730, 773
Арионя, издательница – 863
Арисава Симеон – 857
Арисугава, принц – 106, 650
Арнольд – 167
Арсеньев Борис Константинович – 784, 913
Артамонов Леонид Константинович – 425, 544
Артемяев, аудитор – 52
Асаи Моисей – 857
Асано, ученица – 661
Асано Любовь – 782, 855, 866
Асано Корнилий – 368, 520, 855, 866
Асано Моисей – 538
Асаока Анна – 238
Бан Пантелеймон – 842
Барков Феодор – 527
Баторевич – 322
Батый – 435
Белоха – 51

- Бельц, врач – 913
Бердников, таможенник – 55
Берлиоз, католич. епископ – 347, 387, 818, 819
Бирич Емилия – 858, 859
Бирич Павел – 858
Бирич Сергей – 858
Бирич Хрисанф Платонович – 858
Бирюков Николай Николаевич – 440, 442
Благодарный – см. Благодарумов
Благодарумов Николай Васильевич – 447, 505, 578, 739, 754, 787
Боголепов – 424
Богословный – см. Богословский
Богословский, писатель – 169, 711
Болотов, профессор – 263
Борис Владимирович, вел. князь – 631, 645, 647, 650, 652, 654, 663, 665
Бортнянский – 822
Бринкли – см. Brinkley
Быстров Феодор (Федор) – 16, 18, 94, 107, 125, 126, 147, 159, 165, 182, 183, 155, 277, 308, 321, 424, 811, 880, 899
Будда – 50, 167, 185
Буллард – см. Bullard
Буховецкий Вл. Влад. – 711
Буховецкий В. Н. – 775
Бюцов – 361
Вавилин, послушник – 784
Вакуя Василий – 877, 895
Вакуя Иоанн – 214
Вакуя Павел – 895
Вальдерзее, граф – 406, 465
Ванновская Александра – 752, 911
Ванновская Анна – 752
Ванновская Марья Дмитриевна – 342, 774
Ванновская Наталья – 752
Ванновский (Вановский) Глеб Михайлович – 64, 71, 80, 81, 96, 101, 105, 112, 155, 182, 188, 327, 390, 393, 406, 434, 435, 440, 445, 448, 473, 475, 520, 554, 610, 623, 627, 632, 635, 658, 742, 752, 755, 774, 895, 911
Варвара, великомученица – 831
Василевский Николай Александрович – 114
Василий Великий – 39, 191, 216, 387, 389, 390, 592, 717, 757, 775, 788
Васильев Феодор Иванович – 215, 234, 397, 398
Ватанабе, виконт – 787, 788
Ватанабе Лука – 853, 866
Ватанабе Фома – 188, 451

- Вахаревич, рос. миссионер – 27
Велиар – 349
Вениамин, игумен – 100, 117, 144, 147, 164, 165, 182, 183, 203, 204, 214–216, 220, 231–234, 245, 246, 264, 269, 270, 290, 303, 386, 398, 399, 416, 519, 520, 551, 556, 574, 591, 595, 600, 635, 686, 786, 787, 789, 795, 798, 799, 811, 813, 853
Верховский, адмирал – 105
Вершинин Александр Иванович – 536
Веселкин Михаил Михайлович – 345, 353
Виктория, английская королева – 396, 398–400, 402
Вильгельм, император – 913
Вильм А. К. – 204, 269, 270, 311, 711, 758
Вильямс, епископ – см. Williams
Виноградов Александр Иванович – 112
Витте С. Ю. – 80
Владимир, свящ. – 469
Властов – 466
Вогак Константин Ипполитович – 358, 382, 818
Волков, генерал – 80
Волков Николай Гаврилович, ротмистр – 435
Волошин, врач – 590, 591, 595
Воронов Павел Павлович – 117, 119, 886
Воронова Евдокия Алексеевна – 886
Вруцевич – 669
Вудворт – см. Woodworth
Гагарин, князь, консул – 386, 487, 557, 561, 596, 618, 623, 754, 772, 786, 798, 799, 811, 813, 851, 871, 893, 898
Гагарина, княгиня – 616
Гагарина Екатерина Александровна, княжна – 623
Гарисс – см. Гаррис, мистик
Гаррис, мистик – 125, 783
Гаррис, миссионер – см. Haggis
Геденштрём – см. Геденштрём
Геденштрём Матфей Матфеевич – 270, 347, 348, 357, 387, 425, 487, 559, 614, 695, 906
Гейден, граф – 818
Георгий, великомученик – 898
Георгий Александрович, цесаревич – 104, 106
Гермоген, иерусалимский патриарх – 103
Гильтебрандт – 139, 173, 898
Гильченко Николай Васильевич – 434
Гинцбург – 487, 527, 591
Гирс Константин Михайлович – 339, 343
Гирс Михаил Николаевич – 325, 219, 339, 526, 527

- Гиулис Константин – 629
Глебов Сергей – 19, 51, 67, 71, 72, 76, 104, 161, 193, 195, 196, 233, 268–270, 279, 341, 471, 560, 580, 630, 725, 744, 792, 795, 826, 891
Гоголь Н. В. – 761, 908, 915
Голиаф – 648
Голицына Александра Николаевна, княгиня – 889
Головнин Василий Михайлович – 682
Головнин Давид Николаевич – 682
Голубцев Николай Захарович – 76, 77, 80
Гондо, журналист – 414
Гото Петр – 76
Гото Яков – 244, 252
Горталов Николай Константинович – 562, 563, 833, 836
Горшкевич (Гошкевич) Осип Антонович – 105
Грант – см. Grant
Греве – 581
Грибский – 322, 327, 361, 363
Григорий Богослов, св. – 102, 592
Грингмут Владимир Андреевич – 595, 508, 565
Гундзи, лейтенант – 79, 327, 338, 541
Гундзи Иов – 391
Гундзи Николай – 257, 258
Дабович Севастиан – 895
Давид, царь иудейский – 648
Давыдов, посланник – 192
Даниил, сын ботаника – 66
Демби, протестант – 906
Демкин Иван Иванович – 165, 575
Денинг – см. Dening
Денисий – 770, 776, 861
Дзимбо – 89
Дзимбо Петр – 14, 24, 464
Дзимбо Самсон – 24
Дзимбоу Петр – см. Дзимбо Петр
Дзютоку (Дзюри) – 613
Димитрий Ростовский, святитель – 123
Доде Лука – 563, 575, 587, 610, 630, 647, 698, 889, 910, 914
Доде Стефан – 451–453, 456, 482, 517, 520, 527, 555, 559, 563, 575, 585–588, 593, 594, 610, 618, 626, 630, 645, 647, 666, 698, 711, 741, 744, 755, 771, 791, 794, 889, 910, 914
Доки Стефан – 582
Долгоруков Алексей – 276
Доможиров А. М. – 52, 56, 58

- Домомиров Александр Михайлович – 654
Дубасов, адмирал – 47, 48, 54, 56, 57, 273
Дудышкин Василий Геннадиевич – 447, 505, 508, 565, 578, 605, 628, 736, 737, 739, 803
Дуля Г. И. – 636
Думан Исаак – 104
Думчев Константин Михайлович – 91, 92
Думчев Михаил Фирсович – 92
Дюс – см. Duce
Ебира, протестант – 786
Евсевий Владивостокский – 267, 398, 520
Евфимий – 174, 175
Енгальчев Павел Николаевич, кн. – 406
Епанешников (Епанечников) Яков Ефимович – 565, 578, 609, 736, 737, 789, 803
Ерма, врач – 228
Ефрем, святой – 777
Ефрем Сирин – 240, 826
Ёнеяма Авраам – 31, 33
Ёсида Николай – 602, 758, 772, 837, 849, 859, 887
Ёсида Павел – 424, 425, 477, 509, 549, 550, 553, 583, 702, 733, 817, 829, 831–833
Жевержеев – 85, 151, 424
Желобковский А. А. – 787
Жеферис – см. Jefferys
Захаров, мичман – 53
Зеленецкий – 465
Зорнин Виссарион, иеромонах – 150
Иаков (Яков), библейский персонаж – 503, 519, 681
Ибука, протестант – 787, 788
Ивама Василий – 550, 613, 845, 881
Ивама Игнатий – 454, 455
Иван, звонарь – 779, 783
Иван, слуга – 66, 646, 652, 659, 692
Иванов, жертвователь – 179
Иванов, генерал – 554
Иванов Илья Ефимович – 66
Ивасава Арсений Яковлевич – 17, 138, 145–147, 151, 152, 272, 307, 348, 355, 477, 578, 590, 644, 732, 733, 758, 826, 908
Ивасава Михей – 17, 133, 138, 145–147, 148
Ивата Акила – 110, 120, 140, 141, 143, 146, 148
Ивата Симеон – 802
Ивата Яков – 62, 92, 123, 163, 173, 192, 225, 243, 380, 545, 574, 607, 730, 742, 745, 802, 815, 841
Игнатий, свящ. – 80

- Игнатий Богоносец, священномученик – 10
Игуци Иоанн (Иван) – 33, 55, 460, 821, 822
Игуци Иосиф – см. Игуци Иоанн
Идзуми Иоанн – 625
Иениш Николай Христианович – 240
Извольская Елена – 751
Извольская Маргарита Карловна – 357, 751, 790
Извольский Александр Петрович – 172, 267, 268, 270, 272, 273, 275, 287, 317, 325, 342, 357, 362, 386, 390, 393, 440, 444, 445, 459, 486, 487, 488, 518, 526, 527, 546, 590, 607, 616, 672, 706, 710, 731, 740, 747, 758, 790
Извольский Гриша – 440, 751
Издебский Антон Михайлович – 710
Иеремия, христианин из Батoo – 55
Иесясу, царская династия – 295
Иисус Христос – 72, 89, 124, 133, 149, 184, 185, 206, 242, 246, 276, 315, 349, 367, 392, 394, 436, 452, 453, 461, 484, 485, 503, 505, 519, 535, 547, 579, 583, 593, 607, 612, 629, 630, 632, 634, 636, 723, 758, 759, 777, 779, 781, 788, 830, 865, 873, 874, 905
Илия, пророк – 634, 821
Имада Андрей – 114, 115, 214, 345
Имада Екатерина – 214
Имамуре Алексей – 551, 730
Имамуре Варнава – 256, 290
Имамуре Екатерина – 823
Имамуре Любовь – 256, 290
Имбри, миссионер – 525
Инаба Иоанн – 555, 561, 580
Инагаки – 338
Иннокентий, архимандрит – 66, 117, 119, 144, 267, 278, 304, 339, 343, 390, 394, 406, 408, 416, 574, 612, 702, 709, 751, 784, 843, 880, 903
Иноуе Петр – 496
Иоанн, евангелист – 242, 418, 711
Иоанн Златоуст – 216, 389, 429, 507, 533, 583, 717, 743, 771, 793, 826
Иоанн Креститель – 316, 634, 705, 860
Иоанн Кронштадтский – 172, 279, 284, 285, 389, 395, 502, 503, 540, 557, 575
Иоанн Предтеча – см. Иоанн Креститель
Иозефович Елисавета Алексеевна – 863
Иозефович Яков Варфоломеевич – 760, 761, 863
Иона, пророк – 102
Иона, регент Троице-Сергиевой Лавры – 180
Иосида (Ёсида) И. – 673, 685, 689, 694, 703, 713
Иосида Павел – см. Ёсида Павел
Иосими, христианин из Коодзимацци – 717, 718
Иосиф, библейский персонаж – 648

- Иосиф, святой – 759
Иосиф, иеромонах – 159, 165, 182
Иосиф Прекрасный – 913
Иосия, иеромонах – см. Иосиф, иеромонах
Ирино Тимофей – 235, 309, 310, 315, 317, 320, 344, 345, 368, 374, 708, 761, 809, 904
Ирод, иудейский царь – 711
Исайя, пророк – 250, 733
Исибаси Иосиф – 82, 392
Исивара Петр – 767
Исигаме Петр – 98, 311, 425, 459, 651, 726, 739
Исида Григорий – 557
Исида Иоанн – 244, 346, 563, 651
Исида Фома – 236, 350, 545, 680
Исидзука Стефан – 78
Исидор, митрополит – 8, 805
Исии, врач протестант – 379
Исии Августин, католик (в православии Павел) – 543, 552, 560
Исии Моисей – 17, 43, 138–140, 146, 147, 150, 151, 153, 154, 156, 161, 162, 488, 545
Исии Поликарп – 11, 206
Исии Тимофей – 265
Исикава, ученик – 84
Исикава Александр – 67
Исикава (Иимура) Вера – 67
Исикава Николай – 340, 350, 687, 768, 853, 889
Исикава Павел – См. Исикава Петр
Исикава Петр – 10, 14–16, 19–24, 26, 28, 35–40, 76, 102, 119, 121, 123, 127, 150, 216, 222, 223, 227, 302, 353, 358, 367, 370, 389, 393, 398, 405, 425, 451, 536, 581, 584, 597, 600, 702, 722, 723, 729, 730, 761, 764–767, 769, 770, 778, 781, 809, 834, 848, 872, 893, 898, 901–904
Исиока, христианин – 567, 568
Исохиса Иоанн – 295, 418, 420, 660, 667, 710, 780, 781, 800, 801, 804, 805
Итагаки, политик – 49
Ито, граф – 503
Ито, адмирал – 404
Ито Григорий – 406, 411, 526
Ито Евфимия – 39, 61, 70, 71, 101, 136, 182, 213, 239, 263–266, 271, 586, 744, 801, 828
Ито Иоанн, катихизатор – 265, 776
Ито Иоанн, моряк – 326
Ито Исаак – 550
Ито Ольга – 326
Ито Павел – 326

- Ито Хиробуми, маркиз – 892
Иуда Искарriot – 38, 139, 644, 651, 699, 766
Ицидзё Николай – 472
Ицидзи Любовь – 98
Иции, помощник архитектора – 783
Ицикава Гавриил – 228, 232, 235, 473, 746, 801, 850
Кабатник Зейлик Рафаилович – 185
Кабатник Перель Гершовна – 185
Кабаяма, политик – 94
Кавагучи Павел – 496
Кавай Петр, купец – 607
Кавамата, семинарист – 7, 8
Кавамура Моисей – 5, 18, 21, 116, 119, 147, 148, 197, 203, 215, 267, 278, 299, 308, 310, 314, 417, 418, 469–471, 483, 494, 495, 508, 588, 618, 652–654, 678, 774, 776, 778, 782, 798, 801, 843, 847, 848, 854, 856
Кавано, язычник – 256, 554, 555, 660, 661, 748, 820
Кавано Павел – 65
Кавано Петр – 79, 100, 158, 247, 278, 287, 324, 347, 361, 375, 376, 445, 454, 514, 528, 625, 669, 760, 838, 909
Кавасаки Петр – 328
Кага, князь – 660
Кагава, журналист – 95
Кагета Исая – 281, 282, 284
Кагета Мария – 828
Кагета Матфей – 62, 105, 189, 192, 209, 219, 220, 225, 241–244, 324, 366, 382, 384, 391, 392, 550, 574, 586, 597, 607, 621, 742, 768, 815, 853, 904, 908
Кагета Павел – 53, 247, 431, 458, 488, 492, 541–543, 552, 560, 562, 724, 635, 665, 734, 743, 828, 903, 906, 915, 916
Кагета Петр – 580
Када – 625
Кадзима, вдова – 177
Кадзима Акила – 82, 95, 509, 549, 707, 829, 865, 880, 883, 893, 894, 902
Кадзима Лука – 65, 90, 166, 170, 185, 531
Кадзима Надежда – 648, 661
Како, врач – 913, 914
Камеи Игнатий – 65, 141, 248, 291, 773, 867
Камия Григорий – 58, 166, 392, 393, 425
Камой (Камой) Стефан – 56, 250, 468, 639, 655
Камура, политик – 589, 901
Каназава, катихизатор – 189
Канасуги Зинаида – 631
Канасуги Павел – 25, 30, 84, 221, 376, 478, 523, 534, 565, 590, 627, 628, 631, 652, 769, 877

- Канда, типограф – 426, 427
Канезава Моисей – 510, 857, 883
Канеко Иоанн – 50
Канеко Яков – 91, 206, 207, 574, 864
Кан-ин, принц – 525, 646, 650, 652
Канно Василий – 376
Кано Нонна – 135
Кано Петр – 8, 10, 14, 19–25, 27, 32–40, 56, 57, 67, 68, 76, 77, 80, 102, 104, 105, 116, 118, 119, 121–123, 126–132, 135, 136, 138–141, 145, 146, 151–154, 159, 162, 167, 189, 193, 197, 236, 238, 240, 242, 244, 245, 250, 304, 305, 313, 328, 330, 331, 344, 346, 365, 371, 372, 378, 393, 432, 443, 454, 471, 516, 517, 545, 566, 577, 610, 618, 682, 685, 712, 714, 716, 717, 726, 758, 760, 794, 796, 835, 859, 899, 912
Кано Тиг, катихизатор – 55, 158, 478, 489
Кано Тиг, дьякон – 542, 886
Канский Ермолай Иосифович – 217
Капнист, граф – 434
Карагеоргиевич – 818
Каразин – 849
Касавата Яков – 906
Касай Моисей, катихизатор – 715
Касе Давид – 610, 798, 883
Касе Игнатий – 478
Катакура Иоанн, священник – 102, 151, 176, 177, 183, 201, 207, 209, 282, 352, 407, 597, 636, 825, 837, 886, 897
Катакура Иоанн, брат князей Доде – 910
Катаока Иоанн – 11, 221, 228, 261, 282, 290, 491, 698, 722, 723
Катаока Кенкици – 229
Като Елисей – 80, 426, 540, 546
Като Игнатий – 79, 100, 158, 176, 183, 203, 204, 213, 283, 327, 371, 411, 473, 476, 525, 529, 569, 905
Като Лука – 695
Като Петр – 605, 608, 632, 672
Като Тимофей – 531
Като Филимон – 100
Катоо Киёмаса – 625
Кацумата Павел – 340, 813
Кацумата Сергей – 340, 817
Кацура, политик – 94, 394, 650, 901
Каяно, катихизатор – 28, 332, 333
Каяно Яков – 162, 175, 496
Кванно Анна – 39, 44, 45, 55, 59, 60, 61, 65, 67, 77, 83, 166, 496, 641
Кванно Мария – 61
Кванно Пантелеймон – 166, 496

- Кейици Цубои – 277
Кенсин – 549
Кёбер Рафаил Густавович – 71, 72, 117, 118, 625
Кёри – см. Сагу Otis
Кикици Василий – 103
Кикици Дарья – 326
Кикици Иоанн – 124
Кикици Марк – 862
Кикици Павел – 178, 202, 455
Кикици Петр – 326
Кикици Симон – 173
Кимицука Сен – см. Кимицука София
Кимицука София – 447, 451
Кимура Давид – 197
Кимура Исаак (Исак) – 389, 524, 606, 608, 702, 748, 827
Кинг – см. King
Киносита, журналист – 581
Кириакия – 295
Кирилл Иерусалимский, св. – 727
Кирилл Владимирович, вел. князь – 56, 646, 654, 670, 672, 673, 675
Кирпичников – 826
Кистер Александра Степановна – 611
Кистер Анатолий Опокович – 611, 615, 616, 623, 631, 636
Кису Иннокентий – 101, 211–213, 238, 275, 658, 684, 737, 738, 822, 857
Кису Мария – 390
Китагава София (Софья) – 15, 21, 22, 27, 61–64, 370, 787, 895
Китагава Яков – 561, 564
Китасато, бактериолог – 217
Клей-Маколей – 268, 845, 846
Кнап – 268
Кобаяси Иоанн – 139, 140, 147, 150, 151, 154, 163, 177, 218
Кобаяси Моисей – 91, 187, 278, 451
Кобаяси Павел – 207, 882
Комура – см. Камура
Кодзима, подрядчик – 292, 293, 294, 296, 297, 298, 299
Кодзима Павел – 223, 224
Козловский – 381
Козьма Александр Иванович – 233, 234
Козьянинов Леонид Лаврович – 382, 383
Колесов Георгий – 880
Колобашкин – 311
Колянковский Владимир Александрович – 844

- Комаров, жертвователь – 676
Комаровский Георгий Владимирович, граф – 493
Комацу, принц – 613, 628, 774, 775
Комацу Тит – 9, 42, 82, 87, 88, 112, 113, 118, 120, 121, 126, 163, 164, 167, 168, 173, 179, 186, 220, 223, 227, 230, 232, 247, 251, 267, 317, 321, 324, 333, 340, 343, 346, 356, 366, 403, 416, 426, 430, 431, 437, 466, 479, 492, 493, 503, 506–508, 514, 515, 540, 562, 570, 584, 597, 617, 621, 636, 637, 664, 696, 698, 792, 834, 835, 838, 862–864, 872
Кометани Михаил – 14, 26–28, 33, 39, 104, 140, 197
Комути Павел – 152
Конаса Нина – 823
Кондер, архитектор – 111, 296, 325, 579, 755
Кондо Василий – 302
Кондо Стефан – 525, 839, 891
Кониси Даниил – 212, 632, 812, 867
Конно, христианин – 720, 721, 725
Конно Василий – 42, 518
Конно Иоанн – 42, 518
Конфуций – 313
Коншин, фабрикант – 112
Кооги Яков – 254
Кооно, язычник – 145
Кооно Хироюки – 901
Коосан Оотани – 180, 292, 441, 771
Корф, епископ – 513, 634
Косака, врач – 790
Косияма Мария – 455
Косияма Тит – 51, 523, 531, 532, 544, 764
Коссович Иосиф Васильевич – 105
Костылев Василий Яковлевич – 52, 84, 231, 233, 245, 272, 290
Косути Агафья – 367, 520
Косути Илья – 7
Косути Павел – 7, 15, 31, 33, 78, 235, 253, 313, 367, 408, 438, 441, 442, 520, 633, 679, 685, 711, 721, 726, 748, 749, 753, 769, 790, 810, 860
Котама Елисавета – 39, 55, 61, 83, 98, 101, 261, 263, 277, 332, 333, 365, 412, 419, 443, 445, 447, 455, 456, 475, 510, 521, 536, 585, 624, 656, 724, 725, 776, 801, 822, 824, 828, 875, 875, 883
Котера Варвара – 260
Котера Иоанн – 142
Крылов И. А. – 913, 915
Кубота Антоний – 816
Кубота Павел – 59, 798
Кувабара Григорий – 63
Кувабара Павел – 50, 740, 744

- Кугимия Анна – 326
Кугимия Стефан – 66, 85, 119, 189, 189, 211, 218, 221, 226, 227, 239, 326, 370, 374, 383, 388, 392, 602, 615, 617, 647, 696, 801, 847, 904, 906
Кудашев, князь – 558, 616, 622, 646, 649, 731, 740, 774, 863, 913
Кудзё, княгиня – 164
Кузнецов Андрей Николаевич – 213
Кураока Евграф – 314, 315, 443, 748, 814
Кураока, Конон – 13
Кураока Павел – 13
Кураока Петр – 11, 29, 31, 41, 43, 67, 116, 118, 119, 121–123, 127, 131, 132, 140, 142, 145, 169, 281, 302, 448, 748, 904
Курибара Давид – 152, 801
Куроода, князь – 295
Куроода, маркиз – 205
Куроода Феодор – 42, 282, 303
Куропаткин А. Н. – 817, 818, 819
Ландсдорф, граф – 468
Лебедев Василий Романович – 433
Легасов Федор – 697, 775, 825, 826, 863
Лиговский – 430
Линевич, генерал – 519
Линевич Нина Николаевна – 519
Лихунчан – 270
Лобанов – см. Лобанов-Ростовский
Лобанов-Ростовский Анатолий Григорьевич, князь – 5, 60, 71, 83, 193, 194, 427, 433, 434, 590, 591
Лука, евангелист – 209, 408
Луканин – 669
Лумис – 401
Львовская Катерина Петровна – 256, 398, 774
Львовский Вячеслав – 177
Львовский Димитрий (Дмитрий) Константинович – 26, 52, 70, 106, 118, 138, 177, 180, 188, 210, 215, 255, 256, 257, 312, 397, 398, 457, 473, 477, 478, 505, 510, 558, 575, 590, 591, 593, 647, 667, 695, 740, 767, 772, 774, 822, 827, 837, 858, 880
Львовский Петя – 256
Мабуци Василий – 387, 551, 745
Маеда-Кага, князь – 540
Маедако Яков – 587, 682
Маено – 408
Макаров, адмирал – 654, 815
Макаров Степан Осипович – 424
Макдональд Клод – 400
Мак Кинлей, американский президент – 517, 520, 525
Макита Иоанн – 249, 254, 260

- Маки Фома – 78, 223, 367, 665–667, 693, 760, 867
 Макино, врач – 271
 Макино Марфа – 711
 Мак Калед – см. McCaleb
 Мак Ким – см. MacKim
 Маковский Игнатий Иосифович – 213, 214
 Максим – 176
 Маленда – 115, 263–265, 272, 310, 474, 585, 622
 Мальцев Алексей Петрович, протоиерей – 407
 Мано, христианин – 236
 Мано Ольга – 208
 Мапукава Стефан – 271
 Мараками, издатель – 795
 Мардарий, св. мученик – 804
 Мария, богоматерь – 759, 807
 Мария Павловна, вел. княгиня – 678
 Мария Федоровна, императрица-мать – 357, 358, 613, 629, 676, 677, 741
 Марк, евангелист – 196, 208, 210
 Марк, повар – 263
 Масаока Василий – 297, 298
 Масахара Анезаки – 250
 Маслов Василий, протоиерей – 754
 Масуда Димитрий – 880, 904
 Масуда Исак (Исаак) – 498, 335, 376, 420, 877
 Масуда Исидор – 902
 Матвеев Николай Петрович – 746, 747
 Матильда, католичка – 60
 Матфей, евангелист – 174, 184, 313, 361, 466, 470, 751, 827
 Махровский – 457
 Мацида Афонасий – 681, 746
 Мацубара Симеон (Семен) – 163, 168, 284, 329, 520, 580, 836, 850, 881
 Мацуда Никон – 7, 80, 90, 96, 98, 466, 663
 Мацуда Яков – 26, 28, 65, 66, 153, 188, 189, 374, 382, 452, 555, 559, 590, 665, 666, 693, 730, 733, 741, 768, 775, 797, 812, 820, 824, 853, 857, 867, 889, 905
 Мацудаира Марина – 623
 Мацудаира (бывш. Нива) Яков, из Формозы – 258, 449, 469, 538, 886
 Мацудаира Яков, из Асикага – 540, 584, 617, 623
 Мацуи – 96
 Мацукава Лука – 235, 297, 495, 498
 Мацукава Стефан – 495, 497
 Мацуми, учитель физики – 9
 Мацумори Павел – 798
 Мацумото Анна – 457

- Мацумото Игнатий – 6, 12, 15, 16, 20, 25, 42, 68, 102, 127, 307, 325, 428, 457, 463, 507, 524, 533, 672
- Мацумото Марина – 365
- Мацумото Мария – 169
- Мацумото Павел – 169, 173, 365, 408, 558, 559, 870, 890, 910
- Мацумото Петр – 28, 211, 498
- Мацуморо – см. Мацумуро
- Мацумура – см. Мацумуро
- Мацумуро, архитектор – 292, 295, 297–299, 320, 416, 418, 421, 493, 499, 572, 573, 779, 803, 809
- Мацунага Матфей – 163, 173, 242, 396
- Мацуно Георгий – 16, 25, 29, 30, 43
- Мацуо, христианин – 27
- Мацуока Стефан – 171, 332, 333, 379, 406, 528
- Мацуяма Григорий – 887, 888
- Мегури Петр – 496
- Меринов Николай Михайлович – 186, 195
- Метода, пастор – 581
- Метоки Андрей – 12, 28, 78, 179, 211, 264, 364, 365, 449, 515, 521, 530, 541, 551, 556, 566, 596, 604, 608, 768, 832, 898, 899, 905, 906
- Метоки Игнатий – 488
- Мещерская, княжна – 613
- Мещерская Мария Александровна, княгиня – 792, 889
- Мещерский, князь – 275
- Мива Бунгакуси – 581
- Мидзуно Федор (Федор) – 5, 6, 11, 12, 15, 21, 25, 28, 30, 32, 38, 44, 45, 53, 57, 69, 71, 72, 82, 86, 88, 129, 134, 137, 175, 183, 185, 186, 188, 189, 204, 213, 221, 231, 238, 239, 240, 261, 376, 383, 387, 392, 393, 406, 423, 430, 432, 434, 436, 448, 451, 456, 478, 492, 505, 516, 518, 523, 534, 543–545, 547, 554, 555, 565, 566, 576, 584, 587, 590, 595, 601, 613, 616–618, 627–631, 635, 638, 651, 652, 656, 696, 704, 712, 717, 722, 726, 749, 750, 752, 758, 759, 769, 777, 779, 796, 820, 821, 866, 868, 874, 879, 888, 891, 895, 902, 904, 912
- Мидзусима Исаия (Исайя) – 9, 16, 18, 34, 39, 114, 115, 223, 266, 306, 323, 356, 357, 370, 398, 407, 426, 427, 463, 634, 665, 681, 711, 735, 764–766, 769, 784, 801, 880, 893, 898
- Мидзутаки Марина – 493, 855
- Мидзуяма Иов – 73, 152, 175, 208, 212, 216, 265, 281, 318, 319, 320, 350, 352, 356, 372, 379, 477, 484, 720, 725, 838
- Миезава Авдий – 583, 598
- Миета Иоанн – 846
- Мии Семен (Симеон) – 21, 46, 48–53, 63, 67, 68, 73–75, 81, 89, 94, 99, 105, 107–111, 120, 140, 142, 146, 148, 155, 162, 174, 201, 206, 220, 233, 253–255, 257, 259, 291–293, 295–299, 307, 308, 314–318, 321, 329, 335, 352, 355, 356, 377, 396, 400, 416–422, 429, 432, 439, 475, 478, 493–495, 500, 502, 518, 562, 563, 565, 568,

569, 572, 575, 579, 580, 591, 592, 599, 600, 628, 629, 637, 659, 660, 662, 664, 667, 710, 724, 737, 741, 746, 750, 752, 755, 768, 771, 780–783, 796, 800–804, 808–811, 833, 835, 894, 839, 847, 848, 854, 856, 863, 868, 870, 895, 909

Мии Харита Анатольевна – 50, 74, 257, 667

Миками Георгий – 344

Миками Филарет – 633, 634, 784

Минамото (Кавасаки) Андрей – 95–99, 158, 425, 893, 898

Минамото Павел – 95, 157, 832

Минато – 38

Минато Моисей – 79, 80, 158, 162, 183, 255, 327, 335, 346, 377, 453, 541, 556, 587, 627, 639, 701, 734, 841, 844

Мисима Петр – 32, 124, 163, 178, 186, 227, 230, 247, 251, 310, 317, 333, 334, 337, 338, 340, 341, 343, 515, 570, 584

Мита Василий – 543

Миура, виконт – 490

Миура, журналист – 495

Миура Вера – 580

Михаил, св. архистратиг – 353

Михаил, христианин – 193

Михаил, свящ. – 231

Михайловский Василий Яковлевич – 125

Михара Фома – см. Михора Фома

Михей, архимандрит – 394, 395, 396

Михей, христианин – 163

Михора Фома – 332, 351, 352

Мицуно Федор – см. Мидзуно Федор

Миягава Феодор (Феодосий) – 54

Миягава Хрисанф – 467, 507, 864, 865

Мияги, семинарист – 56

Миязаки, протестант, издатель – 750

Мияке Василий – 463

Мияке Иоанн – 463, 655

Миямори Иоанн – 734, 745

Миясима Лука – 875

Миясима София – 875

Миясима Эраст – 219, 821, 875

Миясита Илья – 881

Мията, журналист – 865

Моисей, пророк – 505, 735

Моки Зилот – 277, 312, 314, 315, 317, 319, 454, 562, 739, 746

Момма, инженер – 342

Момосе Иоанн (Иван) – 78, 136, 549, 585, 586, 599, 644

Мори, христианин – 764, 765

- Мори Василий – 39
Мори Иоанн – 77, 136, 158, 219, 510, 524, 544
Мори Кирилл – 477, 509, 702, 737, 758, 812, 829, 831, 833, 837, 859, 861
Мори Моисей – 89, 134, 142, 171, 172, 290, 291, 295, 489, 565, 625, 629, 630, 708
Мори Никита – 39, 702, 812
Морита Павел – 11, 13, 36, 44, 50, 102, 105, 126, 152, 170, 175, 205, 212, 215, 216, 224, 265, 278, 306, 356, 373, 391, 401, 411, 441, 456, 457, 477, 482, 489, 532, 604, 616, 659, 664, 715, 740, 744, 754, 755, 778, 798, 817, 834–836, 838, 853, 867, 909
Мори Петр – 678, 702, 721, 731
Морита Сен – см. Кимицука Сен
Мороока Михаил – 333
Мотт – см. Mott
Моцидзуки Мария – 296, 420
Моцидзуки Петр – 223, 242, 607, 736
Моцидзуки Фома – 296, 420
Мукояма Игнатий – 31, 91, 154, 160, 170, 177, 271, 380, 392, 408, 478, 481, 520, 555, 560, 564, 566, 603, 627, 628, 662, 665, 668, 678, 679, 684, 702, 703, 708, 733, 735, 774, 792, 812
Мукояма Лукия – 154, 560
Мунеюки Мёочина (Симеон) – 802
Муравьев, протоиерей Владивостокский – 307
Муравьев Михаил, рос. министр ин. дел – 270
Мураи Павел – 113, 114
Мураками Никанор – 385
Мураки Исайя – 290, 768
Мурасаме Мария – 480
Мурасе Пахомий – 568, 569
Мурата, полковник – 818
Мууроками Павел – 91
Мурокоси Александр – 630, 743
Муромаци Давид – 243
Муханова Надежда Владимировна, гувернантка Извольских – 751
Мясоедов Александр Николаевич – 706
Мясоедова – 653
Нагано Акила – 271, 401, 606
Нагано Павел – 84, 425
Нагата Иоанн – 673, 683, 686
Надарова Анна Валериановна – 331, 332
Назаревский Александр Петрович – 825
Назарий, иеромонах – 649, 653
Назаров, офицер – 631
Назарьев, офицер-студент – 502
Найто, уд. князь – 54

- Найто, христианин – 86
 Накагава, помощник архитектора – 421
 Накагава Иван (Иоанн) – 50, 398, 407, 436, 476, 579
 Накагава Илья – 45, 120, 227, 273, 366, 459, 471, 543, 571, 609, 734, 915, 916
 Накагава Николай – 50
 Накагава Софья – 50
 Наказава Макарий – 152, 228, 255, 352, 746, 896
 Накаи Варвара – 115, 608, 854
 Накаи Екатерина (Катерина, Катя) – 64, 97, 115, 182, 263, 264, 265, 272, 448, 474, 585, 586, 599, 605, 622, 711, 775
 Накаи (Накай) Павел – 6, 9, 12, 16, 19, 20, 32, 46, 54, 61, 62, 64, 78, 85, 86, 88, 91, 97, 115, 116, 139, 147, 156, 164, 170, 174, 176, 181, 182, 184, 185, 190, 196, 209, 210, 214, 219, 224, 233, 237, 247, 251, 263, 272, 313, 316, 327, 334, 337, 349, 354, 355, 357, 358, 367, 390, 391, 394–396, 402, 408, 413, 422, 429–431, 437, 442, 449, 453, 456, 464, 465, 470, 473, 474, 499, 500, 513, 524, 536, 540, 542, 546, 548, 550, 558, 559, 574, 578, 581, 583–585, 588, 599, 603, 604, 608, 614, 615, 619, 644, 666, 698, 700, 704, 705, 707, 708, 712, 723, 724, 732, 734, 739, 742, 748, 755, 766, 768, 772, 775, 778, 784, 790, 797, 798, 799, 813, 821, 827, 839, 854, 856, 857, 860, 864, 872–875, 877, 883, 885–887, 889, 893, 904
 Накакодзи Андрей – 467
 Накакодзи Моисей – 467
 Накакодзи Павел – 467
 Накакодзи Яков – 260
 Накамура, врач – 307
 Накамура Михей – 847, 852
 Накамура Павел – 240, 380
 Накамура Петр – 78
 Наканиси Варнава – 44
 Наканиси Иов – 44
 Накано Елисей – 295
 Накано София – 295
 Накарай (Накарай) Василий – 115, 171, 220, 223, 570, 611, 735, 747
 Накасима Иван (Иоанн) – 165, 357, 384, 385, 638, 639, 663, 704, 814, 815, 822, 837
 Накасима Тит – 284, 344, 358, 391, 482, 501, 542, 740, 778, 869
 Накасима Фотина – 357
 Накацука Иов – 23, 153, 820
 Накаяма, протестант – 912
 Намеда Климент – 96, 228
 Нарахаси Симеон – 247
 Нарцизов Николай Флегонтович – 526
 Нафанаил, иеромонах – 396
 Нахимов Павел Степанович – 653
 Невель – см. Newell
 Невельской – 544

- Негоро Яков – см. Негуро Яков
Негуро Яков, из Оомия – 163, 569
Негуро Яков, из Нагано – 364, 776
Неофит, иеромонах в Китае – 709
Нечаев-Мальцев Юрий Степанович, жертвователь – 676, 791
Нива Матфей – 694, 703, 704, 707, 708, 709, 713, 721, 722, 728, 734
Нива Яков – см. Мацудаира Яков
Ниими Давид – 55, 774
Ниими Нина – 55
Никанор, архиепископ Херсонский – 424
Николай Мирликийский, святитель – 807, 813
Николай Чудотворец, святитель – 253, 453, 627
Николай, епископ – 133, 159, 342, 364, 423, 462, 510, 715, 720, 872, 892, 902, 903, 906
Николай, иеромонах в Китае – 709
Николай, христианин из Камаиси – 189
Николай II – 607
Николай, цесаревич – 484, 849
Никон, архимандрит – 789, 851
Ними Димитрий – 158
Ниносеки Петр – 482
Нисида – 185
Нисизава Акила – 841
Нисикава, репортер – 184
Нисимура Павел – 328, 371, 372
Нисио – 243
Нисиока Павел – 35
Ницума Мария – 90, 330
Ницума Павел – 90, 204, 248, 330, 423, 718, 721–723, 726–730, 736, 738, 743, 746, 750, 771, 779, 834, 877–879, 888, 891, 902
Ницше Ф. – 604
Нода Иоанн – 138–141, 147, 153, 307, 313, 484, 512, 523, 547, 583, 614
Нода Иустин – 909
Нода Эраст – 694
Нобора Василий – см. Нобори Василий
Нобори Василий – 477, 509, 702, 758, 772, 829, 832, 908
Нономура Иоанн – 866
Нумабе Сергей – 36, 38, 40, 62, 88, 100, 109, 110, 135, 148, 157, 192, 212, 226, 232, 259, 287, 290–292, 372, 373, 406, 415, 466, 491, 558, 559, 684, 688, 692, 695, 701, 708, 709, 728, 837, 877, 897
Нумакура Киприан – 613
Обара Алексей, регент – 130, 155, 195, 209, 219, 267, 312, 314, 315, 317, 319, 417, 418, 420, 454, 572, 590, 592, 624, 663, 682, 767, 801, 855, 856, 859, 864, 865

- Обата, катихизатор – 24
Обата Акила – 148, 659, 839
Обата (Обато) Антоний – 149, 178, 660, 871, 872
Обата Максим – 551, 609, 701, 734, 844, 861
Овата Иоанн – 149
Овербек – 360, 381, 844
Огава Марфа – 825
Огава Павел – 371, 755, 759
Огава Симеон – 33, 152, 657, 825
Огасавара Иоаким – 497
Огасавара Николай – 497
Одагири Марк – 233, 248, 253–255, 429, 543
Одадзима Марк – 888
Одрей – см. Awdrey
Одрэ – см. Awdrey
Озаки Анатолий – 134, 135, 147, 163, 177, 219, 259, 451
Озеки Василий Павлович, капитан – 542, 557
Озеров, капитан «Полтавы» – 581
Оимикадо, маркиз – 555
Ока, христианин – 410
Ока Конон – 194
Ока Николай – 220, 223, 853
Ока Петр – 33, 373, 405, 452, 567
Ока Степан (Стефан) – 308, 859
Окава Симеон – 507
Окагами, переплетчик – 187
Окада Иоанн – 335
Окада Иосиф – 441, 445, 488, 514, 517, 521, 528
Окада Куматаро – 892, 893, 897, 902, 907
Окада Павел – 420, 494
Окамото Василий, плотник – 261, 293, 320, 783, 790
Окамото Павел – 707, 731
Окамото Риуноске – см. Риуноске Окамото
Окамура, бонза – 162
Окамура Елена – 626
Окамура Мария – 261
Окамура Павел – 626
Окемото Нифонт – 115, 481, 488, 492, 532, 566, 581, 730, 857
Оки Василий, семинарист – 603, 604
Окуяма Василий – 449
Омата Ефрем – 484, 608, 728, 730–732, 746, 771, 862
Омата Сусанна – 883
Омура Константин – 133

- Оно Вера – 489
Оно Георгий – 118, 120–122, 132, 173, 232
Оно Иоанн – 9, 28, 75, 220, 223, 247, 248, 275, 281, 285, 289, 297, 300, 301, 314, 318–321, 324, 325, 326, 328, 329, 339–341, 344, 345, 348, 350–352, 356, 365, 368, 374, 419–422, 426, 428, 450, 476, 477, 478, 482, 489–493, 501, 503, 506, 507, 510, 516, 567, 594, 634, 655, 740, 748, 755, 783, 784, 804, 807, 809, 833, 846, 847, 848, 859, 870
Оно Николай – 137, 207, 265, 307, 317, 493
Оно Стефан – 778
Оно Фива – 823, 824
Оно Фома – 7, 88, 163, 179, 186, 227, 230, 247, 251, 506, 508, 584, 621, 637, 823
Оное Фома – 98
Оогаки, редактор – 266, 267
Оогое Алексей – 32, 65, 103, 320, 349, 390, 431, 439, 468, 470, 471, 737
Оогое Василий – 103, 439
Оогое Стефан – 737
Оодадзуми Петр – 42
Оои Мария – 412, 413
Оои Павел – 413
Оокава Дорофея – 285
Оокава Павел – 246, 285, 379, 458, 720, 845, 846, 904
Оокава Петр – 187
Оокума, граф – 56, 727
Оокура Константин – 223
Оониси, подрядчик – 294, 296, 298, 335, 416, 572
Оониси, репортер – 289
Оонума, ученик – 544, 545
Оонума Павел – 9, 13, 39, 44, 778
Оосава Тит – 157, 258
Оосима Лука – 891
Оосима Спиридон – 33, 414, 415, 890
Ооста Моисей – см. Оота Моисей
Оота Александр – 77
Оота Алексей – 621
Оота Лидия – 90, 241, 243
Оота Моисей, доктор – 241, 243, 607, 621, 622
Оота Фома – 678, 706, 708
Оота Яков – 489, 510, 595, 596
Оотани, глава секты – см. Коосан Оотани
Оотера, барон, генерал – 484
Оотера, его сын – 484
Ооуци Вада, сторонник А. Савабе – 673, 689, 692
Ооуци Илия – 403

- Ооуци Исаяя – 403, 506
 Оохара Леон – 574
 Оохаси Роман – 56
 Ооцука Сергей – 694, 703
 Ооцуки Фома, катихизатор – 466, 488, 540, 637
 Ооцуки (Ооцуки), грамматик – 350, 355
 Оояма, маркиз – 650
 Опуки – 354
 Ориенцы, патер – 294
 Орига Лука, певчий – 73, 114, 115, 801
 Орлов Николай Васильевич – 844
 Осеки Василий Павлович – 450, 455, 575
 Осида Павел – 448
 Осида Петр – 221, 470, 474, 601, 719, 745
 Осозава Фаддей – 6, 11, 12, 20, 42, 57, 71, 124, 134, 137, 750
 Осозава Феодор – см. Осозава Фаддей
 Остен-Сакен Федор Романович – 818
 Отани, глава секты – см. Коосан Оотани
 Оуци – см. Ооуци
 Оциай, грамматист – 355
 Оциай Павел – 867, 879, 894
 Павел, апостол – 103, 138, 286, 492, 542, 662, 821, 833, 876, 903, 913
 Павлов Александр Иванович – 192, 440–442, 678, 794
 Палладий, митрополит – 5, 10
 Пантелеймон, игумен – 756, 757, 785, 789, 811, 861
 Партридж – см. Partridge
 Паттон – см. Patton
 Певницкий – 332
 Петр, апостол – 72, 94, 103, 249, 286, 296, 492, 662, 821, 833
 Петр-одноглазый – 124
 Петров Иван Илларионович – 230
 Петрушевский – 51
 Пимен, иеромонах – 150, 462, 709
 Победоносцев К. П. – 80, 85, 267, 430, 557, 605, 613, 628, 736, 741, 843, 844
 Повалишин, лейтенант – 53
 Позднеев Алексей Матвеевич – 213
 Поклевский Станислав Альфонсович – 58, 103, 188, 289, 357, 362, 456, 548, 558, 565, 602
 Поляновский Зиновий Михайлович – 31, 240, 283, 284, 819
 Полянский – 203
 Попов, автор книги «О нравственности» – 24
 Попов Златко Гюров – 844
 Попов Павел Степанович – 216, 253, 339, 442, 444

- Поттер, епископ – 170
Путята, полковник – 72
Путятин, граф – 313, 349, 527
Пушкин А. С. – 761
Пясецкий, доктор – 818
Распопов Николай Александрович – 272, 284, 287, 290, 895
Рачинский Сергей Александрович – 390, 577, 644
Риуноске Окамото – 46, 48, 49, 53, 54, 63, 67, 68, 73–75, 80, 81, 89, 94, 99, 162, 352, 366
Розен Роман Романович, барон – 54, 103, 106, 144, 172, 193, 237, 239, 255, 263, 265, 267, 270, 273, 334, 459, 740, 799, 813, 825, 863, 868, 875, 905, 913
Розен Елисавета Алексеевна, баронесса – 172, 177, 263, 265
Розен Лиза – 263
Роман Сладкопевец, св. – 510
Романова Мария Осиповна – 179
Романовский Андрей – 697, 775, 825, 826, 863
Ромир Маедзима – 251
Распопов – см. Распопов
Россов Петр Алексеевич – 234
Рубинштейн Влад. Всеволодович – 645
Русин Александр Иванович – 215, 230, 238, 434, 549, 550, 794
Русин А. П. – см. Русин А. И.
Сабанай Евфимий, старик – 158, 172
Саблер Владимир Карлович – 85, 117, 147, 159, 267, 797
Сабуро Симада – 349, 581, 582, 865
Савабе Алексей – 15, 16, 30, 68, 71, 110, 127, 156, 157, 193, 239, 257, 282, 382, 395, 408, 409, 415, 428, 434, 485, 486, 492, 522, 576, 593, 595, 596, 638, 639, 654, 655, 669–675, 677–698, 701, 703, 704, 706, 707, 712–718, 721–723, 726, 728–732, 734, 738, 743, 746, 747, 750, 758, 759, 766, 771, 786, 791, 794, 833, 834, 837, 862, 864, 872, 883, 891, 913
Савабе Евгения – 639
Савабе Павел – 9, 14, 19, 23–25, 29, 31–34, 36–41, 44, 56, 67, 68, 78, 93, 104, 121, 122, 126–128, 130–132, 151, 193, 204, 211, 214, 217, 229, 247, 248, 258, 259, 282, 283, 300, 304, 306, 310, 314, 340, 359, 383, 426, 431, 437, 449, 457, 514, 515, 546, 576, 584, 654, 669–671, 673, 678, 689, 690, 692–695, 698, 701, 704, 707–709, 712–718, 721–723, 726, 728–731, 734, 738, 743, 747, 758, 760, 766, 771, 784, 786, 791, 794, 833, 834, 862, 872, 883
Саваде Елена – 115
Саваде Михаил – 359
Саваде Павел – 139, 141, 157, 164–168
Саваде Петр – 359
Савай, христианин – 727, 732
Савельева Марья Семеновна – 125, 697, 698
Саганоя – см. Язаки

- Сайго, маркиз – 613, 628, 629
Сайго, политик – 94
Сайкайси Иоанн – 406
Сайкайси Марк Иванович – 38, 100, 311, 312, 761
Саймару, братья – 120, 537
Саймару Андрей – 251, 391
Саймару Иоанн – 391
Сайто, катихизатор – 88
Сайто Феодор, ученик – 745, 909
Сайто Павел – 152, 164, 168, 177, 221, 260, 263, 308, 392, 403, 437, 492, 493, 503, 504, 506, 508, 569, 637, 790, 840, 850, 886, 904
Сайто Савва – 308
Сакаи Мацубара – 597, 599, 600
Сакаи (Сакай) Текуса – см. Хагивара Текуса
Сакай Екатерина – 857
Сакай Елена – 320, 323
Сакай Иоанн – 9, 304, 320, 822, 856
Сакай Петр – 449
Сакамото Екатерина – 66, 67
Сакамото Игнатий – 675
Сакамото Марфа – 66
Сакума Павел – 20, 391, 392, 401, 411, 449, 659
Сакурода, католик – 560, 563
Сакурода Любовь – 236
Сакурода Савва – 73, 152, 230, 236, 352, 484, 574, 621, 743
Сакураи Николай – 33, 80, 104, 158, 164, 169, 172, 173, 206, 251, 365, 460, 489, 517, 626, 656, 795, 797, 820, 822, 858, 890, 896, 906
Сакураи Тичёо – 872
Самойлов Владимир Константинович – 794, 913
Самойлов Ф. И. – см. Самойлов Ф. Н.
Самойлов Феодор Никитич, жертвователь – 676, 803
Санномия, барон – 56, 57
Санномия, баронесса – 56
Сапожников Владимир Григорьевич – 782, 803
Сасаба Кирилл – 42, 280, 545, 620, 739, 748
Сасабе Кирилл – см. Сасаба Кирилл
Сасагава Алексей, расходчик – 288, 398, 749
Сасагава Андрей – 877
Сасагава Петр – 11, 42, 81, 105, 171, 206, 220, 223, 225, 236, 282, 314, 318, 320, 327, 350, 351, 360, 376, 427, 428, 457, 478, 540, 567, 570, 574, 587, 616, 682, 734, 745, 821, 834, 836, 877, 883, 886, 888, 894
Сасаки, врач – 189, 496, 498
Сасаки, проф. университета – 6

- Сасаки, христианин – 620, 621
Сасаки Варвара – 33
Сасаки Иоанн – 155
Сасаки Марфа – 496
Сасаки Павел – 483
Сасоба Кирилл – 303
Сате Марина – 343
Сато, живописец – 170
Сато Авраам – 169, 344, 465, 470, 482, 483, 501, 516, 577, 795
Сато Анна – 469, 883
Сато Василий – 792
Сато Илья – 53, 134, 391, 515, 543, 560, 580, 817
Сато Иосиф – 824
Сато Иосия – 407, 469, 837, 840, 883
Сато Марфа – см. Такахаси Марфа
Сато Мефодий – 837
Сато Павел – 5, 17, 21, 40, 44, 45, 53, 59, 60, 62, 68, 69, 71, 73, 75, 77, 83, 86, 90, 110, 122, 124, 125, 133, 138, 143, 146, 164, 189, 191, 193, 197, 207, 210, 211, 213, 214, 234, 237–240, 262, 282, 297, 300, 306, 315, 321, 370, 375, 396, 407, 432, 434, 463, 465, 467–470, 478, 480, 482, 485, 502, 557, 595, 696, 823, 837, 840, 883, 900
Сато Пантелеимон (Пантелеймон) – 38, 576, 600, 662, 683–687, 690, 693, 695, 698, 732, 733
Сацумский, князь – 11
Светилин, автор учебника логики – 274
Свит – см. Sweet
Севастиан, свящ. – 778
Сеймур, адмирал – 274, 278, 871
Секи Исая – 154
Секи Петр – 906
Секигуци Павел, адвокат – 889, 891
Секигуци (Секи) Пантелеймон, врач – 164, 356, 371
Секигуци, сын Пантелеймона – 186
Семенов Яков Лазаревич – 906
Семенова из Владивостока – 792
Сенума Елена – 8
Сенума Иван (Иоанн) Акимович – 6–8, 12, 38, 51, 64, 81, 82, 98, 101, 114, 186, 194, 217, 253, 265, 274, 277, 302, 304, 308, 333, 341, 346, 388, 409, 416, 432, 435, 454, 455, 463, 464, 523, 525, 531, 540, 549, 557, 564, 581, 585–587, 590, 599, 600, 604, 612, 623, 625, 626, 649, 651, 652, 656, 657, 688, 732, 733, 770, 787, 789, 800, 826, 829–832, 842, 849, 891
Сео Мирон – 82, 265
Серафим Саровский – 842, 851, 856, 860, 861
Сергеев Петр Михайлович – 672
Сергиев Иоанн – 424

- Сергий, архимандрит – 5, 10, 11, 13, 16–18, 22, 24, 40, 51, 69, 76, 211, 395, 554, 557, 578, 613
- Сергий Радонежский – 510
- Сергий Страгородский – 19, 76, 150, 156, 159, 165, 182, 203, 293, 408, 577, 756, 757, 789
- Серошевский Вацлав Леопольдович – 797, 868
- Сея, христианин – 93
- Сёодзи, христианин – 764, 765
- Сёодзи Никодим – 144
- Сёодзи Сергей – 49, 144, 193
- Сибанаи (Сибанай) Павел – 79, 180, 367, 571, 898, 899
- Сибаяма Павел – 172
- Сибаяма Петр – 83, 176, 177, 183, 208, 216, 257, 450, 514, 555, 561, 562, 569, 580, 611, 739, 746, 810, 853, 881, 888, 891
- Сибуя Петр – 820
- Сиверс Влад. Яковлевич, консул – 646, 753, 760, 768, 794
- Сиворцев – 169, 184
- Сида, домоправитель у Оимикадо – 555
- Сида Иоанн – 465, 466, 658
- Сиина Гордий – 150, 553, 554, 557, 564, 567, 590, 592, 594, 606, 618–620, 632
- Сильман Николай Федорович – 792
- Симано Евдокия – 420
- Симано Марк – 420
- Симеон, иеромонах в Китае – 709
- Симидзу Варнава – 152, 234, 235, 251, 253, 254, 264
- Симода Игнатий – 29, 35
- Симотомае (Симотомай) Моисей – 449, 489, 678, 846
- Сингкн – 549
- Синовара Иоанн – 87, 501, 733, 778
- Сионоя Сергей – 431, 534, 842
- Сираи Андрей – 345
- Сираива Моисей – 229, 256
- Скрыдлов Николай Илларионович, адмирал – 345, 353, 395, 404, 580, 590, 591, 595
- Славин Константин Иванович – 629
- Смирнов, автор «Церковной истории» – 533, 670
- Смирнов, протоиерей в Лондоне – 554, 557
- Смит Иосиф – 519, 530
- Смысловская – 239
- Смысловский Павел Павлович – 104, 232, 341, 397
- Соесима, граф – 288, 390
- Созонов, майор – 884
- Соковнин Михаил Алексеевич – 283

- Соколовский Николай Николаевич – 869
Соловьев С. М. – 51
Соломон, царь – 401
Соно Павел – 39, 347, 361, 375, 376, 379, 556
Соо Мирон – 239
Спальвин Евгений Генрихович – 66, 83, 195, 207, 213, 817
Старк, адмирал – 264
Старцев Алексей – 117
Старцева Евдокия Алексеевна – 119
Степанида – 174
Сторожев Яков – 80, 174, 335, 338, 339, 346, 353, 734, 829, 844, 866
Страшников Владимир Николаевич – 910, 912
Стремоухов – 486
Струве К. В. – 613
Суга Иона – 240
Сугаи (Сугай) Василий – 10, 247, 248, 468
Сугамура Никита – 95, 392, 721, 741, 746
Суге Георгий – 247
Сугияма Александр – 9, 338, 842
Сугияма Софья – 9
Сугияма Тихон – 11, 164, 324, 356, 366, 371, 515, 570, 584, 637
Сугои, катихизатор – 88
Суда Петр, ученик – 84, 96, 98, 101, 215, 240
Суда Петр, учитель в Семинарии – 415, 456, 596
Судзуки, сын англичанина – 571
Судзуки, христианин из Сиракава – 114, 437
Судзуки, семинарист – 83, 114
Судзуки Андрей – 626
Судзуки Афонасий – 170
Судзуки Григорий – 44
Судзуки Василий – 169, 170, 174
Судзуки Дарья – 28, 45, 57, 67, 141
Судзуки Елена – 379
Судзуки Иоанн – 17, 44, 75, 87, 88, 112, 118, 120, 132, 152, 169, 170, 282, 778, 817, 852, 855, 859
Судзуки Мандзиро – 581, 582
Судзуки Павел – 142, 324, 346, 864
Судзуки Сергей – 20, 21, 28, 63, 81, 84, 89, 93, 100, 105, 149, 162, 199, 213, 216, 222, 228, 234, 235, 247, 253, 255–257, 264, 271, 275, 296, 297, 308, 310, 315, 317, 321, 324–326, 332, 344, 345, 350, 365, 368, 374, 376, 419–422, 425, 456, 495–498, 526, 533, 560, 566, 594, 616, 637, 655, 708, 746, 747, 755, 769, 783, 804, 810, 811, 867, 891, 896, 909
Судзуки Рихей – 76

- Судзуки Филипп – 25, 26, 28, 30, 45, 57, 67
Судзуки Яков – 349, 390, 391, 901, 902
Суетаро Иосида – 873, 878
Сукава Андрей – 498
Сукава Иоанн – 517
Сукава Кирилл – 498
Сунгиноме Адриан – 777, 778
Тадаки Иосиф – 15, 16, 21, 22, 27, 61, 62
Таде Василий – 197, 219, 241, 242, 244, 441, 545, 809
Таде Павел – 352, 481
Тадзима Стефан – 395, 411, 485, 486, 491, 492, 516, 556, 566, 635, 638, 820, 895
Таира – 549
Таира Ольга – 10
Таира Павел – 10
Такаги Николай – 531, 580, 801, 836
Таказава Василий – 597
Такаи Антоний – 133, 257, 702
Такай Яков – 753, 894
Такаку Игнатий – 373, 422, 456, 457, 458, 573, 634, 658, 659, 666
Таканаги Николай – 248
Такасе Феодора – 228, 229
Такасе Никанор, повар – 20, 81, 127, 228, 229, 240, 398, 815, 830
Таката Иов – 292–295, 299, 783
Такахаси, христианин – 67
Такахаси Вера – 599, 667
Такахаси Виссарион – 687, 909
Такахаси Иоанн – 782
Такахаси Иосиф – 870
Такахаси Климент – 883
Такахаси Лин – 560, 564, 651, 668, 671, 686, 733, 887
Такахаси Лука Яковлевич – 41, 76, 245, 249
Такахаси Мария – 34, 68, 130, 245, 249
Такахаси Марфа – 667–669, 671, 686
Такахаси Надежда – 17, 23, 41, 61, 136, 211, 276, 304, 308, 419, 493, 494, 508, 572, 573, 574, 578, 579, 592, 605, 667, 668, 780, 782, 783, 824, 857, 861
Такахаси Павел – 14, 15, 93, 382, 599, 638, 654, 655, 664, 669, 670, 671, 672, 674, 690, 691, 713, 738, 750
Такахаси Петр – 142, 356, 372, 488, 635, 667, 870, 910
Такахаси Степан (Стефан) – 92, 698
Такахаси Яков – 41, 511, 870
Такая Яков – 42, 282, 328, 373, 458, 483, 508, 544, 546, 553, 589, 595, 605, 620, 837, 847, 848, 879
Такеда Василий, дворник – 373, 411, 412, 544, 737

- Такеда Феодора – 412
Такеиси Стефан – 162, 622
Такеици Петр – 104, 105, 107–111, 120, 297, 421, 422
Такенака Иоанн – 681, 682
Такеноуци, издатель – 416, 446, 457, 464
Такеока Фома – 31, 96, 120, 271
Такока Игнатий – 373
Тамура, пастор – 581, 582
Танабе, врач – 93, 686, 715
Танака Андрей – 243
Танака Василий, врач – 242, 519
Танака Даниил – 887
Танака Илья – 273
Танака Нина – 243
Танака Петр – 203, 551, 566, 594, 597, 611, 719, 806
Танака Сёозо – 582
Танака Симеон – 243, 847
Танака Фома – 26, 63, 89, 93, 105, 162, 175, 222, 228, 232, 235, 309, 315, 317, 320, 322–326, 332, 344, 345, 419, 420, 425, 495, 497, 634, 655, 742, 783, 808
Танесима, врач – 187
Таубе Борис Александрович – 442
Тацибана – 625
Тацибана Павел – 504
Теразава Моисей – 376
Тарасима Павел – см. Терасима Павел
Терасима Павел – 172, 208, 257
Терасима Петр – 569
Терентьев Иван Абрамович – 234
Тихай Александр – 274, 279, 856, 862
Тихай Игнатий – 274, 279
Тихай Лиза – 274, 862
Тихай Митя – 274, 279
Тихай Яков Дмитриевич – 274, 279, 546, 573, 856, 862, 887
Тихомиров Лев Александрович – 388, 393, 394, 447, 505, 508, 565, 575, 578, 605, 609, 612, 628, 736, 737, 743, 753, 787, 803, 849, 850
Тихон, архиерей – 360, 381, 385, 400
Тихон Задонский – 240
Товарова Александра – 742
Тога Матфей – 451, 637
Тога Павел – 203
Тодороги Моисей – 678, 743
Тодороги Яков – 681
Тоеда Митрофан – 415

- Тоеда Феодор – 829
 Токугава – 354
 Толстой Л. Н. – 85, 407, 410, 439, 570, 683, 833
 Толь, графиня – 646
 Томидзе, проф. римского права – 695
 Томизава Яков – 425
 Томии Симеон – 10, 62, 111, 112, 149, 178, 610, 885
 Тоокайрин Петр – 814, 904
 Тоокайрин Симон – 176, 177, 183, 208, 257, 411, 492, 493, 504, 507, 508, 514, 584, 597, 663, 848, 906
 Тоохей Яков – 156, 282, 479, 568, 638, 664, 677, 738, 784
 Торио – 94
 Тото Яков – 586
 Тоцука Бункай – 307, 313
 Трацтшольд, студент – 754
 Тренюхин Владимир Михайлович, инженер – 519, 520
 Троллоп – см. Trollop
 Тронин Василий Аркадьевич – 842, 877
 Тронин Владимир – 842
 Тургенев И. С. – 761
 Удзие Петр – 79
 Удзие Яков – 280, 283, 314, 315, 328, 371, 372, 432
 Уеда Марк – 437
 Уеда Матфей – 216, 252, 339, 389
 Уено Андрей – 557
 Узава Филипп – 25, 30, 45, 57, 67, 141, 175, 376, 478, 565, 628, 749, 779, 877, 888
 Унженин Сергей Васильевич, купец – 53, 536
 Усигое Сергей – 526, 542, 563, 609
 Устинов Михаил Михайлович – 13, 471
 Устинов Платон – 13
 Устинова Мария – 13
 Устинова Марья Николаевна – 13
 Усуи Анатолий – 154
 Усуи (Усуй) Василий – 41, 131, 132, 134, 135, 138, 140–142, 145, 147, 154, 197, 215, 216, 218, 219, 221, 222, 245, 249, 337, 373, 413, 422, 436, 452, 500, 501, 510, 521, 524, 531, 543, 554, 567, 595, 596, 604, 618, 740, 741, 744, 746, 747, 792, 817, 846–848, 904
 Усуи Пимен – 337, 341, 436, 510, 528, 531, 556, 567, 570
 Ухтомский, князь – 52, 56, 849, 852
 Уцида Петр – 17, 374–376, 422, 428, 752, 761, 763, 764–767, 769
 Уцимура Мария – 196
 Уцимура Петр – 196
 Уцияма Петр – 649, 753, 772, 829, 856

- Уцуи Василий – см. Усуи Василий
Федоров, отставной генерал – 871
Феофан, епископ – 542, 861
Филарет, митрополит Московский – 292, 825
Филипп, резчик – 420
Филиппиус – 214, 737
Финляндский Николай Дмитриевич – 429, 447
Физон – см. Fyson
Фишер – см. Fisher
Фокин Дмитрий Онисимович – 362, 397, 398
Фотий, патриарх – 597
Франциск Ксаверий – 295
Фудзивара Антипа – 176, 371, 588, 630
Фудзивара Петр – 158, 247, 285, 287
Фудзии Анна – 441
Фудзии Павел – 441, 445
Фудзима Яков – 518
Фудзисава, протестант – 876
Фудзисава Давид – 34, 77, 141, 146, 169, 189, 194, 320, 338, 372, 373, 406, 475, 620, 655, 673, 674, 680, 681, 701, 702, 708, 719, 721, 723, 727, 728, 835, 867, 897, 899, 906
Фудзита Яков – 74, 419, 420, 500
Фукасава Спиридон – 867
Фукасе Иоанн – 31, 96, 271, 316, 773, 812, 871
Фукасе Ирина – 238, 271, 871
Фукуба, начальник сада – 54
Фукузава, язычник – 407
Фукузава Спиридон – 778
Фукуи Роман – 41, 82, 118, 120–122, 152, 164, 179, 186, 227, 230, 247, 251, 328, 391, 537, 637, 665, 667, 677, 684, 694, 708, 719, 734, 735, 738, 743, 755, 768, 773, 797, 824, 829, 832, 861, 866, 881, 887, 896, 909
Фукусави Иосиф – 441
Фукусима Ананий – 154, 160
Фурукава, купец – 581, 582
Фуруказа – 405
Фурусак Петр – 243
Фуруяма Иоанн – 17, 651
Фусими, принц – 569, 650
Хагивара Екатерина – 648, 822, 824
Хагивара Текуса – 61, 304, 309, 320, 323, 508, 608, 656, 697, 711, 822, 857
Хакусеки Араи – 354
Хамано Моисей – 16, 93
Ханг, кореец – 795

- Хане Павел – 587, 611, 656
Хано Кирилл – 43
Хара – 727
Хасегава, помощник архитектора – 421
Хасегава Андрей – 900
Хасуике Христина – 784, 823
Хата, учитель – 271
Хата Мария – 455, 456
Хатакеяма Иоанн – 446
Хаттори Пантелеймон, врач – 519
Хацихама, издатель – 9
Хаякава Елисей – 29, 30, 32, 41, 43
Хаякава Иов – 838
Хаяси Петр – 32, 354
Хиби, отец семинариста – 242
Хиби Иоанн – 391, 392
Хиби Яков – 835
Хигуци Емильян – 6, 38, 84, 92, 184, 333, 355, 633
Хигуци Николай – 84
Хидеёси Тайко – 295, 802
Хикодзиро Фукуи – 497
Хилков, князь – 534, 871
Хингамура Анна – 10
Хираи Василий – 380, 479, 613, 618, 627, 628, 768, 775
Хираяма Моисей – 333, 376
Хираяма Сократ – 30
Хиромици Петр – 313, 867
Хироока Даниил – 31, 33
Хироока Лука – 481
Хиросава Авраам – 846
Хиросе – 86
Хирота, язычник – 65
Хирота Акила – 243, 710, 768, 780, 800, 801, 804, 805, 848, 869
Хирота Павла – 211–213, 285, 286
Хирума Павел – 93, 94, 602
Хисимото Петр – 515, 525, 529, 530
Хитоми Иоанн – 5, 219, 593, 595, 667, 827
Хитрово М. А. – 106
Ходака Акила – 458
Ходака Павел – 285, 374, 458
Ходака Петр – 625
Хонда Илья (Илия) – 45, 153, 526, 904
Хорие Нонна – 97

- Хорие Савва – 41, 51, 54, 86, 97, 98, 113, 149, 169, 183, 388, 546, 651, 690, 691, 694, 727, 893, 894
- Хорикоси – 845, 846
- Хосино, педагог – 552
- Хосино Мария – 302
- Хосияма Игнатий – 488, 521, 861
- Хосои Вера – 228
- Хосои Павел, катихизатор – 228, 672, 753
- Хосокава Александр из Канида – 567, 568, 611, 685, 816
- Хосокава, пресвитерианский «minister» – 144
- Хосокава Николай – 168
- Хрисанф, архимандрит – 219, 279, 280, 282, 284, 285, 372, 394, 440, 678, 784, 795
- Циба Захария – 380
- Циба Роман – 6, 11, 12, 16, 18, 21, 23, 24, 40, 42, 44, 58, 64, 69–72, 83, 90, 119, 134, 137, 149, 178, 188, 189, 213, 236, 238, 239, 240, 264, 265, 272, 319, 321, 380, 387, 388, 393, 404, 413, 432, 434, 436, 437, 452, 467, 476, 480, 485, 516, 536, 615, 616, 618, 684, 691, 696, 712, 713, 722, 726, 741, 744, 747, 752, 758, 759, 769, 770, 777, 796, 811, 851, 875, 885, 904, 906, 910, 912, 913
- Циба Тимофей – 458, 488, 514
- Цуда, помощник архитектора – 413, 421
- Цуда Даниил – 496
- Цуда Павел – 163, 242, 252, 271, 310, 348, 451, 524, 531, 694, 904
- Цукиока Платон, ученик – 758
- Цунено-син Араи – см. Цуненосин Араи
- Цуненосин Араи – 125, 370, 426, 783
- Цунода Симеон – 608, 610, 737
- Цуция, писатель – 168
- Цуция Мефодий – 43, 44, 136, 138–140, 150, 151, 219, 481, 488
- Цуция Моисей – см. Цуция Мефодий
- Чагин Иван Иванович – 5
- Чибышева, вдова капитана полка – 799
- Чёого Илья – 373
- Чухнина Мария Николаевна – 570
- Шереметев Александр Дмитриевич – 791
- Шереметев Сергей Влад., лейтенант – 791
- Шереметев Сергей (Сергий) Дмитриевич, граф – 741, 791
- Шереметева Катерина Павловна – 791
- Шершевский – см. Shereshevsky
- Ширинский Михаил Иванович – 870, 871
- Шнедер, протестантский миссионер – 882
- Шоломов Тихон – 598
- Шпейер, посланник – 448
- Шпейер Анна Эрастовна – 64, 182, 448, 474, 622, 775

- Штиглиц – 527
 Шуман Р. – 663
 Эдуард VII – 640
 Эндо Мария – 662
 Эндо (Секи) Петр – 681–683, 686, 689, 692, 718
 Эндо Савва – 50, 63, 569
 Эномото, адмирал – 404
 Юаса, журналист – 562
 Ювеналий, иеромонах – 396
 Юзефович – см. Иозефович
 Юкава Матфей – 31, 65, 192, 226, 324, 335, 391, 415, 488
 Юкава Петр – 210, 262, 346
 Юкава Семен (Симеон) – 17, 18, 21, 30, 44, 66, 67, 69, 71, 77, 89, 119, 137, 155, 165, 168, 189, 210, 238, 239, 249, 254, 262, 282, 346, 370, 374, 375, 383, 387, 398, 434, 437, 441, 510, 516, 528, 538, 539–541, 544, 570, 622, 636, 690, 691, 694, 712, 715, 725, 726, 761–770, 836, 857, 865, 879, 886, 887, 888, 897, 912
 Юмура Петр – 173, 179
 Юнкер, профессор – 625
 Юуки, христианин – 207, 208, 210
 Юуки Петр – 133
 Юхара Григорий – 881
 Ябе Ольга – 782, 855
 Яги Авраам – 204, 230, 344, 356, 377
 Яги Екатерина – 136, 494, 573, 658–660, 666
 Яги Инна – 377
 Язаки, писатель – 528
 Языков, инженерный полковник – 443
 Языкова Вера – 443
 Языкова Мария – 443, 444, 446, 468
 Яковлев, рыбопромышленник – 215
 Ямагаке Петр – см. Ямагаки Петр
 Ямагаки Петр – 47, 280, 283, 290, 302–305, 306, 312, 314–317, 319, 320, 323, 324, 326, 328–331, 336, 344, 346, 347, 351, 353, 372, 406, 432, 483, 488, 496, 550, 616, 668, 685, 719, 743, 832, 883
 Ямагата, граф – 75, 81, 94, 181
 Ямагата Лука – 76
 Ямагата Павел – 516
 Ямагуци, китаец – 310, 311
 Ямагуци Иоанн – 158, 247, 266, 301, 405, 468, 488, 505, 516, 518, 562, 566
 Ямада, христианин – 694
 Ямада Василий – 63, 113, 139, 141, 263, 273, 370, 398, 475, 476, 510, 519, 523, 531, 536, 540, 558, 581, 600, 623–635, 672, 706, 718, 721, 767, 775, 776, 790, 814, 815, 837, 872, 912, 913

- Ямада Моисей – 175, 343, 358, 482, 483, 516, 700, 740, 760, 869
Ямада Павел, журналист – 43, 132, 357, 371, 393, 407, 833, 842, 893, 904
Ямада Павел, служащий – 171
Ямада Павел, старик – 148
Ямада Петр – 79, 209, 273, 384, 398, 542, 545, 562, 568, 569, 801, 881, 909
Ямазаки Васса – 465, 466
Ямазаки Виссарион – 567, 568
Ямазаки Ефрем – 465, 466, 658, 904
Ямазаки Петр – 671
Ямазаки Савва – 63, 235, 339, 340, 376, 514, 518, 567, 616, 621, 742
Ямакава – 786
Ямамура Борис – 47, 95, 105, 126, 142, 151, 168, 169, 175, 183, 204, 223, 263, 281, 282, 321, 323, 327, 328, 330, 332, 343, 344, 351, 364, 365, 391, 430, 465, 482, 483, 491, 501, 516, 520, 521, 532, 542, 560, 562, 563, 564, 577, 610, 616, 665, 760, 778, 795, 816, 859, 860, 863, 869, 898
Ямамура Стефан – 321, 327, 859
Яманака Сусанна – 654
Яманака Алексей – 35, 654
Яманоуци Илья – 165
Яманоуци Иоанн – 25, 29, 30, 430
Яманоуци Яков – 620
Ямаока, землевладелец – 506
Ямасита Ирина – 152, 630, 632, 676, 684, 739, 779, 791, 800
Ямбе Петр – 29, 415, 801
Янагита – 6
Янжул, Николай Иванович – 5, 22
Яно Марианна – 545
Янсен Елена – 97, 98, 605
Янсен Феодор – 41, 51, 54, 55, 80, 82, 97, 101, 105, 107, 113, 150, 165, 183, 277, 557, 575, 613, 711, 899
Ясуми Лука – 215, 555, 896
Яци Илья – 173, 208, 212, 214–216, 218, 219, 221, 222, 226, 227, 230, 233, 236, 315, 347, 403, 408, 502, 706, 743
Яци Софья – 215, 218, 219
Askerman, miss – 437, 438
Aoyama Gasuin – 161
Arming – 464
Awdry – 106, 159, 172, 190, 199, 200, 217, 227, 334, 338, 368, 370, 384, 388, 396, 398, 399, 402, 423, 460, 461, 463, 464, 473, 525, 573, 602, 638, 714, 755, 862, 897, 900
Awdry, mrs – 172, 217
Ballard, miss – 172
Bernett – 351
Bistrof – см. Быстров Феодор

- Brinkly – 702, 884, 885
Buck – 745
Bullard – 329, 423, 552, 636
Cary Otis – 294
Casenave, m-me – 467
Denig – 537
Dooman Isaak – 104, 108, 198
Dooman, mrs – 200
Duce – 552, 553
Eastlake – 167
Eaton Gen. Jon – 519
Fillingham – 793
Fisher (Fishor) – 211, 533
Fyson – 537
Gardiner – 190
Geil – 705, 706, 709, 710
Gleboff – см. Глебов Сергей
Gradiner, mrs – 776
Grant Heber – 503–505, 519, 530
Graves – 199
Greene – 883
Hagin – 781
Hall – 786–788
Han K. P. – 784
Harris – 459, 450
Hedenstrom Mathick de – 361
Helm V. W. – 871
Hohler – 634
Holland, miss – 867, 868, 890, 901
Hughes – 638
Hughes, miss – 640, 642, 643, 655
Jandis – 784
Jefferys Henry Scott – 359, 381, 385, 386, 770, 775, 818, 819, 886
Jones – 903
King Armine – 450, 464, 513, 687, 790, 843
Kitano – 547
Langue Pierre de – 464
Lloyd Arthur – 177, 198
Loomis – 400
MacDonald – 403
MacKim John (MacCim) – 159, 170, 190, 195, 196, 198–200, 337, 381, 398, 399, 423, 437, 438, 461, 525, 576, 602, 684, 745, 818, 821, 862, 867

MacKim, mrs – 159, 821
McCaleb – 604
Miller – 190
Moberly – 573
Mott – 342, 533
Moultanen-Sacharow – 717
Newell Horatio B. – 201, 336, 337, 529, 530
Nicolai – см. Николай, епископ
Nind – 603
Norris – 687
Palmer, miss – 191, 870
Partridge – 195, 198, 199, 202, 227, 293, 776, 806, 808
Patherson – 775
Patherson Mary – 775
Patton – 806
Petec – 767
Pettee James H. – 530
Raguet E. – 869
Ridgeli Laurence – 291
Ridley – 897
Sharpe – 450
Shereshevsky – 82, 190, 199, 200, 202, 636, 637, 756, 880
Shaw – 199, 602
Smart – 78
Spenser – 161, 167
Sweet Charles – 381, 384, 684, 793
Trollope – 513
Valley Arco – 448
Wendt – 632, 633
Williams – 74, 293, 294, 776, 808
Woodworth – 604
Wright, miss – 714

Указатель географических названий

- Asia – см. Азия
Hong-Kong – см. Гонконг
India – см. Индия
Japan – см. Япония
Kyoto – см. Кёото
Manchuria – см. Манчжурия
New York – см. Нью-Йорк
Niigata – см. Ниигата
Okayama – см. Окаяма
Osaka – см. Осака
Russia – см. Россия
San-Francisco – см. Сан-Франциско
Shanghai – см. Шанхай
Tokio – см. Токио
Tokyo – см. Токио
Yokohama – см. Иокохама
Абасири – 881, 887
Австралия – 335, 705, 709
Азабу – 129
Азия – 167, 563, 705
Айгун – 287, 322, 363
Акасака – 129, 393, 415, 593, 595
Акаси – 152, 228, 255, 332, 352, 374, 746, 852, 896
Акеси – 743
Акиака – 685
Акита – 36, 53, 273, 391, 446, 515, 541–543, 560, 580, 620, 733
Акуцу – 792, 883
Аляска – 472, 598
Америка – 125, 273, 291, 293, 360, 381, 385, 400, 426, 459, 472, 490, 503, 534, 557, 579, 613, 652, 663, 684, 783, 787, 808, 841, 871, 895
Амур – 49, 267, 270, 287, 322, 327, 330, 331, 361, 363, 903
Англия – 144, 240, 288, 369, 370, 400, 460, 464, 513, 589, 597, 636, 747, 748, 755, 785, 843, 868, 885, 900

- Аннака – 391, 411, 724, 776, 817
Аойчѐо – 393
Аомори – 96, 168, 263, 291, 520, 567, 580, 583, 823, 881
Аояма – 83, 138, 143, 412, 664, 666, 785, 786, 787
Араи – 115
Аракава – 532
Арасияма – 495, 809
Арикава – 223, 604
Архангельская губерния – 231
Асакаяма – 250, 442
Асакуса – 21, 24, 30, 44, 89, 143, 185, 228, 249, 254, 260, 374–376, 412, 464, 545, 622, 711, 761–770
Асахигава (Асахикава) – 172, 173, 460
Асахигава-мацц – см. Асахигава
Асахимацц – 26
Асикага – 540, 584, 617
Асиною – 362, 369
Асио – 581, 582, 589, 608
Атерасава – 881
Афон – 528, 770, 776, 852, 861
Аяси – 841
Балканы – 794
Банчѐ – см. Банчѐо
Банчѐо – 129, 139, 156, 681
Бато – см. Батоо
Батоо – 55, 152, 168, 177, 260, 263, 267, 308, 403, 437, 492, 493, 503, 506–508, 584, 597
Бельгия – 900
Берлин – 406
Благовещенск – 100, 164, 182, 245, 270, 283, 287, 322, 327, 331, 361, 363, 841, 842, 877
Боокосѐтоо – 539
Боосиу – 509, 841, 854, 855
Бородино – 700
Буффало – 517
Вада – 203, 204, 551, 552, 566, 719, 909
Вада-мура – см. Вада
Вакамацу – 56, 734, 745
Вакамия – 105
Вакаяма – 26, 63, 89, 93, 162, 175, 222, 228, 232, 235, 310, 332, 368, 374, 425, 627, 629, 630, 708, 761, 809, 891, 904
Вакимаци – 33, 235, 657
Вакура – 880

- Вакуя – 95, 225, 227, 348, 491
Валаамский монастырь – 861
Васильевский остров – 575
Вифлеем – 111
Владивосток – 8, 49, 54, 55, 63, 66, 67, 76, 81, 94, 117, 143, 186, 193, 196, 213, 233, 237, 263, 270, 276, 283, 291, 302, 307, 322, 397, 442, 460, 465, 544, 608, 639, 736, 746, 786, 790, 792, 814, 817, 819, 827, 915
Воодзи – 143
Гавайские острова – 459, 629
Генкай Сима – 271
Германия – 250, 308
Гефсиманский сад – 368
Гидзироку – 479
Гижиге – 737
Гиран – 539
Гирин – 435
Гокан – 50, 63, 422, 456, 458, 634
Гоморра – 427
Гонконг – 171, 258, 433, 439, 471, 696, 736, 894
Госё – 809
Готемба – 134, 156, 163, 526, 904
Готенба – см. Готемба
Греция – 410, 432, 758, 759, 878
Гундо – см. Гундоо
Гундоо – 16, 42, 43
Дальний Восток – 388, 600
Дзёоге-цудзуми – 220, 343, 348, 472, 473
Дзёогецудзуми – см. Дзёоге-цудзуми
Доогензака – 664
Дугино – 276
Дунгдиньан – 264
Европа – 46, 99, 182, 289, 298, 387, 407, 490, 534, 537, 559, 563, 571, 597, 613, 705, 787
Египет – 494, 647, 758, 759
Едо – 526, 527, 809
Екатеринодар – 457
Ецизен – 441
Ёкосука – 83
Ёнако – 566
Ёцуя – 93, 129, 681
Желтое море – 884
Житомир – 757
Ибараги-кен – 66

- Ивагасаки — 458, 845
Ивазаки — 45
Ивай — 685, 869
Ивамаци мура — см. Ивамацу
Ивамацу — 158, 247, 367
Ивамацу-мура — см. Ивамацу
Иванай — 173, 179, 820
Ивасаки — 366, 609
Иваядо — 201, 207, 209, 488, 521, 597, 861
Идзу — 34, 37, 132, 135, 136, 140, 145–147, 150, 151, 153, 154, 156, 161, 162, 170, 171, 177, 187, 348, 428, 451, 524, 543, 545, 672, 721, 726, 852
Иё — 78, 158, 451, 872
Иедо — см. Едо
Иеногава — 348
Иерусалим — 304
Иигава — 227
Иидамаци — 10
Икеда — 31, 33, 152
Инамото — 125
Индия — 65, 250, 402, 494, 515, 533, 647, 696, 786, 871, 900
Иннай — 45, 120, 227, 459, 471
Иносе — 287
Иокосука — 216
Иокохама (Йокохама) — 19, 26, 47, 58–60, 69–71, 73, 91, 92, 110, 112, 125, 126, 143, 146, 148, 171, 186, 193, 195–197, 211, 215, 230–232, 234, 238–240, 253, 258, 263, 267, 268, 273, 351, 379, 384, 388, 394, 397, 398, 400, 401, 404, 418, 427, 432–434, 443, 447, 450, 464, 465, 472, 502, 503, 525, 549, 550, 559, 567, 577, 580, 591, 610, 615, 617, 618–620, 623, 624, 631, 632, 645, 646, 652, 653, 670, 677, 696, 705, 707, 720, 736, 748, 756, 760, 768, 774, 785, 794, 816, 825, 837, 843, 847, 862, 894, 913
Ионако — 248, 520, 531, 580, 662, 801, 836, 897, 898
Иосивара — 601
Иосида — 451
Иоцуя — 678, 686, 696, 702
Иркутск — 74, 398, 594, 606, 737
Исе — 298
Исигаме — 398, 739
Исикари-куни — 460
Исиномаки — 155, 173, 174, 208, 212, 214, 215, 222, 230, 233, 236, 315, 319, 340, 347, 348, 352, 377, 403, 477, 655, 720, 724, 725
Испания — 72
Италия — 72
Ито — 348, 524, 531

- Итуруп – 866
Иудея – 277, 641, 878
Ицикисири – 206, 484
Ициносеки – 47, 132, 140, 142, 145, 169, 170, 175, 215, 223, 281, 284, 323, 343, 344, 358, 391, 465, 470, 482, 483, 491, 492, 501, 507, 514, 516, 521, 532, 542, 577, 795, 869
Ицинохе – 228
Кабато-гоори – 460, 822
Кабусато – 57, 175, 769, 877
Кавасаки – 705
Каватаби – 81, 427
Каваци – 506
Кагосима – 98, 114, 132, 267, 328, 496, 544, 549, 550, 553, 570, 595, 605, 837, 848, 859, 887, 897
Кадзуса – 58, 183, 661
Казанская губерния – 756, 811
Казань – 562, 649, 799, 833
Казоо-маци – см. Коодзимаци
Казоомаци – см. Коодзимаци
Какаицу – 149
Какегава – 77, 173, 225, 449, 534, 746
Какеока – 220
Какогава – 228, 232, 235, 374, 790, 841
Какута – 171, 220, 570, 611
Кама – 414, 473, 890
Камаиси – 189, 290, 550
Камеока – 809
Каминохиса – 821
Каминояма – 206, 207, 881
Камчатка – 215, 443, 737
Канагава – 840
Канада – 191, 446, 468
Каназава – 104, 105, 107, 108, 110, 120, 140, 141, 143, 146, 148, 317, 334, 337, 338, 340, 421, 497, 599, 659, 721, 839
Канда – 73, 111, 153, 306, 466, 581
Канеда – 168, 838, 842
Канида – 567
Каннари – 246, 379, 720, 725
Кануиса – 864
Канума – 489, 562, 565, 625, 629, 792, 898
Карасуяма – 63, 112, 113, 139, 141, 157, 164, 167, 168, 175, 226, 313, 315, 317, 451, 493, 504
Карацу – 91

Каруйзава — 44

Касивазаки — 201, 273, 302

Касивакубо — 77, 136, 218, 373, 544

Касуяма — 820

Катаока — 218, 219, 373, 452, 567

Каяма — 173

Каяно — 20, 28

Квантунская область — 775

Кега — 173, 396

Кеманай — 532

Кёобаси — 16

Кёото — 11, 46, 48–50, 52–54, 63, 73–75, 80, 81, 89, 99, 115, 142, 174, 201, 202, 206, 227, 352, 254, 255, 257, 259, 283, 291–299, 304, 309, 314, 316–318, 320, 321, 335, 355, 357, 366, 368, 377, 396, 400, 413, 416–420, 422, 425, 429, 432, 439, 447, 450, 475, 476, 484, 487, 491, 493–495, 498, 499, 502, 505, 518, 541, 561, 563, 565, 572, 573, 575, 578, 591, 592, 605, 609, 618, 623, 637, 659, 660, 662, 667, 668, 684, 710, 725, 736, 743, 750, 755, 768, 771, 772, 774, 776, 778–783, 786, 790, 791, 796, 798–802, 804–811, 817, 824, 833, 842, 843, 847, 848, 850, 854, 856, 857, 861, 863, 870, 888, 895, 912

Кесеннума — 59, 143, 340

Киев — 385, 544

Китай — 54, 71, 119, 178, 196, 202, 203, 253, 264, 266, 270, 273, 278, 288, 289, 291, 302, 310, 311, 322, 330, 336, 342, 349, 358, 360, 366, 367, 381, 382, 390, 407, 416, 434, 489–491, 533, 573, 574, 589, 612, 629, 647, 687, 702, 710, 751, 756, 786, 843, 844, 871, 880, 884, 915

Киусиу — 12, 91, 118, 143, 171, 199, 268, 282, 303, 307, 310, 317, 361, 406, 419, 441, 445, 466, 476, 549, 556, 603, 625, 668, 669, 685, 760, 867

Киццока — 333

Кобе — 22, 31, 67, 74, 81, 142, 152, 176, 203, 231, 234, 251, 253, 255, 256, 264, 397, 398, 423, 425, 443, 461, 462, 472, 491, 496, 512, 629, 767, 769, 772, 773, 774, 776, 778, 794

Коисикава — 66

Кокура — 56, 250, 468, 747

Коодзимацзи — 14, 35, 67, 71, 93, 98, 127, 129, 132, 141, 193, 196, 204, 239, 382, 384, 385, 387, 457, 528, 536, 564, 583, 598, 602, 608, 616, 638, 654, 663, 664, 669, 670, 677, 678, 681, 683, 685, 686–693, 695, 697, 698, 702, 703, 704, 706–708, 712–714, 716–718, 720–723, 728, 729, 731, 732, 734, 736, 738, 743, 746, 747, 750, 758, 766, 770, 771, 784, 786, 794, 796, 822, 834, 835, 837, 858, 862–864, 868, 872, 891, 913

Коодзу — 244, 500

Коофу — 53, 82, 86, 88, 95, 231, 405, 430, 456, 488, 492, 505, 716

Кооязан — 852

Копенгаген — 731, 740

Корея — 9, 31, 32, 47, 58, 71, 79, 103, 144, 147, 172, 192, 272, 279, 280, 393, 394, 440, 471, 490, 513, 574, 589, 634, 678, 784, 843, 848, 868, 879, 884

- Котака – 910
Котода – 228, 290
Коци – 313, 867
Кронштадт – 279
Кубанская область – 457
Кудан – 167
Кудан-зака – 548
Кумамото – 118, 361, 375, 376, 556, 625, 687, 909
Кумбецу – 283, 371
Кунайсё – 56, 171
Кунашир – 866, 896
Курдистан – 635
Курильская гряда – 79, 327, 338, 541
Курильские острова – см. Курильская гряда
Курин – 538, 539
Куроииси – 115, 142, 183, 321, 327
Куруме – 528, 625
Курури – 6, 12, 15, 16, 25, 68
Куширо – 176, 183, 283, 371, 556, 588, 630, 738, 743
Куччан – 179
Куюкусё – 250
Лейпциг – 123
Лондон – 65, 191, 410, 450, 554, 557, 589, 606, 618, 714, 844
Ляодунский полуостров – 288
Магата – 446
Маебаси – 9, 11, 13, 20, 36, 39, 44, 132, 134, 170, 205, 212, 215, 319, 356, 360, 411, 441, 482, 489, 604, 712, 754, 778, 792, 798, 817, 836, 838, 867
Маедзурю – 909
Маезава – 777
Македония – 844
Манчжурия – 217, 273, 287, 393, 429, 464, 493, 526, 544, 589, 695, 701, 702, 709, 710, 794, 814, 843, 845, 848, 863, 868, 879, 880, 884, 911, 913
Маругаме – 411
Масуда – 45, 459, 543, 571, 915, 916
Мацуда – 20, 452, 666, 768
Мацуе – 531
Мегуро – 613
Мексика – 772
Мельбурн – 710
Мидзусава – 87, 733, 883
Микато – 414
Мимато – 33
Мимоноя – 168

- Минато — 33, 162, 340, 348, 350, 556, 563, 817, 842
Минейма — 568
Мисаки — 388
Мисима — 136, 139, 156, 163, 218, 310, 349, 904
Мисуда — 609
Мита — 405
Мито — 7, 8, 15, 22, 32, 76, 88, 89, 124, 163, 179, 186, 333, 506, 508, 537, 669, 790, 791, 840, 886
Митосирачэ — 581
Миягава — 877
Мияги — 42
Миядзу — 161, 233, 248, 253–255, 421, 429, 479, 542, 545, 562, 568, 801, 881, 909
Миязаки — 42, 303, 373, 374, 620, 679, 685, 748, 749, 753, 879
Мияко — 79, 209, 856, 857
Мияконодзэ — 285, 879
Мияконодзэй — 374
Миямото — 221
Мияно — 550
Мияносита — 325, 358
Мори — 62, 163, 173, 225, 392, 659, 764
Мориока — 15, 16, 21, 22, 61, 73, 142, 190, 254, 261, 328, 330, 331, 336, 344, 346, 351, 353, 483, 484, 488, 500, 518, 668, 719, 743, 904
Москва — 394, 395, 424, 429, 447, 450, 455, 484, 493, 508, 575, 578, 597, 605, 609, 610, 613, 628, 696, 725, 736, 737, 739, 742, 743, 753, 754, 787, 792, 803, 805, 856, 888
Мотонума — 223, 428
Мохедзи — 347
Мукодзима — 617
Муроран — 164
Мюнхен — 172
Нагано — 12, 33, 364, 401, 588, 606
Нагаока — 28, 201, 211, 264, 478, 515, 525, 529, 839
Нагасаки — 52, 66, 81, 84, 105, 107, 113, 151, 185, 231, 232, 233, 245, 246, 264, 269, 270, 272, 274, 279, 290, 303, 313, 322, 382, 386, 399, 416, 456, 465, 487, 488, 519, 527, 546, 551, 556, 557, 561, 570, 574, 590, 591, 595, 596, 600, 618, 623, 628, 635, 640, 686, 725, 754, 772, 773, 784, 786, 795, 798, 799, 811, 813, 814, 824, 836, 849, 851, 871, 893, 898, 911
Нагаяма-мура — 460
Нагоя — 83, 110, 172, 176, 183, 257, 352, 406, 450, 514, 555, 611, 739, 740, 746, 810, 881, 882
Назарет — 111
Наймусэ — 132, 133
Накамурахора — 129, 155

- Наканиеда – 42, 235, 339, 348, 376, 518, 567, 616, 621, 742
Накаси́ма – 265
Накасу – 736
Накахарамура – 139
Накацу – 9, 31, 32, 65, 79, 147, 192, 226, 324, 335, 391, 407, 415, 441, 445, 488
Нанае – 423, 877, 902
Наноо – 880
Нара – 176, 217, 491, 852, 912
Нарита – 416
Нему́ро – 79, 183, 203, 213, 257, 283, 327, 346, 410, 411, 453, 476, 541, 551, 552, 556, 566, 567, 594, 609, 665, 684, 694, 719, 730, 773, 797, 829, 861, 909
Нигахама – 187
Ниигата – 201, 336, 529, 530, 900
Никко – 264, 317, 521, 527, 842
Николаев – 185
Николаевск – см. Николаевск-на-Амуре
Николаевск-на-Амуре – 66, 276, 362, 502
Ниппон – см. Япония
Нираяма – 43, 170
Нисиноура – 853, 855
Нисиура – см. Нисиноура
Нобеока – 458, 625
Новая Гвинея – 472
Ново-Киевск – 527
Ново-Мужден – 826
Ното – 880
Нью-Йорк – 170, 203, 211, 554, 606, 618, 786, 788, 821
Сахалин – 29, 213, 270, 316, 443, 858, 859
Оби – 42, 282, 303, 307, 317, 374, 545, 620, 668, 686, 887
Огава – 468, 867
Огасавара-дзима – см. Огасавара-сима
Огасавара-сима – 103, 178, 202, 455
Одавара – 6, 8, 10, 14, 19–21, 23–27, 29–41, 43, 56, 57, 67, 68, 76, 80, 89, 91, 93, 102, 104, 105, 113, 116, 118, 119, 121–123, 126–132, 134, 135, 138, 140, 142, 145–148, 150, 152–156, 159, 161–163, 168, 175, 177, 197, 218, 222, 244, 245, 249, 250, 301, 304, 305, 314, 340, 436, 452, 471, 473, 489, 500, 511, 521, 524, 555, 567, 580, 596, 604, 618, 679, 712, 740, 744, 760, 795, 817, 838, 841, 846–848, 851, 871, 872
Одесса – 60, 105, 151, 628, 695, 725, 737, 739, 743
Оита – 286
Оказаки – 188, 197, 219, 220, 240, 241, 242, 244, 252, 308, 380, 441, 519, 545, 586
Окаяма – 9, 31, 91, 154, 271, 379, 380, 481, 530, 560, 564, 603, 625, 665, 666, 668, 669, 678, 733, 767, 768, 797, 812, 853, 855, 889, 905
Окаяма-кен – см. Окаяма

- Океания – 705
Оккава – 815
Окутама – 215
Окуяма – 687, 693
Омата – 728, 883
Омигава – 543
Онгасаварасима – см. Огасавара-сима
Онгасаворадзима – см. Огасавара-сима
Ономура – 574
Оогаки – 292, 891
Оодате – 45, 431, 534, 672, 903, 904, 906, 907
Ооисо – 452, 456, 567, 672, 753
Оокайдо – 890
Оомия – 13, 39, 44, 163, 557, 776, 847, 853, 893, 909
Оомори – 329, 624
Оонсо – 405
Оосака – 20, 27, 28, 55, 67, 81, 84, 89, 142, 162, 166, 176, 199, 211, 213, 216, 217, 222, 228, 232, 235, 247, 253, 255, 256, 271, 286, 296, 309, 315, 317, 320–323, 325–327, 335, 344, 345, 350, 352, 356, 365, 368, 374, 376, 413, 419, 420, 422, 425, 450, 476, 483, 489, 495–498, 506–508, 520, 566, 570, 574, 594, 620, 626, 627, 633, 634, 655, 742, 748, 753, 755, 760, 768, 769, 782, 783, 784, 790, 809, 810, 820, 837, 847, 859–861, 867, 891, 892
Оота – 30, 32, 124, 163, 186, 251, 317, 333, 334, 337, 338, 340, 341, 344, 515, 570, 584, 622, 790, 840, 886
Оотавара – см. Одавара
Ооцу – 251
Ооцуцу – 189, 290, 550, 798, 844, 883, 896
Оою – 115, 226, 247, 377, 458, 480, 488, 492, 514, 532, 566, 581, 743, 857
Ооямада-мура – 177
Опу – 273
Осака – см. Оосака
Отака – 611, 870
Отару – 43, 169, 173, 365, 558, 619, 625, 870, 890, 910
Оцу – 75, 76, 87, 112, 118, 120–122, 132, 152, 186, 227, 230, 254, 328, 391, 415, 425, 448, 537, 592, 637, 659, 812, 911
Палестина – 125, 523, 563, 699
Парамушир – 79, 80, 162, 255, 541, 734, 797
Париж – 169, 171, 342, 446, 557, 606
Пекин – 117, 119, 216, 253, 266, 270, 273, 274, 275, 279, 283, 287, 291, 303, 325, 329, 339, 343, 467, 491, 640, 687, 701, 702, 784, 843
Перу – 772
Петропавловск – 396
Польша – 114
Порт-Артур – 47, 52, 53, 58, 66, 80, 84, 91, 113, 217, 264, 270, 289, 382, 395, 425, 442, 544, 639, 697, 698, 736, 747, 761, 794, 825, 826, 863, 868, 910

- Приамурский край – 80, 234, 331
Приамурье – 240
Приморский край – 695
Приморская область – 527
Рикиу – 818
Рим – 641, 758, 759, 793
Россия – 13, 17, 19, 22, 26, 27, 39, 41, 46, 47–52, 54–56, 63, 65, 74, 84, 85, 89, 92, 94, 97, 99, 101, 103, 105, 107, 115, 125, 126, 133, 147, 160, 162, 172, 179, 182, 184, 188, 193, 202, 205, 208, 212, 217, 220, 236, 240, 251, 253, 255, 256, 260, 264, 274, 275, 279, 283, 284, 285, 287–289, 308, 309, 311, 322, 333, 335, 349, 352, 379, 380, 382, 388, 390, 393–397, 400, 409, 410, 413, 424, 425, 427, 429, 432–435, 445, 447, 450, 455, 464, 465, 472, 480, 483, 484, 486, 493, 508, 513, 515, 525, 526, 530, 534, 541, 542, 544, 548, 553, 554, 557, 561, 563, 565, 574, 575, 577, 580, 582, 588, 589, 591, 597, 600, 602, 604–608, 610, 613, 616, 617, 619, 625, 629–634, 636, 644, 645, 672–676, 678, 680, 683, 695, 702, 705, 709, 710, 712, 724, 725, 734, 740, 747, 751, 756, 757, 759, 761, 772, 774, 778, 784, 789–791, 795, 798, 803, 810–813, 815–817, 822, 824, 831, 836, 837, 841–843, 848–850, 856, 858–861, 863, 867, 868, 871, 873, 875, 878, 880, 881, 884, 885, 889, 891–895, 898, 899, 901–903, 904, 906
Сага – 310, 495
Сайбансё – 897
Сайдзё – 78, 223, 308, 776
Сакайчёо – 402
Сакари – 134, 142, 143, 171
Сакасита – 296
Сакура – 143, 304, 516
Сакура-мура – см. Сакура
Самария – 277
Сан-Франциско – 459, 665, 770, 775, 778, 841, 895
Санбонги – 344
Санкт-Петербург – 63, 96, 107, 126, 144, 151, 159, 165, 191, 212, 217, 267, 273, 277, 343, 390, 395, 424, 431, 448, 450, 455, 493, 520, 526, 527, 534, 557, 606, 609, 610, 611, 753, 818, 831, 880, 898, 913
Саннохе – 79, 180, 367, 414, 571, 899
Сано – 142, 324, 346, 694
Санума – 256, 319, 348
Сануяма – 838
Саппоро – 43, 104, 133, 155, 232, 257, 489, 517, 678, 890
Саратов – 786
Сарово – 851
Сахара – 139, 365
Севастополь – 646
Секи-мура – 661
Сендай – 42, 50, 67, 115, 141, 171, 209, 214, 219, 291, 345, 348, 351, 352, 359, 360, 447, 457, 479, 489, 533, 537, 542, 587, 620, 637, 682, 731, 775, 815, 818, 823, 834–836, 872, 877, 882, 883, 886, 890, 894, 895, 903

- Сеноо – 154, 160, 380, 613, 620, 659, 662, 667, 668, 669, 733, 768, 775
Сеноо-мура – см. Сеноо
Сеною – 768
Сербия – 818, 844
Сеул – 219, 440, 442, 794, 795
Сиам – 647
Сибба – 265, 374, 402, 523, 602, 666, 787
Сибба-рикиу – 818
Сиббеу – 283, 371, 755, 768, 909
Сибирь – 49, 54, 63, 91, 240, 288, 343, 455, 644
Сидзуока – 43, 241, 244, 346, 352, 382, 436, 563, 768, 780, 842, 848, 852
Сидзуока-кен – см. Сидзуока
Сидней – 334
Сикоку – 56, 78, 152, 158, 223, 287, 308, 313, 411, 419, 438, 441, 451, 500, 520, 657, 665, 679, 693, 760, 776, 825, 872
Сикотан – 79, 80, 158, 162, 174, 183, 255, 283, 327, 335, 353, 377, 453, 521, 541, 556, 587, 627, 639, 701, 734, 735, 797, 824, 829, 844, 861
Симане – 531
Симбаси – 646, 652, 694
Симода – 348, 349
Симоици – 891
Симомаци – 904
Симооса – 11, 21, 24, 25, 30, 45, 57, 58, 84, 111, 141, 149, 161, 183, 221, 228, 290, 304, 330, 333, 356, 376, 406, 411, 423, 442, 478, 491, 523, 534, 554, 565, 590, 595, 614, 628, 718, 729, 749, 750, 771, 779, 871, 877, 878, 885, 902
Синано – 876
Синбаси – 129, 418
Сингапур – 611, 616
Синдай – 770
Синдзику – 54
Сиракава – 9, 34, 41, 57, 68, 78, 83, 93, 114, 220, 223, 229, 247, 248, 285, 289, 321, 426, 428, 431, 437, 489, 493, 504, 506, 508, 514, 584, 597, 621, 698, 708, 709, 715, 733, 735, 736, 761, 774, 834, 846, 847, 848
Сироиси – 171, 870
Сирокане – 787
Ситая – 254, 468, 622, 762, 766
Смоленск – 345
Согей – 215
Содом – 427
Соленого Озера город – 503
Сонобе – 295, 421, 489
Сооси – 8
Соя – 43
Средиземное море – 759

- Сретенск – 74
Сугамо – 412
Сука – 67
Сукава – 50, 456
Сукагава – 10, 41, 392, 466
Суругадай – 202, 272, 364, 432, 439, 497, 526, 618, 647, 650, 784, 811, 855
Суцу – 154, 896, 906
Таиза – 161, 421, 467, 568
Таиза-мура – см. Таиза
Таизамура – см. Таиза
Тайвань – 259
Тайнан – 539
Тайтоо – 539
Тайхоку – 538–540, 888
Тайциу – 539
Такабе – 415
Такасаки – 78, 112, 118, 152, 224, 482, 489, 754, 778, 817, 834, 835, 838, 847, 859
Такасимидзу – 33, 53, 348, 385, 455, 550, 613, 741, 845, 853, 881
Таката – 525
Такахаги – 537
Такахаси – 169
Такеда – 247, 286
Такедамаци – см. Такеда
Такеици – 120
Таку – 269, 283
Таманою – 148
Тамасава-мура – 846
Танго – 52
Тасиро – 583
Татебаяси – 164, 187, 324, 356, 371
Тега – 24, 111, 149, 178, 610, 885
Темя – 798
Тиньзин – 266
Тихий океан – 47
Тоёсакай – 442
Тоёхаси – 148, 241–244, 252, 271, 282, 310, 383, 448, 480, 550, 597, 622, 748, 806, 847
Токио – 6, 13, 16, 17, 20, 22, 24–27, 30, 33, 36, 42, 60, 63, 66, 71, 73–75, 77, 87, 91, 92, 98, 103, 107, 111, 114, 118, 121, 122, 128, 131, 133, 138–140, 143, 148–150, 153, 155, 157, 162, 163, 166, 174, 176, 177, 186, 196, 203, 209, 211, 217, 218, 221, 223, 225, 232, 236, 244, 245, 251, 254, 255, 261, 263, 264, 266, 276, 283, 284, 290, 292, 298–302, 310, 312, 314, 322, 331, 335, 336, 342, 344, 346, 347, 353, 361, 364, 370, 374, 389, 395, 401, 402, 412, 415, 419, 422, 423, 425, 427, 435, 436, 438, 439, 441, 443, 446, 448, 452, 461, 462, 465, 468, 469, 483, 486, 493, 494, 498–501, 503,

- 510, 518, 520, 522, 526, 538, 540, 541, 555, 568, 570, 584, 586, 595, 609, 616, 618, 619, 623, 625, 630, 640, 646, 648, 660–662, 665, 666, 668, 677, 678, 684, 694, 705, 706, 715, 720, 726, 733, 736, 741, 751, 753, 758, 760, 782, 783, 784, 786, 787, 790, 794, 797, 801, 803, 805, 809–811, 816–821, 852, 871, 872, 875, 877, 894, 900, 909, 912
- Токонабе – 391, 392, 449
- Токусима – 33, 110, 219, 441, 520, 685, 693, 904
- Томаимура – 449
- Тонба – 52
- Тоносава – 35, 84, 136, 147, 148, 244, 245, 286, 301, 308, 309, 400, 408, 469–471, 493, 494, 500, 508, 617, 618, 667, 854
- Тоокайдо – 391, 694, 781, 833
- Тоокёо – см. Токио
- Тоокёофу – 169, 865
- Тооно – 668, 671
- Тоса – 229
- Тосино – 391
- Триоди – 12
- Тяндзиме – см. Тяньдзин
- Тянь-цзине – см. Тяньдзин
- Тяньдзин – 266, 269, 273, 274, 278, 283, 289, 339, 358, 382, 397, 405, 717, 870
- Тяньзин – см. Тяньдзин
- Тяньцзин – см. Тяньдзин
- Тяньцзинг – см. Тяньдзин
- Увадзима – 158, 247
- Удзуми – 209, 242, 243, 835
- Уеда – 449
- Уено – 61, 77, 83, 169, 170, 210, 250, 262, 346, 366, 442, 448, 625, 626, 726, 822, 862, 881, 885
- Уеномура – см. Уено
- Урага – 238
- Усигоме – 129, 156, 479, 568
- Уссуро – 858
- Усуки – 247
- Утахе – 519
- Уцумия – см. Уцуномия
- Уцуномия – 41, 118, 121, 122, 168, 173, 226, 232, 597, 636, 637, 768, 834, 898
- Филиппины – 544
- Финляндия – 751
- Формоза – 9, 41, 258, 394, 449, 469, 507, 512, 516, 528, 538–541, 544, 556, 636, 651, 836, 857, 865, 879, 886–888, 897
- Франция – 72, 266, 751, 873, 900
- Фудзи – 18, 648, 702
- Фудзивара – 287
- Фудзисава – 15, 29, 30, 215, 835, 876

- Фудзисава-мура – см. Фудзисава
Фузе – 149, 178, 610
Фукагава – 137, 261, 825
Фукугава – см. Фукагава
Фукуока – 91, 143, 171, 228, 271, 332, 379, 406, 449, 528, 603
Фукурои – 56, 62, 92, 163, 243, 244, 479, 534
Фукусима – 76, 236, 350
Фукуяма – 271
Фунао – 149, 178, 610
Фурукава – 11, 227, 348, 427, 582
Фуса – 489
Хабаровск – 284, 331, 443, 884
Хакодате – 10, 29, 31, 36, 47, 48, 64, 77, 103, 125, 144, 160, 199, 202, 280, 283, 290, 302, 304–306, 309, 310, 312–317, 319, 320, 323, 324, 326, 328–331, 336, 340, 344, 346, 347, 351, 357, 361, 362, 364, 365, 371, 372, 378, 393, 432, 443, 454, 455, 459, 471, 476, 484, 486, 487, 515, 526, 527, 537, 559, 562, 596, 597, 604, 620, 622, 636, 654, 679, 682, 697, 739, 743, 746, 747, 768, 773, 782, 795, 814, 818, 819, 832, 856, 905, 906
Хамамацу – 241, 243, 383, 384, 396, 607, 621
Ханава – 488, 635
Ханда – 55, 158, 380, 545, 574, 685, 742, 774, 841
Ханькоу – 53, 66, 253, 311, 433, 536, 709
Хараномаци – 620
Хаха-сима – 455
Хацивоодзи – 16, 25, 29, 30, 42, 127, 307, 395, 428, 463, 786
Хацимаи – 659
Хеда – 349
Хигата – 853
Хикона-мура – 662
Химедзи – 374, 473, 730, 746, 783, 802
Хиробуци – 484, 574, 621
Хиросаки – 142, 526, 542, 560, 563, 609, 637, 730, 857, 899
Хиросима – 65, 90, 141, 166, 177, 185, 248, 291, 392, 905
Хитаци – 415
Хитоёси – 373, 374, 867, 879, 894
Хитокабе – 173, 466, 521, 861, 862
Хиуга – 466
Хокадате – см. Хакодате
Хоккайдо – 33, 43, 65, 71, 89, 104, 154, 169, 179, 206, 261, 328, 449, 455, 458, 460, 588, 619, 630, 665, 719, 755, 795, 819, 858, 868, 881, 887, 906
Хокода – 66, 67
Хокодате – см. Хакодате
Хокурокудо – 140, 179, 201, 721, 741

- Хонго – 133, 257, 762, 766, 892
Хондзэ – 29, 636, 762, 766
Хориноуци – 766
Хоромуи – 158, 172
Хоцинохе – 96, 229, 488, 816, 832, 898, 899
Царево-Кокшайск – см. Царевкокшайск
Царевококшайск – 756, 785, 811
Циба – 23, 166, 256, 719
Циба-кен – см. Циба
Циугоку – см. Циукоку
Циукоку – 29, 31, 419, 468, 473, 679, 730, 733, 781, 790, 852, 896
Цицибу – 78, 422
Цу – 296, 298
Цукигата-мура – 460, 822
Цукидзи – 104, 180, 190, 199, 227, 331, 385, 399, 400, 402, 443, 470, 507, 525, 745
Цукитате – 73, 152, 550, 845, 846
Цукугава – 261
Цуруга – 599
Цуяма – 31, 96, 120, 238, 271, 308, 316, 392, 408, 773, 812, 857, 871
Чикаго – 547
Шанхай – 91, 171, 199, 358, 390, 394, 406, 416, 433, 629, 696
Эдзире – 43
Эзо – 164, 179, 283, 566, 694, 755, 797, 822, 890
Эма – 17, 43, 136, 138, 139, 153, 156, 218, 219, 481, 488, 489, 545, 567
Эциго – 89, 211
Эциу – 494
Южная Азия – 751
Южная Африка – 493, 751
Юмото – 264, 500
Юнокава – 347
Ямагата – 91, 133, 196, 206, 207
Ямада – 194, 550, 857, 883
Ямазаки – 726
Яманака – 450
Яманаси – 82, 301, 456, 468, 635, 638, 798
Яманаси-кен – см. Яманаси
Яманоме – 47, 132, 140, 145, 169, 175, 223, 281, 284, 323, 343, 344, 358, 482, 483, 491, 501, 507, 516, 521, 532, 542, 577, 700
Ямаго – 891, 904
Янагава – 375, 376, 454
Янайбара – 188, 368, 855, 866
Янака – 61

Япония – 16, 22, 36, 46, 47, 48–52, 54, 58, 63, 65, 74, 79, 80, 87, 89, 107, 116, 117, 133, 137, 144, 150, 151, 161, 168, 172, 176, 190, 192, 199, 200, 203, 205, 227, 242, 264, 266, 267, 268, 270, 273, 280, 288, 289, 295, 308, 312, 332, 334, 335, 342, 349, 351, 393, 358–360, 364, 367, 368, 370, 378, 380–382, 388, 390, 392, 395, 409, 410, 414, 423, 424, 432, 433, 438, 442–444, 449, 452, 457, 459–462, 468, 475, 477, 480, 483, 484, 489–491, 494, 495, 503, 504, 510, 518, 526, 528, 530, 533, 534, 538, 557, 562, 563, 565, 574, 579, 589, 594, 597, 598, 600, 602, 606, 616, 619, 622, 626, 635, 638, 640–642, 650, 652, 659, 664, 668, 670, 672, 676, 682, 684, 694, 695, 697, 699, 701, 702, 709, 715, 716, 720, 722, 726, 750, 751, 753, 756, 761, 771, 776, 782, 784, 786, 789, 790, 794, 795, 799, 802, 815, 829, 830, 833, 843, 848, 849, 858, 861–863, 865, 868, 869, 871, 873, 880, 884–886, 890, 893, 898, 899, 901–904, 911, 913, 915

Яцимата-мура – 442

Яцусиро – 247

Содержание

ДНЕВНИКИ СВЯТОГО НИКОЛАЯ ЯПОНСКОГО (1899-1904)

Краткий Миссийский дневник. Продолжение (1899 год)	5
Краткий Миссионерский дневник (с 19 марта / 1 апреля 1900 года)	225
Краткий Миссионерский дневник (с 19 ноября / 2 декабря 1900 года)	364
Краткий Миссионерский дневник (с 19 августа / 1 сентября 1901)	510

ПРИЛОЖЕНИЯ

Карта Японии	919
Именной указатель	921
Указатель географических названий	958

**ДНЕВНИКИ
СВЯТОГО НИКОЛАЯ ЯПОНСКОГО**

ТОМ IV
(с 1899 по 1904 гг.)

Под редакцией
Кэнносэ Накамура

Ответственный редактор

С. В. Смоляков

Редактор

Н. Г. Лютикова

Составление указателей

О. И. Абрамович

Корректор

И. Г. Иванова

Художник

П. П. Лосев

Компьютерная верстка

О. К. Савельева

Оригинал-макет изготовлен в ООО «Терция»
191180, Санкт-Петербург, ул. Гроховая, 73, оф. 2Н
E-mail: tercia@peterstar.ru

Сдано в набор 20. 05. 2002.

Подписано в печать 1. 11. 2003.

Формат 70×100 1/16. Бумага офсетная № 1.

Гарнитура New Baskerville. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 78,69. Тираж 500 экз. Заказ 199

Лицензия ИД 03369 от 28 ноября 2000 г.

Издательство «Гиперион»

199178, Санкт-Петербург, В. О., Большой пр., 55.

Тел. +7 812 275-9855

E-mail: hyperion@mail.rcom.ru

<http://www.hyperion.spb.ru>

Отпечатано с готовых диапозитивов
в типографии ООО «Невская жемчужина»
194021, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 22

Список замеченных опечаток

страница	строка	напечатано	следует читать
199	15 снизу	Хокодате	Хакодате
200	12	подходившими	подходившим
203	5 снизу	ропщу	ропщут
216	13	просят	просются
219, 936	1, 8 снизу	Миясима	Миясина
221	17	Кахитизаторскую	Катихизаторскую
225	6 снизу	Кувобора	Кувабара
226	7	пооступить	поступить
227	7 снизу	любезность.	любезность письмом.
230	1 снизу	по-моему	по моему
235	16	бывшие	бывающие
236	18	книжками	книжками и иконками
236	8 снизу	бесталанный	бесталантный
243, 936	3, 11, 13 снизу	Муромаци	Мурамацу
243	15	Фурасака	Фурусака
245	14	оставшиеся	остающиеся
248, 948	13 снизу, 20	Таканаги	Такаги
255	12 снизу	одушевляют	одушевляют других
259	12 снизу	один	одни
260	13 (дата)	27 июня	2 июня
263	3	Первый	Церковный
264	10 снизу	Поэтому	Поэтому завтра
266	11	Мидзусима	Исайе Мидзусима
266	11 снизу	Хигаси-Хангвандзи	Хигаси-Хонгвандзи
282	9 (дата)	2/15 июня	2/15 июля
288	5, 8	пуморигаки	цуморигаки
289	12 снизу	оболожен	обложен
292	3	каталоги	каталоги библиотеки
300	9	он	оно
300	18	по виде	по виду
301	15 снизу (дата)	30 июня	30 июля
307	8 снизу (дата)	26 августа	27 августа
312	10	же не	же их не
313, 952	1, 17 снизу	Хиромици	Хиромицу
315	5	настоящее	настоящее
315	13 снизу	умилился	умилился этим
316	7 снизу	при все	при всех
319	4 снизу	выставленны	выставленных
323	1	отвечаю	отвечено
323	18 снизу	поделать	поделаешь
324	15 снизу (дата)	13 сентября	18 сентября
330	4	anniversary	Anniversary
332, 936	9 снизу, 19 снизу	Михора	Михара
334	16 снизу	NowaScotia	NovaScotia
335	12 снизу	причатник	причетник
337	15 снизу	предложено	предложено было
337	14 снизу	так, как то	так, то
345	9 снизу	инодиакон	иподиакон
349	20	representatives	representatives
354	6	количество	конечное
354, 942	19 снизу, 8	Опуки	Оцуки
355	21 снизу	Каяси	Хаяси
364	9	Негуро [?]	Негуро
373	7 снизу	кахитизатор	катихизатор
374, 965	2, 16	Мияконодзей	Мияконодзе
374	18 снизу (дата)	13/16	3/16